This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 945 720

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 – 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ОТЧЕТЪ

ОБЪ ОДИННАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

25 Сентября 1868 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
Н. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмидорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энфиджяна и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 25 коп. сер.

L Soc 3983.56
~~L Soc 3983.46~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Сентября 1869 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25-го сентября 1868 года, Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ ..... 1— 21

Разборъ сочиненія Н. Закревскаго: «Описаніе Кіева». Составилъ Академикъ И. И. Срезневскій ..... 22— 29

Разборъ изслѣдованія Г. Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты». Составилъ Академикъ П. П. Пекарскій ..... 30— 38

Разборъ сочиненія В. Сергѣевича: «Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей». Составилъ Академикъ А. Ѳ. Бычковъ ..... 39— 57

Разборъ сочиненія Г. Смирнова: «Исторія Троицкой Лаврской семинаріи». Составилъ Академикъ П. П. Пекарскій ..... 58— 64

Разборъ сочиненія Г. П. Данилевскаго: «Украинская старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія». Составилъ профессоръ М. И. Сухомлиновъ ..... 65— 71

Разборъ сочиненія О. Морошкина: «Іезуиты въ Россіи, съ царствованія императрицы Екатерины II и до нашего времени». Составилъ А. Н. Поповъ ..... 72—111

Разборъ сочиненія Г. Карпова: «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ 1462—1508 г.» Составилъ Акад. А. А. Куникъ ..... 112—117

ОТЧЕТЪ

ОБЪ ОДИННАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1868 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Соисканіе Уваровскихъ наградъ въ настоящемъ году отличалось отъ предшествовавшихъ соисканій этихъ премій бо́льшимъ числомъ участвовавшихъ въ немъ произведеній; всѣхъ представленныхъ сочиненій было четырнадцать, въ томъ числѣ одиннадцать историческихъ и три драматическія. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора, Конференція Академіи, согласно правиламъ о наградахъ графа Уварова, назначила двѣ Коммиссіи — одну для сочиненій историческихъ, другую для драматическихъ.

Первая изъ этихъ Коммиссій состояла, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ Академиковъ: Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, А. А. Куника, П. П. Пекарскаго и А. Ѳ. Бычкова. Впослѣдствіи, по случаю отсутствія г. Пекарскаго изъ Петербурга, мѣсто его въ составѣ Коммиссіи занималъ Академикъ Д. М. Перевощиковъ.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочиненіями, Историческая Коммиссія назначила для разсмотрѣнія ихъ рецензентовъ, частію изъ среды своей, частію изъ постороннихъ

ученыхъ, и пригласила ихъ доставить подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку.

По полученіи рецензій, Коммиссія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго года, одно потому, что разсматривавшій оное рецензентъ не доставилъ своего отзыва, а другое потому, что составленный, по приглашенію Коммиссіи, постороннимъ рецензентомъ разборъ признанъ Коммиссіею неудовлетворительнымъ. За тѣмъ, по прочтеніи доставленныхъ рецензій и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ девяти сочиненій, Коммиссія, въ засѣданіи своемъ 6-го сентября, единогласнымъ постановленіемъ положила *семь изъ нихъ удостоить меньшихъ Уваровскихъ наградъ* (въ 500 р. каждая).

Эти, увѣнчанныя преміями, сочиненія, суть слѣдующія:

I.

Описаніе Кіева. Сочиненіе Н. Закревскаго. Вновь обработанное и значительно умноженное изданіе, съ приложеніемъ рисунковъ и чертежей. Напечатано иждивеніемъ Московскаго Археологическаго Общества. Москва 1868 г. 2 тома in-4°.

По порученію Коммиссіи, разборъ этого сочиненія написанъ Академикомъ И. Ив. Срезневскимъ, который, въ составленной имъ рецензіи, заявилъ, что не смотря на довольно значительное число книгъ и статей о Кіевѣ и его достопамятностяхъ, русской литературѣ еще не доставало такого сочиненія, которое могло бы служить руководствомъ къ основательному ознакомленію съ древнею «матерью городовъ Русскихъ». Потребности въ такой книгѣ г. Закревскій удовлетворилъ въ первый разъ въ 1858 г., изданіемъ въ свѣтъ своего *Описанія Кіева*, которое было напечатано въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей. То было первое изданіе произведенія, которое теперь явилось во многомъ передѣланное, исправленное и обогащенное разнаго рода приложеніями.

Сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей; въ первой, названной у автора *Лѣтописью города Кіева*, представлено обозрѣніе историческихъ событій, касающихся города отъ его основанія до 1865 года; вторая заключаетъ въ себѣ *описаніе древностей и достопамятностей Кіева*, въ формѣ отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ. Въ 137 статьяхъ этого частнаго описанія, составляющихъ, по выраженію рецензента, главное содержаніе книги, помѣщено огромное количество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, замѣчаній, соображеній, критическихъ и полемическихъ объясненій касательно разныхъ урочищъ Кіева, памятниковъ старины, а также и новыхъ учрежденій, находящихся въ городѣ. Многія изъ статей, относящихся къ древностямъ Кіева, такъ полны и обширны, что ихъ можно, по замѣчанію рецензента, назвать монографіями. Особенно любопытны статьи, заключающія въ себѣ изслѣдованія о томъ, гдѣ именно было то или другое урочище, упоминаемое въ древнихъ сказаніяхъ.

Въ своемъ трудѣ авторъ вездѣ старался пользоваться лучшими источниками и пособіями, дополняя то, что находилъ въ литературныхъ источникахъ, своимъ знакомствомъ съ Кіевскими мѣстностями и собственными критическими изысканіями.

Рецензентъ замѣчаетъ, что соображеніями относительно лѣтописныхъ показаній въ связи съ нынѣ существующимъ, всего болѣе отличаются небольшія статьи «описанія»; но что, къ сожалѣнію, не о всѣхъ важныхъ предметахъ помѣщены здѣсь отдѣльныя статьи, такъ что о многихъ надобно искать свѣдѣній въ другихъ статьяхъ книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Срезневскій указываетъ на нѣкоторыя статьи, которыя, по его мнѣнію, могли бы быть исключены изъ книги, безъ ущерба для нея.

Давъ своему труду надлежащую полноту вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о древностяхъ и старинѣ, авторъ ограничился, говоря о нынѣшнемъ состояніи города, сравнительно немногими замѣчаніями. Рецензентъ, съ сожалѣніемъ указавъ на эту краткость, замѣчаетъ, что было бы лучше, если бы во второй части своего

труда, въ частномъ описаніи древностей, авторъ расположилъ статьи не въ азбучномъ, а въ систематическомъ порядкѣ, сопоставивъ памятники по мѣстностямъ, гдѣ они находятся. Кромѣ удобства для читателей, такое распредѣленіе избавило бы сочинителя отъ необходимости повторенія однихъ и тѣхъ же показаній. Сверхъ того могли бы быть опущены изъ книги всѣ полемическія замѣчанія о мнѣніяхъ и выраженіяхъ другихъ сочинителей, писавшихъ о Кіевѣ.

Въ заключеніе своего разбора, рецензентъ высказалъ убѣжденіе, что трудъ г. Закревскаго, какъ трудъ обширный и отчетливо исполненный, даетъ автору полное право на Уваровскую награду.

II.

Новиковъ и Московскіе мартинисты. Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. Москва 1867.

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ однимъ изъ членомъ Коммиссіи, Акад. Пекарскимъ, который въ своей рецензіи прежде всего указываетъ на то, что было сдѣлано до г. Лонгинова по разработкѣ избраннаго имъ предмета, и на прежнія его изслѣдованія о масонствѣ.

Появленіе у насъ масонства, его быстрые успѣхи и почти мгновенное исчезновеніе составляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи русскаго общества и просвѣщенія въ XVIII и въ первой четверти текущаго столѣтій. Между тѣмъ долгое время у насъ не было не только ни одного хотя нѣсколько обстоятельнаго изслѣдованія этого предмета, но даже изданіе матеріаловъ для такого изслѣдованія встрѣчало неодолимыя препятствія. Только въ послѣдніе годы, когда открылась возможность писать о такихъ событіяхъ русской исторіи, которыя еще недавно считались неподлежащими оглашенію, стали появляться въ разныхъ изданіяхъ статьи о русскомъ масонствѣ. Въ числѣ первыхъ обратившихся къ этому предмету съ особымъ вниманіемъ и лю-

бовью, былъ г. Лонгиновъ, который въ статьѣ, напечатанной 1857 г. подъ заглавіемъ: «Новиковъ и Шварцъ», сообщилъ нѣсколько новыхъ, еще не обнародованныхъ до того времени извѣстій. Появленіе ея въ свѣтъ послужило г. Ешевскому поводомъ заняться этимъ предметомъ: въ напечатанныхъ имъ статьяхъ мы видимъ первую попытку безпристрастной оцѣнки масонства и указанія на разныя масонскія системы, нашедшія себѣ послѣдователей въ Россіи. Пользуясь этими трудами Ешевскаго и другихъ, и собравъ самъ много новыхъ извѣстій о русскихъ масонахъ, г. Лонгиновъ издалъ отдѣльною книгою подробное изслѣдованіе о Новиковѣ и Московскихъ мартинистахъ.

Обращаясь къ содержанію этой книги, рецензентъ останавливается на нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, требующихъ, по его мнѣнію, замѣчаній и возраженій. Нѣкоторыя изъ свидѣтельствъ автора онъ дополняетъ и исправляетъ при помощи источниковъ, которые были неизвѣстны автору или изданы уже по выходѣ въ свѣтъ его сочиненія.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ сочиненія г. Пекарскій считаетъ то, что, занявшись преимущественно русскимъ масонствомъ и судьбою Новикова, авторъ недостаточно обратилъ вниманіе на значеніе масонства вообще и на его исторію въ Европѣ. Г. Лонгиновъ оставилъ въ сторонѣ нѣкоторые иностранные источники, при помощи которыхъ онъ конечно избѣжалъ бы такихъ утвержденій, которыя теперь въ его книгѣ даютъ поводъ къ основательной критикѣ.

Во всякомъ случаѣ трудъ г. Лонгинова весьма важенъ, какъ подготовительная разработка исторіи русскаго масонства. Онъ сообщилъ по этому предмету весьма много еще неизвѣстныхъ данныхъ, и оказалъ особенную услугу старательнымъ исполненіемъ библіографической части труда. Рецензентъ признаетъ, что г. Лонгиновъ, болѣе чѣмъ кто либо изъ русскихъ изслѣдователей, содѣйствовалъ къ разъясненію такихъ событій новой русской исторіи, о которыхъ до него говорили только полунамеками. Кромѣ того г. Пекарскій ставитъ въ заслугу г. Лонгинову и

то, что каждое новое розысканіе его о масонствѣ вызывало сообщенія о томъ же предметѣ другихъ изслѣдователей, такъ что въ литературѣ исторіи Русскаго масонства нельзя обойдти молчаніемъ трудовъ г. Лонгинова; ими послѣдующіе историки будутъ всегда пользоваться съ уваженіемъ и признательностію.

III.

Іезуиты въ Россіи съ царствованія Императрицы Екатерины II-й и до нашего времени. Часть I-я, обнимающая собою исторію іезуитовъ въ царствованіе Екатерины Великой и Павла I-го. Соч. М. Морошкина. С.-Петербургъ, 1867.

Постановляя приговоръ объ этомъ трудѣ, Коммиссія имѣла въ виду отзывъ о немъ А. Н. Попова, къ которому обращалась съ просьбою сообщить его мнѣніе о сочиненіи о. Морошкина, какъ къ такому писателю, который имѣлъ случай въ подробности изучить исторію іезуитскаго ордена и обогатилъ нашу литературу замѣчательнымъ изслѣдованіемъ о судьбѣ папской политики въ Россіи.

Въ доставленной имъ подробной рецензіи, г. Поповъ прежде всего указываетъ на важность предмета, избраннаго авторомъ, и на то почетное мѣсто, которое его книга должна занять въ нашей литературѣ.

Изслѣдованіе о значеніи и дѣятельности іезуитовъ въ Россіи составляетъ одинъ изъ историческихъ вопросовъ, важныхъ не для одной Россіи. Наша исторія въ этомъ случаѣ тѣсно связана съ исторіею остальной Европы и дополняетъ ее. Изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви, іезуитскій орденъ возбуждалъ къ себѣ повсюду и наибольшую преданность и наибольшую ненависть, — безусловную защиту и самыя сильныя преслѣдованія. Въ постоянной борьбѣ, торжествуя побѣды или перенося гоненія и презрѣніе, онъ прожилъ слишкомъ двѣсти лѣтъ, когда наконецъ почти всѣ латинскія по исповѣданію государства изгнали іезуитовъ изъ своихъ предѣловъ, какъ вредное тайное об-

щество. Сами папы не разъ осуждали многія дѣйствія іезуитовъ. Сикстъ V предпринималъ коренное преобразованіе ихъ ордена, Климентъ XIII намѣревался совершенно его уничтожить; но ни тотъ ни другой не успѣли осуществить своихъ намѣреній. Ихъ преемнику, Клименту XIV, выпало на долю совершить дѣло, которое навлекло на него со стороны іезуитовъ и ихъ друзей много клеветъ и порицаній, повторяемыхъ даже и въ настоящее время. Знаменитое бреве этого папы Dominus ac redemptor произнесло смертный приговоръ ордену; но іезуиты не покорились папскому рѣшенію, прекращавшему ихъ существованіе; ихъ возстаніе противъ власти, законной въ отношеніи монашескихъ орденовъ латинской церкви, нашло себѣ поддержку частію въ Пруссіи, но особенно въ Россіи. Въ Бѣлоруссіи образовалось средоточіе іезуитскаго управленія, которое, вопреки торжественно выраженной волѣ папы, не дало прерваться исторической жизни этого ордена. Россія сохранила въ своихъ предѣлахъ злѣйшаго врага православія, какъ бы для того, чтобы потомъ, по возстановленіи ордена Піемъ VII, передать его Римской церкви и католическимъ государствамъ Европы, какъ законнымъ наслѣдникамъ. Многіе пробовали объяснять это странное явленіе, но оно до сихъ поръ еще недостаточно разгадано. Чтобы объяснить его, необходимо было напередъ со всею полнотою и подробностію изслѣдовать исторію іезуитскаго ордена въ Россіи.

Такое изслѣдованіе предпринялъ о. Морошкинъ, не отступивъ предъ трудностію задачи, въ разрѣшеніи которой онъ почти не имѣлъ предшественниковъ въ нашей литературѣ. До появленія въ свѣтъ его книги, существовало у насъ только два наиболѣе замѣчательныя сочиненія, написанныя русскими учеными: *Le catolicisme Romain en Russie*, графа Д. А. Толстаго, и *Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи* Ю. Ѳ. Самарина. Но въ сочиненіи графа Толстаго, судьба іезуитскаго ордена входитъ лишь какъ одно изъ частныхъ явленій въ общую исторію римскаго католицизма въ Россіи, а сочиненіе г. Самарина преимущественно разсматриваетъ ученіе іезуитскаго ордена и только

отчасти касается его исторіи въ Россіи. Сочиненіе же о. Морошкина есть первый опытъ отдѣльнаго историческаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ. Даже простая разработка обнародованныхъ источниковъ заслуживала бы въ этомъ случаѣ вниманія; но о. Морошкинъ поставилъ себѣ болѣе широкую задачу. Свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ печатныхъ документовъ, онъ въ значительной мѣрѣ дополнилъ новыми и неизвѣстными, извлеченными имъ изъ Архивовъ Синодскаго и Государственнаго, изъ Императорской Публичной Библіотеки, и изъ нѣкоторыхъ рукописей, какъ наприм. изъ записокъ Сестренцевича-Богуша. Основательное знакомство съ иностранною литературою дало автору возможность сообщить его труду большую полноту.

Книга о. Морошкина составляетъ только первую часть предпринятаго имъ сочиненія; въ ней излагается исторія іезуитскаго ордена въ царствованіе Екатерины II-й и ея преемника. Подробно очертивъ дѣятельность іезуитовъ съ цѣлію утвердиться въ Бѣлоруссіи и пріобрѣсть расположеніе Императрицы, авторъ естественно переходитъ къ вопросу о томъ, что заставило ее принять подъ свою защиту орденъ, уничтоженный папою, и обезпечить его существованіе въ предѣлахъ Имперіи. По мнѣнію рецензента, о. Морошкину не удалось вполнѣ разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ взглянулъ здѣсь на политику Екатерины не совсѣмъ вѣрно, и не угадалъ главной причины, заставившей мудрую Императрицу покровительствовать ордену, который она и сама считала коварнѣйшимъ изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви.

Разбирая причины, которыя могли побудить Екатерину столь милостиво относиться къ іезуитамъ, авторъ останавливается на принятомъ ею общемъ началѣ вѣротерпимости въ государствѣ, на трактатѣ 13-го сентября 1773 года, по которому обѣ участвовавшія въ первомъ раздѣлѣ Польши державы, Пруссія и Россія, обязались сохранять въ присоединяемыхъ къ нимъ областяхъ status quo латинской церкви, на убѣжденіи Императрицы въ пользу іезуитовъ, какъ воспитателей юношества, и наконецъ

на взглядѣ ея на нихъ, какъ на орудіе для утвержденія ея власти въ областяхъ, присоединенныхъ и еще долженствующихъ быть присоединенными къ ея державѣ отъ Польши. Однѣ изъ этихъ причинъ о. Морошкинъ признаетъ дѣйствительными, а другія отвергаетъ; но все-таки въ его книгѣ Екатерина представляется какъ бы измѣнившею въ отношеніи іезуитовъ своей обычной политической мудрости и попавшею въ сѣти ихъ происковъ. По мнѣнію рецензента, съ такимъ заключеніемъ нельзя согласиться. Съ первыхъ такъ сказать дней своихъ отношеній къ папскому престолу, Екатерина ясно выразила основныя начала своей политики, которыми и руководствовалась постоянно. Не препятствуя своимъ подданнымъ католическаго исповѣданія признавать папу главою ихъ церкви, она сразу устранила всякое его вмѣшательство въ дѣла, не имѣющія прямаго отношенія къ духовной его власти, и строго удерживала за собою такъ называемое право exequatur относительно всѣхъ распоряженій римскаго двора. Эти начала, изъ-за которыхъ впрочемъ въ большей или меньшей степени боролись съ папою всѣ государства Европы, Екатеринѣ приходилось защищать съ особою энергіею, какъ представительницѣ народа, исповѣдующаго вселенское православіе, и слѣдовательно какъ представительницѣ правъ этой церкви въ отношеніи къ иновѣрческимъ державамъ. Такой политикѣ рукоплескали іезуиты и защищали ее въ своихъ сочиненіяхъ предъ лицемъ папства и латинской Европы. Они защищали ихъ не изъ одного угодничества свѣтской власти, какъ доказывалъ Римъ, но и на основаніи тѣхъ ученій, которыя они проповѣдывали въ то время. Эти ученія и были главною причиною покровительства Екатерины іезуитамъ. Установленіе латинской церкви въ Россіи, самостоятельной и независимой въ политическомъ отношеніи отъ Рима, хотя и признающей высшую духовную власть его, составляло цѣль, къ которой стремились всѣ дѣйствія Екатерины, а достиженію этой цѣли въ сильной степени содѣйствовали іезуиты распространеніемъ своего тогдашняго ученія о силѣ распоряженій папы сравнительно съ силою соборныхъ постановленій и

о значеніи епископской власти. При всемъ томъ, Екатерина знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; въ послѣдніе годы ея царствованія, когда благодаря ея твердости, Римскій дворъ былъ принужденъ сдѣлать ей важныя уступки, она признала необходимымъ нѣсколько стѣснить свободу іезуитскаго ордена, не дозволивъ ему избрать генерала и строже подчинивъ его митрополиту Сестренцевичу, ревностному помощнику ея въ исполненіи ея плановъ въ отношеніи къ устройству латинской церкви въ Россіи. Къ несчастію, эти планы рушились со смертію Екатерины. Царствованіе Императора Павла представляетъ постоянную борьбу іезуитовъ съ Сестренцевичемъ. Она подробно и обстоятельно изложена въ сочиненіи о. Морошкина, на основаніи новыхъ и неизвѣстныхъ доселѣ источниковъ. Эта борьба, какъ извѣстно, кончилась тѣмъ, что Сестренцевичъ былъ удаленъ изъ Петербурга, а іезуиты захватили въ свои руки все управленіе латинской церкви въ Россіи. Съ тѣхъ поръ ихъ замыслы широко распространились на всю Имперію. Дальнѣйшая судьба іезуитскаго ордена въ нашемъ отечествѣ должна составить предметъ слѣдующаго тома сочиненія о. Морошкина, и можно надѣяться, что этотъ томъ будетъ также богатъ сообщаемыми фактами и занимателенъ по изложенію.

IV.

Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. Историческіе очерки В. И. Сергѣевича. Москва 1867 г.

Избранный Коммиссіею рецензетъ этого сочиненія, Академикъ А. Ѳ. Бычковъ, въ представленной имъ рецензіи, свидѣтельствуетъ, что трудъ г. Сергѣевича является весьма полезнымъ пріобрѣтеніемъ для науки. Предпринявъ изслѣдованіе предмета, котораго касались всѣ наши историки, отъ Татищева до г. Соловьева, и многіе изслѣдователи исторіи русскаго государственнаго права, авторъ ограничился лишь нѣкоторыми сторона-

ми предмета и оставилъ въ сторонѣ судоустройство, находящееся въ тѣсной связи съ судопроизводствомъ, а также нѣкоторыя отрасли административной дѣятельности.

Первая часть сочиненія г. Сергѣевича посвящена государственному устройству. На основаніи извѣстій, сохранившихся въ лѣтописяхъ, онъ представляетъ довольно полную картину возникновенія вѣча, его распространенія и прекращенія. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, суть слѣдующіе: участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявлялось въ вѣчѣ, которое не было создано княжескою властью, но составляло первоначальную форму быта, такъ какъ въ лѣтописяхъ находятся свидѣтельства о существованіи вѣча еще до призванія Рюрика; оно было не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ городахъ второстепеннаго и третьестепеннаго значенія. Всеобщность и необходимость вѣча обусловливались слабостію въ то время княжеской власти, которая должна была часто искать опоры въ народѣ. По мѣрѣ же того, какъ князь становился болѣе и болѣе независимымъ отъ народной воли, народныя собранія выходили изъ употребленія, какъ ненужныя, и въ концѣ княжескаго періода исчезаютъ послѣдніе слѣды вѣчеваго устройства. Начало ослабленію вѣча положено татарскимъ погромомъ, а причину окончательнаго его паденія слѣдуетъ искать въ измѣнившихся отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю и въ объединеніи Россіи въ Московское государство. Эти выводы, по мнѣнію рецензента, за нѣкоторыми ограниченіями, вполнѣ справедливы, равно какъ и замѣтка г. Сергѣевича, что новые сѣверовосточные города не отличались своимъ устройствомъ отъ старыхъ, и что не въ отсутствіи въ нихъ вѣча слѣдуетъ искать причины образованія на сѣверовостокѣ Россіи новаго порядка вещей. Можно замѣтить только одно: такъ какъ вѣче по большей части устроивалось случайно, силою обстоятельствъ, то едва-ли можно смотрѣть на него, вмѣстѣ съ авторомъ, какъ на необходимую форму правленія. Сверхъ того, нѣкоторыя приводимыя г. Сергѣевичемъ лѣтописныя извѣстія въ подкрѣпленіе той мысли, что

вѣче существовало во всѣхъ городахъ древней Руси, истолкованы имъ произвольно.

Разсмотрѣвъ пространство и время, въ предѣлахъ которыхъ существовалъ вѣчевой бытъ, авторъ переходитъ къ устройству вѣчевыхъ собраній, къ вѣчевымъ порядкамъ и къ предметамъ вѣдомства вѣча. Упомянувъ при этомъ объ ограниченіи права дѣтей участвовать при жизни отцевъ въ народныхъ собраніяхъ, онъ естественно долженъ былъ коснуться значенія слова «родъ», занимавшаго одно время такъ много нашихъ ученыхъ. Г. Сергѣевичъ думаетъ, что въ историческую эпоху Рюриковичей родъ не существовалъ, какъ учрежденіе съ опредѣленными правами и обязанностями его членовъ. Это мнѣніе и вообще все сказанное авторомъ о значеніи слова родъ, г. Бычковъ считаетъ вполнѣ вѣрнымъ и убѣдительнымъ. Столь же справедливо возраженіе автора тѣмъ ученымъ, которые дѣлятъ народныя собранія на законныя, или правильныя, и на неправильныя, или самовольныя. Что же касается до утвержденія г. Сергѣевича о ненаслѣдственности извѣстнаго достоинства въ слояхъ населенія въ продолженіе княжескаго періода, то такое утвержденіе нельзя принять безъ нѣкотораго ограниченія. Нельзя также вполнѣ согласиться съ авторомъ въ томъ, будто бы дѣти при живыхъ родителяхъ лично не участвовали въ вѣчѣ. Наконецъ, принимая за вѣче всякое народное собраніе, имѣющее своимъ предметомъ общественныя дѣла и желающее, чтобы его мнѣніе было принято всѣмъ остальнымъ народомъ, авторъ заходитъ слишкомъ далеко и причисляетъ къ вѣчамъ всѣ сходки, или совѣщанія дружины во время похода, и совѣты, ею подаваемые относительно военныхъ дѣйствій, принимаетъ за участіе народа, приписывая ему такимъ образомъ распоряженіе ходомъ войны.

Отдѣлъ своего труда, посвященный вѣчевому устройству, авторъ оканчиваетъ объясненіемъ отношеній князя къ вѣчу. Вообще этотъ отдѣлъ, по отзыву рецензента, особенно любопытенъ: столь подробнаго и осмотрительнаго изслѣдованія о вѣчѣ до сихъ поръ еще не было въ нашей литературѣ. Заслуга г. Сергѣе-

вича заключается не только въ собраніи матеріаловъ, сколько въ строгой ихъ группировкѣ и въ извлеченіи изъ нихъ выводовъ, проливающихъ свѣтъ на наше отдаленное прошлое.

Еще выше въ этомъ отношеніи тѣ главы его книги, въ которыхъ говорится о взаимныхъ отношеніяхъ князей и о порядкѣ распредѣленія волостей между ними. Въ исторіи княжескихъ отношеній авторъ видитъ не болѣе, какъ исторію договоровъ. Съ этой новой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ вопросы: кому изъ князей принадлежало право вступать въ договоры, порядокъ совершенія договоровъ, ихъ виды, содержаніе договорнаго права, средства для обезпеченія силы договоровъ и способъ ихъ уничтоженія. Огромное число свидѣтельствъ о договорахъ распредѣлено имъ въ трехъ группахъ: къ первой отнесены свидѣтельства о существованіи договорнаго права между родными братьями; ко второй — между дядьями и племянниками первыхъ двухъ степеней, къ третьей — между родственниками, болѣе отдаленными. Содержаніе договоровъ первой категоріи г. Сергѣевичъ разсмотрѣлъ весьма старательно; онъ свелъ вмѣстѣ всѣ встрѣчающіяся въ нихъ характеристическія условія, формулы, термины, и представилъ ихъ въ отчетливомъ очеркѣ. Отъ изложенія способовъ обезпеченія силы договоровъ, онъ переходитъ къ княжескимъ отношеніямъ, и историческій обзоръ этихъ отношеній дѣлитъ на 9 періодовъ, принявъ въ основаніе поколѣнное различіе Рюриковичей. Такое дѣленіе весьма удобно; оно наглядно знакомитъ, въ каждомъ періодѣ, обнимающемъ не слишкомъ большой промежутокъ времени, со всѣми отношеніями, существовавшими между болѣе важными князьями-современниками.

Такъ какъ выводы о взаимныхъ отношеніяхъ князей, полученные изъ источниковъ, по тщательномъ ихъ разсмотрѣніи, оказались противорѣчащими мнѣнію о родовомъ бытѣ князей, то г. Сергѣевичъ долженъ былъ подвергнуть это мнѣніе критическому разбору. Возражая г. Соловьеву, одному изъ главныхъ защитниковъ родоваго быта, полагающему, что родъ князей Русскихъ, не смотря на свое развѣтвленіе, представлялъ одну семью,

главою которой былъ старшій князь, авторъ объясняетъ, что такое мнѣніе вызвано во-первыхъ нѣкоторыми выраженіями источниковъ, взятыми отрывочно, безъ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, и во-вторыхъ тѣмъ, что частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты за обычай родоваго быта. Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію доводовъ, которыми подкрѣплялось мнѣніе о родовомъ бытѣ, и доказываетъ ихъ несостоятельность. Этотъ строго ученый, отчетливый разборъ мнѣнія, которое и въ настоящее время имѣетъ еще многихъ сторонниковъ, заслуживаетъ, по мнѣнію рецензента, полной похвалы.

Но если вышеупомянутое мнѣніе не выдерживаетъ критики, если въ отношеніяхъ князей не господствовало родовое начало, то какъ же совершался переходъ столовъ отъ одного князя къ другому? Отвѣтъ г. Сергѣевича съ перваго взгляда поражаетъ своею новизною и неожиданностію; но по внимательномъ его обсужденіи приходится согласиться со многими изъ выводовъ автора. «Княжеская Россія, говоритъ онъ, не знала законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, а *«добывались.»* Это добываніе происходило чрезъ занятіе, захватъ, добровольную уступку и впослѣдствіи чрезъ утвержденіе ханскимъ ярлыкомъ. Подтвержденія тому, что столы добывались, г. Сергѣевичъ находитъ во всей исторіи княжескаго періода, не смотря на то, что области, какъ извѣстно, доставались князьямъ по наслѣдству и что есть много случаевъ наслѣдованія по старшинству. Г. Сергѣевичъ не отрицаетъ этого факта, но старается ограничить его всеобщность и въ то же время показать, отъ какихъ обстоятельствъ онъ зависѣлъ. Впрочемъ, по замѣчанію рецензента, онъ поступилъ бы правильнѣе, если бы наслѣдованію волостей далъ въ своемъ трудѣ первое мѣсто, а начало добыванія поставилъ въ связь съ наслѣдованіемъ, какъ его ограниченіе или какъ исключеніе изъ него.

Вторая часть книги г. Сергѣевича обнимаетъ собою управленіе Руси при князьяхъ; въ ней говорится о правительственномъ

дѣленіи, объ органахъ управленія и наконецъ о войскѣ. И здѣсь, какъ и въ первой части, авторъ изслѣдуетъ свой предметъ съ любовью и знаніемъ, хотя иногда и впадаетъ въ увлеченіе и ошибки. Такъ «потугъ» онъ считаетъ однимъ изъ мелкихъ дѣленій волости, тогда какъ это слово означаетъ повинности, въ каковомъ смыслѣ и употребляется въ грамотахъ; такъ онъ не довольно основательно возстаетъ противъ названія одного изъ періодовъ нашей исторіи удѣльнымъ только потому, что это названіе заимствовано отъ одного изъ способовъ пріобрѣтенія княженій и при томъ несамостоятельнаго и далеко не господствовавшаго въ то время. Разсматривая управленіе и его органы, онъ представляетъ нѣсколько новыхъ соображеній, изъ которыхъ съ иными нельзя вполнѣ согласиться, какъ напр., что на войнѣ князь обыкновенно первый начиналъ бой, что въ составъ отроковъ и дѣтскихъ входили рабы, что наименованіе «милостивникъ» было отличительнымъ для служилыхъ людей, что посадники при первыхъ князьяхъ избирались преимущественно изъ Варяговъ и т. п.

Впрочемъ недостатки книги г. Сергѣевича не уменьшаютъ достоинствъ его труда, которыя вообще состоятъ въ близкомъ знакомствѣ автора съ источниками, въ богатствѣ собранныхъ имъ данныхъ, во внимательномъ его отношеніи къ предмету, въ ясномъ и своеобразномъ разъясненіи многихъ вопросовъ и, наконецъ, въ ровномъ и спокойномъ тонѣ изложенія.

V.

Исторія борьбы Московскаго Государства съ Литовско-Польскимъ 1462 — 1508. Соч. Геннадія Карпова. 2 части. Москва. 1867 г.

Разборъ этого сочиненія составленъ Академикомъ А. А. Куникомъ, котораго отзывъ, въ сущности, заключается въ слѣдующемъ: трудъ г. Карпова есть диссертація, написанная для полученія званія магистра; при ограниченности ея объема, она конечно не исчерпываетъ столь обширнаго о важнаго предмета

тѣмъ не менѣе г. Карповъ оказалъ немаловажную услугу наукѣ, разъяснивъ многое въ исторіи борьбы Москвы съ Литвою въ избранный имъ періодъ времени, и показавъ, какія измѣненія могутъ еще испытать наши свѣдѣнія о сношеніяхъ Московской Руси съ иностранными державами въ XV и XVI столѣтіяхъ. То, что до сихъ поръ было написано о томъ же предметѣ польскими авторами наприм. Лелевелемъ, Голембіовскимъ, Бартошевичемъ, Нарбутомъ и Галицко-Польскими историками, оказывается недостаточнымъ, потому что эти писатели не имѣли возможности, подобно г. Карпову, ознакомиться съ русскими статейными списками въ полномъ ихъ объемѣ. Начало и ходъ борьбы Москвы съ Литовско-Польскимъ государствомъ съ 1462 по 1508 годъ, описаны Щербатовымъ, Карамзинымъ, Арцыбашевымъ и Соловьевымъ несравненно лучше, чѣмъ названными польскими писателями; но наши историки не имѣли въ виду описать и характеризовать всѣ фазы этой борьбы съ такою подробностію, какъ это сдѣлано г. Карповымъ.

Отзываясь одобрительно о сочиненіи г. Карпова, рецензентъ обратилъ вниманіе и на нѣкоторые недостатки его. Къ ихъ числу онъ относитъ неполноту и неясность описанія нѣкоторыхъ событій, и слишкомъ преждевременный общій выводъ изъ изслѣдованія, изложенный въ концѣ послѣдней главы сочиненія. Но самый важный недостатокъ труда г. Карпова г. рецензентъ видитъ въ отсутствіи библіографическаго обозрѣнія источниковъ, которыми пользовался авторъ. Читателю приходится прослѣдить все сочиненіе, чтобы составить себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе. Между тѣмъ критическая оцѣнка источниковъ, важная въ каждой исторической монографіи, въ настоящемъ случаѣ была особенно необходима. Самъ авторъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего труда, утверждаетъ, что главный источникъ для исторіи Московско-Литовской борьбы съ 1487 г. заслуживаетъ предпочтенія передъ подобнымъ же Литовскимъ источникомъ, т. е. что русскіе статейные списки о Литовско-Польскихъ дѣлахъ несравненно богаче и достовѣрнѣе тогдашнихъ статейныхъ списковъ Литовской

метрики. Это мнѣніе г. Куникъ признаетъ справедливымъ; но необходимо, чтобы оно было отчетливѣе доказано въ особой главѣ. Г. Карповъ тѣмъ болѣе долженъ былъ это сдѣлать, что онъ внимательно изучилъ весь составъ дошедшихъ до насъ статейныхъ списковъ разсматриваемаго имъ періода, тогда какъ они до-сихъ-поръ изданы лишь въ видѣ отрывковъ и слѣдовательно читатель не можетъ самъ составить себѣ понятіе объ ихъ достоинствѣ. Къ тому же, замѣчаетъ г. Куникъ, статейными списками, какъ и многими другими оффиціальными документами, должно пользоваться съ осмотрительностію.

Кромѣ рукописныхъ статейныхъ списковъ, г. Карповъ пользовался и другими источниками, преимущественно русскими. Съ источниками на другихъ языкахъ онъ по видимому менѣе знакомъ, а между тѣмъ въ нихъ нашлись бы указанія, полезныя для всесторонняго изученія предмета.

VI.

Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи. Сочиненіе С. Смирнова. М. 1867.

Академикъ Пекарскій, разсмотрѣвъ это сочиненіе, представилъ разборъ, который послужилъ для Коммиссіи основаніемъ для ея приговора объ этомъ твореніи.

Г. Смирновъ уже извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ полезными трудами, занявшими почетное мѣсто въ числѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Одно изъ главныхъ его сочиненій, *Исторія Московской Духовной Академіи*, было удостоено Демидовской награды. Изданіемъ нынѣ *Исторіи Троицко-Лаврской Семинаріи* авторъ пріобрѣлъ новое право на признательность со стороны всѣхъ занимающихся отечественною исторіею.

Троицкая Лаврская Семинарія, учрежденная въ 1738 году, и дѣйствительно открытая только въ 1742 году, есть одно изъ

главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Поставленная на высокую степень въ пятидесятилѣтнее управленіе ею Платона, ректора Семинаріи, архимандрита Лавры и Митрополита Московскаго, она и по числу питомцевъ, получившихъ въ ней свое образованіе, и по устройству своему, которымъ она обязана попеченіямъ знаменитаго Московскаго іерарха, и наконецъ по своей исторіи, въ которой отражаются столь многія черты времени, достойна занять почетное мѣсто въ общей картинѣ историческаго хода образованія въ Россіи. Услуга, оказанная г. Смирновымъ наукѣ изданіемъ исторіи означенной Семинаріи, тѣхъ важнѣе, что безъ предварительной разработки подобныхъ монографій было бы невозможно будущимъ писателямъ начертать полную исторію просвѣщенія въ Россіи. Тѣ, которымъ извѣстны прежніе труды г. Смирнова, знаютъ съ какимъ трудолюбіемъ, любовью и основательностію онъ относится къ предметамъ, которые онъ избираетъ для своихъ ученыхъ трудовъ. Эти качества, по отзыву рецензента, мы находимъ и въ книгѣ, которая нынѣ признана достойною Уваровской награды. Собравъ съ большимъ стараніемъ все, что можно было найдти въ источникахъ для изображенія разныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ учрежденіе Семинаріи, первоначальной ея судьбы, времени управленія ею Митрополита Платона и пр., г. Смирновъ представилъ весьма полную картину внутренняго и внѣшняго быта этого учрежденія за всѣ 130 лѣтъ его существованія. Трудъ г. Смирнова былъ тѣмъ значительнѣе, что всѣ матеріалы для своей книги онъ долженъ былъ заимствовать почти исключительно изъ рукописныхъ источниковъ.

VII.

Украинская старина. Матеріалы для исторіи Украинской литературы и народнаго образованія. Г. П. Данилевскаго. Харьковъ. *1866 г.*

Трудъ г. Данилевскаго былъ, по приглашенію Академіи,

разсмотрѣнъ профессоромъ здѣшняго университета М. И. Сухомлиновымъ.

Авторъ, поставивъ себѣ задачею изображеніе Украинскаго быта, предпринялъ для этого въ Харьковѣ изданіе особаго сборника, и первый выпускъ его, представленный на судъ Академіи, посвятилъ народному образованію и образованности; въ этомъ выпускѣ помѣщены обзоръ жизни и трудовъ трехъ замѣчательныхъ Украинскихъ дѣятелей: Сковороды, Каразина и Квитки Основьяненка, и статья о народныхъ школахъ въ Харьковской губерніи. Въ статьѣ о Сковородѣ авторъ, пользуясь печатными и нѣкоторыми рукописными источниками, изображаетъ современное состояніе общества и образованности и разъясняетъ личность малороссійскаго философа, характеръ его сочиненій и способъ изложенія. Въ концѣ статьи приложены указатели печатныхъ статей Сковороды, его неизданныхъ сочиненій и статей о немъ.

Обозрѣніе дѣятельности В. И. Каразина, одного изъ главныхъ двигателей въ дѣлѣ учрежденія Харьковскаго университета, составлено при помощи указаній, заключающихся въ произведеніяхъ самого Каразина и въ его біографіи, составленной сыномъ его, а также полученныхъ отъ стариковъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Каразинымъ. Авторъ передаетъ одно за другимъ извѣстія, заимствованныя изъ различныхъ источниковъ, и въ заключеніе сообщаетъ списокъ сочиненіямъ Каразина съ 1807 по 1842 годъ, съ краткимъ указаніемъ содержанія главнѣйшихъ изъ нихъ.

Для статьи объ Основьяненко авторъ руководствовался также печатными и рукописными матеріалами; въ приложенномъ къ ней спискѣ сочиненій Основьяненка онъ исчислилъ какъ то, что напечатано при жизни и по смерти автора, такъ и то, что до сихъ поръ остается неизданнымъ. Рецензентъ считаетъ особенно заслуживающими вниманія приводимыя здѣсь свѣдѣнія о первыхъ временахъ существованія Харьковскаго университета.

Въ статьѣ о Харьковскихъ народныхъ школахъ г. Данилев-

скій сообщаетъ данныя, относящіяся къ періоду времени съ 1732 по 1865 годъ. Такой продолжительный періодъ, при сравнительно небольшомъ объемѣ статьи, не могъ быть изображенъ съ достаточною подробностію, и авторъ ограничился только нѣкоторыми чертами. Впрочемъ сообщенныя имъ свѣдѣнія, особенно заимствованныя изъ живыхъ источниковъ, заслуживаютъ, по мнѣнію рецензента, вниманія. Сверхъ того онъ пользовался архивомъ Харьковскаго университета, дѣлами Харьковскаго статистическаго комитета и ревизіоннаго отдѣленія казенной палаты. Авторъ имѣлъ въ рукахъ около семи сотъ отзывовъ городскаго и сельскаго духовенства по вопросу о школахъ; кромѣ того онъ посѣтилъ около ста селъ и деревень, собирая свѣдѣнія отъ священниковъ, учителей и крестьянъ. Г. Сухомлиновъ изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что авторъ мѣстами придалъ своему очерку литературную форму замѣтокъ, приличную болѣе повѣстямъ, нежели статистическому отчету о путешествіи. Другой, по мнѣнію рецензента, недостатокъ, замѣтный и въ прочихъ статьяхъ книги г. Данилевскаго, состоитъ въ томъ, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія не приведены въ стройное цѣлое, и по большей части отрывочны; между ними не всегда существуетъ внутренняя связь; авторъ не затрудняется приводить извѣстія и не прямо идущія къ дѣлу, если только считаетъ ихъ любопытными въ какомъ либо отношеніи.

Въ соисканіи Уваровскихъ наградъ за драматическія произведенія въ настоящемъ году участвовали три пьесы. Разсмотрѣніе ихъ и произнесеніе о нихъ приговора было возложено Конференціею Академіи на особую Коммиссію, состоявшую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, В. В. Вельяминова-Зернова, П. П. Пекарскаго, В. П. Безобрава и А. Ѳ. Бычкова. Впослѣдствіи, по причинѣ отсутствія гг. Вельяминова-Зернова, Пекарскаго и Безобразова изъ

Петербурга, ихъ мѣсто въ составѣ коммиссіи заступали Н. Г. Устряловъ, А. А. Куникъ и Д. М. Перевощиковъ.

Ознакомившись съ переданными на ея разсмотрѣніе произведеніями, Коммиссія поручила одному изъ своихъ членовъ, А. В. Никитенко, составленіе рецензій. По выслушаніи ихъ, Коммиссія приступила къ окончательному сужденію о томъ, въ какой степени каждая изъ конкурсныхъ пьесъ соотвѣтствуетъ условіямъ, начертаннымъ въ правилахъ о раздачѣ наградъ за драматическіи произведенія. При этомъ Коммиссія нашла, что ни одно изъ этихъ сочиненій не представляетъ собою той совокупности достоинствъ, которая давала бы право признать ее заслуживающею преміи. Поэтому Коммиссія единогласно постановила, что нѣтъ повода присудить кому либо въ нынѣшнемъ году награду за драматическое произведеніе.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Коммиссія сочла долгомъ заявить публично свою признательность гг. постороннимъ рецензентамъ за содѣйствіе, оказанное ими Академіи составленіемъ разборовъ конкурсныхъ сочиненій; двумъ изъ нихъ, А. Н. Попову и Е. Е. Голубинскому, она присудила золотыя Уваровскія медали.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Н. ЗАКРЕВСКАГО:

«Описаніе Кіева». Москва, 1868 г.

Составленный Академикомъ И. И. Срезневскимъ.

Книгъ и статей о Кіевѣ и его достопамятностяхъ издано не мало; болѣе всего—книгъ и книжекъ, предназначенныхъ для богомольцевъ. Въ ихъ числѣ надобно поставить, какъ болѣе другихъ замѣчательныя: «Памятникъ Кіевскій» И. Максимовича; «Указатель святыни и священныхъ достопамятностей Кіева», изданный Лаврою; «Кіевъ и его святыня» Н. Муравьева; «Кіевъ и его святыня» П. Сементовскаго. Есть много и статей объ отдѣльныхъ предметахъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Трудовъ съ ученымъ значеніемъ не малаго объема всего менѣе, но есть и они: есть «Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіево-печерской Лавры», митрополита Евгенія, есть «Обозрѣніе Кіева», изд. г. Фундуклеемъ», есть «Монастыри и церкви Кіева» г. Похилевича и нѣк. др. Есть и изданія видовъ Кіева и разныхъ его памятниковъ и достопамятностей. Есть многое, и все-таки нѣтъ о Кіевѣ такой общей книги, которая, будучи пригодна и для образованнаго богомольца, была бы вмѣстѣ съ тѣмъ пригодна и вообще для всякаго образованнаго читателя, желающаго познакомиться съ достопамятностями Кіева сколько-нибудь основательно. Такой книги нѣтъ или, лучше сказать, не было до тѣхъ поръ, пока не вышелъ въ свѣтъ въ 1858 году, въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ — трудъ Н. И. Закревскаго: «Описаніе Кіева». Это было первое изданіе того самаго произведенія, которое спустя десять лѣтъ явилось теперь вновь, во многомъ передѣланное, исправленное, увеличенное, обогащенное разнаго рода приложеніями. Оно не уничтожаетъ собою достоинствъ прежде изданныхъ трудовъ; но и по умѣнью сочини-

теля пользоваться тѣмъ, что было сдѣлано другими, и по его разнообразной приготовленности къ дѣлу и начитанности вообще, и по желанію сдѣлать сколько возможно болѣе и лучше, и по разнообразію содержанія, стоитъ выше всѣхъ.

Трудъ этотъ по содержанію раздѣленъ сочинителемъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, можно сказать, вступительная, заключаетъ въ себѣ «лѣтопись города Кіева», вторая — «общее описаніе Кіева» и «частное описаніе его древностей и достопамятностей».

Въ первой части (стр. 1—133) представлено обозрѣніе разнаго рода событій, касающихся Кіева, «отъ неизвѣстныхъ временъ его основанія до 1865 г.» Оно раздѣлено на четыре періода, между которыми промежуточными событіями взяты: принятіе христіанства въ 988 г., нападеніе Батыя въ 1240 г., и возвращеніе Кіева подъ Россійскую державу въ 1667 г. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочинитель почелъ нужнымъ вставить въ свой разсказъ разнаго рода замѣчанія и выписки, каковы напр. о Повѣсти временныхъ лѣтъ (стр. 16—20), пересказъ грамоты 1494 г. (стр. 30—32), грамоты 1497 г. (стр. 32—36), выписки изъ Боплана о Кіевѣ (стр. 25—46), изъ Росписи Кіеву 1682 г. (стр. 61—63), замѣчанія о Кіевской типографіи и патерикѣ (стр. 71—73), выписки изъ записокъ старца Леонтія о Кіевѣ (стр. 76—80), изъ записокъ доктора Лерхе о Кіевѣ (стр. 86—94), изъ дневника о посѣщеніи Кіева в. к. Павломъ Петровичемъ (стр. 95—99), изъ записокъ о пребываніи въ Кіевѣ Екатерины II (стр. 101—111), свѣдѣнія о пѣвцѣ Веделевѣ (стр. 113—114), и т. д.

Въ общемъ описаніи Кіева дано мѣсто пяти небольшимъ статьямъ, заключающимъ въ себѣ (на 10 страницахъ) свѣдѣнія: 1) о положеніи Кіева, климатѣ, естественныхъ произведеніяхъ и болѣзняхъ; 2) объ управленіи Кіева; 3) о полицейскомъ управленіи и пожарной командѣ; 4) о величинѣ Кіева, его жителяхъ, войскахъ, богомольцахъ, промышленникахъ, торговлѣ, ярмаркахъ, гостинницахъ, типографіяхъ и литографіяхъ, городскихъ доходахъ и долгѣ; 5) о гербѣ Кіева. Нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могли быть помѣщены въ этомъ мѣстѣ книги, переданы въ разныхъ статьяхъ частнаго описанія древностей и достопамятностей Кіева, между прочимъ и въ статьѣ: Кіевъ (стр. 373—383).

Въ 137 статьяхъ частнаго описанія, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ и составляющихъ главное содержаніе книги, читатель находитъ огромное количество свѣдѣній, замѣчаній, соображеній, критическихъ и полемическихъ объясненій—касательно раз-

ныхъ урочищъ Кіева и памятниковъ древности и старины, а равно и новыхъ учрежденій, находящихся въ Кіевѣ. Не забытъ почти ни одинъ изъ предметовъ, выражающихъ такъ или иначе значеніе Кіева въ прошлое и нынѣшнее время, съ тою только разницею, что все, что относится къ Кіеву новому, описано кратко, а все относящееся къ Кіеву древнему и старинному—болѣе или менѣе подробно. Многія изъ статей, посвященныя Кіевскимъ древностямъ, очень обширны, таковы напр. о Выдубецкомъ монастырѣ (30 стр.), о Кирилловскомъ монастырѣ (20 стр.), о Михайловскомъ монастырѣ (50 стр.), о Печерскомъ монастырѣ (104 стр.), о Софійскомъ соборѣ (70 стр.) и пр. Нѣкоторыя изъ статей касаются мѣстностей, не входящихъ и никогда не входившихъ въ черту города и не принадлежащихъ къ ближайшимъ его окрестностямъ; таковы: Вышьгородъ, Межигорье, Зарубъ и нѣк. др. И эти статьи и большую часть статей, относящихся къ древностямъ Кіева, можно назвать монографіями и по обилію данныхъ, въ нихъ собранныхъ, и по характеру изслѣдованія. Особенно любопытны статьи, заключающія въ себѣ изслѣдованія о томъ, гдѣ именно было то или другое урочище, упоминаемое въ древнихъ сказаніяхъ. Въ статьяхъ своего описанія Кіева сочинитель пользовался всѣмъ, что сдѣлано было до него, но не ограничивался этимъ, а по мѣрѣ возможности, при помощи подробнаго знанія Кіевскихъ мѣстностей и нѣкоторыхъ новыхъ матеріаловъ, сдѣлалъ многое отъ себя.

Для того, чтобы показать, какъ составлены г. Закревскимъ статьи его частнаго описанія, представляю нѣсколько примѣровъ:

Самая большая изъ статей, занявшая 104 стр., почти десятую часть всего сочиненія, есть статья о Печерскомъ монастырѣ (стр. 601—704). Въ слѣдъ за нѣсколькими вступительными строками, въ которыхъ сочинитель высказываетъ свой общій взглядъ на эту святыню, разсказана исторія Печерской лавры. При упоминаніяхъ объ основаніи монастыря, сочинитель нашелъ нужнымъ разсмотрѣть нѣкоторыя разнорѣчивыя показанія позднѣйшихъ писателей, и между прочимъ коснулся сказанія Нестора, внесеннаго въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, о томъ, что прпд. Антоній прожилъ въ пещерѣ безвыходно м҃ лѣтъ, что значитъ, по мнѣнію г. Закревскаго, не 40, а *много*, которое будто-бы могло писаться и сокращенно, и уже послѣ передѣлано въ численный знакъ м҃ = 40. Далѣе сочинитель остановился на грамотѣ, приписанной в. к. Андрею Юрьевичу Боголюбскому, и не опровергая ни мнѣнія Евгенія

о ея сомнительности, ни защищая ея подлинности, нашелъ возможнымъ занять изъ нея нѣсколько данныхъ. Дальнѣйшія судьбы Кіево-Печерской лавры до 1654 и потомъ до 1786 г. разсказаны также съ помощію грамотъ. Во взглядѣ на нынѣшнее состояніе Печерскаго монастыря показано его мѣстное положеніе, описаны одинъ за другимъ храмы его и вся святыня, пещеры ближнія и дальнія съ обозначеніемъ всѣхъ церквей, келій и мѣстъ упокоенія святыхъ, причемъ сообщены извѣстія о каждомъ изъ нихъ—не рѣдко съ разными критическими замѣчаніями, и азбучныя росписи ихъ сравнительно по показаніямъ Аѳанасія Кальнофойскаго, Иннокентія Гизиля, митрополита Самуила и митр. Евгенія. За описаніемъ пещеръ приведены подробности объ укрѣпленіи пещерныхъ горъ, о трапезномъ зданіи, больничномъ монастырѣ, святыхъ вратахъ и оградѣ лавры, ризницѣ и ея достопамятностяхъ, причемъ не забыты и барельефы, вдѣланные въ колокольню въ зданіи типографіи, о колокольнѣ, о погребенныхъ въ монастырѣ, о типографіи, гостинницѣ, наконецъ объ экономіи монастыря. И въ этихъ отдѣлахъ статьи приведены многія историческія подробности. Вездѣ сочинитель старался пользоваться лучшими источниками и пособіями; по мѣрѣ возможности, по источникамъ переработывалъ самъ то, что сдѣлано другими, иногда бралъ въ помощь и свое личное знаніе самовидца-наблюдателя, или же свою догадливость, сообразительность или рѣшимость здраваго разсудка. Послѣднее чаще всего встрѣчается въ рѣшеніи вопросовъ трудныхъ—въ родѣ напр. вопроса о подлинности Ѳеодосіева отвѣта князю Изяславу о Латынахъ, стр. 643). Нельзя еще не замѣтить, что сочинитель не упускалъ никогда случая сообщать всякаго рода свѣдѣнія, сколько-нибудь относящіяся къ дѣлу.

Всѣ статьи большаго размѣра, касающіяся древностей и старины, таковы же по подробностямъ и отдѣлкѣ.

Для примѣра обработки статей малаго размѣра беру статью о дворахъ древняго Кіева; ихъ пять: §§ 21, 28, 38, 41 и 46 — о дворахъ частныхъ людей и еще одна § 125, о теремныхъ княжескихъ дворахъ. Обозначу только тѣ изъ этихъ статей, которыя касаются слѣдующаго мѣста повѣсти временныхъ лѣтъ изъ разсказа объ Ольгѣ подъ 6453 г. «Деревляне... присташа подъ Боричевымъ въ лодьи, бѣ бо тогда вода текꙋщи въздолѣ горы Кыевскыа и на подольи не сѣдахꙋ людьѥ. но на горѣ: градъ же бѣ Кыѥвъ идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ (-Нифовъ), а дворъ княжь быше въ городѣ идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ. а пе-

ревѣсище бѣ града. и бѣ внѣ града дворъ дрꙋгый. идѣ же есть дворъ Деместиковъ. за святою богородицею надъ горою дворъ теремный. бѣ бо тꙋ теремъ каменъ». Изъ этого мѣста сочинитель выводитъ, что было прежде два княжескихъ двора и что ни одинъ изъ нихъ уже не былъ во время Нестора, а такъ какъ позже въ лѣтописяхъ упоминается часто о Ярославовомъ дворѣ, то значитъ это былъ уже третій княжій дворъ. Всѣ три были подъ Боричевымъ взвозомъ, въ нынѣшнемъ Андреевскомъ отдѣленіи Стараго города (стр. 238—240). Изъ мѣста Кіевской лѣтописи (подъ 6691 г.) освященіе церкви св. Василія на велицѣмъ дворѣ, сочинитель выводитъ, что Ярославовъ княжій дворецъ на главномъ дворѣ былъ вблизи древнѣйшей церкви св. Василія, на томъ мѣстѣ, гдѣ преданіе надъ Боричевымъ впервые поселило Кыя, основателя города Кіева (стр. 840). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что эта древнѣйшая церковь св. Василія, послѣ позднѣйшихъ возобновленій, стала теперь извѣстна подъ именемъ Трехъсвятительской, что слѣдовательно почти близъ нынѣшней Трехъсвятительской церкви надобно искать и мѣста княжихъ дворовъ (840, 878) *). Дворы Гордятинъ и Никифоровъ были, по мнѣнію сочинителя, между церквами Трехсвятительскою и Андреевскою (273), дворы Воротиславль и Чюдинъ между церквами Тресвятительскою и Десятинною (217); Деместиковъ — близъ Десятинной церкви (278).

Соображеніями показаній лѣтописныхъ въ связи съ тѣмъ, что представляется въ Кіевѣ теперь или что извѣстно по преданіямъ,

---

*) Считая неумѣстнымъ входить въ критическія объясненія, обращу только вниманіе на тѣ мѣста Кіевской лѣтописи, которыя касаются церкви св Василія. Подъ 6691 г., въ Кіевской лѣтописи читаемъ: Въ то же лѣто священа бысть церкъы св. Василья яже стоить въ Кіевѣ на Велицѣмъ дворѣ, великимъ священіемъ мѣсяца генваря въ первый день, священнымъ митрополитомъ и блаженнымъ Никифоромъ, епископомъ Георгевскимъ и архимандритомъ Печерскимъ игуменомъ Васильемъ. Созданѣ еи бывши Святославомъ Всеволодичемъ и созва на пиръ...» Подъ 6705 г. (черезъ 14 лѣтъ): Того же лѣта созда великій боголюбивый князь Рюрикъ церковь св. Василья, во имя свое въ Кіевѣ на Новомъ дворѣ. Священа бысть великимъ священіемъ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ Бѣлогородскимъ Андроникомъ и Юрьевскимъ епископомъ, мѣсяца генваря въ первый день». Если это два разныя сказанія о двухъ разныхъ княжихъ дворахъ и о двухъ разныхъ церквахъ, то слѣдуетъ разобрать, гдѣ каждая изъ этихъ церквей стояла, и рѣшить вопросъ, въ какомъ отношеніи каждая изъ нихъ можетъ быть поставлена къ церкви, построенной Владиміромъ.

всего болѣе замѣчательны небольшія статьи описанія. Къ сожалѣнію, не о всѣхъ одинаково важныхъ предметахъ написаны отдѣльныя статьи, такъ что о многихъ надобно искать свѣдѣній и соображеній въ другихъ статьяхъ; нѣтъ отдѣльныхъ статей ни о Боричевомъ взвозѣ, ни о перевѣсищѣ, ни объ Ольгиномъ дворѣ, ни о дворѣ Борислава и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ есть статейка объ Азагоріи древнихъ географовъ, есть особая статейка, тоже въ нѣсколько строкъ (§ 142), о сходныхъ названіяхъ. Отсутствіе той и другой не обѣднило бы книгу.

Большая часть статей касается Кіева древняго и стараго. Статьи о предметахъ новыхъ почти всѣ очень невелики: такъ статья объ университетѣ заняла съ небольшимъ страницу, статья о гимназіи двѣ страницы, статья о государевомъ дворцѣ и садѣ $1^1/_2$ страницы и т. д. Конечно, было бы лучше, если бы и достопамятности Кіева новаго были описаны такъ же, какъ и его старина и древности. Было бы также лучше, если бы вмѣсто азбучнаго порядка статей, при указателѣ никому не нужнаго, сочинитель принялъ въ частномъ описаніи порядокъ систематическій, сопоставивъ памятники по мѣстностямъ, гдѣ они находятся, или гдѣ, по мнѣнію сочинителя, находились. Кромѣ удобства для читателей, такое распредѣленіе частей описанія избавило бы сочинителя и отъ повтореній однихъ и тѣхъ же показаній и замѣчаній. Кромѣ того, мнѣ кажется, могли бы быть опущены изъ книги всѣ полемическія замѣчанія о мнѣніяхъ и выраженіяхъ другихъ сочинителей, писавшихъ о Кіевѣ. Мѣсто, ими занятое, могло бы быть съ большею пользою для читателей употреблено на сообщеніе подробностей археологическихъ, статистическихъ, топографическихъ и пр.

Въ концѣ книги, на стр. 889—947, помѣщены Приложенія: 1) списки митрополитовъ Кіевскихъ, намѣстниковъ митрополичьихъ съ XIV в. до 1782, каѳедральныхъ протоіереевъ съ 1786, настоятелей Печерскаго и Михайловскаго монастырей, ректоровъ академіи съ 1615 г. и игуменовъ Межигорскаго монастыря съ 1482 г., 2) списки правителей Кіева съ 1245 г., воеводъ съ 1570 г., генералъ-губернаторовъ съ 1715 г., комендантовъ съ 1710 г. и гражданскихъ губернаторовъ съ 1700 г., 3) время основанія Кіевскихъ монастырей, 4) грамота будто бы князя Романа Галицкаго 1240 г., 5) помѣтная грамота митрополита Михаила Рогозы 1590 г., 6) грамота Сигизмунда III 1605 г., 7) завѣщаніе Епифанія Славинецкаго 1675 г., 8) роспись Кіеву 1682 г., 9) источники (т. е. всѣ книги извѣстныя

сочинителю, въ которыхъ есть свѣдѣнія касающіяся Кіева, 10) дополненія, 11) свѣдѣнія о рисункахъ и чертежахъ, касающихся Кіева и объясненія рисунковъ и чертежей, приложенныхъ къ книгѣ, 12) послѣсловіе, въ которомъ сочинитель сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своей жизни, 13) указатель къ книгѣ — очень подробный.

Въ особенной тетради, на 13 листахъ, помѣщены: планы Кіева и пещеръ, чертежи храмовъ, рисунки разныхъ остатковъ древности — частію копіи съ другихъ чертежей и рисунковъ, частію же собственныя работы г. Закревскаго. Кромѣ этого нѣсколько чертежей и рисунковъ вставлено въ текстъ книги. Всѣ эти рисунки очень полезны для нагляднаго ознакомленія съ Кіевомъ и его памятниками.

Все вмѣстѣ даетъ труду г. Закревскаго полное право на Уваровскую награду, какъ труду большому, потребовавшему много заботъ и самоотверженія, труду любопытному и полезному, полезному и для археолога, и для образованнаго читателя вообще. Не могу при этомъ не вспомнить, что графу А. С. Уварову обязанъ этотъ трудъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ въ новомъ переработанномъ видѣ: онъ напечатанъ на иждивеніе графа.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Н. В. Закревскій, занимающій нынѣ мѣсто помощника библіотекаря въ Московскомъ публичномъ музеѣ, родился въ Кіевѣ въ 1805 г. Еще дитятею онъ лишился отца и остался съ матерью въ бѣдности. На 15 году онъ поступилъ ученикомъ въ Кіевскую гимназію, и окончилъ курсъ ученія уже только въ 1829 г. Университетское образованіе началъ онъ въ Дерптскомъ университетѣ въ томъ же году; но по бѣдности вынужденъ былъ выйдти изъ университета. Въ 1831 г. онъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ въ Вейсенштейнѣ (Эстляндской губерніи); позже переведенъ въ Ревель, и тамъ получилъ мѣсто младшаго учителя въ гимназіи. Въ этой должности онъ оставался шестнадцать лѣтъ; три года провелъ въ Москвѣ, занимаясь частными уроками; и затѣмъ опять въ Ревелѣ слишкомъ 6 лѣтъ. Въ 1859 году, переселясь снова въ Москву, онъ опредѣлился корректоромъ въ университетской типографіи, а въ 1863 г. перешелъ на службу въ Московскій публичный музей.

Работать надъ собираніемъ запасовъ для труда о Кіевѣ, г. Закревскій началъ еще въ Дерптѣ и Вейсенштейнѣ. Первымъ печатнымъ опытомъ его работъ былъ Очеркъ исторіи города Кіева (1836, 68 стр. въ 8 д.). Черезъ десять лѣтъ послѣ этого изготовлено въ первой отдѣлкѣ обширное Описаніе Кіева (150 листовъ мелкаго письма и 100 рисунковъ). По невозможности напечатать и изъ опасенія, чтобъ его многолѣтній трудъ не пропалъ, г. Закревскій послалъ списокъ его въ Императорскую публичную библіотеку. По другому списку, у него оставшемуся, онъ исправлялъ и выполнялъ его, и въ этомъ исправленномъ видѣ отдалъ Ѳ. М. Бодянскому для изданія въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей. Трудъ этотъ напечатанъ въ Чтеніяхъ 1858 г. (кн. 2-я) подъ названіемъ: «Лѣтопись и описаніе города Кіева» (256+14 стр. и 4 чертежа). Новое переработанное изданіе вышло, какъ было уже сказано, на иждивеніе графа А. С. Уварова, достойнаго предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества.

Нельзя забыть и другаго замѣчательнаго труда г. Закревскаго: это сборникъ Малорусскихъ пѣсенъ, пословицъ, загадокъ и словъ, со многими объяснительными примѣчаніями. Онъ изданъ въ трехъ книгахъ, подъ названіемъ: «Старосвѣтскій бандуристъ». (М. 1861. 17+628 стр. въ б. 8 д.).

РАЗБОРЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ
Г. ЛОНГИНОВА:
«Новиковъ и московскіе мартинисты».

Составленный Академикомъ П. П. Пекарскимъ.

«Какъ ни недостаточны еще свѣдѣнія о Новиковѣ и его друзьяхъ, но разбросанность ихъ и относительно уже довольно большое ихъ число, указываютъ на потребность свода имѣющихся на лицо и повѣренныхъ одинъ другимъ матеріаловъ и на необходимость связнаго изложенія всѣхъ извѣстныхъ фактовъ, которое представляло бы дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно выяснилось въ данную минуту. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, если опять наберется достаточное количество новыхъ фактовъ, которые дополнятъ, объяснятъ или исправятъ то, что теперь считается достаточнымъ или истиннымъ, подобный трудъ можетъ быть опять предпринятъ, но онъ сдѣлается уже гораздо легче, чѣмъ нынѣ. И настанетъ наконецъ время, когда изслѣдованія объ этомъ предметѣ, пройдя путемъ частныхъ, отдѣльныхъ замѣтокъ и слагаясь по временамъ въ возможно полные обзоры, достигнутъ своей цѣли и представятъ полную картину всѣхъ событій, относящихся къ жизни Новикова и его дѣятельности, въ послѣдовательной связи и съ изложеніемъ всѣхъ подробностей и причинъ, породившихъ описываемыя происшествія. Таковъ медленный, но надежный ходъ историческаго изученія»...

Слова эти выписаны изъ предисловія къ изслѣдованію г. Лонгинова «Новиковъ и московскіе мартинисты». Они имѣютъ значеніе при разборѣ этого труда, такъ-какъ ясно и опредѣлительно указываютъ пространство и объемъ, которые хотѣлъ дать ему авторъ, а также и цѣль, которую предпринялъ онъ достигнуть. Прежде всего должно сказать, что г. Лонгиновъ выбралъ для

слѣдованія одну изъ наиболѣе удачныхъ темъ въ новой русской исторіи. Въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества въ XVIII и первой четверти XIX столѣтій масонство занимало довольно видное мѣсто. Оно, подобно многимъ другимъ явленіямъ въ русской жизни, цѣликомъ перенесено было къ намъ изъ другихъ европейскихъ государствъ и сначала принялось было съ увлеченіемъ, которое тѣмъ болѣе обѣщало блистательную будущность, что у насъ даже пытались о примѣненіи масонскихъ идей въ дѣйствительности; но какъ были быстры успѣхи масонства въ началѣ, то также скоро оно и пало. И въ Европѣ оно подвергалось иногда невзгодамъ, которыя однако не помѣшали ему уцѣлѣть, конечно въ измѣненныхъ формахъ, до нашего времени. У насъ же было достаточно двухъ-трехъ административныхъ, правда энергическихъ мѣръ, чтобы масонство исчезло мгновенно, безъ шума, безъ борьбы, такъ-что въ настоящее время изученіе его можетъ имѣть значеніе или для ознакомленія съ эпохою, которая уже не наша, или же для историко-литературныхъ изслѣдованій масонской литературы, бывшей довольно значительною въ Россіи особенно въ концѣ прошлаго столѣтія.

Исчезновеніе по волѣ правительства масонства въ Россіи имѣло то послѣдствіемъ, что долго и послѣ запрещенія не рѣшались упоминать о немъ, потому-что оно напоминало тайную экспедицію и нѣсколько личностей, проведшихъ годы въ суровомъ уединеніи не по собственной волѣ. Только въ недавнее время успѣхи новой русской исторіи на столько сдѣлались замѣтны, что стали возможными до нѣкоторой степени свободныя разысканія о такихъ событіяхъ русской исторіи, которыя нѣкогда считались не подлежащими оглашенію. Но изслѣдователи не могли вдругъ побѣдить разныхъ препятствій при обнародованіи своихъ разысканій о масонствѣ, а потому прежде, говоря о масонахъ, они даже не рѣшались называть ихъ этимъ именемъ. Впослѣдствіи ихъ представляли только людьми, въ высшей степени религіозными и человѣколюбивыми, или даже учеными, заботившимися единственно о распространеніи наукъ. Дѣйствія Вельнера—главы берлинскихъ розенкрейцеровъ—и нашихъ масоновъ XIX в., когда они пользовались властью, могутъ служить доказательствомъ, что послѣдователей масонства не всегда было бы справедливо изображать въ розовомъ свѣтѣ.

Послѣ одностороннихъ описаній дѣяній московскихъ масоновъ, конечно весьма трудно понять, почему же ихъ считали вредными и неужели же правительство Екатерины II было до такой степени

слѣпо въ своей подозрительности, что преслѣдовало невинныхъ людей, только и заботившихся о прославленіи вѣры и процвѣтаніи наукъ? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, нѣкоторые пробовали описывать отсталыми и вздорными такихъ людей, каковыми были московскіе генералъ-губернаторы графъ Брюсъ, князь Прозоровскій; при чемъ присоединялись пикантные анекдоты о Шешковскомъ. Между тѣмъ при дальнѣйшемъ обнародованіи уголовнаго процеса о масонахъ оказывается все болѣе и болѣе очевиднымъ, что сейчасъ названныя лица были только исполнителями повелѣній государыни, которая славилась своимъ снисхожденіемъ къ провинившимся.

Честь *почина* въ болѣе подробныхъ разысканіяхъ о Новиковѣ и масонствѣ принадлежитъ г. Лонгинову, который въ 1857 году напечаталъ статью, подъ заглавіемъ: «Новиковъ и Шварцъ». Въ ней явилось нѣсколько новыхъ, нигдѣ не обнародованныхъ прежде извѣстій, и, кромѣ того, она вызвала нѣсколько статей покойнаго профессора Ешевскаго. Этотъ ученый первый отнесся къ масонству откровенно, не умалчивая о его слабыхъ сторонахъ, и указалъ на разныя масонскія системы, которыя находили себѣ послѣдователей въ Россіи. Г. Лонгиновъ, пользуясь трудами Ешевскаго, а также и другихъ лицъ, начавшихъ обнародовать матеріалы для исторіи русскаго масонства, продолжалъ собирать новыя извѣстія объ этомъ предметѣ, которыя и помѣщались въ періодическихъ изданіяхъ. Въ прошломъ 1867 году г. Лонгиновъ напечаталъ отдѣльно изслѣдованіе «Новиковъ и московскіе мартинисты», выпискою изъ предисловія къ которому начатъ настоящій разборъ.

Послѣ обстоятельнаго перечисленія, въ I-й главѣ, всего того, что было писано о Новиковѣ и масонствѣ въ Россіи, г. Лонгиновъ во II-й главѣ описываетъ 1744—1768 годы — время дѣтства и юности Новикова. Ко всему, что сказано здѣсь о родѣ, ученіи и вступленіи на службу Новикова, и нынѣ прибавить нéчего, и все, извѣстное по этому предмету, собрано г. Лонгиновымъ только къ концу этой главы, въ настоящее время являются дополненіемъ: 1) неизвѣстное донынѣ обстоятельство, что Новиковъ, до вступленія на журнальное поприще, принималъ участіе въ издательскихъ предпріятіяхъ, и 2) протоколы, которые ведены были и подписывались Новиковымъ въ знаменитой коммисіи для составленія проекта новаго уложенія, именно по одному изъ ея отдѣленій: «о среднемъ родѣ людей». Извѣстія эти въ непродолжительномъ времени будутъ напечатаны пишущимъ настоящія строки.

Въ III-й главѣ представлена сжато и въ общихъ чертахъ характеристика русскаго общества и журналистики до появленія на журнальномъ поприщѣ Новикова. Для характеристики русскаго общества екатерининскихъ временъ далеко не исчерпанъ еще весь запасъ рукописныхъ свѣдѣній, почему здѣсь недостаточно знакомства съ разными современными изданіями и книгами, но необходимо обращаться къ такимъ источникамъ, которые ждутъ еще обнародованія. Замѣчу, что подобные матеріалы со временемъ быть можетъ не подтвердятъ сказанное, напр., въ этой главѣ на стр. 16, что будто бы только однѣ «жалкія попытки, предпринятыя для возстанія Гурьевымъ въ 1762 году и Мировичемъ въ 1764 году были единственными проблесками оппозиціи» Екатеринѣ II. Есть также причины сомнѣваться, чтобы въ первые годы ея царствованія въ Россіи преобладало то «умиреніе умовъ», о которомъ тамъ же говорится.

Глава IV-я описываетъ «Сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ». Этимъ изданіямъ въ нашей исторіи литературы особенно посчастливилось, и они не только служили не разъ предметомъ изслѣдованій, но нѣкоторыя изъ нихъ даже перепечатывались и нынѣ перепечатываются. Въ концѣ этой главы г. Лонгиновъ (на стр. 33) высказываетъ мысль, что прекращеніе сатирическихъ журналовъ «совпадаетъ съ эпохою возвышенія Потемкина, съ которымъ измѣнилось при Дворѣ столь многое и въ лицахъ, и въ формахъ, и въ образѣ жизни и вообще въ его характерѣ». Желательно было бы имѣть доказательства убѣдительнаго свойства въ подтвержденіе такого мнѣнія, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ на стр. 309 г. Лонгиновъ замѣчаетъ, что когда бы Потемкинъ былъ живъ, то участь Новикова и его друзей въ 1792 году быть можетъ была бы смягчена.

V-я глава занята обстоятельнымъ перечнемъ ученыхъ изданій Новикова въ 1772—1778 годахъ.

Главы VI и VII-я посвящены разсказамъ, по бо́льшей части по свидѣтельствамъ самихъ масоновъ, о происхожденіи масонства, которое будто бы существуетъ съ самыхъ древнихъ временъ. Исторія масонства уже давно и съ успѣхомъ обработывается въ европейскихъ литературахъ, а потому здѣсь не можетъ быть недостатка въ матеріалахъ, которыхъ дѣйствительно собрано огромное количество. Какъ доказательство тому можно указать на недавно оконченное обширное изданіе, посвященное исключительно масонству и озаглавленное: Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, Leip-

zig, 1863—1867, три тома. Въ этомъ трудѣ отдѣлъ статей для исторіи масонства въ Россіи сравнительно гораздо бѣднѣе противъ того, что напр. тамъ собрано о масонствѣ въ Германіи и другихъ земляхъ; несмотря однако на это, бо́льшая часть помѣщенныхъ тамъ свѣдѣній о русскихъ масонахъ, какъ неизвѣстныя еще въ нашей литературѣ, недавно переведены въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Г. Лонгиновъ, занятый преимущественно судьбами русскаго масонства и Новикова, говоритъ поверхностно, а въ иныхъ мѣстахъ не совсѣмъ вѣрно съ исторической точки зрѣнія, объ истинномъ значеніи и смыслѣ масонства и его исторіи вообще. Дополненія и поправки по этому поводу уже сдѣланы въ Вѣстникѣ Европы 1867 года г. Пыпинымъ *).

VIII-я глава содержитъ въ себѣ изложеніе судебъ масонства въ Россіи въ 1732—1779 годахъ. Здѣсь къ прежде уже обнародованнымъ Ешевскимъ извѣстіямъ объ этомъ предметѣ, г. Лонгиновъ присовокупилъ новыя свѣдѣнія изъ бумагъ масонской ложи Ураніи, изъ которыхъ узнаемъ любопытныя подробности о масонскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ. Сверхъ того изслѣдователь воспользовался въ этой главѣ важнымъ источникомъ, честь открытія и обнародованія котораго принадлежитъ ему же — это пространные отвѣты Новикова, данные Шешковскому въ Шлиссельбургской крѣпости. Нынѣ къ тому, что заключаетъ въ себѣ VIII-я глава труда г. Лонгинова, присоединились свѣдѣнія изъ вышеупомянутой Handbuch der Freimaurerei, откуда уже сдѣланы извлеченія г. Пыпинымъ въ Вѣстникъ Европы 1868 года **). Кромѣ того во II-мъ томѣ Сборника русскаго историческаго общества обнародованы между прочимъ на стр. 145—153 «Списки членовъ масонскихъ ложъ», составленные по показаніямъ Новикова, а пишущій эти строки печатаетъ въ одномъ изъ академическихъ изданій документы, восполняющіе отчасти пробѣлы въ исторіи масонскихъ ложъ въ Россіи.

Въ той же главѣ, на стр. 102, г. Лонгиновъ высказываетъ между прочимъ мнѣніе, что Елагинъ, въ своей «Повѣсти о самомъ себѣ», масонскую систему Рейхеля называетъ карлсбадскою, но это невѣрно, такъ какъ изъ издаваемыхъ мною свѣдѣній объяснится, что подъ карлсбадскою системою Елагинъ разумѣлъ постановленія,

---

*) Т. II, отд. II, стр. 51—106; т. III, отд. II; стр. 1—59.

**) Книга 6, стр. 546—589.

состоявшіяся въ 1782 году на масонскомъ конвентѣ въ Вильгельмсбадѣ.

IX-я глава носитъ названіе: «Москва и московскій университетъ въ 1779 году». Здѣсь останавливаетъ вниманіе живое и довольно вѣрное изображеніе высшаго Московскаго общества при Екатеринѣ II.

Въ X-й главѣ описаны жизнь и дѣятельность Новикова въ Москвѣ въ 1779, 1780 и 1781 годахъ. Начиная съ этой главы, г. Лонгиновъ перечисляетъ погодно, съ 1779 года до прекращенія издательской дѣятельности Новикова въ апрѣлѣ 1792 года, всѣ изданія его и московскаго кружка масоновъ, что̀ составляетъ полезное подготовительное пособіе для дальнѣйшей разработки масонской литературы въ Россіи. Въ этой главѣ заслуживаютъ также упоминанія подробности о князьяхъ Трубецкихъ, Татищевыхъ и др. Здѣсь-же говорится о Шварцѣ, его неутомимой дѣятельности на пользу просвѣщенія и распространенія знаній. При этомъ можно замѣтить, что нельзя смотрѣть на дѣятельность Шварца только съ этой точки зрѣнія. Прежде всего это былъ человѣкъ, страстно преданный масонству, весь отдавшій себя на служеніе ему, а потому проходить молчаніемъ этого рода дѣятельность Шварца въ московскомъ университетѣ будетъ важнымъ пробѣломъ въ его біографіи. Прежде, по соображеніямъ, постороннимъ для науки, этого не дѣлали; но уже Ешевскій, вопреки тому, что говорили нѣкоторые до него, прямо высказалъ, что во всѣхъ лекціяхъ Шварца сильно проповѣдовалось масонство. Кромѣ того есть собственное свидѣтельство Шварца, въ нѣмецкой его запискѣ о неудовольствіяхъ на него куратора университета Мелиссино, откуда видно между прочимъ, что общественное мнѣніе въ Москвѣ наклонно было видѣть во всѣхъ поступкахъ Шварца намѣреніе пропагандировать масонство. Тоже слѣдуетъ замѣтить и о Новиковѣ. Если даже только по заглавіямъ ознакомиться съ тѣмъ, что онъ издавалъ въ блестящій періодъ своей типографской дѣятельности, то не трудно убѣдиться, что бо́льшая часть книгъ, выходившихъ изъ типографій его и московскихъ масоновъ, были ни мало не полезны для просвѣщенія и не распространяли наукъ, а скорѣе вредили имъ. Къ счастію, изъ современныхъ свидѣтельствъ видно, что масонскія книги, по своей темнотѣ и запутанности, не находили себѣ сбыта и безвредно лежали въ книжныхъ складахъ. Нельзя отрицать того, что Новиковъ успѣлъ въ теченіе своей типографской дѣятельности издать много книгъ полезныхъ; но онѣ по бо́льшей части печатались имъ тогда,

когда онъ еще не увлекался масонствомъ. Впослѣдствіи онъ-было снова обратился къ такимъ изданіямъ, и это случилось именно въ 1787 г.. т. е. въ то время, когда послѣдовало запрещеніе печатать мистическія бредни, прикрытыя покровомъ религіозности.

Главы XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI и XVII-я заключаютъ въ себѣ извѣстія о жизни Новикова и о московскихъ масонахъ въ 1781—1786 годахъ. Здѣсь первоначально идетъ рѣчь о поѣздкѣ Шварца въ Курляндію и Германію для исканія высшихъ степеней масонства. Результатами этого путешествія было: во 1) признаніе Россіи со стороны масонскаго конвента въ Вильгельмсбадѣ отдѣльною провинціею по масонской системѣ строгаго наблюденія, и во 2) усвоеніе сначала Шварцемъ, а потомъ и его московскими друзьями розенкрейцерства, совершенно враждебнаго сейчасъ названной системѣ. Затѣмъ слѣдуютъ разсказы о дѣятельности такъ-называемаго «Дружескаго общества», гдѣ главное участіе принимали московскіе розенкрейцеры; также о типографіяхъ ихъ; о появленіи въ Москвѣ, послѣ смерти Шварца, барона Шредера, заступившаго его мѣсто по розенкрейцерскимъ дѣламъ, наконецъ о типографской компаніи, равномѣрно основанной розенкрейцерами и пр. Упоминаемый на стр. 231 рескриптъ Екатерины II о запрещеніи печатать исторію іезуитовъ написанъ, какъ видно изъ бумагъ Государственнаго Архива, съ собственноручной записки императрицы. На стр. 232 говорится, что съ 1785 года не имѣется свѣдѣній о сношеніяхъ московскихъ масоновъ съ заграничными, но у меня есть рукопись, принадлежавшая одному близкому родственнику моему, М. И. Микулину, гдѣ есть слѣды переписки берлинскихъ розенкрейцеровъ съ московскими послѣ 1785 года.

Въ XVIII-й главѣ преимущественно говорится о допросахъ Новикову и объ осмотрѣ, по распоряженію правительства, книгъ, печатанныхъ имъ и московскими розенкрейцерами. Послѣ изданія въ свѣтъ труда г. Лонгинова, явились въ печати нѣкоторыя бумаги, дополняющія его извѣстія. Онѣ помѣщены, но къ сожалѣнію въ неисправномъ видѣ и безъ указанія, гдѣ хранятся подлинники, въ IV-ой книгѣ Чтенія Общества исторіи и древностей на 1867 годъ.

Годы 1787, 1788 и 1789 описаны въ главѣ XIX-й, гдѣ, между прочимъ, изложено о пожертвованіяхъ Григорьемъ Максимовичемъ Походяшинымъ на прокормленіе голодавшихъ. Объ этомъ обстоятельствѣ нынѣ есть нѣсколько новыхъ подробностей въ печатаемыхъ мною масонскихъ матеріалахъ, между которыми есть и пространное показаніе Новикова касательно отношеній его къ По-

ходящину. На стр. 283 г. Лонгиновъ упоминаетъ о сношеніяхъ архитектора Баженова съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, о чемъ нынѣ, послѣ выхода въ свѣтъ II-го тома Сборника русскаго историческаго Общества, имѣются болѣе точныя свѣдѣнія.

1790 и 1791 годы, въ которые правительство зорко слѣдило за дѣйствіями Новикова и розенкрейцеровъ, описаны г. Лонгиновымъ въ главѣ XX-й; а слѣдующая XXI-я глава вся посвящена описанію ареста Новикова и слѣдствія надъ нимъ въ Москвѣ въ 1792 году. Матеріалы для этой, печальной въ жизни Новикова эпохи очень обильны, такъ-какъ о ней тогда шла переписка между правительственными лицами и учрежденіями. Несмотря однако на это, и послѣ изданія въ свѣтъ разбираемаго труда, явились въ печати еще новыя дополненія по этому предмету — именно: «Переписка князя Прозоровскаго съ тайнымъ совѣтникомъ Шешковскимъ по матеріи Новикова 1792 года» во II-мъ томѣ Сборника Русскаго историческаго Общества

Въ главѣ XXII-й изложено «Слѣдствіе надъ Новиковымъ въ Шлюссельбургѣ и приговоръ надъ нимъ». Кромѣ Записокъ Храповицкаго и Лопухина, г. Лонгинову служили и здѣсь открытые имъ отвѣты Новикова въ Шлюссельбургской крѣпости. Они теперь получили еще бо́льшее значеніе съ напечатаніемъ во II-мъ томѣ Сборника русскаго историческаго общества вопросныхъ пунктовъ Шешковскаго, на которые были написаны тѣ отвѣты, а также возраженія на нихъ, составленныя въ тайной канцеляріи и, наконецъ, показанія посыланныхъ за границу на счетъ московскихъ розенкрейцеровъ: Багрянскаго, Колокольникова и Невзорова, съ любопытнымъ докладомъ о допросѣ послѣдняго.

Въ главахъ XXIII и XXIV-й разсказано о судьбѣ московскихъ розенкрейцеровъ, и распоряженія, дѣлавшіяся для уплаты долговъ Новикова.

Наконецъ въ XXV-й главѣ г. Лонгиновъ сообщилъ свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни и кончинѣ Новикова. Изслѣдователь, не довольствуясь разными современными извѣстіями о томъ, ѣздилъ самъ въ бывшее имѣніе Новикова — село Авдотьино, гдѣ и записано имъ нѣсколько разсказовъ стариковъ, современниковъ Новикова, о бывшемъ ихъ господинѣ.

За этою главою помѣщены въ приложеніи вполнѣ 49 разныхъ бумагъ, касающихся Новикова и московскихъ розенкрейцеровъ, что особенно полезно для тѣхъ, кто пожелаетъ познакомиться съ исто-

ріею масонства не по разсказамъ новѣйшаго времени, а по источникамъ изъ первыхъ рукъ.

Въ настоящемъ разборѣ я не безъ намѣренія останавливаю вниманіе на первоначальные источники, которыми пользовался г. Лонгиновъ и прохожу молчаніемъ научную обработку ихъ. Мнѣ кажется, что послѣдней справедливо будетъ требовать только тогда, когда для исторіи масонства въ Россіи будетъ болѣе сдѣлано подготовительныхъ работъ и разысканій, чѣмъ мы имѣемъ въ настоящее время. Конечно и на основаніи того, что собрано объ этомъ предметѣ нынѣ, можно составить рядъ бойко написанныхъ статей, которыя съ одобреніемъ прочтутся въ журналахъ, но не пройдетъ и полгода, какъ подобныя статьи будутъ казаться поверхностными и недостаточными, потому что въ этотъ промежутокъ времени могутъ быть обнародованы новые матеріалы, которые или раскроютъ то, что было неизвѣстнымъ, или же, что̀ еще хуже, опровергнутъ хотя и остроумныя, но по бо́льшей части произвольныя предположенія.

Нѣкоторые ставятъ въ вину г. Лонгинову, что онъ въ своемъ изслѣдованіи не изчерпалъ всѣхъ иностранныхъ источниковъ, отчего у него дѣйствительно попадаются мѣста, которыя не выдерживаютъ критики. Но если безпристрастно сравнить такія мѣста изслѣдованія съ тѣмъ, что сдѣлано г. Лонгиновымъ по части подготовительной разработки для изученія русскаго масонства, т. е. сколько обнародовано имъ неизвѣстныхъ матеріаловъ и какъ добросовѣстно и старательно исполнена библіографическая часть предмета, то долгъ справедливости требуетъ признаться, что г. Лонгиновъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ изслѣдователей содѣйствовалъ разъясненію такихъ событій въ новой русской исторіи, о которыхъ до него говорили только полунамеками. Кромѣ того, г. Лонгиновъ оказалъ уже и тѣмъ услугу, что каждое новое разысканіе его о масонствѣ вызывало новыя сообщенія другихъ изслѣдователей, такъ-что въ литературѣ исторіи русскаго масонства XVIII столѣтія нѣтъ никакой возможности обойти молчаніемъ трудовъ г. Лонгинова, которыми послѣдующіе изслѣдователи будутъ всегда пользоваться съ признательностью.

Полагаю вышесказанное достаточнымъ, чтобы имѣть право высказать въ заключеніе, что такое изслѣдованіе, какъ «Новиковъ и московскіе мартинисты» заслуживаетъ награды на основаніи правилъ, установленныхъ для присужденія премій графа Уварова.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

В. СЕРГѢЕВИЧА:

«Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей».

Составленъ Академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Вопросъ объ устройствѣ и управленіи древней Россіи въ продолженіе княжескаго періода, вопросъ чрезвычайной важности, отъ правильнаго разрѣшенія котораго зависитъ ясное пониманіе большей части явленій государственной жизни Россіи этого времени, имѣетъ обширную литературу. Этого существеннаго вопроса касались всѣ наши историки, отъ Татищева до Соловьева включительно; многія его стороны были разсматриваемы въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Разрѣшенію этого же вопроса г. Сергѣевичъ посвятилъ трудъ, носящій заглавіе: «Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей», въ которомъ онъ впрочемъ коснулся только нѣкоторыхъ сторонъ устройства и управленія въ княжескій періодъ нашей исторіи, обойдя, какъ самъ говоритъ въ предисловіи къ изслѣдованію, судоустройство, находящееся въ тѣсной связи съ судопроизводствомъ, и нѣкоторыя вѣтви административной дѣятельности.

Сочиненіе г. Сергѣевича дѣлится на двѣ книги: въ первой онъ говоритъ объ устройствѣ, во второй — объ управленіи.

На основаніи извѣстій, сохранившихся въ лѣтописяхъ, г. Сергѣевичъ представляетъ довольно цѣльную картину возникновенія вѣча, его распространенія и прекращенія. Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ разбираемаго сочиненія, слѣдующіе: «Въ древній періодъ жизни Россіи участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявлялось въ вѣчѣ, которое не было создано княжескою властію,

но составляло первоначальную форму быта. Въ лѣтописяхъ мы находимъ свидѣтельства о существованіи вѣча еще до призванія Рюрика; оно было не только во всѣхъ главныхъ городахъ или центрахъ древне-русской жизни, но и въ очень многихъ городахъ второстепеннаго или третьестепеннаго значенія. Старинный обычай сходиться для совѣщаній на вѣчѣ существовалъ, по свидѣтельству суздальскаго лѣтописца, во второй половинѣ XII вѣка во всѣхъ волостяхъ тогдашней Россіи: «Новгородцы бо изначала — говоритъ лѣтописатель — и Смольняне и Кіяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся...» Такимъ образомъ вѣчевой бытъ былъ явленіемъ необходимымъ въ древней Россіи, а потому и всеобщимъ. Всеобщность и необходимость этого быта обусловливались слабостью въ то время княжеской власти, которая должна была очень часто искать опоры въ народѣ, и слѣдовательно обращаться къ вѣчу. Пора господства вѣчевыхъ учрежденій продолжалась до измѣненій, происшедшихъ въ древнемъ общественномъ бытѣ; долѣе и съ болѣе рѣзкими характеристическими чертами вѣчевая жизнь держалась въ Новѣгородѣ, благодаря разнымъ благопріятствовавшимъ обстоятельствамъ. По мѣрѣ того, какъ князь становился болѣе и болѣе независимымъ отъ воли народа, постепенно дѣлались ненужными и выходили изъ употребленія народныя собранія, такъ что въ концѣ княжескаго періода усиліями Московскихъ великихъ князей уничтожены послѣдніе остатки вѣчеваго устройства. Начало ослабленію вѣча положено татарскимъ погромомъ, а причины окончательнаго его паденія слѣдуетъ искать въ измѣнившихся отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю и въ объединеніи Россіи въ одно государство, съ центромъ въ Москвѣ, при чемъ естественно оказалось болѣе невозможнымъ участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ подъ формою вѣча.

«Конецъ XV и начало XVI вѣка—говоритъ г. Сергѣевичъ—можно считать тѣмъ временемъ, когда новыя условія общественнаго строя достигли значительной зрѣлости и перешли въ общественное сознаніе. По мѣрѣ приближенія къ этому времени старый порядокъ вещей все болѣе и болѣе утрачиваетъ свои силы. Вѣченыя собранія, слѣды которыхъ сохранились отъ второй половины XIV и XV вѣка, составляютъ исключеніе, а не правило; это послѣдніе отголоски древняго быта. Къ концу XV вѣка Россія представляется раздѣленной на двѣ, мало похожихъ одна на другую части: Новгородъ и Псковъ являются представителями стараго порядка, Москва — новаго. Вѣчевое устройство, сохранившееся въ

сѣверо-западномъ углу Русской земли, мало вяжется съ устройствомъ остальной Россіи; послѣдніе Московскіе князья вступаютъ въ прямую борьбу съ нимъ и выходятъ побѣдителями: въ 1478 году Ивану Васильевичу удается отмѣнить вѣчевой бытъ Новгорода, а въ 1510 г. сынъ его, Василій, уничтожаетъ и Псковское вѣче.»

Все это совершенно справедливо, равно какъ и замѣтка г. Сергѣевича, что новые сѣверо-восточные города не отличаются своимъ устройствомъ отъ старыхъ, и что не въ отсутствіи въ нихъ вѣча слѣдуетъ искать причины возникновенія на сѣверо-востокѣ Россіи новаго порядка вещей. Можно замѣтить одно: что такъ какъ большею частію вѣче образовывалось совершенно случайно, силою обстоятельствъ, то поэтому едва-ли можно видѣть въ немъ явленіе необходимое. Можно указать на нѣсколько княженій, какъ напр. на княженіе Владиміра Мономаха, Андрея Боголюбскаго, Всеволода Георгіевича Большаго Гнѣзда, въ продолженіе которыхъ нѣтъ помина о вѣчѣ, слѣдовательно не было нужды ни князю созывать вѣче, ни народу составлять его. И самъ авторъ далѣе говоритъ, что князь, пользовавшійся популярностью, могъ выходить на войну безъ постановленія вѣча. Сверхъ того, нѣкоторыя приведенныя г. Сергѣевичемъ лѣтописныя извѣстія въ подкрѣпленіе той мысли, что вѣче существовало во всѣхъ городахъ древней Россіи, истолкованы имъ, какъ мнѣ кажется, произвольно. Такъ напр. отказъ подъ Треполемъ Смольнянъ, отправившихся къ Кіеву съ своимъ княземъ Давыдомъ, преслѣдовать, вслѣдствіе изнеможенія, Половцевъ, причемъ они учинили вѣче, едва-ли можетъ служить доказательствомъ того, что вѣче существовало въ Смоленскѣ. Точно также въ толпѣ черни, собравшейся въ Москвѣ послѣ оставленія ея, въ 1445 году, великими княгинями Софіею и Маріею, нельзя видѣть вѣча, какъ мы привыкли его себѣ представлять. Еще менѣе его можно отыскивать въ тѣхъ извѣстіяхъ, въ которыхъ говорится о томъ, что жители напр. какого-либо города затворились въ немъ отъ нападенія непріятеля. Переяславцы или Римовичи затворяются отъ Половцевъ не вслѣдствіе бывшаго у нихъ по этому случаю вѣча, а вслѣдствіе естественнаго желанія оградить свою жизнь и имущество отъ дикихъ кочевниковъ. Поэтому не каждое лѣтописное извѣстіе, въ которомъ разсказывается о дѣйствіяхъ, бывшихъ какъ-бы послѣдствіемъ рѣшеній на вѣчѣ, слѣдуетъ употреблять какъ доказательство его существованія.

Вторую и третью главу 1-ой книги своего изслѣдованія г. Сер-

гѣевичъ посвящаетъ устройству вѣчевыхъ собраній, вѣчевымъ порядкамъ и предметамъ вѣдомства вѣча.

Жители волости, заключавшей въ себѣ одинъ или нѣсколько городовъ, а, въ древнѣйшее время, обнимавшей цѣлое княженіе, составляли вѣчевое собраніе. О томъ, что пригороды принимали участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ, на это имѣются прямыя указанія въ лѣтописяхъ. Связь между главными городами, жители которыхъ часто владѣли землею, тянувшеюся отъ города иногда на большое протяженіе, и пригородами, небольшими укрѣпленными пунктами, расположенными по окраинамъ волости и имѣвшими назначеніе ее защищать и принимать на себя первые удары непріятеля, существовала издавна. Эта связь скрѣплялась поземельными отношеніями, такъ какъ пригороды были большею частію выселки изъ главныхъ городовъ, или вслѣдствіе увеличившагося въ нихъ народонаселенія, или вслѣдствіе необходимости защищать принадлежащія имъ земли. Впрочемъ бывали примѣры, что пригородъ, какъ напр. Псковъ, Владиміръ на Клязьмѣ, благодаря стеченію разныхъ выгодныхъ условій, обособлялся въ особую самостоятельную волость. На образованіе волостей племенное различіе не имѣло никакого вліянія: иногда нѣсколько племенъ соединялось въ одну волость, а иногда одно племя распадалось между нѣсколькими волостями. Свободное населеніе волости составляло въ княжескій періодъ исторіи Россіи единообразную массу (зародыши сословій являются позднѣе, только въ концѣ княжескаго періода), разные слои которой отличались не правами, но достоинствомъ, нравственнымъ и имущественнымъ, большая или меньшая степень котораго обозначалась разными эпитетами (меньшій, вячшій, молодшій, большой, лучшій). Свободное населеніе волости въ древнюю эпоху нашей исторіи распадалось на три главные слоя: на смердовъ — людей мелкихъ или черныхъ; на купцовъ — людей среднихъ; на бояръ и огнищанъ — людей лучшихъ. Впрочемъ этими тремя слоями не исчерпывалось фактическое различіе состава древняго русскаго общества; въ каждомъ изъ поименованныхъ трехъ слоевъ мы еще встрѣчаемся съ качественнымъ дѣленіемъ. Различія слоевъ не были наслѣдственными, хотя иногда достоинство родителей и переходило на дѣтей. Это подтверждается и положеніемъ служилаго сословія, о которомъ г. Сергѣевичъ представляетъ слѣдующія соображенія, справедливость которыхъ нельзя отрицать. «Служилые люди — говоритъ авторъ — состояли съ княземъ въ очень шаткой личной связи; съ своей стороны, князья вовсе не были обязаны

сохранять за служилыми людьми своихъ предшественниковъ то положеніе, которымъ они при нихъ пользовались. Обыкновенно князья раздавали мѣста своимъ ближайшимъ приверженцамъ, людямъ новымъ и нерѣдко пришлымъ изъ другихъ волостей, съ устраненіемъ старыхъ. Это отсутствіе прочной связи служилыхъ людей съ княземъ поддерживало связь ихъ съ остальнымъ населеніемъ волости, съ которымъ у нихъ было много общихъ интересовъ по землевладѣнію, главному источнику богатства и независимаго положенія какъ передоваго слоя населенія вообще, такъ и служилыхъ людей въ особенности; частая же смѣна князей и необходимое ея слѣдствіе — раздача мѣстъ новымъ людямъ вынудили служилыхъ людей, лишившихся своего положенія при князѣ, совершенно сливаться съ неслужилымъ людомъ. Такимъ образомъ происходитъ постоянный обмѣнъ между населеніемъ волости и служилыми людьми: одни поступаютъ на службу князя и получаютъ прибыльныя мѣста, другіе теряютъ эти мѣста и снова смѣшиваются съ населеніемъ волости.» Всѣ свободные жители могли участвовать въ вѣчевыхъ собраніяхъ. Это было ихъ право, но не обязанность. Жители пригородовъ или непосредственно участвовали въ собраніяхъ главныхъ городовъ, или составляли свои особыя. Единственное ограниченіе права участвовать въ вѣчевыхъ собраніяхъ существовало только для сыновей, которые при жизни отцовъ не могли принимать участія въ этихъ собраніяхъ. Начало представительства было чуждо нашему вѣчу; народъ принималъ въ немъ участіе поголовно; обсуждалъ на немъ вопросы, какіе хотѣлъ, и самъ приводилъ въ исполненіе свои рѣшенія. Но для послѣдняго требовалось, чтобы рѣшеніе было произнесено единогласно, или такимъ рѣшительнымъ большинствомъ, при которомъ разномыслія не имѣли бы значенія, или которое могло бы привести свое рѣшеніе въ исполненіе, не смотря на противодѣйствіе меньшинства. Бывали случаи, когда образовавшіяся на вѣчѣ стороны упорно стояли за свои мнѣнія и рѣшали споръ оружіемъ; подобныя явленія были особенно часты въ Новѣгородѣ. Вѣчевыя собранія не были ни постоянными, ни періодическими; они созывались какъ народомъ, такъ и княземъ, смотря по надобности, обыкновенно посредствомъ колокольнаго звона. Опредѣленнаго мѣста для вѣча не было; въ случаѣ раздѣленія мнѣній составлялось одновременно нѣсколько вѣчевыхъ собраній. Каждое вѣче продолжалось до тѣхъ поръ, пока не постановляли рѣшенія по предмету, для котораго оно было созвано. Вѣчевое собраніе не имѣло опредѣленныхъ формъ;

оно открывалось большею частію тѣмъ лицемъ, которое его созывало. Совѣщанія или пренія въ собраніяхъ были словесныя, правомъ слова пользовались всѣ. Вѣчевое рѣшеніе, которое иногда записывалось, подвергалось многимъ случайностямъ, а нерѣдко и перемѣнамъ. Послѣднія въ нѣкоторыхъ случаяхъ проистекали изъ борьбы политическихъ партій, которыхъ главная цѣль состояла въ доставленіи престола тому или другому князю и дѣйствіямъ которыхъ открывался полный просторъ на вѣчѣ. Предметы вѣдомства вѣча были: призваніе и удаленіе князя, договоръ или ряда съ призваннымъ княземъ, объявленіе войны и заключеніе мира, иногда распоряженіе ходомъ военныхъ дѣйствій. Управленіе и судъ не принадлежали вѣчу; они находились въ рукахъ князя.

Въ отношеніяхъ разныхъ пригородовъ къ своимъ городамъ существовало громадное различіе. Пригороды сильные приводили въ исполненіе свои рѣшенія, несмотря на разногласіе съ главнымъ городомъ; пригороды же слабые должны были молчать и ему подчиняться. Такимъ образомъ между разными пунктами населенія одной и той же волости существовали почти тѣ же самыя отношенія, какія между концами или улицами одного и того же города. Удаленіе пригорода отъ главнаго центра вѣчевой жизни имѣло послѣдствіемъ то, что его жители не могли принимать ни такого постояннаго, ни такого положительнаго участія, какое-бы слѣдовало, въ вѣчевыхъ собраніяхъ главнаго города; отсюда явилась необходимость учрежденія особаго пригороднаго вѣча. Такимъ образомъ, рядомъ съ вѣчемъ главнаго города, на которое могли являться и жители пригородовъ, существовало отдѣльное вѣче пригорода, въ которомъ могли участвовать жители города. Но какъ пригородъ былъ составною частію волости, такъ и его вѣче не было самостоятельною властью и нуждалося въ согласіи города. Если городъ требовалъ отмѣны вѣчеваго рѣшенія пригорода и если его требованіе не уважалось, въ такомъ случаѣ онъ вступалъ въ борьбу съ пригородомъ и, смотря по ея исходу, или совершенно отмѣнялъ неудобное ему рѣшеніе, или только видоизмѣнялъ его, или, наконецъ, самъ бывалъ вынужденъ согласиться съ нимъ.

Упомянувъ въ своемъ изслѣдованіи объ ограниченіи права дѣтей участвовать при жизни отцовъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ, г. Сергѣевичъ естественно долженъ былъ коснуться значенія слова родъ. Родовой бытъ, игравшій одно время видную роль въ изслѣдованіяхъ нашихъ ученыхъ, не можетъ быть обойденъ ни въ одномъ серьезномъ трудѣ, историческомъ или юридическомъ, имѣю-

щемъ предметомъ древній или великокняжескій періодъ Россіи, и вотъ почему въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія г. Сергѣевичъ говоритъ о немъ: «Мы не думаемъ — такъ начинаетъ свою замѣтку г. Сергѣевичъ (мнѣніе его о родовемъ бытѣ князей мы приведемъ ниже въ своемъ мѣстѣ), чтобы указанному въ текстѣ ограниченію права участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ можно было дать болѣе широкій объемъ, распространить его не только на членовъ семьи, состоящихъ подъ отеческой властью, но и на всѣхъ младшихъ родичей извѣстнаго рода, ограничивъ право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ одними старѣйшинами, какъ представителями родовъ, родоначальниками или патріархами. Не подвергая ни малѣйшему сомнѣнію существованіе родоваго быта, какъ переходной ступени къ быту государственному, мы утверждаемъ только, что въ историческую эпоху Рюриковичей родъ не существовалъ какъ учрежденіе съ опредѣленными правами и обязанностями его членовъ. Сохраненные Русскою Правдою законы о порядкѣ наслѣдованія очень ясно указываютъ на то, что родственники не соединялись у насъ въ роды, съ правами юридическаго лица, съ общимъ представительствомъ и общей собственностью. ...Мнѣніе противоположное основано: во 1-хъ, на томъ извѣстіи, которое лѣтописецъ сохранилъ намъ о древнѣйшемъ бытѣ Полянъ, и во 2-хъ, на междукняжескихъ отношеніяхъ... Для правильнаго пониманія быта Полянъ, которые, какъ говоритъ лѣтописецъ, «живяху кождо родомъ своимъ», необходимо составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ значеніи, въ какомъ употреблялось въ нашихъ древнѣйшихъ источникахъ слово родъ. — Первоначальное значеніе слова родъ, объясняющее всѣ его разнообразныя примѣненія, заключается въ указаніи на происхожденіе людей чрезъ нарожденіе... Слово родъ, обозначая происхожденіе по крови, употребляется вмѣстѣ съ тѣмъ и для обозначенія всѣхъ тѣхъ человѣческихъ союзовъ, которые происходятъ въ силу послѣдовательнаго нарожденія; отъ обозначенія дѣйствія или причины, оно переносится на самый продуктъ. Такимъ образомъ, слово родъ употребляется для обозначенія: во 1-хъ семьи, во 2-хъ, родственниковъ вообще, въ 3-хъ, цѣлаго народа.. Обозначивъ разнообразныя примѣненія слова родъ, имѣющія свой общій корень въ указаніи на происхожденіе, мы можемъ перейти къ словамъ лѣтописца о Полянахъ: «они жили кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.» Въ какомъ изъ означенныхъ выше смысловъ употреблено здѣсь

слово родъ? Лѣтописецъ говоритъ: каждый Полянинъ жилъ особо съ своимъ родомъ, каждый Полянинъ владѣлъ своимъ родомъ. Каждый Полянинъ могъ имѣть свой родъ единственно въ смыслѣ семьи. Такимъ образомъ, слово родъ въ разбираемомъ мѣстѣ можетъ быть истолковано только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: Поляне жили семьями. Говоря это, мы никакъ не хотимъ сказать, что у Полянъ, по смерти отца, братья непремѣнно дѣлились и селились розно. И въ настоящее время братья не непремѣнно дѣлятся: есть случаи общаго владѣнія братьевъ и не у однихъ только крестьянъ, но и во всѣхъ другихъ слояхъ нашего общества; это общее владѣніе имѣетъ своимъ источникомъ соглашеніе и продолжается, пока есть это соглашеніе. Общее владѣніе братьевъ и другихъ родственниковъ могло встрѣчаться и въ древнѣйшія времена. Есть даже основаніе думать, что иногда оно должно было встрѣчаться чаще, чѣмъ теперь. При отсутствіи развитой правительственной власти, частному человѣку для самосохраненія необходимо было вступать въ какіе-либо частные союзы; союзъ съ родственниками представляется самымъ естественнымъ. Но чтобы родственники должны были соединяться въ болѣе обширные союзы «рода», чтобы они не могли по личному произволу выдѣляться и образовывать отдѣльныя семьи внѣ всякой связи съ родомъ, на это наши источники не даютъ никакихъ указаній. Впрочемъ, если-бы мы даже и допустили, что слово родъ въ разбираемомъ нами мѣстѣ означаетъ не семью, «а всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ», говоря словами С. М. Соловьева, то и въ такомъ случаѣ мы должны были бы признать, что родовой бытъ Полянъ разложился и уступилъ другому быту еще до призванія Рюрика...»

Все, сказанное г. Сергѣевичемъ о значеніи слова родъ, весьма вѣрно и убѣдительно. Столь же справедливо и его возраженіе тѣмъ нашимъ ученымъ, которые дѣлятъ народныя собранія на законныя или правильныя, и на незаконныя или неправильныя, или самовольныя. Въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ указаній на такое дѣленіе, и оно приводится учеными безъ подкрѣпленія ссылками на источники.

Что касается утвержденія г. Сергѣевича о ненаслѣдственности извѣстнаго достоинства въ слояхъ населенія въ продолженіе княжескаго періода, то такое утвержденіе, какъ намъ кажется, не можетъ быть принято безъ нѣкотораго ограниченія; по крайней мѣрѣ слѣдовало бы автору обратить вниманіе на высказанную

г. Погодинымъ вѣроятную догадку, подкрѣпленную имъ указаніями лѣтописи, что достоинство боярина было въ нѣкоторыхъ семьяхъ наслѣдственнымъ.

Не можемъ также, на основаніи занесеннаго въ лѣтопись подъ 1147 годомъ отказа Кіевлянъ на приглашеніе Изяслава Мстиславича идти къ Суздалю на Юрья и Святослава Ольговичей (не можемъ — говорятъ они — на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей пойдемъ и съ дѣтьми), вполнѣ согласиться съ авторомъ, будто дѣти при живыхъ родителяхъ лично не участвовали въ вѣчахъ. Г. Сергѣевичъ въ приведенномъ мѣстѣ изъ лѣтописи видитъ, что отцы рѣшаютъ за дѣтей, которыя тѣмъ самымъ устраняются отъ личнаго участія въ народныхъ собраніяхъ; намъ же кажется, что этими словами лѣтописатель хотѣлъ выразить готовность всѣхъ Кіевлянъ — и старыхъ и молодыхъ, отцевъ и дѣтей — идти на Ольговичей.

Утверждая, что всякое народное собраніе — едва оно имѣетъ своимъ предметомъ общественныя дѣла и желаетъ, чтобы его мнѣніе было принято всѣмъ остальнымъ народомъ, — есть вѣче, гдѣ бы оно ни собиралось, авторъ причисляетъ (стр. 82—83) къ вѣчамъ всѣ сходки или совѣщанія дружины во время похода, и совѣты, ею подаваемые относительно военныхъ дѣйствій, принимаетъ за участіе въ нихъ народа, которому и приписываетъ распоряженіе ходомъ войны. Все это, какъ намъ кажется, едва ли вполнѣ справедливо и точно, равно какъ и тотъ выводъ г. Сергѣевича, что вмѣшательство (какъ намъ кажется сомнительное) народа въ военное управленіе не могло, конечно, способствовать успѣшному веденію войны.

Князь и вѣче представляли двѣ самостоятельныя силы, для которыхъ общественные интересы были равно близки и которыя поэтому самому нерѣдко должны были приходить между собою въ столкновеніе. Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи находился къ вѣчу князь, которому принадлежала всецѣло правительственная и судебная власть, и только отчасти законодательная. Послѣднюю онъ раздѣлялъ съ вѣчемъ, принимая постоянно дѣятельное участіе въ его рѣшеніяхъ и дозволяя приводить въ исполненіе только тѣ изъ нихъ, съ которыми онъ соглашался. Взаимныя отношенія князя къ вѣчу подчинялись тому же закону, который господствовалъ въ отношеніяхъ составныхъ частей одного и того же вѣча, разныхъ пригородовъ одной и той же волости къ главному городу; однимъ словомъ, князь и вѣче стояли другъ противъ друга, какъ

двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе, или точнѣе сказать, значительная доля уступчивости съ обѣихъ сторонъ, умѣренности въ стремленіи осуществить собственную волю. Въ противномъ случаѣ, при отсутствіи этого соглашенія, князь и вѣче становились въ враждебное отношеніе другъ къ другу и начиналась борьба, исходъ которой зависѣлъ отъ силы сторонниковъ князя или противной ему партіи.

Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя, онъ оставался на своемъ мѣстѣ; въ противномъ случаѣ, слѣдствіемъ розни была потеря имъ стола и удаленіе изъ города. При этомъ личность князя оставалась неприкосновенною и только иногда, вслѣдствіе разныхъ соображеній, его осуждали на временное заключеніе. Но нельзя сказать того же самаго объ имуществѣ князя, которое подвергалось грабежу, и о личности его приверженцовъ и слугъ, на которыхъ обрушивалась невзгода всею своею тяжестью. Во время борьбы князей съ вѣчемъ нерѣдко первые находили опору въ одной изъ партій, на которыя дѣлился народъ, а второе — получало помощь отъ другихъ князей. Такимъ образомъ въ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣже начала единенія и розни, которыми проникнута вся наша древняя жизнь.

Для правильнаго пониманія этихъ отношеній, г. Сергѣевичъ обращаетъ вниманіе еще на то, что нашей исторіи вовсе не извѣстенъ антагонизмъ князя и народа, стремленіе послѣдняго расширить свои права на счетъ правъ князя, что всѣ войны всегда велись противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода и никогда ради того, чтобы поколебать принципъ княжескаго правленія и что вслѣдствіе преобладанія характера довѣрія въ отношеніяхъ народа къ князю сей послѣдній могъ выступать на войну безъ постановленія вѣча. Эта возможность вести войну съ помощью народныхъ силъ, помимо вѣчеваго рѣченія, давала князю большую свободу дѣйствія и немало способствовала усиленію княжескихъ усобицъ.

До сихъ поръ у насъ не было столь подробнаго и добросовѣстно тщательнаго изслѣдованія о вѣчѣ. Заслуга г. Сергѣевича заключается не столько въ собраніи матеріаловъ, сколько въ ихъ строгой группировкѣ и въ извлеченіи изъ нихъ тѣхъ данныхъ, которыя проливаютъ свѣтъ и жизнь на наше отдаленное прошлое. Еще выше стоятъ въ этомъ отношеніи по достоинству двѣ послѣднія главы I-ой книги, въ которыхъ говорится о взаимныхъ

отношеніяхъ князей и о порядкѣ распредѣленія волостей между ними.

Въ исторіи княжескихъ отношеній г. Сергѣевичъ видитъ не болѣе какъ исторію договоровъ. Съ этой новой точки зрѣнія на взаимныя отношенія князей авторъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: кому изъ князей принадлежало право вступать въ договоры, порядокъ совершенія договоровъ, ихъ виды, самое содержаніе договорнаго права, средства, употреблявшіяся для обезпеченія силы договоровъ, и порядокъ ихъ уничтоженія.

Право вступать въ договоры принадлежало каждому самостоятельному князю, то есть такому, который вышелъ изъ подъ отеческой власти, при чемъ не обращалось вниманія ни на степени родства, ни на значеніе волостей. Только отношенія дѣтей къ родителямъ опредѣлялось семейнымъ правомъ и только между ними не было договоровъ.

Огромное число свидѣтельствъ о договорныхъ отношеніяхъ князей г. Сергѣевичъ расположилъ въ трехъ групахъ. Къ первой онъ отнесъ свидѣтельства, показывающія о существованіи договорнаго права между родными братьями: ко второй — между дядьями и племянниками первыхъ двухъ степеней; къ третьей между братьями, дядьями и племянниками болѣе отдаленныхъ степеней.

Княжескіе съѣзды, служившіе обыкновенно средствомъ для заключенія договоровъ, носили на себѣ характеръ полной свободы и независимости. Въ нихъ принимали участіе, когда хотѣли, князья той или другой мѣстности, вслѣдствіе чего и постановленія съѣзда были обязательны только для участвовавшихъ въ немъ, и то на столько, на сколько каждый изъ нихъ соглашался съ ними. Кромѣ договоровъ, заключавшихся непосредственно князьями и на съѣздахъ, были еще заключаемы договоры при посредничествѣ третьихъ лицъ; но таковыхъ договоровъ сравнительно немного.

По содержанію всѣ договоры могутъ быть раздѣлены на два разряда: на устанавливающіе политическіе союзы, съ ограниченіемъ или безъ ограниченія политической самостоятельности договаривающихся сторонъ, и на имѣющіе предметомъ распредѣленіе волостей между ними.

Разсмотрѣніе содержанія договорнаго права въ договорахъ перваго разряда сдѣлано г. Сергѣевичемъ тщательно и добросовѣстно; онъ свелъ вмѣстѣ всѣ въ нихъ встрѣчающіеся характеристическіе условія, формулы, термины и представилъ ихъ въ очень наглядномъ очеркѣ.

Отъ изложенія способовъ обезпеченія силы договоровъ и порядка уничтоженія ихъ, на которыхъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они общеизвѣстны, г. Сергѣевичъ прямо переходитъ къ разсмотрѣнію княжескихъ отношеній и историческій очеркъ этихъ отношеній дѣлитъ на 9-ть періодовъ, принявъ въ основаніе дѣленія поколѣнное различіе Рюриковичей, при чемъ гранью такихъ періодовъ ставитъ годъ смерти послѣдняго сколько нибудь замѣчательнаго представителя старшаго поколѣнія, дѣйствовавшаго въ извѣстномъ періодѣ.

Принятое г. Сергѣевичемъ дѣленіе весьма удобно въ томъ отношеніи, что наглядно знакомитъ въ каждомъ періодѣ, обнимающемъ не слишкомъ большое пространство времени, со всѣми отношеніями, существовавшими между болѣе важными князьями современниками.

Въ VIII-мъ періодѣ, простирающемся отъ 1252 года по 1276 годъ, г. Сергѣевичъ помѣстилъ очеркъ отношеній князей къ ордынскимъ ханамъ. Владычество Татаръ надъ Россіею, хотя и внесло нѣкоторыя новыя начала въ нашъ государственный бытъ, но взаимныхъ отношеній князей другъ къ другу ни мало не коснулось. Они и теперь, какъ прежде, постоянно враждовали между собою.

Не смотря на равенство правъ, которыми пользовались князья въ княжескій періодъ нашей исторіи, они по достоинству не были равны, и это зависѣло съ одной стороны отъ старшинства по лѣтамъ (впрочемъ не всегда), а съ другой отъ значенія, то есть древности и богатства города, въ которомъ они занимали столъ. Обладаніе старшимъ богатымъ городомъ, которое пріобрѣталось призваніемъ, завоеваніемъ или договоромъ, было предметомъ особаго честолюбія князей, главнымъ образомъ потому, что князь старшаго города, какъ сильнѣйшій по матеріальнымъ средствамъ, игралъ первую роль въ рѣшеніи современныхъ политическихъ вопросовъ. Князья старшихъ городовъ именовались *великими*, но это наименованіе не давало имъ никакихъ особенныхъ правъ, если только таковыя не были присвоиваемы имъ договорами. Такъ какъ выводы о взаимныхъ отношеніяхъ князей, извлеченные изъ источниковъ, по тщательномъ ихъ разсмотрѣніи, противорѣчили мнѣнію о родовомъ бытѣ князей, то поэтому г. Сергѣевичъ долженъ былъ подвергнуть его критическому разбору.

Княжескіе отношенія С. М. Соловьевъ, одинъ изъ главныхъ защитниковъ родоваго быта, характеризуетъ слѣдующимъ обра-

зомъ: «...всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ, слѣдовательно каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи.

«Такимъ образомъ, родъ князей Русскихъ, не смотря на свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками и т. д.

«Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ. Младшіе князья обязаны были оказывать глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцемъ въ правду, и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ.»

Возражая противъ приведеннаго мнѣнія, г. Сергѣевичъ говоритъ, что оно вызвано «во 1-хъ, нѣкоторыми выраженіями источниковъ, взятыми отрывочно, внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла; въ 2-хъ, тѣмъ, что частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты за обычай родоваго быта. Старшій князь, утверждаетъ приведенное мнѣніе, имѣлъ обязанность думать и дѣйствовать (блюсти, думать и гадать) за младшихъ князей. Чтобы существовала обязанность думать и дѣйствовать за кого-либо, необходимо, чтобы извѣстное лице само не думало и не дѣйствовало, и чтобы другому была предоставлена власть думать и дѣйствовать за него; въ противномъ случаѣ неизбѣжно столкновеніе двухъ думъ и двухъ дѣйствій. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что каждый князь думалъ и дѣйствовалъ самъ за себя, кромѣ того случая, когда онъ по договору обязывался быть въ чьей-либо волѣ, что, впрочемъ, относилось къ одной только внѣшней политикѣ. Теорія родоваго быта разумѣетъ не это подчиненіе одного князя волѣ другаго, возникающее изъ договора; а подчиненіе всѣхъ князей волѣ одного, старшаго, и не въ силу договора, а въ силу — обычаевъ родоваго быта.»

За симъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію доказательствъ, которыми было подкрѣплено мнѣніе о родовомъ бытѣ, указываетъ

на всю ихъ несостоятельность и въ заключеніе говоритъ, что «неправильное представленіе о старшемъ князѣ повело къ неправильному представленію о порядкѣ перехода столовъ, о князьяхъ, исключенныхъ изъ старшинства, изгояхъ и пр.» Нельзя не отозваться съ полною похвалою за этотъ строго ученый, отчетливый разборъ мнѣнія, которое и въ настоящее время имѣетъ еще многихъ сторонниковъ. Какъ же совершался переходъ столовъ отъ одного князя къ другому?

Отвѣтъ, даваемый на это г. Сергѣевичемъ, съ перваго взгляда поражаетъ своею новизною, такъ сказать неожиданностью; но потомъ, по внимательномъ его обсужденіи, нельзя не согласиться съ многими изъ его выводовъ. «Княжеская Россія — говоритъ онъ — не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, а *добывались*.»

Столы добывались: а) посредствомъ занятія, б) захватомъ, в) черезъ добровольную уступку, г) посредствомъ утвержденія ханскимъ ярлыкомъ. Для занятія необходимо было съ одной стороны, чтобы столъ былъ свободенъ, а съ другой, чтобы князь, впущенный гражданами въ городъ, нашелъ въ нихъ себѣ поддержку. Захватъ чужой волости могъ быть совершенъ или посредствомъ завоеванія или посредствомъ изгнанія изъ нея князя. Впрочемъ занятіе и захватъ давали только фактическое обладаніе волостью; она могла быть силою оружія отыскиваема другими князьями, которые при этомъ не стѣснялись ни степенями родства, ни значеніемъ волостей и только были отъ того удерживаемы или ограниченностію средствъ для завоеванія или силою договоровъ.

Добровольныя уступки дѣлались или для замиренія враговъ или для пріобрѣтенія расположенія друзей. Лѣтописи представляютъ много примѣровъ и того и другаго. Къ этому же роду добыванія г. Сергѣевичъ относитъ и куплю чужихъ волостей.

Подтвержденіе высказанному положенію, что столы *добывались*, г. Сергѣевичъ находитъ во всей исторіи княжескаго періода. Для наглядности, онъ заимствовалъ нѣкоторые факты изъ очерка исторіи княжескихъ отношеній и распредѣлилъ ихъ на три групы; въ первой изъ нихъ онъ указалъ на случаи добыванія волостей между родными братьями, во второй — между дядьями и племянниками родными, и въ третьей между двоюродными братьями и другими болѣе отдаленными степенями родства.

«И такъ — заключаетъ авторъ свое разсмотрѣніе случаевъ, подтверждающихъ его положеніе — право добыванія принадлежало

каждому князю, освободившемуся отъ отеческой власти, безъ всякаго ограниченія степенями родства: старшій братъ и дядя точно также отказывались отъ принадлежащихъ имъ волостей въ пользу младшаго брата и племянника, какъ и на оборотъ; каждый князь владѣлъ тѣмъ, что умѣлъ добыть.

«Понятно, что при началѣ распредѣленія столовъ между князьями въ силу личнаго дѣйствія, зрѣлость лѣтъ давала фактическое преимущество передъ ранней молодостью: старый князь могъ уже пользоваться доброй славой у народа, тогда какъ молодому надо было еще заслуживать ее; старый князь могъ быть уже связанъ цѣлою сѣтью договоровъ съ другими князьями и имѣть многихъ союзниковъ, тогда какъ молодой только что приступалъ къ примиренію своихъ личныхъ интересовъ, вновь выдвигаемыхъ имъ въ княжескую среду, съ интересами другихъ князей и къ пріисканію себѣ союзниковъ. Такимъ образомъ, старый князь имѣлъ большую возможность выдти во всеоруженіи для пріисканія стола.»

Но если бы г. Сергѣевичъ ограничилъ свое изслѣдованіе только вышеприведеннымъ, онъ погрѣшилъ бы противъ истины. Извѣстно, что области переходили и по наслѣдству; можно привести весьма много случаевъ въ подтвержденіе того, что князья наслѣдовали по старшинству. Г. Сергѣевичъ не отрицаетъ этого факта, но старается ограничить его всеобщность и въ тоже время показать, отъ какихъ обстоятельствъ зависѣло его осуществленіе.

Умирающіе князья назначали по себѣ преемниковъ и чтобы утвердить за ними столъ, заключали съ вѣчемъ и съ третьими князьями особыя соглашенія, по которымъ сіи послѣдніе признавали столъ умирающаго за назначеннымъ преемникомъ. Если же такихъ предварительно заключенныхъ договоровъ не было, то завѣщаніе не отнимало у третьихъ князей права добывать для себя завѣщанный кому-либо столъ.

Выборъ преемника былъ совершенно свободенъ; но по чувству любви родителей къ дѣтямъ, упроченіе волости за послѣдними составляло задачу каждаго князя, причемъ старшему сыну, по естественному предпочтенію къ первенцу, назначалась всегда лучшая волость. Желаніе упрочить обладаніе своею волостію заставляло многихъ князей желать установленія какихъ-либо границъ, которыя служили бы преградою для добыванія. Отчина, то есть столъ, который занималъ прежде отецъ извѣстнаго князя, явилась отчасти желаемымъ началомъ. Хотя при существующемъ порядкѣ начало отчины и не имѣло рѣшительнаго голоса въ вопросѣ о рас-

предѣленіи волостей, но оно послужило основаніемъ къ притязаніямъ князей на извѣстную волость и принималось за исходный пунктъ въ завѣщаніяхъ, а иногда и въ княжескихъ договорахъ.

Вслѣдствіе всего этого волости, хотя и далеко не всегда, дѣйствительно переходили отъ отца къ сыну по отчинѣ.

Если мы на протяженіи всего княжескаго періода встрѣчаемся съ случаями передачи волостей сыновьямъ по наслѣдству, или въ лѣтописяхъ находятся прямыя указанія на занятіе извѣстнаго стола по завѣщанію какъ на занятіе по праву; если, наконецъ, волости часто переходили къ дѣтямъ по отчинѣ, то намъ казалось бы, что г. Сергѣевичъ поступилъ бы болѣе правильно, если бы наслѣдованію волостей въ своемъ трудѣ далъ первое, какъ надлежитъ, мѣсто, а начало добыванія волостей — весьма впрочемъ справедливое — поставилъ бы въ связь съ наслѣдованіемъ, какъ его ограниченіе или какъ исключеніе изъ него. Впрочемъ, не смотря на нѣкоторое увлеченіе г. Сергѣевича началомъ добыванія волостей, не смотря на то, что его утвержденіе объ охраненіи правъ наслѣдства на столъ посредствомъ договоровъ съ вѣчемъ и князьями, является болѣе предположеніемъ чѣмъ фактомъ, не смотря на нѣкоторыя обмолвки (напр. на стр. 127 сказано: Лѣтопись не говоритъ, къ чему именно обязался Судиславъ за возвращенную ему свободу; но судя по тому, что онъ постригся вслѣдъ за крестнымъ цѣлованіемъ, надо думать, что принятое имъ на себя обязательство заключалось въ отказѣ отъ всякихъ притязаній на какую бы то ни было волость въ Русской землѣ; а на стр. 291—хотя племянники... и возвратили ему (Судиславу) свободу, но на условіи поступленія въ монастырь и слѣдовательно отказа отъ княжескихъ правъ), и двѣ послѣднія главы первой книги, по тщательной разработкѣ предмета, заслуживаютъ полной похвалы.

Вторая книга, обнимающая собою управленіе, состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой говорится о правительственномъ дѣленіи, во второй — объ органахъ управленія, въ третьей — о войскѣ.

Отдѣльная самостоятельная правительственная область называлась сначала княженіемъ, волостью, позднѣе—удѣломъ и уѣздомъ. Отдѣльныя княженія въ правительственномъ отношеніи дѣлились на волости или уѣзды (здѣсь эти слова не синонимы княжеству, а ихъ подраздѣленія) и станы и на города; города и волости въ свою очередь дѣлились на болѣе мелкія единицы: сотни, потуги и погосты. Существованіе дѣленія на потуги, г. Сергѣевичъ выводитъ изъ слѣдующаго мѣста договорной грамоты Новгорода съ великимъ

княземъ Московскимъ Іоанномъ Васильевичемъ: «а купецъ поѣдетъ во сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ». Но не означаетъ-ли здѣсь слово потугъ повинности, какъ и въ двухъ слѣдующихъ мѣстахъ: «а дань царева и оброкъ и всякіе потуги платити съ тѣхъ деревень мнѣ Нечаю». (Ак. Юрид. 128), «а что было монастырскіе вотчины... и отъ тяжелыхъ потуговъ запустѣло» (Ак. Юр. 85). Въ концѣ этой главы авторъ говоритъ объ иммунитетахъ, или объ исключеніяхъ въ пользу лицъ, монастырей и церквей, которыми они освобождались отъ княжескихъ даней, пошлинъ и повинностей и отъ суда княжескихъ чиновниковъ.

Не можемъ не обратить вниманія на то, что авторъ возстаетъ, какъ намъ кажется недостаточно основательно, противъ названія одного изъ періодовъ нашей исторіи удѣльнымъ, лишь потому, что это названіе «заимствовано только отъ одного изъ способовъ пріобрѣтенія княженій и притомъ — не самостоятельнаго, нуждавшагося въ утвержденіи договорами съ третьими князьями, и далеко не господствовавшаго въ то время.

Вся система древняго управленія можетъ быть названа системою личнаго управленія княземъ, такъ какъ въ немъ сосредоточивались власть военная и гражданская, судъ и администрація, финансы и всѣ другіе предметы мало развитаго тогдашняго управленія. Дѣла частныя князя различались отъ дѣлъ Русской земли; впрочемъ это различеніе никогда не проводилось строго и слуги князя нерѣдко являются органами управленія. Служилые люди князя дѣлились на два разряда лицъ: нисшій и высшій. Первый составляли откроки князя, дѣтскіе и гридни (отъ гридницы); въ болѣе позднее время мы встрѣчаемъ ихъ подъ именемъ дворныхъ людей и дворныхъ слугъ, откуда образовался терминъ дворянинъ.

Въ этомъ разрядѣ слугъ встрѣчаемъ особыя придворныя должности — постельниковъ, спальниковъ, окольничихъ и пр. Съ теченіемъ времени лучшимъ членамъ княжескаго двора присвоено было названіе дѣтей боярскихъ. Высшій рязрядъ княжескихъ слугъ составляли мужи и бояре, которые, въ отличіе отъ остальныхъ, именовались княжими. Кромѣ бояръ и мужей, въ составъ высшаго разряда княжескихъ слугъ въ концѣ княжескаго періода вошли еще и князья, которымъ было усвоено наименованіе бояръ. Совокупность высшаго и нисшаго разряда княжескихъ слугъ носила наименованіе дружины.

Центральную власть, кромѣ князя, представляла княжеская дума

составъ и предметъ занятій которой исключительно зависѣли отъ усмотрѣнія князя.

Помощниками князя, вѣдѣнію которыхъ онъ поручалъ отдѣльныя отрасли управленія и суда, были: посадники, намѣстники, (вѣдавшіе обыкновенно города) и волостели (управлявшіе волостью), тіуны, сотскіе (становщики), старосты и десятскіе, разнаго рода приказные люди и пошлинники (мытники, таможенники, пятеньщики), наконецъ дворецкіе, казначеи, ключники, дьяки, посельскіе и путные бояре, управлявшіе княжескими имуществами, носившими наименованіе путей и долженствовавшими заниматься содержаніемъ и разведеніемъ княжескихъ лошадей, собакъ, пчелъ, ловлею бобровъ и рыбы, собираніемъ меда и пр. Таковъ былъ составъ княжеской администраціи. На вознагражденіе или на ея содержаніе шли пошлины: судебныя, съ заключаемыхъ браковъ (выводная куница, новожженый убрусъ) и торговыя, послѣднія впрочемъ не всегда, и кормы. Кромѣ тщательнаго собранія изъ источниковъ данныхъ, мы въ главѣ объ управленіи встрѣтили нѣсколько новыхъ соображеній, изъ которыхъ съ иными нельзя вполнѣ согласиться, какъ напр. что на войнѣ князь *обыкновенно* первый начиналъ бой; что въ составъ отроковъ и дѣтскихъ входили рабы, такъ какъ вмѣстѣ съ ними по тогдашнему понятію никакъ не могли служить сыновья лицъ, пользовавшихся самымъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ; что наименованіе *милостникъ* было отличительнымъ для нѣкоторыхъ служилыхъ людей, такъ какъ это слово означаетъ просто любимца; что посадники при первыхъ князьяхъ избирались преимущественно изъ варяговъ и пр.

Послѣдняя глава труда г. Сергѣевича любопытна не менѣе предшествовавшихъ. Послѣ разсмотрѣнія составныхъ частей войска, слагавшагося изъ народа, служилыхъ людей и иноземныхъ наемниковъ, авторъ переходитъ къ изложенію обязанностей воеводъ и тысяцкихъ, стоявшихъ въ главѣ центральнаго военнаго управленія, и оканчиваетъ указаніемъ на средства, обезпечивавшія содержаніе войска. Этими средствами были: военная добыча, денежныя награды и пожалованіе помѣстій.

Вообще близкое знакомство съ источниками, и вслѣдствіе того богатство собранныхъ данныхъ, внимательное отношеніе къ предмету, ясное и своеобразное разъясненіе многихъ вопросовъ, къ нему относящихся, ровный и спокойный тонъ изложенія составляютъ характеристическія черты труда г. Сергѣевича. Сочиненіе это, не смотря на нѣкоторые его недостатки и на отсутствіе въ немъ гла-

вы, посвященной литературѣ предмета, является полезнымъ пріобрѣтеніемъ для науки и обѣщаетъ ей въ лицѣ г. Сергѣевича новаго и даровитаго дѣятеля.

По всѣмъ симъ соображеніямъ я нахожу трудъ г. Сергѣевича вполнѣ заслуживающимъ поощрительной награды графа Уварова.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Г. СМИРНОВА

«Исторія Троицкой Лаврской семинаріи.»

Составленъ Академикомъ П. П. Пекарскимъ.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія XVIII вѣка нашимъ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ суждено было занимать видное мѣсто, такъ какъ въ нихъ почти исключительно и довольно долго получали первоначальное воспитаніе первые изъ русскихъ ученыхъ, писателей, переводчиковъ, даже корректоровъ. Вообще подробности о состояніи образованія и успѣхахъ его въ средѣ какого-либо сословія полезно для исторіи въ томъ отношеніи, что даютъ возможность ознакомиться со степенью умственнаго развитія этого сословія въ ту или другую эпоху. Изученіе же исторіи образованія нашего духовенства въ прошломъ вѣкѣ полезно еще и въ томъ отношеніи, что оно приводитъ къ настоящему пониманію разныхъ явленій въ литературѣ, отражающей въ себѣ, какъ извѣстно, болѣе или менѣе вѣрно то, что происходитъ въ современномъ ей обществѣ. Отсюда понятно, что судьбы образованности русскаго духовенства не есть принадлежность одной церковной исторіи, но изученіе ихъ должно необходимо входить въ исторію всего просвѣщенія и всей литературы русской по крайней мѣрѣ до Карамзина. Понятно поэтому, что всякое появленіе новаго труда изъ области знаній, о которой здѣсь говорится, нельзя не считать полезнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы.

Нашъ высокоуважаемый сочленъ, преосвященный Макарій, архіепископъ харьковскій, первый указалъ пріемы и далъ образецъ обработки и изданія въ свѣтъ матеріаловъ для исторіи духовныхъ

учебныхъ заведеній. Его «Исторія Кіевской духовной Академіи» для своего времени была сама по себѣ трудомъ въ высшей степени замѣчательнымъ, не говоря уже о томъ, что это сочиненіе вызвало потребность въ продолженіи подобныхъ же историческихъ изслѣдованій о духовныхъ академіяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ,— учрежденіяхъ, заимствовавшихъ въ свое время преданія, водворенныя въ кіевской духовной Академіи.

Явившаяся въ прошедшемъ году «Исторія троицкой лаврской семинаріи», по плану, расположенію и пріемамъ, въ ней употребленнымъ, есть продолженіе ряда изслѣдованій, честь почина въ которыхъ принадлежитъ преосвященному Макарію.

Имя автора «Исторіи» названной семинаріи давно извѣстно тѣмъ, кто занимается исторіею просвѣщенія въ Россіи. Одинъ изъ главныхъ трудовъ его — именно «Исторія московской духовной Академіи» — признанъ отъ Академіи Наукъ достойнымъ награды на одномъ изъ бывшихъ Демидовскихъ конкурсовъ. Настоящее его сочиненіе касается учебнаго заведенія, возникшаго только около половины прошлаго столѣтія и принадлежавшаго къ разряду среднихъ духовныхъ училищъ. Слѣдовательно исторія его не можетъ быть столь замѣтною, какъ напр. духовныхъ Академій; но тѣмъ не менѣе троицкая семинарія заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ по множеству вышедшихъ изъ нея воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые занимали въ послѣдствіи высшія іерархическія степени, а другіе сдѣлались извѣстными на ученомъ поприщѣ, такъ и по дѣятельному участію къ судьбамъ этого заведенія приснопамятнаго московскаго митрополита Платона. Все это, а также и то обстоятельство, что въ послѣднемъ произведеніи г. Смирнова мы имѣемъ пока единственную подробную исторію русской семинаріи, придаютъ особенное значеніе разбираемому труду.

Троицкая лаврская семинарія учреждена указомъ Сѵнода отъ 21-го октября 1738 года, но въ дѣйствительности была открыта только въ 1742 году. Сначала ученики являлись туда неохотно: подъ разными предлогами сами родители старались избавить своихъ дѣтей отъ отдачи во вновь открытую семинарію, такъ-что начальство принуждено было посылать въ отчины сергіевской троицкой лавры солдатъ съ особыми инструкціями для набора учениковъ. Чтобы отбыть отъ ученія, иные молодые люди спѣшили перемениться, а другіе просто дѣлались бѣглыми. Такія посылки солдатъ продолжались и въ позднѣйшее время, напр. въ 1761 г. При производствѣ общей переписи по государству въ 1744 г. Тро-

ицкая Лавра ходатайствовала объ исключеніи изъ податнаго оклада семинаристовъ. Дѣло длилось до 1750 года, когда было разрѣшено не включать ихъ въ окладъ. Замѣчательно, что при этомъ случаѣ подъячіе ревизіонъ-коммиссіи съ лаврскаго ходатая по дѣламъ «кромѣ подносныхъ иконъ и денегъ, брали французскимъ виномъ, зернистою икрою, лимонами, свиными тушами и даже сѣномъ».

Въ первый періодъ существованія троицкой семинаріи, т. е. съ 1742 по 1761 годъ, преподаваніе тамъ введено было то самое, которое изъ Кіева начало распространяться у насъ еще въ XVII вѣкѣ. Ученики раздѣлялись по классамъ или школамъ, носившимъ извѣстныя названія: фары, инфимы, синтаксимы, піитики, философіи и богословія. Преподаваніе послѣдней науки началось только въ 1751 г.; ее читалъ ректоръ Афанасій Волховскій, заимствуя содержаніе изъ богословскихъ уроковъ Ѳеофана Прокоповича, съ исключеніемъ оттуда всего того, что можно было почесть за подражаніе лютеранству. Въ преподаваніи поэзіи, латинской просодіи было отведено болѣе значительное мѣсто чѣмъ изученію русскаго стиха, который при этомъ принимался только силлабическаго размѣра. Стало-быть преобразованіе въ русскомъ стихѣ Тредіаковскаго и поэтическіе образцы Ломоносова тогда считались нововведеніями, еще не усвоенными школою. Такія науки, какъ ариѳметика, геометрія, тригонометрія, географія и исторія считались предметами второстепенными. Изъ древнихъ языковъ преимущественнѣе всего обращалось вниманіе на латынь: на этомъ языкѣ преподавались въ семинаріи всѣ науки. На обязанности наставниковъ семинаріи лежало публичное катихизическое ученіе, а также произношеніе поученій въ праздничные и воскресные дни. Г. Смирновъ при этомъ случаѣ входитъ въ обстоятельное разсмотрѣніе проповѣдей, говоренныхъ лицами, которыя принадлежали къ семинаріи: они въ тѣ времена пользовались такою извѣстностью, что ихъ иногда вызывали въ Петербургъ для произнесенія проповѣдей при дворѣ императрицы Елизаветы.

Послѣ краткаго изложенія судебъ начальствовавшихъ, учившихъ и учившихся въ семинаріи въ первый періодъ ея существованія, изслѣдователь сообщаетъ любопытныя подробности о внутреннемъ бытѣ заведенія того времени. Образованіе тогда доставалось не легко: иные изъ воспитанниковъ учились въ семинаріи по 13 и по 14 лѣтъ. Изученіе латинскаго языка въ размѣрахъ, какіе требовались отъ тогдашнихъ семинаристовъ, для нѣкоторыхъ казалось столь труднымъ, что они рѣшались ложно показывать за

собою слово и дѣло, хотя это неминуемо влекло за собою жестокое тѣлесное наказаніе, а потомъ отдачу въ солдаты или матросы.

Второй періодъ въ исторіи троицкой семинаріи г. Смирновъ считаетъ съ 1761 по 1814 г., то есть время, когда тамъ былъ сначала преподавателемъ, потомъ ректоромъ, а наконецъ протекторомъ знаменитый Платонъ, митрополитъ московскій. Описаніе этого періода въ особенности отличается тѣмъ, что, говорится-ли тамъ о преподаваніи той или другой науки, идетъ-ли рѣчь о хозяйственныхъ распоряженіяхъ, все равно значительныхъ или мелочныхъ, разсказывается-ли наконецъ о судьбѣ учившихъ и учившихся — вездѣ встрѣчается непремѣнно имя Платона, то какъ педагога и ученаго, то какъ домовитаго хозяина. Такимъ образомъ въ исторіи троицкой семинаріи въ сказанный періодъ времени входитъ не мало любопытныхъ страницъ изъ жизнеописанія знаменитаго московскаго митрополита, страницы, тѣмъ болѣе обращающія на себя вниманіе, что до сихъ поръ отношенія Платона къ этому духовному заведенію не были извѣстны съ такими подробностями, какія сообщены въ разбираемомъ трудѣ г. Смирнова.

Христіанское богословіе Платона было употребляемо какъ руководство, почему оно и разсмотрѣно обстоятельно въ книгѣ г. Смирнова. По его отзыву, это былъ первый опытъ рѣшительнаго изгнанія у насъ схоластическихъ пріемовъ изъ богословской системы. Кромѣ того, г. Смирновъ знакомитъ съ лекціями ректоровъ, преподававшихъ богословіе семинаристамъ во времена Платона. На конспектѣ этой науки, представленномъ отъ ректора Иларіона, Платонъ выразилъ желаніе, «чтобъ догматы по возможности трактовались короче и чтобъ устраняемы были пустые и безполезные вопросы, которыми обезображены книги римскихъ католиковъ.»

Философія читалась въ семинаріи по Баумейстеру. Какъ руководство для реторики, была сначала введена такъ-называемая реторика вратиславская, то есть изданная въ Бреславлѣ; потомъ не на долго тамъ принято было «Краткое руководство къ ораторіи россійской» Амвросія Серебреникова, но оно скоро уступило мѣсто памятному въ лѣтописяхъ старинныхъ семинарій руководству Бургія. Послѣдній такъ утвердился въ троицкой семинаріи, что когда св. синодъ предписалъ въ 1798 г., вмѣсто руководства по Бургію, ввести новую реторику, то это было исполнено только для вида, а вскорѣ за тѣмъ преподаваніе опять продолжалось по Бургію. Въ классѣ поэзіи задавали сочинять стихи вопреки совѣту Платона не требовать этого отъ всѣхъ, «а поощрять тѣхъ, въ комъ от-

кроется къ стихотворству свободная жила». Математика и исторія, также какъ и въ предыдущій періодъ, считались предметами второстепенными. Всеобщая исторія преподавалась по Лакрозу, Гольбергу, Фрейеру и Шреку; русская церковная исторія — по руководству, написанному Платономъ, а русская исторія — по труду князя Щербатова.

Бо́льшая часть времени уходила у семинаристовъ на изученіе латинскаго языка. Начиная съ среднихъ классовъ, они говорили уже на этомъ языкѣ; лекціи читались на немъ же. «Начальство семинаріи и наставники, замѣчаетъ г. Смирновъ, до того свыкались съ латынью, что когда представлялась нужда писать по русски, то въ русскую рѣчь, какъ бы невольно, вторгались латинскія фразы. Въ самыхъ резолюціяхъ Платона часто встрѣчаемъ такую смѣсь русскихъ словъ съ латинскими».... Г. Смирновъ привелъ и нѣсколько образчиковъ такого смѣшенія языковъ, но въ его изслѣдованіи не находимъ отвѣта на любопытный вопросъ: содѣйствовало-ли усиленное занятіе латинскимъ языкомъ въ семинаріи бо́льшему ознакомленію воспитанниковъ съ древнимъ міромъ и возбуждало-ли оно любовь къ образцовымъ произведеніямъ, уцѣлѣвшимъ отъ него въ наслѣдство новымъ народамъ?

Г. Смирновъ, передавая разныя подробности о поученіяхъ и проповѣдяхъ, произнесенныхъ ректорами, префектами и учителями, сообщаетъ извѣстія и о проповѣдяхъ бывшаго учителя троицкой семинаріи Василья Михайловича Дроздова. О первой, извѣстной въ печати проповѣди его, митрополитъ Платонъ писалъ къ своему викарію Августину: «а у меня проявился отличнѣйшій проповѣдникъ—учитель Дроздовъ. Я сообщу его проповѣдь—и удивитесь».... Извѣстно, что Василій Михайловичъ Дроздовъ въ монашествѣ былъ нарѣченъ Филаретомъ, и что къ празднованію пятидесятилѣтія служенія его въ санѣ епископскомъ издано въ свѣтъ разбираемое сочиненіе г. Смирнова.

Чтобы дать понятіе о бытѣ воспитанниковъ троицкой семинаріи, г. Смирновъ сообщилъ разнообразныя инструкціи митрополита Платона касательно образа жизни, поведенія и содержанія семинаристовъ; далѣе говорится о диспутахъ, экзаменахъ, вакаціонномъ времени; наконецъ помѣщены краткія извѣстія о судьбѣ начальствующихъ, наставниковъ и воспитанниковъ, сдѣлавшихся потомъ извѣстными на поприщѣ служенія церкви и наукъ. По значенію въ русской исторіи XIX ст., первое мѣсто здѣсь отведено недавно усопшему митрополиту московскому Филарету.

Настоящій краткій обзоръ не изчерпывалъ бы содержанія сочиненія г. Смирнова, если бы было умолчено о подробностяхъ, сообщенныхъ тамъ касательно хозяйственной части семинаріи, объ обстоятельномъ изложеніи разныхъ руководствъ и лекцій по главнѣйшимъ предметамъ преподаванія, объ описаніи семинарскихъ торжествъ по случаю посѣщеній лавры членами Императорскаго Дома и т. п. Все это собрано г. Смирновымъ чрезвычайно тщательно, съ любовію къ предмету и, вмѣстѣ съ тѣмъ съ основательнымъ знаніемъ его. Онъ не слѣдуетъ обычаю, нерѣдко встрѣчающемуся у насъ въ послѣднее время, давать книгѣ заглавіе и говорить въ ней совсѣмъ о другомъ, что всегда происходитъ отъ неумѣнія совладѣть съ избраннымъ предметомъ. Иногда описанія разныхъ, неидущихъ къ дѣлу обстоятельствъ оправдываются болѣе смѣло, чѣмъ справедливо заявленіемъ, что изслѣдователь имѣлъ въ виду изобразить не только такое-то лицо или событіе, но всю современную имъ эпоху. Г. Смирновъ, напротивъ, строго держится съ начала до конца въ предѣлахъ избранной имъ скромной задачи — изложить исторію троицкой лаврской семинаріи въ XVIII и началѣ XIX столѣтій, и исполняетъ ее добросовѣстно, не забывая обозначать всѣ источники, которыми онъ пользовался. Нельзя также не поставить въ заслугу изслѣдователя и того, что эти источники почти исключительно состоятъ изъ рукописей и дѣлъ, работать по которымъ гораздо труднѣе, чѣмъ по печатнымъ, обработаннымъ матеріаламъ.

Произведенія самыя совершенныя не бываютъ изъяты отъ неполноты и недостатковъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія на трудъ г. Смирнова, то можно бы замѣтить, что онъ слишкомъ обиленъ на выписки, напр. изъ старинныхъ проповѣдей и т. п., и скупъ на характеристическія подробности о лицахъ, упоминаемыхъ въ исторіи троицкой семинаріи, такъ-какъ краткія извѣстія формулярныхъ списковъ о служебныхъ прохожденіяхъ тѣхъ лицъ, не давая о нихъ понятія какъ о живыхъ людяхъ, представляютъ ихъ какими-то автоматами, проходившими лѣствицу чиновъ и отличій съ нисшихъ ступеней на высшія.

За недостаткомъ особенно крупныхъ промаховъ, можно указать въ «Исторіи троицко лаврской семинаріи» на нѣкоторые маловажные въ родѣ слѣдующихъ: на 1-й страницѣ ея сказано, что «мысль объ учрежденіи семинаріи въ Троицкой Сергіевской Лаврѣ родилась при посѣщеніи сей обители императрицею Анною Іоанновною въ 1738 году». Этого не могло быть, потому что государыня, вы-

ѣхавъ изъ Москвы въ 1732 году, не покидала потомъ Петербурга до самой кончины своей въ 1740 году. На стр. 4-й высшее правительственное учрежденіе, существовавшее во времена той-же государыни, названо тайнымъ кабинетомъ, тогда какъ оно, по уничтоженіи верховнаго тайнаго совѣта, было учреждено подъ именемъ Кабинета Ея Величества. На стр. 55, говоря объ Академіи Наукъ 1746 — 1752 годовъ, авторъ называетъ ее Россійскою Академіею; подъ послѣднимъ названіемъ дѣйствительно существовало до 1841 г. учено-литературное учрежденіе, основанное въ 1783 г. независимо отъ Академіи Наукъ. Нельзя также не считать недостаткомъ въ такомъ полезномъ для справокъ трудѣ, какъ книга г. Смирнова, что она, имѣя 586 стр. и заключая въ себѣ множество именъ и мелкихъ подробностей, не только не снабжена указателемъ, но не имѣетъ даже подробнаго оглавленія.

Если я не считалъ себя въ правѣ умолчать о подобныхъ недостаткахъ, то въ заключеніи съ тѣмъ бо́льшею свободою могу засвидѣтельствовать, что «Исторія троицкой лаврской семинаріи» удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя изложены въ уставѣ объ Уваровскомъ конкурсѣ для присужденія сочиненію награды.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО

«Украинская старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы народнаго образованія.»

Составленъ М. И. Сухомлиновымъ.

Сборникъ г. Данилевскаго, изданный подъ названіемъ «Украинская старина», содержитъ въ себѣ матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія на Украйнѣ. Польза и необходимость изданія мѣстныхъ органовъ, въ которыхъ бы помѣщались достовѣрныя свѣдѣнія о характерѣ мѣстной жизни, прошлой и настоящей, о нравственныхъ и матеріальныхъ потребностяхъ жителей, — была заявлена еще Ломоносовымъ. Но мысли его суждено было осуществиться, и притомъ не вполнѣ, спустя почти столѣтіе, послѣ того, когда она была впервые высказана. Въ неофиціальныхъ отдѣлахъ губернскихъ вѣдомостей, въ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ отъ времени до времени мѣстными статистическими комитетами и т. п. находится много, болѣе или менѣе цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи и статистики различныхъ мѣстностей. Въ числѣ изданій подобнаго рода, выходившихъ въ послѣднее время, нельзя не вспомнить съ особеннымъ уваженіемъ о трудахъ покойнаго архіепископа черниговскаго Филарета, занимающихъ почетное мѣсто въ нашей ученой литературѣ. Авторъ исторіи русской церкви и многихъ ученыхъ монографій, архіепископъ Филаретъ ознаменовалъ мѣста своего пребыванія, ввѣряемыя его духовному управленію, изданіемъ описанія ихъ историческихъ достопримѣчательностей. Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, черниговскія епархіальныя извѣстія, статьи и книги о черниговской старинѣ, останутся свидѣтельствомъ ученой дѣятельно-

сти автора, понимавшаго высокій интересъ историческаго изученія памятниковъ старины. Въ Харьковѣ, какъ въ центрѣ учено-литературной дѣятельности южной Россіи, обязанномъ значеніемъ своимъ преимущественно университету, предпринимаемо было, со времени учрежденія университета, нѣсколько періодическихъ изданій и сборниковъ, въ которыхъ отражалась, въ большей или меньшей степени, мѣстная жизнь и образованность. Къ числу изданій особенно важныхъ въ литературномъ отношеніи, принадлежитъ сборникъ И. И. Срезневскаго: «Запорожская старина». Съ большимъ сочувствіемъ встрѣченъ былъ «Молодинъ» Бецкаго, задуманный съ цѣлью знакомить читателей съ мѣстною жизнью въ ея старинномъ и современномъ видѣ.

Желая содѣйствовать той-же цѣлью ознакомленія съ бытомъ края, г. Данилевскій предпринялъ изданіе «Украинской старины». Литературная дѣятельность собственно въ Харьковѣ—говоритъ г. Данилевскій — прекратилась съ конца сороковыхъ годовъ этого вѣка. Прежде Харьковъ имѣлъ и своихъ самостоятельныхъ издателей и свои значительно распространенныя изданія. Харьковская литература имѣла въ то время успѣхъ и успѣхъ вполнѣ заслуженный. Если въ настоящее время украинскіе писатели перенесли свою дѣятельность въ столичные журналы, то не надо забывать, что есть цѣлая область въ нашей литературѣ и въ наукѣ, къ которой почти всѣ столичные журналы относятся свысока и мимоходомъ, питая къ ней полное безучастіе: это — мѣстная, такъ называемая украинская старина. Имѣя въ виду эти мѣстные интересы, мы предприняли изданіе нашего сборника, первый выпускъ котораго посвящается обзору жизни и трудовъ трехъ замѣчательныхъ украинскихъ дѣятелей: Сковороды, Каразина и Основьяненка и обозрѣнію судьбы народныхъ школъ въ здѣшней губерніи. Смотря по успѣху этого сборника, въ слѣдующихъ выпускахъ мы помѣстимъ біографіи другихъ украинскихъ дѣятелей, отрывки старинныхъ актовъ, переписки помѣщиковъ восьмнадцатаго вѣка, мемуаровъ и цѣлыя монографіи о южно-русскомъ краѣ.

При выборѣ предметовъ, вошедшихъ въ составъ перваго выпуска, авторъ имѣлъ въ виду преимущественно народное образованіе и образованность. Онъ довольно подробно говоритъ о современномъ состояніи народныхъ школъ въ Харьковской губерніи съ указаніемъ нѣкоторыхъ чертъ изъ прежняго времени. Съ началомъ настоящаго столѣтія главнымъ вождемъ народнаго образованія въ краѣ является университетъ, и авторъ представилъ очеркъ жизни

и трудамъ Каразина, наиболѣе содѣйствовавшаго открытію харьковскаго университета. За статьею о Каразинѣ помѣщена біографія Основьяненка, бывшаго въ свое время свѣтиломъ украинской литературы и содѣйствовавшаго учрежденію института для дѣвицъ въ Харьковѣ. Держась хронологическаго порядка, авторъ начинаетъ свое обозрѣніе со Сковороды, пользовавшагося чрезвычайною популярностью въ краѣ и отчасти замѣнявшаго школу для кружка любознательныхъ людей того времени и той мѣстности.

«Мы смотримъ на Сковороду — говоритъ авторъ — преимущественно какъ на человѣка общественнаго, который бесѣдами и примѣромъ своей жизни, горячею любовью къ наукѣ и убійствомъ плоти своей во имя духа и мысли, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ и зажигалъ ихъ на добрыя дѣла. Не тетрадки сочиненій его, пересылавшихся отъ автора къ приходскимъ духовникамъ и помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали. Мимо украинскихъ коллегіумовъ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій, ходячій коллегіумъ. За отсутствіемъ другаго, высшаго нравственнаго интереса въ обществѣ украинскомъ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки въ главномъ городѣ Слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока наконецъ, чрезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, подвигъ Каразина послужилъ къ открытію въ Харьковѣ университета. Лучшее доказательство силы общественнаго значенія Сковороды то, что безъ него въ извѣстной степени, не было бы долго основано перваго университета на Украйнѣ. Дѣло Каразина къ открытію университета въ Харьковѣ кончилось такъ легко по тому, что въ 1803 году, первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ 618,000 рублей для основанія университета, были большею частью незамѣтно подготовлены къ этому, *это были все или ученики или короткіе знакомые и друзья Сковороды*».

Авторъ касается современнаго Сковородѣ состоянія общества и образованности. Нѣкоторыя черты, приводимыя имъ изъ различныхъ источниковъ, отчасти разъясняютъ загадочную для своего времени личность Сковороды, характеръ его сочиненій и способъ изложенія. Аллегорическіе образы украинскаго философа соотвѣтствуютъ духу и обстановкѣ учебныхъ заведеній того времени. Мистицизмъ, замѣчаемый въ рѣчахъ и писаніяхъ Сковороды, состав-

лялъ въ теченіе долгаго періода существенную особенность направленія, господствовавшаго не въ одной русской литературѣ. Говоря о начитанности Сковороды, авторъ исчисляетъ его любимыхъ писателей.

При составленіи очерка о Сковородѣ, авторъ руководствовался какъ печатными матеріалами такъ, и рукописными, главнымъ образомъ — неизданными записками Коваленскаго, а также данными, полученными отъ различныхъ лицъ или отысканными въ архивахъ. Въ концѣ статьи приложены три указателя: указатель печатныхъ статей Сковороды, указатель неизданныхъ его сочиненій и указатель статей о Сковородѣ.

В. Н. Каразинъ увѣковѣчилъ свою память тѣмъ, что былъ однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей въ дѣлѣ объ учрежденіи харьковскаго университета. По свидѣтельству, приводимому авторомъ, Каразинъ далъ идею объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія; домогался возсоединенія уніатовъ, которое совершилось спустя больше тридцати лѣтъ; въ 1805 году учредилъ у себя постановленіе точь въ точь такое ,на какое вызываетъ указъ 1842 года 2 апрѣля; предлагалъ отапливаніе дворца или нагрѣваніе водяными парами, заключенными въ трубкахъ, которое потомъ произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ, и т. п.

Обозрѣніе дѣятельности Каразина составлено при помощи указаній, заключающихся въ произведеніяхъ самого Каразина и въ біографіи его, составленной его сыномъ для адмирала Лазарева, и различныхъ свѣдѣній, полученныхъ отъ старожиловъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Каразинымъ. Авторъ передаетъ одно за другимъ извѣстія, заимствуемыя изъ различныхъ источниковъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ статьѣ о Каразинѣ, равно какъ и въ другихъ статьяхъ, не сведены въ стройное цѣлое, и большею частью отрывочны; между ними не всегда есть внутренняя связь; приводятся извѣстія и не прямо идущія къ дѣлу, если они могутъ казаться въ какомъ бы то нибыло отношеніи любопытными. Нельзя искать въ очеркахъ г. Даниленскаго полной картины и живой характеристики. Но самъ авторъ предупреждаетъ требованіе читателей, указывая слѣдующими словами на цѣль своего труда. «Сухія и сжатыя данныя изъ жизни В. Н. Каразина — говоритъ онъ — впервые здѣсь соединенныя изъ многихъ разнородныхъ источниковъ, на первый разъ, кажется, должны быть предпочтены всякой голословной, хотя быть можетъ и болѣе занимательной критической статьѣ объ этомъ человѣкѣ. Мой очеркъ только указанія, наметки, добытыя не безъ

труда. Теперь, по этой канвѣ, всякому, кто бы пожелалъ, легко будетъ прослѣдить эту жизнь у самыхъ ея источниковъ и сказать о ней положительное и по возможности окончательное мнѣніе. Въ заключеніе статьи о Каразинѣ, авторъ приложилъ списокъ сочиненій Каразина съ 1807 по 1842 годъ, съ краткимъ содержаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

Квитка — Основьяненко, которому посвящена одна изъ статей сборника, дорогъ для украинскаго общества и какъ писатель и какъ общественный дѣятель. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ учрежденіи института для дѣвицъ въ Харьковѣ, кадетскаго корпуса, находящагося теперь въ Полтавѣ, и публичной библіотеки при харьковскомъ университетѣ. Въ статьѣ объ Основьяненкѣ, авторъ руководствовался также и печатными и рукописными матеріалами, и приложилъ списокъ сочиненій Основьяненки съ 1816 по 1849 годъ, включивъ въ него, какъ то, что напечатано при жизни и по смерти автора, такъ и то, что до сихъ поръ остается неизданнымъ. Любопытны свѣдѣнія, приводимыя авторомъ статьи объ Основьяненкѣ, о первыхъ временахъ харьковскаго университета.

Въ статьѣ подъ названіемъ: «Харьковскія народныя школы», авторъ приводитъ данныя о народномъ образованіи съ 1732 по 1865 годъ. Такой продолжительный періодъ, при сравнительно небольшомъ объемѣ статьи, не могъ быть изображенъ съ большою подробностью, и авторъ ограничился только нѣкоторыми чертами, особенно яркими и важными по его мнѣнію. Собраніе точныхъ свѣдѣній о состояніи народныхъ училищъ чрезвычайно важно во многихъ отношеніяхъ. Исторія образованности народа невозможна безъ изслѣдованія историческихъ и статистическихъ данныхъ о народныхъ училищахъ, служащихъ залогомъ умственнаго и нравственнаго развитія народа. Въ исторіи литературы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ исторія образованности въ томъ видѣ, какъ выразилась она въ характерѣ преподаванія, въ дѣятельности учебныхъ заведеній и вліяніи ихъ на общество. Литературная производительность находится въ связи съ судьбою учебныхъ заведеній. Господствующее направленіе, общій характеръ, любимые пріемы писателей объясняются весьма часто не одною только индивидуальностью писателя, но и направленіемъ общественнаго образованія, тѣми свѣдѣніями и впечатлѣніями, которыя выносятъ изъ училищъ какъ авторы, такъ и читатели. Общественнымъ результатомъ добросовѣстнаго собранія свѣдѣній о народныхъ училищахъ служитъ примѣненіе этихъ свѣдѣній къ современнымъ по-

требностямъ общества при открытіи училищъ того или другаго рода, сообразно съ мѣстными условіями. Чѣмъ важнѣе, по результатамъ своимъ и для науки и для жизни, собираніе свѣдѣній объ училищахъ, тѣмъ большей точности и добросовѣстности требуетъ оно отъ собирателя. Поэтому нельзя не пожалѣть, что авторъ мѣстами придаетъ очерку своему литературную форму замѣтокъ, въ которыхъ приводятся слова и мнѣнія собесѣдниковъ въ такомъ видѣ, который напоминаетъ болѣе повѣсть, нежели статистическій отчетъ о путешествіи, совершенномъ съ цѣлью въ высшей степени серьезною. При передачѣ бесѣдъ съ разными лицами, въ особенности изъ крестьянскаго круга, весьма легко удалиться отъ математической точности и увлечься общимъ у многихъ литераторовъ стремленіемъ, придавать наиболѣе рельефности рѣчамъ простолюдиновъ и почти невольно сообщить имъ тотъ характеръ, котораго въ сущности они не имѣютъ.

Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ литературную обработку, представляется возможность тѣмъ съ большимъ основаніемъ довѣрять точности свѣдѣній, заимствуемыхъ авторомъ изъ самыхъ источниковъ, что онъ во многихъ случаяхъ называетъ ихъ поименно, указываетъ, когда, гдѣ и отъ кого получилъ то или другое свѣдѣніе. Авторъ пользовался и рукописными источниками, какъ напримѣръ, богатымъ архивомъ харьковскаго университета, дѣлами харьковскаго статистическаго комитета и ревизіоннаго отдѣленія казенной палаты. Онъ прочиталъ около семи сотъ отзывовъ, изъ которыхъ и приводитъ извлеченія, представленныхъ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ по вопросу о школахъ, и посѣтилъ около ста селъ и деревень, гдѣ и собиралъ свѣдѣнія отъ священниковъ, учителей и самихъ крестьянъ. Авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о числѣ народныхъ школъ и учащихся въ нихъ въ цѣлой губерніи, распредѣляя ихъ по уѣздамъ; показываетъ отношеніе учащихся мужскаго и женскаго пола къ общему населенію губерніи, отношеніе числа наставниковъ свѣтскаго званія къ числу духовныхъ лицъ, занимающихся обученіемъ дѣтей въ сельскихъ школахъ; приводитъ отзывы мѣстныхъ жителей о предметахъ преподаванія, объ обязательномъ обученіи, объ устройствѣ и характерѣ народныхъ училищъ вообще, и т. п.

Изо всего, сказаннаго нами, можно сдѣлать слѣдующій выводъ. Цѣль автора, предпринявшаго изданіе, разъясняющее мѣстную старину и заключающее въ себѣ матеріалы для исторіи литературы и образованія, а равно и собираніе историческихъ и статистическихъ

данныхъ объ училищахъ,—заслуживаетъ полнаго сочувствія. Обнародованіе разнообразныхъ данныхъ о главныхъ дѣятеляхъ мѣстной литературы и образованія, составляетъ заслугу автора. Особенную цѣну сборнику придаютъ составленные авторомъ подробные библіографическіе указатели трудовъ, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ или вовсе неизвѣстныхъ въ печати.

На основаніи этого желательно видѣть продолженіе предпринятаго г. Данилевскимъ изданія, и я полагаю, что Академіи Наукъ возможно было бы съ своей стороны поддержать этотъ трудъ, удостоивъ автора награды графа Уварова въ размѣрѣ 500 (пяти сотъ) рублей сер.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

О. МОРОШКИНА:

«Іезуиты въ Россіи, съ царствованія императрицы Екатерины II и до нашего времени».

Составленъ А. Н. Поповымъ.

Подробное изслѣдованіе о значеніи и дѣятельности іезуитскаго ордена [1]) въ Россіи составляетъ не только одинъ изъ важныхъ вопросовъ нашей исторіи, но и вообще исторіи западной Европы новаго времени, послѣдовавшаго за реформаціею. Наша исторія въ этомъ случаѣ тѣсно связывается съ исторіею всей западной Европы и дополняетъ ее. Изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви этотъ одинъ повсюду заслуживалъ наибольшей преданности и наибольшей ненависти, слѣпой и безусловной защиты и самыхъ сильныхъ гоненій и преслѣдованій. Такая судьба іезуитовъ говоритъ о важномъ значеніи этого ордена въ жизни европейскихъ народовъ. Въ постоянной борьбѣ, торжествуя побѣды и перенося гоненія и презрѣніе, онъ прожилъ слишкомъ двѣсти лѣтъ (основанъ въ 1543 и уничтоженъ въ 1773 г.), когда, наконецъ, почти всѣ латинскія по исповѣданію державы изгнали іезуитовъ изъ своихъ предѣловъ, какъ вредное тайное общество по беззаконности дѣйствій, по безнравственности ученій, противныхъ началамъ христіанской церкви. Папы не разъ осуждали многія дѣйствія и ученія іезуитовъ; Сикстъ V

---

[1]) Іезуиты, хотя и принадлежатъ къ монашескимъ орденамъ, однако никогда себя такъ не называли, не желая стоять рядомъ съ другими орденами:— они—compania, societas Jesu, передовая дружина воинствующей церкви.

предпринялъ полное преобразованіе ордена, Климентъ XIII намѣревался совершенно его уничтожить; но ни тотъ, ни другой — «вслѣдствіе внезапной смерти», какъ говоритъ ихъ преемникъ папа Климентъ XIV, не могли осуществить своихъ намѣреній [1]). Этому послѣднему папѣ выпало на долю совершить дѣло, которое обрушило на него столько клеветъ и порицаній, распущенныхъ іезуитами и ихъ друзьями, повторяемыхъ даже и въ настоящее время [2]), не смотря на то, что историческая критика давно доказала подложность всѣхъ документовъ и извѣстій, на которыхъ они основываются.

Въ первое время послѣ основанія ордена, онъ былъ принятъ повсюду, правительства латинскихъ по исповѣданію государствъ оказывали ему особенное покровительство, папы постоянно расширяли его права и преимущества, но—«самое содержаніе и изложеніе этихъ папскихъ постановленій, говоритъ папа Климентъ XIV, показываютъ уже, что въ нѣдрахъ этого ордена, почти съ первыхъ дней его существованія, возникли зависть и раздоры, которые не только волновали его членовъ, но возбуждали ихъ къ враждѣ противъ другихъ монашескихъ орденовъ, противъ бѣлаго духовенства, противъ академій, университетовъ, коллегій и общественныхъ школъ, и наконецъ даже противъ самихъ государей, оказавшихъ имъ гостепріимство въ своихъ странахъ. Эти волненія и несогласія касались или вопросовъ о сущности и значеніи обѣтовъ, времени ихъ произнесенія новиціями, права исключать ихъ или допускать къ священнымъ должностямъ безъ предварительнаго произнесенія торжественныхъ обѣтовъ, что несогласно съ постановленіями Тридентинскаго собора и Пія V нашего предшественника,—или вопросовъ о неограниченной власти, на которую изъявляли притязанія генералы, и другихъ правилъ управленія орденомъ, — или споровъ какъ съ духовными, такъ и съ свѣтскими властями, будто бы нарушающими ихъ права, и, наконецъ, не было столь тяжелыхъ обвиненій, которыя бы не возводились на орденъ,—миръ и спокойствіе

---

[1]) Бреве — Dominus ac redemptor: 21 іюля 1773 п. 19 и 22; у Тейнера въ Clementis XIV Pont. M. Epistolae et breviaria etc. Paris, 1852 г.

[2]) Таково сочиненіе Кретино-Жоли, Histoire de la compagnie de Jésus, 5 vol. Paris, 1845 г. Не говоря о писателяхъ-протестантахъ и вообще свѣтскихъ, мы укажемъ на сочиненіе Тейнера, Histoire du pontificat de Clément XIV, 2 vol. Paris. 1852, ревностнаго римскаго католика и прелата, который обличаетъ всѣ эти выдумки и поддѣлки.

христіанства были опасно потрясены. Орденъ злоупотреблялъ какъ покровительствомъ правительствъ, такъ и правами и вещимуществами, дарованными ему папами; всѣ употребленныя ими средства къ приведенію его въ лучшее состояніе, согласно съ началами христіанскаго ученія и требованіями мира и согласія въ жизни народовъ, не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ. Обвиненія противъ іезуитовъ умножались со дня на день, возбуждали волненія, раздоры, опасныя возмущенія и соблазны, разрушая совершенно узы христіанской любви, воспламеняя въ сердцахъ вѣрныхъ духъ партій, ненависть и непріязни». «Истощивъ всѣ способы», говоритъ далѣе Климентъ XIV — «послѣ долгаго изученія и соображенія, по внушенію, смѣю вѣрить, святаго Духа, исполняя свою обязанность водворять повсюду въ христіанствѣ миръ и истреблять все, что причиняетъ вредъ, удостовѣрясь, что орденъ іезуитовъ не можетъ приносить тѣхъ добрыхъ плодовъ, въ виду которыхъ онъ былъ учрежденъ, и, что пока онъ существуетъ, церковь не можетъ наслаждаться дѣйствительнымъ и прочнымъ миромъ, принявъ въ соображеніе и законы благоразумія и мудрости въ управленіи вселенскою церковію и слѣдуя по стопамъ нашихъ предшественниковъ и особенно Григорія X, силою нашей апостольской власти, мы закрываемъ и уничтожаемъ орденъ іезуитовъ, закрываемъ и уничтожаемъ какъ всѣ въ совокупности, такъ и каждое порознь изъ его учрежденій и управленій, дома, школы, коллегіи, пріюты, гимназіи и другія установленія въ какой бы провинціи и въ какомъ бы государствѣ онѣ не находились; точно также всѣ статуты, обычаи, декреты и постановленія, касающіеся этого ордена, даже одобренные святымъ престоломъ, и всѣ привилегіи и льготы. Поэтому мы объявляемъ уничтоженными на вѣки и совершенно всякую власть, какъ духовную, такъ и свѣтскую, генераловъ, провинціаловъ, визитаторовъ и другихъ начальствующихъ лицъ этого ордена, и передаемъ эту власть, безо всякихъ ограниченій, епархіальнымъ епископамъ, запрещая принимать вновь кого либо въ новиціи этого ордена» [1]).

Таковъ приговоръ, произнесенный надъ іезуитами самимъ главою латинской церкви. Какъ же отнеслись къ нему іезуиты въ качествѣ ордена? Они не покорились и возстали противъ папскаго рѣшенія, и это возстаніе іезуитовъ противъ законной, въ отношеніи къ монашескимъ орденамъ латинской церкви, власти римскаго

---

[1]) Бреве Климента XIV: Dominus ac redemptor п. 17, 21—25.

первосвященника нашло поддержку частію въ Пруссіи, но — особенно въ Россіи! Въ Бѣлоруссіи образовалось средоточіе іезуитскаго управленія, которое, вопреки торжественно выраженной воли папы, не дало прерваться исторической жизни этого ордена. Россія сохранила въ своихъ нѣдрахъ злѣйшаго врага православія, какъ бы для того, чтобы послѣ возстановленія этого ордена папою Піемъ VII, въ 1814 г., передать его потомъ римской церкви и латинскимъ по исповѣданію государствамъ Европы, какъ законнымъ наслѣдникамъ.

Такое странное явленіе, выступающее изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ, конечно, требовало объясненія. Случайной прихотью власти, равнодушіемъ къ дѣламъ вѣры русскаго общества того времени, объяснить его нельзя. Правительство великой Екатерины дорожило значеніемъ и славою Россіи и было достаточно умно и предусмотрительно для того, чтобы понять, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло. Провозглашенное ею начало терпимости всѣхъ исповѣданій уже само собою устраняло мысль объ исключительномъ покровительствѣ латинской церкви въ ущербъ всѣмъ другимъ, на что постоянно изъявлялъ притязанія Римъ, что на дѣлѣ повсюду преслѣдовали іезуиты. Отношенія императрицы къ римскому престолу достаточно извѣстны, а іезуитовъ она считала *коварнѣйшимъ* изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви и строго предписывала наблюдать за нимъ. Этого явленія нельзя было объяснить, не изслѣдовавъ напередъ со всею полнотою и подробностію исторіи іезуитскаго ордена въ Россіи.

Такой трудъ и предпринялъ сочинитель разсматриваемой нами книги. До ея появленія были два сочиненія, писанныя русскими: «*Le catholicisme Romain en Russie*» графа Д. А. Толстаго, и «*Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи*» Ю. Ѳ. Самарина. Но въ сочиненіи гр. Толстаго судьба іезуитскаго ордена входитъ какъ одно изъ частныхъ явленій въ общую исторію римскаго католицизма въ Россіи. Сочиненіе г. Самарина, глубоко обдуманное, блистательно изложенное, преимущественно разсматриваетъ ученія іезуитскаго ордена и только отчасти касается его исторіи въ Россіи. Между тѣмъ вопросъ объ іезуитахъ такъ важенъ, что требовалъ отдѣльнаго, особаго изслѣдованія, и — сочиненіе О. Морошкина представляетъ первый опытъ удовлетворить этому требованію. Простая даже разработка обнародованныхъ источниковъ, критически соображенныхъ и приведенныхъ въ стройную совокупность, уже заслуживала бы вниманія; но онъ не ограничился такимъ трудомъ, конечно, и на

вполнѣ согласнымъ съ современными требованіями. Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ обнародованныхъ документовъ, онъ значительно дополнилъ новыми и неизвѣстными, извлеченными имъ изъ собраній имп. Публичной библіотеки, архивовъ синодскаго и государственнаго и нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ рукописей, какъ, напримѣръ, записокъ Сестренцевича-Богуша, извѣстнаго митрополита всѣхъ латинскихъ церквей въ Россіи. Поэтому его сочиненіе заслуживаетъ еще большаго вниманія и поощренія.

Книга О. Морошкина составляетъ только первую часть предпринятаго имъ сочиненія и обнимаетъ собою время царствованій Екатерины великой и Павла I-го. Подробно изложивъ дѣятельность іезуитовъ, чтобы утвердиться въ Бѣлоруссіи и пріобрѣсть расположеніе императрицы, онъ естественно приходитъ къ указанному нами вопросу, который, впрочемъ, пытались разрѣшить и нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей объ іезуитахъ и особенно Тейнеръ въ жизнеописаніи Климента XIV [1]).

Сами іезуиты объясняли расположеніе къ ихъ ордену [2]) русской императрицы тѣмъ, что во время первой Турецкой войны, русскимъ плѣннымъ въ Константинополѣ оказывалъ особенное участіе какой-то іезуитъ и, узнавъ объ этомъ, императрица обратила вниманіе на ихъ орденъ. Понимая, конечно, что такое объясненіе крайне недостаточно, что въ этомъ случаѣ, если бы онъ и былъ справедливъ, императрица могла обратить милостивое вниманіе только на этого іезуита, а не вообще на орденъ, они придумали другое: зная успѣхи ихъ миссій и особенно ихъ дѣйствія въ Китаѣ, будто-бы императрица посредствомъ ихъ желала просвѣтить инородцевъ Сибири. Но, приписывая императрицѣ свою затѣю, никакими фактами не подтверждаемую, они чувствовали слабость и этого довода, и придумали подложное письмо императрицы къ папѣ, изъ котораго видно, что посредствомъ іезуитовъ она желала достигнуть соединенія церквей [3]).

---

[1]) Histoire du pontificat de Clément XIV. vol. 2, LXXX, стр. 403 и слѣд.

[2]) O povrocie jezuitów y o powszechnym w szkolach przez nich nauczaniu młodzieży. Варшава 1805. ч. 1 стр. 200 и слѣд.

[3]) Подложность этого письма и другого къ гр. Верженю въ Парижъ была заявлена въ тоже время (1783 г.) нашимъ правительствомъ (Морошкина, «Іезуиты»,—стр. 97). Но можетъ быть поводомъ къ этому подлогу послужило дѣйствительное письмо императрицы къ Пію VI, 1780 г., въ заключеніи котораго сказано: «съ особеннымъ удовольствіемъ мы пріемлемъ сей случай для изъясненія вамъ, державному государю, истиннаго нашего почтенія и доброжела-

Не обращая конечно вниманія на подобныя объясненія, Тейнеръ приводитъ другія. Будто бы императрица и прусскій король обидѣлись, что «бреве» объ уничтоженіи іезуитскаго ордена папа Климентъ XIV сообщилъ имъ не прямо, но чрезъ посредство своихъ нунціевъ. Но это бреве тѣмъ же порядкомъ было сообщено и всѣмъ другимъ европейскимъ государямъ; при томъ это обстоятельство слишкомъ незначительно, чтобы служить достаточнымъ объясненіемъ такого знаменательнаго явленія. Потому Тейнеръ справедливо его устраняетъ, не придавая ему особеннаго значенія; но онъ устраняетъ также и слѣдующее: въ трактатѣ 18 сентября 1773 г. о первомъ раздѣлѣ Польши, обѣ державы обязались сохранить status quo латинской церкви въ присоединенныхъ къ ихъ владѣніямъ областяхъ, слѣдовательно и съ находившимися тамъ іезуитами. Но поддерживать status quo вовсе не значитъ — поддерживать всякій монашескій орденъ, даже такой, который сама латинская церковь, какъ вредный, сочтетъ нужнымъ уничтожить. Притомъ, — «строго говоря, замѣчаетъ Тейнеръ, какимъ образомъ іезуиты 18 сентября 1773 г., въ качествѣ членовъ своего ордена, могутъ входить въ statu quo католической церкви, будучи секуляризованы папою во всей этой церкви 21 іюля того же года.» Съ своей точки зрѣнія латинскій писатель и монахъ совершенно правъ; но не съ той точки зрѣнія смотрѣло на это обстоятельство русское правительство. О. Морошкинъ также полагаетъ, что «по смыслу трактата, явившагося послѣ папскаго бреве, русское правительство *обязано* было уничтожить у себя іезуитскій орденъ (стр. 103 и 104 примѣч.)». Позволяемъ себѣ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ.

Русское правительство могло уничтожить у себя іезуитскій орденъ, имѣя въ виду папское бреве, — еслибъ оно само захотѣло, но *обязано* къ тому быть не могло. Бѣлорусскія и другія области Польши были присоединены къ имперіи гораздо прежде трактата 1773 г., что и заявлено въ самомъ этомъ трактатѣ [1]). Императрица

тельства, какъ ко владѣтелю, украшающему престолъ, на которомъ промысломъ Божіимъ возведенъ, и дѣлающему личными достоинствами и добродѣтелями честь настоящему вѣку и *соединяемъ власъ нашъ съ православною нашею церковью, молящею о соединеніи всѣхъ*», Сборникъ Русск. Истор. Общества т. I, стр. 506.

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14,042, ст. 5: «Римскимъ католикамъ — имѣть вольное отправленіе службы Божіей по ихъ обрядамъ со всѣми церквами ихъ и принадлежащими духовенству мѣстностями, которыя состояли за ними во вла-

управляла ими совершенно самостоятельно и трактатъ только письменно укрѣплялъ уже существовавшій порядокъ. Почти всѣ существенныя мѣры въ отношеніи къ латинской церкви въ этихъ областяхъ были приняты прежде этого трактата, и еще въ именномъ указѣ 14 декабря 1772 г. постановлено: «какъ въ сихъ провинціяхъ католицкая и уніатская церкви, въ разсужденіи ихъ вѣры, остаются при своихъ догматахъ и правилахъ, то ежели отъ папы прямо, или чрезъ посредство конгрегацій или иного католицкаго начальства прислана будетъ, къ какой ни есть духовной власти, булла или иное какое повелѣніе для обнародованія...; таковыя папскія буллы и повелѣнія помянутыя власти духовныя отсылать прежде должны къ генералъ-губернатору Бѣлорусскому для представленія намъ самимъ и ожидать о объявленіи того въ народъ, *нашего соизволенія* [1]).» Между тѣмъ папское бреве объ уничтоженіи іезуитскаго ордена не было одобрено русскимъ правительствомъ, не было обнародовано, поэтому оно и не могло имѣть обязательной силы въ отношеніи къ областямъ, вошедшимъ въ составъ имперіи. Митрополитъ Сестренцевичъ, въ письмѣ къ нашему посланнику въ Варшавѣ гр. Штакельбергу, 21 октября 1779 г., когда дѣло шло объ учрежденномъ въ Бѣлоруссіи іезуитскомъ новиціатѣ, писалъ: «Въ *концѣ* 1773 г. ея императорское величество лично приказала мнѣ не обнародовать папскаго бреве объ уничтоженіи іезуитовъ и оставить ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся.» Изъ этихъ словъ видно, что рѣчь о значеніи папскаго бреве въ отношеніи къ Россіи была уже, послѣ трактата 18 сентября этого года, между императрицею и Сестренцевичемъ. Въ письмѣ императрицы также къ гр. Штакельбергу, 18 февраля 1780 г., ясно выраженъ ея взглядъ на дѣло іезуитовъ. «Свободное исповѣданіе римскаго закона, писала она, во всей имперіи нашей и въ томъ числѣ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, мы позволили неиначе, какъ чтобъ совершенное повиновеніе самодержавной власти нашей пребывало безъ малѣйшаго ущерба, почему и всѣ, со стороны церковнаго въ Римѣ начальства, новыя установленія и введенія не прежде пріемлются для подданныхъ нашихъ римскаго исповѣданія, какъ когда по совершенномъ удостовѣреніи, что они воли нашей не противны,

---

дѣнія въ то самое время, когда сіи *провинціи присоединены къ державѣ Ея И. В-ва въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1772 года.*»

[1]) Полн. Собр. Зак. № 13.922 ст. 9 сравн. №№ 13.807, 13.808, 13.850, 13.888 и друг.

послѣдуетъ наше позволеніе ихъ обнародовать. Такимъ образомъ, какъ всѣмъ извѣстно, и булла папы Климента XIV о іезуитахъ не была публикована въ имперіи нашей и общество того времени сохранено въ неприкосновенной цѣлости, яко полезное и удобнѣйшее для воспитанія тамошняго юношества, въ чемъ никто еще замѣнить ихъ не могъ. Не настоялъ и вопросъ объ уничтоженіи или реформѣ сего ордена въ государствѣ нашемъ [1].» Такимъ образомъ, трактатъ 18 сентября 1773 г. могъ обезпечивать существованіе іезуитскаго ордена въ Бѣлоруссіи не собственною силою заключающагося въ немъ условія, но потому, что папское бреве объ ихъ уничтоженіи никогда не было признаваемо русскимъ правительствомъ. Въ этомъ, конечно, смыслѣ въ нашихъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ по случаю іезуитовъ и указывалось иногда на этотъ трактатъ.

Въ приведенныхъ словахъ императрица указываетъ и на одну изъ причинъ сохраненія іезуитскаго ордена въ Бѣлоруссіи—на заслуги ихъ въ отношеніи къ образованію юношества. Въ томъ же письмѣ она сравниваетъ въ этомъ отношеніи іезуитовъ съ другими монашескими орденами. «Сидя въ своей паствѣ, она говоритъ про епископа Сестренцевича, ввѣренной ему отъ власти нашей, былъ онъ убѣжденъ къ тому (къ открытію іезуитскаго новиціата), собственною пользою римскія церкви, отъ сего ордена заимствуемою, коль всегда посредствомъ его преподавалося лучшее просвѣщеніе. Самыя сіи уваженія заставляютъ насъ покровительствовать общество оное, *только выгодное для того края*, и конечно полезнѣйшее другихъ институтовъ монашескихъ римскихъ, кромѣ праздности и отлученію себя отъ всякаго гражданскаго взаимнаго пособія ничего иного не заключающихъ».

Тейнеръ, говоря, что защитники іезуитовъ указываютъ на то обстоятельство, что въ латинскомъ духовенствѣ этого времени почти не было людей способныхъ и подготовленныхъ для воспитанія юношества, и тѣмъ оправдываютъ сохраненіе іезуитовъ, признается въ справедливости этого замѣчанія. «Къ несчастію, говоритъ онъ, мы съ прискорбіемъ должны подтвердить справедливость этого мнѣнія; но что же выигрываютъ отъ этого іезуиты? развѣ въ качествѣ бѣлаго духовенства они не могли бы принести пользы воспитанію; а это имъ не возбранялось и самымъ бреве, уничтожавшимъ ихъ су-

---

[1]) Сборн. Русск. истор. общества т. I, стр. 472 и 488 — 489.

ществованіе въ качествѣ монашескаго ордена. Но если нѣкоторые государи этимъ обстоятельствомъ и могли оправдывать свои дѣйствія; то для іезуитовъ, особенно въ отношеніи къ Германіи, оно служитъ самымъ горькимъ упрекомъ. Тамъ въ ихъ рукахъ находилось воспитаніе всего католическаго юношества, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго. Почему же не образовали они людей, которые въ этомъ дѣлѣ могли бы ихъ замѣнить или по крайней мѣрѣ раздѣлить съ ними труды преподаванія? Не только враги, но и друзья іезуитовъ требуютъ объясненія слѣдующаго явленія: когда іезуиты вошли въ Германію, они нашли тамъ великихъ богослововъ, которые съ успѣхомъ защищались отъ нападеній реформаторовъ; какимъ же образомъ, когда они должны были покинуть Германію, они не оставили въ ней ни одного подобнаго? Съ XVI столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ все преподаваніе въ Германіи попало въ руки іезуитовъ, нѣтъ ни одной страны христіанскаго міра, которая бы какъ Германія была такъ бѣдна писателями изъ бѣлаго духовенства, сколько нибудь замѣчательными [1].» Въ настоящее время, безъ сомнѣнія, никто не станетъ оспаривать той истины, что іезуитскіе способы и направленіе преподаванія не только не могутъ поднять уровень просвѣщенія въ какой либо странѣ, но напротивъ должны понижать его болѣе и болѣе. Историческій опытъ государствъ западной Европы можетъ служить доказательствомъ. Но такой взглядъ на іезуитское образованіе только начиналъ выражаться въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, и вовсе не составлялъ еще общаго достоянія. Даже Фридрихъ Великій считалъ іезуитовъ лучшими воспитателями юношества и началъ разубѣждаться въ этомъ только тогда, когда поближе познакомился съ учебными заведеніями Силезіи, которыя всѣ находились въ рукахъ іезуитовъ. Мудрено ли, что и императрица Екатерина могла раздѣлять этотъ взглядъ? О. Морошкинъ говоритъ: «Въ Бѣлоруссіи, еще за долго до присоединенія ея къ Россіи, громко говорили объ упадкѣ наукъ въ іезуитскихъ школахъ; еще до пріобрѣтенія этого края Россіей, польское правительство нашло себя вынужденнымъ поручить другимъ монашескимъ орденамъ воспитаніе своего юношества; давно піары затмили своими заведеніями іезуитскія коллегіи, и давно всѣ мыслящіе люди въ Польшѣ чувствовали недостаточность и отсталость іезуитскаго воспитанія. Ужели мудрая Екатерина, такъ хорошо знавшая іезуитскую систему воспитанія и имѣвшая притомъ въ

---

[1]) Histoire de pont. du Clément XIV, т. 2, стр. 404.

новопріобрѣтенной области всѣ латинскіе монашескіе ордена, дѣйствительно была убѣждена, что безъ іезуитовъ дѣло образованія римскаго юношества въ Бѣлоруссіи совершенно падетъ и сдѣлается невозможнымъ? Ужели у Екатерины Великой въ этомъ случаѣ было менѣе пониманія дѣла и политическаго такта, чѣмъ у какого-нибудь польскаго короля? Мы столько имѣемъ доказательствъ и опытовъ политической мудрости Екатерины, что позволяемъ себѣ усомниться въ этомъ и осмѣливаемся думать, что Екатерина, *предлогомъ* необходимости іезуитовъ для образованія ея подданныхъ латинскаго исповѣданія въ Бѣлоруссіи, только хотѣла дипломатически *прикрыть* свои истинныя, но не вошедшія въ дипломатическіе акты побужденія (стр. 103)». Дѣйствительно, трудно заподозрить политическую мудрость Екатерины въ этомъ случаѣ; но мы не думаемъ даже, чтобы она выставляла эту причину, понудившую ее поддерживать существованіе іезуитскаго ордена, какъ *предлогъ*, чтобы *прикрыть* иныя побужденія. Безъ сомнѣнія, именно мудрость императрицы не позволяла ей высказывать тѣхъ причинъ своихъ дѣйствій, о которыхъ съ римскимъ дворомъ и говорить не слѣдовало, но которыя ясно выражались въ образѣ ея дѣйствій, какъ представительницы самостоятельной государственной власти; тѣмъ не менѣе однакоже она выражала одну изъ дѣйствительно существовавшихъ причинъ. Императрица знала жалкое состояніе, въ которомъ находилось латинское духовенство и особенно монашескіе ордена во вновь присоединенныхъ областяхъ, какъ по засвидѣтельствованію самого епископа Сестренцевича, употреблявшаго всѣ способы, чтобы поднять просвѣщеніе латинскаго духовенства, такъ и по безчисленнымъ и позорнымъ ихъ доносамъ другъ на друга и процесамъ, которые они возбуждали. Весьма возможно, что все-таки она считала іезуитовъ лучшимъ орудіемъ въ дѣлѣ воспитанія и притомъ — въ этихъ областяхъ. Мы не можемъ не обратить вниманія на приведенныя слова императрицы изъ письма къ графу Штакельбергу, что она считаетъ іезуитовъ орудіемъ для воспитанія, — *только выгоднымъ для этого края*, т. е. Бѣлоруссіи. Если даже въ первыхъ годахъ XIX столѣтія въ Россіи находилось не мало защитниковъ іезуитскаго воспитанія, и въ Петербургѣ усердно слушали краснорѣчивыя ему похвалы графа Местра, то что же мудренаго, что въ послѣдней четверти XVIII могли добросовѣстно считать его хорошимъ. Что же касается до ордена піаристовъ, то весьма естественно, что императрица не на него обратила вниманіе, а на іезуитовъ. Піаристы были представителями чисто польскаго, на-

ціональнаго направленія въ воспитаніи и преподаваніи, между тѣмъ какъ понятіе о народности никогда не представляло особенной важности въ глазахъ іезуитовъ; ихъ виды далеко переходили за предѣлы народовъ и государствъ, и они могли служить всякой народности, если это было для нихъ выгодно. Въ виды русской императрицы не могло входить покровительство національному польскому воспитанію юношества въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ, населенныхъ русскимъ народомъ.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что нельзя отклонять совершенно этотъ послѣдній доводъ, не придавая ему значенія; но точно также, нельзя на немъ одномъ основать объясненіе того покровительства, которое императрица Екатерина оказывала іезуитамъ, какъ это дѣлаетъ Тейнеръ. Придавая значеніе этому доводу, мы однакоже полагаемъ, что если императрица и дѣйствительно считала іезуитовъ лучшимъ орудіемъ для воспитанія юношества въ Бѣлоруссіи, то одно это обстоятельство не вынудило бы ее покровительствовать *коварнѣйшему*, по ея же словамъ, изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви. Непремѣнно были другія, болѣе важныя причины, опредѣлившія ея образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ, которому сочувствовали и содѣйствовали самые близкіе къ ней и преданные Россіи люди, какъ кн. Потемкинъ. Русскіе писатели въ отношеніи къ этому вопросу ближе подошли къ возможности разрѣшить его удовлетворительно, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ [1]) и авторъ разсматриваемаго нами сочиненія. Мы постараемся только развить, дополнить и подкрѣпить нѣкоторыми фактами ихъ воззрѣнія.

Нельзя не обратить вниманія на совпаденіе двухъ историческихъ происшествій: дѣло уничтоженія іезуитскаго ордена началось и шло рядомъ съ окончательнымъ паденіемъ Польши, которая всегда была покорнымъ орудіемъ іезуитовъ. Вопросъ о нетерпимости другихъ христіанскихъ исповѣданій и постоянномъ ихъ гоненіи въ Польшѣ, сдѣлался роковымъ вопросомъ для ея самостоятельнаго существованія. — «Императрица Екатерина, допустивъ полную терпимость всѣхъ исповѣданій въ своемъ государствѣ, считала себя обязанною защитить права православныхъ въ Польшѣ, гдѣ религіозная нетерпимость, которую стремились уже ограничивать во всѣхъ государствахъ Европы, находилась въ полномъ разгарѣ, и іезуиты раздували ее болѣе и болѣе», говоритъ извѣстный писатель римскій-

---

[1]) Іезуиты и ихъ отнош. къ Россіи, письмо IV, стр. 251 и слѣд.

католикъ [1]). Такой же терпимости требовалъ и Фридрихъ II для протестантовъ. Король Станиславъ признавалъ законность требованій; но не многіе изъ его подданныхъ раздѣляли его взгляды, и имъ не суждено было осуществиться. Всемогущее въ Польшѣ духовенство, поощряемое Римомъ, явилось, какъ и всегда, главнымъ двигателемъ противодѣйствія и увлекло за собою и шляхетство. Папа Климентъ XIV постоянно требовалъ не дѣлать никакихъ уступокъ диссидентамъ, грозилъ проклятіями и въ высшей степени враждебно относился къ политикѣ императрицы Екатерины. Когда, въ 1772 г., представилась необходимость новаго устройства епархій и управленія латинскою церковію въ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ, онъ объявилъ предположенія императрицы гибельными для латинской церкви, разрушающими въ конецъ ея существованіе въ имперіи [2]). Такое враждебное отношеніе римскаго престола къ правительству императрицы, конечно, не заставило ее оставить или измѣнить свои предположенія, но, во всякомъ случаѣ, не могло не обратить ея вниманія въ отношеніи къ тому вліянію, которое оно производило на народонаселеніе вновь присоединенныхъ областей. Латинское духовенство, подъ этимъ вліяніемъ, рѣшительно оказалось враждебнымъ русскому правительству, отказывалось присягать на вѣрноподданство императрицѣ и приводить къ присягѣ другія сословія, отговариваясь тѣмъ, что присоединеніе этихъ областей къ Россіи еще не укрѣплено торжественнымъ актомъ. Наиболѣе вліятельныя лица высшаго духовенства уѣзжали въ Польшу, шляхта и паны подчинялись вліянію духовенства, угнетенный вѣковымъ игомъ народъ еще не могъ понять новаго положенія и не представлялъ точки опоры для новой власти. Въ это-то тревожное время—«іезуиты»—продолжаемъ словами О. Морошкина [3]),—первые присягаютъ новому правительству, отправляютъ съ особенною торжественностію въ своемъ Полоцкомъ костелѣ молебствіе, на которомъ вспоминается имя государыни и ея наслѣдника и возсылаются прошенія къ Богу о ея здравіи и долгоденствіи. Этого мало: 24-го ноября, въ день тезоименитства государыни, въ томъ же Полоцкомъ костелѣ, въ присутствіи высшаго туземнаго дворянства, губернатора и его свиты, совершается торжественная литургія, на которой произносятся

---

[1]) Пихлеръ, Geschichte der kirchlichen Trennung. ч. II стр. 203.

[2]) Тейнеръ. Hist. du pont. de Clément. XIV, подъ 1772 г., гл. XIX—XXVI.

[3]) Тоже говоритъ и Тейнеръ. Hist. du pont. de Clément XIV, t. II, LXXIV, стр. 267.

двѣ проповѣди, предметомъ которыхъ было разсужденіе о настоящемъ праздникѣ. Особенною вѣрноподданническою ревностію отличалась проповѣдь, сказанная на нѣмецкомъ языкѣ отцомъ Катебрантомъ: она вся была не иное что, какъ панегирикъ Екатеринѣ II. Впечатлѣніе, произведенное поступками іезуитовъ на народонаселеніе Бѣлоруссіи и на русское правительство, было поразительное: мѣстное латинское и уніатское духовенство, а также шляхта, были ошеломлены этими дѣйствіями іезуитовъ и, по старой привычкѣ ввѣрять себя водительству этого ордена и слѣдовать его мановенію, они теперь волею и неволею потянулись за іезуитами и стали присягать императрицѣ. Русское правительство было изумлено могуществомъ вліянія іезуитскаго общества на туземное духовенство и народонаселеніе; оно не могло не принять къ свѣдѣнію этого факта; съ другой стороны, оно сознало себя связаннымъ долгомъ признательности по отношенію къ этому ордену: услуга была велика и сдѣлана была такъ кстати и такъ неожиданно, что нравственно не возможно было не почувствовать благодарности къ такимъ обязательнымъ, умнымъ и искуснымъ благодѣтелямъ (стр. 71)». Устраняя тайныя причины, руководившія дѣйствіями іезуитовъ, дѣйствительно нельзя было пренебречь такимъ могучимъ орудіемъ вліянія на вновь пріобрѣтенныя области; это было бы несогласно съ дальновидною и разсчетливою политикою императрицы Екатерины.

Но какъ ни важно это обстоятельство, мы не полагаемъ, однакоже, чтобы оно одно могло опредѣлить образъ дѣйствій Екатерины II въ отношеніи къ іезуитамъ. Нельзя было не воспользоваться ихъ услугою и нельзя было не отнестись къ ней съ благодарностію; но эта благодарность могла имѣть иные предѣлы, не простираться можетъ быть до такой степени, чтобы наперекоръ главѣ латинской церкви и всему латинскому міру не только защитить іезуитовъ отъ гоненій и преслѣдованій, но продлить и обезпечить ихъ существованіе какъ ордена, учрежденіемъ новиціата, дозволеніемъ избрать генеральнаго викарія. Хотя услуга, оказанная іезуитами правительству въ отношеніи къ умиротворенію вновь присоединеннаго края, была важна, а ихъ готовность, въ томъ же направленіи вѣрноподданства Россіи,—руководить воспитаніемъ юношества въ Бѣлоруссіи, еще важнѣе; однако мы, кажется, не ошибемся, если замѣтимъ, что къ нимъ присоединялись и другіе, еще болѣе важные виды со стороны императрицы.

Дѣло объ уничтоженіи іезуитскаго ордена продолжалось долго; оно началось въ концѣ первосвященства Бенедикта XIV-го, продол-

жалось при Климентѣ XIII и окончилось въ четвертый годъ послѣ избранія папою Климента XIV. Іезуиты, конечно, слѣдили за его ходомъ и принимали мѣры, чтобы отклонить грозившую ихъ ордену опасность; но не выступали явно изъ предѣловъ покорности папской власти и смиренно просили о защитѣ и покровительствѣ всѣхъ и каждаго, кто могъ имѣть вліяніе въ этомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ папа лично не выразилъ своего мнѣнія объ этомъ дѣлѣ, т. е. обѣщанія уничтожить орденъ. Не смотря на усиленныя настоянія бурбонскихъ дворовъ, давно изгнавшихъ іезуитовъ изъ своихъ государствъ, Климентъ XIV, можетъ быть и вполнѣ убѣжденный въ необходимости этой мѣры, медлилъ, однакоже, сказать рѣшительное слово, не смотря на то, что эта медленность часто возбуждала негодованіе государей, подозрительность кабинетовъ и приводила въ отчаяніе посланниковъ, которымъ Франція, Испанія, Неаполь и Португалія поручали особенно заботиться объ этомъ дѣлѣ въ Римѣ. Но римскіе первосвященники, уступая даже внѣшней силѣ, не охотно сознаются въ этомъ и всякое свое дѣйствіе объясняютъ собственнымъ побужденіемъ (motu proprio). Климентъ XIV, вѣрный преданіямъ римскаго престола, не хотѣлъ показать, конечно, что уничтожаетъ іезуитскій орденъ по настоянію европейскихъ дворовъ, особенно потому, что повсюду была разнесена молва, что именно съ этимъ условіемъ онъ былъ избранъ на папскій престолъ. Поэтому только послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшился, 29-го сентября 1769 года, написать собственноручное письмо къ французскому королю, въ которомъ, хотя въ словахъ неопредѣленныхъ, выражалось обѣщаніе исполнить его желаніе, т. е. уничтожить орденъ іезуитовъ. Безъ сомнѣнія, іезуиты немедленно узнали объ этомъ, и съ этого времени ихъ отношенія къ папскому престолу приняли иной оборотъ и новое направленіе.

Они составили подложное письмо папы къ королю, и въ октябрѣ того же года обнародовали его въ италіянскихъ и французскихъ газетахъ. Въ этомъ письмѣ Климентъ XIV будто бы говоритъ: «что касается до іезуитовъ, то я не могу ни порицать, ни уничтожать учрежденія, которое хвалили и поддерживали 19 моихъ предшественниковъ. Я тѣмъ менѣе могу его осуждать, что онъ былъ положительно утвержденъ святымъ тридентинскимъ соборомъ, а по вашимъ французскимъ ученіямъ *вселенскій соборъ выше папы.* Если угодно, я соберу соборъ, который съ безпристрастіемъ и справедливостію разсудитъ дѣло, выслушаетъ оправданіе іезуитовъ, въ отношеніи къ которымъ я обязанъ дѣйствовать такъ же безпри-

страстно и покровительствовать имъ, какъ и всякому другому монашескому ордену». Это было указаніемъ римскому двору, какого рода ученій могутъ сдѣлаться проповѣдниками гонимые имъ іезуиты. Послѣ этого письма начали появляться повсюду многочисленные пасквили, наполненные бранью и пророчествами, противъ папы, бурбонскихъ королей и вообще всѣхъ противниковъ іезуитовъ; но для насъ важна не личная полемика, которую повели іезуиты, а тѣ *ученія*, которыхъ они сдѣлались горячими защитниками.

«Іезуитъ Феллеръ, говоритъ Тейнеръ, первый поднялъ знамя возстанія въ Германіи; во всѣ нѣмецкія, голландскія и бельгійскія газеты онъ сообщалъ статьи враждебныя папѣ и святому престолу, еще прежде появленія бреве. Этотъ фанатикъ-монахъ велъ обширную переписку съ іезуитами Франціи и Италіи, которые сообщали ему извѣстія касательно хода дѣла объ уничтоженіи ихъ ордена. Эти извѣстія онъ украшалъ еще своими вымыслами и обнародовалъ. Когда бреве появилось и сдѣлалось всѣмъ извѣстно, Феллеръ вышелъ изъ границъ: не только возбуждалъ своихъ читателей къ открытому противодѣйствію, пуская въ ходъ самыя нелѣпыя клеветы, но и проповѣдывалъ нестыдясь такія ненавистныя ученія (des principes odieux), которыя, еслибъ были приняты, имѣли бы непремѣннымъ послѣдствіемъ расколъ въ церкви и противъ которыхъ онъ самъ возставалъ при другихъ обстоятельствахъ». Такъ говоритъ латинскій современный намъ прелатъ и ревностный защитникъ папской власти; поэтому, конечно, любопытно знать, какія именно ученія проповѣдывалъ іезуитъ Феллеръ?

Въ «Кельнской газетѣ», 1773 года сентября, онъ сообщалъ, въ видѣ слуха, что «многіе изъ епископовъ протестуютъ противъ папскаго постановленія, указывая на непогрѣшимость *собора* и готовы даже защищать, что, никакой соборъ не можетъ уничтожить учрежденіе, одобренное соборомъ тридентинскимъ и столькими святыми мужами». Говоря въ другой статьѣ, что папское бреве переводится на французскій языкъ и скоро будетъ обнародовано, Феллеръ прибавляетъ: «говорятъ, что многіе изъ епископовъ собрались въ Парижѣ съ тѣмъ, чтобы согласиться, какой принять образъ дѣйствій въ отношеніи къ этому бреве. Полагаютъ, что слѣдуетъ вовсе не признавать его существованія, потому что король, какъ увѣряютъ, считаетъ его безполезнымъ послѣ своихъ эдиктовъ противъ іезуитовъ, потому и не сообщитъ епископамъ и не дозволитъ обнародовать его законнымъ порядкомъ въ своемъ государствѣ. Но такъ какъ святой отецъ объявляетъ, что онъ господствуетъ надъ всѣми

другими властями, и настаиваетъ, чтобы его бреве было приведено въ исполненіе, не смотря ни на какія противныя рѣшенія, даже собора, которыя онъ уничтожаетъ одною своею властію; то не мѣшало бы французскому духовенству напомнить ему четыре правила своего собранія 1682 г., записанныя въ парламентѣ, и которыя въ сущности заключаются въ слѣдующемъ: папа не имѣемъ никакой власти надъ свѣтскою властію королей, и что соборъ выше его, что дѣйствія его апостольской власти должны быть сообразны съ канонами и не нарушать правъ галликанской церкви, и что постановленія папы становятся неизмѣнными только тогда, когда приметъ ихъ церковь». Такимъ образомъ іезуиты задумали стать подъ защиту началъ галликанской церкви, противъ которыхъ такъ усердно дѣйствовали прежде. Съ этою же цѣлію было сочинено и распространяемо подложное письмо, будто бы писанное парижскимъ архіепископомъ къ папѣ. Римскій дворъ, совокупно съ другими римско-католическими дворами, запрещеніями и преслѣдованіями старались положить предѣлъ такой проповѣди іезуитовъ; но эти мѣры не достигали цѣли, и она появлялась повсюду въ томъ или другомъ видѣ, но одинаково враждебномъ папской власти.

Гейдельбергскій университетъ и послѣ уничтоженія ордена іезуитовъ оставался въ ихъ завѣдываніи. Въ 1774 году 29-го августа, въ этомъ университетѣ молодой бакалавръ, Францъ Синео, защищалъ публично тезисы, потомъ обнародованные, изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующіе:

«Церковь обладаетъ истинною законодательною и повелѣвающею властію (coactif). Эта власть и юрисдикція принадлежатъ епископамъ, которые получили ее непосредственно отъ Бога».

«Хотя неправильное избраніе (simoniaqne) папы не даетъ ему никакой власти, однакоже его распоряженія считаются дѣйствительными, если они полезны для церкви, но они не дѣйствительны, если клонятся къ ея разрушенію».

«Папа не можетъ ни непосредственно, ни посредственно лишать государей ихъ права управлять своими странами».

«Власть папы надъ королями и надъ епископами вовсе не такъ велика, какъ нѣкоторые полагаютъ».

«Короли въ управленіи мірскомъ не имѣютъ надъ собой никакой власти, кромѣ Бога».

«Если духовные судьи злоупотребляютъ своею властью, то законно прибѣгать обиженнымъ подъ защиту королевской власти.

Имущества духовныя въ отношеніи къ налогамъ, одинаково со всѣми мірскими, подчинены свѣтской власти».

«Государи, въ случаѣ общественной нужды, когда доходы съ мірскихъ имуществъ окажутся недостаточными, могутъ облагать налогами церковныя, безъ сношенія съ папою».

«Всѣ церковныя имущества подчинены власти государей».

«Исключительныя права духовныхъ (les immunités ecclésiastiques) обязаны своимъ происхожденіемъ болѣе милости государей, нежели папамъ; но не смотря на нихъ духовные остаются подчиненными свѣтской власти» [1]).

Знакомымъ съ юриспруденціею среднихъ вѣковъ, развитою съ одной стороны папскими канонистами, а съ другой, въ противоположность имъ, свѣтскими юристами, нѣтъ нужды доказывать, что всѣ эти тезисы направлены противъ постоянныхъ притязаній папъ на *полновластіе*, доходившее до того, что они стремились безусловно подчинить себѣ какъ королевскую, такъ и епископскую власти. Цѣль этихъ тезисовъ заключается въ томъ, чтобы доказать самостоятельное и независимое отъ папъ значеніе этихъ властей. Но этого мало; — «во время самаго диспута, доносилъ папскій нунцій въ Кельнѣ кардиналу Корсини, отъ 8-го сентября, какъ мнѣ разсказывали люди достойные вѣры, выражались мнѣнія далеко превосходившія дерзостію тѣ, которыя изложены въ тезисахъ. Чтобы низкимъ способомъ подольститься къ епископамъ, нападаютъ на права святаго престола, присвоиваютъ ихъ свѣтской власти въ ущербъ правъ верховнаго первосвященника и даже самихъ епископовъ. Я писалъ въ Гейдельбергъ, чтобы мнѣ сообщили имена профессоровъ іезуитовъ; ректора надо смѣнить въ примѣръ другимъ». Вслѣдствіе этихъ *мудрыхъ соображеній* (sages réfléxions), говоритъ Тейнеръ, Марія-Терезія жгла публично подобныя сочиненія іезуитовъ и преслѣдовала сочинителей; но къ его ужасу и негодованію, Пруссія и Россія не слѣдовали ея примѣру [2]).

Еще въ 1772 г., когда іезуиты поняли, что имъ неминуемо грозитъ окончательное уничтоженіе и никто изъ латинскихъ по исповѣданію правительствъ за нихъ не заступится, они обратились съ просьбою о защитѣ къ прусскому королю. Въ письмѣ къ Даламберту, 8-го сентября, Фридрихъ Великій говоритъ, что къ нему явился

---

[1]) Тейнеръ, Histoire du pont. de Clément XIV. т. I. стр. 394, Т. II. стр. 294—97, 492 и слѣд.

[2]) Тамъ же, Т. II, стр. 493—94.

«посланникъ отъ генерала *Игнатовцевъ* (ambassadeur du général des Ignatiens), прося, чтобы я объявилъ себя защитникомъ ихъ ордена. Я ему овѣчалъ: когда Людовикъ XV уничтожилъ полкъ Фицъ-Джемса, я не считалъ себя обязаннымъ заступиться за этотъ полкъ, поэтому и папа можетъ дѣлать у себя какія хочетъ преобразованія, безъ вмѣшательства *еретиковъ*». Безъ сомнѣнія, вмѣшиваться въ дѣло іезуитовъ не было никакой побудительной причины для Фридриха Великаго; но, конечно, они знали, что этотъ *еретикъ* и преслѣдовать ихъ не будетъ. Поэтому, лишь только орденъ былъ уничтоженъ, въ Пруссію и къ границамъ Россіи со всѣхъ сторонъ начали стекаться тѣ изъ іезуитовъ, которые не хотѣли подчиниться папскому распоряженію. Сначала они пытались упрочить свое существованіе въ Силезіи, гдѣ давно уже господствовали, и устроить тамъ средоточіе управленія орденомъ. Генералъ ордена, Риччи, былъ заточенъ въ Римѣ въ крѣпость св. Ангела и не могъ управлять орденомъ; надо было избрать викарія, около котораго сосредоточилось бы управленіе и который былъ бы видимымъ признакомъ для папы и всего латинскаго міра, что орденъ, вопреки ихъ волѣ, продолжаетъ свое существованіе. Конечно, надо было имѣть много самоувѣренности и смѣлости, чтобы поставить себя въ такое положеніе. Нашелся однако же іезуитъ Троилъ, который рѣшался на этотъ трудный подвигъ. Но — «по достовѣрнымъ извѣстіямъ изъ Бреславля, писалъ вѣнскій нунцій римскому двору, 17 марта 1774 г., извѣстно, что знаменитый Троилъ, рѣшившійся принять званіе генеральнаго викарія іезуитовъ, пораженъ былъ внезапно смертельною болѣзнью и раскаялся на смертномъ одрѣ». Силезія находилась еще подъ сильнымъ вліяніемъ папской власти. Увѣщанія нунціевъ варшавскаго и вѣнскаго и самого папы, вліяніе высшаго польскаго духовенства, враждебнаго Пруссіи и Россіи, послѣ раздѣла Польши, и смотрѣвшаго на папу какъ на единственнаго своего защитника, помѣшали осуществленію іезуитскихъ намѣреній [1]). Имъ ничего не оставалось болѣе, какъ, или отказаться отъ своихъ намѣреній и покориться волѣ папы, или безсильно возставая противъ него, порознь, въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, оставаться зрителями постепеннаго уничтоженія или, такъ сказать, вымиранія ихъ ордена. Такой образъ дѣйствій, конечно, не согласовался съ видами іезуитовъ

---

[1]) Тейнеръ. Clementis XIV Epistolae etc. № 296, и его же Histoire du pont de Clément XIV, т. II, стр. 494—500.

и поэтому они перенесли свою дѣятельность за границы, далѣе которыхъ не простиралось папское вліяніе — въ Россію, гдѣ, во вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши областяхъ устроили средоточіе орденскаго управленія.

Провинціалъ бѣлорусскихъ іезуитовъ, Соболевскій, остался подданнымъ Польши и послѣ обнародованія папскаго бреве, сложилъ съ себя это званіе. Помощникомъ его былъ Черневичъ, который такимъ образомъ и сдѣлался представителемъ и главою іезуитовъ въ Россіи. Дѣятельность ордена во время его управленія подробно изложена въ сочиненіи О. Морошкина. Мы обратимъ только вниманіе на то, какъ смотрѣли на него сами іезуиты, и за что именно осыпали его похвалами. Послѣ его смерти, одинъ изъ полоцкихъ іезуитовъ описалъ, въ письмѣ отъ 26 іюля 1785 года, его кончину и слѣдующимъ образомъ изобразилъ его дѣятельность и значеніе: «Онъ зналъ, что бреве Климента XIV объ уничтоженіи ордена іезуитовъ нельзя было придавать непремѣнной обязательной силы, которой всякій долженъ бы былъ подчинять образъ своихъ дѣйствій, что оно относилось исключительно къ дисциплинѣ, могущей подлежать измѣненію. Такія папскія распоряженія очень часто не бывали принимаемы многими извѣстными лицами, признанными впослѣдствіи святыми.

«Онъ зналъ, что самъ св. Павелъ апостолъ первѣйшему папѣ св. Петру лично сопротивлялся (in faciem ei restiti, quia reprehensibilis erat). Онъ зналъ, что св. Поликарпъ, ученикъ апостольскій, близкій ко временамъ І. Христа, никогда не хотѣлъ согласиться съ мнѣніемъ папы св. Аникета о времени празднованія пасхи; онъ зналъ, что св. Ириней очень не похвалилъ поступка св. Виктора папы въ отношеніи къ Поликарпу и другимъ азійскимъ епископамъ: зналъ, что св. Августинъ не хотѣлъ признавать сардикійскихъ постановленій, потому что они не находились между апостольскими постановленіями; зналъ, что св. Гилярій, не смотря на приказанія и угрозы папы Льва V, отказался принять нѣкоего епископа въ свою епархію; зналъ, что св. Бернардъ ревностно защищалъ дѣло Адальберона, епископа тревизскаго, противъ тягостныхъ распоряженій папы Иннокентія II; зналъ, что св. Людовикъ, король французскій, не позволилъ себя склонить никакими папскими настояніями къ отмѣнѣ своихъ прагматическихъ постановленій; зналъ, что галликанская церковь, слѣдуя примѣру этихъ и многихъ другихъ святыхъ мужей, отвергла буллу папы Юлія — Execrabilis etc., потому, что она отмѣняла многія древнія правила, утвержденныя самими

папами или постановленныя на соборахъ и не касавшіяся до догматовъ вѣры.

«Онъ зналъ, — подходимъ ближе къ нашему дѣлу — что св. Филиппъ Benicius, основатель ордена Божіей Матери, противился уничтоженію этого ордена папою Иннокентіемъ V, хотя этотъ папа послалъ ему повелѣніе закрыть орденъ, не собственною только властію; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣщалъ, что онъ долженъ считаться уничтоженнымъ на основаніи опредѣленій Ліонскаго собора. Однакоже святой основатель ордена до самой смерти этихъ повелѣній папы никогда не исполнялъ.

«Онъ зналъ, что когда папа Климентъ VIII уничтожилъ орденъ *добрыхъ братьевъ* (buoni fratri), то Филиппъ II король испанскій не принялъ папскаго бреве, и потому этотъ орденъ неприкосновенно существовалъ въ Испаніи, принимая въ свой составъ новыхъ членовъ и допуская до произнесенія обѣтовъ, тогда какъ въ другихъ странахъ онъ былъ уничтоженъ. Въ это время въ числѣ членовъ этого ордена былъ извѣстный Іоаннъ Пеккадоръ, которому это не мѣшало проводить святую жизнь, что въ наше время засвидѣтельствовалъ самъ папа Климентъ XIV, уничтожившій іезуитовъ, причисливъ его къ лику блаженныхъ (beati).

«Онъ зналъ, что св. Іосифъ (di Colosanz), основатель ордена піаристовъ, когда папа Иннокентій буллою уничтожилъ этотъ орденъ, обращался съ просьбами къ ученымъ юристамъ, чтобы они писали противъ этой буллы и посылалъ своихъ повѣренныхъ къ свѣтскимъ властителямъ, уговаривая ихъ не приводить въ исполненіе папскаго предписанія. Поэтому, хотя въ южныхъ странахъ этотъ орденъ считался уничтоженнымъ, въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ, а именно въ Польшѣ, онъ оставался неприкосновеннымъ до окончательнаго своего возстановленія.

Онъ зналъ, наконецъ, что Климентъ XIV не болѣе имѣетъ власти, нежели Иннокентій V или Климентъ VIII, или что ея величество царица россійская не обязана повиноваться папамъ болѣе, нежели Филиппъ II испанскій, Владиславъ IV польскій и даже самъ святой Людовикъ французскій; и онъ, какъ начальникъ іезуитскаго ордена, не былъ обязанъ бо̀льшимъ послушаніемъ Риму, нежели исчисленные выше святые мужи, самимъ же Римомъ признанные святыми. Притомъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что такія постановленія Рима во всѣхъ государствахъ, даже римско-католическихъ, не получаютъ обязательной силы до тѣхъ поръ, пока свѣтская власть не изъявитъ на то своего согласія — exequatur. Онъ зналъ

также, что папа издалъ свое постановленіе противъ іезуитовъ не по собственной волѣ, motu proprio, но по настоянію ихъ враговъ. Притомъ, онъ не *повелѣваетъ* самодержавнымъ властителямъ, но только *проситъ* (hortamur principos christianos).

«Онъ зналъ, говорю я, все это и, не смотря на то, не позволилъ себѣ идти путемъ, предложеннымъ столькими святыми въ продолженіе вѣковъ. Желая показать *безпримѣрное* повиновеніе папскому постановленію, онъ лично предсталъ въ Петербургѣ передъ россійскою императрицею и подалъ письменное прошеніе, чтобы она дозволила бѣлорусскимъ іезуитамъ исполнить папское приказаніе, выражая обѣщаніе, что и въ званіи бѣлаго духовенства они постараются быть полезными и также трудиться для ея государства, какъ и прежде и какъ повсюду они много трудились.

«Однакоже великая Екатерина хорошо понимала, что вся сила іезуитовъ состоитъ именно въ неразрывности ихъ орденскаго союза, разорвать который значило бы то же, что Самсону остричь волосы и изъ великаго борца сдѣлать его хилымъ и слабымъ. Поэтому она и не приняла папскаго бреве и потомъ издала торжественный указъ, чтобы іезуитскій орденъ оставался неприкосновеннымъ въ ея владѣніяхъ. Этимъ однимъ распоряженіемъ великая государыня достигла того, чего едва ли могла бы достигнуть цѣною многихъ сокровищъ; одною мудростію, безъ издержекъ, она ввела въ свои владѣнія такое великое благо, какое великое зло причинили своимъ странамъ другіе государи, изгнавъ іезуитовъ и истрачивая сокровища. Потому что, когда вѣсть объ этомъ пронеслась по цѣлой трети міра, немедленно іезуиты, повсюду уничтоженные въ родныхъ своихъ странахъ, обладавшіе многими познаніями, начали стекаться въ Бѣлоруссіи, чтобы послужить старому своему ордену и новой его покровительницѣ и по истинѣ матери — великой Екатеринѣ. Это дѣлаетъ не малую честь іезуитамъ и ихъ ордену, и еще бо́льшую честь императрицѣ Всероссійской, такъ хорошо и скоро понявшей значеніе этого ордена, съ которымъ она едва познакомилась, послѣ присоединенія Бѣлоруссіи.

«Тотъ же блаженной памяти мужъ выразилъ усердное послушаніе папѣ тѣмъ, что хотя и зналъ, что орденъ оставленъ въ Бѣлоруссіи въ его цѣлости, однако же въ продолженіе 6 лѣтъ онъ не позволялъ себѣ принимать новиціевъ. Онъ приступилъ къ этому не прежде, какъ, по волѣ императрицы, получилъ, 28 іюня 1779 года, торжественно во всѣхъ костелахъ объявленное разрѣшеніе пастыря (Сестренцевича), украшеннаго великою ученостію и ревностію, тогда

епископа бѣлорусскаго, а нынѣ архіепископа могилевскаго, имѣвшаго на то власть, данную ему, 15 августа 1778 года, нынѣшнимъ папою Піемъ VI, какъ полномочному апостольскому намѣстнику.

«Наконецъ, по указу императрицы, 4 іюля 1782 г., и съ вѣдома того же пастыря, онъ избранъ былъ въ полномъ собраніи іезуитовъ въ Полоцкѣ, полномочнымъ намѣстникомъ ордена съ полною властію викарія, которую исправлялъ 2 года, 9 мѣсяцевъ и 1 день» [1]).

Вѣроятно не посѣтуютъ на насъ за эту длинную выписку изъ письма, въ которомъ во всей полнотѣ и ясности выразился взглядъ іезуитовъ на значеніе папской власти. Весь рядъ заключающихся въ немъ указаній относится до такихъ историческихъ происшествій, которыя показываютъ, что папская власть не признавалась безусловною и неограниченною въ самой латинской церкви, и что не всякому повелѣнію папы слѣдуетъ повиноваться слѣпо. Напротивъ, многія изъ нихъ должны встрѣчать и встрѣчали сопротивленія, какъ со стороны епископовъ и духовныхъ властей, такъ и со стороны свѣтской власти государей, которая, равно какъ и власть епископская, имѣетъ свое самостоятельное значеніе, свои основы существованія, независимо отъ воли римскаго первосвященника. Сопротивленіе открытое и явное нѣкоторымъ папскимъ повелѣніямъ, въ глазахъ церкви, не умаляетъ достоинства сопротивлявшихся, ибо многіе изъ нихъ впослѣдствіи были признаваемы святыми, и самъ Римъ вынужденъ былъ согласоваться съ общимъ голосомъ церкви. Что же касается до свѣтской власти государей, то папскія постановленія въ отношеніи къ ней и ея подданныхъ не могутъ имѣть никакой обязательной силы и получаютъ значеніе въ предѣлахъ того или другаго государства только тогда, когда будутъ одобрены этою властью. Можно не покоряться волѣ римскаго первосвященника, вполнѣ подчиниться въ качествѣ подданныхъ свѣтской власти и — оставаться истинными сынами латинской церкви и духовными ея служителями. Таковы ученія, которыя постоянно проповѣдывали іезуиты того времени.

Учрежденіе іезуитскаго новиціата въ Бѣлоруссіи возбудило сильное негодованіе Рима, какъ противъ русскаго правительства и іезуитовъ, такъ въ особенности противъ епископа Сестренцевича. Недавно обнародованная дипломатическая переписка по этому случаю нашего двора съ римскимъ престоломъ, появившаяся уже послѣ

---

[1]) O powrocie jezuitów y o powszechnym w szkołach przez nich nauczaniu młodzieży. Варшава 1805 г. ч. II, стр. 202—214.

изданія разсматриваемаго нами сочиненія, любопытна въ высшей степени [1]). Когда вѣсть объ учрежденіи новиціата дошла до Рима, то отъ имени папы кардиналъ статсъ-секретарь Паллавичини разослалъ къ нунціямъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ окружное посланіе, въ которомъ онъ порицалъ всѣ дѣйствія императрицы Екатерины въ отношеніи къ латинской церкви и особенно возставалъ противъ Сестренцевича, согласившагося на открытіе новиціата. Въ отвѣтъ на это посланіе немедленно, въ 1780 г., іезуиты издали во Флоренціи [2]) обширный и подробный критическій его разборъ. Это сочиненіе съ одной стороны представляется самымъ искреннимъ похвальнымъ словомъ всѣмъ дѣйствіямъ императрицы Екатерины и даже епископа Сестренцевича, котораго однако же іезуиты ненавидѣли, съ другой — рѣзкою сатирою поступковъ римскаго двора какъ въ отношеніи къ русскому правительству, такъ и къ іезуитскому ордену. Въ немъ, съ большею только полнотою, повторяются и развиваются тѣже ученія, на которыя мы указывали. Потому, не входя въ подробное его разсмотрѣніе, ограничимся только, въ видѣ примѣровъ, нѣкоторыми извлеченіями.

Учрежденіе императрицею Екатериною одной латинской епархіи въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, римскій дворъ встрѣтилъ какъ такую мѣру, которая клонилась къ разрушенію и уничтоженію вообще латинской церкви въ имперіи, и сильно возставалъ противъ нея. Испытавъ неудачу дѣйствовать на императрицу чрезъ своего нунція въ Варшавѣ и польскихъ вельможъ, епископовъ и короля, онъ обратился къ посредничеству Маріи-Терезіи. Отъ имени папы его кардиналъ статсъ-секретарь 5 февраля 1774 года, писалъ къ вѣнскому нунцію кардиналу Висконти: «Къ числу нововведеній, которыя русскій дворъ предположилъ въ отношеніи къ вновь присоединеннымъ областямъ, самое ужасное и несправедливое заключается въ предположеніи подчинить все духовное въ

---

[1]) Сборн. Русск. историч. общества. Спб. 1867, т. I, стр. 421—539.

[2]) Lettere critiche in schiarimento del vero stato attuale dei Gesuiti nella Russia Bianca e loro difesa nel noviciato da essi apertoci; col seguito dellealtre cose favorevoli ai medesimi accordate negli stati dell'Imperatrice delle Russie del Rè di Prussia, nel Portogallo ed altrove, dirette al Tig. Marchese.... in Firenze. 1780. Мы не могли достать подлиннаго сочиненія и пользовались современнымъ его нѣмецкимъ переводомъ: Merkwürdige Nachrichten von den Jesuiten in Weissreussen, in Briefen. 2-e Aufl. Francfurt u. Leipzig. 1786 г. Въ концѣ сочиненія подписано: «Римъ. 4 октября 1780 г.» Можетъ быть, оно и писано въ Римѣ, но бѣлорусскимъ іезуитомъ.

нихъ управленіе латинской церковію *одному* епископу. Пространство этой *огромной имперіи*, различіе племенъ и нарѣчій представляютъ не только большія затрудненія, но просто невозможность привесть въ исполненіе этотъ чудовищный проектъ. Говорятъ даже, что епископъ ливонскій потеряетъ всю свою епархію, а виленскій и смоленскій значительныя части». Пространства вновь присоединенныхъ областей конечно не такъ велики, чтобы не вмѣститься въ предѣлы одной епархіи; и племенъ и нарѣчій въ этихъ областяхъ не такъ много. Все это зналъ Римъ; но онъ уже простиралъ виды на *всю* имперію. Заступничество Маріи-Терезіи еще менѣе другихъ пособило Риму; она глубоко была тронута просьбами папы, понимала важность дѣла, но не взялась ходатайствовать передъ императрицею Екатериною, говоря, что съ нею *очень трудно вести дѣла*, какъ увѣдомлялъ папу вѣнскій нунцій въ депешѣ 7 апрѣля 1774 г. [1]). Въ окружномъ посланіи, по случаю учрежденія новиціата, кардиналъ Паллавичини говоритъ: «При раздѣлѣ Польши почти всѣ епархіи, Лифляндская и Смоленская и часть Виленской, перешли подъ русское владычество. Непобѣдимая настойчивость царицы, недопускавшей существованіе прежней юрисдикціи польскихъ епископовъ въ предѣлахъ своего государства и упорныя требованія этой монархини, чтобы всѣ ея многочисленные подданные латинскаго исповѣданія находились подъ управленіемъ одного епископа, подвинули его святѣйшество, хотя и не охотно, назначить на это важное мѣсто Станислава Сестренцевича, епископа Мальскаго». Іезуиты на это возражали: «что ни слово, то неправда. На польскомъ сеймѣ противъ раздѣла наиболѣе возставали духовные сенаторы, т. е. епископы, и особенно тѣ, которыхъ епархіи въ значительной части присоединялись къ Россіи, Виленскій, Лифляндскій и Смоленскій. Они протестовали и утверждали, что никогда не принесутъ присяги на подданство императрицѣ. Послѣ этого весьма естественно, что пришли къ той мысли, чтобы отдѣлить Бѣлоруссію отъ виленской епархіи и, съ частями отъ другихъ епархій, составить одну, подъ управленіемъ особаго епископа, не враждебнаго русскому двору, который, безъ сомнѣнія, никогда не допуститъ, чтобы духовное управленіе его подданными могло быть предоставлено епископамъ, непризнающимъ свѣтской его власти. Составить одну епархію и подчинить епископу, который бы имѣлъ мѣстопребываніе въ русскихъ предѣлахъ, предложилъ польскій король, и русское правительство, принявъ

---

[1]) Тейнеръ. Hist. du pontif. de Clément XIV, т. II, стр. 435—38.

это предложеніе, согласилось, чтобы избранный въ первый разъ епископъ былъ полякъ, котораго изберетъ папскій нунцій, по соглашенію съ русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ. Итакъ, это дѣло было въ рукахъ варшавскаго нунція Гарампи. Онъ избралъ Сестренцевича, мужа ученаго, обладавшаго всѣми достоинствами приличными епископскому сану» [1]). Такимъ образомъ, не договаривая послѣдняго слова, іезуиты выводили на чистую воду римскій дворъ, явно указывая на тайные его виды. Главный противникъ раздѣла Польши—Римъ, хотѣлъ удержать по крайней мѣрѣ организацію и управленіе латинскою церковію, согласованное съ прежними предѣлами Польши, и подчинить милліоны русскихъ подданныхъ епископамъ, подданнымъ польскимъ, сенаторамъ королевства и проживающимъ внѣ предѣловъ имперіи, и этотъ замыселъ думалъ осуществить Римъ, въ отношеніи къ русскому правительству, во времена великой Екатерины!

Открытіе іезуитскаго новиціата встрѣтило такія же сильныя нападенія римскаго двора и—«неожиданно и грустно поразило римскаго первосвященника»—говорилъ кардиналъ Паллавичини. Нападая на выраженіе *неожиданно*, іезуиты доказывали, что это учрежденіе было необходимымъ и естественнымъ послѣдствіемъ распоряженія императрицы, узаконявшаго существованіе іезуитскаго ордена въ Бѣлоруссіи. Если Римъ терпѣлъ существованіе ордена, то онъ долженъ былъ ожидать и учрежденія новиціата. Императрица признавала *существованіе*, а не *разрушеніе* ордена; между тѣмъ, не пополняясь новыми членами, онъ, конечно, уменьшался бы постепенно въ своемъ составѣ и — наконецъ, уничтожился бы самъ собою. Конечно, они очень хорошо понимали, что именно такова и была политика римскаго двора въ отношеніи къ іезуитамъ; но они не договаривали послѣдняго слова, чтобы удержать за собою право глумиться надъ папскимъ правительствомъ, уличая его въ мнимой непослѣдовательности въ мысляхъ, недальновидности въ намѣреніяхъ и несправедливости въ дѣйствіяхъ. «Іезуиты составляютъ не только общество духовныхъ въ церкви, учрежденное для пользы вѣры, но и гражданское общество, допускаемое властію государей для пользы государствъ; поэтому ихъ существованіе и уничтоженіе зависитъ отъ обѣихъ властей. Папа не можетъ, безъ согласія государей, ввести ихъ въ предѣлы государствъ, точно также не можетъ и изгнать ихъ оттуда безъ воли государей. Въ отношеніи къ іезу-

---

[1]) Merkwürd. Nachrichten. § IV стр. 89—92.

итамъ это подтверждается еще особенными обстоятельствами: 1) тѣмъ, что іезуиты состоятъ на дѣйствительной службѣ монархамъ и обществу, потому, что въ ихъ попеченіи находятся школы и воспитательныя заведенія: эти должности безспорно подлежатъ попеченію государей; 2) тѣмъ, что коллегіи іезуитовъ въ Бѣлоруссіи по большей части учреждены королями и снабжены имуществами, отнятыми у изгнанныхъ *грековъ*, и щедростію польскихъ королей отданныхъ для содержанія іезуитамъ. Можетъ ли папа уничтожить гражданское общество, королевское, состоящее на службѣ обществу, уничтожить, не нанося тѣмъ оскорбленія престолу? Римъ могъ такъ поступить въ отношеніи къ Франціи, Испаніи, Португаліи и Германіи, потому что дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по соглашенію съ ихъ королями. Россія требуетъ не бо́льшаго, а такого-же права». «Іезуиты — хорошіе подданные императрицы и, какъ истинные католики и духовные, покорны папѣ. Случалось однакоже, что отъ двухъ властей приходятъ различныя повелѣнія, изъ которыхъ одно уничтожаетъ другое. Они остаются въ томъ положеніи, въ какомъ находились, пока обѣ власти не согласятся между собою о ихъ судьбѣ. Впрочемъ, они имѣютъ важныя причины повиноваться въ этомъ случаѣ императрицѣ. Во 1-хъ потому, что ея повелѣнія благосклонны, а приходящія изъ Рима — деспотическія; во 2-хъ повелѣнія императрицы правильнымъ порядкомъ имъ объявляются, а римскія нѣтъ, да и быть не могутъ; и въ 3-хъ наконецъ, повинуясь императрицѣ, они не производятъ никакихъ безпорядковъ, а церковь не обязываетъ подчиняться тому, что можетъ быть причиною великихъ замѣшательствъ» [1]). Все это сочиненіе постоянно развиваетъ одну и ту же мысль, что папскія притязанія на полновластіе не согласны съ христіанскимъ ученіемъ, что папская власть ограничена кругомъ ея чисто духовнаго значенія и канонами церкви, *епископы не чиновники* папскіе, но имѣютъ свои права и обязанности, что іезуиты *не рабы папы*, *а овцы стада Христова* [2]). Однимъ словомъ, изъ ихъ соображеній выходило, что положеніе латинской церкви подъ покровомъ Россіи гораздо болѣе согласно съ ея ученіями и канонами, нежели въ самомъ Римѣ.

Казалось бы, не могло возникнуть и вопроса о томъ, какъ долженъ былъ отнестись римскій престолъ къ подобнымъ ученіямъ іезуитовъ, подрывавшимъ главныя начала, на которыхъ создалось, укрѣ-

---

[1]) Merkwürdige Nachrichten etc. § IV, стр. 89—92; 173 и слѣд. 178 и слѣд.

[2]) Тамъ же, напр. стр. 218—221, 257 и др.

пилось и поддерживалось папство; но вглядываясь въ политику римскаго двора въ этомъ случаѣ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на этотъ вопросъ. Папскій нунцій, монсиньоръ Гарампи, 3 ноября 1773 г., писалъ изъ Варшавы къ папскому статсъ-секретарю Паллавичини, что «опасно дѣйствовать на іезуитовъ угрозами или каноническими наказаніями или объявленіемъ ихъ прямо возмутителями противъ папскихъ предписаній, потому что между ними не мало горячихъ головъ и угодниковъ государей, которые, не заботясь объ истинныхъ началахъ каноническаго права, могутъ своими сочиненіями, распространяемыми даже помощію печати, поднять старые споры и поддерживать положенія, опасныя для мира церкви, или возвышая епископскую власть до сравненія съ властью верховнаго первосвященника, или доказывая, что церковные законы не имѣютъ обязательной силы, пока не утверждены свѣтскою властью. Изъ этого могутъ возникнуть дерзкія ученья, въ которыхъ будутъ доказывать потомъ, что его святѣйшество не можетъ ограничивать власти епископовъ. Нѣтъ такого заблужденія, которое бы не стали проповѣдовать противъ здраваго ученія, люди раздраженные, распущенные, безрелигіозные и льстецы свѣтской власти. Также *нѣкоторые епископы* могутъ быть увлечены, или по особымъ частнымъ соображеніямъ, или необходимостію, по-видимому, только этимъ способомъ достигнуть мира и безопасности какъ для своей паствы, такъ и для себя, и примутъ ученія іезуитовъ, которыя, конечно, отвергли бы при другихъ обстоятельствахъ и, когда подобные споры возникнутъ или, лучше сказать, возобновятся въ одномъ уголкѣ христіанства, то они быстро распространяются повсюду и, я не знаю, будутъ ли католическіе государи помогать намъ въ этомъ случаѣ или воспользуются этими обстоятельствами, чтобы надѣлать намъ еще большихъ затрудней. Если въ виду такихъ обстоятельствъ я могу выразить мое мнѣніе, то я полагалъ бы, что съ нашей стороны слѣдуетъ дѣйствовать такъ, чтобы избѣгать всякаго случая, который могъ бы усилить уже начавшійся пожаръ. Поэтому, пока не представится благопріятнаго обстоятельства, слѣдуетъ выжидать и давать видъ, что папа оставилъ іезуитовъ въ покоѣ и предоставилъ ихъ угрызеніямъ собственной ихъ совѣсти. Я убѣжденъ, что болѣе совѣстливые изъ нихъ и болѣе робкіе не долго будутъ противиться этимъ угрызеніямъ и попросятъ у папы позволенія или вступить въ бѣлое духовенство, или совсѣмъ оставятъ Бѣлоруссію. Самые государи, увидя равнодушіе папы въ отношеніи къ этому дѣлу, не будутъ съ такимъ упорствомъ противодѣйствовать папѣ и

легче сдадутся на представленія, съ которыми обратятся къ нимъ епископы и наиболѣе благоразумные изъ самихъ іезуитовъ». Слѣдуетъ замѣтить, что эти совѣты предлагалъ Гарампи, когда еще не былъ учрежденъ іезуитскій новиціатъ въ Бѣлоруссіи. Кардиналъ Корсини, предсѣдатель конгрегаціи de rebus extinctis, т. е., которой поручено было приводить въ исполненіе постановленіе папы объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, въ отвѣтѣ, 4 декабря 1773 года, объявлялъ ему, что римскій дворъ одобряетъ его образъ мыслей и дѣйствій и поручилъ ему дѣйствовать на членовъ ордена порознь, угрожать даже отлученіемъ отъ церкви и особенно стараться отвлекать отъ покорности *свѣтской власти, которая имъ покровительствуетъ* [1]). Тейнеръ превозноситъ умѣренность римскаго двора въ этомъ случаѣ, и снисходительность и кротость папы въ отношеніи къ іезуитамъ. О. Морошкинъ, по-видимому, соглашаясь съ нимъ, говоритъ: «Климентъ XIV вполнѣ раздѣлялъ мысли своего нунція и никакъ не хотѣлъ принять той системы дѣйствій, какую ему внушали дворы бурбонскіе и особенно версальскій. Напрасно Людовикъ XV называлъ образъ дѣйствій Климента излишне умѣреннымъ, слабымъ и малодушнымъ, напрасно совѣтовалъ ему прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе энергической, напримѣръ, къ изданію окружнаго посланія ко всѣмъ епископамъ латинской церкви, въ которомъ было бы выражено, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, негодованіе папы противъ іезуитовъ,—папа не отступилъ отъ правилъ умѣренности, внушаемыхъ ему Гарампи и такъ гармонирующихъ съ его характеромъ» (стр. 90). Мы позволимъ себѣ однакоже усомниться въ вѣрности этого взгляда. Не отвергая ни кротости и благодушія папы, ни умѣренности и благоразумія его двора, мы замѣтимъ, что эти свойства могли выказываться только въ дѣйствіяхъ къ іезуитамъ, *какъ отдѣльнымъ лицамъ*. Дѣйствительно, въ самомъ бреве,—Dominus ac redemptor, Климентъ XIV всѣми способами старается обезпечить судьбу іезуитовъ. Но снисходительностію и кротостію никогда не отличается римскій дворъ, когда дѣло идетъ объ *общихъ началахъ*, которыя притомъ онъ считаетъ основами своего собственнаго существованія; между тѣмъ іезуиты, *какъ орденъ* и притомъ, проповѣдующіе такія начала, угрожали опасностію самому существованію папства въ томъ видѣ, въ какомъ оно выработалось въ продолженіе всей исторической своей жизни. Снисходительность въ этомъ случаѣ была бы уже слабостью и непредусмотрительностію—

[1]) Тейнеръ. Hist. du pont. de Clément XIV, т. II, стр. 109 и 110.

такія качества, которыми нельзя укорить папскую политику. Климентъ XIV не остановился заключить въ крѣпость св. Ангела — Риччи, потому что онъ былъ генералъ іезуитскаго ордена, равно и его ближайшихъ помощниковъ по управленію, продержалъ его тамъ до смерти, не поблажалъ іезуитамъ, сопротивлявшимся назначенной имъ визитаціи ихъ учрежденій въ Болоньи и другихъ городахъ своей области; но онъ прибѣгъ къ мѣрамъ кротости тогда, когда существованіе іезуитовъ, какъ ордена, было признано въ Россіи. Очевидно, римскій дворъ опасался поступить рѣшительно съ сильнымъ врагомъ, проповѣдовавшимъ грозныя для папства ученія, разсчитывая и безъ того на постепенное уничтоженіе ордена, съ одной стороны естественнымъ вымираніемъ его членовъ, съ другой раскаяніемъ другихъ, подъ вліяніемъ увѣщаній его агентовъ. Поэтому такимъ сильнымъ ударомъ для Рима и было открытіе іезуитскаго новиціата въ Бѣлоруссіи, грозившаго продлить и упрочить постоянное существованіе ордена; съ этого времени онъ понялъ, что побѣда осталась за іезуитами, что проповѣдуемыя ими ученія, согласныя съ постановленіями вселенской церкви и направленныя противъ притязаній и злоупотребленій папъ, приведутъ къ разрушенію самого папства. Но понявъ это, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ и другое: что сами іезуиты не могутъ существовать при другомъ, болѣе правильномъ устройствѣ латинской церкви, что они охотно откажутся отъ проповѣдуемыхъ ими ученій, если новый папа возстановитъ существованіе ихъ ордена. Не подчиняясь папѣ, захотятъ ли они подчиняться епископамъ!

Эта перемѣна въ римской политикѣ въ отношеніи къ іезуитамъ выразилась въ лицахъ — въ двухъ папскихъ нунціяхъ, посѣтившихъ въ это время Россію — въ Аркетти и гр. Литтѣ. Орденъ считался уничтоженнымъ, и бреве Климента XIV находилось въ полной силѣ во время пріѣздовъ къ нашему двору обоихъ нунціевъ; но отношенія ихъ къ русскимъ іезуитамъ были совершенно противоположны. Какъ грозно и рѣзко обходился съ ними Аркетти, такъ милостиво и дружелюбно Литта. Когда передъ своими костелами они торжественно, съ крестами, выходили на встрѣчу проѣзжавшему по Бѣлоруссіи Аркетти, онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы громить ихъ своими рѣчами, какъ возмутителей и отступниковъ; графъ Литта, напротивъ, пользовался ихъ гостепріимствомъ, останавливался въ ихъ домахъ, и во все пребываніе ихъ въ Петербургѣ оказывалъ имъ расположеніе и содѣйствовалъ ихъ видамъ. Различіемъ личныхъ характеровъ обоихъ нунціевъ этого объяснять нельзя.

Дѣйствія Литты уже предвѣщали, что орденъ будетъ возстановленъ. Сохранилось преданіе, что — «когда вечеромъ 16 августа 1773 г., монсиньоръ Мацедоніо явился въ домъ іезуитовъ, чтобы объявить имъ папское бреве,—его уже тамъ ожидали, и Риччи не всталъ даже съ своего кресла. Мацедоніо прочелъ бреве и потомъ сказалъ: «и такъ орденъ умеръ». Риччи медленно всталъ съ своего кресла о отвѣчалъ: Et tertia die resurrexit! и вышелъ вонъ» [1]). — Онъ былъ правъ: папство безъ іезуитовъ, и іезуиты безъ папства— невозможны.

Не такъ ли, какъ римскій дворъ, могла относиться императрица Екатерина къ этимъ ученіямъ іезуитовъ? или, могла ли она не обращать на нихъ особеннаго вниманія и даже оставаться равнодушною?

Съ первыхъ, такъ сказать, дней своихъ отношеній къ папскому престолу, она ясно выразила основныя начала политики, которыми постоянно руководствовалась въ отношеніи къ латинской церкви. Не препятствуя своимъ подданнымъ латинскаго исповѣданія признавать папу главою ихъ церкви, она немедленно устранила всякое съ его стороны вмѣшательство въ качествѣ свѣтскаго властителя въ дѣла, не имѣющія прямаго отношенія къ духовной его власти. Своею государственною территоріею она не позволяла ему распоряжаться, и потому сама опредѣляла пространства и границы епархій и приходовъ. Еще менѣе допускала она возможность ограничить свою верховную власть въ имперіи властію римскаго первосвященника и государя. Цѣлый рядъ его постановленій въ отношеніи къ устройству и управленію латинскою церковію въ Россіи проникнутъ именно этимъ направленіемъ. Верховное правительство независимаго государства никому не могло предоставить законодательной власти въ своихъ предѣлахъ и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Поэтому, она заявила немедленно, по присоединеніи Бѣлоруссіи, и поддерживала постоянно такъ-называемое право exequatur въ отношеніи къ папскимъ распоряженіямъ и не могла допустить и мысли, чтобы иностранные подданные могли исправлять какія-либо духовныя должности въ имперіи, какъ епископовъ, такъ и начальниковъ монашескихъ орденовъ; поэтому удерживала за собою право избранія епископовъ и ограждала ихъ власть отъ притязаній Рима, подчинила имъ монашескіе ордена, какъ и слѣдуетъ по католическимъ правиламъ, и запретила всякое сношеніе монахамъ съ ихъ орденскими генералами, находившимися внѣ предѣловъ Россіи. Верховная

---

[1]) Petrucelli della Gattina. Histoire diplom. des conclaves т. IV, стр. 206.

власть независимаго государства не могла отказать въ правосудіи никому изъ своихъ подданныхъ, хотя бы они назывались латинскимъ духовенствомъ, и оставить безъ надзора и повѣрки какъ духовные суды, такъ и управленіе. Поэтому императрица желала на твердыхъ началахъ основать устройство и управленіе латинской церкви, издавая положенія и учреждая духовную коллегію, при дѣятельной помощи митрополита Сестренцевича. Но ограничивая притязанія папъ на вторженіе въ кругъ дѣятельности своей верховной власти, она не касалась до ихъ духовной власти, высшей въ отношеніи къ латинской церкви. Посвященіе епископовъ, утвержденіе имъ и ихъ паствѣ епархіальныхъ и приходскихъ раздѣленій и границъ своими буллами, она предоставляла папѣ. Она не прервала всѣхъ сношеній римско-католиковъ и духовенства съ папою, какъ это сдѣлала въ отношеніи къ генераламъ монашескихъ орденовъ, именно въ виду духовнаго значенія папы, какъ главы латинской церкви; но установила порядокъ этихъ сношеній чрезъ посредство своего правительства и удержала за собою право дозволять исполненіе папскихъ предписаній или запрещать—exequatur. Такимъ образомъ, полная терпимость и покровительство въ предѣлахъ этой терпимости, въ отношеніи къ подданнымъ латинскаго исповѣданія, полное признаніе ихъ духовныхъ отношеній къ римскому первосвященнику и вмѣстѣ съ тѣмъ безусловное устраненіе всѣхъ притязаній Рима на государственную власть въ предѣлахъ Русской имперіи и въ отношеніи къ русской верховной власти, вотъ основныя начала, которымъ неуклонно слѣдовала политика императрицы Екатерины въ отношеніи къ римскому двору [1]). Эти начала, которыя впрочемъ защищали въ большей или меньшей степени всѣ государства Европы отъ притязаній папъ, она должна была защищать съ особенною силою, какъ представительница народа, исповѣдующаго вселенское православіе, и слѣдовательно, какъ представительница правъ этой церкви въ отношеніи къ иновѣрнымъ державамъ.

Этой политикѣ рукоплескали іезуиты и защищали ее въ своихъ сочиненіяхъ передъ лицомъ папы и всей латинской Европы. И должны были защищать, не изъ угодничества только свѣтской власти, какъ доказывалъ Римъ, но и на основаніи тѣхъ ученій, которыя они проповѣдовали въ то время. Мы полагаемъ, что не только императрица Екатерина не оставалась равнодушною къ этимъ

---

[1]) Полн. Сборн. Законовъ, №№ 13.252, 13.807, 13.808, 13.922, 13.251, 14.073, 14.966, 15.326, 15.628, 15.876, 16.521, 16.933, 17.168, 17.379.

ученіямъ; но, напротивъ, они то и были главною причиною того покровительства, которое она оказывала іезуитамъ. Установленіе латинской церкви въ имперіи, самостоятельное и независимое въ политическомъ отношеніи отъ власти Рима, хотя и признающей высшую духовную власть папы, на подобіе церкви галликанской, составляло цѣль, къ которой стремились всѣ дѣйствія императрицы Екатерины.

Въ этомъ отношеніи ей сочувствовалъ и содѣйствовалъ митрополитъ Сестренцевичъ. Мы не войдемъ въ изслѣдованіе вопроса, какъ вообще смотрѣлъ Сестренцевичъ на орденъ іезуитовъ и на покровительство, оказываемое ему императрицею, а ограничимся только утвержденіемъ, что выраженной ими въ ихъ сочиненіяхъ мысли о значеніи епископской власти и защитѣ ея самостоятельности противъ притязаній папъ онъ вполнѣ сочувствовалъ. Въ запискѣ, на основаніи которой было отчасти составлено «*Положеніе*» о латинской церкви въ имперіи 1798 г., подъ заглавіемъ «*О іерархіи римско-католической церкви въ имперіи*», онъ говорилъ: «Слѣдуетъ поддержать зависимость латинской церкви отъ папы, какъ ея главы, только въ отношеніи къ догматамъ; что же касается до дисциплины и внутренняго управленія церковію въ Россіи, то они должны находиться въ вѣдомствѣ мѣстныхъ епископовъ, русскихъ подданныхъ, избираемыхъ верховною властію и посвящаемыхъ митрополитомъ по благословенію папы. Епископы должны пользоваться тою же властію, которою пользовались въ продолженіе первыхъ десяти вѣковъ христіанской церкви, пока папа Григорій VI не отнялъ у нихъ этой власти. Въ первоначальной церкви вся внутренняя юрисдикція въ епархіяхъ принадлежала епископамъ, до тѣхъ поръ, пока папы не присвоили ее себѣ, — и епископы соединялись въ соборы. Поэтому необходимо епископовъ подчинить постоянному синоду, который бы находился въ Петербургѣ [1])». Чтобы еще болѣе объяснить взгляды Сестренцевича, мы приведемъ слѣдующую выписку изъ рукописнаго его дневника. Марта 27, 1799 года, онъ былъ во дворцѣ; идя къ обѣдни, императоръ сказалъ ему мимоходомъ, что отправилъ къ нему нѣкоторыя бумаги. Послѣ обѣдни оберъ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ сказалъ ему, что государь желаетъ, чтобы онъ являлся во дворецъ, обѣдать или ужинать раза по два-по три въ недѣлю. Это приказаніе нѣсколько смутило Се-

---

[1]) Гр. Толстой. Le catholicisme Rom. en Russie т. II стр. 115 и 116 и annex. № 5.

стренцевича; замѣтивъ это Нарышкинъ сказалъ: пріѣзжайте сегодня ужинать. «Я пріѣхалъ, — пишетъ Сестренцевичъ въ своемъ дневникѣ, подъ этимъ числомъ. Императоръ сказалъ: я послалъ къ вамъ просьбу, чтобы вы сдѣлали что-нибудь для Винибальда [1]). Сестренцевичъ отвѣчалъ: «Такъ какъ онъ монахъ, то я сдѣлаю его докторомъ богословія и назначу, чтобы какой либо изъ монастырей ордена св. Франциска, къ которому онъ принадлежитъ, давалъ ему ежегодно по 150 рублей. Это даже лучше докторства!

Государь улыбнулся. — Но нельзя-ли сдѣлать его каноникомъ?

— Невозможно, именно потому, что онъ монахъ. Для этого необходимо причислить его прежде къ бѣлому духовенству (sécularisér).

— А почему вы не можете этого сдѣлать?

— Потому, ваше величество, что нунцій не далъ мнѣ этого права [2]).

— А не дѣлалъ-ли онъ этого самъ для кого-нибудь?

— Да, государь, онъ сложилъ обѣты съ двухъ монаховъ.

— Какою пользуетесь вы властью, въ качествѣ митрополита?

— Нунцій сообщилъ мнѣ всѣ тѣ права, которыми пользуются примасъ гнезненскій и архіепископъ львовскій...

— Въ чемъ заключается власть папы въ отношеніи къ епископамъ? права короны должны быть соблюдаемы.

— Отношенія къ папѣ необходимы по случаю его первенства (sa primauté), вслѣдствіе котораго онъ составляетъ средоточіе единства католической церкви. Что же касается до юрисдикціи, то они пользуются ею въ другихъ государствахъ, въ той мѣрѣ, въ какой государи имъ дозволятъ. Епископамъ принадлежитъ юрисдикція въ ихъ епархіяхъ; но это право было ограничено папою во времена варварства (depuis les siècles de ténèbres), когда епископы не умѣли еще писать, ходили на войну, ѣздили на охоту, — тогда папы присвоили себѣ большую часть епископскихъ правъ и даже право ихъ посвящать.

Императоръ замѣтилъ: — Это уже надо имъ оставить, потому что вошло въ обычное право и утверждено длиннымъ рядомъ лѣтъ.

Сестренцевичъ продолжалъ: — Теперь, когда епископы умѣютъ

---

[1]) Францисканецъ Винибальдъ состоялъ при мальтійской капеллѣ въ Гатчинѣ.

[2]) Отношенія Сестренцевича къ Литтѣ были враждебны въ это время.

уже писать, — (императоръ разсмѣялся) — папы все-таки удерживаютъ за собою эти права. Доказательствомъ того, что митрополиты имѣютъ власть посвящать епископовъ своихъ областей, не относясь къ папѣ, можетъ служить папскій ритуалъ, гдѣ помѣщенъ весь этотъ (церемоніалъ) обрядъ. Его не посмѣли исключить. И въ настоящее время, послѣ полученія рескрипта вашего величества, когда нунцій отказался посвятить въ епископы Сѣраковскаго, я въ тотъ же день написалъ ему, чтобы онъ обратился ко мнѣ, и я посвящу его по этому обряду. Но потомъ гр. Ростопчинъ сообщилъ мнѣ, что нунцій уже согласился посвятить его. Въ этомъ церемоніалѣ и не упоминается ни о буллахъ, ни о присягѣ папѣ; уніатскіе митрополиты до сихъ поръ такъ поступаютъ. Но какъ гр. Ростопчинъ увѣдомилъ меня, что нунцій соглашается посвятить (conférer le sacre) Сѣраковскаго, то я сегодня-же напишу къ нему, чтобы онъ уже не обращался ко мнѣ.

— Однако, въ подобныхъ случаяхъ, замѣтилъ императоръ, вы всегда имѣете такъ поступать.

Мы привели этотъ любопытный разговоръ, который могли бы дополнить еще многими выдержками изъ записокъ Сестренцевича, чтобы яснѣе показать его образъ мыслей, напоминающій галликанскихъ епископовъ прежняго времени. Очевидно, ученія іезуитовъ о значеніи епископской власти согласовались съ нимъ и вытекали изъ одного источника. Онъ не могъ не сочувствовать этимъ ученіямъ; хотя онъ и не довѣрялъ самимъ іезуитамъ, но терпѣлъ ихъ, исполняя волю императрицы. Такъ говоритъ онъ о нихъ въ запискѣ о латинской церкви въ имперіи, составленной имъ уже въ царствованіе Александра I-го. «Недостойнымъ-же св. Игнатія послѣдователямъ, отличающимся во всѣ времена едиными ухищренными намѣреніями и пронырствами, не столь въ предосторожность отъ ихъ происковъ, какъ паче для сохраненія въ духовенствѣ спокойствія, особенно старался дѣлать всякое зависящее отъ него удовлетвореніе, такъ что навлекъ на себя неудовольствіе отъ Пія VI-го, жаловавшагося на него сперва нотою чрезъ нунція своего въ Варшавѣ графу Штакельбергу поданною, что власть, ему данная надъ всѣми монахами, употребляется во зло тѣмъ, что дозволяетъ пребывать въ Бѣлоруссіи обществу іезуитскому подъ ихъ именемъ и набирать новиціятовъ и что сія власть можетъ простираться только на тѣхъ монаховъ, коихъ ордены не уничтожены. А потомъ письмо покойной государынѣ императрицѣ, что осмѣлился онъ позволить обществу іезуитскому отправлять ихъ обряды, противъ папскихъ опре-

дѣленій. Да и нынѣ, уклоняясь отъ непріятностей и враждованія, не ищетъ оказать власти своей надъ Груберомъ, хотя явно пренебрегающимъ и государственныя узаконенія и церковныя правила, но пуская ему шествовать тѣми путями, которые нашелъ для себя способными и которыхъ ему заградить митрополитъ безсиленъ. Итакъ, укоряющимъ его за сіе попущеніе отвѣчаю: что не ему, какъ подданному къ непоколебимой вѣрности къ своему государю пребывающему, прилично удерживать силу гражданскихъ законовъ, съ которыми соединена и его власть по духовному званію» [1]).

Если Сестренцевичъ терпѣлъ іезуитовъ, сочувствуя тѣмъ ученіямъ, которыя они проповѣдовали въ то время, и особенно покоряясь волѣ императрицы, то, конечно, гр. З. Гр. Чернышевъ и князь Потемкинъ, естественно, должны были сдѣлаться ихъ ревностными покровителями. Не одно ловкое ухаживанье за ними іезуитовъ, но именно воля императрицы, передъ мудростію которой они благоговѣли, была главною причиною этого покровительства. Въ 1773 г., графъ Броунъ, намѣстникъ лифляндскій, отъ 29 сентября писалъ императрицѣ: «Всевысочайшее вашего императорскаго величества щедро-матернее благоволеніе, писанное собственною вашего величества рукою, отъ 22 сентября, коимъ всемилостивѣйше повелѣно: страждущихъ іезуитовъ, есть ли изъ оныхъ въ здѣшнемъ мѣстѣ кто явится, обнадежить всевысочайшею вашего императорскаго величества милостію, что они всякою безопасностію пользоваться могутъ въ Бѣлорусской губерніи, а какія имѣютъ дѣла или нужды, то-бъ адресовались къ его сіятельству, графу Захару Григорьевичу Чернышеву, мною всеподданнѣйше получено, а по оному надлежащее исполненіе чинено быть имѣетъ». Итакъ, сама Екатерина поручила іезуитовъ покровительству гр. Чернышева, какъ генералъ-губернатора присоединенныхъ отъ Польши областей. Когда Черневичъ задумалъ учредить новиціатъ и обратился съ просьбою къ нему, 29 сентября 1776 года, графъ Чернышевъ, лично доложивъ объ этомъ императрицѣ, по возвращеніи изъ Петербурга, такъ извѣщалъ о своемъ докладѣ генеральнаго викарія іезуитовъ, отъ 26 октября: «Я и въ теперешнюю мою въ С.-Петербургѣ бытность удостоился слышать подтвержденіе ея императорскаго величества воли о соблюденіи сего ордена въ имперіи ея и

---

[1]) Изображеніе происшествій въ духовенствѣ, въ Россіи пребывающемъ отъ того времени какъ поручено оное епископу, а нынѣ митрополиту Сестренцевичу-Богушу (въ Госуд. Архивѣ).

объ учрежденіи новиціата въ одномъ изъ монастырей вашихъ въ Бѣлоруссіи, а притомъ принять изустное повелѣніе о употребленіи всѣхъ возможныхъ съ моей стороны средствъ къ надлежащему въ томъ споспѣшествованію. Излишне сталъ бы распространяться въ объясненіи сколь о семъ старанія мои стремительно сопутствуютъ при всякихъ обстоятельствахъ и отзывахъ вашихъ, тѣмъ паче, когда исполняю я тѣмъ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе. Они вамъ точнѣе извѣстны изъ доказательствъ на самомъ дѣлѣ, нежели были бы изъ подробнѣйшаго сему описанія. Итакъ, остается только мнѣ наисущественнѣйше удостовѣрену быть, что признаніе цѣлаго общества вашего пребудетъ въ вѣки безпредѣльно въ толико милосердой монархинѣ, которая тогда, когда лишаютъ васъ прибѣжища и единозаконные и единомыслящіе и плодами трудовъ общества сего въ наукахъ обогащавшіеся, однимъ словомъ, тогда, когда и память его они истребить помышляютъ, пріемлетъ васъ, по словамъ евангелія—грядущаго ко мнѣ, не изжену вонъ, — въ свое покровительство, призираетъ на васъ въ день печали вашея и превращаетъ участь толико грозную, не только на счастливѣйшую, но и непоколебимую».

На это сообщеніе гр. Чернышева, Черневичъ, отъ всѣхъ іезуитовъ, отвѣчалъ пространнымъ и витіеватымъ письмомъ, въ которомъ. выражая чувства благодарности императрицѣ и генералъ-губернатору, просилъ, однакоже, исходатайствовать, чрезъ нашего посла въ Варшавѣ, у нунція дозволеніе папы на учрежденіе новиціата. «По прилежномъ размышленіи о семъ дѣлѣ—писалъ Черневичъ—кажется, намъ не остается ни дѣйствительнѣйшаго, ни удобнѣйшаго къ достиженію средства, кромѣ сего: если, по милосердому вашего высокографскаго сіятельства предстательству къ ея императорскому величеству, благоугодно будетъ именемъ всемилостивѣйшей государыни повелѣть его превосходительству, послу Штакельбергу, дабы онъ подалъ записку его преосвященству, нунцію римскому, находящемуся при польскомъ дворѣ въ Варшавѣ, съ такимъ, или къ сему подобнымъ выраженіемъ: какъ ея императорское величество многія милости и благодѣянія изволила оказать въ пользу католицкихъ церквей, въ государствѣ ея обрѣтающихся, то съ римской стороны надѣется такого для себя удовлетворенія, что безъ затрудненія захочитъ дозволить, чтобъ іезуиты бѣлорусскіе имѣли новиціатъ въ областяхъ помянутыхъ. И какъ *чинъ собранія нашего* по существу своему есть *духовный*, то безъ откровеннаго высочайшей духовной власти соглашенія, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ

сего ордена, не можетъ воспользоваться монаршею благостію, милосердо оному, съ своей стороны, дозволяющею открыть новиціатъ». Конечно, іезуиты устроили потомъ новиціатъ и не получивъ разрѣшенія папы, и въ то время они очень хорошо знали, что и получить его не могутъ, потому что орденъ былъ уничтоженъ; но все-таки пытались выказать свою преданность Риму, въ виду будущаго времени.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Черневичъ постоянно переписывался, какъ съ гр. Чернышевымъ, такъ и съ кн. Потемкинымъ, на французскомъ языкѣ, — а это письмо написалъ по-русски. Черневичъ понялъ, что генералъ-губернаторъ представитъ его письмо самой *русской* императрицѣ, и *Екатерина* обратитъ на это вниманіе. Онъ и не ошибся въ разсчетѣ. Препровождая государынѣ это письмо, гр. Чернышевъ писалъ: «Сколь ни пространно письмо о семъ провинціала, но для подробнѣйшаго усмотрѣнія пріемлю я смѣлость всеподданнѣйше представить при семъ точную съ него копію, ожидая высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, какой я въ утѣшеніе іезуитамъ отзывъ провинціалу ихъ сдѣлать долженствую». На донесеніи Чернышева императрица собственноручно написала: «что представленія іезуитовъ бѣлорусскихъ пріемлются за благо и что, пока по желанію ихъ совершится, о чемъ мало кладется сумнительства, повелѣваю имъ начать строеніе новиціата». Не можемъ не привести начала письма Черневича къ гр. Чернышеву, какъ образца, въ какихъ выраженіяхъ іезуиты описывали дѣйствія Екатерины: «Щедро взыскиватъ тѣхъ, кои не находятся въ состояніи, чтобы достаточнымъ образомъ возблагодарить могли, есть великодушіе, достоинствомъ своимъ касающееся самого неба, которое дѣйствіемъ планетъ и сихъ сіяніемъ изобильно втекаетъ къ оживленью и обогащенью дарованіями своими земныхъ стихій, хотя отъ нихъ никакой прибыли ни почерпать, ни требовать не можетъ. Се есть такая добродѣтель, какой на земли по сю пору неудобно было сыскать, пока *свыше не пожаловала та богиня*, которую вся вселенная почитаетъ и со удивленіемъ прославляетъ въ лицѣ великой Екатерины. Се есть качество, свойственное ея только величеству по великимъ дѣламъ и силѣ всегда побѣдительной, знаменитому, не меньше того по благоутробію и щедрости всеобщими похвалами до самыхъ небесъ возвышенному. Подлинно знаемъ мы почитать цѣну взысканій, коими несравненная благость всемилостивѣйшей монархини соблаговолила милосердо предупредить всѣ наши заслуги; знаемъ, сколь много и сколь

пріятно обязаны мы, даже до истощенія силъ, чтобы засвидѣтельствовать о сей должное передъ небомъ и передъ землею признаніе; знаемъ сіе обязательство наше, чтобы во всей вселенной возвеличивать и прославлять то великое имя, котораго одно только воспоминаніе отъ благодарности изливаетъ изъ внутренностей нашихъ пріятныя слезы и чтобы ко услугамъ сего великаго имени и труды и силы, и здоровье, паче же и жизнь нашу жертвовать. Но когда все сіе, по мѣрѣ силъ нашихъ, учинить тщимся, то можетъ ли сіе имѣть такое достоинство, чтобъ находилось въ состояніи сравниваться высокой цѣнѣ той благости, которую ея императорское величество столь великодушно и милосердо намъ оказуетъ?»

Покровительство графа Чернышева, какъ мѣстнаго начальника края, гдѣ находились іезуитскія учрежденія, конечно, ограничивалось извѣстными предѣлами и потому казалось недостаточнымъ для іезуитовъ. Имъ нужно было болѣе сильное и широкое покровительство, которое они и пріобрѣли въ лицѣ кн. Потемкина. Въ сочиненіи О. Морошкина подробно изложены отношенія къ нему іезуитовъ и, между прочимъ, замѣчено: «Въ Москвѣ, въ 1784 г., появилась книжка, заключавшая въ себѣ правдивую исторію общества Лойолы и предостерегавшая русское общество отъ опасности, угрожающей ему отъ мрачнаго и лукаваго ордена; книжка, кажется, явилась безъ имени автора; іезуиты встрепенулись и испугались вѣрнаго изображенія себя въ этомъ сочиненіи, и ударили въ набатъ. Само собою разумѣется, прежде всего бросились къ Потемкину и чрезъ него выхлопотали высочайшее повелѣніе объ изъятіи изъ употребленія всѣхъ экземпляровъ этой книги». Въ дополненіе къ этому извѣстію мы приведемъ подлинное письмо, отъ 15 сентября 1784 г., которое писалъ по этому случаю Черневичъ къ кн. Потемкину: «Послѣ могущественнаго покровительства, которымъ милостиво пользуются іезуиты во всѣхъ областяхъ ея величества императрицы и которое сдѣлалось извѣстнымъ во всей вселенной, казалось бы, что никто не можетъ нападать на нихъ, не оскорбляя нѣкоторымъ образомъ власти государыни, столь достойной уваженія. Не потому только, что это касается собственно до насъ, но по долгу признательности и вѣрноподданства ея величеству императрицѣ, нашей милостивой государыни, я считаю долгомъ сообщить вашей свѣтлости извѣстіе, полученное нами изъ Москвы. Тамъ начали печатать, въ прибавленіи къ газетѣ, съ 28 августа текущаго года, № 69-й и слѣдующіе, такія свѣдѣнія, которыя не только могутъ возбудить къ намъ ненависть въ обществѣ, но и представить въ

презрѣнномъ видѣ святаго основателя нашего ордена. Если ваша свѣтлость только прочтете, то сами усмотрите справедливость моего донесенія. Усердіе вашей свѣтлости къ поддержанію и исполненію высокихъ велѣній ея императорскаго величества и ваша особенная милость, которою мы имѣемъ честь пользоваться, даетъ намъ право всего надѣяться въ этомъ прискорбномъ для насъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, когда бы ни пришлось намъ умолять о благосклонной помощи. Нашъ же долгъ состоитъ въ томъ, чтобы молить небо о продленіи вамъ долгой жизни и постояннаго благополучія» [1]).

Это любопытное письмо показываетъ, къ какимъ средствамъ способны были прибѣгать іезуиты противъ тѣхъ, которые хотѣли обличать ихъ дѣйствія. Литературныя нападки на нихъ они желали выставить въ глазахъ русскаго правительства не мало, не много, какъ преступленіемъ противъ величества—crimen laesae majestatis!

Широко развивая свою дѣятельность въ Россіи, іезуиты однакоже постоянно обращали свои взоры къ Риму и съ тѣхъ поръ, какъ измѣнилась политика римскаго двора въ отношеніи къ нимъ, и образъ дѣйствій іезуитовъ въ отношеніи къ Риму долженъ былъ измѣниться. Конечно, они своевременно узнали объ этой перемѣнѣ и, въ ожиданіи скораго возстановленія ордена, начали дѣйствовать смѣлѣе. Мы уже замѣтили, что не покоряясь папѣ, главѣ латинской церкви, могли ли они примириться съ мыслью о покорности епископу или митрополиту и ограничивать свои дѣйствія тѣсными предѣлами

---

[1]) Après la plus puissante protection, dont Sa M-té L'Impératrice a fait gracieusement jouir les Jésuites dans ses états, s'est rendue la plus déclarée dans l'univers, il semble que personne ne les y pourrait attaquer sans blesser en quelque façon l'autorité d'une Souveraine si réspectable. Ce n'est donc pas seulement par l'intérêt qui nous touche, mais aussi par la réconaissance et la fidélité dûe à Sa M-té Impératrice, notre très-auguste Souveraine, que je me crois en devoir de rapporter à votre altesse sérénissime ce qne nous venons d'apprendre de Moscou. On y a commencé d'imprimer dans le supplement à la gazette de 28 août de l'année présente, N-ro 69 et dans les suivants, ce qui doit non-seulement nous rendre les plus odieux au publique, mais aussi le St. Instituteur de notre ordre le plus méprisable. Si vous le lisez une fois, Monseigneur, vous y verrez la vérité de cette dénonciation. Le zèle de votre altesse sérénissime pour soutenir et faire exécuter les volontés suprêmes de sa majesté impériale et sa très—patriculière bonté, dont elle nous honnore, nous fait tout espèrer dans cette facheuse rencontre, aussi bien qu'en toute autre, ou il y aurait lieu d'implorer ses favorables secours. Ce qui est de devoir de notre part, c'est de continuer nos voeux au ciel pour sa vie la plus longe et pour ses prospérités le plus constantes. Dans cette obligation je m'avoue avec la plus profonde vénération... Вся эта переписка хранится въ Государств. Архивѣ.

епархій и областей. Первою попыткою іезуитовъ, въ новомъ направленіи, было желаніе избрать генерала, который, само собою разумѣется, дѣйствовалъ-бы независимо отъ митрополита. Эта попытка имъ совсѣмъ-было удалась въ послѣдніе годы царствованія Екатерины; но умѣвшая ихъ держать въ рукахъ императрица, при содѣйствіи Сестренцевича, скоро поняла ихъ цѣли и ограничилась дозволеніемъ избрать генеральнаго викарія, подтвердивъ при этомъ случаѣ, что генераломъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви въ имперіи считается архіепископъ Сестренцевичъ. Но, что не удалось при ней, то могло удаться впослѣдствіи. Царствованіе императора Павла I-го представляетъ постоянную борьбу іезуитовъ съ архіепископомъ, которая подробно и обстоятельно изложена, на основаніи многихъ новыхъ и неизвѣстныхъ доселѣ источниковъ, въ сочиненіи О. Морошкина. Эта борьба кончилась тѣмъ, что Сестренцевичъ былъ изгнанъ изъ Петербурга, іезуиты захватили въ свои руки все управленіе латинскою церковью въ Россіи и овладѣли исключительнымъ вліяніемъ на правительство. Съ тѣхъ поръ широко развились ихъ замыслы на всю Россію. Они хотѣли доказать Риму, что въ то время, когда онъ преслѣдовалъ своихъ вѣрныхъ слугъ, они завоевали ему новый міръ и готовы сдѣлаться снова передовымъ отрядомъ его воинства.

Но, на окончаніи царствованія императора Павла останавливается разсматриваемое нами сочиненіе, поэтому и мы должны остановиться. Въ предисловіи къ своей книгѣ, О. Морошкинъ говоритъ: «Наша отечественная литература объ іезуитахъ въ Россіи не многотомна, представляетъ какихъ-нибудь два-три сочиненія, но за то—безъ преувеличенія можно сказать—могущія составить славу и честь какой угодно изъ европейскихъ литературъ, какъ, напримѣръ, сочиненія Тургенева (подъ псевдонимомъ Lutteroth), графа Толстаго и Самарина». Къ этому намъ остается прибавить, что къ указаннымъ тремъ сочиненіямъ прибавилось четвертое, самого О. Морошкина, которое, по нашему мнѣнію, достойно обратить на себя не меньшее вниманіе и заслуживаетъ преміи.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Г. КАРПОВА

«Исторія борьбы Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ 1462—1508 г.»

Составленъ Академикомъ А. А. Куникомъ.

Г. профессоръ Карповъ принадлежитъ къ числу тѣхъ кандидатовъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета, которые, по распоряженію бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, были избраны для обработыванія, подъ руководствомъ профессора, какого-нибудь предмета въ строго-научномъ видѣ. Профессоромъ-руководителемъ его былъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ, который указалъ своему ученику на обработку предмета настоящей монографіи. Выборъ предмета безсомнѣнно удаченъ: со времени великаго князя Ивана III многознаменательная борьба, долженствовавшая рѣшить кому изъ двухъ славянскихъ племенъ господствовать на сѣверо-востокѣ Европы, принимала громадные размѣры. Къ счастію, сохранились для насъ въ порядочномъ количествѣ разнородныя извѣстія о началѣ этой борьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ обработываніе этого предмета представляетъ однако большія затрудненія, преодолѣть которыя, вслѣдствіе происхожденія и свойствъ источниковъ, не можетъ быть дѣломъ одного, будь онъ даже опытнымъ историкомъ. Посему молодой историкъ, предпринимающій такой трудъ, имѣетъ тѣмъ болѣе право на снисхожденіе и ему уже слѣдуетъ благодарность, если онъ представитъ читателю хоть нѣкоторые главнѣйшіе пункты тѣхъ замѣчательныхъ событій съ бо́льшею точностью и ясностью, чѣмъ это сдѣлано его предшественниками.

Трудъ г. Карпова есть магистерская диссертація, отъ которой, при ограниченномъ ея объемѣ — она заключаетъ въ себѣ 291 страницу — нельзя конечно ожидать, чтобы она изчерпывала такой предметъ и обсуждала бы его всесторонно съ одинаковою обстоятельностью. Краткое изложеніе содержанія диссертаціи представитъ наглядно размѣръ задачи, за рѣшеніе которой взялся авторъ.

Самая диссертація состоитъ изъ двухъ частей; первая составляетъ, такъ сказать, Введеніе во вторую.

Глава I (стр. 1—40): *Князья.* Между прочимъ въ этой главѣ идетъ дѣло объ обращеніи удѣльныхъ князей въ служебные. Извѣстная политика вел. кн. Іоанна III, присоединять оставшіяся удѣльныя княжества, имѣла слѣдствіемъ то, что князья, вытѣсненные изъ своихъ владѣній, искали себѣ убѣжища и защиты у литовскихъ князей. Это дало поводъ къ продолжительнымъ раздорамъ между обоими государствами. Съ другой стороны, отъѣзды литовскихъ князей изъ Литвы въ Москву, куда ихъ даже иногда звалъ вел. кн. Іоаннъ, не мало содѣйствовали къ усиленію существующей вражды между Москвою и Литвою. Положеніе, которое занимали служебные литовскіе князья, авторомъ не достаточно объяснено изъ общественнаго быта тогдашней Литвы.

Глава II (стр. 41—96). *Исторія завоеванія Великаго Новгорода* Авторъ самъ скромно сознается, что онъ объ этомъ ничего новаго кромѣ давно извѣстнаго, не намѣренъ сказать. Справедливо онъ замѣчаетъ, что именно подчиненіе Новгорода Москвѣ сильно раздражило Литовцевъ. Дѣйствительно, они очень долго не могли равнодушно смотрѣть на завоеваніе Новгорода Москвою, хотя у нихъ не доставало рѣшительной воли и средствъ чтобы усилить литовско-польскую партію въ самомъ Новѣгородѣ.

Глава III (стр. 97—140): *Степняки.* Подъ этимъ названіемъ особенно объясняются отношенія Москвы и Литвы къ остаткамъ Золотой Орды, къ Казани и къ образовавшейся новой татарской державѣ — къ крымскому ханству. Хотя оба христіанскіе государя старались привлекать на свою сторону Степняковъ, однако вліяніе послѣднихъ на ходъ событій осталось маловажнымъ. Въ этой главѣ нѣсколько отдѣловъ изложены не совсѣмъ ясно, что впрочемъ отчасти можетъ быть объяснено недостаткомъ вѣрныхъ источниковъ и разстройствомъ дѣлъ у степныхъ народовъ.

Во второй части монографіи глава I (стр. 1—46) имѣетъ надпись: *Литва.* Видно, что Литва, по постепенномъ усиленіи московской Руси великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, уже почув-

ствовала свою немочь и поэтому искала средствъ, чтобы остановить наступательное движеніе на нее Москвы. Это средство она напрасно думала найти въ брачномъ союзѣ вел. князя Александра Казимировича съ вел. княжной Еленою Іоанновной (въ 1495 г.). Европейская брачная политика оказалась неприложимою къ московскому двору, хотя литовская Русь согласилась на разныя невыгодныя уступки и даже признала за великимъ княземъ московскимъ титулъ: *Государя всея Руси.*

Глава II (стр. 47—66): *Передъ войной.* Въ этой главѣ между прочимъ рѣчь идетъ о союзѣ Москвы съ Стефаномъ молдавскимъ, о сношеніяхъ Москвы и Литвы съ Крымомъ, при чемъ обнаруживается все превосходство московской политики предъ литовскою.

Глава III (стр. 67—99): *Война.* Настоящая война началась подъ конецъ 1499 г. Ведрошскою битвою, происходившею 15 іюня 1500 г., былъ нанесенъ Литвѣ чувствительный ударъ и она прибѣгала къ помощи и посредничеству другихъ земель, какъ напр. Венгріи и Ливоніи, гдѣ попытка заключить наступательный союзъ съ нѣмецкимъ орденомъ не имѣла продолжительнаго успѣха. Впрочемъ должно сознаться, что участіе, которое принимала въ этой войнѣ Ливонія, изложено почти мимоходомъ и то по одностороннимъ русскимъ источникамъ.

Глава IV (стр. 100—128): *Перемиріе.* Кромѣ извѣстій о посольствахъ отъ папы, отъ венгерскаго короля, отъ Польши и Литвы, здѣсь сообщается о признаніи со стороны Польши за московскимъ великимъ княземъ титула: «Государя всея Руси». Этотъ фактъ дѣйствительно многозначителенъ: имъ представлялся великій князь московскій защитникомъ православія и русской народности внѣ предѣловъ московскаго государства. Это знамя разъ поднято, — и сынъ Іоанна, вел. кн. Василій Іоановичь, долженъ былъ слѣдовать за нимъ.

Глава V (стр. 129—151): *Бунтъ Глинскаго.* Личность этого католическо-литовскаго отъѣзщика (въ Москву) еще не достаточно объяснена авторомъ. Въ концѣ этой главы авторъ сообщетъ въ краткомъ видѣ результатъ своихъ изслѣдованій:

«Иванъ Васильевичъ прямо высказывалъ, что вся сила, на которую онъ опирается въ борьбѣ съ Литовско-Польскимъ государствомъ, это то, что онъ *Государь Русскій и при томъ Православный.* Онъ поддерживалъ Православіе всюду, гдѣ можно, до того, что, на примѣръ, Еленѣ Ивановнѣ онъ наказывалъ заботиться о томъ, чтобы ея Православные люди въ Литвѣ у Латынъ не женились и

дочерей своихъ за нихъ не давали. Но Литовцамъ чрезвычайно дорого обошлось Православіе Московскаго Государя: въ ихъ глазахъ, не говоря объ удѣлахъ, по видимому, ради Православія, былъ подчиненъ Москвѣ Новгородъ и крѣпко къ ней привинченъ; сама Литва лишилась огромныхъ областей; земли ея были разорены Московскими войсками, разграблены служебными князьями, внутри Государства явился страшный бунтъ, съ юга всѣ Русско-Литовскія области опустошены и выжжены Татарами, и все это было изъ за Православія Ивана Васильевича. Жалованныя грамоты, огромныя льготы жителямъ разоренныхъ областей, были для Литовцевъ только временнымъ облегченіемъ, — и у нихъ явилась мысль усилиться, для отпора Москвѣ. Но они хотѣли усилиться тѣмъ, что было въ сущности главною причиною всѣхъ ихъ несчастій, а именно: кромѣ обращенія главныхъ союзниковъ Москвы, всѣхъ Православныхъ въ Католичество, еще болѣе крѣпкимъ политическимъ соединеніемъ Литовскаго Великаго Княжества съ Королевскимъ Польскимъ».

Безъ сомнѣнія, въ этомъ Послѣсловіи авторъ хотѣлъ высказать взглядъ на свои труды. Выдержитъ ли этотъ взглядъ строгую критику безпристрастныхъ историковъ, откроется въ послѣдствіи. Мы же, не входя въ подробности, что̀ насъ увлекло бы далеко, позволяемъ себѣ только замѣтить, что этотъ взглядъ по видимому выработанъ отчасти подъ вліяніемъ современныхъ понятій и политическихъ обстоятельствъ послѣднихъ годовъ. Религіозный элементъ, конечно, проявляется въ сильной степени въ періодъ московско-литовской борьбы отъ 1462—1508; но другимъ, можетъ быть, покажется, что дошедшіе до насъ *источники* только отчасти подтверждаютъ вѣрность высказаннаго авторомъ взгляда.

Какіе источники были въ рукахъ автора? По нашему мнѣнію современные спеціалисты, при составленіи историческихъ *монографій*, должны прежде всего, въ видѣ введенія или особой главы, отдать отчетъ объ источникахъ, которые служили основаніемъ ихъ изслѣдованій. Въ книгѣ же г. Карпова мы даже не находимъ хоть краткаго библіографическаго обозрѣнія источниковъ, и читатель самъ долженъ прослѣдить весь трудъ, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о нихъ. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ особая критическая оцѣнка источниковъ была бы очень кстати. Самъ авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего труда утверждаетъ, что главный источникъ для изложенія исторіи московско-литовской борьбы, начиная съ 1487 г., заслуживаетъ предпочтенія предъ подоб-

нымъ литовскимъ источникомъ, т. е., что русскіе статейные списки о литовско-польскихъ дѣлахъ несравненно богаче и достовѣрнѣе тогдашнихъ статейныхъ списковъ литовской метрики. Хотя съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться, однако желательно, чтобы оно было болѣе отчетливо мотивировано въ особой главѣ. Отъ г. Карпова можно было ожидать такого описанія и оцѣнки, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ случай изучать весь составъ дошедшихъ до насъ статейныхъ списковъ разсматриваемаго періода. Такъ какъ до сихъ поръ они напечатаны лишь въ видѣ отрывковъ, то читатель безъ такой оцѣнки не можетъ себѣ составить совершенно яснаго понятія объ ихъ достовѣрности. Какъ многими оффиціальными документами, такъ и статейными списками должно пользоваться съ осмотрительностью. Очевидно, что и въ нихъ истина то нарочно искажена, то «для краткости» выпущена. Самъ авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей диссертаціи указываетъ на факты довольно краснорѣчивые, изъ которыхъ выходитъ, что и тогдашніе московскіе сановники знакомы были съ свойственными дипломатамъ хитростями, и даже съ вѣдома великаго князя не стыдились прибѣгать къ лжи и къ обманамъ. Во всякомъ случаѣ исторической критикѣ предстоитъ еще, въ отношеніи статейныхъ списковъ, трудъ довольно обширный. Но должно все-таки сознаться, что г. Карповъ изучилъ эти списки съ большимъ усердіемъ. Мы здѣсь не можемъ не указать на одинъ результатъ, какъ прекрасный плодъ этого изученія. Извѣстно, что со времени кн. Щербатова до Ив. Григоровича, главнаго редактора археологической коммисіи по изданію актовъ Западной Россіи, издаваемы были разныя выписки изъ статейныхъ списковъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ и въ литовской метрикѣ, но отчасти, какъ доказано г. Карповымъ [1]), очень неудовлетворительно. Замѣчанія, сдѣланныя имъ въ этомъ отношеніи, такъ дѣльны, что я предполагаю современемъ, въ особомъ спискѣ, перечислить всѣ до сихъ поръ напечатанные отрывки изъ вышеупомянутыхъ списковъ въ исправленномъ хронологическомъ порядкѣ [2]).

---

[1]) Ср. также его-же статью: *Объ изданіи памятниковъ дипломатическихъ, сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, за время государствованія Ивана* (III) *Васильевича и Василія Ивановича*, помѣщенную въ извлеченіи изъ отчетовъ лицъ, приготовляющихся къ профессорскому званію.... Часть шестая. Спб. 1866, стр. 178 — 202

[2]) При составленіи хронологическаго списка этихъ извѣстій оказалось, что въ одномъ трудѣ г. Карпова заключается болѣе 60 данныхъ, сюда отно-

Кромѣ рукописныхъ статейныхъ списковъ, г. Карповъ конечно пользовался и другими источниками, преимущественно русскими. Съ иноязычными источниками, какъ напр. ливонскими, польско-латинскими и пр. онъ, какъ кажется, менѣе знакомъ, хотя въ нихъ встрѣчаются указанія, годныя для всесторонняго изученія предмета.

Если спросимъ, въ какой степени исторія борьбы между Москвою и Литвою въ означенный періодъ была разъяснена авторомъ, то должны не колеблясь сознаться, что онъ оказалъ немаловажную услугу русской и исторической наукѣ вообще. То, что до сихъ поръ было написано польскими писателями, какъ напр. Лелевелемъ, Голембіовскимъ, Бартошевичемъ, Нарбуттомъ и галицко-польскими историками, оказывается скуднымъ или спутаннымъ, потому что эти писатели не имѣли возможности ознакомиться съ русскими статейными списками въ полномъ ихъ составѣ, и хотя начало и весь ходъ этой борьбы въ означенный періодъ въ трудахъ Щербатова, Карамзина, Арцыбышева и Соловьева изложены несравненно лучше, но эти историки не имѣли въ виду, подробно описать и характеризовать всѣ факты этой борьбы; поэтому мы должны обратить особое вниманіе на трудъ г. Карпова, который, посредствомъ изученія неизданныхъ статейныхъ списковъ, доказалъ, какимъ переворотамъ подлежитъ наше знаніе о сношеніяхъ Московской Руси съ иностранными державами въ 15 и 16 столѣтіяхъ, за что, по моему убѣжденію, было бы весьма справедливымъ, удостоить автора, за его поучительный трудъ, Уваровской награды

сящихся. Но такъ какъ онѣ приводятся имъ иногда лишь въ видѣ намековъ, то ихъ, безъ повѣрки съ подлинными статейными списками, не вездѣ можно было согласовать съ другими извѣстіями, собранными для (рукописнаго) Указателя русскихъ грамотъ. Въ С.-Петербургѣ уже находятся копіи съ древнихъ Статейныхъ Списковъ касательно польскихъ дѣлъ. Но ими, не смотря на мое стараніе, я до сихъ поръ не могъ воспользоваться. Однако же есть надежда, что начало этихъ Списковъ, именно касающееся до нашего предмета, будетъ издано въ непродолжительномъ времени. Изданіе ихъ равнымъ образомъ, если не болѣе, необходимо для повѣрки трудовъ польскихъ и нѣмецкихъ историковъ объ этомъ періодѣ. Послѣднее сочиненіе такого рода, написанное на латинскомъ языкѣ польскимъ историкомъ Варнкою, составляетъ родъ монографіи о кн. Михаилѣ Глинскомъ; но оно также, хотя уже получено въ С.-Петербургѣ, по случайнымъ обстоятельствамъ не могло быть отыскано для меня.

ОТЧЕТЪ

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

25 Сентября 1869 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1870.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
Ш. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
А. Черкесова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмидорфа, въ С. П. Б.
И. Киммеля, въ Ригѣ.
Эноеджица и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 50 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Мая 1870 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Отчетъ объ двѣнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25-го Сентября 1869 года, Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ..... 1— 24

Отзывъ о сочиненіи В. Стасова: «Происхожденіе русскихъ былинъ». Академика Ѳ. И. Буслаева..... ..... 25— 83

Разсмотрѣніе книги И. Хрущева: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго. Спб. 1868 г.» К. И. Невоструева..... 84—186

Отзывъ о сочиненіи В Стасова: «О происхожденіи русскихъ былинъ». Академика А. А. Шифнера..... ..... 187—195

Отзывъ о сочиненіи свящ. М. Горчакова: «Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. Спб. 1868 г.» Профессора И. Д. Бѣляева..... 196—207

Отзывъ о книгѣ И. Хрущева: «Изслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго». Н. И. Костомарова..... 208—214

Отзывъ о сочиненіи В. Макушева: «Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, Спб. 1867 г., стр. VI 446 in—8°». Н. А. Попова..... 215—226

Рецензія рукописнаго сочиненія г. Голубинскаго: «Святые Константинъ и Меѳодій, апостолы славянскіе». Академика И. И. Срезневскаго..... 227—233

Отзывъ о сочиненіи г. Макушева: «Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, Спб. 1867 г.» Академика И. И. Срезневскаго..... 234—236

Отзывъ о сочиненіи А. Котляревскаго: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ». Академика И. И. Срезневскаго. 237—239

Отзывъ о книгѣ г. Котляревскаго: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ». Игнатія Гануша..... 240—242

Разборъ сочиненія проф. Дерптскаго университета Энгельмана: «О давности по русскому гражданскому праву, Спб. 1868 г.» Составленъ Н. В. Калачовымъ..... 243—261

ОТЧЕТЪ

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1869 года

На соисканіе Уваровскихъ наградъ прислано въ Академію въ нынѣшнемъ году 8 историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ три рукописныхъ; кромѣ того отъ предшествовавшаго конкурса было отложено два сочиненія. Разсмотрѣніе ихъ и присужденіе премій было возложено Конференціею Академіи на особую Коммиссію, избранную для этого въ засѣданіи 10 января и состоявшую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ Гг. Академиковъ Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. А. Куника, П. П. Пекарскаго, А. В. Никитенко и А. Ѳ. Бычкова. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Коммиссіи, вмѣсто П. П. Пекарскаго, по его нездоровью, присутствовалъ М. И. Броссе.

Исполнивъ данное ей порученіе, Коммиссія, согласно правиламъ Уваровскаго учрежденія, имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что ею присуждены:

Большая премія: Баккалавру Московской Духовной Академіи Евгенію Евстигнѣевичу Голубинскому, за рукописное его сочиненіе: *Святые Константинъ и Меѳодій, апостолы Славянскіе.*

Меньшія преміи:

Профессору Дерптскаго университета статскому совѣтнику И. П. Энгельману, за печатное его сочиненіе: *О давности по русскому гражданскому праву*.

Священнику при церкви Маріинскаго института въ С. Петербургѣ Мих. Ив. Горчакову, за изданный имъ опытъ историко-юридическаго изслѣдованія, подъ заглавіемъ: *Монастырскій приказъ* 1649—1725.

Профессору Дерптскаго университета коллежскому ассессору А. А. Котляревскому, за его сочиненіе *О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ*.

Дѣйствительному статскому совѣтнику В. В. Стасову, за его изслѣдованіе *О происхожденіи Русскихъ былинъ*.

Магистру В. Макушеву, за его сочиненіе: *Изслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника*, и

Кандидату университета И. П. Хрущову, за его разсужденіе, изданное подъ заглавіемъ: *Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго*.

Затѣмъ, изъ остальныхъ сочиненій, одно отложено до конкурса будущаго года, по недоставленію рецензентомъ, разсмотрѣнію котораго оно было ввѣрено, подробнаго о немъ разбора, и два признаны и рецензентами и Коммиссіею неудовлетворяющими условіямъ, дающимъ право на награду.

I.

Святые Константинъ и Меѳодій, апостолы Славянскіе. Соч. Е. Е. Голубинскаго.

Разсмотрѣніе этого сочиненія было поручено Академику И. И. Срезневскому; составленный имъ разборъ послужилъ для Коммиссіи основаніемъ для присужденія автору полной преміи.

Въ разборѣ своемъ, г. рецензентъ свидѣтельствуетъ, что замѣчательный трудъ г. Голубинскаго обнимаетъ собою весь кругъ вопросовъ, относящихся къ полному жизнеописанію Св.

Константина и Меѳодія и къ критическому обзору сказаній о братьяхъ первоучителяхъ Славянскихъ, и выказываетъ такое полное знаніе дѣла, какое можно ожидать отъ лучшаго знатока.

Внимательному и подробному обзору этихъ сказаній, Славянскихъ, Латинскихъ и Греческихъ, посвященъ весь второй томъ рукописи, содержащій въ себѣ весьма много любопытнаго и достойнаго вниманія. Г. Срезневскій однакоже невполнѣ одобряетъ общія правила, которымъ слѣдовалъ авторъ въ этомъ обзорѣ, находя, что, къ сожалѣнію, г. Голубинскій не рѣдко не соблюдалъ здѣсь необходимой ясности и краткости изложенія. Далѣе рецензентъ замѣчаетъ: «Въ разборѣ свидѣтельствъ сочинитель «держался такого общаго пріема: каждое свидѣтельство разсматривается какъ совершенно извѣстное читателю; въ каждомъ «отмѣчается только то, что сочинитель считаетъ важнымъ въ томъ «видѣ и порядкѣ, какъ было ему нужно, а обо всемъ другомъ «умолчано, какъ бы его и вовсе не было. Писателю, желающему «быть безпристрастнымъ, такой пріемъ, кажется, можетъ только «вредить въ мнѣніи читателей строгихъ и недовѣрчивыхъ. Съ «этимъ пріемомъ сочинитель соединяетъ и другой, не менѣе опасный для справедливаго рѣшенія дѣла: признавъ достовѣрность «нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, онъ считаетъ ихъ нетолько достовѣрными, но и полными, и затѣмъ всѣ другія мѣряетъ этимъ «избраннымъ». Такого пріема въ оцѣнкѣ свидѣтельствъ нельзя держаться. Точно также, по замѣчанію рецензента, не можетъ не вредить дѣлу неумѣренность въ похвалахъ и порицаніяхъ, допускаемая иногда сочинителемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ доказать недостовѣрность какого-нибудь источника достовѣрностію другаго. Поэтому г. Срезневскій выражаетъ свое убѣжденіе, что весь критическій разборъ свидѣтельствъ о Константинѣ Философѣ и Меѳодіи, составленный г. Голубинскимъ, получилъ бы болѣе важное значеніе въ наукѣ, если бы авторъ, даже сохраняя всѣ главныя свои убѣжденія, измѣнилъ изложеніе и устранилъ всѣ предположенія и наведенія защитительныя и обвинительныя.

Отъ второй части сочиненія г. Голубинскаго, посвященной разбору свидѣтельствъ, вполнѣ зависитъ первая часть, заключающая въ себѣ опытъ полнаго жизнеописанія Святыхъ Константина Философа и Меѳодія. Она написана также занимательно и съ тѣмъ же увлеченіемъ, но какъ и можно ожидать по второй части, есть лишь подробный пересказъ и объясненіе Паннонскихъ житій, какъ единственно вѣрныхъ свидѣтельствъ объ апостолахъ Славянскихъ. Заключая въ себѣ изложеніе и разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ жизни обоихъ братьевъ и общихъ историческихъ событій, съ ними связанныхъ, этотъ разсказъ дополненъ свѣдѣніями и соображеніями по разнымъ общимъ вопросамъ, касающимся послѣдствій дѣятельности братьевъ-первоучителей у Славянъ. Въ этой части своего труда сочинитель еще разъ далъ мѣсто опроверженію показаній свидѣтельствъ, которыя онъ признаетъ невѣрными, и присоединяетъ къ тому замѣчанія противъ мнѣній и соображеній, которыя онъ признаетъ несправедливыми. Сочинитель старался послѣдовательно устранить всѣ недоумѣнія, наводимыя различіемъ показаній разныхъ свидѣтельствъ, и для этого былъ принужденъ устранить многія изъ такихъ показаній, а другія истолковывать иначе, чѣмъ дѣлалось это доселѣ. Едва ли можно доказать, что авторъ всегда правъ въ отношеніи къ свидѣтельствамъ, которыя онъ защищаетъ или отвергаетъ. Наконецъ и въ этой первой части, какъ и во второй, нѣтъ сжатости изложенія.

Въ заключеніе своего отзыва г. Срезневскій говоритъ, что во всякомъ случаѣ сочиненіе г. Голубинскаго есть очень замѣчательное явленіе въ нашей современной литературѣ, какъ трудъ человѣка, хорошо знакомаго съ предметомъ и имъ увлеченнаго, какъ трудъ въ своемъ родѣ полный, и вызывающій другихъ на дальнѣйшія изслѣдованія по тому же предмету.

II.

О давности по русскому гражданскому праву. Сочиненіе Г. Энгельмана.

Если бы книга Г. Энгельмана, согласно заглавію, имѣла

своимъ предметомъ только догматическое изслѣдованіе о давности, то она, какъ сочиненіе юридическое, не подходила бы подъ условія наградъ графа Уварова. Но въ этомъ сочиненіи догматическая часть такъ тѣсно связана съ историческою, и кромѣ того, исторія русскихъ законоположеній о давности изслѣдована авторомъ настолько самостоятельно и полно, что Академія сочла себя въ правѣ принять этотъ трудъ на Уваровскій конкурсъ сего года.

Составленіемъ подробной и осмотрительной оцѣнки этого сочиненія Академія обязана Члену-Корреспонденту своему, сенатору Н. В. Калачову, и увѣрена, что, основавъ свой приговоръ на мнѣніи такого глубокаго знатока предмета, соблюла всѣ требованія справедливости.

Свою рецензію г. Калачовъ начинаетъ разсмотрѣніемъ догматическихъ соображеній автора, служащихъ основаніемъ для его изложенія исторіи постановленій о давности по русскому гражданскому праву, и затѣмъ переходитъ къ исторической части труда.

Первыя указанія на давность въ юридическихъ памятникахъ нашей старины авторъ находитъ въ Псковской судной грамотѣ. Сущность выраженнаго въ ней закона, по замѣчанію автора, состоитъ въ томъ, что четырехъ- или пятилѣтнее владѣніе землею безъ перерыва установляетъ собственность на оную. Противъ этого вывода нельзя было бы возражать, если бы г. Энгельманъ не говорилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Псковская грамота вышеприведенною статьею установляетъ давность владѣнія въ смыслѣ римскаго usucapio. По мнѣнію рецензента, нельзя также не подвергнуть сомнѣнію вѣрность вывода автора, что въ Псковской грамотѣ имѣется въ виду только такая земля, которая въ первый разъ обработывалась, а передъ тѣмъ была земля нетронутая, ничья, или принадлежала государству. Внимательное изученіе этого памятника должно привести къ убѣжденію, что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о давности исковой, т. е. погашающей искъ;

о томъ же, что владѣлецъ становится собственникомъ, даже вовсе не упоминается, а только само собою подразумѣвается. Такимъ образомъ Псковская судная грамота столь же мало, какъ и позднѣйшіе памятники, установляетъ usucapio въ томъ смыслѣ, какъ это выраженіе употребляется въ римскомъ правѣ; но какъ и эти памятники, она, очевидно, не отрицаетъ обращенія владѣнія въ собственность чрезъ признаніе судомъ настоящаго собственника потерявшимъ противъ владѣльца право отыскивать свою землю.

Указываемое г. Энгельманомъ отношеніе между разными способами доказательства при рѣшеніи споровъ о землѣ по Псковской грамотѣ, по замѣчанію рецензента, не подкрѣплено прочными доводами. Онъ находитъ, что статьи Псковской судной грамоты должны быть объясняемы по указываемому въ каждой изъ нихъ случаю или примѣру судебной практики, а не возводимы въ болѣе или менѣе общія начала, какъ это дѣлаетъ г. Энгельманъ, распространяясь о томъ, почему псковское usucapio не усвоило себѣ bona fides и justus titulus, безъ которыхъ давность владѣнія у Римлянъ была немыслима.

Въ противоположность давности владѣнія въ Псковѣ и такой же давности въ Новгородѣ (принимаемой авторомъ единственно вслѣдствіе общаго сходства въ бытѣ Пскова и Новгорода), г. Энгельманъ совершенно отрицаетъ таковую же давность на почвѣ Московскаго княжества. Съ этимъ мнѣніемъ рецензентъ не находитъ возможнымъ согласиться, какъ и вообще съ заключеніемъ автора, будто даже давность исковая въ русскомъ правѣ не существовала съ древнѣйшихъ временъ и не развилась обычаемъ и практикой, какъ это полагаютъ Неволинъ и Мейеръ, такъ что по XV вѣкъ не видно даже никакихъ признаковъ существованія такого обычая, и что напротивъ того давность иска въ русскомъ правѣ, подобно какъ въ римскомъ, есть учрежденіе не древняго, а позднѣйшаго времени и установлена не обычаемъ, а государственною законодательною властью. Насколько извѣстно по дошедшимъ до насъ историческимъ памятникамъ, какъ въ XV

вѣкѣ, до изданія перваго Судебника, такъ и ранѣе, не было одного общаго, закономъ установленнаго срока, которымъ бы руководствовались суды при рѣшеніи спорныхъ дѣлъ на основаніи давности. По мнѣнію рецензента, это доказываютъ ясно не только Псковская судная грамота, гдѣ говорится о давности четырехъ- или пятилѣтней, но и представленные самимъ г. Энгельманомъ, примѣры изъ нашей древней московской судебной практики, которые свидѣтельствуютъ, что въ ней примѣнялись и шести- и пятнадцатилѣтній сроки, а тяжущіеся ссылались и на другіе, какъ болѣе, такъ и менѣе продолжительные.

Обращаясь къ Судебникамъ и къ слѣдующимъ за ними памятникамъ законодательства до Уложенія 1649 г. включительно, г. Энгельманъ съ большимъ вниманіемъ обсуждаетъ значеніе встрѣчающихся въ нихъ сроковъ давности. Къ сожалѣнію, выводы автора относительно этого предмета основаны почти исключительно на статьяхъ указовъ, въ которыхъ говорится о томъ или другомъ срокѣ, и въ этомъ отношеніи надо отдать ему справедливость въ полной добросовѣстности, съ какою онъ старался разъяснить какъ происхожденіе, такъ и свойство всѣхъ этихъ сроковъ; тѣмъ не менѣе практическое примѣненіе ихъ изслѣдовано въ разсматриваемомъ сочиненіи неудовлетворительно.

Отъ давности по Уложенію 1649 г., авторъ почти прямо переходитъ къ давности, учрежденной Императрицей Екатериной II. Такое опущеніе странно встрѣтить у автора, столь тщательнаго въ своихъ розысканіяхъ, что имъ разработаны даже и такія свидѣтельства о тогдашнемъ юридическомъ бытѣ, въ которыхъ нѣтъ и помину о давности, единственно потому, что онъ предполагалъ найти въ нихъ какія-либо на нее указанія.

Что касается до выводовъ г. Энгельмана относительно давности, учрежденной при Екатеринѣ II, то рецензентъ находитъ многіе изъ нихъ недовольно убѣдительными. Такъ дальнѣйшія розысканія источниковъ могутъ привести къ опроверженію выражаемыхъ авторомъ мнѣній, что между давностью, учрежденною Екатериной, и тою, которая имѣла силу въ Россіи въ пред-

шествовавшее время, нѣтъ никакой связи; что мнѣніе Неволина, принимавшаго вліяніе Литовскаго Статута на введеніе нынѣшней десятилѣтней давности, невѣрно, и что, наконецъ, выраженіе «давность владѣнія» встрѣчается въ первый разъ въ Сводѣ Законовъ 1832 г.

Какъ ни важны нѣкоторые изъ недостатковъ сочиненія г. Энгельмана, указанныхъ рецензентомъ, они не могутъ заслонить собою существенныхъ достоинствъ его труда, которыя главнымъ образомъ состоятъ въ весьма внимательной разработкѣ многихъ источниковъ русскаго законодательства въ отношеніи къ давности по гражданскому праву, въ тщательномъ соображеніи сдѣланныхъ отсюда выводовъ съ предположеніями и заключеніями, находящимися въ разныхъ юридическихъ сочиненіяхъ и даже мелкихъ статьяхъ, въ стройной систематической группировкѣ разныхъ видовъ давности, дающей читателю впервые возможность, обнять и усвоить себѣ разомъ всѣ эти виды. Наконецъ предлагаемое авторомъ толкованіе тѣхъ мѣстъ изъ манифестовъ Императрицы Екатерины II 1775 и 1787, которыя относятся къ давности, чрезъ сличеніе ихъ съ современными имъ и позднѣйшими уставами, указами, сенатскими рѣшеніями и мнѣніями Государственнаго Совѣта, составляетъ такой полезный трудъ для правильнаго пониманія не только этихъ манифестовъ, но и статей о давности въ дѣйствующемъ законодательствѣ, что имъ однимъ, по справедливости, нельзя отказать въ значеніи историко-критической монографіи, составленной съ большимъ талантомъ.

III.

Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія священника М. И. Горчакова.

Рецензія этого сочиненія была, по приглашенію Академіи, составлена профессоромъ Московскаго университета И. Д. Бѣляевымъ, который заявилъ, что, по его мнѣнію, книга от. Горчакова, не смотря на нѣкоторые недостатки, должна быть отне-

сена къ замѣчательнымъ явленіямъ въ современной нашей историко-юридической литературѣ.

Авторъ основалъ свой трудъ на строгомъ изученіи памятниковъ, не только печатныхъ, но и древнихъ письменныхъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Его сочиненіе распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ одной представлены явленія церковной, государственной и юридической жизни Россіи, вызвавшія, какъ историческую необходимость, учрежденіе Монастырскаго приказа въ 1649 и 1701 годахъ, а въ другой изображены состояніе, права, дѣятельность и исторія Монастырскаго приказа по эпохамъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ судьбѣ его и въ развитіи вопросовъ, для которыхъ онъ существовалъ.

Разсмотрѣніе обстоятельствъ, вызвавшихъ учрежденіе Монастырскаго приказа въ 1649 г., авторъ начинаетъ съ введенія Христіанства въ Россіи и затѣмъ излагаетъ постепенныя измѣненія въ законоположеніяхъ о духовенствѣ, поставившія Церковь, около половины XVII столѣтія, въ неудовлетворительныя и запутанныя отношенія къ обществу. Задачею учрежденнаго тогда Монастырскаго приказа былъ, по мнѣнію от. Горчакова, не одинъ вопросъ о гражданской подсудности духовенства, который могъ бы быть разрѣшенъ отдѣльно, отмѣною судебныхъ привилегій, но и еще важнѣйшій вопросъ—объ отчужденіи отъ Церкви вотчинъ и о передачѣ ихъ государству. Но причину, породившую этотъ вопросъ, надо искать не въ запуганности отношеній, обусловленной многочисленными привилегіями, а въ измѣненіи условій землевладѣнія къ государству и службѣ. Къ сожалѣнію, на эту важную историческую причину учрежденія Монастырскаго приказа авторъ не обратилъ вниманія, вслѣдствіе чего представленный имъ разборъ явленій, подготовившихъ это учрежденіе, страдаетъ односторонностью и какъ бы недоконченностью.

По изслѣдованію от. Горчакова, устройство Монастырскаго приказа, со времени его открытія въ 1649 г. и до его перваго упраздненія въ 1677 г., т. е. въ періодъ Уложенія, имѣло крайне неопредѣленный характеръ, и подавало поводъ къ разнымъ за-

трудненіямъ для духовныхъ лицъ въ отношеніи къ суду гражданскому, — неопредѣленность, которая выказывалась и въ отношеніи круга дѣятельности приказа. Но авторъ упустилъ изъ виду, что этотъ недостатокъ былъ общъ Монастырскому приказу со всѣми другими приказами того времени: всѣ они были судебными и вмѣстѣ административными, финансовыми, и даже полицейскими учрежденіями для лицъ и мѣстъ, имъ подвѣдомственныхъ; всѣ они представляли казенное управленіе тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ въ дѣлахъ всякаго рода. Такимъ образомъ и Монастырскій приказъ былъ казеннымъ управленіемъ надъ духовенствомъ и лицами, связанными съ нимъ; слѣдовательно тутъ была полная опредѣленность, но только не въ отношеніи рода дѣлъ, а относительно лицъ и учрежденій.

Обратившись къ Монастырскому приказу Петра Великаго, до подчиненія этого присутственнаго мѣста Св. Синоду, авторъ по необходимости долженъ былъ остановиться на перемѣнѣ условій поземельнаго владѣнія, какъ на одной изъ главныхъ историческихъ причинъ, вызвавшихъ учрежденіе Петровскаго приказа — обстоятельство, на которое онъ не обратилъ должнаго вниманія въ главѣ о Монастырскомъ приказѣ по Уложенію, гдѣ, по мнѣнію рецензента, было надлежащее мѣсто изложенію этого обстоятельства. Но и здѣсь не затронутъ главный и основной вопросъ — о перемѣнѣ отношеній во всѣхъ разрядахъ поземельнаго владѣнія, происходившей вслѣдствіе постояннаго стремленія правительства къ тому, чтобы *земля изъ службы не выходила*, которое наконецъ привело къ тому, что къ началу XVIII столѣтія сгладилось всякое различіе между помѣстными и вотчинными землями служилыхъ людей. Вмѣсто этого общаго начала, послужившаго основаніемъ сперва къ ограниченію пріобрѣтенія вотчинъ церковными учрежденіями, а потомъ къ постепенной секуляризаціи монастырскихъ и другихъ церковныхъ вотчинъ, от. Горчаковъ выставляетъ лишь частные случаи. Съ удивительнымъ стараніемъ собралъ онъ множество примѣровъ отчужденія церковныхъ вотчинъ въ пользу государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ; но какъ ни ве-

лико ихъ число, они не могутъ замѣнить указанія на начало, изъ котораго всѣ они вытекали.

Изложеніе самой исторіи Монастырскаго приказа 1701—1720 годовъ отличается особенною отдѣлкою и тщательнымъ изученіемъ памятниковъ, такъ что весь этотъ отдѣлъ книги от. Горчакова есть воспроизведеніе подлинныхъ свидѣтельствъ того времени, живо и наглядно изображающихъ постепенное развитіе Петровскаго приказа. Здѣсь не пропущено ничего, что могло способствовать полнотѣ изслѣдованія. Въ заслугу автору надо поставить большую подробность, съ которою онъ указываетъ на разнообразнѣйшіе предметы вѣдомства Монастырскаго приказа, и удивительное стараніе, съ которымъ онъ собралъ свѣдѣнія о постепенномъ развитіи каждаго разряда дѣлъ въ приказѣ. Читатель найдетъ здѣсь также нѣсколько весьма любопытныхъ статистическихъ данныхъ о числѣ крестьянскихъ дворовъ, бывшихъ въ разное время въ завѣдываніи приказа, и о числѣ дворовъ, оставленныхъ за монастырями и прочими церковными учрежденіями. Авторъ, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ, начерталъ живую и вѣрную картину безпорядковъ, происходившихъ въ управленіи имѣніями, перешедшими въ вѣдѣніе приказа, обстоятельно прослѣдилъ распоряженія его по устройству и обезпеченію церковныхъ учрежденій, имѣнія которыхъ поступили подъ его смотрѣніе, мѣры, принятыя приказомъ по устройству школъ, печатанію и продажѣ книгъ и по дѣламъ благотворительности.

Самую обширную отрасль дѣятельности Монастырскаго приказа въ эту пору составляли дѣла по финансовой части, въ виду которой главнымъ образомъ онъ и былъ возстановленъ Петромъ Великимъ. Разсматривая эти дѣла и перечисляя различные сборы, поступавшіе въ приказъ, авторъ представилъ немало статистическихъ данныхъ, помогающихъ изученію Петровскаго времени, хотя и не избѣгъ нѣкоторыхъ промаховъ и неудачныхъ объясненій, безъ которыхъ впрочемъ почти нельзя обойдтись, работая, подобно от. Горчакову, надъ разнообразнымъ сырымъ матеріаломъ и при неудовлетворительномъ состояніи исторіи финансовъ въ Россіи.

Кратковременная исторія послѣдняго, или иначе, Синодальнаго Монастырскаго приказа, составлена авторомъ по архивнымъ документамъ и содержитъ въ себѣ много подробностей, превосходно характеризующихъ тогдашнюю эпоху; въ ней встрѣчаются указанія на соперничество разныхъ вѣдомствъ, которыя старались мѣшать другъ другу и чрезъ то затрудняли новоустроенный Петромъ механизмъ государственнаго управленія. Въ небольшой исторіи Монастырскаго приказа авторъ съумѣлъ отыскать такія черты времени, которыхъ историки еще не замѣчали.

Въ концѣ своей книги от. Горчаковъ помѣстилъ, въ видѣ приложенія, до 50 документовъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ Московскаго главнаго архива министерства юстиціи, и состоящихъ изъ разныхъ распоряженій и вѣдомостей приказа; они заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ данныхъ, относящихся къ первому двадцатипятилѣтію XVIII вѣка, и въ томъ числѣ такія, которыя до сихъ поръ не были извѣстны, по крайней мѣрѣ въ печати.

IV.

О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. Изслѣдованіе А. Котляревскаго.

Г. Котляревскій поставилъ себѣ задачею свести въ одно цѣлое разрозненные и доселѣ разбросанные факты, относящіеся до погребальныхъ обычаевъ языческихъ Славянъ, критически разсмотрѣть ихъ, опредѣлить настоящій ихъ смыслъ и степень значенія, и наконецъ собрать ихъ, по возможности, въ стройный порядокъ систематическаго изложенія. Имѣя въ виду нынѣшнее состояніе науки о славянскихъ древностяхъ, авторъ прямо заявляетъ, что онъ не имѣлъ притязанія ни на особую новизну выводовъ, ни на исчерпывающую полноту фактовъ. Изслѣдованіе его распадается на двѣ главныя части: первая посвящена критическому разсмотрѣнію источниковъ: языка, народнаго быта, извѣстій письменныхъ и могильныхъ памятниковъ; вторая — представляетъ си-

стематическое и отчасти историческое обозрѣніе понятій языческихъ Славянъ о посмертномъ существованіи и ихъ погребальныхъ обычаевъ.

Коммиссія, при оцѣнкѣ этого сочиненія, имѣла предъ собою отзывы о немъ г. Гануша и Академика И. И. Срезневскаго.

Почтенный Пражскій ученый, въ письмѣ на имя Академіи, незадолго до своей смерти, выражался о трудѣ г. Котляревскаго съ особенною похвалою, называя его превосходнымъ и указывая на обнаруженное въ немъ знакомство автора съ литературою предмета; но замѣчаетъ, что этимъ однако онъ не хочетъ сказать, чтобы мы достигли конечнаго результата изслѣдованій о предметѣ. Правда, мы знаемъ многіе и любопытные погребальные обычаи Славянъ: извѣстія о нихъ собраны, но многимъ изъ этихъ извѣстій не достаетъ полноты и цѣлости, такъ что ихъ пониманіе еще не дошло до органическаго опредѣленія, которое обнимало бы ихъ начало и развитіе. По замѣчанію г. Гануша, у языческихъ Славянъ, кажется, существовала не одна религіозная система, и именно въ отношеніи къ мѣсту и времени. Такъ напр. система о упыряхъ вовсе не совпадаетъ со временемъ славянскихъ религіозныхъ системъ, и славянская религіозная система сожиганія мертвыхъ тѣлъ противоположна системѣ погребанія ихъ, такъ какъ та и другая предполагаютъ различные взгляды на огонь и землю. Необходимо было бы посредствомъ монографій разобрать научнымъ образомъ эти несходныя между собою религіозныя системы и различить по мѣсту и времени то, что различно по формѣ и содержанію. Рецензентъ считаетъ, что нѣтъ никакой причины довольствоваться обыкновеннымъ раздѣленіемъ для отличенія періода каменнаго отъ бронзоваго и желѣзнаго, такъ какъ оно основывается не на фактахъ, а только на предположеніи, которое по нѣсколькимъ случайнымъ даннымъ приводитъ къ заключенію о цѣломъ. Весьма мѣтко замѣчаетъ онъ, что еще слишкомъ мало обращается вниманія на вліяніе древней торговли, которая между прочимъ могла заносить предметы, относящіеся до погребенія и сожиганія мертвыхъ, такъ

что того, что мы находимъ въ землѣ, еще нельзя безъ дальнѣйшаго разбора принимать за продуктъ славянскій, литовскій или нѣмецкій: часто это продуктъ, занесенный торговлею, но откуда — неизвѣстно.

Академикъ Срезневскій, отзываясь весьма одобрительно о книгѣ г. Котляревскаго, замѣтилъ, что въ ней мы имѣемъ полный сводъ данныхъ о древнихъ славянскихъ погребальныхъ обычаяхъ и понятіяхъ — сводъ, оживленный мыслію и свидѣтельствующій объ основательномъ знакомствѣ автора не только съ источниками, но и со всѣми важными трудами, относящимися къ избранному имъ предмету. Все это заставляетъ смотрѣть на книгу г. Котляревскаго съ особеннымъ уваженіемъ и внушаетъ снисхожденіе къ тѣмъ пробѣламъ и ошибкамъ, которые въ ней встрѣчаются, въ особенности съ точки зрѣнія филологической.

V.

Изслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, В. Макушева.

Свой приговоръ объ этомъ сочиненіи, составляющемъ плодъ болѣе чѣмъ четырехлѣтнихъ трудовъ автора по собиранію и разработкѣ историческихъ матеріаловъ, Коммиссія основала на отзывѣ одного изъ членовъ своихъ, Академика И. И. Срезневскаго. Кромѣ того Коммиссія имѣла въ виду рецензію, составленную Н. А. Поповымъ, къ которому Академія обращалась съ просьбою сообщить его мнѣніе объ этомъ сочиненіи.

Авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія одинъ изъ городовъ Адріатическаго моря, имѣвшихъ наиболѣе важное значеніе въ средневѣковой исторіи того края и въ исторіи южныхъ Славянъ; главною его цѣлью было указать и по мѣрѣ важности описать и оцѣнить источники для исторіи Дубровника, значительная часть которыхъ отчасти оставалась неизвѣстною. Разсмотрѣнію этихъ источниковъ онъ счелъ необходимымъ предпослать обзоръ исторіи Дубровника, его устройства, быта и отношеній къ

другимъ городамъ и государствамъ. Какъ ни кратокъ этотъ обзоръ, не отличающійся въ добавокъ и систематическимъ изложеніемъ фактовъ, а касающійся преимущественно лишь нѣкоторыхъ вопросовъ, которые авторъ считалъ спорными, однако онъ представляетъ большой интересъ по множеству входящихъ въ него эпизодовъ изъ бытовой исторіи Дубровника и по оживленности, которую авторъ съумѣлъ придать своему изложенію.

Что касается до самыхъ источниковъ Дубровницкой исторіи, то авторъ собралъ и описалъ преимущественно такіе, которые относятся къ исторіи внѣшней. Можно было бы пожелать и здѣсь болѣе стройности и послѣдовательности въ распредѣленіи предметовъ и въ способѣ ихъ изслѣдованія; въ иныхъ случаяхъ г. Макушевъ ограничивается сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ и краткимъ изложеніемъ содержанія ихъ сочиненій, а въ другихъ старается пополнить свѣдѣнія, представленныя его предшественниками въ этомъ дѣлѣ, дѣлаетъ выписки изъ ихъ сочиненій, особенно неизданныхъ, и только въ немногихъ случаяхъ подвергаетъ болѣе или менѣе подробной критикѣ сочиненія, приводимыя имъ въ общемъ обзорѣ.

Вообще сочиненіе г. Макушева можно упрекнуть въ неполнотѣ, въ слишкомъ общихъ и внѣшнихъ пріемахъ изслѣдованія и въ неоправдываемыхъ прочными доводами сужденіяхъ о трудахъ другихъ ученыхъ. Не смотря на то, эта книга, какъ первый въ русской литературѣ опытъ изученія исторіи одной изъ отраслей славянскихъ племенъ въ обширныхъ размѣрахъ, имѣетъ значеніе полезнаго пособія для занимающихся славянствомъ.

VI.

Происхожденіе Русскихъ былинъ. Сочиненіе В. В. Стасова.

Это сочиненіе, при появленіи своемъ въ свѣтъ, обратило на себя, въ нашихъ ученыхъ и литературныхъ кругахъ, всеобщее вниманіе и послужило поводомъ къ горячимъ литературнымъ спорамъ, которые ясно показали, что сочиненіе касается весьма

важныхъ вопросовъ о Русской старинѣ и высказываемыми въ немъ взглядами затрогиваетъ не одни чисто научные интересы.

Это обстоятельство налагало на Коммиссію обязанность приложить особенную заботу о томъ, чтобы при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ этого сочиненія были устранены всѣ другія соображенія, кромѣ ученыхъ. Коммиссія полагаетъ, что она исполнила эту обязанность, избравъ въ рецензенты сочиненія г. Стасова: Академиковъ Ѳ. И. Буслаева и А. А. Шифнера.

Въ разборѣ, составленномъ первымъ изъ нихъ, подробно разсмотрѣны положенія автора, съ которыми критикъ не находитъ возможности согласиться, и обращено вниманіе на недостатки метода, приложеннаго авторомъ къ его изслѣдованію; но вмѣстѣ съ тѣмъ высказано, что трудъ г. Стасова, по новости проводимаго имъ взгляда и по обширности собраннаго матеріала, заслуживаетъ вниманія.

Академикъ Шифнеръ съ своей стороны, какъ оріенталистъ и какъ ученый спеціально изучавшій исторію миѳовъ и сказокъ у разныхъ народовъ, подвергъ критическому разбору главныя положенія автора о восточномъ происхожденіи Русскихъ былинъ, причемъ доказалъ, что, въ нынѣшнемъ положеніи нашихъ знаній по этому предмету, не только нельзя согласиться съ главнымъ выводомъ изслѣдованія г. Стасова о томъ, что всѣ наши былины заимствованы отъ Тюрковъ и Монголовъ, но что напротивъ русскіе разсказы, вмѣстѣ съ чужими элементами Скандинавскаго сѣвера, занесены къ тюркскимъ и монгольскимъ племенамъ посредствомъ Новгородскихъ промышленниковъ и удалыхъ казаковъ. Въ заключеніе своей рецензіи, г. Шифнеръ замѣчаетъ, что хотя г. Стасовъ не успѣлъ доказать восточное происхожденіе Русскихъ былинъ, совершившееся, будто бы, въ сравнительно довольно позднее время, т. е. начиная съ XIII вѣка, черезъ вліяніе монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, обладающихъ большимъ числомъ древне-азіятскихъ мотивовъ въ позднѣйшей буддійской редакціи, и хотя должно напротивъ признать, что буддійская редакція древнѣе другихъ редакцій и ближе къ древне-арійскимъ

первообразамъ, такъ что уже этимъ самымъ могло бы объясниться то большое сходство, которое г. Стасовъ находитъ въ нихъ съ нѣкоторыми чертами Русскихъ былинъ, тѣмъ не менѣе трудъ г. Стасова весьма замѣчателенъ. Въ особенности заслугою его надобно признать критическій взглядъ на Русскихъ богатырей. Возставъ противъ выводовъ прежнихъ изслѣдователей, усиливавшихся видѣть въ Добрынѣ, Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ представителей разныхъ сторонъ древне-русскаго быта, г. Стасовъ заставилъ правильнѣе взглянуть на особенности нашей эпической поэзіи, подлежащей впрочемъ общимъ законамъ этого рода народнаго творчества, и тѣмъ пріобрѣлъ несомнѣнное право на признаніе за нимъ заслуги въ отношеніи къ русской словесности. Къ этому нельзя не прибавить, что г. Стасовъ, при помощи своей обширной начитанности, успѣлъ изобразить съ большою подробностью богатырскій бытъ, какимъ онъ является въ Русскихъ былинахъ и въ произведеніяхъ восточной поэзіи.

VII.

Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, препод. Игумена Волоцкаго. Соч. И. П. Хрущева.

По вызову Академіи, разборы этого сочиненія составлены Членомъ Корреспондентомъ Академіи К. И. Невоструевымъ и Членомъ Археографической Коммиссіи Н. И. Костомаровымъ.

Первый, въ весьма пространной, составленной имъ рецензіи, показалъ, что достоинства сочиненія г. Хрущева особенно обнаруживаются во *Вступленіи*, при обозрѣніи источниковъ, а также трудовъ новѣйшихъ ученыхъ, въ 1-й главѣ—въ очеркѣ основателей монастырей въ сѣверовосточной Руси въ XIV и XV вѣкахъ, и въ частности Пафнутія Боровскаго, и затѣмъ въ жизнеописаніи самого Іосифа, отъ поступленія его въ Пафнутіевскій монастырь до полнаго устроенія собственной обители на правилахъ общежитія, съ обозрѣніемъ устава его и разныхъ посланій

къ частнымъ лицамъ. Рецензентъ одобряетъ также сдѣланное авторомъ, во 2-й главѣ, изложеніе борьбы Іосифа съ ересью, замѣчая, что оно отличается полнотою и правильностію расположенія частей; хорошо и съ употребленіемъ источниковъ изложено въ 3-й главѣ дѣло Іосифа съ Серапіономъ Новгородскимъ. Наконецъ, по мнѣнію рецензента, нельзя не одобрить плана и полноты и остальныхъ частей; кромѣ того все сочиненіе имѣетъ и литературное достоинство—въ очертаніи лицъ и дѣйствій, въ отдѣлкѣ и въ чистомъ и легкомъ языкѣ. Но при такихъ достоинствахъ, книга имѣетъ и значительные недостатки. При полнотѣ своей, она содержаніемъ своимъ далеко уклоняется отъ своего названія. Въ заглавіи обѣщано изслѣдованіе о сочиненіяхъ преп. Іосифа, т. е. трудъ литературный, а на самомъ дѣлѣ представленъ трудъ болѣе историческій, въ которомъ преимущественно обращено вниманіе на жизнь и дѣятельность Іосифа и на другія соприкосновенныя обстоятельства, изъ которыхъ нѣкоторыя, подробно раскрываемыя, мало относились къ задачѣ. Между тѣмъ самыя сочиненія Іосифа не оцѣнены достаточно, ни въ литературномъ, ни въ богословскомъ отношеніи. Въ изложеніи автора, г. Невоструевъ замѣтилъ большіе или меньшіе недостатки и ошибки.

Н. И. Костомаровъ, въ своей рецензіи, не причисляетъ книгу г. Хрущова къ такимъ произведеніямъ, которыя высказывали бы о данномъ предметѣ все, что, послѣ предшествовавшихъ разработокъ его, можетъ назваться послѣднимъ словомъ науки въ данное время, или которыя научнымъ образомъ разрѣшали бы важные вопросы. Напротивъ, по замѣчанію рецензента, авторъ обходитъ крупные, объединительные вопросы, которые сами собою возникаютъ при занятіи предметомъ, а гдѣ по необходимости онъ касается нѣкоторыхъ, тамъ ему удается меньше, чѣмъ при разсмотрѣніи и изложеніи мелочныхъ подробностей. Такъ напримѣръ, желая уяснить значеніе Іосифа Санина въ ряду русскихъ подвижниковъ и основателей монастырскихъ общинъ, авторъ имѣлъ намѣреніе собрать воедино разсѣянныя черты и возсоздать изъ нихъ общій типъ подвижника. Рецензентъ называетъ хорошимъ на-

чало, сдѣланное г. Хрущевымъ для осуществленія этой задачи; нѣкоторыя черты найдены и сопоставлены удачно. Но авторъ не достигъ своей цѣли въ научномъ отношеніи, потому что къ типу XV вѣка, которымъ онъ занимается, онъ примѣшалъ то, что принадлежитъ именамъ XIV, XVI и даже XVII вѣковъ, не указалъ сходства и различія между признаками раннихъ и позднѣйшихъ временъ, не подвергъ критикѣ житія, служащія ему источникомъ, и не опредѣлилъ, что въ каждомъ изъ нихъ есть самобытнаго и что въ нихъ болѣе или менѣе одинаковаго, откуда эта одинаковость, и какъ изъ одной въ другую переходили общепринятыя черты. Наконецъ, авторъ не показалъ преемственнаго происхожденія нашего подвижничества съ востока и не опредѣлилъ, на сколько оно приняло мѣстныхъ свойствъ и является своеобразнымъ, и чѣмъ отличается отъ подобныхъ явленій въ иныхъ странахъ. Такого же рода недостатки усматриваетъ г. Костомаровъ у автора и тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ уставѣ Іосифа Волоцкаго и его сочиненіяхъ, касающихся устройства монастырскаго быта; важность ихъ, и самихъ по себѣ, и по сравненію съ другими явленіями монашескаго строя, требовала того, чтобы къ ученому разбору ихъ было приложено болѣе труда. Подобное же требованіе заявляетъ рецензентъ и по поводу нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, входящихъ въ составъ избранной авторомъ задачи, и которые много выиграли бы, если бы были озарены свѣтомъ философской мысли. Книгу же г. Хрущева можно назвать лишь указателемъ къ сочиненіямъ Іосифа и вмѣстѣ біографіею послѣдняго. Читатель изъ нея узнаетъ: въ какихъ рукописныхъ сборникахъ находятся писанія самого Волоцкаго игумена и другихъ, писавшихъ о немъ, и о предметахъ, касающихся его, а равно и о томъ, гдѣ нѣкоторыя напечатаны. Кромѣ того въ книгѣ изложены: содержаніе Іосифовыхъ словъ и посланій, поводы, служившіе къ ихъ написанію, и обстоятельства, сопровождавшія ихъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Хрущова, по сознанію рецензента, можно назвать удовлетворительнымъ на столько, что оно должно будетъ служить на-

стольнымъ указателемъ для того, кто вознамѣрился бы написать ученое изслѣдованіе объ Іосифѣ Санинѣ. Принимая во вниманіе, что сочиненіе г. Хрущова, какъ спеціальное о твореніяхъ и жизни Іосифа, есть все таки самое полезное для будущихъ писателей по этому предмету, что несмотря на важные недостатки, оно есть плодъ труда усидчиваго и добросовѣстнаго и наконецъ, что это — первое произведеніе автора, человѣка молодаго, для котораго награда будетъ служить поощреніемъ къ дальнѣйшей ученой дѣятельности, рецензентъ считаетъ его достойнымъ награды.

На соисканіе Уваровскихъ наградъ за драматическія произведенія, въ нынѣшнемъ году было представлено *семь* пьесъ: двѣ печатныхъ и пять рукописныхъ.

Коммиссію, на которую Общимъ собраніемъ Академіи было возложено разсмотрѣть эти сочиненія и произнести о нихъ приговоръ, составляли, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря,—Академики А. В. Никитенко, Я. К. Гротъ, И. И. Срезневскій, П. П. Пекарскій, А. Ѳ. Бычковъ, Н. Г. Устряловъ и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Впослѣдствіи, по причинѣ болѣзни г. Пекарскаго и отсутствія г. Вельяминова-Зернова изъ Петербурга, вмѣсто ихъ къ составу Коммиссіи принадлежали Академики А. А. Куникъ и Н. И. Кокшаровъ.

По обстоятельномъ разсмотрѣніи конкурсныхъ пьесъ, Коммиссія единогласно постановила, что въ нынѣшнемъ году нѣтъ повода присудить кому-либо премію за драматическое сочиненіе.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Академія сочла своимъ долгомъ публично выразить свою признательность постороннимъ рецензентамъ, оказавшимъ ей содѣйствіе сообщеніемъ отзывовъ о порученныхъ ихъ разсмотрѣнію сочиненіяхъ, и четыремъ изъ нихъ, а именно Н. В. Калачову, К. И. Невоструеву, И. Д. Бѣляеву и А. И. Артемьеву присудила установленныя для сего золотыя Уваровскія медали.

Въ заключеніе имѣемъ честь довести до общаго свѣденія, что Академія положила возобновить приглашеніе о доставленіи отвѣтныхъ сочиненій на предложенныя ею въ 1867 году задачи для соисканія поощрительной Уваровской преміи (въ 500 руб.). Эти задачи суть слѣдующія:

1) Исторія древнерусскихъ княжествъ.

2) Объ историческихъ отношеніяхъ польскаго народа и государства къ русскому племени.

3) О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей.

4) Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ Сѣверо- и Юго-Западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтій.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ НА СОИСКАНІЕ ПООЩРИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕМІЙ ГРАФА УВАРОВА.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова, Положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая *поощрительная премія* (500 р.) за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, прелагаемыхъ Академіею по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія предлагаетъ слѣдующія задачи.

I.

Исторія древне-русскихъ княжествъ.

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ, вообще не многочисленны и не всѣ удовлетворяютъ условіямъ со-

временной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ — самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература еще нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Кіевскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго, Тверскаго и пр., однако къ конкурсу допускаются, кромѣ сочиненій объ этихъ достояніяхъ Рюриковой династіи, и изслѣдованія о литовско-русскихъ княжествахъ Гедиминовой династіи.

II.

Объ историческихъ отношеніяхъ польскаго народа и государства къ русскому племени.

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая соискателямъ заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой-либо спеціальный предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь, подъ историческими отношеніями, разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но и литературныя, юридическія и церковныя дѣла, преимущественно великаго княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба польскаго и русскаго элементовъ. Само собою разумѣется, что авторъ, разбирая эту борьбу, долженъ соблюдать строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій.

Хотя Академія не желаетъ стѣснять конкурентовъ въ выборѣ спеціальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью разъяснить историческія отношенія польскаго племени къ русскому, однако она сочла полезнымъ на этотъ разъ обратить особенное вниманіе ученыхъ на два слѣдующіе предмета:

III.

О составѣ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей.

Въ ряду источниковъ отечественной исторіи занимаютъ не послѣднее мѣсто Западно-Русскія лѣтописи о великомъ княжествѣ Литовскомъ. До насъ дошло нѣсколько ихъ списковъ; изъ нихъ одни напечатаны, другіе остаются еще въ рукописяхъ; сверхъ того, есть указанія въ польскихъ историкахъ на существованіе лѣтописей этого же разряда, болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, которыя находятся теперь у насъ въ рукахъ. Академія предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующую задачу: опредѣлить по печатнымъ спискамъ, а, если угодно, и по рукописнымъ, время составленія дошедшихъ до насъ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей и ихъ составъ, и показать, какими извѣстіями изъ этихъ лѣтописей воспользовались съ одной стороны составители Русскихъ лѣтописныхъ сборниковъ, а съ другой польскіе историки какъ на прим.: Длугошъ, Стрыйковскій, Бѣльскій и другіе. При этомъ, изъ польскихъ историковъ необходимо сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Рускому краю и не находящихся въ напечатанныхъ спискахъ Западно-Русскихъ лѣтописей; расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и привести соотвѣтствующія имъ мѣста, если таковыя имѣются, изъ Сѣверно-Русскихъ и Южно-Русскихъ лѣтописей, и указать, какія изъ этихъ извѣстій и на какимъ основаніи должны были находиться въ Литовскихъ лѣтописяхъ.

IV.

Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ русскими въ Сѣверо- и Юго-Западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтій.

Сочиненія эти хотя и касаются по большой части богословскихъ предметовъ, однако въ то же время заключаютъ въ себѣ

не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія; но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Іохера, Вишневскаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обозрѣніи можно говорить лишь на столько, на сколько эти книги и брошюры служатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній.

ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ В. СТАСОВА:

«Происхожденіе русскихъ былинъ.»

Академика Ѳ. И. Буслаева.

Порученное мнѣ для разбора сочиненіе имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе о восточномъ, и именно о монгольскомъ и тюркскомъ происхожденіи русскихъ былинъ. Это изслѣдованіе привело автора къ тому результату, что «какъ въ отношеніи состава, такъ и подробностей, наши былины — довольно тощій и сильно кастрированный экстрактъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ, и при томъ точно такой же, какъ и наши сказки» (часть 3-я, гл. IX, стр. 634). «Коренныхъ подробностей дѣйствительно славянскаго и русскаго національнаго быта и жизни — въ нашихъ былинахъ нѣтъ». — «Передъ нами картина, вся составленная изъ азіатскихъ подробностей. Здѣсь у насъ передъ глазами: климатъ жаркой азіатской полосы, безъ зимы, морозовъ, льда и снѣга; вездѣ азіатскія степи и горы; табуны коней кочевыхъ народовъ; слоны, барсы, львы, соболи, чуть не на улицахъ городскихъ; *бѣлокаменныя* палаты азіатскихъ народовъ; чисто-азіатскіе купеческіе корабли и чисто-азіатскій купеческій бытъ; азіатская ранняя письменность и грамотность, условленная брахманствомъ и буддійствомъ; монастыри, странствія и омовенія, по преимуществу буддійскаго характера; богатыри всегда верхомъ; вооруженіе, способъ боя, чисто-азіатскіе; богатырши — совершенно азіатскаго характера; казни, образъ жизни и привычки азіатскія; рѣчи, эпическія выраженія, наконецъ характерныя числа и многія имена — все это не русское, а азіатское. И мало того, что все это азіатское вообще: мы на каждомъ шагу убѣждаемся,

что подробности и обстановка эта всего чаще имѣютъ физіономію монгольскую и тюркскую, времени буддійскаго» (ч. 3-я, гл. XIII, стр. 336). Если русскія былины и имѣютъ нѣкоторое сродство съ эпическими преданьями другихъ индо-европейскихъ народовъ, то потому только, что это первобытное сродство, эти общіе зародыши эпическихъ сказаній прежде уже существовали въ тѣхъ азіатскихъ, монгольскихъ и тюркскихъ оригиналахъ, которые потомъ были съ разными искаженьями пересказаны русскимъ народомъ въ его былинахъ. Потому, между русскими былинами и эпическими сказаньями германскими, литовскими, греческими, нѣтъ прямой, непосредственной связи, равно какъ и съ эпическими пѣснями другихъ славянскихъ племенъ (ч. 3, гл. XIV, стр. 343). Русская Авдотья Лиховидьевна или вѣщая дочь Микулы Селяниновича могутъ имѣть нѣкоторое сродство съ скандинавскою Валькиріею или съ вѣщею дочерью ляхо-чешскаго Крака или Крока, но не сами по себѣ, а благодаря нѣкоторой минусинской татаркѣ, или же монгольской вѣдьмѣ, которыя воплотили въ себѣ ранній идеалъ какой нибудь индійской богини (ч. 2-я, I, 667; II, 677). Какъ произведенья заносныя, перенятыя у азіатскихъ кочевниковъ, наши былины не коренятся на родныхъ преданьяхъ русской земли; не имѣютъ онѣ ни чего общаго съ древними національными сказаньями, каково напримѣръ Слово о полку Игоревѣ (3, XIII, 339). Онѣ предлагаютъ рядъ неудачныхъ и часто безсмысленныхъ передѣлокъ того, что̀ самостоятельно, органически и разумно сложилось у тѣхъ кочевыхъ ордъ, которыя во времена татарщины внесли на Русь буддійскую мудрость (3, XIV, 343). Чтобъ уяснить себѣ самый смыслъ нашихъ былинъ, надобно возвести ихъ къ ихъ первообразу въ пѣсняхъ и сказаньяхъ монгольскихъ и тюркскихъ (3, IX, 626 и слѣд.). Въ сравненіи съ этимъ первообразомъ «наши былины, въ отношеніи мотивовъ психическихъ и иныхъ, оказываются чѣмъ-то урѣзаннымъ, кастрированнымъ» (3, IX, 629). По своему психологическому развитію герой русской былины стоитъ на одной степени съ собакою и кошкою; «едва-ли не единственныя душевныя движенія, приписываемыя былинами нашимъ богатырямъ — какъ сказано въ рукописной вставкѣ къ выше означенной страницѣ — состоятъ въ томъ, что тотъ или другой между ними *пріужахнется* или же *не пріужахнется*; что у него *разгорится сердце ретивое и раскипится кровь молодецкая*; что ему станетъ *зарко* или *досадно*. Но все это чувства самыя, можно сказать, первоначальныя и грубыя, еще общія человѣку съ низшими животными: испугаться, разгорѣться сердцемъ

почувствовать зоркость и досаду способна и собака, и кошка, и птичка, точна такъ же, какъ Добрыня или Дунай». Иное дѣло — «пѣсни киргизскія, сибирско-татарскія, телеутскія, сагайскія, монгольскія, калмыцкія. Здѣсь можно было-бы набрать гамму самыхъ разнообразныхъ психическихъ движеній и настроеній» (3, IX, 628).

I.

Таковы результаты, извлекаемые авторомъ изъ сравненія нашихъ былинъ съ эпическими сказаньями и пѣснями азіатскихъ народовъ, начиная отъ Индійцевъ и Персовъ до минусинскихъ татаръ и киргизовъ.

Изслѣдованье дѣлится на три части. Въ первой разсматриваются двѣ сказки: о Ерусланѣ Лазаревичѣ и Жаръ-птицѣ. Первая сближается съ эпизодами Шахъ-Намэ о Рустемѣ, вторая — съ сказкою Сомадевы. Во второй части, сравнительно съ восточными оригиналами, разобрано нѣсколько русскихъ былинъ, а въ третьей предложены общіе выводы о составѣ былинъ и о бытѣ, въ нихъ изображенномъ.

Изъ былинъ разобраны слѣдующія: о Добрынѣ, Потокѣ, Иванѣ гостиномъ сѣнѣ, о Ставрѣ бояринѣ, о Соловьѣ Будимировичѣ, Садкѣ, о Сорока каликахъ съ каликою, объ Ильѣ Муромцѣ, Дунаѣ и о Ванькѣ вдовкиномъ сынѣ.

Методъ, принятый въ разборѣ, хотя состоитъ въ сравненіи, но не можетъ быть названъ *сравнительнымъ* въ томъ смыслѣ, какъ онъ принятъ въ сравнительной грамматикѣ, въ сравнительныхъ изслѣдованіяхъ миѳологіи и народнаго безъискусственаго эпоса. Собственно сравнительный методъ извлекаетъ изъ сравненія родственныхъ національностей общія имъ всѣмъ первобытныя основы въ языкѣ, преданьяхъ, вѣрованьяхъ и бытѣ, и за тѣмъ отличаетъ индивидуальныя, характеристическія особенности, которыми разнствуютъ между собою всѣ эти національности въ слѣдствіе самостоятельнаго, историческаго развитія каждой изъ нихъ въ отдѣльности. По методу сравнительному языки, преданія и вѣрованія могутъ быть между собою родственны только въ общихъ чертахъ и различны въ подробностяхъ; напр. сказанія о Егоріи Храбромъ, о Скандинавскомъ Зигурдѣ, объ англо-саксонскомъ Беовульфѣ, о нашемъ Добрынѣ Никитичѣ, между собою родственны по борьбѣ съ Зміемъ, но разнствуютъ по множеству подробностей, зависящихъ отъ цѣлаго ряда временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ,

при которыхъ развивались эти сказанія въ той или другой народности. Что же касается до метода, принятаго авторомъ «Происхожденія русскихъ былинъ», то это методъ *историческій*, то есть, такой, посредствомъ котораго опредѣляется случайное, историческими обстоятельствами вызванное заимствованіе одною національностью у другой — языка, вѣры, нравовъ, обычаевъ, сказаній. Такъ изслѣдуется, напримѣръ, переходъ грамматическихъ формъ и лексикологическаго запаса языка латинскаго въ языки романскіе, вліяніе греческаго языка на славянскій въ переводѣ церковныхъ книгъ, распространеніе повѣстей и анекдотовъ по разнымъ странамъ въ средневѣковыхъ новеллахъ, fabliaux, Abenteuer и т. п. Если сказаніе заимствовано изъ чужеземнаго оригинала, то оно съ нимъ сходится не только въ общихъ чертахъ, но и въ подробностяхъ, болѣе или менѣе искаженныхъ при заимствованіи и при передачѣ заимствованнаго. Такъ духовный стихъ объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ согласуется и въ цѣломъ и въ подробностяхъ съ житіемъ этого святаго.

Заимствованіе сказанія однимъ народомъ у другаго соотвѣтствуетъ вообще всякому *литературному* заимствованію и происходитъ по большей части путемъ литературнымъ, то есть, посредствомъ вліянія *письменнаго*. Такъ распространялись въ средніе вѣка и на западѣ и на востокѣ сказанія объ Александрѣ Великомъ, о Соломонѣ, Римскія Дѣянія, Притчи о семи мудрецахъ и т. п.

Разумѣется, чѣмъ даровитѣе и развитѣе заимствователь, тѣмъ самостоятельнѣе разрабатываетъ онъ заимствованное, тѣмъ умнѣе понимаетъ онъ цѣлое и тѣмъ искуснѣе группируетъ подробности, присовокупляя къ заимствованному свое собственное.

Въ разбираемомъ мною сочиненіи русскія былины разсматриваются, какъ слабыя копіи чужихъ оригиналовъ, безсмысленно пересказывающія и цѣлое и подробности. Не только нашъ Добрыня Никитичъ—индійскій Кришна, который тоже поразилъ змія, но и «свирѣпый звѣрь Скименъ (левъ), прибѣжавшій со стадомъ дикихъ звѣрей въ мениту рожденія Добрыни — это передѣланный разсказъ о царѣ Кансѣ, прибѣжавшемъ со своими свирѣпыми воинами, тотчасъ послѣ рожденія Кришны, чтобы схватить и растерзать Кришну»; и племянница князя Владиміра, которую освобождаетъ Добрыня отъ змія — это сынъ наставника Кришны. *Балконы*, съ которыхъ ордынскій царь, въ русской былинѣ, смотритъ на борьбу богатырей — это ложа въ театрѣ, подробно описанномъ въ Гаривансѣ. Добрыня въ карманѣ у Настасьи Микулишны — это Ми-

нусинскій татаринъ Агъ-ай въ раскаленной печи; Добрыня отрубилъ у чародѣйки Марины руку, ногу, губы и груди — это Кришна откусилъ грудь у Чародѣйки Путаны (2, I, 655 — 667).

Не только Потокъ Михайло Ивановичъ — брахманъ Руру изъ Магабгараты, но и Лебедь-Бѣлая — невѣста Руру, Прамадвара, потому что въ санскритскомъ оригинанѣ характеризуется она эпитетомъ *бѣлая*, и сравнивается съ бѣлою лиліею и съ бѣлымъ лотосомъ. Потокъ бьетъ змія въ могилѣ своей жены — это Руру, который бьетъ змія на дорогѣ (2, II, 674). Ставръ-бояринъ — это алтайскій татаринъ Алтаинъ-Саинъ-Саламъ, между прочимъ, потому что «Ставръ навлекаетъ на себя гнѣвъ князя, и за то его сажаютъ въ глубокіе погреба: это не что иное, какъ не много измѣненный разсказъ о томъ, какъ Алтаинъ свалился съ коня и былъ потомъ положенъ мертвый, въ каменную скалу»; и еще потому, что «Ставровъ *свой человѣкъ*, который садится на коня, скачетъ къ Василисѣ и разсказываетъ ей о случившемся — это въ первоначальномъ разсказѣ, Алтановъ конь, который несется во всю прыть къ Алтановой сестрѣ и разсказываетъ ей о смерти своего господина» (2, IV, 692). Сверхъ того нашъ Ставръ-бояринъ — индійскій Яяти, потому что этотъ послѣдній, по Магабгаратѣ, свергнутъ съ неба на землю, какъ русскій ботатырь — изъ чертоговъ царскихъ въ погребъ (2, IV, 695). Соловей Будимировичъ сооружаетъ въ одну ночь палаты въ саду Запавы — это, по разсказу Сомадевы — Сомапрабха въ одну же ночь насаждаетъ чудесный садъ. Не мать Соловья Будимировича молится въ новопостроенныхъ хоромахъ, а отецъ индійскаго героя собирается идти въ храмъ на молитву (2, V, 705—6). «Нашъ новгородскій купецъ Садко есть не что иное, какъ являющійся въ русскимъ формахъ индѣйскій царь Яду, индѣйскій богатырь-брахманъ Видушака, тибетскій брахманъ Джинна-Ченпо, тибетскій царевичъ Гедонъ» и проч., а «музыка Садки въ подводномъ царствѣ—это проповѣдь правой вѣры, буддійскимъ героемъ, въ царствѣ зміевъ, злыхъ духовъ (2, VI, 239). Садко у Морскаго царя видитъ дѣвицу *Чернаву*: это по Магабгаратѣ, индійская подземная дѣва, которая прядетъ *черными нитками*: олицетвореніе ночи (стр. 244). Русскія былины о Дунаѣ объясняются однимъ разсказомъ изъ Гаривансы. «Двѣ наши королевишны, изъ которыхъ одна выходитъ за князя Владиміра, а другая за Дуная, это, въ первоначальномъ разсказѣ, жены одного и того же лица: первыя 27 женъ Сомы, уступленныя добровольно, это первая наша королевишна, уступленная добровольно; вторая его жена, Тара, взя-

тая силой — это вторая наша королевишна взятая силой. Но такъ какъ въ русской былинѣ, временъ христіянскихъ, не могло уже быть рѣчи о многоженствѣ, то у насъ первую королевишну отдали въ жены особому лицу, князю Владиміру, и изъ этого произошелъ, безъ сомнѣнія, весь эпизодъ о сватовствѣ этого князя. Ничего незначущая стрѣла, которую у насъ мечутъ Дунай и его жена, и которою, наконецъ, первый убиваетъ послѣднюю — это божественная стрѣла, которую мечетъ богъ Рудра, защитникъ похищенной жены, Тары, въ мужа-похитителя, Сому.... Наконецъ, самоубійству Дуная и потомъ появленію его — какъ бы возрожденію — въ видѣ быстрой, широкой и глубокой рѣки, этому всему вполнѣ соотвѣтствуетъ, въ Гаривансѣ, разсказъ о томъ, что богъ Сома, въ сознаніи своего грѣха, потерпѣлъ великое изнуреніе, потерю силъ, такъ что дискъ его умалился, но потомъ онъ снова получилъ всю свою силу и заблисталъ въ прежнемъ блескѣ и величіи» (2, IX, 679—680).

Такого рода смѣлые пріемы сравненія, по которымъ посадить въ погребъ — тоже что свалиться съ коня или упасть съ неба на землю, открываютъ автору такой обширный просторъ, что онъ никоимъ образомъ не можетъ уже затрудняться въ каждомъ русскомъ богатырѣ подмѣтить татарскую подкладку, послѣ того, какъ для него стала одно и тоже — рѣка Дунай и луна, лютый звѣрь Скименъ и индѣйскій царь Канса, карманъ и печка.

Впрочемъ, эти и другія имъ подобныя натяжки получаютъ видъ нѣкоторый убѣдительности, когда два разсказа, нашъ и чужеземный, имѣютъ бо́льшее или меньшее сходство въ общихъ чертахъ, каковы напримѣръ, столь обычная въ эпическихъ преданьяхъ борьба съ зміемъ или какимъ другимъ чудовищемъ, чудесное прибываніе или убываніе силы, добываніе коня и чудодѣйственный его бѣгъ, единоборство богатыря съ женщиною или съ своимъ не узнаннымъ сыномъ, переодѣванье женщины въ мужское одѣянье и т п. Для большаго удобства можно двухъ или трехъ иностранныхъ героевъ соединить въ одномъ изъ своихъ, или наоборотъ двухъ-трехъ своихъ въ одномъ иностранномъ. Если сравниваемые разсказы предлагаютъ недостаточное количество точекъ соприкосновенія, то берется два-три иностранныхъ, и сближаются они съ однимъ русскимъ, или наоборотъ два три русскихъ — съ однимъ иностраннымъ.

Какъ легко съ такими пріемами усмотрѣть сродство двухъ или нѣсколькихъ эпическихъ произведеній разныхъ народностей, возьму на выдержку англо-саксонскаго Беовульфа, съ тѣмъ чтобы

доказать происхожденіе русскихъ и вообще славянскихъ сказаній отъ англо-саксонскихъ или наоборотъ — англо-саксонскихъ отъ славянскихъ и отъ русскихъ въ особенности.

Вопервыхъ самое имя *Beovulf* (bienenwolf) т. е. picus, *дятель*, имѣетъ у Славянъ такое же, какъ и у Германцевъ, миѳологическое и эпическое значеніе. Какъ Беовульфъ ведетъ свой родъ отъ бога Одина или Водана, такъ и по чешскимъ глоссамъ Вацерада: Picus, Saturni filus» — переводится *страчецъ Ситиратовъ сынъ*, и Я. Гриммъ въ своей нѣмецкой Миѳологіи, на стр. 342—343, по 2 изд., сближаетъ англо-саксонскаго Беовульфа съ чешскимъ *стракопутомъ*, а птицу *страчецъ* съ славянскими божествами Кртомъ и Радигостомъ. Можно доказать, что славяне видѣли въ Беовульфѣ представителя всѣхъ германскихъ племенъ, потому ли что знали о немъ эпическія сказанія или потому что эти сказанія были одинаково народны и у Славянъ, и у Германцевъ. А именно. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ попадается любопытное исчисленіе народовъ, въ которомъ каждый изъ нихъ характеризуется племенемъ какого нибудь животнаго; напр. *Фрягъ — левъ*, *Аламанинъ — орелъ*, *Саракининъ — вепрь*, *Турчинъ — змія*, и пр. По одной рукописи XIV—XV стол., приводимой Шафарикомъ въ его Старожитностяхъ, *Нѣмецъ* характеризуется славянскимъ переводомъ имени Беовульфъ, т. е. *сврака*, Сербская форма, вм. рус. *сорока*, чешск. *Страчецъ*.

Вовторыхъ, между предками Беовульфа, по инымъ сказаніямъ, между его потомками, встрѣчается не только *Финнъ*, указывающій на финскія племена, но и *Тетва* (*Taetiva*), собственное имя, которымъ въ Судѣ Любуши, названъ родоначальникъ двухъ тяжущихся братьевъ: они были Кленовичи, «рода стара *Тетвы* Попелова, ен-же приде съ плъкы съ чеховыми въ сеже жирне власти прѣсъ три рѣкы».

Приводимое мною сродство основныхъ преданій славянскаго и англо-саксонскаго эпоса можетъ указывать на первоначальное происхожденіе этого послѣдняго въ мѣстности, общей племенамъ славянскимъ и германскимъ, въ странахъ по низовьямъ Эльбы, по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и на островахъ послѣдняго. Частію не отсюда ли заходили на Русь и Варяги, и своимъ вліяніемъ скрѣпляли связь славянскаго эпоса съ нѣмецкимъ, основанную на первобытномъ индо-европейскомъ сродствѣ?

Если уже въ самыхъ именахъ собственныхъ находимъ мы такое сродство между нѣмецкими и славянскими эпическими преданьями; то еще больше сходнаго встрѣтимъ въ ихъ содержаніи:

такъ что изъ сличенія русскихъ былинъ и другихъ сказаній съ англо-саксонскимъ Беовульфомъ можно бы вывести еще болѣе очевидныя доказательства о вліяніи этого послѣдняго на русскую народность, нежели тѣ, которыя приводитъ авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ» о вліяніи монгольскомъ, татарскомъ и киргизскомъ, если бы только такой пріемъ могъ быть примѣненъ къ изученію народной поэзіи.

И такъ обратимся къ содержанію Беовульфа.

Въ странѣ Дановъ было смутное, тяжелое время. Внутренніе раздоры грозили страшною гибелью народу, угнетаемому жестокимъ Геремодомъ. Но сами боги спасли страну, пославъ избавителя въ лицѣ нѣкотораго чуднаго младенца, которому въ послѣдствіи суждено было управлять этою страною. Это былъ Скильдъ, сынъ Скеафа. Однажды береговой стражъ видитъ на волнахъ ладью, которая, безъ парусовъ и мачтъ и безъ кормчаго, причаливаетъ къ берегу. Сбѣгается народъ и видитъ — въ лодкѣ лежитъ мальчикъ, окруженный оружіемъ. Такъ прибылъ Скильдъ, неизвѣстно откуда, въ страну, которою онъ потомъ управлялъ; тѣмъ же путемъ онъ и скрылся, когда померъ. Трупъ его положили въ ладью, окруживъ всякими драгоцѣнностями, и спустили въ море.

Уже самое начало поэмы объясняетъ намъ два русскихъ сказанія, которыя относятся у насъ къ различнымъ лицамъ и имѣютъ различный характеръ. Одно — легенда объ Антоніи Римлянинѣ, который, какъ и Скильдъ, чудесно приплылъ въ новгородскія страны по морю, на камнѣ, который можетъ соотвѣтствовать ладьѣ, не имѣющей ни мачты, ни парусовъ, ни кормила. Какъ оружіе воинское прибыло съ мальчикомъ, который долженъ охранять свой народъ мечомъ, такъ оружіе духовное, церковная утварь прибыла вслѣдъ за Антоніемъ по морю же. Положимъ, такое сближеніе оружія будетъ натяжка: но чѣмъ она хуже татарской печи, превратившейся въ русскій карманъ?

Другое сказаніе касается Ильи Муромца и Добрыни Никитича, которые навсегда скрылись изъ Руси на кораблѣ, такъ же какъ и трупъ царя Скильда. Это обстоятельство для насъ особенно важно потому, что въ Беовульфѣ мы могли бы усмотрѣть первообразъ обоихъ этихъ русскихъ богатырей, если бы рѣшились допустить теорію автора «Происхожденія русскихъ былинъ» объ искусственныхъ вліяніяхъ въ народномъ эпосѣ.

Продолжаю о содержаніи Беовульфа.

От Скильда произошелъ знаменитый король Дановъ, благодушный Гродгаръ, образецъ доблестныхъ норманнскихъ князей. Онъ окруженъ витязями, его товарищами на войнѣ и собесѣдниками на пирахъ: это его *соучастники при очагѣ и за столомъ (heordgeneâtas, beôdgeneâtas).* Таковъ же былъ и нашъ князь Владиміръ съ своими богатырями. Онъ постоянно съ ними пируетъ. Еще Несторъ повѣствуетъ объ этихъ пирахъ. Пиромъ начинается каждая былина о томъ или другомъ изъ богатырей князя Владиміра. За ласку и доброту всѣ любили Градгара: такъ и нашего Владиміра прозвали *ласковымъ.* Всѣ повиновались Гродгару и по одному его слову готовы были на всевозможные подвиги; онъ былъ неограниченный повелитель и господинъ всему. Такъ и Владиміръ русскихъ былинъ безусловно распоряжается не только услугами своихъ богатырей, но и имуществомъ всѣхъ и каждаго.

Для пировъ съ своими витязями Гродгаръ соорудилъ на горѣ огромный чертогъ, отличавшійся несказаннымъ великолѣпіемъ. Онъ былъ съ золотою кровлею, такъ же какъ и наши эпическія терема, по былинамъ, именуются *златоверхими* или *златоверховатыми.* Къ зданію вела дорога, вымощенная разноцвѣтными камнями, и называлась *медвяною стезею (medustig).* По ней ежедневно ласковый король съ своею молодою женою и съ дружиною отправлялся въ чертогъ пировать. Во время пиршества раздавались звуки лютни и пѣсня поэта, служившая, какъ и во времена Гомера, украшеніемъ пира. Такъ и по нашимъ былинамъ, на пирахъ князя Владиміра играли на гусляхъ и пѣли гусельники и скоморохи, и даже имѣли свое опредѣленное *мѣсто скоморошье.* Когда, послѣ заката солнца, Гродгаръ съ своею королевою удалялся, витязи оставались въ чертогахъ и тамъ же ложились спать: и не было у нихъ никакой заботы, ни горя: жили они въ весельи и радости, словомъ — ежедневно пировали, какъ наши богатыри съ своимъ княземъ Владиміромъ.

Бо́льшаго сходства съ нашими былинами трудно найти! Какъ русская былина начинается веселымъ пиромъ, такъ и поэма о Беовульфѣ; какъ у насъ за пиршествомъ слѣдуетъ богатырскій подвигъ, помутившій веселье, такъ и въ англо-саксонскомъ сказаніи.

Не долго наслаждались спокойствіемъ и всякими утѣхами въ палатахъ Гродгара его храбрые витязи. Каждую ночь повадился къ нимъ страшный Грендель; онъ душилъ и пожиралъ витязей и пилъ изъ нихъ кровь. Это какое-то таинственное существо, въ

своей основѣ — личность миѳическая, но значительно сглаженная подъ вліяніемъ библейскимъ, и потому нѣсколько отвлеченная.

Этотъ Грендель, живущій въ болотахъ и омутахъ, и нарушающій пиршественное веселье Градгара и его витязей — первообразъ нашихъ Тугариновъ Зміевичей, Идолищъ Поганыхъ, которые своимъ присутствіемъ оскверняютъ пиры князя Владиміра. Какъ Грендель пожиралъ витязей Градгара, такъ и страшный Змій, живущій тоже въ водѣ, похитилъ у князя Владиміра его племянницу или сестру, и держалъ у себя въ пещерахъ.

Какъ въ англо-саксонскомъ эпосѣ, такъ и у насъ въ былинахъ долженъ былъ явиться герой для очищенія страны отъ враждебныхъ чудовищъ. Въ англо-саксонскомъ эпосѣ — это Беовульфъ, который во владѣніяхъ Гродгара поражаетъ Генделя и его мать, а въ своей землѣ — страшнаго Змія; въ русскихъ былинахъ подвиги Беовульфа раздѣлены между Ильею Муромцемъ, который поражаетъ Соловья-разбойника, и между Добрынею Никитичемъ, побѣдителемъ семиглаваго Змія.

Беовульфъ пріѣзжаетъ въ страну Гродгара *на бѣгунѣ по волнамъ* (т. е. на кораблѣ) *по стезѣ лебедей* (т. е. по морю). Это тоже, что *соколъ-корабль* Соловья Будимировича, и *стезя лебедей* должна объяснять намъ, почему въ Словѣ о полку Игоревѣ *дѣва плещетъ лебедиными крылами на синемъ морѣ*, и почему Потокъ Михайло Ивановичъ встрѣтилъ именно *на морѣ* свою Авдотью Лиховидьевну въ видѣ *Бѣлой Лебеди*.

Какъ «Происхожденіе русскихъ былинъ» все темное и неудобопонятное объясняетъ изъ татарщины; такъ и мы, тѣмъ же путемъ смѣлыхъ, ни чѣмъ не стѣсняющихся натяжекъ, можемъ пріурочить къ Беовульфу и поѣздку Соловья Будимировича и всѣ морскія и приморскія сцены нашихъ былинъ. Наше сближеніе *Бѣлой Лебеди на синемъ морѣ* съ *лебединою стезею* чѣмъ хуже извѣстнаго уже толкованія той же *Бѣлой Лебеди* индійскою Прамадварою, потому только, что она въ Магабгаратѣ уподобляется *бѣлой лиліи* и *бѣлому лотосу?*

Держась пріемовъ автора «Происхожденія русскихъ былинъ», я буду слѣдить сравниваемыя произведенья шагъ за шагомъ, въ мелкихъ подробностяхъ, для того чтобы въ нашихъ былинахъ доказать не первобытное сродство съ Беовульфомъ, а копію этого англо-саксонскаго оригинала.

Какъ нашъ князь Владиміръ остается въ бездѣйствіи въ виду

общей опасности, и предоставляетъ подвиги другимъ; такъ и Гродгаръ въ англо-саксонскомъ эпосѣ.

Какъ Илья Муромецъ и другіе русскіе богатыри, являясь ко двору князя Владиміра, похваляются своими подвигами; такъ и Беовульфъ между витязями Гродгара.

Какъ Илью встрѣчаютъ въ Кіевѣ недружелюбно и не вѣрятъ его похвальбѣ; такъ и Беовульфу не вѣрятъ при дворѣ Гродгара.

Илья Муромецъ до прибытія въ Кіевъ побѣдилъ Соловья-разбойника и его вѣщихъ, миѳическихъ дочерей; Беовульфъ до прибытія къ Гродгару поразилъ морское чудовище и девять Никсъ.

Но такъ какъ, придерживаясь пріемовъ «Происхожденія русскихъ былинъ», мы хотимъ видѣть въ нашихъ эпическихъ разсказахъ безсмыслицу и путанницу, происшедшія отъ неудачнаго и глупаго пересказа иноземныхъ оригиналовъ; то въ этомъ подвигѣ Беовульфа можемъ усмотрѣть оригиналъ и другаго русскаго сказанія, именно о томъ, какъ Добрыня погубилъ Змія. Что̀ мудренаго, что русскіе перескащики въ лицѣ Беовульфа смѣшали Илью съ Добрынею, послѣ того какъ они въ каждомъ изъ своихъ богатырей перепутали самымъ безсмысленнѣйшимъ образомъ героевъ Магабгараты и Рамаяны со всевозможными татарскими и киргизскими дикарями?

Что̀ въ Беовульфѣ, согласно съ жизнію и бытомъ отважныхъ моряковъ, представляется на самомъ широкомъ планѣ, который дается цѣлымъ моремъ-океаномъ, то въ нашей былинѣ сокращено въ мелкіе размѣры ребяческаго удальства Добрыни на Сафатъ-рѣкѣ или на Израй-рѣкѣ.

Какъ Беовульфъ еще въ своей молодости отличился искусствомъ плаванья по морямъ и битвою съ морскимъ чудовищемъ; такъ и Добрыня Никитичъ въ ранней молодости просился у своей матушки — впрочемъ не болѣе, какъ искупаться въ Сафатъ-рѣкѣ. Но матери это дѣло казалось почему-то опаснымъ: она боялась третьей струи въ этой рѣкѣ, и не пускала своего сына купаться. Впрочемъ Добрыня ея не послушался, и съ своею храброю дружиною отправился на Израй-рѣку, и шутя говорилъ своимъ товарищамъ:

А и гой еси вы молодцы удалые!
Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее.

И хотя всѣ молодцы разоболокались, но никто изъ нихъ въ воду нейдетъ, никто не смѣетъ. Только Добрыня отваживается на смѣлый подвигъ.

А поплылъ Добрынюшка за перву струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю,
А двѣ-то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла въ пещеры бѣлокаменныя.

Въ этихъ-то пещерахъ и жилъ Змій Горынчище, котораго поразилъ Добрыня.

У лютаго Змѣища Горынчища,
Нашолъ онъ много злата-серебра,
Нашелъ въ палатахъ у Змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну.

Слѣдуя принятому методу, мы должны видѣть въ нашей былинѣ вялую и безсмысленную копію. И въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣетъ это ничѣмъ предшествующимъ не вызываемое желанье искупаться въ Израй или въ Сафатъ-рѣкѣ? Чего страшится мать и почему не купается дружина Добрынина? Какія могутъ быть пещеры или палаты Змія Горынчища на малой рѣчонкѣ? Зачѣмъ въ этихъ пещерахъ злато-серебро? Какъ туда попала Марья Дивовна?

Всѣ эти безсмыслицы глупой копіи становятся ясны въ ея англо-саксонскомъ оригиналѣ. Это не Добрыня Никитичъ, а морской герой Беовульфъ; жалкія струи русской рѣчонки — это страшныя морскія волны, борьбу Беовульфа съ которыми такъ энергически описываетъ англо-саксонскій эпосъ. У насъ — полинялыя и вытертыя краски малярной копіи, тамъ — яркая картина природы; у насъ — безсмыслица пересказа, тамъ — сама жизнь въ очію.

Русскій перескащикъ скомкалъ въ одинъ комокъ два подвига Беовульфа, одинъ изъ его молодости, другой изъ его послѣднихъ дней, когда онъ, управляя готскою землею, спасъ ее отъ страшнаго змія. Этотъ змій жилъ на берегу моря, въ пещерѣ, гдѣ былъ скрытъ, съ незапамятныхъ временъ, великій кладъ.

Отсюда вполнѣ явствуетъ подвигъ нашего Добрыни. Въ англо-саксонскомъ эпосѣ Змій называется *стражемъ горы* (beorges weard): потому онъ и у насъ *Горынчище*. Живетъ онъ при морѣ, у насъ при Сафатъ-рѣкѣ. Хранитъ кладъ: потому Добрыня и нашелъ въ его пещерахъ много злата-серебра.

Что же касается до Марьи Дивовны, то это не что иное, какъ

безсмысленное смѣшеніе матери Гренделя съ сестрою князя Владиміра или съ теткою Добрыни. Копія удержала только намекъ на родство какой-то женщины, и вмѣсто *матери* передала *тетку*. Превратилась же въ «Происхожденіи русскихъ былинъ» — вѣрная и героически-преданная жена Ставра боярина въ татарскую его сестру, которая сосватала ему разомъ двухъ женъ (Ч. 2-я, IV, 692).

Слѣдуя методу «Происхожденія русскихъ былинъ», мы не должны затрудняться и тѣмъ, что мать Гренделя — чудовище, враждебное Гродгару, а Марья Дивовна — сестра князю Владиміру. Вопервыхъ всякая нелѣпость въ русской былинѣ объясняется безсмыслицею копіи; вовторыхъ, въ Марьѣ Дивовнѣ позволительно видѣть вообще похищаемыя чудовищемъ жертвы изъ чертоговъ Гродгара: сократились же въ «Происхожденіи русскихъ былинъ» — цѣлыя двадцать семь женъ Сомы въ одну королевишну, на которой женился князь Владиміръ (2, IX, 679); наконецъ, самое имя Марья *Дивовна* заставляетъ предполагать въ этомъ лицѣ *дивовище*, т. е. чудовище, по крайней мѣрѣ съ тѣмъ же вѣроятіемъ, какъ въ «Происхожденіи русскихъ былинъ» въ дѣвицѣ *Чернавѣ* усматриваются *черныя нитки*.

Но мы забыли объ Ильѣ Муромцѣ. Это другая половина цѣльной личности англо-саксонскаго Беовульфа.

Беовульфъ поражаетъ Гренделя въ морскомъ омутѣ, срубаетъ ему голову и доставляетъ ее въ чертоги Гродгара. Точно такъ же и Илья Муромецъ, въ доказательство своего подвига, привозитъ въ Кіевъ изкалѣченнаго Соловья-разбойника. Болота и морскія глубины англо-саксонскаго эпоса соотвѣтствуютъ лѣсистымъ дебрямъ русской былины. И тамъ и здѣсь дорога залегла отъ чудовищъ. Голову Гренделя несутъ четверо. Такъ же громадна была голова великана Нахвальщика, котораго убилъ Илья. Эту голову онъ —

Воткнулъ на копье булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
«Ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ, —
«Экаго чуда не наѣзживалъ!»

Наконецъ, что Илья Муромецъ и Добрыня совокупно выражаютъ

одну и туже личность англо-саксонскаго героя, положительно доказывается тою былиною у Кирши, въ которой повѣствуется,

Какъ изъ славнаго города, изъ Кіева
Поѣзжали два могучіе богатыри:
Поѣзжалъ Илья Муромецъ
Съ своимъ братомъ названымъ,
Съ молодымъ Добрынею Никитичемъ.

Хотя въ эту былину, какъ эпизодъ, вставленъ разсказъ объ единоборствѣ Ильи съ его сыномъ, но главное его содержаніе — борьба обоихъ богатырей съ бабою Горынинкой. Сначала дрался съ нею Добрыня и изнемогъ въ борьбѣ, потомъ подоспѣлъ Илья и побѣдилъ Горынинку, наконецъ Добрыня срубилъ ей голову. Въ ея погребахъ глубокихъ нашли они золотую казну. По принятому нами методу храбрыхъ натяжекъ — эта Горынинка, во-первыхъ, мать Гренделя, во-вторыхъ, родня Змію *Горынищу*, на что указываетъ самое имя ея — *Горынинка*, и, въ-третьихъ, упомянутая Марья Дивовна, потому что она тоже находилась въ пещерѣ, наполненной златомъ-серебромъ.

Точно такое же сравненіе нашихъ былинъ можно бы сдѣлать съ сказаньями изъ цикла Дитраха Бернскаго, Карла Великаго, Артура; но довольно и этого. Я позволилъ себѣ обратить сравнительный методъ въ праздную забаву, чтобы на примѣрѣ наглядно показать, какъ легко сравнивать въ народной поэзіи все, что угодно, и какъ мало такой пріемъ относится къ серьезной наукѣ.

Изъ этого примѣра Беовульфъ оказывается точно такимъ же и въ той же мѣрѣ оригиналомъ нашихъ былинъ, какъ и пѣсни татарскія или киргизскія. Притягивая наши былины ухищренными натяжками къ мнимымъ чужеземнымъ оригиналамъ, мы естественно должны будемъ извращать смыслъ первыхъ по мѣркѣ послѣднихъ. Все, что разумно и просто въ Беовульфѣ, то нелѣпо и неумѣстно въ Ильѣ Муромцѣ и въ Добрынѣ Никитичѣ, и именно по тому самому, что намъ вздумалось въ этихъ русскихъ богатыряхъ видѣть копіею англо-саксонскаго героя. Мы сами навязываемъ нашимъ былинамъ безсмысленность и пошлыя урѣзки и недомолвки, потому что сближаемъ ихъ не съ тѣмъ, съ чѣмъ слѣдуетъ, и не такъ, какъ слѣдуетъ. Это тоже самое, если бы кто назвалъ безсмысленнымъ иностранный фракъ, полагая его урѣзанною и искаженною копіею русскаго кафтана.

Итакъ, не въ фактахъ, а въ точкѣ зрѣнія на нихъ, въ способѣ обращенія съ ними, надобно видѣть объясненіе слѣдующихъ результатовъ, къ которымъ приходитъ «Происхожденіе русскихъ былинъ».

«Мудрено искать въ нашихъ былинахъ коренныхъ, самостоятельныхъ чертъ содержанія, скелета и подробностей.»

«Главное мѣсто здѣсь занимаетъ *особенность выбора*, былинами, матеріала изъ среды иноземныхъ элементовъ. Мы уже выше указывали, какъ много былины отбрасываютъ совершенно вонъ изъ этого матеріала, и какъ мало оставляютъ для своего употребленія. Вездѣ мы видимъ рамки самыя тѣсныя, самыя ограниченныя, добровольное сокращеніе своихъ средствъ, размѣровъ, горизонта».

«Что касается до самого дѣйствія, то и тутъ (какъ мы уже выше указывали) встрѣчаются на каждомъ шагу въ былинахъ непостижимое добровольное ограниченіе и урѣзываніе. Вездѣ уничтожены психическіе мотивы, выпущены вонъ внутреннія причины дѣйствія, разсказъ совсѣхъ сторонъ укороченъ, сжатъ. Нашей былинѣ, словно какому нибудь дѣловому человѣку—прозаику, разсказывающему о событіяхъ, съ нимъ случившихся, только и важны, что *начало* и *конецъ* дѣла. Она быстро шагаетъ отъ событія къ событію, стремится поскорѣе дойти до конца, до развязки и постоянно урѣзываетъ какъ можно больше *середину*, столько же всего разсказа, какъ и каждой отдѣльной его части. Вся лирическая, эпическая и драматическая обработка фактовъ ей ни по чемъ—ей важенъ только самъ сырой фактъ» (3, XII, 314—315).

Насильственное приравниванье русскихъ былинъ къ иностраннымъ оригиналамъ, упорно проводимое шагъ за шагомъ по всѣмъ подробностямъ, не только не убѣждаетъ въ сходствѣ сравниваемыхъ произведеній, но еще уклоняетъ отъ открытія между ними дѣйствительнаго сродства, если только оно существуетъ на основѣ общаго происхожденія языка и миѳовъ сравниваемыхъ народностей. Безъ сомнѣнія, есть кое что общее въ нашихъ былинахъ съ восточными сказаньями, но это общее затеряно авторомъ «Происхожденія русскихъ былинъ» въ необозримой массѣ мелочныхъ сближеній, вовсе не идущихъ къ дѣлу, точно такъ же какъ оно затеряно въ приведенномъ мною опытѣ насильственной параллели между русскими былинами и Беовульфомъ. Такимъ образомъ, *сравнительной методъ*, которому современная наука обязана великими открытіями, исчезаетъ въ этой массѣ болѣе или менѣе остроум-

ныхъ сравненій, своею капризною случайностью только уклоняющихъ изслѣдователя отъ истины; потому что *comparaison n'est pas raison.*

II.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что хотя и увлекается авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ», ненужными сравненьями, все же въ основу имъ думаетъ онъ положить научныя основы сравнительная метода.

Вотъ главнѣйшія положенія, принятые имъ въ руководство:

Первое, о необходимости возводить сродство сказаній отъ *братьевъ* и *сестеръ* къ сродству по *родителямъ*: «Нельзя оспаривать пользы изученія нашихъ былинъ сравнительно съ литовскими, чешскими или сербскими пѣснями и сказками, съ разсказами скандинавской Эдды или германскихъ Нибелунговъ, финской Калевалы, или англо-саксонскаго Беовульфа; нельзя сомнѣваться въ томъ, что такое изученіе приводитъ къ убѣжденію въ значительномъ сходствѣ *миѳологическомъ* и *бытовомъ* тѣхъ и другихъ. Такое изученіе не только полезно, но необходимо. Оно многое разъясняетъ, многое показываетъ въ настоящемъ свѣтѣ, и безъ него не слѣдуетъ, да и нельзя приступать къ изслѣдованью о происхожденіи нашихъ былинъ. Но все-таки въ концѣ концовъ, мы добываемъ здѣсь только тѣ черты родства и сходства, которыя всегда существуютъ между *братьями* и *сестрами*; т. е. мы приходимъ тутъ только къ убѣжденію въ одинаковомъ, общемъ ихъ происхожденіи. А этого, мнѣ кажется, мало, потому что мы имѣемъ теперь возможность восходить до самыхъ корней и первоначальныхъ основъ нашихъ былинъ, можемъ указать *родителей*, отъ которыхъ пошли всѣ эти братья и сестры» (2, 638).

Такъ какъ доисторическое происхожденіе миѳовъ и основныхъ зародышей эпическихъ преданій и условливается, и сопровождается зачатіемъ и развитіемъ самого языка, почему сравнительное изученіе миѳологіи и эпоса и ведется въ нераздѣльной связи съ сравнительнымъ изученіемъ языка: то это первое положеніе съ точки зрѣнія лингвистической, какъ болѣе точной и опредѣленной, должно быть понято такимъ образомъ. Доселѣ сравнивались между собою языки арійскіе, классическіе, нѣмецкій, кельтскій, литовскій и славянскій, какъ бы братья или сестры, происшедшіе отъ одного общаго имъ родителя. Это изученіе не только полезно, но и необ-

ходимо; однако оно недостаточно. Теперь слѣдуетъ приступить къ открытію того идеальнаго родоначальника, въ общихъ чертахъ котораго находили бы свой источникъ и санскритъ, и греческій языкъ, и прочіе ихъ индо-европейскіе братья. Тоже надобно разумѣть и о миѳологіи и объ эпосѣ, и, конечно, въ предѣлахъ только индо-европейской семьи народностей, потому что, по языку, миѳологіи и эпосу, только въ этой семьѣ наука достаточно объяснила между народностями братское сродство. Если авторъ «Происхожд. русскихъ былинъ» такъ понимаетъ это дѣло, какъ оно доселѣ принято въ сравнительномъ изученіи индо-европейскихъ народностей, то напрасно помѣщаетъ онъ въ семью братьевъ и сестеръ финскую Калевалу, которая столько же чужда этой семьѣ, какъ и пѣсни киргизовъ или минусинскихъ татаръ. Если же въ братское сродство ставитъ онъ національности всего міра, то, при современномъ состояніи лингвистики, едва ли еще возможно мечтать объ этомъ общемъ имъ всѣмъ идеальномъ прародителѣ. Во всякомъ случаѣ, отыскиваніе этихъ *родителей* Эдды, Беовульфа, Калевалы, нашихъ былинъ — по малой мѣрѣ задача странная, для сравнительной лингвистики неисполнимая.

Второе положеніе касается развитія народностей изъ *чужихъ зародышей*. Вотъ слова автора: «Въ томъ именно и заключается, быть можетъ, главная разница западно-европейскаго и нашего славяно-русскаго національнаго духа, что тамъ чужой матеріалъ столько же охотно воспринимается, какъ и у насъ, но немедленно подвергается самостоятельной переработкѣ, органическому претворенію въ собственную плоть и кровь; а у насъ чужой матеріалъ бываетъ воспринятъ, съ большею жадностью и любовью, но потомъ не испытываетъ никакого процесса національнаго претворенія и развитія, и только очень тщательно уберегается отъ всякаго существеннаго измѣненія и возрастанія. Первоначальный матеріалъ Калевалы, Нибелунговъ, Эдды, Одиссеи, Иліады — *не самостоятельный*, не возникъ на финской, германской, скандинавской, греческой почвѣ: *онъ дитя Азіи*, онъ заключаетъ въ корню своемъ зерна древнѣйшихъ арійскихъ легендъ и сказаній. Но къ этому первоначальному эмбріонному матеріалу, каждая изъ національностей, его принявшихъ въ очень стародавнее время, прибавила вновь столько своего, народнаго самобытнаго, такъ измѣнила его сообразно съ условіями своихъ понятій, вѣрованій, народнаго чувства и вкуса, внесла туда такую громадную массу разнообразныхъ подробностей, выразившихъ ея отечественную мѣстность, исторію, бытъ и при-

вычки, что вышедшее изъ національнаго горнила новое произведеніе, по всей справедливости, должно считаться въ высшей степени самостоятельнымъ и народнымъ. Съ нашими былинами этого не случалось. Не только матеріалъ, но и весь составъ ихъ, со всѣми подробностями (кромѣ не многихъ исключеній) заимствованы отъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ и несравненно позднѣе, чѣмъ одинъ только арійскій матеріалъ — тѣми народами. Уже и одна поздность заимствованія, сама по себѣ могла быть важною помѣхою самостоятельному національному творчеству: оно любитъ періодъ ранняго отроческаго состоянія народнаго. А къ этому прибавился еще и особенный складъ народнаго духа, по преимуществу консерваторскій въ отношеніи къ чужеземнымъ заимствованіямъ и врагъ новой самостоятельной обработки ихъ. Ясно, что эти причины и должны были образовать огромную разницу между нашими былинами и эпическими произведеньями другихъ европейскихъ народовъ арійскаго же семейства.» (3, XIII, 337—338).

Если въ теченіи своего изслѣдованья авторъ не отказался отъ трудной задачи отыскать родителей индо-европейскимъ эпическимъ преданьямъ, то, кажется, въ этомъ второмъ положеніи мы найдемъ разгадку непонятнаго для насъ термина. Во всѣхъ этихъ преданьяхъ первоначальный матеріалъ *чужой*: «онъ *дитя* Азіи, онъ заключаетъ въ корню своемъ *зерна* древнѣйшихъ *арійскихъ* легендъ и сказаній». Надобно думать, что мы стоимъ теперь на пути къ родословному древу индо-европейскаго эпоса. И Эдда, и Беовульфъ, и Одиссея — это, по первоначальному матеріалу, дѣти Азіи; но эти дѣти находятся — какъ всѣми учеными принято — *не въ сыновнемъ, а въ братскомъ* отношеніи къ Магабгаратѣ, Рамаянѣ, къ эпизодамъ Шахъ-Намэ и т. д. Кто же именно въ Азіи родители этихъ эпическихъ дѣтей? Авторъ «Происхожд. русскихъ былинъ» отвѣта на этотъ вопросъ нигдѣ не даетъ; такъ что мы остаемся только при загадочныхъ *зернахъ древнѣйшихъ арійскихъ легендъ* и *сказаній*.

Творческая сила эпоса возрастаетъ на языкѣ и миѳѣ, она развиваетъ и продолжаетъ творчество языка и миѳа. По выраженію автора — зерна древнѣйшихъ индо-европейскихъ (а не однѣхъ восточныхъ арійскихъ) легендъ и сказаній содержатся въ древнѣйшемъ матеріалѣ языка и миѳовъ. Но всѣ языки индо-европейскіе находятся между собою въ братскомъ отношеніи, равно какъ и древнѣйшія основы быта и вѣрованій. Греки, нѣмцы, литва, славяне, не заимствовали свой языкъ у азіатскихъ Арійцевъ, какъ чужой матеріалъ; онъ былъ такая же ихъ собственность, какъ у

азіатскихъ-арійскихъ народовъ санскритъ, языкъ Зендавесты. Вмѣстѣ съ языкомъ, европейскіе народы вынесли изъ своей прародины понятія быта семейнаго, земледѣльческаго, пастушескаго: они не заимствовали у азіятскихъ арійцевъ семью или пахапье земли, уходъ за скотомъ, но все это имѣли свое, когда жили въ древнѣйшей прародинѣ. Наше слово *сынъ* не происходитъ отъ санскритскаго *сýну*, или *орати* отъ лат. *arare*.

Съ другой стороны, разнообразіе въ миѳологической терминологіи народовъ индо-европейскихъ служитъ намъ самымъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, какъ уже рано разошлись эти народы въ своихъ миѳическихъ представленіяхъ. Вишну, Кришна, Зевсъ, Кроносъ, Юпитеръ, Діана, Одинъ, Торъ, Фрея, Локи, Перунъ, Волосъ — какое разнообразіе звуковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представленій! И всѣ эти звуки разныхъ языковъ находятъ себѣ цѣлые ряды родственныхъ звуковъ и представленій въ другихъ соплеменныхъ имъ языкахъ индо-европейскихъ. Искомыя авторомъ «Происхожд. рус. былинъ» *зерна древнѣйшихъ арійскихъ легендъ и сказаній* относятся именно къ той незапамятной порѣ, когда изъ общей массы языковъ и миѳовъ, только что начинали выдѣляться Зевсы, Одины, Перуны и другіе миѳическіе представители столько же сродства, сколько и различія индо-европейскихъ народностей.

Впрочемъ, я не предъявляю требованья, чтобы изслѣдователь русскихъ былинъ пускался въ темную область изысканія доселѣ никѣмъ еще не отысканныхъ зеренъ древнѣйшихъ легендъ и сказаній; но желаю выставить на видъ только ту мысль его, что Эдда, Одиссея, Калевала, первоначально усвоили себѣ *чужой матеріалъ*, и потомъ самостоятельно его развили, точно такъ же, какъ чужой же матеріалъ, только позднѣе, заимствовали себѣ и наши былины, но не умѣли его развить. Русскіе взяли *чужое* у монголовъ въ XIII столѣтіи, точно такъ какъ и греки или нѣмцы тоже взяли *чужое* у азіятскихъ Арійцевъ, только во времена до-историческія. Въ этомъ взглядѣ, очевидно смѣшивается *первобытное* сродство съ *историческимъ* заимствованьемъ, а авторъ историческое заимствованіе переноситъ, въ отношеніи грековъ или нѣмцевъ, на первобытное сродство. Если бы это было не такъ, то раннія основы національности народовъ Европейскихъ онъ не назвалъ бы *чужими*.

Авторъ «Происхожд. рус. былинъ», очевидно, не различаетъ громадной разницы между *естественнымъ* и *искуственнымъ* образованіемъ эпическихъ сказаній. По его воззрѣнію пѣсни древней Эдды такъ же слагались, какъ французскія *Chansons de Geste* или

итальянскія *Reali di Francia.* И въ тѣхъ и другихъ берется чужой матеріалъ, и потомъ самостоятельно разрабатывается. Сверхъ того, когда отыскиваются зерна древнѣйшихъ арійскихъ легендъ и сказаній; когда мысль изслѣдователя поднимается до такой маститой высоты, то уже нельзя ставить на одномъ ряду древнѣйшія преданья Эдды съ позднѣйшими передѣлками, къ какимъ относится пѣснь о Нибелунгахъ. Точно также, когда идетъ рѣчь объ основахъ индо-европейскаго эпоса, то принимается не Одиссея или Иліада, въ ихъ настоящемъ, полномъ развитіи, а та *миѳическая суть*, которую лингвистическая критика извлекаетъ изъ этихъ гомерическихъ поэмъ.

Какъ бы то ни было, но мысль о національности эпическихъ сказаній въ «Происхожденіи рус. былинъ» не достаточна выяснена.

Впрочемъ, третье положеніе, приводимое авторомъ, по Максу Мюллеру, о *первичныхъ* и *вторичныхъ* сказкахъ, должно бы было внести въ изслѣдованіе бо́льшую точность относительно пониманія народной поэзіи, между тѣмъ какъ своимъ противорѣчіемъ двумъ первымъ положеніямъ производитъ оно новую запутанность. Вотъ эти слова Макса Мюллера: «Первый родъ сказокъ — это тѣ легенды, которыя были извѣстны первоначальной арійской расѣ, прежде чѣмъ она раздѣлилась на индѣйцевъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ; ихъ можно назвать *первичными* или *органическими.* Второй родъ сказокъ — тѣ, которыя въ болѣе позднее время принесены изъ одной литературы въ другую; ихъ можно назвать *вторичными* или *неорганическими.* Первыя представляютъ одинъ общій древній пластъ языка и мысли, идущій отъ Индіи до Европы; послѣднія состоятъ изъ обломковъ разныхъ пластовъ, перенесенныхъ разными естественными и искуственными путями изъ одной страны въ другую. Въ каждомъ арійскомъ языкѣ мы различаемъ *общія* и *чужія* слова: первыя составляютъ древнее наслѣдство арійской расы, а послѣднія заимствованы римлянами отъ грековъ, германцами отъ римлянъ, кельтами отъ германцевъ. Такъ точно мы должны дѣлать различіе между *общими*, *первородными* арійскими легендами, и легендами *заимствованными* и *пересаженными* въ позднѣйшее время» (3, XIII, 328). Мысль, какъ всякій видитъ, вовсе не новая; и неизвѣстно, для чего облекается она здѣсь въ авторитетъ Макса Мюллера. Это не болѣе, какъ общее мѣсто о различіи между первороднымъ сродствомъ и историческимъ заимствованіемъ. Но для насъ нужно было повторить эту мысль для того, чтобы показать противорѣчіе ей, содержащееся въ обоихъ пер-

выхъ положеніяхъ. Напрасно авторъ думалъ искать *родителей* европейскимъ эпическимъ сказаньямъ, напрасно предполагалъ въ нихъ первоначальный матеріалъ *чужой* и *несамостоятельный*, когда съ полнѣйшею вѣрою привелъ слова Макса Мюллера, по которымъ матеріалъ этотъ — *одинъ общій древній пластъ языка и мысли, идущій отъ Индіи до Европы.*

Четвертое положеніе, извлекаемое изъ предыдущихъ, гласитъ, что *наши былины* относятся къ сказаніямъ или сказкамъ *вторичнымъ*, т. е. къ заимствованнымъ въ эпоху историческую.

«Сравнивая былины съ восточными первообразами — говоритъ авторъ, — мы замѣчаемъ, что онѣ двухъ родовъ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ близкое сходство, сплошь, цѣликомъ, съ однимъ которымъ-либо восточнымъ оригиналамъ. Такъ, напримѣръ, былина о Волшанѣ Волшановичѣ очень близко подходитъ къ 4-й главѣ поэмы «Гессеръ-Ханъ»; былина о Ставрѣ-бояринѣ и его женѣ — къ алтайской пѣснѣ объ Алтаинъ-Саинъ-Саламѣ и его сестрѣ; былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ — къ одной пѣснѣ томскихъ шоровъ; былины о Соловьѣ Будимировичѣ — къ разсказамъ Сомадевы и т. д. Напротивъ того, другіе былины представляютъ много сходства заразъ съ нѣсколькими восточными оригиналами, какъ бы нанизанными у насъ вмѣстѣ, одинъ послѣ другаго. Такъ, наприм. мы не можемъ указать той восточной поэмы или пѣсни, которая заключала бы всю, отъ начала и до конца, исторію Ильи-Муромца, или Дуная, или Потока, или Сорока каликъ съ каликою, рѣшительно со всѣми ихъ эпизодами, лицами, событіями, въ одной не прерывной послѣдовательности. Отдѣльныя части (какъ бы главы) исторіи Ильи Муромца мы встрѣчаемъ то въ Магаванси (крестьянство и необыкновенныя работы въ полѣ), въ разныхъ сибирскихъ и въ томъ числѣ киргизскихъ пѣсняхъ, въ Шахъ-Намэ и Джангаріадѣ (подвиги и смерть). Первую половину разсказовъ о Потокѣ мы отыскиваемъ въ Магабгаратѣ, вторую въ Гессеръ-Ханѣ. Отдѣльныя части былинъ о Дунаѣ мы находимъ въ Гаривансѣ, Магабгаратѣ и сказкахъ Сомадевы» (3, VIII, 622—3).

Итакъ, всѣ эти разрозненные, разнятые члены (disjecti membra poëtae) — выражаясь словами Макса Мюллера — *обломки разныхъ пластовъ, перенесенные разными естественными и искусственными путями изъ одной страны въ другую.*

Вопреки видимому вышесказанному сходству, авторъ не можетъ указать прямаго, непосредственнаго заимствованія (и въ особенности заимствованія *письменнаго*, *книжнаго*). Въ разныхъ мѣстахъ

настоящаго изслѣдованія — продолжаетъ онъ — я впередъ уже протестовалъ противъ такого истолкованія; теперь же, обозрѣвая разобранныя мною былины всѣ вмѣстѣ, за одинъ разъ, мы тѣмъ менѣе имѣемъ возможность останавливаться на мысли о прямомъ заимствованіи русскихъ былинъ именно изъ тѣхъ самыхъ оригиналовъ, которые мы были въ состояніи здѣсь привести для сравненія. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи восточные матеріалы все-таки еще малочисленны и бѣдны, мы не обладаемъ ими въ полнотѣ сколько-нибудь удовлетворительной, и потому, не имѣя всѣхъ необходимыхъ звеньевъ на лицо, мы лишены, покуда, возможности показать всю цѣпь перехода того или другаго сказанія изъ древней Азіи въ новую Россію. Но не смотря на такую неполноту, мы все-таки на каждомъ шагу убѣждаемся въ одномъ и томъ же главномъ фактѣ: какого бы рода ни было сходство нашихъ былинъ съ восточными разсказами, болѣе ли близкое, гдѣ у насъ азіатскихъ первообразовъ больше, или менѣе близкое, тамъ гдѣ этихъ первообразовъ меньше, — во всякомъ случаѣ былины наши идутъ отъ которыхъ-то изъ нихъ, или отъ имъ подобныхъ» (3, VIII, 623—4).

Итакъ, какъ кажется, историческое, позднѣйшее *заимствованіе* нашими былинами авторъ допускаетъ, только не изъ тѣхъ оригиналовъ, съ которыми онъ ихъ сравнивалъ. Онъ еще мало имѣетъ подъ руками матеріаловъ, и не смѣетъ сказать ничего рѣшительнаго. Но далѣе (3, XIII, 330) онъ набирается смѣлости, и, противорѣча вышесказанному, опредѣлительно указываетъ тотъ разрядъ оригиналовъ, откуда наши былины заимствованы: «Съ древнѣйшими разсказами древнѣйшихъ арійскихъ племенъ и народовъ наши былины хотя и имѣютъ, безъ сомнѣнія, много общаго, но только въ главныхъ мотивахъ; съ разсказами арійскихъ народовъ болѣе новаго времени онѣ имѣютъ общаго уже не однѣ только главные мотивы, но и главныя развитія этихъ мотивовъ и множество частныхъ подробностей; еще болѣе имѣютъ онѣ сходства съ позднѣйшими разсказами арійскихъ народовъ позднѣйшаго времени; а наибольшее, ближайшее сходство оказывается у нихъ съ разсказами тѣхъ народовъ вовсе *не арійскаго* племени, которые получили отъ *арійскихъ* народовъ первоначальные эпическіе мотивы и выработали, развили ихъ сообразно съ условіями своей исторіи и быта».

На это мѣсто нельзя не сдѣлать двухъ замѣчаній.

Вопервыхъ, если авторъ открылъ въ нашихъ былинахъ сходство съ восточными оригиналами и по развитію мотивовъ и по множеству частныхъ подробностей, если онъ усмотрѣлъ съ нѣкоторыми

изъ нихъ самое *ближайшее сходство:* то сдѣлалъ это открытіе не на основаніи предложенныхъ имъ фактовъ, а такъ, гадательно; ибо, какъ онъ самъ выше сказалъ — наши былины не заимствованы не посредственно изъ тѣхъ восточныхъ оригиналовъ, съ которыми въ изслѣдованьи онѣ сличены, и онъ, авторъ, не обладаетъ въ надлежащей полнотѣ фактами, чтобы въ точности опредѣлить это заимствованье. То наша былина во всемъ согласуется съ восточнымъ оригиналомъ, до мельчайшихъ подробностей, то она заимствована не изъ этого оригинала, а изъ какого-то другаго, автору еще неизвѣстнаго.

Противорѣчіе замѣчательное! Впрочемъ, его не стоило бы здѣсь приводить, если бы это былъ просто логическій промахъ. Это значило бы придираться къ мелочамъ, значило бы говорить не о дѣлѣ. Въ этомъ противорѣчіи авторъ невольно высказалъ, что онъ не особенно доволенъ своими сближеньями русскихъ былинъ съ восточными оригиналами; ему хотѣлось бы, чтобы между ними было *ближайшее сходство*, а изъ предложенныхъ имъ сравненій, намъ уже извѣстныхъ, оказывается больше натяжекъ, нежели дѣйствительнаго сходства.

Вовторыхъ, авторъ положительно утверждаетъ, что народы *не арійскаго* племена, передавшіе намъ свои сказанія, заимствовали ихъ у народовъ арійскихъ. Но это надобно было доказать путемъ многостороннихъ сравнительно-лингвистическихъ и историческихъ изслѣдованій. Это вопросъ настоятельной необходимости. Въ нѣкоторыхъ мотивахъ былины о Потокѣ доселѣ мы видѣли сродство то съ бретонскими сказаньями, то съ пѣснями Эдды. Намъ говорятъ, что эти мотивы, общіе всѣмъ арійскимъ народамъ, русская былина взяла изъ какой-то татарской пѣсни, въ которую они перешли изъ сказаній арійскихъ. Спрашивается: какъ, когда и для чего? «Находящіеся въ нашемъ распоряженіи восточные матеріалы— отвѣчаетъ авторъ — все таки еще малочислены и бѣдны, мы не обладаемъ ими въ полнотѣ сколько нибудь удовлетворительной, и потому не имѣя всѣхъ необходимыхъ звеньевъ на лицо, мы лишены, покуда, возможности показать всю цѣпь перехода того или другаго сказанія изъ древней Азіи въ новую Россію.» На какомъ же основаніи послѣ этого можно утверждать, что народы *не арійскіе* передали въ наши былины *арійское* содержаніе?

Если это одно только предположеніе, не основанное на фактахъ, то къ такимъ же теоретическимъ предположеніямъ надобно отнести и слѣдующую *цѣпь перехода* сказаній изъ Азіи въ Россію: «Бы-

лины наши представляютъ наиболѣе сходства съ тѣми восточными разсказами, которые менѣе древни, и притомъ съ такими, которые мы находимъ у народовъ, по географическому положенію своему ближе придвинутыхъ къ Россіи, и скорѣе могшихъ имѣть непосредственное съ нею соприкосновеніе. Такимъ образомъ, русскія былины больше сходятся съ разсказами и подробностями буддійскаго времени и характера, чѣмъ съ такими же, времени и характера брахманскаго или зороастровскаго; онѣ сходятся съ разсказами и подробностями сибирско-татарскими, киргизскими, монгольскими и калмыцкими болѣе, чѣмъ съ разсказами индѣйскими и персидскими» (3, XI, 639).

Для ясности надобно здѣсь привести нѣсколько выдержекъ изъ «Происхожд. русскихъ былинъ», чтобъ показать, что̀ называетъ авторъ въ нашихъ былинахъ брахманствомъ и буддійствомъ.

Богатырь Алеша слыветъ въ былинахъ *Поповичемъ*. Онъ сынъ соборнаго попа Ростовскаго. Въ его лицѣ осмѣиваются нѣкоторыя слабости сословія, къ которому онъ принадлежитъ. Онъ завистникъ, сплетникъ, бабій пересмѣшникъ, нахалъ. Качества эти не разъ развиваются во многихъ былинахъ, что̀ хорошо извѣстно всякому, кто перелистывалъ собранія Рыбникова и Кирѣевскаго. Смотри Указатель къ Пѣснямъ Кирѣевскаго подъ словомъ *Алеша, Олеша Поповичъ*. И не смотря на очевидные факты въ самыхъ былинахъ, наперекоръ еще болѣе очевидному перечню этихъ фактовъ въ Указателѣ, авторъ «Происхожд. русскихъ былинъ» рѣшается утверждать, что Алеша Поповичъ нигдѣ въ былинахъ, на дѣлѣ, не выражаетъ тѣхъ качествъ, которыя только голословно ему приписаны. «При томъ мудрено предположить, — присовокупляетъ авторъ — чтобы при князѣ Владимірѣ, только что принявшемъ христіянство, могли уже образоваться такія ироническія понятія о духовномъ сословіи. Кажется нельзя сомнѣваться, что всѣ эти выраженія (т. е. «глаза завидущи, руки загребущи» и т. п.) принадлежатъ періодамъ позднѣйшимъ». Для чего приведенъ этотъ аргументъ? Не ужели кто нибудь изъ понимающихъ народную поэзію, какъ слѣдуетъ, когда нибудь могъ усомниться въ томъ, что сословныя различія введены въ былины многими столѣтіями позднѣе князя Владиміра? Былина не исторія; критики она не знаетъ, и приписываетъ старинѣ то, что̀ живетъ въ то время, когда она слагается. Это общій законъ, на основаніи котораго развивались наши былины, точно такъ же какъ развивались французскія *Chansons de Geste*, испанскіе романсы о Сидѣ и т. п. Но объ этомъ рѣчь впереди;

а теперь посмотримъ, какъ въ лицѣ Алеши Поповича авторъ видитъ брахманство русскихъ былинъ. «Что касается до самого прозвища *Поповичъ*, то оно повидимому есть потерявшій первоначальное свое значеніе отголосокъ *чужихъ оригиналовъ*, и, если мы пройдемъ въ памяти тѣ оригиналы, съ которыми намъ приходилось сравнивать русскія былины, то безъ труда откроемъ, какихъ именно. Нашъ *богатырь-поповичъ*, вѣроятно, не что иное, какъ послѣднее эхо *богатырей-брахмановъ*, какими наполнены брахманскія и буддійскія поэмы и пѣсни. Въ древней Азіи мы встрѣчаемъ богатырей изъ касты духовныхъ (т. е. брахмановъ), какъ встрѣчаемъ богатырей изъ касты царей-воиновъ (т. е. кшатріевъ), и если однимъ изъ представителей послѣднихъ у насъ является Добрыня, то однимъ изъ представителей первыхъ мы можемъ считать — Алешу Поповича» (3, V, 615—616).

Странно, почему авторъ, которому такъ дорого брахманство нашихъ былинъ, не воспользовался при этомъ случаѣ письменными источниками древне-русской литературы о браминахъ? Свѣдѣнія объ этой кастѣ были распространяемы между нашими предками и въ хронографахъ, и въ Александріи, и въ спеціальныхъ по этому предмету сочиненіяхъ. Если бы авторъ велъ дѣло по фактамъ, тогда догадка его объ Алешѣ имѣла бы значеніе. Безъ этого же намъ остается только на вѣру принять, что составители русскихъ былинъ, хотя и безграмотные, были настолько образованы, что умѣли истолковать себѣ индѣйскаго брахмана доморощенымъ попомъ. Это очень лестно для древне-русской цивилизаціи, но недостаточно доказано, чтобы мы могли этимъ питать свою національную гордость.

Теперь о буддійствѣ. Оно, между прочимъ, но съ особенною силою доказывается сравненіемъ нашихъ Сорока Каликъ съ ихъ азіатскою братьею.

«Кромѣ главной цѣли — подачки и угощенія (которая отчасти является мотивомъ и въ нашей былинѣ о Сорока Каликахъ со Каликой), у древнихъ азіятскихъ странниковъ была еще, обыкновенно, и другая цѣль странствія: посѣщеніе святыхъ мѣстъ, для того, чтобъ поклониться священнымъ зданіямъ съ заключенными тамъ священными предметами и искупаться въ священныхъ водахъ. Смыслъ этого омовенія былъ тотъ, что погруженіе въ священныя воды омываетъ всѣ грѣхи и преступленія. Предпринимая подобное путешествіе, странники обыкновенно налагали на себя обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и воздержанія. Соблюденіе цѣломудрія — вообще одинъ изъ первыхъ обѣтотъ и законовъ буддійства для всякаго

духовнаго; а для того разряда буддійскихъ духовныхъ, которые составляютъ нѣчто среднее между духовными и свѣтскими людьми, существуютъ пять главныхъ религіозныхъ правилъ: 1) не убивать никакого живаго существо, 2) не красть, 3) не прелюбодѣйствовать 4) не лгать, 5) не пьянствовать; и, по буддійской казуистикѣ, четыре первые грѣха — грѣхи неизгладимые, не прощаемые. Окончивъ свое благочестивое путешествіе, странники эти обыкновенно возвращались въ монастыри, лѣса и пустыни, откуда вышли на странствіе, и гдѣ проводили всю свою жизнь. Всѣ эти черты вполнѣ повторены въ нашей былинѣ а Сорока Каликахъ со Каликой. По этой пѣснѣ, Калики живутъ въ монастырѣ, въ пустынѣ, и оттуда отправляются въ свое странствіе, а, по окончаніи его, снова возвращаются въ монастырь: «А изъ пустыни было Ефимьевы, изъ монастыря Боголюбова, начинали Калики наряжатися къ святому граду Іерусалиму»; а въ концѣ: «Собрались они и въ путь пошли, до своего монастыря Боголюбова, и до пустыни Ефимьевы». Цѣль ихъ странствія: «Святой святынѣ по молитися, Господню Гробу приложитися, въ Ердань-рѣкѣ искупатися» — это, переложенныя на христіянскіе нравы ,черты изъ обычаевъ индѣйскихъ монаховъ-странствователей» и т. п. (2, VII, 271—2).

Игуменъ Даніилъ Паломникъ тоже изъ монастыря пошолъ въ Іерусалимъ, и потомъ въ монастырь воротился; съ тою же цѣлью ходилъ онъ въ Іерусалимъ. Слѣдовательно и онъ индѣйскій монахъ-странствователь. Такихъ индѣйцевъ много было на Руси еще въ XII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Кюрикъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ходили бяху ротѣ, хотяче въ Іерусалимъ. Повелѣ ми опитемью дати: та бо, рече, рота губитъ землю сію».

И такъ, письменныя свидѣтельства не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что буддійство Каликъ перехожихъ существовало на Руси до Татаръ, и въ большомъ размѣрѣ.

На перекоръ историческимъ свидѣтельствамъ авторъ «Происх. русскихъ былинъ», утверждаетъ: «Наши былины имѣютъ преимущественно холоритъ *буддійскій*, или же языческій, а это объясняется именно тѣмъ, что буддійцами и язычниками были тѣ монгольскія и тюркскія племена, которыя нахлынули на Россію начиная съ XIII вѣка, и цѣлыхъ два столѣтія налагали на нее печать своего присутстія» (3, XIV, 343).

Такимъ образомъ, не смотря на существованіе на Руси монастырей въ XI и XII столѣтіяхъ, съ уставами и обѣтами *бѣдности, цѣломудрія и воздержанія*, не смотря на церковныя постановленія о

милостынѣ и нищенствѣ, наши предки познакомились со всѣми этими идеями и порядками не раньше, какъ въ XIII вѣкѣ, черезъ монголовъ, которые внесли къ намъ буддійство. Богатырей-Каликъ и богатырей-монаховъ отшельниковъ, Василья Буслаева, Данила Игнатьевича (Кирѣевск. 3, стр. 39 — 51) раскащики былинъ переняли изъ татарскихъ пѣсенъ и сказокъ о подвигахъ индѣйскихъ брахмановъ, подновленныхъ буддійскимъ колоритомъ? Не отсюда ли взялись и Пересвѣтъ и Ослябя въ Мамаевомъ побоищѣ. Не индѣйскимъ ли богатырямъ-монахамъ подражали и тѣ предпріимчивые подвижники, которые въ XV, XVI и даже въ XVII столѣтіи пролагали по Руси пути, и въ непрестанной борьбѣ съ мѣстными жителями, тамъ и сямъ строили часовни и пустыни?

Нѣтъ сомнѣнія, что разныя ученія древняго Востока могли перейти въ древнюю Русь, что эти ученія могли кое гдѣ затаиться въ преданіяхъ церкви и литературы; но все же на Русь пришли они черезъ Византію вмѣстѣ съ Синайскимъ и Скитскимъ Патериками, съ Исторіею о Варлаамѣ и Іоасафѣ Царевичѣ, съ арабскими сказками и т. п.

Но авторъ разбираемаго мною сочиненія не хочетъ знать никакихъ письменныхъ источниковъ для нашихъ былинъ. Эти народные разсказы передали въ копіи монгольское буддійство, но какимъ путемъ они его переняли — остается неизвѣстнымъ.

Судя по малымъ, самымъ ничтожнымъ остаткамъ татарщины въ нашемъ языкѣ, надобно полагать, что общеніе между русскими и монголами, умственное и литературное, было самое не значительное. Какимъ же образомъ, въ XIII или въ XIV столѣтіи, монгольскій оригиналъ, безъ знанія самого языка, могъ быть усвоенъ русскими раскащиками? Кто имъ его переводилъ? Какія имѣемъ мы на это историческія данныя? Правда, что высшія власти, князья и духовенство, сносились часто съ монголами, но заимствовали ли отъ нихъ пѣсни и сказки, въ такомъ количествѣ, чтобъ составить цѣлый циклъ былинъ — на то мы не имѣемъ въ лѣтописяхъ никакихъ намековъ. Если же такіе намеки имѣются, хотя бы въ незначительномъ числѣ; то почему авторъ не привелъ ихъ? А если бы кому изъ русскихъ случайно и были извѣстны монгольскія сказанія, то какимъ образомъ, въ глуши древней Руси, эти сказанія могли низойти до простонародья и охватить своимъ вліяніемъ громадныя пространства населенія?

Если такъ могущественна оказалась монгольская сила въ Русскихъ былинахъ, почему не проявилась она въ письменной словес-

ности нашей XIII и XIV вѣковъ? Почему монгольскій духъ не распространился въ русскихъ житіяхъ и легендахъ? Правда, Татарщина проглядываетъ, напримѣръ, въ житіи Петра Царевича Ордынскаго и въ нѣкоторыхъ другихъ, на что я обратилъ вниманіе въ «Историческихъ Очеркахъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ же, указываю я еще болѣе сильное вліяніе на наши легенды — западное, начиная уже съ XI или XII столѣтія.

Если Татарщина такъ мила была нашимъ раскащикамъ и всему русскому народу, что онъ усвоилъ ее себѣ, въ былинахъ, какъ національную собственность; то какимъ же это образомъ, въ тѣхъ же былинахъ, татарщина является въ самомъ гнусномъ и часто смѣшномъ видѣ, что татаринъ изображается обыкновенно пошлымъ дуракомъ, и что русскіе богатыри особенно любятъ колотить татаръ?

Если русскіе раскащики, въ такомъ видѣ, систематически умѣли передѣлать свои татарскіе оригиналы; то наши былины вовсе не такъ глупы и безсмыслены, какъ онѣ рекомендуются въ «Происхожденіе русскихъ былинъ».

III.

Чтобы очистить критическій обзоръ этого сочиненія отъ разныхъ могущихъ возникнуть недоразумѣній, надобно коснуться тѣхъ данныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ, которые, въ сравнительной параллели между Русью и Татарщиною, приводитъ авторъ въ 3-ей части своего изслѣдованья.

Прослѣдимъ эту параллель въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Вообще о цѣломъ циклѣ нашихъ былинъ въ изслѣдованіи сказано: «То, что̀ по прежнимъ понятіямъ, было признаваемо *исключительно* нашимъ достояніемъ, народнымъ нашимъ созданіемъ, такимъ созданіемъ, гдѣ въ самомъ корнѣ выразились національныя наши особенности — приходится признать теперь произведеньемъ *вполнѣ* иноземнымъ»; и за тѣмъ приводится общеизвѣстная мысль о сродствѣ народовъ по сказаніямъ, для пущей важности скрѣпленныя авторитетомъ Бенфея (II, 595).

Изслѣдователи, какъ хорошо извѣстно всякому занимающемуся литературою этого предмета, — въ основѣ преданій о Добрынѣ, Дунаѣ, Ильѣ Муромцѣ, видѣли общія индо-европейскія начала; но въ общей системѣ русскихъ былинъ не могли видѣть *произведенія вполнѣ иноземнаго*; потому что система эта твердо прикрѣплена къ русской землѣ и къ русской исторіи, и осмотрительно выдержана

во взаимномъ отношеніи богатырей между собою и къ князю Владиміру.

Князя Владиміра русскихъ былинъ авторъ приравниваетъ къ восточнымъ царямъ (V, 609); но тоже самое онъ могъ бы сказать и о Кельтскомъ Артурѣ, и англо-саксонскомъ Гродгарѣ; во многихъ Chansons de Geste рисуется самъ Карлъ Великій такъ же не привлекательно, какъ нашъ князь Владиміръ въ былинахъ. *Пиры* Владиміра авторъ называетъ *чертою слишкомъ ничтожною и несущественною* (V, 608). Напрасно. Это черта очень существенная, какъ показываютъ и пиры Гродгара и Круглаго Стола, и особенно тѣмъ для насъ важная, что ею наши былины прикрѣпляются къ древнѣйшему свидѣтельству лѣтописи объ этихъ пирахъ.

Странное дѣло: всѣ наши былины, въ разсыпную — копіи татарскихъ оригиналовъ, самыя пошлыя и безсмысленныя, каждая порознь, а всѣ вмѣстѣ сгруппировались около богатырей старшихъ и младшихъ, около князя Владиміра въ Кіевѣ, и независимо отъ него — въ Новѣгородѣ. Вотъ именно этотъ-то процессъ, въ силу котораго былины такъ сложились, и даетъ имъ высокое національное значеніе. Пусть Илья — крещеный татарченокъ, пусть Алёша — ренегатъ брахманъ, только оба они какою-то неудержимою силою тянутъ къ Кіеву, къ ласковому князю Владиміру, не знаютъ, не вѣдаютъ ни брахманства, ни буддійства, и терпѣть не могутъ татаръ и татарщины. Пусть всѣ наши богатыри — народъ заѣзжій съ далекаго Востока, только всѣ они познакомились между собою, сблизились и породнились на пирахъ князя Владиміра, у него на службѣ.

Авторъ не приписываетъ никакого значенія географическимъ названіямъ въ нашихъ былинахъ. Кіевъ, Новгородъ, Ильмень, Дунай — все это имена подставныя, безсмысленная замѣна разныхъ мѣстностей далекаго Востока (IV, 603 и слѣд.).

Мы уже знаемъ, на основаніи какихъ сближеній выведены эти результаты. Съ той же точки зрѣнія, Рязань — родина Добрыни, стала у насъ страною морскихъ Готовъ, откуда явился Беовульфъ; Кіевъ — столица Гродгара и т. д.

Подставныя русскія названія для восточныхъ оригиналовъ не могли явиться вдругъ. Нельзя, чтобы гдѣ нибудь въ нашихъ былинахъ не проглядывали, подъ позднѣйшею реставраціею, черты первоначальнаго оригинала. По чему авторъ не сдѣлалъ микроскопическихъ наблюденій надъ этими, можетъ быть, едва замѣтными чертами, и почему, къ явной выгодѣ для своей теоріи, не

сложилъ ихъ всѣ вмѣстѣ? Сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ — иное дѣло: тамъ самыя уже собственныя имена говорятъ въ пользу иностраннаго происхожденья. Напротивъ того, въ былинахъ мы вездѣ видимъ географическія имена русскія, и многія изъ нихъ, — напр. въ мѣстностяхъ, откуда происходятъ богатыри, какъ и куда ѣдутъ — систематически выдержаны.

По нашимъ былинамъ, князь Владиміръ, какъ князь Великій, постоянно пребываетъ въ Кіевѣ, и даритъ своихъ подручниковъ *городами съ пригородками* и *селами съ приселками* (Рыбн. 1, 18, 261). Лѣтописная память о частыхъ сношеніяхъ между Кіевомъ и Черниговомъ часто выражается сближеньемъ этихъ городовъ (Рыбн. II, 178), распрями между ними, какъ бы изъ временъ удѣльныхъ междоусобій (Кир. III, 34). Кіевъ соперничествуетъ съ Волынью (Рыбн. 1, 299 — 301). Дороги къ Кіеву и Новугороду (Кир. IV, 108) — это двѣ главныя; другія, относящіяся къ циклу Владимірову, три дороги — въ Муромъ, Черниговъ и въ Кіевъ (Кир. II, 70). Отношенія Новагорода къ Пскову и Москвѣ упоминаются въ былинахъ о Васильѣ Буслаевѣ (Рыбн. 1, 344); тамъ же городскія междоусобія на Волховскомъ мосту (Рыбн. 1, 346, 351). Все это и множество другихъ мѣстныхъ подробностей, которыхъ можно набрать на цѣлую монографію — служитъ неоспоримымъ доказательствомъ тому по крайней мѣрѣ, что Русскій народъ умѣлъ прочно и широко прикрѣпить къ своей землѣ чужія сказки. Впрочемъ и самъ авторъ не разъ упоминаетъ, какъ ловко пріурочиваетъ русская былина къ своей мѣстности чужое содержаніе. «Въ (восточной) легендѣ — говоритъ онъ — сокровища и драгоцѣнности, послужившія къ обогащенію героя, изображены подъ видомъ сандальнаго дерева, составляющаго одну изъ главныхъ статей торговли въ Индіи, и выброшеннаго моремъ: въ нашей былинѣ (о Садкѣ)— посредствомъ рыбы, добытой изъ Ильменя-озера, и принадлежащей къ числу важныхъ предметовъ новгородской торговли» — «Оба героя», индѣйскій и русскій, богатые купцы, члены особой купеческой гильдіи или общины: Садко — членъ «братчины Никольщины» въ Новгородѣ, Пурна — членъ «купеческаго общества» (corps des marchands, по Бюрнуфу) въ Сурпаракѣ» (2, VI, 257). И такъ, русская былина, даже по самому снисходительному сужденію автора, все же рисуетъ, не совсѣмъ глупо, русскій бытъ, прикрѣпляя индѣйскую сказку къ мѣстности Новгорода и къ условіямъ его жизни. Съ другой стороны, такъ же мѣтко характеризуютъ новгородскую жизнь былины о Васильѣ Буслаевѣ. А это-то

именно и значитъ, что былины служили для русскаго народа продолженіемъ лѣтописи, замѣняли ее. Если бы даже согласиться съ авторомъ, что всѣ собственныя имена географическія, съ ихъ характеристиками, въ нашихъ былинахъ замѣнили собою восточные оригиналы: то сколько надобно предполагать въ нашемъ народѣ такта, здраваго смысла и познаній, чтобы оріентироваться въ путанницѣ татарской тарабарщины, и извлечь изъ нея Кіевъ и Черниговъ — съ ихъ междоусобіями, Новгородъ съ рыбною торговлею и съ драками на Волховскомъ мосту и множество другихъ мѣстныхъ, этнографическихъ подробностей, которыя доселѣ всѣми изслѣдователями принимались за чистую монету?

Если все это переводъ восточныхъ названій, то пусть сдѣлаетъ намъ авторъ уступку, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что русская былина не такъ глупа и пошла, какъ она ему кажется.

Въ былинахъ упоминаются горы. «Но какое же значеніе — говоритъ авторъ — имѣютъ горы въ разсказахъ тѣхъ, въ чьемъ отечествѣ (какъ у русскихъ средней и южной Россіи) ихъ нѣтъ на лицо?» (2, IV, 605). А точно такое же, отвѣчаемъ, какъ и въ Словѣ о полку Игоровѣ, которое ему особенно нравится по правдѣ исторической и мѣстной. «О русская земля! уже за *шеломянемъ* еси». Это въ Словѣ о п. И.; а вотъ въ былинѣ:

А поѣдешь ты, Михайло, во чисто поле,
Выѣдешь ты на *шеломя* на окатисто,
А по русскому — на *гору* да на *высокую* (Кир. III, 46).

«Переходя къ дружинѣ княжеской и земской, — сказано въ изслѣдованьи (V, 610) — мы находимъ, что былины не даютъ намъ возможности выводить заключенія о томъ, что̀ такое была та и другая у насъ на Руси, *въ древнѣйшее время*, и именно *во время Владиміро*». Это было бы то же самое, что по романсамъ о Сидѣ составлять понятіе о его времени, или по Chansons de Geste XII или XIII столѣтія объ отношеніяхъ Карла Великаго къ его вассаламъ. Неужели авторъ «Происхожденія рус. былинъ» полагаетъ что поэмы о Дитрихѣ Бернскомъ или пѣсня о Нибелунгахъ составились во времена Теодорика и Зигурда? Еще разъ повторяемъ: былина не исторія; она критики не знаетъ и составляется часто многими столѣтіями позднѣе тѣхъ событій, о которыхъ повѣствуетъ. Ранія преданія, на которыхъ она нѣкогда основалась, пропали безвозвратно, и былина воспѣваетъ старину по старой памяти, но на новый ладъ.

Таковы въ нашихъ былинахъ сословія; такова и дружина. Въ ней есть и *атаманъ*, и *подъатаманье*, и *есаулъ* (Рыбн. 1, 2; Кир. IV, 6), и многія другія подробности, которыя по вѣкамъ и по принадлежности сортируетъ историческая и лингвистическая критика.

«Что касается до *заставъ* богатырскихъ, сказано въ изслѣдованьи (V, 613) — такъ часто упоминаемыхъ нашими былинами, что это опять-таки чисто-восточная подробность азіятскихъ поэмъ и пѣсенъ». Откуда бы это учрежденіе ни шло, съ востока или запада, но ему соотвѣтствуетъ въ Русской исторіи цѣлая система *сторожевой* охраны.

«Въ былинахъ — говоритъ авторъ (VI, 620) мы не имѣемъ описаній татарскихъ нашествій на древнюю Русь и изображеній татарской эпохи въ нашемъ отечествѣ». — «Тутъ не оказывается ничего списаннаго съ натуры, ни чего взятаго изъ дѣйствительности, совершавшейся въ XIII и XIV вѣкѣ на поляхъ и въ городахъ русскихъ» — «Это не только не картина нашествія татаръ на наше отечество или предшествовавшихъ имъ казаръ или печенѣговъ, но даже и не какое бы то ни было опредѣленное нашествіе: это вообще нападеніе одного азіятскаго племени на другое» и т. д.

Лирическій элементъ, столько говорящій въ пользу исторической правды былинъ о татарщинѣ, авторъ *откидываетъ, какъ постороннюю вставку*, которая, будто бы, не касается настоящаго вопроса.

Но эту-то именно *постороннюю вставку* я и принимаю за главное выраженіе той идеи, которая лежитъ въ основѣ сказанныхъ былинъ, которая вдохновляла пѣвцовъ и воспитывала въ массѣ слушателей національное чувство.

Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралось съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
А зачѣмъ мать сыра земля не пошлется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ коннаго
А и мѣсяцъ-солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго;
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть (Кирш. у Кирѣевск. 1, 70).

Тотъ же мотивъ, за выпускомъ лирическаго элемента, не разъ повторяется въ былинахъ, въ новомъ развитіи. Напр.

Нагнано-то силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ чернаго ворона;
И не можетъ пропекать красное солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
Вѣшнимъ долгіимъ денечкомъ
Сѣрому волку вокругъ не обрыскати,
Меженнымъ долгіимъ денечкомъ
Черну ворону этой силы не обграяты (Рыбн. 1, III).

Не ужели и эта похвальба татарскаго хана — *божьи церкви на дымъ спустить, чудны иконы въ плавь рѣки* — взята изъ восточнаго оригинала двухъ воюющихъ языческихъ племенъ?

А это торжество національнаго чувства, въ повѣствованіи о томъ, какъ разбитые на голову татары

..... на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!

— Не ужели и это вставочный, *лирическій элементъ, не касающійся настоящаго вопроса?* На какомъ же основаніи постоянно чувствуется онъ въ русской былинѣ? Для чего повторился онъ въ разсказѣ о Крымскомъ нашествіи, въ запискахъ англичанина Джемса: «Побѣжалъ еси, собака Крымскій царь, не путемъ еси не дорогою, не по знамени не по черному»?

Пусть уступитъ мнѣ авторъ «Происхожд. рус. былинъ» эти немногія *вставки*, по его мнѣнію, не идущія къ дѣлу. Для меня важны онѣ потому, что въ нихъ я вижу жизненность и живучесть нашихъ былинъ о татарщинѣ. Пусть эти былины передѣланы изъ восточныхъ оригиналовъ, но онѣ передѣланы такъ умно и ловко, что цѣлыя столѣтія могли питать въ русскомъ народѣ отвращеніе къ своимъ татарскимъ завоевателямъ?

Еще одно слово о татарщинѣ. Авторъ ищетъ въ нашихъ былинахъ опять современной картины татарскихъ погромовъ XIII и XIV столѣтій, и опять впадаетъ въ туже непонятную для насъ теорію, по которой испанскій романсъ, сложившійся въ XVI столѣтіи, долженъ рисовать точный портретъ суроваго рыцаря XI вѣка.

«Нельзя дѣлать изъ былинъ выводовъ о христіянскомъ элементѣ на Руси во Владимірово время» — сказано въ изслѣдованьи (VII, 621), очевидно въ назиданіе тѣмъ, которые, вмѣстѣ съ авторомъ, держатся упомянутой теоріи.

Правда, что ставянофилы уже слишкомъ щедро надѣляли нашихъ богатырей христіянскою благодатью. Илья Муромецъ, Добрыня, да и самъ пѣсенный князь Владиміръ — не болѣе, какъ тѣ же русскіе люди, которыхъ старинные «Христолюбцы» обличали въ *двоевѣріи*. Но сказать, что въ нашихъ былинахъ — «всѣ формы, на видъ какъ будто бы христіанскія, не что иное, какъ переложеніе на русскіе нравы и русскую терминологію, разсказовъ и подробностей вовсе не-христіянскихъ и не-русскихъ» (VII, 621) — это уже другая, еще горшая крайность.

Но опять пусть останется за авторомъ открытіе, что наши былины — копіи восточныхъ оригиналовъ. Мы уже знаемъ, на какихъ параллеляхъ зиждется это открытіе. Пусть же и онъ оставитъ за нами, по малой мѣрѣ, въ переложеніи на русскіе нравы, слѣдующія черты въ нашихъ былинахъ.

Илья Муромецъ проситъ у своего отца благословенья:

Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньице,
Я поѣду въ славной, стольной Кѣевъ градъ,
Помолиться чудотворцамъ Кѣевскимъ,
Заложиться за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру Хрисьянскую (Кирѣевск. I, 34).

Съ вѣрою нашъ богатырь соединяетъ добрыя дѣла:

Сколько я стоялъ за вѣру христіянскую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ, —
Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся (Кир. IV, 16).

Потому онъ не щадитъ тѣхъ, которые немилосердны къ слабымъ и несчастнымъ:

Ѣхалъ Илья на раздольице чисто поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
Полно-тко тобѣ слезить отцевъ-матерей,
Полно-тко вдовить женъ молодыхъ,
Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ (Рыбн. I, 61).

Такое же глубокое религіозное чувство человѣколюбія, проникнутое горькимъ раздумьемъ о своемъ жестокомъ для ближнихъ назначеніи, выражаетъ Добрыня Никитичъ въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ матери:

Ахъ ты ей, государыни, родна матушка!
Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
Спородила бы, государыня родна матушка,
Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
Спустила бы меня во сине море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ (Кирѣевск. II, 30—31).

И это тоже тѣ *грубыя, общія человѣку съ низшими животными*, чувства, больше которыхъ авторъ ничего не видитъ ни въ Добрынѣ, ни въ другихъ нашихъ богатыряхъ? Но объ этомъ рѣчь впереди; а теперь, ограничиваясь немногими выдержками изъ былинъ о христіянскомъ въ нихъ элементѣ, повторяю, что во всякомъ случаѣ, не смотря на искренность христіянскихъ чувствъ, все же наши пѣвцы и герои ихъ къ христіянству примѣшиваютъ язычество, какъ и весь православный людъ древней Руси, отлично охарактеризованный терминомъ *двоевѣрія*.

Это историческій фактъ, множество разъ засвидѣтельствованный въ писаніяхъ русскаго духовенства. Авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ», подмѣчая въ нашихъ былинахъ татарщину съ брахманствомъ и буддійствомъ, напрасно, для своей цѣли, не разсмотрѣлъ критически эти старинныя свидѣтельства. Въ нихъ онъ

долженъ бы былъ найти на свои вопросы отвѣтъ утвердительный или отрицательный.

Идемъ далѣе.

«Побудительныя причины дѣйствій у богатырей — сказано въ изслѣдованьи (IX, 627) — никогда не собственная удаль, не желаніе добыть себѣ геройскую славу — а только исполненіе княжескаго повелѣнія: князь приказалъ то-то или то-то, и богатырь, родъ военнаго раба или кондотьера, идетъ исполнять это приказаніе».

Напротивъ того, Добрыня, еще въ молодости, до своего прибытія въ Кіевъ, изъ собственной удали убилъ чудовищнаго змія; Илья Муромецъ, еще по пути въ Кіевъ, покорилъ Соловья-разбойника; оба они изъ удали же побиваютъ Бабу-Горынинку. Какъ прилично муромскому богатырю званіе военнаго раба, исполняющаго волю своего тирана, когда этотъ герой переколотилъ всѣхъ богатырей и такъ припугнулъ самаго князя, что тотъ не зналъ, куда дѣваться?

«Наши богатыри — сказано въ изслѣдованьи (IX, 629) — въ былинахъ не чувствуютъ никогда ни стыда, ни ревности, ни любви, ни удивленія, ни состраданія, ни радости, ни горести, не чувствуютъ потребности ни въ великодушіи, ни въ мщеніи, ни въ благодарности». И вотъ именно здѣсь то и присовокуплена та рукописная замѣтка, въ которой богатыри наши, по своему психологическому развитію, постановлены на ряду съ *кошками* и *собаками*.

Предоставляя другимъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, провѣрить критически всю эту *гамму* чувствованій и душевныхъ движеній, въ которыхъ авторъ отказываетъ нашимъ богатырямъ, а равно и другимъ дѣйствующимъ лицамъ въ былинахъ, — я приведу на выдержку изъ былинъ нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ будетъ явствовать, что эпическіе идеалы нашихъ предковъ были вовсе не такъ звѣроподобны.

Вся былина о единоборствѣ Ильи съ своимъ сыномъ проникнута самыми нѣжными ощущеніями *предчувствія*, *жалости* и *любви* отеческой и супружеской (Кирш. Дан., смотр. у Кирѣевск. I, 12—14). Пусть утверждаетъ авторъ, что она заимствована изъ Шахъ-Намэ. Здѣсь это вопросъ посторонній, и рѣшится онъ можетъ только въ связи съ вопросомъ о происхожденіи знаменитой пѣсни о Гильдебрантѣ. Для насъ важно то, что въ русской копіи (какими автору кажутся наши былины) удержаны и развиты благородныя, гуманныя отношенія и чувствованія.

Илья Муромецъ *великодушно прощаетъ* разбойникамъ ихъ злоумышленіе противъ него (Кирѣевск. I, 15—18, 23—24).

Онъ же *мститъ* боярамъ измѣнщикамъ (Кирѣевск. I, 70).

Сынъ *мститъ* за мать свою, которая на пиру была оскорблена своею знакомою (Кирш. Дан., у Кирѣевск. IV, 69—70).

Добрыня, изъ *любви* къ матери, тоже *мститъ* Алешѣ Поповичу и свои *нѣжныя сыновнія чувства* выражаетъ въ слѣдующихъ безподобныхъ словахъ:

«А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
Привозилъ ты вѣсточку не радостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича, —
Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежитъ чрезъ ракетовъ кустъ, —
Такъ тогда государыни родна матушка
Желешенько съ по мнѣ плакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое:
Съ этой вины тебѣ не прощу!»
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ.... (Кирѣевск. II, 39).

Нѣжную заботливость и любовь жены къ мужу былина выражаетъ, напр., въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ Садкѣ его женою:

Ай же ты, любимая семеюшка!
Полно тебѣ ѣздить по синю морю,
Тосковать мое ретливое сердечушко
По твоей по буйной по головушкѣ:
У насъ много есть имѣньица-богачества,
И ростетъ у насъ малое дѣтище (Рыбн. I, 370).

Въ нашихъ былинахъ, по автору, «мѣсто любви, влюбленія, занимаетъ одна физическая похоть.... богатыри никогда не влюбляются, а только берутъ себѣ женъ или любовницъ» (IX, 627). Утонченностей рыцарскаго обожанія, конечно, никто изъ понимаю-

щихъ древнюю Русь и ея поэзію не станетъ искать въ нашихъ былинахъ, которыя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи не многимъ уступаютъ нѣкоторымъ изъ самыхъ крупныхъ произведеній эпической поэзіи Романской, хотя и развивавшейся въ рыцарской обстановкѣ; каковы напр., эпизоды въ поэмѣ о Сидѣ, имѣющіе своимъ содержаніемъ отношеніе дочерей этого героя къ ихъ мужьямъ, или эпизодъ въ Chanson de Geste о грубомъ выраженіи страсти Роланда къ его невѣстѣ.

Но припомните, напримѣръ, какъ глубоко и трогательно наша былина выражаетъ тоску любви въ слѣдующихъ словахъ:

Ой ты мать сыра земля, розступися,
Небеса вы синіи, раздайтеся,
Облака-тучи, во едину не скопляйтеся!
Тошнехонько богатырской силѣ приходится,
Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати:
А вотъ первое-то горе, — палъ его могучій конь;
А второе того горѣ (*т. е. горше*), — изломался его тяжелый мечъ;
А третье-то горе, — *обуяла имъ страсть побѣдная*,
Приглянулася ему Марья, Лебедь Бѣлая (Рыбн. II, 128).

«Въ числѣ утратъ нашихъ былинъ, сравнительно съ восточными оригиналами — сказано въ изслѣдованьи (IX, 632) — нельзя не указать на утрату большей части описаній природы. Наши былины довольствуются однимъ лаконическимъ упоминаніемъ о днѣ, ночи, вечерѣ или утрѣ, и *никогда* не останавливаются на самыхъ картинахъ дня, ночи, вечера или утра».

Неправда. Вотъ тому доказательства:

Тутъ заря зарумянилась,
Бѣлыя облака закудрявились:
Выѣзжае на поле на зеленое
Дюкъ Степановичъ на добромъ конѣ (Рыбн. I, 313).
На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Отъ сна Илья пробуждается (Кирѣевск. I, 7).

Продолжаю выписку изъ «Происхожденія русскихъ былинъ»:

«При ихъ стремленіи (т. е. нашихъ былинъ) разсказать только голый, сырой фактъ, всякія поэтическія подробности излишни, неумѣстны. Совсѣмъ другое дѣло въ поэмахъ и пѣсняхъ Востока.... Въ пѣсняхъ разныхъ южно-сибирскихъ народовъ тюркскаго племени рѣдкая пѣсня не содержитъ такихъ фразъ и выраженій, какъ: «Взошла жолтая заря, поднялось сверкающее солнце, началось голубое утро, поднялось лучезарное солнце» и т. д. Въ киргизскихъ пѣсняхъ мы тоже читаемъ: «Сдѣлалось темно, наступила ночь, потомъ опять стало свѣтлѣть, началъ заниматься день, и, краснѣя багровымъ свѣтомъ, поднялось солнце»; «Краса рѣки — это зелень деревъ; краса человѣка — это одежда и богатый скотъ». Въ пѣсняхъ минусинскихъ татаръ очень часто можно встрѣтить такія картинныя мѣста, какъ напримѣръ: «Тутъ богатырь Ала-Картага поскакалъ такъ шибко, что всѣ земли качались, какъ вотъ качается люлька, — качались тоже и моря, что̀ лежали по дорогѣ»; или: «качаясь задрожала черная земля, стали ломаться деревья по лѣсу, пошолъ вой и грохотъ въ воздухѣ, и съ ревомъ поднялись волны морскія и залили степь». Можно ли указать на что-нибудь подобное въ нашихъ былинахъ?» (IX, 632—633).

Конечно, можно. Напримѣръ:

Побѣжалъ тутъ Алеша чрезъ широку степь.
Среди той широко̀й степи
Стоялъ сырой дубъ креко̀вистый.
На томъ дубу, на креко̀вистомъ,
Тутъ сидѣла птица вѣщая,
Птица вѣщая — черёнъ воронъ.
Онъ съ крыла на крыло перелетываетъ,
Съ ноги на ногу воронъ переступываетъ (Кирѣевск. II, 80).
Прямоѣзжая дороженька заколодила,
Заколодила дорожка, замуравила;
Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивать,
Черный воронъ не пролетывать:
Какъ у тоя у Грязи у Черныя,
У тоя у березы у покляпыя,
У славнаго креста у Леванидова,
У славненькой у рѣчки у Смородинки,
Сидитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:

Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
Что есть людешекъ, всѣ мертвы лежатъ (Рибн. I, 55).
А сидѣло это чудище на девяти дубахъ,
Что̀ вершинами въ небо взвиваются;
Засвиститъ чудище въ полствиста —
Замретъ листъ въ зеленомъ лѣсу (Кирѣевск. IV. 3).
Изъ-подъ дуба, дуба, дуба сыраго,
Изъ-подъ того камешка, сподъ яхонта,
Выходила-выбѣгала мати Волга рѣка,
Устьемъ бѣжитъ-то въ сине море (Рибн. I, 326).
Какъ пріѣзжали они ко рубежу Московскому,
Раздернули они шатры бѣлополотняны,
Спустили добрыхъ коней
Во Московскія въ травки во шелковыя,
Во Московскія пшеницы бѣлоярвы,
И стоятъ-дожидаютъ осени богатыя,
Богатыя осени хлѣбородныя,
Когда будетъ баранъ тученъ, овесъ ядренъ,
Когда повыростутъ пшеницы бѣлоярвы (Рибн. I, 432).

«Но едва ли не самая замѣчательная утрата нашихъ былинъ, въ сравненіи съ восточными ихъ первообразами — сказано въ изслѣдованьи (IX, 633) — состоитъ въ томъ, что изъ былинъ, въ числѣ разныхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, выкинутыхъ вонъ, какъ что-то несущественное, совершенно исчезъ вездѣ и *народъ*». Въ рукописной при этомъ вставкѣ дѣлается исключеніе для эпизодовъ, будто бы заимствованныхъ изъ Еруслана Лазаревича, — въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ и о Васильѣ Буслаевѣ.

Исключеній наберется гораздо больше, и такихъ, въ которыхъ является народъ, какъ дѣйствительная сила, политическая и нравственная. Напримѣръ: мужики Бекетовцы или Черниговцы предлагаютъ Ильѣ Муромцу быть у нихъ воеводою (Рыбн. I, 46, 55). Безподобная былина о томъ же богатырѣ, у Рыбн. во II-мъ томѣ, стр. 323—345, вся проникнута протестомъ народныхъ элементовъ противъ преобладанія князя и его дружины. Дюкъ Степановичъ отправляется въ Кіевъ —

. . . . . Богу молитися,
Со честнымъ народомъ вольно-Кіевскимъ гоститися (Рибн. II, 131).

Народъ не терпитъ богатырей. Князь Владиміръ беретъ сторону народа, и отсылаетъ богатырей на Куликово поле:

Отправлялись тутъ могучіе богатыри
Что на поле на Куликово.
Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить:
Разгуляются, распотѣшатся,
Распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать;
А такія потѣхи богатырскія
Народу было не вытерпѣть,
Котораго толкнутъ — тому смерть да смерть:
Отправлялъ тутъ ихъ Владиміръ князь (Кирѣевск. I, 63).

Приравнивая архитектурныя данныя въ нашихъ былинахъ къ восточнымъ образцамъ, авторъ, между прочимъ говоритъ слѣдующее о полахъ: «Про нашъ полъ говорится, что онъ серебряный, про монгольскіе и калмыцкіе, что они лапись-лазуревые: и тѣ и другіе должны изображать настоящую воду. Этотъ мотивъ пола, будто-бы состоящаго изъ воды, очень древенъ на Востокѣ. Уже въ Магабгаратѣ мы читаемъ, что царь Судіодхана, разсматривая дворецъ братьевъ Пандуидовъ, полный разнообразныхъ чудесъ и неожиданностей, пришолъ въ одну залу, гдѣ полъ былъ хрустальный. Не подозрѣвая этого, онъ сказалъ про себя: да это вода! приподнялъ полы платья, и обошолъ такимъ образомъ всю залу кругомъ, но упалъ по нечаянности, и тутъ только узналъ свою ошибку, а между тѣмъ хозяева хохотали надъ нимъ.... Этотъ-то самый мотивъ древне-азіятскихъ дворцовъ перешелъ изъ позднихъ его редакцій, монгольскихъ или калмыцкихъ, и къ намъ, и такимъ-то образомъ мы получаемъ объясненіе одного выраженія нашихъ былинъ: «полъ — середа одного серебра». Взятое само по себѣ, отдѣльно, это выраженіе темно и непонятно; но оно становится вполнѣ ясно при сравненіи съ восточными оригиналами: *середина*, сдѣланная изъ серебра, изображала собою воду, а *кругомъ* этого подобія настоящей воды, шла полоса пола, уже не похожая на воду». (XI, 644.)

Если бы авторъ не разбросался въ своихъ изслѣдованьяхъ по далекимъ степямъ монгольскимъ и калмыцкимъ, а сосредоточился бы на источникахъ ближайшихъ; то его изслѣдованье много бы выиграло въ точности и въ научной обработкѣ предмета. Тогда не нужно было бы попусту тратить остроуміе въ этихъ опытахъ надъ *водяною серединою*; не нужно бы было черезъ далекія степи

азіятскія пересылать къ намъ изъ Магабгараты этотъ анекдотъ о принятіи прозрачнаго пола за воду. Если автору «Происхожд. русскихъ былинъ» *темно и непонятно* выраженіе *полъ-середа*; то это еще не значитъ, что никто изъ говорящихъ по русски его не понимаетъ, и что для объясненія его надобно тянуться до самой Магабгараты. Русскій народъ, по областному говору, и доселѣ употребляетъ *середъ*, *середа* — въ смыслѣ пола, потому *середа* можетъ быть не только *серебряная*, т. е. похожая на воду, но и *кирпичная*, на водё нисколько не похожая; напр. «По *середу кирписьному* онъ запохаживалъ» (Кирѣевск. III, 42). Что же касается до анекдота изъ Магабгараты, будто бы принесеннаго къ намъ монголами и калмыками; то, чтобы утверждать это, сначала надобно было бы критически изслѣдавать соотвѣтствующее этому анекдоту, въ византійскихъ хронографахъ повѣствованіе о Царѣ Соломонѣ и о Южской Царицѣ: «слышавъ же Соломонъ приседшю царицю сѣдъ на полатахъ *стекла бѣлаго*, хотя бо искусити ю; она же видѣ, яко *въ водѣ* сѣдитъ царь» и т. д. (По рукоп. 1494 г. въ Румянц. Муз. № 453).

Извѣстную подробность въ нашихъ былинахъ при описаніи палатъ: «На небѣ солнце — въ теремѣ солнце» и т. д., которую Профессоръ Шевыревъ сближалъ съ описаніемъ Гомерическимъ, — авторъ «Происхожд. русскихъ былинъ» объясняетъ восточными сказаньями о свѣтящихся камняхъ (XI, 648), и далѣе, въ другомъ мѣстѣ, самый эпитетъ камня *самоцвѣтный* весьма остроумно принимаетъ за *самосвѣтный*, т. е. свѣтящійся самъ собою и освѣщающій (XI, 306). Дѣйствительно, Востокъ былъ родиною сказаньямъ и самосвѣтныхъ и другихъ чудодѣйственныхъ камняхъ; но опять-таки на Русь пришли эти сказанья черезъ Византію, еще въ Изборникѣ Святославовомъ 1073 г., изъ котораго статья Епифанія *О двѣнадцати камняхъ* не переставала быть популярною на Руси даже до XVII столѣтія включительно, чему доказательствомъ служатъ наши Азбуковники и Лѣчебники, куда эта статья вносилась. Въ трехъ стрѣлахъ Дюка Степановича было вставлено въ ушахъ *по широну камеию*, по дорогу *самоцвѣтному*. И потому *въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ*. Тоже самое въ сказанной статьѣ Епифанія повѣствуется о камнѣ анфраксѣ: ночью издалека онъ свѣтится, будто уголь съ искрами.

Пусть занесли въ наши былины сомоцвѣтный камень полчища Чингисхана; но авторъ разбираемаго мною сочиненія обязанъ былъ упомянуть, что этотъ подарокъ для нашихъ предковъ былъ уже не новостью.

О порядкѣ, въ какомъ князь и его собесѣдники сидятъ за столомъ на пиру въ изслѣдованьи сказано: «Почетнѣйшимъ мѣстомъ почитается у насъ мѣсто *вверху стола*, не почетное мѣсто — *внизу*, *по край стола*. Это самое мы встрѣчаемъ въ *Гессеръ-Ханѣ* и въ *Джангунѣ*» (XI, 652). Какъ въ былинахъ, такъ доселѣ и въ областномъ быту слыветъ *большой уголъ* или *большо-уголъ* — гдѣ поставлены иконы, *верно-уголъ* (*дверной уголъ*) — ближе ко дверямъ, *печно-уголъ* — противъ устья печки (Рыбн. 1, 339). Кромѣ того, у князя Владиміра были за столомъ мѣста *для бояръ* и *для боярскихъ дѣтей* (Кирѣевск. IV, 47).

Если и устройство русской избы, въ которой оріентируется русскій людъ иконами и печкою, если и мѣстничество на пирахъ — занесено къ намъ татарами; то относительно былинъ все же можемъ мы утверждать, что онѣ выражаютъ то, что въ наличности предлагала русская жизнь. Татарщина создала русскую избу и русское мѣстничество, а былина то и другое передала въ своихъ разсказахъ. Стало быть—она не копія татарскихъ оригиналовъ, а возсозданіе отатарившейся русской жизни.

По поводу яствъ на богатырскихъ пирахъ, въ изслѣдованьи сказано: «*гуси* — *лебеди*, обычный предметъ охоты нашихъ богатырей и лакомое блюдо на пирахъ, играютъ такую же роль и въ тюркскихъ, особенно киргизскихъ поэмахъ и пѣсняхъ» (XI, 654). Что же отсюда слѣдуетъ? И авторъ Слова о полку Игоревѣ заставляетъ своего героя «избивать *гусей и лебедей* къ завтраку, обѣду и ужину»; а это произведенье, по своимъ высоко поэтическимъ достоинствамъ, какъ возсозданіе русской жизни, особенно чествуется въ «Происхожд. русскихъ былинъ». Если гуси — лебеди прилетѣли на Русь вмѣстѣ съ татарскими полчищами; то какъ же они попали въ Слово о полку Игоревѣ? Если авторъ изслѣдованья особенно чествуетъ это Слово, то почему забылъ о немъ тамъ, гдѣ такъ легко было о немъ вспомнить?

Особенно въ богатырскомъ *конѣ* авторъ видитъ рѣшительное вліяніе монгольскихъ сказаній на наши былины. Воины древней Руси, говоритъ онъ: «были по преимуществу пѣхотинцы или ѣздили на судахъ: въ противоположность этому, богатыри русскихъ былинъ никогда не являются пѣшими или на судахъ, и всегда описываются конными. Конь у нихъ столько же неизбѣженъ, играетъ точно такую же наиважнѣйшую роль, какъ и у Персовъ, а еще болѣе какъ у Монголовъ, Калмыковъ, Киргизовъ, Татаръ и всѣхъ сибирско-тюркскихъ народовъ, по ихъ поэмамъ и пѣснямъ».

«Вслѣдствіе заимствованій у этихъ послѣднихъ народовъ, наши былины и наполнены безчисленными подробностями, свидѣтельствующими о такомъ значеніи коня, какого въ нашей дѣйствительности никогда не было, такъ какъ русскій народъ кочевымъ не былъ, и никогда не проводилъ жизни среди конскихъ табуновъ» (XI, 656—657).

Очень вѣроятно, что нѣкоторыя подробности о бытѣ наѣздническомъ въ русскомъ эпосѣ развились подъ вліяніемъ сосѣднихъ степныхъ кочевниковъ, начиная отъ Печенѣговъ и Половцевъ и оканчивая позднѣйшими племенами монгольскими, татарскими и др. Но первоначально, не зависимо отъ восточныхъ кочевниковъ, конь всегда былъ существенною принадлежностью русскаго героя. Древнѣйшее преданье еще Олегу Вѣщему приписываетъ любимаго коня. Въ Русской Правдѣ есть особая статья о томъ «Оже кто всядеть на чюжь конь». Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи дѣтямъ» свидѣтельствуетъ что и самъ онъ и его дѣти ѣзжали на коняхъ. По Слову о полку Игоревѣ, Сѣверскіе князья отправились въ походъ противъ Половцевъ на коняхъ: князь Всеволодъ говоритъ Игорю: «Сѣдлай, брате, свои *бръзыи комони*, а *мои* ти готови, осѣдлани у Курьска напереди». Игорь и изъ Половецкаго плѣна возвращается на конѣ же. Въ лѣтописяхъ употребляются даже эпическія выраженія, взятыя изъ быта наѣздническаго. Какъ *пить шеломомъ* значило идти въ походъ по рѣкамъ, совершать подвиги, такъ и *поить коня*; напр. въ лѣтоп. Новгор. «не выдадите ли (бояръ), а я *поилъ* есмь *конь* Тьхверью, а еще Волховомъ *напою*» — такъ говоритъ князь Георгій Новгородскимъ посламъ, стр. 41. Какъ дорожили наши предки знаменитыми конями, видно изъ свидѣтельства лѣтописи о томъ, какой шерсти были нѣкоторые кони у князей. Такъ у Мстислава былъ *сивый*, у Даніила *гнѣдой*, смотр. Ипат. ст. 161, 174. Князья воздавали честь своимъ любимымъ конямъ погребеньемъ: «Конь же его, язвенъ велми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрей, жалуя комоньства его (*варіантъ*: коня своего) повелѣ и погрести надъ Стыремъ» Ипат. 47.

Не отъ татаръ наши предки заимствовали преданья о чудодѣйственнѣхъ коняхъ. Эти преданья испоконъ вѣку существовали у Славянъ. Въ кипищѣ бога Свѣтовита помѣщался *бѣлый конь*. Только верховный жрецъ могъ его кормить и на немъ ѣздить. Тутъ же хранились *узда* и *сѣдло*. Славяне вѣрили, что на этомъ *конѣ Свѣтовитъ ведетъ войну;* потому конь, на ночь оставляемый въ стойлѣ, часто по утру былъ покрытъ пѣною и грязью, будто онъ во-

ротился изъ далекаго пути. При наступающей войнѣ *коня спрашивали объ успѣхѣ войны* — слѣдующимъ образомъ: передъ храмомъ втыкали жрецы въ землю тройной рядъ копій, острымъ концомъ. По совершеніи торжественной молитвы, жрецъ за узду выводилъ Свѣтовитова коня изъ воротъ: если конь шагнулъ черезъ копья сначала правою ногою, а потомъ лѣвою, — это былъ счастливый знакъ; а если наоборотъ — лѣвою, то — несчастный. Въ Сербскомъ эпосѣ юнацкіе кони еще чудодѣйственнѣе, чѣмъ въ русскихъ былинахъ у нашихъ богатырей. Между Сербскими конями, напримѣръ, пользовался знаменитостью *крылатый конь* Момчила. А достался ему этотъ конь слѣдующимъ образомъ. Около одного озера паслись кобылы Момчиловы. И повадился по ночамъ выбѣгать изъ озера Крылатый конь (праотецъ нашей *Вѣщей Бурки*), и гонялся за Момчиловыми кобылами, и послѣ каждаго раза, чтобъ кобыла не ожеребилась крылатымъ приплодомъ, вышибалъ ей зародышъ, ударяя ногами въ животъ. Но разъ случилось удержать вѣщаго коня отъ роковаго удара, и кобыла ожеребилась крылатымъ конемъ, который сверхъ того умѣлъ и говорить человѣческою рѣчью.

Наконецъ, чтобы разширить эти славянскія преданья сродствомъ индо-европейскимъ, укажу на греческаго Пегаса, Скандинавскихъ Свадильфари и Слейпнира и т. п.

Пусть татарщина одѣла русскаго богатырскаго коня въ татарскую сбрую, но самъ онъ въ нашихъ былинахъ — доморощенный, племени и заводу индо-европейскаго, вмѣстѣ съ конями Момчила, Одина и другихъ героевъ индо-европейскаго эпоса.

«Былины наши — сказано въ изслѣдованьи (XI, 663) — не говорятъ про *мечъ*, обоюду-острое коренное оруженіе Славянъ, извѣстное уже и Нестору: постоянно упоминаются *сабли*, оружіе восточное». Правда, это противоположеніе мы встрѣчаемъ и у насъ, въ извѣстной сказкѣ о Казарахъ, и на Западѣ, напримѣръ, въ Вальтерѣ Аквитанскомъ. Но съ какою цѣлью приводитъ это отличіе авторъ «Происхожд. русскихъ былинъ»? Если съ тою, чтобы скрѣпить любимую свою мысль о татарщинѣ нашихъ былинъ; то опять обличаетъ его столько чтимое имъ Слово о полку Игоревѣ, которое положительно свидѣтельствуетъ, что у воиновъ сѣверскаго князя Всеволода были *сабли изъострени*.

Сверхъ того въ былинахъ не только дерутся мечами, но и *мечами кладенцами* (Рыбн. II, 128—129).

«*Соболя* у насъ, на югѣ, не водилось, по крайней мѣрѣ около

Кіева — сказано въ изслѣдованьи (XI, 293), — а между тѣмъ, въ былинахъ онъ занимаетъ точно такое же мѣсто, какъ въ пѣсняхъ сибирско-тюркскихъ». Это опять таже теорія, по которой позднѣйшая chanson de Geste должна быть вѣрнымъ зеркаломъ бытовыхъ подробностей времени Карла Великаго. Если будемъ искать намековъ въ до-исторической древности, то укажемъ на свидѣтельства восточныхъ писателей о торговлѣ на Руси соболями; если, какъ и должно, сблизимъ былины съ русскимъ бытомъ XVI и XVII столѣтій, то не оберемся историческихъ данныхъ, указывающихъ на употребленье нашими предками собольихъ мѣховъ.

Вообще надобно замѣтить, что къ числу подновленій въ нашихъ былинахъ принадлежитъ и костюмъ.

«Важную и видную роль въ былинахъ играетъ *побратимство* богатырей — сказано въ изслѣдованьи (XI, 298): этотъ обычай извѣстенъ всей древней Азіи, но, кажется нигдѣ онъ такъ часто не встрѣчается, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ.» — Что же изъ этого слѣдуетъ? Обычай этотъ господствовалъ и въ Скандинавіи, между обрядами древнѣйшими, еще языческими. Его находимъ и у соплеменныхъ намъ Славянъ. Сверхъ того, побратимы въ русскихъ былинахъ *крестами братаются* и называютъ другъ друга *братцами крестовыми* (Рыбн. I, 277. 280). И все это татарщина?

«Особенность нашихъ богатырскихъ боевъ та, что побѣдитель (естественнымъ образомъ, *всегда* русскій богатырь) хватаетъ своего врага и бросаетъ его «выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго», садится побѣжденному на грудь и убиваетъ его своеобразнымъ способомъ: «скоро споролъ ему груди бѣлыя, *вынималъ у него сердце* съ печенью, скоро затмилъ очи ясныя». Все это — сказано въ изслѣдованьи (XI, 300) — боевые пріемы монгольскихъ о тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ, особенно тюркскихъ». — Вырѣзывать у врага сердце — исконный обычай въ скандинавской жизни и поэзіи, какъ подробно описалъ его Вейнгольдъ въ своей превосходной книгѣ, изъ которой сравненія съ русскими литературными источниками я предложилъ въ 1-мъ томѣ «Историческихъ Очерковъ».

Какъ противорѣчіе русскому быту въ былинахъ, авторъ изслѣдованья указываетъ на то, что наши пѣвцы и музыканты поютъ или играютъ на гусляхъ *по одиночкѣ*, а не *хоромъ*. «Между тѣмъ — присовокупляетъ онъ (XI, 301) — *пѣніе хоромъ*, эта отличительная черта всѣхъ славянскихъ народовъ, и особенно русскаго, непремѣнно должна бы стоять на первомъ планѣ, при описаніи пировъ,

пирушекъ и всякихъ вообще праздниковъ, еслибъ былины созданы были кореннымъ нашимъ народнымъ творчествомъ». Въ Словѣ о полку Игоревѣ авторъ видитъ коренное народное творчество, а и этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ намъ объ *одиночномъ* Бояновомъ пѣніи и игрѣ на гусляхъ.

«Едва ли не единственное исключеніе — здѣсь же прибавлено авторомъ въ примѣчаніи — составляютъ веселые скоморохи, цѣлой толпой играющіе на гусляхъ и поющіе, въ пѣснѣ о *гостѣ Терентьищѣ*». — А на свадьбѣ у Алеши Поповича, какъ свидѣтельствуетъ былина?

Вси въ гудки играютъ, и вси увеселяютъ,
Начали гудосьниковъ удабривать и проч. (Кирѣевск. II, 13).

«Сибирско-тюркскія пѣсни говорятъ намъ про *горизонтально лежащія арфы* — сказано въ изслѣдованьи (XI, 301): значитъ, мы подъ ними и должны разумѣть наши многострунныя гусли». Рѣшительно нельзя понять, для чего это сказано. Если не болѣе, какъ для того, чтобы сообщить новость о сибирскомъ бытѣ, то она не лишена нѣкотораго интереса. Если же для того, чтобъ и русскія гусли вывести изъ татарскихъ степей; но сначала надобно было бы доказать, что оттуда же добылъ себѣ *горизонтально лежащую арфу* царь Давидъ, на миніатюрѣ славянской рукописи Козмы Индикоплова XVI вѣка. Смотр. снимокъ въ «Историч. Очеркахъ» II, стр. 325.

Играть въ шахматы наши богатыри, по мнѣнію автора, выучились тоже у Татаръ (XI, 303). Какъ бы то ни было, но древняя Русь слышала объ этой игрѣ еще изъ Византіи, а потомъ въ былинахъ прослыла эта игра *тавлеями нѣмецкими*, а *тавлея*, по Миклошичу: лат. tabula, новогреч. ταβλί, τάβλα, древне-верхне-нѣм. zabal, tavala, средне-нѣм. zabel, tavele. Спрашивается: съ какою цѣлью раскащики татарскую игру назвали европейскимъ словомъ? Вѣдь сначала надобно рѣшить именно это самое, чтобъ потомъ утверждать то, что утверждаетъ авторъ. Этого требуетъ лингвистическая критика, которая служитъ основою изслѣдованьямъ по народной поэзіи.

Касательно слова *богатырь* существуютъ два мнѣнія. Одни ученые видятъ въ немъ восточное слово, принесенное къ намъ монголами; другіе — собственно русское, родственное восточному по первобытному индо-европейскому сродству. Приводимыя авторомъ

доказательства въ пользу перваго мнѣнія (въ рукописной вставкѣ къ XI, 309) — не новость въ наукѣ, и я остаюсь при прежнемъ убѣжденіи (высказанномъ мною въ рецензіи на Словарь Иностран. словъ Миклошича, въ Журн. Мин. Нар. Просв.), что это слово славяно-русскаго самороднаго происхожденія.

Авторъ полагаетъ, что *характерныя числа*, т. е. 3, 7, 9, 30, 40, 41, вошли въ наши былины тоже изъ татарскихъ пѣсенъ (XI, 309—314). Едва ли требуетъ опроверженія эта непонятная для меня крайность увлеченія татарщиною. Во всемъ индо-европейскомъ эпосѣ, по всѣмъ его національнымъ развѣтвленьямъ, встрѣчаемъ мы характерныя числа 3, 7, 9, 30. Чтожъ мудренаго, если тоже встрѣчается и въ пѣсняхъ азіятскихъ кочевниковъ?

«Характеристическую черту тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ — говоритъ авторъ — составляетъ число 40». Что же изъ этого? И скандинавы, по Вейнгольду, считали пушные мѣха *сороками*, какъ у насъ въ былинахъ говорится въ эпической формѣ: «сорокъ сороковъ черныхъ соболей». Но здѣсь вотъ на что слѣдовало бы автору «Происхожд. русскихъ былинъ» обратить вниманіе. Всѣ числа, состоящія изъ десятковъ, выражаются у насъ словами сложными, чисто славянскаго происхожденія, каковы *два-дцать*, *три-дцать*, *пять-десять*, *шесть-десять* и т. д., и въ этой-то лѣствицѣ чиселъ только одно *сорокъ* стоитъ особнякомъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ отъ новогреч. σαράκοντα. Не вѣрнѣе ли этимъ путемъ искать рѣшенія вопроса о характерномъ у насъ числѣ *сорокъ?* Во всякомъ случаѣ, авторъ изслѣдованія долженъ былъ предупредить это возраженіе, для того, чтобы потомъ сознательно обратиться къ тюркскимъ нарѣчіямъ.

«Здѣсь (т. е. въ нашихъ былинахъ) *зима*, ледъ, морозъ, не только не играютъ никакой роли, но даже вовсе не упоминаются, точно будто дѣло происходитъ не въ Россіи, а въ какомъ то жаркомъ климатѣ Востока». При этомъ авторъ изслѣдованья дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «о *зимѣ и снѣгѣ* говорится въ былинахъ *едва-ли не всего одинъ только разъ*, а именно въ одномъ разсказѣ о Чурилѣ Пленковичѣ: «что съ вечера пороша порошила» и проч. (XIII, 335). Опять не точность. Въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ читается:

Пойдемъ, братецъ, по двору,
Сожмемъ снѣгу по́ кому (Кирѣевск. II, 65).

Въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ:

Выпала пороха снѣгу бѣлаго,
По той по порохѣ, по бѣлу снѣгу,
И лежатъ три слѣда звѣринье и проч. (Кирш., у Кирѣевск. III, 22).

«Ни *мховъ* и *болотъ*, ни плодородныхъ земледѣльческихъ мѣстностей былины *нигдѣ* не рисуютъ» — утверждаетъ авторъ изслѣдованья (XIII, 335), забывая эти превосходныя характеристики, которыми, то начинаются, то оканчиваются наши былины:

А мхи были болота въ Поморской стороны,
А тая эта зябель въ Полъ-сиверной стороны,
Гольныя щелья въ Бѣлу-Озеру... (Рыбн. I, 325).
Сильные-могучіе богатыри въ Кіевѣ,
Церковное пѣнье въ Москвѣ городѣ;
Славный звонъ въ Новѣ-городѣ;
Сладкіе поцѣлуи Новоладожанки;
Гладкіе мхи къ синю морю подошли;
Щалье-каменье въ Сѣверной сторонѣ (Рыбн. II, 44).

Если авторъ скажетъ, что это только прелюдіи, случайныя вставки; то все же входятъ онѣ въ былины; а хлѣбородная осень, какъ было показано, рисуется въ самой былинѣ. Наука прежде всего требуетъ точности и осмотрительности; потому не слѣдовало автору утверждать, что всего этого былины *нигдѣ* не рисуютъ.

Автору «Происхожденія русскихъ былинъ» не нравится Микула Селяниновичъ (XIII, 335). О вкусахъ не спорятъ; но чтобъ признать былины объ этомъ богатырѣ ничтожными въ разсужденіи характеристики русскаго быта, то слѣдовало автору сначала, для своего мнѣнія, очистить мѣсто строгою критикою мнѣній другихъ изслѣдователей; и сверхъ того не утверждать такихъ вопіющихъ сущности дѣла противорѣчій: «онъ покалачиваетъ все *мужиковъ*, чѣмъ самымъ проводится рѣзкая черта между ими и имъ самимъ».

Можно ли голословно, безъ оговорки, имѣть рѣшимость такъ рѣзко противорѣчить фактамъ, когда сама былина устами самаго Микулы Селяниновича говоритъ слѣдующее объ отношеніи его къ *мужикамъ*:

Ай же, Вольга Святославговичъ!
А я ржи нацашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу.

Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и *мужичковъ напою.*
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ (Рыбн. I, 21—22).

«Деревянныхъ построекъ въ былинахъ нѣтъ — сказано въ изслѣдованьи, все на той же страницѣ: кромѣ случайнаго развѣ упоминанія, *вскользь*, избы морскаго царя въ подводномъ царствѣ: но это лишь одинъ изъ позднихъ варіантовъ. Терема же Соловья Будимировича произведенье не русскихъ, а иностранныхъ, пріѣзжихъ работниковъ». Авторъ смотритъ на народную былину рѣшительно какъ на исторію, и требуютъ отъ нея такой этнографической точности, чтобы въ ней каждый народъ строилъ себѣ хоромы по своему, на точныхъ правилахъ архитектуры.

Любопытно бы было приложить эту теорію къ французскимъ Chansons de Geste!

«Коренныхъ подробностей дѣйствительно славянскаго и русскаго національнаго быта и жизни — въ нашихъ былинахъ, по мнѣнію автора — также нѣтъ» (XIII, 336).

Чтобы опровергнуть это голословное обвиненіе нашихъ былинъ въ отсутствіи подробностей національнаго быта, слѣдовало бы привести здѣсь всѣ эти подробности. Но такой трудъ составилъ бы обширную монографію, которая по объему не уступила бы разбираемому мною сочиненію. Предоставляя это дѣло другимъ, ограничиваюсь здѣсь немногими выдержками.

Описаніе того, какъ пожни чистятъ и какъ пашутъ:

Пошолъ Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо пахъ отъ дубья-колодья:
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ (Рыбн. I, 35).
А тутъ Микулушка пахалъ да оралъ:
Сосенки да елочки въ борозду валилъ,
Ржи напахалъ да домой выволочилъ,
Домой выволочилъ, дома вымолотилъ (Рыбн. II, 1).

Какъ рубятъ хоромы изъ дерева:

Взимали топорики булатніе,
Сѣкли дубья-то, колодья-то,
Мелки кусточки вонъ вырыли (Рыбн. I, 330).

Описаніе русскаго города:

Ажно въ Кіеви да не по нашему:
Церкви-ты у васъ вси деревянныя,
У васъ маковки на церквахъ всѣ осиновыя,
А мостовыя у васъ черною землею засыпаны,
Подняло водою ихъ дождевою-ди,
Сдѣлалась грязь-то по ко колѣну-ди (Рыбн. I, 300).

Какъ въ Кіевѣ, т. е. вообще на Руси, пекутъ калачи:

Печки у тебя биты глиняны,
А пóдики кирпичные,
А помелечко мочальное,
Въ лохань обмакиваютъ (Кирѣевск. III, 104).

Для свадебныхъ обрядовъ:

Агрофена свата дарила ширинокой,
Другой дарила свахыньку:
Олёшку-ту дарила каленой стрѣлой (Кирѣевск. II, 15).

Для пляски, пѣнья и гудьбы:

Красныя дѣвушки хороводъ водятъ,
А мелка четь въ присядку пошла (Рыбн. I, 369).
Что ваше мѣсто скоморошское
На той за печки на муравленой,
На муравленой печки — на запечки (Кирѣевск. II, 37).
Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игръ играть, напѣвокъ напѣвать
Про старыя времена и про нынѣшни,
И про всѣ времена досюлешны (Рыбн. I, 249).

Въ рукописной вставкѣ къ XIII. 339, авторъ восторгается Словомъ о полку Игоревѣ и не находитъ ничего общаго между этимъ древнимъ произведеньемъ и былинами. Это — тоже въ числѣ доказательствъ татарщины этихъ послѣднихъ. Если бы авторъ былъ внимательнѣе къ тому, что̀ онъ такъ высоко ставитъ, то не впалъ бы въ указанныя мною выше противорѣчія. Сверхъ того, чтобъ

утверждать такъ настойчиво, онъ обязанъ былъ подвергнуть строгой критикѣ приводимыя профессоромъ Тихонравовымъ, въ его изданіи Слова о полку Игоревѣ, сближенія нашихъ былинъ съ этимъ произведеньемъ.

Наконецъ авторъ отказываетъ нашимъ былинамъ во всякомъ сродствѣ съ пѣснями другихъ славянскихъ племенъ, ссылаясь въ особенности на эпосъ сербскій.

О сродствѣ русскихъ былинъ съ эпическими сказаньями прочихъ славянъ въ ученой литературѣ писано довольно. И въ этомъ случаѣ автору слѣдовало очистить себѣ путь строгою критикою. А такъ какъ этого не сдѣлано; то на нѣтъ — и суда нѣтъ.

IV.

Не смотря на все вышесказанное, считаю своею обязанностью замѣтить, что «Происхожденіе русскихъ былинъ» могло бы имѣть въ нашей ученой литературѣ и нѣкоторую положительную цѣнность, если бы авторъ построилъ свою критику на болѣе точныхъ *лингвистическихъ* основахъ.

Русскій народъ въ теченіе столѣтій могъ соприкасаться съ національностями разныхъ кочевыхъ племенъ. Бо́льшая часть былинъ записана на сѣверо-восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи. Сами былины многократно свидѣтельствуютъ о вліяніи на ихъ составъ — языка и быта азіятскихъ кочевниковъ. На это надобно было обратить вниманіе и спеціально изучить былины съ этой точки зрѣнія. Честь иниціативы безспорно принадлежитъ автору «Происхожденія русскихъ былинъ». Онъ откинулъ ложную чопорность, смотрѣвшую на татарщину съ презрѣньемъ, и усмотрѣлъ въ пѣсняхъ и сказаньяхъ азіятскихъ кочевниковъ много прекраснаго; потому что, какъ блистательно доказала школа братьевъ Гриммовъ, въ народной поэзіи все хорошо, потому что все безъискусственно, все истинно. Но, не владѣя филологическою критикою, авторъ не умѣлъ анализировать историческаго наслоенія въ нашихъ былинахъ, и новѣйшее, позднѣйшее смѣшалъ съ древнѣйшимъ. Потому-то и пришлось ему, безъ всякихъ положительныхъ данныхъ, возвести происхожденіе нашихъ былинъ къ XIII и XIV столѣтіямъ, между тѣмъ какъ, по своему теперешнему виду, онѣ носятъ на себѣ очевидные слѣды болѣе поздняго состава.

Нѣтъ сомнѣнія, что филологическая критика откроетъ въ бы-

линахъ элементы ранніе, далеко восходящіе за времена татарщины Но это будутъ немногіе драгоцѣнные осколки давно обрушившагося зданія, развалины котораго поросли новыми порослями.

Множество варіантовъ въ былинахъ ясно говорятъ объ упомянутомъ выше историческомъ наслоеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ о порчѣ древнѣйшаго оригинала позднѣйшими подновленьями. Напримѣръ слѣдующее мѣсто было бы рѣшительною нелѣпостью:

Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града
И третью съ Еросалима,
Тонцы онъ повелъ-то великіе (Рыбн. II, 31) —

—если бы не было у насъ чтенія древнѣйшаго, въ высокой степени важнаго для исторіи поэзіи и быта:

Сыгришъ сыгралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ Еврейскій стихъ (Кирш. у Кирѣевск. IV, 67).

По одному чтенію Добрыня «насыпалъ колпакъ *земли греческой*» (Кирѣевск. II, 25) — чистая нелѣпость; по другому — чрезвычайно важный бытовой фактъ: «надѣлъ на себя *шляпу земли греческой*» (ibid. 50).

Иногда варіантъ является въ видѣ глоссы; напр.

Сидятъ мурзы-улиновья,
По нашему сибирскому дружки слывутъ (Кирѣевск. III, 23).

Какъ татарскій *колпакъ* оказался варіантомъ греческой шляпы, такъ и *кулякъ* очутился глоссою въ слѣдующемъ мѣстѣ:

Что *кулякъ* и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А *кулку* и панцырю цѣна лежитъ три тысячи (Кирѣевск. III, 101).

Эти глоссы производятъ иногда замѣчательную путаницу въ географическихъ опредѣленіяхъ; напр.

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Изъ славнаго богатаго *Волынь-города*,
Изъ тоя *Индимошки* богатыя (Рыбн. 283).

Варіантами же и позднѣйшимъ наслоеніемъ объясняется смѣшеніе Орды съ Литвою. По языку былинъ, вмѣсто: откуда ты? — можно сказать не только: ты коей Орды? Но и «съ коей Литвы?» (Рыбн. I, 71, 72). Потому въ землѣ Литовской живетъ мурза-татаринъ (Рыбн. II, 26).

Авторъ изслѣдованья въ наѣздничествѣ богатырей видитъ только татарщину, а былины воспѣваютъ какія-то *сѣдла латинскія* (Рыбн. 266).

Добрыня Никитичъ купается то на Сафатъ-рѣкѣ, то на Израй-рѣкѣ, то просто на рѣкѣ (Кирѣевск. II, 41, 50). Одно и тоже событіе совершается, то въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, то въ Іерусалимѣ при царѣ Константинѣ (Кирѣевск. IV, 19, 22).

Къ позднѣйшимъ варіантамъ, напримѣръ, принадлежатъ: *бумага гербовая* (Рыбн. II, 202), *таможня, ружье домкратное, балконы*, которымъ, между прочимъ, такую важность, какъ мы видѣли, приписываетъ авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ».

Вотъ именно къ этимъ-то наноснымъ варіантамъ и позднѣйшимъ глоссамъ принадлежитъ то немногое, что въ этой книгѣ можно принять за дѣйствительное вліяніе кочевниковъ на наши былины.

Утверждаю такъ потому, что былины, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаютъ намъ въ своемъ составѣ цѣлые ряды наслоенія разновременныхъ вліяній. Для примѣра возьму нѣсколько данныхъ на выдержку.

Преданіе о первобытныхъ великанахъ, сохранившееся въ сказаньяхъ о старшихъ богатыряхъ, запечатлѣно въ былинахъ тѣмъ же эпитетомъ, которымъ Несторъ характеризуетъ великановъ-Обровъ, именно эпитетомъ *гордый:* «самъ пѣшо иде къ великану *гордому*» (Рыбн. I, 314). Единоборство Мстислава съ великаномъ Редедею, описанное Несторомъ и воспѣтое Бояномъ, сохранило по себѣ слѣдъ въ цѣломъ рядѣ подвиговъ нашихъ богатырей въ былинахъ; напр. въ единоборствѣ Дюка Степановича съ Шаркомъ-Великаномъ (Рыбн. I, 313).

Былина помнитъ и сношенья древней Руси съ *Половцами*. Саулъ Леванидовичъ поѣхалъ «въ дальну орду, въ *Половецку* землю» (Кирѣевск. III, 118).

Суровыя картины браннаго поля, усѣяннаго трупами и костями,

въ Словѣ о полку Игоревѣ — «орли клектомъ на кости звѣри зовутъ» — «дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша» — повторились, напримѣръ, въ слѣдующихъ очеркахъ былины:

Первую частиночку рубилъ онъ на мелки куски,
И рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку сѣрымъ волкамъ;
А другую частиночку рубилъ онъ на мѣлки куски,
Рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку чернымъ воронамъ (Рыбн. I, 74—75).

Измѣреніе проѣханнаго пространства церковною службою, для означенія быстроты ѣзды, употребленное въ Словѣ о полку Игоревѣ: «тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софея, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша» — является въ былинахъ постоянною эпическою формою:

Стоялъ-то я заутреню въ Муромѣ,
Поспѣвалъ-то къ обѣденькѣ въ стольно-Кіевъ-градъ (Рыбн. I, 59).

Слич. у Кирѣевск. I, 29, 38, 77.

Владиміръ Мономахъ въ Поученіи дѣтямъ говоритъ о своей охотѣ именно на *тура*, *вепря* и, что̀ особенно замѣчательно, на *лютаю зверя* (такъ онъ называетъ волка). Былина, какъ созданіе вполнѣ національное, не забыла и эту черту древне-русской охоты:

И лежитъ три слѣда звѣриные:
Первый слѣдъ гнѣдаго тура,
А другой слѣдъ лютаго звѣря,
А третій слѣдъ дикаго вепря (Кирѣевск. III, 22).

Объ охотѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ былинахъ на *гусей* и *лебедей* было уже сказано.

Для Даніила Заточника особенно ненавистно положеніе *боярскаю холопа*: «не холопъ въ холопѣхъ — говоритъ онъ — кто у холопа работаетъ», и во всемъ предпочитаетъ службу при князѣ. Былина, вѣрная воззрѣніямъ древне-русской литературы, противополагаетъ богатырей, какъ почетную дружину княжескую, — *холуям господской* или *холопинъ дворянской* (Рыбн. I, 279, 280).

Не смотря на всѣ искаженья и подновленья, былина воспоминаетъ еще объ отношеніяхъ древней Руси къ Цареграду. Она знаетъ не только *цареградскіе сигрини* (Кирѣевск. IV, 67), но и камку — *хитрости Цареграда*, какъ бы по старой памяти о тѣхъ *цареградскихъ паволокахъ*, о которыхъ повѣствуетъ еще Несторъ (Кирѣевск. IV, 101).

Богатыри въ былинахъ играютъ на гусляхъ и поютъ, между прочимъ, *Еврейскій стихъ* (Кирѣевск. IV, 67). Этимъ сама былина указываетъ на свою связь съ такъ-называемыми *Духовными Стихами*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣми элементами книжнаго просвѣщенія древней Руси. Потому-то въ былинахъ народа безграмотнаго богатыри его учатся грамотѣ. Былина знаетъ *Осипа Прекраснаго* и ставитъ его на ряду съ Дюкомъ Степановичемъ, Тугариномъ Зміевичемъ и другими личностями народнаго эпоса (Рыбн. II, 21); знаетъ и библейскаго *богатыря Самсона*: «у него на головѣ семь власовъ ангельскихъ» (Рыбн. I, 35); помнитъ библейское сказаніе о воинахъ, которые пьютъ изъ рѣки воду припадкою (Рыбн. I, 435, 441); богатыря *Святогора* помѣщаетъ на *Святыхъ горахъ*, можетъ быть, подъ вліяніемъ сказаній о Святой горѣ — Аѳонской (Рыбн. I, 38).

Вообще должно замѣтить, что изученіе нашихъ былинъ сравнительно съ духовными стихами, легендами, повѣстями и сказаньями древне-русской письменности должно привести къ самымъ существеннымъ результатамъ. Легенда о *Зміевомъ валѣ* сосредоточиваетъ на себѣ и сказанья о Борисѣ и Глѣбѣ и множество миѳовъ въ былинахъ. Стихъ о *Егорьи Храбромъ* цѣликомъ входитъ въ разрядъ богатырскихъ былинъ. *Толкучія горы* этого стиха, напримѣръ, дословно повторяются въ разсказахъ о другихъ богатыряхъ:

Первая застава великая:
Стоятъ тутъ *горы толкуціи*;
Тыи жь какъ горы врозь растолкнутся,
Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся;
Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати (Рыбн. I, 296).

Чудесное плаванье Садки по водѣ на доскѣ — мотивъ изъ самыхъ популярныхъ въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ, какъ это объяснено мною въ «Русскомъ богатырскомъ эпосѣ».

Мѣстное преданье Кіевское о *нерушимой стѣнѣ* — *Богородицѣ*, изображеніе которой помѣщено въ абсидѣ Софійскаго Собора, въ

былинахъ пріурочено къ сказаньямъ о Татарщинѣ. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ въ русскомъ эпосѣ, проникнутый мѣстнымъ колоритомъ и національнымъ чувствомъ (Рыбн. I, 107. 174; II, 40).

Новгородское сказаніе о мѣстѣ *Святаго роя*, на горѣ *съ деисусомъ*, сообщаемое въ Посланіи Новгородскаго Архіепископа Василія къ владыкѣ Тверскому Ѳеодору, запечатлѣнное въ народной памяти пословицею, русскій эпосъ сохранилъ въ эпизодѣ о смерти Василія Буслаева, когда онъ на камнѣ Латырѣ прыгалъ къ образу Преображенскому (Рыбн. I, 362).

Заговоры на лихорадку наложили на былины свой слѣдъ въ названіи именно старшей изъ дочерей Соловья Разбойника: *Невея*, по имени тоже *старшей* изъ сестеръ — лихорадокъ (Рыбн. I, 57).

Стоглавъ (въ гл. 92), между прочими забавами, проклинаетъ игру *шахматы* и *тавлеи*, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что эта игра существовала не въ воображеніи только раскащиковъ, отуманенномъ татарщиною, но въ дѣйствительной жизнь древней Руси, и ьто въ XVI вѣкѣ носила эта игра названіе греко-латинское или нѣмецкое: *тавлеи*, какъ она слыветъ и въ былинахъ.

Иконописный Подлинникъ, эта сокровищница энциклопедическихъ свѣдѣній нашихъ предковъ, свидѣтельствуетъ въ пользу былинъ слѣдующее: «У князя Владиміра Кіевскаго быша сильніи мужіе богатыри: 1) Янъ Усмошвецъ, Переславецъ, что́ печенѣжскаго богатыря убилъ; 2) Рагдай удалый противъ трехъ сотъ могъ выходити на бой; 3) Александръ Поповичъ; и всѣхъ ихъ было 37 богатырей» (по сборному Подлиннику Графа С. Г. Строганова).

При этомъ замѣчу одну любопытную подробность въ былинахъ, указывающую на вліяніе иконописныхъ изображеній на фантазію нашихъ раскащиковъ. Какъ икона святаго непремѣнно сопровождается *надписью* его имени; такъ въ одной былинѣ представляется тоже съ *надписью* Илья Муромецъ:

..... въ углу спитъ богатырь,
Спитъ-то храпитъ, какъ порогъ шумитъ;
Поглядѣлъ ему *на надпись богатырскую:*
Ажно спитъ старый казакъ Илья Муромецъ (Рыбн. I, 275).

При этомъ невольно приходитъ на мысль иконописное изображеніе Ильи Муромца между старопечатными рисунками къ Печерскому Патерику.

Славно царство Индѣйское и *Индія багатая* — вошли въ наши

былины изъ Хронографовъ или изъ Александіи (Рыбн. I, 12. 13. 276); изъ баснословнаго сказанія о Соломонѣ — цѣлая былина (Рыбн. II, 277), эпизодъ о Романѣ Митріевичѣ (Рыбн. I, 426); изъ Хронографа упомянутый анекдотъ о томъ, какъ царица Южская приняла хрустальный полъ за воду, въ сказкѣ о князѣ Владимірѣ и Чурилѣ (Рыбн. 1, 311); намекъ на Притчу о Семи мудрецахъ, можетъ быть, сохранился въ повѣствованіи о томъ, что Вольгу Всеславьевича отдавали на выучку *семи мудрецамъ* (Рыбн. I, 7); изъ Бестіаріевъ или Физіологовъ вошли въ былины свѣдѣнія *о львѣ, слонѣ, о ногъ-птицѣ* (Рыбн. I, 3) и о другихъ тому подобныхъ диковинкахъ. Впрочемъ уже и само Священное Писаніе вносило въ фантазію народа и въ его языкъ иноземные образы природы. Въ этомъ отношеніи былина шла по слѣдамъ лѣтописи, которая знаетъ и *львовъ*, и *коркодиловъ* и *пардусовъ*. Потому напрасно авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ» ограничиваетъ зоологическія свѣдѣнія нашихъ предковъ татарскою школою. Въ былину попали львы и слоны тѣмъ же путемъ, по которому зашло *пардуже гнѣздо* — въ столько чтимое авторомъ Слова о полку Игоревѣ.

Точно такъ и *восточный* или *азіятскій* элементъ надобно будетъ признать за одинъ изъ наносныхъ слоевъ на первобытной, родной почвѣ нашихъ былинъ, и при томъ, съ строгимъ отличіемъ тѣхъ путей, по которымъ этотъ элементъ входилъ на Русь, то есть, посредственно ли, черезъ Византію и вообще черезъ литературу переводную, или непосредственно — отъ азіятскихъ кочевниковъ.

Сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ — какъ и многія другія сказки, открываемыя въ древне-русской письменности — могла имѣть вліяніе на наши былины. Но авторъ «Происхожденія рус. былинъ», приписывая такое важное значеніе азіятскому элементу въ русскомъ эпосѣ, обязанъ былъ показать, какимъ путемъ зашла къ намъ эта сказка — отъ Татаръ, изъ Византіи, или съ Запада.

Уже и тотъ Сборникъ, въ которомъ сохранилось Слово о полку Игоревѣ, содержалъ въ себѣ сказаніе объ *Индіи богатой*, воспѣваемой въ нашихъ былинахъ, и *арабскую сказку* о Синагрипѣ, царѣ Адоровъ, судя по языку древнѣйшихъ редакцій, очевидно, переведенную съ греческаго.

Что касается до азіятскаго вліянія на наши былины, непосредственнаго, то въ немъ должно различать два слоя: древнѣйшій — отъ временъ до—монгольскихъ и отъ періода татарщины, и слой позднѣйшій, наброшенный въ недавнее время восточными кочевниками по ихъ сосѣдству съ русскимъ населеніемъ.

Но для рѣшенія вопроса объ этомъ двоякомъ вліяніи необходимъ *строгій филологическій методъ*, основанный на знаніи восточныхъ языковъ. Потому, вмѣстѣ съ авторомъ разбираемаго мною сочиненія «не могу при этомъ не выразить убѣжденія, что во всякомъ случаѣ дальнѣйшая судьба вопроса о нашихъ былинахъ— въ рукахъ нашихъ оріенталистовъ, и что отъ нихъ должно зависѣть разсмотрѣніе и рѣшеніе всего, касающагося этого предмета» (3, XIV, 344).

Заключая этимъ свой отзывъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность присовокупить, что порученное мнѣ для разбора сочиненіе, не смотря на недостатки въ методѣ и на отсутствіе лингвистическихъ свѣдѣній и филологической критики, этихъ существенныхъ пособій, безъ которыхъ невозможна ученая разработка народной поэзіи, не смотря на увлеченія, доходящія до странныхъ крайностей и очевидныхъ противорѣчій, — все же, по новости взгляда и по обширному матеріалу, заслуживаетъ *почетнаго отзыва*.

РАЗСМОТРѢНІЕ

КНИГИ И. ХРУЩЕВА:

«Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго», Спб. 1868.

К. И. Невоструева.

О жизни, дѣяніяхъ и сочиненіяхъ преп. Іосифа Волоколамскаго довольно уже у насъ издано коренныхъ источниковъ, сочиненій, изслѣдованій и отдѣльныхъ статей. Болѣе другихъ замѣчательны здѣсь статьи объ Іосифѣ Волоколамскомъ въ Словаряхъ митроп. Евгенія и архіеп. Филарета, въ книгѣ г. Руднева: «О ересяхъ и расколахъ», Москва 1838 г., статья VI о жидовской ереси, Изслѣдованія г. Казанскаго: «Іосифъ Волоколамскій» и «Писанія Іосифа Волоколамскаго» въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ 1847 года, и нѣкоторыя посланія Іосифа съ надлежащими предисловіями имъ же изданныя въ Чтеніяхъ Московскаго Историческаго Общества, 1847 г., ч. I и др.; въ «Исторіи Россіи» Соловьева въ V томѣ, гл. 5, статья о ереси жидовствующихъ и литературѣ при Іоаннѣ III, тамъ же на стр. 452—456 о благодѣяніяхъ Іосифа всей Волоцкой странѣ, о дѣлѣ его съ княземъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ Волоцкимъ и архіепископомъ Серапіономъ и проч. Во многихъ мѣстахъ говорится о жизни, дѣятельности и писаніяхъ преп. Іосифа у Шевырева въ Исторіи Русской словесности, изд. 2, Москва 1860 г., а въ 1865 г. придворнымъ священникомъ Н. А. Булгаковымъ написано особое «Церковно-историческое изслѣдованіе» о преп. Іосифѣ Волоколамскомъ. Изъ коренныхъ источниковъ изданы многія посланія Іосифа Волоколамскаго въ Древн. Росс. Вивліоѳикѣ, въ Актахъ Историческихъ (т. I) и Прибавленіяхъ къ нимъ (т. I), въ

Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1866 г., и въ Памятникахъ Старинной Русс. литературы, вып. IV, 1862 г. въ Православн. Собесѣдникѣ изданъ Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго, а 1865 г. въ Чтеніяхъ Моск. Общества любителей духовнаго просвѣщенія и отдѣльными книжками—три житія преп. Іосифа Волоколамскаго. Г. Хрущевъ во Вступленіи самъ подробно показываетъ всѣ эти и другіе источники своего труда. Не смотря на таковыя пособія, коими авторъ болѣе или менѣе руководствуется, Изслѣдованіе его составляетъ замѣчательное явленіе въ нашей ученой литературѣ, вообще отличается тщательностію, часто смотритъ на предметъ съ новыхъ сторонъ и по мѣстамъ представляетъ важныя открытія. Но въ то же время оно имѣетъ и большіе или меньшіе недостатки.

Сочиненіе состоитъ изъ *Вступленія*, стр. I—XLVI, и слѣдующихъ *Главъ*: а) Іосифъ основатель и устроитель монастыря на Волокѣ-Ламскомъ (1479—1515 г.), стр. 1—100; б) Іосифъ въ борьбѣ съ ересью т. е. жидовствующихъ (1488—1505 г.), стр. 101—202; в) Іосифъ и архіепископъ Новгородскій Серапіонъ — въ спорѣ между собою (1506—1509 г.), стр. 203—239; г) новая борьба Іосифа съ ересью и инокъ Вассіанъ (1511—1515 г.), стр. 240—254. За тѣмъ сдѣланы Приложенія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ и неизданныхъ еще посланій преп. Іосифа и перечень указываемыхъ только въ коренныхъ источникахъ, но теперь утраченныхъ, сюда же относящихся памятниковъ, стр. 255—266. Изъ этого плана видна правильность въ расположеніи Изслѣдованія и полнота его.

Во Вступленіи содержится краткое обозрѣніе славянорусской литературы до временъ Іосифа и потомъ характеристика его сочиненій. Оно написано искусно, со внѣшнею отдѣлкою и въ отношеніи къ Іосифу представляетъ иногда мѣткія замѣчанія. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи въ немъ оказываются положенія несообразныя или сбивчивыя, сужденія свободныя и взгляды на Іосифа невѣрные. Въ обозрѣніи древнерусской литературы до временъ Іосифа авторъ стр. 1 отъ начала христіанства въ Россіи до XIV в. представляетъ извѣстными и употребительными въ ней одни только древніе славянскіе переводы свящ. Писанія, богослужебныхъ книгъ и твореній отеческихъ. Надобно было еще поставить на видъ явившіяся въ это время собственно русскія произведенія— поученія и посланія пастырей, житія нѣкоторыхъ святыхъ и лѣтописи тѣмъ болѣе, что и преп. Іосифъ нѣкоторыми изъ нихъ пользовался. Далѣе говоритъ, что въ XIV в. вышепоказанный запасъ

пополнился многими новыми переводами, изъ которыхъ видное мѣсто занимаютъ переводы Толкователей свящ. Писанія. Но въ XIV в. ни одного такого перевода не явилось, а сдѣланы они были частію въ XII и XIII в., частію же въ XV в. Къ послѣднимъ относятся сдѣланные на Аѳонѣ переводы толкованія Златоустаго на кн. Бытія и Олимпіодора на Іова (Описаніе синод. рукописей, отд. 2, ч. I, стр. 50—54). Ихъ-то, какъ видно изъ послѣдующаго, и разумѣетъ авторъ, но въ вѣкѣ ошибается. Несправедливо далѣе къ тому же XIV в. отнесены переводы Аѳонскихъ иноковъ, раскрывавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ опыты духовной жизни и умнаго дѣланія—Григорія Синаита и Григорія Паламы, послѣдній притомъ и не писалъ такихъ аскетическихъ сочиненій, а только полемическія—противъ Латинъ (Опис. синод. рукоп., отд. 2, ч. 2, стр. 469—471 и слѣд.). Къ тому же XIV вѣку на стр. II пріурочиваются возобновившіяся путешествія нашихъ во св. Гору, плодомъ коихъ было распространеніе въ отечествѣ вывезенныхъ оттуда рукописей и вообще грамотности.—Это опять было въ XV в., какъ и самъ авторъ говоритъ ниже стр. 173. Въ подтвержденіе того, что Русскіе такимъ образомъ только пользовались чужими переводами, а не дѣлали своихъ, тамъ же приводятся слова изъ сборника XV в. Но слова эти, составляющія заглавіе статьи: Толкованіе неудобопознаваемыхъ въ писаніяхъ рѣчей (см. и Калайдовича Іоаннъ ексархъ Болгарскій, стр. 196) относятся не къ переводамъ съ греческаго на русскій какихъ-нибудь книгъ и статей, но къ объясненію отдѣльныхъ въ древнихъ славянскихъ переводахъ встрѣчающихся болгарскихъ, сербскихъ или чисто греческихъ словъ, неудобопонятныхъ для русскаго читателя.—Потребность защищать со времени Флорентійскаго собора ученіе православной Церкви противъ латинистовъ очень нехорошо названа потребностію защищать *укоренившіяся вѣрованія*, точно такъ же какъ это самое выраженіе на стр. VI употреблено о православіи, защищаемомъ преп. Іосифомъ противъ жидовствующихъ еретиковъ. Положимъ—это выраженіе: но выраженіе означаетъ мысль. Іосифъ защищалъ догматы о св. Троицѣ, о Божествѣ Іисуса Христа и Духа Святаго, о второмъ пришествіи Христовомъ, о важности писаній апостольскихъ и отеческихъ. Ужели все это не болѣе, какъ укоренившіяся въ Россіи вѣрованія, а не основные догматы Церкви вселенской, за которые страдали и проливали кровь свою мученики и исповѣдники? Такого же свойства, какъ эта несообразность, мѣсто на стр. III: «въ связи съ такими обстоятельствами (политическими—съ

усиленіемъ Москвы) явилась потребность прославить пѣснопѣніемъ новыхъ Московскихъ чудотворцевъ и жизнеописаніями увѣковѣчить ихъ подвиги», а на стр. 180 сіе болѣе или менѣе приписывается политикѣ Іоанна III.—Службы и житія Московскихъ святителей и другихъ угодниковъ составлены не по политическимъ обстоятельствамъ, а по ихъ общеизвѣстной жизни и подвигамъ и прославленію свыше. Авторъ самъ долженъ былъ сознаться, что въ тоже время «увѣковѣчены были подвиги и другихъ русскихъ святыхъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ». О преподобномъ Іосифѣ на стр. V хорошо сказано, что на Библіи воспиталъ онъ строгость своихъ приговоровъ и ревность о Богѣ противъ еретиковъ; однако сказано это не вполнѣ. Не одна Библія, а и писанія отцевъ, правила и практика древней Церкви христіанской и частію русской были въ основаніи у Іосифа. На стр. VII не безъ цѣли сравнивается Іосифъ съ французскимъ монахомъ Пьеромъ Vaulx-Cernay, въ началѣ XIII в., яко бы писавшимъ противъ Альбигойцевъ.— Этотъ монахъ (Petrus Sarnensis) писалъ не обличеніе какъ Іосифъ, а исторію Альбигойской священной войны, и по суду новѣйшей критики сказанія его, какъ сказанія очевидца, весьма важны (Bibliotheca Historica medii aevi, von Avg. Potthast, Berlin 1862. p. 491—492). Тоже *простодушное негодованіе*, говоритъ авторъ, тотъ же страхъ у Іосифа, что у того Пьера.—При отрицаніи жидовствующими столь многихъ и самыхъ важныхъ догматовъ вѣры, при такомъ поруганіи ихъ надъ предметами священнѣйшими оставаться хладнокровнымъ значило бы быть индифферентистомъ. Какъ видно, съ тою же цѣлію униженія преподобнаго за тѣмъ замѣчено: «его строгое ученіе сдѣлалось достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя послѣ Іосифа воспротивилась новшествамъ Никона». Нѣтъ, ученіе Іосифа, столь ясное и чистое въ разсужденіи отвергаемыхъ жидовствующими догматовъ, пріемлется не раскольниками, а самою православною Церковію, признающею въ Іосифѣ отцевъ красоту, разсужденія свѣтильника и ересемъ посрамителя (тропарь преподобному). Когда на соборѣ 1554 г. противъ Башкина Кассіанъ епископъ Рязанскій, сочувствующій обвиняемымъ, сталъ порицать книгу Іосифа Волоколамскаго на ересь Новгородскихъ еретиковъ: то «ей тогда принесеннѣй бывши на соборъ на обличеніе еретикомъ и зѣло похвали ю боговѣнчанный царь, преосвященный Макарій митрополитъ и весь соборъ священный, свѣтило ту нарѣкоша быти православію». (Чтенія Моск. Общ. древностей 1847 г., № 3, «Московскіе соборы на еретиковъ

XVI вѣка»). См. о семъ еще ниже, въ концѣ Разсмотрѣнія. «Политическіе взгляды Іосифа, говорится на стр. VII, имѣли сильное вліяніе на вел. князя Василія Ивановича. На взглядахъ этихъ воспитался Грозный». И въ подтвержденіе указывается на совѣтъ племянника и ученика Іосифова, епископа Вассіана Топоркова, данный Грозному, какъ оный передаетъ Курбскій, а на стр. 202 въ одномъ мѣстѣ Наказанія княземъ, сходномъ съ словами Іосифа, и автору почему-то не понравившемся, указывается «образчикъ тѣхъ понятій, на которыхъ воспитанъ Грозный». Такимъ образомъ слагается на преподобнаго почти вся отвѣтственность за Іоанна. Скажемъ на это, что 1) Іосифъ не имѣлъ никакихъ политическихъ взглядовъ, а какъ отецъ и учитель духовный въ своихъ сочиненіяхъ раскрывалъ иногда по ученію Библіи значеніе и обязанности царей, давалъ князьямъ христіанскіе уроки мудрости, кротости и правосудія, на коихъ зиждется благосостояніе царствъ (посланія къ вел. князю, къ кн. Юрію Ивановичу, къ вельможѣ о милованіи рабовъ и др.); 2) конечно при такой близости Василія Іоанновича къ преподобному и его обители, по которой онъ и воспріемникомъ отъ купели Іоанна избралъ Кассіана Босова, Іоаннъ Грозный могъ читать сочиненія Іосифа и испытывать на себѣ его вліяніе. Но кто скажетъ, чтобы это было худое, а не доброе вліяніе? Отсюда можно производить особенную любовь Іоанна къ отеческимъ писаніямъ, такъ ему извѣстнымъ, и къ иноческимъ обителямъ, часто посѣщаемымъ, и вообще то благочестіе, какое мы видимъ въ немъ въ первые годы царствованія, ту ревность о вѣрѣ, съ какою онъ тотчасъ по покореніи царства Казанскаго основалъ и укрѣплялъ въ немъ Церковь и впослѣдствіи лично защищалъ православіе предъ іезуитомъ Поссевиномъ. Но конечно нельзя производить отъ Іосифа ни послѣдующей наклонности царя къ пьянству и разврату, ни подозрѣній и жестокости, ни опричнины, одно съ другимъ соединяющихся; 3) въ объясненіе передаваемой Курбскимъ бесѣды Іоанна съ Вассіаномъ надобно припомнить съ одной стороны извѣстную непріязнь Курбскаго къ партіи Іосифлянъ, съ другой, что Вассіанъ имѣлъ въ виду тѣ злоупотребленія боярской Думы въ малолѣтство Іоанна, отъ коихъ страдало государство, частныя лица и самъ Вассіанъ, какъ соучастникъ митрополита Даніила (Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, стр. 42). Между тѣмъ бесѣдѣ Вассіана, какова бы она ни была, можемъ противопоставить слова воспріемника Іоаннова Кассіана, смѣло сказанныя отцу его Василію Іоанновичу, когда онъ сурово встрѣтилъ стар-

цовъ по дѣлу князя Юрія: не тако подобаетъ державному яро вопрошати, но подобаетъ державному прежде съ кротостію и смиреніемъ увѣдѣти отъ устъ глаголемая, и аще будемъ достойны вины по дѣломъ нашимъ — въ твоей державной власти. И князь великій вставъ и мало осклабися рече: простите старцы, яко поглумихся (Житіе Іосифа Волоколамскаго, составленное Саввою Чернымъ, стр. 56. 57). Неосторожно и не въ положеніи автора сказаны наконецъ послѣднія слова Вступленія стр. VIII: не касаясь ни въ чемъ предмета съ духовной точки зрѣнія я вмѣстѣ съ тѣмъ не внесъ въ трудъ свой *личнаго взгляда* на тѣ или другія *вѣрованія*. И однако мы увидимъ, что авторъ нарушаетъ это обѣщаніе, явно или прикровенно проводя свой взглядъ на спорные съ еретиками и другіе пункты вѣры.

Ко Вступленію присоединено *Обозрѣніе источниковъ*, т. е. сперва собственныхъ сочиненій Іосифа и потомъ постороннихъ, его касающихся, заключенныхъ въ разныхъ сборникахъ, и житій его. Между первыми прежде всѣхъ, естественно, представляется Просвѣтитель Іосифа, причемъ опредѣляется происхожденіе этого впослѣдствіи даннаго сочиненію названія и показываются разные списки его въ библіотекахъ, но находящійся въ Московской Епархіальной Библіотекѣ несправедливо признанъ автографомъ Іосифа (о чемъ скажемъ ниже). Затѣмъ показываются другія сочиненія самаго Іосифа или его касающіяся — въ Макаріевской четь-минеѣ и, какъ сказано, въ сборникахъ библіотекъ — Императорской Публичной, Московской Духовной Академіи, Московской Епархіальной Библіотеки и Троицкой Лавры: всѣхъ сборниковъ въ нихъ разсмотрѣно тринадцать. Наконецъ означаются житія, именно изданныя нами въ 1865 году три житія преп. Іосифа, составленныя Саввою Чернымъ, Неизвѣстнымъ и краткое, называемое надгробнымъ словомъ, Досиѳея Топоркова. Всѣ изложенные источники, не говоря о внутреннемъ ихъ содержаніи, имѣютъ полную важность по древности и исправности списковъ, и за исключеніемъ двухъ или трехъ всѣ принадлежали прежде Іосифову Волоколамскому монастырю. Въ каждой рукописи показаны всѣ статьи, къ дѣлу относящіяся, причемъ относительно изданныхъ замѣчено, гдѣ, когда и въ какомъ видѣ онѣ отпечатаны, неизданныхъ показывается содержаніе и дѣлаются иногда большія или меньшія изъ нихъ выписки, грамоты сходныя сличены между собою, именно въ сб. II грам. Геннадія Новгородскаго къ Прохору Сарскому и къ Іоасафу Рост., другая его грамота Нифонту Сузд. въ сбор. IV, какъ

неизданная еще и любопытная, отпечатана вся. Въ замѣчаніяхъ о сборникѣ VI, содержащемъ «Житіе преп. Пафнутія Боровскаго, списанное ученикомъ его Вассіаномъ, архіепископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ» и нашими учеными обыкновенно приписываемое знаменитому Вассіану I Рыло (1468—1481), подтверждается и доказывается мысль г. Шевырева (Исторія Рус. Словесности ч. III, 1858, предисл.), что это былъ не онъ, а бывшій послѣ него 1506—1515 г. изъ архимандритовъ Симонова монастыря Вассіанъ II Санинъ, родный братъ препод. Іосифа Волоцкаго (Исторія Росс. Іерархіи, изд. 2 т. I, стр. 248). Доказательства автора убѣдительны и ясны. При обозрѣніи вышепомянутыхъ трехъ житій преподобнаго Іосифа стр. XXXII и слѣд. дѣлаются замѣчанія о характерѣ и изложеніи каждаго изъ нихъ. Приложенныя къ житію, составленному Саввою Чернымъ, *три* случая чудесъ Іосифа (т. е. объ Андреѣ, въ монашествѣ Арсеніѣ Квашнинѣ-Невѣжѣ, инокѣ Исихіѣ, о боярскомъ сынѣ и Новгородскомъ іереѣ,—выходитъ четыре! стр. 68—76) «имѣютъ (будто бы) характеръ карательный за недоброжелательство къ Іосифу и недовѣріе въ его святость». Подобное замѣчено и на стр. 100. Такими чудесами, по замѣчанію автора на стр. XXXVII и XXXVIII, *обыкновенно наполняются* житія Русскихъ святыхъ. О житіяхъ Русскихъ святыхъ, обносимыхъ и ниже, однажды навсегда скажемъ, что хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, волею или неволею списателей, дѣйствительно есть сомнительныя чудословія и даже ложныя извѣстія, но отъ такихъ исключеній дѣлать общее заключеніе — весьма нелогично: ложь обличалась и въ свое время, а правда имѣетъ твердыя основанія. (См. Предисловіе къ житіямъ Русскихъ святыхъ преосв. Филарета, Черниговъ 1861, въ янв. книжкѣ). Что касается до житія Саввы: то, скажемъ не обинуясь, превратно представляетъ г. Хрущовъ вышепом. достовѣрныя и назидательныя сказанія. Изнѣженный въ мірѣ бояринъ Квашнинъ и въ монастырѣ сперва роскошествовалъ и порицалъ строгій уставъ Іосифа; потомъ хотя вразумился кроткими увѣщаніями братій и тронутъ былъ ихъ любовію, но отпросился въ Кириллобѣлозерскую обитель, не внялъ на пути духовной бесѣдѣ и вел. князя Василія Ивановича, но пороптавшій былъ пораженъ при самой ракѣ чудотворца Кирилла; одинъ многолѣтній и честный старецъ, сродникъ Арсенія (Квашнина), видя это, немедленно велѣлъ возвратить его въ Іосифовъ монастырь: братія приняли его обратно со всею радостію, самъ Арсеній въ сокрушеніи омочилъ слезами землю, получилъ исцѣленіе, но до конца жизни былъ косноязыченъ «и часто

ходя на гробъ преподобнаго и каяся о своемъ нетерпѣніи — предадеся игумену въ послушаніе безъ всякаго разсужденія и нача тружатися, болѣмъ (т. е. болящимъ) по келіямъ ясти носити на раму своею на всякъ день и вечеръ... и дотолика предаде собя на терпѣніе, яко свитка (рубашка), иже бѣ на немь, яко посыпана вошми, и когда братія, видя такое его страданіе и терпѣніе, отъ жалости силою и моленіемъ хотѣли снять и перемѣнить свитку, онъ не хотя съ ними прекословити, давалъ имъ волю, укоряя себя, яко человѣкомъ являяся (т. е. что подвигъ его видимъ человѣками) и тщету себѣ вмѣняя». Такъ онъ трудился до смерти своей и чрезъ десять лѣтъ и тѣло и одежда его найдены невредимыми, какъ бы вчера былъ погребенъ. Здѣсь и всѣ обстоятельства и чрезвычайный въ виду всѣхъ подвигъ говорятъ сами за себя: надъ великими сосудами своими благодать Божія являетъ и великія знаменія, вразумляющія и укрѣпляющія ихъ. Самъ собою ясенъ и другой случай: Новгородскій священноинокъ Исаія ненавидѣлъ Іосифовъ монастырь (по отношенію, конечно, Іосифа къ ереси Новгородскихъ поповъ) и взятый архіепископомъ въ Москву (они часто сюда вызывались) на пути заболѣвъ, вопреки волѣ архіепископа, не хотѣлъ остановиться въ Іосифовой обители. Проболѣвъ все время въ Москвѣ онъ хотѣлъ возвратиться въ Новгородъ, какъ въ ночь передъ отъѣздомъ получилъ сильнѣйшій припадокъ и внушеніе свыше, ѣхать въ Іосифовъ монастырь. Здѣсь, покаявшись, черезъ двѣ недѣли онъ умеръ. Съ такою опредѣленностію разсказываетъ это Савва Черный. Но надобно замѣтить, что преслѣдуя главную цѣль повѣствованія — дѣла Божіи, онъ какъ и другіе сказатели, болѣе или менѣе опускаетъ человѣческія отношенія или тѣ историческія принадлежности, недостатокъ которыхъ въ житіяхъ святыхъ заставляетъ нашихъ неологовъ подвергать сомнѣнію самые факты. Въ одной рукописи Моск. Епархіальной Библіотеки, которую мы назовемъ Погостовскою, есть болѣе обстоятельный разсказъ объ этомъ чудѣ и нѣкоторыхъ другихъ, вѣроятно, изъ первоначальныхъ записокъ того же Саввы Чернаго. По нему безымянный архіепископъ Новгородскій былъ Ѳеодосій, вызываемый въ Москву на соборъ въ 1557 г., и онъ самъ разсказалъ все бывшее съ Исаіею. Такъ какъ это повѣствованіе важно и для біографіи самого архіепископа и по указанію, какъ и по какимъ источникамъ составлялись житія нашихъ святыхъ: то мы и передаемъ оное въ особомъ къ сему Приложеніи. О прочихъ двухъ чудесахъ — надъ инокомъ Исихіемъ и боярскимъ сыномъ нѣтъ нужды и говорить: они вовсе не

приводятъ къ той мысли о карѣ, какую приписываетъ имъ авторъ. Далѣе сравниваются у г. Хрущова житія Іосифа съ житіями прочихъ Русскихъ святыхъ, основавшихъ монастыри. Въ этомъ сравненіи онъ выражаетъ свой взглядъ на таковыя житія, стр. XXXVI—XXXVIII, въ которомъ мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе хотя на нѣкоторые болѣе рѣзкіе пункты. «Отсутствіе свѣденій о семьѣ святаго *почти всегда* замѣняется библейскимъ разсказомъ о его рожденіи отъ безплодныхъ родителей, которые вымолили себѣ чадо отъ Бога», т. е. другими словами: не имѣя ближайшихъ свѣденій о семьѣ святаго составители житій почти всегда прибѣгали къ благочестивому обману относительно благодатнаго его рожденія? Чтобы сдѣлать такой рѣзкій, общій приговоръ, надлежало бы представить хотя нѣсколько ясныхъ примѣровъ, но ихъ нѣтъ ни одного. А въ этихъ сказаніяхъ, которыхъ иногда и не чѣмъ повѣрить, т. е. ни подтвердить, ни опровергнуть, ручательствомъ, намъ кажется, служитъ самое то, что тѣ угодники съ раннихъ лѣтъ посвящали себя Богу, какъ чада самимъ рожденіемъ не отъ похоти плотскія опредѣленныя на служеніе Ему. Затѣмъ поставляется на видъ нѣсколько «пророческихъ видѣній» родительницъ относительно будущихъ чадъ ихъ, подобно видѣніямъ объ Іоаннѣ Предтечѣ, Николаѣ чудотворцѣ, Ефремѣ Сиринѣ. На это скажемъ: въ наученіе какъ должны впослѣдствіи матери поступать съ сими дѣтьми, по простотѣ и благочестію самыхъ матерей и были имъ откровенія, утаеваемыя отъ премудрыхъ и разумныхъ и являемыя младенцамъ (Матѳ. 11, 25). Эти представленія или видѣнія другихъ матерей, говоритъ авторъ, *не оказали вліянія* на разсказъ о рожденіи Іосифа. Т. е. и здѣсь допускается возможность вымысла, мистификаціи? Видѣніе матери Іосифовой передъ смертію трехъ Марій признается «фактомъ, заимствованнымъ изъ живаго преданія». — Савва Черный стр. 30 прямо говоритъ, что «сію тайну сама изъяви, яко отъиде съ Маріями въ животъ вѣчный». А объ иноческихъ подвигахъ ея въ теченіи 30 лѣтъ, по человѣчески ручающихся за такой фактъ, повѣствуетъ Досиѳей (Надгр. слово, стр. 11). «Въ сказаніяхъ о *бѣсноватыхъ*, чудесно исцѣляемыхъ, каковыми по преимуществу являются женщины и отроки», усматриваются, «черты народнаго быта», т. е. такія представленія относятся лишь къ народнымъ суевѣріямъ? къ бѣсноватымъ причисляются «и юные, новопостриженные иноки, *по понятіямъ монашескимъ* не одолѣвшіе діавола, которыхъ мучатъ безобразныя видѣнія». Мысль эта неоднократно высказывается и въ другихъ мѣстахъ стр. 5. 38. 55. Что касается до перваго: то

хотя извѣстно, что въ древнемъ простонародіи нѣкоторыя болѣзни, напримѣръ черная немочь или падучая, считались прямо дѣйствіемъ бѣсовскимъ, но по этому нельзя, однакоже, вообще отвергать всѣ дѣйствія бѣсовъ, когда они являются и въ Евангельской исторіи, и въ церковныхъ требникахъ есть особыя послѣдованія на изгнаніе бѣсовъ. А отвергать вліяніе и дѣйствія бѣсовской силы на юныхъ подвижниковъ, считать оныя ихъ личнымъ только представленіемъ и воображеніемъ — несправедливость еще очевиднѣйшая. Противъ этого говорятъ всѣ писанія и исторія иноковъ-подвижниковъ, начиная примѣрно съ Василія великаго. (См. Творенія св. отцевъ Церкви въ Рус. переводѣ т. IX, стр. 45 Слово Василія великаго подвижническое и увѣщательное объ отреченіи отъ міра). Искусителя мы видимъ при самомъ Спасителѣ въ началѣ всемірнаго Его подвига, и хотя теперь онъ былъ отраженъ, но тѣмъ не менѣе отшелъ только *до времени* (Лук. 4, 13). Мы не испытываемъ надъ собою непосредственныхъ усиленныхъ дѣйствій лукаваго: потому что не выходимъ изъ общаго ряда и не опасны ему.

Послѣ коренныхъ источниковъ на стр. XXXIX—XLVI показываются труды новѣйшихъ писателей, которые писали о жизни или сочиненіяхъ препод. Іосифа Волоколамскаго. Здѣсь указаны Карамзинъ, писавшій объ Іосифѣ въ VI т. въ гл. 4 Исторіи Государства Россійскаго, митр. Евгеній — въ Словарѣ духовныхъ писателей, г. Рудневъ въ книгѣ «О ересяхъ и расколахъ, проф. Казанскій, помѣстившій въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ 1847 двѣ статьи: Іосифъ Волоколамскій, и Писанія Іосифа Волоколамскаго, проф. Соловьевъ — въ Исторіи Россіи т. V гл. 5, Филаретъ архіеп. Черниговскій — въ Обзорѣ духовныхъ писателей, Православный Собесѣдникъ — 1859 въ статьѣ: Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго, Шевыревъ — въ Исторіи Русской словесности т. IV, и свящ. Булгаковъ, написавшій сочиненіе «Преподобный Іосифъ Волоколамскій». Тщательно показано содержаніе и источники каждаго изъ этихъ сочиненій, съ критическими замѣчаніями. Только въ заключительномъ сравненіи взглядовъ г. Казанскаго и свящ. Булгакова мы находимъ невѣрность автора самому себѣ. Первый, по словамъ его, говоритъ объ Іосифѣ точно также, какъ говорятъ о святомъ древніе авторы житій; второй же беретъ на себя защиту Іосифа и пр. Но объ этихъ составителяхъ [illegible] житій авторъ [illegible]тозвался стр. XXXV, XXXVI: «такъ ка[illegible] и дѣйстві[illegible] возбудили противъ него многихъ совр[illegible], то автор[illegible] Савва

[illegible] ный и образа дѣй-

[illegible] монастыря на Волокъ-

[illegible] основате-

[illegible] Іосифу (стр.

[illegible] авторъ въ Пре-

[illegible] сколько

[illegible] притягаемаго

[illegible] въ одно свѣ-

[illegible] монастырей

[illegible] родъ или

[illegible] стран-

[illegible] или

[illegible] пустынное

[illegible] за-

[illegible] ловкости

[illegible] и к нашему

[illegible] чтобы цѣ-

[illegible] для

[illegible] житія

[illegible] въ фи-

[illegible] Іосифъ свя-

[illegible] и

[illegible] и нѣкото-

[illegible] или сомнѣ-

[illegible] по

[illegible] въ вид-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

житія преп. Пафнутія, прекрасно составленнаго помянутымъ Вассіаномъ Ростовскимъ, ученикомъ Пафнутія и братомъ преп. Іосифа, а также изъ повѣсти о кончинѣ преподобнаго, написанной другимъ ученикомъ его Иннокентіемъ, хорошо сводятся, дополняются и изъясняются указаніями современныхъ актовъ, отпечатанныхъ въ Собраніи Госуд. грамотъ и договоровъ, въ Актахъ историческихъ и Дополненіяхъ ихъ. За тѣмъ помѣщены свѣдѣнія о старѣйшей братіи Пафнутіева монастыря, оставшейся по смерти Пафнутія, между которыми былъ и Іосифъ, заступившій мѣсто его въ управленіи монастыремъ. На стр. 21, замѣтимъ, что много уже сказано о мягкости и снисходительности Пафнутія, при которой онъ (стр. 33) будто бы и дѣйствовалъ на братію только примѣромъ своимъ и только примѣромъ возбуждалъ къ подвигу. Нынѣшняя гуманность, все предоставляющая волѣ каждаго, вообще была не въ обычаѣ тѣхъ строгихъ временъ и не въ положеніи настоятеля. Хорошо знающій Пафнутія преп. Іосифъ Волокол. въ 10-й главѣ своего Устава о святыхъ отцахъ — подвижникахъ Русской земли дѣлаетъ такой отзывъ о преп. Пафнутіѣ: «бяше же щедръ и милостивъ, егда подобаетъ, и жестокъ и напрасенъ (т. е. вспыльчивъ) егда потреба». Точно также здѣсь Іосифъ отзывается и о блаженномъ Саввѣ Тверскомъ, въ которомъ авторъ видитъ верхъ строгости стр. 57. За тѣмъ и замѣчаніе о какой-то добродушной, ученикамъ понятной улыбкѣ Пафнутія неосновательно: «осклабився» обыкновенное славянское выраженіе о всякомъ человѣкѣ.

Теперь въ жизнеописаніи самого Іосифа подробно излагаются (стр. 25—100) происхожденіе или родъ преподобнаго и жизнь его до смерти Пафнутія, настоятельство въ Пафнутьевомъ монастырѣ, странствованіе по разнымъ обителямъ для изученія общежитія, основаніе собственнаго монастыря на Волокѣ-Ламскомъ, устройство его и постепенное обогащеніе, знатные постриженники и подвижники, отношенія Іосифа къ мірянамъ, особенно какъ учителя многихъ и питателя окрестныхъ жителей во время голода, введеніе новаго общежительнаго устава и бытъ монастыря, библіотека монастыря времени Іосифова и забота его о средствахъ обители. За тѣмъ разсмотрѣны самый Уставъ монастыря, написанный Іосифомъ Волоколамскимъ, восемь посланій Іосифа къ разнымъ лицамъ по разнымъ обстоятельствамъ и два небольшихъ наставленія.—Изъ этого видно, какъ послѣдовательно и обстоятельно ведется дѣло. Здѣсь, конечно, у автора гораздо болѣе было подъ руками прямыхъ пособій, чѣмъ въ предъидущемъ: но надобно отдать ему

справедливость и въ употребленіи ихъ и въ дополненіи своими соображеніями, свѣдѣніями по нѣкоторымъ не тронутымъ прежде рукописямъ, и справками въ Собраніи Государственныхъ грамотъ, въ Актахъ Историческихъ, Юридическихъ и Западной Россіи, Собраніи Русскихъ лѣтописей и др. Глава о библіотекѣ монастырской при Іосифѣ Волоколамскомъ, хотя и небольшая и не совсѣмъ удачная, составлена вновь.

Теперь мы войдемъ въ частнѣйшее разсмотрѣніе вышеозначенныхъ главъ или сторонъ въ жизни преп. Іосифа, здѣсь раскрываемыхъ.

Въ главѣ о происхожденіи Іосифа родоначальникъ фамиліи его Саня иначе названъ Александромъ, какъ и доселѣ говорятъ въ просторѣчіи: въ Надгробномъ словѣ Іосифу Досиѳея Топоркова по авторитетному списку, съ коего сдѣлано изданіе, стр. 10 читается: прадѣду же его пришедшу на Русь *Александру Санѣ*. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь одно имя объясняетъ другое. Далѣе въ семействѣ отца Іосифова у автора представляются слѣдующіе сыновья: 1) Іоаннъ въ иночествѣ Іосифъ, самъ преподобный, 2) *Вассіанъ*, 1506—1515 г. архіепископъ Ростовскій, 3) *Акакій*, юный инокъ въ монастырѣ Пафнутія, впослѣдствіи епископъ Тверской 1525—1546 г. (несправедливо, по Исторіи Россійской Іерархіи нужно: 1522—1567 г.) и 4) *Елеазаръ*, упоминаемый у Саввы міряниномъ, умеръ монахомъ. О Ростовскомъ архіепископѣ Вассіанѣ это несомнѣнно, что онъ былъ родной братъ Іосифа. Что же касается до Акакія: то хотя мы и сами въ изданіи житія Іосифова, составленнаго Саввою, стр. 17 приняли его за епископа Тверскаго, но теперь отъ сего отказываемся — по слѣдующимъ основаніямъ: 1) Савва, писавшій житіе Іосифа въ 1546 г., безъ сомнѣнія поименовалъ бы и этого Акакія епископомъ, еслибъ онъ былъ таковымъ, какъ это замѣтилъ о Вассіанѣ. А онъ говоритъ такъ: «приташа къ нимъ въ совѣтъ иные старцы: братъ Іосифовъ Акакіе и Касіанъ рекомый Босой и другій братъ Вассіанъ иже бысть архіепископъ въ Ростовѣ». 2) Въ книгѣ дачь или вкладовъ въ Волоколамскій монастырь, писанной около 1554 г. (рукоп. Московской Епархіальной Библіотеки № 687—изъ Волоколамскихъ) на оборотѣ 71 листа записанъ вкладъ этого святителя слѣдующимъ образомъ: Поминати во вседневномъ спискѣ родители Тверскаго владыки Акакіа, *отца его священноерея Василья*, *да матерь его иноку Іулію*.... на всякъ годъ мѣсяца Генваря 1-го дня на память св. великаго Василія Кесарійскаго, *доколѣ владыка Акакіе живъ*, а какъ преставится вла-

дыка Акакіе, ино его написати въ повседневной списокъ. Тоже самое сказано о вкладѣ и родителяхъ Акакія Тверскаго въ другой дачной книгѣ Іосифова монастыря № 685 (Епархіальной Библіотеки) XVI же вѣка, но по смерти уже Акакія, л. 107 об. 3) Въ 1584—1585 г. Рязанскій епископъ Леонидъ, самъ постригшійся въ Іосифовомъ монастырѣ, въ челобитной своей къ царю Ѳеодору Ивановичу такъ писалъ о знаменитыхъ постриженникахъ того же монастыря: изъ Осифова монастыря на Москвѣ былъ Данилъ митрополитъ всеа Русіи и въ Ростовѣ на архіепископіѣ Васьянъ, братъ Іосифу чудотворцу.... въ Новгородѣ на архіепископствѣ былъ Ѳеодосей Іосифовъ же постриженникъ, да во Твери епископъ Окакей, да на Крутицахъ Савва Черный» (Акты Истор. т. I, № 216). Изъ всего этого видно, что Акакій Тверской былъ вовсе не братъ, а только постриженникъ Іосифовъ или его монастыря, а кѣмъ впослѣдствіи былъ дѣйствительный братъ Іосифовъ Акакій и когда скончался, это остается неизвѣстнымъ. Четвертаго сына Елеазара авторъ предполагаетъ впослѣдствіи инокомъ Евѳиміемъ, значущимся въ Синодикѣ Іосифовомъ, и считаетъ его также отцемъ Досиѳея и Вассіана Топорковыхъ. Оставя первое предположеніе, на послѣднее мы можемъ возразить: если Досиѳей и Вассіанъ были дѣти Елеазара: то отъ чего же прозывались не Санины, а Топорковы? Это послѣднее прозваніе въ современныхъ актахъ усвояется тому и другому: о Досиѳеѣ см. въ нижеприведенной (въ Приложеніи о библіотекѣ Іосифова времени) описи 1545 года, о Вассіанѣ Сказанія Курбскаго изд. 2, стр. 46.

Такъ какъ у Іосифа съ самаго отрочества завязалась дружба съ вельможнымъ отрокомъ Борисомъ Кутузовымъ, продолжавшаяся чрезъ все время ихъ жизни, при откровенной съ нимъ перепискѣ Іосифа и всегдашнемъ къ Іосифу сочувствіи, вкладахъ въ его обитель и наконецъ постриженіи въ ней самого Бориса: то, говоря объ отрочествѣ Іосифа, г. Хрущевъ справедливо обращаетъ особенное вниманіе на родъ и службу Кутузовыхъ и приводитъ родословную ихъ таблицу (см. стр. 27, прим. 42). Здѣсь не лишнимъ считаемъ объяснить, почему въ изданіи Житія Саввы Чернаго стр. 7, прим. 26, мы признали Бориса Кутузова подъ конецъ жизни принявшимъ монашество въ обители Іосифовой, на чемъ основался и г. Хрущевъ. Доказательство тому нашли мы теперь гораздо яснѣе указаннаго въ томъ примѣчаніи мѣста изъ Синодальной рукописи № 289 л. 64 об. (ошибка, чит. № 829 л. 63 об.). Въ той же дачной книгѣ № 687, писанной 1554 г., на об. 24 л.

въ главѣ 12 записанъ вкладъ «Князя Семена Ивановича Бѣльскаго.... и далъ на то князь полтораста копъ грошей, да сто рублевъ денегъ, и тѣми деньгами поставили церковь святое Богоявленіе Господа нашего Іисуса Христа, да трапезу, да хлѣбню кирпичны; да приложили къ тому 100 рублевъ, что далъ по себѣ Борисъ Кутузовъ, а въ иноцѣхъ Аврамій». За тѣмъ въ особой 13 главѣ: «поминати Бориса Кутузова, а въ иноцѣхъ Аврамій... а далъ на то Аврамій по себѣ 100 рублей денегъ, и та 100 рублей пошла въ трапезу». Бѣльскій, Семенъ Ивановичъ, первый изъ сего рода по преданности православію выѣхалъ изъ Литвы въ подданство Россіи 1500 г. (см. Никонову лѣтопись VI, 160). Князь скончался 7017 (1509) Августа 4 (по Синод. рукоп. № 678, см. Описаніе Синод. Б—ки отд. 3, ч. 1, стр. 306) и о вкладѣ его упоминалъ еще самъ преп. Іосифъ въ посланіи къ вдовѣ, а церковь Богоявленская значится уже въ описи монастыря 1545 г. За вкладомъ князя Бѣльскаго и Бориса Кутузова въ дачной книгѣ № 687 по хронологическому порядку слѣдуетъ въ гл. 14 вкладъ Геннадія архіепископа Новгородскаго.—Сдѣланная у г. Хрущева въ родословной таблицѣ ошибка въ показаніи, что дочь Андрея Михайловича Кутузова (внучка Борисова) была въ замужствѣ за царемъ Симеономъ *Бекбулатовичемъ*, справедливо поправлена въ началѣ послѣ Предисловія, что она за-мужемъ была за царемъ Симеономъ Касаевичемъ. Въ означенной книгѣ дачь XVI в. № 685, л. 82 об. такъ записана дача ея матери: дала въ домъ пречистыя Богородицы въ Осифовъ монастырь Евдокея Семенова дочь Ивановича Воронцова Андреева жена Михайловича Кутузова, въ иноцѣхъ Евфросинія по себѣ и по своихъ родителѣхъ, по мужѣ своемъ и по дщерѣхъ своихъ по княгинѣ Маріи, княжа Ѳедоровой Андрѣевича Куракина, да по *царицѣ Маріи Симеоновы Касаевича* сельцо Васьяново и проч. См. объ этомъ Симеонѣ Касаевичѣ Карамзина Истор. Гос. Росс., изд. Ейнерлинга, т. VII, стр. 123 и прим. 368.

На стр. 30 замѣчено, что Іосифъ отличался физическою силою, по которой и опредѣлили его тотчасъ въ поварню, а потомъ въ пекарню. На стр. 40 физической же силѣ Іосифа приписывается и тотъ подвигъ его, что онъ почти каждодневно мололъ хлѣбъ своими руками. Но въ томъ и другомъ надобно видѣть не столько физическую силу, сколько рѣшимость и твердость духа Іосифова, его униженіе и терпѣніе, коими вели его и коими самъ онъ потомъ шелъ къ иноческому совершенству (см. Надгробн. слов. стр. 17. 18). Этимъ путемъ шли почти всѣ великіе иноки наши.

Далѣе на стр. 30 сказано, что по дозволеніи Іосифу принять въ Пафнутьевъ монастырь престарѣлаго отца своего, *старцы* сдѣлали другую уступку нѣжности сыновней любви — послали матери Іосифа грамотку. Тоже сказано и выше въ Вступленіи стр. XXXVII и въ самомъ концѣ книги стр. 265 это мнимое посланіе старцевъ Боровской обители къ Маринѣ Саниной поставляется въ числѣ утраченныхъ актовъ.—Странно, какъ вкралась такая ошибка: не старцы, а самъ Іосифъ, получивъ отъ Пафнутія дозволеніе принять къ себѣ отца своего, послалъ къ матери своей грамоту, какъ видно, убѣждая ее въ ней также поступить въ монастырь, чтобъ и не оставаться одной безъ всякой помощи. Въ житіи Саввы Чернаго стр. 11 объ этомъ говорится такъ: Іосифъ же взя отца своего повелѣніемъ преподобнаго, къ матери же пославше посланіе, грамоту. И егда принесоша къ матери грамоту, она же прочетъ со слезами глаголаше: чадо мое возлюбленное! *сотворю тобою повельнное*: и пострижеся во обители святаго Власія на Волоцѣ.

На стр. 36 и въ прим. 49 говорится, что основатель, а не игуменъ посѣщеннаго странствовавшимъ Іосифомъ Тверскаго Саввина монастыря Савва I, Ера-Бороздинъ, передъ отшествіемъ своимъ въ Аѳонскую Гору избралъ настоятелемъ въ оный извѣстнаго подвижника Савву II, а по возвращеніи оттуда основалъ (новый) монастырь близъ Новгорода на рѣкѣ Вишерѣ, гдѣ и скончался.—Коренное мѣсто, на которомъ основываются эти слова, находится въ 10-й главѣ Устава преп. Іосифа. Отъ неправильнаго уразумѣнія его у автора произошли три ошибки. Во 1-хъ, у основателя Саввы напрасно отнимается настоятельство: начальникъ обители онъ былъ и настоятелемъ ея и, отправляясь въ св. Гору, сдѣлалъ преемникомъ по себѣ не Савву II (другая ошибка), а брата его Варсонофія, который, какъ вслѣдъ за симъ говорится, и игуменствовалъ 5 лѣтъ, а потомъ сдалъ начальство означенному брату своему. Въ 3-хъ, Савва Ера-Бороздинъ смѣшанъ съ Саввою Вишерскимъ, который, какъ гласитъ житіе его, самъ принялъ иночество въ основанной тѣмъ Саввою Ера обители, но избѣгая человѣческой славы, оставилъ ее и, странствуя нѣсколько времени въ предѣлахъ Новгорода, наконецъ остановился на рѣкѣ Вишерѣ и положилъ здѣсь начало своей Савво-Вишерской обители, а на Аѳонѣ отнюдь не былъ.

На стр. 44 указывая вкладчиковъ въ Іосифовъ монастырь при самомъ основателѣ его преп. Іосифѣ, авторъ говоритъ: дошла до насъ данная *какого-то* Андрея Даниловича на сельцо Темниково и

деревню Лучинково (чит. Лучниково) и ссылается на Акты Юридическаго быта т. 1, № 63.— Этотъ вкладчикъ — вышепомянутый бояринъ Андрей Квашнинъ, въ иночествѣ подвижникъ Арсеній Невѣжа. Въ дачной книгѣ № 685, л. 168 записано: *Дача старца Арсенія Невѣжи.* Далъ старецъ Арсеній Невѣжа Жоховъ въ домъ пречистыя Богородицы въ Осифовъ монастырь.... по себѣ и по своихъ родителѣхъ.... сельцо Темниково да двѣ деревни Лучниково да Резаново. Тоже записано въ дачной книгѣ № 687 л. 28 об.: Поминаніе Арсенія Невѣжино (безъ прибавленія: Жоховъ), равно и въ Синодальной рукописи № 829, л. 74.

За тѣмъ сдѣлано замѣчаніе, что особенно выгодно было для монастыря постриженіе изъ князей и бояръ и торговыхъ людей, и что списатели житія Іосифова обращаютъ на это особенное вниманіе, а на стр. 72-й прямо сказано, что игуменъ (Іосифъ) сильно былъ озабоченъ пріобрѣтеніемъ селъ и употреблялъ къ тому свое вліяніе. Гдѣ именно говорятъ въ этомъ смыслѣ о постриженіи бояръ и другихъ жизнеописатели Іосифа, авторъ не показываетъ и мы не можемъ сказать, кромѣ слѣдующаго мѣста изъ Житія Неизвѣстнаго стр. 20—22, которое онъ, конечно, и имѣлъ въ виду. Но это мѣсто, объясняя дѣло, бросаетъ не тѣнь какую нибудь, но особенный свѣтъ на преподобнаго и на его обширное, благотворное вліяніе. «Бѣаше бо Іосифъ благоговѣніемъ украшенъ и устнама благоувѣтливъ имѣя разумъ священныхъ книгъ... и добрѣ полезенъ бесѣдою: тѣмъ и благочестивый князь (Борисъ Волоцкій) зѣло любляше Іосифа... и слышашеся Іосифъ во градѣ и окрестъ жительствомъ чернечьскымъ изряденъ и словомъ удобренъ и извѣстенъ твердою жизнію. Елико бояръ иже отъ палаты княжи и елико отъ воеводъ его и отъ воинъ честныхъ вси желаніемъ влекомы къ нему взысковаху лица его и къ нему приходяще пользовахуся отъ него священными словесы... и много радовахуся о немъ, и всѣхъ извѣстующе, яко зѣло пользовавшемся отъ него. Мнози же сановницы часто съ нимъ бесѣдующе и словеси его повинувшеся нравы своя дивіяющыяся (дикіе, грубые) на кротость приложише удобришася жизнію. И бѣ видѣти (ихъ) благочестія свѣтомъ сіяюща и добродѣяньми умножающаяся, толико же блисташе о немъ добротою благодѣянія и честная воинства и вси на добродѣяніе и кротость словомъ мужа сего яко ведомы ведяхуся... Вся же тогда Волоцкая страна къ доброй жизни прелагашеся». А что Іосифъ съ любовію пріемля всѣхъ, какъ и объ этомъ прямо говоритъ Неизвѣстный стр. 27, обращалъ особенное вниманіе на строгихъ старцевъ

изъ благороднаго и образованнаго класса, къ этому была у него глубокая мысль, которую онъ самъ выражаетъ Нилу Сорскому: аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися, и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію, или архіепископа, или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе (см. статью въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ 1851 ч. 10, стр. 505: Отношенія иноковъ Кириллова Бѣлозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастыря въ XVI вѣкѣ). Дѣйствительно Іосифовъ монастырь былъ въ свое время разсадникомъ просвѣщенія и далъ отъ себя весьма многихъ пастырей, учителей и писателей Церкви (см. вышепомянутую челобитную Леонида Рязанскаго въ Актахъ Историческихъ т. 1. № 216).

На стр. 45 великій и необычайный примѣръ самоотверженія князя Голенина просто названъ явленіемъ «интереснымъ для характеристики Іосифа и его времени», притомъ интереснымъ не въ добрую сторону: потому что далѣе, излагая постриженіе Голенина, авторъ нѣкоторыми выраженіями бросаетъ на это какую-то тѣнь, а на стр. 72 об. кладетъ подозрѣніе на самаго Іосифа. Между тѣмъ кромѣ двухъ житій, такъ разительно изобразившихъ поступленіе въ монастырь и подвиги Голенина съ полною свободою (Саввы стр. 66. Неизвѣстнаго 51), величіе души его и чрезвычайныя обстоятельства, рѣшившія участь его, изложены еще въ особой рукописи Волоколамскаго монастыря (нынѣ Моск. Епархіальной Библіотеки) № 664, которую можно назвать Патерикомъ Волоколамскимъ. Господь взялъ къ себѣ отца и потомъ двухъ сыновей его, братьевъ Голенина, одного за другимъ, показавъ въ видѣніи благочестивой матери его блаженное ихъ состояніе. Это особенно, по погребеніи матери, побудило Андрея Голенина обречь себя Богу. Въ кормовыхъ книгахъ № 829 (Синодальной Библіотеки) л. 67 об. къ заглавію: по благовѣрномъ князѣ инокѣ Арсеніѣ Голенинѣ, да по матери его княгинѣ Марѳѣ инокѣ прибавлено противъ всѣхъ другихъ родовъ: *вѣра великая къ Богу и къ пречистой Богородицѣ.*

Слишкомъ также смѣло и оскорбительно для глубокаго благочестія князя Бориса, столько поэтому любившаго преподобнаго и имъ почитаемаго, объясненіе причины иночества Епифаніева на стр. 47. Неизвѣстный повѣствователь объ этомъ самъ даетъ другую высшую мысль (Житіе Неизвѣстнаго стр. 49). Въ Прологѣ есть подобный примѣръ отъ самообольщенія и соблазновъ красоты своей

скрывшагося въ монастырь и обезобразившаго себя, чему, вѣроятно, и послѣдовалъ Епифаній.

Несправедливо сказано на стр. 48, что Тверской бояринъ Квашнинъ, въ иночествѣ Арсеній Невѣжа, подвизался въ затворѣ: онъ служилъ болящимъ въ виду всѣхъ (Житіе Саввы, стр. 72).

Стр. 49. Въ порученіи великому подвижнику Кассіану *знатнаго по происхожденію* Іоны Головы, а сему *князя* Голенина и *вельможнаго* Епифанія со стороны Іосифа признается какой-то *тактъ*. — Конечно это тактъ, но не мірской какой нибудь, на знатности основанный, но тактъ духовной прозорливости, коею обыкновенно отличаются отцы, и по коей эти великіе подвижники отданы были въ обученіе и великимъ учителямъ. Ясно на это указываетъ и самый жизнеописатель — Неизвѣстный, стр. 27: и сіи вси постризающеся первіе предаеми бываху мнихомъ, иже уже житіемъ продолженомъ и искусномъ бывшемъ и имѣющимъ дарованіе судити помышленія.

На стр. 55 и слѣд. въ общемъ обозрѣніи состоянія, въ какое привелъ свою обитель Іосифъ общежительнымъ уставомъ, хотя и указаны рѣзкіе примѣры подвижничества, но, намъ кажется, не довольно еще раскрыта добрая сторона обители, равно какъ заслуги и подвижническая дѣятельность самого Іосифа, напротивъ преувеличена худая сторона. По изображеніямъ у Саввы (стр. 22 и дал.) и Неизвѣстнаго (стр. 20 и дал. 25 и дал.) при самомъ преподобномъ высшія иноческія доблести — непрестанныя въ трудѣ напряженія и особенные еще подвиги, нищета, самоуничиженіе, строгое воздержаніе процвѣтали въ его обители, самъ онъ во всемъ подавалъ собою примѣръ даже и въ черныхъ работахъ, нищетѣ и самоуничиженіи, самъ привлекалъ къ себѣ словомъ и жизнію всѣхъ, начиная съ князей и бояръ, самъ возбуждалъ, развивалъ и укрѣплялъ въ нихъ доблести иноческія. Такимъ образомъ находимъ мы неумѣстными слова автора, что «на постриженіе къ Іосифу (какъ бы сами собою) шли мужи религіозные, проникнутые идеей спасенія, что съ такими подвижниками, какъ впослѣдствіи они являлись, легко было вести дѣло; за Іосифомъ остается умѣнье привлечь ихъ къ себѣ». Далѣе въ укоръ Іосифова монастыря авторъ почти ничего не нашелъ сказать, а указываетъ нѣкоторые частные или исключительные случаи преступленій и безчинія (притомъ иногда неправильно понятые) вообще изъ быта монастырей Русскихъ, не опредѣляясь ни мѣстомъ ни временемъ. Къ неправильному представленію, на стр. 56, относимъ мы случай съ инокомъ Исихіемъ въ Іосифовой обители, выходъ изъ церкви во время чтенія каѳисмъ

въ Кирилловой, «неподобныя рѣчи и скверныя слова въ трапезѣ» Савинской Тверской обители. У Саввы прямо сказано, стр. 8, что это было не за братскою общею трапезою, когда соблюдается строгое молчаніе и читается поученіе, но въ особой трапезѣ страннихъ, и было отъ мірянъ, т. е. отъ тѣхъ же страннихъ. Можетъ быть и ручную расправу, такъ поражающую современную деликатность, скорѣе можно объяснить простотою, а не грубостію нравовъ и не развращеніемъ. Такой опытъ, по нѣкоторымъ сборникамъ, сдѣланъ былъ и святителемъ Московскимъ Іоною надъ преп. Пафнутіемъ, и самого Іосифа хотѣлъ, однажды, якобы заушить Герасимъ Черный, старецъ житія крѣпкаго, пребывающій въ постѣ и молитвахъ паче же въ безмолвіи (Житіе Саввы Чернаго, стр. 16. 18). Наконецъ и воспрещеніе входа въ монастырь женщинамъ и отрокамъ не относится прямо къ характеристикѣ того времени: эти правила предосторожности—искони монастырскія, строго соблюдаемыя на Аѳонѣ, и указываемыя еще св. Василіемъ великимъ (Творенія св. отцевъ, ч. IX стр. 68: Слово о подвижничествѣ). Другое дѣло — примѣры развращенія древнихъ уставовъ и обычаевъ самими настоятелями или совершенно непокорною братіею, также указываемые авторомъ.

На стр. 59—62. выбрано изъ устава Іосифова и житій его все, что касается образа жизни и обычаевъ монашествующихъ; на стр. 64—71 показана библіотека времени преп. Іосифа, т. е. собственноручно писанныя имъ книги, бывшія въ его владѣніи или при немъ приложенныя въ обитель разными вкладчиками. Перечень этотъ, надобно сказать, не всегда правиленъ и далеко не полонъ. Указанное на стр. 65, № 1, Евангеліе въ 4 д. находится въ Московской Епархіальной Библіотекѣ подъ № 26 (по описи Іосифова монастыря), Синодикъ подъ № 2 — не тамъ, а въ Библіотекѣ Волоколамскаго монастыря. Богородичникъ подъ № 3 хранится въ Іосифовомъ же монастырѣ по описи № 138, Тріодь постная подъ № 4 — тамъ же подъ № 119. Книги Ветхозавѣтныя подъ № 5, хранящіяся въ Московской Духовной Академіи по описи Волоколамской № 9 (Акад. 6), какъ увидимъ ниже, писаны не самимъ преподобнымъ Іосифомъ, а только для него, равно какъ и Пятокнижіе съ другими статьями подъ № 6, по всей вѣроятности, писано (1494 г.) для него же Іосифа. Далѣе къ собственноручнымъ Іосифа отнесенъ экземпляръ *Просвѣтителя*, хранящійся въ Епархіальной Библіотекѣ, въ 4 д., о коемъ авторъ сказалъ и въ Предисловіи, стр. X, но номера рукописи не означилъ ни тамъ ни здѣсь. Между тѣмъ въ Епархіальной Библіотекѣ вовсе нѣтъ автографа Просвѣтителя, а объявляется

только за подлинникъ въ отношеніи къ изданію Новикова въ Древней Вивліоѳикѣ, ч. XIV стр. 128—146, списокъ Просвѣтителя подъ № 478, 4 д., XVI в. Но онъ не можетъ назваться автографомъ, потому что писанъ двумя или тремя разными почерками иногда на одной страницѣ, и ни одинъ изъ нихъ не сходенъ съ почеркомъ собственноручнаго вышеупомянутаго Евангелія въ той-же Библіотекѣ подъ № 1, по описи № 26. Другой списокъ Просвѣтителя въ Епархіальной Библіотекѣ № 479 XVI в., 4 д., почерка, очевидно, уже не Іосифовскаго и позже его. Притомъ въ древнихъ описяхъ 1545, 1591 г. и др., показывающихъ собственноручныя книги Іосифа, между ними никогда не значился Просвѣтитель. *Уставъ*, данный Іосифомъ монастырю своему, въ той-же Епархіальной Библіотекѣ, но не означенный у автора ни форматомъ, ни вѣкомъ написанія, ни номеромъ, также несправедливо отнесенъ къ автографамъ. Такого устава или духовной грамоты его въ 14 главахъ, описанной у автора стр. 75 и дал., въ Епархіальной Библіотекѣ одинъ только списокъ подъ № 483, 4 д., XVI в. Но сей уставъ первоначально составлялъ вторую часть рукописи, приложенной въ 1566 году княземъ Дмитріемъ Оболенскимъ Нѣмымъ, а въ первой части было житіе препод. Іосифа, составленное Неизвѣстнымъ; см. Предисловіе къ этому житію, изданному нами 1865 года. Другіе два списка № 482 и 484 — въ Московской Духовной Академіи и не автографы же. Въ описяхъ 1545, 1591 и др. между рукописями, писанными самимъ преподобнымъ, также нѣтъ его устава. *Сборникъ*, описанный у автора на стр. 69, можетъ быть признанъ автографомъ Іосифа, какъ значится и въ описяхъ 1545, 1591 и др. Евангеліе-тетръ конца XV в. съ символическими изображеніями евангелистовъ по Академической номераціи подъ № 14, по Волоколамской описи 17, не относится ко времени Іосифа, такъ какъ по подписи приложено Симоновскимъ архимандритомъ Герасимомъ Замыцкимъ, настоятельствовавшимъ уже гораздо спустя по смерти преподобнаго. Показанная за симъ книга прор. Даніила, какъ написанная по повелѣнію преемника Іосифова игумена Даніила, также сюда не относится. Евангеліе Бориса Кутузова, конечно, современно преподобному, но отъ Кутузова есть и другія книги, приложенныя въ Іосифовъ монастырь. Тоже надобно сказать и о вкладахъ Вассіана Ростовскаго. Фотій, ученикъ Кассіановъ, переписчикъ многихъ книгъ, въ Іосифовѣ монастырѣ постриженъ самимъ препод. Іосифомъ и, какъ увидимъ ниже, при немъ былъ въ обители 5 лѣтъ, а послѣ него 40 лѣтъ. Слѣдовательно, часть его переписки могла

относиться ко времени Іосифа, а прочее къ позднѣйшему. Далеко не полно и отчасти невѣрно показаны на стр. 69 и 70 книги, писанныя по повелѣнію Іосифа или въ его настоятельство. Изъ числа первыхъ въ сборникѣ, пис. 1487 г., слова подписи приведены неполнѣ, съ опущеніемъ существенно важныхъ, и номеръ показанъ не тотъ: рукопись эта по Волоколамской описи подъ № 657, а по Академической 232. Апостолъ, приложенный клирошаниномъ Варлаамомъ Двинянниномъ, отнесенъ ко времени Іосифа: но изъ подписи на другой рукописи этого Варлаама по Волоколамской описи № 624, по Академической 211, видно, что онъ былъ ученикъ Евѳимія Туркова, поздняго инока, учившагося у постриженника Іосифова, впослѣдствіи архіепископа Новгородскаго Ѳеодосія и бывшаго 1573—1586 г. игуменомъ Іосифова монастыря. Такая неполнота и невѣрность въ показаніи современныхъ Іосифу рукописей, а съ другой стороны важность разъясненія этого вопроса побудили насъ по означеннымъ древнимъ описямъ 1544 и 1591 г., въ связи съ нынѣшнею описью Волоколамскихъ рукописей, въ особомъ къ сему Приложеніи сдѣлать свое обозрѣніе библіотеки, современной Іосифу, т. е. рукописей какъ писанныхъ имъ самимъ, или по повелѣнію его, такъ и приложенныхъ въ его настоятельство.

На стр. 72 авторъ слишкомъ свободно выражается и разсуждаетъ о пріобрѣтеніи средствъ Іосифомъ къ существованію обители. «Самымъ значительнымъ подспорьемъ, говоритъ онъ, были села и *игуменъ былъ сильно озабоченъ пріобрѣтеніемъ ихъ*.... Выше мы видѣли, какъ выгодно было монастырю, когда въ немъ постригались богатые люди, и какъ Іосифъ постригъ Голенина». (На то и другое съ нашей стороны данъ отвѣтъ въ замѣчаніяхъ, на первое къ стр. 44, на второе къ стр. 45). «Практичность Іосифа, продолжаетъ авторъ, выражается и въ слѣдующемъ его поступкѣ». И за тѣмъ, не обинуясь скажемъ, совершенно въ превратномъ видѣ представляется одинъ изъ возвышеннѣйшихъ и важнѣйшихъ случаевъ съ крестникомъ Іосифа молодымъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Волоцкимъ. «Когда привезли въ монастырь больнаго князя, и бояре и отроки подняли плачь, Іосифъ велѣлъ замолчать всѣмъ, всѣхъ выслалъ вонъ, оставивъ при себѣ и больномъ только одного старца Кассіана Босаго. Князь успѣлъ покаяться и умеръ, завѣщавъ тѣло свое обители Іосифа со вкладомъ села Спасскаго. Духовная грамота его дошла до насъ; она писана въ предсмертные часы его; у грамоты сидѣлъ игуменъ Іосифъ. Вліяніе Іосифа на грамоту замѣтно. Заботливость его о монастырскомъ хозяйствѣ

выражалась тѣмъ, что кромѣ дачи монастырю села Спасскаго по грамотѣ даны Іосифу деньги и лошади».—Понятно, до какой степени унижена здѣсь личность и характеръ преподобнаго. Но это самое обстоятельство весьма ясно и трогательно разсказано у Саввы Чернаго стр. 31—33, а въ помянутой на стр. 91. Погостовской рукоп. въ числѣ чудесъ преподобнаго поставлено первымъ, съ нѣкоторыми дополненіями. Князь Иванъ Борисовичъ, по этимъ источникамъ, отъ отца наслѣдовалъ благочестіе и усердіе къ Іосифовой обители изъ уваженія къ ея основателю, и когда внезапно заболѣлъ и вельми изнемогъ, велѣлъ вести себя въ эту обитель. Бояре, опасаясь, чтобъ тамъ онъ не принялъ иноческаго образа, возвѣстили о томъ дядѣ его, великому князю, который и запретилъ Іосифу постригать юношу, по этой самой молодости его. Когда князя привезли въ монастырь и за слабостію его отнесли въ келью: Іосифъ, по сказанію Погостовской рукописи, пойде въ церковь, нача молебная совершати. Князь же въ это время изнемогъ еще болѣе, яко уже безъ дыханія и мертву быти ему. Видя это князи и бояре и отроки подняли столь страшный плачъ и вой о добродѣтельномъ и всѣми любимомъ князѣ, что «отъ великаго ихъ вопля подвигошася вся братія и стекошася вси. И пріиде игуменъ Іосифъ и повелѣ имъ престати отъ плача, и видѣ князя безъ дыханія и вопроси, аще покаяся (исповѣдывался ли) и причастися? И отвѣщаша ему вси: ни покаяся, ни причастися. И о семъ Іосифъ зѣло оскорбися, съ воздыханіемъ слезы испущая, и выслa всѣхъ вонъ, остави единаго старца Кассіана, рекомаго Босого: и помолися Господу Богу и пречистой Его Богоматери, и абіе князь яко отъ сна возбнувъ, сверже одѣяло и нача звати веліимъ гласомъ отца Іосифа, проситъ покаяніа (т. е. исповѣди)». Такимъ образомъ обстоятельство имѣетъ весьма разительное сходство съ воскрешеніемъ дщери князя Іаира, изложеннымъ у ев. Матѳея 9, 23—26 и Луки 8, 40—42, 49—56. Какъ тамъ Спаситель изгналъ всѣхъ малодушныхъ и невѣрующихъ, плачущихъ по умершей, оставивъ при себѣ только трехъ ближайшихъ учениковъ своихъ: такъ точно для сосредоточенія духа и Іосифъ выслалъ всѣхъ и только извѣстнаго подвигами Кассіана сдѣлалъ свидѣтелемъ и участникомъ чудодѣйственной своей молитвы. И какъ Спаситель говорилъ смущающимся: не умре бо дѣвица, но спитъ, и запретилъ имъ разглашать объ этомъ: такъ Іосифъ говорилъ теперь сѣтовавшимъ: что смущени бысте, князю мало задремавшу? зрите, яко живъ есть, и запрети имъ сего не глаголати. Іосифъ исповѣдалъ князя и сподобилъ святаго при-

частія, и слышалъ какъ отъ него, такъ и отъ изумленной свиты его выраженія живѣйшей благодарности: что ти, отче господине, души моей помощниче, воздамъ, еже не остави погыбнути окаанную душу мою? Богъ тебѣ воздастъ противу трудовъ твоихъ. Онъ приказалъ погребсти себя въ монастырѣ, отказалъ оному село Спасское, учинилъ всему имѣнію своему розряду, не скрывая говоритъ Савва, и тутъ же скончался. Въ этомъ назначеніи села Спасскаго и за тѣмъ денегъ и лошадей въ пользу обители авторъ видитъ вліяніе Іосифа. Но сохранившаяся грамота (Собраніе Госуд. грам. и догов. т. I, № 132), на которой онъ думаетъ основаться, показываетъ, что князь подобные вклады селами, деньгами и вещами сдѣлалъ почти во всѣ тогдашніе монастыри и церкви, числомъ болѣе 25: села и деревни онъ далъ и на Москвѣ къ архангелу (Кремлевскому Архангельскому собору, гдѣ погребенъ былъ отецъ его) и въ Рузу къ церкви Іоанна Богослова, ангела своего, и въ Волоколамскій Возмицкій монастырь; денегъ, какъ видно, взятыхъ въ заемъ, кромѣ Іосифа, приказалъ выдать и многимъ другимъ частнымъ лицамъ, между прочимъ *Лагуть кузнецу*, также какъ Іосифу, 50 рублевъ; наконецъ и лошади раздѣлены пополамъ между Іосифовымъ монастыремъ и Левкѣевымъ — Волоколамскаго же уѣзда.

Смутно и превратно изложены за тѣмъ правила поминовенія въ монастырѣ покойниковъ: авторъ не объясняя самаго дѣла, поставляетъ на видъ только требующіеся за поминовеніе взносы, не говоритъ, что это было въ общемъ обычаѣ монастырей и церквей, и иначе быть не могло, и своимъ изложеніемъ невольно приводитъ мысль къ такъ названной у него «практичности Іосифа». «Поминовеніе было, говоритъ онъ, въ прямой зависимости отъ количества взноса. Кто вписывалъ своихъ покойниковъ въ *годовое* поминаніе, обязывался каждый годъ въ извѣстные сроки давать опредѣленный денежный взносъ или опредѣленное количество хлѣба, если онъ не далъ монастырю въ вѣчное владѣніе села съ деревнями. Покойниковъ, записанныхъ въ годовое поминовеніе поминали въ дни ихъ кончины и дни ангела ихъ; творили имъ память отдѣльнымъ богослуженіемъ и кормомъ большимъ или малымъ. За меньшіе вклады вносились имена умершихъ въ Синодикъ, но поминали ихъ въ общіе поминальные дни вмѣстѣ со всѣми. Но и тутъ количество именъ должно быть соразмѣрнымъ платѣ».—Мы объяснимъ это дѣло по помѣщенному у самаго автора въ концѣ книги л. 255—260, посланію къ вдовѣ и по Обиходнику Іосифова монастыря —

въ Синод. библіотекѣ подъ № 829, XVI в. л. 38—45. Во первыхъ Іосифъ писалъ вдовѣ, что многихъ бѣдныхъ (строевъ), погребенныхъ въ монастырѣ, поминали и даромъ, а что условія простирались только на богатыхъ. Имянъ первыхъ (т. е. безмездныхъ) изъ сенаника вѣчнаго не загладятъ и до вѣка, сказано въ № 829, л. 40. Во вторыхъ, подъ годовымъ поминовеніемъ у автора смѣшаны два постоянныхъ поминовенія, одно, простиравшееся на *неопредѣленное* число лѣтъ, другое на вѣчное время, доколѣ монастырь стоитъ. За первое требовался денежный взносъ, и какой же? по рублю на годъ за имя. Имя сіе вносилось въ повседневный списокъ и еще въ Синодикъ на *урочные годы*. Кто давалъ 50 рублей, того вписывали въ *вѣчной* Синодикъ для всегдашняго поминанія. Дача села или деревни или взносъ, начиная со ста рублей, обусловливали *вѣчное* поминовеніе, но особеннаго рода. Оно отличалось отъ предъидущаго и всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ дни кончины и ангела покойниковъ совершалась отдѣльная заупокойная по нихъ литургія и были кормы или столы бо́льшіе или малые. Кромѣ повседневнаго списка и вѣчнаго Синодика имена ихъ вносились еще въ кормовыя книги. Что касается до самаго поминовенія: то въ обители на каждой недѣлѣ были по три соборныхъ паннихиды, подъ начальствомъ самого игумена, и по девяти литій заупокойныхъ. На тѣхъ и другихъ читались какъ повседневные списки, такъ и синодики и кормовыя книги, равно какъ читались всѣ они на всѣхъ вечерняхъ и на утреняхъ, а повседневные списки кромѣ того на каждой литургіи. Такимъ образомъ, по словамъ самого Іосифа, въ панихидный день каждое имя воспоминалось по десяти или по девяти разъ, а въ непанихидные по шести. При поминовеніи записанныхъ въ кормовыя книги требовались особенныя издержки какъ на торжественное по покойномъ богослуженіе, такъ и на общій или соборный столъ. Конечно, по самому уставу преподобнаго здѣсь не было никакихъ винъ, но монастырскою трапезою, какъ говоритъ самъ же Іосифъ, пользовались иногда шесть сотъ, иногда семь сотъ душъ, а по Обиходнику № 829, л. 44 об. большой таковый кормъ стоилъ 12 рублей, средній 6 или 7 руб., меньшій 5 руб., да къ нему на квасъ медвеной требовалось 2 руб., на сыченой 1 руб. или 20 алтынъ.

Одно изъ лучшихъ произведеній Іосифа есть Уставъ или духовная грамота, часто исполненный прекрасныхъ и возвышенныхъ мыслей, съ трогательными примѣрами. Подробное и точное изложеніе (даже въ сличеніи съ прочими таковыми уставами) ближай-

нимъ образомъ относится къ задачѣ автора. Но на стр. 75—84 это исполнено слабо и съ особой точки зрѣнія. Не показывая существенныхъ достоинствъ Устава, авторъ какъ бы ищетъ въ немъ однихъ темныхъ мѣстъ. Мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторые таковые примѣры. Въ главѣ первой, не упоминая о прекрасныхъ выпискахъ изъ Златоуста и другихъ отцевъ, ни о собственныхъ Іосифа столь же сильныхъ и хорошихъ мысляхъ, авторъ указываетъ только на какіе-то *карательные* примѣры изъ Патериковъ, которые по его отрывочному изложенію въ глазахъ невѣдующихъ могутъ болѣе компрометировать благочестиваго, умнаго и глубоко-начитаннаго Іосифа. Во второй главѣ о трапезномъ благоговѣйнствѣ у Іосифа также есть очень хорошіе примѣры и мысли изъ отцевъ церкви, но авторъ объ ней замѣчаетъ только: во второй главѣ Іосифъ, запрещая бесѣду за трапезой, *безцеремонно* указываетъ на свинью, которая ѣстъ хрюкая.... и въ угрозу тѣмъ, кои тайно въ кельѣ насыщаются, приводитъ въ примѣръ смерть одного монаха, котораго змѣй связалъ по рукамъ и по ногамъ, а главу вложилъ въ уста. Скажемъ, что въ первомъ случаѣ Іосифъ приводитъ лишь слова Іоанна Колова, на трапезѣ выведеннаго изъ терпѣнія болтливымъ братомъ, а другой случай взятъ изъ Григорія Бесѣдовника. Пересказывая изъ 6-й главы (а не изъ 5-й, какъ пишетъ авторъ), разные опыты послушанія Павла Простаго, которые могутъ казаться нынѣшнему человѣку странными и жесткими, авторъ иронически замѣчаетъ, что Іосифъ восхищается послушаніемъ Павла. Скажемъ на это, что безпрекословное послушаніе есть одна изъ коренныхъ добродѣтелей инока, что этихъ опытовъ послушанія требовалъ отъ ученика своего Антоній Великій, и что таковыя чисто-духовныя вещи, по апостолу, разсуждаются не душевнѣ, а духовнѣ (1 Кор. 2, 14) *).

На 10-й главѣ Устава, содержащей сказанія о св. отцахъ Русскихъ монастырей, авторъ справедливо останавливаетъ вниманіе, и разсмотрѣнію ея посвящаетъ нѣсколько страницъ. Но ссылаясь

---

*) Какъ этотъ примѣръ Павла Простаго, такъ и прочіе въ настоящей главѣ авторъ почему-то приписываетъ отцамъ *Малой Азіи*, о чемъ говоритъ и во Вступленіи стр. V: «кромѣ житій *Мало-Азіатскихъ* и *Греческихъ* (??) Іосифъ пользовался и житіями Сербскихъ святыхъ». Въ настоящей главѣ приведены примѣры Іоанна Саввaита — въ Лаврѣ св. Саввы Освященнаго, Досиѳея — въ Палестинской обители, Іоанна Дамаскина и Павла Простаго — въ Ѳиваидской пустынѣ. Ни одного нѣтъ изъ Малой Азіи.

на заглавіе ея: *отвѣщаніе любозазорнымъ и сказаніе вкратцѣ о святыхъ отцѣхъ* и проч., очень странно и на перекоръ всему онъ находитъ здѣсь двѣ и даже три разныя части, изъ коихъ средняя—Сказаніе объ отцахъ Русской земли—не только будто бы не имѣетъ отношенія къ прочимъ по своему содержанію, но и писана гораздо ранѣе ихъ. Тогда какъ весь Уставъ преданъ писмени предъ самою кончиною Іосифа, почему и называется иначе духовною грамотою, Сказаніе объ отцахъ, говоритъ онъ, писано въ отвѣтъ на возникшіе въ первыхъ годахъ XVI столѣтія *укоры Русскому монашеству.* Несоотвѣтствіе частей указывается въ слѣдующемъ: *любозазорные* противники Іосифова Устава, утверждаемаго теперь письменемъ, говорили, что древніе Русскіе отцы учили не писаніемъ, а преданіемъ, а въ отвѣтъ на это въ Сказаніи о сихъ отцахъ у Іосифа со стороны отцевъ въ опроверженіе не представляется никакого письменнаго устава.—Намъ кажется, что только предзанятая идея противъ монастырей, часто обнаруживаемая въ сочиненіи (см. и на ближайшей 77 стр.), не дозволила автору видѣть или признать ясное и правильное теченіе рѣчи и связь частей въ настоящей главѣ. Мы изложимъ содержаніе ея по печ. изданію: Сказанія о Русскихъ и Славянскихъ святыхъ, извлеченныя изъ великихъ Миней-Четіихъ, ч. I. Спб. 1868. стр. 235—268. Вся глава говоритъ объ общежительномъ уставѣ монастырскомъ и противъ нарушителей его. Въ началѣ противъ возраженія любозазорныхъ братій, что общежительныя преданія уже древніе отцы (восточные) изложили, и потому нынѣ остается учить только словомъ, приводятся свидѣтельства изъ Никона Черногорца, Лѣствичника и другихъ, что настоятелю въ обители, или пастырю свои учительства и наказанія надобно передавать не только словомъ, но и писменемъ, кольми паче въ нынѣшнія слабыя времена, прибавляетъ къ этому Іосифъ (л. 235—239). Потомъ рѣшается другое возраженіе, что по крайней мѣрѣ Русскіе отцы, основатели монастырей, не писали своихъ уставовъ, но учили только словесно. Противъ этого возраженія, коимъ любозазорные собственно хотѣли подрыть вводимый Іосифомъ строгій уставъ общежитія, Іосифъ далѣе развиваетъ прекрасную картину, какъ установляли и крѣпко держали Русскіе отцы наши общежительныя свои правила и преслѣдовали нарушителей ихъ. Читатель въ тоже время видитъ, что правила ихъ тѣ же самыя, какія предавалъ теперь писмени Іосифъ. Въ отвѣтѣ такимъ образомъ обращается вниманіе не на форму передачи устава (словесно или писменно), а на самое дѣло. Іосифъ сперва

вообще замѣчаетъ, что святые отцы наши, основавшіе обители, какъ сами богоугодно пожиша, такъ и сущихъ подъ ними такожде и учаще и наказующе (стр. 240). Потомъ въ частности указываетъ 1) на Печерскій монастырь, на пощенія и злостраданія и христоподобную нищету подвижниковъ его (т. е. что̀ по уставу относится къ пищѣ и одеждѣ) и замѣчаетъ: а еже имѣяху попеченіе о монастырскомъ благочиніи и благоговѣйнствѣ и крѣпости, никтоже можетъ нынѣ сіе словомъ или дѣломъ показати: никогда бо монастырь (не имѣли) отворенъ, но всегда заключенъ, яко самому державному князю Изяславу не давати входъ кромѣ благословенія настоятелева (тоже требовалось и Уставомъ Іосифа); 2) о преподобномъ Сергіѣ Радонежскомъ, сподвижникахъ и преемникахъ его говоритъ, что они толику бодрость и тщаніе имяху о паствѣ, яко ни мало небреженіе или преслушаніе презрѣти.... непослушающая не оставляху своимъ волямъ послѣдовати, но всячески возбраняху и отъ церкви и отъ трапезы отлучяху, толику нищету и нестяжаніе имѣяху, яко и самыя книги на берестѣхъ писаху, самъ блаженный Сергіе ризы худы и искропаны ношаше.... *) (стр. 241. 242). Святаго же Кирилла (говорится за симъ 3) о Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ) что̀ имамъ писати или изглаголати? Колико о семъ (уставѣ) попеченіе имѣяше, свидѣтельствуютъ и нынѣ въ обители его хранима преданія и ученія.... и якоже самъ блаженный Кириллъ опасно попеченіе имѣяше *о благочиніи монастырскомъ и иноческомъ*, таковы бяху и ученицы его, иже по немъ.... никакоже не попущающе безчиннымъ, презоривымъ и небрегущимъ святаго Кирилла преданія. И за тѣмъ показываются нѣкоторые изъ этихъ безчинныхъ и презоривыхъ настоятелей, вопреки общежительному уставу избранныхъ изъ чужихъ монастырей, которыхъ съ твердостію обличали истинные ученики Кирилла (стр. 242—245). Тоже говоритъ далѣе 4) о Симоновомъ монастырѣ, что и тамъ были архимандриты, иже нѣкоторая обычая и преданія основателей его — блаженнаго Ѳеодора и Кирилла развращаху, — и излагаетъ эти правила, принятыя Іосифомъ и въ свой Уставъ. Обычай бо бяше того монастыря таковъ: въ кѣліяхъ не ядяху, ниже піяху, ниже внѣ монастыря исхождаху безъ благословенія настоятелева, ниже отрочата въ монастыри живяху, ниже на дворцѣхъ: но вся

*) Такъ какъ Іосифъ былъ занятъ только уставомъ преподобнаго Сергія, а не вообще житіемъ его: то было ли ему извѣстно составленное тогда житіе Сергія, или нѣтъ — предположеніе объ этомъ автора, стр. 82, неумѣстно.

у нихъ бѣяху по свидѣтельству божественныхъ писаній и общежительныхъ преданій. И здѣсь показаны примѣры обличенія, когда были «обычая монастырская измѣняемы и благочиніе отмѣтаемо», и въ лицѣ блаж. Варѳоломея ревность «къ монастырскому строенію, прежде убо духовному, потомъ же тѣлесному: непрестанно бо обходя и вездѣ смотряше, на монастыри же и въ трапезѣ и въ поварнѣ и въ хлѣбнѣ и на дворцѣхъ и въ кѣліяхъ».... (стр. 245—248) 5) Въ Саввинѣ Тверскомъ монастырѣ является строгій игуменъ Савва, жезломъ блюдущій уставъ общежительный, и забывающій личную, тѣлесно ему нанесенную, поносную обиду. Іосифъ при семъ случаѣ передаетъ и нѣкоторыя другія драгоцѣнныя черты этого великаго старца Саввы и брата его Варсонофія, при коихъ въ монастырѣ «вся быша благочинно и кротко наказаніемъ и ученіемъ ихъ». Одному изъ игуменовъ, изъ чужаго монастыря взятому и развратившему сіи преданія, Савва явился и по смерти своей съ такими словами: «како окаанне нимало попечеся о монастырскомъ и иноческомъ благочиніи и благоговѣйнствѣ, но вся попра и ни во чтоже положи»? (стр. 248—254). Такъ говорится и о прочихъ монастыряхъ — Андроньевѣ, Колязинскомъ, Пафнутьевѣ. Такъ какъ въ этомъ изложеніи довольно представлялось примѣровъ безчинія и нарушенія уставовъ: то въ заключеніи Іосифъ говоритъ (стр. 261) что все это онъ писалъ не унижая Русскихъ монастырей и иноковъ *), а имѣя въ виду только себя и сущихъ подъ нимъ, для своего исправленія требующихъ побудительныхъ поученій, примѣровъ, писаній и преданій. Писаній, говоритъ, тѣмъ болѣе, когда не занесенныя въ нихъ преданія такъ легко забываются и ни во чтоже вмѣняются, и когда нынѣшнему роду такъ тягостны кажутся эти преданія, что хотѣлось бы ему жить, идѣже законы и правила не жительствуютъ (не существуютъ) и нѣсть ни которыя тягости, ни нужа, ни запрещенія, но якоже кто всхощетъ, якоже произволитъ, тако и живетъ: не мѣсто бо (по ихъ мнѣнію) спасаетъ, но произволеніе благо. За симъ словами отцевъ обличается такое мудрованіе плоти и въ концѣ дается увѣщаніе братіи. Такимъ образомъ оказывается самый естественный порядокъ мыслей и связь частей всей главы. А г. авторъ не видитъ никакой связи и послѣдней части — заключенія со второю (стр. 83)!

*) Сдѣлаемъ при этомъ замѣчаніе: какъ же бы могъ написать Іосифъ такія слова и изложить вышепоказанные примѣры безчинія, еслибъ настоящая глава его, по мнѣнію автора, написана была въ защиту Русскихъ монастырей, на укоры имъ современнаго общества?

Теперь слѣдуетъ разборъ посланій преп. Іосифа.

Въ *посланіи къ брату, еже сохранити заповѣди* на стр. 85 въ наставленіи, послѣ трапезы «не оставаться въ трапезѣ, за послѣднюю трапезу ѣсти не ходити и въ *щогнушю* не лазати, ниже пити въ *щогнуши*», слово щогнуша несправедливо объяснено о банѣ. Это наставленіе буквально читается во 2-й главѣ Устава Іосифова по печ. изданію его 1868 г. стр. 173: «послѣ трапезы не оставатися въ трапезѣ и въ щегнушу не входити безъ благословенія и безъ великія нужа», а въ сокращенномъ видѣ той же главы, печ. стр. 329 надзирателямъ въ трапезѣ велѣно смотрѣть между прочимъ за тѣмъ, аще кто почнетъ ходити въ трапезу, или изъ трапезы щогнушными дверьми. Въ составленной еще при Грозномъ царѣ описи Іосифова монастыря № 689 а) на л. 48 при церкви Богоявленской значится щегнуша каменная, съ двумя чуланами, изъ коихъ въ одномъ хлѣбъ и суды трапезные держатъ, а въ другомъ гостей кормятъ. И такъ эта щогнуша есть ничто иное, какъ наша кухня, какъ и объяснено это слово у Памвы Берынды: щегнуша, щебля, або кухня (Сахарова Сказанія Русскаго народа кн. 5, стр. 116).

Въ разборѣ *посланія къ четыремъ лицамъ о разстригшемся чернцѣ* можно поставить на видъ слѣдующее мѣсто на стр. 88. «Надо думать, что это посланіе писано ранѣе борьбы Іосифа съ ересью (жидовствующихъ). Въ противномъ случаѣ поступокъ Неровнаго (отца разстригшагося чернца) вызвалъ бы обвиненіе *въ ереси* (!): не пускаетъ одного сына въ церковь, другаго взялъ изъ монастыря».— Что касается до проклятія, къ которому подводитъ Неровнаго Іосифъ: то слагающихъ съ себя монашество прямо подвергаетъ оному правило собора Халкидонскаго, которое приводитъ и Никифоръ Константинопольскій въ своемъ Собраніи церковныхъ правилъ (см. Кормчую гл. 57), указываетъ и Іосифъ, принимаютъ и всѣ комментаторы правилъ. О такихъ разстригахъ вотъ что писано неизвѣстнымъ въ древней Русской или даже Славянской Церкви: аще кто хощетъ оставити своего отца (игумена) и братью, той не створитъ иного ничтоже, развѣ на Бога хулы. О горе тобѣ: чѣмъ тя приложу (т. е. съ кѣмъ сравню)? приложю тя Іюдѣ, иже остави Христа и ученикы Его и шедше удавися.... Не вѣдѣ, что реку (о тебѣ), не вмѣститьмися въ уста слово. *Связанный на земли и на небеси связанъ есть* (Матѳ. 18, 18)—преже повѣдаю вамъ. (Духовный Вѣстникъ, 1863 г., Харьковъ, Матеріалы для Исторіи Русской Церкви, т. 2, с. 20. Древнерусскія поученія объ иноческой жизни).

Туже «поражающую строгость требованій Іосифа» авторъ находитъ и въ *посланіяхъ Іосифа къ мірянамъ объ епитиміяхъ*, стр. 88—90. Изъ болѣе обстоятельнаго описанія сихъ посланій у свящ. Булгакова (Преподобный Іосифъ Волоколамскій, стр. 192—195) видно, что г. Хрущевъ обратилъ свое вниманіе на третіе посланіе, по епитиміи сильнѣйшее прочихъ, отлучающее грѣшника на три года отъ святаго причастія.—Судить объ епитиміяхъ, дѣлѣ чисто духовномъ, надобно не по плоти или духу нынѣшняго времени, а знавши во первыхъ церковныя правила на сей щетъ, и во вторыхъ нравственное состояніе и степень преступленія подвергшагося епитиміи лица. Правилами соборовъ и святыхъ отцевъ за грѣхи болѣе или менѣе важные опредѣлены епитиміи въ постѣ, молитвѣ, милостынѣ, или отлученіе — на годъ, два, три, даже до семи, а за великія и тяжкія преступленія на 10, 15 и болѣе лѣтъ, съ разрѣшеніемъ до срока только въ смертномъ случаѣ. Сюда преимущественно относятся правила Никейскаго и Халкидонскаго соборовъ, посланія Василія Великаго, Григорія Нисскаго и др., помѣщенныя въ Кормчей книгѣ, Номоканонъ Іоанна Постника, патр. Константинопольскаго (VI в.), отличающійся большею кротостію и снисходительностію и помѣщаемый въ изданіяхъ требника и др. (о послѣднемъ см. въ Опытѣ курса церк. законовѣденія, архим. Іоанна, Спб. 1851 г., т. 2, стр. 586 и слѣд. См. еще Собраніе таковыхъ правилъ въ Синод. рукоп. № 818, л. 383—410. № 593, л. 270—321, у Калайдовича въ Памятникахъ XII в. Вопросы Кирика). Всѣ эти правила, особенно Номоканонъ Іоанна Постника, постоянно употреблялись Восточною Церковію, и духовнымъ отцамъ вмѣнялось въ обязанность безъ лицепріятія дѣйствовать по истинѣ Христовой (Василія Вел. Наказаніе пресвитеру о нерадящихъ объ епитиміяхъ, см. Кормчей гл. 24). Важность епитимій объяснялъ протестантамъ въ отвѣтѣ своемъ на Аугсбургское исповѣданіе патр. Іеремія. Если мы сличимъ съ сими правилами не требованія, какъ говоритъ авторъ, а совѣты Іосифа, даваемые по просьбѣ недоумѣвающихъ: то они окажутся во всемъ съ ними сходными, не только не превышающими ихъ строгостію, но еще явно умѣренными (см. посланіе 1-е и ниже 4-е). Кроткій, по мнѣнію автора, отецъ Пафнутій Боровскій, видно, въ этомъ отношеніи не былъ же снисходителенъ, когда у князя Георгія Васильевича каждый разъ, какъ онъ приходилъ къ нему на исповѣдь, былъ трепетъ и ужасъ и подгибались колѣна. Что касается до склоненія такихъ запрещенныхъ къ монашеству: то это не была какая нибудь особая тактика

Іосифа, какъ иронически представляетъ сіе г. Хрущевъ, а преподобный въ этомъ случаѣ буквально повторялъ правило Іоанна Постника. Въ облегченіе епитимій Постникъ внушаетъ священнику: аще каайся винное питіе отсѣцаетъ, и ты лѣто о семъ отъими (т. е. изъ уваженія къ такому воздержанію сократи ему годъ епитиміи), аще масло подобнѣ, аще множество поклона творить, такожде аще сыра и яицъ удалятися обѣщаваеть, по коемуждо сихъ отъемли, паче же аще пріидеть пострищись и (ты) съкращенно прощеніе даждь образа ради, занеже хощеть даже до смерти трудитись (№ 818, л. 400 об., въ Русск. переводѣ Опытъ церк. законовѣденія 2, 588). Если бы такимъ путемъ воздержанія и молитвы постепенно приближающагося къ иночеству человѣка стали отвергать и не вмѣнять въ заслугу или подвигъ окончательное поступленіе его въ монашество: то что же бы это была за Церковь? И Іосифъ, повторяя Постника, конечно, писалъ это къ такому лицу, можетъ быть, въ родѣ князя Голенина или Квашнина, въ которомъ видѣлъ залоги подвижничества.

Въ изложеніи *посланія* Іосифа *къ вельможѣ о постриженномъ имъ рабѣ* его стр. 91, авторъ справедливо замѣтилъ *исключительность* того сожалѣнія Іосифа, что въ нашей Русской земли нѣтъ такого обычая, чтобы господинъ своего отрока на шестнадцатомъ году или женилъ или отпускалъ въ монашество, смотря по расположенію самого отрока. Но авторъ не показалъ другой крайности и ошибки Іосифа—въ сравненіи иночества съ крещеніемъ и даже предпочтеніи его таинству, хорошо раскрытой отцемъ Булгаковымъ, стр. 169—174. Въ объясненіе ея скажемъ впрочемъ, что это въ извѣстной степени справедливое сравненіе, явившееся еще у Лѣствичника, если не ранѣе, встрѣчается и у другихъ отцевъ и писателей церковныхъ и не рѣдко въ нашей древней духовной литературѣ (см. въ журналѣ: Духовный Вѣстникъ, 1862 г. Древнерусскія поученія объ иноческой жизни 2-е). Далѣе г. Хрущевъ обращаетъ вниманіе на «часто встрѣчающееся у Іосифа выраженіе о душѣ: *еляже не достоитъ весь міръ*—и симъ понятіемъ, говоритъ, объясняются многія изъ его дѣйствій». Замѣтимъ, что это выраженіе весьма хорошо взято изъ апостола Евр. 11, 38 и въ томъ же примѣненіи, какъ у Іосифа, часто употребляется Златоустымъ. (Толкованія на Матѳея бес. 4, на Іоанна бес. 16, къ Стагирію кн. 3 и др.).

Неудовлетворительно и превратно изложено на стр. 93 и 94 *посланіе къ вельможѣ о милованіи рабовъ*. Г. Хрущевъ поставляетъ на видъ только нѣкоторыя и притомъ общія и побочныя мысли,

а что еще горше—какую-то уклончивость и подобострастіе Іосифа къ вельможѣ, а не раскрываетъ того христіанскаго, человѣколюбиваго и практическаго взгляда преп. отца на общественную жизнь и отношенія господъ къ рабамъ, который и въ настоящее время даетъ этому сочиненію высокое мѣсто. См. свящ. Булгакова: Преподобный Іосифъ Волоколамскій стр. 165—167.

Есть неточности въ изложеніи и *посланія къ княгинѣ вдовѣ* стр. 97—99. Самое посланіе вполнѣ напечатано у автора въ Приложеніяхъ стр. 255—260, а мы имѣемъ оное подъ руками еще въ Синод. рукоп. № 927, л. 147 об.—письмо извѣстнаго Волоколамскаго переписщика и собирателя Вассіана, впослѣдствіи Возьмитскаго архимандрита, ученика тѣмъ же тамъ славившагося Фотія. Вдова, къ которой писано посланіе, справедливо у автора признана матерію вышепоказаннаго изъ князей съ чудною рѣшимостію и самоотверженіемъ подвижника Арсенія (въ мірѣ Андрея) Голенина. Дѣло было такъ: по смерти сына своего Ивана, княгиня прислала въ Іосифовъ монастырь 11 рублей и пару коней на поминовеніе князя Аѳанасія (это былъ мужъ ея Андрей Ѳедоровичъ, Аѳанасіемъ названный въ постриженіи, см. дачную книгу № 685, л. 97 об.), отца ея Ивана, да преставльшагося теперь сына Ивана. Имена всѣхъ ихъ, согласно писму ея, внесли въ синодикъ для всегдашняго поминовенія на нѣсколько лѣтъ, смотря по тому, какъ впослѣдствіи она своими вкладами, по монастырскому положенію, будетъ поддерживать оное или однимъ какимъ нибудь большимъ вкладомъ установитъ вѣчное ихъ поминовеніе. Такое положеніе было во всѣхъ прочихъ монастыряхъ и церквахъ. По смерти другаго сына своего, Семена, она и по немъ прислала шубу и пару коней,—и его вписали въ тотъ же синодикъ. За тѣмъ особаго еще вклада по мужѣ ея, какъ пишетъ авторъ, не было, а по временамъ давала княгиня то на обѣдню, то на панихиду, или молебенъ, то на кормъ. Покойниковъ ея, записанныхъ въ тотъ синодикъ, по особому уставу обители (см. сказанное о семъ выше стр. 108) и поминали постоянно въ продолженіи цѣлыхъ 15 лѣтъ, какъ вдругъ княгиня, не только не сдѣлавъ никакого распоряженія для вѣчнаго поминовенія, но, какъ видно, не поддерживая своими приношеніями и дальнѣйшее погодное поминовеніе, вошла въ претензію, что покойниковъ ея не поминаютъ такъ, какъ вѣчно поминаемыхъ, не совершаютъ по нихъ въ извѣстные дни отдѣльныхъ панихидъ и кормовъ (см. выше тамъ же). Ей представляли, что и за семь лѣтъ погоднаго поминовенія съ одного имени (вѣроятно, втораго ея сына Семена), по по-

ложенію, въ вознагражденіе слѣдуетъ 8 рублей (кои, можетъ быть, только и уплачивались вышепомянутымъ за него вкладомъ шубы и коней), а для вѣчнаго поминовенія съ отдѣльными службами и кормами требуется особое сообразно тому пожертвованіе *). Взволнованная княгиня, не разсудивъ дѣла, назвала сіи условія жестокими и высчитала, что въ теченіи 15 лѣтъ на погребеніе, кормъ, на поминовеніе деньгами и натурою (хотя преувеличенно оцѣненною), потомъ на особыя заказываемыя панихиды и молебны всей суммы отъ нея пошло уже въ монастырь болѣе 70-ти рублей. На это укорительное письмо Іосифъ и отвѣчалъ ей настоящимъ посланіемъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ, исполненнымъ спокойнаго тона и снисходительной подробности въ объясненіи дѣла. Къ замѣчаніямъ автора можно присовокупить болѣе полное изложеніе посланія у свящ. Булгакова стр. 179—182, но время написанія посланія правильнѣе опредѣляется у г. Хрущева смертію князя Ивана Борисовича Волоцкаго 1503 г. Жестоко погрѣшили бы мы, если бы изъ этого посланія заключили что нибудь невыгодное о характерѣ или благочестіи княгини, или о притязательности Іосифа и добрыхъ ихъ между собою отношеніяхъ. Княгиня вдова отличалась благочестіемъ и преданностію обители, равно и Іосифъ былъ снисходителенъ, близокъ и уважителенъ къ ней: авторъ отчасти замѣчаетъ это изъ простодушнаго и искренняго тона посланія, а мы имѣемъ на все сказанное другія фактическія основанія. Настоящее обстоятельство было только случайная временная вспышка, — вразумленіемъ Іосифа все дѣло уладилось. Въ помянутой на стр. 101 рукоп. Волокол. монастыря № 664—Патерикъ Волоколамскій на л. 157 и далѣе, весьма трогательно разсказано, какъ однажды эта княгиня Голенина, по смерти перваго сына своего Ивана, по обѣднемъ времени стихословивъ псалтирь и утрудився, поклонися мало почити, и воздремався видѣла этого сына своего, узнала о блаженномъ состояніи его за гробомъ и на вызовъ: возми и мене къ себѣ, чадо, получила въ отвѣтъ, что сіе опредѣлено другому сыну ея Симеону, который вскорѣ и скончался, далѣе, какъ по немъ творила она милостыню и священныя службы, утѣшаясь лишь

*) У автора, какъ въ разборѣ посланія стр. 98, такъ и въ самомъ текстѣ его стр. 257 стоитъ 20 рублей. Но въ нашемъ Синод. спискѣ, по самому виновнику его имѣющемъ полной авторитетъ, л. 150 читается: а что еси писала о том что дати и (8) рублевъ на сем лѣт и проч. И это чтеніе 8-ми, а не 20-ти рублей за семь лѣтъ согласно съ положенною въ обители цѣною годоваго поминовенія по 1 руб. съ имени, см. сказанное о семъ выше стр. 108.

послѣднимъ сыномъ Андреемъ, и за тѣмъ сама скончалась. Мужъ, отецъ и дѣти ея погребены были въ Іосифовѣ монастырѣ и сама она, Марія, предъ смертію постриглась подъ именемъ Мареы.

За симъ стр. 99 поставляется на видъ самимъ авторомъ названное сочиненіе: *Роспись (писанная для вельможъ) по какимъ днямъ держать какой постъ*, и цитуется 288-й листъ въ Толстовской рук. отд. 2, № 68. По описанію свящ. Булгакова стр. 194 эта статейка есть четвертое посланіе препод. Іосифа объ епитиміяхъ, случайно отдѣленное отъ прочихъ: потому что выше въ рукоп. л. 211 надписано *четыре* посланія объ епитиміяхъ къ вельможамъ, между тѣмъ какъ тамъ помѣщено ихъ только три, а четвертое приписною указано на особомъ мѣстѣ. И содержаніе этого посланія совершенно согласно съ тремя прочими. Объясненіе о. Н. Булгакова мы можемъ подтвердить еще тѣмъ, что въ вышепомянутой Синод. рукоп. Вассіана Возьмицкаго № 927 на л. 139 подъ заглавіемъ: *старца Іосифа о вельможахъ* помѣщено сперва это самое, по Толстовской рукоп. оказывающееся четвертымъ, посланіе, а вслѣдъ за нимъ подъ строку на л. 140 первое изъ тѣхъ же посланій объ епитиміяхъ. Такимъ образомъ странно, что г. Хрущевъ, тогда какъ выше на стр. 88 самъ упомянулъ о четырехъ посланіяхъ объ епитиміяхъ и разбиралъ ихъ, это послѣднее здѣсь на стр. 99 отдѣлилъ отъ нихъ, какъ совершенно особое, не имѣющее съ ними и связи. Притомъ неточно дано ему здѣсь заглавіе: «Роспись, писанная для вельможъ по какимъ днямъ держать какой постъ». Не всѣ вельможи, какъ бы какой отдѣльный классъ въ Церкви православной, осуждены преподобнымъ на такой строгій постъ, о которомъ здѣсь говорится, а только по епитиміи удаленные отъ Церкви и причастія св. Таинъ. Посланіе начинается такъ: Аще кому не мощно зазора деля людскаго въ церковь (не) *) ходити (т. е. если кто изъ запрещенныхъ правилами не можетъ вынести того зазора, чтобъ въ церковь не ходить), ино въ церковь (можетъ онъ) входити, а въ олтарь и въ жертвенникъ не входити, а доры и Пречистыя хлѣба и просфиры и т. д., тѣ же самыя условія, что и у г. Хрущева стр. 88, 89 показаны въ третьемъ посланіи объ епитиміяхъ. Замѣтимъ здѣсь

*) При стеченіи двухъ отрицательныхъ *не* другое *не* у Іосифа обыкновенно выбрасывается. Дополн. Акт. Ист. I, 360: пищею не токмо доволни (чит. не довольни) но и гладомъ таютъ. И Серапіонъ въ посланіи къ Симону пишетъ (см. разсматриваемаго сочиненія стр. 216): и нашего благословенія ни мало отъ насъ принялъ.

кстати, что Іосифъ такимъ образомъ самъ ослабляетъ строгость церковныхъ постановленій, между тѣмъ авторъ винитъ его въ противномъ. Наконецъ, новая странность обнаруживается въ томъ, что г. Хрущевъ изъ этого посланія о вельможахъ на стр. 99 въ доказательство, что оно относилось именно къ вельможамъ, приводитъ слова: напередъ удоволи своихъ людей, чтобъ съ голоду и съ наготы не плакали, а отъ лихихъ дѣлъ (ихъ) унимати. Между тѣмъ сіи слова по Синод. рукоп. № 927, л. 141 об., читаются не въ четвертомъ, а въ первомъ посланіи объ епитиміяхъ.

Глава II. *Іосифъ въ борьбѣ съ ересью* (жидовствующихъ) отъ 1488 до 1505 г.

Здѣсь раскрываются сперва отношенія Іосифа, по положенію обители его въ Новгородской епархіи, къ владыкамъ Новгородскимъ и въ особенности къ Геннадію, излагаются свѣдѣнія о Геннадіѣ и отношеніяхъ его къ митрополиту Геронтію до вступленія на Новгородскую каѳедру, равно какъ положеніе дѣлъ въ Новгородѣ, начало ереси жидовствующихъ и проявленія ея до пріѣзда туда Геннадія, открытіе ереси, доносъ и посланія о ней Геннадія въ Москву, отвѣтъ оттуда и смерть митрополита Геронтія. Все это со многими соприкосновенными обстоятельствами, хорошо излагается по кореннымъ источникамъ — Собраніямъ лѣтописей и современныхъ актовъ, посланіямъ Геннадія и сказанію Іосифа о Новгородской ереси (стр. 101—114). За тѣмъ показывается ересь жидовствующихъ въ самой Москвѣ, занесенная туда двумя переведенными изъ Новгорода священниками, и сильные представители ея — оба эти священника Алексій Благовѣщенскій и Діонисій Архангельскій, зять перваго Иванъ Максимовъ, совратившій въ ересь самую невѣстку вел. князя Елену, дьякъ великокняжескій Курицынъ, два другихъ дьяка, купецъ Кленовъ и другіе; излагается возведеніе на митрополію Зосимы изъ среды еретиковъ же, и первыя отношенія его къ Геннадію; новыя проявленія ереси въ Новгородѣ и открытіе еретика Захарія чернца, впослѣдствіи сильно вредившаго Геннадію въ Москвѣ, рѣшительныя мѣры Геннадія и сильное посланіе къ сонму епископовъ въ Москву, вслѣдствіе коего 1490 г. составился первый соборъ на жидовствующихъ, осудившій ихъ. Это важное, но малоизвѣстное, недавно и не вполнѣ отпечатанное посланіе обстоятельно изложено у автора (стр. 114—122). Теперь открывается поприще дѣятельности противъ еретиковъ самого преп. Іосифа. Начало сему авторъ справедливо полагаетъ въ *посланіи* Іосифа *къ Нифонту*, епископу Суздальскому, которое онъ относитъ къ 1493. Онъ под-

робно разбираетъ самое посланіе, состоящее изъ двухъ частей, изъ коихъ въ первой преподобный, описывая яркими красками ересь и страшныя дѣла и пороки митрополита Зосимы, возбуждаетъ Нифонта крѣпко стать за вѣру, а во второй отвѣчаетъ на вопросъ къ нему Нифонта: имѣетъ ли силу проклятіе, произнесенное еретикомъ? (надобно думать, что таковаго опасался Нифонтъ, какъ защитникъ православія, со стороны митроп. Зосимы). Въ припискѣ къ этому посланію, являющейся какъ въ рукописяхъ, такъ и печатномъ изданіи, авторъ остроумно открылъ и основательно доказалъ особое письмо или приписку Іосифа собственно къ брату своему, бывшему тогда архимандритомъ въ Симоновѣ монастырѣ Вассіану, чрезъ котораго, какъ видно, онъ получилъ изложенныя здѣсь свѣдѣнія о дѣлахъ Зосимы и чрезъ него же, вѣроятно, и препроводилъ къ Нифонту настоящее посланіе. Въ припискѣ этой и брата своего Іосифъ возбуждаетъ къ тому же подвигу противъ распространяющейся ереси (стр. 122—132). За посланіемъ къ Нифонту также подробно разбирается *Сказаніе* Іосифа *о новоявльшейся ереси Новгородской*, а за тѣмъ первыя *12 словъ Просвѣтителя*. Сказаніе относится къ одному съ предъидущимъ посланіемъ времени, съ которымъ оно во многихъ мѣстахъ и сходствуетъ дословно, т. е. къ 1493—1494 г., и отдѣляется отъ словъ Просвѣтителя какъ написанныхъ такъ и собранныхъ въ одно уже послѣ. Кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, замѣченныхъ ниже, вообще нельзя не отдать чести изложенію Сказанія. Не такъ удовлетворительно изложены нѣкоторыя изъ самихъ словъ, какъ и это покажемъ ниже. Между седмымъ и восьмымъ словами умѣстно вставлено и разобрано *Посланіе къ иноку иконописцу*, по всей вѣроятности, Ѳеодосію, упоминаемому въ житіяхъ преп. Іосифа и въ посланіи къ Третьякову (см. Чтенія Моск. Общества Исторіи и Древностей 1847 г., № 1). Изъ посланія видно, что этому самому «духовному брату Іосифа, началохудожнику сущу божественныхъ и честныхъ иконъ живописанію» первоначально написаны были три предшествующія сему слова Просвѣтителя 5, 6 и 7, трактующія о предметахъ болѣе или менѣе близкихъ къ нему,—о честныхъ иконахъ и другихъ свящ. вещахъ, порицаемыхъ Новгородскими еретиками. Потому послѣднее 7-е слово и обилуетъ нравственными наставленіями, преимущественно для инока. Дальнѣйшія слова 8, 9 и 10, писанныя по поводу несбывшагося ожиданія въ концѣ 7-й тысячи (1492 г.) втораго пришествія Христова и происшедшихъ отсюда новыхъ упрековъ православнымъ со стороны еретиковъ, относятся къ болѣе позднему

времени. Такъ какъ слѣдствіемъ 12-го слова или точнѣе вышеупомянутаго посланія къ Нифонту, изъ котораго оно передѣлано для Просвѣтителя, о недѣйсвительности еретическаго проклятія т. е. митроп. Зосимы, противъ котораго направлено все посланіе, было низведеніе съ каѳедры Зосимы (1494 г.): то вслѣдъ за 12 словомъ авторъ и говоритъ объ этомъ сведеніи Зосимы и о его сторонникахъ (стр. 133—168). За тѣмъ «въ объясненіе вопросовъ, разъединявшихъ умы въ это время» (стр. 168), обозрѣваются тогдашнія «разномыслія въ средѣ православныхъ грамотниковъ» и излагаются соборы 1500 г. о духовныхъ владѣніяхъ и 1503 г. о вдовыхъ священникахъ, въ которыхъ участвовалъ Іосифъ, личныя сношенія его по этимъ вопросамъ съ Іоанномъ III и мысли о преслѣдованіи еретиковъ, посланіе Іосифа къ духовнику великокняжескому архимандриту Митрофану, котораго просилъ преподобный употребить свое вліяніе на вел. князя по дѣлу еретиковъ. Теперь авторъ сравниваетъ образъ мыслей и дѣйствій въ отношеніи къ еретикамъ *Геннадія Новгородскаго* и *Іосифа Волоцкаго* и находитъ, что послѣдній зашелъ слишкомъ далеко въ томъ, что сталъ доказывать нужду казнить еретиковъ, разсматриваетъ посланіе его съ такими мыслями къ вел. князю Василію Ивановичу въ связи съ отвѣтомъ или протестомъ на оное Заволжскихъ (Бѣлоезерскихъ и Вологодскихъ) старцевъ, и за тѣмъ разбираетъ еще особое сочиненіе Іосифа, написанное въ томъ же духѣ, что не только еретиковъ надобно осуждать (вопреки мнѣнію защитниковъ ихъ), но и проклинать, а властямъ гражданскимъ заточать ихъ и казнить. Помянутое посланіе къ вел. князю и это сочиненіе, вошедшее въ Просвѣтителя подъ числомъ 13-го слова, большее или меньшее имѣли вліяніе на составленіе *втораго собора противъ жидовствующихъ* 1504 года подъ предсѣдательствомъ самого Василія Ивановича. Потому за симъ у автора и слѣдуютъ извѣстія объ этомъ соборѣ, предавшемъ казни и заточенію еретиковъ, а за тѣмъ разборъ *посланія* Іосифа *къ вел. князю* (Ивану Васильевичу) *о* вышепомянутомъ *еретикѣ Кленовѣ*, сосланномъ на покаяніе по соборному опредѣленію въ Іосифовъ монастырь. Со стороны Заволжскихъ старцевъ въ упрекъ Іосифа и отчасти того же собора вскорѣ явилось «любопрепирательное посланіе», что еретиковъ не слѣдуетъ разыскивать и истязать, какъ скоро они содержатъ свою ересь втайнѣ, а въ случаѣ раскаянія надобно ихъ допускать въ церковь и ко святому причастію. Въ отвѣтъ на это Іосифъ написалъ отъ лица митрополита *посланіе къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію*, въ

которомъ, соглашаясь со старцами въ самомъ положеніи или принципѣ, оспариваетъ приложеніе его къ теперешнимъ еретикамъ, въ теченіи болѣе 30 лѣтъ распространявшимъ пагубную ересь свою и не обнаружившимъ искренняго покаянія. Потомъ Іосифъ по этому же предмету и въ этомъ же духѣ написалъ еще три посланія, составившія послѣднія *14, 15 и 16-е слова Просвѣтителя.* Разборомъ всѣхъ этихъ четырехъ посланій заключается у автора настоящая глава (стр. 168—202). Ему не нравятся мысли Іосифа.

Теперь сдѣлаемъ частныя замѣчанія на нѣкоторыя мѣста сей главы.

Борисъ Васильевичъ Кутузовъ могъ служить посредникомъ отношеній Геннадія Новгородскаго къ Іосифу, какъ замѣчаетъ г. Хрущевъ на стр. 104, только у него не показанъ источникъ извѣстія, что означенный Кутузовъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ ходатайствовали предъ митроп. Геронтіемъ за Геннадія. Этотъ недостатокъ цитацій, замѣчаемый и въ другихъ спеціальныхъ извѣстіяхъ, мы относимъ къ неаккуратности автора.

Знакомя читателя съ Геннадіемъ, авторъ стр. 105 передаетъ бывшій въ XV вѣкѣ споръ о хожденіи по-солонь, какъ утверждалъ Геннадій съ Вассіаномъ противъ митроп. Геронтія. Не изложивъ настоящимъ образомъ дѣла, авторъ этому хожденію по-солонь, котораго доселѣ требуютъ раскольники, даетъ предпочтеніе предъ православнымъ — противъ солнца, говоря, что первое какъ будто было осмыслено. Но какъ мало смысла и натуральности въ хожденіи по-солонь, какъ мало согласовалось оно съ уставами Аѳонскими и нашими и съ общимъ древнимъ обычаемъ на Руси, который, по словамъ лѣтописца, хотѣли подорвать только нѣціи прелестницы, клевещуще вел. князю на митрополита, т. е. крамольники, все это показано между прочимъ преосв. Макаріемъ въ Исторіи Русскаго раскола, Спб. 1855 г., стр. 12—14 и преосв. Григоріемъ въ книгѣ: Истинно древняя и православная Церковь, изд. 3, Спб. 1856 г., ч. 2, стр. 209—211. На соборѣ 1666 года Восточные патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій объявили и постановили, что хожденіе по-солонь—не по обычаю святыя Восточныя Церкви и что мудрствующіе, яко по солнцу подобаетъ ходити, *несмысленно* мудрствуютъ, зане не согласно есть со прочими чины церковными, и таковые показываютъ только суемудріе и мятежъ и расколъ (см. Соборный свитокъ при служебникѣ 1668 г. л. 11). Такъ какъ вел. князь настаивалъ на этой несообразности, хожденіи по-солонь, цѣлый годъ, не дозволяя митрополиту иначе освящать и церквей:

то твердый Геронтій хотѣлъ совсѣмъ оставить каѳедру, и князь никѣмъ неподдерживаемый смирился (Полн. собр. Русс. лѣтописей, т. 6, стр. 233). Авторъ, напротивъ, находитъ въ этомъ поступкѣ капризъ Геронтія (слич. стр. 110).

На стр. 115 опять не сдѣлано цитацій въ извѣстіи о дьякѣ Курицынѣ, что онъ вывезъ повѣсть о Дракулѣ и переписалъ Лаодикійское посланіе, и не показано, что̀ выражало то и другое въ Курицынѣ. О первомъ см. въ Описаніи Рум. Музея стр. 512, о второмъ у г. Руднева о ересяхъ и расколахъ прим. 93.

Мы замѣтили выше, что неудовлетворительно изложены нѣкоторыя *слова Просвѣтителя*. Такъ относительно 2-го слова на стр. 148 сказано, что оно состоитъ изъ изложенія православнаго *догмата объ Іисусѣ Христѣ*, въ слѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ *проклятіе* еретиковъ и ихъ ученія о Христѣ. Первое слишкомъ неопредѣленно: объ Іисусѣ Христѣ вообще представляется много догматовъ или ученій, различныхъ между собою, смотря по разнымъ отношеніямъ: которое же изъ нихъ здѣсь раскрывается? Второе, или проклятіе еретиковъ, мимоходомъ выражено въ пяти строкахъ, почти въ началѣ слова, а отнюдь не составляетъ какой нибудь особой, значительной части въ содержаніи. Дальнѣйшее изложеніе также неясно и касается случайностей. Сущность 2-го слова, скажемъ, состоитъ въ опроверженіи мнѣнія еретиковъ, что Мессія еще не пришелъ, а признаваемый христіанами за Мессію Іисусъ былъ простой человѣкъ, распятъ и умеръ, но не воскресъ. Для сего сперва разбираются Ветхозавѣтныя пророчества о времени и обстоятельствахъ пришествія Мессіи и показывается исполненіе ихъ на Іисусѣ Христѣ; изъ чудесъ, творимыхъ Спасителемъ, доказывается Божественная природа Его; а за тѣмъ говорится, что и крестныя страданія Его, страданія за родъ человѣческій, и смерть, и воскресеніе, и вознесеніе — все это было согласно съ Ветхозавѣтными пророчествами, равно какъ въ нихъ же указано и чаямое второе пришествіе Христово.—Въ изложеніи 8-го слова на стр. 159 не опредѣлена книга, глаголемая *Зерцало*, на которую между прочимъ ссылался препод. Іосифъ въ опроверженіи чаянія кончины міра по истеченіи 7000 лѣтъ. Сочиненіе это писано на Греческомъ языкѣ и въ подлинникѣ называется Διόπτρα Діоптра т. е. Зерцало. Подлинникъ въ недавнее время изданъ извѣстнымъ Минемъ въ Patrologiae cursus, series II, tom. CXXVII. Авторъ ея — нѣкто инокъ Филиппъ, жившій въ концѣ XI в. въ Македоніи, населенной Греками. Означенное сочиненіе писано въ видѣ разговора души съ плотію о разныхъ

предметахъ, между прочимъ, по тогдашнему ожиданію, о кончинѣ міра и антихристѣ. Ученый Византійскій царедворецъ Михаилъ Пселлъ написалъ къ нему предисловіе. Преподобный Іосифъ справедливо обратилъ вниманіе на сіе сочиненіе, авторъ коего такъ хорошо разсуждаетъ о безразсудномъ ожиданіи пришествія Христова по истеченіи тысячи лѣтъ по рождествѣ Христовѣ, или шести и седми тысячъ отъ сотворенія міра. Слова въ заглавіи 10-й главы Устава Іосифа: *отвѣщаніе любозазорнымъ* также взяты изъ послѣдней статьи этого сочиненія Діоптры, подъ такимъ заглавіемъ: «оглаголаніе (ἀπόλογος) якоже къ любозазорнымъ». Свѣдѣнія о книгѣ Діоптры см. въ Описаніи Слав. рукописей Синодальной Библіотеки отд. II, ч. 2, № 170.—Въ замѣчаніяхъ на 10-е слово, стр. 160, сверхъ Моисеевыхъ и пророческихъ книгъ, изъ коихъ выписываетъ здѣсь Іосифъ, можно бы поставить на видъ *книгу Еноха*, цитуемую имъ прежде всѣхъ. Сего же почто не разумѣеши, говорится о сей книгѣ къ концу слова, яко пять тысущь лѣтъ и вящше уже прейде, егда написалъ есть о сихъ праведный Енохъ, и три тысуща лѣтъ преидоша, егда реклъ есть о тѣхъ же великій Моисей и пр.?—Обширное и такъ прекрасно написанное 11-е слово въ защиту иночества не удостоилось разбора: авторъ ограничивается въ этомъ случаѣ ссылкою (стр. 161) на книгу священника Булгакова.

На стр. 165—168 обращено большое вниманіе на соперничество двухъ партій,—съ одной стороны невѣстки вел. князя Елены и сына ея Димитрія, съ другой—супруги вел. князя Софіи Палеологъ и сына ея Василія Ивановича. Но такое изложеніе съ соприкосновенными обстоятельствами, не представляя ближайшихъ извѣстій о положеніи при этомъ ереси или православія, кажется намъ болѣе излишнимъ, чѣмъ нужнымъ къ дѣлу. Священникъ Булгаковъ (стр. 71) правдоподобно заключаетъ объ участіи Іосифа по крайней мѣрѣ въ паденіи князя Василія Косова (въ иночествѣ Вассіана Патрикѣева) и отсюда выводитъ постоянную и непримиримую вражду Вассіана къ Іосифу и всему Іосифовскому. Онъ могъ заразиться напр. въ Литовское посольство отъ самого дьяка Курицына,—и мы видимъ, какъ сильно впослѣдствіи Вассіанъ защищалъ еретиковъ.

Довольно лишняго, натянутаго, отчасти и несправедливаго и въ слѣдующемъ за тѣмъ обозрѣніи «разномнѣній въ средѣ православныхъ во второй половинѣ XV вѣка», чѣмъ г. Хрущевъ думаетъ объяснить и соборныя рѣшенія о церковныхъ имѣніяхъ, вдовыхъ

попахъ и о еретикахъ жидовствующихъ, подвергшіяся пререканіямъ. Къ такимъ разномнѣніямъ онъ относитъ 1) вышепомянутый споръ о хожденіи по-солонь 1479 года; 2) вопросъ о двоеніи или троеніи аллилуіи, возникшій будто бы *въ слѣдъ* за предъидущимъ.— По недоумѣнію въ этомъ уже 1419 г. митрополитъ Фотій писалъ во Псковъ грамоту о трегубой аллилуіи, а въ 1455 г. Евфросинъ Псковскій ввелъ въ свой монастырь двоеніе ея, что̀ возбудило тогда сильные споры, по поводу коихъ Геннадій (1493 г.) писалъ къ Димитрію Толмачу въ Римъ справиться объ аллилуіи въ тамошнихъ книгахъ (Исторія Русской Церкви, преосв. Филарета, изд. 2, Москва 1851 г., т. 3, стр. 179—184); 3) разладъ въ мѣстныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, какъ выражается авторъ, разумѣя подъ этимъ до присоединенія отдѣлявшагося Новгорода къ Москвѣ непочтеніе тамъ Московскихъ святыхъ, а въ Москвѣ—Новгородскихъ; 4) различныя воззрѣнія на походъ противъ Новгорода Іоанна III и на усиленіе Москвы—со стороны Московской и Новгородской.— То и другое, и разладъ и воззрѣнія, не относятся къ мнѣніямъ теоретическимъ, а къ сердечному несогласію. 5) Ожиданіе съ истеченіемъ 7 тысячи страшнаго суда.—Но не смотря на выставляемую авторомъ дѣятельность въ Москвѣ, яко бы на канунѣ 8 тысячи, мысль эта была обща не только у насъ въ Россіи, но и на Востокѣ и Западѣ, и не чужды были ея ни Геннадій, ни Іосифъ и подобные, хотя и сознававшіе ея неосновательность. 6) «Крайность религіозныхъ воззрѣній, говорится за симъ, была причиной тому, что иные видѣли преступленіе въ благоразумныхъ мѣрахъ, употребленныхъ вел. княземъ противъ распространенія мороваго повѣтрія. Люди съ подобными воззрѣніями смотрѣли не сочувственно на всякія новизны и готовы были видѣть ересь во всякомъ измѣненіи стараго обычая.... принять враждебно всякое новое благое начинаніе». Приговоръ слишкомъ рѣшительный, отзывающійся своего рода крайностію! Авторъ все это написалъ противъ старца Елеазарова монастыря Филоѳея, упрекавшаго въ своемъ посланіи (Дополн. къ Актамъ Ист. т. 1, № 23) Псковскаго намѣстника дьяка Мунехина за то, что онъ съ товарищами во время язвы, запирая улицы и запечатывая домы, не дозволялъ священникамъ надъ больными, вопреки ихъ пламенному желанію, совершать таинства покаянія, причащенія и другія напутствія, и внушавшаго молитву, покаяніе и надежду на Бога. Посланіе въ этомъ отношеніи весьма умное! Вмѣсто крайности воззрѣній не лучше ли здѣсь видѣть крайность распоряженій властей? Въ наше время при появленіи холеры 1830 г.

были такія же строгія мѣры: но впослѣдствіи само Правительство признало ихъ безполезность и крайность и отмѣнило ихъ. Какъ инокъ Филоѳей былъ далекъ отъ суевѣрія и по уму своему отъ всего того, чтобы противиться добрымъ начинаніямъ, видно изъ другаго его посланія къ тому же намѣстнику Псковскому, въ которомъ онъ обличалъ вѣру во вліяніе звѣздъ, переходившую къ намъ съ Запада подъ видомъ заманчивой науки астрологіи, и дѣлалъ другія замѣчанія противъ Латинскихъ суемудрій (Православный Собесѣдникъ 1861 г., Май, стр. 78—96, слич. Филарета Обзоръ Русской духовной литературы, Харьковъ, 1859 г., стр. 185).

За симъ стр. 174—178 излагаются два собора: первый 1500 г. о монастырскихъ имѣніяхъ, не упоминаемый въ лѣтописяхъ, что, по словамъ автора, объясняется частнымъ его характтеромъ, и вторый 1503 г. о вдовыхъ священникахъ, при чемъ въ палатахъ великокняжескихъ секретнымъ якобы образомъ (*втихомолку!* выражается авторъ) опять разсуждали о церковныхъ имуществахъ, а Іосифъ за тѣмъ удостоенъ былъ отъ вел. князя личной бесѣды. Мы полагаемъ, что авторъ въ слѣдъ за Карамзинымъ напрасно представляетъ такимъ образомъ два собора и разсужденіе о церковныхъ имѣніяхъ относитъ къ 1500 г., а потомъ опять таковое допускаетъ въ 1503 г. Карамзинъ не имѣлъ всѣхъ актовъ дѣла о церковныхъ имѣніяхъ, а г. Хрущевъ, зная и употребляя ихъ, приурочиваетъ по нимъ это дѣло къ собору 1503 года и въ тоже время, противорѣча себѣ, удерживаетъ ошибку Карамзина. Противорѣчіе это замѣчается въ томъ, что авторъ, сказавъ сперва (стр. 177) «Іосифъ *говорилъ на обоихъ соборахъ* и за право монастырей владѣть селами и за отрѣшеніе вдовыхъ священниковъ отъ священнодѣйствія», въ слѣдъ за тѣмъ замѣчаетъ, что Іосифъ 1503 г. *въ первый разъ* по основаніи обители своей отправился на соборъ въ Москву, и потомъ опять выражаетъ предположеніе, что Іосифъ на соборѣ по церковнымъ имѣніямъ держалъ себя умѣренно и былъ полезенъ митрополиту въ составленіи объ этомъ записки. Далѣе та несообразность, что Нилъ Сорскій является у автора и на первомъ соборѣ 1500 г., споритъ съ Іосифомъ и на второмъ 1503 г. Неизвѣстные Карамзину акты письмо современника *о нелюбкахъ* между старцами Кириллова и Іосифова монастыря (отпечатанное А. В. Горскимъ въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ 1851 г., ч. 10) и житіе Іосифа, составленное Неизвѣстнымъ (также, вѣроятно, современникомъ) стр. 36, 39 ясно показываютъ, что раз-

сужденіе о церковныхъ имѣніяхъ было лишь въ 1503 г. вмѣстѣ съ дѣломъ о вдовыхъ попахъ.

Въ изображеніи аудіенціи Іосифа у вел. князя авторъ, для какого-то еффекта на стр. 180, рисуя Іоанна III предъ Іосифомъ въ 1479 году и въ настоящій моментъ, позволяетъ себѣ ироническій тонъ относительно прежняго благочестія Іоанна и нѣкоторыхъ священныхъ вещей. Напримѣръ онъ говоритъ: теперь не тотъ уже былъ Иванъ Васильевичъ, какъ прежде «когда онъ украшалъ гробы праведныхъ и, прославляя новыхъ чудотворцевъ-митрополитовъ, *подъ собственнымъ религіознымъ впечатлѣніемъ провозгласилъ святымъ благочестиваго князя Московскаго Даніила* (Степ. кн. 1, 380)». Объ этомъ мнимомъ прославленіи Іоанномъ III Московскихъ святителей изъ политическихъ видовъ мы сказали выше въ замѣчаніяхъ на III стр. Вступленія: скажемъ теперь о благовѣрномъ князѣ Даніилѣ. Въ указанномъ мѣстѣ Степенной книги говорится, что когда основанный Даніиломъ монастырь отъ нерадѣнія постороннихъ Спасскихъ настоятелей запустѣлъ и самое мѣсто погребенія Даніила совсѣмъ было забыто, благовѣрный князь, явившись проѣзжающему мимо того мѣста одному придворному при вел. князѣ Іоаннѣ III, велѣлъ передать Іоанну слѣдующія обличительныя слова: «самъ ты утѣшаешь себя, а меня забылъ; но не забылъ меня Богъ». Вслѣдствіе сего вел. князь установилъ пѣть соборныя панихиды и поминовенія по родственникахъ своихъ благочестивыхъ князьяхъ. Есть ли здѣсь что нибудь похожее на мысль автора? Панихида по комъ нибудь не показываетъ признаніе его святымъ, а напротивъ, и теперь она установлена для всѣхъ преставльшихся родственниковъ вел. князя. Прежнее запустѣніе мѣста продолжалось до временъ Іоанна IV или Грознаго, и онъ уже построилъ здѣсь церковь и монастырь, въ которомъ и установилъ ежегодно совершать торжественныя панихиды въ присутствіи самого царя. Мощи же благовѣрнаго князя Даніила обрѣтены нетлѣнными только въ 1652 г.,—и отселѣ начинается его прославленіе (преосв. Филарета, Русскіе святые подъ 4 марта, Черниговъ, 1862 г.). Въ этой же сценѣ Іоанна съ Іосифомъ, какъ ее излагаетъ авторъ, довольно унижается личность послѣдняго.

По возвращеніи съ собора Іосифъ схоронилъ въ своей обители крестника своего князя Рузскаго Ивана Борисовича. Г. Хрущевъ стр. 183 несправедливо только полагаетъ кончину его въ сентябрѣ 1503 г. Въ 1-й Софійской лѣтописи (Полн. Собр. Русс. лѣт., т. VI, стр. 49) прямо сказано, что мать его княгиня Ульяна скончалась

въ ноябрѣ, что тогда же послѣ нея женился старшій сынъ ея Ѳеодоръ Борисовичъ и на этой свадьбѣ младшій Иванъ Борисовичъ разболѣся и преставися. По кормовымъ книгамъ № 829, въ настоящемъ случаѣ имѣющимъ полный авторитетъ, кончина княгини Ульяны Волоцкой (л. 59 об.) воспоминалась 4 ноября, а кончина означеннаго сына ея Ивана Борисовича (л. 63 об.) ноября 28. Тоже въ дачной книгѣ № 687 л. 21 об. о княгинѣ Уліаніи: быти корму на память ея ноября 4, а л. 22 о князѣ Иванѣ Борисовичѣ: быти корму на память его ноября 28, равно и въ № 685 л. 30 об. и 31 об.

Передъ разборомъ посланія Іосифова къ архимандриту Митрофану о строгихъ мѣрахъ противъ еретиковъ, авторъ, находя оное какъ бы неумѣстнымъ, на стр. 183 замѣчаетъ, что ересь только *понемногу* распространялась теперь по городамъ и селамъ. Напротивъ, самъ Іосифъ въ этомъ же посланіи говоритъ: а еретиковъ *умножилося по всѣмъ городомъ, а христіанство православное гинетъ отъ ихъ ересей* (Чтенія Моск. Общества Исторіи и Древн. 1847 г., № 1, Смѣсь). Кому болѣе вѣрить? За тѣмъ саркастически изложено самое содержаніе посланія, въ которомъ Іосифъ «*подобралъ рядъ* примѣровъ истребленія еретиковъ по распоряженію благочестивыхъ царей восточныхъ». Авторъ (тамъ же) соглашается, что мнѣніе о казни еретиковъ высказалъ и Геннадій въ посланіи къ митрополиту Зосимѣ, приводя въ примѣръ Шпанскаго короля. И къ этой Испанской инквизиціи подводитъ устроенный Геннадіемъ позорный въѣздъ еретиковъ въ Новгородъ, прибавляя: если не самые еретики были сожжены, за то были сожжены вѣнцы на ихъ головахъ, а иные изъ нихъ умерли послѣ того въ заточеніи.—Положимъ, что поступокъ Геннадія можно объяснять изъ полученныхъ имъ случайно свѣдѣній о преслѣдованіи еретиковъ въ Испаніи, но несправедливо сравнивать его съ инквизиціей, дѣйствовавшей совсѣмъ иначе, съ хитрою злобою и жестокостію, часто по интригамъ, а не по истинной ревности. Чѣмъ важнѣйшіе догматы колебали еретики и чѣмъ большій соблазнъ и вредъ наносили они вѣрнымъ, тѣмъ болѣе побуждался Геннадій къ обнаруженію ихъ, униженію и отдаленію отъ нихъ вѣрующихъ. «Сія сътвори добрый онъ пастырь, говоритъ преп. Іосифъ о поступкѣ Геннадія, хотя устрашити нечестивыя и безбожныя еретики, и не токмо симъ, но и прочимъ ужяса и страха исполненъ позоръ, поне на сихъ зряще уцѣломудрятся» (Сказаніе о новоявльшейся ереси по изданію Каз. Академіи, стр. 56). «Истребивъ такимъ образомъ главныхъ *враговъ своихъ*

Геннадій болѣе не преслѣдовалъ ересей»—какъ будто, скажемъ мы, Геннадій преслѣдовалъ лишь враговъ своихъ личныхъ, а не самую ересь! Столь же несообразно далѣе сказано, что Геннадій, «изобрѣлъ для еретиковъ неслыханную *казнь*». Не смотря на это авторъ проводитъ какую-то черту различія между Геннадіемъ и Іосифомъ и послѣдняго представляетъ еще горшимъ. Геннадій, по его словамъ, считалъ нужнымъ казнить еретиковъ, но не доказывалъ изъ св. Писанія законность казни. Въ чемъ тутъ различіе мы не постигаемъ, кромѣ того только, что Геннадій мысля тоже самое, что Іосифъ, и на тѣхъ же основаніяхъ, не развилъ сихъ основаній, не имѣя особеннаго къ тому побужденія, а Іосифъ по особенному поводу и побужденіямъ развилъ оныя. Поводомъ служило, какъ далѣе самъ авторъ говоритъ, противоположное воззрѣніе нѣкоторыхъ на преслѣдованіе еретиковъ и нерѣшимость вел. князя. Авторъ въ пріемѣ Іосифа, т. е. что онъ сталъ доказывать надобность казнить еретиковъ, видитъ крайность. Но на это слѣдуетъ замѣтить, что а) ересь жидовствующихъ ниспровергала самые главные и коренные догматы вѣры христіанской, каковы ученіе о святой Троицѣ, о Божествѣ Іисуса Христа и Святаго Духа, о второмъ пришествіи Христовомъ, о важности апостольскихъ и отеческихъ писаній; б) жидовствующіе отвергали таинство Евхаристіи и ругались самымъ безчестнымъ и гнуснымъ образомъ надъ священнѣйшими вещами Церкви, надъ крестомъ Господнимъ и святыми иконами, позволяли себѣ всякій развратъ, соблазны и издѣванія надъ православными не только надъ простыми, но и надъ священниками и архіереями (см. 15-е слово Просвѣтителя); в) ересь эта, нѣкогда имѣя во главѣ своей самого митрополита Зосиму, нѣкоторыхъ архимандритовъ и протоіереевъ главныхъ Московскихъ соборовъ, приближеннаго къ вел. князю дьяка и другихъ сильныхъ лицъ, произвела такое смятеніе въ обществѣ, что на торжищахъ и въ домахъ стали судить вѣру и кощунствовать, глубоко проникла во дворецъ и приражалась къ самому государю; г) соборное опредѣленіе 1490 г. не только не остановило еретиковъ, но несбывшіяся ожиданія кончины міра въ 1492 г. дали имъ новый поводъ и дерзновеніе издѣваться надъ вѣрою христіанскою и надъ Спасителемъ, а Зосима, лишая православныхъ права осуждать еретиковъ, смѣлыхъ обличителей наказывалъ, лишалъ имущества и ввергалъ въ темницы; мысль его въ настоящее время нашла многихъ и сильныхъ послѣдователей. Это значитъ потрясать Церковь въ самомъ основаніи, поражать ее въ самое сердце и въ тоже время отнимать у нея

возможность защищаться и положить конецъ злу. Что оставалось тогда дѣлать для спасенія православія и отечества отъ потрясеній, какъ не опровергнуть парализующую мысль о терпимости еретиковъ и требовать казни виновнѣйшимъ и упорнѣйшимъ изъ нихъ? Мѣра, конечно, крайняя, но мѣра вызываемая великостію и дерзостію преступленія и происходящею отсюда опасностію. Не станемъ говорить, что она была сообразна съ строгостію того времени, въ которомъ жилъ Іосифъ, и находила подтвержденіе и въ предшествующихъ временахъ древней Россіи. Не противорѣчитъ эта казнь такихъ именно еретиковъ, каковы были теперь жидовствующіе, и въ такихъ обстоятельствахъ, ни Божескимъ, ни человѣческимъ законамъ, но еще требуется ими, что̀ и старался раскрыть препод. Іосифъ. Въ этомъ случаѣ Іосифъ, сверхъ отдѣльныхъ примѣровъ, иногда ссылается и на законы Греческихъ царей; но, скажемъ мы, по тогдашнимъ скуднымъ пособіямъ мало еще зная эти законы, благопріятствующіе его мысли. Опытъ изложенія таковыхъ законовъ, хотя только за первые три вѣка, можно видѣть въ достойной статьѣ, помѣщенной въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ, 1859 г. ч. 18, стр. 49 и слѣд.: Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей Грекоримскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу Церкви, противъ еретиковъ и раскольниковъ. Императоры подвергали смертной казни упорныхъ еретиковъ, распространявшихъ отчасти тѣ же заблужденія, что были и у жидовствующихъ, но еретиковъ, можно сказать, менѣе преступныхъ какъ по количеству, такъ и по качеству своихъ лжеученій, каковы были Манихеи, Евноміане, Монтанисты и Евтихіане (см. тамъ же стр. 102—104).

Самую краткую записку о законности казнить еретиковъ Іосифъ представилъ вел. князю Василію Ивановичу, указывая на примѣры пророковъ Моисея и Иліи, апостоловъ Петра и Павла и епископа Льва Катанскаго. Записка озаглавливается: *о томъ еже грѣшника или еретика руками убити или молитвою* (какъ дѣлали святые, призвать на него судъ Божій, мученія и казнь) *едино есть*. Неизвѣстно, когда и какимъ образомъ явилось на нее опроверженіе отъ имени старцевъ Заволжскихъ т. е. Бѣлоезерскихъ и Вологодскихъ монастырей,—и г. Хрущевъ намѣренно приводитъ положенія Іосифа вмѣстѣ съ этимъ опроверженіемъ на стр. 188, 189. Мы разберемъ эту параллель или сравненіе, тѣмъ болѣе, что мысли Іосифа и противниковъ его читаемъ не только въ выпискахъ у автора, но и вполнѣ находимъ тотъ и другой документъ отпечатаннымъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ ч. 16, стр. 423—428.

Нельзя отвергать, что извѣстная часть Заволжскихъ иноковъ по близости къ Новгороду, вѣроятно, хитростію и наружнымъ благочестіемъ жидовствующихъ введена была въ обманъ. Не только сочувствіе къ преслѣдуемымъ, но и самые слѣды ереси у этихъ старцевъ показываютъ Сказаніе о нелюбкахъ между Заволжскими и Іосифовскими иноками (Прибавл. къ Твор. отцевъ ч. 10, стр. 506, 507) и потомъ распространеніе у нихъ сродной съ жидовскою ереси Бакшина, признанное и самимъ Курбскимъ (Руднева О ересяхъ и расколахъ стр. 124). Не всѣ однако Заволжскіе въ другихъ случаяхъ такъ твердые и разсудительные иноки были въ пользу жидовствующихъ и противъ Іосифа. Нилъ Полевъ, Іосифовскій постриженникъ, жившій теперь въ Сорской пустынѣ, въ посланіи къ Герману выражалъ глубокое сочувствіе преп. Іосифу, какъ въ прочихъ такъ и въ этомъ вопросѣ о еретикахъ, и не могъ терпѣть *шипѣванія* на преподобнаго Германовыхъ совѣтниковъ (письмо о нелюбкахъ тамъ же, стр. 524—526). Слова Нила во всякомъ случаѣ показываютъ, что здѣсь была партія противъ Іосифа. И не видно, чтобъ по вопросу о еретикахъ въ этой партіи участвовалъ самъ Нилъ *Сорскій* (см. ниже). Г. Хрущевъ весьма правдоподобно вышепоказанное опроверженіе приписываетъ князю-иноку Вассіану Патрикѣеву, какъ это предполагалъ уже издатель письма о нелюбкахъ старцевъ. Но намъ уже извѣстно (см. выше стр. 124), въ какихъ отношеніяхъ находился этотъ невольный постриженникъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ къ Іосифу, отъ коего въ извѣстной степени, можетъ быть, зависѣло и самое паденіе его. Вассіанъ, какъ увидимъ послѣ, и въ монашествѣ заносчивый и говорунъ, во всемъ противорѣчилъ Іосифу — и въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ и о вдовыхъ попахъ, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ — о еретикахъ, о коихъ впослѣдствіи печалуяся вел. князю, до того простеръ изъ-за нихъ свою ненависть къ Іосифу, что его самого называлъ еретикомъ и отступниками всѣхъ единомышленниковъ его (см. у самого Хрущева ниже, стр. 241. 246). Теперь въ своемъ протестѣ Вассіанъ, допуская, что некающихся и непокаряющихся еретиковъ велѣно заточать, разсуждаетъ собственно о томъ, что кающихся и проклинающихъ свою ересь Церковь принимаетъ со всею любовію. Но въ томъ и сила, что Іосифъ въ запискѣ своей вовсе не имѣлъ въ виду истинно кающихся, а упорныхъ еретиковъ, на которыхъ если святые молитвою и словомъ призывали кару Божію, то можно совершить оную и руками посредствомъ гражданскихъ властей. Въ строгости требованія Іосифа руководило полное сознаніе бого-

хульства еретиковъ и *ревность* по Бозѣ, *снѣдающая* святыхъ (Іоан. 2, 17), мысль его представляла и на самомъ дѣлѣ имѣла благія послѣдствія — въ искорененіи ереси, а Вассіанъ подъ личиною любви христіанской увлекался болѣе духомъ прекословія, и защищая еретиковъ впалъ въ дѣйствительную и пагубнѣйшую крайность, проповѣдуемую самими еретиками, именно ту, что ихъ и судить вовсе не слѣдуетъ. Въ протестѣ духъ любопрѣнія и зависти выразился въ томъ, что онъ по мѣстамъ представляетъ саркастическія выходки противъ Іосифа и тѣмъ роняетъ самъ себя. Теперь въ частности разберемъ представленную авторомъ параллель мыслей Іосифа съ опроверженіемъ ихъ. 1) Іосифъ пишетъ: грѣшника или еретика руками убити или молитвою едино есть. Старцы отвѣчаютъ: кающихся еретиковъ Церковь Божія пріемлетъ простертыми дланьми, грѣшныхъ ради Сынъ Божій пріиде и спасти погибшихъ.—Что Іосифъ здѣсь разумѣетъ однихъ упорныхъ еретиковъ, мы уже сказали выше, а что истинно кающихся и онъ не отвергаетъ, объ этомъ, кажется, и нѣтъ нужды говорить. Въ 13-мъ словѣ Іосифъ проводитъ мысль и подтверждаетъ ее многими примѣрами и свидѣтельствами, что съ еретикомъ, не приносящимъ никому вреда, должно обходиться кротко и терпѣливо, но совсѣмъ иначе съ погубляющими стадо Христово и распространяющими свое ученіе. Подобнымъ образомъ въ 16-мъ словѣ Іосифъ объясняетъ, что̀ есть покаяніе истинное и противополагаетъ его покаянію Новгородскихъ еретиковъ, которые, получивъ ослабу, снова возвратились къ ереси. «Мнози же и иніи грѣшницы, (говоритъ онъ) имъ же нѣсть числа, покаяніемъ спасошася и донынѣ спасаются того ради, понеже, егда покаяшася, пребыша въ покаяніи и умиленіи и въ православной вѣрѣ до дне смерти своея. Нынѣшніи же отступницы по покаяніи больша зла содѣлаша».... (слич. у г. Хрущева стр. 190 и 199). 2) На то, что вопреки разбитію Моисеемъ скрижали при видѣ тельцеслуженія, по ходатайству самого Моисея Богъ не погубилъ за это Израиля, надобно сказать, что, еретиковъ сей примѣръ не поддерживаетъ: Богъ не погубилъ теперь Израиля, какъ цѣлый народъ, въ коемъ многіе, конечно, увлечены были въ преступленіе общимъ потокомъ, что не смотря на это, по повелѣнію Моисея именемъ Господнимъ, 3000 виновныхъ были убиты мечемъ Левитовъ, а другихъ самъ Господь поражалъ неизвѣстнымъ родомъ смерти (Исх. 32, 28. 35) и на ходатайство Моисея объявилъ свое удаленіе отъ жестоковыйныхъ, а въ случаѣ новаго преступленія конечное всѣхъ истребленіе (33, 3. 5). 3) На другіе примѣры

строгости, приводимыя Іосифомъ изъ Ветхозавѣтной исторіи, Вассіанъ или старцы отвѣчали: ащежь ветхій законъ тогда бысть, намъ же въ новѣй благодати яви Владыко христолюбный союзъ, еже не осудити брату брата: *не судите и не осуждени будете* (Матѳ. 7, 1). Отвѣтъ весьма неосновательный, да еще заимствованный отъ самихъ еретиковъ (см. въ книгѣ стр. 190, 129)! Въ приведенномъ текстѣ говорится о пересудахъ ближняго, а отнюдь не о судахъ церковныхъ или гражданскихъ, установленныхъ самимъ Богомъ для осужденія и наказанія виновныхъ. За тѣмъ старцы говорили: «аще ты повелѣваеши, о Іосифе, брату брата согрѣшивша убити, то скорѣе и субботство будетъ и вся ветхаго закона, ихъ же Богъ ненавидитъ»,—говорили это, а за собой не замѣчали, что съ предъидущимъ текстомъ, какъ они приводили его, они не только устраняли всякое сужденіе о еретикахъ, но изгоняли всѣ вообще суды и законы и водворяли анархію. Въ заключеніи двѣ саркастическія выходки противъ Іосифа относительно ссылки его на апостола Петра и Льва Катанскаго не стоятъ и опроверженія. Послѣдняя изъ нихъ такъ понравилась нашему автору, что онъ приводитъ ее двукратно стр. 189 и 191. Она читается: а ты, господине Іосифе, почто не испытаеши своея святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею, донелѣжь бы онъ сгорѣлъ, а мы бъ тебя яко единаго отъ трехъ отроковъ — изъ пламени изшелъ да пріяли (т. е. исшедшаго пріяли)? Извѣстно, что архимандритъ Кассіанъ-еретикъ, по опредѣленію собора былъ сожженъ; видно отсюда, что опроверженіе писано послѣ сей казни.

Въ замѣчаніяхъ на 13-е слово Просвѣтителя, написанное Іосифомъ уже прямо противъ еретической мысли, что не подобаетъ осуждати ни еретика, ни отступника, г. Хрущевъ на стр. 190 находитъ что-то страннымъ, что Іосифъ «приписываетъ самимъ еретикамъ происхожденіе такой мысли». Мысль эта, скажемъ мы, дѣйствительно принадлежала самимъ ересеначальникамъ — протопопу Алексѣю и другимъ, да и нельзя вообразить, чтобъ кому-нибудь изъ православныхъ пришла идея равнодушія къ еретикамъ вообще и въ особенности къ такимъ, каковы были жидовствующіе, вопреки ученію самого Спасителя (Матѳ. 18, 15—20), апостоловъ (2 Петр. гл. 2, 1 Іоан. 2, 18 и дал., Іуд. ст. 11 и дал., Гал. 1, 7. 8. 2 Сол. 3, 6. Тит. 3, 10. 11), отцевъ и учителей Церкви, вопреки всѣмъ соборамъ, вселенскимъ и помѣстнымъ, судившимъ еретиковъ. Самъ Вассіанъ, хотя въ защищеніе еретиковъ приводилъ слова Спаси-

теля, на которыхъ они теперь основывались: не судите, да не осуждени будете, соглашался однакоже, что некающихся и непокаряющихся изъ нихъ велѣно заточать. Сказавъ, какъ Іосифъ опровергъ приводимые еретиками въ свою пользу означенный текстъ (Матѳ. 7, 1) и мѣсто изъ Златоуста, авторъ за тѣмъ превратно и слишкомъ мало говоритъ о существенномъ содержаніи этого сильнаго и многоученаго слова.—Преподобный весьма хорошо здѣсь раскрываетъ мысль о преслѣдованіи вредъ наносящихъ еретиковъ изъ примѣровъ Ветхаго и Новаго завѣта, отъ пророковъ и апостоловъ, изъ исторіи христіанской Церкви, изъ законовъ Греческихъ православныхъ царей, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ противъ еретиковъ, равно какъ показываетъ несообразность и вредъ отъ нерадѣнія о еретикахъ.

Вышепомянутая записка или докладъ великому князю и это слово, служащее полнымъ ея раскрытіемъ, конечно, имѣли вліяніе на Василія Ивановича въ открытіи собора на еретиковъ. Но недовольный симъ авторъ все дѣло объясняетъ тѣмъ, будто Іосифъ, воспользовавшись дряхлостію Іоанна Васильевича, напоминаніемъ Византійскихъ законовъ умѣлъ возбудить самолюбіе въ молодомъ его наслѣдникѣ и тогдашнемъ правителѣ, считавшемъ себя отраслію и преемникомъ восточныхъ императоровъ. «Доводы Іосифа, говоритъ г. Хрущевъ стр. 192, и приведенные имъ примѣры благочестивыхъ царей Греческихъ подѣйствовали на того, кто по матери былъ прямой потомокъ послѣднихъ царей Византіи. Василій Ивановичъ понялъ Іосифа и вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ царскія обязанности, о которыхъ ему писалъ Іосифъ. Послѣдній же зналъ, какую силу имѣлъ великій князь Василій у отца, уже ослабѣвшаго тѣломъ и *духомъ*».

Но сколь многія и твердыя основанія были у Іосифа къ такому строгому требованію, а у собора 1504 г. къ опредѣленію надъ еретиками, это показываетъ еще у самого автора на стр. 194—197 изложеніе *посланія къ Заволжскимъ старцамъ* о повиновеніи соборному опредѣленію. При этомъ однако же въ изложеніи Хрущева бросаются въ глаза нѣкоторыя слова и обороты, перемѣна подлиннаго текста «отступившемъ отъ вѣры *въ зрѣломъ возрастѣ*, вмѣсто: *самовольнѣ* отвергшагося Христа (см. 15-е слово Просвѣтителя стр. 568), недоговорка въ извѣстіи о мусульманскомъ омовеніи жидовствующихъ (см. тамъ же стр. 573). Всѣмъ этимъ, намѣренно или ненамѣренно, ослабляются мысли и требованія Іосифа.

Тоже самое мы должны сказать и о послѣднихъ, за симъ слѣ-

дующихъ, трехъ словахъ Просвѣтителя 14, 15 и 16, т. е. что и они показываютъ правоту Іосифа и собора. Но надобно замѣтить, что у автора на стр. 197—202 словамъ этимъ сдѣланъ только общій и безцвѣтный очеркъ, и что здѣсь, какъ и въ изложеніи Устава Іосифова, не вполнѣ раскрывая самыя основанія и не приводя характеристическія и сильнѣйшія мѣста о еретикахъ, онъ поставляетъ на видъ болѣе «лютыя казни и смерти еретиковъ», и такія особенности (въ примѣрахъ истиннаго покаянія, стр. 199), которыя нынѣ могутъ быть поняты превратно. Намъ кажется, что надлежало бы сдѣлать выписки изъ этихъ словъ или точнѣйшее изложеніе въ нихъ извѣстій о ереси: это раскрыло бы ту безпримѣрную глубину богохульства и разврата, дерзости и упорства, какою отличалась секта жидовствующихъ, до подлинности намъ еще мало извѣстная, и представило бы въ настоящемъ свѣтѣ какъ сужденія, такъ и дѣйствія Іосифа и собора, разсѣявъ голословное на нихъ нареканіе въ жестокости.—Не сочувствуя Іосифу авторъ на стр. 200 съ какимъ-то сомнѣніемъ отмѣчаетъ мысль его: «ясно, что *по мнѣнію Іосифа* ересь жидовствующихъ угрожала гибелью всей Русской землѣ». Но, если вѣрить сказаніямъ лѣтописей и словамъ нашихъ историковъ, что христіанство только дало политическое бытіе и силу Руси, что только твердая вѣра спасла ее въ Монгольскій и другіе погромы, избавила отъ Латинскихъ и другихъ козней, скрѣпила и дала побѣду надъ всѣмъ враждебнымъ: то нельзя не признать, что ниспроверженіе коренныхъ догматовъ христіанства и осмѣяніе священнѣйшихъ предметовъ Церкви, при разливѣ распутства, какъ все это дѣлалось жидовствующими, угрожало потрясеніемъ отечеству. Вообще—это истина историческая, испытанная и не нашими только опытами.—Въ концѣ всего странная привязка къ словамъ Іосифа и еще страннѣе по ней замѣчаніе на стр. 201. У Іосифа написано о царяхъ: «бози есте и сынове Вышняго, блюдѣтеся же да не будете сынове гнѣву (нарушая свои обязанности) и во пса мѣсто сведени будете во адъ». Слова эти, взятыя изъ Ефрема Сирина, читаются и въ Наказаніи княземъ, иже даютъ волость и судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ (см. Памятники старинной Русской литературы, вып. IV). Г. Хрущевъ, замѣтивъ въ самомъ Вступленіи стр. VII, что на (мнимо) политическихъ взглядахъ Іосифа воспитывался Грозный, теперь восклицаетъ: вотъ готовый образчикъ тѣхъ понятій, на которыхъ воспитанъ Грозный! Не понимаемъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать. Если не нравится названіе царей богами (т. е. намѣстниками Божіими на земли, по Русской пословицѣ:

царь — земной богъ): то это — ученіе и названіе библейское (Псал. 81, 6. слич. Іоан. 10, 34). Равно и въ прочемъ содержаніи означеннаго Наказанія княземъ нѣтъ ничего, кромѣ открытаго и умнаго наученія князей правосудію. О самомъ Іоаннѣ въ этомъ отношеніи сказано нами выше въ замѣчаніяхъ на Вступленіе стр. 88.

Глава III. *Іосифъ и архіепископъ Новгородскій Серапіонъ* въ спорѣ между собою (1506—1509 г.).

Здѣсь излагаются лучшія отношенія Іосифа къ Москвѣ, особенно съ правленія Василія Іоанновича и неблагопріятныя къ удѣльному Волоцкому князю Ѳеодору Борисовичу, по причинѣ обидъ и притѣсненій отъ него Іосифовой обители; передача монастыря, по этимъ притѣсненіямъ, въ великое государство Московское; первоначальныя добрыя отношенія Іосифа къ мѣстному архіепископу Новгородскому Серапіону и, по проискамъ Волоцкаго князя, послѣдовавшая на Іосифа за означенное отступленіе къ Москвѣ неблагословенная грамота Серапіона. За тѣмъ представляются свѣдѣнія о самомъ Серапіонѣ, о его прежней службѣ, и оборотъ, какой приняло дѣло по означенной грамотѣ Серапіона и объясненіямъ Іосифа къ великому князю и митрополиту, содержаніе этого посланія къ митрополиту, и отвѣтъ на оное митрополита съ разрѣшеніемъ священнослуженія Іосифу; упомянуто о соборѣ, лишившемъ Серапіона каѳедры, и разсмотрѣно оправдательное посланіе его къ митрополиту Симону (стр. 203—217). Все это изложено очень хорошо, съ употребленіемъ лѣтописей, посланій Іосифа и другихъ коренныхъ источниковъ, съ разными соображеніями и объясненіями фактовъ. Такъ изложены поборы, наѣзды и притѣсненія Іосифову монастырю князя Ѳеодора и подробно разсмотрѣно замѣчательное и малоизвѣстное посланіе Серапіона къ Симону, въ оправданіе своего поступка съ Іосифомъ. Мы не хотимъ только допустить пиры у князя Бориса Васильевича, по словамъ автора, отличавшіеся часто необузданнымъ разгуломъ (стр. 204). Мѣсто въ Житіи Неизвѣстнаго стр. 49, на которое онъ ссылается, ничего такого не представляетъ, кромѣ выраженія: «нѣкогда веселующу владыцѣ сему» и цохвалы отрока своего.

За тѣмъ показываются разныя сужденія приверженцевъ и противниковъ Іосифовыхъ о неблагословеніи Серапіона и непрощеніи у него Іосифа, излагается посланіе Іосифа къ Ивану Ивановичу Третьякову, по этому поводу, и другое посланіе къ Борису Кутузову: изъ нихъ по намѣренію самого Іосифа взаимно дополняетъ одно другое. Упомянуто сюда же относящееся посланіе Ивана

Головина и показаны два противоположные взгляда на это дѣло, выразившіеся въ лѣтописяхъ, примиреніе съ Серапіономъ противниковъ его и два посланія Нила Полева по тому же спору (стр. 217—239). И это также изложено съ знаніемъ дѣла, особенно тщательно раскрыты помянутыя два посланія къ Третьякову и Кутузову.

Но тамъ и здѣсь высказанъ взглядъ автора, оправдывающій Серапіона и осуждающій Іосифа. Приступая къ разсмотрѣнію посланій г. Хрущевъ, стр. 218, выражается объ Іосифѣ слѣдующимъ рѣзкимъ и оскорбительнымъ образомъ: «друзья Іосифа не знали, какъ защищать его... самъ Іосифъ долженъ былъ придти къ нимъ на помощь съ запасомъ свидѣтельствъ изъ св. Писанія, церковныхъ правилъ и примѣровъ изъ исторіи и житій святыхъ». Что же? скажемъ мы: приведенныя свидѣтельства, правила и примѣры имѣютъ свою силу, объясненіе дѣла въ обоихъ посланіяхъ оправдываетъ Іосифа, если не вполнѣ: то и архіепископа не совсѣмъ освобождаетъ отъ вины. Во всякомъ случаѣ видно, что отлученіе Серапіономъ Іосифа было дѣло незаконное, сдѣланное поспѣшно и по интригамъ другихъ. Если (оставя безъ вниманія приводимыя Іосифомъ причины и объясненія) мы будемъ ставить Іосифу въ вину, что онъ долго не просилъ прощенія у бывшаго своего владыки: то не можемъ одобрить и того, что Серапіонъ отвергъ посланнаго съ иконою Іосифовскаго старца, не хотѣлъ признать своей вины и смириться предъ осудившимъ его соборомъ. Если въ объясненіяхъ Іосифа есть мѣста, касающіяся личности Серапіона: то и у Серапіона въ посланіи къ Симону находятся самыя рѣзкія выраженія объ Іосифѣ. Говоря все это по поводу лишь замѣчаній автора противъ Іосифа, мы съ своей стороны отнюдь не хотимъ осуждать того или другаго изъ спорющихъ, а считаемъ этотъ споръ лишь дѣломъ немощи человѣческой, взаимныхъ недоразумѣній и случайностей, каковыя не безъ Промысла Божія попущаются и на самихъ великихъ избранниковъ Божіихъ. Знаемъ напримѣръ, что св. Павелъ, апостолъ языковъ, въ Антіохіи *въ лице противосталъ* Петру, благовѣствующему въ обрѣзаніи, *яко зазоренъ бѣ* (Гал. 2, 11), и что у того же Павла нѣкогда изъ-за спутника Марка была *распря* съ апостоломъ Варнавою, *яко отлучитися има отъ себе* (Дѣян. 15, 39); знаемъ несогласія Златоустаго съ св. Епифаніемъ Кипрскимъ по дѣлу о Нитрійскихъ монахахъ. Не смотря на это и Петръ остался Петромъ, и Павелъ Павломъ, равно какъ и прочіе при своемъ достоинствѣ, сдѣлавшись сынами царствія, — и судить ихъ намъ

трудно. О спорѣ Іосифа съ Серапіономъ и взаимномъ примиреніи весьма хорошо и духовно разсудилъ Неизвѣстный жизнеописатель Іосифа стр. 64, и слѣдующія слова его буквально повторяетъ списатель житія Серапіонова: сія бо преподобнымъ свойственна: егда кая стропотная бываютъ имъ, вражду поправше на смиреніе пріити, якоже блаженный Иванъ и Епифаній, тако же и сіи отцы Серапіонъ и Іосифъ (Синод. Б—ки Милютинская четь-минея, мартъ, № 803, л. 447 об.). Надобно наконецъ замѣтить, что все дѣло получило такой размѣръ и имѣло такія печальныя для Серапіона слѣдствія отъ того, что тутъ примѣшалась государственная политика.

На стр. 236 авторомъ замѣчено: «изъ житія Іосифа (Саввы Чернаго) узнаемъ, что по смерти его злобно отнеслись къ его памяти іерей и сынъ боярскій,—оба изъ Новгорода». Выраженіе «злобно» объ іереѣ Новгогородскомъ употреблено уже слишкомъ рѣзко (см. сказанное о немъ выше стр. 91), а о сынѣ боярскомъ совершенно ложно, и мы недоумѣваемъ, какъ это случилось. Въ поступкѣ боярскаго сына (Житіе Саввы стр. 74) не только не видно никакой непріязни къ памяти препод. Іосифа, но, напротивъ, живая вѣра къ нему, даровавшая этому больному чудесное исцѣленіе.

Не совсѣмъ ясно и точно представлено на стр. 237 содержаніе и значеніе отвѣтнаго посланія Іосифа великому князю, лучше изложенныя у свящ. Булгакова стр. 185. Дѣло въ томъ, что великій князь, поставленный въ затруднительномъ вопросѣ, просилъ Іосифа изложить способъ, какъ уладить споръ, опредѣлить условія примиренія его съ архіепископомъ (билъ бы ему челомъ). И Іосифъ, не желая быть судіею своего противника, съ своей стороны вполнѣ довѣрился благоразумію и волѣ князя. А нынѣ, государь, моя мысль: какъ Богъ да пречистая Богородица тебѣ, государю моему, на сердце положитъ: *какъ ты, государь, великиъ и язъ, государь, такъ бью челомъ* (Серапіону), и прибавляетъ: занеже, государь, надежа и упованіе *по Бозѣ и по пречистой Богородицы*, ты государь. Курсивомъ набранныя слова у г. Хрущева въ выпискѣ опущены и потому она даетъ превратный смыслъ.

Изъ посланій Нила Полева, разбираемыхъ на слѣдующей 238 страницѣ, видно, какое сильное волненіе произвело и какіе превратные возбудило толки въ самыхъ Заволжскихъ пустыняхъ Серапіоново Іосифу отлученіе. Но видно и то, что Нилъ Полевъ и подобные ему вполнѣ раздѣляли защитительныя мысли Іосифа и къ тому же убѣжденію приводили и нѣкоторыхъ своихъ противниковъ.

Глава IV. *Новая борьба Іосифа съ ересью* (жидовствующихъ) *и инокъ Вассіанъ* (1511—1515).

Въ этой небольшой главѣ содержится возвращеніе князя-инока Вассіана Патрикѣева съ Бѣлаозера въ Москву и защищеніе имъ еретиковъ предъ великимъ княземъ, своимъ родственникомъ; вызванное симъ второе посланіе Іосифа къ Василію Ивановичу, съ убѣжденіемъ вновь принять строгія мѣры противъ жидовствующихъ, не довѣряя ихъ вынужденному лицемѣрному покаянію, какъ и поступилъ великій князь. Показывается открытіе ереси у Бѣлозерскихъ пустынниковъ, особенно покровительствуемыхъ Вассіаномъ, и сочиненіе его противъ Іосифа, обвинявшее самого Іосифа въ ереси строгихъ Новатіанъ; жалобное на это посланіе Іосифа къ ближнему боярину В. А. Челяднину и слѣды полемики его съ Вассіаномъ. Послѣднія дѣянія и писанія Іосифа: примиреніе имъ великаго князя съ братомъ Юріемъ Дмитровскимъ, предсмертное посланіе Василію Ивановичу съ порученіемъ его милости Іосифовой обители и духовная грамота, значеніе Іосифа въ ближайшемъ и отдаленномъ потомствѣ (стр. 240—254).

Въ отношеніи литературномъ нельзя не отдать чести и этой главѣ, но вообще она вызываетъ противъ себя много замѣчаній.

Авторъ явно держитъ сторону Вассіана Патрикѣева въ полемикѣ его противъ Іосифа. Къ извѣстію о томъ, что Вассіанъ былъ ученикъ извѣстнаго пустынника Нила Сорскаго, онъ прибавляетъ стр. 240: «Нилъ Сорскій могъ за то полюбить Патрикѣева, что онъ, по своему умственному развитію, понималъ глубокомысленнаго Нила. И онъ дѣйствительно понялъ своего наставника, когда впослѣдствіи явился защитникомъ его мнѣній». — Мы не знаемъ свидѣтельствъ и данныхъ, показывающихъ особенное расположеніе Нила къ Вассіану, а напротивъ видимъ въ характерѣ и образѣ жизни Вассіана многое такое, что должно было отталкивать отъ него строгаго Нила Сорскаго, когда сей, безъ сомнѣнія, поставлялъ *царствіе Божіе не въ словеси* (Вассіана) *а въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Правда, что Курбскій, вооруженный противъ всего Іосифовскаго и въ отзывахъ рѣзкій, превозноситъ сторонника своего Вассіана, уподобляя его самому Антонію великому (Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2, стр. 4. 5). Но по справедливому изображенію въ слѣдъ за симъ у самаго г. Хрущева Вассіанъ и въ монашествѣ былъ заносчивый, смѣлый и роскошный бояринъ, говорить гораздъ. При этомъ становится яснымъ, что и въ полемикѣ съ Іосифомъ руководила Вассіана не столько любовь къ Нилу и истинѣ, сколько

любопрѣніе и духъ противорѣчія. На дѣлѣ Вассіанъ вовсе не сочувствовалъ аскетическимъ мыслямъ и стремленіямъ Нила. Этотъ защитникъ нестяжательности монастырей и поборникъ аскетической жизни, — иронически говоритъ о Вассіанѣ умный ученикъ преп. Максима Зиновій, — живя въ Симоновѣ монастырѣ разнствовалъ въ пищѣ отъ прочихъ братій ради ихъ деревень (по той причинѣ, что они владѣли деревнями). Не изволи же Вассіанъ брашна Симоновскаго ясти: хлѣба ржанаго и варенія, еже отъ листвія капустнаго... и монастырскаго пива чистительнаго желудку не піяше. Ядяше же мнихъ Вассіанъ приносимое ему брашно отъ трапезы великаго князя, хлѣбы пшеничны, чисты, крупичаты и прочая брашна зѣло желаемая и многопестротнѣ застрояемая.... яже отъ рыбъ и масла, и молока, и яицъ. И благоговѣйный мнихъ Вассіанъ князь разнствова въ брашнѣ отъ Симонова монастыря ради стяжанія (т. е. имѣнія у монастыря) двою тысящу вытей,... не разнствова же Вассіанъ въ брашнѣ отъ великаго князя, имѣющаго тмы тмами вытей.... піяше же нестяжательный романію, бастръ, мушкатель, ренское бѣлое вино (Зиновія Истины показаніе, слово 45, см. въ статьѣ о нелюбкахъ Приб. Твор. отцевъ ч. 10, стр. 520. 521). Въ особенности же Вассіанъ вооружался противъ Іосифа въ мнѣніи о еретикахъ, потому что въ связи съ этимъ вопросомъ состояло самое паденіе и невольное постриженіе Вассіана (см. сказанное выше стр. 124). Изъ соборнаго суда надъ Вассіаномъ 1531 года (Чтенія Москов. Общества Исторіи и Древностей 1847 г., № 9 въ Смѣси), хотя и не вполнѣ сохранившагося, видно, что Вассіанъ самъ нѣкоторымъ образомъ былъ причастенъ ереси жидовствующихъ. Такъ Вассіанъ обвиняется, не говоря о важнѣйшемъ, въ униженіи писаній отеческихъ, въ непочтеніи Русскихъ чудотворцевъ (въ чемъ и сознался) и въ нѣкоторомъ другомъ. Такимъ образомъ не-вѣротерпимость нашла себѣ поддержку въ Вассіанѣ Патрикѣевѣ, какъ говоритъ авторъ стр. 241, а самая ересь и мать всѣхъ ересей — гордость и непризнаніе духовной власти нашли себѣ мѣсто въ сердцѣ Вассіана, почему онъ и сталъ печаловаться о еретикахъ и всею силою вооружился противъ Іосифа Волоколамскаго. Въ этомъ случаѣ не видно, чтобъ и учитель Вассіановъ Нилъ Сорскій былъ того же мнѣнія о еретикахъ. Въ предметахъ полемики Іосифа противъ Нила и Вассіана, означенныхъ въ 3-мъ отвѣтномъ словѣ самого Вассіана (см. у г. Хрущева стр. 248, примѣч. 220), въ этомъ пунктѣ о еретикахъ Нилъ не упоминается (какъ въ нѣкоторыхъ другихъ) вмѣстѣ съ Вассіаномъ, а Вассіанъ представляется одинъ.

По поводу печалованія о еретикахъ Вассіана и сообщниковъ его, чрезъ то дававшихъ свободу распространенія ереси, Іосифъ писалъ второе посланіе къ великому князю о еретикахъ, въ которомъ излагалъ обязанности царской власти къ охраненію Церкви, совѣтовалъ ему, не довѣряя лицемѣрному и вынужденному покаянію еретиковъ, употребить противъ нихъ строгія мѣры. Авторъ, хотя и самъ довольно раскрылъ ходъ и силу мыслей посланія, въ заключеніи успѣхъ его, какъ и успѣхъ 13-го слова Просвѣтителя (см. замѣченное выше на стр. 134), объясняетъ только внѣшнею отдѣлкою. «Витіеватость, говоритъ онъ стр. 244, оказала безъ сомнѣнія свое дѣйствіе на книжнаго великаго князя, въ особенности же торжественныя слова о значеніи царской власти *(васъ бо Богъ въ себе мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ)* должны были производить сильное впечатлѣніе на становившагося царемъ великаго князя. Такія увертки, по нашему мнѣнію, роняютъ серьозное сочиненіе. — Приведенныя о царяхъ библейскія слова автору не нравились и прежде (см. на это замѣчаніе на стр. 135. 136).

За тѣмъ ироническимъ тономъ передается «*чудо преславно*, какъ Богъ обнаружилъ святотатство ложно раскаявшагося еретика», которое еще болѣе побудило Іосифа писать, чтобъ не вѣрили раскаянію еретиковъ. — Чудо состояло въ томъ, что когда повѣрили лицемѣрному раскаянію одного еретика и даже поставили его въ попы, онъ, совершивъ однажды литургію, принесъ въ домъ свой потиръ съ дарами и изъ презрѣнія вылилъ оные въ топившуюся тогда печь: по уходѣ его, жена его увидѣла въ печи Отроча мало, грозившее преступнику вѣчнымъ огнемъ, Отроча немедленно взято было на небо двумя большими птицами т. е. ангелами. Чудо это, кромѣ Саввы Чернаго (стр. 37. 38), разсказано, съ нѣкоторыми другими подробностями, и въ Патерикѣ Волоколамскомъ (рукоп. Епархіальной Б—ки, № 664, л. 126). Составитель его сперва замѣчаетъ о строгости жизни и цѣломудрія передавшаго чудо живописца Ѳеодосія (къ которому преп. Іосифъ писалъ при особенномъ посланіи цѣлыя три слова 5, 6 и 7 изъ Просвѣтителя, см. выше стр. 120) и потомъ говоритъ, что этотъ еретикъ и ему самому (составителю) хорошо извѣстенъ. Но хотя бы мы и не приняли ничего чудеснаго, фактъ говоритъ самъ за себя. Извѣстно, что жидовствующіе отвергали таинство Евхаристіи, и потому естественно ожидать отъ еретика такого богохульства, чтобы пролилъ въ печь св. дары. Но въ тоже время такой фактъ всякому открывалъ глаза,

какого свойства эти еретики и что такое теперешнее ихъ покаяніе. Церковь съ величайшимъ благоговѣніемъ смотритъ на это святѣйшее таинство Евхаристіи, и священникамъ волею или неволею проліявшимъ святые дары опредѣлены строгія наказанія и мѣры къ исправленію вины (см. 158 правило въ номоканонѣ при требникѣ и др.). Но если всякое чудо условливается важностію обстоятельства и цѣли: то на этомъ основаніи и въ настоящемъ случаѣ возможно допустить чудесность.

На стр. 245 и 246 передается описанный въ Нелюбкахъ случай открытія ереси у Бѣлоезерскихъ старцевъ, и другой, когда Вассіанъ въ палатахъ самого митрополита Варлаама ни съ того ни съ сего учениковъ Іосифовыхъ и съ учителемъ ихъ клеймилъ названіемъ отступниковъ Божіихъ (слич. посланіе къ В. А. Челяднину, у г. Хрущева стр. 260). Въ томъ и другомъ выражается характеръ Вассіана и его желчность и жестокость, въ которой обвинялъ онъ Іосифа, между тѣмъ какъ теперь самъ просилъ свидѣтеля — православнаго попа на пытку, въ которой попъ лишился жизни и однако же не отказался отъ своего показанія противъ покровительствуемыхъ Вассіаномъ старцевъ.

«Вассіанъ, говоритъ авторъ, сталъ писать противъ Іосифа. Отвергая свидѣтельства Ветхаго Завѣта въ дѣлахъ Церкви Христовой, Вассіанъ обвинялъ Іосифа за то, что онъ, осуждая еретиковъ, преимущественно основывался на Ветхомъ Завѣтѣ». — Не на Ветхомъ Завѣтѣ преимущественно основывался Іосифъ въ своихъ писаніяхъ на еретиковъ, а на правилахъ соборовъ и св. отцевъ и узаконеніяхъ православныхъ Грекоримскихъ государей. Что касается до Новаго Завѣта: то здѣсь содержится только общее ученіе о коренныхъ правахъ и правилахъ Церкви христіанской, только первыя предначертанія о ея устройствѣ и управленіи. А все это раскрыто, опредѣлено и примѣнено къ Церкви уже впослѣдствіи, съ образованіемъ самой Церкви въ одно великое тѣло Христово,— вышепомянутыми соборными, отеческими и градскими правилами. Потому Іосифъ имѣлъ надлежащія основанія къ своимъ заключеніямъ, тогда какъ мысль Вассіана, если онъ хотѣлъ держаться только Новаго Завѣта, съ устраненіемъ преданія, отзывается лютеранствомъ. Къ этому лютеранству ересь жидовствующихъ вообще имѣетъ ближайшее отношеніе, изъ него она и развилась (см. Руднева О ересяхъ и расколахъ стр. 152 и слѣд.).

Таковыя рѣчи и писанія Вассіана заставили препод. Іосифа въ особомъ посланіи къ боярину В. А. Челяднину просить его, довести

сіе до свѣдѣнія вел. князя и исходатайствовать у него дозволенія Іосифу писать въ свое защищеніе. При этомъ со стороны Іосифа г. Хрущевъ (стр. 247) приводитъ слѣдующую причину: «ино, господине, намъ Божественная писанія повелѣваютъ трьпѣти всяка укоризна; аще ли же, господине, кто назоветъ еретикомъ, ино о томъ не вѣстно молчати». Но не привелъ авторъ другую, за симъ слѣдующую, гораздо сильнѣйшую причину: и коли хулилъ и злословилъ (меня Вассіанъ), и то, господине, было не таково (т. е. клевета), *а нынѣ, господине, писанію предаетъ, да и разсылаетъ о томъ посланія*, ино уже терпѣти не возможно. Въ такомъ же точно положеніи за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, сподвижникъ Іосифовъ, Геннадій Новгородскій жаловался собору епископовъ: а Захаръ чернецъ пишетъ въ своихъ грамотахъ, что на мене послалъ по всѣмъ градомъ грамоты: зоветъ мя еретикомъ, а язъ не еретикъ. А и писано: аще тя кто назоветъ еретикомъ, да не пріимеши (не принимай такого нареканія); аще ли пріялъ еси, отвергся есть Христа (т. е. на самомъ дѣлѣ сталъ еретикомъ). См. Геннадіево посланіе къ собору епископовъ въ Православномъ Собесѣдникѣ 1863 г., стр. 480. Прося о дозволеніи защищаться отъ Вассіана Іосифъ пишетъ: занеже, господине, Божіею милостію есть, что̀ говорити и писати противу его рѣчей. Мы, господине, *по свидѣтельству святыхъ вселенскихъ седми соборъ* стали на еретики, *да по свидѣтельству священныхъ правилъ* били челомъ великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи, какъ *прежніи святители* на вселенскихъ соборѣхъ прежнимъ православнымъ царемъ били челомъ. Вотъ подлинныя основанія писаній и дѣйствій Іосифа противъ еретиковъ, а не Ветхозавѣтные законы, только въ помощь иногда имъ приводимые, какъ это дѣлается и въ соборныхъ постановленіяхъ! И государь, продолжаетъ Іосифъ, Святымъ Духомъ подвижися (эти слова изъ связи вырванныя у г. Хрущева получаютъ другое значеніе) учинилъ, якоже и прочіи православніи цари, по свидѣтельству тѣхъ же Божественныхъ правилъ. А Васьянъ супротивно всѣмъ Божественнымъ правиломъ сталъ съ еретики на насъ.

Въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1863 г., ч. 3, стр. 95—112, 180—210 отпечатаны сохранившіяся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ сочиненія Вассіана, — три отвѣтныхъ слова его съ предисловіемъ. Послѣднее слово стр. 200—210 представляетъ по пунктамъ отвѣты Вассіана на *сказанія* Іосифа, направленныя противъ Вассіана, а иногда вмѣстѣ и противъ учителя его Нила. Нѣкоторыя изъ сихъ сказаній или обвинительныхъ пунктовъ встрѣчаются въ словахъ

Просвѣтителя, а другихъ 9-ти тамъ нѣтъ,—и г. Хрущевъ стр. 248 полагаетъ, что эти послѣдніе явились вслѣдствіе испрошеннаго позволенія Іосифу защищаться противъ Вассіана и составляли Дополненіе къ Просвѣтителю. Они касаются того, что подобаетъ учительство приводити отъ Ветхихъ писаній, что Вассіанъ, требуя оставить еретиковъ на волю Божію, призывающую всѣхъ къ покаянію, даетъ поводъ къ распространенію ими своей ереси, что казненные изъ нихъ, по его мнѣнію, суть мученики, что Нилъ и Вассіанъ похулили Русскихъ чудотворцевъ и по невѣрію отвергли чудеса ихъ, также говорили, что не слѣдуетъ храмы украшать сребромъ и златомъ и монастырямъ имѣть вотчины. Но странно, что этихъ сказаній Іосифа противъ Вассіана и Нила не видно ни въ рукописяхъ Волоколамскаго монастыря, поступившихъ въ Московскую Академію и Епархіальную Библіотеку, ни въ другихъ извѣстныхъ намъ библіотекахъ, судя по описаніямъ ихъ. Подъ сказаніями вообще не точный въ языкѣ Вассіанъ не разумѣетъ ли одни устно высказанныя Іосифомъ положенія, а не разсужденія или статьи писмени преданныя? Вассіанъ, говоритъ за тѣмъ Хрущевъ, въ своемъ отвѣтномъ словѣ (3-мъ) рѣзко опровергая эти *положенія* Іосифа постоянно ссылается на свои «тетради» — обширное сочиненіе въ защиту Заволожскихъ убѣжденій. — Мысль объ этихъ тетрадяхъ Вассіана взята авторомъ изъ предварительнаго Введенія къ вышепомянутымъ въ Православномъ Собесѣдникѣ 1863 г. изданнымъ полемическимъ сочиненіямъ Вассіана стр. 97 и слѣд. Казанскіе издатели послѣднее въ сихъ сочиненіяхъ слово на стр. 200 вопреки подлинному его заглавію: Собраніе на Іосифа Волоколамскаго отъ святыхъ правилъ и многихъ книгъ, назвавъ *сокращеніемъ* всей полемики между Іосифомъ и Вассіаномъ, говорятъ, что изъ этого сокращенія видно между прочимъ, что Вассіанъ въ защиту своихъ идей написалъ цѣлую книгу, состоящую болѣе, чѣмъ изъ 10-ти словъ, и что онъ подавалъ голосъ противъ Іосифа по всѣмъ церковно-іерархическимъ вопросамъ, занимавшимъ тогда наше духовное и мірское Правительство. Такое заключеніе, безъ другихъ прямыхъ свидѣтельствъ, мы находимъ поспѣшнымъ. Правда, что при многихъ отвѣтахъ этого слова авторъ ссылается на тетради и другія слова, но эти ссылки указываютъ не на особую какую нибудь книгу изъ десяти и болѣе словъ, а на тѣ же самыя три слова отвѣтныхъ съ предшествующимъ имъ предисловіемъ, которыя изданы въ Православномъ Собесѣдникѣ, именно на стр. 102 предисловіе, стр. 104 слово отвѣтно противу клевещу-

щихъ истину евангельскую и о иноческомъ житіи, — слово 1-е, стр. 180 собраніе на Іосифа Волок. отъ правилъ Никонскихъ — слово 2-е, л. 200 собраніе отъ святыхъ правилъ и многихъ книгъ—слово 3-е. Сами издатели въ послѣднемъ словѣ тамъ, гдѣ начинается рядъ положеній Іосифа съ отвѣтами Вассіана не съ 1-го, а съ 4-го, на стр. 200 замѣчаютъ, что первыя три числа означаютъ предшествующія ему два слова съ предисловіемъ: но напрасно они предисловіе вводятъ въ счетъ и такимъ образомъ послѣднее слово, съ положеніями Іосифа, представляютъ четвертымъ, а не третьимъ. Теперь мы разберемъ самыя ссылки, — и тотчасъ увидимъ, что подъ именемъ тетрадей и словъ въ нихъ означаются два предъидущія слова и (внѣ счета) предисловіе, какъ мы выше распредѣлили. Такъ въ отвѣтѣ 4-мъ (печ. стр. 201) Вассіанъ ссылается: яко подобаетъ еретиковъ святителемъ проклинати, царемъ же и княземъ сихъ подобаетъ заточати и казнити, якоже писано *въ сихъ тетратехъ напреди*, во 2-мъ словѣ; дѣйствительно объ этой казни, но не во главу, говорится въ означенномъ нами 2-мъ словѣ на стр. 198. 199. Въ 5 отвѣтѣ требуя убіенія еретиковъ молитвою, а не оружіемъ, Вассіанъ опять ссылается на это же 2-е слово и на тоже въ немъ мѣсто: якоже напреди изъявлено о семъ въ сихъ тетратехъ во 2-мъ словѣ. Также ссылается и въ 8 и 9 отвѣтахъ въ доказательство того, что кающихся еретиковъ надобно принимать и что казненные еретики суть мученики. Въ 7-мъ отвѣтѣ говоря о томъ же покаяніи еретиковъ Вассіанъ прямо означаетъ показанное 2-е слово: о семъ писано покаяніа еретикомъ (т. е. о семъ покаяніи еретиковъ) во второмъ словѣ *отвѣтно(мъ)*, отъ святаго писаніа въ сихъ тетратехъ. Въ 10 отвѣтѣ Вассіанъ говоритъ, что онъ съ Ниломъ Сорскимъ почитаетъ Русскихъ святыхъ, понеже жили по Евангелію и Апостолу, а не якоже ты, Іосифе, и твои ученицы преступивъ заповѣди Божіи, не токмо яко мірстіи человѣцы живутъ, но и горши того, якоже въ *Предисловіи* о тебѣ и о твоихъ ученицѣхъ писано сихъ тетратей. Здѣсь разумѣется или собственное *Предисловіе* къ настоящимъ тремъ отвѣтнымъ словамъ (въ печ. на стр. 102), гдѣ словесами худыми, лихоглаголаніемъ, тропарьми и въ пѣніи гласомъ быстрѣйшимъ и сломленымъ, предпѣтіями, прокимнами, сѣдальнами и т. д. Вассіанъ, конечно, охуждаетъ торжественное и продолжительное богослуженіе Іосифа съ братіею,— вопреки уставу скитскому, или же разумѣются начала или вступленія 1, 2 или 3 отвѣтнаго слова, также съ укоризнами на Іосифа съ братіею: языкъ Вассіана вообще неточенъ, неправиленъ и

теменъ. Въ 11 отвѣтѣ говорится: и о селѣхъ (что) не подобаетъ монастыремъ держати селъ, о семъ писано въ 3-мъ словѣ сихъ тетратей. Вѣроятно, здѣсь ошибка писца: вмѣсто 3-го нужно было поставить 2-е слово, главнымъ образомъ дѣйствительно разсуждающее о вотчинномъ владѣніи монастырей, а о еретикахъ, относительно чего доселѣ ссылался на оное Вассіанъ, здѣсь говорится немного. Особенно рѣзки слѣдующія двѣ ссылки: въ 12 отвѣтѣ въ рѣчи о томъ же отнятіи селъ у монастырей сказано: *о семъ писано въ первомъ-надесяте словѣ сихъ тетрадей*, въ 13-мъ о нехуленіи Вассіаномъ Русскихъ чудотворцевъ: *о семъ писано въ десятой главѣ сихъ тетрадей*. То и другое дѣйствительно находится въ 11 и 10 положеніи или пунктѣ сего самого 3-го слова. Только пункты эти въ неточномъ выраженіи Вассіана сперва названы словомъ, потомъ главою! Такимъ образомъ всѣ основанія къ предположенію обширнаго творенія Вассіана по современнымъ вопросамъ оказались ложными, и выходитъ, что авторъ (Вассіанъ) только хвалитъ и обманываетъ самъ себя, постоянно ссылаясь на тѣже самыя тетради изъ трехъ скудныхъ словъ съ предисловіемъ, изданныхъ въ Православномъ Собесѣдникѣ. Скудость эта очевидна. Послѣднее напр. слово содержитъ не *рѣзкое* какое нибудь *опроверженіе* положеній Іосифа, какъ говоритъ Хрущевъ, стр. 249, а только краткіе отвѣты, иногда не на предметъ, и часто—рѣзкую брань и клевету на преподобнаго, чѣмъ и начинается слово, см. и отвѣты на 7. 11 и 15-е положенія. Таже раздражительность, слабость мыслей, растянутость, удаленіе отъ предмета и повторенія представляются и въ прочихъ двухъ словахъ, изданныхъ въ Православномъ Собесѣдникѣ стр. 104—112 о иноческомъ житіи и 180—199 собраніе на Іосифа Волоколамскаго отъ правилъ Никонскихъ. Уставомъ Іосифа дѣла крестьянъ повелѣвалось разбирать внѣ монастыря на особомъ дворцѣ. Вассіанъ на это пишетъ стр. 190. 191: «о законоположителю, паче же рещи законопреступниче! аще отнюдь грѣхъ возмниши еже внутрь (монастыря) мучити христіанъ, братій нашихъ?... Господь заповѣдаетъ тебѣ не противостояти лукавому, но аще кто ударитъ тя въ десную ланиту и обрати ему другую и просящему отъ тебе дай... ты же вся съпротивная узаконяеши и что̀ ино еси, развѣ антихристъ, сирѣчь съпротивникъ Христовъ? Кто убо умъ имѣя не восплачется, видя твое безуміе?» Надобно замѣтить, что это и многое подобное писано въ то время, когда надлежало бы уже утихнуть гнѣву, по отходѣ Іосифа въ вѣчность, въ которую Вассіанъ, въ концѣ послѣдняго 15-го отвѣта, провож-

даетъ его почти проклятіями. Также сильно поноситъ Вассіанъ, стр. 194—196, архіереевъ и повсюду — современное монашество.

Проф. Бодянскій въ Чтеніяхъ Московскаго Историческаго Общества 1859 г. № 3 издалъ признанное еще проф. Устряловымъ (Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, Спб. 1842 г., стр. 308, прим. 5) Разсужденіе князя-инока Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами. Въ двухъ Синодальныхъ рукописяхъ № 648, л. 626 и № 758 (по печ. Описанію № 171, отд. 2, ч. 2, стр. 463. 464), равно и въ двухъ сборникахъ Соловецкаго монастыря (Православный Собесѣдн. 1863 г., ч. 3, стр. 96, прим. 1) это сочиненіе надписывается такъ: «Бесѣда и видѣніе преподобныхъ отецъ нашихъ игуменовъ Сергія и Германа, Валамскаго монастыря начальниковъ, инокомъ о Бозѣ на большее спасеніе и достоитъ тому тако быти. Провидѣли святыми Божественными книгами въ новѣй благодати царей и великихъ князей простоту и иноческую погибель послѣдняго времени будетъ. Послушаемъ сего отцы и братія съ умиленіемъ и вниманіемъ». Сомнѣнія тѣхъ же Казанскихъ издателей (Прав. Собес. 1863 г. стр. 96. 97) въ принадлежности Вассіану этого сочиненія по его «безпорядочному изложенію мыслей и простой неученой рѣчи» кажутся намъ напрасны; издатели впослѣдствіи на стр. 208 и сами приписали оное Вассіану, приводя такое мѣсто, которое указываетъ на Нила и Вассіана. Въ Вассіанѣ даетъ видѣть автора все вообще содержаніе этой бесѣды и изложеніе ея— съ тѣми же всѣми качествами т. е. недостатками, какія замѣчены нами въ предъидущихъ сочиненіяхъ Вассіана. Такія же рѣзкія выходки здѣсь противъ Русскихъ царей и вел. князей, жаловавшихъ монастыри отчинами, въ печ. Чтеніяхъ стр. 2 и дал., и повсюду—противъ иноковъ. На стр. 6 и 14 говорится о порчѣ нѣкоторыхъ житій Русскихъ святыхъ, на стр. 15 о громогласномъ церковномъ пѣніи: противъ того и другаго возставали Нилъ и Вассіанъ. Языкъ сочиненія вообще обличаетъ человѣка свѣтскаго, а нѣкоторыя мѣста прямо—Вассіана, бывшаго на воинскомъ и дипломатическомъ поприщѣ. Стр. 6. 12. 13 таковыми неподобными *статьями* (дѣйствіями, распоряженіями) и мірскими суетами царіе иноковъ потворяютъ, 8 въ *вооруженныхъ полкахъ*, 12. 14 царю (надлежитъ) пещися паствы и *войска* своего, 13 и особные инокомъ отъ мірянъ промышляти *улусы*. Не препятствуетъ относить къ Вассіану сочиненіе сіе и постоянно употребляемый въ немъ титулъ: *царь* и великій князь. Такъ именовалъ Іоанна III и Василія Ивановича *Максимъ Грекъ*, такъ и митрополитъ Даніилъ (см. Пренія Даніила

съ старцемъ Васьяномъ и Максимомъ Грекомъ въ Чтеніяхъ Ист. Общества 1847 г., № 7 и 9, слич. Описаніе Синод. Библіотеки, отд. 2, ч. 2, стр. 531). Вассіанъ, преданный Максиму, еще болѣе могъ употреблять такой титулъ, какъ дипломатъ. Это дипломатическое вниманіе къ царскимъ титуламъ видно и изъ слѣдующаго мѣста (печ. стр. 2): Богъ повелѣлъ имъ царствовати и міръ воздержати и для того цари въ титлахъ пишутся самодержцы, (но) таковымъ царемъ (жалующимъ въ монастыри вотчины) не достоитъ писатца самодержьцемъ ни въ чемъ же. Авторъ особенный вѣсъ даетъ одной апокрифической статьѣ, когда неоднократно внушаетъ царямъ дозирать *повѣсти Іосифа прекраснаго царя*, чтобъ хорошо править царствомъ и правильно относиться къ монашествующимъ. Что вышеозначенное заглавіе сочиненія, подъ именемъ бесѣды и видѣнія преподобныхъ Сергія и Германа возбуждающее къ нему благоговѣйное вниманіе, сдѣлано самимъ авторомъ, видно изъ того, что въ заключеніи, съ нѣкоторыми варіантами, читается тоже самое: а насъ многогрѣшныхъ *вкупѣ обѣихъ черницовъ благословите*, отцы и братія простите, что если *мною и премножество грѣшныи черницы* провидѣли святыми Божіими книгами испроста, написавъ простотою своею и неученою рѣчію осудили васъ. Въ этихъ двухъ многогрѣшныхъ черницахъ, хотя въ заглавіи они названы преподобными отцами и игуменами Сергіемъ и Германомъ, не трудно видѣть Вассіана Патрикѣева съ учителемъ его Ниломъ Сорскимъ. За этимъ видѣніемъ или бесѣдою Валаамскихъ преподобныхъ въ помянутыхъ обѣихъ Соловецкихъ рукописяхъ, равно и въ Синодальномъ № 758 слѣдуетъ *Извѣтъ* или челобитная къ Московскимъ государямъ о томъ, чтобъ они приняли во вниманіе уроки вышепомянутой повѣсти Іосифа прекраснаго, равно какъ и видѣнія преп. Сергія и Германа, т. е. отняли у монастырей вотчины, а у удѣльныхъ князей ихъ удѣлы, и такимъ образомъ соединили всю Русскую землю въ одно государство. Въ обѣихъ Соловецкихъ рукописяхъ къ этому присоединено еще *Сказаніе* о явленіи Валаамскихъ чудотворцевъ съ означеннымъ извѣтомъ Новгородскому архіепископу Іоанну, который и благословилъ т. е. подтвердилъ извѣтъ (Правол. Собес. 1863 г., стр. 96, см. преосв. Филарета Русскіе святые, Черниговъ 1863 г., іюня 28, стр. 127). И извѣтъ и сказаніе принадлежатъ тому же автору, который составилъ мнимую бесѣду Валаамскихъ чудотворцевъ. Извѣтъ, кромѣ ссылки на повѣсть Іосифа прекраснаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ буквальное сходство съ бесѣдою. Но весьма странно, что въ Синод. рукописи

этотъ извѣтъ приписанъ преподобному Іосифу Волоколамскому и имѣетъ слѣдующее заглавіе: Извѣтъ преподобнаго отца нашего Іосифа Волоколамскаго новаго чудотворца Осипова монастыря *повелѣніемъ Вышняго* къ Московскимъ великимъ княземъ, како имъ одолѣти удѣльныхъ великихъ Русскихъ князей и проч. (см. Описаніе Синод. рукоп., отд. 2, ч. 2, стр. 464). — Если эта бесѣда съ своими прибавленіями дѣйствительно принадлежитъ Вассіану Патрикѣеву: то она проливаетъ на него новый, но весьма неблагопріятный свѣтъ. Никто не споритъ, что владѣніе вотчинами, хотя бы онѣ были единственнымъ средствомъ содержанія обителей, было бременемъ, несовмѣстнымъ съ званіемъ иночества. Но строгому пустыннику, какимъ выдавалъ себя Вассіанъ, нашему Антонію великому, какъ величалъ его Курбскій, проводить свои идеи подъ именами святыхъ, требуя къ нимъ, какъ къ священнымъ тайнамъ, благоговѣйнаго вниманія, составлять по этимъ мнимымъ откровеніямъ челобитныя къ государямъ и подкрѣплять значеніе ихъ, при особомъ явленіи, благословеніемъ св. Іоанна, Новгородскаго архіепископа, все это — слишкомъ нечестно.... Нечестно особенно для Вассіана, который самъ такъ вопіялъ о порчѣ житій Русскихъ святыхъ. Такой подлогъ вполнѣ могъ ручаться и за то преувеличенное титло или заглавіе, какое далъ Вассіанъ вышепоказанному своему опроверженію на записку Іосифа: «Кириллова монастыря старцы и вси Заволжстіи старцы положили тому посланію старца Іосифа свидѣтельства отъ Божественнаго писанія противно» (см. стр. 130. 131). Трудно объяснить, кѣмъ и съ какою цѣлію сдѣланъ новый подлогъ извѣта на имя преподобн. Іосифа Волоколамскаго.

На стр. 249—251 обстоятельный разсказъ о примиреніи вел. князя Василія Ивановича съ братомъ его Юріемъ Ивановичемъ, при посредствѣ Іосифа, намъ кажется излишнимъ, къ задачѣ автора не идущимъ.

Тамъ же стр. 251 прим. 222 въ объясненіи именъ старцовъ, въ предсмертномъ посланіи великому князю рекомендованныхъ Іосифомъ на свое мѣсто по управленію обителію, есть ошибки и неточности. Каллистъ бывшій *гдѣ-то* игуменомъ, — сказано здѣсь. Каллистъ былъ игуменомъ Саввы Сторожевскаго монастыря, см. ниже въ Приложеніяхъ: Библіотека Іосифова монастыря, — 3) Книги, приложенныя при преп. Іосифѣ. — Гурій, бывшій келарь, несправедливо признанъ впослѣдствіи бывшимъ архіепископомъ Казанскимъ. Святитель Гурій скончался въ 1563 году, по сказанію жизнеопи-

сателя его патр. Гермогена — *въ старости добрый*, но не глубокой. Въ Волоколамскую обитель прямо изъ темницы своей онъ пришелъ въ молодыхъ еще лѣтахъ, въ 10—20 годахъ XVI столѣтія, и, по актамъ монастырскимъ, былъ игуменомъ ея 1543—1552 гг., не ранѣе и не позже (слич. Елисѣева Жизнеописанія святителей Гурія, Германа и Варсонофія Казанскихъ, Казань 1847 стр. 4—6). Въ актахъ Іосифова монастыря сохраняется купчая старца келаря Гурія, да старца Тихона казначея 7018 (1510) года. Этого, конечно, келаря, а не Гурія Руготина, 1510 г. едва ли и бывшаго въ Іосифовомъ монастырѣ, преподобный рекомендовалъ на свое мѣсто. — О Тихонѣ Ленковѣ сказано, что впослѣдствіи онъ былъ игуменомъ Іосифова монастыря (но цитаціи, указующей основаніе, опять не сдѣлано!). Въ Синод. ркп. № 927 л. 113 помѣщены грамоты великаго князя Василія Ивановича Іосифова монастыря старцу Тихону Ленкову Авг. 1530 съ повелѣніемъ убѣдить старца Кассіана Босаго къ воспріятію отъ св. купели новорожденнаго сына его Іоанна. Отсюда однако не слѣдуетъ думать, чтобъ Тихонъ Ленковъ въ это время былъ игуменомъ: впереди помѣщена грамота о томъ же къ тогдашнему игумену Нифонту, а къ Тихону Ленкову писано только, какъ къ лицу вліятельному на Кассіана. Впослѣдствіе 1573 года въ актахъ монастырскихъ является игуменъ Іосифова монастыря Тихонъ; но это былъ не Тихонъ Ленковъ, а Тихонъ Хворостининъ, въ 1575 г. возведенный въ санъ архіепископа Казанскаго (слич. Синод. рукоп. № 829 л. 109).

На стр. 253 указавши неодобрительный отзывъ Герберштейна о митроп. Даніилѣ, якобы 30-ти только лѣтъ вступившемъ на митрополію, *) авторъ самъ дѣлаетъ о немъ слѣдующій рѣзкій приговоръ: если онъ, по обстоятельствамъ нарушивъ уставы церкви, превзошелъ учителя своего (преп. Іосифа) въ преданности великому князю: то не уступалъ ему и въ строгомъ судѣ на основаніи подобранныхъ на случай свидѣтельствъ.—Не знаемъ, въ чемъ разу-

*) Самый отзывъ Герберштейна (въ Русскомъ переводѣ Анонимова стр. 45) явно кажется сомнительнымъ. Герберштейнъ говоритъ, что митрополитъ, дабы при богослуженіи показаться блѣднымъ, употреблялъ притираніе: но самъ Даніилъ въ церк. поученіяхъ рѣзко обличалъ эти притиранія вѣтрѣниковъ. (Опис. Синод. рукописей отд. 2, ч. 3 стр. 161. 162). Далѣе въ 1515 г. старцы Волоколамскіе съ общаго совѣта избрали преемникомъ преп. Іосифу, *старца* Даніила, любящаго нищету и пребывающаго въ трудахъ, постѣхъ и молитвахъ— и Іосифъ благоволилъ тако быти (Житіе Саввы 63). Ужели Даніилъ, если вступилъ на митрополію 1522 г. только 30-ти лѣтъ, избранъ былъ ими въ игумна 23 лѣтъ, и ужели такъ онъ испортился на каѳедрѣ?

мѣетъ авторъ человѣкоугодіе преп. Іосифа въ отношеніи къ великому князю, развѣ только въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ посланій къ нему, превратно объясненныхъ. Что касается до развода Василія Ивановича съ Соломоніею и втораго брака: то можно бы автору взять во вниманіе и политическія побужденія, которыми руководствовался при своемъ на то разрѣшеніи митроп. Даніилъ. Какъ сильно тревожились тогда мыслію о неимѣніи наслѣдника престола, между прочимъ видно изъ той живѣйшей радости и благодарности Богу, какую выразилъ престарѣлый, строгій подвижникъ, совершенно отрѣшившійся отъ міра, Кассіанъ Босой, узнавъ о рожденіи великому князю сына Іоанна. «Сія же старцу Касьяну слышавшу отъ старца Тихона, читается въ современномъ извѣстіи, яко родися великому князю сынъ, бяше убо уже старецъ въ велицѣй немощи и старости, *) и скоро возставъ отъ постеля своея и ставъ предо образомъ Божіимъ и воздаде благодареніе и славу Богу и возрадовася духовною радостію, *яко государь желаемое получи и земля Русская не опустѣ и родъ православныхъ царей Русскихъ не оскудѣ*. И паки возлеже и нача радоватись и глаголаше: еще Богъ Русская земля не забылъ». (Синод. ркп. № 927 л. 108 об. — Сказаніе о рожденіи царя и великаго князя Ивана Васильевича). Въ объясненіе быстраго возвышенія Даніила, кромѣ иноческихъ его добродѣтелей (см. Житіе Саввы 63), мы можемъ указать на обширныя познанія и церковное краснорѣчіе Даніила, какъ это раскрыто въ статьѣ г. Бѣляева въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ т. 5 стр. 192 и въ Описаніи Синод. Библіотеки отд. 2, ч. 3 № 237. Что касается до строгости суда его, то объ этомъ скажемъ сей-часъ.

«Дѣянія собора на Максима Грека и Вассіана, говорится за симъ еще рѣзче стр. 254, характеризуютъ Даніила, какъ начетчика и книжника, взглядъ котораго не идетъ далѣе предвзятой мысли, подкрѣпленной свидѣтельствомъ отъ священныхъ книгъ, разогрѣтой ненавистію къ подсудимому и непреклонной отъ сознанія своей силы и власти».—Не оправдываемъ митроп. Даніила, не хорошо поступившаго съ Максимомъ Грекомъ (да и не о немъ должна быть рѣчь). Но съ Максимомъ никакъ нельзя ставить въ параллель Вассіана Патрикѣева, которому, по словамъ автора, Даніилъ будто отмстилъ теперь за Іосифа. Митрополитъ Даніилъ неоднократно и сильно говорилъ съ церковной каѳедры противъ еретиковъ, не укротившихся и въ настоящее время, вызывая правительственныя

*) Ему тогда было слишкомъ 90 лѣтъ.

противъ нихъ мѣры. Въ 8-мъ поученіи своемъ онъ говорилъ: подобаетъ пріимшимъ отъ Бога таковое служеніе, яко Божіимъ слугамъ, много попеченіе имѣти о Божественныхъ законахъ и соблюдати родъ человѣческій невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воли злотворящимъ человѣкомъ, имиже имя Божіе безчествуется. Осуждаемы бываютъ татіе и разбойницы и прочіи зло творящіи человѣцы; пріемлютъ же казнь поправшіи и оплевавшіи образъ земнаго царя. И аще убо сіи и прочіи казнь пріемлютъ, множае паче *хулящіи и безчествующіе Сына Божія и Бога и пречистую Богородицу*, но совершенною ненавистію (нужно) ненавидѣти ихъ. Что эти слова относятся только къ ожесточеннымъ и неисправимымъ еретикамъ, а не вообще къ заблуждающимъ, какъ толковалъ печальникъ ихъ Вассіанъ, что не исключаютъ они пастырскаго попеченія о заблуждающихъ, тѣмъ менѣе искренняго сихъ покаянія, показываютъ дальнѣйшія наставленія проповѣдника: покажемъ праведную ярость и Божественную ревность, научивъ хулящая не хулити имени Господня, непослушающая же человѣколюбнѣ врачюй, цѣли, исправляй или еще (должно быть: аще) не исправляется паки накажи любовію и мудростію тихо, кротко, совратившися съ праваго пути направи человѣколюбнѣ и милостивнѣ... Наконецъ сказано и противъ преступнаго заступленія неисправимыхъ еретиковъ: а ты не хощеши злодѣйственнымъ еретикомъ хулящимъ Его (Господа) и пречистую Его Матерь воспретити, устрашити, но и совокупляешися съ ними, и яси и піеши, и покрываеши и заступаеши. И како христіанинъ наречешися? не прельщайся никакоже нарещи ся христіанина, но паче — лукавый бѣсъ и самый сатана (Описаніе Слав. рукописей Синод. Библіотеки отд. 2. ч. 3 стр. 157—159). Такъ разсуждали въ подобномъ случаѣ и всѣ отцы Церкви, учили Христосъ и апостолы (Матѳ. 18, 15—20. 1 Іоа. 2, 18 и дал. 22. 2 Іоа. ст. 7. 10. 11. 2 Сол. 3, 6. Тит. 3, 10. 11 и мн. друг.) вопреки воззрѣніямъ на этотъ предметъ современной литературы, увлекшимъ и нашего изслѣдователя. Приведенныя слова Даніила можетъ быть прямо были направлены противъ Вассіана, какъ главной опоры и защитника еретиковъ, который по этому и привлеченъ къ суду. И Вассіанъ, обвиняемый и уличаемый на судѣ въ самой ереси, въ важнѣйшихъ пунктахъ не сознался или хитро уклонился, а прочіе подтвердилъ съ ожесточеніемъ. На обличеніе, что Макарія Калязинскаго изъ презрѣнія называлъ сельскимъ мужикомъ, Вассіанъ отвѣчалъ: «азъ его зналъ, простой былъ человѣкъ, а будетъ ся чюдотворецъ, ино какъ вамъ любо и съ нимъ, чюдотворецъ ли сей

будетъ, не чюдотворецъ ли». Потомъ о митрополитѣ Іонѣ сказалъ: «язъ не вѣдаю, Іона чюдотворецъ ли», а выше о всѣхъ позднѣйшихъ святыхъ, по имѣнію за ихъ монастырями селъ, отозвался: «язъ того не вѣдаю, чюдотворцы ли то были». Изъ словъ Вассіана о нетлѣнной плоти Господней, отъ воплощенія и до воскресенія, видно, что Вассіанъ, по своему умственному развитію, какъ говоритъ Хрущевъ, понимавшій глубокомысленнаго Нила, здѣсь въ такомъ очевидномъ дѣлѣ самъ не понималъ своей нелѣпости. (Слич. Моск. соборы на еретиковъ XVI в. въ Чтеніяхъ Моск. Историческаго Общества 1847 № 3 стр. 24—Соборъ по предложенію Антонія Поссевина). Г. Хрущовъ при самомъ судопроизводствѣ упрекаетъ митрополита въ какой-то предвзятой мысли, далѣе которой взглядъ его не простирался, и въ жесткихъ пріемахъ, показывающихъ. по его мнѣнію, ненависть къ подсудимому и сознаніе власти. Но все, что говоритъ митрополитъ въ Дѣяніи собора, хотя и пространно, относится къ дѣлу, и *дальше* его, мы не знаемъ, куда бы ему идти; Преніе Даніила съ Вассіаномъ таково же, какъ и изданныя напр. въ Чтеніяхъ Историческаго Общества 1847 № 3 Дѣянія и прочихъ Московскихъ соборовъ на еретиковъ XVI в., и слѣдовательно надобно обвинять здѣсь цѣлый вѣкъ, а не одно лицо Даніила. Далѣе г. Хрущевъ не обращаетъ вниманія а) на то, что нынѣшняя судебная деликатность была не въ обычаѣ прямыхъ и строгихъ людей того времени и б) что самъ подсудимый, въ сознаніи прежняго своего достоинства, держалъ себя въ отношеніи къ митрополиту и собору слишкомъ презрительно и грубо. На обличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, Вассіанъ отвѣчалъ митрополиту: «того азъ не помню, къ чему убо буду то написалъ, а буде что не гораздо и ты исправи», или, когда митрополитъ защищая Макарія Калязинскаго говорилъ, что предъ Богомъ имѣетъ силу не тѣлесное рожденіе, но духовное, Вассіанъ сказалъ: «ино, господине, вѣдаетъ Богъ да ты и съ своими чюдотворцы».— По суду Вассіанъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь,—и Курбскій на это замѣчаетъ: но онаго блаженнаго Васьяна (великій князь) изымавъ заточити повелѣлъ и связанна святаго мужа, аки злодѣя въ прегорчайшую темницу къ подобнымъ *себѣ* въ злости и презлымъ Осифляномъ въ монастырь ихъ отослалъ и скорою смертію уморити повелѣлъ (Сказанія Курбскаго, изд. 2, стр. 5). Но въ Синод. рукоп. № 927 л. 115 помѣщена грамота великаго князя Василія Ивановича черезъ годъ послѣ суда надъ Вассіаномъ отъ 4-го марта 7040 (1532), когда умеръ Кассіанъ Босой, къ помяну-

тому старцу Тихону Ленкову о доставленіи въ Москву бывшаго на Кассіанѣ Босомъ креста: и ты бы тотъ крестъ привезъ съ собою, сказано въ ней, а Васьяна княжъ Иванова приказалъ бы ты, Тихонъ, беречи Ѳегнасту Ленкову. Изъ этого видно, что Вассіанъ Патрикѣевъ и теперь былъ живъ и находился въ Іосифовомъ монастырѣ только подъ строгимъ надзоромъ, какъ и прежде купецъ Кленовъ. И въ монастырь обыкновенно люди посылаются на покаяніе, а не на убіеніе.

«Спустя 50 лѣтъ по смерти Іосифа поднялся голосъ на презлыхъ Іосифлянъ — то былъ голосъ боярина князя Курбскаго» (стр. 254). Это также замѣчено въ укоръ Іосифа съ братіею.—Курбскій, запятнавшій свое имя измѣною и мщеніемъ отечеству, неоднократно въ рядахъ непріятельскихъ обнажавшій на него мечь, вступившій въ непріязненныя отношенія къ Грозному, въ полемикѣ съ нимъ и въ исторіи его царствованія, высказывая многія горькія истины, естественно однакоже многое извращалъ и преувеличивалъ, къ другому былъ пристрастенъ, вообще писалъ рѣзко и съ желчію. Курбскій поэтому очернилъ и отца Іоаннова, христолюбиваго великаго князя Василія и выражался о немъ слишкомъ сильно: Василій — *великій* въ прегордости и лютости *князь* (Сказ. Курбскаго, изд. 2, стр. 5). Противъ Іосифа Волоколамскаго и обители его многое возстановляло Курбскаго: Вассіану Топоркову, бывшему епископу Коломенскому, Курбскій приписалъ подущеніе Грознаго къ жестокостямъ и слѣдовательно отсюда производилъ и свою катастрофу: совѣтъ его онъ называетъ сатанинскимъ и самого епископа — сыномъ діавола (Сказ. Курбскаго 43 и дал.). Далѣе Курбскій весьма уважалъ умнаго Максима Грека, раздѣлялъ его мысли о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами и сочувствовалъ горькой его участи; съ этой стороны онъ симпатично относился и къ Вассіану Патрикѣеву, съ которымъ соединяло его еще неодобрѣніе Вассіаномъ, обще съ Семеномъ Курбскимъ и другими, втораго брака Василія Ивановича (Курбск. 139 и дал. 4. 5): дѣйствующими въ обоихъ случаяхъ были Іосифляне—и въ судьбѣ Максима и Вассіана. Наконецъ не располагало Курбскаго къ Іосифлянамъ особенное расположеніе и близость къ Іосифовой обители и отца Василія Ивановича и сына Ивана Васильевича. Но какъ жестокъ и несправедливъ былъ Курбскій по всѣмъ этимъ отношеніямъ, мы отчасти уже видѣли. Вассіанъ Коломенскій въ своей рѣчи (даже и въ томъ видѣ, какъ излагаетъ ее Курбскій) конечно передавалъ чувства и мысли многихъ того времени при видѣ всего зла отъ боярской Думы, которое не скрывалъ

и самъ Курбскій и сильно обличалъ преп. Максимъ Грекъ (Описаніе Синод. Библіотеки отд. 2, ч. 2, стр. 329). Несправедливо и вопреки современнымъ свидѣтельствамъ, характеру и образу жизни самого князя-инока Вассіана Курбскій превозноситъ Вассіана по святости жизни до небесъ и утверждаетъ, будто великій князь Василій, сославъ его въ Іосифовъ монастырь, немедленно уморилъ. Митрополита Даніила по дѣлу съ Максимомъ Грекомъ называетъ (стр. 40) прегордымъ и лютымъ, въ другомъ случаѣ (стр. 42) прегордымъ и проклятымъ, увѣряя, будто онъ уморилъ злою смертію и ученика и сотрудника Максимова инока Сильвана.—По симъ соображеніямъ всѣ слова Курбскаго нельзя принимать въ строгомъ смыслѣ и вполнѣ довѣрять всѣмъ его свидѣтельствамъ. Въ отношеніи къ такъ названнымъ у него Іосифлянамъ Курбскій, надобно еще сказать, принадлежалъ къ противоположной, враждебной партіи.

Слѣдующихъ за симъ словъ г. Хрущева, признаемся, мы не понимаемъ: «отзывы Курбскаго о Іосифлянахъ проливаютъ свѣтъ на отношенія Іосифа къ старому боярскому порядку. Но вкоренившійся новый порядокъ совершенно сгладилъ, и притомъ очень быстро, политическій оттѣнокъ партіи Іосифлянъ». Къ тому же униженію Іосифа далѣе пишется: «въ 1554 году въ средѣ духовенства слышатся неблагопріятные отзывы о книгѣ Іосифа и о немъ самомъ. Постриженники Іосифа Касьянъ, епископъ Рязанскій, и Евѳимій, архіепископъ Ростовскій, защищаютъ его память отъ нареканій». Не понимаемъ, на какихъ основаніяхъ все это пишется: источниковъ во всемъ отдѣленіи, исполненномъ такихъ частныхъ извѣстій, никакихъ не показывается. На дѣлѣ же было совсѣмъ иное: ни Кассіанъ, епископъ Рязанскій (1551—1554 г.), ни Евѳимій архіепископъ Ростовскій (Евѳимій I-й 1567—1574 г., Евѳимій II-й 1584 года), не были постриженниками Іосифа. Ни тотъ ни другой не только не защищали память Іосифа отъ нареканій, а напротивъ оба поносили ее. Въ запискѣ о соборѣ 1554 года противъ раціоналистической ереси Башкина (Чтенія Моск. Истор. Общества 1847 года № 3, Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. стр. 1. 2) говорится, что означенный Кассіанъ, епископъ Рязанскій, защищая обвиняемыхъ въ ереси, особенно же наставника своего по иночеству старца Исаака Бѣлобаева, хулилъ книгу преп. Іосифа противъ Новгородскихъ еретиковъ, а потомъ и самого Господа, говоря: «болѣ согрѣшаемъ Богу, Христа нарицающе Вседержителя». У Кассіана въ слѣдъ за симъ отнялась рука, нога и языкъ,—и онъ оставилъ каѳедру. Объ отношеніи къ памяти Іосифа Евѳимія I, архіепископа Ростовскаго, ничего

неизвѣстно, а Евѳимій II всѣхъ Іосифовскихъ постриженниковъ называлъ жидовлянами и позорилъ ихъ (см. челобитную объ этомъ царю Рязанскаго епископа Леонида въ Актахъ Историч. т. I, № 216). Въ томъ же 1554 году неблагопріятно отзывался еще о Просвѣтителѣ Іосифа Троицкій игуменъ Артемій. По словамъ Ѳерапонтовскаго игумена Нектарія Артемій говорилъ ему о Троицѣ: во Іосифовѣ де книгѣ Волоцкаго написано негораздо, что посла Богъ въ Содомъ двухъ ангеловъ, сирѣчь Сына и Святаго Духа. За участіе въ той же ереси Бакшина или только за неосторожные отзывы о свящ. предметахъ этотъ Артемій сосланъ въ Соловецкій монастырь (Руднева Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, примѣчаніе 126, слич. Исторію Русск. Церкви преосв. Филарета изд. 2, Москва 1851 г. періодъ 3, стр. 122. 123). И такъ вотъ отъ какихъ лицъ были неблагопріятные отзывы о книгѣ Іосифа Волоцкаго: по своему участію въ сродной съ жидовскою ереси Бакшина эти лица и не могли о ней иначе отзываться. Ихъ отзывы поэтому клонятся не къ униженію, а еще къ чести сочиненія Іосифова. По клеветѣ Кассіана Рязанскаго книга Іосифова была принесена на соборъ, и соборъ зѣло похвали ю, свѣтило ту нарекоша быти православію. Отсюда произошло и самое названіе ея Просвѣтителемъ. «Они же, т. е. Кассіанъ владыка Рязанскій и Евѳимій Ростовскій — говоритъ за симъ г. Хрущовъ—вмѣстѣ съ митрополитомъ Макаріемъ отстаиваютъ на Стоглавомъ соборѣ мнѣнія Іосифа о монастырскомъ владѣніи селами». Не знаемъ, и это на какомъ основаніи сказано. Правда, на Стоглавомъ соборѣ присутствовалъ епископъ Рязанскій Кассіанъ, но Ростовскій и Ярославскій владыка былъ Никандръ, управлявшій сею епархіею 1549 — 1567 г., а не Евѳимій I преемникъ его. Въ гл. 75 этого собора о вотчинахъ и купляхъ не видно, чтобы Кассіанъ или кто другой принималъ особенное участіе въ защищеніи этого вопроса.

Глава и все изслѣдованіе заключается слѣдующими словами: «Писанія Іосифа распространились въ народѣ: и на нихъ воспитался позднѣйшій Русскій грамотникъ». Грамотникъ этотъ точнѣе опредѣленъ авторомъ выше во Вступленіи стр. VII: «его (Іосифа) строгое ученіе сдѣлалось достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя послѣ Іосифа воспротивилась новшествамъ Никона». И мы въ замѣчаніяхъ на это мѣсто (см. стр. 87) показали уже, что чистое и ясное ученіе преп. Іосифа и его полемика противъ еретиковъ было принято не раскольниками какими нибудь, а всею Церковію православною, почтившею Іосифа названіемъ отцевъ

красоты, ересей посрамителя и т. п. Къ этому здѣсь можемъ присоединить и другое не менѣе очевидное свидѣтельство Церкви. Къ половинѣ XVII в. нѣкоимъ инокомъ Суздальскаго Спасоефимьева монастыря Григоріемъ составлена служба всѣмъ Русскимъ чудотворцамъ общая (на 17-е іюля), къ которой, какъ нерѣдко службы соединяются съ житіями, чтаемыми по 6-й пѣсни канона, имъ же Григоріемъ, должно быть, написано «Слово воспоминательное о святыхъ чудотворцѣхъ, въ Россіи возсіявшихъ» и пр. Что это слово составлено уже въ половинѣ XVII в., видно изъ того, что здѣсь восхваляются и Діонисій архим. Троицкій и Діодоръ Юрьегорскій (оба ум. 1633 г.) и Никодимъ Кожеозерскій (1640). А что авторъ слова — вышепомянутый составитель службы Русскимъ чудотворцамъ, въ заглавіи ея прямо означенный инокъ Григорій, заключается изъ вышепоказаннаго отношенія слова къ службѣ и изъ сопоставленія того и другаго въ рукописяхъ (напр. намъ собственно принадлежащей, XVII в.) и печ. изданіяхъ *). Эта самая служба и похвала (т. е. вышепоказанное слово воспоминательное) всѣмъ чудотворцамъ Россійскимъ напечатана въ Супраслѣ 1786 г., а первоначально въ Краковѣ (см. Строева Описаніе старопечатныхъ книгъ Царскаго № 264). Не имѣя подъ руками печатнаго изданія (весьма рѣдкаго) изъ слова воспоминательнаго мы вполнѣ приводимъ прекрасное мѣсто о преп. Іосифѣ Волоколамскомъ по списку собственно нашему. Изъ него ясно, какъ высоко Церковь цѣнила сочиненія преп. Іосифа. «Иже Богу любезный—говорится здѣсь объ Іосифѣ— иже человѣкомъ полезный, иже еретикомъ страшный, егоже гласъ, яко медъ сладокъ, словесъ чистота, яко свѣтлоструйныхъ водъ теченіе, разума ясность, яко свѣта пролитіе. Каково же того любощательное снисканіе о общежительныхъ преданіихъ, любощрудныя побѣждающее пчелы? яко вся монастыри Россійскія обходивъ, вся чины киновійскія соглядавъ, и отъ всѣхъ пресладкое и всекрасное сота собраніе мудрѣ сочинивъ, предаде ученикомъ своимъ. Какова

*) Правда, въ службѣ позднѣе святителя Московскаго Филиппа († 1570 г.) никто не упоминается. Но надобно замѣтить, что въ ней изъ цѣлаго сонма Русскихъ святыхъ въ тропаряхъ упоминаются только великіе и нарочитые святые Русской земли, чтимые всею Церковію, а не мѣстно.—Составитель этой службы Григорій такимъ образомъ долженъ быть отличенъ отъ другаго Григорія, инока Суздальскаго Ефиміева монастыря, также написавшаго службы и житія нѣкоторыхъ Русск. святыхъ, см. о немъ у преосв. Филарета въ Обзорѣ дух. литературы № 118.

же на еретики ревность? Какова всемощная храбрость? Павлу и Иліи подобна. Видѣ во оное время въ Россіи еретики яко зміи ядовитыя, яко звѣри лютыя, не отъ Сикелійскаго моря, но отъ жидовска ехиднина порожденія восплывшыя, не простыя люди ядомъ еретичества убивающыя, но и священники и протопопы и до царьскихъ препозитовъ дошедшыя, еже услышавъ святый возревнова по благочестіи, абіе устремися отъ пустыни, яко левъ на лисицы, и яко твердокрилый орелъ на малоперыя птицы, наскочи на еретики. Елико святыхъ писаній премудрымъ снисканіемъ толико помѣстнаго собора собраніемъ и тако устрашивъ посрами еретики, яко вся хитрости ихъ и коварства множае неже паучинныя нити расторже. Которую святаго богопросвѣщенную ревность духопросвѣщенная книга собранія его изъявляетъ, праведнѣ отъ священнаго собора нареченная *Просвѣтитель* *). Что касается до раскольниковъ: то мы и не видимъ у нихъ особеннаго употребленія сочиненій Іосифа и недоумѣваемъ, почему г. Хрущевъ признаетъ сіи сочиненія ихъ достояніемъ. Сочиненія Іосифа, въ коихъ такъ сильно обличается и преслѣдуется ересь и всякое уклоненіе отъ церковнаго ученія и общенія съ вѣрующими, очевидно, не благопріятствуютъ раскольникамъ, раздирающимъ единство Церкви,—и нѣкоторыя мѣста здѣсь прямо обличаютъ безпоповцевъ. Таковое изъ числа ихъ мѣсто приведено у преосв. Филарета въ свѣдѣніяхъ о преп. Іосифѣ Волоколамскомъ (Русскіе святые, изд. 2, Черниговъ 1865 г., стр. 42 подъ 9 Сент.).

Въ *Приложеніяхъ* помѣщены а) посланіе Іосифа къ княгинѣ-вдовѣ Голениной о поминовеніи ея рода, б) — къ боярину В. А. Челяднину, в) небольшое посланіе инока Герасима Поповки къ Іосифу, составляющее приписку въ одной изъ Волоколамскихъ рукописей, г) посланіе Іосифа къ великому князю Ивану Васильевичу о еретикѣ Кленовѣ, д) псевдо-Іосифъ т. е. замѣчаніе автора на вышепоказанное стр. 148. 149, подъ именемъ Іосифа подложное челобитье или извѣтъ къ Московскимъ великимъ князьямъ по Синод. рукоп., наконецъ е) перечень разныхъ актовъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ Іосифа и другихъ, но теперь утраченныхъ.

---

*) Этими словами явно отвергается несправедливое объясненіе г. Хрущевымъ (Вступл. стр. X) такого названія Іосифовой книги отъ Латинскаго Lucidarius — сочиненія совсѣмъ другаго содержанія. Если въ одномъ спискѣ Публичной Библіотеки книга Луцидаріусъ переведена Просвѣтитель, то этотъ терминъ взятъ отъ той же книги Іосифа, а не на оборотъ.

Первое изъ сихъ приложеній—посланіе къ княгинѣ вдовѣ, извѣстное г. Хрущеву въ одномъ только спискѣ Публичной Библіотеки, находится и въ Синод. рукописи не меньшей противъ того списка древности и важности въ вышепоказанномъ № 927 (см. выше стр. 116) на л. 147 об.—153. Изъ сличенія этого списка съ изданіемъ Хрущева мы находимъ въ послѣднемъ значительныя неисправности. Въ печ. стран. 257 на 10 и 11 строкѣ сверху неправильно и неопредѣленно читается: ино, госпоже, у насъ *строевѣ*, которыхъ въ монастыри погребають, ино тѣхъ и даромъ пишють. По Синод. рукоп. вмѣсто строевѣ нужно поставить строевъ, а послѣ слова пишють прибавить: въ синаникъ, да и въ годовое поминаніе на годъ. Строй по Областному Словарю, Спб. 1852 г.,—нищій, калека. Стр. 15 сверху: что *к* (*20*) рублевъ на семь лѣтъ, въ Синод. рук. что дати ѝ (8) рублевъ (см. замѣченное выше стр. 117). Стр. 14 снизу: да и своими *бо* проскурами, въ Синод. рукоп. правильно: бы. Стр. 10 и 11 снизу: аще и по одной дензѣ давати на обѣдню, въ Син. прибавлено: ино, относящееся къ слѣдующимъ словамъ: на годъ мало не толко пойдетъ (а не пойдешь, какъ въ печ.). Стран. 258 на 14 строкѣ снизу въ печ. *что* было не забвенно, въ Син. правильно: чтобъ. Стран. 259 на 4 и 5 строкахъ сверху въ печ. между словами: въ годовое поминаніе, и: хто себя пишеть, пропускъ отъ сбивчивости, нарушающій смыслъ, въ Синод. рукоп.: которые хотѣли писатися въ годовое поминаніе *на вѣкъ. и давали по себѣ сема. ино какъ въ годовое поминаніе* хто себя пишеть. Надобно еще замѣтить, что въ печатномъ во многихъ мѣстахъ послѣ точекъ поставлены строчныя или заглавныя буквы неправильно: чрезъ это затемняется смыслъ рѣчи.

Повѣрить прочія приложенія не можемъ, по неимѣнію своихъ списковъ. Можемъ только замѣтить a priori, что въ послѣднихъ словахъ посланія къ Челяднину на стр. 262 вмѣсто *преступить* въ родъ и родъ нужно читать препуститъ, какъ стоитъ въ предсмертномъ посланіи Іосифа къ велик. князю (Житіе Саввы стран. 60) и другихъ, въ посланіи о еретикѣ Кленовѣ стр. 264 на 12 и 13 строкахъ сверху четырекратно раздѣленное *ино и* нужно читать: иной.

Подъ рубрикой «Псевдо-Іосифъ» г. Хрущевъ, хотя признаетъ подложность вышепомянутаго извѣта, «тѣмъ не менѣе, говоритъ, для насъ любопытно то, что подобнаго содержанія статья приписана Іосифу Волоцкому: такъ послѣдующими поколѣніями не было забыто его *политическое направленіе*».—Если авторъ подъ политиче-

скимъ направленіемъ разумѣетъ выписанныя у него мысли изъ заглавія статьи: то онѣ сдѣлали бы честь Іосифу, и о такомъ направленіи напрасно бы выше (стр. 254) было замѣчать, что вкоренившійся новый порядокъ совершенно сгладилъ, и притомъ очень быстро, политическій оттѣнокъ партіи Іосифлянъ. Но дѣло въ томъ, что эта статья содержитъ не только непринадлежащія Іосифу, но еще оспориваемыя имъ мысли объ отнятіи у монастырей вотчинъ, и очевидно, принадлежитъ автору предъидущаго видѣнія объ этомъ якобы Сергія и Германа Валаамскихъ, будетъ ли то Вассіанъ или другой кто. По нашему мнѣнію, въ позднѣйшемъ списателѣ сихъ статей одинъ подлогъ (видѣнія Сергія и Германа) вызвалъ другой, чтобы извѣтъ приписать Іосифу, и притомъ развѣ только по соображенію близости и посланій Іосифа къ вел. князьямъ и участія въ вопросѣ, хотя Іосифъ былъ противоположнаго мнѣнія. Въ сборникахъ Солов. библіотеки этотъ извѣтъ, безъ подлога Іосифу, является безъимяннымъ (Прав. Собес. 1863 г., ч. III, стр. 96).

Разсмотрѣвши такимъ образомъ всю книгу сдѣлаемъ теперь сводъ замѣчаній о ней и конечное заключеніе.

Достоинство сочиненія особенно обнаруживается во *Вступленіи* при обозрѣніи источниковъ его стр. 89 и далѣе, и трудовъ новѣйшихъ ученыхъ, сюда же относящихся стр. 93; въ *1-й главѣ* — въ очеркѣ основателей монастырей въ СВ. Руси въ XIV и XV в., въ частности Пафнутія Боровскаго, стр. 94. 95, и затѣмъ въ жизнеописаніи самого Іосифа, отъ поступленія его въ Пафнутіевскій монастырь до полнаго устроенія собственной обители на правилахъ общежитія, съ обозрѣніемъ устава его и разныхъ посланій къ частнымъ лицамъ. Также и во *2-й главѣ* изложеніе борьбы Іосифа съ ересью вообще отличается полнотою и правильностію расположенія частей стр. 119 и дал. Хорошо и съ употребленіемъ источниковъ изложено и дѣло Іосифа съ Серапіономъ Новгородскимъ въ *3-й главѣ* стр. 136. 137, если здѣсь не коснемся только главной мысли. Нельзя не одобрить плана и полноты и остальныхъ частей. Все сочиненіе имѣетъ и литературное достоинство — въ очертаніи лицъ и дѣйствій, въ отдѣлкѣ и въ чистомъ, легкомъ языкѣ.

Но книга имѣетъ и значительные недостатки:

1) При означенной полнотѣ содержаніемъ своимъ она далеко уклоняется отъ своего названія. Въ заглавіи обѣщано Изслѣдова-

ніе о сочиненіяхъ преп. Іосифа т. е. трудъ литературный, а на самомъ дѣлѣ болѣе выходитъ трудъ историческій, болѣе обращено вниманія на жизнь и дѣятельность Іосифа и на другія соприкосновенныя обстоятельства, изъ коихъ нѣкоторыя подробно раскрываемыя мало шли къ цѣли, какъ нами замѣчено на стр. 124 о соперничествѣ двухъ партій—невѣстки вел. князя Іоанна Васильевича Елены со внукомъ и супруги Софіи съ сыномъ, или на стр. 149 о примиреніи, при посредствѣ Іосифа, Василія Ивановича съ братомъ его Юріемъ. Между тѣмъ самыя сочиненія Іосифа недостаточно оцѣнены ни въ литературномъ, ни въ богословскомъ отношеніи, какъ это сдѣлано въ книгѣ свящ. Булгакова, въ Лекціяхъ г. Шевырева и въ Изслѣдованіяхъ проф. Казанскаго. Замѣчательное слово о монашествѣ (11-е въ Просвѣтителѣ) совсѣмъ опущено, со ссылкою на изложеніе его у свящ. Булгакова.

2) Въ самомъ изложеніи автора мы замѣтили большіе или меньшіе недостатки и ошибки. Таковы сбивчивый очеркъ Русской литературы до временъ Іосифа стр. 85. 86, усвоеніе посланія къ матери Іосифовой старцамъ, а не самому Іосифу, смѣшеніе основателя Тверскаго монастыря Саввы Еры съ Саввою Вишерскимъ и другія при этомъ ошибки стр. 99, невѣрныя и недостаточныя свѣдѣнія о библіотекѣ времени Іосифа с. 103 и слѣд., смутное и превратное изложеніе правилъ поминовенія въ Іосифовомъ монастырѣ с. 107 и дал., устава преп. Іосифа с. 108 и дал., посланія о милованіи рабовъ, сбивчивость въ росписи для вельможъ, по какимъ днямъ держать постъ с. 118. 119 и недостатки въ изложеніи нѣкоторыхъ словъ Просвѣтителя с. 123 и дал., 135 и далѣе.

3) Бо́льшій упрекъ заслуживаетъ *направленіе* автора, обнаружившееся въ вольныхъ и обидныхъ для Церкви Русской и преподобнаго сужденіяхъ и нареканіяхъ, явно или намеками высказанныхъ, безъ должнаго объясненія дѣла, съ сокрытіемъ неблагопріятствующихъ извѣстій, иногда съ извращеніемъ смысла коренныхъ источниковъ или явнымъ имъ противорѣчіемъ. Здѣсь мы поставимъ на видъ только болѣе прочихъ рѣзкія мѣста. Таковы мысли: во *Вступленіи* — о прославленіи Московскихъ святителей, какъ угодниковъ Божіихъ, по политическимъ видамъ с. 86. 87, объ ученіи и сочиненіяхъ Іосифа, сдѣлавшихся достояніемъ однихъ будто раскольниковъ с. 87, о воспитаніи Грознаго на политическихъ взглядахъ Іосифа с. 88, о лживости житій Русскихъ святыхъ с. 90. 92 и дал. Въ *первой главѣ* брошена тѣнь на Іосифа въ постриженіи у него знатныхъ и богатыхъ людей стр. 100, и извращенъ

великій поступокъ князя Голенина с. 101, а еще болѣе сказаніе о смерти Волоцкаго князя Ивана Борисовича и завѣщаніе его въ пользу обители Іосифовой с. 105. 106. Въ *главѣ второй* несправедливы мысль о прославленіи Даніила Московскаго по волѣ велик. князя Іоанна III стр. 127, преувеличенное сравненіе съ инквизиціей поступка Геннадія съ Новгородскими еретиками 128 и далѣе въ такомъ же смыслѣ объясненіе требуемыхъ Іосифомъ строгихъ мѣръ противъ еретиковъ, безъ соображенія самой ереси и всѣхъ обстоятельствъ 129 и дал., безъ надлежащаго разсмотрѣнія особенно сюда относящагося 13-го слова Просвѣтителя с. 133, равно какъ и трехъ остальныхъ с. 135. Между тѣмъ превратно изложена рѣшимость на эти мѣры велик. князя с. 134 и въ концѣ ни съ того ни съ сего сдѣлана замѣтка (сама себя впрочемъ обличающая), что на взглядахъ Іосифа образовался Грозный с. 135. Въ *главѣ третьей* въ дѣлѣ Серапіона совершенно обвиненъ и униженъ преподобный и неоднократно противъ него дѣлаются рѣзкія выходки с. 137 и дал. Въ *главѣ четвертой* несправедливо возвышается противъ Іосифа защитникъ еретиковъ Вассіанъ Патрикѣевъ с. 139 и дал., иронически понимается «чудо преславное»—разительный фактъ, показывающій каковы эти еретики и ихъ мнимое покаяніе с. 141, пристрастно объяснена полемика Вассіана съ Іосифомъ, на самомъ дѣлѣ оказывающагося человѣкомъ ограниченнымъ и слишкомъ сомнительнымъ стр. 142 и дал., и поставляется на видъ какой-то голосъ *духовенства* противъ Іосифа и его сочиненій, принадлежащій собственно сторонникамъ обличаемой ереси с. 155 и далѣе, и наконецъ сочиненіямъ Іосифа дается мѣсто только у раскольниковъ с. 156 и дал. Вообще Іосифъ представляется какимъ-то фанатикомъ, жестокимъ у Хрущева стр. 88 и др., политикомъ, начетчикомъ, для предвзятой идеи подбирающимъ мѣста изъ св. Писанія и другихъ книгъ, стр. 125. 177. 207. 218, въ жизни — человѣкомъ практичнымъ съ мірскимъ тактомъ и умѣньемъ стр. 49, преслѣдующимъ пользу, подобострастнымъ къ царямъ и вельможамъ 95. 253.

Посѣянныя авторомъ сѣмена принесли печальный плодъ, между прочимъ, въ двухъ явившихся на книгу его рецензіяхъ, 1-я въ Вѣстникѣ Европы за 1868 годъ, ч. 4, стр. 958—976. Н. К—ва, и 2-я въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1868 г., ч. 137, стр. 527—545 Ор. Миллера. Обѣ эти статьи, составленныя по поводу и на основаніи сочиненія г. Хрущева, весьма оскорбительны для памяти преп. Іосифа и вообще для древней Русской Церкви. Въ *первой* изъ нихъ Іосифъ объявленъ не болѣе ни менѣе,

какъ только человѣкомъ дѣла и разсудка, который въ наше время былъ бы публицистомъ или ораторомъ въ парламентѣ, человѣкомъ безжалостнымъ, жестокимъ, причѣмъ унижается самое посланіе его о милованіи рабовъ и прокормленіе народа во время голода. «То подобострастіе, съ какимъ Іосифъ вообще относится въ своихъ письмахъ къ людямъ сильнымъ и знатнымъ его времени, понятно, когда мы *сообщимъ*, что всю свою жизнь Іосифъ, какъ человѣкъ практическій, постоянно искалъ дружбы съ знатными и сильными людьми, привлекая ихъ жертвовать монастырю въ особенности ради спасенія душъ усопшихъ родственниковъ». Въ посланіи къ вдовѣ о поминовеніи, извращенномъ у г. Хрущева, рецензентъ съ своей стороны указываетъ мелкую *щепетильность* расчета, и замѣчаетъ, что «такимъ образомъ у Іосифа молитва, которая должна была способствовать къ вступленію души въ царствіе небесное, отправлялась въ количествѣ, соразмѣрномъ тому, что̀ за нее заплачено». Уставъ Іосифа, по его отзыву, «насквозь пропитанъ сухостію и суровостію. Строгое исполненіе обрядовъ, буквы (?!), повиновеніе начальству — дѣло монаха; жезлъ и желѣзныя узы—лучшее побужденіе добронравію». Но суровость Іосифа въ высшей степени явилась въ борьбѣ съ жидовствующими, въ которой рѣшило дѣло будто бы одна безпощадная *логика* Іосифа, и еретики были сожигаемы — *въ удовольствіе его*. О послѣднихъ годахъ жизни Іосифа замѣчено, что они «ознаменованы усиліемъ его, уничтожить своихъ соперниковъ, но въ этомъ дѣлѣ самъ онъ оказывается одномысленнымъ съ еретикомъ Новатомъ, также отвергавшимъ покаяніе еретиковъ». Здѣсь рецензентъ, довѣряя заявленію Хрущева объ обширномъ сочиненіи Вассіана Патрикѣева на Іосифа, прибавляетъ: вслѣдствіе этого была полемика между двумя старцами, замѣчательная въ умственномъ мірѣ нашей старины, хотя авторъ (г. Хрущевъ) коснулся ея лишь слегка, тогда какъ слѣдовало бы разсмотрѣть ее съ бо́льшимъ вниманіемъ. — Въ отвѣтъ относительно устава Іосифа укажемъ лишь на отзывъ о немъ древности выше с. 157, и замѣтимъ еще о мнимомъ подобострастіи Іосифа сильнымъ (слич. с. 116). Указываемыя въ посланіяхъ къ вельможѣ о милованіи рабовъ и къ благовѣрному князю выраженія — обычныя у Іосифа и современныхъ ему старцевъ и показываютъ ничто иное, какъ его иноческое смиреніе и вѣжливость. Таковыя выраженія употреблены имъ и въ посланіи къ иноку-иконописцу, также и въ другихъ. Въ этихъ же и другихъ посланіяхъ, гдѣ было нужно, видѣнъ и рѣзкій обличительный тонъ. Во *второй* рецензіи Ор. Миллеръ объявляетъ Іосифа прямо инкви-

зиторомъ, не довѣряя, чтобъ преподобный слѣдовалъ въ своихъ сочиненіяхъ только отцамъ, и теряясь въ догадкахъ, какъ психически объяснить такую (по его мнѣнію) жестокость въ Іосифѣ. Но достаточно только взглянуть на сочиненія Іосифа, чтобъ убѣдиться, что все у него основано на св. Писаніи, твореніяхъ отцевъ, правилахъ соборовъ, сказаніяхъ патериковъ и т. п., потому что Іосифъ почти всегда цитуетъ свои источники, — и Казанскіе издатели Просвѣтителя поэтому дошли даже до такой мысли или выраженія, что стали отнимать у Іосифа самостоятельность. Что касается до мнимой жестокости въ преслѣдованіи еретиковъ: то надобно сказать, что чрезвычайное преступленіе вызываетъ и чрезвычайную мѣру. Мы знаемъ, что и самъ Господь нашъ, воплощенная Благость, видя внѣшніе только безпорядки въ храмѣ, по ревности Божіей, бичемъ изгналъ изъ него всѣхъ безчинниковъ и низпровергъ столы ихъ (Іоан. 2, 15—17). Во всемъ иномъ мы скромны и смирнѣе всякаго, смѣло говорилъ разъяренному префекту Василій Великій, а когда дѣло идетъ о Богѣ и противъ Него дерзаютъ возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога... (Твор. отцевъ Церкви 1844 г., ч. 4, стр. 105). Кипя тою же ревностію, преп. Іосифъ на самомъ дѣлѣ былъ исполненъ кротости, любви и смиренія, «паствуя свою братію, какъ говорятъ жизнеописатели, съ смиреніемъ и кротостію и незлобіемъ сердца, горечь и строптивость всѣхъ нося..., имѣя любезное събесѣдованіе и нрава благоувѣтливое и обычая приступное, и смиреніе сердца милостивное ко всѣмъ». (Надгроб. слово Досиѳея въ печ. стр. 5. 7, см. и Житіе Неизвѣстнаго стр. 70 и слѣд., 31). Слова сіи Іосифъ подтвердилъ и опытомъ питанія народа во время голода, также всѣхъ нищихъ и странныхъ постоянно въ своей обители и денежнымъ вспоможеніемъ монастырскимъ крестьянамъ, доселѣ памятнымъ въ народѣ (Житіе Саввы 49 и дал., 53. Неизвѣстнаго 57 и дал.), внушалъ кротость и милосердіе и въ бесѣдахъ своихъ (Житіе Неизв. 21 и слѣд., 60) и во многихъ посланіяхъ. — Только пламенная ревность и твердость Геннадія и Іосифа въ обличеніи и преслѣдованіи еретиковъ и строгія мѣры, взятыя Правительствомъ, могли остановить распространеніе столь пагубной и такъ охватившей тогдашнее общество ереси жидовствующихъ. «Ты, о боговѣнчанный государь, писалъ Макарій, Новгородскій архіепископъ, къ Василію Ивановичу 1526—1533 г., уподобился еси... великому царю Константину... въ своемъ царствіи попреже сихъ лесть явльшуюся чрезъ Ноугородскихъ еретиковъ до конца низложилъ еси съ бого-

хульными ихъ преданьи и свое великое православіе всѣхъ вѣрующихъ въ святую и животворящую Троицу сердца возвеселилъ еси» (Дополн. къ Актамъ Истор. т. 1, № 25). Но что, не смотря на это, ересь, пустившая глубокіе корни, тайно распространялась, и что не напрасно Геннадій и Іосифъ вопіяли противъ послабленія и наружнаго покаянія еретиковъ, это ясно показали развившіяся вскорѣ изъ ереси жидовской раціоналистическія ученія Бакшина и Ѳеодосія Косаго, развившіяся преимущественно, какъ сознается и Курбскій (изд. 2, стр. 133. 134), въ области Новгородской, у *Заволжскихъ старцевъ* (Руднева о ересяхъ, стр. 124—137). И приверженцы Бакшина и Косой бранили книгу Іосифа — Просвѣтитель (тамъ же стр. 135. 136). Соборъ 1553 г., созванный по непосредственному распоряженію Іоанна IV (Акты Ист. т. 1, № 161), и «Истины показаніе» Зиновія Отенскаго обличили и остановили и это зло (Филарета Ист. Рус. Церкви, изд. 2, стр. 121—126). Между тѣмъ Польша и Литва, откуда произошли къ намъ всѣ эти ереси, въ XVI вѣкѣ сдѣлались жалкимъ зрѣлищемъ всѣхъ раціоналистическихъ и реформатскихъ лжеученій и главнымъ мѣстомъ всеотрицающаго социніанства (Alzog Universalgeschichte d. christlichen Kirche, 2 Aufl., Mainz 1843. B. 2 S. 815 d. Protestantismus in Polen, Руднева о ересяхъ 132. 137 и слѣд.). Курбскій самыми мрачными красками описываетъ, какъ свирѣпствовало социніанство въ Польшѣ и на Волыни (выписки у Руднева стр. 135. 136). Но Церковь наша, благодаря усиленной ревности Геннадія и Іосифа и дѣйствіямъ Правительства, избавилась тогда отъ этой язвы и всѣхъ прираженій протестантства.—Все это, думаемъ, надлежало бы принять во вниманіе г. Хрущеву въ оцѣнкѣ сочиненій и дѣйствій Іосифа.

Соображая всѣ замѣчанія, вмѣстѣ съ ними на благоусмотрѣніе Коммиссіи представляю и таковое по нимъ заключеніе о сочиненіи г. Хрущева: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, препод. игумена Волоцкаго», какъ трудъ, при своихъ добрыхъ качествахъ, не смотря на недостатки подъ 1 и 2 числомъ, заслуживалъ бы поощрительную премію. Но съ такимъ направленіемъ и съ тѣми недостатками, какіе замѣчены въ 3 пунктѣ, поощрять сочиненіе, порождающее въ публикѣ превратныя представленія о Церкви и о лицѣ преподобнаго, вполнѣ почтенномъ и заслуженномъ, считаю неприличнымъ и не совсѣмъ справедливымъ, подъ тѣмъ развѣ условіемъ, если авторъ признаетъ и исправитъ замѣченные въ этомъ отношеніи недостатки.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Чюдо о священноинокѣ Исаіи Новгородцѣ, иже бысть на владычнѣ дворѣ на сѣнехъ *).

(Изъ рукописи Московской Епархіальной Библіотеки, Погостовской, содержащей службу и житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, въ листъ, пис. 1758 г., л. 47—49).

Повѣда намъ архіепископъ великаго Новограда и Пскова владыко Ѳеодосій глаголя: у мене (бѣ) въ великомъ Новѣградѣ у Софіи, Премудрости Божіи, на владычнѣ дворѣ на сѣнехъ у церкви Христова Рождества и святыхъ праведныхъ богоотецъ Іоакима и Анны священникъ именемъ Исаіа (и) случися, рече, мнѣ позвану быти въ царствующій градъ Москву отъ святѣйшаго митрополита и отъ самодержавнѣйшаго царя и государя великаго князя Іоанна Василіевича всеа Россіи на соборъ въ лѣто 7065. Азъ же вземъ съ собою священницы и діаконы и поддіаконы и клирики, якоже есть обычай архіепископомъ, и того священна инока Исаію, и поидохомъ къ царю. Священникъ же онъ Исаія разболѣся на пути, и якоже доидохомъ близь предѣлъ града Волока-Ламскаго, азъ же восхотѣхъ поити въ монастырь пречистыя Богородицы и преподобнаго Іосифа помолитися и приложитися къ ракѣ чюдотворцовѣ, бяше бо велію вѣру имѣя къ дому пречистыя Богородицы и преподобнаго отца, иже и во святый ангельскій образъ облеченъ бысть святыми его руками и иноческому житію наученъ бысть отъ него премудрыми его ученіи и сладкими глаголы. И нача звати съ собою священника онаго въ монастырь Іосифовъ, онъ же никакоже возхотѣ и нача неподобная многая словеса глаголати на святое оно мѣсто и преподобнаго чюдотворца Іосифа начальника святыя обители сея и злословити и укоряти, якоже обычай есть многимъ злотворящимся, бяше же и піянчивъ, якоже слышахомъ о немъ. Архіепископъ же Ѳеодосій пойде въ монастырь, священника же Исаію отпустивъ по воли его со инѣми многими въ царствующій градъ Москву, самъ же бывъ въ монастырѣ много помолився и къ преподобнаго отца своего чудотворца Іосифа гробу со слезами припаде и облобызавъ святую и многоцѣлебную раку, игумена же и братію

---

*) См. выше стр. 91.

довольно учредивъ, и пріиде въ царствующій градъ Москву къ святѣйшему митрополиту Макарію чюдному и благословеніе вземъ отъ святѣйшія руки его и отъ всесвященнаго собора святыя Божія Церкви Русскія митрополіи и къ царю государю пріиде съ миромъ и поклонися, благословеніе нося. Священникъ же онъ на Москвѣ неослабно боля и хотя въ великій Новъградъ боленъ вести себе, въ монастырь же ни помянути, ни слышати хотяше вражіимъ сосовѣтомъ и ненавистію, иже никогда же престая зло творя человѣкомъ, хотя его отъ праваго пути совратити и въ погибельный ровъ вринути и безъ покаянія отъ житія сего изторгнути. И во едину отъ нощей велми разболѣся нача изнемогати, и видитъ во снѣ жену благообразну, свѣтомъ сіяющу въ багряныхъ ризахъ, пришедшу къ нему со единымъ старцомъ сѣдинами украшенымъ, низокъ возрастъ имуща, и глагола къ нему багряноносная она жена: почто Исаіе не хощеши поити въ монастырь мой зовомый Іосифовъ? Онъ же многимъ страхомъ и ужасомъ одержимъ зѣло лежа не могій что отвѣщати глаголя: не знаю, государыне. Она же показа ему перстомъ своимъ святымъ глаголя: а се стоитъ со мною Іосифъ, и тако невидима бысть. Онъ же нача вопити веліемъ гласомъ архидіакона именемъ Сергія, глаголя: Бога ради везите мя во Іосифовъ монастырь. Архидіаконъ же скоро воставъ, притече къ нему, глаголя: что есть брате Исаіе, яко вчера убо ни слышати хотя Іосифова монастыря, нынѣ же тако вопіеши и хощеши во Іосифовъ монастырь? и шедъ архидіаконъ повѣда архіепископу. Архіепископъ же повелѣ привести его къ себѣ и нача вопрошати его: что се бысть тебѣ, яко и слышати не хотѣлъ еси Іосифова монастыря и со мною на пути никакоже не хотѣлъ еси и поносилъ еси и укарялъ и многая неподобная словеса изглаголалъ еси на святое мѣсто оно и на братію? Онъ же нача со слезами и рыданіемъ многимъ исповѣдати глаголя: мнѣ убо въ велицѣй болѣзни въ нощи сей лежащу страждущу, никакоже не могущу уснути и въмалѣ яко забывшуся, вижду пречистую Богородицу въ багряныхъ ризахъ со единѣмъ старцомъ пришедшу ко мнѣ и глагола ми: что ради Исаіе сице страждеши и почто не хощеши въ монастырь Іосифовъ? и показа ми перстомъ Іосифа съ нею стояща, и видѣхъ старца низка возрастомъ, брадою великою кругловатою, сѣдинами сіяющу, и возбнувъ отъ видѣнія, начахъ вопити. Нынѣ Бога ради святый архіепископъ повели мя отвести въ монастырь Іосифовъ: вижду убо конецъ приближающъ мнѣ, и Богъ искій моего покаянія и пречистая Богомати повелѣ ми скончати житія моего суетнаго время въ

дому святыя своея обители и преподобнаго старца Іосифа. Архіепископъ же повелѣ скоро вести его въ домъ Пречистыя во Іосифовъ монастырь и благословивъ отпусти его съ миромъ. Егда же привезоша его въ монастырь болѣзнію одержима, нача исповѣдатися игумену со многимъ смиреніемъ и со слезами и сокрушеннымъ сердцемъ, каяся всѣхъ грѣховъ своихъ, яже отъ юности его, и како поноси святый монастырь и неподобная словеса и помышленія вся подробну повѣда, обличая и укоряя своя беззаконія и како видѣ пречистую Богородицу и преподобнаго старца Іосифа съ нею и како повелѣ ему идти въ монастырь свой. И повелѣ игумену возложити на себе святый великій ангельскій образъ, еже есть схима. Игуменъ же, видѣвъ его истое и чистое покаяніе и исповѣданіе, повелѣ на него возложити святый божественный великій ангельскій образъ и причастивъ его святыхъ Христовыхъ таинъ пречистаго тѣла и честныя крови Христа Бога нашего. И мало дней пребысть въ монастырѣ, отиде ко Господу въ добрѣ исповѣданіи. Мы же слышавше прославихомъ Бога и пречистую Богородицу и преподобнаго чюдотворца Іосифа, како молитвами своими обращаетъ грѣшники на покаяніе.

II.

Библіотека Іосифова Волоколамскаго монастыря времени самого преподобнаго Іосифа *).

1. Рукописи, писанныя самимъ преп. Іосифомъ.

По описямъ книгъ Іосифова Волоколамскаго монастыря 1545 г. № 689 и 1591 г. № 688 (обѣ Московской Епархіальной Библіотеки) значатся слѣдующія рукописи письма самого преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, съ такимъ въ описи 1591 г. заглавіемъ л. 145: «Книги преподобнаго старца Іосифа письма его, которы съ собою принесъ и въ монастыри писалъ, отобраны опричѣ, въ коробьѣ, а не давати ихъ никому ни изъ монастыря ни по кельямъ».

1) По описи 1545 г. л. 26 *Евангеліе* въ десть (по нынѣшнему въ листъ), половина письмо Осиѳово, а другая Герасима Черного, евангелисты серебрены. Въ описи 1591 г. л. 115 полнѣе: Евангеліе письмо преподобнаго старца Іосифа, да старца Герасима Черного,

*) См. выше стр. 103—105.

заставицы и строки и слова большіе и главы и статьи писаны золотомъ, на дскѣ, распятіе и евангелисты серебрены, золочены и проч.

2) По оп. 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* въ полдесть (по нынѣшнему въ 4 долю) Осиѳово письмо, — въ оп. 1591 г. л. 145 прибавлено: безъ заставицъ, застежки и спни мѣдяны и проч.

3) Оп. 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* въ четверть, словетъ Осифово же, въ оп. 1591 г. л. 145 прибавлено: заставицы и строки и слова большіе, золотомъ писаны, письмо мелко и проч.

4) Оп. 1545 г. л. 30 *Апостолъ* въ полдесть, Іосифовъ, заставица и строка писано золотомъ, оп. 1591 г. л. 145 съ дополненіемъ.

5) Оп. 1545 г. л. 32 об. *Богородиченъ* Іосифова письма, въ оп. 1591 л. 145 об. съ дополненіемъ: Богородиченъ въ полдесть, письмо преподобнаго старца Іосифа, заставочка на золотѣ и пр.

6) Оп. 1545 г. л. 32 об. *Тріоди* Іосифовы словуть, въ двухъ книгахъ, оп. 1591 г. л. 150 Треоди Іосифовы словуть, одна письмо Іосифа самого, а другая Герасима Замыцкаго.

7) Оп. 1545 г. л. 34 *Псалтырь* въ полдесть Іосифова словетъ, а жила (т. е. находилась) у Геронтія, въ оп. 1591 г. л. 145 об. Псалтырь въ полдесть, письмо старца Іосифа, заставица и строка первая золотомъ прописана, со всѣмъ слѣдованіемъ и пр.

8) Оп. 1545 г. л. 38 об. *Богословъ* (Григорій) въ четь, отчести (отдѣлить?), жилъ у Іосифа. Въ оп. 1591 г. л. 145 об. книга Григорей Богословъ въ четверть, въ затылкѣ (т. е. въ корешковомъ переплетѣ), первое письмо старца Іосифа.

9) Оп. 1545 г. л. 40 об. *Лѣствица* въ полдесть Іосифова, припись (т. е. прибавка) въ ней Ѳедоръ Едесскій. Въ оп. 1591 г. л. 145 об. прибавлено: заставицы двѣ на краскахъ, толкованіе писано отъ задней дски.

10) Оп. 1545 г. л. 49 об. *Соборникъ* въ четь, старъ, письмо и събраніе отца нашего Іосифа, въ началѣ слово о житьѣ святыхъ отецъ. По оп. 1591 г. л. 145 об.—письмо мелко, отъ многихъ книгъ собрано божественнаго писанія.

11) Оп. 1545 г. л. 50 *Канунникъ* Іосифовъ. Въ оп. 1591 г. л. 146 канунникъ въ полдесть, въ началѣ святцы съ тропари и съ кондаки, переплетены въ затылокъ (т. е. въ корешокъ).

Изъ сихъ рукописей бывшія съ подписями (а о прочихъ неизвѣстно) доселѣ сохраняются слѣдующія, значущіяся въ послѣдней описи рукописей Волоколамскаго монастыря 1857 г. Рукописи Волок. вообще взяты однѣ въ Московскую Духовную Академію, другія въ Московскую Епархіальную Библіотеку.

По описи 1857 г. № 26 (нынѣ находится въ Московской Епархіальной Библіотекѣ) Евангеліе по евангелистамъ, т. е. тетръ, 4 д. 248 л., конца XV в. Впереди на бѣломъ листѣ подпись почеркомъ самой рукописи: Евангеліе старца Іосифа.

№ 138 (въ библіотекѣ Іосифова монастыря) Богородичникъ, писанный самимъ преподобнымъ Іосифомъ въ 1489 г., 4 д., 317 л. Въ началѣ заставка фигурная золоченая. На об. 317 л. подпись: написахъ послѣдняго ста *7-е тысяча 97 лѣта* (т. е. 6997) Генваря 11 въ монастыри святыа Богородица честнаго ея Успеніа, люботруженіе грѣшнаго инока Іосифа. Письмо рукописи одинаково съ непосредственно за симъ слѣдующимъ спискомъ Тріоди постной.

№ 119 (въ библіотекѣ Іосифова монастыря) Тріодь постная, писана самимъ преподобнымъ, 1460 г., въ листъ. Впереди на бѣломъ листѣ почеркомъ XVI вѣка подписано: Тріодь постная письмо самого отца нашего *преподобнаго старца Іосифа чюдотворца* съставльшаго святую и великую обитель сію, и была многа лѣта у государя царя великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ государьской казнѣ, и Божіимъ повелѣніемъ и судьбами и царьскымъ повелѣніемъ прислана въ обитель сію, никомуже просящу труды его, ко многотрудному тѣлеси его възвратишася: многы бо книги написа преподобный, яже и донынѣ суть въ монастыри его благодатію Христовою. И положити сіа книга съ его книгами вмѣстѣ въ коробью, а по кельямъ ея не давать, держати на свидѣтельство и на память святаго. Послѣсловіе: «въ лѣто 6968 сія Тріодь написана Іосифомъ старцемъ ставльшаго обитель честную на Волоцѣ Ламскомъ». Очевидно, что надпись сія сдѣлана гораздо послѣ написанія книги: ибо самый монастырь Іосифовъ основанъ въ 1479 году.

№ 146 (въ библіотекѣ Іосифова монастыря) Псалтирь съ возслѣдованіемъ, нач. XVI в., 4 д., 447 л. Впереди на бѣломъ листѣ: Псалтирь, письмо въ началѣ преподобнаго Іосифа псалмы, а была у Чюдива у Брюхова въ Селижаровѣ.

№ 536 (въ Епархіальной Библіотекѣ) Сборникъ XV в., 12 д., 345 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ подпись: се Соборникъ и письмо и собраніе старца отца нашего Іосифа, а вынесъ его изъ монастыря Досиѳей изъ Савватіева, — Соборникъ скитской. Въ рукописи л. 1 предсловіе о житіи блаженныхъ отецъ, потомъ выписки изъ Лѣствичника, изъ Григоріа мниха и просвитера игумена обители Пантократоровы (Цамблака), изъ Иларіона великаго и другихъ.

№ 401 (въ Епархіальной Библіотекѣ) Мѣсяцесловъ съ канонникомъ, конца XV или начала XVI вѣка, 4 д., 219 л. Въ началѣ рукописи надпись: канунникъ Іосиѳовъ старцевъ.

2. РУКОПИСИ, ПИСАННЫЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНІЮ ИЛИ ПОВЕЛѢНІЮ ПРЕПОДОБНАГО ІОСИФА.

По нынѣшней описи № 657 (въ Моск. Духовной Академіи подъ № 232) *Сборникъ*, 1487 г., 4 д., 416 л., начинается: Сказаніе о Египетскихъ черноризцахъ. На л. 250 подпись: Лѣта 95 (1487) написана бысть книга сія въ домъ Пречистыя господину игумену Іосифу потруженіемъ грѣшнаго черничишка Герасима Поповки. Внизу: Господине государь Іосифъ! почиеши чести книгу сію, помяни мя грѣшнаго въ святыхъ своихъ молитвахъ, а язъ тобѣ, моему господину, челомъ бію и прочей всей братіи.

По нынѣшней описи № 505 (Акад. 144) *Сборникъ* изъ 4 рукописей, XV в., 4 д., 280 л. Въ первой рукописи статья: Сильвестра и Антонія истолкованіе о св. Троицѣ. По окончаніи ея на л. 167 посланіе къ преподобному Іосифу скорописью: «Господину игумену Іосифу на Ламской Волокъ Герасимецъ Поповка, грѣшный черничишко, челомъ бію. Послалъ есми съ твоимъ старцемъ Ѳеодосіемъ въ пречестную обитель пречистые Богоматери и тебѣ, моему господину, Іосифу и всѣмъ старцомъ книгу Селивестра папу Римскаго, да бочку лососей, да полтора луба соли въ лѣто 6997 (1489) изъ Новгорода мѣсяца генваря 26. Господине государь Іосифе! помяни мя грѣшнаго въ святыхъ своихъ молитвахъ, а язъ тобѣ, моему господину, челомъ бію. Государь Іосифъ! отпиши мнѣ о Васіанѣ: оба ли стихиларя пѣлъ — мѣсячной и постной, съ княземъ Семеномъ Голицею пошлешь мнѣ то вѣдомо».

По нынѣшней описи № 547 (Еп. Б—ки) *Поученія воскресныя и праздничныя*, 1490 г., въ листъ, 445 л. Впереди на бѣломъ листѣ: Евангеліе воскресное толковое, Семіоново писмо владычне. На послѣднемъ листѣ послѣсловіе: помощію и благодатію всемилостиваго Бога и Спаса нашего Інсуса Христа и того рождьшіа пречистыа его Матере, повелѣніемъ же и благословеніемъ господина и отца своего приснопамятнаго игумена Іосифа, създателя обители честнаго Успеніа пресвятыя Богородица, коснуся отъ усръдіа худаго грѣшный чрънецъ Сѵмеонъ книгы сея божественыя, нарицаемыя Евангеліа тлъковаго, еже по началѣ и конець постигохъ списати грѣшный въ монастырь честнаго Успеніа пресвятыа Богородица, създанный отцемъ моимъ Іосифомъ, еже и нарицается пустыня

Іосифова. Съвръшися же сяковое дѣло въ лѣто 6998 (1490) маія 15 въ дни благовѣрнаго великаго князя Іоанна Васильевича всея Руси, и при митрополитѣ Геронтіи и при дръжавѣ благовѣрнаго князя Бориса Васильевича, и при архіепископѣ Генадіи великаго Новаграда, въ славу Отцу и Сыну и Святому Духу Богу нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ аминь».

Другая рукопись того же Симеона по нынѣшней описи значится подъ № 440 (Еп. Б—ки) *Бесѣды Григорія папы Римскаго*, XVI в., 4 д., 417 л. На задней дскѣ написано: сія книга написана бысть инокомъ Симеономъ, напослѣдокъ бысть епископъ Суздальскій.

Обѣ рукописи значатся и въ древнихъ описяхъ. По описи 1545 г. л. 29 Евангеліе воскресное недѣльное, въ десть, писмо Симеоново владычне, л. 39 об. Бесѣдовникъ въ полдесть, письмо владыки Суздальскаго. Тоже о Григоріѣ Бесѣдовникѣ въ описи 1591 г. л. 177, а о Евангеліи воскресномъ толковомъ л. 132 дополнено: Евангеліе въ десть, писмо Симеона владыки, переплетено, ново, заставица на золотѣ, писано красками одна, а другая на краскахъ, застежки, наугольники и жуки мѣдяны.

Старецъ Симеонъ, написавшій сіи рукописи, съ 1507 г. былъ игумномъ Московскаго Андроникова монастыря, откуда въ августѣ 1509 г. рукоположенъ во епископа Суздальскаго, скончался 1515 г. При немъ нѣсколько времени былъ въ заточеніи въ Андрониковомъ монастырѣ низведенный съ каѳедры Новгородскій архіепископъ Серапіонъ.

По нынѣшней описи № 9 (въ Москов. Дух. Академіи подъ № 6) *Собраніе Ветхозавѣтныхъ книгъ*: 1 и 2 Паралипоменонъ, Юдиѳь, Есѳирь, Премудрость Соломонова и часть пророка Іереміи, 4 д., конца XV в., 284 л. На 1 бѣломъ листѣ: иѡсиѳъ (должно быть собственноручная подпись препод. Іосифа). На оборотѣ 56 л.: написалъ Кузмица Златоуской Паралипоменонъ первые. На об. 210 л.: сѣ тетрати писаны на Иосиѳа на Волокъ.—Переводъ всѣхъ этихъ книгъ—съ Латинскаго, тотъ самый, какой въ полныхъ спискахъ Библіи Синодальной Библіотеки.

По описи 1545 г. л. 45 об. о сей же рукописи: книга въ полдесть Паралипоменъ, оп. 1591 г. л. 184 об. — въ затылкѣ ветха.

По нынѣшней описи № 641 (Акад. 221) *Апокалипсисъ и житія святыхъ*, конца XV в., 4 д., 281 л. Житія здѣсь помѣщены: Николая чудотворца, Петра Аѳонскаго, Аѳанасія Великаго. На л. 140 об. по окончаніи Апокалипсиса подпись: «а сія книга написана многогрѣшнымъ инокомъ Герасимомъ, по повелѣнію отца своего Іосифа».

По описи 1545 г. л. 20 книга въ полдесть Апокалипси, писмо Герасима Черного, да тутожъ припись — житія св. отецъ Николы чудотворца, Аѳанасія Великого и Петра Аѳоньскаго.

По нынѣшней описи № 214 (Моск. Дух. Акад. № 61) *Псалтирь съ возслѣдованіемъ* конца XV или начала XVI в., 8 д., 576 л. Впереди на бѣломъ листѣ скорописью: сея книга Александра Авраміева сына старцу Іосифу, спасайся господине о Христѣ, а объ насъ Бога моли».

По нынѣшней описи № 246 (въ Москов. Епархіальной Библіотекѣ) *Стихиры на весь годъ и Ирмологій* XVI в., 4 д., 476 л. На оборотѣ 1 л. подпись: стихираль полной Досиѳея Топоркова, на л. 405 внизу: книга глаголемая Ермолой, а писалъ сію многогрѣшны инокъ Досиѳей по благословенію отца игумена Іосифа.

По описи 1545 г. л. 51 значится Ермолой въ полдесть, Досоѳѣево писмо Вощечниково, — въ прозваніи, вѣроятно, ошибка, въ описи 1591 г. л. 208 об.: Ермолой полной съ стихиларемъ Досиѳея Топоркова, Іосифова братанича.

По нынѣшней описи № 456 (въ Москов. Дух. Акад. подъ № 122) *Лѣствица* Іоанна Синайскаго 1510 г., въ листъ, 356 л. Послѣсловіе: «Божіею милостію съвершися божественная сіа книга въ пречестнѣй обители пречистые Богородица честнаго и славнаго ея Успеніа, юже създа господинъ и пречестнѣйшій старецъ и игуменъ Іосифъ, иже и повелѣ написати книгу сію въ лѣто 7018 (1510), а отнелѣ же създана бысть обитель лѣто 31». Въ описяхъ 1545 г. (л. 40) и 1591 (л. 179) значатся три Лѣствицы въ десть, первая писма Герасима Черного, вторая—Геласія Суколѣнова, третія—Ѳерапонтова.

По нынѣшней описи № 426 (Акад. 106) *Толкованіе Златоуста и др. на посланія апостола Павла* къ Римлянамъ, Коринѳянамъ и Галатамъ, 1512 г., въ листъ, 497 л. На 1 л. подпись: писмо инока Ѳерапонта Обухова. Ниже: Апостолъ пречистыя Богородицы Іосифова монастыря данъ на списокъ Благовѣщенскому протопопу Онуфрію. Послѣсловіе: въ лѣто 7020 (1512) въ дни государства всея Русскія земли самодержца великаго князя Василія Ивановича, внука великаго князя Василія Васильевича, повелѣніемъ отца моего игумена Іосифа написана бысть книга сія рукою грѣшнаго инока Ѳерапонта въ обители, юже самъ созда отецъ нашъ Іосифъ, иже и глаголется Іосифовъ монастырь, на Волоцѣ на Ламскомъ.

Тамъ же № 427 (Акад. 107) *Тоже толкованіе на посланія* къ Ефессеямъ, Филипписеямъ, Колоссаямъ, Солунянамъ, Тимоѳею, Титу, Филимону и Евреямъ, 1514 г., въ листъ, 432 л. Послѣсловіе: въ

лѣто 7022 (1514) въ дни государства всея Русскія земля самодержца великаго князя Василія Ивановича и пр., что и выше.

По описи 1545 л. 31 Апостолъ толковой въ дву книгахъ, Павлово посланіе, Ѳерапонтово писмо. По описи 1591 л. 142 — писмо старца Ѳерапонта.

О слѣдующихъ рукописяхъ неизвѣстно, писаны ли они были по благословенію преп. Іосифа или только приложены въ обитель при немъ.

По нынѣшней описи № 151 (Епарх. Б—ки) *Псалтирь съ возслѣдованіемъ* XVI в., 4 д., 355 л. На л. 24 подпись: «сію Псалтирь далъ Серапіону игуменъ Іосифъ на томъ, ему ея не продать ни отдать никому, ни по душѣ своей не дать, а отослать ему ея послѣ своего живота въ Осиѳовъ же монастырь, а сію Псалтирю кто дерзнетъ взяти послѣ живота Серапіонова игуменъ или кто отъ братіи, самъ вѣдаетъ опрично Серапіоновой, а отвѣчаетъ Богу о ней». (Въ старыхъ описяхъ ничѣмъ не означена).

По нынѣшней описи № 591 (Акад. № 193) *Минея-четья Октябрь*, въ листъ, конца XV в. или начала XVI в., 330 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ надпись: книга Минея-четья октябрь Іосифова монастыря по благословенію игумена Іосифа была въ кельи у Василія Курицына.

Тамже № 593 (Акад. № 195) *Четь-минея Декабрь и Генварь* XV—XVI в., въ листъ, 471 л. На первомъ листѣ скорописью: Минея-четья два мѣсяца, декабрь да генварь, челъ ее по благословенію игумена Осиѳа и старца Мисаила Безнина первый грѣшникъ предъ Богомъ Васюкъ Курицынъ, (что) присланъ въ монастырь къ великому чудотворцу Іосифу на смиреніе.

Того же времени *Четь-минеи* № 592 *Ноябрь* безъ начальныхъ листовъ, въ листъ, 571 л., № 594 *Февраль* нач. XVI в., въ листъ, 277 л., № 595 *Мартъ*, въ листъ, 224 л., № 596 *Апрѣль*, въ листъ, 535 л., № 597 *Май*, въ листъ, 460 л., № 598 *Іюнь*, *Іюль*, *Августъ*, въ листъ, 258 л.

Девять книгъ мѣсячныхъ Миней-четей значатся въ описи 1545 г. л. 32, а по описи 1591 л. 150 всѣ они въ десть.

По нын. описи № 642 (въ Епарх. Библіотекѣ) *Житія святыхъ* съ прибавленіями XVI в., 4 д., 240 л. Нач. житіе Ѳеодора Едесскаго. Впереди на бѣломъ листѣ: книгу сію челъ по благословенію игумена Іосифа Василей Курицынъ. — Конечно этотъ Василій Курицынъ былъ одинъ изъ близкихъ родственниковъ дьяка Ѳеодора Курицына, главнаго покровителя ереси жидовствующихъ.

3. КНИГИ РУКОПИСНЫЯ, ПРИЛОЖЕННЫЯ ВЪ ОБИТЕЛЬ ПРИ ПРЕП. ІОСИФѢ.

1) *Отъ Волоцкаго князя Ивана Борисовича.*

Самъ Іосифъ въ посланіи къ Борису Кутузову писалъ, что князь Иванъ Борисовичь Волоцкій далъ монастырю «*Евангеліе* Сергіева писма Доброписцева, обложенное серебромъ, да золочено». Въ кормовыхъ книгахъ, составленныхъ игуменомъ Евѳиміемъ Турковымъ, № 829 (Синод. Б—ки) л. 63 об.: дачи по благовѣрномъ князѣ Иванѣ Борисовичѣ Волоцкомъ большое Евангеліе золотомъ прописано, дска верхняя серебромъ обложено сканью, съ деисусомъ и съ евангелисты, застежки и спни серебрены, золочены и прокладицы шелковы, тясмы 4 жемчюжкомъ обнизаны, писмо Сергія Доброписца. Промѣна ему, язъ слыхалъ, 100 рублевъ.

По описи 1545 г. л. 12 *Апостолъ* въ полдесть княжъ Ивановскій Борисовича. По описи 1591 г. л. 138 Апостолъ князя Ивановскій Борисовича Рузскаго безъ заставицъ, переводъ доброй, застежки на спняхъ мѣдяны, поволоченъ кожею.

2) *Отъ Каллиста, бывшаго игумена Саввы Сторожевскаго монастыря.* (Въ числѣ прочихъ былъ рекомендуемъ преп. Іосифомъ въ преемника себѣ въ обители, см. Житіе, напис. Саввою, стр. 59).

По нынѣшней описи № 461 (Епархіальной Библіотеки) *Творенія Іоанна Лѣствичника* 1505 года, 4 д., 424 л. На л. 421 послѣсловіе: о сборе Богомъ собранный... молю убо васъ... прочитающе книгу сію... не порцѣте на душу преписавшаго... помянѣте грѣшнаго мене... Написана бысть сія книга въ лѣто 7014 мѣсяца сентября въ обители святыя Богородицы, глаголемѣй Стража, наставника нашего повелѣніемъ игумена Калиста... рукою дьяка Ѳедька.

По описи 1545 г. л. 40 об. Лѣствица въ полдесть Калистовская словеть. По описи 1591 г. л. 179 об. Лѣствица Калистовская словеть игумена Сторожевскаго.

Сему же Каллисту принадлежатъ, вѣроятно, слѣдующія двѣ рукописи, значущіяся въ описи 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* Каллистовское, л. 35 об. *Псалтирь* Калиста старого, что жила у Варсунофія у Высокого.

3) *Отъ Кассіана Босова* (сподвижника Іосифова еще въ Пафнутьевомъ монастырѣ, котораго также Іосифъ рекомендовалъ на свое мѣсто въ управленіи обители, см. Житіе у Саввы Чернаго стр. 59).

По описи 1545 г. л. 35 *Псалтирь* въ полдесть Касьяновская Босова. По нын. описи № 141 (Епархіальной Библіотеки) Псалтирь съ возслѣдованіемъ 1502 г., 4 д., 503 л. На оборотѣ задней дски:

въ лѣто 7010 (1502 года) написана сія Псалтирь священноинокомъ Симеономъ, а замышленіемъ инока Кассіана.

4) *Отъ Нила Полева.* (Изъ рода князей Смоленскихъ, постриженникъ Іосифовъ, потомъ удалившійся къ Нилу Сорскому, см. Житіе Неизвѣстнаго, с. 51).

По нын. описи № 450 (Епархіальной Библіотеки) *Творенія Исаака Сирина* 1512 г., 4 д., 519 л. Впереди на бѣломъ листѣ: въ лѣто 7020 написана бысть книга сія Исаакъ въ обитель пречистыя Богородицы чѣстнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близь Волоколамска, и дано бысть инокомъ Ниломъ Полевымъ по трехъ душахъ, написати ихъ по преставленіи въ списокъ повсядневный — Ксенію, инока Марка, инока Нила. Молимъжеся вамъ, господіе наши и отцы, прочитающеи книгу сію и при животѣ нашемъ и по смерти, помяните вашу къ намъ послѣднюю любовь, помолитеся о насъ въ святыхъ вашихъ молитвахъ, а дали есмя по себѣ осмь книгъ отъ списка повседневнаго, и три рубля денегъ на три сорокоусты, и чтобы Бога ради по насъ по коегождо преставленіи отпѣта безъ препуска 40 обѣденъ и съ панихидами, сирѣчь сорокоустъ. Молимжеся съ слезами и приказываемъ сія исправити по преставленіи душъ нашихъ князю Арсенію Голенину и старцу моему Іонѣ и старцу Геронтію Рокитину и старцу Кассіану.

По нын. описи № 444 (Епархіальной Библіотеки) *Творенія Исаака Сирина* 1513 г., въ листъ, 542 л. Впереди на бѣломъ листѣ: въ лѣто 7021 (1513) почата сія книга писати Исаакъ въ обитель пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близь Волоколамска, и дано бысть инокомъ Ниломъ Полевымъ по трехъ душахъ и пр. тоже самое, что и въ предъидущей рукописи.

По нын. описи № 39 (Акад. 20) *Евангеліе* по евангелистамъ 1514 г., 4 д., 286 л. Передъ евангелистами заставки и заглавныя литеры фигурныя, съ золотомъ, изящны. На 1 л. подпись: въ лѣто 7022 (1514 г.) написано бысть Христово сіе Евангеліе въ обители пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близь Волоколамска, и дано бысть инокомъ Ниломъ Полевымъ по трехъ душахъ и пр. тоже самое, что и въ предъидущей рукописи.

По нын. описи № 507 (Акад. 146) *Сборникъ*, 1514 г., 4 д., 231 л. Здѣсь Нила о осми помыслѣхъ и другія статьи. Впереди на бѣломъ листѣ: въ лѣто 7022 (1514) дана бысть книга сія инокомъ Ниломъ

Полевымъ по трехъ душахъ въ обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близь Волоколамска, и пр. тоже самое, что и въ предъид. рукописи.

По нын. описи № 630 (Акад. 215) *Собраніе житій святыхъ* 1514 г., 4 д., 346 л. На 1 листѣ подпись: въ лѣто 7022 (1514) написана бысть книга сія съборникъ въ обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія въ строеніи преподобнаго отца нашего Іосифа, еже близь Волоколамска, и дано бысть инокомъ Ниломъ Полевымъ по трехъ душахъ и пр. тоже самое, что и въ предъидущей рукописи.

По нын. описи № 637 (Епархіальной Библіотеки) *Житія святыхъ* съ прибавленіями, 1514 г., 4 д. 317 л. На 1 листѣ подпись: въ лѣто 7022 (1514) написана бысть книга сія съборникъ въ обитель пречистыя Богородицы и пр. тоже, что и выше.

По нын. описи № 476 (Акад. 130). *Творенія аввы Дороѳея* и отвѣты великаго Варсонофія XVI в., 4 д., 331 л. На послѣднемъ листѣ внизу подписано: Дороѳей, Ниловъ, соборной.

По описи 1545 г. л. 10 об. Евангелистъ Иванъ Богословъ (т. е. одно его Евангеліе) Нилова Полева письма, въ осминку, л. 15 об. Псалтирь, въ четверть, письмо Нила Полева, л. 19. Исакъ (Сиринъ) въ десть, сначала Ниловское письмо Полева, тамже: Исакъ въ полдесть, Нилъ же далъ по себѣ письмо, Патерикъ въ полдесть Нилова письма, Азбучной словетъ, 19 об. Дороѳей, Нилово письмо, л. 21. Духовная (преп. Іосифа) у Шигоны изгибла, что Нилъ Полевъ далъ по себѣ, л. 21 об. три Соборника Нила Полева данія. Да Нилова же данья Соборникъ о осми помыслѣхъ и иныя вещи въ немъ.

Ко времени преподобнаго Іосифа съ большею или меньшею вѣрностію можно относить и вклады слѣдующихъ его спостниковъ и постриженниковъ.

1) *Герасима Чернаго* (спостника Іосифова еще въ Боровскомъ монастырѣ, потомъ странствовавшаго съ нимъ по монастырямъ, списателя многихъ книгъ и затворника въ Іосифовомъ монастырѣ, см. Житіе Саввы 16. Неизв. 44).

Кромѣ вышепоказанной рукописи съ годомъ по описи 1545 г. значатся слѣдующія книги его письма: л. 26 *Евангеліе* въ десть, въ большой церкви на престолѣ, письма Герасима Черного, евангелисты сребрены, дска басмяная, л. 32 *Шестодневецъ* въ полдесть, съ Минеею общею, Герасимова письма Черного, 32 об. *Тріоди* въ четырехъ книгахъ, письмо Герасима Черного, 34 *Псалтирь* (т. е. съ

возслѣдованіемъ) въ полдесть, письмо псалмы Герасима Чернаго, (а возслѣдованіе) Гурія стараго, 34 об. *Псалтирь* въ полдесть, псалмы писмо Герасима Чернаго, л. 37 *Псалмы* въ десть, писмо Герасима Чернаго, л. 37 об. *Псалмы* въ полдесть, писмо Герасима Чернаго, припись слѣдованіе, тамже: *Псалмы* въ полдесть *съ слѣдованіемъ*, писмо Герасима Чернаго всѣ, л. 40 *Лѣствица* въ десть, писмо Герасима Чернаго, л. 46 об. *два Сборника* въ полдесть — Стефанъ новый, одинъ Герасимова писма Чернаго, а другой плохо писмо, л. 50 об. *Служебникъ*, игуменской словетъ, писмо Герасима Чернаго, и кормы въ немъ писаны.

Нынѣ существуютъ по описи № 51 (Епархіальной Библіотеки) Евангеліе по евангелистамъ XVI в., 4 д., 320 л. Впереди на бѣломъ листѣ: се язъ инокъ Герасимъ далъ есми въ домъ Пречистыя по себѣ Евангеліе въ Іосифовъ монастырь, чтобъ пожаловали душу помянули. № 121 (Академ. 53) Тріодь постная нач. XVI в., въ листъ, 290 л. На л. 287 по окончаніи книги подпись: Герасимъ (вѣроятно, Черный — ученикъ и сотрудникъ преп. Іосифа, ибо почеркъ очень схожъ съ другими его рукописями *), тамже на оборотѣ: книга Іосифова монастыря дана въ село Тимашево... 7187 г. № 153 (Епарх. Б—ки) Псалтирь съ слѣдованіемъ, безъ начала и довольно ветха, XV—XVI в., 4 д., 515 л. на оборотѣ верхней дски: писмо Герасима Черного.

2) *Вассіана, архіепископа Ростовскаго* (роднаго брата препод. Іосифа).

По описи 1545 г. л. 34 *Псалтырь* владыки Васьяновская Ростовскаго, л. 39 *Сборникъ*, старый въ два столбца, сначала писмо владыки Васьяна Ростовскаго (тоже и въ описи 1591 г. л. 174), л. 51 *два Ермолоя* владыки Васьяна Ростовскаго.

По нынѣшней описи № 249 (Академ. 67) Октоихъ и Ирмологъ XVI в., 4 д., 249 л. На второмъ бѣломъ листѣ: Ермолой, писмо владыки Ростовскаго Вассіана Іосиѳова брата, а держать его на списокъ. № 266 (въ Епарх. Б—кѣ) Ирмологъ со стихирами и др. XV—XVI в., 4 д., 363 л. Въ началѣ по листамъ внизу подпись: сію книгу далъ владыка Васіанъ (архіепископъ Ростовскій) въ домъ пречистыя Богородицы въ Осиѳовъ монастырь и проч.

3) *Досиѳея Топоркова* (братанича преп. Іосифа).

По описи 1545 г. л. 34 *Псалтирь* въ полдесть, Досоѳеевская Топоркова, писмо Венедиктово, л. 35 об. *Псалтирь* въ четверть,

*) Это замѣчаніе составлявшихъ опись.

кажуть Досоѳея Топоркова, л. 40 *Лѣствица* въ полдесть Досоѳеевская, а писана съ Святогорской, л. 45 *Бытья* въ десть, новой переводъ, Досоѳея Топоркова, да другая книга въ полдесть, его же перевода *), л. 55 об. да *Бытья* въ десть, Досоѳеева переводу, да *Кринница* въ полдесть Досоѳеева жъ переводу.

Нынѣ состоитъ № 246 (Епарх. Б—ки) Стихиры на весь годъ и Ирмологій XVI в., 4 д., 476 л. На оборотѣ 1 л. подпись: *Стихиларь* полной Досиѳея Топоркова; № 172 (Епарх. Б—ки) Псалтирь съ возслѣдованіемъ XV—XVI в., 4 д., 573 л., заставки и заглавныя слова фигурныя съ золотомъ. На об. 571 л. подпись: Псалтиря Досиѳея Топоркова. У Строева въ Описаніи рукописей Царскаго, Москва 1848 г., № 435 Сборникъ, въ срединѣ коего на л. 29—35, по словамъ Строева, безъ начала сочиненіе (яко бы) богословское, полууставомъ писанное начала XVI в. На концѣ его припись: Досиѳѣй старецъ Іосифовъ отдалъ есми въ Саватьевъ монастырь, по родителѣхъ своихъ двѣ книги Бытейскія въ десть и пр. Слѣдовательно этотъ отрывокъ оканчивалъ Палею? — догадывается за симъ Строевъ.

4) *Вассіана Топоркова, епископа Коломенскаго* (братанича преп. Іосифа).

По описи 1545 г., л. 52, Коломенской владыка Вассіанъ далъ *Псалтирю* въ полдесть со всѣмъ (т. е. возслѣдованіемъ), заставица и строка золотомъ писано, писмо Симеона владыки Суздальскаго († 1515 г.), да *Ермолой* въ полдесть съ охтаики.

Нынѣ состоитъ № 175 (Епарх. Б—ки) Псалтирь съ возслѣдованіемъ, XVI в., 4 д., 498 л. заставка и заглавныя слова сдѣланы золотомъ. Впереди по листамъ подписано: сію книгу далъ владыка Коломенской Вассіанъ по своей душѣ къ Пречистой въ Осиѳовъ монастырь, а не отдать ея изъ монастыря ни продати никому, аще хто ея отдастъ или продастъ, не буди на немъ милости Божіей и нашего благословенія.

---

*) Надобно думать, что слово «переводъ» здѣсь означаетъ *оригиналъ*, съ котораго списывается или переводится писмо на другой экземпляръ или копію, какъ это видно о сихъ самихъ рукописяхъ и изъ послѣдующаго. Въ сей же описи 1545 г. л. 27 пишется: Евангеліе Саввы Чернаго писмо, и переводъ *Кирилловской*, или Волоколамской же рукописи № 624 (въ Моск. Акад. № 211) подпись: Климента житіе, переводъ *Заволжскій*. Очевидно, здѣсь разумѣются оригиналы Кириллова и прочихъ Заволжскихъ монастырей. Въ Московскихъ соборахъ на еретиковъ XVI в. (Чтенія Ист. Общ. 1847 г., № 8) стр. 20: а *переводъ* у Троицы имали *иконы, съ чею писати*.

5) *Саввы Чернаго, епископа Крутицкаго* (постриженникъ препод. Іосифа, составившій и Житіе его).

По описи 1545 г. л. 27 *Евангеліе* Саввы Чернаго писмо, и переводъ Кириловской, л. 28 об. Евангеліе тетро владыки Нифонта Крутицкого, потомъ поправлено: Савы, какъ и на полѣ написано: «Савино владычне», л. 36 *Псалтирь* въ четь, бархатъ чернъ, Крутицкаго Савина, л. 42 *Патерикъ* въ десть новъ, Савинской словеть (въ описи 1591 г. л. 189 Патерикъ Савы Чернаго владыки Крутицкаго), л. 51 *Ермолой* Савина писма владыкы Крутицкого.

Нынѣ состоитъ по описи № 249 (Акад. № 67) Ирмологій XVI в., 4 д., 222 л., заставки на л. 1 и 183 раскрашенныя, золоченыя. На оборотѣ 1 л. подпись: Ермолой писмо Саввы Чернаго владыки Крутицкаго.

6) *Іоны Головы* (изъ приставниковъ Волоцкаго князя Ѳеодора Борисовича, постригшійся у Іосифа и имѣвшій даръ плача, наставникъ князя Андрея Голенина, рекомендованный Іосифомъ велик. князю въ преемника себѣ, Житіе Саввы стр. 59, Неизвѣстнаго 47).

По описи 1545 г. л. 27 об. *Евангеліе* Іониньское, писмо Быково, л. 30 об. *Апостолъ* въ полдесть, Іонинской словетъ Головина, л. 34 об. *Псалтирь* Іонинская Головина, писмо Быково.

Въ нынѣшней описи подъ № 42 (Моск. Акад. 22) Евангеліе апракосъ XVI в., 4 д., 254 л. На 1 бѣломъ листѣ подпись: сія книга Евангеліе 7035 (1527) мѣсяца января 28 прислалъ игуменъ Левкѣя Осипова монастыря съ крестьяниномъ къ архангелу Михаилу... прочее неразборчиво. На оборотѣ задней дски: далъ сіе Евангеліе Іона слѣпой по своемъ племянникѣ. (У Іоны Головы дѣйствительно былъ племянникъ Епифаній. Именно по описи 1545 г. л. 27 значится: Евангеліе плохо, Іонина племянника).

7) *Арсенія Голенина* (изъ князей постригшійся у Іосифа, великій подвижникъ, рекомендованный имъ на свое мѣсто по управленію обителію. См. Житіе Неизв. стр. 51, Саввы стр. 59).

По описи 1545 г. л. 27 *Евангеліе* въ десть Арсеньевское Голенина, л. 30 *Апостолъ* въ десть Арсеньевскій Голенина, л. 31 *Уставъ* въ полдесть Арсеньевской (Голенина?), л. 34 об. *Псалтирь* Арсеньевская Голенина писмо.

Въ нынѣшней описи Голеньевыхъ книгъ не видно.

8) *Геласія Сукольнова* (постриженникъ Іосифа, рекомендованный имъ великому князю въ преемника себѣ, Житіе Саввы стр. 59).

По описи 1545 г. л. 26 *Евангеліе* въ десть, Геласіево писмо. Тамже: *Евангеліе* въ десть въ теплой церкви на престолѣ, писмо Гела-

сіево, л. 29 *Евангеліе* въ десть, писмо Геласіево, (по описи 1591 л. 117: Евангеліе въ десть, Геласія Суколѣнова писмо) л. 30 *Апостолъ* въ десть, апракосъ, писмо Геласіево, (по описи 1591 г. л. 135 об.— писмо старца Галасія Суколѣнова), л. 37 *Псалмы* въ десть, писмо Геласіево, л. 39 об. *Ефремъ* въ десть, писмо Геласіево, (оп. 1591 г. о томъ и другомъ л. 166 и 177 об. писмо Геласія Суколѣнова) л. 40 *Лѣствица* въ десть, писмо Геласіево (по описи 1591 г. л. 179 Геласія Суколѣнова), л. 42 об. *Симеонъ новый богословъ*, писмо Геласіево, л. 50 *Канунникъ* Геласіева писма, да тутожъ часы царскіе приписаны.

Нынѣ состоитъ по описи № 16 (Акад. 13) Евангеліе апракосъ, конца XV в., въ листъ, 431 л. На 1 бѣломъ листѣ подпись: Евангеліе апракосъ, письмо Геласіево Суколѣнова на престолѣ въ теплой церкви Богоявленія Господа нашего Іисуса Христа. № 467 (Еп. Б—ки) Творенія Симеона новаго богослова, XV в., 4 д., 358 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ: Симеонъ новый богословъ, письмо Геласія Суколѣнова, соборной. № 559 (Еп. Б — ки) *Сборникъ* XVI в., 4 д., 465 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ: Божіею помощію и пречистыя Богородицы свершися сія книга Съборникъ именуемая, избранныя повѣсти и слова Божественныхъ писаній всѣмъ въ пользу прочитающимъ, написано же рукою многогрѣшнаго чернца Геласійца и пр.

9) *Тихона Ленкова* (постриженникъ Іосифа, рекомендованный имъ на свое мѣсто, Житіе Саввы стр. 59).

По описи 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* другое, его же (владыки Тверскаго Акакія) писмо, Тихону Ленкову писалъ, л. 34 *Псалтирь* Тихоновская словетъ Ленкова.

Въ нынѣшней описи книгъ Ленкова не видно.

10) *Діонисія Звенигородскаго* (изъ князей Звенигородскихъ, въ мірѣ Данило Лупа, постригся у Іосифа и совершалъ великіе подвиги, былъ нѣсколько времени у Нила Сорскаго, но потомъ возвратился въ Іосифову обитель. См. о немъ Житіе Неизвѣстнаго стр. 50).

По описи 1545 г. л. 27 об. *Евангеліе* въ полдесть Денисьево Лупина, письмо владыки Суздальскаго, л. 30 об. *Апостолъ* въ полдесть у Деонисья жилъ (т. е. находился) у Лупы, л. 35 *Псалтирь* Денисья Лупина, писмо Ивана Пищулина, л. 40 об. *Лѣствица* въ полдесть, Деонисій Звенигородской далъ, а припись въ ней отъ части Симеона новаго богослова, л. 48 и об. *Соборникъ* въ четь Денисовской, тамже: *Соборникъ* въ полдесть Денисьевской же, вначалѣ... (какая статья не показано), тамже: *Соборникъ* въ полдесть Денисьевской же, вна-

чалѣ Василія Великаго слово постническое; да *Соборникъ* въ полдесть Денисьевской же, вначалѣ Симеона столпника, книга *Главникъ* Денисьевской же, л. 50 об. а другой *(Потребникъ)* Денисья Звенигородскаго по тому же (какъ въ предъидущемъ) и службы въ немъ.

Нынѣ состоитъ по описи № 459 (Акад. 121) Творенія Іоанна Лѣствичника исхода XV в., 4 д., 380 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ подпись: Діонисія Звенигородскаго Лѣствица, а была у Еѳима Туркова въ кельѣ. № 159 (Еп. Б—ки) Псалтирь съ возслѣдованіемъ, безъ начала и конца, начала XVI в., 4 д., 506 л. На оборотѣ верхней дски: Псалтирь Діонисія Лупина, писмо Пищулино, переводъ добръ. № 502 (Еп. Б — ки) Сборникъ, XVI в., 4 д., 404 л. Въ вачалѣ на бѣломъ листѣ подпись: Діонисія Звенигородскаго. 1-я статья: Василія Вел. слова постническія. № 518 (Еп. Б—ки) Сборникъ XVI в., 4 д., 251 л. Впереди на бѣломъ листѣ: Книга Іосифова монастыря Діонисія князя Звенигородскаго (въ началѣ писанія Нила Сорскаго). № 661 (Акад. 235) Сборникъ XVI в., 12 д., 466 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ подпись: Діонисія Звенигородскаго.

11) *Бориса Кутузова* (друга Іосифова).

По описи 1545 г. л. 26 об. *Евангеліе* въ четверть Борисовское Кутузова, л. 30 об. *Апостолъ* въ четверть Борисовской Кутузова, л. 34 об. *Псалтирь* Борисовская Кутузова, жила у Аѳанасія Воротынца, л. 42 *Патерикъ*, Аврамьевской словетъ Кутузова, л. 46 об. *Два соборника* въ полдесть Борисовскіе Кутузова, въ одной главы Фаласѣевы сначала, а въ другой на Латыни въ полдесть же.

Нынѣ состоитъ по описи № 56 (Акад. 24) Евангеліе по евангелистамъ XVI в., 8 д., 318 л. Впереди на бѣломъ листѣ: Евангеліе Бориса Кутузова. № 80 (Еп. Б — ки) Апостолъ XVI в., 8 д., 386 л. Въ началѣ надпись: Апостолъ Борисовской Кутузова. Предъ Дѣяніями и Посланіями Апостольскими заставки фигурныя съ золотомъ. № 636 (Еп. Б—ки) Житіе св. Іоанна Златоустаго, страданіе великомученика Артемія и пр., XV — XVI в. 4 д., 330 л. Впереди на бѣломъ листѣ: сей Соборникъ далъ въ домъ Пречистыя Борисъ Васильевичь Кутузовъ.

12) *Тихона Взворыкина* (уважаемый старецъ Іосифова монастыря, упоминаемый преподобнымъ въ посланіи къ Вас. Андр. Челяднину,—по актамъ монастырскимъ 1510—14 г. казначей Іосифова монастыря; его вел. князь Василій Ивановичь употребилъ посредникомъ къ склоненію Кассіана Босова воспріять отъ купели новорожденнаго сына его Іоанна 1530 г.).

По описи 1545 г. л. 27 об. *Евангеліе* Тихона Взворыкина и писмо его. Еще: *Евангеліе* Тихоновское жъ Зворыкина, л. 29 об. *Евангелисти* (отдѣльные) *Матѳей да Марко*, сначала Тихоново писмо Взворыкина, л. 35 *Псалтирь* писмо псалмы Ефремово Саватьевскаго, Тихоновская Зворыкина словетъ. Тамже: *Псалтирь* въ полдесть Тихоновская Взворыкина, писмо Ивановское распопино. Тамже: *Псалтирь* въ четь, писмо Тихоновское стараго, л. 37 об. *Псалмы* въ полдесть Тихона Взворыкина, писаны въ Тфери, писмо велико, л. 40 *Ефремъ* въ полдесть, Тихоново писмо Взворыкина, л. 41 *Исакъ* въ полдесть, Тихонъ Взворыкинъ далъ и писмо его, л. 42 об. *Симеонъ новый богословъ* да Петръ Дамаскинъ тутъ же, Тихоново писмо Взворыкина, л. 43 *Дороѳей* въ полдесть, Тихоново писмо, припись отеческихъ словъ много, л. 46 *Духовная (преп. Іосифа)*, Тихоново писмо Взворыкина, л. 48 об. Тихоновъ Взворыкина *Соборникъ* въ полдесть, вначалѣ слово отъ Лѣствицы.

Нынѣ состоитъ № 36 (Еп. Б—ки) Евангеліе по евангелистамъ XVI в., 4 д., 267 л. На 1 листѣ вверху: Евангеліе Тихона Взворыкина, писмо его. № 494 (Еп. Б—ки) Сборникъ XVI в., 4 д., 598 л. На оборотѣ 1 листа: Сборникъ Тихона Зворыкина. Въ началѣ слово изъ Лѣствицы. №469 (Еп. Б—ки) Творенія Симеона новаго и Петра Дамаскина XVI в., 4 д., 282 л. Въ началѣ на 1-мъ листѣ: Симеонъ новый богословъ, да Петръ Дамаскинъ Тихона Взворыкина.

13) *Варлаама Доброписца* (вѣроятно, тотъ Варлаамъ старый, котораго Іосифъ рекомендовалъ въ преемника себѣ. Житіе Саввы стр. 59).

По описи 1545 г. л. 26 *Евангеліе* въ десть, Варламово писмо (Доброписца по другой описи 1591 г., л. 115 об.).

Нынѣ по описи № 17 (Моск. Акад. 14) Евангеліе тетръ въ листъ, 368 л. На 1 л. подпись: Евангеліе писмо Варлаама Доброписца, а далъ его въ домъ пречистыя Богородицы бывшей архимандритъ Симоновской Герасимъ Замыцкой.

14) *Игнатія Огорѣльцова* (посыланъ былъ преп. Іосифомъ въ Новгородъ къ архіепископу Серапіону, см. Житіе Саввы стр. 42).

По описи 1545 г. л. 30 об. *Апостолъ*, Огорѣльцовской словетъ, въ полдесть, л. 35 об. *Псалтирь* въ четь, Агорѣльчевская словетъ, старая. Въ описи 1591 года л. 156: Псалтирь Игнатья Огорѣльцова, заставица и строка золотомъ прописана и Давидъ пророкъ на золотѣ писанъ.

По древности написанія можно также считать слѣдующія рукописи приложенными въ обитель при Іосифѣ.

Часословъ Іоанна Мисаилова. По нынѣшней описи № 349 (Моск. Дух. Акад. 83) Часословъ съ возслѣдованіемъ, 1451 г., 4 д., 442 л. На оборотѣ 429 л. «Въ лѣто 6959 (1451) списана бысть книга сія многогрѣшною рукою Микиты Остафьева сына Толмачева, нарицаемая Часословецъ, замышленіемъ (іерея?) Іоанна Мисаилова сына».

Евангеліе Михаила Григорьева. По нынѣшней описи № 24 (Моск. Дух. Акад. 17) Евангеліе по церковнымъ чтеніямъ, 4 д., 456 л., 1453 г. На послѣднемъ листѣ приписано: «въ лѣто 6961 (1453) кругъ солнцу 17 и лунѣ 7, индикта 1, мѣсяца Октября въ 19 день, на память священномученика Садофа и св. мученика Уара и св. пророка Іоиля въ день четвертокъ при благовѣрномъ и христолюбивомъ и самодержавномъ великомъ князѣ Василіѣ Василіевичѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ Володимірскомъ и всея Руси, при архіепископѣ Іонѣ, митрополитѣ Кіевскомъ и всеа Руси и при архиепископѣ Еуфиміи великого Новагорода списаны быша книги сія святое Евангеліе въ градѣ Волоцѣ во обители святыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества при игуменѣ Селиванѣ въ храмъ иже во святыхъ отца нашего Николы, еже есть въ Расху, нарядомъ раба Божія Михаила Григорьевича а по хотѣнію священнаго ерея Измаила'а потруженіемъ многогрѣшнаго священноинока дьякона Макарія. Богу нашему слава, аминь».

Рукопись *Тимоѳея Веніаминова.* По нынѣшней описи № 437 (Моск. Акад. № 115) *Слова св. Аѳанасія Александрійскаго*, съ прибавленіями, 1488 г., 4 д., изъ двухъ частей, 330 л. Въ концѣ первой части л. 237 подпись, гдѣ между прочимъ пишется: лѣта 7997 (1488) декемвріос въ седмый въ 9 часу нощи послужиста руцѣ мои, амартолосъ Тимоѳея Веніаминова... Писахъ къ вечеру солнечнаго дне захода седморичнаго реку вѣка и проч.

Рукописи *Іоасафа Тверитина*, современника Геласію Суколѣнову. По нынѣшней описи № 147 (Еп. Б-ки) *Псалтирь съ возслѣдованіемъ*, конца XV в. (почерки двухъ рукъ, писмо псалмовъ подходитъ къ скорописи) 4 д., 451 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ: «Псалтирь писмо Іоасафа Тверитина, Савватіевскаго игумена, псалмы, а слѣдованіе Исаино Бѣлаго». Тамже № 148 (Еп. Б-ки) *Псалтирь съ слѣдованіемъ*, конца XV в., 4 д., 491 л. Впереди на бѣломъ листѣ: Псалтирь писмо Асаѳа Тверитинова, Галасѣевская вторая статья. Обѣ рукописи значатся и въ описи 1545 г. л. 34 Псалтирь въ полдесть, письмо Исаіи Бѣлого, тамже: Псалтирь въ полдесть, псалмы Іосафово писмо Тверитина, л. 35 Псалтирь стара Галасѣев-

ская, писмо Асафа Тѳеритина, а въ описи 1591 г. л. 157 Псалтирь Галасѣевская, псалмы и слѣдованія писмо Іоасафа Тѳеритина.

Рукописи *Стефана Тверитина.* По нынѣшней описи № 472 (Моск. Акад. 128) *Творенія Петра Дамаскина и аввы Дороѳея*, съ прибавленіями, 1505 г., 4 д., 416 л. На л. 368 подписано: въ лѣто 7013 (1505) мѣсяца Августа почалъ сія книги писати рекомаго Петра Дамаскина да Дороѳея Августа 25 на память преп. Евфросиніи, а скончалъ тоежъ осени Октября 24 св. мученика Ареѳы многогрѣшною.... рукою діакона Стефана Тверитина. По описи 1545 г. л. 43 Петръ Дамаскинъ да Дороѳей въ одной книгѣ, по описи 1591 г. л. 191 къ этому прибавлено: въ нейже и главы Ѳаласѣевы къ Павлу просвитеру, писмо діакона Стефана Тверитина. Сверхъ того въ описи 1591 л. 124 значится *Евангеліе*, заставицы на краскахъ, поволока зуѳь вишнева ветха, писмо Архангелского діакона Стефана Тверитина.

Рукописи *Исаіи Бѣлого*, современника Іоасафу Тверитину. По описи 1545 г. л. 27 об. *Евангеліе* въ полдесть, Исаино писмо Бѣлого, въ описи 1591 г. л. 123 об. прибавлено: заставицы и слова на краскахъ, поволока отласъ зеленъ и пр., въ описи 1545 г. л. 41 об. *Патерикъ* въ полдесть азбучной старой, въ описи 1591 л. 189 об. Патерикъ азбучной въ затылкѣ, писмо Исаіи Бѣлого. Сверхъ того въ сей (1591 г.) описи прибавлено л. 215 *Канунникъ*, писмо Исаіи Бѣлого и иныхъ, въ затылкѣ. Изъ сихъ рукописей по нынѣшней описи сохранились № 30 (Еп. Б-ки) Евангеліе по евангелистамъ, XVI в., 4 д., 372 л. На 1 бѣломъ листѣ: Евангеліе Исаіи Бѣлого. № 299 (Акад. 72) Канонникъ XVI в., 4 д., 130 л. На 1 бѣломъ листѣ: Канонникъ Іосифова монастыря, писмо Исаіи Бѣлого.

Паисія Ярославова. По описи 1545 г. л. 29 *Евангеліе* въ десть старое, въ два столбца. На полѣ впослѣдствіи приписано: а далъ то Евангеліе въ домъ Пречистыя Паисея Ярославовъ, бывшей игуменъ живоначальныя Троицы Сергіева монастыря. — Паисій Ярославовъ былъ игуменомъ Троицкаго монастыря 1479—82 г., учавствовалъ въ соборѣ 1503 г., и въ 1526 г. написалъ повѣсть о второмъ бракѣ великаго князя Василія.

Въ заключеніи мы должны сказать, что вышеписанный перечень нашъ книгъ Іосифова монастыря времени преп. основателя его далеко еще не полонъ. Изъ сочиненій Іосифа мы видимъ, что онъ употреблялъ многія и изъ неозначенныхъ здѣсь рукописей. Въ составленіи перечня мы руководствовались только замѣтками въ старыхъ описяхъ и приписками рукописей, имъ самимъ, Іоси-

фомъ, или по его велѣнію и благословенію писанныхъ, при нем (до 1515) въ обитель приложенныхъ отъ лицъ постороннихъ, ил поступившихъ отъ его спостниковъ и постриженниковъ. Таким образомъ въ нашъ перечень вошли только тѣ рукописи, кои отм чены были въ старыхъ описяхъ и имѣли приписки. Но, конечн многія изъ бывшихъ при преп. Іосифѣ книгъ не имѣли приписок и не были отмѣчены въ старыхъ описяхъ на основаніи тѣхъ-ж приписокъ или живаго преданія. По краткости времени и неудоб ности могли ускользнуть отъ насъ даже и съ приписками нѣкото рыя рукописи, современныя преп. Іосифу.

ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ В. СТАСОВА:

«О происхожденіи русскихъ былинъ»

Академика А. А. Шифнера.

Влад. Вас. Стасовъ въ концѣ своего изслѣдованія о «Происхожденіи русскихъ былинъ» выражаетъ убѣжденіе, что во всякомъ случаѣ дальнѣйшая судьба вопроса о русскихъ былинахъ — въ рукахъ русскихъ оріенталистовъ, и надѣется, что наши оріенталисты изучатъ и переведутъ созданія монгольской, калмыцкой, киргизской, башкирской, армянской, грузинской поэзіи, а также сказанія, поэмы и пѣсни разныхъ сибирскихъ и кавказскихъ племенъ и народовъ. Не отрицая важности подобныхъ переводовъ для исторіи *восточной литературы*, мы, съ нѣкоторыми ограниченіями, допускаемъ ихъ значеніе, какъ новыхъ матеріаловъ для *русской исторіи*. Лѣтъ двадцать тому назадъ, знаменитый нашъ путешественникъ Кастренъ, въ статьѣ о «Первоначальныхъ жилищахъ Финновъ», старался доказать неотрицаемую будто бы связь финскихъ народовъ съ народами, обитающими въ отдаленнѣйшихъ странахъ Сибири; въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ онъ нерѣдко указываетъ на пункты сходства какъ въ языкѣ, такъ и въ бытѣ этихъ народовъ и живущихъ теперь на западѣ Финновъ. Однако въ новѣйшее время поняли всю важность изслѣдованія отношеній Финновъ къ ближайшимъ народамъ и необходимость изученія въ этомъ отношеніи не столько далекой древности, сколько временъ, непосредственно предшествовавшихъ. Сравненіе финскаго языка съ языками Эстовъ, Ливовъ, Вотовъ и сѣверной Чуди, а также изученіе вліянія ближайшихъ германскихъ, литовскихъ и славян-

скихъ нарѣчій привело къ результатамъ, гораздо болѣе удовлетво рительнымъ.

Подобнымъ образомъ и г. Стасовъ, въ своемъ изслѣдовані о русскихъ былинахъ, увлекается блескомъ произведеній восточно фантазіи и считаетъ себя вправѣ видѣть въ русскихъ былинах «довольно тощій и сильно кастрированный экстрактъ восточных поэмъ и пѣсенъ» (часть III, глава IX, стр. 634). Признавая въ бы линахъ матеріалъ первоначальный арійскій, г. Стасовъ полагает что этотъ матеріалъ полученъ нами не прямо изъ его родоначал наго источника и не въ древнѣйшую эпоху исторіи, а чрезъ по средство племенъ не-арійскихъ и въ формѣ развитія не-арійскаг отъ Тюрковъ и Монголовъ, во время довольно позднее (ч. III, г XIII, стр. 337); онъ прямо объявляетъ, что былины имѣютъ пре имущественно колоритъ *буддійскій* или же *языческій* и что это объ ясняется тѣмъ, что буддійцами и язычниками были тѣ монгол скія и тюркскія племена, которыя нахлынули на Россію, начина съ XIII вѣка и цѣлыхъ два столѣтія налагали на нее печать своег присутствія (ч. III, гл. XIV, стр. 343).

Въ 1857 году профессоръ геттингенскаго университета Бенфе напечаталъ въ бюлетенѣ Императорской Академіи Наукъ (т. XIV № 1. 2.) статью о буддійской рецензіи индѣйскаго сборника ра сказовъ Веталапанчавиншати, съ намѣреніемъ обратить внимані русскихъ ученыхъ на буддійскіе сборники и ихъ обработку и пе редѣлку у другихъ народовъ русской имперіи. Какъ явствуетъ из предисловія къ его переводу санскритскаго сборника сказокъ Пан чатантра, стр. XXIV, онъ приписываетъ владычеству монголовъ продолжавшемуся почти два столѣтія, распространеніе буддійских разсказовъ и сказокъ въ Европѣ: Отголосокъ этого мнѣнія мы встрѣчаемъ у г. Стасова: «очень вѣроятно, говоритъ онъ, что зна чительная часть этихъ сказокъ пришла въ западную Европу с востока, *перейдя черезъ Россію*» (ч. III, гл. X, стр. 639).

Нѣкоторыя сомнѣнія противъ такого взгляда я имѣлъ случаі высказать въ предисловіи къ изданнымъ г. Радловымъ въ нѣ мецкомъ переводѣ образцамъ народной литературѣ тюркских племенъ. Слѣдуетъ ли изъ того, что буддизмъ нынѣ процвѣтает у монгольскихъ племенъ внутри Россіи, что Монголы XIII столѣ тія были также буддійцами и распространителями индѣйской цивилизаціи? Время, когда эта религія принята торжественно государями Чингисова дома, достаточно извѣстно; не менѣе хорошо извѣстны религіозные обряды, съ которыми познакомились наши

великіе князья въ Ордѣ. На какомъ основаніи можно допустить, что Монголы и подчиненныя имъ тюркскія и другія племена были приверженцами буддизма и вслѣдствіе этого знакомы съ обильнымъ матеріаломъ индѣйскихъ разсказовъ и сказокъ? Не столько первое знакомство Монголовъ и Калмыковъ, сколько слѣдовавшія за тѣмъ вторженія ихъ въ Тибетъ, приводили ихъ къ буддизму, самое сильное распространеніе котораго между монгольскими племенами началось только съ утвержденія власти Далай-Ламы. По большей части это случилось уже въ то время, когда русскимъ царямъ удалось избавиться отъ тягостнаго ига.

При всемъ томъ мы не умалчиваемъ, что буддизмъ уже въ раннее время проникъ къ тюркскимъ племенамъ. Изъ путешествія Hiouen thsang'a давно извѣстно, что буддизмъ имѣлъ своихъ приверженцевъ въ Туркестанѣ; не менѣе извѣстно, какую роль онъ игралъ у Уйгуровъ. Однако мы не видимъ, какимъ образомъ эти тюркскія племена, жившія въ дальнемъ разстояніи отъ Славянъ, могли имѣть такое вліяніе, какое предполагаетъ г. Стасовъ.

Источниками для изслѣдованія г. Стасова служили преимущественно слѣдующія сочиненія:

1) Переводы индѣйскихъ эпическихъ поэмъ, Махабараты, Рамаяны и Харивансы;

2) Сборникъ индѣйскихъ сказокъ Ката-Саритъ-Сагара, состав. Сомадевою;

3) Сборникъ буддійскихъ легендъ, извѣстный подъ именемъ Дзанглунъ;

4) Персидская поэма ШахъНамэ;

5) Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, изданные г. Радловомъ; кромѣ того г. Стасовъ имѣлъ возможность пользоваться 3-мъ еще неизданнымъ томомъ этого труда, заключающимъ въ себѣ поэтическія произведенія киргизовъ;

6) Сказанія о подвигахъ Гессеръ-Хана;

7) Эпическія творенія Калмыковъ, извѣстныя подъ названіемъ Джангаріады.

Изъ этихъ сочиненій, по мнѣнію г. Стасова, наибольшее значеніе для изслѣдованія о «Происхожденіи русскихъ былинъ» имѣютъ образцы тюркскіе и поэтическія произведенія Монголовъ и Калмыковъ, причемъ онъ не отрицаетъ, что мотивы, перешедшіе къ намъ непосредственно отъ этихъ народовъ, могутъ быть древне-арійскаго происхожденія.

Во многихъ мѣстахъ своего изслѣдованія, г. Стасовъ прини-

маетъ два періода произведеній индѣйской фантазіи, а именно дре
нѣйшій—брахманскій и новѣйшій—буддійскій; къ первому, кро
эпическихъ поэмъ, онъ причисляетъ сборникъ сказокъ Сомадев
жившаго въ концѣ XII столѣтія. Но такое раздѣленіе ничѣмъ
оправдывается. Буддійскія легенды сборника Дзанглунъ принад
жатъ къ древнѣйшимъ разсказамъ; Дзанглунъ есть не перево
непосредственно индѣйскаго текста, а китайская редакція инд
скаго оригинала, легенды же, встрѣчающіяся въ немъ, находят
не только въ сборникахъ Кармашатака и Аванадашатака въ Ка
джурѣ, но и въ отдѣльныхъ сутрахъ древнейшаго времени. Поэто
г. Стасовъ ошибается, называя это сочиненіе *тибетскою* поэмо
(ч. II, стр. 676), принимая что въ Дзанглунѣ находится редак
болѣе поздняя, чѣмъ въ сборникѣ Сомадевы (ч. II, стр. 241),
помѣщая Дзанглунъ между Гессеръ-Ханомъ и Джангаріадою (ч. I
стр. 624). Нѣкоторыя изъ индѣйскихъ легендъ, содержащихся
Дзанглунѣ, сообщены по переводамъ съ санскритскаго подлинни
въ знаменитомъ сочиненіи Бюрнуфа Introduction à l'histoire
buddhisme; по мнѣнію г. Стасова, эти легенды, какъ напримѣр
Пурнѣ и о Сангаракшитѣ, суть произведенія позднѣйшаго време
и именно потому только, что, по его мнѣнію, такъ называемый б
дійскій періодъ моложе брахманскаго. Хотя ученые, занимающі
изслѣдованіемъ буддизма, все болѣе и болѣе убѣждаются въ то
что буддійская литература заимствовала многое изъ эпически
поэмъ и другихъ произведеній брахмановъ, такъ какъ она ста
лась впослѣдствіи усвоить себѣ всѣ богатства брахманской у
ности; однако, съ другой стороны, даже самый ранній періодъ б
дизма представляетъ намъ величайшее обиліе разсказовъ, сказа
и сказокъ, почерпнутыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, изъ устъ сам
народа. Такіе разсказы не оставались неизвѣстными противника
буддистовъ, и этимъ легко объясняется почему столь большое
личество буддійскихъ мотивовъ встрѣчается въ сборникѣ Со
девы, который далъ имъ форму, соотвѣтствующую его ближайши
цѣлямъ.

Далѣе г. Стасовъ принимаетъ, что буддійскіе оригиналы р

---

*) Подобнымъ образомъ (во 2-й части стр. 239) Джинначенно не *тибет*
брахманъ, а Гедонъ не *тибетскій* царевичъ; Тибетцы переводятъ, по возм
ности, всѣ имена собственныя Индѣйцевъ; первое изъ этихъ именъ по с
критски Махāдāна (великій даръ) другое было, вѣроятно, Шуб'ārт'а (бл
мнѣніе).

пространялись въ Россію чрезъ посредство тюркскихъ племенъ, напр. во 2-й части на стр. 685, гдѣ онъ предполагаетъ, что оригиналъ разсказа объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ отчасти содержится въ одной изъ пѣсенъ Шорцевъ. Но именно это сближеніе доказываетъ, что основательное знакомство съ буддизмомъ не позволило бы ему видѣть *буддійское* религіозное міросозерцаніе въ томъ, что тамъ говорится о девяти мудрецахъ. Вообще надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ и сказкахъ сибирскихъ Татаръ сохранились отголоски не только буддійскіе, но и другіе, указывающіе на древнія сношенія этихъ племенъ съ Ираномъ. Какое вліяніе имѣла религія древняго Ирана на Монголовъ, видно между прочимъ по нѣкоторымъ сохранившимся иранскимъ именамъ и терминамъ для обозначенія буддійскихъ понятій *).

Что касается до Гессеръ-Хана, то монгольскія редакціи этого собственно тибетскаго сочиненія едва ли давно извѣстны въ странахъ, гдѣ Русскіе имѣли ближайшія сношенія съ монгольскими племенами. Тоже самое должно сказать и о калмыцкой Джангаріадѣ; поэтому и нельзя, вмѣстѣ съ г. Стасовымъ (въ ч. III, на стр. 622), допустить, чтобы богатырь Хонгоръ, обращающійся къ Далай-Ламѣ и его талисману, былъ первообразомъ Ильи Муромца, который обращается къ Николаю Можайскому (ср. ч. II, стр. 671).

Если г. Стасовъ въ древнихъ индѣйскихъ эпопеяхъ находитъ первообразы русскихъ былинъ и удивляется множеству *важныхъ подробностей*, сходственныхъ въ разсказахъ о Кришнѣ и въ былинахъ о Добрынѣ, то мы невольно принуждены обратить вниманіе г. Стасова на слова Макса Мюллера, приведенныя имъ же самимъ, на стр. 328 (ч. III): «Правила управляющія словами, съ одинакою силою прилагаются и къ сравнительному анализу легендъ. Когда мы находимъ въ санскритскомъ языкѣ слова точь въ точь тѣ самыя, что въ греческомъ, мы уже знаемъ, что это не могутъ быть одни и тѣ же слова... Если бы это были одни и тѣ же слова, они непремѣнно гораздо больше были бы непохожи одно на другое....» При тщательномъ разсмотрѣніи этого вопроса г. Стасову придется сознаться, что сходственныя черты, въ разсказѣ о Кришнѣ и въ былинѣ о Добрынѣ не даютъ никакого права высказать, что «въ нашихъ пѣсняхъ умѣстилось повѣствованіе объ одной изъ знаменитѣйшихъ и величайшихъ личностей древняго востока (ч. II, стр. 644). Если въ самомъ дѣлѣ мотивъ, встрѣчающійся въ раз-

*) Ср. мое предисловіе къ Образцамъ г. Радлова, т. I, стр. X и т. II, стр. XI.

сказѣ о Кришнѣ одинъ и тотъ же съ разсказомъ о Добрынѣ,
остается только возвратиться къ тому мнѣнію, что основаніе
обоихъ разсказовъ служитъ миѳъ или разсказъ древне-арійск
Попытки возстановить изъ матеріала языковъ арійскаго происхо
денія древнѣйшую звуковую систему и грамматическія фор
древне-арійскаго языка могутъ служить для насъ доказательство
того, какимъ видоизмѣненіямъ подвергся первобытный языкъ
дальнѣйшемъ своемъ развѣтвленіи, вслѣдствіе мѣстныхъ усло
и чрезъ вліяніе чужихъ сосѣднихъ элементовъ. Разсказы, извѣ
ные древне-арійцамъ, какъ предметы, зависящіе болѣе чѣмъ зву
и формы грамматическія отъ свободной игры фантазіи, долж
были подвергаться еще бо́льшимъ измѣненіямъ. Безъ сомнѣн
древніе Арійцы владѣли извѣстнымъ капиталомъ такихъ разс
зовъ уже по той причинѣ, что они находились на ступени осѣдл
жизни. Только изслѣдованія новѣйшаго времени, обращающія вн
маніе на психическія отношенія разныхъ народовъ на различны
ступеняхъ цивилизаціи, доказали, что не только на высшихъ ст
пеняхъ культуры встрѣчаются разсказы, служащіе для увеселе
отдыхающихъ тружениковъ, но что и народы, находящіеся на н
шихъ ступеняхъ, обладаютъ подобными средствами освѣжать св
умственныя силы. Должно надѣяться, что этотъ этнологичес
вопросъ не ускользнетъ отъ вниманія путешественниковъ и по
тителей странъ еще мало извѣстныхъ, и что со временемъ о
найдетъ для себя основательныхъ изыскателей. Теперь достаточ
будетъ указать напр. на разсказы Самоѣдовъ, находящихся еще
ступени кочеваго быта и рыболовства, и Юкагировъ, промышля
щихъ охотою. Замѣчательно, что даже у Самоѣдовъ встрѣчают
слѣды чужаго вліянія, напр. отголоски индѣйскихъ сказокъ о
рояхъ, прилетающихъ на волшебной птицѣ для поданія помо
Это вліяніе чужихъ элементовъ возрастаетъ въ той мѣрѣ, ка
народы вступаютъ во взаимныя между собою отношенія; путе
торговли обмѣниваются не только товары, но и произведенія ф
тазіи. Примѣры того доставляютъ намъ не только древній м
семитическихъ и классическихъ народовъ, но и исторія наше
отечества. Не столько грозное владычество монголовъ, сколь
времена предшествовавшія его періоду, обогащали Русскихъ
выми разсказами или способствовали къ видоизмѣненію уже суп
ствовавшихъ въ русской землѣ. Стоитъ только вспомнить важн
торговые пункты—великій Новгородъ и знаменитое Висби. Таки
образомъ легко объясняется, почему нашъ Илья попалъ въ ска

динавскія саги и наоборотъ разсказъ о Зигурдѣ и Брюнгильдѣ оставилъ по себѣ слѣды въ былинѣ о Святогорѣ, везущемъ на плечахъ жену свою богатырскую въ хрустальномъ ларцѣ. Вообще трудно отрицать вліяніе скандинавскаго элемента, дѣйствовавшее не только путемъ торговли, но и вслѣдствіе событій варяжскаго періода русской исторіи. Вліяніе этого элемента на народы финскіе довольно ясно не только въ эпическихъ пѣсняхъ Финновъ и Эстовъ, въ Калевалѣ и Калевипоэгѣ, но и въ сказкахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я имѣлъ случай указать на то замѣчательное обстоятельство, что именно у Эстовъ сохранились слѣды древнѣйшаго періода скандинавскаго язычества, когда преобладало поклоненіе громовержцу Тору, между тѣмъ какъ въ Калевалѣ очевидно вліяніе Одиновой религіи, болѣе просвѣщенной и составлявшей достояніе болѣе образованныхъ слоевъ общеста. По всей вѣроятности, Варяги, пришедшіе въ Россію, находились подъ вліяніемъ обоихъ фазисовъ. Воины, особенно предводители и члены дружины, безъ всякаго сомнѣнія были поклонниками Одина и притомъ не чужды высшаго образованія, съ которымъ находятся въ связи скандинавскіе скальды. Мнѣ кажется, что при изслѣдованіи русскихъ былинъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какое вліяніе имѣлъ тотъ скандинавскій элементъ на преданія и сказанія, находившіяся у Славянъ, обитавшихъ въ Россіи. Если даже въ Несторовой лѣтописи встрѣчаются разсказы скандинавскаго происхожденія, напр. о завоеваніи города Коростели, то очень вѣроятно, что и пѣвцамъ варяжскаго времени были знакомы скандинавскіе мотивы.

Но кромѣ этого сѣвернаго вліянія было еще западное и южное. Присутствіе нѣмецкихъ торговцевъ въ Новгородѣ представляется обстоятельствомъ очень важнымъ въ этомъ отношеніи. Съ принятіемъ христіанской религіи является новый элементъ, христіанскій, знакомящій русскихъ съ мотивами, заимствованными изъ св. Писанія, и съ сказочнымъ капиталомъ Византійцевъ *), который, впрочемъ былъ уже отчасти извѣстенъ скандинавскимъ витязямъ.

Наконецъ, нельзя умолчать и о другихъ сосѣдяхъ, окружавшихъ русскихъ Славянъ; не только племена, находившіяся въ связи съ западною культурою, но и инородцы тюркскаго происхожденія обмѣнивались съ Русскими. Разсказы восточные переходили къ

*) Кстати здѣсь упомянуть, что, по замѣчанію академика Наука, нельзя не узнать въ камешкѣ *антавентъ* исковерковаппаго греч. ἀδαμαντ (Имен. ἀδάμας); ср. ч. III, стр. 305.

намъ изъ Персіи, черезъ посредство тюркскихъ племенъ; з
очевидно, изъ тѣхъ данныхъ, которыя г. Стасовъ сообщаетъ
Ерусланѣ Лазаревичѣ *); эта персидская цивилизація еще замѣт
во всѣхъ почти сказкахъ у инородцевъ Кавказа напр. у Аваро
Казыкумыковъ, Чеченцевъ и др.; мы поражаемся здѣсь удивите
нымъ сходствомъ ихъ съ сказками, находящимися теперь въ об
щеніи въ Россіи. Едва ли до сихъ поръ успѣли оцѣнить всю в
ность роли этихъ тюркскихъ племенъ. Они тѣмъ замѣчатель
что между ними находятся элементы, принадлежавшіе прежде д
гимъ народностямъ. Изъ путешествій Кастрена намъ извѣстно,
какою быстротою разныя племена въ Сибири отатарились;
только самоѣдскія, остяцкія, но даже русскія и по всей вѣроятно
даже племена татарскія (тюркскія), живущія нынѣ въ южной Р
сіи и въ Крыму, отчасти по силѣ уподобленія поглощали дру
народности, напр. Готѳовъ, Италіянцевъ и проч. Неужели наро
потерявшіе черезъ это уподобленіе прежніе свои языки, въ т
время лишились всѣхъ воспоминаній дѣтства, всего разсказочн
запаса? Даже въ случаѣ, если это такъ, если дѣйствительно в
этотъ запасъ исчезъ изъ ихъ памяти, мы не можемъ не призн
того удивительнаго таланта, съ которымъ тюркскія племена
принимали въ разныя эпохи своего существованія прекраснѣй
поэтическія произведенія своихъ сосѣдей; у нихъ встрѣчаются
только разсказы иранскіе и буддійскіе (полученные частью чер
посредство Монголовъ), но и западные, и въ томъ числѣ преи
щественно русскіе, какъ это видно изъ образцевъ, собранны
Радловымъ. Въ предисловіи къ II-му тому сборника этихъ об
цевъ, я указалъ не только на вещественныя заимствованія, но
русскія слова въ этихъ текстахъ, изобличающія источники,
коихъ эти разсказы заимствованы разными татарскими племен

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мое мнѣніе соверше
противорѣчитъ мнѣнію г. Стасова, и что я не только не согла
съ позднимъ заимствованіемъ нашимъ народомъ восточныхъ раз
зовъ чрезъ посредство тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, но
напротивъ того я полагаю, что разсказы русскіе, вмѣстѣ съ
жими элементами скандинавскаго сѣвера, распространились
этимъ племенамъ чрезъ вліяніе новгородскихъ промышленник

---

*) По звуковой системѣ татарскихъ языковъ, звукъ *р* не можетъ
въ началѣ слова, почему и произошли формы *Урусланъ* и *Арашъ* вмѣ
Рустемъ и *Ракшъ*.

и нашихъ удалыхъ казаковъ. Такъ, могло случиться, что слѣды главнаго богатыря западныхъ Финновъ и Эстовъ встрѣчаются въ Сусунскомъ заводѣ алтайскаго горнаго округа, а именно Колывана Ивановича (ср. извѣстія II Отд. Импер. Акад. Наукъ, т. II, стр. 161, въ собраніи Кирѣевскаго, т. I, стр. 7); тоже самое должно замѣтить и относительно Самсона (у Кирѣевскаго, т. I, стр. 45—144) и Ивана Колывановичей.

Хотя г. Стасовъ, по нашему мнѣнію, не успѣлъ доказать восточное произведеніе русскихъ былинъ, совершившееся будто бы въ очень поздное время, т. е. начиная съ XIII столѣтія, черезъ вліяніе монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, обладавшихъ бо́льшимъ числомъ древне-азіятскихъ мотивовъ въ позднѣйшей буддійской редакціи, и хотя мы напротивъ того убѣждены, что буддійскія редакціи древнѣе другихъ и ближе чѣмъ что нибудь другое къ древне-арійскимъ первообразамъ, такъ что уже этимъ самимъ могло бы объясниться то бо́льшее сходство, которое г. Стасовъ находитъ въ буддійскихъ мотивахъ съ нѣкоторыми чертами русскихъ былинъ,—мы не можемъ однако отрицать, что трудъ г. Стасова все-таки весьма замѣчателенъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ критическій взглядъ его на русскихъ богатырей. Возставъ противъ національныхъ выводовъ прежнихъ изслѣдователей, выставивъ сентиментальность, съ которою они старались характеризовать Добрыню, Илью Муромца и прочихъ богатырей, этихъ, по ихъ мнѣнію, представителей разныхъ сторонъ древне-русскаго быта, г. Стасовъ чрезъ это самое заставляетъ хладнокровнѣе смотрѣть на особенности нашей эпической поэзіи, подверженной впрочемъ общимъ законамъ этого рода поэзіи; чрезъ это онъ безспорно снискалъ право на признаніе за нимъ заслуги въ отношеніи отечественной словесности. Кромѣ того нельзя не принять въ соображеніе тщательность, съ которою г. Стасовъ представляетъ намъ всѣ подробности богатырскаго быта, какимъ онъ является въ русскихъ былинахъ и въ произведеніяхъ восточной поэзіи, а именно у сибирскихъ Татаръ. Наконецъ, необыкновенная начитанность автора придаетъ не малое значеніе его сочиненію. Принимая въ соображеніе всѣ эти достоинства изслѣдованія о «Происхожденіи русскихъ былинъ», мы полагаемъ, что Академія поступитъ справедливо, если присудитъ автору поощрительную Уваровскую премію.

ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ СВЯЩ. М. ГОРЧАКОВА:

«Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Опытъ историко-юрид скаго изслѣдованія. С.-Петербургъ 1868 г.»

Профессора И. Д. Бѣляева.

Настоящій трудъ отца М. Горчакова принадлежитъ къ ряду тѣхъ трудовъ въ нашей историко-юридической литерат которые должны обращать на себя особенное вниманіе всѣхъ нимающихся историко-юридическими изслѣдованіями. Онъ основ на строгомъ изученіи памятниковъ нетолько печатныхъ, для даго доступныхъ, но и древнихъ письменныхъ, хранящихся въ ныхъ архивахъ, далеко не для каждаго доступныхъ и требуюш значительнаго приготовленія для того, чтобы пользоваться ими лежащимъ образомъ. Написать настоящую книгу можетъ то тотъ, кто добросовѣстно посвятилъ себя изученію избраннаго п мета и многосторонне приготовился къ подобной работѣ; здѣсь основано не просто на фактахъ, но на фактахъ изученныхъ, об дованныхъ, сравненныхъ и очищенныхъ; здѣсь тѣ или другія, бытыя научныя данныя, нужно было извлекать съ большимъ домъ изъ немногихъ отрывочныхъ слѣдовъ, оставленныхъ преж жизнію общества.

Настоящій трудъ отца Горчакова разпадается на двѣ ча въ одной части представлены явленія церковной государствен юридической жизни въ Россіи, вызвавшія, какъ историческую обходимость, учрежденіе монастырскаго приказа въ 1649 и годахъ, а въ другой части изображено состояніе, права, дѣят

ность и исторія монастырскаго приказа по эпохамъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ его судьбѣ и въ развитіи вопросовъ, для которыхъ онъ существовалъ.

Первую главу авторъ посвящаетъ изложенію обстоятельствъ вызвавшихъ учрежденіе монастырскаго приказа въ 1649 году. Онъ начинаетъ это изложеніе съ самаго введенія христіанства въ Россіи и съ церковныхъ уставовъ Владиміра Равноапостольнаго и сына его Ярослава, которые въ продолженіе шести вѣковъ были основнымъ законоположеніемъ, опредѣляющимъ общественное положеніе христіанской церкви въ Россіи. По изслѣдованію, въ продолженіе всего этого длиннаго періода законодательство довольствовалось только немногими прибавленіями и видоизмѣненіями сихъ первоначальныхъ уставовъ и не предпринимало никакихъ радикальныхъ реформъ. Между тѣмъ какъ гражданское общество и государство въ продолженіе этого времени потерпѣло въ законодательствѣ и вообще въ своемъ строѣ весьма важныя измѣненія; такъ что, по словамъ автора, церковь къ концу этого періода очутилась далеко въ неудовлетворительныхъ и сильно запутанныхъ гражданскихъ отношеніяхъ къ обществу и государству, особенно относительно гражданской подсудности духовенства и лицъ подвластныхъ церковнымъ учрежденіямъ въ силу служебныхъ и владѣльческихъ отношеній и относительно владѣнія вотчинами. Главную причину запутанностей авторъ полагаетъ въ многочисленныхъ привилегіяхъ, въ различное время данныхъ тѣмъ или другимъ церковнымъ учрежденіямъ и лицамъ относительно гражданской подсудности и землевладѣнія. Дѣйствительно привилегіи, какъ частныя исключенія, ежели онѣ такъ многочисленны, что изъ за нихъ мудрено и замѣтить общій строй и порядокъ, должны естественно вести къ запутанности; но едва-ли можно согласиться, чтобы запутанность, произведенная привилегіями, была основною причиною, вызвавшею учрежденіе монастырскаго приказа въ 1649 году;—причина эта лежала гораздо глубже; привилегіи можно бы было отмѣнить, и тѣмъ уничтожить запутанность отношеній. Задачею же монастырскаго приказа, какъ говоритъ самъ авторъ, былъ не одинъ вопросъ о гражданской подсудности духовенства, который бы могъ быть разрѣшенъ отмѣною судебныхъ привилегій, но и еще важнѣйшій вопросъ, объ отчужденіи отъ церкви вотчинъ и о передачѣ ихъ государству. А причину, вызвавшую этотъ громадный вопросъ, должно искать не въ запутанности отношеній, обусловленной многочисленными привилегіями, а въ измѣненіи отношеній землевладѣнія къ государству и

къ службѣ; но авторъ, къ сожалѣнію, вовсе не обратилъ вниманія
эту важную историческую причину, вызвавшую учрежденіе мон
стырскаго приказа съ его главными задачами о гражданской по
судности духовенства и объ отчужденіи вотчинъ отъ церкви д
передачи ихъ государству; отъ чего настоящая глава, заключающ
въ себѣ много историческаго интереса, замѣтно страдаетъ одн
сторонностію и какъ бы не доконченностію; она отвѣчаетъ толь
на первую задачу Монастырскаго приказа, и вовсе не касается вт
рой задачи важнѣйшей по своему содержанію.

Вторая глава говоритъ о правахъ и дѣятельности монасты
скаго приказа въ 28 лѣтній періодъ его существованія, отъ откр
тія въ 1649 г. и до закрытія въ 1677 году. По словамъ автора,
учрежденіи монастырскаго приказа осуществлена была мысль о по
судности духовенства и подвластныхъ ему лицъ въ дѣлахъ гра
данскихъ государственной судебной власти. Приказъ былъ поста
ленъ высшимъ центральнымъ судебнымъ мѣстомъ для всей Рос
и съ тѣмъ вмѣстѣ ниспія инстанціи суда по гражданскимъ дѣла
духовенства перешли отъ церкви къ судебной гражданской влас
Затѣмъ авторъ говоритъ объ отличіяхъ суда по гражданскимъ д
ламъ духовенства отъ таковаго же суда между свѣтскими лицами
о составѣ монастырскаго приказа. По изслѣдованію автора, въ это
отношеніи устройство монастырскаго приказа по уложенію страда
крайнею неопредѣленностію, подававшею поводъ къ разнымъ
трудненіямъ духовныхъ лицъ въ отношеніи къ суду гражданско
Таже неопредѣленность, по словамъ автора, выказывается въ оп
дѣленіи круга дѣятельности этого приказа. По уложенію, онъ являет
исключительно судебнымъ учрежденіемъ. Въ исторіи же онъ о
зывается и финансовымъ, отчасти административнымъ и даже
лицейскимъ учрежденіемъ по отношенію къ предметамъ чисто це
ковнымъ. Но авторъ кажется напрасно укоряетъ монастырскій пр
казъ въ неопредѣленности круга его дѣятельности; этотъ прика
имѣлъ совершенно одинаковый характеръ всѣхъ приказовъ то
времени; всѣ они были вмѣстѣ и судебными и административны
и финансовыми и даже полицейскими учрежденіями относитель
лицъ и учрежденій имъ подвѣдомыхъ, точно такой же характе
мы находимъ въ приказахъ стрѣлецкомъ, пушкарскомъ, иноземно
аптекарскомъ и другихъ; всѣ они представляли казенное управ
ніе тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ во всѣхъ дѣлахъ; точно так
и монастырскій приказъ былъ казеннымъ управленіемъ надъ ду
венствомъ и лицами, съ нимъ связанными; слѣдовательно тутъ бы

полная опредѣленность только не по разрядамъ дѣлъ, а по лицамъ и учрежденіямъ, подвѣдомымъ приказу. Какъ церковь въ прежнее время и по суду и по администраціи и въ финансахъ и въ полиціи вѣдалась и управлялась самостоятельно сама собою; точно также съ учрежденія монастырскаго приказа, какъ органа казеннаго управленія, все относящееся до церкви должно было перейти въ его вѣдѣніе. И патріархъ Никонъ и соборъ 1667 года возставали на монастырскій приказъ не за неопредѣленность его отношеній, а за принципъ казеннаго управленія церковію. Патріархъ Никонъ писалъ: «божественные законы не повелѣваютъ мірскимъ людямъ возложенными Господеви обладати движимыми и недвижимыми вещьми, ниже судити». А соборъ 1667 года прямо постановилъ: воеводамъ, монастырскому приказу и прочимъ свѣтскимъ приказамъ не производить суда надъ духовенствомъ; и Государь утвердилъ постановленіе собора, и тѣмъ написалъ приговоръ самому монастырскому приказу, который въ 1677 году наконецъ былъ закрытъ высочайшимъ указомъ.

Глава третія содержитъ въ себѣ изложеніе историческихъ явленій, вызвавшихъ Петровскій монастырскій приказъ. Здѣсь авторъ волей неволей долженъ былъ обратиться къ перемѣнѣ отношеній въ поземельномъ владѣніи, какъ къ одной изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ учрежденіе монастырскаго приказа, на что онъ не обратилъ надлежащаго вниманія въ первой главѣ, гдѣ было настоящее мѣсто этому важному вопросу. Но и здѣсь онъ не затронулъ главнаго и основнаго вопроса, о перемѣнѣ отношеній во всѣхъ разрядахъ поземельнаго владѣнія, по которому правительство, вызванное историческимъ развитіемъ государственной жизни, постоянно стремилось къ тому, *чтобы вообще земля изъ службы не выходила*, для чего оно даже частную поземельную собственность, т. е. вотчины служилыхъ людей почти сравнило съ помѣстьями въ отношеніи къ государственной службѣ, и мало по малу достигло того, что къ XVIII столѣтію уже устранилось всякое различіе между помѣстными и вотчинными землями служилыхъ людей, такъ что и тѣ и другія получили общее названіе недвижимыхъ имуществъ. Вмѣсто этого общаго принципа, послужившаго основаніемъ сперва по стоглаву къ ограниченію пріобрѣтенія вотчинъ церковными учрежденіями, а потомъ и къ постепенной секуляризаціи монастырскихъ и другихъ церковныхъ вотчинъ, авторъ выставилъ нѣсколько частныхъ случаевъ секуляризаціи въ царствованія Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича, которые сами по себѣ

были не больше какъ послѣдствія, вытекшія изъ принципа, что
земля изъ службы не выходила, а отнюдь не были причиною в
вавшею стремленіе къ секуляризаціи. Отъ чего по изложенію
тора выходитъ, что Петръ великій въ 1700 году возстанов
монастырскій приказъ съ прямою цѣлію секуляризовать всѣ п
ковныя вотчины потому, что его дѣду и отцу удалось отнять
сколько вотчинъ у архіереевъ и монастырей. Это нѣкоторымъ
разомъ даже высказывалъ самъ авторъ; онъ на страницѣ 107
воритъ: «Такимъ образомъ путемъ законодательства значитель
часть лицъ и владѣній, принадлежавшихъ духовенству, перешла
полную собственность государства. Слѣдовательно въ законодат
ствѣ XVII вѣка проведена уже была мысль, что государство
жетъ обращать въ свою собственность принадлежавшія цер
нымъ властямъ и учрежденіямъ поземельныя населенныя имѣн
Придерживаясь этой мысли, авторъ съ изумительною настой
востію собралъ въ настоящей главѣ множество частныхъ случа
отчужденія церковныхъ вотчинъ въ пользу Государства, бывш
какъ въ XVI такъ и въ XVII столѣтіяхъ; но конечно частные
чаи, какъ бы они ни были многочисленны, ни когда не замѣн
принципа, изъ котораго они вытекаютъ, какъ необходимыя пос
ствія. А по сему въ настоящей главѣ возобновленіе Монастырск
приказа является какъ бы произвольнымъ и неимѣющимъ и
рическаго основанія, не смотря на всѣ старанія автора мотивиров
его и дать ему историческое начало.

Глава четвертая излагаетъ исторію Монастырскаго при
1701 — 1720 годовъ. Эта глава отличается особенною отдѣл
какъ въ отношеніи къ изложенію, такъ еще болѣе по тщательн
отысканію памятниковъ относящихся къ настоящему предмету; т
что все изложеніе настоящей главѣ есть воспроизведеніе под
ныхъ свидѣтельствъ, живо и наглядно изображающихъ постепе
развитіе Петровскаго монастырскаго приказа. Здѣсь авторъ,
жется, не опустилъ ничего, чтобы могло способствовать къ полн
изслѣдованія данной задачи.

Авторъ пишетъ: «Января 24-го дня 1701 года изданъ имен
указъ, въ которомъ повелѣвалось: Домъ святѣйшаго патріарх
домы же архіерейскіе и монастырскія дѣла вѣдать боярину Ив
Алексѣевичу Мусину—Пушкину, а съ нимъ при тѣхъ дѣлахъ бы
дьяку Ефиму Зотову, и сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палат
гдѣ былъ патріаршій разрядъ, и писать монастырскимъ приказо
а въ приказѣ Большаго дворца монастырскихъ дѣлъ невѣдать

прежнія дѣла отослать въ тотъ же приказъ». Вотъ начало Петровскаго монастырскаго приказа. По положенію своему въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій этотъ приказъ, по словамъ автора, явился высшимъ центральнымъ для всей Россіи, по особому вѣдомству, учрежденіемъ, спеціально посвященнымъ, въ общемъ итогѣ его дѣятельности, преобразовательнымъ цѣлямъ Петра по отношенію къ церкви. «По личному составу своему Монастырскій приказъ въ періодъ отъ 1701 по 1720 годъ былъ весьма простъ и несложенъ, какъ и всѣ учрежденія приказной системы. Во главѣ его стоялъ бояринъ, который иногда, весьма рѣдко, назывался судьею. При немъ было четыре дьяка, и при нихъ подъячіе и приказные люди, которые различались между собою по количеству получаемаго жалованья, по особымъ степенямъ или статьямъ и по повытьямъ, которыя поручались имъ: Штатъ ихъ сначала не былъ опредѣленъ закономъ или правилами. Назначеніе ихъ на службу зависѣло исключительно отъ боярина. Но число ихъ ограничивалось количествомъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе приказа. При Мусинѣ Пушкинѣ старыхъ подъячихъ было 20, среднихъ 8 и молодыхъ 71 человѣкъ. Повытья назывались большею частію по именамъ старыхъ подъячихъ, ими завѣдывавшихъ. Для исполненія по дѣламъ приказа были при немъ пристава окладные (5 человѣкъ); получавшіе опредѣленное жалованье, и неокладные (17 человѣкъ); для карауловъ и посылокъ служили драгуны набору Монастырскаго приказа отставные солдаты. Содержаніе приказа получалось изъ его доходовъ. Все это значится въ росписи Монастырскаго приказа 1701 года, отысканной авторомъ въ архивѣ Святѣйшаго Синода. По штату 1715 года положено на монастырскій приказъ: два секретаря, два дьяка, 13 канцеляристовъ, 11 подканцеляристовъ 76 копіистовъ, и 30 драгуновъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ.

Но истинная заслуга автора въ настоящей главѣ заключается въ изложеніи разнообразнѣйшихъ предметовъ вѣдомства Монастырскаго приказа. Авторъ съ особенною тщательностію собралъ свѣдѣнія о постепенномъ развитіи каждаго разряда дѣлъ въ Монастырскомъ приказѣ. Такъ прежде всего приказу велѣно было принять изъ подъ власти церковныхъ учрежденій въ свое вѣдѣніе всѣ вообще имущества и вотчины патріаршаго, архіерейскихъ домовъ и монастырей. Имущества при пріемѣ должны быть приведены въ извѣстность, переписаны. При чемъ первая перепись продолжалась около шести лѣтъ. Затѣмъ въ 1707 году на основаніи частныхъ переписныхъ книгъ была составлена приказомъ общая генераль-

ная табель, въ которой были опредѣлены доходы приказа со всѣ
вотчинъ его вѣдомства и окладные расходы. Потомъ въ 1709
по разпоряженію приказа была составлена новая перепись, а
1710 году по указу изъ разряда поручено было составить нов
переписныя книги, изъ которыхъ въ приказѣ составилась
вая генеральная табель 1710 года. Наконецъ въ 1715 году
ставлена новая перепись извѣстная подъ именемъ ландратской.
несмотря на всѣ сіи переписи, стоившія многихъ усилій и изд
жекъ, монастырскія и вообще церковныя имущества, состояв
въ вѣдѣніи монастырскаго приказа не были приведены въ извѣ
ность. Авторомъ представлено нѣсколько весьма любопытныхъ с
тистическихъ данныхъ о числѣ крестьянскихъ дворовъ бывш
въ разное время въ завѣдываніи Монастырскаго приказа, а та
о числѣ крестьянскихъ дворовъ оставленныхъ за монастырям
другими церковными учрежденіями.

Вторымъ разрядомъ дѣлъ монастырскаго приказа было упр
леніе всѣми патріаршими, архіерейскими, монастырскими и цер
ными вотчинами, которыя образовали собою особое вѣдомст
части котораго были разсыпаны по всей Россіи. Монастыр
приказъ въ отношеніи къ сему вѣдомству былъ центральнымъ
стомъ управленія. Ему было предоставлено устроить вновь
управленіе своего вѣдомства съ тѣмъ, чтобы прежніе владѣль
не могли стѣснять воли государства въ ихъ владѣніяхъ. Отстран
отъ всѣхъ вотчинъ прежнихъ владѣльцевъ, онъ призвалъ къ упр
ленію отдѣльными частями своего вѣдомства патріаршихъ дворя
стольниковъ, монастырскихъ стряпчихъ, московскихъ разныхъ
новъ людей и разослалъ ихъ по всѣмъ сторонамъ государст
управленіе ввѣренными частями имъ было предоставлено въ п
ную волю безъ всякаго контроля; и ближайшимъ слѣдствіемъ
ковaго порядка, или лучше безпорядка, было совершенное раззо
ніе вотчинъ бывшихъ въ вѣдѣніи монастырскаго приказа; к
стьяне были одинаково раззоряемы какъ управителями присыл
мыми отъ монастырскаго приказа, такъ и мѣстными чиновника
всѣхъ вѣдомствъ, ихъ всѣ грабили и никто незащищалъ. Авто
на основаніи собранныхъ имъ данныхъ написалъ живую и вѣрн
картину всѣхъ безпорядковъ въ управленіи монастырскими и
обще церковными имѣніями; эта картина ясно указываетъ, ч
монастырскій приказъ, какъ-бы для того и былъ учрежденъ, что
разстроить и раззорить богатыя и хорошо устроенныя монаст
скія вотчины.

Въ 3-хъ Монастырскій приказъ, какъ учрежденіе государственное имѣлъ назначеніе устроить и обезпечить содержаніе тѣхъ церковныхъ учрежденій, отъ которыхъ переходили къ нему имущества. При самомъ учрежденіи приказа, ему было вмѣнено въ обязанность составить общую ружную книгу, которою предполагалось опредѣлить штатъ монастырей въ Россіи; но штата монастырей всей Россіи приказъ не установилъ, а только уничтожилъ нѣсколько монастырей. Авторъ собралъ много любопытныхъ свѣдѣній о различныхъ распоряженіяхъ приказа относительно устройства и обезпеченія церковныхъ учрежденій, имѣнія которыхъ поступили въ его вѣдѣніе. Свѣдѣнія сіи превосходно характеризуютъ дѣятельность монастырскаго приказа.

Въ 4-хъ Монастырскому приказу поручено завѣдываніе строительною частію въ церковныхъ учрежденіяхъ, ему переданы были изъ приказа Большаго дворца и строительныя книги и описи монастырскихъ зданій; и что либо измѣнить противъ сихъ описей, перестроивать и возводить вновь зданія не имѣли права ни монастырскія ни епархіальныя власти безъ разрѣшенія приказа. Монастырскій приказъ въ этомъ дѣлѣ скоро достигъ того, что въ 1708 году отъ монастырскихъ властей понеслись отовсюду жалобы, что монастырскія зданія и церкви вѣтшаютъ и разрушаются, что собственными средствами они поддержать ихъ не могутъ, все приходитъ въ великое разрушеніе и оскуденіе. Но относительно устройства приходскихъ церквей и причтовъ приказъ защищалъ ихъ отъ вмѣшательства воеводъ и другихъ властей и поручилъ церковнымъ старостамъ съ прихожанами представлять приходныя и разходныя книги ихъ на свою повѣрку.

Въ 5-хъ Монастырскій приказъ завѣдывалъ школами относительно ихъ содержанія, отчасти организаціи и суда; въ его вѣдѣніи были нетолько церковныя, но и нѣкоторыя свѣтскія школы; но есть жалобы такихъ людей, какъ Новгородскій митрополитъ Іовъ и Ростовскій св. Димитрій, что приказъ мало заботился о поддержаніи вновь заведенныхъ въ епархіяхъ школъ. Авторъ собралъ нѣсколько интересныхъ извѣстій о распоряженіяхъ монастырскаго приказа относительно устройства школъ.

Въ 6-хъ въ вѣдѣніи монастырскаго приказа находилась единственная еще тогда типографія а также печатаніе и продажа книгъ. Собранныя авторомъ распоряженія приказа по этому предмету представляютъ большій интересъ, и много неожиданностей.

Въ 7-хъ въ кругъ дѣятельности монастырскаго приказа вхо-

дили полицейско-благотворительныя дѣла, для которыхъ была
значена часть доходовъ съ церковныхъ вотчинъ; а посему въ
дѣніи приказа состояли надзоръ за бродячими нищими, богадѣл
и госпиталь. Приказомъ относительно этого предмета было сдѣл
довольно разпоряженій, извѣстія о которыхъ собраны наш
авторомъ и представляютъ довольно живую картину дѣятельно
приказа по дѣламъ благотворительности, особенно относител
помѣщенія отставныхъ военныхъ чиновъ по монастырямъ на
кормленіе.

Въ 8-хъ монастырскій приказъ былъ и судебнымъ учреж
ніемъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ для всѣхъ л
своего вѣдомства; по этому кругъ его судебнагò вѣдомства бы
очень обширенъ, и представляетъ много замѣчательныхъ ра
ряженій особенно въ отношеніи къ суду по уголовнымъ дѣла

Въ 9-хъ монастырскій приказъ имѣлъ отношенія и къ дѣл
чисто церковнымъ; здѣсь онъ былъ какъ-бы посредникомъ ме
царемъ и церковными учрежденіями до учрежденія Святѣйш
Сѵнода.

Въ 10-хъ наконецъ самый обширный разрядъ дѣятельно
монастырскаго указа составляли дѣла по финансовой части, въ в
которой онъ главнымъ образомъ и былъ возстановленъ Петр
Великимъ и которая предоставлена ему при самомъ его возста
леніи, и состояла въ его вѣдѣніи до самаго его уничтоженія.
вѣдомствѣ монастырскаго приказа отправлялись обще госуд
ственныя подати и повинности, одинакія съ другими податны
вѣдомствами, и особенныя производившіяся только въ немъ одн
общія государственныя подати и повинности, отправлявшіяся
вѣдомствѣ приказа, раздѣлялись 1) на табельныя или оклад
2) повсягодные сборы, 3) канцелярскіе, 4) запросные и 5) обр
ные. Окладныхъ сборовъ было 8 видовъ, повсягодныхъ дес
видовъ, канцелярскихъ и запросныхъ сборовъ по ихъ много
сленности и разнообразію нельзя и подвести подъ какіе либо ви
оброчныхъ сборовъ пять видовъ. Особенные спеціально принад
жавшіе монастырскому приказу сборы раздѣлились на тринадц
видовъ, изъ нихъ послѣдній тринадцатый видъ состоявшій с
ственно изъ церковныхъ пошлинъ раздѣлялся въ свою очередь
два разряда: на окладныя и неокладныя къ первому разряду п
надлежали: 1) дань съ церквей или денежныя пошлины архіер
2) казенныя пошлины въ Государеву казну, 3) десятильничій
ходъ и заѣзды, 4) богадѣленныя, 5) на подмогу полковымъ с

щенникамъ, 6) ямскія и полонничныя, 7) славленныя; въ неокладныхъ пошлинахъ считались: 1) Ставленныя, 2) благословенныя, 3) епитрахальныя и постихарныя, 4) новоявленныя, 5) наметныя, 6) почеревныя со вдовъ и дѣвокъ, и 7) вѣнечныя. При изчисленіи разныхъ сборовъ авторомъ собрано довольно статистическихъ данныхъ хорошо характеризующихъ то время, въ которое дѣйствовалъ Петровскій монастырскій приказъ. Правда при изслѣдованіи разныхъ сборовъ встрѣчается нѣсколько промаховъ и неудачныхъ объясненій, но безъ нихъ почти нельзя обойтится работая надъ разнообразнѣйшимъ сырымъ матеріаломъ, и при неудовлетворительномъ состояніи исторіи финансовъ въ Россіи.

Глава пятая. Монастырскій приказъ въ Синодальномъ вѣдомствѣ съ 1721—1725 годъ. Святѣйшій Синодъ въ первомъ же засѣданіи своемъ, 14 февраля 1721 года, представилъ Государю докладъ о разныхъ предметахъ, въ которомъ между прочими докладными предметами Синодъ испрашивалъ разрѣшенія: «патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины сборами и правленіемъ, которыя вѣдомы были въ монастырскомъ приказѣ, въ одной духовной коллегіи вѣдать-ли? — того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту? На этомъ пунктѣ Петръ Великій собственною рукою далъ резолюцію: «быть по сему». Такимъ образомъ по имянному указу, въ самый день открытія Синода патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, которыя были вѣдомы въ монастырскомъ приказѣ, повелѣно сборами и управленіями вѣдать въ одномъ Святѣйшемъ Синодѣ. Но Синодъ, какъ высшее церковно-правительственное учрежденіе, нашелъ неудобнымъ вѣдать вотчинами безъ особаго, подчиненнаго ему учрежденія и съ разрѣшеніе Государя снова возстановилъ монастырскій приказъ подъ Синодскимъ вѣдѣніемъ. Этотъ вновь возстановленный монастырскій приказъ явился во многихъ отношеніяхъ весьма отличнымъ отъ приказа 1701 года, онъ уже не былъ высшимъ государственнымъ самостоятельнымъ учрежденіемъ, но былъ уже учрежденіемъ второстепеннымъ состоящимъ въ совершенномъ подчиненіи Синоду, и въ зависимости отъ Сената, камеръ-коллегіи и штатсъ-конторъ коллегіи.

Этотъ приказъ съ первыхъ же дней своего учрежденія долженъ былъ преодолѣвать большія препятствія; Сенатъ и герольдія не давали ему чиновниковъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, такъ что онъ долженъ былъ пробавляться числомъ чиновниковъ совершенно недостаточнымъ для порядочнаго веденія дѣлъ возложенныхъ на него;

камеръ-коллегія съ своей стороны сначала вовсе игнорировала
вый монастырскій приказъ, а потомъ нѣсколько лѣтъ не высыл
окладныхъ и доимочныхъ книгъ и вѣдомостей, по которымъ со
рать подати; провинціальные чиновники Камеръ-Коллегіи прав
недоимки на крестьянахъ монастырскаго приказа, и дѣлали разн
затрудненія коммисарамъ и разнымъ сборщикамъ податей, посыл
мымъ отъ Приказа; потомъ изъ Камеръ-Коллегіи были присла
книги и вѣдомости о количествѣ крестьянскихъ домовъ невѣрн
и неточныя и противорѣчащія другимъ; такъ что по объяснени
монастырскаго приказа Государемъ было наряжено слѣдствіе о то
кто и почему и сколько недоимки запустилъ на вѣдомствѣ мо
стырскаго приказа. Наконецъ въ 1723 г. Приказъ послѣ мног
затрудненій и препятствій успѣлъ поустроиться и получить бо
опредѣленности, правильности и удобствъ къ надлежащему отпр
ленію государственныхъ сборовъ, и съ разрѣшенія Синода уста
вилъ новое административное дѣленіе своего вѣдомства, согла
съ обще-государственнымъ провинціальнымъ дѣленіемъ. Все вѣд
ство его по управленію раздѣлилось по провинціямъ, а не по ен
хіямъ, какъ было доселѣ, и въ каждую провинцію назначено по
вить особаго управителя, коммисара синодальной команды, и ком
сарамъ дали подробныя инструкціи, какъ вести дѣла. Новоустроен
му Приказу Синодъ опредѣлилъ слѣдующій кругъ дѣйствій: 1) Сб
податей и нарядовъ въ церковныхъ вотчинахъ, 2) судебная вла
въ епархіальныхъ и монастырскихъ вотчинахъ по дѣламъ гражд
скимъ, 3) производство слѣдствій по дѣламъ касающимся имущест
принадлежащихъ церковнымъ учрежденіямъ, 4) право распоря
нія оброчными статьями, принадлежащими церковному вѣдомс
5) отправленіе по монастырямъ отставныхъ военныхъ чиновъ
прокормленіе, 6) наблюдать чтобы государственныя подати и
винности отправлялись съ надлежащею исправностію и по указ
во всѣхъ церковныхъ вотчинахъ, какъ за опредѣленныхъ, так
неопредѣленныхъ; 7) Полицейская часть относящаяся до сыска б
лыхъ крестьянъ его вѣдомства и розысковъ подозрительныхъ
дей укрывающихся въ церковныхъ вотчинахъ. Кромѣ того при
долженъ былъ составлять общія вѣдомости по всѣмъ церковны
учрежденіямъ о приходахъ и расходахъ церковнаго вѣдомств
представлять ихъ въ Синодъ, въ ревизіонъ-Контору при Сенат
въ Камеръ-Коллегію, вѣдомости о числѣ дворянъ, оберъ-офицер
и дѣтей ихъ, состоящихъ въ вѣдѣніи церковныхъ учрежденій
вообще всякія вѣдомости о такихъ предметахъ, о которыхъ тр

вались въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ свѣдѣнія по всему вѣдомству церковныхъ учрежденій. Но лишь устроился приказъ и получилъ опредѣленный штатъ примѣнительно къ устройству Камеръ-Коллегіи, какъ Синодомъ представлено было назвать его коллегіею Синодальнаго правленія; но Сенатъ разпорядился переименовать его въ Камеръ-Контору Синодальнаго правительства. Именный указъ въ январѣ 1725 года возвѣстилъ объ этомъ переименованіи, съ которымъ прекратилось на всегда существованіе монастырскаго приказа.

Кратковременная исторія послѣдняго или иначе Синодальнаго монастырскаго приказа написана авторомъ по архивнымъ документамъ и представляетъ много интересныхъ подробностей превосходно характеризующихъ тогдашнее время; въ ней мы встрѣчаемъ указанія на соперничество разныхъ вѣдомствъ, которыя старались мѣшать другъ другу въ теченіи дѣлъ порученныхъ ихъ вѣдѣнію, и тѣмъ затрудняли новопостроенный Петромъ Великимъ механизмъ Государственнаго управленія. Авторъ въ небольшой исторіи монастырскаго Приказа съумѣлъ отыскать такія черты того времени, которыхъ исторія еще не замѣчала.

Къ концу книги авторъ приложилъ до пятидесяти документовъ Монастырскаго Приказа извлеченныхъ изъ главнаго Московскаго архива Министерства Юстиціи и состоящихъ изъ разныхъ распоряженій и вѣдомостей Приказа и представляющихъ много интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи перваго двадцати-пятилѣтія XVIII вѣка, такихъ свѣдѣній—въ которыхъ нуждалась исторія этаго времени, и которыя до сей поры не были извѣстны, покрайней мѣрѣ печатно.

Вообще настоящій ученый трудъ отца Горчакова, хотя имѣетъ нѣкоторыя крупные и мелкіе недостатки, частію замѣченные мною въ настоящей рецензіи, а частію по мелкости своей оставленные безъ замѣчанія; тѣмъ не менѣе въ итогѣ своемъ представляетъ замѣчательное явленіе въ современной историко-правовѣдной литературѣ въ нашемъ отечествѣ и даетъ значительный вкладъ въ сокровищницу отечественной науки, и по моему крайнему разумѣнію Императорская Академія Наукъ исполнитъ долгъ свой удостоивъ отца Горчакова искомой преміи.

— —

ОТЗЫВЪ

О КНИГѢ Г. ХРУЩЕВА:

«Изслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго.»

Н. И. Костомарова.

Императорская Академія Наукъ почтила меня пору
ніемъ сообщить ей отзывъ о книгѣ г. Хрущева: «*Изслѣдован*
сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго», представл
ной для соисканія Уваровскихъ наградъ. Получивъ это поруче
уже поздо и будучи озабоченъ другими занятіями, я не имѣлъ
статочно времени разсмотрѣть критически сочиненіе г. Хрущ
заняться спеціально предметомъ, составляющимъ его сущность,
вѣрить правильность всѣхъ его указаній и вообще войти въ п
робности, чтобы съ точностію опредѣлить степень заслуги, ка
это сочиненіе можетъ имѣть для науки; но желая сколько нибудь
полнить желаніе Академіи Наукъ, ограничиваюсь краткимъ вз
домъ, выведеннымъ на основаніи чтенія книги г. Хрущева и
котораго прежняго знакомства съ ея предметомъ.

Книга эта, по моему крайнему разумѣнію, никакъ не мож
быть причислена къ такимъ произведеніямъ, которыя бы вы
зывали о данномъ предметѣ все, что послѣ предшествовавш
разработокъ этого предмета, можетъ назваться послѣднимъ слово
науки, или научнымъ образомъ разрѣшали бы важные вопро
Напротивъ, книга эта отличается тѣмъ, что авторъ обходитъ кр
ные объединительные вопросы, которые сами собою возбуждаю
при занятіи предметомъ, избраннымъ имъ для своего изслѣдова

а гдѣ, по необходимости, онъ касается нѣкоторыхъ, тамъ ему удается меньше, чѣмъ при разсмотрѣніи и изложеніи мелочныхъ подробностей. Такъ, напримѣръ, желая уяснить значеніе Іосифа Санина въ ряду русскихъ подвижниковъ и основателей монастырскихъ общинъ, у автора было доброе намѣреніе собрать воедино разсѣянныя черты и возсоздать изъ нихъ общій типъ подвижника. Онъ говоритъ: эпическій типъ русскаго богатыря донесла до насъ устная народная поэзія; историческій же типъ основателя монастыря сохранила намъ наша письменность. Типъ этотъ проходитъ черезъ всю русскую исторію, но его золотымъ вѣкомъ былъ XV вѣкъ, представляющій сорокъ именъ извѣстныхъ своею святостію основателей и устроителей монастырей. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ пытается представить главныя черты изъ жизни русскихъ подвижниковъ, которыми обрисовывается данный типъ. Начало дано хорошее и нѣкоторыя черты найдены и сопоставлены удачно; но авторъ не достигаетъ своей цѣли въ научномъ отношеніи по слѣдующимъ причинамъ:

1) Къ типу XV вѣка онъ примѣшиваетъ то, что принадлежитъ именамъ XIV, XVI и даже XVII вѣковъ, не указываетъ сходствъ и различій между признаками раннихъ и позднѣйшихъ временъ, дабы можно было видѣть, что́ именно принадлежитъ исключительно XV вѣку, которымъ авторъ занимается, и что равнымъ образомъ принадлежало вообще всей исторіи русскаго подвижничества и монашества. Само собою разумѣется, что заниматься какимъ нибудь вѣкомъ или эпохою въ какомъ бы то ни было отношеніи нельзя иначе, какъ только при сравненіи съ прежнимъ и послѣдующимъ временемъ.

2) Не подвергаетъ критикѣ житія, служащія ему источниками, и не опредѣляетъ: что въ каждомъ изъ нихъ есть самобытнаго и что въ нихъ болѣе или менѣе одинаковаго, откуда эта одинаковость и какъ изъ одного въ другое переходили общепринятыя черты, дабы отдѣлить отъ исторической дѣйствительности то, что возникло изъ рутинныхъ пріемовъ слагателей житій, ибо для насъ важенъ не только тотъ типъ, который не трудно составить на основаніи чтенія сказаній и житій; гораздо важнѣе тотъ типъ, который существовалъ въ дѣйствительной жизни, а не въ воображеніи и на бумагѣ, и который откроется намъ самъ собою, коль скоро мы очистимъ критикою и осмыслимъ для себя этого рода источники.

3) Авторъ изслѣдованія не показываетъ преемственнаго про-

исхожденія нашего подвижничества съ востока и не опредѣляет на сколько наше приняло мѣстныхъ свойствъ и является своеоб разнымъ, равнымъ образомъ чѣмъ отличается отъ подобныхъ се явленій въ иныхъ странахъ?

Такого же рода недостатки можно усмотрѣть у автора изсл дованія и тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ уставѣ Іосифа Волоцка и о его сочиненіяхъ, касающихся устройства монастырскаго бы Г. Хрущевъ не объясняетъ: на сколько этотъ уставъ различест валъ отъ другихъ уставовъ, откуда и какъ почерпалъ Іосифъ осн вы тѣхъ правилъ, какія возлагалъ на свою братію, и на сколь уставъ, имъ составленный, былъ отголоскомъ издавна существ вавшихъ или быть можетъ отчасти недавно передъ тѣмъ разви шихся общихъ аскетически-нравственныхъ понятій и насколь онъ отражалъ личность законодавца. Вообще г. Хрущевъ на у ный разборъ этого устава положилъ несравненно менѣе тру чѣмъ онъ заслуживалъ, какъ самъ по себѣ, такъ и по сравнен съ другими явленіями монашескаго строя.

Сортируя сочиненія Іосифа по предметамъ, къ которымъ ка дое изъ этихъ сочиненій преимущественно относится, авторъ «Изсл дованія» не отвелъ особой рубрики для тѣхъ посланій Волоцка игумена, которыя разрѣшаютъ вопросы не монашеской, а мірск жизни. Къ такимъ писаніямъ принадлежатъ: посланіе къ нѣкое князю вообще о нравственной жизни, посланіе къ вельможѣ о к лованіи рабовъ, посланіе къ князю о средствахъ, необходимы къ принятію по поводу случившагося голода, отчасти и посла къ княгинѣ Голениной о вкладахъ. Авторъ «Изслѣдованія», хо перечисляетъ ихъ и въ сокращеніи приводитъ содержаніе ка даго, но не объясняетъ, что въ нихъ принадлежитъ вообще хр стіанскому духу и ученію православной церкви въ особенност что составляетъ личныя мнѣнія и побужденія писавшаго эти пос нія; равнымъ образомъ мало видно: въ какой степени то, чѣ вызваны были эти посланія, лежало вообще въ строѣ русск жизни или было временнымъ, случайнымъ явленіемъ? Замѣти мимоходомъ, что авторъ «Изслѣдованія», какъ бы желая показа свою способность приводить, на основаніи исторической крити въ извѣстность неизвѣстныя данныя, обличаетъ легкое обращен съ такого рода вопросами. Такъ, напримѣръ, нашедши посла къ князю, котораго имя неизвѣстно, онъ полагаетъ, что это князь былъ Юрій Ивановичъ, на томъ отнованіи, что этотъ кня былъ не женатъ. Но открывая текстъ посланія, мы не види

указанія, чтобъ князь, которому Іосифъ писалъ посланіе, былъ не женатъ. Тамъ есть общія нравоученія о тѣлесной чистотѣ и объ избѣжаніи блуда, и г. Хрущевъ, основываясь только на этомъ заключилъ, что князь этотъ былъ не женатъ, а потомъ вывелъ, что князь этотъ былъ Юрій Ивановичъ. Но если бы г. Хрущевъ поболѣе вчитался въ нашу старую литературу, то нашелъ бы, что слово блудъ принималось вообще въ значеніи развратнаго образа жизни и относилось безъ различія къ безбрачнымъ и къ состоящимъ въ супружествѣ.

Переходя къ разбору сочиненій Іосифа Волоцкаго, относящихся къ борьбѣ противъ ереси жидовствующихъ, авторъ изслѣдованія не только не вдается въ разсмотрѣніе вопросовъ: гдѣ и какъ возникла эта ересь и на сколько она себѣ нашла на Руси подготовленную почву, но даже не излагаетъ въ порядкѣ ея сущности; въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Хрущева далеко ниже давно извѣстнаго и во многомъ, при открытіи новыхъ источниковъ, устарѣвшаго сочитенія г. Руднева о ересяхъ и расколахъ. Читатель, познакомившись съ печатнымъ текстомъ Просвѣтителя, напрасно сталъ бы обращаться къ книгѣ г. Хрущева, соблазняясь ея названіемъ, за объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Іосифова сочиненія, требующихъ комментарія. Для примѣра — возьмемъ хоть то, что у Іосифа упоминаются тригольники; г. Хрущевъ не говоритъ своего мнѣнія: были ли въ самомъ дѣлѣ стригольники въ какой либо связи съ жидовствующими, были ли послѣдніе въ извѣстной степени подготовлены первыми, какъ нѣкогда полагалъ г. Рудневъ, или же между ними сродства не было? Іосифъ, обличая своихъ противниковъ, укоряетъ ихъ въ занятіяхъ звѣздозаконіемъ, астрологіею, чернокнижіемъ. Отъ ученаго, взявшагося за изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа, мы вправѣ желать объясненія: въ чемъ состояли эти суевѣрія, откуда приходили, какъ были распространены у насъ и какое вліяніе оказывали на жизнь и умственное движеніе въ Россіи? г. Хрущевъ оставляетъ насъ безъ отвѣта. Онъ не обращаетъ никакого вниманія на мѣсто первой важности у Іосифа, гдѣ послѣдній говоритъ, что, предъ появленіемъ ереси и во время оной, происходили любопрѣнія о вѣрѣ на торжищахъ и въ домахъ и многіе придерживались разныхъ ересей — кто Саддукейской, кто Массаліанской: послѣднее слово сильно заставляетъ подозрѣвать древнее вліяніе Богумиловъ. Что же въ самомъ дѣлѣ было то еретичество, которое такъ вооружило противъ себя Іосифа Волоцкаго? Есть ли это дѣйствительно жидовство, въ опредѣленномъ смыслѣ,

или смѣсь съ христіанствомъ, или же это была самая разнообра-
ная микстура религіознаго вольнодумства, невполнѣ установившаяс
и такъ сказать не перебродившая? У г. Хрущева нѣтъ отвѣт
на эти вопросы. У него все ограничивается изложеніемъ вкратц
содержанія словъ Іосифа съ подведеніемъ ихъ къ нѣкоторым
обстоятельствамъ и событіямъ того времени.

Споръ Іосифа съ новгородскимъ митрополитомъ Серапіоном
изложенъ у г. Хрущева лучше, хотя авторъ мало касается истор
ческаго смысла и значенія этого любопытнаго спора. Онъ знамен
теленъ какъ одинъ изъ фактовъ борьбы стараго съ новымъ, уг
савшаго съ возникавшимъ. Серапіонъ стоялъ за старину, Іосиф
за новизну. Серапіонъ хотѣлъ той независимости церковной, кака
существовала во время удѣльно-вѣчеваго періода; Іосифъ стремил
къ тому, чтобъ воля самодержавнаго свѣтскаго владыки была выш
преданія, обычая и самой церкви давала направленіе. Серапіон
и въ добрыхъ качествахъ и въ предразсудкахъ былъ сторонн
комъ старины. Его ужасала варварская казнь болярынь, которых
неумолимый сокрушитель Новгорода присудилъ сжечь живьем
тогда какъ Волоцкій игуменъ съ особенною любовью относился к
такимъ строгимъ мѣрамъ; но тотъ же Серапіонъ считалъ за удѣл
нымъ княземъ право жаловать и грабить монастырь, который сам
этотъ князь построилъ. Подобно всѣмъ своимъ древнимъ предш
ственникамъ, Новгородскимъ владыкамъ, Серапіонъ ревниво стоял
за старинные предѣлы Новгородской епархіи, совпадавшіе съ пр
дѣлами, на которые въ такой или въ иной степени имѣло притяз
ніе новгородское вѣче. Не удивительно, что Москва не взлюби
Серапіона и поступила съ нимъ съ свойственною ей рѣшимостію
съ обычною грубостію вѣка. Низложеніе Серапіона, совершенно
подъ благовиднымъ образомъ соборнаго осужденія, было началом
цѣлаго ряда подобныхъ событій, когда московскіе государи расп
ряжались дѣлами церкви такъ, какъ находили нужнымъ для себ
по обстоятельствамъ, стараясь, однако, по возможности соблюст
наружное соглашеніе съ уставами и законоположеніями церкв
Іосифъ, по старанію котораго пострадалъ Серапіонъ, былъ со ст
роны церкви защитникомъ принципа московскаго самодержав
фактическаго главенства свѣтской власти не только надъ тѣле
нымъ, но и надъ духовнымъ бытомъ подданныхъ. Ничто не должн
было связывать этой верховной власти: то, что Іосифъ самъ пр
водитъ для ограниченія власти удѣльнаго князя въ отношеніи к
церкви, не существуетъ для князя великаго, державнаго. Удѣл

ный князь, по извѣстному обычаю, вмѣшивается въ дѣла монастыря, созданнаго его предками и считаемаго имъ такимъ же своимъ достояніемъ, какимъ считалъ бы и теперь каждый частный человѣкъ домовую церковь, находящуюся у него въ покояхъ. Противъ него приводятся церковныя правила вообще о неприкосновенности церкви для свѣтскихъ властей. Но эти правила только могутъ помогать московскому государю, когда онъ захочетъ заточить и истязать архіерея, тѣмъ болѣе, что сила съумѣетъ придать своимъ дѣйствіямъ видъ самой благовидной законности. Когда шелъ отчаянный споръ между двумя столбами тогдашней церкви, многіе становились въ тупикъ и сами себѣ не могли уяснить: кто правъ, кто виноватъ? Серапіонъ или Іосифъ? Въ сущности вопросъ этотъ значилъ другое: должна ли была жить и оставаться старина или долженъ былъ наступить новый порядокъ? Конечно, старина должна была потерпѣть пораженіе и въ области церковной, какъ она была поражена и раздавлена на вѣчевыхъ площадяхъ Новагорода и Пскова. Серапіонъ долженъ былъ потерпѣть, какъ защитникъ отживавшаго порядка; Іосифъ остался побѣдителемъ, потому что обратился къ силѣ молодыхъ началъ. Всепримиряющее потомство оцѣнило ихъ заслуги равно: ожесточенные враги одинаково причислены къ лику одной и той же церкви, которой служили съ различными взглядами.

Споръ Іосифа съ Вассіаномъ у автора изслѣдованія изложенъ поверхностно и слабо. На стр. 248, примѣч 220, онъ приводитъ содержаніе «слова отвѣтна противу клевещущихъ истину евангельскую» и ссылается на Православный Собесѣдникъ г. 1861, гдѣ, по указанію г. Хрущева, должно быть помѣщено это слово; но мы не нашли его тамъ. Страннѣе всего то, что авторъ «Изслѣдованія» почти не касается спора между Іосифомъ и Ниломъ Сорскимъ и возникшаго потомъ антагонизма Іосифовлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ—общежителей и скитниковъ, а между тѣмъ это было одно изъ важнѣйшихъ явленій умственнаго движенія въ древней Руси.

Относительно языка, построенія рѣчи и литературныхъ пріемовъ, авторъ изслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго оставляетъ эти сочиненія въ покоѣ.

Вообще представленное на соисканіе награды сочиненіе показываетъ, что авторъ его не мыслитель; онъ только собиратель и указыватель. Сочиненіе его можно назвать указателемъ къ сочиненіямъ Іосифа и вмѣстѣ біографіею послѣдняго. Читатель можетъ изъ этого сочиненія узнать: въ какихъ рукописныхъ сборникахъ онъ найдетъ писанія самаго Волоцкаго игумена и другихъ, писав-

шихъ о немъ, и о предметахъ, касающихся его, а равно и о том
гдѣ нѣкоторыя напечатаны. Кромѣ того, онъ изъ этого же соч
ненія узнаетъ содержаніе Іосифовыхъ словъ и посланій, повод
служившіе къ написанію и обстоятельства сопровождавшія ихъ. В
этомъ отношеніи сочиненіе г. Хрущева можно назвать удовлетв
рительнымъ до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ на столь
что для того, кто бы вознамѣрился написать другое ученое изсл
дованіе объ Іосифѣ Волоцкомъ, книга г. Хрущева должна будет
служить настольнымъ указателемъ. Слѣдовательно — трудъ не п
гибшій и полезный для науки. А потому, принимая во вниман
1) что сочиненіе г. Хрущева, какъ спеціальное о твореніяхъ и жиз
Іосифа, все таки самое полезное для будущихъ дѣятелей по это
предмету, 2) что, не смотря на важные недостатки, видѣнъ
автора усидчивый и добросовѣстный трудъ, который уважать сл
дуетъ, 3) что это первое произведеніе автора, человѣка еще мол
даго, и умѣренное одобреніе и поощреніе можетъ ободрить его
побудить къ болѣе зрѣлымъ работамъ, — я полагаю, что Импер
торская Академія наукъ можетъ назначить г. Хрущеву наград
сообразно вышеуказаннымъ достоинствамъ его сочиненія.

ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ В. МАКУШЕВА:

«Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, Спб. 1867 г., стр. VI 446 in—8°».

Н. А. Попова.

Мы имѣемъ дѣло съ сочиненіемъ историко-библіографическаго содержанія, весьма важнымъ по своей цѣли, довольно обширнымъ по задуманной программѣ, но чрезвычайно неровнымъ по ея выполненію. Авторъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій одинъ изъ городовъ Адріатическаго побережья, наиболѣе прославленныхъ въ средневѣковой исторіи того края и въ исторіи южнаго славянства. Дубровникъ (Ragusa) принадлежалъ къ числу тѣхъ торговыхъ общинъ, которыя, отправившись отъ демократическаго устройства общественной жизни, мало по малу выросли въ аристократическія республики; вмѣстѣ съ тѣмъ Дубровникъ былъ не маловажнымъ представителемъ южнославянскаго міра, долгое время носилъ въ себѣ цвѣтъ его умственнаго развитія и не смотря ни на какія внѣшніе перевороты остался въ народныхъ основахъ своего быта вѣрнымъ славянству. Такимъ образомъ исторія Дубровника представляетъ для каждаго безпристрастнаго изслѣдователя, желающаго обнять жизнь этого города вполнѣ, двоякій интересъ. Съ одной стороны исторія Дубровника представляетъ собою примѣръ того городоваго развитія, которое было до извѣстной степени сходнымъ для всѣхъ торговыхъ общинъ — славянскихъ, германскихъ и романскихъ—и господствовало въ эпоху борьбы большихъ городовъ,

имѣвшихъ свои территоріи, съ властію императоровъ, королей князей и вообще земельной аристократіи. Наши Новгородъ и Псковъ, ганзейскіе города, города римскаго союза, итальянскі республики представляютъ въ этомъ отношеніи явленіе, которо можетъ быть изучаемо сравнительно. Полная и отчетливо изло женная исторія Дубровника съ этой точки зрѣнія была бы пре краснымъ вкладомъ въ исторію европейской городовой жизни во обще. Этого мало: написать такую исторію не значило бы ис черпать вполнѣ научный интересъ, соединенный съ прошедшим Дубровника. Чтобы опредѣлить характеръ жизни, исключительн свойственный этой республикѣ, надо взять вопросъ гораздо шир и не ограничиваясь однимъ только изслѣдованіемъ внѣшнимъ отно шеній Дубровника, разработать весь его внутренній бытъ, коснуться его вседневныхъ связей съ окружавшею страною. Изъ таког только изученія можно почерпнуть черты, составляющія истори ческую физіономію Дубровника, отличающую его отъ другихъ тор говыхъ республикъ средневѣковой Европы. Хотя обѣ эти стороны Дубровницкой исторіи обращали на себя вниманіе многихъ изслѣ дователей, однако вполнѣ удовлетворительной, всесторонней исторі этой славной республики до сихъ поръ еще нѣтъ.

Авторъ разбираемаго нами сочиненія избралъ предметом своихъ занятій «Исторію внѣшнихъ сношеній Дубровницкой рес публики» (Предисловіе стр. III и IV). Такимъ образомъ сочинені его касается одной части тѣхъ научныхъ интересовъ, которые свя заны съ исторіей Дубровника. Но настоящее сочиненіе г. Маку шева служитъ только приготовленіемъ къ такому труду. Оно за ключаетъ въ себѣ лишь обзоръ источниковъ для внѣшней исторі Дубровницкой республики и въ этомъ смыслѣ вторая глава ег (стр. 56—288) представляетъ наиболѣе существенную часть все книги. Судя по заглавію, которое имѣетъ сочиненіе г. Макушева онъ хотѣлъ не только дать читателямъ библіографическое описа ніе историческихъ памятниковъ Дубровника, но и критически из слѣдовать, оцѣнить ихъ. Такая потребность уже давно чувствуется въ южнославянской исторической литературѣ. Прекрасный обра зецъ подобныхъ историко-критическихъ изслѣдованій далъ хорват скій ученый докторъ Ф. Рачки, въ своемъ сочиненіи: Ocjena rtarijih izvora za hroatsku i srbsku poviest srednjega vieka (Zagreb 1866.) Не ограничиваясь общею характеристикою того или другог писателя, того или другаго памятника, онъ подробно разбираетъ самыя извѣстія ихъ о важнѣйшихъ событіяхъ южнославянской

исторіи, сличаетъ ихъ съ другими извѣстіями, оцѣниваетъ ихъ внутреннюю и относительную вѣроятность, и основываетъ свои общіе выводы и историческіе приговоры на подробной и тщательной критикѣ. Г. Макушевъ принялъ смѣшанную систему. Въ иныхъ случаяхъ онъ ограничивается однимъ сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ и краткимъ описаніемъ ихъ сочиненій, въ другихъ случаяхъ онъ старается пополнить свѣдѣнія, представленныя его предшественниками по этому дѣлу, дѣлаетъ выписки изъ называемыхъ имъ сочиненій, особенно неизданныхъ; и только въ немногихъ случаяхъ подвергаетъ болѣе или менѣе подробной критикѣ сочиненія, приводимыя имъ въ общемъ обзорѣ. Надо пожалѣть о томъ, что авторъ не вездѣ въ одинаковой степени выполнилъ обязанность изслѣдователя-критика. Это тѣмъ болѣе непонятно, что внимательное чтеніе книги г. Макушева убѣждаетъ, что памятники, о которыхъ онъ говоритъ, извѣстны ему не изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, а изъ личнаго знакомства съ ними.

Авторъ держится такого распредѣленія при обозрѣніи источниковъ Дубровницкой исторіи: онъ дѣлитъ ихъ на *памятники старины* и *сказанія современниковъ*; къ *первымъ* отнесены: I) постройки и вещи, II) народный бытъ и повѣрья, III) памятники устные, IV) письменные памятники, которые въ свою очередь дѣлятся на: а) церковные, б) учено-литературные и в) юридическіе (по общему и частному законодательству и по дипломатическимъ сношеніямъ). Ко *вторымъ* авторъ относитъ: I) сказанія Дубровничанъ, то есть— лѣтописи, записки, описанія, рѣчи и стихотворенія, II) сказанія иностранныхъ писателей о Дубровникѣ.

Обзоръ историческихъ построекъ и вещей (стр. 56—63), которыя могутъ служить историческими памятниками для Дубровника, не представляетъ ничего особенно новаго, что не было бы сказано въ другихъ сочиненіяхъ о Дубровникѣ (Петтера, Паттона, Вилькинсона, Нейгебаура и другихъ).

Отдѣлъ о народномъ бытѣ и повѣрьяхъ (стр. 63—73), которыя могутъ быть предметомъ особеннаго изслѣдованія, самъ по себѣ слишкомъ кратокъ, ибо народный бытъ не могъ служить важнымъ пособіемъ для внѣшней исторіи республики, на что авторъ обращаетъ преимущественно вниманіе.

Говоря о народныхъ пѣсняхъ (стр. 73—75), авторъ ограничивается простымъ перечисленіемъ тѣхъ, которыя попали въ извѣстный сборникъ Вука Караджича, и еще отъ себя приводитъ

отрывокъ одной пѣсни лирическаго содержанія. «Дубровницкія
родныя сказки мнѣ совершенно неизвѣстны», говоритъ онъ дал

Памятники церковной письменности онъ совершенно обходи
какъ «не важные» для его цѣли.

Обзоръ учено-литературныхъ памятниковъ (стр. 76—149)
ставляетъ весьма видный отдѣлъ сочиненія г. Макушева. Онъ р
сматриваетъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Сперва ид
рѣчь о риемованной хроникѣ Мелеція, отрывки которой сохра
лись въ сочиненіяхъ другихъ писателей. Автору принадлеж
мнѣніе о времени, когда Мелецій писалъ свою хронику (стр.
За тѣмъ онъ называетъ Мелеція добросовѣстнымъ писателемъ,
предлагая однакожъ наглядныхъ доказательствъ тому. О сочи
ніяхъ Іоанна Равенскаго г. Макушевъ говоритъ со словъ други
О «Жизнеописаніяхъ» знаменитыхъ Дубровничанъ, составленны
Амвросіемъ Рангиною и Бернардомъ Гетаричемъ, г. Макуше
представляетъ весьма краткое библіографическое извѣстіе. О х
никѣ Николая Рангины онъ говоритъ со словъ Червы и, въ
номъ изъ Приложеній (7) къ своей книгѣ, приводитъ отрывки
этой хроники, заимствовавъ ихъ изъ сочиненія Червы: «Metrop
Sacra Ragusina», и расположивъ ихъ въ хронологическомъ поряд

Затѣмъ авторъ переходитъ къ генеалогическимъ сочиненія
Дубровницкихъ писателей (стр. 85—88). Авторъ опять ограни
вается только біографическими извѣстіями о составителяхъ дубр
ницкихъ генеалогій и исправляетъ нѣкоторыя хронологическія д
ныя, касающіяся одного изъ этихъ писателей. Несмотря на з
ченіе, которое придаетъ самъ г. Макушевъ генеалогіямъ, к
историческимъ памятникамъ, въ его книгѣ мы не находимъ ниче
что походило бы сколько нибудь на разборъ или изслѣдова
этихъ дѣйствительно не маловажныхъ для бытописателя источ
ковъ. Между тѣмъ вопросъ о значеніи генеалогій для исторіи вс
Адріатическаго приморья, отъ Венеціи до Дубровника и дал
давно уже поднятъ въ южнославянской ученой литературѣ.
немъ неоднократно говорилъ Иванъ Кукулевичъ-Саксинскій.

Упомянувъ о сомнительной хроникѣ Людовика Беккатели,
торъ называетъ историческія сочиненія Франциска Гундули
впрочемъ со словъ Червы, присоединяя къ этому нѣсколько сл
о самомъ историкѣ. Нѣсколько подробнѣе говорится о труда
Серафима Рацци (стр. 91—94), Евсевія Кабоги (стр. 95—96)
Мавро Орбинича (стр. 96—100). Но объ этихъ историкахъ имѣл
не мало извѣстій въ сочиненіяхъ Червы, Дольчи, Колети и д

гихъ писателей. Г. Макушевъ пользуется находящимися въ нихъ свѣдѣніями, составляя по нимъ жизнеописанія помянутыхъ историковъ. Съ своей стороны онъ приводитъ два сочиненія Рацци, оставшіяся неизвѣстными вышеприведеннымъ библіографамъ, и отрывокъ одного изъ нихъ печатаетъ въ восьмомъ приложеніи къ своей книгѣ.

Упомянувъ о сочиненіяхъ Амвросія Гучетича, которыя впрочемъ остались для него неизвѣстными, г. Макушевъ гораздо подробнѣе говоритъ объ исторіи Дубровника, написанной Яковомъ Луккаричемъ (стр. 101—105). Здѣсь онъ не ограничивается однимъ жизнеописаніемъ историка, но и говоритъ о составѣ его книги, произнося объ ней такое сужденіе: «при весьма ощутительномъ недостаткѣ критики и несоразмѣрности частей, книга Луккарича представляетъ массу свѣдѣній, не встрѣчаемыхъ у другихъ писателей; описаніе же событій 1581—1598 годовъ имѣетъ для насъ важность сказаній современника». Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что книга Луккарича была издана еще въ 1605 году.

Хроника Ивана Гундулича была извѣстна г. Макушеву не въ ея истинномъ видѣ, а въ другомъ, несправедливо приписанномъ перу Гундулича, и сохранившемся въ рукописи № 251 францисканской библіотеки, что̀ и старался доказать г. Макушевъ.

Въ разсужденіи о хроникѣ Дубровника, составленной лучшимъ изъ старинныхъ историковъ этого города, Юніемъ Растичемъ (стр. 108—126), авторъ дѣйствительно предлагаетъ такое изслѣдованіе, котораго читатель справедливо могъ ожидать отъ него и въ страницахъ, посвященныхъ другимъ писателямъ. Г. Макушевъ съ особенною любовью приводитъ отзывы о Растичѣ, послѣднемъ и знаменитѣйшемъ представителѣ своего рода, изъ разныхъ дубровницкихъ поэтовъ; за тѣмъ указываетъ въ общихъ чертахъ на содержаніе всѣхъ тринадцати книгъ сочиненія Растича и, переходя къ разбору его, сличаетъ различныя мѣста изъ книги Растича съ документами, изданными Тафелемъ и Томасомъ, Шафарикомъ и Миклошичемъ. Это именно тотъ пріемъ, котораго авторъ долженъ былъ бы держаться относительно всѣхъ другихъ историческихъ сочиненій, или сличая ихъ съ офиціальными актами того времени или сравнивая ихъ между собою, хотя бы напримѣръ въ извѣстіяхъ о важнѣйшихъ событіяхъ. Въ девятомъ приложеніи къ своей книгѣ г. Макушевъ напечаталъ нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія Растича.

О сочиненіяхъ Игнатія Джорджича (стр. 127—135) авторъ

распространяется довольно подробно, особенно о Res Illyricae si
Historia Rhacusana, которыя весьма важны не только для дубро
ницкихъ, но и вообще для южнославянскихъ древностей, для ист
ріи малой и великой Иллиріи. Къ сожалѣнію, сочиненіе Джорджи
сохранилось только въ отрывкахъ и г. Макушевъ печатаетъ нѣк
торые изъ нихъ въ десятомъ приложеніи къ своей книгѣ.

Хотя о сочиненіяхъ Серафима Червы, которымъ авторъ са
очень много обязанъ, онъ говоритъ, достаточно подробно (с
135—142) для того, чтобы читатель могъ составить себѣ общ
понятіе о трудахъ этого писателя: Sacra Ragusina Metropolis и Vit
Illustrorum Ragusinorum; однако этого недостаточно для надле
щей оцѣнки такихъ сочиненій, каковы выше названныя. Въ одн
надцатомъ приложеніи къ своей книгѣ г. Макушевъ напечата
наиболѣе любопытные отрывки изъ введенія Червы къ его «Це
ковной исторіи Дубровника». Труды Червы уже сами по себѣ мог
бы послужить предметомъ для отдѣльнаго изслѣдованія, ибо
нихъ всякій фактъ подтверждается документомъ или сказаніе
современника, сообщаются выдержки изъ переписки великихъ л
дей, а иногда отрывки изъ ихъ произведеній; источниками д
Червы, кромѣ предшествовавшихъ ему писателей дубровницки
и чужеземныхъ, служили акты архива республики; некрологи
біографіи и разные старинные памятники, не только въ списка
но и въ пергаментныхъ подлинникахъ. За тѣмъ другія сочине
Червы, какъ не важныя для исторіи Дубровника, г. Макуше
прошелъ молчаніемъ.

О сочиненіяхъ Франциска Себастіана Дольчи авторъ сообщае
только краткія библіографическія извѣстія, за исключеніемъ о
ного изъ нихъ, въ которомъ Дольчи, на основаніи достовѣрны
источниковъ, доказываетъ неосновательность притязаній Венеп
на Дубровникъ, и которое г. Макушевъ печатаетъ въ двѣнадц
томъ приложеніи къ своей книгѣ.

Объ «Исторіи дубровницкихъ іезуитовъ» Георгія Басича, о с
чиненіяхъ Михаила Милишича и Матвѣя Басича авторъ говори
вкратцѣ.

Таковъ способъ изложенія, какого держался г. Макуше
говоря о старинныхъ сочиненіяхъ двацати дубровницкихъ писа
лей. Конечно онъ имѣетъ свои достоинства, ибо даетъ читате
возможность въ общемъ обзорѣ познакомиться съ дубровницки
историками и освѣдомиться объ ихъ сочиненіяхъ; вниманіе чит
теля одинаково будетъ занято какъ краткими свѣдѣніями о жиз

ателей, такъ и немногословными извѣстіями о ихъ сочиненіяхъ. большую часть отзывовъ автора читатель долженъ принимать вѣру; ибо г. Макушевъ предпочитаетъ сообщеніе своихъ об- ъ выводовъ изложенію самыхъ изслѣдованій, которымъ онъ ъ сомнѣнія подвергалъ всѣ вышеприведенные памятники. Но ѣдованій этихъ читатель не видитъ и для тѣхъ, кто пожелалъ самъ заняться исторіей Дубровника, книга г. Макушева не при- ъ большой пользы.

Далѣе авторъ говоритъ о юридическихъ памятникахъ дубров- кой исторіи: о статутахъ Дубровника, о таможенномъ уставѣ, атутѣ острова Млета, острова Ластова, острова Корчулы. Но и сь авторъ большею частію остался вѣренъ библіографическому оду: онъ ни слова не говоритъ объ источникахъ этихъ законо- льныхъ памятниковъ, не касается исторіи составленія ихъ, а аничивается однимъ перечисленіемъ главъ и нѣкоторыхъ ста- О другихъ недостаткахъ этого отдѣла книги г. Макушева и о оторыхъ ошибочныхъ взглядахъ, высказанныхъ авторомъ при ъ, мы говорить не будемъ; ибо намъ пришлось бы повторить сь то, что говорилъ г. Леонтовичъ въ своей статьѣ: «Государ- нное устройство стараго Дубровника» (Журналъ Министерства од. Просвѣщ. за 1867 г., № 12, стр. 789—853).

Акты дипломатическихъ сношеній Дубровника только перечис- ы въ книгѣ г. Макушева по изданіямъ Тейнера, Тафеля и То- , Шафарика, Карана-Твертковича, Меда Пуцича и Миклошича, кже по рукописнымъ сочиненіямъ Серафима Червы, Георгія ича и нѣкоторыхъ рукописей францисканской библіотеки въ ровникѣ. Конечно, это перечисленіе далеко не исчерпываетъ о богатства дипломатическихъ документовъ дубровницкой рес- ики; но если бы они и всѣ были перечислены, то и тогда такой ъ былъ бы простымъ каталогомъ, а не критическимъ изслѣ- ніемъ.

Перейдемъ, вмѣстѣ съ авторомъ, ко второму разряду источниковъ овницкой исторіи — къ сказаніямъ современниковъ, Дубров- нъ и иностранцевъ. Здѣсь прежде всего встрѣчаемся съ лѣто- ми, которыя извѣстны г. Макушеву въ пяти спискахъ, напеча- ыхъ въ приложеніяхъ къ его книгѣ (стр. 305—358). Въ текстѣ дѣлаетъ опытъ сравненія между собою этихъ списковъ и на ваніи этого сравненія приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

) «Всѣ пять списковъ сходны между собою до начала XI вѣка, ица же между ними только въ большей или меньшей древности

языка: сходство ихъ не ограничивается однимъ содержаніемъ замѣтно также и въ выраженіяхъ.

2) «Въ самомъ характерѣ лѣтописей замѣчается двойственно съ конца VIII до XII вѣка лѣтописи отличаются церковнымъ рактеромъ, который становится исключительнымъ въ періоды мени 789—843 и 971—1116 гг.; съ XII-го же вѣка въ лѣтопис не встрѣчается болѣе ни одного упоминанія о чудесахъ,—о м стыряхъ и церквахъ говорится весьма рѣдко, и лѣтописи пр маютъ характеръ чисто политическій, которымъ отличается и чало ихъ». Далѣе авторъ приводитъ нѣсколько объясненій т двойственности въ характерѣ дубровницкихъ лѣтописей; но эти ясненія только вѣроятны, а достовѣрность ихъ надо еще доказ

3) «Лѣтописи Дубровника начинаются V—VI вѣка, въ теч коихъ отмѣчено только три—четыре событія съ обозначеніем довъ; и эти отмѣтки вращаются около главнаго событія—пост нія и расширенія Дубровника; со второй половины VII вѣка ч лѣтописныхъ замѣтокъ значительно увеличивается, а въ нач IX вѣка встрѣчаются уже такія, которыя могли быть запис только современникомъ: отмѣчается не только годъ и мѣсяц бытія, но даже день и часъ».

4) «Всѣ извѣстные намъ списки лѣтописей писаны на итал скомъ языкѣ; но странное дѣло: въ нихъ встрѣчаются как случайно и вовсе некстати не только слова, но даже цѣлыя в женія по-латыни».

5) «Первоначальная лѣтопись Дубровника отличалась таков краткостью, какая характеризуетъ древнѣйшія лѣтописи всѣхъ родовъ; болтливость же нашихъ списковъ принадлежитъ позд шему времени, когда лѣтопись начала утрачивать первоначал свое значеніе и изъ справочной книги становится книгою для чте

О запискахъ Людовика Червы Туберона, Николая Бунич Стефана Градича авторъ сообщаетъ весьма интересныя извѣ особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ касается вопроса о ихъ стовѣрности и правдивости, и впервые знакомитъ ученую л ратуру съ пятью сочиненіями Градича.

Изъ описаній Дубровника авторъ останавливается на сочин Филиппа Де-Диверсиса, любопытнѣйшія главы изъ котораго пр дитъ въ шестомъ приложеніи къ своей книгѣ. Кромѣ того онъ цит въ самомъ текстѣ книги важнѣйшія мѣста изъ мелкихъ сочиненій Диверсиса, каковы: рѣчь на погребеніе императора Сигизмунда, п гирикъ королю Альберту и рѣчь на погребеніе того же короля.

льныхъ описаніяхъ Дубровника, принадлежащихъ Рацци, Лука-
и Буничу, авторъ упомянулъ въ отдѣлѣ о старинныхъ истори-
республики. Вообще въ книгѣ г. Макушева смѣшаны двѣ си-
ы: въ иныхъ случаяхъ онъ говоритъ болѣе о самихъ писателяхъ,
ругихъ распространяется болѣе о ихъ сочиненіяхъ. Вслѣдствіе
не рѣдко объ одномъ и томъ же писателѣ говорится въ раз-
ъ мѣстахъ книги; а иногда о сочиненіяхъ разнаго характера,
принадлежащихъ одному автору, говорится вмѣстѣ. Было бы
нѣе держаться которой либо одной изъ этихъ двухъ системъ:
предпочесть форму біографическаго словаря дубровницкихъ
телей, или же приступить прямо къ составленію библіографи-
го обзора самыхъ сочиненій, расположивъ ихъ по отдѣламъ
сно содержанію и снабдивъ критическими примѣчаніями.
совершенно особый отдѣлъ сочиненія г. Макушева составляетъ
ъ дубровницкихъ стихотвореній на событія внутреннія и
нія (стр. 239—280). Подобно генеалогіямъ, лѣтописямъ и за-
дательнымъ памятникамъ, историческія произведенія дубров-
ихъ поэтовъ могли бы составить предметъ для самостоятель-
изслѣдованія. Стоитъ только припомнить, что блестящее раз-
дубровницкой поэзіи образовало цѣлую эпоху въ исторіи
славянской литературы вообще. Рѣдкій изъ хорватскихъ или
кихъ ученыхъ писателей не останавливалъ своего вниманія
омъ явленіи. Еще въ концѣ XV вѣка началось процвѣтаніе
еской поэзіи въ Далмаціи, заключившееся потомъ историче-
и стихотвореніями и драмой. Правда, до сихъ поръ нѣтъ еще
й удовлетворительной исторіи этой эпохи южнославянской
и, но мы можемъ указать на прекрасное сочиненіе Ивана Ку-
ича-Саксинскаго: Stari pesnici hrvatski (XV i XVI stoljetja);
пуска. 1856—1858. Изъ этого сочиненія можно видѣть, что
ъ историческихъ стихотвореній Дубровника, особенно касаю-
и внутренней жизни его, бытовой исторіи этой славной рес-
ки, можно было начать гораздо ранѣе, чѣмъ началъ г. Маку-
. Онъ открываетъ свой обзоръ знаменитымъ «Османомъ»
Гундулича (1588—1638 г.) и говоритъ о тридцати произве-
хъ, относящихся къ XVII и XVIII вѣкамъ, изъ коихъ многія
напечатаны. Но съ надлежащею подробностію, какая подо-
изслѣдователю, г. Макушевъ останавливается только на слѣ-
ихъ произведеніяхъ: a) Пальмотича-Діонорича «Dubrovnik
ljen», b) Стефана Градича «De laudibus Serenissimae Reipu-
Venetae et cladibus patriae suae», c) Петра Канавелича

«Trešnja u Dubrovniků (землетрясеніе въ Дубровникѣ), d) Пе
Богашиновича «Obkruscegnie Becia Grada od Zarra Mahmetta i
ramustafe Velikoga Veziera» (осада Вѣны), e) Ансельма Катт
«Pjesan od Kraljice Magjarske Marie Teresie» и f) надписи и ст
творенія въ честь Наполеона I.

Наконецъ авторъ переходитъ къ сказаніямъ иностранцев
Дубровникѣ. Изъ Византійцевъ онъ говоритъ о Константинѣ П
фирогенетѣ и Халкондилѣ; изъ арабскихъ географовъ называ
Аль-Эдрисси и Якута, упомянувшихъ мимоходомъ о Дубровн
изъ западно-европейскихъ сказаній о Дубровникѣ г. Макуш
извѣстны только сочиненія пяти Венеціанцевъ. О томъ, что г
рилось о Дубровникѣ у восточныхъ, западныхъ и южныхъ Слав
г. Макушевъ не упоминаетъ.

Кромѣ разсмотрѣнной нами второй главы, заключающей въ
бѣ — какъ мы уже видѣли — обзоръ источниковъ Дубровни
исторіи, въ сочиненіи г. Макушева есть еще двѣ главы. Объ од
изъ нихъ, гдѣ авторъ излагаетъ свои мнѣнія о трудахъ учень
занимавшихся до него разработкой дубровницкой исторіи, мы г
рить не будемъ: приговоры г. Макушева о своихъ предшествен
кахъ довольно рѣзки, а основанія для нихъ недостаточно силь
Впрочемъ эта глава не составляетъ существенной части сочин
и самъ авторъ не придаетъ ей большаго значенія, говоря,
намѣренъ сказать лишь «нѣсколько словъ» о трудахъ Гебга
Аппендини, Энгеля, Сальверта, Матвѣя Бана и А. Майкова.

Гораздо болѣе интереса представляетъ небольшая глава, к
рою начинается сочиненіе г. Макушева. Это весьма оживлен
легко читаемый, наполненный любопытными эпизодами изъ бы
вой исторіи Дубровника, разсказъ о поселеніи Славянъ въ окр
ностяхъ Дубровника и въ самомъ городѣ, объ утвержденіи сла
скихъ началъ въ жизни Дубровника, о старыхъ судебныхъ пор
кахъ въ Дубровницкой республикѣ, о сословіяхъ и государст
номъ устройствѣ ея, о доходахъ, торговлѣ и промыслахъ, объ
ственномъ и художественномъ развитіи Дубровичанъ, объ об
ственной жизни Дубровника и наконецъ о внутреннихъ причин
паденія его, какъ республики. Впрочемъ въ этой главѣ нѣтъ
стематическаго, полнаго изложенія дубровницкой жизни, внѣш
и внутренней, политической, общественной и религіозной.
очеркъ, занимающій 55 страницъ и касающійся лишь тѣхъ во
совъ, которые авторъ считалъ спорными, которые онъ предс
лялъ себѣ нѣсколько въ иномъ освѣщеніи, нежели его пред

еенники. Къ числу самыхъ рѣзкихъ мнѣній автора, конечно, инадлежитъ его мнѣніе о значеніи славянскаго элемента въ торіи Дубровника. Никто еще до г. Макушева не съуживалъ ъ объема славянской жизни въ прошедшемъ Дубровника; никто е не ограничивалъ господство славянскаго элемента въ жизни вной республики, какъ г. Макушевъ. Не трудно понять, почему Макушева долженъ былъ выработаться именно такой взглядъ, е иной. Онъ занимался преимущественно внѣшней исторіей и ль слегка касался внутренней. Даже самый характеръ источни- ъ, которые онъ изучалъ предпочтительно предъ другими, не- ьно наводилъ его на такой ошибочный взглядъ. Онъ говоритъ: ъ Дубровникѣ въ одно и тоже время процвѣтали три литера- ы: латинская, итальянская и сербская. Латинскій языкъ упо- блялся въ сочиненіяхъ научныхъ, въ торжественныхъ рѣчахъ ъ поэзіи; это былъ также по преимуществу языкъ дипломати- кій и юридическій. По-итальянски писали сочиненія съ характе- ъ болѣе практическимъ и стихотворенія, содержаніе которыхъ то изъ обыденной жизни. Родной сербскій языкъ ограничи- ся семейною жизнію, поэзіею и проповѣдями къ народу. Латин- я литература Дубровничанъ имѣетъ характеръ европейскій и гіе изъ нихъ были въ свое время истинными двигателями ки; не столь обширное значеніе имѣетъ литература дубров- ко-итальянская: ею поддерживалось общеніе съ Италіею; еще льшій кругъ читателей имѣла дубровницко-сербская литература, выходившая за границы родины» (стр. 26). Все это справед- о относительно внѣшнихъ формъ и вида дубровницкой литера- ы, но непримѣнимо къ вопросу о ея внутреннемъ значеніи и ержаніи. Латинскій языкъ не былъ признакомъ слабости сла- скаго элемента въ жизни Дубровника; это былъ признакъ ки, когда у всѣхъ народовъ господствовалъ латинскій языкъ только въ ученой литературѣ, но и во внѣшнихъ сноше- ъ. Этого мало: славянскій языкъ точно также употреблялся въ бровникѣ и въ актахъ офиціальныхъ, какъ это можно видѣть сборниковъ Пучича и Миклошича. Съ другой стороны, можно дложить вопросъ: въ какую исторію литературы вошла латин- я и итальянская письменность Дубровника, между тѣмъ какъ поэтическія произведенія, которымъ далъ жизнь славянскій ментъ, заняли такое высокое мѣсто въ литературѣ сербской и ватской? Ссылаемся еще разъ здѣсь на статью г. Леонтовича урн. Мин. Нар. Пр. 1867 г., № 12, стр. 805, 806), который ука-

залъ на значеніе славянскаго элемента даже и во внѣшней и
ріи Дубровника. А между тѣмъ г. Макушевъ прекрасно и
дробно выяснилъ внутреннія причины паденія Дубровника, к
республики. Изъ его же сочиненія читатель видитъ, что
внѣшнія формы жизни, ослабъ аристократическій элементъ, о
дѣло богатство города, исчезли временно господствовавшія фо
жизни, но основы народнаго быта остались все тѣ же—славяне

Не смотря на слишкомъ общіе и внѣшніе пріемы, приложен
авторомъ къ изслѣдованію источниковъ дубровницкой исторіи,
книга представляетъ въ русской литературѣ первый опытъ из
нія дубровницкой исторіи въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Мо
надѣяться, что обѣщанная авторомъ исторія Дубровника б
удовлетворитъ тѣмъ ожиданіямъ и запросамъ, которые воз
даетъ въ читателѣ его нынѣшнее сочиненіе. Мы должны б
судить о сочиненіи г. Макушева, прилагая къ нему требова
какія обыкновенно соединяются съ сочиненіями, имѣющими
виду критически обслѣдовать историческіе памятники, какъ
ный источникъ и пособіе для исторіи прагматической. Г. М
шевъ удовлетворилъ главному требованію: указалъ на писат
наиболѣе достовѣрныхъ, отмѣтилъ памятники, наиболѣе бог
извѣстіями. Онъ держался въ своихъ изслѣдованіяхъ такъ н
ваемой высокой критики и въ большинствѣ случаевъ пренеб
мелкою. Но такой пріемъ весьма опасенъ: или читатель дол
вполнѣ довѣриться автору, иначе выводы послѣдняго показ
ему поверхностными и слишкомъ смѣлыми; или онъ долженъ
предпринять тотъ трудъ, который уже былъ сдѣланъ автор
но скрытъ имъ даже тамъ, гдѣ это было необходимо показат
между тѣмъ г. Макушевъ, какъ историческій писатель, облад
весьма замѣчательнымъ даромъ взглянуть на предметъ съ с
широкой точки зрѣнія, осмотрѣть его со многихъ сторонъ и
ставить на показъ наиболѣе крупныя, характеристическія ч
изучаемыхъ имъ событій. Такая способность болѣе всего пол
въ сочиненіяхъ прагматическаго направленія, и нѣтъ ника
сомнѣнія, что г. Макушевъ напишетъ весьма живую и интере
«Исторію внѣшнихъ отношеній дубровницкой республики». Но
въ рукахъ читателя будетъ только нынѣшнее сочиненіе г. М
шева, пока не послѣдуетъ отвѣта на многіе вопросы и сомн
возбуждаемые этимъ сочиненіемъ, до тѣхъ поръ оно будетъ
ставляться чѣмъ-то неполнымъ, какъ бы неоконченнымъ.

РЕЦЕНЗІЯ

РУКОПИСНАГО СОЧИНЕНІЯ Г. ГОЛУБИНСКАГО:

Святые Константинъ и Меѳодій, апостолы славянскіе».

Академика И. И. Срезневскаго.

ь послѣднее время разные труды о братьяхъ первоучителяхъ нскихъ, Константинѣ философѣ и Меѳодіѣ, стали появляться ще и чаще. Изданія вновь отысканныхъ сказаній о нихъ, изданія прежде извѣстныхъ, разборы и сличенія ихъ, новыя аженія о жизни и подвигахъ обоихъ братьевъ, о ихъ Сла- ой азбукѣ, о ихъ переводѣ св. Писанія и богослужебныхъ , вмѣстѣ съ изданіями древнихъ памятниковъ Церковно-Сла- аго языка и Церковно-Славянской письменности и съ изслѣдо- ии о нихъ, измѣнили рѣшенія нѣкоторыхъ такихъ вопросовъ, ые прежде казались, въ отношеніи къ братьямъ первоучите- окончательно рѣшенными, и заставили или заставляютъ со- аться въ справедливости многихъ другихъ рѣшеній. Общій тельный пересмотръ всѣхъ этихъ вопросовъ вмѣстѣ съ пе- тромъ новыхъ мнѣній по нимъ нельзя не назвать желатель- . Еще желательнѣе внимательный критическій разборъ всѣхъ никовъ, касающихся жизни и дѣйствій Константина философа одія, всѣхъ болѣе или менѣе древнихъ свѣдѣній о нихъ, —

желательнѣе потому, что только вслѣдствіе такого разбора м
уяснить разнообразіе рѣшеній по Кирилло-Меѳодіевскимъ в
самъ и опредѣлительно доказать несостоятельность или неу
ность однихъ изъ нихъ и вѣрность другихъ, и указать на не
димость нѣкоторыхъ новыхъ вопросовъ, еще никого пока не
мавшихъ. Критическій разборъ древнихъ свидѣтельствъ о
стантинѣ философѣ и Меѳодіи и о ихъ дѣйствіяхъ, конечно
жетъ быть столь же пристрастнымъ, какъ и изложеніе рѣшен
вопросамъ о нихъ; но пристрастіе разбора всегда яснѣе в
чѣмъ пристрастіе выводнаго изложенія, и убиваетъ его зна
тогда какъ пристрастіе выводнаго изложенія нерѣдко вызы
ему защитниковъ тѣмъ легче, чѣмъ болѣе уваженъ сочинитель
спорно полезенъ былъ бы такой критическій разборъ дре
свидѣтельствъ о Константинѣ философѣ и Меѳодіи, въ кото
каждое отдѣльное свидѣтельство было бы разобрано и объяс
какъ будто бы оно было единственнымъ или исключительно
нымъ—не на основаніи предпочтенія ему какихъ нибудь дру
или его всѣмъ другимъ, а безотносительно; разобрано и объя
при помощи всѣхъ другихъ свидѣтельствъ, заключающихъ въ
показанія, близкія по содержанію, и затѣмъ выдѣлено изъ
что̀ именно можно считать въ немъ достовѣрнымъ и что̀ вѣ
нымъ. Позволю себѣ замѣтить, что важнѣе и полезнѣе выдѣ
достовѣрнаго и вѣроятнаго, чѣмъ сомнительнаго и невѣроят
потому что доказать сомнительность и даже невѣроятность
занія гораздо легче чѣмъ, несомнительность или вѣроятн
Прибавлю къ этому, что ни въ какомъ случаѣ критикъ не дол
считать себя въ правѣ брать на себя защиту или обвиненіе к
бы то ни было свидѣтельства, а долженъ, напротивъ, устра
себя отъ всякихъ сердечныхъ пристрастій къ кому нибудь
противъ кого нибудь.

Мысли эти невольно приходили мнѣ въ умъ, когда я чи
трудъ г. Голубинскаго о «Св. Константинѣ и Меѳодіи, апосто
Славянскихъ». Этотъ замѣчательный трудъ, обнимающій весь к
Кирилло-Меѳодіевскихъ вопросовъ, выработанный съ пол
знаніемъ всего, что по нимъ было доселѣ сдѣлано и что н
знать для ихъ разумѣнія, заключаетъ въ себѣ между прочи
критическій разборъ не только рѣшеній этихъ вопросовъ,
древнихъ свидѣтельствъ о первоучителяхъ Славянскихъ. Р
ромъ древнихъ свидѣтельствъ занята большая часть втораго
слишкомъ 270 лист. (остальные 120 л. заняты примѣчаніям

ому тому). Разсмотрѣны изъ Славянскихъ сказаній: 1—2) такъ
иваемыя Паннонскія житія Константина и Меѳодія, 3) Похваль-
слово Константину и Меѳодію, 4—8) Проложныя житія; — изъ
янскихъ сказаній: 1) Vita cum translatione s. Clementis, 2) Чешская
нѣйшая легенда, 3) легенда о св. Людмилѣ, 4) Vita s. Ludmilae
станна, 5) Vita ss. Cyrilli et Methodii Blauburana, 6) Хорватскія
писи, 7) Отзывъ о крещеніи Карантановъ, найденный Виттем-
мъ;—изъ Греческихъ сказаній: 1) пространное житіе Климента
копа и 2) Проложное житіе его же. Разборъ всѣхъ этихъ сви-
льствъ внимателенъ и подробенъ почти въ равной мѣрѣ и
и весь отъ начала до конца вызываетъ любопытство, внима-
размышленіе—можно сказать, увлекаетъ. Вездѣ видно умѣнье
ти припомнить разныя данныя, видно знаніе многаго, и знаніе
учайное; видна ловкость вести читателя по избранному пути
раженій и вмѣстѣ съ тѣмъ искренность изложенія, недопу-
щая мысли, что сочинитель не вполнѣ убѣжденъ въ томъ, въ
убѣждаетъ и заставляющая вѣрить себѣ. Едва ли впрочемъ
о столько же одобрить общія правила, которымъ сочинитель
овалъ въ разборѣ. Такъ онъ нерѣдко не соблюдаетъ необхо-
го условія простой ясности изложенія, краткости, выражаетъ
да свои соображенія такъ многословно, какъ бываетъ это при
ой бесѣдѣ у человѣка, не только умѣющаго, но и любящаго
оворить. Нежеланіе выразить меньшимъ количествомъ словъ,
сколько можетъ употребить человѣкъ, говорящій изустно не
тясь о времени, иногда соединяется и съ допущеніемъ попра-
того, что прежде сказано имъ, тамъ же, гдѣ сказано, или и послѣ,
до послѣ: это даетъ изложенію видъ какой то ученой испо-
, ученаго дневника, который надобно дочитать до конца, чтобы
ть, при какихъ убѣжденіяхъ сочинитель остался оканчивая
книгу, и который наводитъ читателя на предположеніе, что
де, чѣмъ онъ успѣетъ дочитать книгу, сочинитель будетъ,
гъ быть, уже думать не такъ, какъ написано въ книгѣ.
да, что всѣ эти отверженія сочинителемъ того, что прежде
имъ сказано, касаются исключительно второстепенныхъ и
естепенныхъ предметовъ; но едва ли и въ этихъ случаяхъ
лительно и полезно критику пользоваться своимъ правомъ
ды мысли и слова. Въ самомъ разборѣ имъ оцѣняемыхъ сви-
льствъ, сочинитель держится такого общаго пріема: каждое
вѣтельство разсматривается какъ совершенно извѣстное чита-
; въ каждомъ отмѣчается только то, что сочинитель считаетъ

важнымъ въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ было ему нужно, а
всемъ другомъ умолчано, какъ бы его и вовсе не было. Писат
желающему быть безпристрастнымъ, такой пріемъ, кажется, мо
только вредить въ мнѣніи читателей строгихъ и недовѣрчив
Съ этимъ пріемомъ сочинитель соединяетъ и другой, не м
опасный для справедливаго рѣшенія дѣла: признавъ достовѣр
нѣкоторыхъ изъ свидѣтельствъ, онъ считаетъ ихъ не тольк
стовѣрными, но и полными, и затѣмъ всѣ другія мѣряетъ э
избраннымъ, приводя себя къ такимъ общимъ заключеніямъ: т
то свидѣтельство только повторяетъ сказанія свидѣтельства д
вѣрнаго, такое то прибавляетъ къ нему выдумки, такое то все
почти все невѣрно, потому что говоритъ не то, что написан
свидѣтельствѣ достовѣрномъ. Мнѣ кажется, этого общаго п
въ оцѣнкѣ свидѣтельствъ держаться нельзя, и довѣрчивос
недовѣрчивость къ какому бы то ни было свидѣтельству н
жетъ быть безусловна: во всякомъ выраженіи правды есть
умышленная, случайная неправда, или по крайней мѣрѣ воз
ность навести мысль читателя на несправедливое заключеніе,
все то неправда, что противорѣчитъ такой правдѣ; равно н
считать повтореніемъ или пересказомъ какого нибудь одного
сказа все то, въ чемъ находятся тѣ же показанія. Не думаю
не можетъ вредить дѣлу и всякая неумѣренность въ похва
и порицаніяхъ, если она допускается съ крайнимъ увлечен
особенно тогда, когда онъ хочетъ доказать недостовѣр
какого нибудь свидѣтельства достовѣрностью другаго. При
этому читатель находитъ въ книгѣ г. Голубинскаго въ ст
о подробномъ Греческомъ житіи епископа Климента. Въ
сочинитель доказываетъ полную недостовѣрность или лучше
зать безусловную лживость этого свидѣтельства, многими
наваемаго очень важнымъ. Ни въ себѣ, ни въ читателѣ он
хочетъ допустить никакой возможности защитить показанія
епископа Климента, какъ важныя или по крайней мѣрѣ как
умышленно невѣрныя; онъ ищетъ, и разумѣется отыскив
только доказательства противъ житія. Составитель его, по
мнѣнію, былъ Грекъ, крайне пристрастный, предубѣжденный
тивъ Славянъ и противъ Славянскаго богослуженія, имѣвшій
руками Паннонскія житія Константина философа и Меѳодія
черпавшій изъ нихъ только то, что ему нравилось, и дополня
занятое изъ чистаго источника своими выдумками; объ учени
Славянскихъ апостоловъ и еписк. Климентѣ умышленно, съ к

о цѣлію, выдумавшій цѣлый рядъ нелѣпостей; умышленно, съ
арною цѣлію даже умалчивающій о томъ, чему бы долженъ
ъ дать мѣсто, какъ на примѣръ свѣдѣнію о переводѣ Славян-
хъ богослужебныхъ книгъ; умышленно, съ коварною цѣлію и
но свидѣтельствующій о томъ, что онъ близко зналъ еписк.
мента. Дѣло и на этомъ не останавливается: отъ житія еписк.
мента сочинитель разбора переходитъ къ самому Клименту, и
водитъ себя къ убѣжденію, что Климентъ вовсе не ученикъ
вянскихъ апостоловъ и не современникъ другихъ Болгарскихъ
телей IX—X вѣковъ, что жилъ онъ и писалъ позже. Все это
нь любопытно, очень занимательно, но разъясненію дѣла едва ли
огаетъ въ томъ видѣ, какъ изложено въ книгѣ. Въ статьѣ о
тіи Климента видимъ только мнѣніе обвинителя—умнаго, знаю-
го и увлеченнаго, а не приговоръ судьи, боящагося несправед-
о обвинить подозрѣваемаго въ преступленіи, ищущаго доказа-
ьствъ не противъ него, а за него. Въ статьяхъ о Паннонскихъ
тіяхъ и во всѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ говорится объ этихъ жи-
хъ, видимъ напротивъ того защитника, такого же умнаго, знаю-
го, и такого же увлеченнаго, вѣрующаго, подчиняющаго своему
левному убѣжденію всѣ соображенія ума и знанія. Конечно, не
ъ важныхъ причинъ онъ довѣряетъ этимъ свидѣтельствамъ; но
менѣе важныя причины могутъ быть найдены и для противнаго,
и только ихъ разборъ начатъ будетъ человѣкомъ убѣжденнымъ
томъ, что имъ нельзя довѣрять такъ, какъ довѣряютъ другіе.
жно найдти важныя причины противъ достовѣрности и важ-
ти каждаго историческаго свидѣтельства, какъ и противъ каж-
о честнаго человѣка, и даже вполнѣ добросовѣстно: стоитъ
ько начинать съ обвиненій и непользоваться тѣми пріемами
тики, которыя отводятъ отъ ошибокъ въ выводахъ. Мнѣ
кется, весь критическій разборъ свидѣтельствъ о Констан-
тѣ философѣ и Меѳодіи, составленный г. Голубинскимъ, полу-
ъ бы другое, болѣе важное, значеніе въ наукѣ, если бы, даже
и сохраненіи всѣхъ главныхъ убѣжденій, измѣнено было из-
ложеніе дѣла, измѣненъ и дополненъ подборъ доказательствъ, и
транены всѣ предположенія и наведенія защитительныя и об-
нительныя.

Отъ этой второй части сочиненія г. Голубинскаго вполнѣ зави-
ъ его первая часть, заключающая въ себѣ «опытъ полнаго
знеописанія св. Константина философа и Меѳодія» (452 л. .d).
а написана также занимательно, также увлеченно, также богата

умными припоминаніями и соображеніями; но, какъ и можно ожи
дать по второй части, есть подробный пересказъ и объясне
Паннонскихъ житій, какъ единственно вѣрныхъ свидѣтельст
объ апостолахъ Славянскихъ. Представляя въ себѣ изложеніе
разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ жизни обоихъ братьевъ
общихъ историческихъ, съ ними связанныхъ, этотъ разсказъ
полненъ свѣдѣніями и соображеніями по разнымъ общимъ воп
самъ, касающимся послѣдствій дѣйствій братьевъ-первоучите
на Славянъ. Въ этой части своего труда сочинитель еще разъ д
мѣсто опроверженіямъ показаній свидѣтельствъ, признанныхъ
невѣрными, присоединивъ къ нимъ замѣчанія противъ мнѣній и со
раженій, считаемыхъ имъ несправедливыми. Сравнительно со
рою частью, одно здѣсь выказывается гораздо яснѣе: это — пос
довательность, съ какою сочинитель идетъ по избранному
пути. Онъ, какъ умный полководецъ, ведя свое войско все да
впередъ, не пренебрегаетъ ничѣмъ, что можетъ мѣшать поб
или ей помочь, и если на чемъ останавливается, то вовсе не пот
что ему такъ захотѣлось, а потому что это считаетъ нужны
важнымъ, и разбиваетъ противниковъ не для того, чтобы показ
себя, а чтобы очистить поле для дальнѣйшихъ побѣдъ. Къ та
же окончательной побѣдѣ могъ онъ, конечно, придти и друг
путемъ; но, разъ выбравъ свой путь, онъ уже не колебался ни
и дошелъ конца съ полною вѣрою въ правоту дѣла, за кото
поднялъ оружіе. Говоря иными словами — сочинитель послѣд
тельно старался устранить всѣ недоумѣнія, наводимыя различ
показаній разныхъ свидѣтельствъ, и принужденъ былъ для э
устранить многія изъ такихъ показаній, слѣдовательно дока
ихъ невѣрность, а нѣкоторыя другія истолковать иначе, чѣмъ
лалось это прежде. Нельзя отвергнуть, что онъ хотѣлъ быть пр
передъ судомъ умозрительной логики; и едва ли можно защит
что въ такой же степени остался онъ правымъ въ отношеніи
свидѣтельствамъ, которыя защищалъ или опровергалъ. Позв
себѣ повторить и о первой части сочиненія г. Голубинскаго,
замѣтилъ о второй: болѣе сжатое изложеніе и въ ней было бы
напрасно — ни для того, кто обязанъ совѣстью читать многое,
для того, кто любитъ легкое чтеніе. Не смѣю ни гласно сказ
ни внутренно подозрѣвать, что сочинитель писалъ многословно
какимъ нибудь другимъ умысломъ, кромѣ развѣ желанія говор
яснѣе и искреннѣе; увѣренъ впрочемъ, что и того и другаго
достигъ бы вѣрнѣе болѣе сжатымъ изложеніемъ.

Во всякомъ случаѣ, сочиненіе г. Голубинскаго въ нашей совре-
ной литературѣ есть явленіе очень замѣчательное, какъ трудъ
овѣка, хорошо знакомаго съ дѣломъ и имъ увлеченнаго, —
ъ въ своемъ родѣ полный, обнимающій весь кругъ избранной
чи полнѣе, чѣмъ всѣ другіе, какъ трудъ вызывающій другихъ
одобные труды. Уваровская награда, по моему мнѣнію, при-
ежитъ ему по праву.

ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ Г. МАКУШЕВА:

«Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателя Дубровника», Спб. 1827 г.

Академика И. И. Срезневскаго.

Книга г. Макушева состоитъ изъ трехъ главъ:

Глава 1-я представляетъ въ себѣ обзоръ судебъ Дубров съ обозначеніемъ главныхъ чертъ его устройства, быта и шеній съ другими государствами.

Глава 2-я занята обзоромъ источниковъ исторіи Дубров Сочинитель раздѣляетъ ихъ на два главные отдѣла: 1) памят старины и 2) сказанія современниковъ.

1) Въ отдѣлѣ памятниковъ старины сочинитель отличаетъ

a) Постройки и вещи (56) (укрѣпленія, церкви, зданія граж скія, образа и картины, статуя, крестъ, блюдо, монеты и т. п.)

b) Народный бытъ и повѣрья (63) (сообщены подробнос разныхъ чертахъ быта, о разныхъ обычаяхъ домашнихъ, о р гіи и повѣрьяхъ).

c) Памятники устные: (73) пѣсни и сказки (сообщены свѣд и одна изъ пѣсенъ, записанныхъ самимъ сочинителемъ).

d) Письменные памятники:

α) Памятники церковные (75).

β) Памятники учено-литературные, особенно историческіе риемованная хроника Милеція (76), труды Іоанна Равеннскаго Амвр. Раньины (81), Ник. Раньины (82), Генеалогическіе труды труды Фр. Гундулича (89), труды Сер. Рацци (91), Евс. Кабоги Мавра Орбинича (96), Амвр. Гучетича (100), Я. Луккарича (

. Гундулича (105), Юн. Растича (107), Игн. Джорджича (127), р. Червы (135), Себ. Дольчи (142), Юр. Басича (145), М. Милича (147), Мат. Басича (148).

I) Памятники юридическіе: Liber Statutorum (149), Capitulare lla Dogana grande (169), Статуты остр. Млѣта (177), Ластвы (179), Корчулы (184), Акты дипломатическіе (186).

II) Въ отдѣлѣ сказаній современниковъ отмѣчены:

1. a) Лѣтописи Дубровника (201).

b) Записки Луд. Червы (217), Ник. Бунича (222), Стеф. Грача (224), М. Басича (231).

c) Описанія Дубровника Филиппа de Diversis (231).

d) Панегирики (235).

e) Стихи о событіяхъ (238), Ив. Гундулича (239), М. Руфича (240), Палькотича (241), Н. Бувича (250), Варе. Боттеры (251), В. гаччи (252), Ст. Градича (253), П. Канавелича (255), П. Богановича (257), Ѳ. Болдашиновича (262), Ив. Луккарича (263), н. Джорджича (264), Вик. Петровича (266), Вл. Болича (267), с. Каттича (269).

2. Сказанія иностранцевъ о Дубровникѣ:

α) Византійцевъ (281).

β) Арабовъ (284).

γ) Западныхъ Европейцевъ (294).

Глава 3-я, очень небольшая, заключаетъ въ себѣ довольно аткій обзоръ новыхъ историческихъ сочиненій о Дубровникѣ: бгарди (289), Аппендини (289), Енгеля (292), Сальверта (294), на (295), Майкова (295—302).

Въ приложеніяхъ дано мѣсто многимъ неизданнымъ памятникъ, вполнѣ или въ извлеченіяхъ; посредствомъ нихъ знакомимся разными лѣтописями и съ записками Ф. de Diversis, съ исто-ю Дубровника Н. Раньины, съ подобнымъ сочиненіемъ Сер. дци, съ хроникой Юн. Растича, съ исторіей Игн. Джіорджича, съ иненіемъ Сер. Червы, съ диссертаціей A. de Vargas.

Главная цѣль сочинителя, очевидно, была указать и по мѣрѣ можности описать и оцѣнить источники исторіи Дубровника, и ѣстѣ съ тѣмъ разсѣять хоть нѣкоторыя изъ тѣхъ предубѣжній, которыя мѣшаютъ, по его мнѣнію, правильной обработкѣ ой части исторіи Славянъ. Ничего подобнаго въ такомъ объемѣ кѣмъ до него не было сдѣлано. Многое оставалось многимъ все неизвѣстно; многое почерпнуто имъ прямо изъ архивныхъ и бліотечныхъ рукописей или изъ рѣдкихъ старо-печатныхъ книгъ;

многое разсмотрѣно очень внимательно. Имѣя въ виду эти неотъ
лемыя общія достоинства труда г. Макушева, ставящія его
разрядъ книгъ, необходимыхъ для всякаго изучающаго славянст
нельзя *быть слишкомъ строгимъ къ его частнымъ недостатка*
Сочинитель не желалъ сдѣлать свой трудъ неполнымъ,—и одна
кое-гдѣ не могъ достигнуть желанной полноты; не желалъ про
нести несправедливаго приговора трудамъ другихъ,—и одна
кое-гдѣ увлекся. Ни то, ни другое не помѣшаетъ никому поль
ваться его указаніями, выписками, извлеченіями, сообщеніями.

Нельзя не быть признательнымъ г. Макушеву, что онъ, усерд
посвятивъ слишкомъ *четыре года на собираніе и разработку м*
теріяловъ для этого труда на мѣстѣ, издалъ его въ такомъ вид
какъ издалъ. Дальнѣйшіе работы, которыми съ прежнимъ усо
діемъ онъ занятъ, помогутъ ему дополнить недостающее и исп
вить ошибки поясненій и воззрѣній.

Такого содержанія и достоинства книга, даже меньшаго объе
по исторіи Россіи или по какой нибудь изъ ея частей была
драгоцѣннымъ пособіемъ; но ея нѣтъ и не предвидится. *Нѣтъ н*
кой книги по исторіи ни одного изъ славянскихъ народовъ; а кто
не пожелалъ имѣть подъ рукою такія книги по исторіи кажда
изъ нихъ?

Позволяю себѣ думать, что присужденіемъ Уваровской награ
г. Макушеву за этотъ трудъ Академія Наукъ выразитъ меж
прочимъ и свое сочувствіе къ такимъ трудамъ, невиднымъ
однако очень важнымъ, можно сказать, необходимымъ, а вмѣс
съ тѣмъ и поможетъ неутомимому молодому ученому продолжа
свои труды.

ОТЗЫВЪ

О СОЧИНЕНІИ Г. КОТЛЯРЕВСКАГО:

«О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ»

Академика И. И. Срезневскаго.

Наука древностей, не смотря на примѣненіе къ ней и распро-
неніе въ кругѣ археологовъ строго критическихъ пріемовъ,
еще не совсѣмъ освободилось отъ тѣхъ недуговъ, какими за-
ена была въ минувшее время: отъ произвольности и мечтатель-
и выводовъ и соображеній, отъ легкости обращенія съ памят-
ми и вообще съ источниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что всего
тѣе, отъ допущенія въ ряды матеріаловъ все болѣе увеличи-
цагося количества памятниковъ поддѣльныхъ, для отдѣленія
рыхъ отъ памятниковъ несомнѣнныхъ недостаетъ ни силъ,
редствъ, и которыми поэтому нѣкоторые изслѣдователи позво-
ъ себѣ пользоваться безъ всякой осторожности. При такомъ
женіи науки древностей, изслѣдователю-археологу, ищущему
ды, прежде всего для себя, а потомъ уже для другихъ, прихо-
я бороться съ увлеченіями, своими личными, и чужими не
айно, а постоянно, вооружать себя твердою осмотрительностію
здержностію, а слѣдовательно и такими знаніями, которыя, при
омъ положеніи науки, не были бы ему вовсе нужны, отвлекая
овательно свои силы отъ прямыхъ цѣлей. Не находя этого во
ихъ современныхъ трудахъ, находя напротивъ того въ нихъ
леченія и незнаніе даже необходимаго, тѣмъ отраднѣе встрѣ-

титься съ трудомъ писателя, который, сколько ни былъ способен
увлечься тѣмъ, что увлекаетъ всѣхъ вокругъ него, сдержива
себя сознательно столько же, сколько старался овладѣть всѣм
что нужно для выясненія себѣ задачи, за разсмотрѣніе котор
взялся. Таковъ именно и трудъ г. Котляревскаго «о погребальны
обрядахъ языческихъ Славянъ». Обозначивъ въ этомъ трудѣ о
щее значеніе задачи и ея положеніе въ древностяхъ славянских
сочинитель подробно разсматриваетъ источники, изъ которы
могутъ и должны быть извлекаемы данныя для рѣшенія задач
находитъ ихъ въ языкѣ, въ народномъ бытѣ, въ свидѣтельства
письменныхъ, въ могилахъ, и извлекши и оцѣнивши такимъ обр
зомъ всѣ главныя показанія, сводитъ ихъ къ выводамъ, приче
отдѣляетъ то, что принадлежитъ Славянамъ вмѣстѣ съ други
племенами, отъ того, что можно считать преимущественно слав
скимъ. Г. Котляревскій взялся своимъ трудомъ не доказать ч
нибудь, не помочь усиліями съ своей стороны утвержденію то
или другаго общаго взгляда, а просто выяснить себѣ и други
самый предметъ изслѣдованія. Въ его книгѣ мы имѣемъ полн
сводъ данныхъ о древнихъ славянскихъ погребальныхъ понятія
и обрядахъ, изъ котораго и строгая критика выкинуть можетъ
многое, и къ которому очень начитанный ученый прибавить м
жетъ, кажется, также немногое. Этотъ сводъ оживленъ сил
мысли, но не мысли, ищущей себѣ поддержки въ данныхъ, а мыс
вызываемой самими данными. Основательному знанію источнико
соотвѣтствуетъ знакомство со всѣми важными трудами, посвящ
ными разработкѣ этихъ источниковъ, и критическая независимос
мнѣнія о достоинствахъ этихъ трудовъ, равно и знакомство съ о
щими и частными изслѣдованіями древностей другихъ народо
соприкасающимися по предмету къ древностямъ славянскаго яз
чества, съ системами воззрѣній, въ нихъ господствующими, съ и
научнымъ значеніемъ, достоинствами и недостатками. Все э
заставляетъ глядѣть на книгу г. Котляревскаго съ особенны
уваженіемъ, не привязываясь къ тѣмъ пробѣламъ и ошибка
которые найдетъ въ ней чаще всего филологъ. Привязчивость
этомъ отношеніи тѣмъ менѣе умѣстна, что филологическая раз
ботка состава древняго славянскаго языка едва начата, мно
древне-славянскіе памятники остаются вообще неизвѣстными,
другіе, въ которыхъ (какъ напримѣръ въ чешскомъ Mater ver
rum) несомнѣнно-древнее перемѣшано съ поддѣльнымъ, неизс
дованы палеографически; вѣрные же пріемы опредѣленія про

тва и сродства словъ не столько еще упрочены, чтобы нельзя о ошибиться въ ихъ примѣненіи. При томъ же и того и дру-, сколько смѣю думать, въ книгѣ относительно такъ немного, ни выполненіе пробѣловъ, ни исправленіе ошибокъ не очень ее измѣнило. Имѣя въ виду достоинства изслѣдованія г. Кот-вскаго и то, что оно есть первый и единственный трудъ своего , считаю его достойнымъ Уваровской награды.

ОТЗЫВЪ

О КНИГѢ Г. КОТЛЯРЕВСКАГО:

«О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ».

Игнатія Гануша.

Академія Наукъ вызвала меня дать свой отзывъ о сочин
г. Котляревскаго: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ
вянъ». Это сочиненіе превосходно, и я не знаю, можно ли ука
въ любой литературѣ другое сочиненіе, которое бы могло
поставлено на ряду съ сочиненіемъ г. Котляревскаго. Знаком
со всею литературою, касающеюся того же предмета, проявл
на каждой страницѣ книги, такъ что Русскіе могутъ ею горд
и стать во главѣ этой отрасли археологической науки. И по на
ности изданіе великолѣпно, достойно графа А. С. Уварова, кото
оно посвящено, и можетъ служить украшеніемъ новой русской
ратуры. Такимъ сужденіемъ я не хочу однакожъ сказать, чтоб
уже достигли конечнаго результата изслѣдованій объ этомъ пр
тѣ. Правда, мы знаемъ многіе и драгоцѣнные погребальные об
извѣстія объ нихъ собраны, но многимъ изъ этихъ извѣсті
достаетъ полноты и цѣлости, такъ что ихъ пониманіе не д
еще до органическаго опредѣленія, которое бы обнимало их
чало и ихъ развитіе.

Кажется, что у языческихъ Славянъ существовала не
религіозная система, и именно въ отношеніи къ мѣсту и къ
мени. Такъ наприм. система о упыряхъ вовсе не совпадает
временемъ славянскихъ религіозныхъ системъ, и славянская
гіозная система сожиганія мертвыхъ тѣлъ противоположна сис

гребенія ихъ, такъ какъ та и другая предполагаютъ другіе взгляды огонь и землю. Необходимо будетъ, посредствомъ монографій, зобрать научнымъ образомъ эти несходныя между собою релизныя системы и различить по мѣсту и по времени то, что разно по формѣ и по содержанію. Довольствоваться обыкновеннымъ здѣленіемъ, «отличать періоды каменный отъ бронзоваго и жезнаго», я не нахожу никакой причины, такъ какъ оно основывется не на фактахъ, а только на абстракціи, которая по нѣсколькимъ случайнымъ даннымъ выводитъ заключеніе о цѣломъ. Мы е слишкомъ мало обращаемъ вниманія на вліяніе древней торли, которая между прочимъ заносила предметы, относящіеся и погребенію и къ сожиганію мертвыхъ, такъ что того, что мы надимъ въ землѣ, по большей части нельзя принимать ни за славскій, ни за литовскій, ни за нѣмецкій продуктъ: это проктъ занесенный, но откуда — неизвѣстно. Воззрѣнія Финикіянъ, евнихъ Грековъ, Кельтовъ до сихъ поръ не ясны для насъ, какъ ясна ихъ исторія и вліяніе ихъ на древнюю Европу.

Исторія Славянъ и Нѣмцевъ съ одной стороны, какъ и исторія авянъ и Финновъ съ другой, сливаются между собою нераздѣльно, все-таки намъ легко говорить о древностяхъ славянскихъ, нѣмецхъ, финскихъ, чтобъ вообще уже не говорить о древностяхъ льтійскихъ. Археологи сдѣлали себѣ, по примѣру нѣмецкихъ фисофовъ, категоріи, подобныя разноцвѣнымъ стекламъ, и поставили ь передъ нами, и мы, смотря черезъ нихъ и забывая, что у насъ редъ глазами эти стекла, думаемъ, что мы въ могилахъ видимъ зноцвѣтные предметы, натертые краской славянской, финской, и нѣмецкой.

Далѣе—повѣрье, господствовавшее уже въ языческія времена, портило многіе обычаи. Небесная вода, на-примѣръ, черезъ которую ши умершихъ должны проходить, это—собственно тучи, за котоими воображаемъ былъ настоящій рай; но повѣрье сдѣлало изъ бесныхъ водъ воды земныя, въ которыхъ задерживаются многія ши, будучи захвачены водникомъ (перевозчикомъ) и заперты имъ ъ горшкѣ) подъ крышкой. Но другія души доходятъ въ рай или ь стеклянный за́мокъ. Подобные взгляды навѣрное выражались въ погребальныхъ обычаяхъ; но что̀ знаемъ мы о нихъ подобнаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ арабскихъ извѣстій очень оздныхъ временъ, съ которыхъ въ западной Европѣ христіанство терло чистый, языческій колоритъ? Но, не различая времени и ѣста и принимая форму повѣрья вмѣсто формы собственно миѳи-

ческой, мы повидимому не доискиваемся настоящаго значенія
гребальныхъ обычаевъ.

Это поправить вполнѣ, или по крайней мѣрѣ отчасти, мы не
состояніи, такъ какъ намъ не достаетъ исторіи культуры язы
скаго періода и исторіи воззрѣній язычниковъ на міръ и чело
ческій родъ, и я не знаю, дойдетъ ли когда-нибудь наука до т
чтобы на основаніи міросозерцанія древнихъ объяснить
обычаи.

Что̀, на-примѣръ, собственно знаемъ мы до сихъ поръ положите
наго о томъ, какъ душа по ихъ понятіямъ соединялась съ тѣлом
слѣдовательно какъ она съ нимъ и разлучалась? Что̀ знаемъ мы о то
было ли для язычниковъ новорожденное дитя и потомъ взрос
человѣкъ одно органическое цѣлое или только дуалистическое
единеніе? А также, при жизни, что̀ считали древніе настоя
жизнію, дѣйствительную и тѣлесную жизнь, или только духов
и именно съ рожденія и по смерти?

Умершіе имѣли также вліяніе на живущихъ людей. *Шот*
на-примѣръ, теперь у Чеховъ называется домовой, одинъ
древнихъ предковъ, который, по повѣрью, приноситъ своему д
счастіе, когда его домашніе почитаютъ. *Шотекъ* этимологиче
значитъ *милый* или малый, *старый*, даже живущій. Про почт
ныхъ и благочестивыхъ старыхъ людей до сихъ поръ въ нѣ
торыхъ мѣстахъ Чехи говорятъ: «to jsoumilí šotkové» («это
лые шотки»), и безъ всякаго оттѣнка порицанія.

Между тѣмъ взглядами на жизнь душъ умершихъ обусло
ваются навѣрное и погребальные обычаи. Слѣдовательно, куда мы
посмотримъ, вездѣ является недостатокъ основныхъ понятій. См
шелъ г. профессоръ Котляревскій на встрѣчу этимъ недостатк
и смѣло большую часть ихъ побѣдилъ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ ПРОФ. ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ЭНГЕЛЬМАНА:

«О давности по русскому гражданскому праву», Спб., 1868 г.

Составленъ Н. В. Калачовымъ.

Сочиненіе г. Энгельмана появилось въ свѣтъ въ первомъ своемъ
даніи, на нѣмецкомъ языкѣ (въ 1867 г.), въ то самое время, когда
конодательнымъ порядкомъ возбужденъ былъ вновь, во II-мъ
дѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канце-
ріи, вопросъ о давности по русскому гражданскому праву. Состав-
нная тогда Отдѣленіемъ записка по этому предмету была сооб-
ена многимъ юристамъ, которые съ своей стороны сочли долгомъ,
пкнувъ глубже въ основаніе давности и ея примѣненіе въ оте-
ственномъ законодательствѣ, разъяснить замѣченные ими въ
актикѣ недостатки этого примѣненія. Вотъ почему появленіе
иги г. Энгельмана, отличающейся, говоря вообще, многими до-
оинствами серьезнаго и въ высокой степени добросовѣстнаго
уда, было встрѣчено съ искреннею радостью и привѣтствовано
къ одно изъ самыхъ дѣльныхъ юридическихъ сочиненій. Къ цѣ-
телямъ розысканій автора присоединились и мы, и въ виду вы-
есказанной цѣли предприняли въ издаваемомъ подъ нашей ре-
кціей «Юридическомъ Вѣстникѣ» рядъ статей, съ цѣлью, какъ
ы выразились, не столько оцѣнки новой книги г. Энгельмана,
олько для того, чтобы провѣрить, уяснить себѣ и читателямъ и
возможности дополнить имѣющимися у насъ подъ рукою дан-
ими тѣ теоретическіе выводы, которыми изобилуетъ его сочи-
ніе и которые, и по нашему мнѣнію, должны быть конечнымъ

результатомъ разработки каждаго отдѣльнаго предмета изъ облас
права. Къ сожалѣнію, напечатавъ первую изъ этихъ статей (
Юридич. Вѣстн. 1867—1868 г., книжка 1, іюль, стр. 1—18), м
принуждены были пріостановиться сначала по причинѣ нѣкоторы
усиленныхъ занятій по службѣ, а потомъ болѣзни, заставляющ
насъ еще въ настоящее время воздерживаться отъ умственной р
боты. Но порученіе Императорской Академіи Наукъ—дать отзы
о книгѣ г. Энгельмана и недоразумѣніе, которое возбудила въ не
самомъ означенная наша статья, какъ заявлено имъ въ предис
віи къ вышедшему теперь второму (на русскомъ языкѣ) издан
этой книги, налагаютъ на насъ обязанность высказать безотла
тельно наше мнѣніе не только о той части ея, которая долж
собственно подлежать обсужденію Академіи Наукъ при оцѣн
представленныхъ ей сочиненій къ соисканію наградъ графа У
рова, именно объ «Историческомъ изложеніи постановленій р
скаго гражданскаго права о давности» (см. положеніе о награда
графа Уварова, § 3), но и о тѣхъ розысканіяхъ автора, котор
непосредственно съ нею связаны.

Дѣйствительно, порученная нашему разсмотрѣнію часть изс
дованія о давности, не смотря на то, что она по своему содержан
отдѣлена съ одной стороны отъ «Введенія», которымъ начинает
это изслѣдованіе и которое содержитъ въ себѣ изложеніе значе
и видовъ давности на основаніи римскаго права и ученія юристо
иностранныхъ и русскихъ, а съ другой — отъ главнаго, по ви
мому, предмета автора—«Догматическаго изложенія постановле
русскаго гражданскаго права о давности»—такъ тѣсно сопри
сается съ тѣмъ и другимъ изъ означенныхъ отдѣловъ вслѣдст
той теоретической постановки, которая придана г. Энгельмано
давности, какъ юридическому учрежденію, что не только недост
ки, но и достоинства его историческаго изложенія давности
русскому праву не могутъ быть, по нашему мнѣнію, достато
раскрыты безъ уясненія общаго теоретическаго взгляда автора
самую давность. Поэтому считаемъ необходимымъ прежде вс
остановиться на предложенномъ г. Энгельманомъ подробномъ р
смотрѣніи вопроса объ образованіи учрежденія давности въ нау
и о томъ какъ понимаютъ ее новѣйшіе юристы.

Въ источникахъ римскаго права, по объясненію г. Энгельма
не находится ни термина давности, ни понятія объ ней какъ о
отвлеченномъ юридическомъ учрежденіи. Напротивъ, въ немъ та
называемыя разныя стороны давности суть отдѣльныя учрежде

имѣющія общаго основанія, несостоящія между собою въ непо-
редственной связи. Однако не всегда это различіе сознавалось, и
ъ литературѣ римскаго права уже довольно рано стало употребляться
я означенія давности слово praescriptio, означавшее въ источни-
хъ лишь exceptio seu praescriptio temporis, т. е. отводъ противъ
ска на томъ основаніи, что онъ предъявленъ уже по пропущеніи
олгаго времени (стр. 5). Въ каноническомъ правѣ терминъ praes-
iptio имѣетъ уже болѣе общее значеніе, но, по мнѣнію Савиньи,
о усвоено ему подъ вліяніемъ сочиненій глоссаторовъ, слѣдова-
льно создано наукой. Съ тѣхъ поръ догматики стали употреблять
о слово для означенія давности вообще и этой послѣдней стали
одъискивать философскую основу. Съ одной стороны сочли воз-
ожнымъ подводить подъ давность всѣ права, за исключеніемъ
ишь нѣкоторыхъ, именно отъ нея изъятыхъ, а съ другой—назы-
ать давностью истеченіе всякаго закономъ или частнымъ произ-
оломъ опредѣленнаго срока для дѣйствія извѣстнаго права. Хотя
же съ самого начала не всѣ юристы приняли это воззрѣніе, тѣмъ
е менѣе въ наукѣ выработалось и сдѣлалось почти общимъ убѣж-
еніе, что всякія права пріобрѣтаются и погашаются давностью.
нѣніе это въ особенности развито и примѣнено къ отдѣльнымъ
ридическимъ отношеніямъ въ сочиненіи Унтергольцнера, ис-
ключительно посвященномъ ученію о давности. Позднѣйшая кри-
ика возстала однако противъ теоріи, возведшей давностное право
ъ столь общее отвлеченное начало. Подъ вліяніемъ Пухты и
авиньи, нѣкоторые изъ новѣйшихъ юристовъ остановились на
омъ воззрѣніи, что не только не всякое право можетъ подлежать
ѣйствію давности, но что даже тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, ея
роявленіе и осуществленіе должны быть различаемы соотвѣт-
твенно отдѣльнымъ правамъ, къ которымъ она примѣняется.

Въ подтвержденіе основательности доводовъ противъ внесенія
ъ теорію права отвлеченнаго понятія о давности, г. Энгельманъ
редлагаетъ рядъ выписокъ изъ иностранныхъ и русскихъ сочи-
еній, доказывающихъ въ самомъ дѣлѣ очень убѣдительно, что
го была ошибка, не принесшая даже никакой практической выго-
ы, и за тѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію и характеристикѣ от-
ѣльныхъ юридическихъ учрежденій, въ которыхъ положительными
аконодательствами вліяніе времени признано за способъ, произво-
ящій измѣненіе въ правѣ. Эти учрежденія сводятся къ двумъ су-
ественно между собою различнымъ: *usucapio*, т. е. пріобрѣтеніе
рава одною стороною чрезъ давность владѣнія или пользованія и

потеря того же права другою стороною чрезъ невладѣніе или н
пользованіе, и *давность исковую*, т. е. уничтоженіе иска вслѣдств
бездѣйствія лица, имѣющаго право на искъ, въ теченіе извѣстнаг
опредѣленнаго закономъ времени. Иначе эти два давностны
учрежденія называются давностью *пріобрѣтающею* и давность
погашающею. Различіе между ними г. Энгельманъ объясняетъ очев
отчетливо слѣдующими противоположеніями: «Между тѣмъ как
давность владѣнія—говоритъ онъ—относится лишь къ праву со
ственности на вещи осязаемыя, гдѣ возможно владѣніе, которое
есть въ этомъ учрежденіи главный двигатель,—давность исков
распространяетъ свое дѣйствіе на всѣ права по отношенію къ отъ
сканію и къ защитѣ ихъ искомъ по суду. Давностью исковой н
отмѣняется самое право, но только возможность защищать оно
требовать его признанія. При томъ дѣлается различіе между ли
ными и вещными исками: первые погашаются истеченіемъ давност
безусловно, вторые небезусловно, если только владѣлецъ не был
добросовѣстнымъ и его владѣніе переходило чрезъ usucapio в
собственность. Когда собственникъ пропустилъ срокъ на вчинан
иска противъ недобросовѣстнаго владѣльца, то въ этомъ случа
онъ не теряетъ своей собственности безусловно, потому что вл
дѣніе недобросовѣстное не можетъ обращаться въ собственност
и владѣлецъ пріобрѣлъ давностью лишь отводъ praescriptio temp
ris, которымъ онъ лично можетъ отвести искъ собственника. Ес
же вещь переходитъ въ руки третьяго лица, которое не предста
ляетъ собою лицо недобросовѣстнаго владѣльца, не есть его зако
ный преемникъ, то это лицо не можетъ ссылаться на владѣніе пе
ваго и собственникъ можетъ съ успѣхомъ требовать отъ него во
вращенія своей вещи. Такъ какъ вещь не пріобрѣтена въ собстве
ность давностью владѣнія usucapio, то право собственности пре
няго собственника все еще существуетъ и можетъ проявляться в
дѣйствительности, какъ скоро отводъ, недопустившій его осуш
ствленія, устраненъ» (стр. 11—12).

Соглашаясь вполнѣ съ этимъ объясненіемъ двухъ различны
видовъ давности, мы не могли однако не замѣтить, что оно осн
вано на римскомъ правѣ и однако выставлено здѣсь какъ теорет
ческое начало, которое, по мнѣнію автора, какъ видно изъ посл
дующихъ его замѣчаній относительно русскаго права, должно бы
принято въ основаніе не только для разграниченія видовъ давнос
въ каждомъ положительномъ законодательствѣ, но и для развит
того и другаго вида опредѣлительными постановленіями согла

ь римскою догмой. Это замѣчаніе дало намъ поводъ заключить ашу первую статью о книгѣ г. Энгельмана слѣдующими словами: мы полагаемъ, что раздѣленіе давности на пріобрѣтающую и по-ашающую и примѣненіе отдѣльно первой къ разнымъ правамъ, а ослѣдней къ искамъ всякаго рода должны быть допущены въ еоріи, именно для того, чтобы не смѣшивать различныхъ юриди-ескихъ отношеній, не подводить ихъ безъ всякой надобности одъ одно общее начало и не быть поставленнымъ въ необходи-ость исключать изъ подъ его дѣйствія тѣ права, къ которымъ о ихъ существу давность непримѣнима; но что въ отношеніи рактическомъ настоящую силу, т. е. рѣшительное свойство произ-одить измѣненіе въ извѣстномъ правѣ, можетъ имѣть только дав-ость исковая. Пока нѣтъ иска,—нѣтъ и повода противопоставлять у пріобрѣтеніе того или другаго права по давности. Но какъ мому иску для его вчинанія постановляется въ законодательствахъ редѣленный срокъ, то при его предъявленіи отвѣтчику достаточно казать, что этотъ срокъ истекъ. Иначе, какая польза выставлять воды давностнаго владѣнія, если истецъ можетъ опровергнуть ъ тѣмъ, что для него исковой срокъ начинается не съ того мо-нта, съ какого считаетъ начало своего срока отвѣтчикъ? И такъ, мъ кажется, все стараніе составителя гражданскаго устава должно ыть направлено къ тому, чтобы выяснить со всею возможною чностію исковую давность въ примѣненіи къ различнымъ пра-мъ и противопоставить ее давности пріобрѣтающей такъ осяза-льно, чтобы въ практическомъ разрѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ могло быть сомнѣнія въ томъ, имѣетъ или нѣтъ юридическую лу эта послѣдняя, когда она не совпадаетъ съ давностью исковой; также можетъ ли она имѣть мѣсто въ примѣненіи къ извѣстному аву безъ отношенія къ иску. Другое дѣло когда вопросъ идетъ признанія давности пріобрѣтающей независимо отъ всякаго мы-имаго спора, если напримѣръ кто доказываетъ, что и онъ и его едки владѣли какимъ либо участкомъ земли въ продолженіи, по-жимъ, столѣтія. Но и здѣсь кто можетъ поручиться, что даже кая давность не перерывалась тѣмъ или другимъ способомъ. А тому и здѣсь, по нашему мнѣнію, прежде утвержденія за кѣмъ бо правительственнымъ актомъ извѣстнаго права по давности, обходимо предварительно огласить прошеніе лица, домогающа-ся такого утвержденія, чтобы могущіе заявить противъ того оръ предъявили свои доводы. На основаніи этихъ соображеній и естественно приходимъ къ заключенію, сдѣланному уже Савиньи,

и раздѣляемому однимъ изъ лучшихъ нашихъ юристовъ, что дав
ность должна имѣть въ законодательствѣ главнымъ образомъ зна
ченіе отвода противъ иска, какъ и понимало ее первоначальн
римское право. Переходя же къ вопросу объ основаніи давности
мы думаемъ, что она, какъ юридическое учрежденіе, въ исторі
права каждаго государства появляется лишь съ сознаніемъ прави
тельства и народа въ ея потребности и пользѣ; а какъ условія
подъ которыми установляются и вырабатываются юридическія по
нятія въ каждомъ народѣ бываютъ различны, то и понятіе о дав
ности получаетъ соотвѣтственное имъ развитіе. Вслѣдствіе тог
мы видимъ, что въ однихъ государствахъ это учрежденіе имѣет
болѣе широкое, въ другихъ болѣе ограниченное примѣненіе; чт
какъ условія для дѣйствія его, такъ и общепринятые для нег
сроки въ каждомъ законодательствѣ не одни и тѣже, и что нако
нецъ самое разграниченіе между сроками давностными и срокам
окончательными, назначаемыми лишь для проявленія извѣстных
правъ и независящими отъ дѣйствія или бездѣйствія того или дру
гаго лица (г. Энгельманъ вмѣстѣ съ германскими учеными назы
ваетъ эти послѣдніе präklusivfristen), установляется по мѣрѣ ра
витія каждаго законодательства и усвоенія ему твердыхъ юриди
ческихъ началъ, ясно сознаваемыхъ въ теоріи и практикѣ. Но ка
ково бы ни было развитіе давности въ данномъ государствѣ, все
таки въ немъ, по самой сущности ея, выдвигается на первый план
давность исковая или процессуальная: обыкновенно судебные акт
суть первые юридическіе памятники, которые знакомятъ насъ с
способомъ пониманія и примѣненія давности каждымъ отдѣльным
народомъ; позднѣйшіе источники права свидѣтельствуютъ такж
что лишь чрезъ посредство иска выясняются условія и сроки дав
ности пріобрѣтающей, и наконецъ въ самихъ законодательных
кодексахъ давности исковой не только неизбѣжно дается перевѣс
передъ давностью владѣнія, но даже подъ ея вліяніемъ утверж
даются за отвѣтчикомъ такія права, которыя сами по себѣ отнюд
не подходятъ подъ понятіе о давности. Вотъ почему, думаемъ мы
для уясненія себѣ этого учрежденія какъ въ исторіи права, так
и въ теоріи и практикѣ каждаго отдѣльнаго государства, необхо
димо всегда сопоставлять давность процессуальную съ одной сто
роны давности владѣнія или давности пріобрѣтающей, а съ друго
всѣмъ тѣмъ правамъ, которыя въ процессѣ получаютъ признані
и силу чрезъ посредство давности, хотя сами по себѣ должны быт
изъяты отъ ея дѣйствія.»

Высказанныя здѣсь мысли вызвали слѣдующее возраженіе со стороны г. Энгельмана въ новомъ изданіи его книги: «Н. В. Калачовъ — замѣчаетъ онъ — приходитъ также къ заключенію о необходимости различія между давностью владѣнія или пріобрѣтающею и давностью исковой или погашающею. Онъ полагаетъ, что въ практикѣ настоящую силу, т. е. рѣшительное свойство производить измѣненіе въ извѣстномъ правѣ, можетъ имѣть только давность исковая. Онъ, впрочемъ, не различаетъ съ надлежащею точностью между давностью владѣнія—usucapio и давностью исковой и, вслѣдствіе этого, онъ приходитъ къ тому заключенію, что погашающая и пріобрѣтающая давность идутъ параллельно другъ съ другомъ и должны находиться въ постоянномъ соотвѣтствіи между собою. Такое соотвѣтствіе, между тѣмъ, вовсе не необходимо, напримѣръ, если сроки usucapio и давности исковой неодинаковы. Давностный владѣлецъ, usucapient, пріобрѣтаетъ, по римскому праву, право собственности истеченіемъ 10 и 20 лѣтъ. Искъ о правѣ собственности на вещь недвижимую погашается лишь истеченіемъ 30 лѣтъ, но противъ давностнаго владѣльца этотъ искъ недѣйствителенъ, а дѣйствителенъ противъ недобросовѣстнаго владѣльца, непріобрѣвшаго вещь черезъ usucapio, (стр. 14—15).

Подробное разъясненіе нашихъ мыслей, которое необходимо для того, чтобы опровергнуть это краткое возраженіе, отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета нашей настоящей задачи, и потому оставляемъ его до другаго болѣе удобнаго случая. Но не можемъ съ своей стороны оставить безъ вниманія, что требованіе отъ положительнаго законодательства, чтобы оно содержало въ себѣ непремѣнно опредѣлительныя постановленія относительно давности владѣнія въ противоположность давности исковой; что желаніе отыскать въ источникахъ права непосредственныя указанія на каждый видъ давности особо и наконецъ отрицаніе даже соотношенія и соотвѣтствія между тою и другою давностью могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то насилованіе положительнаго законодательства, развивающагося подъ вліяніемъ своихъ туземныхъ народныхъ началъ, то невѣрное объясненіе памятниковъ древности, то опущеніе изъ виду такихъ указаній въ этихъ памятникахъ, которыя непредубѣжденнаго изслѣдователя прямо приводятъ къ даннымъ, тщетно отыскиваемымъ при содѣйствіи теоретической подкладки. И всѣми этими недостатками именно страдаетъ, какъ кажется намъ, историческая часть изслѣдованія г. Энгельмана; сверхъ того принятая имъ теорія заставляетъ его, очевидно, воп-

реки его сознанію въ томъ, что лучшіе изъ русскихъ юристов Мейеръ, Неволинъ, Куницынъ, Побѣдоносцевъ, ясно различают какъ и онъ, давность владѣнія отъ давности исковой, находит выводы ихъ невѣрными или по крайней мѣрѣ неполными, как скоро дѣло касается любимаго его предмета — вопроса о развит въ русскомъ законодательствѣ давности владѣнія, развитіи, кот рое нашъ авторъ хочетъ во что бы то ни стало подчинить нач ламъ римскаго права (стр. 21, 78—83, 104, 105, 106, 116) (*). В подтвержденіе нашихъ словъ, обратимся прямо къ розысканіям г. Энгельмана о давности въ древнемъ русскомъ правѣ по его и точникамъ.

Изъ юридическихъ памятниковъ нашей старины первыя указ нія на давность авторъ находитъ въ Псковской судной грамот Въ ней о давности говорится такъ: «а коли будетъ съ кѣмъ *су* о земли о полней или о водѣ; а будетъ на той земли дворъ, и нивы розстрадни, а *стражетъ* и *владѣетъ* тою землею или водо лѣтъ 4 или 5, ино тому исцю съслатся на сосѣдъ, человѣкъ на или на 5, а сусѣди ставъ, на коихъ шлются, да скажутъ какъ прав предъ Богомъ, что чистъ, и той человѣкъ, которой послался, стр жетъ и владѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, а *супрот вень* въ тѣ лѣта ни его *судилъ*, ни на землю *наступался*, или на вод ино земля его чиста или вода и цѣлованіа ему нѣтъ; а тако *доискался* кто *не судилъ, ни наступался въ ты лѣта*».

Г. Энгельманъ замѣчаетъ, что сущность этого закона состоит въ томъ, что четырехъ- или пятилѣтнее владѣніе землею безъ п рерыва установляетъ собственность на оную. Противъ этого вы вода мы не стали бы возражать, еслибы авторъ не говорилъ вм стѣ съ тѣмъ, что Псковская грамота вышеприведенною статье установляетъ давность владѣнія въ смыслѣ римскаго usucapi Во-первыхъ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ его мнѣніем чтобы для обращенія земли въ собственность требовалась, как необходимое условіе, ея обработка: напротивъ, памятникъ съ одно стороны противополагаетъ *земли — нивы* и только къ нивамъ отн ситъ *страду*, а съ другой — слову *страда* сопоставляетъ термин *владѣніе;* притомъ этотъ послѣдній терминъ (владѣніе) отнесенъ

*) Кромѣ многихъ другихъ мѣстъ у автора, на стр. 83 читаемъ: «въ ру скомъ правѣ односторонность и недостатокъ (въ постановленіяхъ о давност до сихъ поръ еще существуютъ и могутъ быть устранены лишь принятіем началъ римскаго права, т. е. науки о правѣ (!)».

къ водѣ, такъ что не одна обработка земли, но и водвореніе на ней и вообще владѣніе землею или водою могли быть, по Псковской грамотѣ, противопоставлены собственнику, который въ теченіе 4 или 5 лѣтъ *не искавъ* тѣ земли или воды или по крайней мѣрѣ *не наступая* на нихъ въ означенные годы, заявилъ бы затѣмъ свои притязанія. Точно также сомнѣваемся мы въ вѣрности вывода автора, что въ приведенномъ мѣстѣ Псковской грамоты имѣется въ виду только такая земля, «которая въ первый разъ обработывалась и передъ тѣмъ была нетронутая, ничья, или принадлежала государству (Пскову)» (стр. 17) *). Во-вторыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что *судная* грамота и въ настоящемъ случаѣ относится исключительно къ *суду*, и потому не опредѣляетъ непосредственно тотъ или другой способъ обращенія земли или воды въ собственность владѣльца, а напротивъ (вопреки мнѣнію г. Энгельмана) лишь указываетъ срокъ, въ теченіе котораго собственникъ въ правѣ отыскивать свою землю или воду, и способъ, которымъ отвѣтчикъ можетъ отразить его притязаніе; почему и говорится въ заключеніе: «а тако *не доискался* кто не судилъ, ни наступался *въ ты лѣта*»; слѣдовательно здѣсь рѣчь идетъ о давности *исковой*, т. е. погашающей искъ; о томъ же, что владѣлецъ становится собственникомъ, даже вовсе не упоминается, а только само собою подразумѣвается, ибо, по отраженіи *супротивника*, земля или вода владѣльца признаются *чистыми*, т. е. свободными отъ всякаго дальнѣйшаго иска. И такъ Псковская судная грамота столь же мало, какъ и позднѣйшіе памятники установляетъ usucapio въ томъ смыслѣ, какъ употребляется это выраженіе въ римскомъ правѣ; но какъ и эти памятники, она, очевидно, не отрицаетъ обращеніе владѣнія въ собственность чрезъ признаніе судомъ настоящаго собственника потерявшимъ противъ владѣльца право отыскивать свою землю или воду.

Далѣе, указываемое г. Энгельманомъ отношеніе между разными способами доказательства при рѣшеніи споровъ о землѣ по Псковской грамотѣ представляется намъ подкрѣпленнымъ весьма шаткими доводами. По его мнѣнію, «если предъявлялись грамоты (документы), то дѣло рѣшалось на основаніи этихъ грамотъ; если же грамоты противорѣчили одна другой, то споръ рѣшался прежде всего по показанію свидѣтелей, и только въ такомъ случаѣ если бы свидѣтели не могли быть представлены, дѣло рѣшалось — по

*) Подробнѣе объ этомъ сказано будетъ ниже.

древнѣйшему (псковскому) праву — поединкомъ или присягою, по новѣйшему же — одною присягою; если (наконецъ) тяжба была такова, что ни съ какой стороны право не могло быть доказано документами, потому что пашня образовалась обработкою владѣльца, надворное строеніе сооружено имъ, слѣдовательно прежній собственникъ могъ заявить притязаніе только на одну необработанную землю, то она рѣшалась на основаніи доказанной свидѣтелями давности владѣнія (стр. 18—19)». Выводъ этотъ основанъ на слѣдующемъ мѣстѣ Псковской судной грамоты: «о лѣшей земли будетъ судъ, а положатъ грамоты двои на одну землю, а зайдутъ грамоты за грамоты, а исца оба возмутъ межниковъ, да оба изведутца..., ино имъ присужати поле», и на одной псковской же грамотѣ 1483 г., содержащей въ себѣ приговоръ, постановленный въ одной тяжбѣ о земляхъ и водахъ: изъ этой грамоты видно, что въ данномъ случаѣ судьи, не удовольствовавшись представленными обѣими сторонами документами, потребовали еще доказательства чрезъ свидѣтелей. По общепринятому мнѣнію, давность есть такое доказательство, которое отражаетъ права собственника чѣмъ бы они ни подтверждались — документами или свидѣтелями. Если обѣ спорящія стороны ссылаются въ своей тяжбѣ только на документы или свидѣтелей, или одна сторона на документы, а другая на свидѣтелей, не касаясь давности, то значитъ, что ни одна сторона не считаетъ еще свое владѣніе на столько давностнымъ, чтобы, въ силу этой давности, возражать противнику, или же что она не можетъ доказать, что для сего послѣдняго право иска на спорную землю уже погасло не предъявленіемъ его въ теченіи многихъ лѣтъ. Отъ отвѣтчика по этому зависитъ предъявить противъ истца документъ, если у него таковой есть и онъ признаетъ его болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ актъ, представленный его противникомъ, или же сослаться на свидѣтелей, или напротивъ указать на давность своего владѣнія. Отсюда мы не можемъ не заключить, что если въ Псковской грамотѣ не говорится въ томъ мѣстѣ, гдѣ давность приводится какъ доказательство владѣльца относительно его права на землю или воду о представленіи противъ него со стороны собственника документа, то это еще не значитъ, чтобы въ древнемъ псковскомъ судопроизводствѣ, за устраненіемъ судомъ въ спорѣ о землѣ силы документа, представленнаго одною изъ сторонъ, ею не могла быть выставлена давность владѣнія какъ болѣе надежное доказательство, или чтобы она сама не могла заявить, что хотя и у нея есть документъ, но въ настоящемъ случаѣ она хочетъ доказывать свое право давностью

Примѣровъ тому мы находимъ много въ актахъ древняго судопроизводства. Напрасно также г. Энгельманъ думаетъ, что нельзя было представлять документа при отысканіи земли, на которой возведено надворное строеніе или были признаки распашки со стороны владѣльца, потому, будто бы, «что прежній собственникъ могъ заявить притязаніе только на одну необработанную землю». Развѣ не могло случаться, чтобы земля уже обработанная переходила во владѣніе другаго, да и въ томъ случаѣ если земля еще дѣйствительно необработанная прежнимъ собственникомъ была вновь кѣмъ либо заселена или распахана, конечно не одно заселеніе или распашка отражали искъ собственника противъ этого новаго хозяина, а то, что въ теченіи *многихъ лѣтъ*, пока владѣніе землею или водою находилось въ чужихъ рукахъ, собственникъ не позаботился объ ихъ возвращеніи: словомъ, доказанная на судѣ давность исковая превращала владѣніе новаго хозяина въ теченіе этой же давности въ его собственность. Вотъ почему мы напротивъ вполнѣ согласны съ слѣдующимъ выводомъ автора: «если же тяжба шла собственно о лѣсѣ, то при отсутствіи всякихъ доказательствъ о существованіи лѣснаго хозяйства, которыми можно было бы доказать чье нибудь владѣніе лѣсомъ съ намѣреніемъ пріобрѣсти лѣсъ въ собственность, не могло быть и рѣчи о давности владѣнія, потому что для нея нужна была или обработка, или водвореніе и стороженіе (стр. 19)». Но находящееся тутъ же заключеніе, что въ Псковской грамотѣ при спорѣ о лѣсѣ упоминаются однѣ грамоты, о давности же владѣнія не говорится лишь потому «что она въ бо́льшей части случаевъ не могла имѣть мѣста», мы можемъ принять не иначе какъ съ оговоркой. Псковская грамота, какъ вообще древнѣйшіе законодательные памятники, составилась, безъ сомнѣнія, на основаніи бывшихъ прежде судебныхъ рѣшеній: рѣшенія эти не приведены въ ней въ строгій систематическій порядокъ, и оттого случилось, что составитель грамоты, говоря въ приведенномъ выше мѣстѣ объ отраженіи иска собственника земли или воды отвѣтчикомъ давностью владѣнія въ теченіе опредѣленнаго срока, не упомянулъ о томъ какія доказательства въ подтвержденіе своей собственности могъ бы приводить истецъ: документъ, свидѣтелей и т. п., рядомъ же помѣстилъ случай, что оба тяжущіеся, въ подтвержденіе своихъ правъ на лѣсъ, «положили грамоты»; а въ трехъ другихъ случаяхъ, отдѣльно отъ этого мѣста, упомянулъ о доказательствѣ собственности на землю документами. Однимъ словомъ, мы полагаемъ, что какъ приведенныя, такъ и

другія статьи Псковской судной грамоты должны быть объясняем по указываемому въ каждой изъ нихъ случаю или примѣру суде ной практики, а не возводимы въ болѣе или менѣе общія нача какъ это дѣлаетъ г. Энгельманъ, распространяясь о томъ, почем псковское usucapio не усвоило себѣ bona fides и justus titulus, без которыхъ давность владѣнія у Римлянъ была немыслима.

Въ противоположность давности владѣнія въ Псковѣ и тако же давности въ Новгородѣ (принимаемой авторомъ единствен вслѣдствіе общаго сходства въ бытѣ Пскова и Новгорода), г. Э гельманъ совершенно отрицаетъ таковую же давность на почв Московскаго княжества. «Поземельному праву Московскаго вел каго княженія—говоритъ онъ—учрежденіе давности владѣнія (usu capio) было совершенно чуждо. Ни въ законахъ, ни въ актахъ н находимъ никакихъ слѣдовъ подобнаго учрежденія. Въ Москв поземельныя отношенія развились въ тѣсной связи съ помѣстно системою и служебными отношеніями служилыхъ людей, въ Но городѣ и Псковѣ безъ этой примѣси. Поэтому, существованіе да ности владѣнія въ Псковѣ и Новгородѣ не доказываетъ вовсе, чт она существовала и въ прочей Руси. *Неволинъ*, въ своей «Истори россійскихъ гражданскихъ законовъ», выходя изъ той мысли, чт давность владѣнія основана на сущности отношенія лица къ своим правамъ, что существованіе ея необходимо въ интересѣ общаг спокойствія и утвержденія порядка, полагаетъ, что давность сущ ствовала въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, хотя въ законахъ н находится опредѣленія срока давности. Она, по его мнѣнію, сущ ствовала какъ вообще владѣніе долговременное, изъ временъ неза памятныхъ, изстари, изъ вѣка, отъ отцевъ и дѣдовъ, по старин по пошлинѣ, по обычаю. Однако, эти выраженія, какъ увидим ниже, вовсе не указываютъ на давность, но на обычное прав Точно также нельзя признать доказательствомъ существованія да ности, что князья, въ подтвержденіе своего права заниматъ ту и другую область, приводили, что въ этой области сидѣли ихъ отец дѣдъ, вообще предки, и право другихъ князей опровергали тѣм что предки искателя не сидѣли въ ней. Здѣсь, очевидно, дѣло н идетъ о давности, но о правѣ на наслѣдство. Точно также нель видѣть указанія на давность въ томъ, что Новгородцы въ догов рахъ съ князьями основаніемъ заключаемыхъ условій ставили ст рину, пошлину. Напротивъ того этимъ они указываютъ на сущ ствующій у нихъ порядокъ, на бытовыя особенности ихъ госуда ственнаго и общественнаго строя. Равно указываютъ не на давност

а на занятіе (occupatio), выраженія, которыми опредѣляются границы поземельныхъ владѣній: «куда потягло», «куда плугъ и соха и коса и топоръ ходили, и т. п. (стр. 20—21)».

Мы не будемъ защищать Неволина относительно отдѣльныхъ его доводовъ, на которые нападаетъ авторъ, потому что цѣль Неволина не въ томъ заключалась, чтобы выяснить значеніе давности въ древнемъ русскомъ правѣ на основаніи приводимыхъ имъ мѣстъ изъ лѣтописей, княжескихъ договоровъ и другихъ грамотъ, а единственно въ томъ, чтобы доказать, что понятіе о протеченіи многихъ лѣтъ со времени извѣстнаго событія имѣло юридическую силу какъ въ жизни русскаго народа вообще, такъ и при обсужденіи разныхъ политическихъ и частныхъ дѣлъ. Поэтому какъ ни интересны и поучительны сами по себѣ замѣчанія г. Энгельмана, мы не считаемъ нужнымъ на нихъ останавливаться, и только скажемъ, что съ той точки, какъ онъ смотрѣлъ на доводы Неволина, эти замѣчанія до того вѣрны и убѣдительны, что можно признать пріобрѣтеніемъ для науки слѣдующій сдѣланный изъ нихъ самимъ г. Энгельманомъ выводъ:

«Въ приведенныхъ договорахъ дѣйствительно есть постановленіе объ отмѣнѣ разныхъ притязаній гражданскаго и уголовнаго свойства, непредъявленныхъ до извѣстнаго срока, однако о давности тутъ вовсе не говорится. Эти притязанія не уничтожаются за непредъявленіемъ ихъ въ теченіе опредѣленнаго срока времени, но при отмѣнѣ ихъ обращается вниманіе единственно на опредѣленную точку времени, важную въ политическомъ отношеніи, такъ что срокъ, въ теченіе коего допускается предъявленіе притязаній, со времени дѣлается все болѣе продолжительнымъ. Также нельзя видѣть въ приведенныхъ постановленіяхъ назначеніе судебнаго срока, потому что точка времени, съ которой прекращаются всѣ иски, опредѣляется лишь тогда, когда она давно прошла, ей приписывается означенное значеніе ex post. Въ упомянутыхъ договорахъ дѣло идетъ объ исключительныхъ мѣрахъ, установленныхъ изъ причинъ политическихъ. Они заключены для прекращенія войны, поэтому прежде всего опредѣляется, что все учиненное во время войны должно быть забыто и уничтожено. Таже политическая цѣль руководствовала договаривающимися сторонами при установленіи особыхъ сроковъ, съ тѣмъ, чтобы дѣла, возникшія до нихъ, не могли быть начаты предъ судомъ. Эта цѣль существенно различается отъ цѣли, съ какой установляется давность. Установленіемъ этого срока ограждается не стойкость юридическаго строя

внутри княжества, что бываетъ главною цѣлью, съ которою уст
новляется давность, но спокойствіе и твердость внѣшнихъ отнош
ній. Только что заключенный миръ, окончившій кровавую вражд
долженъ быть по возможности огражденъ отъ нарушеній. Устр
няется тщательно все, что могло бы подать поводъ къ пререканія
и столкновеніямъ. Такъ какъ при тогдашнемъ частномъ характер
правительство князей-вотчинниковъ, при тогдашнихъ узкихъ отн
шеніяхъ, даже частные споры и притязанія могли вызвать столкн
веніе между цѣлыми княжествами, то всякіе поводы къ таковы
по возможности предупреждаются (стр. 26)».

Тѣмъ не менѣе, мы рѣшительно протестуемъ противъ закл
ченія автора, будто даже давность исковая «въ русскомъ правѣ
существовала съ древнѣйшихъ временъ и не развилась обычаем
и практикой, какъ это полагаютъ Неволинъ и Мейеръ, такъ что
XV-й вѣкъ невидно даже никакихъ признаковъ существованія
кого обычая, и что напротивъ того давность иска въ русско
правѣ, подобно какъ въ римскомъ, есть учрежденіе не древняго
позднѣйшаго времени и установлена не обычаемъ, а государств
ною законодательною властью».

На чемъ однако основываетъ г. Энгельманъ такое важное закл
ченіе? Не нашелъ ли онъ какой либо новый законодательный
мятникъ XV-го вѣка, въ которомъ ясно выражено, что имъ *впер*
вводится на Руси исковая давность? Нѣтъ, то что авторъ наз
ваетъ закономъ, есть совершенно частное обстоятельство, закл
чающееся въ слѣдующемъ. По мѣновной грамотѣ, данной вел
княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ митрополиту Кипріану, посл
нему была предоставлена, въ замѣнъ города Олексина, слобод
Всеславль со всѣмъ, «что къ ней потягло», за исключеніемъ *стар*
боярской купли, или тѣхъ вотчинъ, которыя были кѣмъ либо пріо
рѣтены *за пятнадцать лѣтъ* до этой мѣны. Въ 1492 г., вел. кня
Иванъ Васильевичъ, по примѣру своего дѣда и въ подтвержде
его грамоты митрополиту, постановляетъ послать въ Всеслав
своего боярина, съ тѣмъ, чтобы онъ и бояринъ, посланный о
митрополита, разобрали кому какія должны принадлежать въ пр
дѣлахъ означенной слободы земли и воды—митрополиту или ча
нымъ вотчинникамъ, по куплѣ, при чемъ для признанія за посл
ними права удержать куплю въ своей собственности велик. кня
предписываетъ, чтобы принятъ былъ, по примѣру, какъ *судилъ е*
дѣдъ — срокъ владѣнія *за пятнадцать лѣтъ*. Тутъ дѣйствитель
указанъ 15-ти-лѣтній срокъ для иска со стороны митрополита;

слѣдуетъ ли отсюда, чтобы это постановленіе о давностномъ срокѣ было предписано настоящимъ частнымъ случаемъ какъ общее правило для всѣхъ владѣній вел. князя Московскаго? Правда, что и г. Энгельманъ называетъ приводимое здѣсь постановленіе о пятнадцатилѣтней давности закономъ не общимъ, а мѣстнымъ; однако тотчасъ же замѣчаетъ, что «съ распространеніемъ предѣловъ вел. княжества Московскаго, вслѣдствіе присоединенія удѣловъ, примѣненіе онаго все болѣе и болѣе распространялось, пока онъ не сдѣлался общимъ закономъ во всей восточной, Московской Руси». Но если это такъ, то гдѣ осязательныя доказательства такого предположенія по крайней мѣрѣ для XV-го столѣтія, такъ какъ уже въ первомъ Судебникѣ указанъ другой давностный срокъ для иска о земляхъ? Г. Энгельманъ счелъ долгомъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, просмотрѣть всѣ правыя грамоты и другіе акты XV-го вѣка, въ которыхъ встрѣчаются какія либо указанія на исковую давность; но онъ нашелъ, что на основаніи одной грамоты тяжущійся указываетъ на пропущеніе *семилѣтняго* срока со стороны истца; что въ другомъ актѣ говорится о владѣніи *за двадцать лѣтъ*; въ третьемъ иску отказывается, потому что онъ не искалъ, а молчалъ *пятдесятъ* лѣтъ; наконецъ въ приговорѣ Звенигородскаго князя Андрея Васильевича, 1491 г., истцу отказывается въ искѣ за пропущеніемъ *шести* лѣтъ со времени владѣнія отвѣтчикомъ его землею. Гдѣ же тутъ подтвержденіе примѣненія къ исковой давности не инаго срока какъ пятнадцатилѣтній, или же чтобы исковая давность была установлена въ Сѣверовосточной Руси лишь въ концѣ XIV-го вѣка? Скажемъ болѣе: мы не сомнѣваемся, что могутъ еще отыскаться древнѣйшіе памятники, чѣмъ вышеозначенная грамота вел. князя Василія Дмитріевича, съ указаніемъ на примѣненіе въ Московскомъ и другихъ княжествахъ давности, такъ точно какъ до открытія Псковской судной грамоты мы не знали, что въ Псковѣ она примѣнялась въ тяжбахъ о землѣ и водѣ уже въ половинѣ XIII-го вѣка, и мнѣніе наше мы основываемъ именно на томъ, что не находимъ такого рѣзкаго различія, какое видитъ г. Энгельманъ между давностью Псковской и Московской. Очень можетъ быть также, что неизвѣстные еще памятники объяснятъ намъ, что до изданія перваго Судебника въ Восточной Руси примѣнялась не только шестилѣтняя давность, какъ указываетъ вышеприведенная грамота Звенигородскаго князя, но также давность десятилѣтняя, пятнадцатилѣтняя и еще гораздо болѣе продолжительная, или же болѣе сокращенная, именно пятилѣтняя, какъ въ Псковской

грамотѣ. Въ подтвержденіе такого предположенія можно сказа
то, что сроки пяти-, десяти- и пятнадцатилѣтній были самые лю
мые, самые народные въ древней Руси, что̀ видно изъ льготъ, п
доставлявшихся людямъ, которые селились на чьей либо землѣ,
теченіе того или другаго изъ этихъ сроковъ. Но уже и до возмо
наго открытія такихъ памятниковъ, которые подтвердили бы на
мысль, мы признаемъ несомнѣннымъ, что какъ въ XV-мъ вѣкѣ
изданія перваго Судебника, такъ и ранѣе, не было одного общ
закономъ установленнаго срока, которымъ бы руководствовал
судьи при рѣшеніи спорныхъ дѣлъ на основаніи давности. Не я
ли это доказываютъ не только Псковская судная грамота, гдѣ
ворится о давности четырехъ *или* пятилѣтней, но и представл
ные самимъ г. Энгельманомъ примѣры изъ нашей древней Моск
ской судебной практики, которые свидѣтельствуютъ, что въ
примѣнялись и шести- и пятнадцатилѣтній сроки, а тяжущіеся с
лались и на другіе какъ болѣе, такъ и менѣе продолжитель
этихъ; а отсюда не слѣдуетъ ли прямо заключить, что, при не
ществованіи общаго закона для давности, отъ усмотрѣнія су
въ каждомъ данномъ случаѣ зависѣло признать сроки владѣ
или пропущенія иска, указываемые тяжущимися, достаточны
для присужденія собственности отвѣтчику и для обвиненія ис
какъ потерявшаго на нее право тѣмъ, что въ теченіе даннаго ср
молчалъ, или же недостаточными въ виду тѣхъ условій, котор
были обставлены владѣніе съ одной стороны и молчаніе съ дру
И вотъ, по нашему мнѣнію, оправданіе доводовъ Мейера и Не
лина, которые старались доказать и какъ кажется намъ убѣ
тельно, что исковая давность существовала и примѣнялась въ
дебной практикѣ на Руси съ древнѣйшаго времени, если не по
вліяніемъ положительнаго закона, то на основаніи общаго обыч

Обращаясь къ Судебникамъ и къ слѣдующимъ за ними пам
никамъ законодательства до Уложенія 1649 г. включительно, г.
гельманъ съ большимъ вниманіемъ обсуждаетъ значеніе встрѣч
щихся въ нихъ сроковъ давности: трехъ- и шестилѣтняго въ с
рахъ о землѣ; сорокалѣтняго для выкупа вотчинъ; пяти-, десяти
пятнадцатилѣтняго для отысканія бѣглыхъ крестьянъ; пятнадца
лѣтняго въ искахъ по обязательствамъ, и одного года для возв
щенія приплода животныхъ, бывшихъ въ чужомъ владѣніи.
сожалѣнію, выводы автора основаны почти исключительно
статьяхъ указовъ, въ которыхъ говорится о томъ или друго
срокѣ, и въ этомъ отношеніи надо отдать ему справедливость

полной добросовѣстности, съ какою онъ старался разъяснить какъ происхожденіе, такъ и свойство всѣхъ этихъ сроковъ; тѣмъ не менѣе практическое примѣненіе ихъ изслѣдовано въ разсматриваемомъ сочиненіи довольно слабо. Изъ множества дошедшихъ до насъ дѣлъ, въ коихъ прямо или косвенно разсматривался вопросъ о той или другой давности, г. Энгельманъ приводитъ только шесть, съ 1499 по 1612 годъ, и даже не указываетъ ни на одно рѣшеніе вышедшее послѣ этого времени до конца XVIII-го столѣтія, такъ что отъ давности по Уложенію 1649 года переходитъ прямо къ давности, учрежденной Императрицей Екатериной II. Чѣмъ объяснить такое опущеніе со стороны автора, столь тщательнаго въ своихъ розысканіяхъ, что имъ разработаны даже и такія свидѣтельства о тогдашнемъ юридическомъ бытѣ, въ которыхъ нѣтъ и помину о давности, единственно потому, что онъ предполагалъ найти въ нихъ какія либо на нее указанія. Не тѣмъ ли, какъ и замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, что памятники рукописные, гдѣ можно найти требующіяся свѣдѣнія о практическомъ примѣненіи той или другой давности въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ, ему были неизвѣстны или недоступны? Но и печатныя изданія документовъ могли бы доставить изслѣдователю хорошій матеріалъ по этому предмету, какова напримѣръ правая грамота 1559 г., изданная профессоромъ Сандуновымъ въ 1830 г.; дѣла XVII-го вѣка о бѣглыхъ и акты Западной Руси, которые напрасно авторъ оставилъ безъ вниманія, ибо въ нихъ нашелъ бы онъ въ высшей степени полезныя указанія на примѣненіе давности Литовскаго Статута въ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ съ областями Сѣверовосточной Руси и на вліяніе, которое Статутъ необходимо имѣлъ и на судопроизводство этой послѣдней, особенно чрезъ присоединеніе къ ней разныхъ городовъ съ ихъ уѣздами, принадлежавшихъ великому княжеству Литовскому. Независимо отъ этихъ источниковъ, мы считаемъ также долгомъ замѣтить, что со временъ Петра Великаго ни въ какомъ случаѣ не должна была быть обойдена авторомъ сенатская практика. А рѣшенія Правительствующаго Сената напечатаны въ значительномъ количествѣ въ разныхъ изданіяхъ, частныхъ и правительственныхъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, какъ напр. въ сборникахъ Правикова, Чулкова, Хавскаго и коммисіи составленія законовъ. Правда, богатѣйшій матеріалъ сенатской практики XVIII-го вѣка еще не изданъ: рѣшенія Правительствующаго Сената, состоявшіяся въ теченіи этого столѣтія, хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, но доступъ къ нимъ не труденъ

и составленіе изъ нихъ извлеченій облегчается готовыми уже указателями и другими пособіями, такъ что, по нашему разумѣнію, тотъ кто избираетъ для своихъ изслѣдованій какой либо предметъ изъ области права XVIII-го столѣтія, въ настоящее время уже никакъ не въ правѣ устранять себя отъ изученія этого богатѣйшаго источника, хотя бы и пришлось для того сдѣлать поѣздку въ Москву. Говоримъ это впрочемъ не въ укоръ автору, который можетъ быть и не имѣлъ цѣлью представить въ своемъ сочиненіи совершенно полное розысканіе о развитіи давности въ Россіи съ древнѣйшаго времени, такъ какъ главный предметъ его изслѣдованія составляло, какъ мы уже замѣтили, догматическое изложеніе ея постановленій: мы сочли себя обязанными указать на приведенный недостатокъ его труда единственно въ виду Положенія о наградахъ графа Уварова, которое требуетъ не только, чтобы представляемыя къ соисканію юридическія сочиненія относились къ исторіи законодательства Россіи (§ 3), но также, «чтобы рецензенты, при обсужденіи такихъ сочиненій, обращали преимущественное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ сочиненіе способствуетъ къ *полному* познанію избраннаго авторомъ предмета». Съ этой точки зрѣнія находя, что и выводы г. Энгельмана относительно давности, учрежденной Императрицей Екатериной II, именно: о томъ, что между ею и давностью, имѣвшею силу въ Россіи въ предшествовавшее время, нѣтъ никакой связи; что мнѣніе Неволина, принимающаго вліяніе Литовскаго Статута на введеніе нынѣшней десятилѣтней давности, невѣрно, и что наконецъ выраженіе «давность владѣнія» встрѣчается *въ первый разъ* въ Сводѣ Законовъ 1832 г., еще далеко не убѣдительны и напротивъ очень можетъ быть будутъ опровергнуты при дальнѣйшихъ розысканіяхъ по источникамъ,—мы полагаемъ, что важныя достоинства, которыми отличается догматическая часть настоящаго сочиненія еще недостаточны для того, чтобы присудить автору за его историческія розыскянія о давности въ русскомъ правѣ *большую* награду. Останавливаясь же на томъ, что многіе источники русскаго законодательства въ отношеніи къ давности по гражданскому праву разработаны въ разсматриваемомъ сочиненіи весьма внимательно; что сдѣланные отсюда выводы тщательно соображены въ немъ съ предположеніями и заключеніями, находящимися въ разныхъ юридическихъ сочиненіяхъ и даже мелкихъ статьяхъ; что стройной систематической группировкой въ своемъ изслѣдованіи разныхъ видовъ давности г. Энгельманъ даетъ читателю впервые возможность обнять и уяснить себѣ разомъ всѣ

эти виды; что наконецъ толкованія его тѣхъ мѣстъ манифестовъ Императрицы Екатерины II-й 1775 и 1787 г., которыя относятся къ давности, чрезъ сличеніе ихъ съ современными имъ и позднѣйшими уставами, указами, сенатскими рѣшеніями и мнѣніями Государственнаго Совѣта, составляютъ такой полезный трудъ для правильнаго пониманія не только этихъ манифестовъ, но и статей о давности въ дѣйствующемъ законодательствѣ, что имъ однимъ по справедливости нельзя отказать въ значеніи историко-критической монографіи, исполненной съ большимъ талантомъ,—мы, не обинуясь, считаемъ автора вполнѣ достойнымъ второстепенной награды *).

---

*) Болѣе подробное изложеніе своихъ мыслей по вопросу о давности и ея примѣненіи въ русскомъ законодательствѣ, съ указаніемъ и на самые источники, которыми подкрѣпляются его доводы, рецензентъ предполагаетъ помѣстить въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (издаваемомъ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ), какъ продолженіе напечатанной уже здѣсь первой статьи его, подъ заглавіемъ: «О давности по русскому гражданскому праву.»

ОТЧЕТЪ

О ТРИНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

25 Сентября 1870 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
А. Черкесова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмидорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Эфоядженца и Комп., въ Тифлисѣ.
А. Е. Кохрибарджи, въ Одессѣ.

Цѣна 50 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Май 1872 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9. л. № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отчетъ о тринадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25-го Сентября 1870 года, Непремѣннымъ Секретаремъ К. С. Веселовскимъ . . . . . 1—20

Разборъ сочиненія А. Попова: «Обзоръ хронографовъ Русской редакціи». Академика И. И. Срезневскаго. . . . . 21—30

Разборъ сочиненія А. Павлова: «Первоначальный Славяно-Русскій Номоканонъ». Академика И. И. Срезневскаго. . . . . 31—36

Разборъ сочиненія М. Владимірскаго-Буданова: «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ». Доцента Императорскаго Варшавскаго Университета Ад. Ив. Павинскаго. . . . . 37—87

Разборъ сочиненія Н. Попова: «Россія и Сербія». Профессора В. Богишича . . . . . 88—333

Разборъ сочиненія Г. Аѳанасьева: «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу», т. 2 и 3. Профессора А. Котляревскаго . . 334—373

Разборъ сочиненія Д. Хвольсона: «Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ, арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Даста». Профессора О. Ѳ. Готвальда. . . . 374—386

Разборъ сочиненія Г. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол.» Профессора И. Бѣляева . . . . . 387—401

ОТЧЕТЪ

О

ТРИНАДЦАТОМЪ НРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25 сентября 1870 года, Непремѣннымъ Секретаремъ К. С. Веселовскимъ.

Въ настоящемъ году происходило тринадцатое присужденіе наградъ, учрежденныхъ графомъ А. С. Уваровымъ въ память о его покойномъ отцѣ, бывшемъ Президентѣ Академіи Наукъ, графѣ С. С. Уваровѣ, и имѣющихъ цѣлью поощрять русскихъ писателей къ изслѣдованіямъ въ области русской и славянской исторіи и къ занятіямъ драматическою словесностью.

Драматическихъ сочиненій, представленныхъ на нынѣшній разъ въ Академію, было два: одно печатное и одно рукописное. Разсмотрѣніе ихъ и произнесеніе о нихъ приговора Конференція Академіи поручала особой коммиссіи, состоявшей, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: А. В. Никитенко, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, П. П. Пекарскаго, А. Ѳ. Бычкова, В. В. Вельяминова-Зернова и Н. Г. Устрялова. Впослѣдствіи, по причинѣ отсутствія г. Вельяминова-Зернова изъ Петербурга и кончины г. Устрялова, ихъ мѣсто, въ составѣ коммиссіи, заступали А. А. Куникъ и М. И. Броссе.

По приглашенію этой коммиссіи, г. Никитенко составилъ разборъ обѣихъ пьесъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ рецензента, коммиссія нашла, что ни та, ни другая пьеса не представляетъ собою той совокупности достоинствъ, по которой можно было бы при-

знать ее заслуживающею преміи, и посему единогласно постановила, что въ настоящемъ году нѣтъ повода къ присужденію награды за драматическое произведеніе.

Что касается до историческихъ сочиненій, то на нынѣшній конкурсъ ихъ представлено было въ Академію одиннадцать; кромѣ того оставалось одно, отложенное отъ прошлогодняго конкурса. Въ числѣ этихъ двѣнадцати сочиненій десять было печатныхъ и два рукописныхъ. Коммиссія, которую Конференція Академіи назначала для разсмотрѣнія этихъ трудовъ, состояла, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, П. П. Пекарскаго, Я. К. Грота, А. А. Куника, А. Ѳ. Бычкова и А. В. Никитенко. По смерти г. Устрялова, вмѣсто него въ члены коммиссіи былъ назначенъ М. И. Броссе.

Приступивъ къ исполненію возложеннаго на нее порученія, коммиссія устранила изъ конкурса четыре сочиненія, какъ относящіяся по предмету своему къ числу такихъ, которыя, на основаніи правилъ, не допускаются къ соисканію премій. За тѣмъ для остальныхъ восьми сочиненій, коммиссія избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій, коммиссія, найдя, что одна изъ нихъ не можетъ служить для коммиссіи основаніемъ къ постановленію приговора о сочиненіи, положила это сочиненіе отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса.

Затѣмъ по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ семи сочиненій, коммиссія, въ засѣданіи 10 сентября, положила одно изъ нихъ удостоить большой Уваровской награды (въ 1500 р.) и 6 меньшихъ наградъ (въ 500 р. каждая).

I.

Сочиненіе, увѣнчанное большою преміею, озаглавлено: *Обзоръ Хронографовъ русской редакціи, Андрея Попова*; 2 выпуска, съ приложеніемъ «*Изборника Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей внесенныхъ въ хронографы русской редакціи.*» Москва 1866—1869.

Подъ именемъ хронографовъ извѣстны у насъ сборники повѣствованій о временахъ минувшихъ отъ сотворенія міра до той или

другой эпохи византійской исторіи, нерѣдко доведенные до паденія Царьграда и даже до позднѣйшаго времени. Эти сборники, касающіеся одинаково событій церковныхъ и гражданскихъ, были въ древнее и старинное время единственнымъ источникомъ для изученія всемірной исторіи и потому довольно часто были переписываемы. Первоначально они составляли дословный переводъ греческихъ книгъ— и въ такомъ видѣ появленіе ихъ въ славянской письменности относится большею частію къ отдаленному времени ея перваго разсвѣта, къ X—XI вѣку. Другой родъ хронографовъ, явившійся значительно позже, представляетъ сводъ извѣстій изъ разныхъ книгъ, со ставками по славянской и русской исторіи. Количество вставокъ увеличивалось постепенно, и вообще онѣ распадаются на два разряда: однѣ суть лѣтописныя замѣтки, другія особенныя сказанія и повѣсти. Каждая изъ двухъ частей состава хронографовъ, греческая и славянская, имѣютъ значеніе для изслѣдователей, какъ по богатству представляемыхъ хронографами историческихъ указаній, такъ и по множеству данныхъ для знакомства съ старинной русско-славянской литературой. Между тѣмъ эта часть нашей древней письменности оставалась почти совершенно неизвѣстною; причиною того была трудность, съ которою сопряжено изученіе хронографовъ. Рукописей, въ которыхъ встрѣчаются они, существуетъ множество; но хранятся онѣ въ разныхъ библіотекахъ, общественныхъ и частныхъ, а многія лежатъ въ хламѣ, никѣмъ незнаемыя, и лишь случайно попадаются въ продажѣ. Только о нѣкоторыхъ изъ этихъ списковъ хронографовъ до сего времени были изданы отрывочныя извѣстія, помѣщенныя въ описаніяхъ рукописей и другихъ подобныхъ трудахъ; особаго же изслѣдованія, которое было бы посвящено сличенію и критической оцѣнкѣ различныхъ редакцій хронографовъ, у насъ не существовало.

Желая содѣйствовать пополненію этого пробѣла, Академія Наукъ, въ 1857 и 1860 годахъ, обращала вниманіе изслѣдователей на собственно славянскую часть содержанія хронографовъ и предлагала ея разборъ, какъ задачу на соисканіе поощрительной награды графа Уварова. При этомъ она требовала отъ тѣхъ, кто взялся бы за это дѣло, удовлетворительнаго библіографическаго обозрѣнія списковъ хронографовъ, описанія южно-славянскихъ и русскихъ статей въ хронографахъ, съ показаніемъ ихъ содержанія, и наконецъ сличенія ихъ съ тѣми ихъ списками, которые находятся въ лѣтописяхъ и отдѣльныхъ сборникахъ, по отношенію къ изложенію. Кромѣ того Академія ожидала отъ конкурентовъ, какъ важнаго дополненія къ

ихъ труду, разбора филологическихъ и исторіографическихъ отношеній, по которымъ можно было бы рѣшить, какія изъ южнославянскихъ и русскихъ статей появляются въ хронографахъ ранѣе, чѣмъ въ лѣтописяхъ и сборникахъ, и что зашло въ хронографы изъ лѣтописей и другихъ книгъ.

Не смотря на сдѣланный Академіею двукратный вызовъ и на довольно продолжительный срокъ, назначеный для доставленія отвѣтовъ на задачу, такихъ сочиненій къ сроку не явилось. Можно было думать, что и долго еще не найдется изслѣдователя, который рѣшился бы взяться за разработку хронографовъ, и что свѣдѣнія о нихъ будутъ увеличиваться постепенно, по мелочамъ, посредствомъ описаній рукописей и изданія выписокъ изъ нихъ, посредствомъ частныхъ сличеній статей, находящихся въ хронографахъ, между собою и со сказаніями другихъ письменныхъ памятниковъ и т. п., какъ вдругъ сочиненіе г. Андрея Попова, представленное на нынѣшній конкурсъ, явилось блестящимъ рѣшеніемъ задачи, предложенной Академіею.

Разсмотрѣніе этого сочиненія коммиссія поручала Академику Срезневскому. Въ составленной имъ рецензіи, г. Срезневскій, послѣ указанія на трудности, съ которыми пришлось бороться автору, отдаетъ справедливость «столько же силѣ воли, помогшей г. Попову не оставить утомительной, часто кропотливой работы, пока не «доведена она до конца, сколько и его умѣнью браться за рѣшеніе «научной задачи». «Плодомъ этой усидчивости и таланта было, по «словамъ г. Срезневскаго, то, что одна изъ самыхъ темныхъ и въ то «же время самыхъ важныхъ частей нашей старинной литературы «освѣтилась разомъ такъ, что стала доступною даже и невооруженному глазу и разомъ истолкована трудами одного человѣка лучше, «чѣмъ нѣкоторыя другія части, надъ которыми трудились многіе».

Затѣмъ рецензентъ вкратцѣ излагаетъ выводы, добытые авторомъ. Разсмотрѣвъ болѣе полутораста списковъ хронографовъ, онъ нашелъ, что всѣ они составляютъ видоизмѣненіе нѣсколькихъ редакцій, изъ которыхъ древнѣйшая «Лѣтописецъ-Еллинскій и Римскій» предшествовала другимъ, болѣе сложнымъ трудамъ этого рода. За этимъ Лѣтописцемъ, который разсмотрѣнъ г. Поповымъ въ пяти спискахъ, слѣдуетъ хронографъ, являющійся въ трехъ передѣлкахъ, изъ которыхъ послѣдняя доведена до временъ царя Михаила Ѳеодоровича. Число списковъ этого хронографа весьма значительно. Отъ всѣхъ этихъ видоизмѣненій стараго хронографа отличается хронографъ, основанный на временникѣ Георгія Амартола,

найденный г. Поповымъ въ двухъ спискахъ, отличающихся другъ отъ друга. Не менѣе отличны отъ предъидущей категоріи хронографы позднѣйшаго состава, которыхъ авторъ насчитываетъ 11. Распредѣливъ такимъ образомъ разсмотрѣнные имъ хронографы, г. Поповъ опредѣляетъ составъ каждой ихъ редакціи, отмѣчаетъ всѣ важнѣйшіе ихъ варіанты и выводитъ заключенія о вѣроятномъ ихъ происхожденіи.

Все это однако, по словамъ г. Срезневскаго, можетъ дать только слабое представленіе о громадности и важности труда, исполненнаго усерднымъ изслѣдователемъ; для полной оцѣнки книги г. Попова необходимо внимательное чтеніе ея: оно одно можетъ убѣдить въ томъ, что авторъ не пренебрегъ ничѣмъ для уясненія темноты, за которою скрывались до сихъ поръ содержаніе хронографовъ, ихъ разнообразіе и разнородные ихъ источники. Желающій изучать хронографы ли вообще или отдѣльныя ихъ части и внесенныя въ нихъ статьи, можетъ обратиться къ сочиненію г. Попова съ полной увѣренностью, что найдетъ въ ней тѣмъ больше указаній и объясненій, чѣмъ важнѣе вопросъ, ихъ вызывающій. У другихъ изслѣдователей г. Поповъ заимствовалъ очень немногое; но и это заимствованное провѣрено имъ съ тѣмъ же вниманіемъ, съ которымъ онъ выводилъ собственныя заключенія. Нерѣдко, высказанное въ его книгѣ лишь нѣсколькими словами, есть выводъ изъ разнообразныхъ, имъ самимъ найденныхъ данныхъ и соображеній, требовавшихъ многихъ сличеній и продолжительной, разносторонней повѣрки. Нельзя упустить изъ вида и того, что сочиненіе г. Попова заключаетъ въ себѣ, какъ существенную часть, изслѣдованія не только о различныхъ статьяхъ хронографовъ, но и о самыхъ ихъ источникахъ какъ византійскихъ по славянскимъ переводамъ, такъ и собственно славянскихъ. Въ этомъ отношеніи его трудъ имѣетъ большую важность для ближайшаго изученія древней и старинной славяно-русской литературы.

Множество любопытныхъ выписокъ изъ хронографовъ, разсѣянныхъ въ книгѣ г. Попова, облегчаютъ пониманіе содержанія разсматриваемыхъ имъ памятниковъ, ихъ слога и языка. Извлеченія изъ хронографовъ, не могшія, по объему своему, войдти въ самое сочиненіе или представляющія меньшую важность въ историческомъ и литературномъ отношеніи, авторъ издалъ отдѣльно, въ видѣ приложенія къ своему труду. Этотъ «Изборникъ», если бы даже не сопровождалъ замѣчательное сочиненіе г. Попова, составилъ бы

существенное обогащеніе изданныхъ памятниковъ старинной русской письменности.

Сочиненія, удостоенныя меньшихъ наградъ, суть слѣдующія:

II.

Первоначальный Славяно-Русскій Номоканонъ. А. Павлова. Казань 1869 г.

Разборъ этой небольшой, но образцовой по пріемамъ изслѣдованія книжки, былъ составленъ, по порученію коммиссіи, однимъ изъ ея членовъ, И. И. Срезневскимъ, который въ началѣ своей рецензіи вкратцѣ излагаетъ содержаніе труда г. Павлова.

Авторъ имѣлъ цѣлью бросить свѣтъ на первую и самую темную страницу въ исторіи источниковъ византійскаго права, принесенныхъ къ намъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, въ греческомъ номоканонѣ, или такъ называемой «Кормчей Книгѣ», а именно разъяснить вопросъ о томъ, съ какого времени появился на Руси и вошелъ въ употребленіе переводъ номоканона. Этотъ вопросъ тѣмъ важнѣе, что онъ долженъ служить исходною точкою при разрѣшеніи другаго, капитальнаго вопроса о вліяніи греко-римскаго права на русское въ періодъ Русской Правды и первыхъ нашихъ церковно-уставныхъ грамотъ. Ученые, спеціально занимавшіеся задачею, остановившею на себѣ вниманіе г. Павлова, отвѣчаютъ на нее повидимому съ одинаковою степенью вѣроятности, указаніемъ на двѣ различныя эпохи: по мнѣнію Митрополита Евгенія, Славянская Кормчая принесена къ намъ изъ Болгаріи вмѣстѣ съ другими церковными книгами, при самомъ обращеніи Руси въ христіанство; напротивъ, баронъ Розенкампфъ, въ своемъ извѣстномъ «Обозрѣніи Кормчей Книги», выражаетъ мысль, что списки этой книги, хотя и существовали на Руси еще въ древности, однако до половины XIII вѣка были рѣдки; въ употребленіи же были преимущественно греческіе списки. Для того, чтобы опредѣлить сравнительную прочность основаній, на которыхъ строится то или другое рѣшеніе вопроса о Славянской Кормчей въ древней Руси, г. Павловъ счелъ необходимымъ провѣрить мнѣнія, уже высказанныя объ этомъ предметѣ и для того собрать и изслѣдовать извѣстныя доселѣ относящіяся до него данныя, а за тѣмъ искать новыхъ данныхъ, могущихъ уяснить дѣло.

По отзыву рецензента, первую часть своей задачи г. Павловъ исполнилъ превосходно: всѣ прежде извѣстныя данныя онъ ра-

зобралъ самостоятельно, освѣтилъ ихъ богатымъ и разнообразнымъ подборомъ объяснительныхъ показаній и вывелъ, что уже «съ точки зрѣнія историческихъ обстоятельствъ открывается безусловная необходимость славянскаго перевода Кормчей для управленія русскою церковью въ XI и XII вѣкахъ.» Между прочимъ, авторъ доказываетъ здѣсь, что въ древнѣйшихъ памятникахъ собственно русскаго каноническаго права встрѣчаются указанія на существованіе въ XII вѣкѣ церковныхъ каноновъ въ славянскомъ переводѣ.

Разсмотрѣніе этого положенія привело г. Павлова къ поиску такихъ списковъ Кормчей, которые должны быть отнесены къ домонгольскому періоду; въ числѣ ихъ онъ разсматриваетъ нѣсколько любопытныхъ списковъ, дополняя и уясняя описанія, сдѣланныя другими. Въ окончательномъ результатѣ этой существенной части изслѣдованія, г. Павловъ приходитъ къ убѣжденію, что и до времени митрополита Кирилла II-го въ русской церкви употреблялись въ славянскомъ переводѣ тѣ же самые номоканоны, какіе существовали въ церкви греческой, т. е. Номоканонъ Іоанна Схоластика и Номоканонъ въ XIV титлахъ.

Остальную часть сочиненія г. Павлова можно назвать дополнительною, такъ какъ она содержитъ въ себѣ заключенія автора о нѣкоторыхъ частностяхъ, безъ приведенія изслѣдованій, на которыхъ основываются эти заключенія. Памятники, о которыхъ идетъ здѣсь дѣло, не разсмотрѣны ни каждый въ отдѣльности, ни сравнительно между собою, и это, по мнѣнію рецензента, тѣмъ болѣе жаль, что ни одинъ изъ этихъ памятниковъ не былъ до сихъ поръ основательно изслѣдованъ. Нельзя однако сомнѣваться, что г. Павлову они знакомы гораздо болѣе, чѣмъ сколько знакомится съ ними читатель изъ его сочиненія.

Въ заключеніе своей рецензіи, г. Срезневскій находитъ, что вопросъ, которымъ задался г. Павловъ, нельзя считать окончательно рѣшеннымъ въ его изслѣдованіи. Но рѣшить его и невозможно, пока не будутъ устранены сомнѣнія относительно древности двухъ памятниковъ, на которыхъ, какъ на главномъ основаніи, опирается общій выводъ; а эти сомнѣнія до тѣхъ поръ будутъ существовать, пока не доказаны вѣрность мнѣній Востокова и бар. Розенкампфа объ одномъ изъ нихъ, о Румянцовскомъ спискѣ Кормчей XIII вѣка, какъ о спискѣ съ памятника глубокой древности, и необходимость предпочесть мнѣніе Ундольскаго о второмъ изъ нихъ, о спискѣ Кормчей Синодальной библіотеки, съ Номоканономъ въ XIV титлахъ, какъ о памятникѣ XII вѣка, мнѣнію г. Буслаева,

Архимандрита Амфилохія и другихъ, относящихъ его къ XIII вѣку. Для разъясненія этихъ сомнѣній необходимо изслѣдованіе означенныхъ памятниковъ въ отношеніи языка и письма, по соображенію съ доказательствами того, что они дѣйствительно такъ древни. Кромѣ того необходимы новыя данныя, которыя окончательно убѣждали бы, что Кормчая, до Митрополита Кирилла II, была на Руси въ общемъ употребленіи. Эти сомнѣнія, быть можетъ, уже уяснены г. Павловымъ для самого себя, но они недостаточно разсѣяны его изслѣдованіемъ. Тѣмъ не менѣе то, что разсмотрѣно имъ подробно, приводитъ читателя къ заключеніямъ или неопровержимымъ, или такимъ, которыя не могутъ быть опровергнуты безъ новыхъ изслѣдованій и открытія новыхъ данныхъ.

Но не это одно, по словамъ рецензента, составляетъ достоинство сочиненія г. Павлова: «оно отличается и другими качествами, «дающими автору право на уваженіе. Это не черновой трудъ, въ ко«торый вошло все, что собрано изслѣдователемъ; это, такъ сказать, «очищенный сокъ изъ богатыхъ и разнообразныхъ матеріаловъ. «Автору было бы легко, вмѣсто тоненькой книжки, написать боль«шую книгу, несравненно болѣе важную по содержанію, чѣмъ книга «Розенкампфа; но г. Павловъ предпочелъ представить только «необходимое, не сказать ни слова лишняго, ни слова мимоходомъ, и «вмѣстѣ съ тѣмъ изложить свой предметъ съ такою полнотою, съ «такимъ умѣньемъ всему дать приличное мѣсто, что нельзя не лю«боваться его изложеніемъ. Другое не менѣе важное достоинство «изслѣдованія г. Павлова заключается въ томъ, что онъ заботился «не о подъискиваніи доказательствъ для утвержденія какого нибудь «предвзятаго мнѣнія, а о подборѣ возможно-бо́льшаго количества «данныхъ, годныхъ для рѣшенія вопроса, объ отысканіи новыхъ «данныхъ и о пополненіи и повѣркѣ прежде извѣстныхъ, съ тою «цѣлью, чтобы вопросъ объяснился самъ-собою. Поэтому выводы, «къ которымъ онъ пришелъ, не могли быть иными и не составляли «для него желанную цѣль, а были необходимостью».

III.

Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, соч. М. Владимірскаго-Буданова.

Поставляя себѣ неизмѣннымъ долгомъ изыскивать всѣ средства къ тому, чтобы въ приговорахъ своихъ о конкурсныхъ сочиненіяхъ соблюдать осмотрительность, Академія считаетъ себя сча-

стливою, что при сужденіи своемъ о книгѣ г. Владимірскаго-Буданова она могла принять въ основаніе такой подробный и основательный разборъ, какой доставленъ ей доцентомъ Варшавскаго университета, Ад. Ив. Павинскимъ.

Признавая за сочиненіемъ г. Владимірскаго-Буданова весьма важное значеніе, рецензентъ прежде всего указываетъ на трудности, которыя пришлось преодолѣть автору. Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного изслѣдованія ни вообще о Нѣмецкомъ правѣ, ни въ частности о городовомъ Магдебургскомъ правѣ въ Польшѣ и Литовско-русскомъ государствѣ; въ польской же и нѣмецкой литературахъ не только господствуютъ разнообразныя, иногда прямо противоположныя мнѣнія объ этомъ предметѣ, но и вообще не существуетъ полной монографіи, которая давала-бы общее понятіе о городахъ и о ихъ значеніи въ Польскомъ королевствѣ. По мнѣнію рецензента, сочиненіе г. Владимірскаго-Буданова есть первый трудъ обширныхъ размѣровъ, въ которомъ сведены въ одно цѣлое разрозненные матеріалы и предложены новые выводы, подвигающіе значительно впередъ вопросъ о польскихъ городахъ. Такимъ образомъ, пролагая путь къ дальнѣйшимъ розысканіямъ по этой части, онъ послужитъ исходною точкою для изслѣдованій относительно другихъ частей государственнаго права въ Польшѣ.

Бѣдственное положеніе городовъ въ юго-западномъ краѣ и разстройство ихъ въ экономическомъ отношеніи приводятъ автора къ вопросу о причинахъ этого явленія. До сихъ поръ былое процвѣтаніе этихъ городовъ приписывалось ихъ самоуправленію и свободному устройству, тогда какъ, по убѣжденію г. Владимірскаго-Буданова, именно это-то муниципальное устройство, основанное на Магдебургскомъ правѣ, и было главною причиною ихъ упадка. Такъ какъ подобное положеніе нельзя доказать при помощи однихъ актовъ городскаго управленія, относящихся въ XVII и XVIII столѣтіямъ, то авторъ старался выяснить тѣсно связанный съ избраннымъ имъ предметомъ общій вопросъ о городовомъ устройствѣ въ Польшѣ, о его происхожденіи и развитіи, и установить точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на устройство городовъ въ юго-западномъ краѣ. Вслѣдствіе этого сочиненіе г. Владимірскаго-Буданова распадается на двѣ части: общую и частную, посвященную упадку городовъ въ юго-западной Руси исхода XVII вѣка.

Рецензентъ входитъ въ оцѣнку выводовъ автора въ обѣихъ частяхъ его изслѣдованія и тамъ, гдѣ расходится съ его взглядами,

подробно развиваетъ основанія, на которыхъ онъ опирается. По спеціальности предмета, и по множеству вопросовъ, изъ которыхъ онъ слагается, мы не можемъ вдаваться здѣсь во всѣ части этого ученаго пренія; замѣтимъ только, что авторъ, по отзыву г. Павинскаго, въ первой части своего сочиненія не воспользовался всѣми извѣстными до сихъ поръ матеріалами и потому пришелъ къ заключеніямъ, которыя рецензентъ считаетъ нужнымъ видоизмѣнить на основаніи историческихъ данныхъ: а именно къ заключеніямъ объ ослабленіи княжеской власти и уменьшеніи ея финансовыхъ средствъ вслѣдствіе введенія Нѣмецкаго права. Рецензентъ пробуетъ исправить происшедшее отъ того же недостатка печатныхъ источниковъ, мнѣніе автора касательно возникновенія старостинской власти, находя, что оно не подтверждается историческими свидѣтельствами. Кромѣ того онъ указываетъ на нѣкоторые второстепенные вопросы, ускользнувшіе отъ вниманія автора. За всѣмъ тѣмъ въ цѣломъ сочиненіе г. Владимірскаго-Буданова замѣчательно по старательному изученію большаго числа разрозненныхъ источниковъ; въ послѣдней его части является неизвѣстный доселѣ рукописный матеріалъ. Вообще же этотъ трудъ отличается строгою систематичностью изложенія, вѣрнымъ толкованіемъ источниковъ и свидѣтельствуетъ о необыкновенной начитанности автора, о самостоятельности его критики и объ остроуміи въ общикъ выводахъ.

IV.

Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе И. Забѣлина. Москва. 1869 года.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Академія увѣнчала одною изъ Демидовскихъ премій и полною Уваровскою наградою первый томъ этого сочиненія, имѣющаго цѣлью разъяснить такую сторону русскаго быта, которая оставалась, конечно по недостатку матеріаловъ, почти нетронутою въ нашей литературѣ. Авторъ поставилъ себѣ задачею изслѣдовать исторію древне русскаго семейнаго быта и началъ рядъ работъ по этому предмету разысканіями о древнемъ домашнемъ бытѣ русскихъ царей, пользуясь для этого пособіями, представлявшимися ему въ Московскихъ архивахъ. Свои первые опыты обработки этого матеріала онъ обнародовалъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ усердно продолжалъ свои разысканія, такъ что въ настоящее время, во второй части своего сочиненія, былъ въ состояніи начертать, на основаніи массы

неизданныхъ источниковъ, любопытную картину домашняго быта русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Разборъ этой части сочиненія былъ составленъ профессоромъ Московскаго университета Бѣляевымъ, которому, какъ ученому, столь давно и съ такимъ успѣхомъ занимающемуся внутреннею исторіею періода Московскихъ царей, принадлежитъ несомнѣнно право голоса при оцѣнкѣ трудовъ этого рода.

Первая и вторая главы сочиненія г. Забѣлина, имѣющія своимъ предметомъ женскую личность и главныя ея черты въ до-Петровскомъ обществѣ, служатъ какъ бы общимъ историческимъ введеніемъ къ самому сочиненію. Авторъ излагаетъ здѣсь свой взглядъ на общественное положеніе женщины въ старинной Россіи, и при этомъ иногда совершенно расходится съ нѣкоторыми изъ нашихъ ученыхъ, писавшихъ о томъ же предметѣ. Поэтому естественно, что рецензентъ не соглашается съ авторомъ относительно нѣкоторыхъ изъ основныхъ его положеній.

Въ третьей главѣ: «женская личность въ положеніи царицы», авторъ переходитъ уже къ своему спеціальному предмету, но только съ слѣдующей (четвертой) главы начинаетъ описаніе домашняго быта царицъ, частью въ XVI, а особенно въ XVII столѣтіяхъ. Далѣе авторъ подробно говоритъ о дворцовыхъ забавахъ и увеселеніяхъ (глава V) и о придворномъ штатѣ, окружавшемъ царицу (глава VI). Особымъ богатствомъ содержанія отличается глава VII, посвященная царицыной одеждѣ, нарядамъ и уборамъ, и хотя рецензентъ указываетъ здѣсь на нѣкоторые пробѣлы, тѣмъ не менѣе признаетъ, что авторъ представилъ много интересныхъ подробностей о разныхъ принадлежностяхъ костюма царицъ и царевенъ, а также состоявшихъ при нихъ боярынь и боярышень въ XVI и XVII столѣтіяхъ. За описаніемъ нарядовъ царицы, у автора слѣдуетъ описаніе царицыной свѣтлицы, или мастерской палаты, гдѣ постоянно занимались бѣлымъ и золотымъ шитьемъ. Эту главу авторъ заканчиваетъ изложеніемъ хамовнаго дѣла, или приготовленія бѣлой казны, т. е полотенъ и другихъ льняныхъ издѣлій для царскаго обихода. По мнѣнію рецензента, отдѣлъ объ этой бѣлой казнѣ можно назвать лучшимъ изъ всѣхъ отдѣловъ книги. Но самымъ лучшимъ и самымъ драгоцѣннымъ отдѣломъ книги г. Бѣляевъ считаетъ матеріалы, помѣщенные въ концѣ ея, подъ особымъ счетомъ страницъ, и въ которыхъ находятся выписки изъ подлинныхъ книгъ и дѣлъ по управленію царицынымъ дворцомъ, исполненныя самаго живаго интереса.

При всемъ томъ, что рецензентъ довольно строго отнесся къ труду г. Забѣлина, онъ тѣмъ не менѣе прямо говоритъ, что настоящая книга даетъ много интереснаго для историка, и что въ ней собраны драгоцѣнные матеріалы, долженствующіе выяснить разныя стороны обиходной жизни царскаго дворца, такія стороны, которыя безъ этихъ матеріаловъ или совершенно ускользнули бы отъ вниманія, или же остались бы непонятными; между тѣмъ какъ выясненныя могутъ многое объяснить въ исторіи и на многое указать, что безъ нихъ оставалось бы незамѣченнымъ. Значительная часть этихъ матеріаловъ вошла въ составъ самой книги, другая же помѣщена въ концѣ ея, въ видѣ обширнаго Приложенія, изъ котораго еще долго будутъ черпать свои доводы всѣ, которые захотятъ дальше разъяснить тѣ или другіе вопросы, затрогиваемые книгою г. Забѣлина.

Правда, рецензентъ во многомъ не соглашается съ авторомъ и признаетъ многіе выводы его недостаточно доказанными; но коммиссія не могла при этомъ упустить изъ вида той точки зрѣнія, съ которой самъ авторъ смотритъ на эту часть своего труда; онъ видитъ въ своей книгѣ (часть I, стр. XIII) «лишь опытъ обработки «предмета, далеко не удовлетворяющій всѣмъ собственнымъ его «требованіямъ и въ существенномъ значеніи представляющій толь«ко собраніе матеріаловъ, частью обработанныхъ больше или мень«ше, а частью даже въ сыромъ видѣ»; но онъ утѣшается мыслью, что «во всякомъ случаѣ его трудъ значительно облегчитъ даль«нѣйшую разработку предмета». Эту же надежду питаетъ и коммиссія, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что только теперь, благодаря обилію собранныхъ въ книгѣ г. Забѣлина достовѣрныхъ данныхъ, остававшихся до него почти совершенно неизвѣстными, стала возможною основательная обработка предмета, и что самому автору удалось разъяснить многое въ избранной имъ области изслѣдованій.

V.

Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. А. Аѳанасьева. Томы II и III. Москва 1868 — 1869 гг.

Первый томъ этого обширнаго сочиненія уже являлся три года тому назадъ на судъ Академіи въ числѣ трудовъ, участвовавшихъ въ одиннадцатомъ соисканіи Уваровскихъ наградъ, и былъ въ то

время удостоенъ преміи. Въ своемъ приговорѣ объ этомъ трудѣ Академія приняла тогда за основаніе рецензію, составленную профессоромъ Дерптскаго университета А. А. Котляревскимъ. Поэтому, имѣя въ виду, что г. Котляревскій въ подробности знакомъ уже съ первою частью изслѣдованія г. Аѳанасьева, Академія сочла полезнымъ и необходимымъ снова обратиться къ содѣйствію того же знатока славянской древности и поручить его строгой и обстоятельной критикѣ послѣднія двѣ части этого сочиненія.

Вслѣдствіе приглашенія Академіи, г. Котляревскій написалъ подробную рецензію, въ которой свидѣтельствуетъ, что заключительные томы труда г. Аѳанасьева отличаются такими же существенными достоинствами, какія придавали первому тому значеніе труда, важнаго для русской ученой литературы.

Г. Аѳанасьевъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать обширную область народныхъ вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ славянскаго племени, порожденныхъ поэтическимъ и религіознымъ воззрѣніемъ на природу; хотя онъ и не имѣлъ въ виду сдѣлать полное изложеніе славянской миѳологіи, тѣмъ не менѣе его изслѣдованіе распространяется на всю ея область и касается всего ея содержанія. Главное, на что обращено его вниманіе, есть раскрытіе первоначальнаго смысла и значенія миѳовъ и явленій языческой религіозной жизни, такъ что его трудъ можетъ быть скорѣе названъ природной символикой миѳологіи и религіи языческихъ славянъ, чѣмъ картиною ихъ поэтическихъ воззрѣній на природу. Избравъ этотъ путь изслѣдованія, г. Аѳанасьевъ прошелъ его, по мнѣнію рецензента, съ отчетливымъ вниманіемъ и любовью къ предмету, которыя не охладѣли въ немъ отъ утомительнаго свойства кропотливой работы. Его сочиненіе представляетъ собою богатый сборникъ свѣдѣній о древностяхъ народнаго быта, и потому оно необходимо для всякаго кто занимается славянскою археологіею. Можно уже и теперь пополнить нѣкоторыя части этого изслѣдованія, потому что авторъ не всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ нужныя пособія; несомнѣнно, что со-временемъ такихъ дополненій потребуется еще болѣе, такъ какъ запасы источниковъ для этого круга изслѣдованій еще долго не придутъ въ истощеніе; но отъ этого сочиненіе г. Аѳанасьева не утратитъ своего значенія и не войдетъ въ число книгъ неважныхъ и ненужныхъ. Что касается до ученыхъ пріемовъ, то въ отношеніи ихъ рецензентъ считаетъ трудъ г. Аѳанасьева первою систематическею попыткою осмот-

рѣть, съ сравнительной точки зрѣнія, весь доселѣ собранный матеріалъ народныхъ славянскихъ преданій и вѣрованій. Обширность задачи и слабость предшествовавшей разработки предмета отразились на этомъ опытѣ нѣкоторыми пробѣлами и болѣе или менѣе крупными недостатками; тѣмъ не менѣе, въ общемъ, авторъ сдѣлалъ довольно значительный шагъ впередъ въ наукѣ, а именно шагъ отъ случайныхъ и отрывочныхъ изслѣдованій въ области народныхъ преданій, отъ неопредѣленныхъ сближеній ихъ и нетвердыхъ заключеній, къ систематическому разсмотрѣнію всего запаса собранныхъ фактовъ миѳологическаго и религіознаго быта славянъ, къ положительному сравненію этихъ фактовъ съ преданіями родственныхъ славянамъ племенъ, съ цѣлью объяснить затерянный ихъ древнѣйшій смыслъ и значеніе. Хотя авторъ не вездѣ былъ одинаково счастливъ въ своихъ объясненіяхъ, однако его опытъ приложенія объяснительнаго метода сравнительной миѳологіи къ славянскимъ преданіямъ вышелъ удаченъ; множество миѳическихъ образовъ, суевѣрныхъ понятій и порядковъ жизни получаютъ, благодаря г. Аѳанасьеву, впервые свое разумное, основанное на началахъ науки, естественное толкованіе. Это составляетъ такую заслугу со стороны автора, за которую должны быть ему признательны всѣ занимающіеся славянскими древностями.

VI.

Россія и Сербія. Историческій очеркъ Русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ. Сочин. Н. Попова. 2 части Москва 1869 г.

Это сочиненіе, которое доставило его автору докторскій дипломъ отъ Московскаго университета, было, по приглашенію Академіи, разобрано молодымъ славянскимъ ученымъ, занимающимъ каѳедру исторіи славянскихъ законодательствъ въ Новороссійскомъ университетѣ, Вальт. Влас. Богишичемъ.

Рецензентъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ сочиненію г. Попова уже по причинѣ самаго предмета, которому оно посвящено. Но уваженіе къ истинѣ и долгъ ученаго не позволили ему обойдти молчаніемъ недостатки и слабыя стороны сочиненія.

Упомянувъ, что оно обнимаетъ болѣе широкую программу, чѣмъ обозначено въ заглавіи, а именно излагаетъ борьбу Сербіи за независимость и за свое государственное устройство въ первые полвѣка по возрожденіи Сербіи, г. Богишичъ входитъ въ разсмотрѣніе труда г. Попова со стороны источниковъ, которые

онъ собралъ и которыми онъ воспользовался, и отдавая справедливость трудолюбію, съ которымъ авторъ добылъ, посредствомъ путешествій и занятій въ библіотекахъ и архивахъ, богатый запасъ матеріаловъ, изъ которыхъ многіе были до сихъ поръ неизвѣстны даже въ самой Сербіи, признаетъ, что уже одно это составляетъ важную заслугу автора въ отношеніи къ избранному имъ предмету. Тѣмъ не менѣе рецензентъ указываетъ, что г. Поповъ, къ сожалѣнію, не воспользовался нѣкоторыми важными источниками, а именно народными Сербскими пѣснями, которыхъ характеръ, благодаря ихъ оригинальности и обилію, уже и теперь достаточно выясненъ и опредѣленъ отчасти даже научнымъ образомъ, а также весьма важными, имѣющимися въ Петербургѣ рукописными собраніями, богатымъ архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и наконецъ нѣкоторыми печатными сочиненіями.

Обращаясь къ вопросу о томъ, какъ г. Поповъ пользовался своими источниками, г. Богишичъ замѣчаетъ, что авторъ въ недостаточной мѣрѣ приложилъ къ нимъ требованія исторической критики, и если кое-гдѣ старался соблюсти эти требованія, то дѣлаетъ это лишь мимоходомъ и совершенно отрывочно, въ другихъ же случаяхъ безразборчиво относится къ источникамъ какъ первой, такъ и второй и третьей руки, ставя на одну доску какихъ-нибудь Таля, Рихтера, Поссарта, Сора, Быстроновскаго съ Кюниберомъ или Вукомъ-Караджичемъ, которые были большею частью очевидцами и стояли весьма близко къ описываемымъ событіямъ. Что касается до способа изложенія авторомъ историческихъ фактовъ въ ихъ взаимной связи и съ эстетической стороны разсказа, то рецензентъ находитъ, что сочиненіе много выиграло бы, еслибы въ немъ были устранены нѣкоторые недостатки въ этомъ отношеніи. Такъ г. Поповъ, избравъ предметомъ своего изслѣдованія первыя 50 лѣтъ новой исторіи опредѣленной Сербской земли, былъ вправѣ не обращать вниманія на то, что происходило внѣ этихъ границъ въ отношеніи какъ пространства, такъ и времени; однако же разсказъ его много выигралъ бы въ ясности и въ поучительности, если бы авторъ, по примѣру Ранке, предпослалъ ему очеркъ Сербской исторіи, если не отъ пришествія Сербовъ въ южныя страны, то хоть отъ основанія царства Нѣманьи, или по крайней мѣрѣ отъ паденія царства Сербскаго на Коссовомъ полѣ; тѣмъ объяснилось бы много явленій въ зависимости отъ предъидущаго, и читатель яснѣе понималъ бы истинное значеніе нѣкоторыхъ современныхъ фактовъ. Точно

также неизлишне было бы автору обратить вниманіе и на другія югославянскія земли въ изображаемую эпоху, особенно если онѣ находились въ сношеніяхъ съ Россіею. Авторъ, въ расположеніи матеріала, слѣдовалъ хронологическому методу, противъ котораго, конечно, ничего нельзя возразить; но, безъ всякаго сомнѣнія, было бы полезно къ расположенію хронологическому присоединить и реальное для того, чтобы яснѣе и толковѣе обрисовалось развитіе внутренней жизни Сербскаго княжества. Недостатокъ реальнаго раздѣленія авторъ старался вознаградить, по возможности, обдуманнымъ размѣщеніемъ отдѣльныхъ фактовъ и событій; но въ ихъ массѣ онъ подъ часъ терялся, забывая ставить въ связи факты, находящіеся въ непосредственномъ личномъ или реальномъ отношеніи. Отъ этого происходитъ, что нерѣдко въ примѣчаніяхъ помѣщено то, чему мѣсто было бы въ текстѣ, и наоборотъ многое изъ помѣщеннаго въ этомъ послѣднемъ могло бы перейдти въ примѣчанія. Въ сочиненіи г. Попова не мало и такихъ вещей, которыя могли быть опущены безъ всякаго ущерба для полноты сочиненія, тогда какъ пройдены молчаніемъ предметы, которые заслуживаютъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ сколько посвящаетъ имъ г. Поповъ; таковы напримѣръ аграрныя отношенія въ странѣ, гдѣ земледѣліе составляетъ главный источникъ пропитанія, или раздѣленіе народа на отдѣльные слои, совершившееся рядомъ съ устроеніемъ формъ административныхъ. Процесъ разложенія старыхъ формъ общественной и внутренней жизни народа и постоянное созиданіе новыхъ, еще неокрѣпшихъ, представляютъ такое богатство и разнообразіе явленій и полны такого интереса, что читатель никакъ не можетъ быть удовлетворенъ нѣсколькими бѣглыми замѣтками автора объ этомъ предметѣ.

Послѣ всего этого весьма естественно заключеніе, что сочиненіе г. Попова еще далеко не есть прагматическая исторія новѣйшей Сербіи; но во всякомъ случаѣ за нимъ остается та заслуга, что, по интересу, который въ наши дни соединяется съ историческими судьбами югославянскихъ странъ, это сочиненіе соотвѣтствуетъ требованіямъ времени и облегчитъ для будущихъ историковъ изслѣдованія по этому предмету.

VII.

Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Абу-Али-Ахмеда Бенъ Омара Ибнъ-Даста, неизвѣстнаго доселѣ Арабскаго писателя начала X вѣка. Д. Хвольсона. С. П. Бургъ 1869 г.

Относительно этого сочиненія коммиссія имѣла предъ собою основательный разборъ его, составленный, по вызову Академіи, бывшимъ профессоромъ казанскаго университета О. Ѳ. Готвальдомъ, а также письменные отзывы Академиковъ М. И. Броссе и А. А. Куника.

Хотя изданные понынѣ арабскіе и персидскіе писатели и составляютъ для древнѣйшей исторіи народовъ, населявшихъ Россію, гораздо менѣе важный источникъ извѣстій, чѣмъ византійскіе и латинскіе письменные памятники, тѣмъ не менѣе и въ нихъ есть данныя для исторической этнографіи. Но для того, чтобы сдѣлать ихъ полезными въ этомъ отношеніи, крайне необходимо опредѣлить *какъ* должно ими пользоваться. На оріенталистахъ лежитъ прежде всего обязанность сдѣлать доступными для историковъ восточные тексты, посредствомъ точныхъ переводовъ, и въ этомъ отношеніи еще многое остается исполнить. Эта цѣль можетъ быть удовлетворительно достигнута только посредствомъ монографическихъ работъ. На этотъ путь вступилъ еще Академикъ Френъ, при горячемъ содѣйствіи незабвеннаго Президента Академіи графа Уварова; въ настоящее время, когда изученіе Востока утвердилось у насъ на болѣе прочномъ основаніи, примѣръ этого ученаго нашелъ себѣ послѣдователей, въ числѣ которыхъ нынѣ явился профессоръ Хвольсонъ. Во время пребыванія своего въ Лондонѣ, онъ имѣлъ случай сдѣлать выписки изъ неизвѣстнаго доселѣ арабскаго писателя Ибнъ-Дасты, оставившаго намъ, въ нѣкоторыхъ главахъ своего сочиненія, извѣстія не только о Славянахъ и Руссахъ, но и о другихъ народахъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи, и принадлежавшихъ Тюркскому племени, или, какъ финскіе Мадьяры, бывшихъ подъ владычествомъ тюркской династіи. Г. Хвольсонъ поставилъ себѣ задачею объяснить этого автора въ различныхъ отношеніяхъ, и при этомъ сообщилъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній изъ неизданныхъ арабскихъ писателей.

Для надлежащей оцѣнки находимыхъ въ сочиненіи Ибнъ-Дасты извѣстій, необходимо опредѣлить время, когда оно написано, а

равно и то, основано ли оно на собственныхъ наблюденіяхъ и распросахъ автора, или же заимствовано изъ другихъ сочиненій. Г. Хвольсонъ пытается отвѣчать на эти вопросы, но его выводы, по замѣчанію г. Куника, не могутъ удовлетворить историка. Должно сожалѣть, что время, къ которому относится происхожденіе творенія Ибнъ-Дасты, не опредѣлено г. Хвольсономъ съ полною достовѣрностію. Упомянувъ, что этотъ персидскій Арабъ предпринималъ странствіе въ Мекку въ 903 г., т. е. во времена Олега, авторъ старается доказать, что Ибнъ-Даста составилъ свое сочиненіе еще до 913 года. Но приведенныя тому доказательства неубѣдительны. Отъ вниманія г. Хвольсона не ускользнуло то обстоятельство, что часть извѣстій Ибнъ-Дасты о Славянахъ, Руссахъ и другихъ народахъ напоминаетъ собою извѣстный весьма подробный отчетъ о путешествіи, которое Ибнъ-Фадланъ, посланникъ Халифа, совершилъ въ 922 г. изъ Багдада въ главный городъ хана Волжскихъ Болгаръ. Изъ сравненія обоихъ писателей г. Хвольсонъ выводитъ заключеніе, что Ибнъ-Даста писалъ раньше Ибнъ-Фадлана. Противъ этого возникли возраженія и уже высказано мнѣніе, что, напротивъ, Ибнъ-Даста пользовался сочиненіемъ Ибнъ-Фадлана. Послѣ этого вопросъ о степени важности нѣкоторыхъ извѣстій Ибнъ-Дасты получаетъ иную постановку, и затѣмъ позволительно спросить, не заимствованы ли и другія, сообщаемыя имъ, извѣстія изъ болѣе древнихъ источниковъ и не искажены ли они имъ, какъ компиляторомъ. Съ этой точки зрѣнія, нѣкоторыми любопытными показаніями Ибнъ-Дасты о древнихъ славянахъ должно пользоваться лишь съ крайнею осторожностію.

Чѣмъ болѣе развитія получаетъ сравнительный разборъ мухамеданскихъ источниковъ, тѣмъ болѣе шаткими являются нѣкоторыя положенія, принятыя нашими оріенталистами, начиная съ Френа. Такъ точно и коментарій г. Хвольсона, по замѣчанію г. Куника, представляетъ нѣсколько такихъ слабыхъ пунктовъ. Очевидно, что со стороны оріенталистовъ требуется еще немало усилій для того, чтобы обработку арабскихъ источниковъ сдѣлать полезною для исторической этнографіи Россіи. Изданіе и, къ сожалѣнію, отчасти лишь на одностороннихъ источникахъ основанное объясненіе извѣстій Ибнъ-Дасты уже послужили возбудительно для нѣкоторыхъ изслѣдователей къ достиженію ясности въ разсказахъ, которые еще со времени Френа считались неразъяснимой путаницей. Такимъ образомъ оказалось, что трудъ г. Хвольсона произвелъ болѣе чѣмъ скоропреходящее дѣйствіе, и можно надѣяться, что этотъ трудолюбивый

оріенталистъ, вработавшись въ этотъ прежде чуждый для него предметъ, приметъ дѣятельное участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ изслѣдованій этого рода. Для поощренія его къ продолженію подобныхъ трудовъ, коммиссія присудила ему одну изъ малыхъ Уваровскихъ наградъ.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, коммиссія сочла своимъ долгомъ публично изъявить признательность Академіи гг. постороннимъ ученымъ, оказавшимъ ей свое содѣйствіе доставленіемъ отзывовъ о порученныхъ ихъ разсмотрѣнію сочиненіяхъ, и четыремъ изъ этихъ критиковъ, А. И. Павинскому, О. Ѳ. Готвальду, А. А. Котляревскому и В. В. Богишичу присудила установленныя для сего золотыя Уваровскія медали.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ А. ПОПОВА:

«Обзоръ хронографовъ Русской редакціи», М. 1869 г.

Составленъ Акад. И. И. Срезневскимъ.

Тому, кто не могъ самъ заняться хронографами по рукописямъ, приходилось доселѣ довольствоваться, въ отношеніи къ хронографамъ, только отрывочными извѣстіями о нѣкоторыхъ изъ нихъ, помѣщенными въ описаніяхъ рукописей и другихъ подобныхъ трудахъ; да и тѣ, которые сами занимались рукописями, сколько извѣстно, успѣвали ознакомиться только съ нѣкоторыми, сравнительно очень немногими, списками хронографовъ. Такимъ образомъ эта важная отрасль нашей старинной исторической письменности оставалась почти неизвѣстною. Самое важное, что сдѣлано было, это — описаніе нѣсколькихъ хронографовъ въ ряду другихъ рукописей. Академія Наукъ вызывала изслѣдователей на трудъ разработки хронографовъ, но на ея призывы не было ни одного отзыва (прилож. 1). Едва ли это можно объяснить чѣмъ нибудь въ родѣ требовательности Академіи, незанимательности работы, или недостатка людей способныхъ, а не трудностью дѣла. Рукописей, заключающихъ въ себѣ хронографы, множество, сотни; хранятся онѣ въ разныхъ библіотекахъ, общественныхъ и частныхъ, доступныхъ и недоступныхъ; многія лежатъ въ хламѣ и случайно выказываются въ продажѣ съ разными обрывками и об-

ломками. Надобно много силы воли, чтобы рѣшиться посвятить годы на отысканіе и просмотръ сотень рукописей, на переписываньe сотень листовъ, на борьбу съ разными непріятностями, неудачами, лишеніями—прежде чѣмъ можно будетъ покойно заняться работой чисто научной; да и запасшись богатымъ рукописнымъ матеріаломъ по хронографамъ, начавъ чисто научную работу, нельзя не ворочаться опять къ рукописямъ, въ которыхъ должно или можетъ встрѣтиться то же, что встрѣчается въ хронографахъ, и опять заниматься вымѣтками и выписками изъ рукописей, сличеніями мѣстъ по мелочамъ. Не говорю уже о необходимости хорошаго, что называется спеціальнаго, знакомства съ лѣтописями Русскими, Югославянскими, Греко-Славянскими и съ тѣмъ, что нужно для ихъ пониманія, съ подробностями языка древнихъ и старинныхъ памятниковъ разныхъ краевъ. Были труженики, начинавшіе заниматься хронографами,—и ни у одного изъ нихъ не достало силы воли продолжать трудъ также усердно, какъ онъ былъ начатъ (прил. 2). Можно было думать, что и долго еще свѣдѣнія о хронографахъ будутъ увеличиваться по мелочамъ — посредствомъ описаній рукописей и изданій выписокъ изъ нихъ, посредствомъ частныхъ сличеній тѣхъ или другихъ статей, находящихся въ хронографахъ, между собою и со сказаніями другихъ памятниковъ, и т. п. Вышло однако не такъ. Никѣмъ незнаемо, ни кѣмъ неободряемый взялся за хронографы молодой труженикъ со стойкой рѣшимостью не оставить дѣла, пока не доведетъ его до конца, во что бы это ни стало,—и вотъ передъ нами его конченный трудъ, его смѣлый и прекрасный подвигъ, достойный столько же сочувствія, какъ и подражанія, удивляющій столько же силою воли исполнителя, сколько и его умѣньемъ браться за разрѣшеніе задачъ науки. Одна изъ самыхъ темныхъ и вмѣстѣ важныхъ частей нашей старинной литературы разомъ освѣтилась такъ, что стало доступною даже и невооруженному глазу, и разомъ истолкована посредствомъ изслѣдованій одного человѣка, лучше чѣмъ нѣкоторыя другія части, снабженныя толкованіями многихъ.

Разсмотрѣвъ болѣе 150 списковъ хронографовъ, г. Поповъ отдѣлилъ изъ нихъ пять рукописей, какъ заключающія въ себѣ «Лѣтописецъ Еллинскій и Римскій», старѣйшій видъ хронографовъ Славяно-Русскихъ, предшествовавшій другимъ болѣе сложнымъ трудамъ. Это выборка изъ Пятикнижія Моисеева и другихъ книгъ Св. Писанія, Палеи, Епифанія Кипрскаго, Іоанна Малалы, Георгія Амартола и его продолжателей, Александріи и нѣкоторыхъ особен-

ныхъ, частію неизвѣстныхъ сказаній, доведенная въ этой редакціи до императора Юстиніана и далѣе до смерти императора Романа (988 г.),—въ другой редакціи, отличающейся отъ первой особенно во второй части, послѣ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, до взятія Царяграда Латинами (1204 г.). Составитель этой передѣлки Лѣтописца Еллинскаго и Римскаго пользовался, кромѣ вышеозначенныхъ источниковъ, еще и другими: Лѣтописцемъ Никифора Патріарха, Повѣстію врем. лѣтъ и др.

Старѣйшій изъ хронографовъ, послѣдовавшихъ за вышеозначеннымъ Лѣтописцемъ, есть тотъ, который отличается раздѣленіемъ на 208 главъ, съ оглавленіемъ, предисловіемъ и тремя вводными статьями, и оканчивается сказаніемъ о взятіи Царяграда Турками (1453). Отличія списковъ его, которыхъ г. Поповымъ отмѣчено 21, состоятъ въ ошибкахъ и нѣкоторомъ произволѣ переписчиковъ, да еще въ неодинаковомъ количествѣ выписокъ и замѣтокъ изъ Русскихъ лѣтописей. Священная исторія ветхаго и новаго завѣта, исторія Грековъ и Римлянъ съ обширными повѣстями о Троянской войнѣ и объ Александрѣ Македонскомъ, Византійская исторія и тѣсно связанная съ нею—Болгарская, Сербская и Русская: таковъ былъ кругъ исторіи для составителя этого хронографа, произведенія православно-Славянскаго. Основу хронографа составляютъ: Библейскія сказанія, выписки изъ Византійскихъ историковъ, между прочимъ изъ Никифора Патріарха, Іоанна Малалы, Георгія Амартола, Константина Манассіи, разныя мелкія вносныя статьи и предисловіе Греческаго происхожденія. Къ этому прибавлено много статей Славянскаго происхожденія, Болгарскихъ, Сербскихъ, Русскихъ. И Библіей и Византійцами составитель хронографа пользовался по готовымъ Славянскимъ переводамъ. Изъ Болгарскихъ источниковъ хронографа выдѣляются: замѣтки переводчика Манассіи, сочиненія Евфимія Терновскаго и Григорія Цамвлака. Сербскіе источники хронографа: Житіе св. Саввы, написанное Доментіаномъ, Предисловіе Исаіи, переводчика Діонисія Ареопагита, Житіе деспота Стефана и нѣсколько другихъ статей. Русскія статьи хронографа заимствованы большею частію изъ лѣтописей. Сличая сказанія хронографа съ источниками, приходишь къ полному убѣжденію, что этотъ хронографъ есть произведеніе Славянское, и въ томъ видѣ, какъ узнается по рукописямъ, доселѣ разсмотрѣннымъ, Русское. Этотъ видъ впрочемъ не есть первый: это только Русская передѣлка хронографа не Русскаго, а юго-Славянскаго. Русская передѣлка, какъ видно изъ одного указанія, сдѣлана въ 1512 г.;

юго-Славянскій первоначальный хронографъ составленъ ранѣе, вѣроятно еще въ XV в., послѣ взятія Царяграда.

Въ началѣ XVII в., этотъ хронографъ былъ вновь передѣланъ тоже въ Россіи, два раза: разъ въ 1617 г., другой нѣсколько позже. Списковъ второй передѣлки отмѣчено 17, а третьей 13.

Во второй передѣлкѣ хронографъ раздѣленъ на 169 главъ и снабженъ особеннымъ Русскимъ предисловіемъ. Многое противъ прежняго опущено или сокращено, многое прибавлено. Новые источники, изъ которыхъ взяты дополненія: Лѣтописецъ Еллинскій и Римскій, ветхозавѣтныя и новозавѣтныя статьи, частію апокрифическія, Скитскій Патерикъ, статьи отмѣченныя именемъ Максима Грека, историческая повѣсть о взятіи Царяграда со сказаніемъ Ивана Пересвѣтова о царѣ Турскомъ Махметѣ,—и вмѣстѣ съ этимъ Всемирная хроника Мартына Бѣльскаго и хроника Конрада Ликостена. Эти послѣдніе источники сами собою указываютъ, что историческій кругъ въ этой передѣлкѣ хронографа обширнѣе, чѣмъ въ первой Русской обдѣлкѣ: вошли статьи о сѣверозападныхъ Славянахъ и другихъ Европейскихъ народахъ. Эта передѣлка хронографа продолжена до времени воцаренія Михаила Ѳеодоровича, и въ этомъ продолженіи составитель пользовался, кромѣ нѣкоторыхъ изъ вышеозначенныхъ источниковъ, Русскими лѣтописными сказаніями, изъ которыхъ только немногія не занесены въ лѣтописные своды, извѣстные подъ названіемъ Софійскаго, Воскресенскаго и Никоновскаго, а съ 1534 г. оригинальнымъ цѣльнымъ сочиненіемъ неизвѣстнаго Русскаго писателя.

Эта передѣлка хронографа, будучи много разъ переписываема, подъ перомъ списателей различно видоизмѣнялась, сокращалась, дополнялась, продолжалась. Сокращеніе извѣстно въ 2-хъ спискахъ. Распространеніе видно въ 5-ти спискахъ: въ нихъ видимъ вставки нѣсколькихъ библейскихъ и между прочимъ апокрифическихъ статей, изъ которыхъ нѣкоторыя написаны на западно-Русскомъ нарѣчіи и Польско-католическаго происхожденія, нѣсколькихъ сказаній изъ исторіи Византійской и западно-Европейской, нѣсколькихъ сказаній о мученикахъ и чудесахъ. Въ 2-хъ лицевыхъ спискахъ есть свои добавленія: изъ просвѣтителя Іосифова, изъ Русскаго труда о сотвореніи міра, изъ Палеи, изъ Евангелія Никодимова, изъ исторіи о Казанскомъ царствѣ, изъ Степенной книги, изъ Хожденія Коробейникова.

Списки третьей передѣлки хронографа распадаются на три разряда: къ первому относится 13, ко второму 6, къ третьему 12 раз-

смотрѣнныхъ рукописей. Во всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ хронографа существенныя отличія заключаются въ статьяхъ отъ царствованія Ѳеодора Іоанновича до конца: вся эта часть хронографа распространена въ нихъ по исторіи Аврамія Палицына, по Сказанію о самозванцахъ, но въ каждомъ изъ трехъ разрядовъ независимо. Кромѣ того помѣщены разныя добавочныя статьи: о утвержденіи православныя вѣры и поученіе князю Василію, сказаніе о сотвореніи всего міра, отъ многа мало собрано и сведено во едино, Георгія Писида похвала Богу о сотвореніи всея твари въ переводѣ Дмитрія Зографа, Шестодневецъ, изъ толковой Палеи, статьи изъ Тропника папы Иннокентія III, выписки изъ Космографіи съ Русскими прибавленіями, изъ Кроникъ Польскихъ Стрыйковскаго и Бѣльскаго, Сказаніе о началѣ Русскія земли (о Скиѳскихъ князьяхъ Словенѣ и Русѣ, Волхвѣ, Асанѣ и пр.), грамоты (подложныя) противъ Турокъ и др.

Отъ всѣхъ видоизмѣненій стараго хронографа въ трехъ передѣлкахъ отличается хронографъ, основанный на Временникѣ Георгія Амартола, найденный въ двухъ спискахъ взаимно отличающихся. Большая часть сказаній и указаній взяты или цѣликомъ или сокращенно изъ Георгія Амартола; добавленное взято изъ Толковой Палеи, изъ Манасіи, изъ Зонары, Никифора Патріарха и др.

Не менѣе отличны и хронографы особеннаго позднѣйшаго состава. Таковы:

— Хронографъ Тобольскаго сына боярскаго Сергѣя Кубасова 1626 г., извѣстный по двумъ спискамъ, доведенный до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича. Первая часть его есть извлеченіе изъ первой Русской передѣлки стараго хронографа, лѣтописей и другихъ немногихъ источниковъ; вторая часть — до царствованія Іоанна Грознаго—собственный трудъ составителя. Въ первой части обще-историческая часть, до паденія Константинополя, отдѣлена отъ Русской. Во второй части виденъ современникъ, пользующійся разсказами знающихъ людей и собственнымъ знаніемъ.

— Хронографъ Астраханскаго архіепископа Пахомія († 1655 г.), извѣстный по двумъ спискамъ. Первая обще-историческая часть, продолжающаяся до паденія Константинополя, составлена изъ разныхъ источниковъ, болѣе изъ второй Русской передѣлки втораго хронографа. Вторая Русская часть составлена по тому же хронографу, по Степенной книгѣ и пр. Только въ концѣ, въ разсказѣ о событіяхъ послѣдняго времени, 1619 — 1650 гг., виденъ самъ составитель.

— Хронографъ Антонія Подольскаго, извѣстный пока по одному списку, есть извлеченіе изъ первой Русской передѣлки стараго хронографа, начинающееся повѣстію о Троѣ, оканчивающееся разсказомъ о паденіи Константинополя, и отличающееся отъ означеннаго хронографа только предисловіемъ.

— Хронографъ Столяровскій-Карамзинскій составленъ изъ слѣд. частей: стараго хронографа первой передѣлки отъ начала до паденія Константинополя, хронографа второй передѣлки, отъ паденія Константинополя до царствованія Θеодора Іоанновича и потомъ до Михаила Θеодоровича, сказанія о родословіи Русскихъ государей, выписокъ изъ неизвѣстной лѣтописи о событіяхъ 1604—1644 гг., выписокъ изъ новаго лѣтописца, отъ избранія Михаила Θеодоровича до 1645 г. съ нѣкоторыми прибавленіями, отрывочныхъ замѣтокъ о послѣдовавшихъ событіяхъ до 1668 г.

— Хронографъ до 1654 г., извѣстный по одному списку, составленъ по второй и третьей передѣлкѣ стараго хронографа, съ нѣкоторыми прибавленіями, изъ которыхъ болѣе любопытны: Сказаніе о рожденіи князя Михаила Васильевича, Сказаніе Азовскаго сѣдѣнія, Сказаніе о Польскомъ походѣ Царя Алексѣя.

— Хронографъ 410 главъ, извѣстный изъ двухъ списковъ. Въ первой общей исторической части событія переданы имъ большею частію сокращенно и доведены до Императора Іоанна Дуки Ватаци. Во второй Русской части изложеніе расположено по 18-ти степенямъ князей и доведено до Михаила Θеодоровича. Источники ея: Степенная книга, вторая передѣлка хронографа и немногіе отдѣльные памятники, между прочимъ — Сказаніе о Сибирскомъ Царствѣ, Сказаніе о Дмитріѣ Самозванцѣ и пр.

— Хронографъ съ Новымъ лѣтописцемъ извѣстенъ изъ двухъ списковъ. Первая общая часть его представляетъ извлеченія изъ стараго хронографа; вторую Русскую составляютъ выписки изъ того же хронографа, а за ними выписки изъ новаго лѣтописца.

— Хронографъ 35 главъ, извѣстный изъ одного списка, составленъ кратко по старому хронографу, по Новгородскимъ сказаніямъ, и въ гл. 24 — 35, отъ Царя Бориса до Алексѣя Михайловича, по неизвѣстному источнику.

— Хронографъ отъ начала царства Греческаго, извѣстный по одному списку, заключаетъ въ себѣ: гл. 104 — 208, стараго хронографа, особую выборку извѣстій съ 1416 до 1531 г., повѣсть о Щилѣ посадникѣ, посланіе Василія къ Θеодору Тверскому, Исторію о Казанскомъ царствѣ и сказаніе Аврамія Палицына.

— Хронографъ іеромонаха Леонтія Боболинскаго, извѣстный по одной рукописи (Черниговской Духовной Семинаріи).

— Южно-Русскій хронографъ: книга глаголемая кроникъ до Рождества Христова, на южно-Русскомъ нарѣчіи, извѣстенъ по одной рукописи. Составленъ по старому хронографу, съ нѣкоторыми прибавленіями.

Этотъ краткій перечень разнообразныхъ хронографовъ, найденныхъ въ Русскихъ рукописяхъ, сдѣланный на основаніи изслѣдованій г. Попова, можетъ дать только самое слабое представленіе о громадности и важности труда, исполненнаго усерднымъ изслѣдователемъ. Внимательное чтеніе самой книги необходимо для вѣрной оцѣнки ея значенія; оно одно убѣдитъ читателя, что изслѣдователь ни чѣмъ не пренебрегъ, чтобы уяснить темноту, за которою скрывалися отъ насъ и содержаніе хронографовъ, и ихъ разнообразіе, и ихъ различные источники. Читатель, желающій изучать хронографы ли вообще, или какія нибудь ихъ части и внесенныя въ нихъ статьи, можетъ обратиться къ книгѣ г. Попова съ полною увѣренностію, что найдетъ въ ней тѣмъ болѣе указаній и объясненій, чѣмъ важнѣе вопросъ, ихъ вызывающій, и что все сдѣланное не личнымъ трудомъ изслѣдователя, чего впрочемъ сравнительно очень немного, провѣрено и такъ же отчетливо, какъ и то, что добыто имъ самимъ. Тотъ, кто занимался трудами этого рода, не можетъ не замѣтить, что многое, высказанное въ книгѣ нѣсколькими словами, явилось у изслѣдователя какъ выводъ изъ различныхъ, имъ самимъ найденныхъ данныхъ и соображеній, требовавшихъ разнообразныхъ сличеній и разносторонней провѣрки. Нельзя опустить изъ виду, что книга г. Попова заключаетъ въ себѣ изслѣдованія не только о многообразныхъ статьяхъ хронографовъ, но и о самыхъ ихъ источникахъ, какъ Византійскихъ по Славянскимъ переводамъ сравнительно съ Греческимъ подлинниками, такъ и Славянскихъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Попова очень важна вообще для ближайшаго ознакомленія съ древней и старинной литературой Славяно-Русской.

Множество любопытныхъ выписокъ, вызванныхъ необходимостью, облегчаетъ пониманіе содержанія разсмотрѣнныхъ памятниковъ, ихъ выдѣлки и ихъ языка.

Чему нельзя было дать мѣста въ книгѣ, и что тѣмъ не менѣе важно въ историческомъ или литературномъ отношеніи, то выписано отдѣльно и вошло въ «Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ

сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи», занявшій 35 листовъ тѣсной печати.

Такимъ образомъ вопросъ о хронографахъ, заданный Академіей, можно считать рѣшеннымъ, и рѣшенъ онъ такъ, какъ Академія задавая его, не могла ожидать—ни по внутреннему ни по внѣшнему объему отвѣта, ни по громадѣ матеріала для него собраннаго, ни по разнообразію работъ, признанныхъ необходимыми для ихъ оцѣнки и разработки.

Принимая во вниманіе достоинства изслѣдованія г. Попова, совершенно соотвѣтствующія важности задачи, и вмѣстѣ съ тѣмъ затрату денегъ на изданіе трехъ книгъ, занявшихъ 67 печатныхъ листовъ, затрату едва ли предполагающую возможность полнаго возврата, считаю долгомъ справедливости назначеніе г. Попову полной Уваровской награды.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Задача, предложенная Академіей Наукъ въ 1858 г. ограничивала работу въ кругѣ «разбора статей въ хронографахъ по отношенію къ Русской Исторіи». Въ объясненіи задачи сказано было: — «Академія обращаетъ вниманіе изслѣдователей на собственно Славянскую часть хронографовъ, и предлагая ея разборъ, какъ задачу на соисканіе поощрительной награды графа Уварова, ожидаетъ отъ тѣхъ, кто возьмется за это дѣло, удовлетворительнаго изложенія слѣдующихъ предметовъ:

1) библіографическаго обозрѣнія списковъ хронографовъ,

2) описанія южно-Славянскихъ и Русскихъ статей въ хронографахъ съ показаніемъ ихъ содержанія,

3) сличенія ихъ съ тѣми ихъ списками, которые находятся въ лѣтописяхъ и отдѣльныхъ сборникахъ, по отношенію къ изложенію.

Трудъ изслѣдователя пріобрѣлъ бы еще болѣе цѣнности, если бы былъ дополненъ разборомъ, филологическимъ и исторіографическимъ, отношеній, по которымъ можно было бы рѣшить: а) какія именно изъ этихъ статей появляются въ хронографахъ ранѣе, чѣмъ въ лѣтописяхъ и сборникахъ, и б) что зашло въ хронографы изъ

лѣтописей и какихъ бы то ни было другихъ книгъ. Изслѣдованія А. Х. Востокова и разсѣянныя въ разныхъ библіографическихъ сочиненіяхъ описанія хронографовъ облегчатъ изслѣдователю начало труда».

Имѣлись въ виду тѣ статьи Востокова, которыя вошли въ описаніе рукописей Румянцовскаго музея, стр. 725 — 790, и заключаютъ въ себѣ внимательное разсмотрѣніе двѣнадцати хронографныхъ рукописей, между прочимъ и хронографа 1494 г., частію съ обозначеніемъ источниковъ статей, вошедшихъ въ хронографы. Изъ другихъ трудовъ имѣлись въ виду преимущественно указанія П. М. Строева въ его описаніяхъ рукописей, правда, очень краткія, но все-таки важныя, какъ указанія.

2.

Вызовъ Академіи Наукъ не былъ принятъ совершенно равнодушно, какъ научная задача, достойная разработки. Нѣсколько молодыхъ людей занялись предварительными работами. Составленъ былъ между прочимъ «сводъ свѣдѣній о рукописяхъ, заключающихъ въ себѣ хронографы», сколько могу думать, полный, съ библіографическими поясненіями. Сдѣланъ былъ сравнительный обзоръ хронографовъ по рукописямъ Румянцовскаго музея Императорской Публичной Библіотики и нѣкоторымъ другимъ, потребовавшій изученія нѣкоторыхъ изъ Византійскихъ историковъ. Часть этого послѣдняго труда, предпринятаго А. М. Лазаревскимъ, напечатана въ Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ, VIII: 384—390. Незначительная по величинѣ, она важна по содержанію, какъ первая попытка бросить свѣтъ на Русскіе хронографы. Въ этой запискѣ обращено вниманіе на Палею, на Лѣтописецъ Еллинскій и Римскій, на старѣйшую Русскую редакцію хронографа, на его послѣдовавшія видоизмѣненія, на источники хронографа, на Русскія прибавленія — къ сожалѣнію такъ коротко, какъ можно было бы сдѣлать въ общемъ выводѣ изъ подробныхъ изслѣдованій, уже послѣ нихъ, и не на столько обстоятельно, чтобы можно было глядѣть на этотъ трудъ, какъ на дѣйствительный выводъ изъ сличенія и соображенія всего нужнаго запаса предварительныхъ свѣдѣній. Это—краткій отчетъ ума проницательнаго—самому себѣ болѣе чѣмъ кому другому. Обстоятельства не позволили г. Лазаревскому продолжать свой трудъ, обѣщавшій исполненіе того, за что послѣ взялся А. Н. Поповъ. Къ счастію нашей научной

литературы дѣло исполнено было имъ такъ, какъ только можно было желать. Теперь стало видно, на сколько былъ правъ и на сколько ошибался г. Лазаревскій. Отъ дальнѣйшихъ трудовъ надобно ожидать только рѣшенія нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ, а между прочимъ: какіе хронографы были у насъ въ ходу до XVI вѣка?—какимъ видоизмѣненіямъ и при пособіи какихъ источниковъ подверглась у насъ такъ называемая Палея? — какое вліяніе производили хронографы съ XV—XVI вѣка на Русскія лѣтописи? и пр.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ А. ПАВЛОВА:

«Первоначальный Славяно-Русскій Номоканонъ», М. 1869 г.

Составленъ Акад. И. И. Срезневскимъ.

Вопросъ, за разрѣшеніе котораго взялся г. Павловъ, обозначенъ довольно опредѣленно самымъ заглавіемъ его книги и затѣмъ въ первыхъ ея строкахъ: «Съ какого времени появился у насъ и вошелъ во всеобщее церковное употребленіе Славянскій переводъ Греческаго Номоканона?» Считая этотъ вопросъ еще не рѣшеннымъ, г. Павловъ замѣчаетъ, что ученые, спеціально и самостоятельно занимавшіеся имъ, отвѣчаютъ на него, по видимому съ одинаковою вѣроятностію, указаніемъ на двѣ различныя эпохи: по мнѣнію м. Евгенія, Славянская Кормчая принесена къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ другими церковными книгами, при самомъ обращеніи Руси въ христіанство; по мнѣнію г. Розенкампфа, списки Кормчей, хотя и были на Руси въ древности, даже въ разномъ видѣ, но до второй половины XIII в. были рѣдки, а болѣе употребляемы были Греческіе списки. Для того, чтобы опредѣлить сравнительную твердость основаній, на которыхъ вопросъ о Славянской Кормчей въ древней Руси рѣшался и такъ и иначе, необходима — думалъ г. Павловъ — самостоятельная провѣрка мнѣній, — и рѣшился взять на себя этотъ трудъ; рѣшился прежде всего собрать данныя, доселѣ отмѣченныя, разобрать каждое

изъ нихъ критически и затѣмъ искать новыхъ данныхъ, годныхъ для уясненія дѣла.

Прежде отмѣченныя данныя онъ разобралъ самостоятельно, освѣтилъ ихъ богатымъ разнообразнымъ подборомъ объяснительныхъ показаній, и вывелъ, что уже «съ точки зрѣнія историческихъ обстоятельствъ открывается безусловная необходимость Славянскаго перевода Кормчей для управленія Русскою церковію въ X и XII в.». Приведены доказательства тому, во первыхъ, что большинство духовной іерархіи вообще во весь до-Монгольскій періодъ безспорно состояло изъ людей Русскихъ», во вторыхъ тому, что и «сами Греки (какъ іерархи Русскіе) едва ли могли такъ легко обходиться безъ Славянской Кормчей, какъ это кажется съ перваго взгляда»; въ третьихъ, тому, что и «въ княжескихъ церковно-уставныхъ грамотахъ Русскихъ мы находимъ довольно ясные слѣды изначальнаго существованія и употребленія у насъ въ Славянскомъ переводѣ источниковъ Греко-Римскаго права подъ именемъ Греческихъ Номоканоновъ», а «въ древнѣйшихъ памятникахъ собственно Русскаго каноническаго права встрѣчаемъ прямыя указазанія на то, что въ XI и XII в. у насъ извѣстны были въ Славянскомъ же переводѣ, и церковные каноны».

Разсмотрѣніе этого послѣдняго положенія привело г. Павлова къ поискамъ такихъ списковъ Кормчей, которые должны быть отнесены къ до-Монгольскому періоду. Такимъ онъ считаетъ между прочимъ первообразъ того Румянцовскаго списка, который отнесенъ и Востоковымъ по письму къ XIII в., а по содержанію и языку къ эпохѣ обращенія Болгаръ въ христіанство, и заключаетъ въ себѣ систематическое собраніе каноновъ патріарха Іоанна Схоластика въ пятидесяти титлахъ. Имѣя въ виду, что Румянцовскій списокъ Кормчей XIII в. описанъ подробно Розенкампфомъ (Обозрѣніе Кормчей книги 2-е изд. стр. 88 и слѣд.) и Востоковымъ (Описаніе Славянск. рпсей Румянцовск. Музея, стр. 273 и слѣд.) *),

---

*) Сличая описанія Розенкампфа и Востокова, нельзя не видѣть, что, кромѣ самыхъ незначительныхъ отличій, это одно и то же достословно, такъ что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что кто либо одинъ изъ двухъ выработалъ описаніе этого памятника, а другой списалъ (или же оба списали трудъ кого-нибудь третьяго; но такого третьяго не было, кромѣ преосв. Евгенія, а этотъ третій изслѣдователь, какъ видно изъ его рукописныхъ замѣтокъ, не занимался подробно Румянцовскимъ спискомъ Кормчей). Кто же у кого списалъ, Востоковъ ли у Розенкампфа, или Розенкампфъ у Во-

г. Павловъ не остановился на подробностяхъ ея содержанія, а отмѣтивъ только кое-что, перешелъ къ соображеніямъ. Въ ряду другихъ дано мѣсто соображенію, что указаніе Паннонскаго житія о переводѣ Меѳодіемъ «Номаканона рекше закону правила» можетъ относиться къ переводу труда Іоанна Схоластика. Такимъ же остаткомъ до-Монгольскаго времени г. Павловъ считаетъ и тотъ списокъ Кормчей Синодальной библіотеки (№ 227), который уже Ундольскимъ отнесенъ къ XII вѣку, и который заключаетъ въ себѣ указатель каноновъ, въ четырнадцати титлахъ, извѣстный подъ именемъ Фотіева, но безъ той части предисловія, которое написано Фотіемъ въ 883 г., и затѣмъ каноны апостоловъ, соборовъ и отцевъ церкви въ полномъ видѣ», а не въ сокращенномъ или пересказѣ, и при томъ безъ толкованій. Этотъ важный памятникъ древней Русской письменности, значеніе котораго опредѣленно обозначено Ундольскимъ (см. Описаніе Славян. рпсей Москов. Сборн. Патр. Библіотеки, стр. 38 — 44, напечатанное въ 1848 г. и изданное въ Чтеніяхъ Москов. Общ. Истор. и древностей 1867 г. кн. 2), вновь обратилъ на себя вниманіе г. Павлова и имъ разобранъ очень тщательно. Памятникъ этотъ не сохранился къ сожалѣнію въ первоначальной полнотѣ, но г. Павловъ отыскалъ въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи полный списокъ съ него или съ ему

стокова? Я думаю, что Розенкампфъ у Востокова, а не на оборотъ: за это ручается характеръ Востокова, никогда не пользовавшагося чужимъ трудомъ безъ оговорки и снабжавшаго своими не одного Розенкампфа. Это же доказываютъ и мелочныя надбавки и поправки въ статьѣ Розенкампфа, объясняющіято, что въ описаніи Востокова остается необъясненнымъ (напр. на л. 61 об. помѣщено 11-е правило Гангрскаго собора безъ поименованія собора: Востоковъ написалъ, что оно не извѣстно какого собора, а Розенкампфъ указалъ на Гангрскій соборъ, и однако списалъ его такъ же какъ Востоковъ, прибавивъ къ этому, что оно и въ Рязан. и въ печатной изложено не по Аристину, а по полному тексту, замѣчу—вовсе не къ стати, потому что въ указанныхъ Кормчихъ ни одно правило не изложено по Аристину, а всѣ по полному тексту); занятіе Розенкампфомъ у Востоковв статьи о Румянц. Кормчей доказывается и мелочными ошибками Розенкампфа (между прочимъ въ цифрахъ), которыя едва ли бы не повторились у Востокова если бы онъ списывалъ. Говорить ли уже о томъ, что Розенкампфъ рукописями не занимался, что описаніе Румянц. Кормчей представляетъ во всей его книгѣ единственное исключеніе, что начать занятія Кормчей по рукописямъ такою рукописью, какова эта едва ли кому возможно; а между тѣмъ изъ письма Анастасевича къ Востокову (отъ 26 февр. 1840 г.) видно, что при составленіи своей книги Розенкампфъ пользовался участіемъ Востокова.

подобнаго, сдѣланный въ XV — XVI в.; и имъ воспользовался для полнаго его описанія, послѣ котораго описаніе, сдѣланное Ундольскимъ, становится для изслѣдователя лишнимъ, хотя и не можетъ быть забыто, какъ первая оцѣнка его важности *), вмѣстѣ съ указаніями на этотъ памятникъ Ѳ. И. Буслаева (въ Исторіи Христомат. 1861 г. стр. 377 — 379) и арх. Амфилохія (о Греч. Кормчей древ. состава въ Археологич. Вѣстникѣ 1867 г. стр. 20 — 21). Къ описанію памятника приложены соображенія о времени перевода Кормчей этого вида (въ началѣ XI вѣка при Ярославѣ I, какъ думаетъ г. Павловъ), и о томъ, что именно этого состава и этого перевода Кормчая была на Руси въ преимущественномъ церковномъ употребленіи въ XI и XII вѣкахъ.

Окончательнымъ выводомъ изслѣдованія г. Павлова сдѣлалось положеніе, что и до временъ митрополита Кирилла II въ Русской церкви существовали и употреблялись въ Славянскомъ переводѣ тѣ же самые Номоканоны, какіе существовали и употреблялись въ Греческой церкви, т. е. Номоканонъ Іоанна Схоластика и Номоканонъ въ XIV титлахъ.

Остальную часть изслѣдованія г. Павлова можно назвать дополнительною, судя по тому, что она заключаетъ въ себѣ одни соображенія, безъ приведенія изслѣдованій. Обративъ вниманіе на выраженіе митрополита Кирилла II о томъ, что до его времени церковныя правила «омрачены бѣахоу облакомъ моудрости Еллиньскаго ꙗзыка», онъ объясняетъ его, останавливается для этого на Сербскомъ спискѣ Кормчей начала XIV в. (1305 г.) и другаго сходнаго съ нимъ Сербскаго же, еще болѣе древняго XIII в. (1262 г. заключающихъ въ себѣ Аристиновы, а частію Зонарины и Вальсамоновы толкованія каноновъ), и принимая изъ записи перваго изъ нихъ извѣстіе, что Кормчая этого вида была переведена архіеп. Саввой (въ началѣ XIII в.), за вполнѣ достовѣрное, считаетъ, что

---

*) Отдавая всякому свое, нельзя забыть замѣчанія Ундольскаго о древности и важности этого древняго списка Кормчей. Опровергая мнѣніе г. Розенкампфа относительно исключительнаго употребленія въ древней Руси собранія кратко изложенныхъ каноновъ съ толкованіями, Ундольскій сказалъ: «Мы думаемъ, что Болгарами сдѣланъ былъ переводъ слова въ слово съ Греческаго (разумѣй: по полному тексту). Доказательствомъ нашего мнѣнія служитъ эта Болгарская рукопись, безспорно XII в. совершенно сходная съ изданіемъ Тиллія Cod. ecoles. oriet. Paris. 1540. 4⁰.

въ этомъ-то новомъ видѣ Кормчая появилась у югозападныхъ Славянъ только въ началѣ XIII в., а у насъ не ранѣе Кирилла II.

Памятники, о которыхъ идетъ здѣсь дѣло, не разобраны ни сравнительно, ни отдѣльно,—и это тѣмъ болѣе жаль, что ни одинъ изъ нихъ и не былъ доселѣ основательно разобранъ. Нельзя однако сомнѣваться, что изслѣдователю они знакомы гораздо болѣе, чѣмъ сколько можетъ познакомиться съ ними читатель посредствомъ того, что о нихъ сказано.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе изложенія г. Павлова.

Нельзя сказать, что заданный вопросъ разрѣшенъ въ немъ окончательно. Это невозможно безъ устраненія всѣхъ сомнѣній, а сомнѣнія въ отношеніи древности главныхъ двухъ памятниковъ, на которыхъ опирается какъ на главномъ основаніи общій выводъ, останутся въ читателѣ до тѣхъ поръ, пока не доказана будетъ дѣйствительная вѣрность мнѣній Востокова и Розенкампфа объ одномъ изъ нихъ, какъ о спискѣ съ памятника глубокой древности, и необходимость предпочесть мнѣніе Ундольскаго о второмъ изъ нихъ, какъ памятникѣ XII вѣка, мнѣнію Буслаева, Амфилохія и другихъ, относящихъ его къ XIII вѣку. Для того и другаго необходимъ новый разборъ ихъ, разборъ со стороны языка и письма и въ отношеніи къ языку сличительный съ доказательствами, что они дѣйствительно такъ древни. Необходимо кромѣ того собраніе данныхъ, которыя бы заставили признать несомнѣннымъ, что Кормчая до митрополита Кирилла II была на Руси дѣйствительно въ общемъ церковномъ употребленіи, что Русская церковь во второй половинѣ XIII в. нуждалась не вообще въ Кормчей, а только въ той, какая имъ пріобрѣтена. Все это можетъ быть и уяснено уже г. Павловымъ для самого себя, но не уяснено имъ въ его напечатанномъ трудѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя отвергнуть, что все, что въ немъ разсмотрѣно подробно, привело его и приводитъ читателя къ выводамъ или неопровержимымъ, или такимъ, которые не могутъ быть опровергнуты безъ новыхъ иностороннихъ изслѣдованій и безъ открытія новыхъ данныхъ.

Не это одно должно быть поставлено на видъ при оцѣнкѣ труда г. Павлова. Есть въ немъ и другія достоинства, дающія ему право на уваженіе. Это не черновой трудъ, въ которомъ дано мѣсто всему, что собралъ изслѣдователь, такъ что у него самого уже ничего не осталось. Это, такъ сказать, очищенный сокъ изъ собранныхъ имъ богатыхъ разнообразныхъ матеріаловъ. Изслѣдователю было бы легко вмѣсто книжки написать большую, толстую книгу, не ме-

нѣе важную по содержанію, чѣмъ книга Розенкампфа, даже если бы онъ и не захотѣлъ, подражая Розенкампфу, вмѣстить все, что имѣлъ подъ руками и сказать все, что могъ, менѣе или болѣе къ стати. Въ книжкѣ г. Павлова представлено только необходимое, ни слова лишняго, ни слова мимоходомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такой полнотою, съ такимъ умѣньемъ всему дать приличное мѣсто, что нельзя не любоваться правильностью изложенія. Другое не менѣе важное достоинство изслѣдованія г. Павлова, которое замѣтитъ, конечно, каждый, кто захочетъ вникнуть въ него, заключается въ томъ, что изслѣдователь заботился не о подъискиваніи доказательствъ въ защиту какого нибудь предвзятаго мнѣнія, а о подборѣ сколько возможно бо́льшаго количества данныхъ, нужныхъ для рѣшенія вопроса, объ отысканіи новыхъ и о пополненіи и повѣркѣ прежде отмѣченныхъ, съ тѣмъ, чтобы дѣло само себя объяснило, такъ что выводы, къ которымъ онъ пришелъ, именно эти, а не какіе нибудь другіе, были для него не желанною цѣлію, а необходимостью.

Можно было бы указать и на нѣсколько другихъ достоинствъ, видимыхъ въ книжкѣ г. Павлова, между прочимъ и на общую приготовленность къ дѣлу; но этого рода достоинства въ такихъ изслѣдованіяхъ, каково разсматриваемое, сами собою предполагаются.

Нельзя не быть увѣреннымъ, что изслѣдователь, печатно начавшій научную дѣятельность такимъ трудомъ, со временемъ будетъ въ силахъ обогатить Русскую научную литературу цѣлымъ рядомъ произведеній, на которыя можно будетъ указывать какъ на образцовыя.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ М. ВЛАДИМІРСКАГО-БУДАНОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

«Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ», Спб. 1868 г.

Составленъ доцентомъ Имп. Варшавскаго Универ. Ад. Ив. Павинскимъ.

Какъ ни богата польская литература историческими изслѣдованіями и монографіями, представляющими политическое устройство Польскаго государства, однако нельзя не замѣтить въ ней односторонности: односторонность эта встрѣчается впрочемъ и въ другихъ литературахъ, относительно извѣстныхъ предметовъ, разработываемыхъ съ особенною любовью, слѣдовательно съ большею подробностью и систематичностью. Поневолѣ дѣти пристрастно разсматриваютъ свѣтлыя дѣянія своихъ предковъ, отвращая глаза отъ тусклыхъ сторонъ прошедшихъ явленій и оставляя въ тѣни то, что больно напоминаетъ погрѣшности минувшихъ дней. Жизнь всегда и вездѣ влечетъ къ себѣ непреодолимою силою. Преобладающій въ государственномъ развитіи элементъ оставляетъ и въ литературѣ слѣды своего вліянія и вытискиваетъ на ней свое клеймо. И въ Римской исторіографіи вниманіе поглощено исторіею самого Рима или господствующаго въ немъ сословія, и иностранецъ Полибій подчиняется тому же направленію. Процвѣтаніе итальянскихъ городовъ вызвало, съ исхода XVII столѣтія, со времени оживленія исторіографической дѣятельности, обильную литературу... Народное

тщеславіе играетъ, безъ сомнѣнія, немаловажную роль и даетъ сильный толчокъ проявленію указанной нами односторонности, отъ которой не освободилась и польская литература. На картинѣ ея исторіографической дѣятельности рисуются рельефно выпуклыя стороны ея политической жизни — біографіи отдѣльныхъ замѣчательныхъ личностей, описаніе завоевательныхъ подвиговъ и подробное изложеніе тѣхъ формъ и учрежденій, въ которыхъ выразилась по преимуществу политическая жизнь господствующаго сословія. Городамъ въ Польскомъ государствѣ досталась на долю роль незначительная, отъ того и въ литературѣ они заняли самое скромное мѣсто.

Съ давнихъ временъ и въ настоящую пору каждый изслѣдователь, желающій вступить на невоздѣланную еще ниву для пополненія чувствительнаго пробѣла, встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія. Укажемъ на одно обстоятельство, подавляющее всякое начинаніе въ самомъ зародышѣ — отсутствіе печатнаго матеріала, обусловливающаго собою успѣхи историографической дѣятельности. Такихъ сборниковъ, каковы собранія городскихъ правъ Генуи и пьемонтскихъ общинъ, изданныя Туринскою Академіею, судебные акты нѣмецкихъ городовъ цѣлыхъ странъ, кодексы отдѣльныхъ городовъ какъ напр. Штенцеля, Сборникъ документовъ, относящихся къ силезскимъ городамъ—въ польской литературѣ вовсе не существуетъ, за исключеніемъ незначительныхъ Сборниковъ Плоцкой земли Гаварецкаго, Виленскаго собранія (1843 г. въ 2 томахъ) и Вутке Познанской области, которые служатъ лишь для того, чтобы тѣмъ нагляднѣе показать, какъ мало сдѣлано до сихъ поръ и что еще остается сдѣлать. Оттого то и изслѣдованія по вопросу о значеніи городовъ въ Польскомъ государствѣ, вслѣдствіе неполноты, скудости матеріала, не представляютъ ничего цѣлаго, замкнутаго, никакого общаго обозрѣнія, которое бы ставило въ связь съ остальною частью политической жизни городовой бытъ и городовое устройство. Въ «Сборникѣ правъ, документовъ и замѣчаній», представленномъ въ 1789 г. отъ уполномоченныхъ городскаго сословія, мы встрѣчаемъ первую попытку изложенія въ общихъ чертахъ правъ и преимуществъ, которыми пользовались города съ давнихъ временъ. Уполномоченные, которые ходатайствовали предъ депутаціею о рѣшеніи въ пользу городскаго сословія вопроса, затронутаго въ то время на государственномъ сеймѣ, собрали прилежно доказательства для доставленія городамъ политическаго значенія, для возстановленія уничтоженной ихъ само-

стоятельности. Но упомянутый меморіалъ — болѣе сухой перечень разныхъ правъ, которыми пользовалось городское сословіе, чѣмъ изложеніе историческаго развитія. Суровецкаго «Замѣчанія объ упадкѣ городовъ и промышленности въ Польшѣ» вращаются въ кругу, хотя мѣткихъ, но общихъ мыслей;—громадный трудъ Балинскаго и Липинскаго, составленный въ родѣ географическаго словаря, открываетъ богатый источникъ географическихъ, статистическихъ и археологическихъ свѣдѣній, но относительно политической стороны ограничивается самыми незначительными указаніями; — Мехержинскій, въ своемъ лишенномъ критики сочиненіи «О магистратахъ въ древней Польшѣ», не выходитъ за предѣлы Кракова, впрочемъ скудное содержаніе не отвѣчаетъ широкому заглавію; — наконецъ и монографіи отдѣльныхъ городовъ ограничиваются описаніемъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ мѣстностей, такъ что перечисливъ труды Жубржицкаго, Барончи, Лукашевскаго, Гаварецкаго, Голембіовскаго, Собѣщанскаго, Крашевскаго, Ябчинскаго, Вутке, мы назвали всѣ пособія, которыми пользоваться можетъ сочинитель, взявшійся писать о городахъ въ Польшѣ, объ ихъ устройствѣ, ихъ отношеніяхъ и мѣстѣ, которое они заняли въ государственномъ организмѣ. Нѣмецкая литература, неупускающая изъ виду своихъ народныхъ элементовъ, занесенныхъ въ чужія страны, посвятила свое вниманіе распространенію германскихъ началъ въ славянскихъ областяхъ, впрочемъ только одной части многосложнаго вопроса, именно водворенію германскаго общественнаго строя среди древне-славянскаго міра. Къ такимъ трудамъ принадлежатъ изслѣдованія Реппеля и отчасти мимоходныя замѣчанія, попадающіяся въ исторіи Польши, продолжаемой профессоромъ Каро. Русская литература не заходила на поле мало воздѣланное тѣми учеными, которыхъ оно по преимуществу должно было болѣе другихъ интересовать [1]).

Таковы трудности, таковы предварительныя работы. Первыя устрашаютъ своею громадностію — послѣднія не поощряютъ къ дальнѣйшимъ розысканіямъ своею незначительностью.

Въ такомъ положеніи нашелся г. Владимірскій-Будановъ, авторъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Нѣмецкое право въ Польшѣ

---

[1]) Сочиненіе проф. И. Даниловича: Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII столѣтія (см. Русскій Историч. Сборн., издав. Общ. Исторіи и Древн. Рос. Томъ IV (1841), стр. 153—299), стало намъ извѣстнымъ только послѣ составленія разбора.

и Литвѣ». Въ такое отношеніе къ предварительнымъ трудамъ слѣдуетъ ставить утѣшительное явленіе въ исторической литературѣ, единственное въ русской, польской и нѣмецкой. Авторъ скромно, общими словами, намекаетъ въ предисловіи на трудности, которыя слѣдовало одолѣть, упоминая справедливо, какъ уже замѣчено, что въ русской литературѣ нѣтъ ни одного изслѣдованія ни вообще о нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литовско-Русскомъ государствѣ, ни въ частности о городовомъ Магдебургскомъ правѣ въ этихъ двухъ странахъ. Въ польской же и нѣмецкой литературахъ господствуютъ не только разнообразныя, иногда прямо противоположныя другъ другу мнѣнія объ этомъ предметѣ, но и вообще не существуетъ полной монографіи, которая была бы въ состояніи дать общее понятіе по вопросу о городахъ и ихъ значеніи въ Польскомъ государствѣ.

Критикъ, справедливо оцѣняя трудъ г. Буданова, долженъ прежде всего заявить, что это—въ общихъ, обширныхъ размѣрахъ трудъ первый, единственный, который сводитъ въ одно цѣлое и незначительныя части, подготовленныя историческою дѣятельностью, и добываетъ изъ неизвѣстнаго еще матеріала новые результаты, которые подвигаютъ далеко впередъ многосложный вопросъ о городахъ. Критикъ долгомъ своимъ считаетъ заявить, что названнымъ трудомъ автора пролагается широкій путь къ дальнѣйшимъ розысканіямъ, что онъ послужитъ исходною точкою изслѣдованіямъ другихъ многоразличныхъ частей государственнаго права въ древне-польскомъ государствѣ.

Бѣдственное положеніе современныхъ городовъ юго-западнаго края, разстройство ихъ въ экономическомъ отношеніи, наводитъ автора на мысль отыскать причины такого явленія. Если до сихъ поръ бывшее процвѣтаніе приписывалось ихъ самоуправленію и свободному устройству, то, по убѣжденію автора, именно это муниципальное устройство, по Магдебургскому праву, сдѣлалось основною причиною упадка городовъ. Такъ какъ положеніе такое нельзя оправдать основательно, при помощи только актовъ городскаго управленія, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, то авторъ взялся выяснить тѣсно связанный съ избраннымъ предметомъ вопросъ общій о городовомъ устройствѣ въ Польшѣ — его происхожденіи, развитіи — и установить точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на устройство городовъ въ юго-западномъ краѣ. Трудъ его распадается слѣдовательно на двѣ части: общую и частную по вопросу объ упадкѣ городовъ юго-западной Руси, съ исхода XVII столѣтія.

Предварительная часть, интересная по множеству затронутыхъ вопросовъ, едва ли не покажется важнѣе собственно частной, если будемъ судить по объему—она вышла обширнѣе, составляя едвали не двѣ третьихъ частей цѣлаго [1]).

I.

Нѣмецкое право, введенное въ исходѣ XII столѣтія нѣмцами-переселенцами, мало по малу распространялось и между туземнымъ населеніемъ, не ограничиваясь переустройствомъ городовъ, но подчиняя своему вліянію и отношенія земледѣльческаго деревенскаго класса, такъ что подъ Магдебургскимъ или вообще нѣмецкимъ правомъ слѣдуетъ разумѣть не только право, опредѣляющее устройство вновь возникающихъ городовъ, но и отношенія деревень, переносимыхъ, какъ говорилось въ грамотахъ, изъ польскаго на нѣмецкое право. По разнымъ причинамъ, новыя отношенія по нѣмецкому праву стали распространяться такъ быстро, что уже въ XIV столѣтіи мы можемъ по актамъ перечислить длинный рядъ не только городовъ, но и деревень, которыя устроивались на нѣмецкій ладъ. Со второй половины XV вѣка кругъ дѣйствій нѣмецкаго права расширился такъ значительно, что обнялъ собою большую часть городскаго и сельскаго народонаселенія. Такой очевидный переломъ, вызванный вліяніемъ иностранныхъ отношеній, и измѣнившій древне-польскій, славянскій міръ, долженъ былъ сопровождаться многосторонними послѣдствіями, соотвѣтственно различнымъ вліяніямъ иноземныхъ элементовъ. Г. Будановъ взялся выяснить только одну сторону этого вліянія — показать какъ нѣмецкое право дѣйствовало на такъ называемое государственное право и соціальный бытъ Польши и Литвы. Хотя всегда за авторомъ остается право выбора предмета, которому желаетъ онъ посвятить ближайшее свое вниманіе, и позволено разсматривать его съ той стороны, которая отвѣтствуетъ избранной цѣли, однакоже, по нашему мнѣнію, требовалось бы, хоть въ видѣ вступленія, въ общемъ очеркѣ познакомить читателя съ другою, самою ближайшею стороною. Если г. Будановъ рѣшился показать какія послѣдствія произошли отъ введенія и распространенія нѣмецкаго права въ Польшѣ, какой переворотъ породило оно въ со-

---

[1]) I-я 175 стр., II-я 106.

ціальномъ ея бытѣ, то намъ казалось бы необходимымъ указать, хоть въ бѣгломъ очеркѣ, на обстоятельства, которыя споспѣшествовали возникновенію и развитію такого историческаго явленія,— намъ казалось бы нужнымъ пояснить при какихъ условіяхъ проникалъ въ древне-польскій бытъ нѣмецкій порядокъ, въ чемъ лежала завоевательная сила нѣмецкаго права и среди какихъ обстоятельствъ приноравливалось тогдашнее общество къ иностраннымъ понятіямъ объ юридическихъ и государственныхъ отношеніяхъ? какимъ образомъ вводился нѣмецкій строй и что споспѣшествовало его укорененію? что благопріятствовало заимствованію изъ германскаго міра началъ, чуждыхъ древне-славянской жизни? была ли возможность уклониться отъ этого завоевательнаго вліянія, какъ относилась къ нѣмецкому порядку государственная власть—князья и короли польскіе XIII и XIV вѣковъ—и какіе элементы нашлись въ самомъ обществѣ, которые послужили посредниками такого перениманія чужестранныхъ началъ? Однимъ словомъ, слѣдовало бы указать на связь съ общими всемірно-историческими событіями, подготовившими онѣмечивающее вліяніе, которое должно было усилиться или вслѣдствіе недостатка противодѣйствующихъ силъ, или же вслѣдствіе существованія въ самомъ обществѣ сродныхъ элементовъ. Мы, повторяемъ мысль нашу, имѣли бы полное право требовать отъ автора такихъ общихъ замѣчаній въ виду тѣхъ многихъ, иногда довольно далеко заходящихъ отступленій отъ главной путеводной идеи, которыя попадаются въ первой части — именно въ виду той полноты, съ которою авторъ раскрылъ картину отношеній, образовавшихся вслѣдствіе введенія нѣмецкаго права. Мы отнюдь не думаемъ ставить въ вину автору, что онъ ограничился показаніемъ только перелома, вызваннаго въ государственномъ правѣ введеніемъ нѣмецкихъ началъ, что онъ не разъяснилъ послѣдствій, происшедшихъ въ уголовномъ и гражданскомъ правѣ Польши, такъ какъ разработка этихъ послѣднихъ вопросовъ, по словамъ г. Буданова, требуетъ отъ изслѣдователя спеціальнаго, юридическаго образованія. Но кажется, что рѣшая задачу о послѣдствіяхъ какого-нибудь историческаго явленія, необходимо указать на причины, тѣсно связанныя съ самими послѣдствіями, такъ какъ подобное сопоставленіе сглаживаетъ рѣзкость послѣдствій. Было бы излишнимъ съ нашей стороны сомнѣваться въ томъ, что столь добросовѣстному автору, какимъ представляетъ г. Буданова его сочиненіе, не были извѣстны тѣ обстоятельства, среди которыхъ Польша вовлекалась въ западно-европейскій міръ и въ кругъ

его понятій—какое вліяніе производило польское духовенство съ XI столѣтія, за два вѣка до введенія нѣмецкаго права — духовенство, по большей части германскаго происхожденія — какія близкія сношенія завязались съ Чешскою страною, подчинявшеюся особенно въ XI столѣтіи германскимъ понятіямъ и учрежденіямъ — и какое сильное давленіе германскаго населенія началось съ запада въ восточномъ направленіи въ XII столѣтіи — въ вѣкъ окончательнаго завоеванія Полабскихъ и Балтійскихъ Славянъ — при какихъ экономическихъ условіяхъ поселялись германскіе колонисты, воздѣлывавшіе опустошенную польскую землю—какое сильное вліяніе шло отъ сосѣдней родной, онѣмечиваемой въ томъ же XII столѣтіи Силезіи.

Не распространяясь слишкомъ много о томъ, чего мы не находимъ въ сочиненіи г. Буданова, мы обращаемся къ оцѣнкѣ той стороны послѣдствій, которыя авторъ видитъ отъ введенія въ Польшѣ нѣмецкаго права.

Нѣмецкое право (стр. 6) подѣйствовало на весь соціальный бытъ Польши и Литвы: а) ослабило княжескую власть въ Польшѣ (а черезъ нее и въ Литвѣ), лишивъ ее большей части финансовыхъ правъ и утвердивъ воззрѣнія, заимствованныя изъ частнаго права на судебную и административную власть: б) оно рѣшительно измѣнило бытъ сельскихъ обывателей, ихъ личныя и имущественныя права; в) оно создало новое понятіе о городѣ и городскомъ сословіи.

Какими правами пользовались князья до XIII столѣтія и какъ видоизмѣнились они вслѣдствіе введенія нѣмецкаго права, какія новыя родились отъ него отношенія частныя и государственныя— объ этомъ мы узнаемъ изъ источниковъ — изъ общихъ собраній документовъ, въ которыхъ сохранились слѣды какъ древняго устройства, такъ и новаго положенія и новыхъ учрежденій.

Какъ ни справедливы жалобы г. Буданова на то, что мало издано до настоящаго времени (стр. 5) документовъ, относящихся къ избранному предмету, и какъ ни точно перечисленіе двухъ или трехъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ грамоты касательно введенія нѣмецкаго права въ Польшу—Варшавскаго кодекса (3 части Ржищевскаго, Мучковскаго и Бартошевича) и для Великой Польши Рачинскаго, мы однако позволимъ себѣ прежде всего сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно ограниченнаго числа употребленныхъ г. Будановымъ источниковъ.

Авторъ пользуется довольно широко Сборникомъ Силезскихъ

грамотъ Штенцеля. Намъ очень часто, въ самомъ дѣлѣ, приходится пояснять темныя стороны въ отношеніяхъ чисто-польскихъ областей подобными же отношеніями въ родственной Силезіи. Но г. Будановъ, пользуясь этимъ сборникомъ, заходитъ иногда слишкомъ далеко, забывая, что Силезія опередила Польшу въ дѣлѣ онѣмеченія и что въ этой странѣ развитіе пошло путемъ совершенно другимъ, такъ какъ въ ней привились германскія начала обширнѣе, многостороннѣе и проникли гораздо глубже въ общественный строй, чѣмъ въ Польшѣ, и породили отношенія, не встрѣчаемыя въ чисто польскихъ княжествахъ, какъ это будетъ доказано ниже.

Но возвращаясь къ настоящимъ польскимъ сборникамъ источниковъ, мы умолчать не можемъ объ одномъ обстоятельствѣ. Авторъ приводитъ въ обзорѣ источниковъ Сборникъ грамотъ гр. Рачинскаго: Codex diplomaticus Majoris Poloniae и Варшавскій 3-хъ томный Codex diplomaticus Poloniae; между тѣмъ по справкамъ оказывается, что г. Будановъ, вѣроятно за неимѣніемъ Рачинскаго, не воспользовался Сборникомъ грамотъ, относящихся къ Великой Польшѣ, и по той же самой причинѣ ограничился лишь указаніями и свидѣтельствами, заключающимися въ III томѣ Варшавскаго Сборника. Г. Будановъ нашелся слѣдовательно въ томъ трудномъ положеніи, что долженъ былъ по актамъ, относящимся исключительно къ Малой Польшѣ, дѣлать общіе выводы касательно Великой Польши и Мазовіи.

Гдѣ слѣдуетъ изъ мелкихъ, мимоходныхъ указаній возстановлять себѣ въ умѣ систему государственныхъ отношеній, тамъ никогда, по нашему мнѣнію, не покажется излишнимъ возможно большее количество указаній, по которымъ историкъ былъ бы въ состояніи строго отличить частное отъ общаго. Такое требованіе не лишено основательности, особенно въ виду многообразныхъ отношеній, видоизмѣнявшихся по провинціямъ — по преимуществу въ устройствѣ средневѣковыхъ государствъ, которыя дробились, подобно Польшѣ въ XII и XIII столѣтіяхъ, на удѣльныя княжества и развивались своеобразно, другъ отъ друга независимо.

Къ источникамъ по нѣмецкому праву причислить слѣдуетъ:

Kodeks dyplomatyczny księstwa Mazowieckiego. Варшава 1863 г., князя Любомірскаго.

Przywileje, nadania i swobody, udzielone miastom województwa Plockiego, zebrane przez Gawareckiego. 1828.

Städtebuch des Landes Posen von Heinrich Wuttke, Leipzig. 1864.

Документы и Акты, относящіеся къ исторіи городовъ Калиш-

ской губерніи въ Калишскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (впрочемъ появившіеся въ 1869 г., до изданія сочиненія г. Буданова).

Starodawne pomniki prawa Polskiego przez Zygm. Helcla т. I и II (впрочемъ послѣдній оконченъ только въ прошедшемъ году).

Пособія: статьи, напечатанныя въ Варшавской Библіотекѣ (Biblioteka Warszawska) 1843 L. Ł. O sołtysach w Polsce.

1857 г. т. II, кн. Любомірскаго: О земледѣльческомъ классѣ въ Польшѣ.

1861 г. Шайнохи: О польской шляхтѣ.

Въ періодическомъ изданіи: Znicz—статьи Маронскаго (1843 г.) О солтысахъ въ Польшѣ, и нѣсколько монографій по исторіи городовъ въ Польшѣ, кромѣ приведенныхъ авторомъ (173 и 174 стр.), Всховы, Кобылина, Быдгощи, Дольска, Сандомира и др.

Первое положеніе г. Буданова о послѣдствіяхъ, происшедшихъ отъ введенія нѣмецкаго права, гласитъ слѣдующее:

Нѣмецкое право ослабило княжескую власть въ Польшѣ (а чрезъ нее и въ Литвѣ), лишивъ ее бо́льшей части финансовыхъ правъ и утвердивъ воззрѣнія, заимствованныя изъ частнаго права, на судебную и административную власть.

Чтобы оправдать такое положеніе, чтобы тѣмъ нагляднѣе показать читателю основательность заключенія, авторъ очень умѣстно, согласно требованіямъ строгой систематичности, сопоставляетъ состояніе княжеской власти до введенія нѣмецкаго права, съ утратою правъ, которыхъ лишались князья, раздавая щедрою рукою привилегіи по нѣмецкому праву.

Послѣ вѣрнаго опредѣленія того, что разумѣть слѣдуетъ подъ названіемъ jus ducale, обозначающее сумму княжескихъ правъ, къ которымъ принадлежатъ права на подати, повинности, регаліи, права судебной и административной власти, авторъ разбираетъ подробно права князя, составлявшія источникъ его доходовъ.

Прямая подать состояла въ уплатѣ такъ называемаго поральнаго (poradlne), уплачиваемаго по 12 грошей съ каждаго воздѣланнаго участка земли.

Экстраординарный налогъ, взимаемый въ особенныхъ случаяхъ, назывался exactio.

Сверхъ того *annona ducalis* собиралась натуральными произведеніями, и на княжескій дворъ отдавались въ извѣстныя времена коровы, овцы и проч. Впрочемъ намъ кажется, что она иногда перелагалась на деньги.

Повинности состояли въ доставленіи необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ во время военнаго похода или проѣзда князя или должностныхъ лицъ—что въ итальянскихъ грамотахъ называется fodrum, доставляемое общинами, когда германскій императоръ отправлялся походомъ въ Римъ.

Подводною повинностью обозначалась обязанность сельскаго или городскаго населенія перевозить въ военное время изъ одного мѣста въ другое военные снаряды, припасы, или въ мирное время, перевозить продукты, собранные въ пользу княжескаго двора (у Итальянцевъ parafredi). Къ тому же самому роду причислить слѣдуетъ такъ называемыя angaria и perangaria, или работы около постройки укрѣпленныхъ зàмковъ.

Княжескія регаліи давали князьямъ право пользоваться водами, ловлею звѣрей и птицъ и рыболовствомъ.

Уже Штенцель, въ предисловіи къ Силезскому сборнику, опредѣлилъ и объяснилъ отношенія народонаселенія къ государственной власти, права, какими пользовались князья, обязанности и повинности, какія должны были нести подчиненные. Никакъ не думая дѣлать замѣчанія относительно княжескихъ правъ, перечисленныхъ г. Будановымъ, мы однако считаемъ не излишнимъ привести мѣста въ подтвержденіе положенія автора, чтобы показать еще большую полноту правъ, принадлежавшихъ князьямъ.

Премыславъ даруетъ Лденденскому монастырю деревню Ярошинъ и освобождаетъ ее a povoz, a prevod, a strosa, a dan, a naraz, a podvorove, a targove, a mostne, a castrorum edificio sive poncium quorumlibet, a recepcione Subvenatoris seu custodis vel conductu castoriarorum, a vicinia quod opole vulgariter nuncupatur, a custodia vel solucione erodiorum, quod socol nuncupatur et ab omni exactione seu collectione quod povolove dicitur, a vecturis et expedicionibus vel omnibus juribus in Polonia constitutis, quibuscumque censeantur nominibus [1])

или въ другомъ мѣстѣ, когда Конрадъ Мазовецкій освобождаетъ церковь въ Плоцкѣ отъ повинностей:

Ecclesiarum homines ducalia non compellentur edificare castra, sed suis municionibus reparandis et conservandis dumtaxat intendent. Caniductores, venatores cum retibus et falconarii non intrabunt villas eorundem. Braxacio potus non ponetur in eisdem villis. Wacca podvorove vel cane pro podvorove sive illud quod dicitur Narzaz de pre-

---

[1]) Cd. dipl. Pol. I. 148 стр.

dictis villis non accipietur. Prevod rusticanum sive povos prefati homines non ducent, falconem casu deperditum eciam non solvent [1]).

Тотъ же самый князь, даруя Блонской церкви деревню освобождаетъ ее:

ab omnibus et singulis nostris nostrorumque successorum censibus pecuniarum a stacionibus et quibusvis oppressionibus angariis et perangariis et specialiter ab his que sequuntur Sep, Obrzaz, Narzaz, porco, vacca, ariete pozewne Nyestane, podymne, Strosza Szron przevoth, Mothne psarszkye a venatoribus laboribus et ceteris oppressionibus... [2]).

Приведенныя нами мѣста; показывая съ одной стороны какъ обширны были княжескія права въ отношеніи къ подчиненнымъ, показываютъ въ то же время, что многое было только злоупотребленіемъ или незаконнымъ обремененіемъ, которое должно раньше или позже прекратиться. При неразвитости экономическихъ отношеній, когда натуральное хозяйство преобладало надъ денежнымъ, при отсутствіи денежнаго оборота, подати легко могли принимать неопредѣленный характеръ, открывающій широкое поле для личнаго произвола. Среди неурядицы XII и XIII столѣтій въ удѣльныхъ княжествахъ и общаго смятенія утвердилось за князьями многое, что должно было исчезнуть при водвореніи порядка. Оттого то и грамота 1289 г. (см. выше, Cd. Mas. 29 стр.) упоминаетъ о незаконныхъ взысканіяхъ (oppressiones), которыя умножались по мѣрѣ того, какъ дробилась власть королевская и князья среди военныхъ занятій переставали заботиться объ общественномъ порядкѣ. Приводя права, принадлежавшія князьямъ въ XII столѣтіи, слѣдуетъ имѣть въ виду усиленіе княжеской власти, умноженіе правъ незаконнымъ путемъ. Не должно забывать, какую картину рисуетъ намъ Викентій Кадлубекъ [3]), говоря о Мстиславѣ III, характерѣ его правленія, ознаменованнаго строгостью, незаконными поступками его должностныхъ лицъ, разсказывая объ угнетеніи народа взысканіемъ строгихъ денежныхъ штрафовъ; не слѣдуетъ забывать, что и въ другихъ провинціяхъ подобнымъ образомъ расширялся объемъ княжескихъ правъ во вредъ народа. Довольно упомянуть объ извѣстныхъ постановленіяхъ Ленчицкаго синода 1180 года при Казимірѣ Справедливомъ, въ доказательство того, что княжескія права умножились во многихъ отношеніяхъ путемъ насилія и

---

[1]) Cd. Masov. 1231 г. 4 стр.

[2]) Ibid. 1289 г. 29 стр.

[3]) Vincent. Kadl. ed. Crac. 1864 г. Lib. IV, c. II.

что они должны были уменьшиться независимо отъ введенія нѣмецкаго права.

Fuit autem huic genti, слова Викентія Кадлубка [1]), ex antiquo persolenne et quasi consuetudinis auctoritate approbatum, ut quisque potentum quorsumlibet pompatice vergens, pauperum non tantum paleam, fenum, stipulam, sed annonam, horreis ac tuguriis perfractis, potestative diriperet, nec tam depascenda quam caballis percalcanda, profunderet. Erat et aliud non absimili temeritate antiquatum; quoties a potente aliquid vel exiliis legatiunculae ad quemlibet esset instanter perferendum, iussi sunt satellites veredis pauperum insilire et unius horae momento infinitissima stadiorum millia cursu citatissimo transvolare. Quae res multis multo fuit periculo, quorumdam caballis irremediabiliter enervatis, quorumdam penitus exstinctis, nonnullis, quum probati essent, irrevocabiliter abductis.

Подобнымъ образомъ какъ подводная повинность, могло случиться, что и другія подавали поводъ къ утвержденію за князьями и ихъ чиновниками разныхъ выгодъ въ ихъ пользу, особенно со временъ раздробленія Польши при преемникахъ Болеслава Кривоустаго.

Впрочемъ возраженія наши отнюдь не касаются самыхъ существенныхъ предѣловъ княжескихъ правъ и источника доходовъ; мы вполнѣ согласны съ авторомъ въ томъ, что княжескія права были въ самомъ дѣлѣ обширны; но считаемъ необходимымъ замѣтить, что къ концу XII столѣтія, когда вводилось нѣмецкое право, многое могло быть злоупотребленіемъ, что̀ должно было исчезнуть при водвореніи порядка. Возраженія наши имѣютъ въ виду только смягчить рѣзкость воззрѣнія г. Буданова на предѣлы княжескихъ правъ.

Представивъ тѣ широкія основанія, на которыхъ воздвигались права государственной власти, авторъ старается показать, какой ущербъ этимъ правамъ принесло нѣмецкое право своими освобожденіями отъ разныхъ податей и повинностей.

Нѣмецкое право, говоритъ г. Будановъ (17 стр.), оказало вліяніе на уменьшеніе финансовыхъ средствъ Польши двумя способами: а) непосредственно чрезъ освобожденіе все большаго и большаго числа духовныхъ и свѣтскихъ владѣній отъ податей и повинностей и б) косвенно, чрезъ освобожденіе общинъ отъ военной повинно-

---

[1]) Lib. IV, c. IX. 185.

сти, что̀ заставляло князей (и королей) увеличивать массу дружинниковъ и слѣдовательно давать имъ содержаніе, то есть, права дружины на княжескіе доходы въ имѣніяхъ. Говоря о первой сторонѣ вліянія нѣмецкаго права, нужно различать пожалованіе нѣмецкаго права общинамъ, живущимъ на государственной (т.е. княжеской) землѣ, или новымъ колоніямъ, водворяющимся на этой землѣ, отъ пожалованія его духовенству и частнымъ собственникамъ.

Г. Будановъ очень справедливо замѣчаетъ, что дарованіе нѣмецкаго права княжескимъ имѣніямъ не только не уменьшаетъ княжескихъ доходовъ, но напротивъ, влечетъ за собою ихъ увеличеніе. Поземельный чиншъ, уплачивавшійся колонистами или поселенцами, устроенными по нѣмецкому праву, доходы собираемые съ торговаго занятія—вотъ, по словамъ автора, источники умноженія княжескихъ доходовъ.

Статью столь важную, послѣдствія столь многочисленныя, происшедшія отъ умноженія городскаго народонаселенія, однимъ словомъ, обстоятельства, проливающія свѣтъ на указанныя льготы, авторъ обошелъ почти незамѣтно, коснувшись предмета тѣсно связаннаго съ нѣмецкимъ правомъ только слегка, мимоходомъ (одна страница). Намъ кажется, что если дѣйствительно уменьшились доходы князей отъ жалованія частнымъ лицамъ нѣмецкаго права, то выгоды и убытокъ уравновѣшиваются; слѣдовало бы такимъ образомъ сопоставить обѣ стороны, выгодную и вредную, и оцѣнить взаимное ихъ отношеніе [1]).

Мы вышли бы за предѣлы рецензіи, если бы вздумали категорически перечислять обширныя выгоды, происшедшія отъ умноженія городовъ, которыхъ возникновенію содѣйствовало именно нѣмецкое право. Не только увеличились княжескіе доходы обильнымъ сборомъ поземельнаго чинша и чрезвычайныхъ податей, они увеличивались еще и косвенно.

Такъ, напримѣръ, пограничные города замѣняли собою укрѣпленныя мѣста и многолюдностью своею образовали оплотъ противъ вторженій внѣшнихъ враговъ. Такое значеніе пріобрѣли города на пограничной линіи отъ Нѣмецкаго Ордена, Помераніи, Си-

---

[1]) Въ грамотахъ, относящихся къ введенію нѣмецкаго права, часто упоминается о выгодахъ 7359. Cd. Pol. II. 731. advertentes quod jus theutonicum et civile nobis et nostris regnicolis multum affert utilitatis...

лезіи: Повидзъ [1]), Быдгошь, Мендзиржецъ, Кросно, Всхова и др.

Въ стратегическомъ отношеніи города пріобрѣтали важность еще и въ томъ смыслѣ, что пролагаемыя ими чрезъ лѣсныя страны дороги содѣйствовали облегченію сообщеній. Предполагаемъ, что указанныя обстоятельства находятся въ тѣсной связи съ финансовою стороною нѣмецкаго права, не говоря уже о послѣдствіяхъ въ экономическомъ отношеніи, объ увеличеніи народнаго богатства, оживленіи торговли, распространеніи многочисленныхъ ремеслъ, объ удобствахъ происшедшихъ отъ усиленія денежнаго оборота. Отъ вниманія автора не ускользнула такая важность городовъ, когда онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ главнымъ источникомъ финансовыхъ доходовъ во времена рѣчи Посполитой.

Что дарованіе нѣмецкаго права частнымъ владѣльцамъ влекло за собою уменьшеніе доходовъ князей, что изъятія, даваемыя по нѣмецкому праву, приносили ущербъ государственной казнѣ, мы опровергать этого не станемъ. По справедливому замѣчанію автора, уже Бантке [2]) приписываетъ такое вліяніе нѣмецкому праву. Впрочемъ и Реппель [3]) такимъ же самымъ образомъ опредѣляетъ послѣдствія, возникшія отъ введенія нѣмецкаго права. Г. Будановъ разсматриваетъ, по статьямъ, освобожденія, которыя давались частно — владѣльческимъ имѣніямъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ правомъ.

«Тогда эти имѣнія освобождаются отъ общей поземельной подати — поральнаго. Нужно, однакожъ, думать, что освобожденіе отъ этой подати было неполное; если и бывало полное, то очень рѣдко.» Оговорка эта совершенно основательна. Въ доказательство того, что имѣнія освобождались отъ поральнаго, авторъ приводитъ одну грамоту [4]). Что они не освобождались или очень рѣдко, мы

---

[1]) См. Wuttke, Städteb. d. Land. Posen. 1365. 29 стр. льготы данныя за защиту города и за приверженность королю.

Городъ Пржипустъ. Cd. Pol. 2 II 622 стр.: promisimus etiam civitatem dictam munire, cum homines tot venerint, qui *per se ipsos* poterint ipsam custodire.

Плоцкъ Cd. Mas. 1354. 64 стр. Казиміръ предписываетъ мѣщанамъ выстроить значительную часть городскихъ стѣнъ и башни на собственное иждивеніе.

[2]) Hist. pr. polsk. стр. 173.

[3]) Geschichte Polens 598 стр.

[4]) Cd. Pol. III 80 стр.

подтвердить это можемъ словами грамоты Болеслава Мазовецкаго, данной монастырю Цистерсовъ: communem terre solucionem, que poradlne nuncupatur ad instantiam abbatis de Yezow.... decem annis dedimus percipere inconvulse, quibus evulsis ad nostros demum usus spectabunt [1]).

При дарованіи нѣмецкаго права частному владѣльцу обыкновенно выговаривалась уплата чинша съ земли, воздѣлываемой поселенцами деревни: damus Comiti Virbentae potestatem locandi villam jure theutonico.... praecipimus assignare quinquaginta mansos longos, in quibus omnes Incolae a solucione census et decimae infra viginti annos gaudebunt libertate, post elapsam vero libertatem *de quolibet manso nobis singulis annis* si videbitur aut eidem Comiti Virbente pro censu *dimidiam marcam* argenti usualis....

Изъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что относительно чинша, или денежныхъ доходовъ, нѣмецкое право не приносило значительнаго убытка, ибо, если случалось освобожденіе отъ уплаты поземельной ренты, то оно вознаграждалось тѣми доходами, которые происходили отъ умноженія сельскаго народонаселенія въ частновладѣльческихъ имуществахъ.

Но натуральные поборы, продолжаетъ авторъ, совершенно и постоянно уничтожаются жалованными грамотами на нѣмецкое право: такъ что.... absolvimus a vacca a bove etc. есть постоянная форма такихъ грамотъ. Между тѣмъ этого постоянства въ источникахъ вовсе не встрѣчаемъ, такъ напр.... nulla alia solucio sit in civitate preterquam de tabernis, *vacca* de podvorove [2]).

Если впрочемъ поселенцы по нѣмецкому праву освобождались отъ подобныхъ поборовъ, не приносившихъ для княжескаго двора значительныхъ выгодъ, то они обыкновенно замѣняемы были чиншемъ.

Освобожденіе отъ стацій, имѣющихъ особенную важность, не встрѣчается постоянно, какъ это предполагаетъ г. Будановъ..... a stacione venatorum et aucupum etc. a stacione pannificum et braxatorum excepto si in eorum villa steterimus [3]).

Мы должны согласиться съ авторомъ, при разборѣ слѣдующаго пункта, въ томъ, что князья уничтожаютъ подводную повинность, давая грамоты на нѣмецкое право; но не считаемъ основательнымъ

---

[1]) Cd. Pol. I. 102 стр.

[2]) Cod. Masov. 1237. 9 стр.

[3]) Cd. Pol. III. 139 стр.

приписывать силезскимъ князьямъ, какъ это дѣлаетъ г. Будановъ, болѣе благоразумія, чѣмъ польскимъ. Силезскіе князья, говоритъ авторъ, сохранили сначала за собою подводную повинность въ военное время для доставленія провіанта и перевозки плѣнниковъ. Въ грамотахъ же князей восточной Польши *постоянно* стоитъ общая форма: absolvimus a powoz, prevod etc. все равно дается ли грамота собственному имѣнію князя или частно-владѣльческому. Мы, однакожъ, возразить должны, что постоянства не встрѣчаемъ, и что польскіе князья, подобно силезскимъ, выговариваютъ себѣ право на такія повинности:

1241 г. грамота, данная Плоцкой церкви: et illi omnes (homines ecclesiae) povod militare ducent [1]).

1237 г. Плоцку.... vel aliqui captivi comprehendantur non longius de civitate non in ostrog, liscovo et sestovo per cives deducantur. Ultra vero Vislam nullus conductus a civitate deducatur [2]).

1364 г. Казиміръ утверждаетъ грамоту, данную гор. Повидзъ: ab omnibus podevodis.... laboribus.... *extunc* eximimus [3]) и проч.

Княжескія регаліи подвергались сначала, при дарованіи нѣмецкаго права, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, нѣкоторымъ ограниченіямъ: князья оставляютъ напр. за собою право на ловлю бобровъ, медвѣдей и проч..... excepto Pomilione, qui dicitur Tur, quem volumus spectare nostrum ad ducatum, и тому подобныя исключеченія [4]).

И относительно горной регаліи князья не были такъ расточительны при дарованіи нѣмецкаго права, какъ это предполагаетъ г. Будановъ. Очень часто встрѣчаются въ грамотахъ опредѣленія, какая часть добываемой соли или металловъ должна оставаться за княземъ или королемъ. Въ грамотѣ, данной монастырю Цистерсовъ 1249: si sal invenerint.... inde partem terciam jure hereditario in perpertuum percipiant. Concedimus.... ut si metalla aliqua auri argentique invenerint aut inveniri fecerint ex hijs quintam partem in perpetuam possessionem habeant [5]).

1255.... si aliquod metallum in territorio eodem et bonis dicti monasterii poterit reperiri, medietas ejus ad ducale dominium... reddetur [6]).

---

[1]) Cd. Mas. 41 стр.
[2]) Cd. Mas. 8 стр.
[3]) Wuttke-Städteb. d. Land. Pos. 29 стр.
[4]) Cd. Mas. 34 стр.
[5]) Cd. Pol. I. 55.
[6]) Cd. Pol. III. 65 стр.

Подобныя доказательства мы считаемъ необходимымъ привести, чтобы показать, что и монетная регалія не раздавалась слишкомъ расточительно. Г. Будановъ предполагаетъ, что право чеканить монету было въ XIV столѣтіи чрезвычайно распространено въ городахъ, пожалованныхъ нѣмецкимъ правомъ. Доказательствъ не приводится никакихъ; только путемъ соображеній авторъ приходитъ къ такому убѣжденію. Г. Будановъ жалуется на то, что до насъ не дошли грамоты, по которымъ можно бы ясно судить о связи пожалованія правомъ чеканить монету съ нѣмецкимъ правомъ.

Вотъ грамота Казиміра В., данная 1346 г. вновь основанному городу Быдгощи: et pro dicti oppidi melioratione damus dicto oppido nostro monetam facere debere et habere, census tamen sive fructus de moneta ipso proveniens ad nos et successores nostros ex toto pertinebit [1]).

Если мы станемъ разсматривать вопросъ о монетной регаліи по приведенной грамотѣ 1346, то жалованіе ею не наносило никакого ущерба княжескимъ или королевскимъ доходамъ, такъ какъ городъ долженъ былъ уплачивать монетный чиншъ. Тогда король получалъ безъ труда болѣе, чѣмъ имѣлъ до жалованія грамотой на нѣмецкое право. Городъ же, чеканя свою монету, былъ огражденъ отъ всякихъ, такъ часто происходившихъ, злоупотребленій монетчиковъ [2]). Впрочемъ монетная регалія не давалась частнымъ владѣльцамъ (развѣ только епископствамъ), даваемая же городамъ составляла источникъ умноженія княжескихъ доходовъ.

Но самымъ вліятельнымъ изъятіемъ, говоритъ авторъ (12 стр.), продолжая статью о послѣдствіяхъ введенія нѣмецкаго права, было освобожденіе отъ военной повинности.

Г. Будановъ руководится мыслью, что поселенцы по нѣмецкому праву обязаны были нести военную службу только въ войнахъ оборонительныхъ и внутреннихъ, «отъ внѣшнихъ же войнъ они освобождаются всегда, и даже тогда только принимаютъ участіе въ защитѣ страны, когда война касается границъ ихъ поселеній. И такъ, продолжаетъ авторъ, нѣмецкое право обязываетъ колонистовъ къ тому, къ чему обязываетъ каждаго чувство собственнаго самосохраненія; во время войны жители открытыхъ мѣстъ и безъ того убѣгали въ ближайшіе замки и принимали участіе въ

---

[1]) Wuttke Städteb. d. L. Pos. 35 стр.

[2]) Cpaв. Vincent. Kadlub. IV. 2.

ихъ оборонѣ: единственный обязательный долгъ ихъ вооружать извѣстное число людей на свой счетъ.

Вотъ доказательства, заставляющія ограничить тѣ широкія освобожденія по нѣмецкому праву, которыя имѣетъ въ виду г. Будановъ.

Намъ кажется, что по большей части, независимо отъ нѣмецкаго права, освобождались поселенцы отъ походовъ внѣшнихъ, или во время личныхъ войнъ междоусобицъ, веденныхъ удѣльными князьями.

Поселенцы Станіонтскаго монастыря освобождаются отъ участвованія въ походахъ князя, но обязаны были вооружить 16 людей: ad expeditionem quamlibet sedecim homines cum clypeis mittent [1]).

О жителяхъ города Андржеева говорится: quod si forte quod absit exercitus paganorum terram ingredientur vel et si inimici eam invadent manifeste ire tenentur, sicut cives aliarum civitatum terre nostre que iure theutonico sunt locate [2]).

1233.... Mecum tamen ibunt in expedicionem ad terre mee defensionem [3]).

1286.... ad expediciones non ibunt nisi quando Cujavia ab alieno exercitu invadetur [4]) и многія другія грамоты, въ которыхъ говорится не только объ обязанности защищать границы поселеній, но и вообще цѣлой страны или княжества.

О постройкѣ замковъ, объ ихъ ремонтѣ, часто встрѣчаются упоминанія — такъ что повинность эта лежитъ и на деревняхъ по нѣмецкому праву. Князь Земовитъ Мазовецкій, освобождая имущества познанской церкви отъ разныхъ повинностей, требуетъ отъ сельскихъ жителей, управляющихся нѣмецкимъ правомъ: ut praedicti incolae solummodo ad reaedificationem castri ejusdem in Czyrsh cum aliis militibus secundum consuetudinem nostrorum militum teneantur [5]).

Разсматривая ближе освобожденіе поселенцевъ по нѣмецкому праву отъ обязанности нести военную службу во внѣшнихъ войнахъ, мы предполагаемъ, что такое освобожденіе произошло отъ

---

[1]) Cd. Pol III. 90 стр.
[2]) Cd. Pol. III. 94 стр.
[3]) Cd. Pol I. 89 стр.
[4]) Cd. Pol. I. 118 стр.
[5]) Cd. Maj. Pol. 107 стр.

причинъ, которыя не имѣютъ никакой связи съ дарованіемъ нѣмецкаго права.

Намъ кажется, что уже въ XII столѣтіи, до введенія нѣмецкаго права, перемѣнился прежній военный порядокъ, что общее народное ополченіе замѣнено было родомъ рыцарскихъ отрядовъ, которые служили удобнымъ орудіемъ для удѣльныхъ князей во время междоусобныхъ войнъ, что общее ополченіе не могло выносить обременительныхъ походовъ, предпринимавшихся безпокойными князьями, — вслѣдствіе чего родилась необходимость образовать дружиннические отряды, подобные тѣмъ, которые стали образовать меровингскіе короли въ VI и VII столѣтіяхъ, разчитывавшіе болѣе на помощь своихъ вѣрныхъ Leudes, чѣмъ на народное ополченіе. Утверждалась въ Польшѣ извѣстнаго рода сословная исключительность, перемѣнялся образъ воеванія, пѣхотный строй не содѣйствовалъ быстротѣ движенія, конные отряды преобладали надъ пѣшими. Для такого рода службы требовались средства, которыя превышали силы поселенца; мало по малу народное ополченіе созывалось только въ случаяхъ общей нужды — во время нападенія; наступательную же войну стали вести князья при помощи конныхъ отрядовъ.

Такъ какъ солтысъ деревни обыкновенно располагалъ болѣе обильными средствами и не принадлежалъ къ простолюдинамъ, земледѣльцамъ, то на немъ лежала обязанность нести военную службу, такую, какую солтыство застало въ Польшѣ до введенія нѣмецкаго права.

Оттого и предписывается въ грамотахъ на нѣмецкое право — какъ слѣдуетъ солтысу вооружаться и опредѣляется цѣна боевой лошади, лошадь должна быть хороша. Почти постоянно въ грамотахъ выражается отчетливо, что требуется отъ солтыса [1]): cum uno equo in valore trium marcarum. Villici autem.... sculteto cum ipsum ad expedicionem ire contingerit sibi cum duobus equis ad suum tenebuntur placitum famulari.

Advocatus.... ad quamlibet expeditionem.... cum tribus famulis, armis bellicis bene dispositis.... paratus esse teneatur [2]).

Sculteti.... ad expedicionem cum uno homine in plactis vel in pancerio tenebuntur servire. [3]).

---

[1]) Cd. Pol. III. 129 стр.
[2]) Cd. Pol. III. 209 стр.
[3]) Ibid. 221 стр.

Scultetus.... cum uno homine galeato et equo bono tenebitur servire [1]).

Мы приступаемъ теперь къ общему выводу. Почти во всѣхъ пунктахъ, приведенныхъ Будановымъ, мы должны были сдѣлать ограниченія, показывая и объясняя, что нѣмецкое право вводимое въ частно-владѣльческія имѣнія, не приносило значительнаго ущерба государственной казнѣ, которая, согласно съ мнѣніемъ автора, сохраняла все еще въ пользу свою право на сборы поземельнаго денежнаго чинша. Другія освобожденія, какъ показано было, или малозначительны или давались съ разными ограниченіями, освобожденіе отъ военной службы послѣдовало и безъ нѣмецкаго права, вслѣдствіе перемѣны образа веденія войны.

Принимая въ соображеніе тѣ обильные источники, которые открылись для княжескихъ доходовъ въ умножившихся отъ нѣмецкаго права городахъ, взвѣшивая тѣ огромные финансовые доходы съ незначительнымъ ущербомъ, происходившимъ отъ дарованія нѣмецкаго права частно-владѣльческимъ имуществамъ, — мы согласиться не можемъ съ мнѣніемъ автора — относительно перваго пункта о послѣдствіяхъ введенія нѣмецкаго права — будто оно ослабило княжескую власть въ Польшѣ, лишивъ ее большой части финансовыхъ правъ.

Но какъ бы то ни было — власть княжеская въ XIII вѣкѣ въ Польшѣ далеко не такъ обширна и не пользуется такою полнотою правъ, какъ мы это видимъ однимъ или двумя столѣтіями раньше. Ослабленіе ея—фактъ неоспоримый, но причины этого явленія кроются не въ одномъ только жалованіи нѣмецкаго права; оно вовсе еще не вводилось, когда церковь посредствомъ иммунитета выступила изъ общаго государственнаго союза и когда уже земское рыцарское сословіе успѣло пріобрѣсти политическое значеніе.

Князья, въ борьбѣ за первенствующее княжество, принуждены стараться о пріобрѣтеніи приверженцевъ и попадаютъ въ зависимость отъ того сословія, которое вездѣ и всегда имѣетъ въ виду свои собственныя выгоды. Стоитъ прочесть послѣднюю книгу исторіи Викентія Кадлубка, чтобъ убѣдиться, что уже въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XII вѣка шляхетское сословіе получаетъ вѣсъ въ государственныхъ дѣлахъ. Предполагать можно, что доставленное ей во время борьбы состязавшихся князей, политическое значеніе, повлекло за собою и извѣстныя выгоды исключенія, изъятія

---

[1]) Ibid. 225 стр.

въ пользу того же сословія. Такимъ временемъ была по преимуществу долголѣтняя борьба Мечислава III съ братомъ Казиміромъ и Лешкомъ Бѣлымъ: въ этихъ безконечныхъ состязаніяхъ князей перевѣсъ зависитъ исключительно отъ шляхты. Въ малолѣтство Лешка Бѣлаго управляетъ Краковскимъ княжествомъ воевода Николай cum quibusdam procerum XXIII; на мѣсто того же Лешка избирается шляхтою Владиславъ Лясконогій «principum, satraparum consensu omnium a caligato milite usque ad supremum princeps Cracoviae dux Vladislaus constituitur» повѣствуетъ Викентій Кадлубекъ въ послѣдней главѣ своей исторіи. Такое возвышеніе шляхетскаго сословія не обошлось безъ извѣстнаго ограниченія княжеской власти, безъ исторженія у нея извѣстныхъ освобожденій. Слѣды такихъ изъятій встрѣчаемъ въ такъ называемыхъ, жалованныхъ грамотахъ, которыхъ только не большое число было извѣстно Реппелю, которыя однако все чаще попадаются въ новыхъ сборникахъ документовъ.

Частные владѣльцы, по примѣру церкви, независимо отъ нѣмецкаго права пріобрѣтаютъ, въ видѣ исключенія, болѣе или менѣе значительную часть такъ называемаго jus ducale и освобождаются вмѣстѣ съ поселенцами своихъ деревень или отъ повинностей или отъ общей польской юрисдикціи [1]). Нѣмецкое право дало въ послѣдствіи сильный толчекъ шляхтѣ, вступившей на этотъ путь, по которому подвигаясь, дошла она до тѣхъ значительныхъ преимуществъ, какія ей обезпечивались Кошицкимъ актомъ 1374. Содѣйствіе же нѣмецкаго права было только побочное, такъ какъ характеръ главнаго направленія опредѣлялся ходомъ событій и развитіемъ XII столѣтія, слѣдовательно до введенія того, что называется jus teutonicum.

II.

Введеніе нѣмецкаго права влекло за собою учрежденіе новыхъ формъ судебнаго и административнаго устройства. Города и деревни, получая самоуправленіе, освобождались изъ подъ власти княжескихъ чиновниковъ, которые замѣнялись новыми, соотвѣтствующими новому образу судопроизводства и управленія. Родились новыя отношенія вновь возникающихъ учрежденій къ государствен-

---

[1]) Cd. Mas. 1293 стр. 31. 1298 стр. 34. 1319 стр. 40 и проч.

ной власти. Г. Будановъ, переходя послѣдовательно къ разсмотрѣнію формъ нѣмецкаго права, въ краткомъ очеркѣ знакомитъ читателя съ главными основаніями германскаго государственнаго права, съ тѣми учрежденіями, которыя выработались на германской почвѣ подъ вліяніемъ феодализма, съ отношеніями, которыя возникли въ отдѣльныхъ областяхъ духовныхъ и свѣтскихъ, въ то время, когда герцогства, графства, епископства получали видъ почти самостоятельныхъ, независимыхъ территорій. Авторъ имѣетъ въ виду представить вниманію читателя тѣ основныя начала, тѣ образцовыя черты, по которымъ онъ долженъ соображать переходъ заимствованныхъ изъ Германіи учрежденій и ихъ примѣненіе на почвѣ польскаго государственнаго права. Главное вниманіе обращено на характеръ государственныхъ учрежденій Германіи, проникнутыхъ насквозь основаніями ленной системы, которыя впрочемъ проникали въ Польшу въ началѣ XIII вѣка (и утвердились впослѣдствіи самостоятельно) когда феодализмъ вовсе еще не находился на вершинѣ своего развитія въ Германіи, что случилось тамъ какъ извѣстно, только въ XIV столѣтіи. Мысль эта (26 стр.) несовершенно точно выражена, она намъ кажется натянутою. Общій обзоръ начертанъ мелькомъ, бѣглою рукою; цитуется (примѣчаніе 3, стр. 26) Вызинскаго статья, и въ ней пропущено важное слово: вмѣсто «поземельная собственность всегда соединялась съ правами верховной власти» должно быть «съ нѣкоторыми», что очевидно видоизмѣняетъ смыслъ приведеннаго мѣста. Приходится всегда одолѣвать огромныя трудности, когда слѣдуетъ обрисовать въ главныхъ чертахъ состояніе и многоразличныя отношенія особенно пестро устроившейся конституціи Германіи, — но по поводу замѣчанія о шеффенахъ мы не можемъ воздержаться отъ возраженія. Между прочимъ говорится (28 стр.), «по существу дѣла избраніе шаферовъ должно бы принадлежать свободнымъ гражданамъ, но на самомъ дѣлѣ избраніе это не было независимымъ: судья имѣлъ право удалять тѣхъ изъ нихъ, которые ему *не нравились*. Уже Людовикъ благочестивый постановилъ: «Если ревизоры (missi nostri) найдутъ гдѣ дурныхъ шеффеновъ, то должны отставлять ихъ и, съ согласія всего народа, избирать на ихъ мѣсто хорошихъ.»

Во-первыхъ — приведенный авторомъ капитулярій 829 г. [1]) говоритъ только о скабинахъ, которые оказались дурными; на мѣ-

---

[1]) Pertz LL. II.

сто ихъ же totius populi consensu опять избирались новые — значитъ, избраніе происходитъ опять обычнымъ образомъ — и очевидно не теряетъ своей первоначальной независимости. Графъ, фогтъ или вообще предсѣдательствующій имѣлъ право устранять скабиновъ не тѣхъ, которые ему не нравились, но которые оказывались дурными.

Во-вторыхъ. Предполагаетъ ли авторъ, что опредѣленія IX столѣтія Франкской монархіи, касающіяся скабиновъ, могутъ быть примѣняемы къ отношеніямъ разныхъ формъ скабината въ XII и XIII столѣтіяхъ въ городахъ и деревняхъ Германіи. Развѣ въ Кельнѣ, Вормсѣ могъ бургграфъ или фогтъ свободно устранять отъ должности скабиновъ, корпоративно между собою связанныхъ?

Послѣ этого незначительнаго отступленія, возвращаемся къ главному предмету. Авторъ разсматриваетъ учрежденія, заимствованныя изъ Германіи, перенесенныя въ Польшу вмѣстѣ съ Германскимъ правомъ. Самое главное изъ нихъ это войтовство.

Статья о войтовствѣ даетъ вѣрное и точное понятіе о войтахъ и солтысахъ. Авторъ придерживается строгой систематичности, при помощи которой ему возможно было по грамотамъ ясно и отчетливо опредѣлить разныя отношенія войтовъ съ одной стороны къ князьямъ, съ другой къ частнымъ землевладѣльцамъ. Весьма удачнымъ должно считать различіе, проведенное г. Будановымъ между войтовствами. Авторъ совершенно основательно отличаетъ войтовъ и солтысовъ въ частно-владѣльческихъ имуществахъ, отъ войтовъ, которыхъ онъ называетъ княжескими, т. е. такими, которые ставились въ городахъ или княжескихъ деревняхъ, не составляющихъ собственности частныхъ владѣльцевъ.

Права, преимущества, обязанности и отношенія княжескихъ войтовъ изложены вѣрно, систематично, хотя бы желательно было, чтобы авторъ рѣже пользовался силезскими грамотами для выясненія отношеній, образовавшихся въ чисто-польскихъ областяхъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

Но одно войтовство не исчерпываетъ всѣхъ учрежденій, которыя возникли вмѣстѣ съ введеніемъ нѣмецкаго порядка. Войты первоначально не получали высшей судебной власти: князья сохраняли ее за собою. Въ частно-владѣльческихъ имуществахъ судебная власть войта или солтыса ограничивалась правомъ судить дѣла гражданскія и дѣла уголовныя меньшей важности, дѣла же уголовныя, наказываемыя смертною казнью должны были поступать на судъ самого князя (.... Si de prodicione, patricidio vel terre pre-

dacione seu quod absit crimine lese majestatis inpetrarent (?) vel similibus a nobis tantummodo .... theutonicali Jure iudicabitur et pena debita punietur Cd. Pol. III 95 стр.; хотя конечно найдутся и исключенія .... teneantur iudicare.... coram ipso sculteto suo iure sive in magnis sive in parvis causis sive videlicet ad suspendendum sive decolandum sive rotandum. Ibid. 1247 г., 52 стр.).

Подобнымъ образомъ судебная власть войта не простирается на лица, подлежащія другому вѣдомству по польскому праву; сверхъ того мѣстный войтовскій судъ представляетъ только первую инстанцію. Соображая указанныя обстоятельства, догадаться не трудно, что слѣдуетъ въ актахъ искать слѣдовъ высшаго уголовнаго и апелляціоннаго суда по нѣмецкому праву. Необходимость такого учрежденія показана авторомъ ясно, убѣдительно: опираясь на аналогію въ Силезіи, въ которой развилось учрежденіе такъ называемаго провинціальнаго войта, замѣнившаго собою князя, относительно высшей судебной власти, г. Будановъ очень справедливо берется отыскать подобное учрежденіе и въ чисто-польскихъ областяхъ. Авторъ коснулся важнаго вопроса о провинціальныхъ войтахъ въ Польшѣ и поставилъ его въ связь съ вопросомъ о началахъ и происхожденіи старостъ или старостинской власти (capitanei). Разъясняя до сихъ поръ еще никѣмъ неопредѣленное значеніе провинціальныхъ войтовъ, онъ въ то же время рѣшаетъ о происхожденіи старостинскаго уряда трудную задачу, относительно которой доселѣ никто изъ изслѣдователей не представилъ удовлетворительнаго предположенія. На сколько намъ извѣстно, это первая попытка, и она заслуживаетъ вполнѣ уваженія. Выводы, замѣчанія, указанія, сдѣланныя по обоимъ вопросамъ о провинціальныхъ войтахъ и о старостахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ серьозно и самостоятельно авторъ относился къ избранному предмету, какъ не устрашали его трудности, встрѣчаемыя на пути изслѣдованій. Мѣткими своими соображеніями г. Будановъ доказываетъ, какъ глубоко проникаетъ онъ въ предметъ. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ выводамъ автора, мы позволимъ себѣ оцѣнить подробнѣе, на сколько они справедливы и основательны.

Что касается провинціальнаго войта (advocatus provincialis) въ Силезіи, его значенія въ общемъ государственномъ устройствѣ, предѣловъ его судебной власти, мы бы со Штенцелемъ возразили автору, предполагающему будто этотъ институтъ получилъ опредѣленныя границы, что много остается еще недоумѣній относительно

круга его дѣйствія. Впрочемъ, по приведеннымъ двумъ грамотамъ (47 стр.) становится яснымъ, что провинціальному войту принадлежитъ высшій судъ по уголовнымъ дѣламъ надъ всѣми жителями округа, надъ вассалами, феодалами, землянами, поселенцами и земледѣльцами. Предполагать бы можно, что такой же самый провинціальный войтъ находится и въ собственно польскихъ областяхъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ Польшѣ названіе провинціальный войтъ встрѣчается только въ памятникахъ, относящихся къ устройству городовъ, какъ видно изъ грамоты, данной Кракову и Сандомиру. Въ актахъ, относящихся въ общему государственному устройству, мы не находимъ войта подъ собственнымъ его названіемъ, говоритъ г. Будановъ, а такъ какъ существованіе не подлежитъ никакому сомнѣнію, то мы должны искать его подъ другимъ именемъ. Перемѣна названія, по мнѣнію автора, произошла отъ того, что нѣмцы колонисты называли его войтомъ провинціальнымъ, ибо названіе это было знакомо имъ еще въ ихъ прежнемъ отечествѣ; въ государственныхъ же грамотахъ провинціальному войту усвоено латинское названіе procurator и польское wielkorządca (впослѣдствіи его замѣнило знакомое и привычное для славянъ названіе старосты).

Результатъ соображеній г. Буданова слѣдующій: провинціальные войты называются въ актахъ, относящихся къ общему государственному устройству — прокураторами, а впослѣдствіи старостами, или—такъ какъ по другимъ выводамъ автора (48 стр.) прямыми наслѣдниками провинціяльныхъ войтовъ были городовые старосты, то слѣдовательно провинціальные войты замѣнились старостами. Вотъ главный выводъ, которымъ рѣшается запутанный, темный вопросъ о судьбахъ провинціальныхъ войтовъ и о происхожденіи института старостъ, надъ разъясненіемъ котораго тщетно до сихъ поръ трудились ученые изслѣдователи, между прочимъ и Лелевель.

Какъ ни утѣшительна каждая правдоподобная гипотеза, вообще каждая попытка рѣшить вопросъ по предмету неразгаданному, какъ ни остроумны соображенія г. Буданова, мы однако убѣждены, что предположенія автора не найдутъ себѣ послѣдователей. Мы первые осмѣливаемся положительно противорѣчить выводамъ и соображеніямъ касательно провинціальнаго войта и старостинскаго уряда, основывая наше отрицаніе на слѣдующихъ доказательствахъ.

Мы не видимъ никакой нужды искать въ актахъ, относящихся

къ государственному праву, войта провинціальнаго подъ другимъ названіемъ, такъ какъ авторъ не привелъ причинъ, по которымъ можно было бы предполагать, что имя одного учрежденія перешло въ другое. Что могло дать поводъ къ такому преобразованію? Намъ кажется, что, по требованіямъ строгаго историческаго метода, нельзя безъ основательныхъ причинъ оставлять слѣды одного учрежденія, сохранившіеся въ названіи, и перескакивать къ слѣдамъ другаго учрежденія и соединять ихъ вмѣстѣ. Если авторъ полагаетъ, что имя провинціальный войтъ встрѣчается въ негородскихъ актахъ (т. е. по государственному праву) подъ названіемъ прокуратора, замѣненнымъ въ послѣдствіи славянскимъ именемъ староста, то онъ не обратилъ вниманія на то, что названіе это, равно какъ и должность прокуратора, едва ли не старше самого провинціальнаго войта, такъ какъ она восходитъ къ XI вѣку за сто лѣтъ до введенія нѣмецкаго права. Изъ трехъ отдѣльныхъ, строго различающихся между собою учрежденій г. Будановъ сложилъ одно и въ одномъ учрежденіи соединилъ три особыя должности. Провинціальный войтъ существовалъ и далѣе независимо отъ прокуратора, прокураторъ же независимо отъ старосты. О прокураторѣ нечего намъ много распространяться, такъ какъ уже Бантке [1]) сказалъ о немъ все существенное. Procurator arcis Cracoviensis, Magnus procurator terrae Cracoviensis, Wielkorządca Zamku Krakowskiego, Ziemi Krakowskiej занимался сборомъ королевскихъ доходовъ въ королевской землѣ и завѣдывалъ королевскими имуществами. У него была своя юрисдикція — свой собственный прокураторскій судъ. Такихъ прокураторовъ генеральныхъ для одной или нѣсколькихъ областей мы встрѣчаемъ въ XIV столѣтіи при Казимірѣ Великомъ [2]) и многочисленныя ихъ подписи въ грамотахъ и судебныхъ актахъ у Гельцеля [3]).

Но очевидно, что должность прокуратора не возникла въ XIV столѣтіи; она относится къ первоначальному государственному устройству, такъ какъ вѣроятно были отдѣльныя должностныя лица при королевскомъ или княжескомъ дворѣ, которыя завѣдывали княжескими имуществами и доходами. Такимъ управителемъ, по нашему мнѣнію, былъ при Лешкѣ, князѣ Куявскомъ, въ XII столѣтіи († 1185), нѣкто Жирославъ, о которомъ упоминаетъ Ви-

---

[1]) Historya Prawa Polskiego str. 349.
[2]) Cd. Pol. III p. 252, 253.
[3]) Starodawne pomniki Pr. Pol. II томъ.

кентій Кадлубекъ (.... Interium illi Lestconis *procuratorem* ac militiae principem, cujus providentia totus illius regebatur principatus.... Lib. IV. XIII). Прокураторская должность при княжескомъ дворѣ (Magnus Procurator или generalis) напоминаетъ намъ подобную должность палатнаго мера въ меровингскомъ государствѣ, ибо маіоръ-домъ завѣдывалъ тоже бенефиціальными землями меровингскаго короля. Такіе прокураторы встрѣчаются въ грамотахъ XIII столѣтія, 1235 г. въ Великой Польшѣ Peregrinus procurator ducis [1]) — 1247 г. Henricus procurator domini ducis [2]), 1254 въ Мазовіи Cholo procurator ducis [3]) и многіе другіе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что должность великаго прокуратора Краковскаго образовалась изъ учрежденія, относящагося къ отдаленнымъ временамъ польскаго государственнаго устройства, и существовала до послѣднихъ временъ политической жизни Польши.

Мнѣніе наше мы основываемъ на словахъ королевской грамоты 1515 Сигизмунда I, назначающаго въ Краковѣ прокуратора: такого-то procuratorem generalem Cracoviensem constituimus et omnes proventus nostros, quos procurator generalis Cracoviensis providere et colligere solet, gubernandum et administrandum damus et concedimus.... и обращаясь ко всѣмъ подчиненнымъ лицамъ, mandavimus vobis quatenus.... honorem debitum impendatis ac de proventibus ad huiusmodi officium procurationis *antiquitus* spectantibus eidem respondeatis [4]) Такое же самое объясненіе прокураторской должности даетъ Кромеръ въ описаніи Польши [5]).... Solus omnium Cracoviensis praefectus licet amplissimam jurisdictionem habeat, tamen sartorum, tectorum arcis et redituum principis curam non habet. Est enim *magnus procurator* ejus arcis, qui utrumque hoc onus sustinet....

Кромѣ Краковскаго прокуратора были еще впослѣдствіи прокураторы Великой Польши въ Познани [6]). Въ актахъ встрѣчаются прокураторы отдѣльныхъ земель или областей Куявской, Мазовецкой, Сандомирской, о которыхъ справедливо упоминаетъ г. Буда-

---

[1]) Cd. Maj. Pol. 15 стр.

[2]) Ibid. 32 стр.

[3]) Cd. Masov. p. 17.

[4]) Грамота, хранящаяся въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго Metryka Koronna кн. 29, стр. 205.

[5]) Cd. Elzev. 126 стр.

[6]) Cromeri bid.

новъ. Что обѣ должности провинціальнаго войта и прокуратора существовали независимо одна отъ другой и такимъ образомъ не могли перейти одна въ другую, это подтверждаютъ выраженія грамотъ XIV и послѣдующаго столѣтій. Въ документѣ 1325 г. [1]), относящемся къ устройству города Солецъ по нѣмецкому праву, упоминаются и прокураторъ и войтъ провинціальный. Noster *procurator* aut *provincialis advocatus* nonnisi in tribus magnis judiciis intra annum penes.... hereditarium advocatum praesens erit и еще нѣсколько разъ. Въ грамотѣ, данной городу Всховѣ Казиміромъ III 1349, coram nostro *capitaneo* (слѣдовательно староста отдѣляется отъ провинціальнаго войта) vel burgravio sev *provinciali advocato* [2]). Въ исходѣ XIV столѣтія, когда уже нерѣдко упоминаются старосты, когда уже утвердился старостинской урядъ, въ чемъ не сомнѣвается и самъ авторъ монографіи «о нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литвѣ», независимо отъ нихъ являются въ грамотахъ провинціальные адвокаты. Реппель приводитъ документъ [3]) начинающійся слѣдующими словами: Nos Nicolaus Carnifex *Judex provincialis* subrogatus nec non septem scabini.... ad nostram presenciam videlicet ad *iudicium provinciale*. Въ Коронной Метрикѣ [4]) отыскали мы судебную грамоту, въ которой находятся очевидные слѣды существованія провинціальныхъ адвокатовъ, и въ XVI столѣтіи. Nos Jacobus Radwan Advocatus Juris Supremi Magdeburgensis Castri Sanocensis una cum septem Juratis. Адвокатъ Высшаго Суда по нѣмецкому праву никто иной какъ только провинціальный войтъ (какъ это будетъ доказано ниже).

Приведенные доводы, о которыхъ мы сочли неизлишнимъ говорить на этомъ мѣстѣ, такъ какъ вопросъ о провинціальныхъ войтахъ до сихъ поръ еще не былъ разбираемъ въ литературѣ (исключая мимоходные намеки Реппеля ibid. l. c.), опровергаютъ, по нашему мнѣнію, предположенія г. Буданова и убѣдительно говорятъ въ пользу того, что совершенно независимо другъ отъ друга существовали два учрежденія—провинціальныхъ войтовъ и прокураторовъ и оба они никогда не сливались, не переходили одно въ другое.

Въ виду такого несомнѣннаго факта, такого отдѣльнаго, неза-

---

[1]) Cod. Pol. II 2, стр. 656.

[2]) Wuttke Städteb. des Landes Posen 27 стр.

[3]) Ueber die Verbreitung des Magdeb. Stadtrechts 291 стр.

[4]) Кн. 28, 78 стр.

висимаго существованія провинціальныхъ войтовъ и прокураторовъ должны пасть всѣ соображенія г. Буданова, должно разрушиться само собою все построенное на шаткомъ или фиктивномъ основаніи. Мы не будемъ опровергать выводовъ, опирающихся на разрушенномъ фундаментѣ, коль скоро мы разъяснили вопросъ въ его принципѣ. Ленный характеръ, которымъ авторъ надѣляетъ провинціальнаго войта, проливаетъ невѣрный свѣтъ и на положеніе прокуратора, уже по тому одному, что г. Будановъ смѣшалъ его съ провинціальнымъ войтомъ (стр. 38, 39, 40, 41).

Окончивъ статью о провинціальныхъ войтахъ, учрежденіи, тѣсно связанномъ съ введеніемъ нѣмецкаго права въ Польшѣ, авторъ тщетно берется доказать, что власть войтовъ перешла мало по малу въ старостинскую должность, что прямыми наслѣдниками власти провинціальныхъ войтовъ были городовые старосты.

Положеніе такое окажется неосновательнымъ, если мы вспомнимъ только-что поясненное нами обстоятельство, что учрежденіе провинціальныхъ войтовъ осталось въ живыхъ и что слѣдовательно не могло завѣщать своего круга дѣятельности другому учрежденію. Но такою общею замѣткою ограничиться мы не можемъ, такъ какъ авторъ своими соображеніями поясняетъ неразгаданный еще польскими и нѣмецкими изслѣдователями вопросъ о происхожденіи старостинской власти и вводитъ такимъ образомъ въ литературу извѣстное уже, упомянутое нами предположеніе совершенно новое, именно, что провинціальныхъ войтовъ замѣнили старосты, слѣдовательно, что старостинскій урядъ образовался изъ началъ нѣмецкаго права.

Мы привели выше отрицательные доводы, теперь предлагаемъ вниманію автора наши положительные намеки, и пользуемся случаемъ, чтобы довести до свѣденія ученыхъ свидѣтельства, которыя могутъ послужить исходною точкою удовлетворительному рѣшенію вопроса о происхожденіи старостинской власти.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что названіе староста общеизвѣстно во всѣхъ краяхъ славянскаго міра. Слово это въ первый разъ упоминается въ нѣмецкомъ памятникѣ польскаго права съ исхода XIII столѣтія [1]) der idilste in dem dorfe d. h. der starosta oder vlodir и обозначаетъ старѣйшаго старца, голову, управителя. Такіе хозяй-

---

[1]) Открытый Сѣраковскимъ въ Эльбингѣ, напечатанный во II-мъ томѣ у Гельцеля, стр. 8. Изданный во второй разъ Фолькманомъ, Dr. Ed. Volkmann Das älteste geschriebene polnische Rechtsdenkmal. 1869.

ственные управители завѣдывали собственными королевскими или княжескими имуществами; ихъ отыскать можно уже при Болеславѣ I у Мартина Галла въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣтописецъ упоминаетъ о королевскихъ villicis ac vicedominis [1]), которые въ государственныхъ грамотахъ встрѣчаются подъ именемъ procuratores, завѣдывавшіе же духовными имуществами vicedomini, какъ извѣстно, назывались procuratores прокураторами.

Польское названіе староста перешло въ латинскихъ актахъ въ прокуратора. Такого управляющаго, прокуратора, мы часто видѣть можемъ между свидѣтелями въ грамотахъ, которыя давались князьями: они не рѣдко являются при княжескомъ дворѣ. Самый главный въ столичномъ городѣ Краковѣ, котораго вѣдомству подлежитъ Краковская земля, называется, какъ мы уже видѣли, Procurator generalis, или Magnus Procurator, въ отличіе отъ другихъ провинціальныхъ. Въ доказательство нашего мнѣнія мы приводимъ синодальную конституцію гнезненскаго архіепископа 1326 г, изъ которой яснымъ становится, что прокураторы занимались не только управленіемъ княжескихъ имуществъ, но и сборомъ разныхъ княжескихъ налоговъ въ пользу княжеской казны.... prohibemus ne aliqui principes.... ac.... et procuratores seu officiales eorum vel milites et quicunque domini alii temporales decimas de cetera occupent seu occupari mandant и т. д. [2]).

Но спрашивается теперь, въ какой связи находятся такъ называемые старосты, какимъ образомъ присвоено имъ латинское названіе capitanei, какимъ образомъ пріобрѣли они характеръ государственной должности? Голова, староста, отвѣчаемъ мы на первый вопросъ, довольно вѣрно отражается въ латинскомъ названіи capitaneus: надъ низшими прокураторами отдѣльныхъ имуществъ былъ главный прокураторъ, главный староста, capitaneus. Что такое было ихъ іерархическое отношеніе, поясняется грамотою Казиміра Великаго 1368. Item de mandato domini Regis statuimus quod nullus Capitaneorum sive procuratorum videlicet in terra Cracoviensi, Sandomiriensi, Syradiensi, Lauciviensi, Cujaviensi, Dobriensi, Russiae ac aliarum omnium tenutarum alio modo non debet vivere in tenutis regalibus nisi tantummodo de laboribus agrorum aliodiorum (sic) poenarum, molendinorum, lignorum de-

---

[1]) Mart. Gall. ed. Varsov. cap. XV. Solebat Boleslauus.... suis villicis ac vicedominis....

[2]) Helcel Starodawne prawa polskiego pomniki т. I 402 стр.

cimorum sub poena colli ac omnium bonorum. Et omnes proventus censuales et exactionum integraliter domino Regi debet praesentare ad thesaurum.... И другая статья: Sin autem contingerit, quod dominus Rex veniet visitando suos Capitaneos ac procuratores, tunc idem (sic) tenutarii in statione regali de alodiis tenentur ac debent domini Regi omnia necessaria ministrare etc. [1]).

По приведенному свидѣтельству, не подлежитъ сомнѣнію, что управители королевскихъ имуществъ занимались сборомъ податей и налоговъ, которые они передавали въ главную государственную казну (ad thesaurum Regis). Въ удѣльныхъ княжествахъ, напр., Куявскомъ, занимаются Capitanei, т. е. старосты, такими же дѣлами. Владиславъ, князь Куявскій, 1381 г. торжественно обязывается возвратить несправедливо взысканные налоги съ церковныхъ людей Плоцкаго епископства: Dampna vero hominibus eisdem per Capitaneos nostros predictos et eorum complices in exactione dicte collecte illata iidem Capitanei nostri in proximis terminis generalibus.... hominibus ecclesie ante dictis.... reddere et solvere.... Pro qua satisfaccione dampnorum per Capitaneos facienda predictos eciam nos obligamus [2]).

Такія же самыя обязанности лежали на старостахъ, когда они окончательно утвердились и заняли столь важное мѣсто въ государственномъ устройствѣ. Но кругъ дѣйствія старостъ, какъ извѣстно, расширялся значительно уже въ исходѣ XIV столѣтія, такъ что они замѣнили собою отчасти власть воеводскую, главнымъ же образомъ каштелянскую. Подъ вѣдѣніемъ старостъ находились укрѣпленные замки въ значительныхъ городахъ: уяснить себѣ не трудно, какъ они, въ качествѣ главноуправляющихъ королевскими имуществами и въ характерѣ сборщиковъ податей и налоговъ, засѣли въ главныхъ городахъ, какъ въ самыхъ удобныхъ центрахъ административнаго и финансоваго управленія. Но несомнѣнно труднѣе уразумѣть, какимъ образомъ перешла въ руки старостъ значительная отрасль правосудія — власть уголовная въ подчиненномъ имъ округѣ. Она не имѣетъ никакой связи съ должностію провинціальнаго войта по нѣмецкому праву и не могла быть наслѣдована отъ войтовъ, какъ предполагаетъ г. Будановъ, ибо войтовое учрежденіе сохранилось современно и совмѣстно и относилось къ совершенно другому кругу дѣйствій. Объясняя этотъ темный вопросъ,

---

[1]) Ibid 226 стр.

[2]) Cd Mas. 96 стр.

мы не можемъ не воспользоваться указаніями Лелевеля, который, не имѣя подъ рукою извѣстнаго намъ теперь матеріяла, смотрѣлъ довольно точно на начало старостинской власти. Мнѣніе Лелевеля, въ извѣстной степени достовѣрное, приводитъ г. Будановъ, чтобы опровергнуть оное своими предположеніями.

«Къ періоду времени, говоритъ Лелевель, обнимающему правленіе Людовика, междуцарствіе и правленіе Ягеллоновъ, можно отнести возвышеніе значенія старостъ и ихъ судовъ. Королямъ нужно было уполномочить своихъ старостъ къ исполненію разныхъ общественныхъ порученій: собирать подати, преслѣдовать преступниковъ, наблюдать за порядкомъ въ повѣтѣ было поручено старостамъ, которые въ то время были болѣе вѣрными слугами, чѣмъ урядники сенаторскаго званія. Старостамъ поручено было рѣшеніе разныхъ уголовныхъ дѣлъ, они завѣдывали городомъ, а каштеляны должны были или сдѣлаться старостами въ своихъ городахъ, или уступить старостамъ уголовное судопроизводство». Ко мнѣнію Лелевеля, чтобы оно сдѣлалось болѣе достовѣрнымъ, слѣдуетъ прибавить нѣкоторыя замѣчанія и привести новыя доказательства въ его подтвержденіе.

Мы смѣшивать не станемъ старостъ (настоящихъ) позднѣйшаго времени съ капитанами, встрѣчаемыми въ грамотахъ при Венцеславѣ Чешскомъ и др. Павелъ изъ Паульштейна, называющійся [1]) Capitaneus Regni Poloniae, родъ королевскаго намѣстника цѣлаго края за отсутствіемъ короля. И одного этого примѣра достаточно, чтобы догадаться, что существуетъ извѣстная связь между намѣстникомъ и позднѣйшими старостами, замѣнявшими собою или полную власть королевскую, или только извѣстную ея часть, во всей землѣ или только одной ея области. Янисла́въ — Гнезненскій архіепископъ названъ въ грамотѣ 1320 [2]) намѣстникомъ Брестской и Радзеевской земель. Въ другомъ документѣ говорится, что если случится апеляція къ княжескому двору, то дѣло разсматривать будетъ за отсутствіемъ князя его намѣстникъ Capitaneus [3]). Дѣла эти были по большей части важныя, уголовныя. Вотъ ясныя

---

[1]) Cd. Pol. I, 173 стр.

[2]) Cd. Pol. II, 1. 216 стр. Janislaus Gnesn. eccl. archiepiscop et capitaneus terre Brestensis.

[3]) Ibid. II. 2. 658 стр. Sin autem nos morari extra terram contigerit, extunc Thomasius presignatus, quemcunque Capitaneum loco nostro in terra nostra substitueremus, ad illum predicta causa deferatur.

указанія, чтобы уразумѣть переходъ власти къ старостамъ, такимъ, которые въ болѣе значительномъ числѣ ставились отъ королевскаго имени, или которымъ поручалась за отсутствіемъ короля (по отдаленности мѣста отъ пребыванія двора) часть высшей судебной уголовной власти.

Предположеніе такое подкрѣпляется слѣдующими свидѣтельствами грамотъ: 1346. Coram nobis vel nostris Capitaneis respondere tenetur et hoc per nostrum anulum vel nostri Capitanei evocatus seu citatus exstitit [1]); или же 1347 «nisi coram nobis vel nostro Capitaneo» [2]).

Начала старостинскаго учрежденія проявляются уже въ Вислицкомъ Статутѣ 1347 г, въ одной его (Велико-Польской) части.

Тамъ упоминаются старосты, замѣнявшіе собою судъ королевскій или уголовный, stem [3]) statuimus, quod si in nostru praesentia vel coram nostro Capitaneo vel quando generales termini teneutur etc.

Statuimus [4]), quod si aliquis coram Nobis vel Nostro Capitaneo de aliquo crimine vel maleficio fuerit accusatus et ad ostendendam suam innocentiam per Nos vel nostrum Capitaneum non fuerit admissus.

Statuimus [5]) quod si in causis criminalibus in absentia accusantis seu actoris cujus interest Nos vel nostri successores aut Capitanei nostri cognoseere non debemus, nec aliquem hominem condemnare nisi convictum judicio et confessum — и другія.

По приведеннымъ доказательствамъ слѣдуетъ исправить мнѣніе Лелевеля на столько, что утвержденіе старостинской власти восходитъ уже ко временамъ Казиміра III, къ половинѣ XIV столѣтія, такъ какъ одновременно въ грамотахъ встрѣчаются имена старостъ въ отдѣльныхъ областяхъ въ Добржинской, Куявской, Сирадзской, Саноцкой, Сандецкой [6]).

Старосты, въ качествѣ управителей королевскихъ имуществъ и сборщиковъ податей, первоначально пользовались извѣстною су-

---

[1]) Ibid. II. 1. 274 стр.

[2]) Ibid. II. 1. 276 стр. и другій. Cd. Masov. 63. 77 стр.

[3]) Vol. leg. T. I, 42 стр.

[4]) Ibid. 48 стр.

[5]) Vol. leg. 51 стр.

[6]) 1348. Johannes Capitaneus Dobrzinensis. Cd. Pol. II. 2. 704 стр.
1347. Jarandus Capitaneus Syradiensis ibid. II. 1. 276 стр.
1351. Predborius Cujaviae Capitaneus ibid. II. 1. 296 стр
1352. Petrus Capitaneus de Sanok ibid. I. 206 стр.
1348. Wyczga Capitaneus Sandecensis ibid. III. 254 стр.

дебною властью, которая расширялась, когда давались имъ судебныя порученія отъ королевскаго имени въ дѣлахъ высшей важности. Такимъ путемъ изъ незначительныхъ начатковъ выросла судебная власть старостъ, изъ управителя королевскихъ имуществъ староста сдѣлался государственнымъ должностнымъ лицемъ. Мы не осмѣливаемся переходить за предѣлы рецензіи и для этого уже не беремся разъяснять другихъ соприкасающихся вопросовъ о старостинской власти [1]).

Изъ всего вышеприведеннаго явствуетъ, что провинціальные войты и старостинская должность—два совершенно разныя учрежденія; б-бокъ съ старостинскою должностію въ Краковѣ развилась должность Великаго прокуратора—третье учрежденіе, представляющее впрочемъ только отпрыскъ отъ главнаго начала:—три отдѣльныя учрежденія, которыя г. Будановъ слилъ въ одно общее.

Желая показать, что столь важное въ польскомъ государственномъ правѣ учрежденіе, какимъ былъ старостинскій урядъ, развилось изъ началъ, введенныхъ нѣмецкими правами, авторъ въ то же самое время замѣчаетъ, что именно и нѣмецкое право способствовало самымъ рѣшительнымъ образомъ утвержденію въ Польшѣ германскихъ понятій *леннаго права*, которое, какъ извѣстно, развилось въ германскомъ мірѣ вслѣдствіе смѣшиванія частнаго права съ государственнымъ, — что̀ и составляетъ характеристическую черту всего средневѣковаго развитія западныхъ Европейскихъ государствъ. Соображеніе такое въ извѣстной степени справедливо, началами старостинскаго учрежденія оно, какъ мы выше видѣли, не поясняется. Доля истины въ выводахъ г. Буданова найдется безъ сомнѣнія. Понятія ленныя проникали въ самомъ дѣлѣ въ Польшу изъ Чехіи и Силезіи, но не въ такой мѣрѣ, какъ предполагаетъ авторъ, который по этому поводу прибавляетъ къ статьѣ своей объ учрежденіяхъ по нѣмецкому праву (о войтовствахъ) нѣсколько

---

[1]) Такъ какъ г. Будановъ, серьезно занявшись избраннымъ предметомъ, доказалъ, что питаетъ къ оному живой интересъ, то мы надѣемся, что онъ не посѣтуетъ на насъ, если мы предложимъ его вниманію наши намеки относительно перехода судебной власти каштелянъ къ старостамъ. Въ началѣ XIV столѣтія вездѣ уже шляхетское сословіе пользуется правомъ собственнаго суда гражданскаго (judicia terrestria — земскіе суды), въ который избирались изъ шляхетской среды земскіе судьи—уголовный же судъ (Blutbann), служащій по преимуществу выраженіемъ высшей государственной власти, короли сохранили за собою, назначая въ оный судей отъ своего имени — городовыхъ старостъ (Capitanei castrenses).

замѣчаній относительно феодализма въ Польшѣ. Мы не послѣдуемъ мнѣнію автора, доказывающаго, въ опроверженіе Мацѣевскаго, что польскій государственный строй проникнутъ былъ феодальнымъ характеромъ и духомъ, потому что не встрѣчаемъ одного существеннаго признака въ ленномъ порядкѣ: зависимаго леннаго владѣнія; такого по большей части не существовало: преобладательною формою землевладѣнія была и осталась аллодіальная собственность. Намъ кажется, что авторъ слишкомъ увлекается отношеніями, которыя развились въ онѣмеченной Силезіи. Руководясь аналогіею, г. Будановъ цѣликомъ переноситъ силезскія учрежденія Ландфогтовъ и Гаупмановъ въ государственное устройство Польши, и вообще не проводитъ строгой грани между чисто германскими началами и основаніями, которыя развились своеобразно на почвѣ польскаго государственнаго права.

Сводимъ теперь къ общему итогу наши возраженія.

Предполагаемъ, что намъ удалось въ извѣстной степени сгладить рѣзкость первой части положенія г. Буданова и нѣкоторымъ образомъ отнять силу второй части того же положенія — именно положенія о послѣдствіяхъ нѣмецкаго права — будто оно ослабило княжескую власть въ Польшѣ, лишивъ ее большей части финансовыхъ правъ и утвердивъ воззрѣнія, заимствованныя изъ частнаго права, на судебную и административную власть.

III.

Отъ учрежденій, возникшихъ по нѣмецкому праву (войтовства), авторъ, держась строгой систематичности, переходитъ къ уясненію ближайшаго вопроса, т. е. отношеній, которыя произошли между частными землевладѣльцами, получившими судебную и административную власть и поселенцами на ихъ землѣ. Судебная власть досталась въ руки частныхъ землевладѣльцевъ; они ставили для судопроизводства своихъ войтовъ или солтысовъ, которымъ содѣйствовали въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ избранные общиною скабины или лавники. Спрашивается, какія же гарантіи существовали для обезпеченія самостоятельности и независимости такого общественнаго суда? Вопросъ, который задалъ себѣ авторъ въ приведенной формѣ, слѣдуетъ считать весьма умѣстнымъ. Войты или солтысы стремились къ независимости на томъ основаніи, что они получали свою судебную власть обыкновенно наслѣдственно и могли пере-

давать ее посредствомъ продажи другимъ лицамъ, впрочемъ только съ согласія землевладѣльца. Желая пріобрѣсти самостоятельность, они покупали права отъ своихъ пановъ—такъ что въ извѣстныхъ областяхъ достигли опредѣленной самостоятельности, въ другихъ же частяхъ (авторъ называетъ ихъ восточными) встрѣчаемъ явленіе противоположное: паны скупили войтовства и сами заняли ихъ мѣсто, сдѣлавшись судьями въ своихъ имуществахъ. Такой былъ послѣдній результатъ развитія — солтыство клонилось къ совершенному упадку. Авторъ поясняетъ судьбы солтыства словами Кромера, описывавшаго состояніе Польши во второй половинѣ XVI столѣтія 176 стр. «Народъ по селамъ имѣетъ собственные суды, самые простые, которые совершаются безъ *торжественности* и *судебной формальности*, войтами и лавниками или солтысами....» Мы удивляемся, для чего авторъ не привелъ и другаго указанія того же писателя — такъ какъ оно уравновѣшиваетъ нѣкоторымъ образомъ первое приведенное указаніе: «Солтысы и войты, говоритъ Кромеръ, имѣютъ еще свои отдѣльные суды въ извѣстныхъ [1]) мѣстностяхъ, отъ которыхъ идетъ апеляція въ высшій судъ по нѣмецкому праву», слѣдовательно намекается на отдѣльныя собранія разныхъ войтовъ для совѣщанія въ сомнительныхъ случаяхъ судопроизводства. Слѣдовало бы автору обратить вниманіе на обстоятельство, показывающее, что солтысами предпринимались мѣры для обезпеченія точности, добросовѣстности въ судопроизводствѣ и слѣдовало бы показать, въ какихъ учрежденіяхъ сохранились слѣды такой заботливости солтысовъ.

Мы впрочемъ согласны съ тѣмъ, что пришло время, когда подъ вліяніемъ самовластія землевладѣльцевъ общинный судъ терялъ свою самостоятельность и дѣлался орудіемъ насилія, котораго ограничить не было въ состояніи и другое съ солтыствомъ связанное учрежденіе — присяжныхъ шеффеновъ или лавниковъ.

Кромѣ судебной власти, землевладѣлецъ, переносящій свое имѣніе съ польскаго на нѣмецкое право, получалъ еще отъ князя или короля право на извѣстныя выгоды, которыми князья пользовались до устройства деревни на нѣмецкій ладъ.

Въ чемъ состояли эти выгоды, перешли ли онѣ съ нѣмецкимъ правомъ всѣ или только извѣстная часть, замѣнили ли частные

---

1) Cromer ed. Elser. 170 стр. Habent et sculteti sive advocati haereditarii in pagorum et oppidorum nonnulis in locis *inter se* pecularia judicia.

владѣльцы вполнѣ мѣсто прежняго верховнаго князя или же уменьшились подати, налоги и повинности сельскихъ поселенцевъ и въ какой мѣрѣ? Такіе вопросы возникаютъ въ умѣ изслѣдователя сами собою, коль скоро приходится ему оцѣнить послѣдствія, происшедшія отъ измѣнившагося по нѣмецкому праву быта сельскихъ поселянъ.

Отвѣтъ автора даетъ ясное понятіе о новыхъ отношеніяхъ поселенцевъ по нѣмецкому праву: они ничего не выиграли; напротивъ нѣмецкое право отъ личной свободы и самостоятельности повело ихъ въ скоромъ времени къ крѣпостному состоянію. Что такой былъ въ самомъ дѣлѣ послѣдній результатъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Спрашивается только, что способствовало такому развитію, было ли нѣмецкое право первою и главною причиною такихъ послѣдствій?

Въ нѣмецкомъ порядкѣ, говоритъ авторъ, заключались сѣмена будущаго крѣпостнаго права: издѣльная повинность (панщина) принадлежала къ первоначальнымъ условіямъ нѣмецкаго права. Отношенія поселенцевъ къ частнымъ землевладѣльцамъ, какъ извѣстно, опредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Поселенцы должны были или въ пользу короля или въ пользу землевладѣльца уплачивать извѣстный денежный чиншъ.

При томъ съ нихъ собирались экстраординарные налоги (exactiones): слѣдовательно все осталось въ прежнемъ положеніи.

Но съ введеніемъ нѣмецкаго права — предполагаетъ г. Будановъ, возникла и издѣльная повинность, которая съ дальнѣйшими послѣдствіями привела поселянъ къ крѣпостному состоянію. Авторъ имѣетъ въ виду грамоту 1435 г., въ которой обозначены подробно повинности крестьянъ въ пользу монастыря:—они должны пахать, засѣвать поля, косить луга монастырскіе и пр. На основаніи одной этой грамоты авторъ обобщаетъ отношенія всѣхъ другихъ поселянъ во всѣхъ областяхъ. Въ самомъ дѣлѣ встрѣчаются еще и многія другія грамоты, въ которыхъ общими словами упоминается, что крестьяне должны пахать землю своего владѣльца-господина. Поэтому мнѣніе г. Буданова не лишено основательности. Но спрашивается, была ли такая панщина принадлежностью новаго порядка, введеннаго нѣмецкимъ правомъ? Князья, давая независимо отъ нѣмецкаго права разныя льготы и преимущества частнымъ землевладѣльцамъ (монастырямъ), выговаривали себѣ иногда одну повинность, чтобы поселенцы пахали ихъ землю (княжескую): Ex villis, quae sunt propinquiores nostrae curiae duos dies infra an-

num, singulis annis unum, scilicet tempore messi ad metendum et hinc in horreo reponendum, alium ad falcandum et in allodio ordinandum sunt adstricti [1]).

Съ другой же стороны — въ сборникахъ очень часто попадаются грамоты на нѣмецкое право, въ которыхъ поселенцы частновладѣльческихъ имуществъ освобождаются совершенно отъ всѣхъ повинностей по польскому праву, за исключеніемъ только поземельнаго чинша и экстраординарныхъ налоговъ. Въ этомъ именно состояли льготы, предоставленныя или колонистамъ Нѣмцамъ или туземному населенію, переходившему подъ нѣмецкое право. De quolibet manso, говоритъ князь Земовитъ Мазовецкій 1368 г., culto et locato per duodecim grossos pragenses.... singulis annis perpetuis temporibus Incolae praedictarum villarum nobis et nostris successoribus solvere tenebuntur. In cuius recompensam volumus, quod ab omnibus solutionibus, laboribus et vexacionibus universis Iuris polonicalis Incolae villarum iam dictarum sint soluti et exemti.... Absolvimus insuper Incolas.... ab omnibus laboribus nostris [2]) 1382 и др.

Оба приведенныя нами обстоятельства, одно, что издѣльная повинность существовала независимо отъ нѣмецкаго права, другое, что нѣмецкое право часто освобождало поселенцевъ отъ такой повинности — не должны быть теряемы изъ виду, когда слѣдуетъ отчетливо уяснить себѣ свойства перемѣны, вызванной введеніемъ нѣмецкаго права. Изслѣдователь долженъ, какъ намъ кажется, оцѣнить, на сколько одно отношеніе было частнымъ или общимъ, и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ перемѣнилось оно и переходило въ общее, повсюду являвшееся положеніе. Мнѣніе г. Буданова объ издѣльной повинности, основанное на словахъ грамоты, вполнѣ справедливо, но возраженіе наше опирается тоже на подлинныхъ документахъ. Чтобы уразумѣть постепенное умноженіе повинностей поселянъ, необходимо было бы указать, какъ этому содѣйствовала церковь, какой разнообразный видъ принимала налагаемая ею десятина, о которой авторъ упоминаетъ только вскользь, говоря впрочемъ основательно, что она была самою тяжкою изъ податей. Такія слѣдовательно отношенія, которыя образовались подъ вліяніемъ не одного лишь нѣмецкаго права, не опровергаютъ окончательнаго результата соображеній г. Буданова, но во всякомъ случаѣ намекаютъ на то, что существовали еще и другія

---

[1]) Cd. Pol. III, 66 стр.

[2]) Cd. Masov 79 стр. 1382, ibid. 98 стр.

причины, отъ коихъ произошли упомянутыя нами послѣдствія: другими словами, крѣпостное состояніе сложилось при условіяхъ еще и другаго рода.

Изложивъ въ какомъ видѣ первоначально нѣмецкое право опредѣлило въ Польскомъ королевствѣ права и взаимныя отношенія такъ называемыхъ земскихъ людей, т. е. землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію отношеній, образовавшихся въ городахъ по нѣмецкому праву. Главѣ этой предпосылаются общія замѣчанія о первоначальной исторіи германскихъ городовъ, для того, чтобы читатель имѣлъ въ виду одинъ главный выводъ г. Буданова, именно, что развитіе городоваго права въ Европѣ началось въ то время, когда общество состояло изъ двухъ рѣзко отдѣленныхъ классовъ — рыцарей и крестьянъ.

Общія замѣчанія имѣютъ цѣлью разъяснить нѣкоторые пункты, составляющіе предметъ слѣдующаго розысканія, а особенно же: 1) какъ возникло изъ общаго нѣмецкаго права право городовое (что совершилось въ Силезіи и отчасти въ собственной Польшѣ), 2) какъ устроились отношенія городовъ къ землѣ, 3) какими правами пользовались города и 4) какое въ нихъ образовалось внутреннее устройство.

Въ общихъ замѣчаніяхъ своихъ о возникновеніи и устройствѣ нѣмецкихъ городовъ авторъ руководился указаніями, впрочемъ совершенно точными Бартольда [1]), хотя въ серьезномъ ученомъ трудѣ г. Буданова намъ бы болѣе соотвѣтственнымъ авторитетомъ показался Арнольдъ [2]). Въ спеціальной части вышеприведенныхъ пунктовъ мы замѣчаемъ похвальную полноту источниковъ, основательность выводовъ. Авторъ смотритъ на земскія отношенія, на ихъ характеръ съ точки зрѣнія совершенно вѣрной; во всѣхъ вопросахъ по этому предмету обнаруживается самостоятельность выводовъ и соображеній, иногда пролагаются новыми взглядами пути до сихъ поръ едва ли извѣстные и разъясняются отношенія, доселѣ еще не разсмотрѣнныя. Къ такимъ удачнымъ соображеніямъ слѣдуетъ причислить главу, въ которой авторъ сопоставляетъ вліяніе, произведенное въ Германіи нѣмецкимъ правомъ на образованіе сословнаго отчужденія земскихъ классовъ (рыцарей и крестьянъ), съ результатами совершенно противоположными, происшедшими отъ такого же вліянія нѣмецкаго права въ Польшѣ. «Въ стра-

---

[1]) Geschichte der deutschen Städte und deutschen Bürgerthums. 1853.

[2]) Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte 2 T. 1854.

нахъ, гдѣ нѣмецкое право (не муниципальное), заключаетъ справедливо г. Будановъ, рано и рѣшительно измѣнило старый славянскій общественный строй на нѣмецкій (опредѣливъ права рыцарскаго сословія и поработивъ ему крестьянское), въ такихъ странахъ (Силезіи и отчасти собственной Польши) вліяніе собственно муниципальнаго права на рѣзкое раздѣленіе сословій, равно какъ и другія гибельныя послѣдствія его, не такъ замѣтны. Но въ странахъ, гдѣ нѣмецкое право (не муниципальное) дѣйствовало медленно и не непосредственно, муниципальное право застало еще славянскіе порядки почти не измѣненными и потому оказало свое вредное вліяніе съ особенною ясностью. Такъ оно именно подѣйствовало въ Литовско-Русскомъ государствѣ». Въ этомъ убѣдиться можно изъ слѣдующей статьи, въ которой г. Будановъ разсматриваетъ состояніе городовъ въ Литвѣ до введенія нѣмецкаго права, ихъ внутреннее управленіе и показываетъ, какія произошли новыя отношенія вслѣдствіе перенесенія въ Литву нѣмецкаго городоваго порядка.

Древне-славянскому міру чужда вообще рѣзкая граница между городомъ и остальною частью области. Городъ и волость составляютъ одно, ничѣмъ не раздѣленное цѣлое.

Такъ было у полабскихъ Славянъ, такъ было вѣроятно и въ Польшѣ въ первоначальную эпоху польской исторіи, ибо на то намекаетъ польское ополе (opole, vicinia). Авторъ, опредѣливъ точно значеніе ополя, на сколько оно намъ теперь извѣстно, несмотря на многія существующія по этому предмету недоумѣнія, ставитъ его въ связь съ устройствомъ, которое мы встрѣчаемъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ до XVI столѣтія. Характеристическою чертою древне-русскаго городоваго устройства было, подобно тому какъ и у другихъ Славянъ, то, что оно не выдѣлялось изъ общаго земскаго устройства, что оно составляло съ устройствомъ всей земли одно цѣлое. Г. Будановъ обычной фразѣ—«Городъ ничѣмъ не отличался отъ деревни» придаетъ настоящее ея значеніе, указывая по грамотамъ (Акты Западной Руси), какіе были въ городахъ составные элементы, между которыми, какъ извѣстно, первенствующее мѣсто заняли бояре. Бояре слѣдовательно, вмѣстѣ съ другими жителями, купцами, и черными людьми, входятъ въ составъ одной нераздѣльной общины, подлежатъ одному вѣдомству и несутъ тѣже самыя повинности. Въ доказательство, что такой неразлучный союзъ города съ волостью существовалъ, приводится подробно содержаніе грамотъ, которыя исходатайствовали себѣ городъ и земля Смоленская,

равно какъ городъ и земля Витебская въ началѣ XVI столѣтія. Союзъ земскій, общинный разрушался, когда изъ Польши стали проникать начала западно-европейскія, когда въ боярахъ, побуждаемыхъ преимуществами польскаго шляхетскаго сословія, стало обнаруживаться стремленіе выдѣлиться изъ общаго земскаго состава.

Магдебургское или нѣмецкое право, вводимое въ городахъ, подкрѣпило такое стремленіе бояръ къ выдѣленію и окончательно содѣйствовало образованію отдѣльнаго городскаго сословія и устройства. Оно провело въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ рѣзкую грань между сословіями и поставило ихъ во враждебное отношеніе.

Таковъ былъ общій результатъ введенія въ города Литовско-Русскаго государства нѣмецкаго городоваго порядка. Но чтобы отчетливо опредѣлить послѣдствія, происшедшія отъ введенія новыхъ учрежденій, должно прежде всего познакомиться съ этими учрежденіями и ихъ значеніемъ въ томъ государствѣ, изъ котораго они переносились въ другое.

Такими логическими основаніями оправдываются двѣ слѣдующія главы, въ которыхъ г. Будановъ знакомитъ читателя съ польскими городами, устроенными по нѣмецкому праву, разсматриваетъ права, которыми они пользовались, опредѣляетъ ихъ значеніе, и отъ внѣшней, такъ сказать, стороны переходитъ къ внутренней, разбирая городское управленіе и городскія учрежденія.

Предварительныя работы, особенно же упомянутый уже Меморіалъ о преимуществахъ и правахъ городскаго сословія, представленный четырехлѣтнему сейму, облегчили въ извѣстной степени г. Буданову рѣшеніе задачи; мы этимъ отнюдь не думаемъ умалять достоинства сочиненія, напротивъ, считаемъ долгомъ заявить, что авторъ добросовѣстно собралъ всѣ свѣдѣнія по избранному предмету, разбросанныя въ многотомномъ сборникѣ польскихъ законовъ (Volumina legum) и воспользовался ими соотвѣтственно требованіямъ строгаго критическаго метода.

Первый вопросъ, который мы себѣ задаемъ, когда идетъ рѣчь о значеніи городовъ въ польскомъ государственномъ устройствѣ, рѣшенъ авторомъ совершенно удовлетворительно. Какъ ни многочисленны были города въ Польшѣ, какъ ни богаты и многолюдны, они не выработались до того, чтобы подобно германскимъ имперскимъ городамъ принимать живое участіе въ государственной законодательной власти, принадлежавшей сеймамъ. Только за нѣкоторыми городами утвердилось право участвовать на сеймѣ, впро-

чемъ оно подвергалось извѣстнымъ ограниченіямъ и не было въ состояніи осуществляться на дѣлѣ въ виду преобладавшаго шляхетскаго сословія. Краковъ, Познань, Калишъ, Сандомиръ, Львовъ, Плоцкъ, Варшава, Люблинъ, Гродно, Вильно, Каменецъ-Подольскій отправляли въ сеймъ въ разныя времена своихъ депутатовъ, но въ теченіе времени число ихъ уменьшилось, такъ что въ XVII столѣтіи только четыре города пользовались правомъ представительства: Краковъ, Познань, Вильно, Львовъ. Изъ сеймовыхъ же актовъ оказывается, что названные города присылаютъ своихъ депутатовъ собственно только въ элекціонные сеймы, созываемые для избранія новаго короля [1]). Объ участіи городовъ въ сеймикахъ, или земскихъ совѣщаніяхъ, не встрѣчаемъ никакихъ указаній въ печатныхъ матеріалахъ; поэтому не удивительно, что авторъ не коснулся этого вопроса. Но въ Метрикѣ Коронной [2]) намъ случилось найти интересный намекъ на то, что города принимали иногда участіе въ земскихъ собраніяхъ шляхетскаго сословія. Въ Люблинской конституціи государственнаго сейма при королѣ Александрѣ постановляется, пригласить краковскихъ консуловъ въ краковское земское собраніе: Consules Cracovienses ad conventionem terrestrem Cracoviensis terrae suprascriptam duximus vocandos quatenus et ipsi decretis istinc futuris afficiantur. Впрочемъ на основаніи одного этого указанія мы не беремся опредѣлить, на сколько участіе въ шляхетскихъ собраніяхъ было общимъ или случайнымъ правомъ.

Судебная власть городовъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, особенно при столкновеніяхъ съ шляхетскимъ сословіемъ, не простиралася на шляхтичей. Отвѣтчикъ шляхтичь отвѣчалъ передъ земскимъ судомъ — отвѣтчикъ мѣщанинъ передъ мѣщанскимъ. Всѣ выводы, сдѣланные г. Будановымъ касательно forum competens, безошибочны. Только въ извѣстныхъ случаяхъ позволяется городскому уряду судить шляхтича, когда важное преступленіе совершено въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ, но не иначе какъ въ присутствіи городоваго старосты, который имѣетъ рѣшительный голосъ.

Впрочемъ намъ попадались въ Коронной Метрикѣ грамоты, да-

---

[1]) Стр. 128. Должно исправить малозначительный недосмотръ. — Авторъ перечисляя города, подписавшіеся на актѣ 1425 г. изъ одного сдѣлалъ два города: Всхову и Фрауштадтъ. Послѣднимъ именемъ обозначался у нѣмцевъ польскій городъ Всхова.

[2]) Кн. 22. стр. 66.

вавшіяся королями въ пользу городовъ, которыми предоставлялось городскимъ консуламъ право производить судъ надъ преступниками шляхтичами. Напримѣръ, такое преимущество получилъ городъ Калишъ. Сама привилегія однако показываетъ, что это право было только исключеніемъ. По поводу судебной власти городовъ г. Будановъ счелъ умѣстнымъ познакомить читателя съ апеляціонными судами для мѣщанскаго и шляхетскаго сословій. Уже рано, а именно въ XIV столѣтіи устроены для городовъ Казиміромъ В. высшій апеляціонный судъ въ Краковѣ и судъ шести городовъ (Jus supremum sex civitatum) въ качествѣ послѣдней инстанціи. Шляхетское же сословіе только при Стефанѣ Баторіи 1578 г. добилось учрежденія шляхетскаго высшаго судилища (трибунала).

Оба судебныя учрежденія, которыхъ составъ и устройство представляетъ авторъ, подчиняя своей компетентности лишь одинъ какой-либо изъ двухъ классовъ, не только легли препятствіемъ для взаимнаго ихъ сближенія, но даже содѣйствовали ихъ враждебному разъединенію. Такое же самое слѣдствіе произошло отъ постепеннаго ограниченія правъ городовъ на пріобрѣтеніе поземельной собственности. Это одна изъ интереснѣйшихъ сторонъ отчужденія городскаго сословія отъ общаго государственнаго союза. Весьма любопытно слѣдить шагъ за шагомъ, какъ устранялись города отъ права на поземельную собственность, посредствомъ которой могли бы пріобрѣсти вліяніе не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Въ изслѣдованіи г. Буданова этотъ интересный пунктъ вышелъ совершенно яснымъ и отчетливымъ. Не безъ основанія подмѣтилъ авторъ, что исключительное право землевладѣнія есть основная черта польскаго шляхетства, такъ что шляхетство и землевладѣніе считались понятіями нераздѣлимыми, почти тождественными.

Съ правомъ землевладѣнія, какъ извѣстно, соединялись всѣ остальныя политическія права. Землевладѣніе обязывало нести военную службу, которая сдѣлалась исключительнымъ преимуществомъ шляхетскаго сословія. Мѣщане, владѣвшіе земскими имуществами, не освобождались отъ военной повинности, они вмѣстѣ съ другими шляхтичами землевладѣльцами призывались въ народное (шляхетское) ополченіе, но не имѣя личныхъ правъ шляхтичей не охотно соглашались нести повинность, отъ которой для нихъ не было никакихъ выгодъ. Такъ какъ случалось нерѣдко, что мѣщане, пріобрѣтая земскія имущества, уклонялись отъ военной повинности, то законодательная власть прибѣгала къ мѣрамъ, чтобы устранить

мѣщанское сословіе отъ вмѣшательства въ земскіе шляхетскіе интересы. Авторомъ приводится извѣстная конституція 1496 г. короля Іоанна Альберта, въ которой изложены побужденія, руководившія законодательною властью при уничтоженіи права мѣщанъ на покупку земскихъ имуществъ, подлежащихъ земскому праву. Мѣщане лишаются права на покупку имѣній, говорится въ конституціи, потому что мѣщане не занимаютъ должныхъ мѣстъ между шляхтичами въ походахъ и войскахъ: они, владѣя такими имуществами, обыкновенно изыскиваютъ случаи уклоняться отъ военныхъ походовъ: сверхъ того, такъ какъ они сами не позволяютъ шляхтичамъ покупать домовъ и имуществъ, подлежащихъ земскому праву» то... и т. д. Оговорки, сдѣланныя авторомъ по поводу этого узаконенія, совершенно вѣрны и основательны: мы согласны съ тѣмъ, что упоминается объ исключеніяхъ и о возобновленіи упомянутой мѣры и въ послѣдующія столѣтія. Не ускользнула отъ вниманія г. Буданова разница, которая въ этомъ отношеніи встрѣчается въ городахъ великаго княжества Литовскаго, которые не лишались права на владѣніе поземельною собственностью, несмотря на попытки ограничить у нихъ или отнять это право. По крайней мѣрѣ относительно 1775 г. нельзя сомнѣваться о такой разницѣ, такъ какъ мѣщане великаго княжества Литовскаго получили полное право владѣть земскими имуществами, мѣщане же короны такого права не пріобрѣли.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ отношеній городовъ къ законодательной власти и шляхетскому сословію, авторъ знакомитъ читателя съ учрежденіями муниципальнаго управленія и оцѣняетъ, на сколько самоуправленіе было настоящимъ и дѣйствительнымъ вознагражденіемъ городовъ за устраненіе ихъ отъ всѣхъ политическихъ правъ. Въ изложеніи формъ судебнаго и административнаго самоуправленія вездѣ довольно ясно проглядываетъ одна мысль, которую авторъ проводитъ послѣдовательно въ теченіе цѣлаго сочиненія, именно, что городовое устройство въ Польшѣ сопровождалось во всѣхъ своихъ проявленіяхъ самыми печальными послѣдствіями.

Впрочемъ мысль эта сказывается въ самомъ началѣ разсматриваемой нами главы. «Цѣною лишенія политическихъ правъ было куплено внутреннее самоуправленіе и самостоятельный судъ въ городахъ. Можетъ быть, намъ придется убѣдиться, что полученный результатъ не стоилъ такой жертвы, что дѣйствительно независимое и полное самоуправленіе невозможно безъ политическихъ

правъ, что каждый городъ, предоставленный самому себѣ, былъ беззащитенъ противъ насилій постороннихъ властей и что самое устройство муниципальнаго управленія далеко не можетъ считаться образцомъ самоуправленія» (148 стр.).

Авторомъ опредѣляется сперва отношеніе городовъ къ государственной власти, именно же къ старостинскому уряду, который, по извѣстной фразѣ, сдѣлался основною причиною упадка городовъ. Староста былъ поставленъ въ самое ближайшее отношеніе къ городу, онъ служилъ главнымъ посредникомъ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ города соприкасались съ государственнымъ организмомъ ибо они, какъ извѣстно, не выдѣлились изъ него совершенно.

Намъ нѣтъ никакого повода дѣлать возраженія, когда авторъ указываетъ на пункты соприкосновенія городовъ съ старостинскимъ урядомъ, такъ какъ все имъ сказанное почерпнуто изъ достовѣрныхъ источниковъ. Старосты смотрѣли не только за исправностью городскихъ укрѣпленій, которыхъ ремонтъ былъ повинностью городовъ, но они обыкновенно пріобрѣтали вліяніе на выборы городскихъ урядниковъ, такъ какъ изъ избраннаго городомъ числа кандидатовъ извѣстную часть назначали старосты отъ своего имени. Предъ ними магистраты должны были давать отчетъ въ своихъ доходахъ и расходахъ. Мало по малу присвоили себѣ старосты право высшаго суда въ городахъ, что сдѣлалось источникомъ многоразличныхъ столкновеній и злоупотребленій со стороны старостъ. Наконецъ то, что пріобрѣли старосты путемъ обычая, освящено закономъ 1768 г., который гласитъ слѣдующее: сохраняя въ цѣлости и неприкосновенности давнія узаконенія, касающіяся порядка и юрисдикціи, постановляемъ, чтобы мѣщане отвѣчали предъ своимъ магистратомъ, а потомъ какъ мѣщане, такъ и магистратъ in civilibus предъ старостою.

Старостинскій урядъ, въ томъ соглашаются всѣ писатели, сдѣлался въ послѣдніе годы существованія Польши опаснымъ врагомъ городскаго самоуправленія и содѣйствовалъ не мало совершенному разстройству и упадку городовъ. Самоуправленіе потерпѣло вслѣдствіе закона 1768 г. самый чувствительный ударъ.

Судебная власть въ предѣлахъ города составляетъ существенную основу муниципальной самостоятельности—въ ней заключается собственный кругъ дѣйствія городскаго самоуправленія. Войты были судьями по нѣмецкому праву, но войтовство первоначально заняло мѣсто какъ-бы независимое. Власть войтовская давалась извѣстному лицу въ наслѣдственное владѣніе такъ, что войты съ

согласія верховной власти могли ее передавать, завѣщевать и продавать другимъ лицамъ. Слѣдовательно городская община участвовала въ судопроизводствѣ только посредствомъ своихъ скабиновъ или лавниковъ, которыхъ она избирала въ войтовскій судъ въ родѣ присяжныхъ: города такимъ образомъ были устранены отъ непосредственнаго участія въ судопроизводствѣ. Легко предвидѣть, что община стала стремиться къ устраненію войта и къ пріобрѣтенію его судебной власти для того, чтобы вполнѣ пользоваться самоуправленіемъ. Такой ходъ развитія не ускользнулъ отъ прилежнаго вниманія г. Буданова, у котораго мы привыкли встрѣчать строгую систематичность и отчетливость изслѣдованія. Авторъ облегчаетъ себѣ задачу и уясняетъ читателю вопросъ, подмѣчая въ городовомъ развитіи три послѣдовательныя ступени именно: 1) при самомъ началѣ власть не принадлежала городской общинѣ; 2) потомъ, по присвоеніи городской общины власти войта, она управляется замкнутою радою; 3) власть рады ограничивается представительными общинными учрежденіями. Но такой историческій путь, прибавляетъ справедливо г. Будановъ, проходили не всѣ города вмѣстѣ, а каждый городъ отдѣльно: одинъ началъ его въ XIV вѣкѣ, другой въ XVIII. Не всѣ города могли успѣть пройдти всѣ указанныя ступени: большая часть ихъ дошла до второй, весьма многіе остались на первой и лишь главные и старѣйшіе города достигли третьей. Такимъ образомъ всѣ три формы общественнаго устройства существовали одновременно и три историческія ступени сдѣлались тремя родами общественнаго устройства городовъ.

Всѣ три статьи разсмотрѣны отдѣльно — все существенное сказано авторомъ. Разбирается войтовская власть, когда она дѣйствовала независимо отъ городской общины, вслѣдъ за тѣмъ обращено вниманіе на такъ называемую инкорпорацію войтовствъ, происходившую посредствомъ покупки. Авторъ перечисляетъ изъ Сборника Законовъ (Volumina legum) города, которые усвоили себѣ войтовство. Такая покупка началась въ городахъ очень рано. Авторъ приводитъ только одинъ городъ Львовъ съ 1388 г., но въ Метрикѣ Коронной мы встрѣтили множество другихъ примѣровъ усвоенія городомъ войтовства, восходящихъ къ XIV и XV столѣтіямъ (Олькушъ, Сандомиръ и др.), что́ нисколько не мѣшаетъ правильности взгляда автора.

Въ виду основательности выводовъ по тремъ указаннымъ статьямъ мы не будемъ дѣлать возраженій — но должны обратить вниманіе автора на отсутствіе изслѣдованія по вопросу о высшихъ

спеціальныхъ судахъ по нѣмецкому праву. Названныя учрежденія тѣсно связаны съ городскимъ самоуправленіемъ, они составляютъ существенную часть учрежденій, выросшихъ на почвѣ нѣмецкаго порядка. Авторъ коснулся этого вопроса (140 стр.) впрочемъ только мимоходомъ — упоминая о высшемъ апеляціонномъ судѣ, установленномъ въ Краковѣ 1365 г. Казиміромъ Великимъ (Jus supremum Theutonicale provinciale arcis Cracoviensis) и о послѣдней инстанціи (королевскаго суда) по нѣмецкому праву, о такъ называемомъ Трибуналѣ шести городовъ (sex civitatum). Между тѣмъ не маловажную статью составляетъ вопросъ о другихъ апеляціонныхъ судахъ, образовавшихся въ разныхъ провинціяхъ; для каждой области были устроены отдѣльныя учрежденія. Власть провинціальнаго войта, которая, по предположенію автора, перешла къ старостамъ и дала начало старостинскому уряду, сохранилась въ названныхъ учрежденіяхъ — въ высшихъ провинціальныхъ судахъ. Провинціальные войты, имѣвшіе первоначально высшую судебную власть короля, мало по малу стали образовать постоянныя судилища, въ составъ которыхъ входили войты или главнаго провинціальнаго города или же другихъ городовъ той же области. Для удобства мѣщанъ, догадаться не трудно, установлялись такіе провинціальные суды. Объ нихъ упоминаютъ уже грамоты XIII столѣтія.

Доселѣ обыкновенно изслѣдователи называютъ суды въ Познани и Сандомирѣ (Бантке, 217 и слѣд.; Реппель, Verbreit. d. Magd. R. въ приложеніи), кромѣ суда въ Краковѣ, учрежденнаго Казиміромъ Великимъ въ 1365 г. Между тѣмъ есть указанія на то, что еще до Казиміра существовалъ въ Краковѣ высшій провинціальный судъ, устроенный по образцу судовъ въ Познани и Сандомирѣ. Слѣды такого суда мы имѣли случай отыскать въ частномъ собраніи грамотъ и документовъ сенатора Губе. Между прочимъ, самое любопытное — это судебное рѣшеніе, состоявшееся въ Краковѣ 1312 г., въ началѣ котораго мы читаемъ слѣдующее: Nos Czarnuszka Advocatus Provincialis Juris Supremi Theutonici Castri Cracoviensis per Serenissimnm Principem et Dominum Wladislaum Dei gratia Regem Poloniae una cum Scabinis infrascriptis ad id specialiter deputati... и въ другомъ документѣ того же года (1312) in Judicio Supremo Castri Cracoviensis sigilli majoris, quo in judicio nostro utimur [1]). Не подлежитъ слѣдовательно сомнѣнію, что до

[1]) Кромѣ того еще одно указаніе, относящееся къ 1337 г. Coram nobis Johanne dicto Romanus Cive Cracoviensi in Jure theutonico Castri Cracoviensis et coram scabinis inferius scriptis....

учрежденія въ 1365 г. высшаго апеляціоннаго суда, такой судъ уже существовалъ въ Краковѣ. Указаніе интересное — поясняющее учрежденіе, основанное Казиміромъ, который очевидно только далъ уже образовавшемуся до него суду болѣе опредѣленный видъ.

Но и въ другихъ городахъ отдѣльныхъ провинцій, какъ уже замѣчено, изъ учрежденія провинціальнаго войта возникли постоянные провинціальные суды. На это намекаютъ слѣдующія свидѣтельства:

Въ Санокѣ 1406 г.

Nos Philippus Faber Advocatus Provincialis judicii curie Domini Regis in novo Sandecz nec non septem scabini ejusdem judicii....

1415 г. Nos Petrus Viceadvocatus.... (слѣдуютъ имена лавниковъ сосѣднихъ деревень).... scabini supremi juris Teutonici Meydeburgensis districtus Sanecensis [1]).

1512 г. Nos Jacobus Radvan Advocatus Juris Supremi Meideburgensis Castri Sanocensis una cum septem juratis.... (слѣдуютъ названія скабиновъ сосѣднихъ мѣстностей) [2]).

Въ Сборникѣ Гельцеля упоминается Люблинскій провинціальный судъ (jus supremum castri Lublinensis).

1441 г. Провинціальный судъ существовалъ въ Лаговскомъ округѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ судебное рѣшеніе, находящееся въ Собраніи документовъ Мучковскаго [3]).

1441 г. Judicium Supremi Juris Lagoviensis districtus est celebratum.... Ego Nobilis Thomas advocatus Supremi Juris de Nyewskarzow.... septem advocati supremi Juris Lagoviensis districtus.

1567 г. Въ грамотѣ, данной Сигизмундомъ городу Домбровицы, опредѣляется мѣсто того высшаго суда, къ которому городъ долженъ обращаться. Si vero aliquando contigat eos aut aliquem eorum appellare in quibuscumque causis de jure ipsorum ad Jus Supremum in eo casu nos illis jus supremum in civitate nostra Lanciciensi designamus....

Приведенныя доказательства не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что провинціальные войты продолжали существовать въ провинціальныхъ судахъ и не могли такимъ образомъ власти своей передать старостамъ. Но мы имѣемъ еще въ виду, цитуя назван-

---

[1]) Документы въ собраніи Сенатора Губе.

[2]) Коронная Метрика кн. 28, стр. 78.

[3]) Cd. Pol. 2. II. стр. 490.

ныя свидѣтельства, показать автору, какъ образовались по образцу Кракова, Познани, Сандомира, Санока, Сандеча, Люблина, Лаговскаго округа и въ другихъ городахъ апеляціонные провинціальные суды — къ которымъ, по указаніямъ Кромера (168 стр.), еще слѣдуетъ причислить подобныя же учрежденія въ Варшавѣ, въ Плоцкѣ и проч. [1]). Во внутренней исторіи городовъ указанные суды составляютъ замѣчательную черту: въ нихъ сохранились памятники юридической жизни и слѣды развитія, достойные вниманія.

Утвердившееся въ Польшѣ муниципальное устройство переносилось цѣликомъ, со всѣми своими учрежденіями, въ города Юго-Западной Руси. Въ нихъ оно развивалось своеобразно при другихъ историческихъ условіяхъ, но съ незначительными видоизмѣненіями: главныя муниципальныя формы сохранили свой первоначальный характеръ, все городовое устройство сложилось окончательно къ началу XVIII вѣка.

Г. Будановъ разсмотрѣлъ города въ Юго-Западной Руси 1) съ полнымъ магдебургскимъ правомъ; 2) города съ неполнымъ магдебургскимъ правомъ; и 3) владѣльческіе города.

Авторъ коснулся вопроса не разъясненнаго доселѣ въ литературѣ и разработалъ его по источникамъ, которые доставили ему рукописныя книги Кіевскаго Центральнаго Архива. Нельзя не благодарить г. Буданова за то, что онъ такъ прилежно собралъ новый матеріалъ и сдѣлалъ его доступнымъ для другихъ изслѣдователей. Главное достоинство труда (въ послѣдней главѣ о городахъ Юго-Западной Руси) заключается именно въ новости подобраннаго матеріала, которымъ поясняется исторія тѣхъ готовыхъ муниципальныхъ формъ, которыя были занесены въ города Юго-Западной Руси. Мы этимъ не умаляемъ и другихъ достоинствъ изложенія, но желаемъ только намекнуть на то, что авторъ, преодолѣвъ въ первой части своего сочиненія всѣ трудности, шелъ во второй по проложенному уже пути. И такъ — Каменецъ-Подольскій, принадлежащій къ первому разряду названныхъ городовъ — облегчилъ автору задачу — представить внутреннее его устройство, такъ какъ Каменецъ-Подольскій принялъ готовыя уже формы муниципальнаго управленія, сложившіяся во Львовѣ и которыя такъ подробно и систематично изложилъ Зубржицкій [2]). Въ нѣмецкомъ городо-

---

[1]) Въ Львовѣ учрежденъ былъ подобный войтовскій судъ, о которомъ впрочемъ упоминаетъ самъ авторъ (179 стр.).

[2]) Kronika miasta Lwowa 1844.

вомъ правѣ встрѣчается такое же явленіе, которое мы замѣчаемъ и въ исторіи греческой колонизаціи, а именно: образцовые города (Mutterstädte) и колоніи, которыя устроивались по образцу главныхъ старѣйшихъ городскихъ общинъ. Къ такимъ образцовымъ городамъ принадлежалъ Львовъ, отъ котораго Каменецъ заимствовалъ формы своего управленія и къ которому онъ обращался за рѣшеніемъ во многихъ сомнительныхъ судебныхъ дѣлахъ. И такъ, когда Каменецъ-Подольскій во время турецкаго господства въ исходѣ XVII столѣтія лишился всѣхъ своихъ документовъ, то король Августъ II 1703 г. подтвердилъ вновь Каменцу муниципальное устройство по образцу Львовскаго. Руководясь указаніями Зубржицкаго, г. Будановъ даетъ на основаніи Каменецкихъ актовъ подробное изложеніе всѣхъ муниципальныхъ учрежденій — судебныхъ и административныхъ, и поясняетъ ихъ длинными выдержками историческаго или юридическаго содержанія. Кромѣ того здѣсь приводятся формулы присяги отдѣльныхъ должностныхъ лицъ или документы, относящіеся къ внутренней исторіи. Частыя столкновенія, происходившія между юрисдикціями польскою, русскою и армянскою, поясняются извлеченіями изъ рукописныхъ актовъ Кіевскаго Центральнаго Архива (протестаціи, жалобы и проч.). Такъ какъ описаніе по всѣмъ тремъ разрядамъ указанныхъ выше городовъ муниципальнаго устройства, магистрата (рады), скабината, войтовства, квадрагинтовирата (сорока мужей), а также ихъ круга дѣйствій, занятій и обязанностей дѣлается на основаніи подлинныхъ документовъ, то мы не имѣемъ никакого повода дѣлать какія либо возраженія, не допускаемыя самымъ свойствомъ оффиціальнаго матеріала. Что же касается выдержекъ историческаго содержанія, поясняющихъ внутреннюю жизнь Каменца и другихъ городовъ, то за недоступностью матеріала мы не въ состояніи повѣрять ихъ — что̀ было бы впрочемъ излишнимъ, такъ какъ вездѣ соблюдены требованія строгой систематичности и сдѣланы указанія, откуда почерпнуты свѣдѣнія.

Но сущность дѣла заключается не въ обработкѣ матеріала только въ выводахъ, сдѣланныхъ авторомъ на основаніи приведеннаго матеріала. Какія ни существовали формы муниципальнаго устройства городовъ въ Юго-Западной Руси, онѣ всѣ, по мнѣнію г. Буданова, не обезпечивали самоуправленія и мы согласны съ такимъ выводомъ, но сомнѣваемся въ томъ, было ли самоуправленіе по магдебургскому праву единственной и основной причиною упадка городовъ; намъ кажется, что государственныя формы, какія бы онѣ

ни были, не спасаютъ общества, разлагающагося отъ нравственной порчи.

Мы сводимъ наши замѣчанія къ общему итогу. Въ первой части авторъ, не воспользовавшись всѣми извѣстными до сихъ поръ матеріалами, пришелъ къ заключеніямъ, которыя мы должны были видоизмѣнить на основаніи историческихъ данныхъ,—именно объ ослабленіи княжеской власти и уменьшеніи ея финансовыхъ средствъ вслѣдствіе введенія нѣмецкаго права. Мы исправили происшедшее отъ такой же неполноты употребленныхъ источниковъ ошибочное мнѣніе автора касательно возникновенія старостинской власти, ибо оно не подтверждается историческими свидѣтельствами. Кромѣ того, мы еще указали на отсутствіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ, ускользнувшихъ отъ вниманія ученаго изслѣдователя. Принявъ однакожъ во вниманіе упомянутое въ предисловіи нашей рецензіи обстоятельство, что каждый трудъ на невоздѣланной почвѣ встрѣчаетъ огромныя трудности, мы легко оправдаемъ присутствіе нѣкоторыхъ неправильныхъ взглядовъ и заключеній.

Впрочемъ цѣлое сочиненіе отличается трудолюбивымъ изученіемъ разбросанныхъ источниковъ: въ послѣдней части выводится на свѣтъ до сихъ поръ неизвѣстный рукописный матеріалъ. Вездѣ можно видѣть въ трудѣ г. Буданова строгую систематичность, вѣрное толкованіе источниковъ, огромную начитанность, самостоятельность критики, во всемъ сочиненіи замѣчается способность дѣлать общіе выводы. Такъ какъ, однимъ словомъ, трудъ г. Буданова должно считать замѣчательнымъ вкладомъ въ литературу по вопросу о нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литвѣ, могущимъ послужить исходною точкою дальнѣйшимъ въ этомъ направленіи розысканіямъ, то мы считаемъ нашимъ долгомъ рекомендовать Императорской Академіи Наукъ сочиненіе г. Владимірскаго-Буданова, какъ заслуживающее полной Уваровской преміи.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Н. ПОПОВА:

«Россія и Сербія».

Составленъ В. Богишичемъ.

Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія возникли въ Европѣ три новыя державы, не смотря на господство въ политической жизни народовъ того косного застоя, который на вѣнскомъ конгрессѣ формулированъ въ законченной теоріи дѣятелями Священнаго Союза.

Какъ незванныя гостьи, новыя державы втѣснились въ систему старыхъ европейскихъ государствъ, являясь живымъ протестомъ противъ установившагося порядка вещей.

Правда, Сербія не вполнѣ успѣла еще достигнуть внѣшней политической независимости (souveraineté extérieure), отстала въ этомъ отношеніи отъ своихъ сверстницъ Бельгіи и Греціи; тѣмъ не менѣе успѣхи, сдѣланные сербами со времени ихъ освобожденія отъ турецкаго ига, сравнительно съ успѣхами цивилизаціи, въ этотъ же періодъ времени независимой Греціи, заставляютъ съ полною справедливостью сказать, что едва ли сербамъ придется краснѣть отъ такого сопоставленія. Даже тѣ, которые судятъ о будущемъ не теряя изъ виду прошедшаго и настоящаго, едва ли будутъ отрицать, что роль Сербіи въ политической системѣ Европы гораздо значительнѣе и важнѣе той, которая предстоитъ Бельгіи или

Греціи. Сообразно съ этимъ и исторія возрожденія Сербіи, ея долговременной борьбы за независимость и ея усилій по вопросамъ внутренней организаціи гораздо интереснѣе и поучительнѣе исторіи возрожденія самой Греціи. Мы видимъ въ Сербіи борьбу народа нѣкогда славнаго, съ новыми силами возстающаго послѣ болѣе чѣмъ четырехъ вѣковаго страшнаго порабощенія; народа совершенно одинокаго въ своей борьбѣ, безъ сколько нибудь дѣйствительной подмоги со стороны Европы, которая, съ энтузіазмомъ принявъ начала 1789 года о равноправности людей, долго не рѣшалась, да и теперь не вполнѣ расположена примѣнять эти начала къ народамъ безъ старыхъ хартій и дипломовъ о заслугахъ ихъ предковъ.

Сербы не имѣли ни своихъ Гомеровъ, ни Аристотелей, ни Софокловъ, подобно предкамъ нынѣшнихъ грековъ: а безъ заслугъ дѣдовъ и прадѣдовъ они и права будто бы не имѣютъ на симпатію просвѣщенной Европы. Они имѣли, правда, свои прекрасныя пѣсни, въ которыхъ содержится отчасти и ихъ народная исторія— счастливая и несчастная, — имѣли свои народныя демократическія учрежденія, столь восхваленныя Европой, но эти пѣсни и учрежденія жили только въ простомъ народѣ, не записаны на древнихъ пергаментахъ. Европа не заявила своего сочувствія къ сербамъ и въ то время, когда послѣ многихъ лѣтъ добытой собственными силами независимости, сербы снова подпали подъ иго грознаго врага. Оставленные безъ поддержки и сочувствія Европы, сербы принуждены были вновь своимъ мужествомъ и кровью добывать себѣ свободу и самобытность. Въ высшей степени интересно и поучительно изученіе исторіи этого чуднаго народа, самые князья котораго были безграмотны, — народа вышедшаго однако побѣдителемъ изъ трудной борьбы, не только съ главнымъ своимъ противникомъ, но и съ корыстной политикой сосѣдей, съ внутренней неурядицей и даже съ политическими видами единственной покровительствующей державы.

Исторія Сербіи эпохи возрожденія занимательна и поучительна особенно для русскихъ читателей. Не говоря уже о томъ, что это важный эпизодъ въ исторіи восточнаго вопроса, на рѣшеніе котораго въ славянскомъ смыслѣ должно быть устремлено все вниманіе Россіи, — Сербія, какъ мы читаемъ въ рефератѣ московскаго историко-филологическаго факультета [1]), есть единственное славянское государство, успѣвшее въ недавнее время получить почти полную

[1]) Московскія Унив. Извѣстія 1869, № 7, стр. 426.

независимость, и это государство не только единоплеменное, но и единовѣрное русскимъ; кромѣ того, въ борьбѣ его за независимость и въ выработкѣ правительственнаго строя, Россія принимала самое дѣятельное участіе.

Странно по этому, что русская историческая литература должна была такъ долго дожидаться достойнаго изложенія этой великой исторической драмы, начало которой относится еще къ первымъ годамъ настоящаго столѣтія. Пробѣлъ этотъ не могъ быть восполненъ, ни нѣсколькими монографіями [1]) о лицахъ и событіяхъ эпохи сербскаго возрожденія, ни переводомъ Бартенева замѣчательнаго труда Ранке, основаннаго на извѣстной монографіи Вука Караджича (Милош Обреновић Княз Србскій или грађа за србску историју нашега времена) и на его устныхъ разсказахъ.

Въ сербской литературѣ этотъ пробѣлъ еще чувствительнѣе. Восполненію его мѣшали многія обстоятельства: трудно описывать событія подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, когда въ ушахъ еще отдается шумъ борьбы, а часто не застыли еще и пристрастія современниковъ. Довольно впрочемъ и того, что сербскіе ученые и патріоты собрали и издали столько матеріаловъ для новой сербской исторіи.

Не удивительно по этому, что сочиненіе г. Нила Попова, задуманное въ столь обширныхъ размѣрахъ и исполненное съ такимъ мастерствомъ, было встрѣчено съ сочувственными отзывами въ Россіи и Сербіи. Вотъ отзывъ объ этомъ трудѣ историко-филологическаго факультета московскаго университета: «Обширное сочиненіе доцента Н. А. Попова принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ произведеній нашей исторической литературы послѣдняго времени. русскіе и вообще славянскіе читатели будутъ благодарны г. Попову за счастливый выборъ предмета. Авторъ имѣетъ свой опредѣленный взглядъ на событія, на роль Россіи въ исторіи новорожденной Сербіи, но этотъ взглядъ не навязывается читателю. Въ

---

[1]) Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи: Дубровина «Серб скій вопросъ при Александрѣ I» (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1863 г. Іюль и Ав густъ); его-же «Матеріалы для исторіи царствованія Александра I. Турецкая война», (въ Военномъ Сборникѣ, 1864 г. кн. 4—9); его-же: «Князь П. Н. Багратіонъ», (тамъ-же, 1864 г. кн. 11 и 12, 1865 г. кн. 1, 2 и 3); его-же: «Графъ Н. М. Каменскій 2-й» (тамъ-же 1865 г. кн. 5—8). Гильфердингъ: «Объ Александрѣ Кара-Георгіевичѣ» (въ послѣднемъ Русскомъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ). Надеждина: «Георгій Черный» (въ Русской Бесѣдѣ 1858 г. Т. IV). Ненадовича: переводъ его мемуаровъ (тамъ-же, 1859 г. Т. I).

чрезвычайномъ обиліи фактовъ, добросовѣстно изложенныхъ, читатель можетъ найти повѣрку мнѣніямъ автора и возможность образовать собственный взглядъ; не смотря на обиліе фактовъ, авторъ умѣетъ поддерживать вниманіе читателя живостію изложенія» (Моск. Унив. Изв. 1869 г. № 7, стр. 426).

Сочиненіе г. Попова, какъ первое полное прагматическое изложеніе новой исторіи Сербіи, встрѣчено въ ней самымъ сочувственнымъ образомъ. Это можно видѣть изъ прилагаемаго при семъ (sub. A) отзыва одного изъ извѣстныхъ сербскихъ ученыхъ. Изъ него между прочимъ видно, что сочиненіе г. Попова переведено и на сербскій языкъ, и что первое изданіе (3,000 экземпляровъ) уже вышло изъ продажи. Это фактъ очень рѣдкій въ лѣтописяхъ сербской литературы, тѣмъ болѣе, что отпечатанное кириллицей сочиненіе вообще мало доступно для западнаго отдѣла сербо-хорватскаго народа.

Приступая, по порученію Академіи Наукъ, къ разсмотрѣнію сочиненія г. Попова, считаю нужнымъ прежде всего замѣтить, что, по старой пословицѣ: plus valet quod agitur quam quod simulate concipitur, мы будемъ относиться къ сочиненію г. Попова не какъ къ «Очерку русскаго покровительства Сербіи», по скромному его заглавію, но какъ къ исторіи сербской борьбы за независимость и за свое государственное устройство, въ первые полвѣка по возрожденіи Сербіи. Въ такихъ широкихъ рамкахъ и написано сочиненіе г. Попова, что, разумѣется, заслуживаетъ полнаго одобренія. Сочиненіе обнимаетъ два большіе тома (1178 стр. большаго 8-а). Въ первомъ изложены событія до устава 1839 г., или до отреченія Милоша Обреновича отъ княженія; а во второмъ продолженъ разсказъ до возвращенія Милоша на княжество, въ началѣ 1858 г. Все изслѣдованіе состоитъ изъ слѣдующихъ семи главъ: «Сербы до русскаго вмѣшательства»; — «До Вѣнскаго Конгресса» — «До Адріанопольскаго мира»; — «До отреченія Милоша Обреновича»; — «Борьба уставобранителей противъ княжеской власти»; — «Венгерская война»; — «Восточная война».

Въ концѣ каждаго тома находятся примѣчанія и цитаты, а въ концѣ втораго, сверхъ того, приложено нѣсколько доселѣ не изданныхъ документовъ.

Разсматривая трудъ г. Попова со стороны источниковъ, которые онъ собралъ и которыми воспользовался, намъ пріятно замѣтить, что въ этомъ отношеніи авторъ не пожалѣлъ ни труда, ни издержекъ. Мы не станемъ перечислять тѣхъ его источниковъ, ко-

торые до сихъ поръ были неизвѣстны даже въ Сербіи; не станемъ говорить объ его путешествіи въ Сербію и сношеніяхъ — живыхъ и письменныхъ, съ лицами, изъ коихъ нѣкоторыя стояли весьма близко къ описаннымъ событіямъ: изъ нихъ нѣкоторые даже доставляли г. Попову свои собственныя записки; не будемъ упоминать и о тѣхъ документахъ, которые извлечены имъ изъ австрійскихъ канцелярій! Все это перечислено въ нашемъ приложеніи подъ А. Мы съ своей стороны прибавимъ только, что уже одно это составляетъ важную заслугу автора въ отношеніи къ избранному имъ предмету. Не можемъ однако не указать на нѣкоторые пробѣлы и опущенія въ этомъ отношеніи. Авторъ не затронулъ народныхъ пѣсень о сербской борьбѣ за независимость. Этотъ пробѣлъ на своемъ диспутѣ онъ объяснялъ тѣмъ, что не рѣшался пользоваться, какъ историческимъ источникомъ, матеріаломъ, который не подвергнутъ еще серьозной критической оцѣнкѣ, даже и въ сербской литературѣ. Въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы пользоваться и многими другими источниками, какъ то: мемуарами, газетными статьями, которыя тоже по большей части не изслѣдованы еще критически. Если наши археологи находятъ возможнымъ возстановлять историческую быль по древнимъ чужеземнымъ преданіямъ и пѣснямъ, то историкъ тѣмъ легче можетъ распознать историческую основу въ народныхъ произведеніяхъ, особенно же въ пѣсняхъ сербскихъ, которыхъ характеръ, благодаря ихъ оригинальности и обилію, уже и теперь достаточно выясненъ и опредѣленъ, отчасти даже научнымъ образомъ. Притомъ же мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ пѣснями о битвѣ на Коссовомъ полѣ и не съ подвигами Марка Кралевича, а съ пѣснями о событіяхъ почти современныхъ и свѣжо еще хранящихся въ народной памяти. Уже однѣ напечатанныя въ Сборникѣ Вука Караджича пѣсни могутъ пролить много свѣта на отдѣльныя событія и общее положеніе дѣлъ во время Кара-Георгія [1]), о которомъ мы имѣемъ такъ мало письменныхъ, по крайней

---

[1]) Вотъ пѣсни, касающіяся этого времени: Начало возстанія противъ Дахіевъ, стр. 130; — Тоже, изъ Черногоріи, стр. 152; — Взятіе Ужицъ, стр. 176; — Салашская битва, стр. 178; — Кнезъ Иванъ Кнежевичъ, стр. 194; — Мишарская битва, стр. 203; — Битва Делиградская, стр. 210; — Милошъ Стойчевичъ и Мехо Оругджійчъ, стр. 226; — Бой Лозницкій, 238; — Луко Лазаревичъ и Пейзо, стр. 259; — Хвала Чупичева, стр. 287; — Чавичъ Мустайбегъ и Кара-Георгій, стр. 293; — Лазарь Мутапъ и Арапинъ, стр. 295; — Разста-

мѣрѣ печатныхъ, источниковъ. Эти пѣсни ввели бы, кромѣ того, въ исторію имена нѣсколькихъ юнаковъ той важной эпохи, достойныхъ большей памяти, чѣмъ имена позднѣйшихъ интригановъ и самолюбивыхъ великашей. Никакой протоколъ, никакой мемуаръ не можетъ столь живо и вѣрно представить турецкую гордость и недовѣріе къ успѣхамъ возстанія при его началѣ, какъ напримѣръ, нѣсколько стиховъ пѣсни, пѣтой шабацкими турчанками, когда сербы впервые осадили (въ 1804 г.) этотъ городъ (у Вука IV 149 въ примѣч.).

Подигло се неколико влаха, [1])
И понели у тиквици праха
Да освоје Шабац од Турака,
Они мисле да је Шабац шала,
Ал је Шабац Биограду глава.

Точно также самое вѣрное и живое изображеніе отношеній сербовъ къ туркамъ во время мира и въ особенности уясненіе внутреннихъ побужденій, заставлявшихъ сербовъ даже и во время мира дѣлать набѣги на турковъ, (о чемъ у г. Попова говорится на стр. 93—94 I-го т.), можно найти въ пѣснѣ «Бѣличъ Игнатије» (Вукъ, IV. 278), особенно въ разговорѣ Бѣлича со Стояномъ Чупичемъ.

Ко времени Милоша въ сборникѣ Вука относятся лишь двѣ пѣсни: «Возстаніе Кнеза Милоша на Турокъ» (IV. 341) и «Бой при Чачкѣ» (тамъ же, IV. 384); но и здѣсь также можно найти черты, бросающія свѣтъ на борьбу съ турками втораго верховнаго сербскаго вождя. Кромѣ того, отрывокъ пѣсни «Бой при Кукутницѣ» (тамъ же, IV. 291) и «Воспоминанія Кукутницкаго боя» (тамъ же, IV. 525) имѣютъ отношеніе къ дѣятельности Милоша при воеводствѣ Кара-Георгія. Отрывокъ этотъ важенъ особенно по слѣдующему приложенному къ нему примѣчанію Вука: «По всей вѣроятности это происходило въ 1809 г.; когда Кара-Георгій оставилъ Сѣницу и отправился къ Делиграду, то Сулеманъ-Паша, покоривши Дробнякъ и всю Герцеговину до Лима, чрезъ Старый Влахъ, напалъ на Сербію и сразился съ Милошемъ.» (тамъ же, IV. 292). Авторъ повидимому не знаетъ объ этой битвѣ; онъ прямо гово-

---

ванье Кара-Георгія съ Сербіею, стр. 310; — Собираніе войска въ Шумадіи, стр. 314; — Попъ Драговичъ и Марко Таушанъ, стр. 321; — Станичъ Станойло, стр. 330.

[1]) «Влахъ» — бранное названіе Сербовъ у Турокъ.

ритъ, что первое появленіе Милоша Обреновича на полѣ дѣйствій случилось во время его благополучнаго нападенія на разбойничьи четы (шайки) изъ сербскихъ бѣглецовъ (I. 87), осенью 1810 г. Если вѣрно мнѣніе Вука, современника и участника въ дѣлахъ сербскаго возстанія, то, съ помощью народной пѣсни, мы узнаемъ, что первымъ подвигомъ Милоша былъ бой съ турками у Кукутницы, а не съ сербскими гайдуками, и что это случилось въ 1809, а не осенью 1810 г. [1]).

Къ другому пробѣлу, относительно источниковъ сочиненія г. Попова, слѣдуетъ отнести опущеніе авторомъ изъ виду нѣкоторыхъ важныхъ рукописныхъ собраній въ Петербургѣ. Изъ оффиціальныхъ архивовъ очень важны бумаги архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и военно-топографическаго депо (теперь архивъ генеральнаго штаба). Въ доказательство, сколько представляютъ важнаго и новаго эти документы, рѣшаюсь приложить, подъ В., сборникъ относящихся преимущественно къ первому времени Чернаго Георгія бумагъ, извлеченныхъ мною въ короткое время моего случайнаго пребыванія въ Петербургѣ, осенью 1870 года, изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, благодаря любезной обязательности директора азіатскаго департамента П. Н. Стремоухова и начальника архива К. К. Злобина.

Документы, одновременно переписанные мною въ архивѣ военно-топографическаго депо, (доступомъ къ которому я обязанъ посредничеству товарища министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова, а удобнымъ пользованіемъ онымъ начальнику архива полковнику И. И. Ореусу), представляютъ громадный сборникъ важныхъ историческихъ матеріаловъ для эпохи Чернаго Георгія [2]).

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что, какъ видно изъ письма Милоша отъ 27 августа 1809 года къ Протопопу Ненадовичу, онъ уже въ то время былъ вліятельнымъ лицомъ въ войскѣ (Мемоары протоп. М. Ненадовича стр. 309). А если вѣрить автору книги: «Жизнь и подвиги Милоша Обреновича», то Милошъ былъ тяжело раненъ еще въ 1807 году, при взятіи Ужицъ.

[2]) Мною переписаны слѣдующіе документы: а) болѣе 300 писемъ русскихъ агентовъ въ Сербіи: Родофиникина и Недобы къ военнымъ русскимъ начальникамъ въ придунайскомъ краѣ. Они представляютъ какъ бы подробный и мотивированный журналъ событій въ Сербіи, отъ сентября 1807 по апрѣль 1812 года, со всѣми ихъ внутренними и заграничными отношеніями; б) около 200 документовъ, писанныхъ на разныхъ языкахъ и объясняющихъ отношенія Сербіи и русскихъ агентовъ съ Пашами, Консулами и другими иностранными агентами, пограничными Австрійскими властями и т. д. въ названную эпоху; в) болѣе 200 отношеній, писемъ, документовъ на Сербскомъ языкѣ Сербскаго Сената, Верховнаго вождя, воеводъ, Магистратовъ и т. д.

Мы еще хотимъ обратить вниманіе на собраніе рукописныхъ документовъ извѣстнаго военнаго писателя генерала И. П. Липранди. Онъ былъ не только въ личныхъ сношеніяхъ съ главными правительственными лицами Сербіи, но и по своему положенію могъ знать и дѣйствительно отмѣчалъ множество фактовъ, бывшихъ доступными лишь немногимъ лицамъ изъ приближенныхъ къ театру дѣйствій. Онъ былъ въ краяхъ придунайскихъ отъ 1821 до 1831 г., въ качествѣ полковника, а потомъ генерала и и шефа тайной русской заграничной полиціи. Въ войнѣ 1829 г. онъ предводительствовалъ отрядомъ (1200 ч.) волонтеровъ противъ турокъ, въ которомъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, самые многочисленные и храбрые солдаты были Сербы. Но особенная цѣнность его свидѣтельствъ и данныхъ состоитъ въ томъ, что онъ съ величайшею любовью и неутомимостью занимался всѣмъ, что относится къ положенію турецкихъ христіанъ. Онъ не только велъ частныя записки о совершавшихся событіяхъ, но также оставлялъ у себя копіи съ важнѣйшихъ правительственныхъ бумагъ, проходившихъ чрезъ его руки, а нѣкоторыя изъ нихъ, не имѣвшія строго офиціальнаго характера, оставлялъ у себя въ оригиналахъ. Не щадилъ онъ и денегъ на увеличеніе своей коллекціи рукописей. Я счелъ полезнымъ приложить здѣсь (sub. C) извлеченіе изъ каталога этого рукописнаго собранія. Коллекція генерала Липранди не только имѣетъ значеніе для исторіи, современной его пребыванію въ придунайскихъ странахъ, но и содержитъ въ себѣ, судя по каталогу, важные документы и собственныя сочиненія объ эпохѣ Кара-Георгія. Такъ напр. въ 1821 г. ему поручено было, генералъ-адъютантомъ Киселевымъ, составить исторію войны Россіи съ Портою 1806—1812 г., на основаніи дипломатическихъ документовъ, Высочайшихъ и министерскихъ приказовъ главнокомандующимъ, отношеній разныхъ европейскихъ правительствъ, и т. д., что̀ по большей части имѣетъ отношеніе и къ Сербіи. Въ его распоряженіе предоставлены были всѣ военные и тайные архивы, со временъ Петра Великаго находившіеся въ Тульчинѣ. У г. Липранди сохраняется копія съ этого сочиненія (см. приложеніе C, отд. I, № 13 и 15). Особенную важность должны имѣть также секретныя письма, которыя онъ получалъ, какъ начальникъ заграничной полиціи, отъ своихъ агентовъ, между которыми находились даже и австрійскіе чиновники (см. тамъ же, отд. IV. № 7). Письма эти сохраняются въ его коллекціи. Въ его собраніи находятся даже матеріалы для эпохи по его отъѣздѣ съ театра дѣйствій. Напр.

письма изъ Видина въ Россію изгнаныхъ великашей (1840 г.) находятся у него въ оригиналахъ. Сколько историкъ могъ бы извлечь любопытныхъ данныхъ изъ этого собранія, достаточно указать на обширныя свѣдѣнія о дѣйствіи сербско-болгарскихъ волонтеровъ въ 1829 г., о чемъ г. Поповъ ничего не говоритъ. Изъ этого также видно, что не смотря ни на слова манифеста 14-го апрѣля [1]), ни на запрещеніе самого Милоша на скупштинѣ 14-го мая 1828 г. (Поповъ, I. 217—19), народная ненависть сербовъ къ туркамъ взяла свое и сербскіе охотники продолжали собираться подъ русскія знамена, такъ что, по словамъ г. Липранди, половина его отряда состояла изъ сербовъ, между которыми былъ и братъ извѣстнаго гайдука Велька.

Что касается печатныхъ сочиненій, то можно сказать, что авторъ воспользовался ими вполнѣ, хотя кромѣ того могъ бы найти кое-что объясняющее или дополняющее еще въ двухъ-трехъ слѣдующихъ монографіяхъ:

Лукіановичъ. Исторія войны 1828—1829 г. IV тома. Спб. 1843—44 (очень мало о сербахъ).

Германъ. М. Ѳ. Жизнь и подвиги Милоша Обреновича, верховнаго вождя и предводителя народа сербскаго. Спб. Гречъ 1825. (Хотя въ предисловіи говорится, что авторъ пользовался рукописью Вука Караджича, однако книгѣ придаетъ достоинство то обстоятельство, что авторъ самъ, прибавившій многое отъ себя, былъ секретаремъ князя Милоша).

Броневскій. Записки морскаго офицера въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина отъ 1805 по 1810 года. Спб. 1818—19. II тома.

Cattalinich, Giovanni. Memorie degli avenimenti successi in Dalmazia dopo la caduta della republica veneta. Spalato. 1841.

Посмотримъ теперь, какъ воспользовался авторъ матеріаломъ, находившимся въ его распоряженіи. Чтобы убѣдиться въ достовѣрности отдѣльныхъ, особенно же главныхъ, фактовъ, излагаемыхъ въ имѣющихся источникахъ, историкъ, конечно, долженъ прежде всего выслушать всѣхъ свидѣтелей и для того, чтобы извлечь истину изъ разнородныхъ показаній, необходимо оцѣнить

---

[1]) «Россія не желаетъ привлекать къ участію въ войнѣ христіанъ, и хотя охотники изъ турецкихъ подданныхъ являлись въ русскія войска отовсюду, однакожъ русскій кабинетъ самъ сообщилъ Милошу, чтобъ сербы оставались покойными во время войны.» (Поповъ. I. 216).

личность свидѣтелей и ихъ показанія, — необходимо при этомъ выдѣлить объективное отъ примѣсей субъективныхъ, надо разсмотрѣть отношенія лица къ факту, чтобы рѣшить *могъ*-ли свидѣтель *знать* истину, а затѣмъ — *могъ*-ли и *хотѣлъ*-ли ее разсказывать. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ сочиненія г. Попова видно, что авторъ не пренебрегаетъ указаннымъ исторіографскимъ требованіемъ и хотѣлъ его выполнить: такъ на стр. 492, I т. онъ излагаетъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ источникахъ и писателяхъ. Но при этомъ иногда авторъ безразборчиво относится къ источникамъ какъ первой, такъ и второй и третьей руки, ставя на одну доску какихъ нибудь Таля, Рихтера, Поссарта, Сора, Быстроновскаго съ Кюниберомъ или Вукомъ Караджичемъ, которые были большею частію очевидцами и стояли весьма близко къ описываемымъ событіямъ. Дѣло значительно бы выиграло, если бы, оставивъ въ сторонѣ Талей и Рихтеровъ, авторъ побольше пользовался и критически оцѣнилъ показанія такихъ свидѣтелей, какъ Живановичъ, Арсеньевичъ, Хаджичъ и т. д. Критика особенно нужна въ отношеніи къ историческимъ писателямъ небольшой новоустроивающейся земли, всегда почти принадлежащимъ къ той или другой партіи; тутъ никогда не будетъ излишнимъ нѣкоторый скептицизмъ, особенно если вспомнимъ, что недавно писалъ Даничичъ о главномъ изъ нихъ, именно о Хаджичѣ, который, конечно имѣлъ и свои заслуги.

Чтобы живѣе изобразить данное положеніе, точнѣе представить борьбу партій и характеръ важнѣйшихъ лицъ, авторъ часто приводитъ мѣста изъ журнальной полемики, описаній торжественныхъ празднествъ и рѣчей. Мы не можемъ упрекать за это автора; но въ отношеніи къ такому матеріалу нужна особаго рода критика, особенно если дѣло идетъ о матеріалахъ, характеризующихъ духовныя способности такихъ историческихъ личностей, какъ Милошъ. Сюда относятся напр. торжественныя рѣчи князя Милоша, заимствованныя авторомъ большею частью изъ сочиненія: «Прилози за србску историју» Ненадовича. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Ненадовичъ записалъ эти рѣчи со всевозможною тщательностью; но спрашивается, можно ли смотрѣть на эти рѣчи, какъ на плодъ ораторскаго таланта Милоша, или тутъ примѣшивается оффиціальная канцелярская реторика какихъ нибудь писарей? Я никакъ не могу рѣшиться считать произведеніями того же автора рѣчи, напр. Милоша, сказанныя на скупщинахъ 21 ноября 1824 года (I. 191—194), 14-го ноября 1827 г. (I. 211—212) и нѣсколько позже (I. 217—219). Могъ ли этотъ даровитый, но безграмотный человѣкъ

сказать рѣчь, которая была бы подстать какому нибудь рутинному бюрократу-дипломату западной Европы, какою представляется намъ особенно первая изъ означенныхъ рѣчей? Этотъ вопросъ еще не рѣшается тѣмъ, что авторъ однажды замѣчаетъ, что Давидовичъ обыкновенно занимался составленіемъ торжественныхъ рѣчей (I. 319). Заключая свои замѣчанія о способѣ, какимъ пользовался авторъ своимъ матеріаломъ, я долженъ прибавить еще одну не очень важную замѣтку. Я напр. понять не могу, что заставляло автора большую часть историческихъ документовъ отпечатать въ приложеніяхъ въ русскомъ переводѣ, и лишь нѣкоторые въ сербскомъ оригиналѣ? Я думаю, что было бы послѣдовательнѣе печатать, по общепринятому обычаю, источники на языкѣ оригиналовъ.

Теперь я долженъ бросить взглядъ на способъ изложенія авторомъ историческихъ фактовъ, относительно ихъ логическаго расположенія и эстетической стороны разсказа. Но предварительно позволю себѣ одно замѣчаніе относительно объема этого разсказа, въ отношеніи къ пространству и времени. Предметомъ своего изслѣдованія авторъ избралъ первыя 50 лѣтъ новой исторіи данной сербской земли: онъ въ правѣ поэтому не обращать ни малѣйшаго вниманія на то, что происходило внѣ этихъ границъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи. Но сознавая, что историческіе факты не возникаютъ отрывочно, безъ вліянія странъ сосѣднихъ и безъ связи съ временами прошедшими, онъ иногда переходитъ за положенныя грани: такъ онъ долго говоритъ объ Австріи при изложеніи событій 1848 г. [1]), а въ началѣ своего труда бросаетъ взглядъ на прежнія отношенія Россіи и Австріи къ придунайскимъ сербамъ (I. I—II). Свой разсказъ онъ заключаетъ даже не парижскимъ миромъ, т. е. концемъ русскаго покровительства въ Сербіи, а возвращеніемъ Милоша на княженіе въ 1859 г. Это, разумѣется, заслуживаетъ полнаго одобренія — но за то и мы въ правѣ замѣтить, что еслибы авторъ, по примѣру Ранке, представилъ бѣглый очеркъ сербской исторіи, если не отъ прибытія сербовъ въ южныя страны, то хотя отъ основанія царства Нѣманьи или по крайней мѣрѣ отъ паденія царства сербскаго на Косовѣ полѣ (въ 1389 г.),—тогда бы при этомъ объяснилось много явленій и читатель яснѣе понималъ бы, напр. рѣчи Милоша о сербскихъ несо-

---

[1]) Считаю умѣстнымъ сообщить въ приложеніи подъ D весьма важный документъ касающійся событій 1848 г. въ Австріи — Венгріи и еще доселѣ не обнародованный. Документъ этотъ сообщенъ мнѣ В. И. Ламанскимъ.

гласіяхъ во времена сербскаго царства и о его паденіи (I, 192), обнаружились бы причины и ходъ уравненія сословій во времена турецкой власти. Читатель убѣдился бы тогда, что Симичи съ друзьями, хотя были хитрыми интриганами, не имѣли однако никакого государственнаго смысла, если считали возможнымъ ввести въ Сербіи боярство въ родѣ валашскаго и молдавскаго. Точно также намъ кажется, что неизлишне было бы автору обратить вниманіе и на другія югославянскія земли въ изображаемую эпоху, особенно, если онѣ находились въ сношеніяхъ съ Россіею. Такъ напр., не мѣшало бы подробнѣе разсказать объ экспедиціи Сенявина въ прибрежья Далмаціи (1804—6 г.), объ участіи поличанъ (въ Сплѣтскомъ Округѣ) и черногорцевъ въ войнѣ русскихъ съ французами (въ Бокѣ Которской и Дубровникѣ). Я полагаю также, что было бы очень полезно обратить больше вниманія на современныя внутреннія отношенія Молдавіи и Валахіи.

Что касается расположенія матеріала, то авторъ, какъ мы видѣли изъ указаннаго выше порядка главъ, слѣдуетъ хронологическому методу, противъ котораго, конечно, ничего нельзя возразить. Я думаю только, что полезно было бы къ распредѣленію хронологическому присоединить и реальное. При краткости времени и огромной массѣ событій, лишь тогда яснѣе могло бы выступить развитіе внутренней жизни сербскаго княжества, о необходимости чего самъ авторъ говоритъ на стр. VIII предисловія. Недостатокъ реальнаго раздѣленія авторъ старался вознаградить, по возможности, обдуманнымъ размѣщеніемъ отдѣльныхъ фактовъ и событій. Но въ ихъ массѣ онъ подчасъ, естественно, теряется, забывая не разъ ставить въ связь факты, находящіеся въ непосредственномъ личномъ или реальномъ отношеніи. Такъ напр. на стр. 80, I т., разсказывая о бѣгствѣ изъ Бѣлграда вмѣстѣ съ Родофиникинымъ и митрополитомъ Леонтіемъ, секретаря русскаго генеральнаго консульства Недобы, авторъ говоритъ, что переправившись на Австрійскій берегъ, чрезъ Банатъ и Семиградію, они перебрались въ Бухарестъ. Не встрѣчая въ текстѣ никакого намека о дальнѣйшей судьбѣ Недобы и вспоминая его слова при отъѣздѣ: «Не пройдетъ двухъ дней и турки войдутъ въ Бѣлградъ», читатель думаетъ, что Недоба никогда болѣе и не видѣлъ уже Сербіи: каково же его удивленіе, когда по истеченіи трехъ лѣтъ (въ сент. 1812 г.) онъ опять находитъ Недобу, какъ deus ex machina, подающимъ личные совѣты Кара-Георгію (I. 108)! Дѣло не можетъ поправить и то, что между массой цитатъ и примѣчаній въ концѣ книги, въ одномъ

изъ нихъ лаконически говорится, что Недоба возвратился съ нейшлотскимъ полкомъ.

Съ другой стороны многое изъ помѣщеннаго въ текстѣ могло бы очень удобно перейти въ примѣчанія. Это можно сказать о разныхъ торжественныхъ рѣчахъ, изъ которыхъ въ текстъ можно бы внести лишь краткія извлеченія, а не вставлять въ него цѣликомъ: такъ стр. 229—233, II-го т. заняты рѣчами на скупщинѣ 1840 г. Вучича и Петроневича, которыя едва ли можно назвать образцомъ хорошаго слога и ораторскаго искусства. Точно также и разныя журнальныя статьи (напр. II. 105—106) были бы гораздо умѣстнѣе въ примѣчаніяхъ, а нѣкоторыя мелочи, въ родѣ описанія мундировъ, цвѣта воротниковъ, и т. д. (I. 332), могли бы быть и вовсе опущены, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ, безъ опасенія, что отъ этого пострадаетъ полнота сочиненія. Напротивъ того есть вещи, которыя заслуживали гораздо большаго вниманія и разработки, чѣмъ сколько имъ посвящаетъ г. Поповъ. Такъ напр. аграрныя отношенія, особенно въ странѣ, гдѣ земледѣліе съ побочными промыслами составляетъ единственный источникъ пропитанія цѣлаго населенія, — заслуживали больше мѣста въ подобномъ сочиненіи, не смотря на то, что это предметъ «внутренней исторіи», которую авторъ отчасти исключаетъ изъ своей программы. Самъ авторъ разсказываетъ (I. 272—3) какъ на скупщинѣ 1834 г., послѣ словъ въ рѣчи Милоша: «... спахіи не будутъ пользоваться плодами трудовъ вашихъ; барщина и помѣщичье право навсегда уничтожены въ Сербіи и никогда не будутъ возстановлены ни подъ какой формой,» — кметы и представители народа всѣ воскликнули отъ радости и веселья, между тѣмъ какъ ко всѣмъ прочимъ проектамъ важнѣйшихъ административныхъ реформъ они относились съ полнымъ равнодушіемъ. Здѣсь надо бы пояснить, въ чемъ состояли права спахіевъ, какія изъ нихъ были особенно тягостны для народа, какъ распредѣлялись земли въ Сербіи, какъ пользовались общественными лѣсами, пастбищами и т. д. Не менѣе важно и интересно было бы изложеніе начала раздѣленія народа на отдѣльные слои (земледѣльцевъ, солдатъ, горожанъ, чиновниковъ и т. д.), совершавшагося рядомъ съ постепеннымъ устроеніемъ формъ административныхъ. Народъ, такъ энергически и радикально разрушившій старыя основы политическихъ и экономическихъ отношеній, вступаетъ въ совершенно новую жизнь, и эта новая жизнь, оторванная почти отъ всѣхъ преданій, должна сильно отразиться и на всѣхъ отношеніяхъ общественныхъ и моральныхъ.

Процесъ разложенія старыхъ формъ общественной и частной жизни народа и постоянное созиданіе новыхъ, еще не окрѣпшихъ, представляетъ такое богатство и разнообразіе явленій, полонъ такого интереса, что читатель никакъ не можетъ быть удовлетворенъ нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями автора, наприм. о началѣ употребленія въ нѣкоторыхъ классахъ «вы» вмѣсто прежняго «ты» (I. 252) и т. п. Изъ этого уже можно видѣть, какъ важно присоединять къ хронологическому и реальное распредѣленіе матеріала.

Что касается внѣшняго изложенія и слога сочиненія, то въ этомъ отношеніи оно достойно всякой похвалы. Изобиліе фактовъ авторъ умѣлъ соединить съ легкимъ и увлекательнымъ способомъ изложенія, такъ что чтеніе ничуть не утомляетъ, отъ чего однако не пострадала серьозность изложенія и краткость разсказа.

Намъ остается еще посмотрѣть на общій взглядъ автора на излагаемыя событія въ ихъ причинной послѣдовательности и связи. Говоря вообще, сочиненіе удовлетворительно и съ этой стороны, особенно если имѣть въ виду огромную массу матеріала. При оцѣнкѣ отдѣльныхъ періодовъ и результатовъ дѣятельности общества и частныхъ лицъ, авторъ понимаетъ всѣ отношенія, умѣетъ открыть ихъ мельчайшіе и сокровеннѣйшіе элементы, указать имъ подобающее мѣсто въ связи съ основными отношеніями и опредѣлить, на сколько они содѣйствовали выполненію предположенныхъ задачъ. Не менѣе искусенъ г. Поповъ и въ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ, при чемъ онъ старательно собираетъ и открываетъ черты для психологическаго ихъ анализа. Тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ встрѣчаетъ иногда читатель нѣкоторую уклончивость автора въ произнесеніи своего суда тамъ, гдѣ онъ прежде всего въ правѣ ожидать этого. Вотъ одинъ образчикъ. Въ исторіи сербскаго возстанія однимъ изъ важнѣйшихъ событій должно признать бѣгство Кара-Георгія изъ Сербіи, ибо съ тѣмъ вмѣстѣ пала самостоятельность сербовъ, завоеванная народомъ съ его первымъ вождемъ; наступило новое страшное порабощеніе ихъ турками и появились зародыши новаго возстанія подъ Милошемъ. Хотя авторъ и не хотѣлъ окончить на этомъ роковомъ поворотѣ свою II главу, а продолжилъ ее до вѣнскаго конгресса; однако на этомъ мѣстѣ ему слѣдовало бы оглянуться и произнести свое мнѣніе о главныхъ причинахъ этого паденія. Не излишнимъ считаю привести, въ приложеніи подъ Е, выдержку изъ рукописныхъ записокъ генерала Липранди о побѣгѣ Чернаго Георгія, съ его мнѣ-

ніемъ о главныхъ причинахъ этого событія, предоставляя другимъ судить о достовѣрности фактовъ и выводовъ, съ какими встрѣтится здѣсь читатель.

Точно также и послѣ паденія или отреченія Милоша отъ власти (1839) было бы умѣстнымъ оцѣнить свѣтлыя и темныя стороны его правленія. Бѣглыя замѣтки автора о разныхъ сторонахъ его характера, равно какъ и сравненіе его съ Кара-Георгіемъ, не могутъ наполнить этого пробѣла. Подобная оцѣнка, можетъ быть объяснила бы нѣкоторые факты, оставшіеся загадочными; напримѣръ: почему людямъ въ родѣ Вучича, Петроневича, Симичей и т. п., которыхъ авторъ по справедливости выставляетъ чистыми эгоистами, удалось образовать въ народѣ столь сильную партію, что имъ даже удалось чрезъ скупщину изгнать Милоша и Михаила и избрать другаго князя?... Наконецъ, и при сравненіи Милоша съ Кара-Георгіемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду разновременности ихъ дѣйствій: Милошъ имѣлъ предъ собою дѣятельность Кара-Георгія, могъ ее разбирать, слѣдовать его указаніямъ и видѣть его ошибки и промахи, тогда какъ первый верховный вождь сербскій Кара-Георгій не имѣлъ никакого предъ собою примѣра. И вообще, авторъ, сравнительно съ цѣлымъ объемомъ своего сочиненія могъ бы, намъ кажется, гораздо подробнѣе и обширнѣе изложить важныя событія эпохи Кара-Георгія, а между тѣмъ объ этомъ предметѣ говорится только въ одной главѣ, тогда какъ новому времени посвящены всѣ послѣдующія части этого обширнаго сочиненія.

Мы не можемъ упрекать автора въ томъ, что онъ не разсмотрѣлъ изданныхъ въ теченіе этого времени законовъ: критическое ихъ разсмотрѣніе, по причинѣ массы накопившагося матеріала (до конца 1868 г. собрано и издано до 20 томовъ), можетъ составить предметъ особаго обширнаго труда. Но всетаки о первыхъ появившихся въ Сербіи гражданскихъ законахъ слѣдовало сказать нѣсколько обширнѣе, чѣмъ это сдѣлано авторомъ (I. 296 — 97). Эти законы ввели много коренныхъ преобразованій, которыя не соотвѣтствовали народной жизни, пошатнули нѣсколько еще твердо державшихся учрежденій и вызвали сильные безпорядки въ судахъ.

Независимость и безпристрастіе въ сужденіяхъ нашего автора всего лучше видны въ изложеніи и оцѣнкѣ дѣятельности русской дипломатіи. Съ полною откровенностью говоритъ онъ объ ея ошибкахъ относительно Сербіи въ эпоху ея покровительства, а также указываетъ и главныя причины этихъ ошибокъ (особенно въ пре-

дословіи и I. 363—65). Съ своей стороны, не лишнимъ считаю прибавить, что эти ошибки происходили не только отъ обобщенія принципа восточнаго вопроса, но и отъ незнакомства съ внутренними отношеніями и стремленіями *отдѣльнихъ* племенъ, находящихся подъ турецкою властью, а также и отъ нѣкотораго колебанія между началами вѣнскаго конгресса и требованіями историческаго призванія Россіи относительно восточныхъ славянъ.

Въ заключеніе нашего обзора укажемъ на нѣкоторыя мелкія неточности и неясности въ изложеніи. На 5 стр. I тома говорится, что французскій король Людовикъ XIV первый подалъ примѣръ союза между христіанскимъ государемъ и турецкимъ султаномъ»; не говоря уже объ италіянскихъ республикахъ Генуѣ и Венеціи, мы можемъ назвать короля французскаго Франциска I, который далеко раньше заключилъ формальный союзъ съ Солиманомъ противъ Карла V (Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa. Gotha 1854. Theil II. 711—721. 756—761). Далѣе, мы не знаемъ, какъ авторъ могъ обронить замѣчаніе, что сербы по преимуществу «свинопасы», а не земледѣльцы (I. 8). Правда, что главную статью вывоза сербскаго княжества составляютъ свиньи и что сербы княжества не могутъ сравняться въ земледѣліи съ болгарами; тѣмъ не менѣе ихъ нельзя назвать исключительно «свинопасами»; еще менѣе справедливо распространять это названіе на все сербское племя: всякому извѣстно, что южные сербы и хорваты въ земледѣліи нисколько не уступаютъ болгарамъ, а далматинскіе приморцы — лучшіе моряки на Средиземномъ и адріатическомъ моряхъ. Наконецъ не ясно, что разумѣетъ авторъ (II. 264) подъ славянами «западнаго происхожденія»?

Ошибочное обозначеніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ названій: Шпуцъ вмѣсто Спужъ (II. 331), Землинъ вмѣсто Земунъ (II. 357), Здрѣло вмѣсто Ждрѣло (II. 372), — можно бы и не замѣтить иностранцу, или славянину не-сербу, но не такому знатоку славянства, особенно южнаго, какъ г. Попову.

По обязанности рецензента мы, конечно, обратили преимущественное вниманіе на слабыя стороны сочиненія г. Попова, въ той мысли, что авторъ при послѣдующихъ изданіяхъ его, быть можетъ, обратитъ вниманіе на наши замѣчанія. Но указанные нами недостатки и пробѣлы совершенно блѣднѣютъ при сравненіи съ объемомъ и важными достоинствами этого превосходнаго труда, о которыхъ можно составить настоящее понятіе, только ближе познакомившись съ самымъ сочиненіемъ. Оно составляетъ, повторяю,

капитальный историческій трудъ, съ появленіемъ котораго смѣло можно сказать, исторія русской дипломатіи по восточному вопросу получила весьма цѣнный вкладъ, а молодое государство родственнаго русскому народа, пріобрѣло первую обширную и научно-обработанную исторію, въ которой находятъ для себя много поучительнаго, не только всѣ образованные сербы, но и опытные сербскіе государственные люди, съ одинаковымъ одушевленіемъ принявшіе сочиненіе г. Попова (приложеніе А).

Соображая всѣ достоинства труда г. Нила Попова съ требованіями устава объ Уваровскихъ наградахъ, смѣю выразить свое глубокое убѣжденіе, что по всей справедливости онъ заслуживаетъ полной Уваровской награды.

Приложеніе А.

Письмо г. Іованна Гавриловића члена регентства въ Бѣлградѣ, къ г. графу Меду Пуцићу главному наставнику сербскаго князя, тамъ же.

Господине!

Показали сте ми писмо Г. Богишића, у Одеси писано, у коме вам поменути господин, између осталога, јавља, како је позван, да оцени скоро изишавше књижевно дело г. Нила Попова: Россія и Сербія, па да му ви дате какве граће, коју би употребити могао при оцени горенаведеног дела [1]).

Па како ми рекосте, да ви граће за оцену дела Поповљева нећете моћи дати, што нисте потанко упознати: како су текли догађаји у новије време у Србији, то сам вам ја реч дао, да ћу вам нешто написати, што би могло Г-ну Богишићу послужити као граћа при оцени у речи стојеће књиге.

Служећи Србију од 1831 амо, најпре као секретар Агенције српске у Цариграду, па послѣ у Букурешту при Агенцији српској, преко којих, Агенција, свршавали су се многи дипломатични послови; па после служивши у Србији при разним надлежатељствама, ја сам прилику имао видети много којешта, што се овде радило. Па и иначе, ја сам брижљиво пратио ток овдашњих догађаја, и нешто побележно, што би се могло употребити као граћа за новију историју Србије.

---

[1]) Рецензентъ обратился къ г. гр. Пуцићу съ просьбою увѣдомить его о нѣкоторыхъ рукописныхъ документахъ, касающихся новой сербской исторіи и находящихся по его мнѣнію въ Бѣлградѣ.

Кад је дело г. Нила Попова почело овде излазити у српском преводу, ја сам, прочитавши најпре оригинал у Москви штампан, пажљиво читао српски тај превод и ставио на њега многе примедбе [1]), које могу као поправка и допуна, кад се новија историја Србије издавала буде, служити.

Дело «Россія и Сербія» г. Нила Попова, нас је овде веома изненадило и обрадовало. Ми, који смо овде очевидци многих догађаја били, видили смо, да је ту готово све испричано, што се овде догодило; при том је причање то подкрепљено поузданим изворима, као што су наведени у I Тому од броја 1—203; и у II Тому од броја 1—117 и прилозима у II Тому од броја 1—33.

Што се тиче употребљених извора штампаних српских и странских; ја држим да врло мало има, који су изостављени; па међу овима има таких, који су нама Србима непознати били: а за нашу су историју од највеће важности.

Овде ћу само навести као један од најважнијих извора: Предлог Митрополита Стратимировића, да се обнови држава српска. О овом важном предлогу говори писац, Нил Попов, у предговору I Тома стр. VII и VIII и у току причања Тома I, стр. 28—31; у «примѣчаніяма» наводи се тај предлог под бр. 31, I Тома.

Оваковом предлогу Стратимировићевом нико се надао није, који је овог митрополита познавао. Прелата су овог држали, као највећег привржeника Куће Хабсбургске; па тај привржeник, кога су принцеви Хабсбургски веома штовали и поклоне му слали, да предлаже, како би се имала подићи држава српска, на које престо, да дође велики кнез руски, па, ако овај не усхте, а ово да дође на исти престо други принц немац и протестант; а о коме Хабсбургцу ни спомена, то је заиста: mirabile dictu. Важан је тако исто и извор под бројем 62, Тома I: Записка Родофиникина о Сербій и замѣчаніе на нее князя Прозоровскаго.

Из овог извора дознајемо, какве су намере биле Русије с' Влашком и Молдавијом, како Србија да се установи и у којим границама. Ово је била некада велика тајна, која је сада обелодањена.

Осим штампаних — српскихъ и странских извора, г. Нил Попов употребио е и друге поуздане изворе од велике вредности; у ове спадају: Рукописныя замѣчанія Живановича: Т. I, бр. 157; Т. II, бр. 2. Изъ рукописныхъ источниковъ сообщенныхъ Іоанномъ Хаджичемъ Т. II, бр. 13 изъ рукописныхъ источниковъ сообщенныхъ Лазаремъ Арсеніевичемъ; тако се даље наводе у бројевима 23, 26, 28, 40, 41, 44, 47, 76, 108 и 114. Тома II рукописи. Хаџић — Арсенијевић — Живановић, били су људи, којима су догађаји овдашњи били врло добро познати.

А да је г. Попов прибавио и устмена саопштења за свој рад, показују бројеви 23—41—53 Тома II, као и приватне кореспонденције: Стефана Стефановића, бившег председника Савета — Министра правде и просвете и Іанићија Ђурића, бившег негда Секретара Карађорђевог, показују бројеви: 48, 55 и 56 Тома II.

---

[1]) Частнымъ образомъ я узналъ что кромѣ Гавриловича, и другіе государственные дѣятели Сербія послѣдняго времени, намѣреваются сдѣлать дополненія къ труду г. Попова

Исто је тако примио г. Нил Попов изворе за своју књигу о којој се реч води и из архива овдешњих. Истина, да ми немамо још уређену земаљску архиву; ал се у министарству финансије, при судовима и министарствама држе акта у реду и могу се за научне ствари употребљавати; па је и г. Попов могао лако употребу од наших архива чинити. Рачун од издатака у 63097 # види бр. 63 Тома II могао је г. Попов само у архиви финансије наћи. Тако је исто у архиви финансије могао наћи приход и расход Србије, види Том II, стр. 537—548. Г. Попов бавио се у Београду 1864 год. 6 месеци, и тако могао се користовати нашим архивама. Ту му, мислим, нико сметње чинио није.

Она «Приложенія» у II Тому од 1—33, која нису означена, да су из каквог штампаног дела извађена, сва је г. Попов добио од поузданих пријатеља и налаца тих артија; писма ђоке Протића, писана руском консулу противу избора књаза Милоша 1848 године, и Стојану Симићу, могла су бити добивена само поверљивим начином.

Има писама и из самих аустријских канцеларија: као што је писмо о бегству Вучићеву Том II стр. 548—549.

Књига дакле г. Нила Попова радосно се поздравља код нас. Превод је српски штампан у 3000 екземплара и већ су две прве свеске — I Том руског оригинала, — разграбљене готово све. А то је редкость да се српска књига, кирилицом писана, тако брзо и у таквој количини распрода.

С'овим мојим писмом, изволите употребу чинити, како ви за добро нађете; а кад г. Богишићу узпишете, молим, да му изјавите од моје стране пријатељски поздрав.

31 Марта 1870 год.
у Београду.

Јован Гавриловић.

Приложеніе В.

Выписки изъ архивныхъ актовъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ касающихся новѣйшей сербской исторіи [1]).

I.

Письма Оберкнеза Константина Рашковића и прочихъ кнезовъ «рассійскихъ» къ Императрицѣ Екатеринѣ II и князю Потемкину писанныя въ 1784 и 1785 годахъ въ Новой Вароши, въ которыхъ просятъ о защитѣ отъ турецкой жестокости и о пр.

1. Письмо къ Императрицѣ.

Всепресвѣтлейшая Великая Госѹдариня намъ же милостивѣйшая матеръ и покровителница рода Христіанскаго!

Мы общесогласно свидѣтельствѹемо, кнези рассійскій и моравскій и весъ народъ християнски находящися у нашихъ странахъ, и всепокорнѣйше предлагаемо Вашемѹ царскомуѹ Величествѹ, чрезъ нашего господина обръ кнеза Симеона Рашковича и господина кнеза Димитрия Иорговича (?), како ми ниже потписати и общимъ печатію потвержденій съ истиннимъ увѣреніемъ, чтобы они обявили из ѹстъ пред Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, наша нѹждная житія све по правди како естъ: что ми вазда у нѹжди пребивали а сада у крайномѹ разоренію послѣ прошлаго славнаго рата, кои е био богоданомъ срећіномъ и орѹжиемъ Вашего царскаго Величества на кое ми вазда имамо надеждѹ освобожденію нашемъ. О коемъ Тѹрци у мирѹ остадошесе а на насъ нападоша како гладни волци на овце, араче и данке умножише и порабощенія великаіа на

---

[1]) Въ виду правилъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, я могъ пользоваться только документами по отдѣленію такъ назыв. «Réception». Нумерація документовъ удержана только та, которая дана архивомъ; остальные нумераціи опущены. Подлинники находятся въ картонахъ данныхъ годовъ, имѣющихъ большею частью надпись: «Campagne Turque». Въ нѣкоторыхъ документахъ я выпустилъ нѣсколько мѣстъ, или по неважности, или потому что они не касались нашего вопроса. Опущенныя мѣста обозначены въ текстѣ словомъ «пропускъ».

насъ наложиша и обеде неисказанне измислише на народъ, упрекающе и називающе насъ Московитима, понѣже мы Серби сходной имѣюще іазикъ и православния съ Россіянами и више всякаго дрꙋгаго народа усердни бивше своемꙋ благочестивомꙋ царю.

И по такому узрокꙋ надъ нами Сербами отъ агарянскаго рода и иго неисказано и тящайше; паче прочихъ народовъ христіанскихъ наложено, опасающеся они у слꙋчаю какова рата да имъ болѣ дрꙋгихъ народовъ можемо вредит и ипакости чинити. А найпаче главніе враги наши сꙋть босанскіе Тꙋрци како единоязичніе с нами кои нѣкогда и ѣдиновѣрніе были, но отвергшіесъ Христа Спасителя и предавшеся богохꙋлномꙋ Махомедꙋ, емꙋ же и слѣдꙋютъ во вѣчную погибелъ. Наши же церкви и олтаре раскопаша и имѣніа наша пограбиша, жени и дѣци наша отимающе, бѣди и наглости неисказане намъ творяще, ихже неможно изговорити езикомъ человѣческимъ ни же описати. И о что да сотворимо! Милостъ Божія и Ваше императорко величество насъ да избавите отъ тягоснаго мꙋченія и великаго порабощенія, и сꙋдъ ихъ немилостиви и неправедни искоренити; денъ и нощъ о семъ господа Бога молимо и изъ глꙋбинни сердца вопиюще: не остави насъ Величайшая в свѣтѣ царице и всего християнскаго рода по Бозѣ помощнице и избавительнице, и простри высокою мишцꙋ Твою на безбожни родъ агарянскій отмасти невинно проливаемꙋю кровъ стада Христова и іави намъ материнѣе свое благоутробіе.

Ми же Серби находимо подъ игомъ агарянскимъ аще и зѣло озлобляемый и утесняеми есми якоже древлѣ и исрайлскій родъ Фараономъ египетскимъ сице и мы нынѣ отоманскимъ. Но Всемылостивый умножая умножи родъ нашъ подобнѣ и израилскомꙋ и благословя насъ благослови храбростію сроднаго славенскомꙋ народꙋ, отъ котораго происхожденіе имами, но наказуя наказа насъ Вышни, греховъ ради нашихъ, отіатіемъ у насъ властелина пастыра и вожда, того ради въменимомся в порꙋганіе и вь попраніе врагомъ нашимъ. Но милосердіе Богъ воздвизая и воздвигнꙋлъ естъ надеждꙋ и упованіе наше отъ сѣвера, отъ рода и племена преславнаго и Великаго Петра, въ лицѣ и славою емꙋ подобнꙋю Ваше Императорское Величество, коей единодꙋшно ми слꙋжити готови есми и с вашимъ богоданнымъ о насъ промисломъ звѣра лꙋкаваго сꙋпостата нашего. Кое Мы и у прошедшемꙋ славномꙋ рату полꙋчили отъ Вашего Царскаго Величества указъ рекоми канифестъ, с коим смо се увѣрыли и приготовлѣни били со всимъ своимъ народомъ, и къ томꙋ еще что надобно къ войни хлѣбъ и

прочея, ожидавали ся по писменомꙋ видꙋ какъ увѣдомили наше оце, по томꙋ слꙋчаю когда доꙗѣ армія рꙋсїская у Видинъ градъ, чтоби наши тогда Тꙋрке обезпокоили, и на нїй ударыли. И у той надежди остаемся ожидаюћи одъ Бога мылости, котори да вдохнетъ въ матернѣе серце Ваше Дꙋхомъ Светим во еже би услишати стенящихъ насъ, подъ тяшкимъ игомъ богопротивнихъ сꙋпостатовъ нашихъ. Къ Тебѣ бо, по Бозѣ, рꙋки наша отъ мала и велика воздѣюще и слезно просяще вопиемъ: не остави насъ великая и единая царице и матеръ рода христианскаго и онаго надеждо и покровительнице, да не въ конецъ погубитъ насъ врагъ нашъ.

Симъ заключающе в надеждѣ остаемся.

Вашего Императорскаго Величества

всеподаннѣйшіе рабій

обрь кнезь Константинъ Рашковичъ.

кнезъ Аврамъ Сімоновичь.
кнезъ Теофило Костичъ.
кнезъ Радивой Иовановиħъ.
кнезъ Иованъ Остоиħъ.
кнезъ Милꙋтинъ Иовановиħъ.

1784 го
ферфꙋарія
въ Новѣ Вароши.

Собственноручная приписка Потемкина подъ концемъ этого письма:

«Я будучи командиромъ въ Баннатѣ краювскому (?) подлинно писалъ къ рассійскому и крайнскому оберъ князку: чтобъ они нетрогались, пока войска не придутъ къ Видину, для тово чтобъ удержать ихъ стремленія и избавить чрезъ то отъ гонѣнія.»

2. Письмо къ князю Потемкину [1]).

Пресвѣтлй Кнеже

Намъ многомилостивій Господине

и Благодѣтелю!

На выскомилостивѣйшій и всеусердніи доброжелательны и благодѣтель странно-пріемниковъ.

Благопочтенно во всемъ возбуждены благочестивой и богоподражателной къ намъ отъ горящаго Вашего сердца странно-любивій, за всегда непрестанно пламенеющей ко всѣмъ люби, достодолжно возблагодаритіи всяцемъ благодареніемъ, а найпаче Вамъ, которое по дарꙋ светаго Духа отъ отца щедротъ и всякія утѣхи и радости, с више отъ немерцающаго трѵсіятельнаго Свѣта сходящаго Духа премꙋдрости и разꙋма, Вашой свѣтлости вседостойное, по возможности внꙋтреннія Вашея (?) велелѣпности, должное почтеніе и все конечное возблагодареніе въ даръ, іако некое сокровище, принести усердстуемъ. За не и сама непостижимая премꙋдростъ божія въ таковой добродѣтели сіяющихъ лицъ, юже Ваша Свѣтлостъ въ тайныхъ сердечныхъ внꙋтренностяхъ сокровенно крѣпко содержитъ, и предъ всѣми своими неищетными силами, велелѣпно прославляіа и подая пресвѣт-

---

[1]) Многословное начало этого письма, вотъ какъ гласитъ въ офиціальномъ переводѣ:

Какъ Ваша Свѣтлость удостоиваете принимать всѣхъ иностранныхъ въ высокую свою милость и покровъ будучи къ тому побуждены благочестивою и богоподражательною завсегда въ сердцѣ вашемъ пылающею любовію къ страннымъ: то мы во первыхъ щитаемъ себя обязанными принести Вамъ искреннѣйшую нашу благодарность и тѣмъ болѣе, что добродѣтель ваша вдохновенная въ сердце ваше Духомъ Святымъ требуетъ отъ насъ такой жертвы которая бъ столько свѣту почтенія нашего къ Вамъ засвидѣтельствовала сколько благость и провидѣніе всевышняго украсили Васъ добродѣтелю и достоинствомъ. Но когда за любовъ Вашу къ страннымъ предуготована Вамъ награда отъ Христа Спасителя: то мы оной по возможности подражая признательностію и благоговѣніемъ, осмѣливаемся нижайше представить Свѣтлости Вашей нужду нашу и т. д.

лое достойнство. И аще тако торжественно благодаритъ иматъ Спаситель за милованіе странныхъ и тако къ образу данному отъ истинны, мы во въсемъ должны нашимъ благопомощникомъ приносити всякое благодареніе и почтеніе.

По томъ и обявляемъ богохранимой Вашой Свѣтлости, которое мы принуждены донести къ Вашой Свѣтлости, о нашой нужды нижайше прошеніе, кое чуемо о Вашой Свѣтлости свудъ по свиету, что имате мылостъ от великаго Еія Императорскаго Величества въсемилостивѣйшее Государинѣ великую мылостъ, и Ваша велика мылостъ естъ чувеннаіа по всейвъселенной землямъ роду сербскому. Такъ же и у нашихъ страннахъ рассійской и моравской земли, кое на (съ) оно поуздало у Руссію доћи, и преко Ваше Свѣтлости милосердія у защитнице рода человѣческаго въсемылостивѣйшей великой государыни искати: мы князы находящися въ Рассіи и Моравѣ, владѣтели надъ Сербами, кое отъ много година знатно естъ по нашимъ превелеѣіямыи, служили до сего временна турецким царина, и нѣгове данке несносне и неисказанне араче и вертіе и прочее обѣде несносне, вьсе преко нашихъ рукахъ предавали съ плачомъ и съ великомъ мукомъ.

А при овомъ учинѣномъ славному ратъ кой е био богоданномъ среѣомъ и оружиемъ Еіа Императорскаго Величества учинѣнно, что Турки устрашени были, а по замирению среѣномъ ни овомъ послѣ Турки у миру остадоше се и на насъ насѣдоша како гладни вуци на овце, араче и данке и обѣде неисказане умножише и порабощеніа великаіа поставиша на насъ, кое невозможно исказати ни описати. И отъ тога су се времена сада народи осиромашили, что тога давати неимаду, кромѣ главе свое зато полагати, и при томъ мы Серби лишенны надежды великія скорбій и жалости посецуемо тугою нашею етоже. І и то естъ над нами отъ агарянскаго рода неисказаино, что есть возвѣствуемо: церкви и олтаре раскопаша и имѣннія наша пограбиша, жены и дѣти нашіа плѣниша за тешкую обѣду. И зайсто да бы билы у прошедшему ратъ наши оци, овога озлобленнаго сердца, на Турке бый мы ударыли, и данаске мы не бы у плачу сиѣли, ког су наши имали согласіе и указъ рекоми манифестъ отъ Еіа Императорскаго Величества въсемылостивѣйшее Государинѣ, который находится и данасъ у насъ више реченны манифестъ, по коему наши оци увѣренны были и приготовленни сосвимъ своимъ народомъ и к тому еще что надобно войни хлѣбъ и прочая, но ожидалися по писменому виду какъ увѣдомили наше оце: по тому случаю когда доѣѣ

армія россиская у Видинъ градъ, что бы наши тогда Тѹрке обезъпокоили и на ній ударили; и у той надежди осталися. Кое данаске мы то не бы чекали да доѣе россійска войска више реченномѹ Видинѹ, всѣ би мы у единству билы и на тѹрке бы ударили и да се исподъ јарма тешка изьбавимо, нето бы могли на оный пѹтъ свие предобити.

И данаске да бы била среѣіа: да се ѣе гоѣъ зачне у едномѹ мѣстѹ, меѣю странамъ нашимъ у едной земли ратъ, сви би противъ Турка стали зъ душомъ и сердцемъ и со свимъ своимъ согласіемъ право и вѣрно на Турке скочили. Защо е мало у нашие страна една дѹша турска а христіанске четиры, кой могѹ поѣи завсегда слѹжити, и то по варошамъ и по градови, а по сели Тѹрка мало. С нашомъ бы главомъ и единствомъ и данаске ми би ныхъ предобили зъ божиѡмъ помоѣи, али валіа томѹ глава, кой бы могао удержати, да се на вѣки наши доми у мирѹ останѹ. Тако докле Богъ великіи нама промисли, отъ неколико стотина година несчастливѹ народѹ сербскомѹ, каквѹ добрѹ среѣю пошлѣ: да бѹдемо на слѹжби сви единодѹшно въсемылостивѣйшой великой госѹдарынній, и сретно постѹпати.

А при томъ всепокорнѣйше молимо Вашѹ Свѣтлость, мылостиво примите нашего господина обръ-кнеза Симеона Рашковича и господина кнеза Димитриія Иорговича, и преко ныхъ насъ писменимъ видомъ обънадеждити, а при семъ, како сте вазда билы нашемѹ народѹ сербскомѹ доброжелатели и наставници, и насъ не оставите у велике въсемилостивѣйшее Госѹдаринѣ у покровительство препорѹчити и мылостиво на насъ погледати.

А аще ли нѣтъ времена нашемѹ освобожденію, то всепокорнѣйше просимо съ нами уредити у напредакъ: да бы могли до времена, съ вашею отеческою мылостію Еію Царскаго Величества мылосердію, свободно проводити съ нашимъ домами и фамиліями нашими тамо у россійскомъ царствѹ, что бы имати поселеніе и пропитаніе. На овакѹ уредбѹ све наше иманіе и села и владѣніе свое, до времена оставлямо, кое собомъ узети неможемо и животомъ рызикати како амо идѹѣи тако и одонѹдъ.

Въсепокорнѣйше молимо Вашѹ Свѣтлостъ: немойте насъ отъ ове среѣе одѣлити за што нек вамъ Богъ желаніе по сердцѹ вашемѹ исполни, а ми с родомъ нашимъ за здравлѣ и за среѣю Вашей Свѣтлости навѣки Бога молити и упредъ по временнѹ честно отслѹжити бѹдемо. И при томъ мы имѣемо показати нашѹ должную слѹжбѹ, право и вѣрно до капли крови, въсемылостивѣйшемѹ Еіа Императорскомѹ Величествѹ за Еіа въсемылостивѣй-

шее покровительство над нами, и Ваше Свѣтлости мылосердія отеческаго, чѹвствително незаборавити никогда на вѣки. И у той надежди остаемосіе

Вашей Свѣтлости за всегда именоватся

всепокорнѣйше слѹге

(Печать какъ въ предъидущемъ письмѣ.)

обръ кнезъ Константинъ Рашковичъ.

кнезъ Аврамъ Симоновичь.
кнезъ Теофилъ Костичь.
кнезъ Радивой Иовановиħъ.
кнезъ Иованъ Остовиħь.
кнезъ Милѹтинъ Иовановиħь.

1784 г.
ферфѹарія
въ Новѣ Вароши.

3. Второе письмо къ Потемкину.

Свѣтлѣйшій Князь

Высокомилостивый Благодѣтель!

Щедроты и милости Вашея Свѣтлости, устрояютъ всѣхъ ищущихъ по Вашему милостивому покровительству, благосостояніе. Мы хотя отъ своего отечества поѣхали 1784-го года февраля 19 дня, но приключившаяся намъ на дорогѣ болѣзнь и неменѣе и дальнее какъ по морію такъ и по сухому пути разстояніе, толь долгое время явится Вашей Свѣтлости насъ не допустило. И хотя мы и имѣли счастіе представить Вашей Свѣтлости минувшаго марта 5-го числа запечатанное въ конвертѣ письмо коего содержаніе Вашей Свѣтлости не безъизвѣстно, но и поднесь отправленія и никакого рѣшенія получить не удостоились; а чрезъ то подвергаемся какъ мы такъ и все общество отъ Турокъ, есть ли они о семъ нашемъ предпріятіи узнаютъ, всеконечной опасности и разоренію. По чему, Вашу Свѣт-

лость всенижайше о исходатайствованіи резолюціи просимъ, и тѣмъ отъ послѣдуемаго намъ отъ турокъ разоренія избавить и отправить насъ резолюціею въ отечество.

Вашей Свѣтлости

Высокомилостиваго Благодѣтеля

всенижайшіе слуги

Апрѣля 30-го ч.
1785 года.

оберъ князъ Симеонъ Рашковичъ [1]).
князъ Димитріе Иорговичъ.

4. Третье письмо къ Потемкину.

Свѣтлѣйшій Князь

Высокомилостивый Благодѣтель!

Щедроты и милости Вашея Свѣтлосты устрояютъ всѣхъ ищущихъ Вашего милостиваго покровытельства, благосостояніе. Почемꙋ и мы имѣли щастие представыть отъ имена нашего отечества расійскаго к Вашей Свѣтлости прошлаго марта пятаго числа которая изясняютъ Ею Императорскомꙋ Величествꙋ и Вашей Свѣтлости нижайше наше прошеныіе, отъ коего мы и поднесъ отправленыя и никаковаго решенія удостойтся не могли: За которое мы ни когда неосмѣливалибись утрꙋждать Вашꙋ високꙋю особꙋ, но приводитъ насъ Ваше отеческое мылосердіе и великодушное о томъ всепокорнѣйше просимо, Вашу Свѣтлостъ: извыните насъ что мы Васъ безпокоимо, и ми томꙋ сами нерадіі, но принуждаетъ насъ крайная нꙋжда и опасностъ отъ ига агарянскаго за наше долгое прожитіе, а найпаче и мы сами ненадѣялисе долго прожитъ на дороги.

О томъ всепокорнѣйше просимо Вашꙋ Свѣтлостъ о исходатайствованіі резꙋлиціе, чтобъ могли скорiіе явитися нашемꙋ отечествꙋ, чтобъ не пришли у разореніе отъ враговъ нашихъ.

А ми обще народно за Вашꙋ Свѣтлость и за Вашꙋ високꙋю славꙋ вѣчно бꙋдемо Бога молити, по чемꙋ и нашимъ состояниемъ не

[1]) Собственноручно только подписи; остальное писалъ какой-то русскій.

имѣемо сили болше дожидатися; що имѣли денагъ истратили, а здесъ знакомаго пріiателя неимамо що би нам спомоществовао. О том мы крепко надѣемося на Вашѹ Свѣтлостъ, и на Ваше великое милосердіе, что Ви неоставите насъ срез ѹлицею у отечество.

У той надежди остаемся з глѹбочайшимъ високопочитаніiемъ и преданостію, и за щастіе поставляемъ за всегда именоватся

Вашей Свѣтлости

Въсенижайшіie слѹге

обръ князъ Симеонъ Рашковичъ
князъ Димитрие Иорговичъ.

II.

Объявленіе австрійскаго правительства о первомъ возстаніи Сербовъ Русскому Двору и отвѣтъ послѣдняго.

1804.

1. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Стадіонъ къ русскому министру иностранныхъ дѣлъ князю Чарторижскому.

№ 70.

La depêche allemande cy jointe m'ordonne de comuniquer au ministère de Sa Majesté Impériale de Russie les evénemens qui ont eu lieu dans le dernier tems en Sérvie et le système que la Cour de Vienne y à adopté en suite de son principe de ne se mêler aucunement des affaires de ses voisins et de contribuer de tout son pouvoir a donner du soutien à l'Empire turc dans les embarras dans les quelles il se trouve à l'heure qu'il est. Le ministère de Vienne ne doute point, que le Cabinet de St. Pétersbourg ne verra dans cette comunication un nouveau témoignage de la confiance de Sa Majesté Impériale Royale dans son Auguste Allié et qu'il y trouvera un accord parfait de principes avec ceux, dont on s'est expliqué entre les deux Cours Impériales.

2. Письмо графа Людвика Кобенцеля изъ Вѣны къ австрійскому посланнику въ Петербургѣ графу Стадіону.

ad № 70 copia.

Hochgeborener Reichsgraf!

Ich soll Euerer Exellenz hier anschlüssig die Abschrift eines Vortrages in Betreff der — seit geraumer Zeit in Servien obwaltenden Unruhen aus der Ursache überreichen, weil daraus die unabweichlichen Grundsätze des allerhöchsten Hofes, sich in fremde, innere Angelegenheiten nicht zu mengen, und für die Erhaltung des türkischen Reiches alles Thunliche aufrichtig beizutragen, auf eine unzweydeutige Art ersichtlich ist, und es uns wesentlich daran liegt, einen so schätzbaren Freund und Allierten, wie den Russisch Kaiserlichen Hof, davon bey jeder Gelegenheit zu überzeugen.

Nach gewonnener Einsicht dieses Vortrags, wollen sich Euere Excellenz demnach angelegen seyn lassen, das Russisch Kaiserliche Ministerium von dem ganzen Anlasse jener Vorfallenheiten sowohl, als der — zu wiederholten Mahlen an Unsern angränzenden Militär-Behörden von Seiten jener streitenden Partheyen und der Beamten der Pforte gemachten Vermittlungsgesuche, dann von den geschehenen Anwürfen des christlichen Antheils wegen Unterwürfigkeit, und dem hiebey bedachten Benehmen des allerhöchsten Hofes, wie auch von der — hierüber dem Internuntius vorgeschriebenen Sprachführung, im hergekommenen Vertrauen zu benachrichtigen; auch wird es Euerer Excellenz anheimgestellt, von dem ganzen Vortrage selbst dem dortigen Ministerium beliebige Einsicht nehmen zu lassen.

Wir nähren einsweilen die zuversichtliche Hofnung, der Russische Hof werde in dieser unverholenen Mittheilung den doppelten Beweis unsers innigsten Zutrauens, so wie unserer aufrichtigsten und mit der jenseitigen Denkungsart so ganz übereinstimmenden Gesinnungen für das Wohl des türkischen Reiches mit Wohlgefallen ersehen; so wie wir dann auch die Zusicherung hievon mit wahrem Vergnügen erhalten werden.

Wir verharren mit vollkommener Verehrung

Euerer Excellenz!

gehorsamer Diener

Ludwig Graf Cobenzl.

Wien, am 11. Julius 1804.

3. Копія съ доклада Императору Францу II о возстаніи въ Сербіи.

ad № 70. VORTRAG

ad Augustissimum. Wien, den 25. May 1804.

Bald nachdem Servien mit den dazu gehörigen Festungen von Belgrad, Semendrien und Sabatz, zu Folge des Sistover Friedens an die Pforte übergeben worden war, haben sich die vorigen türkischen Grundherrn aus dem Corps der Janitscharen, auf alte Vorrechte und Herkommen gesteift, nach und nach so viele Anmassungen theils gegen ihre christliche Unterthanen oder Raya, theils gegen das Ansehen der Pforte selbst herausgenommen, dass sie endlich und zwar bereits seit mehreren Jahren in jener ganzen Provinz die völlige Oberhand genommen, den vorletzten Pascha der Pforte öffentlich ermordet, seither zwar wieder einen Pascha zugelassen, jedoch dessen Ansehen sowohl als jenes aller anderen rechtmässigen Civil- Militär- und Gerichtsbehörden, dermassen eingeschränkt haben, dass nichts ohne ihren Wissen und Willen geschehen kann, alles von ihrer einzigen Willkühr abhängt, und sie unter der obersten Gewalt von vier Machthabern, die sie Day nennen, die unumschränkten Herrn spielen.

Je länger die schwache Pforte diesem Unfuge unabgeholfen zusieht, je mehr befestiget sich die Macht jener Dayen, und mit selber vermehren sich die Unfuge aller Art. Selbst Euerer Majestät Gränze ist seit der Zeit von ihnen nicht geschont: sie machten bereits einerseits, zwar ohne Erfolg, auf die allerhöchsten Gebiethe zugehörige vor Belgrad gelegene Czaklaner Insel Anspruch, sie fielen andererseits mit zahlreichen Räuberhorden auf K. K. Gebieth bei Cubin und andern Gegenden ein, begingen Raub und Mord, und nöthigten seitdem zu einem äusserst angestrengten Dienst die dortige Grenzmannschaft um Vertheidigung des oesterreichischen Bodens. Allein am allerwillkührlichsten, am allerhärtesten verfahren sie gegen die unglückseligen, und bei Mangel alles Schutzes von Seite der rechtmässigen Authorität der Pforte, ihnen gänzlich preisgelassene christliche Unterthanen; diese behandeln sie mit jener zügellosen Ausgelassenheit, die keine Achtung mehr für die Ehre, für Vermögen und Leben kennt: an diesen hilflosen Schlachtopfern sättigen sie ihre ganze thierische Wuth.

Nach langen unabsehligen Leiden und Ausharren endlich zur Verzweiflung gebracht, griffen diese christliche Unterthanen zu den Waf-

fen, fielen ihre Unterdrücker anfänglich in zerstreuten Haufen, auf offenem Felde an und nachdem sie selbe überall in die Festungen und Palanken zurückgetrieben hatten, zogen sie in vereinigten Massen sogar genen jene feste Orte, die sie von allen Seiten eng umzingelten.

In dieser Stellung wendeten sie sich an E. M. General Commanden um Hülfe und Unterstützung, und gaben unter anderem zum Beweggrunde an, dass sie grösstentheils ihre dermahlige Mühseligkeiten dem Verfolgungs- und Rachgeiste der Türken für die E. M. erlauchtesten Hause während des letzten Krieges bezeugten Anhänglichkeit geleisteten Dienste zu verdanken hätten.

Allein das bey allen ähnlichen inneren Unruhen an der Gränze von E. M. angenommene System, sich in fremde innere Angelegenheiten nicht zu mengen, wurde auch hier unabweichlich befolgt, keinem Theile wurden was immer für Angriffsmittel gegen den anderen gewährt, beyde wurden aber in ihren unverfänglichen Begehren, als z. B. des Durchzuges ihrer Briefschaften, beyderseitigen Individuen, und andere dergleichen etc. etc. mit nachbahrlicher menschenfreundlicher Rücksicht behandelt; zugleich ist aber auch E. M. Internuntius von dem ganzen Hergange der Dinge umständlich unterrichtet worden, um die Pforte davon genau zu benachrichtigen, ihr eigenes wahrhaftes Interesse nahe ans Herz zu legen, hauptsächlich eine solche Sprache zu führen, die über die absichtlose aufrichtige Theilnahme des Allerhöchsten Hofes an dem Wohl des türkischen Reiches nicht den mindesten Zweifel zuliesse.

Indessen aber die Pforte ihre Erkenntlichkeit für eine so aufrichtige Sprache und Benehmungsart E. M. Internunzius zu erkennen geben, und ihn von den getroffenen zwar immer schwachen Anstalten, unter anderen der Ernennung des Pascha von Bosnien zum Schiedsrichter, verständigen konnte, wie es aus den letzten Berichte aus Konstantinopel erhellt, both der servische Christen-Aufstand immer fort alle seine Kräfte auf, um wo möglich die Gegenparthey mit Gewalt zu paaren zu treiben. Sabatz wurde wirklich so sehr in die Klemme gebracht, dass die darin verschlossene türkische Garnison von ungefähr hundert Mann zu kapituliren suchte; jedoch bey wechselseitig aufgehobenem Zutrauen konnte selbe nicht zu Stande kommen, beyde Theile wendeten sich daher, und mit ihnen auch der anwesende Antheil der Pforte, an den nächst gegenüber aufgestellten K. K. Obristen Stoichevich, um, wo nicht als Vermittler, wenigstens als Zeuge der Kapitulations-Akte beyzuwohnen. In letzterer Eigenschaft liess sich der Obrist Stoichevich, als in der That den Grundsätzen

der Unpartheilichkeit nicht zuwider mit Willfährigkeit herbei; die Capitulation ging vor sich, die Garnison zog dem Uebereinkommen zu Folge nach Belgràd ruhig ab. In eben der Zwischenzeit hatte auch der dortige Statthalter sowohl als beyde streitende Theile E. M. Kommandirende Generalen in Slavonien und im Bannat um ihre Vermittlung zur Wiederherstellung der Ruhe wiederholt dringend angesucht, wurden aber aus dem bestehenden Grundsatze, sich in jene Angelegenheiten nicht einzumengen, mit guter Art abgewiesen; allein durch den vergnüglichen Erfolg der Kapitulation von Sabatz zu neuen Hofnungen belebt, gingen die allseitigen Zudringlichkeiten soweit, dass man endlich über den Tag und Stunde einig wurde, wo Abgeordnete des Pascha's und beyder streitenden Theile in Gegenwart des Kommandanten von Semlin Obristen Tomerlin, und zwar in dessen Behausung zusammentreten, und Vergleichspunkte verabreden würden.

Diess geschah den 10. d. M. und der Kommandirende General in Slavonien öffnete nicht nur allein die Sitzung mittelst einer anpassenden kurzen, zur Ruhe, Eintracht und Mässigung ermahnenden Anrede, sondern erschien auch während der Sitzung um die erbitterten Gemüther zu besänftigen. Allein die Servianer hatten zur ersten unabweichlichen und wahrlich auch nicht ungegründeten Bedingniss die Entfernung der vier Dayen begehrt und darauf bestanden; die Abgeordneten des Pascha aber, aus dem Gefühle ihrer Schwäche, hatten dieses nicht eingestanden, dagegen andere die Servianer nicht beruhigende Punkte angetragen, die ebenfalls keinen Eingang fanden, und so ging man unverrichteter Dinge mit verdoppelter Erbitterung auseinander, nachdem jedoch alle Theile für den Kayserl. Seits erprobte Theilnahme herzlich dankten.

Ein paar Tage vor dieser Zusammentretung aber, hat sich der Anführer des servianischen Aufstandes, Namens Czerni Georgje in einer mit dem Hauptmann Schaitinsky gehabten Zusammenkunft wörtlich dahin geäussert, und höheren Orts zu unterlegen gebethen.

1-tens. Der Wunsch der ganzen Servischen Nation sey, unter die Regierung des allerdurchlauchtigsten Erzhauses zu kommen, da sie unter der willkührlichen und ungerechten der Pforte nicht mehr bestehen könne noch wolle.

2-tens. Im Falle Czerni Georgje so glücklich seyen sollte, die Festung Belgrad zu erobern, wolle er diese so wie die zwei kleinen: Sabatz und Semendria nebst der ganzen Provinz nach Wunsch der vereinigten Nation E. M. anbiethen, und sich einen Königl. Prinzen als Statthalter erbitten.

3-tens. Sollte aber E. M. als Nachbar zur natürlichen Besitznahme dieses Landes nicht geneigt seyn, würde alsdann Czerni Georgje, wiewohl äusserst ungern, im Namen der ganzen Nation gezwungen, sich an eine andere Macht verwenden, um nur einmahl das christliche Volk der türkischen Sklaverey zu entreissen.

Ein hohes Kriegsministerium hat diesen Vorfall sowohl als den Ausschlag der oberwähnten Zusammentretung mittelst zweier verehrlichen und zur allerhöchst beliebigen Einsicht hier anverwahrten Erlassen dieser treugehorsamsten Staatskanzley mitzutheilen, und darüber ihre Meinung zu verlangen geruht; allein in einem Gegenstande von dieser Wichtigkeit, glauben wir uns verpflichtet vor allen unser allerunmassgeblichten Dafürhalten E. M. erlauchtesten Ausspruche zu unterlegen.

Die Annahme einer sich selbst ergebenden Provinz, wäre diese Ergebung noch so allgemein, noch so feyerlich, noch so freywillig, und ihre Annahme noch so vortheilhaft, allein mitten im Frieden, würde eine offenbare Verletzung öffentlicher Treue und Glaubens seyn, wovon nicht einmahl der Gedanke bey E. M. Religion, Eingang finden kann. Es ist daher der vorliegende Antrag nicht anders als verneinend zu erwiedern. Es dürfte dieser Antrag jedoch dahin zu benutzen seyn, um gedachte servianische Völkerschaft durch Zusicherung E. M. allergnädigsten Wohlwollens und Theilnahme, durch Belehrung von der Unmöglichkeit jemand anderem als der Pforte zuzugehören, auch von den guten Gesinnungen und Anstalten bey der Pforte für sie, und endlich durch das Versprechen eines wirklichen Fürwortes bey ihren rechtmässigen Souverain ihrem bezeugten Zutrauen entsprechend zu trösten.

Die Pforte aber gedachten wir, mittelst E. M. Internunzius, unverweilt und ausfürlich von dem fruchtlosen Ausschlage der neuerlichen Zusammentretung sowohl, als von der üblen Stimmung zu unterrichten, die in den Gemüthern jener beträchtlichen christlichen Völkerschaft bey der so gänzlichen Verwahrlosung der Pforte, natürlicher weise immer mehr und mehr über Hand nehmen musste und die bereits so weit gediehen sey, dass Insinuationen von Unterwürfigkeit und für den Fall die Festungen fielen, auch von deren Uebergabe an E. M. gelangten, nebst dem Beysatze, dass in Verweigerungsfalle sich an eine andere Macht nothgedrungen gewendet werden würde. Der Internunzius hätte hiebey von E. M. gegebenen abschlägigen Antwort und von Allerhöchsten unabweislichen Grundsätzen religiöser Anhänglichkeit an die Treue der Verträgen sowohl als wohlgefühlten

Interesse an der Erhaltung des türkischen Reiches Gebrauch zu machen, auch hinzuzusetzen, dass Allerhöchst deren freundnachbahrliche Sorgfalt bereits dahin zu streben geruhet habe, durch zweckmässigen Belehrungen den billigen Hass gegen die Dayen, von verdienten anhänglichen Gesinnungen für den rechtmässigen Herrn abzusondern, und so die Bande der Unterthänigkeit an die Pforte durch Einflössung von Zutrauen bestmöglichst zu unterhalten; zugleich würde aber der Internunzius den verschiedenen Mitgliedern des türkischen Ministeriums wohlmeinend bemerken, wie nothwendig es sey, anstatt etwa jene unglückseligen Christen mit Schärfe zu behandeln, oder ihren Schicksale zu überlassen, vielmehr durch alle mögliche Mittel lieb zu gewinnen, und durch zweckmässige Versöhnungspunkte diesen für der innere und äussere Ansehen der Pforte so bedenklichen Auftritten ehebaldigst ein Ende zu machen; er würde in vertraulicher Erörterung aller dieser Mittel einzugehen berechtigt werden, und zwar wie jener in der That für das Interesse der Pforte nicht minder nachtheiligen, als für die K. K. Gränze lässigen Herrschaft der Dayen könne auf eine Art abgeschnitten werden, die keine anderweitigen bedenklichen Folgen gekränkter Einpfindlichkeit des ganzen Janitscharen Corps in weit und breitem Umfange des türkischen Reiches besorgen lassen; er würde endlich im Nahmen des allerhöchsten Hofes die aufrichtigste Bereitwilligkeit anzutragen haben, zur Wiederherstellung der Ruhe in jener Provinz freundschaftlich mitzuwirken.

Auch gedachten wir dem Russischen Hofe vertrauliche Mittheilung des ganzen Gegenstandes und des hiebey allerhöchsten Ortes angenommenen Benehmens zu machen, um das Zutrauen dieses Hofes in E. M. unabänderliches System für die Erhaltung des türkischen Reiches durch einen so unzweideutigen Beweis noch mehr zu befestigen.

Sollten endlich in der Zwischenzeit neue Vermittlungs-Gesuche von allen Theilen an die K. K. Militärbehörde Statt haben, wären wir des unvorgreiflichsten Dafürhaltens, selben wie bisher mit Freundschaft und Antheil zu begegnen, und alles Thunliche anzuwenden, um wenigstens bis auf erhaltene Rückäusserung aus Konstantinopel die Feindseligkeiten einstellen zu machen.

Es hängt jedoch alles von E. M. weisestem Ermessen ab.

4. Князь Чарторижскій графу Разумовскому русскому посланнику въ Вѣнѣ.

№ 107.

Monsieur le Comte!

L'ambassadeur C-te de Stadion, nous a communiqué par ordre de sa Cour tous les détails de l'insurrection des Serviens, aussi bien que les démarches faites à Constantinople à ce sujet par l'Internonce Impérial.

L'Empereur a vû avec une grande satisfaction la loyauté et le désintéressement avec le quel la Cour de Vienne, fidèle à ses principes d'équité et aux devoir que le bon voisinage impose, s'est conduite dans cette circonstance; mais tout en rendant justice à l'esprit qui a dirigé les démarches du Cabinet de Vienne, Sa Majesté Impériale regrete qu'elles n'ont pas rempli entièrement des vûes si justes et si conciliantes.

Nous aurions surtout desiré qu'on eut évité de denoncer les Serviens comme des rebelles, car c'etait attirer sur eux le courroux de la Porte, qui jusqu'ici les avait traité assez favorablement. L'état d'anarchie, dans lequel se trouve l'Empire Ottoman ne rend malheureusement que trop fréquents des évènement de ce genre; et voulant par systême faire exister ce corps, dont les parties si mal liées ensemble, sont prêtes à tomber en lambeaux, le seul moyen pour y réussir, est d'une part de prêcher aux sujets chrétiens de la Porte la soumission à leur souverain, de l'autre de la leur rendre supportable en engageant celui-ci d'adoucir autant que possible leur condition. Cette marche parait d'autant plus indispensable a suivre dans ce moment vis-à-vis des Serviens, que poussés à bout et rebutés de toute part, ils finiront par prêter l'oreille aux insinuations des François et se dévouer a eux; ce qui pourroit avoir des suites très sérieuses même pour l'Autriche. Pour répondre avec une confiance égale à celle que la Cour de Vienne a mise dans les comunications ci-dessus mentionnées et pour laquelle vous n'omettrez pas d'exprimer la sensibilité de l'Empereur; Sa Majesté veut que Votre Excellence entre avec le Ministère Autrichien dans une explication conforme au sens de cette dépêche, et que vous ajoutiez que nous savons a n'en pas douter, qu'il s'en faut de beaucoup que les ouvertures de l'Internonce ayent été favorablement accueillies par le Ministère Ottoman, qui n'a pas sû saisir leur veritable signification. Il semble en conséquence que le plus convenable seroit dans ce moment d'engager

les Serviens à rester soumis à la Porte et à se conduire d'une manière à ne laisser aucun doute à ce sujet La Cour de Vienne ayant en main les secours qui leur sont les plus necessaires contre les Days leurs oppresseurs, aura par ce moyen la plus grande influence sur leurs conseils et leur décisions. D'un autre côté il faudroit détruire la facheuse impression qu'a produite sur la Porte la nouvelle de la rebellion méditée contre elle par les Serviens et en l'assurant de leur soumission, la porter à la clémence et à la douceur. Il paroit que c'est en suivant cette conduite, que la Cour de Vienne verroit le plutôt les troubles cesser sur ses frontières et qu' en conservant au Sultan des sujets mieux disposés envers son Gouvernement, elle acquereroit aussi l'avantage d'avoir ses Provinces bordées par un peuple sur l'affection et la reconaissance du quel elle pourroit se reposer.

J'ai l'honneur d'être avec une haute considération.

Monsieur le Comte

de Votre Excellence

le très humble et trés obeissant serviteur

Le P-ce A. Czartoryski.

St. Pétersbourg, ce 2 août 1804.

III.

Письма и донесенія Валашскаго Господаря Константина Ипсиланти русскому министру иностранныхъ дѣлъ князю Чарторижскому.

1806.

1.

№ 250. Получ. Марта 10-го 1806 г.

Mon Prince.

Les rapports qui me viennent concernant les affaires de la Servie m'apprennent, que la nouvelle de l'évacuation de Bellegrade, donnée il y a quinze jours, par le C-dant d'Orsova, est prématurée, et qu'il

n'en reste que l'espérance assez bien fondée de voir les Kersalis sortir bientôt de cette forteresse; qu'il y a eu à Sabatz, sur la frontière, de la Bosnie; un combat très meurtrier entre les Serviens et les Bosniaques turcs, où l'on dit que Czerni Georges a été blessé; qu'un corps de Serviens s'est emparé de Negotine, place du territoire de Passwand-Oglou, à .... lieues de Widin; qu'ils bloquent l'un des lieutenans de ce Pacha dans Fethislam, et que cet homme sanguinaire a faits decapiter Kaliniko, l'Evêque de Widin, pendre son Vicaire général, son frère et jetter dans des cachots tous leurs gens, pour en extorquer de l'argent et les massacrer ensuite.

Les personnes qui font des voeux pour les Serviens et leur cause, voyent avec une grande satisfaction que ces braves gens s'étendent et fassent des conquêtes, par l'espoir qu'ils se fortifieront de tous les Chrétiens des pays qu'ils soumettent et qu'ils approchent, qu'ils finiront par armer la Croix contre le croissant et par rédimer l'une de l'esclavage de l'autre.

Je desire autant que personne ce résultat, mais dut-il être retardé d'une année pour le mieux assurer, j'aurois souhaité que les Serviens fussent maitres de Bèllegrade, que de leur pays, qui est fort coupé et d'une defense presque inexpugnable, ils se fussent crée un foyer de forces, de ressources et d'activité, pour pouvoir retrouver toujours, dans une retraite sûre, une indépendance constante et la perspective de faire reussir un jour de grands dessins, au lieu qu'il faut craindre, que, s'ils ne sont puissament secourus, la dévotion à l'islamisme ne reunisse contre eux une masse de forces qui les accablerait avec les autres Chretiens, disseminés comme eux, faute de plans de guerre, de magasins, d'arsenaux, d'artillerie, de point d'appui et de ralliement, indispensables pour des réunions suffisantes.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute consideration

Mon Prince

De Votre Altesse

Le tres humble, le très obeissant serviteur

Constantin Ypsilanti.

Bukarest, le 15 fév. 1806.

2.

№ 253. Получ. 18-го марта 1806 г.

Mon Prince

... Le Pacha de Romilie et celui de Bosnie sont chargés de se concerter pour agir contre les Serviens avec le plus de prestesse et de vigueur; mais les agas et autres officiers commandans les milices de la rive droite du Danube, répugnent également à obéir aux ordres qu'ils ont reçus, et il n'a pas apparence qu'on les voyent se reunir sous la bannière de deux Pachas. Tersenik Oglou, plus puissant lui seul que tous les autres ensemble, s'est ennuyé des missives de la Porte, et il vient de chasser les porteurs des derniers ordres qui lui étaient adressés. Cependant tous ces firmans qui circulent en Romelie et dans les places frontières, ainci que les agitations pour lever des troupes, ont occasionné une grande fermentation parmi les Turcs, qui n'attendent que le moment et le pretexte de fondre sur la Vallachie.

Lors de la guerre de Passwand Oglou dans cette principauté, la Porte envoya à M. le Prince Morosi les canons qui me sont restés. On m'ordonne de les renvoyer à Constantinople, sous le prétexte de mauvaises raisons. J'en aurai de pareilles pour ne rien faire, parce qu'il en est, je crois, de fort bonnes pour que je les garde. Dans de pareilles circonstances nous demander quatre mauvais canons, c'est nous annoncer les plus sinistres dispositions avec le projet de nous désarmer. Cela ne permet pas de douter, que si l'on se rendoit de bonne grace à cette demande, on n'exige bientôt nos fusils, pour pouvoir nous immoler ensuite sans éprouver de résistance.

Passwand Oglou a fait publier qu'il venait de faire sa paix avec les Serviens. Il n'y a pas un mot de vrai; mais au contraire il se voit fort malmené par eux d'une côté, tandis que de l'autre il voit les Pacha de Romélie et de Bosnie prêts à prendre les armes et à marcher. Pas plus confiant dans les uns que dans les autres, sa fable de paix avec les Serviens lui sert à cacher sa faiblesse et sa crainte et à se renfermer honorablement dans sa forteresse.

Les Français envoyent des troupes en Dalmatie. Sans le consentement, au moins apparent, de l'Autriche, ils font marcher un autre corps d'armée par la Croatie. Il est impossible qu'ils n'ayent pas prevu les difficultés présque insurmontable de ces marches à travers la sterilité, les montagnes et les précipices, où il suffiroit de quelques cen-

taines des sauvages du pays pour les arrêter et les faire périr, s'ils ne les ont déja pour amis. Il faut donc croire qu'ils ont mis, avant tout, en exercice, une avant garde d'emissaires armés d'argent et de belles promesses....

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute consideration

Mon Prince

De Votre Altesse

Le très humble et très obéissant serviteur

Constantin Ypsilanti.

Bukarest, le 27 fév. 1806.

3.

№ 260. Получ. 18-го февраля 1806 г.

Mon Prince.

J'ai informé régulierement M. Kirico de l'état et des mouvements des Serviens. Il en aura certainement instruit M. de Bouleonnof, par qui tous ces details auront été transmis à Votre Altesse, qui y aura vu qu'un gros corps de Serviens s'est emparé de Poritza, isle du Danube, chef lieu d'un district qui renferme quelque villages, qui est l'avant poste de la forteresse d'Orsova, et confine au Pachalik de Widin. Cela va leur donner Passwand Oglou pour ennemi. Il a deja rassemblé un corps de trois mille hommes. Le ci-devant commandant de Poritza a fait partir des deputés pour aller implorer le secours du redoutable Tersenik Oglou, et tous les turbans de la Romilie. La Porte de son cotê a envoyée des ordres en Bosnie et en Albanie pour marcher contre ces braves et genereux Serviens; ainsi je vois une croisade se former contre eux. S'ils succombent, la première consèquences sera l'anéantissement de tous les sujets Chrétiens, soit par le massacre, soit par les nouvelles chaines dont on les accablera. La seconde sera de mettre la force et la puissance entre les mains de rebelles musulmans, gens dont la modération n'est point la vertu. La troisiéme, on livreroit la Valachie et la Moldavie à la dévastation; en attendant que les armes russes vinssent leur disputer ces provinces, où les troupes de

sa Majesté Impériale, ne trouveront plus que des cendres et des ossements.

Si cette coalition se forme, ce qui est plus que vraisemblable, Passwand Oglou y prendroit l'ascendant, parce qu'il a plus d'ésprit et de caractère que pas un des autres chefs. Lui seul est doué d'une vue capable d'embrasser un vaste horison. Il a un plan formé, je n'en doute point. J'en ai pour preuve un fait fort éloquent pour qui connoit Passwand Oglou. Il a placé l'un de ses lieutenant sur la rive droite du Danube; en présence de Métrédinzi, district de Valachie, avec un corps de 1000 à 1200 h. Ce lieutenant en vertu des ordres de son chef, vient demander les Ispravniks de ce district, si les Vallaques étoient tranquilles, s'il y avoit parmi eux des dispositions à imiter les Serviens; et il leur a notifié que dans le cas où il y auroit la moindre rumeur dans les districts, ils eussent à l'informer, et qu'aussitôt il viendroit étouffer l'incendie naissant. A présent il ne s'agit plus que de faire traverser le Danube à quelques bandits qui enivreront une douzaine de paysans et leur chercheront querelle, voila la première étincelle d'insurrection que M. le lieutenant de Passwand Oglou s'empressera de venir eteindre. Certes il n'y a point de doute qu'il n'y ait quelque chose de semblable arreté entre la ligue franco-soutzo et la republique des Etats confederés de la rive droite du Danube.

Privé d'une force suffisante pour me defendre, au sein des plus grands périls, j'en suis reduit à ne pouvoir qu' observer, écouter et avertir. Les Français, leurs amis, léurs gagistes disent qne la dernière campagne de Bonaparté, et le traité avec l'Autriche qui en a étoit la suite, vient d'anichiler toutes les garanties de la Russie, de detruire consequement en Europe l'influence et la considération de cette puissance, qu'ils ont le bel ésprit de nommer le colosse de neige, à l'imitation de leur Chef. Il ne s'agit plus selon eux l'isoler et la reduire au silence et à l'inaction, que de lui enlever son influence pour toujours en Turquie; et que pour cela, soit que la Porte consente ou rèsiste, Bonaparte n'aura qu'a faire partir une armée de Venise [1]), que lui appartient par le dernièr traité avec l'Autriche, et la faire debarquer sur le territoire Ottoman, où elle trouveroit des nombreux

---

[1]) 80 mille français marchent en Dalmatie selon ce qu'a dit M. de S-te Lau, mais ce ne peut etre encore qu'un projet, la France ayant à peine pris possession de ces pays.

partisans et serait jointe par le nombre infini des mécontans, et secondée par les chefs des rebelles, qui profiteroient avec empressement de la circonstance. Ainsi disent ces raisonneurs, voila des lors une révolution consommé, une autre dynastie, un ordre de choses nouveau, defendus par les armes victorieuses de Bonaparte et par tous le sujets de l'Empire. Et il ne faut pas craindre, ajoutent ils, que la Russie prévienne l'evenement. Cette puissance plus que jamais religieuse-observatrice des procedés réguliers, aura appris que la révolution est achevée avant que ses ordres pour s'y opposer soient arrivés à ses troupes.

Les amis de la Russie répondent à cela que s'il est vrai que la probité politique soit la doctrine du Cabinet de St. Pétersbourg, elle y est environnée de lumieres, qui y rappellent, que le premier de tous les intérêts d'une puissance de premier rang est de conserver les anciennes proportions et que tandis que Bonaparte s'accroit avec éxces, même au depens de ses amis, la Russie saura s'assurer à propos de l'ennemi perfide qui la trahit et conspire contre elle pour l'intérêt de la France, qu'il est insensé de dire que la Russie ait perdu son influence et sa puissance de crédit et de consideration en Europe, dans un moment où ses armes sont l'unique espérance de l'Autriche qui vient de perdre son rang par ses défaites, et de la Prusse qui va dechoir du sien dans un jour, par les changements faits dans les Etats d'Allemagne et par la partie formidable que Bonaparte vient de s'y former; que dans la journée d'Austerlitz l'approche du colosse de neige avait passablement refroidi les ardeurs du héros, vainqueurs de troupeaux d'Allemands, qui ne vouloient point se battre; que dans cette memorable journée, malgré la très grande superiorité de ses forces, il avait vu de près que la perte de sa célébrité ne tenoit qu'à un moment; qu'ainsi il y avoit tout lieu de croire qu' il se contenteroit de redoubler ses intrigues, de multiplier ses corruptions en Turquie, pour donner de l'occupation à la Russie; mais aussi qu'il étoit raisonnable de se persuader, que cette puissance, indignée de voir sans cesse sa loyauté méconnue des Turcs, assurée de les faire désparaitre de la surface de l'Europe à peu de frais et en moins d'une campagne, obéiroit enfin à la voix de ses intérêts les plus pressans, quelle faucheroit le buisson épineux que son implacable ennemi fait trouver incessament sous ses pas, et qu'elle délivreroit la plus belle contrée de la terre et un peuple malheureux du joug horrible qui le mutile depuis tant de siècles.

Tel est, Mon Prince, le sommaire des conversations et des luttes

dont notre pays est le théatre. Je souhaite que Votre Altesse se plaise autant à les lire que j'ai de satisfaction à lui donner cette nouvelle preuve de mon zèle et de ma vigilance à recueillir et à lui transmettre tout ce que je crois pouvoir l'interesser.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération

Mon Prince

De Vorte Altesse

Le très humble et très obeissant Serviteur

Constantin Ypsilanti.

Ce ... mars 1806.

4.

№ 255. Получ. 29 марта 1806 г.

Mon Prince

J'ai eu l'honneur d'informer Votre Altesse de la publicité que Passwand Oglou a affecté de donner à ce qu'il appelle sa paix avec les Serviens. Le Knès ou chef des habitans chrétiens du district du Krayna, sur le territoire du Widin, près Négotine, ayant conçu des craintes pour sa vie, étoit allé se refugier chez les Serviens. Informé de cette emigration aussitôt, Passwand Oglou, sans perdre de tems, a envoyé ses gens s'emparer et des propriétés et des parens du Knès, qui est revenu, mais trop tard, pour sauver son bien et ceux de ces parens qui n'avoient pu fuir. Il conduisoit avec lui un détachement de Serviens, que consequement n'a pu lui être utile, et n'a produit d'autre effet que d'irriter davantage le Pacha contre lui et les siens.

Le malheur a voulu que ce Knès eut une belle sœur mariée à un petit Boyard Valaque, habitant dans le district de Ghors l'un des cinq de Crayova. Passwand Oglou a député un officier avec quelques hommes, pour éxiger de mon caïmacan à Crayova, que cette femme, et même son mari quoique Valaque, lui fussent livrés. Mon caïmacan a voulu avant tout prendre mes ordres. Ils ont été fort négatifs; mais avant qu'ils fussent arrivés à Crayova, la frayer avait rassemblé tous les Boyards autour du caïmacan et avoit déja livré la femme et le mari.

La plus grande affaire de Passwand Oglou est toujour d'avoir de l'argent, et il torture inutilement ces malheureux pour leur en arracher. Dans son dépit il vient d'envoyer un officier avec trente hommes, qui a signifié à mon caput-hiaya, que son maitre étoit informé que le Knès de Kraïna avoit fait passer deux milles bourses chez sa belle sœur, et que l'on eut à les lui compter ou qu'il enverroit un corps de troupes suffisant pour les lever et mettre la Valachie à feu et à sang. Deux mille bourses!! Comment un petit Knès auroit-il pu se voir une pareille somme! Ce n'est donc qu'un prétexte. J'ignore le véritable motif de Passwand Oglou pour s'être porté à cette étrange démarche. Il n'est pas à beaucoup près en état de l'avoir osée de son propre mouvement. Il y auroit donc été porté par une impulsion étrangère forte puissante.

J'ai feint d'avoir ignoré cette dernière demande et la menace qui l'accompagne, et j'ai écrit au Pacha, seulement sur sa reclamation du beau frère et de la belle sœur du Knès, que cela étoit contre toute justice et tellement allarmant, que la terreur alloit faire un desert des cinq districts, dont tout le monde se disposoit à fuire, ce qui seroit funeste à lui même, puisqu' il ne tiroit ses moyens de subsistance que de ce pays. En éffet l'effroi y est a la dernière période et la fuite peut devenir générale.

Faut-il que je cherche à temporiser, faut-il que je laisse éclater l'orage pour justifier et nécessiter un pas décisif? Je supplie Votre Altesse de me guider. J'attends avec la plus vive impatience sa reponse à ma première lettre partie le 31 janvier, où je lui demande une règle de conduite et à quoi je dois m'en tenir. J'ai mis mon sort dans ses mains, et en attendant sa decision, ma position est affreuse.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération

Mon Prince

De Votre Altesse

Le très humble et très obeissant Serviteur

Constantin Ypsilanti.

Bukarest le 4 mars 1806.

5.

№ 264. Получ. 29 Апрѣля 1806 г.

Mon Prince.

La nouvelle de la prise de Cattaro aura certainement fait une forte sensation à Constantinople. Je le saurai incessement. Elle a bien ramené les esprits dans ce pays-ci, tant-il est vraie que la confiance s'attache toujours à l'energie. Les Esclavons, les Monténégrins et tous les peuples de cette côte sont à présent entièrement revenus à la Russie. Le secours arrivé aux Serviens en même temps que cette nouvelle, ne peut aussi qu'avoir redoublé leur ardeur comme leur confiance. Je ne puis vous exprimer, Mon Prince, tout le plaisir, ou plutôt tout le bonheur que me donne cet évènement. Votre Altesse sait mieux que moi ce qui peut resulter des clameurs du ministre français à Vienne, et de la promesse de celui de cette Cour de faire ses réclamations auprès de celle de St. Pétersbourg, en vertu d'une promesse faite dit-on, par Sa Majesté Imperiale, de ne point s'opposer à la prise de possession par les Français des pays cedé par l'Autriche. La prise de Cattaro qui est à trois lieus de Monténégro est d'un trop grand intérêt pour la Russie, et il n'est pas possible de se persuader qu'elle puisse y renoncer.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute consideration,

Mon Prince,

De Votre Altesse

Le très humble et très obeissant Serviteur

Constantin Ypsilanti.

Bukarest le 3 avril 1806.

6.

Propositions du Prince Ypsilanti.	Observations du Ministre des affaires étrangères.
Iº. Donner carte blanche au Général Michelson pour agir d'après la nécessité des circonstances et pousser avec vigueur les opérations militaires sans être obligé d'attendre de nouveaux ordres.	Iº. Cette carte blanche ne saurait s'étendre au delà des plein-pouvoirs qui ont déja été accordés au Général Michelson, et d'après lesquels il est autorisé à pousser ses operations jusqu'au Danube, à moins que de nouveaux ordres de sa Majesté Imperiale n'en decident autrement.
IIº. Reunir les deux Principautés sous un seul gouvernement et sous la direction du Prince Ypsilanti, de qui le premier devoir sera de fournir à l'armée russe du Danube toutes les subsistances nécessaires, en outre la solde, l'habillement et toutes les dépenses que leur entretien exigera sans qu'il en coute rien à Sa Majesté Impériale.	IIº. Dans les termes où nous en sommes avec la Porte, il paroit que nous ne pouvons décemment recuser la rentrée du Prince Morousi dans sa Principauté, si lui même veut y retourner. Dans ce cas on exigeroit de lui pour la Moldavie les approvisionnemens necessaires aux troupes russes, que le Prince Ypsilanti fournira pour la Vallachie. Mais si par quelque considération que ce soit, le Prince Mourousi ne voulut point rentrer en Moldavie, ou bien que la Porte, en se refusant aux demandes de la Cour Impériale, voulut préférer une rupture ouverte à un accomodement à l'amiable, dans chacune de ces hypothéses il paroitroit convenable de remettre au Prince Ypsilanti l'administration de la Moldavie sans que cependant cet arrangement puisse porter at-

teinte à la jurisdiction du Divan de cette Principauté, qui continueroit ses fonctions comme par le passé, mais sous la direction suprême de l'hospodar de Vallachie.

III°. Le General Michelson recevra ordre de se concerter en tout avec le Prince Ypsilanti qui l'aidera de ses conseils, par la connaissance qu'il a des localités et des dispositions des peuples turcs et chretiens et il facilitera les opérations de l'armée par ses rapports avec les Commandant turcs, et par tous les moyens que la prudence suggerera.

III°. Les conseils du Prince Ypsilanti seront sans doute de la plus grande utilité, et on pourroit itérativement recommander au Général Michelson d'y déferer dans toutes les occasions où il le jugera nécessaire pour le bien du service de Sa Majesté.

IV°. On fera passer aux Serviens des munitions de guerre, des armes, des canons, de l'argent et quelques officiers intelligens pour diriger leurs opérations, et organiser leur armée. Ces officiers n'agiront que d'après les ordres du Général Michelson.

IV°. Cet objet paroit ne pouvoir être definitivement déterminé, qu'après que les troupes russes seront en contact avec les Serviens et que nos rapports avec la Porte seront posé irrevocablement sur une base quelconque. En attendant on tacheroit d'avoir en réserve une certaine quantité d'armes et de munitions, pour les faire passer aux Serviens, si cela étoit jugé nécessaire par le général en chef. Pour de l'argent, on leur en a déja fait passer à plusieurs reprises et on leur en donnera encore. Quant aux officiers cela dépendra également de la tournure que prendront nos altercations avec la Porte, et si même avant que la rupture ne soit déclarée on pouvoit envoyer quel-

ques Officiers Russes pour organiser l'armée des Serviens, il faudroit y mettre la plus grande circonspection et le plus grand secret, afin de ne pas fournir un grief plausible aux Turcs de nous accuser de mauvaise foi.

V°. On accordera vingt milles armures complettes, pour l'organisations d'une armée nationale en Vallachie et en Moldavie, dont les officiers seront Russes.

V°. Dans l'impossibilité où nous sommes de fournir une pareille quantité d'armures sans épuiser les dépots indispensable pour nos propres troupes, il paroitroit préférable de rassembler pour l'objet en question un corps de volontaires sous la d'enomination de *corps franc*, qui seroit commandé par des officiers retirés du service, dont il y a un nombre suffisant dans ces contrées, d'après des informations données par des personnes qui paroissent bien instruites et qui assure en même tems qu'il y auroit moyens de se passer d'armures russes, vû que les volontaires en question ont des armes à eux. Dans ce cas on se borneroit à leur fournir quelques pièces d'artillerie, si cela étoit jugé necessaire et de munitions du guerre, autant que l'on pourra.

VI°. On autorisera le Général Michelson de faire tous les sacrifices pécuniaires, que le bien du service pourroit exiger.

VI°. Cet article n'est susceptible d'aucune réplique, et il faudrait certainement autoriser le général en Chef à faire tous les sacrifices pécuniaires que le bien du service exigera et lui fournir en meme tems tous les

VII°. La négociation des arrangements que la Sublime Porte proposeroit, n'aura lieux à l'avenir qu'au quartier général. Pour cet éffet Sa Majesté Impériale destinera un negociateur de la confiance du Général Michelson avec les instructions qu'Elle croira conformes avec l'intérêts et la dignité de son Empire.

moyens pour mettre cette autorisation en pratique.

VII°. Si les bases sur lesquelles la Porte pourra proposer des négociations pouvoient être connues, il n'y auroit aucun inconvenient à admettre cette proposition; mais comme cela n'est pas, et que d'ailleurs toute négociation avec la Porte ne sauroit etre indépendante des évenements qui auront lieu du coté de la Prusse, il paroît impossible de donner une certaine latitude à tel négociateur que la Cour Impériale jugeroit á propos d'établir auprés du Général en Chef. Cette consideration jointe à ce que l'on ne traite ordinairement à la tête d'une armée, que dans le cours ou apres une guerre ouverte, semble exiger de conserver la marche des affaires usitée jusqu'à présent à moins que les circonstances à venir ne rendent les considerations susmentionnées nulles.

7.

Notice confidentielle sur M. Sebastiani et ses conversations avec moi (le Prince Ypsilanti).

ad № 274.

Depuis longtems le passage de M. Sebastiani à Bukarest m'etoit annoncée, et conformement aux intentions de la S. P. j'ai dû le recevoir d'une manière fort honorable. L'espérance de pénétrer les vues de son maitre m'invitoit à le voir de prés; et je n'ai perdu aucune des occasions que je pouvois faire noître de l'entendre discourir.

Son maintien, sa démarche, ses manières sont plus d'un emissaire que d'un ambassadeur. Point d'esprit, nulle instruction, grivois gascon, véritable casse-cou de politique, incapable d'une discussion raisonnée: il est propre seulement à être le colporteur des volontés absolues de son maître.

Ainsi que Brune et Reinhard, il ne m'a point dissimulé que j'étois signalé chez Bonaparte comme l'ennemi de la France et le devoué de la Russie. Ma reponse a été la même, et il a convenu, comme les autres, que j'étois en régle avec mes devoirs. Mais, a-t-il dit, cet ancien sistème est détruit. Les victoires de l'Empereur mon maître, singulierement celle d'Austerlitz, l'ont laissé l'arbitre supréme. La Russie est abattue, tout va changer: il vous faut changer aussi. Bonaparte étoit autant plus irrité contre vous, qu'il sait parfaitement que vous étes d'un caractère fort prononcé et la personne la plus éclairée de l'empire ottoman. Faites ainsi-que le Prince Morosi, usage de vos moyens pour seconder les vûes de la France, elle employera tout son pouvoir pour que vos principautés vous soient confirmées à vie, ce qui lui seroit d'autant plus convenable, qu'en vous conservant elle s'assureroit de deux amis dans deux postes essentiels, et qu'elle ameilloreroit en même tems le sort de deux peuples que le trop fréquente mutation des Princes rend miserables.

Je lui ai fait observer que le changement pourroit rencontrer de l'opposition: Oui, sans doute, at-il répondu, de la part de la Russie, si la Russie pouvoit quelque chose. Savez vous l'état véritable de ses forces?

— Non, je ne souis point initié dans la connaissance de ses moyens.

— Très bien! tout compris, cosaques, tatares, troupes regulières, elle n'a que deux cent cinquante mille hommes, pour garder l'immensité de sa surface.

— J'aurois cru cet empire plus puissament armé.

— Elle n'a point un homme de plus très positivement. Voulez vous savoir à présent quelle est la force militaire de l'Empereur des Français?

— Je l'apprendrai avec plaisir.

— Six cents mille hommes, 400 d'infanterie, 100 de cavalerie, 100 d'artillerie, sapeurs, mineurs et vétérans.

— Cela est prodigieux; mais il vous faut aussi une prodigieuse population pour soutenir une pareille armée, car il me semble qu'il y a un vieil adage de la politique qui dit, qu'un état ne peut entretenir plus de dix mille hommes par chaque million de population sans

le perdre, et j'aurai pensé que guerres aussi longues et aussi meurtrieres, au dedans et au dehors, auroient été capables d'affoiblir la population de la France.

— Tout au contraire. L'empire français possède en lui même trente trois millions de têtes, et tout autant dans l'Italie, la Bavarie, l'Helvétie, et tout ce qui constitue sa puissance fédérative, tandis que la vaste surface de la Russie, n'en contient que vingt neuf.

— Pour l'entretien d'une force militaire aussi considerable, si la population est suffisante, la finance peut-elle toujours l'être?

— Dans aucun temps l'empire français ne fut aussi riche en numéraire, en production territoriales et en ressources de toute espèce. Il n'en est pas de même de la Russie où tout manque.

— Vous m'éclairez, Monsieur, et vous me sortez d'etranges erreurs, car l'on m'avoit persuadé que vous aviez éprouvé de grandes pertes dans vos colonies, votre industrie, vos manufactures, votre navigation, votre commerce, qui sont les grands véhicules de l'agriculture et de tous les genre de richesse, tandis que l'un m'assuroit, que du coté seul de la Baltique, le balance du commerce donnait annuellement à la Russie un bénéfice net de 33 à 34 millions de francs, ce qui est immense.

— Oui, Prince, vous êtes vraiment dans de grandes erreurs. Croyez que la Russie a fait une faute capitale en faisant la guerre à l'Empereur mon maître, et qu'elle en feroit une plus grande encore, qui la perdroit peut être, ou tout au moins, la feroit retrograder à l'etat où elle était avant Pierre premier, si elle s'exposoit une seconde fois à nous combattre.

— Et quel fruit attendez vous, soit pour la France, soit pour la Turquie, du nouvel ordre de choses que vous proposez d'établir dans les pays?

— Pour nous, rien: pour la Turquie, tout: l'Empereur veut que désormais elle soit indépendante de toute influance etrangère, que nul ne se mèle des affaires de son intérieur, et lui le premier en donnera l'exemple; il veut qu'elle se civilise, qu'elle se constitue une armée bien organisée, et il lui fournira des instituteurs de tous les genres, ainsi que des officiers pour former les troupes; il veut la soustraire à l'influence russe, et anéantir pour toujour ces traités honteux qui ont mis la Porte sous la tutelle de la Russie et de l'Angleterre; il veut enfin polir les états ottomans et rendre le repos et le bonheur à leurs peuples; et pour tant de bienfaits, encore une fois, il n'exige de la Turquie que son amitié, sa confiance et le droit de la secourir

contre qui oseroit l'attaquer; mais très decidément aussi, il prétend que la France y recouvre son ancienne prépondérance sur toutes les puissances.

— Le projet, Monsieur l'Ambassadeur, est plus magnanime que facile. Civiliser des hordes sauvages sortant de leurs forêts, il y a des exemple de cela; mais civiliser une nation vieillie dans des habitudes de quelques siècles, et sous le joug d'un culte farouche: voilà le phénomène qui n'a point encore paru. Comment concevez vous donc qu'il pourroit s'opérer ches les Turcs?

— Mais en changeant leurs moeurs.

— Les moeurs appartiennent à la religion, c'est donc par le culte qu'il faudrait commencer le changement, c'est à dire la civilisation, et si l'on pouvoit rêussir, il est clair que les Turcs ne seroient plus Turcs. Cette considération persuadera peut être Votre Excellence de l'impossibilité d'un changement dans les moeurs ottomanes, et beaucoup d'exemples ne présagent point un heureux succès à vos officiers parmi la soldatesque musulmane.

— Mais n'est-il donc point de rémède à cet état d'insurrection et de brigandage dans lequel nous voyons l'empire ottoman prêt à s'anéantir? La S. P. doit songer, qu'il est temps de faire cesser les desordres et tous les fléaux qui déchirent et dépeuplent l'empire, qu'il lui faut rédimer ses sujets chrétiens du joug affreux qui les mutile, par une administration juste et douce, qui les rendent citoyens, et fasse cesser l'inclination qu'ils ne cessent de témoigner pour la Russie. Que fait Selim? Que ne se met-il à la tête de ses troupes pour exterminer les brigands et les rebelles?

— Courir après les voleurs n'est pas le rôle du Grand Seigneur.

— On le dit sans esprit.

— On se trompe: il en a beaucoup plus que ses conseillers. C'est lui qui a eu l'idée de former des troupes sur le modèle de celles d'Europe. C'est lui seul qui a foit le projet de ces etablissements d'instruction dont vous avez lû le programme dans les papiers publiés.

— Cependant il est temps de finir l'insurrection des Serviens, que l'on vous accuse d'avoir favorisée.

— Jusqu'à présent on ne m'a point épargné les accusations: et que dit-on que j'aye fait pour les Serviens?

— Vous leur avez, fait passer les secours de la Russie qui prétend établir une principauté en Servie pour la regir selon ses vûes.

— Et quels secours ai-je-fait passer au Serviens?

— Dix sept mille fusils, dont six mille sont parvenus dè Corfou et onze mille par la Vallachie.

— Combien estimez vous qu'il faille de caisses pour onze mille fusils?

— Environ six on sept cent.

— Et par où pensez vous qu'ait passé ce remarquable convoy?

— Mais par la Vallachie.

— Veuillez bien prendre la carte, elle vous dira que la Servie et la Valachie ne sont parallèles par aucun point; que le convoy auroit été forcé de descendre le Danube sous les yeux des Turcs, qui ne laissent rien passer impunément, et sous le fort d'Orsova qui arrête tout, ou il auroit fallu que le convoi traversa des provinces autrichiennes, dans les quelles on ne laisse point voyager le moindre paquet sans le visiter. D'après cela il faut convenvir que les informations de vos agents en Servie sont fort infidèles.

— Nous n'avons point d'agens dans ce pays la.

— Raison de plus pour vous méfier de ces rapports, auxquels rien ne peut avoir donné lieu que le mot de Toula, trouvé sur quelques fusils fabriqués en Hongrie, et portés par des marchands aux Serviens, qui les payent le double de leur valeur. Les marchands les auront fait passer en interlope avec beaucoup de précautions, persuadés que la Cour de Vienne les eut punis sévérement si elle en eut été instruite.

— Quoiqu'il en soit; il faut se hâter de faire rentrer ce peuple dans le devoir, faites une chose qui plaira beaucoup à l'Empereur, et qui prouvera en même temps votre attachement aux intérêt de la Porte: portez ce peuple à demander grace, en lui promettant que la France garantira sa sureté.

— Au commencement un arrangement était facile. Ayant été chargé alors d'agir auprès des insurgés, j'ai fait tout ce qni dépendait de moi, mais la S. P. n'a voulu aucun moyen de conciliation, et c'est actuellement le Pacha de Romélie qui est chargé de cette affaire.

— C'est très bien fait: jamais on ne doit composer avec des rebelles.

— C'est l'une de ces maximes absolues de la théorie, dont la sagesse nèglige souvent la pratique. La France s'est bien trouvée d'avoir composé avec la Vendée.

— La France n'a point composé avec les Vendéens. Elle leur a accordé une amnistie, elle leur a fait grâce.

— Avec quelques conditions.

— Pas d'autre que celle de leur donner la paix et de les rendre heureux.

— Hé bien! Les Serviens ne demandent rien de plus.

— S'il en est ainsi, employez vos bons offices auprès de ce peuple, et faites lui savoir que l'ambassadeur de France s'interessera pour lui. De mon coté je vais faire mes éfforts en sa faveur à la Porte; mais faites lui bien entendre que, s'il ne veut être accablé par le puissance de la France, il doit se soumettre sans hésiter à ce que je ferai pour lui.

— Votre Excellence m'avoit fait craindre que la France ne voulut point se méler des affaires de l'intérieur de l'empire ottoman. Puisque cette volonté n'est inimissible, je ferai ce que vous souhetez auprès de Serviens, mais seulement après que vous m'y aurez fait autoriser par la Porte.

— Cela est juste et vous y pouvez compter; mais si après cela ils hésitoient à poser les armes, vous devez concourir à leur faire la guerre.

— Monsieur l'ambassadeur, la Valachie n'a point une armée: elles n'a que quelques mauvaises troupes fort insuffisantes assurement pour sa defense; mais des à présent je coopère au but que vous desirez par les subsistances que j'envoye aux troupes du Pacha de Romélie.

— Hé! pourquoi n'avez vous point d'armée? Il faut que la Valachie en ait une de vingt mille hommes bien disciplinés, et la Moldavie autant. Ces armées en tems de paix protégeroient le pays, et pendant la guerre elles fourniroient les provinces turcques. Cette disposition est indispensable, parce que l'intention de l'Empereur est que les deux principautés servent de barrière contre la Russie et l'Autriche. Quel est ce Tersénik Oglou dont on parle beaucoup? Obéit-il? Ses forces sont-elles considérables?

— Tersénik-Oglou est un homme d'un caractere ardent; décidé; il obést parfaitement dans tout ce qui ne le contrarie point, il connait ses forces qui sont redoutables, et il est dans la ferme résolution de les employer à se maintenir.

— Quant à Passwand-Oglou, je sais qu'il n'est pas fort et qu'il ne jouit plus de la même considération militaire qu'auparavant. J'ai passé tout près de lui, et j'ai refusé d'entrer en rapport avec un homme connu pour rebelle à son maître.

Mille questions ont suivi sur les agas et les différens parti de la Romélie; et pendant ce temps là, il m'a semblé lire sur le front méditatif de M. l'Ambassadeur, et à l'arrangement mal adroit de son interrogatoire, le projet d'une ligue fédérale de tous les insurgés ottomans, sans doute pour la mettre en oeuvre, pour ou contre la Porte,

selon la circonstance. J'ai déja informe la Cour Impériale que la mission du S. Reinhard n'avoit point d'autre but. Ce qui le persuade encore plus, c'est que tandis que M. Sebastiani proteste ici, en dépit des contradictions qui lui échappent à tout propos, qu'il ne veut point s'immiscer dans les affaires intérieures de la S. P. et qu'il ne veut aucune relation avec les rébelles la France entretient une correspondence très active avec Ali-Pacha, l'un des rebelles les plus puissants, et que l'objet de cette correspondence est l'attaques des Sept Isles. On sait que ce Pacha a toujours été jaloux de cette république et des quatre villes sur la terre ferme.

Dans une deuxieme conversation M. l'Ambassadeur est revenu à son idée principale: c'est la Russie. — Cette puissance, a-t-il dit, a soulevé les Monténégrins contre nous, mais vous verrez ce qu'il leur en arrivera. L'Empereur a juré l'extermination de ce peuple: il en fera un exemple terrible. Les Serviens auront le même sort s'ils ne se soumettent promptement. Le reste n'osera lever le front. Déja nous avons une armée assez considérable en Dalmatie. Elle marcheroit en Servie si cela devenoit nécessaire. Les projets de la Cour de Russie nous sont devoilés. Elle suit le sistème de Catherine seconde, et veut s'emparer de la Moldavie et de la Valachie, pour que le Danube devienne la limite des deux Empires. Elle en a même fait des ouvertures à la France; mais la France les a repoussées, parce que si la Russie s'empare d'un pouce de terrain de plus, tout le reste alors doit tomber. A la paix de Presbourg, la Cour de Vienne ayant aussi proposé qu'on lui donnat la Valachie et la Moldavie en compensation l'Empereur répondit, qu'il ne permettroit jamais qu'il fut porté la moindre atteinte à l'intégrité de l'empire ottoman; il voit que cet empire est un antique edifice qui s'écroule de toute part, il le veut soutenir de sa puissance et de ses conseils; et si la S. P. sait apprécier les sentiment de S. M. en se jettant dans ses bras, non seulement elle se maintiendra dans son intégrité, mais elle doit espérer aussi de se régénérer. S'il arrivoit qu'au contraire elle persevérat dans son inertie, on ne peut prévoir ce qu'il en arrivera.

— Mais si la Russie et l'Angleterre, indisposées contre la Turquie, prenoient un parti violent contre elle, comment et de quelle maniere la protegeriez vous?

— Nos armées d'Italie et d'Allemagne accoureroient pour couvrir les provinces ottomanes, et vous pouvez croire qu'elles seroient arrivées avant que les Russes se fussent ébranlés. Réduits alors à la défensive devant l'appareil formidable de nos forces, ils n'oseroient en-

gager la lutte. D'avance ils en sont accablés. Les voici qui nous demandent la paix. J'ai rencontré leur négociateur à Strasbourg: il me recherchoit, je l'evitois. Enfin il m'a surpris à l'instant ou je montai dans ma voiture. Je lui ai dit: gardez vous de demander à Paris autre chose que la paix. Evitez toutes les propositions et les démarches qui pourroient deplaire à l'Empereur. Préservez vous surtout de méler dans votre negociation les intérêts de l'Angleterre, parce que si vous faites autrement vous serez renvoyé sans délai.

— M. l'Ambassadeur souffrez que je vous observe, qu'un traité de paix suppose toujours des conditions réciproques, et que les négociateurs chargés de les discuter ont des instructions qui établissent les bases sur lesquelles ils doivent négocier. Quelles serons, pensez vous, les bases sur lesquelles la France et la Russie vont traiter ensemble?

— Rien n'est plus simple: la Russie reconnoitra Napoléon Empereur des Français et Roi d'Italie; elle sanctionnera l'état actuel de la puissance territoriale et fédérative de la France et elle evacuera les Isles Joniennes.

— Je vois que tous les articles sont en faveur de la France. N'en seroit-il donc point aussi en faveur de la Russie?

— Sans doute: la paix qu'on lui accorde n'en est ce point assez? Peut être elle nous demandera de ne point attaquer la Sicile et de la laisser au cy devant Roi de Naples, mais avant que M. d'Oubril le propose, les Français en seront en possession, parce que Masséna a été déja vis-à-vis de cette isle et que rien ne s'oppose a sa descente. Demanderoit on encore que Napoléon promit de s'abstenir, de nouveaux envahissemens, et de changements dans l'ordre actuel des choses? L'Empereur est bien porté à ne rien entreprendre de plus; il est las de la guerre; elle l'a fait commander à soixante millions d'hommes, ce qui forme la moitie de la population europeenne; il en a obtenu tout ce que la plus vaste ambition pouvoit desirer; mais il ne doit nulle promettre à la Russie, qui doit rester confinée dans le nord, sans pretendre se mêler désormais des intérêts de l'Europe.

— Vous avez satisfait, Monsieur l'Ambassadeur, à ma question sur la maniére dont la France protégeroit l'empire ottoman contre l'attaque des Russes du coté de la terre, mais vous ne m'avez point dit ce qu'on feroit contre les escadres anglo-russes?

— Eh! que pourront-elles faire? S'emparer de quelques isles, bombarder quelques ports: tout cela ne decide rien. Dans de telles circonstances, il faut ne penser qu'à l'essentiel. Quel est le ministre qui a le plus d'influence dans le Divan?

— Le Kiahya-bei.

— Oh! il est de nos amis, mais le Reiss Effendi nous est tout à fait-devoué. Il n'en est pas de même de cet Joussouf-aga, qui est vendu aux Russes.

— Joussouf-aga est précisement ce que pas (?) toujours. Croyez, M. l'Ambassadeur, qu'un ministre comme Joussouf-aga, qui jouit de la plus grande faveur, qui a une fortune immense, ne sera jamais, ni russe, ni français, et qu'on le verra constamment dans les opinions qu'il croira les plus convenables aux intérêts de l'empire. Vos journeaux lui ont fait, ainsi qu'à moi, la guerre à outrance par leur rapports ridicules et mensongers. Livrer de cette manière des hommes d'état à l'encre et au venin d'ecrivains fameliques, n'est qu'un moyen propre à aigrir les esprits.

— Vous avez bien raison, je vais ecrire tout de suite qu'on impose silence aux folliculaires. Mais seroit-il possible d'espérer de voir ce ministre embrasser le parti de la France? Aidez moi en cela et soyez persuadé que l'Empereur appréciera ce service.

— Je suis très disposé à vous rendre tous les services qui ne sont point en opposition avec mes devoirs, et celui-ci le seroit. D'ailleurs j'ai eu l'honneur de vous dire et j'ai celui de vous répéter, que Joussouf-aga sera invariablement dans les sentiment qu'il jugera les plus conformes aux intérêts de son maître. M. l'Ambassadeur, permettez moi quelques curiosités. Que deviendra la republique des Sept-Isles si les Russes evacuent?

— Elles cesseront d'êtres une republique. L'Empereur très decidement ne veut plus entendre parler de républiques. On y nommera un prince, choisi dans l'une de plus puissantes familles qui s'y trouvent.

— Maise un principauté coupée en septisles, habitées par un peuple fort turbulent, me semble une machine politique assez difficile à harmonier.

— Soit comme cela, soit autrement, on trouvera toujours le moyen de la faire aller, mais surtout point de république.

Son Excellence m'a fait entendre de plus belles complaintes sur le sort de la Morée. Les habitans sont gouvernés, dit-il, de la manière la plus affreuse, et le plus grand mécontentement y règne. J'ai lieu de croire qu Bonaparte compte sur ce pays. Il m'a dit avoir vu à Paris les deux rapports à la Porte de M. le Prince Morosi et le mien, sur la battaille l'Austerlitz; que celui de M. de Morosi étoit sincère, et le mien favorables aux Russes. Je lui ai répondu, qu'alors ma correspondance étoit arrêtée, que j'en étoit réduit à recueillir les bruits pu-

blics, et que je n'avais pu écrire à la Porte autre chose que ce que j'entendais dire. Enfin il est encore revenu à ce que je crois sa commission pour Bukarest: il m'a reitéré, que l'Empereur Napoleon avoit oublié le passé; que l'avenir seroit la seule régle de ses jugements; que c'est par des faits et non par des paroles qu'il juge des hommes; que les prétextes, qui, jusqu'ici, sembloient justifier ma conduite, ne pouroient plus être ecoutés, parce que tout avoit changé, et qu'aucune influence russe ne devoit plus exister; que si je donnais des preuves de mon attachement au seul sistème convenable désormais aux veritables intérêts de la S. P. je devois compter sur la bienveillance, sur la puissante protection de son maitre, et sur une principauté à vie, mais qu'autrement je pouvois m'attendre à tout son ressentiment. Ou je me trompe fort, ou cet homme aura fait bientôt quelque insigne sottise a Constantinople.

Il faut conclure avec confiance de ce torrent de paroles debordés de l'intempérance de Son Excellence, que tout en protestant ne vouloir point se mêler des affaires de la S. P., les Français prétendent conquérir la Turquie d'Europe à commencer par la Morée, où ils se croyent un parti, et où je vois qu'ils visent à établir un gouvernement de leur façon. De là ils établiroient leur ligne de communication, par Prevesa, à Cataro, ligne flanquée et soutenue par leur Prince Jonien. Cataro, Raguse seroient leurs foyers, leurs arsenaux et leurs magasins. Cette ligne conduit à une autre à travers la Bosnie et la Servie jusqu'au Danube. Là leurs Princes à vie de Valachie et de Moldavie, acheveroient la ceinture par la Dniester jusqu'à la mer noire, que les Français, par ce tracé viendroient contester à la Russie. Ainsi le mur elevé entre l'empire russe et la Turquie se trouveroit en même tems l'enceinte de la prison des Ottomans, dont l'empire pret à s'écrouler, laisseroit la France l'heritière de ses dépouilles. Et puis en même tems le grand chemin de Constantinople à Alexandrie et au Caire, et du Caire à Madras et à Delphi, et puis enfin le monde entier devenu trop étroit pour contenire tant d'ambition et d'activité.

Tout cela est très fou sans doute, mais si les Français étaient sages il n'y auroit point de raison pour le craindre, et ils ne sont térribles qu'en raison de leur extravagances.

Bukarest, le 23 juillet 1806.

P. S. J'apprends de Rustuk, qu'immediatement en sortant de son batteau, M. l'ambassadeur était accouru chez Tersénik-Oglou, et lui avoit dit, tout haletant d'empressement et d'ardeur: — je viens satis-

faire mon impatience d'avoir l'honneur de vous voir, m'acquitter des ordres de l'Empereur, mon maître envers vous, et vous dire de sa part, qu'il connoit votre brillante valeur et que se considérant comme l'ami, le frère d'armes des tous les braves de son siècle, il vous assuroit de son amitié et vous demandoit la vôtre; que vous pouviez disposer de son crédit, de ses forces et de toute sa puissance, et que dans les démêlés qui pouvoient survenir, s'il vous étoit utile qu'il joignit ses troupes aux votres, vous n'aurez que désirer, elles voleront à votre secours. En attendant, si mon influence peut vous servir à la Porte, disposez de moi. La première chose que je ferais en arrivant, sera de vous recommander dans les meilleures termes, et comme l'une des personne que mon maître honore de sa plus haute protection. — Ensuite il a commencé une longue diatribe sur la Russie, pour prouver qu'elle étoit sans ressources, sans instruction et hors d'état, sous tous les rapports, des combattre les François.

Tersénic-Oglou lui a repondu avec beaucoup de dignité: — Je remercie votre maître de son amitié et vous de votre empressement. Je n'ai besoin de personne à la Porte. L'Empereur Selim me connait assez. Je ne veux point d'autres recommandations auprès de lui: et je vous prie de vous abstenir de parler en ma faveur. Quant aux Russes, je les connois avant vous, et j'eus toujours lieu de me persuader de leur bravoure. Nous avons vû aussi les François en Syrie.

Souhaitant tirer quelque lumière de S. E. Tersénic lui a demandé par quelle route il feroit arriver des troupes françoises à Rustuk. Par la Valachie, a repondu l'ambassadeur émissaire.

De ces nouvelles gasconades il résulte une preuve de plus, que le projet de former une puissance fédérative françoise, chez les musulmans même, est decidement arrêté dans le gouvernement françois. L'état de paix, pour ce dessin, lui seroit plus favorable encore que celui de guerre. Ainsi que l'on s'arrange comme l'on voudra, que l'on se batte ou que l'on signe des traités, le Français seront toujours ici ou des ennemis ouverts ou des ennemi sous le masque, et infiniment plus dangereux sous le déguisement.

Tout ce que l'on vient de lire est rapporté litéralement. On y peut compter.

IV.

Письма и донесенія русскаго главнокомандующаго въ придунайскихъ краяхъ, барона Мейендорфа, къ министру иностранныхъ дѣлъ князю Чарторижскому въ С.-Петербургъ.

1806.

№ 172. 1. Получ. 29-го марта.

Милостивый Государь мой

Князь Адамъ Адамовичь!

Получа сего дня отъ россійскаго консула Болкунова въ Яссахъ находящагося, заграничныя извѣстія не доставляя оныя чрезъ господина генерала отъ кавалеріи Михельсона, принужденнымъ нашелся отправить прямо Его Императорскому Величеству чрезъ Ваше Сіятельство, потому что на всѣ мои представленія къ нему, генералу Михельсону, отъ 14-го февраля, не имѣю я отъ него никакой резолюціи, и потому, гдѣ нынѣ находится неизвѣстенъ, а дабы не потерять въ должномъ по сему предмету исполненіи напрасно врѣмяни, рѣшился сіе здѣлать. О чемъ увѣдомя Ваше Сіятельство о причинѣ таковаго моего исполненія, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя моего

покорнѣйшій слуга

Баронъ Мейендорфъ.

въ Тульчинѣ
Марта 12 дня 1806 г.

Записка Букарестскимъ и Задунайскимъ новостямъ до 23 Февраля 1806 года.

ad № 172.

На прошлой недѣлѣ посланы были изъ Царьграда ферманы Порты, нарочными хасакчіями и заимами, къ Терсеникли-Оглу и прочимъ командующимъ по берегамъ Дуная, съ приказаніемъ, набирать войска и приготовлять провіантъ и аммуницію для турецкой арміи; Терсеникли-Оглу велѣно послать до 15 т. человѣкъ военныхъ къ Бекиръ-пашѣ назначенному сераскеромъ въ Измаилѣ и имѣющему порученіе поставить до 20 т. въ Бендерахъ и Хотинѣ, и устроить армію до 40 т. человѣкъ противъ россійской границы.

Настоящему Румель-Валесію приказано выступить въ походъ съ 40 т. Босняковъ противъ Сербовъ, и устроить въ Софіи лагерь изъ 50 т. человѣкъ, собравъ ихъ отъ Аяновъ и другихъ ближнихъ тамъ Саргатовъ.

Затеси и Нузюль-Еминіи Порты съ Ферманами разосланы по разнымъ мѣстамъ и крѣпостямъ, для приготовленія войска и провіанта.

Нарочные татары и чиновники Порты посланы къ командующимъ войсками, равно какъ къ Терсеникли-Оглу, и Позвантъ-Оглу съ казною для вышесказанныхъ приготовленій. Терсеникли-Оглу какъ увѣряютъ отвѣчалъ Портѣ что онъ никакъ не можетъ отдѣлить отъ себя войска и отдавать его подъ команду другаго Паши, объявляя при томъ свою готовность поставить на ноги 50 т. корпусъ и желаніе командовать онымъ лично, еслибы Порта рѣшилась объявить войну; что онъ въ состояніи достать провіантъ и фуражъ на щетъ Порты, но не иначе какъ вольнымъ торгомъ, ибо постановленная цѣна почитается имъ вредною для народа; кажется Терсеникли-Оглу самъ опасается Порты, и потому никакъ не согласенъ раздѣлять военныхъ своихъ силъ.

Турки велѣли уже обезоруживать весь народъ христіанскій въ Румеліи, отъ Базарджика до Софіи; а въ Царьградѣ не отбираютъ бератовъ и фермановъ отъ состоящихъ подъ иностранною протекціею, но вѣлятъ, имѣющимъ оныя, ѣхать по своимъ мѣстамъ куда кто назначенъ.

Позвантъ-Оглу сильно занятъ въ военныхъ своихъ дѣйствіяхъ противъ Сербовъ и Болгаръ: онъ старается ласками приглашать къ себѣ князей Украйны[1]), одѣвая ихъ капотами и собольими шапками и позволяя убивать всякаго Турка, который бы чинилъ имъ безпокойствіе, а въ нѣсколькихъ сумнительныхъ ему селеніяхъ, жителей перебить, женъ же и дѣтей ихъ велѣлъ сжечь, въ перепалкахъ противъ Сербовъ нѣсколько раненыхъ Турокъ привезены въ Виддинъ, а многіе убиты.

Валахское правительство опасается, чтобъ Порта не послала войска въ Валахію, подъ видомъ дѣйствія противъ Сербовъ въ пользу Ниготина и Видина, по требованію Позвантъ-Оглы.

На дняхъ Позвантъ-Оглу велѣлъ убить въ Видинѣ греческаго епископа Калиника, равно какъ брата его и другихъ родственниковъ, тамъ находящихся, изъ коихъ одного, бывшаго на службѣ

---

[1]) Вмѣсто «Краины».

Валахской въ Калафатѣ. Точной причины такому жестокому поступку неизвѣстно, однако тамошніе Капи-кегаи Господарскій думаетъ, что сіе произошло отъ подозрѣнія помянутаго епископа касательно Болгаровъ.

Терсеникли-Оглу подъ смертною казнію запрещаетъ провозъ изъ Турціи въ Валахію съѣстныхъ припасовъ. Въ Шистовѣ и Измаилѣ чиновники Порты съ ферманами собираютъ явно войска, говоря что для войны противъ Россіи, а другіе думаютъ что всѣ сіи приготовленія чинятся противъ Сербовъ.

9-го здѣсь узнано, что англійскаго курьера и при немъ янычара слѣдовавшихъ сюда изъ Царьграда, разбойники на дорогѣ убили близъ Караштира и что французскаго янычара ограбили.

Въ Шистовѣ и окружности тамошней Терсеникли-Оглу велѣлъ обезоружать Болгаръ опасаясь Сербовъ.

Французской здѣсь комисаръ Сенъ-Люсъ велѣлъ на сихъ дняхъ, чтобъ всѣ находящіеся здѣсь французскіе подданные надѣвали національную свою кокарду.

Янинскій Али-Паша имѣя приказаніе отъ Порты обезоружить въ своей губерніи христіанскій народъ, призывалъ къ себѣ коджибаміевъ, коимъ объявя ферманъ Порты, велѣлъ оный исполнить въ тридневный срокъ; какже симъ коджи-баміямъ не удалось склонить народъ къ сдачѣ оружія, то оный паша велѣлъ убить изъ тѣхъ коджи-баміевъ семь человѣкъ, потомъ вторично назначилъ срокъ для доставленія къ нему всего оружія; за симъ 30 т. человѣкъ вооруженныхъ жителей, дошедъ прямо къ пашѣ сказали свое сопротивленіе и стращали настояніемъ о смѣнѣ его, крича, что они яко вѣрноподданные Султана, не оставятъ испросить другаго надъ ними начальника. Али-Паша видя такое неожиданное сопротивленіе принужденъ былъ оставить свое требованіе, онъ, увѣряютъ ругая Порту и стараясь утишить народъ, позволилъ оному по прежнему быть съ оружіемъ; Суліоты изъ Корфы соединясь съ Чамами, настаиваютъ чтобъ возвращена была имъ отъ Али-Паши крѣпость Сула.

Сербы занявъ Ниготинъ, успѣли взять въ полонъ Кара-Мустафу Позвантъ-Оглова съ 40 турками. Сему Кара-Мустафѣ поручено было отъ Позвантъ-Оглу захватить и доставить въ Видинъ Украинскаго оберъ-князя, который однако перебрался къ Сербамъ; Молла Позвантъ-Огловъ требуетъ отъ Валахскаго исправника въ Мехединцѣ провіанта и фуража для своего войска: чтобъ сіе непремѣнно и скоро исполнено было, послалъ одного булюкбашія при 40 туркахъ въ исправникатъ.

Господарскій Капи-кегай изъ Видина бѣжалъ, не могши удовольствовать разныхъ претензій Позвантъ-Огловыхъ; за нимъ гнались Турки но не догнали; въ слѣдствіе чего жители въ Крайнѣ весьма устрашались, и большею частію приготовились къ побѣгу. Таковое происшествіе не мало тревожитъ и въ Букарестѣ жителей.

Говорятъ, что въ Шистовѣ и другихъ задунайскихъ сархатахъ набираемы турецкіе войска, приготовляются къ отправленію на лодкахъ Дунаемъ для Измаила, Бендеръ и прочихъ Бессарабскихъ крѣпостей.

19-го прибылъ изъ Царьграда сюда извѣстный французскій емисаръ Ру, при одномъ кабинетъ-курьерѣ съ депешами ихъ миссіи, съ письмами Султана къ Бонапартію, съ таковыми же верховнаго визиря къ Талейрану, и нѣсколькими богатыми подарками отъ Порты французскимъ министрамъ; онъ того же дня вечеромъ отправленъ французскимъ здѣсь комисаромъ, чрезъ Вѣну въ Парижъ.

Вѣрно — Генералъ отъ Кавалеріи баронъ Мейендорфъ.

2.

№ 169. Получ. 7-го февраля 1806 г.

Милостивый Государь мой
Князь Адамъ Адамовичь!

Имѣю честь доставить при семъ къ В. С-ву извѣстія полученныя мною вчерашній день отъ консула Болкунова въ Яссахъ находящагося для всеподданнѣйшаго поднесенія Его Императорскому Величеству.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя моего
покорнѣйшій слуга
Баронъ Мейендорфъ.

Въ Тульчинѣ
Генваря 29-го дня 1806 г.

Записка Букарестскихъ и Задунайскихъ новостей до 15 Генваря 1806 г.

ad № 169.

2-го Генваря проѣхалъ чрезъ Букарестъ въ Константинополь г. Ру секретарь тамошней французской миссіи и нѣкто Дюваль,

первый съ депешами, а послѣдній по собственной надобности. Они преподали Господарю Ипсилантію извѣстіе о заключеніи между Австріею и Франціею мира.

Пріѣзжіе изъ Сербіи увѣряютъ, что Черный Георгій занялъ форштаты Бѣлграда, что жители и гарнизонъ согласны уже были здать ему крѣпость, но Кусанчали-Хамель успѣвъ захватить на рѣкѣ Савѣ цесарскіе судны съ хлѣбомъ привелъ себя въ состояніе держаться еще противъ осаждающихъ, которые не смотря на угроженія со всѣхъ сторонъ турецкихъ войскъ сильно стѣсняютъ онаго.

Позвантъ-Оглу истощивъ всѣ средства къ успокоенію Болгаръ въ Виддинскомъ Округѣ примѣчалъ наконецъ Терсеникли-Оглу, для предупрежденія могущаго воспослѣдовать соединенія всѣхъ христіанъ за Дунаемъ съ воюющими Сербами, нужно чтобъ онъ согласно съ нимъ дѣйствовалъ и на оныхъ; но Терсеникли-Оглу отвергнулъ сіе предложеніе, отзываясь, что ему приказано послать войска только противъ Сербовъ, а не трогать Болгаръ.

Турки изъ Журжи и Рущука, которые по обыкновенію выдаютъ впередъ деньги валахскимъ жителямъ для закупки здѣшнихъ продуктовъ, истребовали назадъ розданныя суммы, будто изъ осторожности, чтобъ настоящіе въ Цесаріи замѣшательства не коснулись и до сей провинціи. Самъ Терсеникли-Оглу старается всячески набогащаться, поручивъ нынѣ купцамъ искупить на его счетъ въ Валахіи до 5,000 быковъ, чемъ дѣлаетъ не малый подрывъ для капанлыковъ Порты.

Возвратившійся 6-го числа изъ Орсовы извѣстный боярінъ волошскаго Господаря, подтвердилъ, что кромѣ Бѣлградской крѣпости, Сербы блокируютъ также и Ниссу. Черный Георгій принужденъ былъ взыскать генеральные подати съ жителей, а именно 600 мѣшковъ на заплату полученной изъ Цесаріи аммуниціи, а 700 мѣшковъ же для отсылки къ Султану въ уплату трибута, принадлежащаго отъ сербскаго народа.

8-го получено извѣстіе, что Черный Георгій точно занялъ Бѣлградъ.

15-го Реджебъ-ага орсовскій извѣстилъ Господаря, что корпусъ до 30 т. человѣкъ Сербовъ занялъ крѣпостцу Борицу возлѣ Орсовы, и что Реджебъ-ага предвидя опасность быть атакованнымъ въ своемъ мѣстѣ, проситъ помощи войсками и деньгами.

На дняхъ получено извѣстіе, что за нѣсколько предъ симъ, отправленный изъ Царьграда здѣшней австрійской агенціи сержантъ на пути близъ Силивріи убитъ разбойниками, и что бывшій съ

нимъ провожатый Турокъ раненый возвратился въ столицу съ пакетами въ чемоданѣ сохраненными, которые присланы сюда уже съ другимъ курьеромъ.

Вѣрно — Генералъ отъ Кавалеріи Баронъ Мейендорфъ.

V.

Письма и донесенія русскаго дипломатическаго агента въ Букарештѣ, Константина Родофиникина, министру иностранныхъ дѣлъ Андрею Будбергу [1]) въ С.-Петербургъ.

1806.

№ 198. 1. Получ. 28 августа.

М. Г. Андрей Яковлевичъ!

(пропускъ)

Гетманъ Маврокордато признался, что не возможно никакъ сомнѣватся въ дружественныхъ расположеніяхъ Государя Императора къ Портѣ, но что сіа нынѣ находится въ критическомъ положеніи ибо не можетъ почти угодить Россіи не оскорбивъ Францію коей могущество весьма устрашаетъ турецкое министерство, что хотя граница Порты съ Франціею необширна и удобозащищена быть можетъ, но французскіа арміи не уважившія въ прошедшемъ

---

[1]) Имѣя въ виду замѣчаніе г. Попова (I, 57) о томъ что Андрей Будбергъ сдѣланъ былъ министромъ въ 1807 году, тогда какъ письма эти писаны годомъ раньше, никакъ нельзя было отгадать, кто бы могъ быть Андрей Яковлевичъ къ которому адресованы эти письма. Между тѣмъ по сообщенію г. директора архива министерства иностранныхъ дѣлъ К. К. Злобина я узналъ, что изъ высшихъ лицъ, не говоря о Андреѣ Яковлевичѣ Будбергѣ, въ дипломатіи съ этимъ именемъ и отчествомъ, участвовало только одно лице, именно полномочный министръ въ Константинополѣ Андрей Яковлевичъ Италинскій.

Но съ другой стороны, изъ документовъ хранящихся въ названномъ архивѣ, видно, что Будбергъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ не въ 1807 году, а еще съ 17 іюня 1806 года. Есть и другія бумаги въ архивѣ подтверждающія, что письма эти писаны именно къ А. Я. Будбергу.

Изъ послужнаго списка А. Я. Италинскаго видно впрочемъ, что онъ съ 1800 г. былъ посланъ полномочнымъ министромъ въ Константинополь, гдѣ и находился въ этомъ званіи до 1810 г., когда отозванъ былъ отъ своего поста. Быть можетъ, что письма были адресованы и на его имя въ Константинополь, и позже съ другими дѣлами могли попасть въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; но всетаки остается болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что письма адресовались Родофиникинымъ прямо министру Будбергу въ Петербургъ.

году прусскія области, могутъ еще менѣе уважить австрійскія и соединясь съ Сербами дѣйствовать съ здѣшней стороны. Не говоря о невозможности сего событія, отвѣтствовалъ я ему: ибо Австрія долженствующа опасатся оскорбить Россію, никогда не подастся на подобное требованіе Франціи; знатныя силы россійскія мгновенно поспѣшатъ на помощь Портѣ; сверхъ же сего оная имѣетъ легчайшее средство избавится отъ той опасности устроить благосостояніе Сербовъ, тогда вмѣсто враговъ будетъ имѣть защитниковъ противъ французскихъ войскъ тѣмъ паче, что оныя никогда не могутъ быть посланы сюда въ знатномъ числѣ, какъ по трудностямъ въ продовольствіи, такъ и по отдаленности сихъ краевъ, я присовокупилъ еще что господа Греки фанарскіе кои существуютъ отъ избытковъ Молдавіи и Валахіи и кои управляютъ умами турецкаго министерства, найболѣе должны бы старатся успокоить Сербовъ и доставить имъ отъ Порты желаемые ими выгоды, дабы тѣмъ обеспечить край сей совершенно отъ всякаго непріязненнаго вторженія; Сербы получивъ выгодные права буду всѣми силами защищать границы свои противъ кого бы то нибыло. Гетманъ Маврокордато согласился съ моимъ мнѣніемъ и тѣмъ кончился разговоръ нашъ, которому какъ онъ такъ и я старались давать видъ фамиліарнаго разсужденія двухъ частныхъ людей.

(пропускъ)

Пребываю и пр.

Всепокорнѣйшій слуга

К. Родофиникинъ.

Яссы,
августа 6 дня 1806 г.

№ 202 (секретно). 2. Получ. 26 августа 1806 г.

М. Г. Андрей Яковлевичъ!

Пріѣхавъ въ Букорестъ 11-го числа сего мѣсяца, я былъ на другой день приватно у Господаря Ипсилантія; онъ принялъ меня съ искреннею откровенностію, но съ крайнимъ прискорбіемъ написаннымъ на лицѣ его, князь сей можно сказать убитъ отъ извѣстія, якобы Россія заключила самый невыгодный миръ съ Франціею. Слава Россіи, сказалъ онъ мнѣ со слезами въ глазахъ, помрачилась, естьли разсѣваемые слухи и свѣдѣнія дошедшія отъ агентовъ моихъ въ Вѣнѣ справедливы, турецкое министерство приписывая все сіе слабости Россіи возгордится паче прежняго и потеряетъ всякое

уваженіе къ сей сосѣдственной державѣ. Князь Ипсиланти весьма сожалѣетъ что не внялъ Кабинетъ нашъ представленіямъ его; мнѣніе сего Господаря таково что хотя-бы и былъ заключенъ нынѣ миръ съ Франціею, Бонапарте по познаніямъ кои имѣетъ о его правилахъ, сыщетъ способъ дабы занять Россію и другіе державы, а между тѣмъ покоритъ всѣ турецкіе области; что Россія потеряетъ на всегда всякое вліяніе и уваженіе естли подастся даже и на то чтобы принять отъ щедротъ Франціи часть турецкихъ областей; удивляется весьма какъ мы мало уважили Сербовъ коихъ силы простираются нынѣ до 40,000 человѣкъ, но могущіе быть умножеными до 70,000 естлибы имѣли средства къ вооруженію. Они теперь не получая никакого пособія денежнаго и съ трудомъ доставая порохъ и свинецъ изъ предѣловъ Австріи, принужденными найдутся прибѣгнуть къ Бонапарте, который не преминетъ извлечь желаемую для себя пользу; напротивъ того Россія съ помощію Сербовъ, съ помощію 30,000 человѣкъ коихъ можетъ вооружить Молдавія и Валахія и съ помощію Рущукскаго аяна и другихъ бунтующихъ, кои всѣ присоединятся къ Россіи, естли будутъ разсѣяны манифесты съ увѣреніями, что не покоритъ турецкую имперію но возстановить повсюду устройство и порядокъ, желаетъ Государь Императоръ, съ пособіемъ всего сего 50,000 человѣкъ регулярнаго войска, которое беретъ на себя князь Ипсиланти содержать на иждивеніе здѣшнихъ провинцій, достаточны къ покоренію или естли система Двора того требуетъ, то къ возстановленію порядка въ турецкой имперіи и къ образованію всего такимъ образомъ, чтобы Россія могла имѣть полное вліяніе и извлекать существенную пользу противъ Франціи.

(пропускъ)

Букорестъ,
12 августа 1806.

Константинъ Родофиникинъ.

№ 203. 3. Получ. 27 августа 1806 г.

Милостивый Государь

Андрей Яковлевичъ!

По мнѣнію Господаря Ипсилантія денежная помощь которую бы нужно дать теперь Сербамъ, должна бы состоять изъ 100,000 піастровъ, то есть около 13,000 червонныхъ, порохъ же и свинецъ не видитъ никакой возможности на сей случай доставить имъ изъ

Россіи, а предпочитаетъ еслибы было внушено австрійскому Двору: колико опасно чтобъ Сербы, лишась всякаго средства къ спасенію, не обратились къ Бонапарте, что Россія, желая удалить сіе событіе для Австріи весьма вредное, предлагаетъ заплатить порохъ и свинецъ коимъ Дворъ тотъ снабдилъ Сербовъ, только чтобъ Сербы были снабжены тѣмъ неукоснительно. Не трудно будетъ кажется увѣрить вѣнское министерство, что Государь Императоръ не имѣетъ никакихъ видовъ на народъ сербскій столько отъ предѣловъ Россіи удаленной, и что единое желаніе отнять у Бонапарте толико сильную помощь, которую онъ можетъ обратить на вредъ Австріи и на разрушеніе Турецкой Имперіи, заставляютъ дѣйствовать Его Величество, что и въ существѣ своемъ весьма справедливо. Напротивъ того, Сербы снабженные порохомъ и свинцемъ достигаютъ своей цѣли, то есть принуждаютъ Порту дать имъ просимыя права и изъ признательности могутъ быть въ нужномъ случаѣ защитниками австрійскихъ предѣловъ. Сіи разсужденія князя Ипсилантія представляя на усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
Всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Букорестъ,
12 августа 1806.

№ 213. 4. Получ. 26 сентября 1806 г.

Милостивый Государь
Андрей Яковлевичь!
(пропускъ)

Въ Виддинѣ и окружныхъ мѣстахъ публикованъ ферманъ Порты, коимъ объявляется что Сербы прощены, потому воспрещается дѣлать на нихъ нападеніе; я же думаю, что сіе не иное что, какъ обманъ или со стороны Порты или самаго Пасвань-Оглу дабы усыпить Сербовъ буде можно и тогда удобнѣе ихъ поразить.

Партія Сербовъ которая къ Виддину доходила, сжечь нѣсколько магазиновъ и мельницъ въ окружностяхъ отступила обратно. Вчерась Каймаканы публично говорили, что корпусъ французскихъ

войскъ вступилъ въ Боснію для нападенія на Сербовъ совокупно съ турецкими войсками. Изъ Рущука дошло свѣдѣніе о смѣнѣ Визиря, Каймакана, Реисъ Ефендія и Муртія, коего перваго занялъ Янычаръ Ага, о другихъ неизвѣстно; Кади-Пашѣ командовавшему регулярными войсками отрублена голова для удовольствованія Янычаръ, кои оную настоятельно требовали. Сегодня 16 число, день къ исходу, не видя прибытія турецкой почты и предполагая съ вѣроподобіемъ что оная за смятеніями между Варною и Рущукомъ еще можетъ опоздать нѣсколько дней, я рѣшился чтобъ не оставить Ваше Высокопревосходительство въ безпокойствіи отъ неполученія отсюда донесеній, отправить мои, не ожидая болѣе.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Букорестъ,
16 сентября 1806 г.

№ 216. 5. Получ. 4 октября 1806 г.

Милостивый Государь
Андрей Яковлевичь!

Капитанъ Новаковичь бывшій въ Санктпетербургѣ Депутатомъ отъ Сербовъ, прибывъ на австрійскую границу съ письмомъ отъ Черни-Георгія къ г-ну генеральному консулу Болкунову, не нашелъ возможности проѣхать далѣе, а потому и поручилъ оное письмо одному купцу изъ Сербовъ который прибылъ въ Букорестъ 16-го числа сего Сентября ночью. Я прочитавъ какъ сіе письмо такъ равномѣрно адресованные къ г-ну Кирико, нужнымъ счелъ отправить тогда же помянутаго нарочнаго обратно съ порученіемъ объявить капитану Новаковичу что ожидаю изъ Петербурга неукоснительно знатной денежной для нихъ помощи, а потому чтобъ прислали какъ возможно наискорѣе человѣка надежнаго для принятія оной: человѣка сего просилъ избрать изъ людей знающихъ положеніе тамошнихъ дѣлъ дабы онъ могъ мнѣ объяснить о числѣ подъ ружейныхъ у нихъ имѣющихся, о числѣ орудій, и о наличномъ количествѣ военныхъ запасовъ; сверхъ того рекомендовалъ я ему чтобъ взяты были нужныя мѣры къ устраненію

безопасной комуникаціи между ими и Валлахіею. Желая удостовѣрить вышеупомянутаго нарочнаго, что Государь Императоръ благоволя особенно къ сербскому народу, повелѣлъ агентамъ своимъ, здѣсь находящимся, оказывать всякое пособіе, я предлагалъ ему на первый случай 2,000 червонныхъ для сербскаго народа, но онъ отказался оные взять опасаясь быть ограбленнымъ отъ Турокъ въ Краіовѣ. Съ онымъ купцомъ я былъ откровененъ по симъ предметамъ ибо увидѣлъ, что отъ его соотчичей ничто сокрыто отъ него небыло. О чемъ долгомъ поставляю донести Вашему Высокопревосходительству.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Яссы,
Сентября 24 дня 1806.

6.

№ 218. Получ. 10 октября 1806 г.

Милостивый Государь
Андрей Яковлевичь!

Съ полученія извѣстія о приближеніи Господарей Суцо и Калимаки, французскія интриги превозмогаютъ повсюду въ здѣшнихъ краяхъ, Паранъ ведетъ себя яко протекторъ Валлахіи и тщится съ обществомъ колкими насмѣшками противъ Россіи, уменьшить любовь и привязанность Валлаховъ. Въ семъ ему весьма способствуетъ каймаканъ Ганджерли человѣкъ давно заслужившій самую постыдную казнь, какъ поведѣніемъ, такъ и нравственностію своею. Здѣсь же Рейнгардъ хотя скромнѣе разглашаетъ однако, что Франція желаетъ возстановить независимость Валлахіи и Молдавіи, избавить оныя совершенно отъ фанарскихъ Грековъ и дать имъ прочное политическое бытіе; внушаетъ имъ чтобъ остерегались оскорбить французское правительство, которое въ такомъ случаѣ любовь свою превратитъ въ мщеніе. Бояры хотя дѣйствительно привязаны къ Россіи, но видя что новый ихъ князь опредѣленный, какъ Рейнгардъ говоритъ, Франціею токмо на время, ѣдетъ спокойно въ Букорестъ. Начинаютъ колебаться. Я стараюсь всячески

удержать ихъ въ должныхъ предѣлахъ, по нынѣ успѣлъ, но далѣе не надѣюсь въ успѣхѣ если дѣла останутся въ настоящемъ положеніи.

На случай разрыва съ Портою прибытіе Суцо и Калимахи наноситъ крайній вредъ для Россіи, ибо постараются опустошить совершенно обѣ провинціи, какъ высылкой всего того, что до продовольствія войскъ касается, такъ и денежными поборами: всѣ предписанія присылаемыя отъ нихъ съ дороги къ Каймаканамъ, доказываютъ доносимое мною; за симъ страшусь еще, чтобъ или Суцо не успѣлъ умертвить Черни-Жеоржа или французское правительство обольстивъ не обратило къ себѣ; одно письмо къ сему отъ Бонапарте, наименованіе его Господаремъ или Великимъ Княземъ Сербскаго народа къ оному способствовать можетъ.

VI.

Записка и секретное донесеніе русскаго агента въ Валахіи и Молдавіи дѣйств. статск. сов. Родофиникина Генералу Михельсону о мѣрахъ которыя должны быть предприняты относительно придунайскихъ земель Турціи.

1806.

№ 207. **1. Записка.**

1-е. Дабы вселить въ народахъ полное къ намъ довѣріе и сдѣлать ихъ совершенно намъ приверженными, должно предписать строжайшую дисциплину въ арміи.

2-е. При арміи имѣть запаснаго пороху и свинцу на 50 т. ружей, какъ равномѣрно если нельзя болѣе то 10 или 12 полевыхъ изъ старыхъ нашихъ пушекъ дабы всѣмъ симъ снабдить Сербовъ, кои повсюду торжествуютъ, и коихъ если успѣваютъ французскіе емисары обратить на свою сторону, нынѣ что Сербы не видятъ никакой существенной помощи отъ Россіи, можетъ крайній вредъ отъ того произойти.

3-е. При мнѣ нужно находиться человѣку знающему хорошо турецкой языкъ, и такому на вѣрность коего, на благоразуміе и на расторопность положиться бы было можно; въ Константинополѣ я старался узнать чиновниковъ состоящихъ при нашей миссіи и при другихъ, но не нашелъ другаго соединяющаго всѣ требуемыя ка-

чества какъ Деваля, Драгомана Неаполитанской миссіи: г-нъ Италинскій моего же мнѣнія. А потому всепокорнѣйше прошу повелѣнія, въ случаѣ войны, пригласить его въ Молдавію. Онъ имѣетъ въ Цареградѣ домъ, семейство и постъ свой, чтобы все оставить должно предложить выгоды, кои кажется мнѣ не могутъ быть ограниченнѣе какъ сто червонныхъ на мѣсяцъ жалованья и 500 червонныхъ единовременно на подъемъ и на дорогу.

4-е. Турки и наипаче янычары вообще въ здѣшней сторонѣ ведутъ явную войну противъ своего Государя, но если узнаютъ, что вѣра и отечество ихъ въ опасности отъ внѣшнихъ враговъ, тогда всѣ обратятся противу сихъ, тогда Россія найдетъ знатную противу себя армію въ совершенной готовности, а потому не только манифестами и циркулярами ко всѣмъ пашамъ и аянамъ, но и поведеніемъ самаго главнокомандующаго и другихъ ґенераловъ должно стараться повсюду доказать, что не для завоеванія, но для отклоненія Порты отъ пагубнаго союза съ Франціей и дабы принудить ее къ выполненію существующихъ постановленій, вступили россійскіе войска.

5-е. Всякое завоеваніе съ здѣшней стороны, доколѣ дѣла съ Франціею не примутъ желаемаго оборота кажется, по слабымъ моимъ понятіямъ, вреднымъ, ибо французское правительство воспользуется тѣмъ чтобы всѣять духъ зависти и недовѣрія въ Кабинетахъ сосѣднихъ Россіи; одно токмо то должно бы имѣть цѣлію, лишить Порту всякой возможности намъ вредить и устроить весь сей край такимъ образомъ, чтобъ онъ нынѣ могъ служить для Россіи крѣпкою оградою, а въ послѣдствіи могъ бы безъ дальняго труда принять тѣ законы кои Его Величеству угодны будутъ; а какъ въ случаѣ естьлибы французское правительство обратило всѣ силы свои на иную границу россійской имперіи, Сія должна будетъ обратить туда равномѣрно массу силъ своихъ и по стеченію обстоятельствъ найдется, можетъ быть. принужденною отозвать отсюда войска свои, то и нужно заблаговременно снабдить меня или того кому сія часть поручена будетъ предварительными наставленіями.

6-е. О Господаряхъ Суцо, Калимахи и ихъ боярахъ изъ Грековъ нужно имѣть повелѣніе: позволить ли имъ бѣжать въ Константинополь или арестовавъ выслать въ Россію; изъ послѣднихъ разумѣется тѣхъ кои извѣстны своимъ пронырствомъ и интригами.

7-е. Главнокомандующему полезно бы было, кажется, уполномочить заключить миръ съ Портою естьли просить будетъ онаго, чѣмъ скорѣе кончатся дѣла въ семъ краѣ, тѣмъ лучше; когда Сербы по-

лучатъ политическое бытіе, когда Аянъ Рущукскій будетъ обезпеченъ какъ Валахія и Молдавія, тогда Французовъ мало опасаться должно съ сей стороны. Естьли Ваше Высокопревосходительство мнѣ прикажете доставить подробнѣйшія объясненія, не преминуто учинить ибо теперь рука болѣе не дѣйствуетъ.

5 сентября 1806 г.

№ 215. **2. Донесеніе.**

Господинъ Генеральный Консулъ Болкуновъ донесъ Вашему Высокопревосходительству обо всемъ касающемся до здѣшнихъ краевъ и о мѣрахъ кои приняты для безопаснѣйшей пересылки куда надлежитъ 13 т. червонныхъ сюда доставленныхъ, имѣю уже токмо донести Вамъ, Милостивый Государь, что Высочайшею Инструкціею мнѣ данною, повелѣно по возвращеніи изъ Константинополя остаться здѣсь подъ какимъ-либо предлогомъ, доколѣ дѣла съ Портою придутъ въ ясность и доколѣ получу дальнѣйшія повелѣнія, между тѣмъ на случай вступленія войскъ россійскихъ въ турецкія области, сыскать средство увѣдомить Сербовъ чтобъ они силы свои не раздробляя для набѣговъ, держали оныя въ массѣ, дабы удобнѣе можно было главнокомандующему Россійско-Императорскою арміею направить ихъ туда, куда нужда востребуетъ. Собрать точнѣйшія свѣдѣнія о возможности здѣсь имѣющейся къ продовольствію арміи и когда Посланникъ Италинскій сообщитъ мнѣ, что разрывъ съ Портою послѣдовать долженъ, тогда приступить секретнымъ образомъ къ заготовленію какъ хлѣба такъ сѣна и овса и обо всемъ томъ донести Вашему Превосходительству. Первое уже исполнено при проѣздѣ чрезъ Букорестъ, послѣднее же по краткости времени я не успѣлъ еще выполнить, узнавъ однако положительно что въ землѣ весьма мало осталось пшеницы, ибо выслано въ Константинополь знатнѣйшее противу прежнихъ лѣтъ количество, овса тоже весьма мало, но въ замѣну сего ячменю имѣть можно, какъ равно въ сѣнѣ обнадеживаютъ что недостатку не будетъ, проса достаточно, которое не знаю можно ли употребить вмѣсто крупъ; со всѣмъ тѣмъ для заготовленія всего нужно время, котораго опасаюсь что не буду имѣть, ибо легко быть можетъ, что курьеръ котораго ежечасно ожидать долженъ изъ Константинополя, побудитъ Ваше Высокопревосходительство къ принятію немедленно рѣшительныхъ мѣръ. Повелѣнія Ваши, Мило-

стивый Государь, коими всепокорнѣйше прошу меня снабдить наставять меня что предначать, какъ равномѣрно о количествѣ всего нужнаго къ заготовленію и въ какихъ мѣстахъ должно чинить таковыя заготовленія.

Пребываю и проч.

24 сентября 1806 года.

VII.

Документы относящіеся къ посылкѣ маркиза Паулуччи въ Австрію, Польшу, Далмацію и Сербію, а именно: рекомендательныя письма министра иностранныхъ дѣлъ барона Андрея Будберга къ сербскому вождю Черному Георгію и русскому главнокомандующему въ придунайскихъ земляхъ Генералу Михельсону и донесенія Паулуччи о положеніи дѣлъ и расположеніи умовъ въ названныхъ земляхъ.

1807.

№ 42. 1.

Будбергъ къ Черному Георгію.

Высокородному и знаменитому Кара-Георгію Петровичу славному вождю народа славено-сербскаго, доброму нашему пріятелю дружескій нашъ поклонъ.

Съ отличнымъ удовольствіемъ узнали мы о побѣдахъ одержанныхъ Вами надъ непріятелемъ имяни христіанскаго и непримиримымъ врагомъ храбраго народа славяно-сербскаго. Принося Вамъ усердное мое поздравленіе съ толико желаннымъ успѣхомъ возвѣду Вамъ: что россійскій полковникъ маркизъ Паулучи, который вручитъ Вамъ сіе мое писаніе, имѣетъ особенное порученіе освѣдомиться о нуждахъ вашихъ, равно и о способахъ извлечь величайшую пользу изъ единогласнаго дѣйствія войскъ Его Величества на Дунаѣ находящихся, и неустрашимаго воинства Вами предводительствуемаго. Ему же приказано увѣрить Васъ паки въ непремѣнномъ покровительствѣ великаго Императора Всероссійскаго и донести намъ обо всемъ, что Вашему Превосходительству угодно будетъ сообщить ему. Итакъ прося Васъ имѣть къ г-ну полковнику Пау-

лучи полную довѣренность во всемъ что онъ Вамъ скажетъ отъ имени Высочайшаго Двора и рекомендуя его особенному вниманію и дружбѣ Вашей, заключаю увѣреніемъ Васъ, что по колику то по обстоятельствамъ возможно будетъ, Вы отъ насъ получите всякое пособіе къ дальнѣйшимъ подвигамъ противу общаго непріятеля способствовать могущее.

За симъ свидѣтельствую Вамъ истинное мое почтеніе и преданность; есмь и пр.

Бартенштейнъ, 11 мая 1807 г.

42. 2. Получ. 30 мая 1807 г.

Будбергъ къ Михельсону.

Милостивый Государь

Иванъ Ивановичь!

Государь Императоръ находя нужнымъ имѣть точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о числѣ французскихъ войскъ въ Далмаціи, о назначеніи оныхъ, о расположеніи тамошнихъ жителей, также и о положеніи дѣлъ въ Сербіи, соизволилъ отправить въ тотъ край полковника Паулучи съ наставленіями, съ коихъ у сего препровождаю къ Вашему Высокопревосходительству точную копію. Изъ оныхъ вы усмотрѣть изволите, Милостивый Государь мой, что главная цѣль сего отправленія есть та, чтобы посредствомъ свѣдѣній, какія соберетъ полковникъ Паулучи о предполагаемыхъ съ той стороны непріятельскихъ операціяхъ, и по увѣренію на мѣстѣ о приверженности къ намъ Сербовъ, Ваше Высокопревосходительство могли тѣмъ удобнѣе и вѣрнѣе располагать Высочайше ввѣренной Вамъ арміей, поставивъ себя въ непосредственное сношеніе съ Чернымъ Георгіемъ, а чрезъ него и съ войсками нашими въ Катаро и на Іоническихъ Островахъ находящимися. Коль скоро полковникъ Паулучи по прибытіи своемъ къ Вашему Высокопревосходительству, доставитъ намъ подробное донесеніе о своихъ замѣчаніяхъ, я неоставлю, по испрошеніи дальнѣйшихъ Его В. повелѣній, сообщить Вамъ оныя безъ замедленія.

Г-нъ полковникъ Паулучи предпочтительно избранъ для исполненія сей комисіи, потому что онъ находясь предъ симъ въ французской службѣ, употребленъ былъ съ отличной довѣренностію въ

Далмаціи по квартирмейстерской части (état major) и слѣдственно весьма въ тонкости знаетъ всѣ тамошнія мѣста и прочія обстоятельства. Рекомендуя чиновника сего особенному вниманію и милости Вашего Высокопревосходительства яко человѣка признанныхъ достоинствъ и знаній, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
Андрей Будбергъ.

Тильзитъ, 21 мая 1807 г.

№ 209. 3. Получ. 7 іюня 1807 г.

Первое письмо Паулуччи къ Будбергу.

Monsieur le Général!

C'est au moment de partir d'ici pour me rendre en Valachie que je me fais un devoir de soumettre à V. E. les notions que j'ai pu aquerir sur la Dalmatie et l'Italie.

L'armée française en Dalmatie et l'état de Raguse est composée du 1-er, 5-me, 8-me, 11-me, 79-me et 81-me régiments d'infantérie, 3 escadrons de cavalérie légére, 2 bataillons de velites italiens, qui font partie de la garde d'honneur de M-r Beauharnais à Milan et 8 compagnie d'artillerie dont 5 italiennes: tous ces corps ne forment qu'une force de 12 à 13,000 hommes en y comprenant une quantité assez considérable de malades qui ce trouvent éparpillés dans différentes localitées, mais principalement dans les hôpitaux de Spalato, Raguse et Zara.

Il n'y a de grosse artillerie que celle des places qu' existoient en Dalmatie du temps du gouvernement venitien et que par le traité de Présbourg les Autrichiens duvent y laisser et très peu d'artillerie de campagne que l'on a transportée de Venise l'année dernière.

L'emplacement des troupes est le suivant: 800 hommes à Zara, 200 à Knin, 400 à Scardona, 600 à Sebenico, 900 hommes à Trau, 1,200 entre Spalato et Almissa; Dernis, Clissa et Sign ont une force de 400 hommes; Imoski, Makarska et Fort-Opus comprenait une de 1,000 hommes; 300 à Lesine, 3,000 dans l'état de Raguse sous les ordres du général divisionnaire Lauriston aide-de-camp de M-r Napoleon; 1,500 hommes sur les ordres du général de brigade Lonay

qui ce sont porté vers Trébigne; et le reste se trouve partagé en détachements peu considerables dans diférentes localité continentales d'aucune conséquence.

Les îles de la Dalmatie à l'exception de Lesine sont entièrement dégarnies.

La forteresse de Zara qui se trouve dans un bon état de défense a de munitions de guerre et de bouche pour 8 mois pour le nombre de sa garnison actuelle.

Raguse dont les hauteurs qui la dominent et l'ecueil de St. Marc qui est au devant de l'embouchure de son port, ont été mis dans un état de défence assez respectable, est aussi approvisionnée pour divers mois.

Lesina a été mis aussi en bon état par l'érection d'un nouveau fort, placé sur une hauteur qui domine l'ancien, qui avait été fortifié l'année dernière peu de temps après son occupation par les Français.

Les magasins militaires sont à Zara, Spalato et Raguse. Dans les autres localités où il a de la troupe les fournisseurs leur font parvenir de temps en temps le nécessaire, ce qui n'est pas suivi avec bien d'exactitude et cause aux municipalités l'obligation de faire face aux besoins du moment, qui sont aquittés par des bons qu'ils ont bien de la peine de réaliser.

On vient de terminer une route voiturable qui mene de Spalato en Bosnie, passant par Sign et actuellement on en construit une autre qui en traversant par Sebenico, Trau, Spalato, Almissa et Makarska devra conduire jusqu'à Raguse. Le véritable objet de ces routes et celui de vouloir faciliter les mouvements des troupes tant dans l'intérieur de la province que pour leur passage en Bosnie.

L'armée de Dalmatie commandée par la colonel général Marmont, dont le quartier général est dans ce moment ci à Spalato, trouve les moyens de l'approvisioner par la Pouille, Ancone, Trieste, Fiume et Venise; et par la Bosnie pour les viandes et d'autres objets de moindre conséquence.

Si les bâtiments destinés à croiser dans les parages de la Dalmatie et du litoral italique faisoient leur devoir, aucun bâtiment ne passeroit; mais il y a beaucoup de négligence dont une preuve est que dans le mois dernier les bâtiments provenant de la Pouille sont parvenus a débarquer leur cargaison dans diférents ports de la Dalmatie notement à Raguse et Lesina, circonstance hereuse pour ce dernier endroit qui se trouvait aux abois, et la garnison au moment de devoir capituler.

M-r le consul Pellegrini animé du zèle pour le service du nôtre Auguste Maître ayant eues de données sûres, que la plus part des approvisionnements en Dalmatie partoient de Trieste par le moyen de fausses déclarations d'expédition, a cru que ce serait mettre un empechement à cette fraude en réfusant d'apposer sa signature consulaire dans les manifestes, s'ils ne sont auparavant garantis par un depôt de 30 f. % de la valeur des objets dont l'introduction est prohibée pour les ports declarés en état de blocus, depôt qui est rendu d'abord lorsque l'on produit une responsale qui justifie l'endroit où la cargaison a été débarquée; le consul en a fait rapport à l'ambassade à Vienne. D'après ma foible opinion il me parait, qu'il serait très utile qu'une telle précaution fût exercée par tous les consules de S. M. I. après qu'ils en eussent reçu l'autorisation de la part de V. E.

La plus part des bâtiments qui forment la croisière sont de corsaires des Bouches de Cattaro qui s'aquittent avec peu de fidélité et sans ordre de cet important objet, n'ayant en vue que celui de faire de l'argent.

L'evêque de Montenegro vient de faire un tentatif sur l'Hérzégovine par Grahovo qui n'a en d'autre résultat, que celui de faire une diversion aux troupes françaises.

Le général Lonay qui commandait à Stagno, s'est porté avec une force de 1,500 hommes sur Trebigne où l'on prétend qu'il soit parvenu a y reunir 5 à 6,000 Turcs. Les Français croyent par la de remplir deux bûts dont le premier est celui d'empecher des progrés de la part des Montenegrins, et l'autre de prouver aux Turcs qu'ils commencent a tenir parole sur le secours qu'ils leur ont promis.

Dans le moment actuel l'on ne doit avoir aucune crainte que le corps commandé par le général Lonay puisse se renforcer; l'ennemi est trop foible en Dalmatie pour oser de partager d'avantage ses forces qui le sont déjà, à cause de la conformation de la Dalmatie et l'état de Raguse, qui présent une très longue ligne de côtes à défendre.

L'armée française dans le Friuli n'arrive pas à 15,000 hommes depuis que les 2 divisions Molitor et Boudet en sont parties pour l'armée du Nord: l'on vient de décomposer les 2 restantes pour pouvoir avoir toujours les divisions n'importe de quelle force. Une preuve convainquante que les Français sont foibles en Italie c'est, que ayant toujours les passages libres en Croatie par 800 hommes à la fois, ils n'envoyent point de secours à cette armée qui serait perdue des le moment que les Serviens penseroient à la conquête de la Dalmatie, ou qu'il plût à S. M. d'ordonner a ses troupes de l'occuper.

L'on vient de mettre Palma Nova dans un très bon état de défense, comme on fortifie avec la plus grande activité aussi Gradisca, pour mettre par ces deux places l'état venetien à couvert d'une invasion en cas de rupture avec la Maison d'Autriche.

Les nouvelles les plus sûres que l'on à de la Dalmatie sont les suivantes: le 2 juin (n. s.) une de nos frégattes, une corvete, un brik et deux grosses chaloupes se présentèrent sous Poglizza et ils y restèrent jusqu'a la pointe du jour 5, qu'animés par l'invitation réiterée des habitans, ils débarquèrent en force de 700 hommes et se reunirent a un petit corps de Poglizzani. Dans la matinée du même jour les compagnies françaises formant environ 200 hommes se présentèrent prés de Stobrez, village du territoire de Spalato, mais elles furent très mal menées par nos troupes: dans la nuit du 5 au 6 tout l'11-me régiment se présenta dérechef pour attaquer nos troupes qu'en union de Poglizzani et des habitans de 3 villages du territoire de Spalato le repoussèrent vigoureusement et l'obligèrent à ce retirer à Spalato dans le plus grand désordre: dans le tems que cette affaire avait lieu le 8-me rgt. placé à Traù s'avançait et s'étant reuni à Spalato à l'11-me rgt. qui venait d'y arriver il se porta sur les 3 villages de Spalato qu'il sacagea et brûla en massacrant même plusieurs habitans avec une cruauté vraiment digne des auteurs de la Ste Barthelemy et des conquerants de la Bastille. Les atrocités commises ont fait perdre le courage à plusieurs de bien intentionnés. Dans le même jour 6. un brik avec 4 autres petits bâtiments armés se présentèrent au devant de Castel Cambio situé entre Trau et Spalato et après y avoir jeté l'ancre ils envoyèrent à terre 2 prêtres: le 1-er curé de l'île de Solta et le 2-d des Castelli [1]) qni cherchèrent inutilement a exciter le peuple à se délivrer du joug qui les opprime. Le soir du même jour le 18-me rgt. placé à Sebenico vint prendre position aux Castelli et le lendemain ces différents rgts. français effectuèrent leur jonction, et sous les ordres du général d'artillérie Turlié attaquèrent nos troupes, qui furent obligé de se rembarquer: le général Testa à la tête de l'11-me rgt. qui formait l'avant-garde entra dans Poglizza qu'il mit à feu et sang en détruisant de fond en comble plusieurs villages; le jour 8 notre brik se trouvait encore ancré à la vue des Castelli et les 2 fregates et 12 autres bâtiments qui s'étoient réunis au devant

---

[1]) Les Castelli sont 6 villages situés entre Traù et Spalato: entre le dernier des ces villages et Spalato l'on voit encore de beaux restes qui font temoignage de la grandeur de Salona ancienne capitale de l'Illirique.

des Castelli, Spalato et Poglizza, cotoyent actuellement entre Makarska et Spalato. Le bruit court aujourd'hui, que le Primorie et le territoire d'Imoski qui est à la frontière turque aye pris les armes, mais on n'a pas encore ici de details éxacts.

S'il est permis de dire mon opinion j'avouerai avec la franchise d'un bon serviteur de S. M. que toutes ces opérations ne peuvent pas être la conséquence d'un plan bien combiné, et qu'elles n'aboutiront à rien autre, qu'à sacrifier les biens intentionnés qui n'oseront plus se déclarer au moment qu'il nous en importerait peut être le plus. Si réelment on veut chasser l'ennemi de la Dalmatie par un débarquement il faut déstiner a cet effet un corps de 6,000 hommes de troupes réglées conduites par un homme qui conaisse bien le pays, qui prenant une bonne position poura s'aider de l'esprit des habitans. Le débarquement devrait alors se faire entre Makarska et Narenta, 1° parceque l'on couperait par là toute communication avec les troupes dans l'état de Raguse, 2° à cause de bonnes positions que l'on pourait prendre et la facilité que l'on aurait a retirer des secours de côté de la mer et 3° parceque l'on tomberait précisement dans la partie qui est davantage animée contre les Français. Celui qui serait assez distingué par S. M. pour obtenir le commandement de cette expédition, conaissant parfaitement les moyens de mettre en jeu l'esprit de la nation dalmate il ne trouverait certainement pas des grands obstacles à surmonter.

Non obstant cette grande facilité de conquerir la Dalmatie, dont je voudrais en être responsable ci j'étois chargé d'une si honorable commission, j'avoue pourtant que je trouve plus avantageux pour le service de S. M. que cette expédition se fasse par un corps de troupes serviennes, car autrement les troupes françaises en Dalmatie se retireroient en Bosnie et par cette mesure hardie ils pouvraient peut-être nuire d'avantage à la bonne cause que leur séjour même en Dalmatie.

L'opinion des Dalmates à l'égard des Français est partagée, mais celle de la plus grande partie de la nation, c'est à dire les Morlaques, qui sont les habitants de la partie septentrionale, celle des paysans de la côte et des îles, comme aussi le bas peuple dans les villes leur est entièrement contraire, tant à cause du changement qu'ils voyent s'introduire dans les idées dominantes de religion et d'anciennes mœurs, commes aussi fatigués des transports des troupes et munitions de guerre et de bouche.

La classe des personnes d'éducations leur est en partie favorable, car l'actuel Proveditour Général à eux la prevoyance de multiplier

les emplois et les employés et de flatter par ce moyen l'amour propre et l'intérêt de beaucoup d'individus, mais pourtant le manque de moyens pour satisfaire aux appointements arrierés de plusieurs mois, à diminué de beaucoup le bon effet que cette mesure devait produire.

Comme j'ai déjà eu l'honneur d'observer les Dalmates en général haïssent les Français, mais en désirant un nouveaû gouvernement, ils ne sont pas tous d'accord: les habitants du rit grec aimeroient de se voir sous l'heureuse domination de notre Souverain, les Latins préféraient le gouvernement autrichien, le clergé seculier latin semble propice aux Français, mais celui de la campagne les haït et faira cause commune avec ceux qui voudront les chasser, comme aussi le clergé régulier, qui à chaque instant se voit priver de ses églises et couvent, et prévoit avec raison dans l'avenir une augmentation de maux, leur est entièrement contraire.

Si l'on sçavait gagner et se servir à propos des franciscains dennomés du Rédempteur, qui ont à eux présque toutes les paroisses des territoires de la partie septentrionale, l'on pourrait en tirer le plus grand parti, comme aussi en sçachant bien ménager les moines et chapelains du rit grec.

Lorsque on a faire contre un ennemi tel que le nôtre il ne faut oublier aucun moyen pour parvenir à lui nuire. Je n'oserais jamais proposer tous les moyens dont se servent les Français pour parvenir à leur bût, car il est incontestable qu'ils en font usage de ceux dont l'idée seul repugne à des gens d'honneur.

Les Français sçavent flatter jusque les passions les plus viles, si cela peut leur attirer quelque utilité: la bravoure et des forces imposantes ne suffisent pas contre un ennemi, qui dans la corruption des mœurs et la trahison cherche et trouve, depuis longtemps presque toujours la base de ses victoires.

Pour faciliter l'occupation de la Dalmatie, si l'on avait une telle intention, il me semble qu'il serait convenable avoir dans les diférents districts des personnes adroites et sûres, les quelles fissent parvenir avec adresse aux habitants des nouvelles qui en mettant de plus en plus en discredit les Français augmentât la bonne opinion pour nos troupes. Les Dalmates sont enthousiastes et d'une imagination très vive et sentent la voix de l'honneur, qualitées que l'on doit sçavoir mettre à profit. Il serait aussi très important de répendre quelques écrits en langue illirique adoptés aux circonstances qu'il leur fit surtout espérer dans les cas d'un changement, l'exemption de plusieurs

droits qu'il souffrent avec peine et dont l'utilité n'est pas de consé quence pour l'état financier de ce pays-là.

Le tableau ci joint sub A, présente Monsieur le Général, un état éxact de la population et état ecclésiastique en Dalmatie dont la connaissance ne me parait pas inutile; j'y ai ajouté l'état de la formation d'un corps de milice provinciale que l'on vient d'établir dans les différentes localitées et j'ai cru que Votre Excellence ne dédaignera pas de connaître l'état maritime de cette province presenté sub littera B.

Je n'ai pu me dispenser d'observer ci dessus que le clergé séculier latin en général est pour les Français; ceux-ci ne laissent aucun moyen pour les gagner, car même par là ils s'assurent des partisans en Bosnie où il y a beaucoup d'individus de ce rit. Conséquent aux principes de verité qui m'animent je dois dire aussi, qu'aux Bouches de Cattaro il faut que l'on aye la plus grande vigilance sur les allures des Latins d'une classe au dessus de la comune, car pour le peuple et les paysans ils sont tous dans les meilleurs intentions possibles. J'ai vu ici plusieurs négociants des Bouches de Cattaro qui sont de ce rit, malheureusement connus pour être favorables aux Français par lesquels ils parviennent à gagner des sommes non indifferentes, voici comment: plusieur batiments des Bocchesi se trouvoient en navigation lorsque leur patrie fut occupée par nos troupes, et pour pouvoir continuer à naviguer sous pavillon autrichien ils se sont établis ici, conservant non obstant leur relations de commerce et de familles aux Bouches de Cattaro, tels que les Florio, Dabovich, Caminovich et tant d'autres, et par cette finesse ils ont l'entrée libre dans tous les ports des puissances belligérantes, circonstance dont les Français sçavent en tirer parti même pour entretenir des relations avec les Bouches de Cattaro: ce que je viens d'avancer est malheureusement appuyé sur des données qui ne me laissent motif à douter sur cette facheuse connaissance.

Par des informations que j'ai prises appuyés sur mes connaissances locales, je regarde comme très facile l'occupation de l'Istrie puisque les Français n'y ont qu'une force de 300 hommes tout au plus, dont 200 environ à Capo d'Istria avec 6 ou 8 pièces de canon et un très faible détachement d'artillerie commandé par un officier, le reste de la troupe se trouve à Pirano. Les Istriens accueilleroient avec transport toute troupe étrangère ne pouvant plus supporter le joug vraiment tyrannique de son Préfet Ange Calafatti, qui n'épargne aucun moyen pour nuire à ceux malheureux pays animé par un ésprit de vengéance contre les habitans pour les torts qu'il croit avoir reçus

du temps qu'il y exérçait l'advocature. L'avoir oté les argens aux églises a mis le comble à la haine qu'on lui porte. Dans le projet de l'occupation de l'Istrie il reste seulement à observer si après l'entière occupation pour s'y maintenir dans le cas que la maison d'Autriche voulut laisser le passage à des troupes françaises provenantes du Friuli et destinées à le reconquerir; car il me parait bien different un article d'un traité par le quel il est accordé le libre passage à des troupes qui se rendent dans un pays sous la domination française, de celui qui protéjerait la conquête d'une possession devenue russe par le sort de la guerre, et dans la quelle il faudrait y pénétrer les armes à la main. Il est très certain que si l'on parvenait à s'emparer solidement, l'on ôterait les subsides à la ville de Venise: en bois, vins, tels et autres objets, qu'en longeant le côtes passent malgré la croisière des vaissaux anglais, comme aussi des differents secours en Dalmatie qui y parviennent par cette échelle: l'on ôterait aussi à l'ennemi par l'occupation de l'Istrie la facilité de recruter des matelots dans un pays où la navigation est très connue, et l'on pourrait même tirer une grande utilité de la marine même istrienne qui a près de 200 bâtiments avec patente et 150 sans patente qui font le commerce de cabotage dans le golfe. Si l'on avait occupée l'Istrie il y a 8 mois, les Français auraient été très embarassés à l'armement de la flotille légère en Italie composée en grande partie par les Istriens.

Si l'on voudrait se rendre maître de l'Istrie, je suis persuadé qu'une force de 500 à 600 hommes serait plus que suffisante, pourvu que celui qui commanderait l'expedition connût le pays et l'art de s'attirer la confiance.

Le débarquement pourrait se faire en deux endroits à Pola ou à Citta Nova, endroits où il n'y a point de troupes et où l'on pourrait se former une parti, avec le quel marcher sur Pirano et Capo d'Istria et garnir toute cette province.

Il y à Venise environ 40 bâtiments de diverses qualités qui menacent continuellement de sortir, mais ils en sont empechés par manque d'équipages instruits à la navigation Le commissaire général de la marine italienne a fait venir dernièrement 300 matelôts de Gènes, et ceux-ci sont ceux qui osent dans des temps favorables de traverser le golfe et de se rendre en Istrie avec des chaloupes cannonières: il y a aussi quelque armateurs italiens d'Ancone que de temps en temps se présentent dans la mer adriatique. Jusqu'à ce moment il n'y a point des troupes espagnoles en Lombardie, et ce pays et

dans son intérieur entièrement degarni de troupes; les gardes nationales font le service des places.

Les Italiens en général haïssent les Français et n'attendent que l'instant favorable pour secouer un joug qui les opprime. Les fortes impositions dont ils sont surchargés leur font regretter leurs anciens gouvernements, et en ajoutant à cela la rigueur de la conscription militaire qui n'a d'égards ni pour les classes ni pour les convenances domestiques l'on poura se faire une idée de la conduite que cette nation tiendrait si elle fût sûre d'être secondée par une puissance qui voudrait agir tout de bon dans ce pays là.

Les habitants de Venise seuls et particulièrement la noblesse et la classe de gens des lettres sont favorables aux Français, les quels avec leurs manières seduisantes et la légèreté de leur ésprit sçavent plaire dans une ville efeminée et adonnée à la molesse.

Le commerce de l'Italie se trouve arrêté, tant pour l'introduction que par l'extraction, depuis que ses ports sont fermés: l'on peut en dire autant de la Dalmatie et de l'état de Raguse: cette republique avait avant cette dernière guerre prés de 260 bâtiments patentés et 200 sans patente.

Les Ragusains en général paraissent attachés aux Français, peut-être même à cause de la haine qu'ils ont acquise contre les Monténegrins dans la circonstance de l'invasion qu'ils firent dans leur état l'année dernière, mais aussi parce que leur republique fut occupée par nos troupes.

Si les renseignement que je viens de soumettre à Votre Excellence ne renferment pas tous les objets qu'Elle aurait droit de prétendre, j'espère que son indulgence ne voudra point l'adjuger à un manque de zèle mais à l'impossibilité absolue de pouvoir, dans mon court séjour ici, en recueillir sur le pays en guerre contre nous des plus intéressants que les présentes.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect.

Monsieur le Général
De Votre Excellence
le très humble très obeissante
très devoué Serviteur
le colonel Paulucci.

Trièste, le $^{6}/_{18}$ Juin 1807.

A.
ad № 209.

POPULATION DE LA DALMATIE, SES ÎLES,

	Du rit grec.	Du rit latin.	De la confession helvétique.	De la religion juive.	Total.	Archevêques.	Évêques.	Chanoines.	Églises grecques.
Zara, Novigradi et Nona..	16.038	34.849	—	—	50.887	1	1	24	23
Scardona.....	2.441	2.916	—	—	5.357	—	1	9	2
Sebenico.....	695	22.343	—	—	23.038	—	1	12	2
Trau.....	264	17,081	—	—	17.345	—	1	12	—
Spalato.....	104	16.084	3	173	16.328	1	—	18	—
Poglizza.....	—	6.566	—	—	6.566	—	—	—	—
Almissa.....	—	5,477	—	—	5.477	—	—	—	—
Makarska.....	12	11.924	—	—	11.936	—	1	6	—
Narenta.....	212	5.287	—	—	5.499	—	—	—	—
Imoschi.....	606	12.798	—	—	13.404	—	—	—	—
Knin.....	14.849	12.856	—	—	27.705	—	—	—	18
Sign.....	1.153	16.266	—	—	17.419	—	—	—	1
Curzola.....	6	5.852	—	—	5.858	—	1	8	—
Lesina et Lissa.....	4	12.412	—	—	12.416	—	1	12	—
Brazza.....	—	10.986	—	—	10.986	—	—	—	—
Pago.....	—	2.572	—	—	2.572	—	—	12	—
Arbe.....	—	4.042	—	—	4.042	—	1	12	—
Veglia.....	—	9.380	—	—	9.380	—	1	12	—
Cherso et Ossero.....	—	10.687	—	—	10.687	—	1	18	—
Totaux....	36.384	220.342	3	173	256.92	2	10	155	46

COMME AUSSI SON ÉTAT ÉCLESIASTIQUE.

Paroisses latines.	Chapellanies latines.	Curés et Chapell.		Bénéfices simples latins.	Grecs.		Couvents.		Latins.		Héremit. latins.		Total.		
		Grecs séculiers et réguliers.	Latins sécul. et réguliers.		Nombre des couventes.	Individus	Couvents des hommes.	Individus.	Couvents des filles.	Individus.	Héremitages.	Individus.	Églises et bénéfices latins.	Couvent et héremitages.	Individus.
92	4	30	98	62	2	25	14	76	2	19	—	—	181	18	274
5	—	3	5	2	—	—	1	23	—	—	—	—	9	1	41
26	1	2	34	30	—	—	5	51	3	12	—	—	59	8	112
19	1	1	25	9	—	—	3	6	2	10	—	—	29	5	55
22	—	—	26	82	—	—	7	103	3	22	4	4	104	14	174
15	10	—	24	—	—	—	—	47	—	—	—	—	25	—	72
9	6	—	17	1	—	—	1	19	—	—	—	—	16	1	36
20	4	—	26	—	—	—	3	58	—	—	—	—	24	3	91
13	—	1	12	1	—	—	—	—	—	—	—	—	14	—	13
15	8	2	25	—	—	—	1	10	—	—	—	—	23	1	37
9	1	25	16	—	1	13	1	14	—	—	—	—	28	2	68
15	11	1	28	—	—	—	1	24	—	—	—	—	27	1	53
8	3	—	11	30	—	—	2	13	—	—	—	—	41	2	33
15	3	1	21	33	—	—	6	17	1	2	—	—	51	7	54
16	5	—	24	15	—	—	2	15	2	14	3	12	36	7	65
6	—	—	5	1	—	—	2	3	1	5	—	—	7	3	25
8	8	—	10	25	—	—	2	13	3	12	—	—	36	5	48
7	5	—	12	35	—	—	4	26	2	11	—	—	44	6	62
6	15	—	37	7	—	—	5	21	1	25	—	—	28	6	102
321	85	66	457	333	3	38	60	539	20	132	7	16	782	90	1.415

ad № 209

TABLEAU

De la force provinciale organisée en Dalmatie dans le courant de Mars 1807.

Districts.	Nombre des hommes.
Zara, Nona et Scardona	500
Sebenico et Knin	420
Spalato, Trau, Clissa et Sign	460
Almissa, Makarska, Imoschi, Vergoratz et Fortopus	460
Îles orientales, c'est à dire: Curzola, Brazza, Lesina et Lissa	210
Îles occidentales, c'est à dire: Pago, Arbe, Veglia, Lussin et Cherso etc.	126
Total	2.226

B.
ad № 209.

TABLEAU

de touts bâtiments patentés et non patentés de la Dalmatie.

Districts.	Bâtiments patentés.							Somme des patentés.	Bâtiments non pat.						Somme.	Somme.	
	Vaisseaux.	Polaques.	Brigs et Brigantins.	Manières espèce de gros. Gabares.	Tartanons.	Goletes.	Pielighi et Trabaques.		Manières.	Tartanons.	Pielighi et Trabaques.	Cattères et autre espèce d. Gabares.	Brusères.	Autres petites Gabares.		Patentés.	Non patentés
	Nombre.								Nombre.							Nombre.	
Zara	1	8	1	2	—	—	1	13	6	—	9	6	—	—	21	13	21
Sebenico	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	—	—	18	31	60	—	60
Trau	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	15	—	—	—	15	1	15
Spalato	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—	7	—	19	—	19
Macarsca	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	108	118	—	118
Arbe	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	2	1	2
Pago	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1
Veglia	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	3	—	9	—	9
Cherso compris les deux Lossins	17	2	42	—	—	3	37	101	—	—	100	—	1	—	101	101	101
Lesina et Lissa	—	2	3	—	—	—	1	6	—	3	44	4	35	—	86	6	86
Curzola	1	—	9	—	—	—	—	10	—	—	3	—	—	—	3	10	3
Brazza	5	4	22	—	1	1	19	52	—	—	32	—	5	—	37	52	37
Total	24	17	78	2	1	4	58	184	6	15	223	10	79	139	472	184	472

Observation.

Il n'y a en Dalmatie que trois chantiers, sçavoir: Curzola, Milna dans l'Île de la Brazza et Trau. Les bois de construction est en majeure partie de l'Albanie Turque, et bien peu en donnent les territoires de Poglizza, Macarsca et Almissa et du bois doux de l'Île de Curzola.

№ 210. 4. Получ. 16 іюля 1807 г.

Второе письмо Паулуччи къ Будбергу.

Monsieur le Général!

Je viens d'arriver à l'instant auprès de M. le Général Michelson, le quel aprés avoir réçu de moi toutes les notions que j'ai pu aquerir sur la situation et force de troupes françaises en Dalmatie et leurs mouvements en Bosnie, et l'avoir informé de tout ce qui a rapport à la Servie, transmet lui même a V. E. par un courier qui était déjà prêt a partir au moment de mon arrivée, une convention que je suis parvenu d'établir avec le chef de la nation servienne.

Voulant profiter du départ de courier, qui ne me donne pourtant pas le temps nécessaire à faire un rapport exacte et circonstancié sur les objets qui peuvent intéresser V. E., je me contenterai de représenter, que si jamais cette convention, qui assure a S. M. un corps de 20,000 hommes du côté de Widdin, où les Turcs se trouvent le plus en force, et 15,000 pour faire une diversion en Bosnie [1]) outre l'obligation de garder la frontière servienne de ce côté là, qui est une ligne assez longue et qui éxige a elle seule une 20-ne de mille hommes; si cette convention, dis-je, devient aujourd'hui inutile par l'armistice avant-coureur d'une paix, comme le général Michelson vient de me dire; je me flatte non obstant que V. E. voudra réconnoître dans ma conduite le zèle qui m'anime pour le service de mon Auguste Maître et le désir que j'ai de me rendre digne de la confiance que V. E. m'a honoré.

Dans les rapports que j'aurai l'honneur de soumettre au départ de premier courier, V. E. me plaindra de ce que je ne connais pas la langue russe, puisque ce défaut m'a fait courir bien des risques à Belgrade, où, malgré mes pièces, on m'a pris pour un émissaire français et comme tel traduit jusqu'au camp de Négotin, circonstance à la quelle pourtant je reconnais la source de la confiance que j'ai fini par inspirer au chef de la nation servienne.

Pour ce qui regarde le prelat Leonti, je me contente pour le moment de citer le 3-me article dicté par Czerni George lui même, le

---

[1]) Opération qui eut été indispensable si la guerre se fut continué, pour empecher les Français qui ont déja fait passer 1,500 hommes vers Trebigne de réunir leur forces a celles des Turcs et par leur présence même donner une autre tournure aux affaires.

quel partage avec sa nation une haine irréconciliable avec tous ceux de la nation greque.

Je transmet ici a V. Excellence une lettre de Czerni George.

J'attend les ordres qu'il plaira a V. E. de me donner comme aussi mon ulterieure destination.

Si malgré la paix, qui aura lieu sous les auspices de V. E., on peut encore entrevoir les avantages qui en auroient resulté par la convention que je vien d'établir, si la guerre eut continué, en augmentant les forces de S. M. de 50,000 hommes outre l'avantage d'aquerir le voeu d'une nation entière, une province que par sa position militaire, politique et commerçante, par son climat, par ses productions et ses forteresses, peût être regardée une des plus intéressantes de l'Europe, je n'aspire alors à aucune autre marque de satisfaction, que celle de continuer à servir directement sous les ordres de V. E.

Outre la convention en original que V. E. recevra par le général Michelsohn, je transmet ici une copie conforme que j'avais fait faire par un motif de précaution.

J'ai l'honneur d'être avec tout le respect et soumission

M. le Général

De Votre Excellence

le très humble très obl. serviteur

le colonel Paulucci.

Du camp d'Ismaïl, le 7 juillet 1807.

5.

№ 211.

Третье письмо Паулуччи къ Будбергу.

Mon Général!

Malgré le circonstances actuelles, les diverses notions que j'ai pu aquerir dans les états autrichiens en les traversant en courier, puissant ne plus prêter d'intérêt, non obstant, pour remplir la tache que V. E. a bien voulu m'imposer, je m'en vais le soumettre aussi succintement qu'il me sera possible.

Dans la Pologne autrichienne il y a 20 régiments d'infanterie qui tous sont au delà du complet et que l'on peut calculer l'un sur l'autre, à 3,500 hommes chacun et 12 régiments de cavallerie, ce qui forme une force au delà de 80,000 hommes, divisés dans les cantonnements

le long de la frontière avec la Pologne prussienne, placés hors de la grande route. Cette armée partagée en brigades et divisions se trouve pourvue de tout ce qui est nécessaire pour entrer en campagne au premier ordre.

La désertion de l'armée française, mais encor plus celle dans les troupes bavaroises et de celles de la Confédération de Rhin n'a pas peu contribué au completement de, l'armée autrichienne, qui s'est exécuté dans un clin d'œil.

Les Polonais en général n'aiment point la gouvernement autrichien, malgré la douceur de son systême, ses manière âpres dans l'éxécution ne sont pas faites pour captiver une nation par elle même inquiete, et que le voisinage de Français, l'espoir de voir s'établir un roi en Pologne en mis dans un espèce d'orgasme.

Le gouvernement de Galicie a été obligé, pour mesures de sûreté, de faire arrêter dans les deux derniers mois plusieurs gentilhommes qui se trouvent actuellement relégues dans diverses forteresses, et de faire placer plusieurs autres comme cadets et même comme simple soldats dans des régiments.

L'on m'a parlé d'une conjuration, qui devoit avoir lieu le noël dernier, époque ou tous les Autrichiens devrient être égorgés à Cracovie: ce qui est indubitable c'est, que dans ce temps là toute la garnison de Cracovie fut sous les armes, et plusieurs pièces de canon furent placées sur les premières avenues de la ville.

De la Galicie en passant par Teschen et Tyrnau, je me suis rendu à Presbourg en remarquant chemin faisant cette frontière d'Ongrie avec la Silesie autrichienne et la Moravie, garnie par un corps de 20,000 hommes d'infanterie ayant son artillerie, ses trains, ses hôpitaux d'ambulance, enfin tout ce qui est nécessaire pour entrer d'abord en campagne.

Bien que l'Empereur d'Autriche aye prohibé toute sort d'extraction de vivres de la Galicie pour la Pologne occupée par les troupes françaises, pourtant j'ai eu des données sûres, que l'éxportation est incalculable au point que Varsovie est abondament pourvue de toute le nécessaire et que les troupes françaises réconessent par là en grande partie les moyens d'avoir pu se maintenir dans ce pays là pendant l'hiver passé.

C'est à Présbourg, oú je me suis arrêté un couple de jours, que j'ai taché d'aquerir des renseignements sûrs à l'égard de la diète d'Ongrie. J'ai appris que les demandes de l'Empereur consistoient dans la formation d'un corps de 100,000 homme denommé d'insurection;

que les régiments ongrois seraient portés au complet, que les soldats qui dépassent les 40 années seraient échangés par de nouvelles récrues; que chaque individu serait ténu de payer l'un pour 100 du capital formant sa fortune, produit pour l'amortissement du papier monnaye, que le sel serait porté au même taux que dans les autres pays sous la domination autrichienne et qui énfin le timbre sur l'or et l'argent en œuvre serait introdouit comme dans les autres provinces ou il existe sous le nom de Punzirung.

Les premières séances ont été très tumultueuses, de façons que l'Empereur a declaré qu'il s'en retournerait à Vienne et qu'en cas que les individus qui s'etoient introduits à la diete sans y être appeliés en qualité de deputé de quelque comitat, ne se retireroient, il dissoudrait la diète. Cette menace et son départ pour la capitale a fait effet, et à Trieste j'ai appris, que l'on avait lieu de croire, que toutes les demandes seroient accordées, et que la seule discussion était encore sur l'insurrection que l'on refusait, exepté en cas que l'Empereur voulut prévenir 6 mois auparavant des motifs qui l'obligéroient à la guerre. D'autre part l'Empereur a deja accordé une des demandes qu'on lui a faites, c'est a dire l'abolition des pièces de 30 kreutzer qu'il avait introduite par une patente du mois de février dernier.

Dans les diverses provinces autrichiennes que j'ai traversé, j'ai eu lieu de m'assurer que généralement l'on desirait le bonheur de nos armes et l'on faisait de vœux pour que le Cour de Vienne se decidât à être de la partie, et spécialement en Ongrie et Croatie, ce désir éclatait dans les militaires et dans le peuple; mais il n'en est pas de même dans la noblesse et spécialement dans les magnats ongrois qui desirent la paix. Bien de personne avec les quelles j'ai taché de lier conversation, tant à Présbourg qu'à Trieste et mêmes d'autres endroits conséquent où j'ai fait des haltes de quelques heures, prétendent que plusieurs des magnats des plus influants à la diète sont pour les Français.

Les forces autrichiennes du côté du Lisonzo: (qui forme la frontière qui separent les états autrichiens du côté de l'état de Venise) sont peu considerables, mais assez respectables sur la frontiere de la Croatie, qui n'en est pas bien éloignée. Depuis Gratz, Klagenfurt, Leybach, Carlstadt et Gospich, il y a certainement une force de 15,000 hommes qui est prête à sortir en campagne.

A Trieste j'ai appris l'ordre que dans chaque district militaire de conscription il doit être formé un 2-d régiment denommé de reserve, qui devra servir à completer le premier: se tenant lui même par une

conscription toujours active, toujours au complet dans ses bordereaux. Ce régiment se ressemblera à une certaine époque de l'année pour recevoir les premiers principes d'instruction et passer la revue: en cas seul d'une urgence il marchera. Les armes nécessaire pour l'armer sont placés dans les chéfs lieux de chaque district militaire. L'organisation de cette éspece de milice est immaginée pour empecher les tristes conséquences qui s'ensuivent après une grande bataille telle que celle de Jena, où, comme par un souffle, l'on vit détruites toutes les forces prussiennes.

D'après l'opinion de plusieurs officiers autrichiens avec les quels j'ai eu occasion de m'entretenir, entre les quels le général St. Julien qui se trouvait à Trieste avec l'Arciduc Louis et le général Zach qui y commande, ils m'ont assuré, que l'armée autrichienne n'a jamais été dans un état plus brillant: certainement d'après mes observations je me crois fondé de calculer cette armée à 300,000 hommes prèts à sortir en campagne, avec la ressource d'une force imposante en cas d'un revers: je ne puis pourtant pas cacher qu'à mon avis elle ne serait pas bien terrible, vu que l'esprit du militaire autrichien est géneralement gaté.

La compositions des officiers subalternes n'est pas heureuse, et la vente des charges n'y a pas peu contribué: cette mesure qui avilit un état qui ne doit connaître le moyen à parvenir, qu'en suivant le chemin de l'honneur et de la gloire, a fait perdre bien de gens braves et instruits qui ont été remplacés par des êtres dont le nom tenait lieu de mérite.

Pour les généraux qui jouissent de quelque réputation et de la confiance de l'armée, l'Autriche n'en a pas, et c'est peut être par un justice qu'ils rendent tacitement à leur manque de moyens, leur penchant pour la paix.

Les généraux Schimpschein et Lindenau, tous deux étrangers au service de l'Autriche, sont les seuls que, d'après ma faible opinion, je crois capables d'être placée à la tête d'une armée.

En traversant la Croatie frontière de la Turquie, le Syrmien et la Valachie autrichienne, j'ai vu tous les régiment de frontières dans un très bel état et aussi prêts à se mettre en marche au premier ordre.

Voila Monsieur le Général les renseignement les plus importants, que j'ai cru devoir présenter; s'ils ne remplissent pas entièrement le but que Votre Excellence se proposait en m'ordonnant de traverser les états autrichiens, Elle devra l'adjuger à l'importance que j'ai mis

de me rendre le plutôt que possible à la frontière de Dalmatie et de là en Servie où je me croyais utile pour les opérations qui auraient du avoir lieu.

Je supplie Votre Excellence d'agréer l'assurance de mon entier dévouement et de mon profond respect.

Mon Général

De Votre Excellence

Le très humble, très obeissant et très obligé serviteur

le Colonel Paulucci.

Rimnik le $^{18}/_{30}$ juillet 1807.

№ 212. 6.

Четвертое письмо Паулуччи къ Будбергу.

Monsieur le Général!

J'ai eu l'honneur de soumettre à Votre Excellence par mon rapport en date du $^{6}/_{18}$ juin dernier, que j'ai remis au consul Pellegrini à Trieste, le nombre des troupes françaises en Dalmatie, leur dislocation, l'emplacement de leur magazins, leur entrée en Bosnie, le degré d'attachement des Dalmates en leur faveur, le parti que nous aurions en menaçant d'attaquer ce pays là, les affaires qui ont eu lieu dans les derniers tems entre nos troupes et les troupes françaises en Dalmatie, les relations des Français en Bosnie, la force de l'armée d'observation dans le Frioul, opinion des Italiens en faveur des Français, situation de l'Istrie, facilité de s'en emparer, et enfin tout ce qui m'a paru capable d'intéresser les vues de Votre Excellence. Non content d'avoir presentés de tels renseignements que j'avais eu dans le très court sejour que j'ai fait à Trieste; j'ai cru qu'il était de la majeure importance de m'assurer d'avantage de la situation des choses en Dalmatie me portant à Belgrade prenant ma route par Fiume, Novi, Zeng, Ottochatz et suivant constament la frontière de la Croatie autrichienne avec la Dalmatie et Bosnie.

C'est dans ce voyage très fatiguant, que j'ai appris l'armement de 1,500 Ragusiens destinés à se joindre aux ordres du général Lonay, le ressemblement de 4 à 5,000 Turcs qui s'etait effectué du coté de Trébigne destinés à aller attaquer la Servie du coté de Zwornik, que j'ai vu par moi-même un transport de plusieurs caissons chargés d'armes et de munitions de guerre, qui passant par Gospich se par-

toient à Knin, et que le général Marmont préméditait de s'en servir pour armer un parti qu'il espérait de se former parmi les Latins en Bosnie, parti qui aurait pu balancer celui que nous aurions pu avoir nous mêmes en pénétrant dans ce pays là.

Les places frontières de Knin et Sign avoient été destinées pour servir d'entrepôts des munitions et armes: en effet le choix ne pouvait être meilleur, car la première aurait servi pour le corps destiné à agir contre la Servie et la 2-de pour celui qu'on aurait formé pour s'opposer aux Monténégrins qui avaient deja faite une incursion dans l'Hérzégowine.

Il est indubitable, que dans les mouvements des Français en Bosnie, l'on doit y reconnaître cette antivoyance capable de déconcerter un ennemi qui n'aurait pas été instruits de leurs forces et de leurs moyens: — pour rendre donc entièrement inutiles leurs mesures, j'ai cru de mon devoir de précipiter ma marche, après avoir tiré les notions les plus éxactes, pour me rendre auprès du chefs de la nation servienne et combiner avec lui un plan d'opérations militaires dont le résultat devait être certainement celui d'ôter la Dalmatie et l'état de Ragusi à la France, la Bosnie et l'Hérzégowine à la Porte et nous frayer le chemin à des plus grandes opérations, par la combinaison que l'on aurait établie, avec celles qu'aurait été en état de faire l'armée de Mr. le général de Michelsohn du côté de Widdin (renforcée par le corps des Serviens), et du côté d'Ismail; et celles qu'auroient effectuées les Monténegrins sur l'Hérzégowine; et les troupes russes aux Bouches de Cattaro, descendant dans l'Albanie.

La convention que j'ai eu l'honneur de présenter à Votre Excellence par mon rapport en date du $^{7}/_{19}$ cour^{t} a anticipé de justifier mon raisonnement, qu'actuellement il pourrait sans cela être regardé comme combiné d'après le changement des choses et circonstances.

En passant par Dubiza autrichienne, j'ai voulu reconnaître si Dubiza turque, qui n'est séparée de la première que par le fleuve *Unna*, est d'une telle importance que l'on n'eut pu se dispenser de s'en emparer avant de s'avancer en Bosnie.

Cette forteresse qu'à l'époque de son dernier siége ne consistait que dans des petites maisons entourrées d'une terraplein revêtu en mur de la forme d'un quarré flanqué de tours sans fossé, contient actuellement un grand corps de logis, que les Autrichiens après l'avoir prise sous les ordres du général Déwins, y bâtirent à l'usage d'une casarme qui peut contenir pres de 1,000 hommes et améliorent

en même tems un autre bâtiment qui forme le coté où cette forterésse est baignée par les eaux de l'*Unna*.

Les parties de l'enceinte, qui eurent beaucoup à souffrir des batteries autrichiennes placées sur une colline qui domine Dubiza n'ont point été retablies, et jusqu'au moment actuel les parties délabrées ont été remplacées par des pallissades.

La garnison de cette place est de 300 hommes: elle n'a que 8 a 10 pieces d'artillerie en batterie et quelques obusiers. La négligence des Turcs à mettre en bon état leurs places, forme un contraste frappant avec la manière obstinée avec la quelle ils les défendent. La moindre bicoque turque coûte plus que n'ont généralement coûté les premières places fortes de l'Europe aux Français à s'en emparer.

M'étant assuré, que cette place ne se trouve point approvisionnée et que le commandant gît dans la plus grande ignorance du péril qu'il court, il est entré dans le plan que j'ai présenté à Czernin Géorge, de ne point attaquer de vive force cette place, mais au moment d'envahir la Bosnie d'y établir un blocus de 500 à 600 hommes.

En suivant ma route le long de la *Sava*, je suis passé à *Ruma* gros village, dont les habitans, la plus part du rit grec, à l'époque de la Pentecôte dernière se révolterent contre leur seigneur le comte Péacsevich, et ce fut avec bien de la peine, que l'Archevêque Stratimirovich, chef de la religion greque en Ongrie, parvint à dissoudre un rassemblement de 3,000 armés, aux quels avec raison l'on pouvait craindre la réunion d'autres mécontents du même rit, qui forment la majeure partie de la population de Croatie, Sirmien, Esclavonie et Valachie autrichienne.

L'Empereur d'Autriche a 12 régiment de frontière, dont la majeure partie est du rit grec, et qui ne paraissent pas trop satisfait de leur sort [a]).

Il n'y a pas de doute que l'organisation entièrement militaire [b])

---

a) Chaque régiment de frontière est formé de 8 bataillons dont chacun de 4 compagnies de Musquetaires et 2 de chasseurs armés des piques et de fusils à deux coups. En temp de guerre ces régiment s'augmentent jusqu'à 5 ou 6 bataillons: l'on en a vu quelques un porté jusqu'à 9 bataillons.

La frontière est divisée en régiments ou districts et d'après la force de la population du district est computée celle du régiment. Les Ongrais dans cette dernière diète ont demandés la réunion de ces pays dans un des articles secrets; mais l'Empereur doit avoir regetée cette demande, qui au fond aurait contribué à alléger le sort des habitans de ces provinces qui sont très malheureux sous le joug militaire.

b) La crainte des incursions par les Turcs fut l'origine de cette organisation

de ces provinces de frontière n'est pas faite pour assurer le bonheur de ses habitans, qui vivant sous un beau ciel, ayant un sol très fécond, gissent non obstant dans la plus grand misère et si l'on ajoute à cela le mepris que l'on affecte pour leur religion, à la quelle ils sont très attachés, l'on sentira combien doivent être portés pour un changement.

Par ce que je viens de rapporter sur les habitans de la frontière, l'on peut y trouver assez de motifs pour expliquer les craintes de la maison d'Autriche sur l'influence de nôtre Cour en Servie et ses intrigues pour y mettre des entraves.

Voila mon Général les connaissances que j'ai pu tirer dans mon voyage. La brièveté du temps que j'y ai occupé formera peut-être un motif à l'indulgent caractère de Votre Excellence pour m'éxcuser si je n'ai pas entièrement rempli le but dont Elle s'etait proposé en m'honorant de la commission que je viens de terminer, pour ne pas y méconnaitre le zéle qui m'anime pour le service de Sa Majesté et le desir de me rendre digne des bontés de Votre Excellence.

J'ai l'honneur d'être avec la plus respectueuse soummission

Monsieur le Général

De Votre Excellence

Le très humble, très obeissant et très devoué serviteur

le Colonel Paulucci.

Rimnik, le 18/30 juillet 1807.

№ 213. 7. Получ. 31 іюля 1807 г.

Пятое письмо Паулуччи къ Будбергу.

Monsieur le Général!

Après avoir teminé du prendre dans les états autrichiens le renseignements que j'ai eu l'honneur de soumettre à V. E. tant par mon rapport que j'ai remis a Trieste à Mr. le consul Pellegrini, que par ceux qui seront présentés à V. E. conjointement a celui-ci, je me suis rendu à Semelin où le colonel autrichien commandant de la frontière

---

de la quelle tire sa source l'ignorance crasse dans la quelle vivent ces peuples d'origine slave, chez les quels on voit encore régner ces vertus simples et hospitalières des peuples bergers, qui devroient faire rougir les nations les plus civilisées, qui n'en conservent plus le souvenir que dans les romans.

me declara qu'il ne pourait pas me laisser passer, car mes passeports portants que je me rendais en Valachie, il n'était pas du tout naturel de passer par la Servie, qu'outre que par là j'alongiais ma route, j'aurais le désagrement de devoir faire plusieurs journées à cheval, d'être dans la necessité de repasser le Danube, de subir une espèce de quarantine de 7 jours et enfin traverser la Transilvanie pour me rendre a Bukarest. Par les divers propos que ce commandant me tint, j'eu motif de reconnoître qu'il avait des instructions secrètes pour difficulter autant que possible le passage d'étrangers en Servie, qui pourroient être supçonnés de vouloir former des relations politiques dans ce pays, mais pourtant pas une prohibition positive capable a compromettre sa cour. D'après cette découverte je lui déclara que s'il insistait d'avantage à me refuser de me laisser passer j'expédierais une estafette à nôtre ambassade a Vienne pour me plaindre de la violence qu'il me faisait: cette ménace eût un heurex résultat puisque après m'avoir trainé pendant une journée il finit par me mettre en liberté de me rendre à Belgrade, où j'arriva le 18 du mois de juin dernier. Ma réception fut faite avec des marques d'estime, mais cette conduite se changea le lendemain, que plusieurs negociant de Semelin vinrent s'aboucher avec Mr. Mlade Millovanovich commandant de la place et lui inspirer de la méfiance contre moi, méfiance que augmenta par une réponse qu'il réçut du commandant autrichien, la quelle ne tendait a rien moins qu'a me supposer un imposteur. Mon ignorance dans la langue russe ne contribue pas peu à établir les doutes du commandant, homme par lui même soupçonneux comme ignorant et brutal.

Ayant aquis de craintes sur ma propre sûreté, par l'air géné que je remarquai peinte sur les phisionomies de ceux, qui sous la masque de me faire honneur m'entourroient, j'immagina qu'il pourrait m'être très-avantageux de gagner la confiance de Mr. Michel Ivanovich Philipovich Grujevich, secrétaire du commandant de Belgrade et qui est translateur pour les langues russe et allemande: mes raisonnaiments et plus encore ma répétion en or que je lui fit présent me le gagnerent au point qu'il me mit au fait des risques que je courrais.

Ne sachant quel autre partie prendre, je faignis la plus grande sécurité et il me parut que ce moyen produisait un hereux effet, lorsque le soir du 20. Mr. Millos Urossovich négotiant de Sémelin fixe l'opinion du commandant, le quel sans plus conserver le moindre ménagement me declara d'un ton dur et impératif: que comme les ordres de son chef à mon égard rétardoient, il allait me faire

partir pour Semendria où l'on n'ignorerait pas ou Czerni George serait; je lui répondis, que le but du mon voyage était certainement celui de me rendre auprés le chef de la nation servienne pour remplir les ordres que j'avais de ma cour, mais qui j'étois surpris de la manière avec la quelle il répondait à la demande reiterée que je lui avait faite, de me rendre aprés de son chef et que son ton n'était pas analogue aux sentimens qu'il m'avait manifestés de le premier jour à l'égard de la Cour Impériale ni consequente à cette urbanité qu'il m'avait personellement temoignée: a cela il répliqué que ce n'était plus tems de feindre, qu'il avait de donnes sûres que j'étais un emissaire français, que mes passeports ne prouvaient que l'adresse à tromper et s'echauffant à mésure qu'il parait, il finit par m'accabler d'invectives et de ménaces, entre les quelles, celle de me faire jeter dans la tour Neboisse [a]) située dans la forteresse. De tels propos tenus en présence d'une trentaine au moins de ses gens armés, me fit craindre un de ces traits naturel a une nation qui ignore des droits et des convenances, pourait au seul nom de Français suivre son penchant à la férocité et commettre le plus grand des excés: l'hardiesse de mes réponses, le tableau de suites que sa méprise pourrait occasioner, l'impossibilité que je puisse lui échapper; ce furent les armes que je mis en œuvre et qui finirent par décider ce commandant à réprendre un ton plus supportable et à me donner sa parole, que je n'aurais plus à souffrir le moindre désagrement jusqu'à mon arrivée aupres du chef de la nation.

Comme il avait été convenu le matin du jour 22 juin je fus embarqué sur une caique conjointement avec un capitaine congédié de troupes autrichiennes, qui se rendait au camp servien pour demander du service, le négociant Urossovich (qui me conseillait de chercher à me faire débarquer sur la rive du Danube autrichienne) et le secrétaire Philippovich Grujevich qui commandait une escorte, de six hommes armés [b]). Le soir du même jour ayant débarqué à Semendria, nous

---

a) Tout ce qu'on racconte des Piombi et Camerotti à Venise, ne peut se comparer a cette prison instituée par les Turcs. La seule déscription de cette tour, suffirait a blésser l'immagination d'une âme sensible, qui dans la punition même de coupable ne veut y voir que la sûreté de l'innocent et non le martyre de l'humanité.

b) J'avoue franchement, qu'à mon départ de Belgrade j'avais l'immagination affectée de l'exemple de Soliman Pasça le quel ayant capitulé et remis la forteresse de Belgrade aux Serviens, il y fut rétenu pendant 6 semaines sous le titre qu'il dut être le canal intermediaire entre eux et la Porte: après que rien ne put

apprimes, que Czernin George se trouvait a Stubik ou nous allâmes, mais en étant parti le même jour, je me rendis le 24, au camp de Négotin où il se trouvait en union avec le corps commandé par le général Iwan Iwanovich Yssayef 1-r. M'ayant permis M-r. Grujevich de me porter d'abord auprés du général Yssayef, je pria ce général de me présenter lui même à Czernin George, moyen qui ôta dans l'instant toute éspece de doutes sur moi.

La réception que me fit Czernin George fût très froide et par cette première entrevue je n'auguré rien de bon pour le résultat de ma mission, d'autant plus que le général Yssayef m'assura que c'était un homme très difficile à décider de parler d'affaires, qu'outre cela il se plaignoit d'avoir réçu des promesses qui n'ont point été effectué et qu'en fin il était singulier au point qu'il ne lui avait presque pas adressé le môt qu'auprés l'affaire qui délivra les Serviens bloqués dans Stubik. Malgré tous ces avis, je me rendis le lendemain chez Czernin George lui faisant part des commissions dont j'étais chargé et après l'avoir aussi informé des mouvements de Français et des Turcs en Bosnie, j'appuya beaucoup sur me craintes en ne prévenant pas un ennemi entreprenant et hardi, qui pourrait peut être former le projet de venir attaquer la Servie de ce côté là. Mes discours parurent attirer son attention, mais sans parvenir a connoître ses projets: cette conduite m'obbligea a me servir de tous les moyens pour l'obbliger a s'ouvrir et en effet il se déchaine en plaintes contre nôtre Cour et celle d'Autriche, qui lui avoient faites des promesses sans les éxécuter à l'exception de quelques faibles sécours qu'il avant reçu de nôtre part: il ajouta qu'il y avait prés de 4 ans, que sa nation soutenait la guerre et qu' actuellement elle se trouvait aux abois. Tous mes résonnements ne purent le persuader au point que je l'aurait voulu, mais je fus assez heureux de lui inspirer assez de confiance pour m'éxciter à le voir souvent.

M'étant mis au fait des individus influants auprès de Czernin George j'appris que Mr. Gagitsch [c]), jouit de sa confiance, et ayant taché de me lier avec lui, j'y parvins assez aisement, même par l'attrait, que par mon moyen il pourrait obtenir quelques faveur de S. M. Impériale. Cette connoissance me procura la très importante, que Mi-

---

se conclure, ou lui permit de se retirer a Nissa, mais à 600 pas de la ville, il fut cruellement massacré par l'escorte qu'on lui avait accordée.

c) Il a été du nombre des députes envoyes auprés du général Michelsohn, du quel il réçut au nom de S. M. une bague en brillants.

loss Urossovich [d]) avait eue une très longue conférence avec le chef servien, dans la quelle il avait declaré que l'on ne dévait nullement me prêter foi, que la Russie se trouvait dans une position très critique, que Danzig avait été prise et enfin il termina pour assurer qu'il n'y avait pour la nation servienne d'autre ressource que la maison d'Autriche [e]); que lui étant du rit gréc ainsi il ne pouvait être suspect, et qui si eux étoient prêts à se déclarer pour l'Autriche, il répartirait et reviendrait sous peu de jours chargé de commissions satisfaisantes; j'appris aussi que Czernin George n'avait répondu que par des plaintes sur la prohibition mise à l'extraction de toutes sortes de vivres de l'Ongrie, à quoi Urossovich avait répliqué qu'il ne dépendait que de lui de faire cesser cette prohibition. Cette conversation c'etait terminée presque comme la mienne, c'est à dire sans rien de conclus.

Les tentatifs fait en faveur de l'Autriche, l'espèce de famine que regne du côté de Belgrade et qui a coûté la vie à pres des 100 personnes (malheur que Czernin George pouvait remédier d'abord) étoient des motifs trop justes pour que je ne fusse inquiet sur les conséquences, de maniére que voulant me préparer a parer le coup que je craignais, j'allé chez Millenko Stoikovich, celui de chefs qu'aprés Czernin George a le plus d'influence, et sous l'excuse de lui faire un compliment au nom de S. M. et de V. E., et l'ayant sçu gagner par les compliments que je lui fis, je parvins à le déterminer de m'aider a décider Czernin George à n'avoir d'autres relations qu'avec la Russie

---

d) Je crois devoir observer ici qu'il y aura actuellement un an que le général Andreossi ambassadeur de France à Vienne envoya un individu de sa confiance en Servie, accompagné par ce même Urossovich, qui se donna au premier abord pour un envoyé de l'Autriche et croyant s'être captivé la confiance de Czernin George, finit par lui déclarer, qu'il était éxpedié au nom du gouvernement français et ayant produit, pour appuyer son assertion un écrit, Czernin George s'en emparé et le fit expédier au Ministère des relations exterieures alors présidé par Mr. le Prince Sartorinsky.

e) La cour de Vienne, sur la persuasion que nôtre cour ne pourra pas assez s'occuper de Serviens, d'autre part par cause de sa lenteur ordinaire dans toutes les affaires, a laissé échapper le moment propice à aquerir une prédominante influence en Servie: ce n'est que depuis peu, qu'elle c'est décidée a mettre tous les moyens en jeu pour parvenir a son but; ce qui explique les diverses invitations que Czernin George a réçues l'hiver dernier de se rendre a Semelin pour concerter avec le général commandant la frontière d'Ongrie des points très importants à la confination, invitation renouvellée encore dernièrement au moment que le général Schimpsein (chargé peut être de nouvelles instructions) est venu prendre le commandement de la frontière devenu vacant à la fin de may dernier.

en lui prouvant le vrai intérêt de la nation. Sûr par un tel pas de pouvoir, s'il l'eut fallu balancer l'opinion et l'autorité même du chef, je me rendis, avec Melenko même, chez lui et prenant un ton décisif je lui éxpose avec toute l'énérgie qui me fut possible, que je ne pouvais pas ignorer les instigations des Autrichiens, leurs intrigues; que j'espérais qu'il n'en voudrait pas être la dupe et que l'on ne prêterait pas foi à une cour la quelle pour faire agir sa nation dans le sens qui lui plait, la laisse mourir de faime, tandis que par son seul moyen les Français peuvent encore tenir la Dalmatie et former les projets de venir les subjuguer pour les remettre sous le joug tyrannique de la Porte: que même je n'ignorais pas que c'était d'aprés les instigations des Autrichiens qu'ils se sont soulevés contre la Porte en leur fournissant même les premiers moyens, pourtant à des prix éxorbitants: que d'autre part j'était sûr que jamais l'Autriche ne pouvait ouvertement les soutenir. Ayant afaibli l'opinion que Czernin George pouvait avoir en faveur de l'Autriche, je fit un tableau vrai de la loyauté qui caractérise notre cour; la religion, la langue, les mœurs et la guerre même que les Russes comme les Serviens ont contre les Turcs, les intérêts réciproques, et enfin les traits de bienveillance de nôtre Auguste Souverain en faveur de Serviens d'ont un des plus éclatants c'est la jonction effectuée d'un corps de nos troupes avec eux, et à qui l'on devait le deblocus de camp de Stubik, dans le quel Melenko se trouvait enfermé depui 17 jours, furent les point différents que je toucha et qui produisit le meilleur effet et la promesse solemnelle de la part de Czernin George de n'avoir aucun relation avec l'Autriche et se confier entièrement à la protection de Sa Majesté Impériale.

Sûr des Serviens et ne croyant pas qu'il fût nécéssaire de précipiter ma mission, je me resérvais au lendemain de reprendre la conversation et combiner les opérations que Czernin Géorge devait faire, lorsque à la pointe du jour de ce lendemain il se rendit auprès de moi, en me prévenant qu'il venait de recevoir un courier qui lui apportait la nouvelle, que les Turcs avoient passés la Drina prés de Zwornik et que Jakop son lieutenant avait été battu. En me donnant cette désagréable nouvelle, Czernin George m'avoua qu'il mettait son entière confiance en moi, car j'avais donné de juste avis, et il reconnaissait combien les opérations militaires que je lui avais indiquées, étoient nécessaires; il finit par me dire qu'il était prêt à faire tout ce que je le conseillerais et me demandâ d'établir une convention, que dans un entretien, qui dura quatre heures, fût deter-

miné [1]). Mr. Legatovich, secrétaire de gouvernement, employé auprés du général Yssayef, m'assistà en qualité de translateur et Czernin George, outre Melenko, avait auprès lui Mr. Jérôme Gagich qui servait aussi de translateur. Un des articles que nous réconnûmes qu'il était important de mettre d'abord en exécution c'était l'occupation des forteresses, notament de Belgrade *f*) sur quoi, comme de tout ce que j'ai fait en Servie, mes observations et tous les renseignements acquis sur la force des Français en Dalmatie, leur entrée en Bosnie, leurs moyens, etc. j'en ai fait un rapport très detaillé à Mr. le Général Michelsohn conséquement aux ordres réçus par Votre Excellence.

Auprès que cette convention fut établie, Czernin George me dit, qu'il avait reçu une lettre de Mlade Millovanovich commandant de Belgrade, qui lui donnait avis, qu'il avait des renseignements sûrs,

---

[1]) Текстъ конвенціи см. въ концѣ письма.

f) La forteresse de Belgrade est bâtie sur une hauteur, qui est presque à pic du côté du Danube mais descend à une pente douce du côté de la ville. Elle a deux enceintes, dont la prémière avec les tours date de temps des anciens despotes de Servie, et la 2-de bastionnée à la moderne avec un fossé profonde et une excellente contrescarpe revêtie en mur, de bons rivelins, un excellent chemin couvert et un glacis: du côté de la mer (sic!) cette fortification se reduit à un simple enceinte sans bastions, présentant une espéce de ligne courbe défendue par une espéce de 2-de citadelle au bas du fort et sur la rive du Danube. La ville, qui forme une demicercle, dont les buts vont presque jusqu'au fleuve en entourant la forteresse, est presque détruite: Elle est défendue par un simple retranchement avec un fossé de 6 pièds de largeur sur 8 de profondeur; la prise de ce retranchement ne coutâ aux Serviens qu'une 30-ne de morts. La forteresse qui fût prise par capitulation, se trouve en un très bon état quelques réparations prêt. L'artillerie existente dans cette place est assez nombreuse, mais très peu en battérie. Belgrade n'étant point ville de guerre pourrait devenir une des premières villes commerçantes de l'Europe. Un coup d'oeil sur la carte le prouve: par les communications, que par le Danube et les rivières navigables qui se jettent dans ce fleuve, elle peut avoir avec Carlstadt, d'où une des plus belles routes de l'Europe forme la communication avec Fiume, par la Sava avec Leybach et de la à Trieste, Venise, Tyrol, Suisse, Styrie etc., par le Danube avec toute l'Ongrie, l'Autriche, jusque près du Rhin. Les communications en Turquie sont aussi très faciles, par la belle route qui conduit à Nissa et Constantinoples, par celle qui conduit par Ober-Schabatz en Bosnie, en passant par Zwornik, et enfin l'autre très facile à reduire voiturable jusqu'a Vagenbourg frontière de la Valachie, si l'on faisoit une route qui tournerait le Montcoriaina que l'on passe à present et qui ne racourcit le chemin que de 7 à 8 Werstes. Le commerce de Belgrade à la Mer noire contribuerait aussi à l'avantage de la Valachie et Moldavie baignées par le Danube et rendrait nul le passage des Dardanelles.

L'idée de déclarer Belgrade port franc, pendant un tems déterminé, pourrait ne pas être un projet absurde.

que j'étais réellement un colonel russe: que le comandant autrichien à Semelin par sa reponse, comme par les avis d'un certain Marc Dervar banquier établi à Vienne et qui se trouvait pour raison de commerce à Semelin et par le tant de fois nommé Urossovich, il n'avait pu à moins que de me croire un emissaire français: il finissait sa lettre pour le prier de me faire en son nom des éxcuses aux quelles il y joignit les siennes, m'observant en même temps, que la conduite du commandant de Belgrade prouvait combien la nation est éloignée à former des relations étrangères. Je repondis à Czernin George, qu'au lieu de conserver la moindre rancune envers Millovanovich, je me ferais un devoir d'en informer Votre Excellence, pour qu'Elle sache le cas que l'on doit faire sur sa fidelité et dévouement pour la Cour Impériale.

N'ayant plus rien à combiner avec le chef de la nation servienne, je lui observa combien il était nécessaire qu'il se rendit à la frontière de Bosnie: il gouta ce conseil et le 28 il partit conduisant avec lui 800 chevaux et se proposant de réunir avec une force imposante pendant sa marche.

Au moment de mon arrivée à Belgrade le Métropolite Léonti se trouvait auprés le Czernin George et en faisant route pour réjoindre ce chef, le Métropolite par un autre chemin se rendait a Belgrade.

Si d'abord mon arrivée à Belgrade j'eusse été libre des mes actions, j'aurai cherché de remplir auprès de ce Prélat les ordres de Votre Excellence, mais après avoir appris combien il est détesté par toute la nation et par Czernin George particulièrement, j'ai été bien aise de n'avoir rien de commun avec le Prélat, car sans cela j'aurai éloigné tout espoir de gagner le chef de la nation servienne, qui conjointement à Melenko ont exigé comme un des plus grands privilèges, celui de n'avoir jamais d'employés de nation greque *g*). L'aveugle obeissance des Serviens pour leur chef est sans bornes, comme son auto-

---

g) Ce n'est point seulement en Servie, que j'ai reconnu une haine pour les Grecs de nation, mais outre l'avoir observée jadis en Dalmatie et Albanie, j'ai occasion de la reconnoître actuellement en Moldavie et Valachie, où les habitans haïssent avec passion les Grecs. Je ne puis cacher que cette haine est en partie fondée sur les extorsions, que la plus part des employés de nation greque commettent dans ce pays-ci, où ils jouissent des plusieurs emplois: d'autre part les Grecs conservent une espèce de prédilection pour la Porte, malgré qu'ils affectent de faire croire le contraire; la raison en est peut-être dans l'influence, que plusieurs individûs de cette nation conservent toujours parmi des êtres où même penser est un poids.

rité, qui ne peut se comparer qu'à celle d'un souverain asiatique, le quel ne connait d'autres loix que celles qu'il se forme soi même.

D'après ce que j'ai pu apprendre sur le caractere de cet homme extraordinaire, j'ai motif de croire qu'il punira par le dernier supplice l'échec, que Jacop vient d'avoir, d'autant plus qui cet homme a deja donné motif de perdre la confiance du chef et de la nation.

Il y a environ quinze mois que Czernin George fit punir de mort son propre frère pour plusieurs crimes qu'il avait commis, qui compromettoient la sûreté des habitants, l'honneur et le bonheur domestique: cet acte terrible de justice, fit dissoudre des bandes de voleurs qui s'étoient formées, et mit un frein à la licence et libertinage qui s'était introduits dans plusieurs de chefs de l'armée. La simplicité de ses mœurs et le désintéressement qui l'anime, se reconnaît dans ses manières [h]) et dans ses discours qui réunies à un véritable attachement pour sa patrie, forme un ensemble qui le rend un être rare et respectable, malgre que privé de cette civilisation qui caractèrise l'homme éduqué.

Je ne pourrai jamais oublier les derniers mots qu'il me dit au moment qu'il prit congé de moi: «Rappellez Vous, Monsieur, que je ne «desire autre chose, que de voir ma patrie libre de toute crainte de «se voir derechef sous le joug ottoman; alors je renoncerai à tout, «pour aller à ma charrue.»

Certainement ce discours n'était point feint, car lui ayant fait demander auparavant par son homme de confiance qu' est ce qu'il désirait que la Cour Impériale fit pour lui, il repondit: «qu'Elle accorde «ce qu'avec le marquis nous avons cru indispensablement nécessaire.» Il n'en est pas de même de Melenko et autres chefs qui m'ont fait connoître leur desir d'avoir quelque honorable marque de bienveillance de la part de la Cour et même de grades militaires.

Quelqu'ils puissent être les motifs qui ont décidé nôtre Auguste Souverain et Maître a faire la paix, ils est pourtant hors de doute, que, par les opérations qu'on était à même de faire contre la Dal-

---

h) C'est sans doute une preuve de cette vertuese simplicité qui caracterise cet homme extraordinaire, le présent qu'il me fit d'une boîte en argent qui n'a d'autre prix en soi-même, que celui que j'y attache comme le souvenir d'un homme de la nature, qui le seul dans les siècles modernes, soit-disants de philantropie, donne le rare et unique exemple du plus grand désintéressement et d'un amour pur pour sa patrie au moment où il pourrait par la voix unanime de sa nation prétendre à la suprême magistrature, ou aux plus grands honneurs s'il voulut mettre prix au pouvoir qu'il jouit en Servie.

matie [i]) et la Turquie, les affaires de l'Europe auroient changé de face.

La convention qu'une heureuse combinaison m'a mis en pouvoir d'etablir avec les Serviens aurait formé la base des grandes opérations aux quelles l'on devait viser [k]). Outre la possession d'un pays très importants par le vœu d'une nation entière, la convention qui a été établie, assurait à Sa Majesté par l'article 6-me un corps de 15,000 hommes destinés à la seule invasion de Bosnie et Dalmatie, tandis que la frontière assez étendue de ce côté-là aurait été garnie par une force aussi non moindre de 15,000 hommes. L'article 5-me assurait une force de 20,000 hommes, qui non seulement devait défendre la frontière du côté de Widdin, mais se porter sur la Bulgarie si les circonstances l'eussent permis, — circonstances dépendent des opérations qu'aurait été en état de faire Monsieur le Général Michelsohn. Si l'on réunit à cette force positive, présentées par les deux articles que je viens de citer, la possession des plusieurs places fortes, entre les quelles Belgrade tient le plemier rang, le parti considérable que l'on aurait eu en Bulgarie, Bosnie et Dalmatie, la probabilité d'une heureuse invasion en Albanie par les Bouches de Cattaro et enfin les mouvements analogues qu'aurait pu faire Mr. l'Amiral Synawin, certainement l'on verra que je n'ai point éxageré par éxces du zèle, en faisant entrevoir les plus heureux succés contre la Porte, et les Français en Dalmatie.

Cette même convention, qui par les circonstances actuelles (que je ne pouvais prévoir lorsqu'elle fût faite) devient peut-être inutile, mais comme j'ai eu la précaution de ne rien promettre, comme de rien signer, ainsi elle peut n'être regardée que comme des demandes sur les quelles il dépend de la volonté de Sa Majésté Impériale d'y donner ou non son adhesion.

---

i) La Dalmatie par elle même n'est pas faite pour attirer un vif intérêt de la part du gouvernement français, mais bien en la considérant comme le point de contacte qui peut établir son influence prépondérante en Turquie, comme aussi en regardant ce pays comme les premier dégrés de cette échelle, que la France, veut se former, pour aller avec toute sûreté detruire sa mortelle ennemi dans la source de ses richesses, c'est à dire, aux Indes.

k) La Servie habitée par 800,000 âmes qui peuplent 2,500 villages et 35 villes et forteresses, est sous un climat de plus heureux, ayant un sol très fertile en grains, vins, chanvres, ris et fruits: riche en bêtail et excellents pâturages. Ce pays rempli de montagnes boisée et cultivables en a beaucoup qui contiennent des mine d'or, d'argent, de cuivre et de plomb, comme celles de Kutschaina, Maidanpek, Rudnik, Weneczacz et Srebernik.

Outre les connaissances sur les mœurs et caractère de la nation que j'ai taché de me procurer pendant le peu de temps que j'ai séjourné en Servie, j'ai cru qu'il pourrait être de quelque utilité, la connaissance des individus qui se sont les plus distingués dans les 4 années de guerre contre les Turcs, comme aussi de ceux qui par leurs talents pouvaient aspirer à des emplois dans le cas que l'on eût voulût donner une espèce de forme au gouvernement de ce pays, note que je soumettrai à Votre Excellence, au qu'Elle le juge à propos.

J'attends ici auprès de Monsieur le Général de Michelsohn la destination qu'il plaira à Votre Excellence à me donner, parfaitement hereux si par ma mission en Servie, je me suis attiré la satisfaction de Votre Excellence au point de me faire la grâce de continuer a m'employer directement sous ses ordres et me voir dans la situation de pouvoir par mon zèle et mon entier dévouement pour le service du meilleur des Monarques, me montrer digne des bontés d'ont Votre Excellence a bien voulu m'honorer jusqu'à présent.

Comme je n'entrevois point la possibilité de pouvoir être de la moindre utilité au service de Sa Majesté dans ce pays-ci, vu les circonstances de la paix qui est au moment de se conclure, ce serait pour moi une faveur, si j'obtenais l'ordre de me rendre auprès de Votre Excellence: au desir que j'ai d'être auprès d'Elle, j'avoue avec franchise que j'y combinerais aussi par là des vues domestiques, puisque je puis me réunir à ma femme, qui se trouve chez ses parents en Courlande, où je l'ai laissée jusqu'à l'èpoque que le service de Sa Majesté n'exigerait plus que je la tinse éloignée de moi.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect

Mon Général

De Votre Excellence

le très humbles, très obbeissant et très devoué serviteur

le Colonel Paulucci.

Rimnik, le 18/30 juillet 1807.

Собесѣдованіе между предводителемъ славяно-сербскаго народа Георгіемъ Петровичемъ Чернымъ и Его Императорскаго Величества полковникомъ маркизомъ Палуччи посланнымъ отъ его высокопревосходительства г. генерала отъ инфантеріи иниcтра

иностранныхъ дѣлъ и разныхъ орденовъ кавалера и пр. Андрея Будберга [1]).

1. Кромѣ всего первое желаніе есть сербскаго народа быть подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Александра Перваго.

Народъ сербскій всенижайше проситъ, чтобы Его Императорское Величество въ управленіе способнаго *землеуправителя* скорѣе опредѣлилъ, который бы въ приличный порядокъ народъ привелъ, землю сербскую расположилъ и по нравамъ народа конституцію устроилъ; каковое устроеніе конституціи быть имѣетъ именемъ Его Величества Александра Перваго.

2. Вручающе себя народъ сербскій подъ покровительство и защищеніе Его Императорскаго Величества ожидаетъ всѣ нужныя необходимости и препоручаетъ навсегда, чтобы никогда въ Сербіи не могла быть ни малѣйшая часть земли никому отдана: сирѣчь, чтобы помѣщика никакого не было и средствомъ таковаго чтобы никто подъ рабство не подпадалъ.

3. Наименованіе разныхъ особъ, кромѣ Грековъ, въ предѣлахъ Сербіи какъ въ военной, такъ и въ гражданской части, назначаемо должно быть именемъ Его Императорскаго Величества.

4. За вѣрное спокойство и для лучшаго управленія, чтобы въ крѣпостяхъ сербскихъ отъ регулярныхъ россійскихъ войскъ гарнизонъ былъ и во всякой крѣпости которая въ настоящее время въ рукахъ Сербовъ и въ будущіе, которые помощію россійскихъ войскъ занятися будутъ, въ каждой изъ россійскихъ господъ коменданты да будутъ.

5. Чтобы отъ россійскихъ регулярныхъ войскъ, для крайнскихъ, видинскихъ границъ, ради дѣйствованія и нападенія противъ непріятеля, три тысячи регулярной инфантеріи, два екскадрона кавалеріи и одинъ полкъ казаковъ послано было, а отъ сербскія страны поставится имѣетъ къ предсказанному числу россійскихъ, въ время потребное, до 20.000 войскъ.

---

[1]) Этой такъ названной конвенціи я не могъ найти въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а выписалъ ее изъ архива генеральнаго штаба (№ 23,309, шкапъ 218, полка 3, сербскія дѣла, часть IV л. 242—245). Она напечатана впрочемъ въ статьѣ Дубровина — сербскій вопросъ въ царствованіе Александра I (Русскій Вѣстникъ, 1868. Іюль.)

6. Необходимо нужно сербскому народу противъ Босніи укрѣпляти силы и коммуникацію съ Черногорцами содѣлати, дабы французское предпріятіе съ Турками уничтожилось и обезпечился тамошній край; чтобы прислати благоволено было кромѣ вышесказанныхъ регулярныхъ россійскихъ войскъ три тысячи инфантеріи, два екскадрона кавалеріи и одинъ полкъ казаковъ: а отъ сербскія страны къ предсказанному числу для дѣйствованія въ Босніи и соединенія съ Черногорцами, пятьнадцать тысячь вооруженнаго войска полагается, и отъ страны сербскія противъ Босніи границы имѣютъ быть ихъ войсками сохранены.

7. Чрезъ четыре года сербскій народъ воююще противъ непріятеля издержалъ все свое имущество, и того ради необходимую нужду имѣетъ въ деньгахъ на содержаніе войскъ и протчихъ нуждъ; для сего — чтобъ *землеуправителю*, который Сербамъ назначится, одна изобильною суммою касса ввѣрена была, который съ кассою въ Бѣлградѣ быти имѣетъ.

8. Довольное число испорченныхъ пушекъ имѣвшихся въ Бѣлградской и другихъ крѣпостяхъ нужно починить, для чего необходимо имѣти литейныхъ пушечныхъ мастеровъ, также для ядеръ и пороху.

9. Необходимую нужду имѣютъ Сербы въ порохѣ и свинцѣ и въ самое настоящее время величайшій недостатокъ терпятъ. Дабы скорѣе учрежденъ былъ магазинъ въ Бѣлградѣ; а пушекъ для того не требуется, увѣрены бывши, что регулярные войска имѣютъ свой положенный комплектъ.

10. Нужно бы было въ бѣлградскомъ магазинѣ имѣти до 10.000 ружей солдатскихъ на случай, если Сербамъ еще войска прибавится.

11. Чтобы еще шесть артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ для образованія сербскихъ войскъ благоволено было прислати.

12. Чтобы одну роту піонеровъ и одну роту артиллеристовъ, въ числѣ коихъ и бомбардиры были бы, благоволено было прислати.

13. Бѣдное воинство сербское, которое раненое безъ помощи лежитъ, докторовъ и аптекъ неимѣюще, нуждается дабы госпитали (Feldspitäler) и доктора были, а особливо главный госпиталь съ аптекою въ Бѣлградѣ устроился.

Всѣ сіи помянутые пункты намъ непремѣнно нужные и прочіе которые мы знати не можемъ, всенижайше просимъ и вручаемъ

насъ щедролюбію и великой отеческой милости Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго намъ защитителя и покровителя Александра Перваго.

Въ лагерѣ при Неготинѣ 28 іюня 1807.

Черный Георгій Петровичъ предводитель сербскаго народа; въ имя цѣлаго народа сербскаго.

Миленко Стойковичъ Комендантъ Краини неготинской.

По заповѣди Чернаго Георгія Петровича предводителя сербскаго народа.

Еремія Галичъ членъ совѣта сербскаго и секретарь.

VIII.

Письма и донесенія русскаго агента въ Молдавіи, Валахіи и Сербіи Д. С. С. Родофиникина министру иностранныхъ дѣлъ барону Андрею Будбергу съ приложеніями, заключающими въ себѣ: письма Михельсона сенату сербскому и Черному Георгію, неизданное до сихъ поръ «Основаніе Правительства Сербскаго» и т. д.

1807.

№ 243. 1. Получ. 4-го іюля 1807 г.

Милостивый Государь

Андрей Яковлевичь!

Обязанностію своею поставляю представить при семъ на усмотрѣніе вашего высокопревосходительства копіи съ инструкціи главнокомандующаго по предмету отправленія меня отъ его высокопревосходительства въ Сербію; хотя въ оныхъ и предписано мнѣ ѣхать въ Букорестъ для объясненія съ генералъ-лейтенантомъ Милорадовичемъ, какимъ образомъ отправить въ Сербію греческій легіонъ, я предпочелъ сказаться больнымъ и учредить сіе дѣло перепискою; ѣхать мнѣ въ Букорестъ, казалось мнѣ не только не совмѣстнымъ, но и для службы вреднымъ, ибо какое устройство и согласованіе въ дѣлахъ ожидать отъ двухъ чиновниковъ враждующихъ послѣ букарестскаго происшествія. Ваше высокопревосхо-

дительство усмотрѣть изволите изъ копіи съ предписанія главнокомандующаго подъ № 666, что отправленіе въ Сербію греческаго легіона было мое мнѣніе; оному причина есть слѣдующая: сей легіонъ состоящій изъ 2500 человѣкъ, сформированный въ самое короткое время, обмундированный и вооруженный навлекаетъ уже на себя теперь неудовольствіе; многіе думаютъ, что сіе потому, что я принималъ въ сформированіи онаго дѣятельное участіе; я однако сіе неполагаю и пріятнѣе мнѣ думать, что легіонъ дѣйствительно заслуживаетъ неудовольствіе, оной легіонъ однако оставаясь здѣсь не получая часто по нѣскольку дней ни провіанта, ни фуража, не довольствуясь жалованьемъ отъ Дивана теперь, что князь неуправляетъ и присыльныхъ съ онаго легіона взысканіяхъ и наказаніяхъ разбѣжится по всей Валлахіи въ 2500 разбойниковъ, кои разорятъ землю въ конецъ и намъ причиняятъ множество безпокойствъ; напротивъ того переправивъ оной черезъ Дунай дѣлается Сербамъ помощь и обѣщаніе имъ данное въ таковой выполняется; за Дунаемъ же мнѣніе мое состоитъ въ томъ, чтобы ихъ пустить въ Боснію, гдѣ они присоединясь къ возставшимъ христіанамъ нанесутъ вредъ чувствительный непріятелю и устрашатъ оной, ибо всѣ будутъ считать ихъ россійскими войсками, какъ по мундирамъ, каскамъ ихъ, такъ и по барабанамъ и трикамъ, кои имъ даны отъ князя Ипсилантія. Не знаю, правильны ли мои разсужденія, основаны однако оныя на усердіи моемъ къ службѣ, усердіи, которое сколько бы ни обращалось къ личному моему вреду, не уменьшится никогда.

Токмо что получу отъ г-на генералъ-лейтенанта Милорадовича отзывъ, что все устроено относительно до отправленія греческаго легіона, немедленно выздоровлеваю и ѣду въ Сербію верхнею и безопаснѣйшею дорогою, то есть на Бузео, Плоести, Питести и Краіову, съ собою беру г-на надворнаго совѣтника Пизанія и титулярнаго совѣтника Маснера: титулярнаго совѣтника Захаржевскаго я послалъ къ главнокомандующему для нахожденія при немъ Сверхъ сихъ беру съ собою двухъ курьеровъ.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Ваше Высокопревосходительство
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Фокшани, 22 іюня 1807.

Копія ad № 243.

Главнокомандующаго россійско-императорскими войсками генерала отъ кавалеріи и кавалера Михельсона. Почтенному Совѣту народа славено-сербскаго.

Его Императорское Величество Всемилостивѣйшій Государь по сродному великодушію своему и въ доказательство монаршаго покровительства своего къ единовѣрному съ Россіянами и храброму народу славено-сербскому, соизволилъ высочайше предоставить мнѣ отправить въ Сербію г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Родофиникина, восхотѣвъ ознаменовать тѣмъ наивящше желаніе свое поколику возможно внимать прошеніямъ Сербовъ и милосердное попеченіе свое наиближайше узнать о всѣхъ нуждахъ ихъ и о способахъ доставить имъ вспомоществованіе.

Да послужитъ вамъ, почтенный Совѣтъ, новымъ доводомъ толикаго Государя Императора снисхожденія и то, что неукоснительно отправляема къ вамъ особа та самая, о которой просили депутаты ваши ко мнѣ пріѣзжавшіе. Г-нъ Родофиникинъ имѣетъ потому порученіе освѣдомиться о всѣхъ нуждахъ вашихъ, о способахъ сообразить возможную пользу изъ единогласнаго дѣйствія войскъ Его Императорскаго Величества въ сихъ странахъ и воинства сербскаго, употребить себя на сотрудничество съ вами въ образованіи устройства въ правленіе вашемъ, коего желаете вы для блага народнаго, и всѣмъ тѣмъ наивящше вамъ доказать о непремѣнномъ покровительствѣ Великаго Государя Всероссійскаго.

Прося васъ, почтенный Совѣтъ, имѣть къ г. дѣйствительному статскому совѣтнику Родофиникину довѣренность во всѣхъ нуждахъ вашихъ, и въ томъ, что онъ вамъ предложитъ вашему и къ общему съ нами содѣйствію на покореніе враговъ, пріятно мнѣ при семъ случаѣ поздравить васъ съ побѣдою надъ врагами вашими неподалеку отъ Виддина неустрашимымъ воинствомъ сербскимъ одержанною, такъ какъ получилъ я о томъ донесенія отъ г. генералъ-маіора Исаева, и также усердно пожелать, дабы подвиги храбрости воинства вашего непреставали быть руководимы десницею Божіею.

(Подписано:) Иванъ Михельсонъ.

Вѣрно: Константинъ Родофиникинъ.

Копія ad № 243.

Высокородный и высокомочный господинъ вождь храбраго сербскаго народа Черный Георгій Петровичь!

Милостивый Государь мой!

Его Императорское Величество Всемилостивѣйшій Государь по сродному своему великодушію и въ доказательство монаршаго покровительства своего къ единовѣрному съ Россіянами и храброму народу славено-сербскому, соизволилъ высочайше предоставить мнѣ отправить въ Сербію г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Родофиникина, восхотѣвъ ознаменовать тѣмъ найвящше, высочайшее желаніе свое, поколику, возможно внимать прошеніямъ Сербовъ и милосердное попеченіе свое наиближайше узнать о всѣхъ нуждахъ ихъ и о способахъ доставить имъ вспомоществованіе.

Вы, храбрый вождь, украшены уже знакомъ высокаго монаршаго отличія, состоящемъ въ мечѣ отъ имяни Его Императорскаго Величества, отъ меня къ вамъ отправленномъ, равно какъ и ратоборствующій съ вами г-нъ Меленко, и ознаменовано тѣмъ предъ глазами всего воинства и народа славено-сербскаго вниманіе и милость Великаго Государя Всероссійскаго къ полководцу ихъ. Отправленіе же къ вамъ г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина да послужитъ вамъ вящшимъ доказательствомъ, сколь пріятно Его Императорскому Величеству удовлетворять по возможности желанію вашему, ибо предоставить мнѣ Государь Императоръ соизволилъ отправить его къ вамъ яко особу, о коей просили сами депутаты ваши ко мнѣ пріѣзжавшіе. Г. Родофиникину сдѣлано потому препорученіе лично объясниться съ вашимъ превосходительствомъ и съ совѣтомъ народа славено-сербскаго о всѣхъ нуждахъ вашихъ и способахъ сообразить возможную пользу изъ согласованія дѣйствія войскъ Его Императорскаго Величества въ сихъ странахъ и воинства сербскаго, употребить себя на сотрудничество ваше въ образованіи устройства въ правленіе вашемъ, коего желаете вы для блага народнаго, и всѣмъ тѣмъ вящше доказать о непремѣнномъ покровительствѣ Великаго Государя Всероссійскаго.

Прося васъ затѣмъ, достойный вождь славено-сербскій, имѣть къ г-ну дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Родофиникину довѣренность во всѣхъ нуждахъ и въ томъ, что онъ вамъ предложитъ къ благу вашему и къ общему съ нами содѣйствію на покореніе враговъ, я съ сердечнымъ удовольствіемъ при-

семъ случаѣ поздравляю съ побѣдою надъ врагами вашими подъ Виддиномъ одержанною, такъ какъ донесъ мнѣ о томъ г. генералъ-маіоръ Исаевъ, и такъ же усердно желая дабы подлинно храбрости вашей и воиновъ вами начальствуемыхъ не переставали быть путеводимы десницею Божіею; за симъ свидѣтельствую вамъ истинное свое почтеніе, съ коимъ и совершенною преданностію пребываю и проч.

(Подписано:) Иванъ Михельсонъ.

Главнокомандующій россійскихъ императорскихъ войскъ.

Вѣрно: Родофиникинъ.

2.

№ 249. Получ. 4 Сентября 1807 г.

Милостивый Государь

Андрей Яковлевичь!

Отправившись изъ Фокшанъ въ Сербію, я принужденъ былъ слѣдовать медленно по причинѣ моей болѣзни и надѣялся получить на пути, относительно до сего края какія либо наставленія вслѣдствіе заключеннаго перемирія, а потомъ и мира съ Франціею; хотя я и получилъ отъ главнокомандующаго арміею копію съ высочайшаго рескрипта о прекращеніи военныхъ дѣйствій съ Портою, но упоминаемой въ ономъ бумаги, на какомъ основаніи заключено перемиріе съ Франціею мнѣ не прислано, а потому я и остался въ прежнемъ невѣденіи. Въ Краіовѣ и на островѣ занимаемомъ Сербами я остановился нѣсколько дней въ томъ же чаяніи получить какіе извѣстія, коими могъ бы я руководствоваться въ Сербіи, но видя наконецъ надежду мою тщетною, заключилъ, и думаю, безошибочно, что намѣренія высочайшаго двора о Сербіи остались непремѣнными въ прежнемъ положеніи, а посему пустился въ путь и прибылъ въ Бѣлградъ 2-го числа сего августа. Край сей нашелъ порабощеннымъ, нѣкоторые изъ расторопнѣйшихъ, овладѣвъ удѣлами Сербіи, управляютъ оными, не давая отчета въ своихъ дѣяніяхъ никому; они собираютъ доходы и иные по своей волѣ издерживаютъ, и набираютъ войска; здѣсь въ Бѣлградѣ двѣ особы распоряжаютъ всѣмъ, комендантъ крѣпости Младенъ и купецъ Живковичъ, который сильнѣе перваго, ибо у него до двухъ сотъ человѣкъ воиновъ, а въ крѣпости весь гарнизонъ прости-

рается до стадвадцати человѣкъ, всю торговлю здѣшнюю и всѣ доходы городскіе имѣютъ они въ своихъ рукахъ, какъ равно судъ и расправу и право наказывать смертію всѣхъ непокорныхъ ихъ власти. Правительствующій совѣтъ сербскій, ими называемый также сенатъ, состоитъ изъ 4-хъ купцовъ, кои суть всепокорнѣйшіе слуги всѣхъ наличныхъ военноначальниковъ; Черный Георгій внутрь земли признается за верховнаго вождя, но по границѣ дѣйствующими главными лицами признается за подобнаго имъ коменданта, свирѣпость въ протчемъ сего человѣка дѣлаетъ его страшнымъ — а удачныя его повсюду пришествія, показали его народу необходимо нужнымъ, вездѣ гдѣ онъ узнаетъ, что предстоитъ крайняя опасность, летитъ быстро со своимъ корпусомъ на помощь и счастіе повсюду прибытіе его вѣнчало успѣхомъ. Я не думаю, чтобы жизнь его продлилась, ибо всякой день, кромѣ вина, выпиваетъ до двухъ бутылокъ водки; при немъ находится секретарь, довольно расторопный, который и его никуда не выпускаетъ и къ нему не впускаетъ, когда сей пьянъ. До денегъ алченъ до безконечности, и какъ онъ, такъ и другіе военноначальники и градоначальники не упускаютъ ни одно средство накоплять деньги, мало думая о вспомоществованіи народу. Войска имъ ничего не стоятъ, ибо крестьяне должны идти на войну со своимъ оружіемъ и на собственномъ продовольствіи и по выслугѣ четыре мѣсяца смѣняются другими. Начальники выписывали до сего оружіе изъ австрійскихъ предѣловъ и потомъ продавали крестьянамъ за двойную цѣну; деньги, присыланные повременамъ отъ высочайшаго двора, по большей части достались въ добычу Черному Георгію одному, ибо онъ былъ первый, къ коему оные доходили въ руки. Нынѣ я изъ ввѣренныхъ мнѣ денегъ, не сообщая Сербамъ, сколько оныхъ у меня есть, далъ по требованію полномочныхъ сербскихъ три тысячи червонныхъ Миленкѣ, яко ближе дѣйствующему съ нами и въ отдаленности отъ Сербіи находящемуся; онымъ полномочнымъ пятьсотъ пятьдесятъ червонныхъ на покупку въ Валахіи соли для здѣшняго края, да здѣсь совѣту и Черному Георгію совокупно тысячу червонныхъ для покупки олова у Австрійцевъ. Остальныхъ буду выдавать по мѣрѣ надобности, стараясь чтобы непремѣнно были употребляемы на пользу общую. По истребленіи здѣсь носившихъ оружіе Турокъ, жены и дѣти ихъ остались безъ всякаго призрѣнія; одни, окрестившіеся, получаютъ въ день по одному небольшому хлѣбу и болѣе ничего, тѣ же, кои не окрестились, и того лишены, всѣхъ молодыхъ дѣвокъ и бабъ разобрали, начи-

ная отъ Чернаго Георгія до послѣдняго чиновника; малые женились, а другіе держатъ по двѣ и по три при себѣ въ услуженіи. Видя несчастное положеніе, оставшихся въ магометанскомъ исповѣданіи, я настоялъ и убѣдилъ Чернаго Георгія, чтобъ всѣхъ старухъ и стариковъ, коихъ есть до двухъ сотъ и кои не могутъ работою пропитать себя, посадивъ на суда отправить въ Орсову къ Режебъ-Агѣ, что сегодня же и исполняется. При настоящемъ трактованіи о мирѣ съ Портою, Сербы тѣмъ сдѣлаютъ пріятное Туркамъ, а себѣ полезное, признательность же Турокъ вообще къ Россіи будетъ чрезмѣрна, ибо отпускаемые знаютъ, что получили свободу по настоянію россійскаго агента.

Появленіе мое здѣсь не было пріятно ни Черному Георгію, ни другимъ начальникамъ; одинъ токмо народъ обрадовался, въ надеждѣ, что съ моимъ прибытіемъ все устроится и какъ жизнь, такъ и имущество каждаго обезпечатся. Начальники и не думали поручать полномочнымъ, бывшимъ въ Букорестѣ, требовать меня или другаго; сіи учинили то сами, пользуясь властію имъ данною; будучи изъ средняго класса, болѣе стараются о благѣ народномъ, нежели о утвержденіи власти начальствующихъ, которая всѣмъ уже становится тягостною. Начальствующіе желали бы имѣть воинскую помощь, которая бы, не входя внутрь ихъ земли, поразила бы непріятеля и оградила бы владычество ихъ. Въ день прибытія Чернаго Георгія я послалъ къ нему поздравить его съ пріѣздомъ и спросить, когда могу съ нимъ видѣться; посланному моему наговорилъ тьму грубостей и кончилъ словами: «всѣхъ бы васъ должно порѣзать, мнѣ нужны войска, а я ихъ вовсе не вижу; какая мнѣ польза будетъ отъ присланнаго сюда, съ чѣмъ и зачѣмъ сюда онъ пріѣхалъ». Посланный мой бояринъ Расти, данный мнѣ отъ князя Ипсилантія для турецкой переписки, возвратился домой полумертвый, часъ спустя явились у меня нѣкоторые Сербы, которые утвердивъ сказку боярина Расти, донесли мнѣ, что всѣ совѣтники и другіе собрались къ Черному Георгію съ представленіемъ ему необдуманности его поступка въ такое время, когда все благосостояніе ихъ зависитъ отъ Россіи, и притомъ требовали, чтобы онъ принялъ меня приличнымъ образомъ и слѣдовалъ бы наставленіямъ моимъ. Удостовѣрившись, что онъ не намѣренъ ко мнѣ пріѣхать, я поѣхалъ къ нему. Свиданіе наше началось холодностію; подали водку и я увидѣлъ себя принужденнымъ пить столько же, сколько и онъ, дабы снискать его дружбу, которая дѣйствительно и утвер-

дилась съ сей минуты, ибо послѣ всякой день у меня бываетъ, спрашиваетъ о всемъ и требуетъ совѣта. Дошло дѣло до образованія ихъ земли: какъ онъ, такъ и другіе старѣйшіе требовали сіе настоятельно, дабы видѣть, чего имъ опасаться должно. Полномочные сербскіе объявили Черному Георгію и другимъ, что они меня требовали, дабы наставить ихъ управлятися, и показать, какіе должно учредить власти и какъ каждому исполнять должность свою. Увидя, что съ опасностію жизни моей сопряженъ всякой отказъ съ моей стороны сдѣлать что либо, я нашелся принужденнымъ, сообразуясь съ желаніемъ каждаго, написать бумагу, которую прочиталъ имъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ, что все дѣлаемое ими будетъ тщетно безъ высочайшаго утвержденія, ибо никто правительства ихъ признавать не будетъ безъ того. На сіе они согласились, и я радъ, что выиграю по крайней мѣрѣ нѣсколько времени съ симъ свирѣпымъ народомъ, я не преминулъ объяснить имъ, что совершенной независимости на первый разъ ожидать трудно и что преимущественнѣе и для ихъ самихъ лучше остаться до времени подъ верховною властію Порты, имѣя своего князя и свое правительство; сначала всѣ отзывались, что они скорѣе умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели покорятся Портѣ, но мало по малу утихли. Вышеозначенную бумагу, утвержденную печатью Чернаго Георгія, при семъ имѣю честь поднести какъ равно списокъ всѣмъ владычествующимъ здѣсь. Не сомнѣваясь ни мало, чтобъ при первомъ крайнемъ неудовольствіи Сербовъ я не содѣлался жертвою ихъ, нужнымъ я нашелъ отправить г-на надворнаго совѣтника Пизанія съ сими донесеніями, хотя онъ здѣсь полезнѣе всякаго другаго; за нимъ буде откроются сношенія съ Валахіею, отправлю подъ видомъ курьеровъ титулярнаго совѣтника Маснера и боярина Расти, ибо безполезно подвергать ихъ опасности. Въ заключеніе имѣю честь донести, что число жителей во всей Сербіи простирается до двухъ сотъ тысячъ душъ мужескаго пола; изъ оныхъ до шестидесяти тысячъ вооруженныхъ. Изъ пушекъ, у нихъ имѣющихся, какъ равно находящихся въ крѣпостяхъ Семиндріи и Бѣлградѣ, весьма мало годныхъ. Крѣпость Бѣлградъ требуетъ знатныхъ починокъ, для исправленія коихъ Сербы убѣдительно просятъ прислать имъ инженернаго офицера, какъ равно чиновника, знающаго по горной части, для рудокопныхъ золотыхъ заводовъ, кои ими найдены въ Сербіи. Дней чрезъ нѣсколько поѣду въ деревню къ Черному Георгію, куда онъ сегодня отправляется, а от-

туда поѣду для осмотра и тѣхъ заводовъ, въ близкомъ разстоянiи лежащихъ.

Имѣю честь пребыть съ истиннымъ высокопочитанiемъ и неограниченною преданностiю

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшiй слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Бѣлградъ,
Августа 12 дня 1807.

ad № 249.

Основанiе
ПРАВИТЕЛЬСТВА СЕРБСКАГО.

1.

У Београду установлява се и утврђює се правителствующiй сенатъ сербскiй подъ предсѣдательствомъ князя. Тако да правительствующiй сенатъ свою столицу има у Београду; а сената того глава есть князь. Овому князу отечество даје титуле «свѣтлѣйшiй князь» и тай има власть подавати сваке милости; то е: свакогъ по заслуги наградити и повиннымъ пращати. А право или власть наказовати повинне остае непремѣнно у руку законогъ суда [1]). Судейскимъ лицама вообще назначиће се по времену содержанѣ и по возможности землѣ.

2.

Правительствующаго сената народня члени кромѣ князя предсѣдателя имаю быть слѣдующи: перво полководцы, кои су до сада по нахiама коменданти были, отечество управляли и бранили, називаю се од сада вожди, и дае имъ отечество титулъ «сiятелнiй вождъ» ове вожде примаю перво мѣсто у правителствующемъ сенату по старешинству своме. Второ мѣсто дае отечество онимъ людма отъ совѣта народня до сада бывшегъ, кои су велике и важне послуге народу учинили особитимъ вѣжествомъ, трудомъ и путешествiемъ — и ови су сенатори како и первiи, но овими се дае титулъ «превосходный сенаторъ» имена овихъ вождъ и сенаторовъ кои су первiи и превосходнiи у народу люди по князу и деца

[1]) Можно читать также закона и суда.

ньова записаѣесе у сенатскій протоколъ, да бы се тако до вѣка и они сами и ньова племена у народу знала и почитала.

Кромѣ того нужное, да у сенату буде изъ сваке нахіе по еданъ избраный отъ первій у нахіи люди, старацъ, коиѣе быти подъ именомъ совѣтниковъ сената.

Вожди и сенатори, како што су превосходна лица, тако и остаю за свагда до смерти непремѣнно сенаторами, прочи же старцы изъ нахія, то е, совѣтници имаю меняти се, то е на ново избирати се свака три года; но у сенату раван гласъ имаю прочимъ превосходнымъ лицама, кромѣ князя, кои три гласа има, то е за троицу говори самъ единый. Въ прочемъ све у сенату имасе свршавати большинствомъ гласова, то е: на којой страни више гласова буде, та се слуша, то се записуе и твори; а въ еднакости гласова, она се страна слуша гди е князь. Напослѣдок ондаѣе се у цѣлой земли подъ заклетву довести люди; да се свакъ закуне да ѣе быти у свакомъ случаю вѣренъ отечеству и покоренъ сенату и князю. Тако свякій вождъ, сенаторъ и совѣтникъ заклети се има како и прочи люди. А свѣтлѣйшій князь особиту клетву положити има: даѣе онъ за́коне државне хранити исполняти и свомъ силомъ дѣлати, да свакъ то твори, што правительствующи сенат учреди.

3.

Ако совѣтницы сенатскіи кои ѣе се отъ нахіа свако три года избирати, тако усердно и добро послуже отечеству да их народ три путъ избере за совѣтнике; со тим остае таковій три путъ избрани совѣтникъ до смерти свое и постае сенаторомъ и добиваѣе грамоту на дворянство или благородство со титуломъ «превосходный сенаторъ».

4.

Свакій комендантъ има пописати люде кои су по више и по болше у различнимъ приликама отечеству служили и тако пописане има послати правителствующему сенату; кои ѣе сенатъ свакому за честь въ награжденіе дати грамоту на дворянство или благородство. И ови благородніи називаюсе и имаю быти хранители закона отечественыхъ.

5.

Осимъ реченогъ благородства има се уредити закономъ коно-храняща стража, коя е дужна свагда при сенату быти.

6.

У свакой нахіи има се назначити по еданъ губернаторъ (управитель) изъ они люди кои су до сада отечеству служили, кои управитель да носи бригу за све приходе отъ нахіе и да са два совѣтника кое ѣему нахія додавати сваке године, држи судъ надъ людма свое нахіе. — Но ако бы кои не быо контенъ со тимъ судомъ нахійскимъ, слободно може доѣи у сенатъ са писмомъ суда нахійскогъ, шта е и како е суѣено.

7.

Ови судови нахійскіи свако важно дѣло имаю заявити правителствующему сенату, особито што се тиче живота кога годъ човека; да немаю никога смерти предати, докле правителствующему сенату не яве и милость отъ свѣтлѣйшегъ князя не просе осужденому.

8.

Будуѣи да никаква земля ни правителство неможе се држати безъ сыле войничке — особито Сербія, коя са свію страна непріятелями окружена, безъ войске готове быти неможе — а войска неможе се држати само воздухомъ и речма; то нужно е уредити за сада почести какове за награжденіе докле се види какви ѣе быти приходи землѣ; а после ѣе се свакоме по заслуги и по способности награжденіе дати; тако ѣе се онда и чини войничкіи учредити и войска у поредакъ свой довести; что тако больше ѣе се бринути сваки капетанъ о своjой роти, а полковникъ о своме полку.

9.

Каде дойду инжинѣри има се начинити исправна карта цѣле државе сербске; и коя се годъ найде земля пуста, то све е вилаетово (беглучно) и то ѣе стояти подъ властію сената.

10.

Сви доходи землѣ имаю быти у власти сената; и никто кромѣ сената никакового требованія ни подъ коимъ именемъ не може искати отъ народа.

11.

Главне полководце има избирати сенатъ; тако и миръ или брань съ нима учинити или везати, никто безъ знаня сената не може.

12.

Ни еданъ отъ сенаторовъ не може быти изключенъ изъ сената, безъ единогласногъ договора и согласія князя и сената.

По свему овому просимо высочайше утвержденіе всемилостивѣйшаго нашего покровителя Государя Императора Александра Великаго.

Дано въ Белградѣ мѣсяца Августа дня 8-го 1807 года.

(L. S.) К. ђорђе Петровић
врьховнй Срьбс. Коменд. [1]).

ad № 249.

Наименованіе нахій или уѣздовъ.	Кто оними управляетъ.
Белградская	Кнезь Симонъ. Марко Катикъ. Атанасій Чарапикъ. Витя.
Валевская	Яковъ Стефановичъ. Милованъ Гербовичь.
Шабацкая	Лука Лазаревичь.
Сокольская	Вся опустошена.
Ужицкая	Кнезь Алекса.
Пожецкая,	Прота Милутинъ протоіерей.
Рудничка	Миланъ Обреновичь.
Крогоевачка	Кара Георгій.
Смедеревска	Вуица.
Ягодинска	Кнезь Ефта и Милое.
Кршевецкая	Симичь и Андрей.
Паратинска Ряжанска Алексиначка	Кнезь Миличь.
Ресавская Баннская	Кнезь Стефанъ.
Пожаревацка	Миленко и Петръ Добринецъ.
Поречка	Іова бинбаша.

Въ крѣпости Бѣлградской комендантъ Младенъ, онъ же и намѣстникъ Черни Георгія, во время отсутствій его въ городѣ Бѣлградѣ управляетъ купецъ Стефанъ Живковичь.

---

[1]) Подпись другой рукой написана.

Главные лица, подъ покровительствомъ коихъ всѣ протчіе состоятъ: 1) Черный Георгій — читать и писать не умѣетъ. 2) Миленко — умѣетъ читать и писать, скроменъ, храбръ и любимъ всѣми. 3) Яковъ — читать и писать умѣетъ, благоразуменъ и по связямъ своимъ и богатству могущественъ. 4) Младенъ читать и писать неумѣетъ, подлъ и лукавъ. 5) Кнезь Симонъ читаетъ и пишетъ, храбръ и благоразуменъ.

№ 250. 3. Получ. 4 Сентября 1807

Милостивый Государь
Андрей Яковлевичь!

Митрополитъ здѣшній Леонтій, довольно умный, оказалъ дѣйствительно услуги Россіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая по временамъ обуздать до нѣкоторой степени самовластіе и свирѣпость управляющихъ, навлекъ на себя вражду и ненависть ихъ, такъ что теперь всякая милость, которая бы на него изліялась, повлечетъ за собою и потерю его жизни. Народа здѣшняго вообще вѣра состоитъ въ томъ, чтобъ посты свято содержать; впротчемъ всѣ другіе статьи вѣры вовсе или весьма мало сохраняются. Церквей весьма мало и о тѣхъ, кои имѣются, вовсе не пекутся; какъ были при Туркахъ, въ томъ самомъ положеніи и нынѣ.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію.

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

№ 251. 4. Получ. 4 Сентября 1807.

Милостивый Государь
Андрей Яковлевичь!

Сербы, получивъ извѣстіе отъ коменданта Миленки, содѣйствовавшаго съ г-нъ генералъ-маіоромъ Исаевымъ, что сей имѣетъ возвратиться въ Валлахію, крайне встревожились. Въ слѣдъ затѣмъ Миленко донесъ, что г-нъ Исаевъ ретировался за Дунай въ

Краіову, а онъ взялъ позицію на горахъ, неподалеку отъ острова Поречь и что сношеніе съ Валлахіею съ трудомъ можно имѣть. Комендантъ сербскій, находящійся на островѣ, чрезъ который учреждены были отношенія съ Валлахіею, тогда же донесъ, что послѣ отступленія россійскихъ войскъ за Дунай а сербскихъ подъ командою Миленки къ Поречу, онъ одинъ держать островъ не можетъ, что уже и оставилъ бы оной естли бы было возможно увезти съ собою пушки, которыя постыдно было бы оставить въ добычу Туркамъ; сверхъ того донесъ онъ сюда, что Россія уступила Сербію австрійскому двору обѣщавъ оному поставить Сербовъ въ необходимость требовать отъ Австрійцевъ помощи и что когда войска австрійскія вступятъ въ Сербію подъ симъ предлогомъ, легко будетъ оную покорить. Таковымъ бреднямъ никто изъ здравомыслящихъ не повѣрилъ бы, но Сербы повѣрили въ полной мѣрѣ, тѣмъ паче, что ретирада Г-на Исаева въ глазахъ ихъ подтвердило доносимое островскимъ комендантомъ. Я употребилъ всѣ старанія мои чтобъ ихъ успокоить, ибо неудовольствіе и ярость ихъ доходила уже до крайности; мало успѣху видя я имъ сказалъ: что естли бы доносимое островскимъ комендантомъ было справедливо, то сего никто бы не зналъ, ибо какъ россійской Дворъ такъ и австрійской содержали бы въ крайней тайнѣ, они на то согласившись убѣдились, что и новость о ихъ участи должна быть ложна. Но совсѣмъ тѣмъ есть нѣкоторые кои подозрѣваютъ что будутъ пожертвованы.

Успѣвъ обратить къ себѣ секретаря Чернаго Георгія который имъ управляетъ и другихъ нѣкоторыхъ старѣйшинъ, я надѣюсь удержать ихъ всѣхъ въ должныхъ предѣлахъ до рѣшенія участи ихъ, ибо изъ посреди старѣйшинъ были таковые кои предлагали чтобъ послать по секрету депутатовъ къ Бонапарте для принятія Сербіи подъ его покровительство, къ убѣжденію соотчичей своихъ они имъ поставляли предъ глазами успѣшное окончаніе нынѣшней войны Франціею и новыя пріобрѣтенія ею сдѣланныя, по коимъ, будучи ближе къ нимъ, скорѣе при случаѣ можетъ подать имъ руку помощи; къ счастію сіе было тотчасъ мнѣ донесено и я успѣлъ ниспровергнуть такой злой умыселъ. По моему мнѣнію необходимо для Россіи сохранить свое вліяніе въ семъ краю, ибо по положенію своему оной, при случаѣ войны, отвлекаетъ отъ насъ половину турецкихъ силъ, и, если снабдить Сербовъ достаточнымъ числомъ пороха и олова и перелить ихъ пушки кои совсѣмъ негодны, тогда никакіе силы въ землю ихъ ворваться не могутъ, а

они будутъ безпрерывно угрожать нападеніемъ всѣ окружные края. Противу Турокъ всѣ Сербы дѣйствуютъ единодушно, по протчимъ дѣламъ умы раздѣлены и всякой изъ старѣйшинъ имѣетъ своихъ партизановъ, но посредствомъ денегъ можно всѣ умы обратить къ той цѣли которая будетъ нужна. Остается мнѣ за симъ донести Вашему Высокопревосходительству, что Австрійцы кромѣ пороху все прочее продаютъ Сербамъ но за самую высокую цѣну, подъ предлогомъ что не имѣютъ позволенія и что все провозить должны тайно, если бы посолъ въ Вѣнѣ успѣлъ исходатайствовать свободу на произведеніе всякаго торгу вообще между Сербіею и Австрійскими областями, а кольми паче на покупку ружей, пороху и свинца, то симъ оказана будетъ большая милость для здѣшняго края. Я хотѣлъ писать къ послу графу Разумовскому о семъ предмѣтѣ, но удержался предпочитая донести Вашему Высокопревосходительству и ожидать повелѣнія.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Бѣлградъ,
12 августа 1807.

№ 252. 5. Получ. 4 сентября 1807 г.

Милостивый Государь
Андрей Яковлевичъ!

Черный Георгій и другіе первѣйшіе изъ Сербовъ поручили мнѣ поднести Вашему Высокопревосходительству саблю, которую я и ввѣрилъ для сего господину надворному совѣтнику Пизани.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Бѣлградъ,
12 августа 1807.

№ 253. 6. Получ. 4 сентября 1807 г.

Милостивый Государь

Андрей Яковлевичъ!

Отправляя господина надворнаго совѣтника Пизанія, долгомъ поставляю засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ объ отличномъ его усердіи къ службѣ и о трудахъ имъ понесенныхъ. Съ самаго пріѣзда его въ Молдавію, онъ былъ употребленъ въ разные, самые трудные комиссіи, которые, благоразуміемъ своимъ и расторопностію, всегда кончилъ успѣшно.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Вашего Высокопревосходительства

Милостиваго Государя

всепокорнѣйшій слуга

Константинъ Родофиникинъ.

Бѣлградъ,
13 августа 1807.

№ 254. 7. Получ. 4 сентября 1807 г.

Милостивый Государь

Иванъ Ивановичъ!

Одинъ емисаръ, отставной австрійской службы, лейтенантъ Яковъ Бреска, былъ употребленъ австрійскимъ Дворомъ въ здѣшнихъ краяхъ и въ Далмаціи, гдѣ, принявъ фамилію Мурбаха, имѣлъ свиданіе и съ французскимъ генераломъ Мармонтъ, отъ сего былъ посыланъ къ визирю командующему въ Босніи, для учрежденія плана къ покоренію Сербіи; отъ визиря опять возвратился съ отвѣтами къ генералу Мармонту въ Спалатро, отъ коего, въ исходѣ прошедшаго іюня мѣсяца, отправленъ въ Сербію, дабы узнать въ точности и донести о положеніи здѣшнихъ дѣлъ и умовъ народныхъ и пріискать, буде можно, людей, кои бы согласились дѣйствовать противъ отечества ихъ, по направленіямъ генерала Мармонта. Емисаръ сей изъ Далмаціи проѣхалъ въ Семлинъ, гдѣ заболѣвъ, оставался по сей день; нынѣ же узнавъ мое прибытіе въ Бѣлградъ, бѣжалъ оттуда ночью сюда, для донесенія мнѣ всего того. По подробномъ распросѣ сего человѣка, я заставилъ его написать письмо къ генералу Мармонту и къ французскому консулу

Давиду, въ Травникѣ пребывающему, коихъ копію имѣю честь представить; оные письма съ вѣрнымъ человѣкомъ будутъ отправлены завтра по принадлежности, самого же емисара приказалъ я держать здѣсь въ крѣпости, подъ строгимъ присмотромъ. Я надѣюсь, что отвѣты, кои присланы будутъ на тѣ письма, покажутъ, намѣрены ли французы остаться спокойными или хотятъ продолжать слѣдовать обыкновенной своей системѣ; по полученіи отвѣтовъ буду дѣйствовать согласно съ содержаніемъ оныхъ и постараюсь какъ можно далѣе завести сію переписку, въ ожиданіи повелѣній Вашего Высокопревосходительства.

Не имѣя никакого свѣдѣнія — начались ли переговоры съ Портою о мирѣ, заключено ли хотя перемиріе и на какомъ основаніи, принужденнымъ я нахожусь воздерживаться отъ всякихъ предпріятій въ Босніи, гдѣ для обезпеченія вящше Сербіи и для предупрежденія Французовъ, кои стараются вездѣ утвердить свое вліяніе, нужно бы начать дѣйствовать; между тѣмъ я принялъ мѣры, чтобы узнать о важнѣйшихъ въ Босніи лицахъ и о ихъ расположеніяхъ.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Бѣлградъ,
13 августа 1807.

Къ письму г. Родофиникина отъ 13-го августа.

ad № 254, копія.

Къ Мармонту.

По порученію Вашему я здѣсь во многомъ успѣлъ. Сербы недовольны, что такъ долго продолжается война, но принужденно оную дѣлаютъ, ибо боятся воеводъ. Изъ сихъ, кромѣ прежде Вамъ расположенныхъ, я обратилъ еще трехъ, кои на все идутъ, чтобы служить Вамъ, но хотятъ обѣщаніе, что получатъ чины полковниковъ и пенсіонъ по 300 червонныхъ въ годъ. При другомъ вѣрнѣйшемъ случаѣ я пришлю вамъ имена ихъ, если получу отъ Васъ приказаніе дѣйствовать и какъ. Сіе посылаю чрезъ г-на Давида, чрезъ котораго и отвѣтъ Вашъ будетъ исправно доставленъ. Я поѣду на сихъ дняхъ въ Бѣлградъ, чтобы ближе узнать одного россійскаго генерала, который туда пріѣхалъ и видѣть что онъ дѣлаетъ.

Къ письму г. Родофиникина отъ 13-го августа.

ad № 254, копія. **Къ Давиду.**

Я думаю, что Вы помните еще Мурбаха, пріѣзжавшаго къ Вамъ и къ визирю отъ г-на генерала Мармонта. Сей самый Мурбахъ проситъ Васъ — вѣрнѣйшимъ образомъ отправить прилагаемый при семъ пакетъ къ генералу, и оставивъ у себя человѣка который Вамъ сіе вручитъ, прислать чрезъ него отвѣтъ, который отъ генерала получите.

№ 255. 8. Получ. 3 октября 1807.

Милостивый Государь
Андрей Яковлевичь!

По отъѣздѣ господина надворнаго совѣтника Пизани, Сербы, видя, что никакое свѣденіе сюда недоходитъ о заключеніи съ Турками перемирія и о распространеніи онаго и на нихъ, заключили, что всѣ предложенія наши отринуты Турками, а потому и приказано было коменданту Миленкѣ, по достиженіи сукурса ему отсюда посланнаго, собравъ всѣ силы, особенно въ его командѣ состоящіе, отправиться къ Неготину и занять прежнюю позицію. Спустя пять дней послѣ сего, получено извѣстіе изъ Порѣча, куда курьеры поспѣваютъ въ день а возвращаются въ три дни, что сербскій комендантъ бывшій на островѣ, оставивъ оной, прибылъ къ нему со своимъ отрядомъ и пушками, ибо хотя онъ намѣревался держаться на островѣ, не взирая на присланныя ему приказанія отъ господина генералъ-маіора Исаева, чтобъ оставить оной, но прекративъ выдачу ему провіанта изъ Валахіи, откуда до того получая оной исправно, не имѣлъ попеченія завести у себя магазинъ, ввелъ его въ необходимость отретироваться. Я писалъ о семъ главнокомандующему арміею, который лучше можетъ знать изъ рапортовъ господина генералъ-маіора Исаева до какой степени должно вѣрить показаніямъ сербскихъ комендантовъ. Здѣсь однако онымъ повѣрили и умы сильно взволновались; важнѣйшій однако предметъ отвлекъ все вниманіе оныхъ; къ Ниссѣ собралось знатное число Турокъ изъ Албаніи и Видина, которые присоединясь къ бывшимъ уже тутъ, учредили два лагеря, на обѣихъ сторонахъ рѣки Моравы; Черный Георгій отправился къ сербскому лагерю неподалеку отъ тѣхъ мѣстъ расположенному и нарочные посланы

повсюду, чтобы собирать остающихся по домамъ ратниковъ и вести туда; изъ Бѣлграда вчера пошли всѣ тѣ кои носили оружіе; не взирая на всѣ сіи усилія сербское войско при Ниссѣ не можетъ быть такъ сильно какъ турецкое, ибо Сербы большую часть силъ своихъ имѣютъ по границѣ Босніи. Если Турки при Ниссѣ будутъ побѣждены, то Сербію я считаю спасенною, буде же напротивъ того, Турки останутся побѣдителями, дорога имъ открыта до самой Семендріи и Бѣлграда, коими безъ труда овладѣть можно какъ по неимѣнію гарнизона кромѣ небольшаго караула у воротъ, такъ и по недостатку въ порохѣ и въ хлѣбѣ. Сего послѣдняго я надѣюсь на сихъ дняхъ успѣть купить отъ Австрійцевъ на ихъ сторонѣ до тысячи четвертей, что на первый разъ достаточно будетъ, завтра оттуда же ожидаю я двѣ тысячи пушечныхъ ядеръ.

Чрезъ Орсову на прошедшихъ дняхъ проѣхали три артиллерійскіе французскіе офицеры, слѣдующіе къ Видину, для достиженія генерала Гардана, съ коимъ поѣдутъ въ Персію.

Поелику всякое сношеніе съ Валлахіею совершенно нынѣ прекращено, то я чиню сегодняшнее отправленіе къ главнокомандующему съ нарочнымъ чрезъ Орсову.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Бѣлградъ,
30 августа 1807.

№ 256. 9. Получ. 3 октября 1807 г.

Милостивый Государь
Андрей Яковлевичь!

Курьеръ мой былъ уже въ готовности ѣхать сегодня въ Валлахію, какъ прибывшій отъ господина генерала отъ кавалеріи барона Меендорфа, привезъ мнѣ бумаги, изъ коихъ я извѣстился о смерти покойнаго главнокомандующаго, и о заключенномъ перемиріи съ Турками, и объ особой статьѣ, подписанной относительно до Сербовъ, изъ которой съ прискорбіемъ увидѣлъ я, что Турки обязались не дѣйствовать противъ Сербовъ токмо около Виддина и Фетислама, а о прекращеніи военныхъ дѣйствій по границѣ

сербской съ Албаніей и Босніею — ничего не упомянуто. Граница сербская къ сторонѣ Фетислама и Виддина такъ крѣпка по положенію своему, что съ малымъ числомъ людей можно противуборствовать цѣлой арміи. Напротивъ того со стороны Албаніи и Босніи — Сербія подвержена большой опасности. Не взирая однако на ограниченность статьи о Сербахъ подписанной, я не преминулъ сегодня же написать къ Хуршидъ-пашѣ командующему войсками при Ниссѣ; съ письма моего при семъ имѣю честь пріобщить переводъ; зная по доходящимъ сюда свѣденіямъ ожесточеніе Турковъ противъ Сербовъ не токмо не думаю чтобы Хуршидъ-паша внялъ моему предложенію, но напротивъ того я полагаю, что и самъ великій визирь воспользуется собранною подъ его командою арміею и обратитъ оную противъ Сербовъ.

Положеніе мое собственное становится день-ото-дня затруднительнѣе. Между Россіей и Портою заключено перемиріе; посреди Сербовъ пребываетъ россійскій чиновникъ, а между Сербами и Турками не прекращаются военныя дѣйствія; и Турки и другія державы заключатъ съ наружною основательностію, что намѣреніе Россіи возстановить миръ съ Портою не есть искренное; выѣхать же мнѣ отсюда публично невозможно, ибо Сербы ни какъ меня не отпустятъ при настоящемъ положеніи дѣлъ. И такъ я долженъ оставаться и ожидать случая оставить Сербію подъ благовиднымъ предлогомъ, а между тѣмъ я надѣюсь, что удостоите меня повелѣніями Вашими. Находящагося при мнѣ титулярнаго совѣтника Маснера и для турецкой переписки валахскаго боярина Расти отправляю я сегодня чрезъ Орсову, перваго къ посту его въ Яссы, а другаго въ Букорестъ, при мнѣ же остается одинъ коллежскій регистраторъ Поповненковъ и одинъ курьеръ.

Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Константинъ Родофиникинъ.

Бѣлградъ,
30 августа 1807.

ad № 256.

Traduction de la lettre écrite par M-r de Rodofinikin à Choursid Pacha.

J'ai reçu aujourd'hui une lettre du général commandant en chef en Vallachie et Moldavie, par la quelle Son Excellence me mande ex-

préssement que la trève a déja été conclu entre le Cour Impériale de Russie et la Sublime Porte par la quelle toutes les hostilités doivent cesser des toutes parts; et puis qu'à la paix qui sera conclue entre ces deux puissances il sera décidé aussi tout ce qui regarde la Servie. J'ai signifie aux Serviens de ne pas faire la moindre hostilité aussi contre Votre Altesse. C'est à quoi ayant accédé et étant déja décidés à se soumettre à tout ce qui sera stipulé à leur égard par les deux puissances sus-mentionnées, ils m'ont promis de s'abstenir de toute hostilité, pourvu qu'on les laissat tranquilles. Pour éviter donc toute effusion de sang des deux parts inutilement, je prie Votre Altesse de donner ordre à toutes ses trouppes de ne les point attaquer durant la trève conclue, et l'assure qu'Elle sera pareillement tranquille de leur part.

Belgrad, 30 août 1807.

IX.

Два донесенія главнокомандующаго русскими войсками въ придунайскихъ краяхъ князя Прозоровскаго Императору Александру I: первое о военно-инженерныхъ работахъ русскаго маіора Грамберга съ приложеніемъ писемъ Родофиникина и сербскаго совѣта Прозоровскому объ этомъ предметѣ и записки самаго Грамберга, содержащія въ себѣ описаніе Сербіи въ военномъ отношеніи, описаніе укрѣпленій, способа воеванія Сербовъ и т. д.; второе: о сношеніяхъ съ визиремъ Мустафой.

1808.

№ 254. 1.

Всемилостивѣйшій Государь!

Отъ 19-го числа минувшаго іюня предувѣдомилъ я министра иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Румянцова о возвращеніи ко мнѣ отправленнаго мною въ Сербію инженеръ-маіора Грамберга. Благоразумнымъ его обращеніемъ, трудами и искуствомъ успѣлъ онъ весьма угодить народу сербскому, что Ваше Императорское Величество подробнѣе усмотрѣть изволите изъ всеподданѣйше представляемыхъ при семъ въ копіяхъ подъ литерами А и В донесеніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина и письма ко мнѣ совѣта народа серб-

скаго. По прибытіи маіора Грамберга, занимался онъ составленіемъ mémoire raisonnée о замѣчаніяхъ его и записки о упражненіяхъ его, равно какъ и переписываніемъ на бѣло сочиненныхъ имъ на мѣстѣ плановъ и карты. Нынѣ имѣю счастіе всеподданѣйше представить при семъ на Высокомонаршее благоусмотрѣніе подлинныя бумаги мнѣ отъ него поданныя, какъ то: подъ литерою С рапортъ его ко мнѣ [1]), подъ литерою D въ особомъ сверткѣ карту и планы съ профилями, которыхъ всего шесть [2]), подъ литерою Е маршруты съ примѣчаніями для слѣдованія войскъ [3]) и наконецъ подъ литерою F замѣчанія его на французскомъ языкѣ.

Хотя онъ карту Сербіи сочинялъ на-скоро, почему и совершенной вѣрности въ оной быть не можетъ, однако же должно отнести къ похвалѣ его, что онъ снялъ ее съ ситуаціею, такъ, что соображая оную съ описаніями, она довольно ясна и для военныхъ операцій.

Вообще, осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшій Государь, всеподданнѣйше донесть о заключеніи моемъ на сіи бумаги, что онѣ по мнѣнію моему приносятъ честь маіору Грамбергу, обнаруживаютъ его чиновникомъ, имѣющимъ всѣ надобныя въ сихъ частяхъ познанія, которыя содѣлываютъ его достойнымъ быть въ свое время и въ высшихъ чинахъ, какъ Ваше Императорское Величество и сами изъ тѣхъ бумагъ усмотрѣть соизволите.

По таковымъ усмотрѣннымъ мною способностямъ, дарованіямъ и усердію къ службѣ маіора Грамберга признаю я его достойнымъ Всемилостивѣйшаго награжденія знакомъ отличія; для чего почитаю обязанностію званія моего всеподданѣйше повергнуть его въ Высокомонаршую милость и благоволеніе Вашего Императорскаго Величества.

Всемилостивѣйшій Государь
Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій
князь А. Прозоровскій.

Въ благополучномъ
мѣстечкѣ Бырладѣ,
2 іюня 1808 г.
№ 1023.

---

[1]) Неимѣетъ значенія, отъ того опущенъ.
[2]) Ненаходятся между актами.
[3]) По незначительности опущенъ.

ad № 254. A.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. совѣтника Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 2 іюня 1808 г.

Въ бытность мою въ Боракѣ Черный Георгій просилъ меня найубѣдительнѣйше не отправлять обратно г. маіора Грамберга, доколѣ неувѣримся положительно, что Австрійцы не имѣютъ никакихъ враждебныхъ видовъ противъ здѣшняго края; я не могъ не обѣщать сего, для вящшаго успокоенія вождя сербскаго; нынѣ однако находя совершенно безполезнымъ задерживать болѣе г-на Грамберга, отправляю обратно. Какъ Черный Георгій, такъ совѣтъ и старѣйшины довольны до высочайшей степени пребываніемъ здѣсь сего штабъ-офицера; ибо во первыхъ исправилъ найлучшимъ образомъ одну бѣлградской крѣпости часть, по которой могутъ уже легко продолжать дальнѣйшее исправленіе и показалъ имъ мѣста, гдѣ найнужнѣе поставить пушки; во вторыхъ, далъ имъ прямое понятіе объ укрѣпленіи ретраншаментовъ; описалъ всѣ таковые имѣющіеся въ Сербіи, что было совершенно неизвѣстно какъ верховному вождю, такъ и совѣту, и наконецъ далъ имъ планъ Бѣлградской крѣпости и карту Сербіи.

Трудами подъятыми по всѣмъ симъ предметамъ, а найпаче при объѣздѣ Сербіи по непроходимымъ почти горамъ въ зимнее время, гдѣ часто должно было такъ сказать, умирать съ холоду и съ голоду, г. Грамбергъ заслужилъ въ полной мѣрѣ вниманіе и похвалу. Остается мнѣ теперь представить объ издержкахъ имъ учиненныхъ и о причинѣ почему выданные ему деньги въ Яссахъ, не могли быть достаточны для возвратнаго его пути. Въ бытность нашу даже у Чернаго Георгія и у князя Симы, долженъ былъ и г. Грамбергъ дать въ руки женамъ ихъ по три червонца, а дѣтямъ по одному. Данныхъ ему провожатыхъ отсюда при отъѣздѣ въ Сербію, какъ то главнаго начальника надъ артиллеріею и одного бинбаши не только долженъ былъ кормить во всю дорогу ихъ и лошадей ихъ, но еще и подарить каждому по десяти червонныхъ; здѣсь даже при исправленіи крѣпости принужденъ былъ покупать хлѣбъ для работниковъ. А потому какъ въ добавокъ для издержекъ здѣсь, такъ и для обратнаго пути я выдалъ ему подъ росписку сорокъ червонныхъ.

Отъ совѣта сербскаго благодарственное письмо по случаю присылки сюда г. Грамберга, имѣю честь при семъ пріобщить.

ad № 254. B.

Копія съ письма совѣта народа сербскаго къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 3 іюня 1808 года.

Одлазещи садъ одъ насъ господинъ Грамбергъ, мы себи поставляемо за дужность принести Вашему Сіятельству нашу чувствительнѣйшу благодарность за посланіе къ намъ овога достойнаго офицера, кои е не само насъ у многимъ благопотребнѣйшимъ ради насъ дѣламъ наставіо, него е іоще исправіо све що е нужно было и чрезъ то дао е нама познанѣ къ найболѣму приведенію у оборонительно состояніе како градова наши тако и шанцева. Примите милостиво, Ваше Сіятельство, изъясненіе искреннѣйши наши чувствованія и увѣреніе совершеннаго съ высокопочитаніемъ преданства съ коимъ пребываво.

ad № 254. F.

A Son Altesse Monseigneur le Prince de Prosorovskoy Feldmaréchal des armées de Russie, Commandant en Chef l'armée en Moldavie, Vallachie et Bessarabie, Chevalier des ordres de Russie, etc. etc. etc.

Mémoire.

Conformément aux ordres de Votre Altesse, j'ai inspecté les frontières de la Servie ainsi que ses places fortes et retranchements; j'ai taché d'améliorer une carte éxistante sur les lieux où je me suis rendu, que j'expose ci joint suivie du plan de la place capitale du pays et des positions de Lozenitza et Poretschie; j'ai donné de l'un et l'autre copie au gouvernement servien; je joint ensuite les marches-routes pour les troupes qui passeraient le Danube et se rendraient dans l'intérieur de la province et ses frontières.

Pour l'éclaircissement de ces données, j'ajoute ici une description abregée de ce pays et de ses habitans sous un point de vue militaire.

Description du pays.

La Servie comprise entre le 36 et 40 dégré de longitude et le 43 à 45 de longitude est bornée du coté d'ouest et sud par la Vallachie, Bulgarie, Macédoine, Albanie et du côté d'est et de nord par la Bosnie et le Bannat.

A la suite de la révolution où la nation est parvenu à sécouer le joug des Turcs et les chasser de place en place, la frontière actuelle s'étend vers le sud, depuis le camp de Kaloache et le long des camps rétranchés jusqu'à six heures au de là de la place d'Ouzitza, et le nombre des habitans se monte aujourd'hui jusque 200,000 âmes.

J'indique en conséquence les limites actuelles et anciennes sur la carte.

Les places fortes qui sont encore entre les mains de les ennemis sont: Neu Orsova, Négotin, Nissa et Sokol avec leurs territoires.

La plus grande partie de la Servie est montagneuse, couverte de forêts épaisses, de toute espèce de bois, surtout de chênes, et la guerre que les ennemis y transporteraient ne pourra se faire que en petits détachements aux quels on opposerait pour ainsi dire à chaque pas de chicane.

Mais du côté de la Bosnie depuis Lozenitza et vers la Sava et Belgrade, on trouve des vastes plaines et débouchés propres à y transporter l'artillerie et à agir en même tems avec la cavallerie.

Or les Bosniens sont les plus rédoutables ennemis des Serviens pouvant mettre sur pied jusque à 50,000 hommes, et être sécourues en outre par des troupes ottomans qui viendraient par la grande route d'Adrianople.

Les Serviens avaient passé la Drina à plusieurs reprises et menaçaient les places de Svornik et de Vichegrad; les Bosnien à leur tour ont passé cette rivière vers la fin de la dernière campagne; plusieurs combats eurent lieu dans les plaines de Lozenitza; ils se retranchaient ensuite sur les deux rives de la Drina, ou ils restèrent campés jusque l'armistice de l'année 1807.

Dans la partie montagneuse les chemins ne sont que des sentiers étroits, qu'on ne saurait passer qu'à cheval ou a pied; les vallées et ravins y sont arrosés par une quantité de rivières et ruisseaux mais excepté le Danube et la Sava, qui, comme il est connus, sont navigables, le reste sont plutôt de torrens rapides qui, comme en Italie, ne s'enflent que periodiquement vers la saison des fontes de neige et de pluie; leur passage devient alors d'autant plus difficile faute de ponts et de bateaux, dont le premiérs ne se trouvent qu'aux citées ci-devant turques construites en massif avec des bascoyers et avec gothiques.

Dans tout autre tems, on passe ces torrens à pied ou à cheval.

Les principaux sont: la Drina, la Morava, la Kolobra, la Roslinie (?) et l'Ibar.

Dans les district de Belgrade, Schabatz et Vailova les chemins sont practicables pour le transport de l'artillerie et de bagage, comme je viens de le dire, ainsi que la route de Belgrade à Nissa; dans le district de Schabatz le terrain à quelques endroits est tout soit peu marécageux, mais il n'y a que les environs de Belgrade qui soyent sans bois.

Les villes et les bourgs qui se trouvent sur la grande route sont en partie brulés surtout vers la frontière; les villages consistent en petites cabânes, d'une construction en bois, éparses ça et la et cachées dans les forêts, hormis dans le district de Vailova où elles forment un meilleur ensemble. Les noms et lieux de ces hameaux ont dans ces tems de troubles beaucoup changés, et ne se trouvent marqués sur la carte qu'aux endroits où je me suis porté moi même.

Les montagnes renferment en partie des minéraux, quelque or, argent et de plomb, surtout dans les environs de la ville de Roudnik.

L'air est partout sain; vers le midi l'atmosphère est rafraichie par de vents du nord-ouest, les nuits ne deviennent pas froides comme en Moldavie; en général on connait peu de maladies.

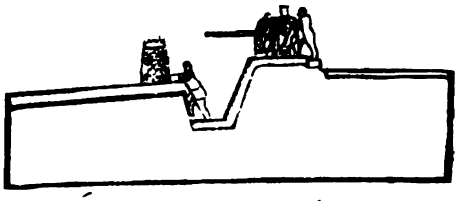
Une quantité de sources de la meilleure eau sont conduites par des rigoles souterraines en briques aux différens endroits des routes, ou le voyageur apperçoit de distance en distance de fontaines con struites en pierre de taille.

Le long des frontières, les Serviens ont établi de camps retranchés et de rédoutes gardées par 100 à 600 hommes et une chaîne d'avant-postes, quoique le terrain est ordinairement mal choisi, et souvent dominé par des hauteurs et les lignes disposées sans qu'on ait observé les regles de l'art, cépendant ces retranchements contre des ennemis comme les Turcs forment en premier lieu une frontière militaire.

Le profil de ces camps retranchés consiste en des parapets des gabions farcis de 6 à 7 pieds de hauteur sur 7 à 8 pieds d'épaisseur; quelque fois le talus a un révêtement de minces bois entreliés à des piquet plantés (Hordes). Ce parapet est surmonté de trois pièces de longrines en bois, avec des ouvertures pour tirer et munir des fraises dirigées horizontalement vers la campagne.

Le fossé est de peu de profondeur, est sert quelques fois à y

placer un second rang de tirailleur, qui se couvrent par de gabions dont les intervalles ont des ouvertures comme j'expose par ce croquis.



Les Serviens se deffendent jusque à l'extremité dans ces retranchements, ils croyent tout perdu si l'ennemi se franchissait un chemin jusqu'a Belgrade. En effet il n'existe qu'un seul exemple que l'ennemi s'en soit emparé de vive force.

Je n'ai donc pas voulu les priver de la haute idée qu'ils en possedent, et tout ce que j'ai pu était, de le persuader d'approfondir le fossé, et d'établir pour le sécond rang des tirailleurs un chemin couvert palissadé, chose peu conteuse dans ces bois, de changer la direction des fraises, et tant soit peu celle des lignes où cela était evidemment nécéssaire. De tems en tems par des peines infinies, on a transporté dans ces redoutes des pièces de canon dont la plupart des affuts se construisent à Belgrade. Leur nombre dans chacune se monte de 2 à 6 d'un calibre de 5 à 6 livres; le plupart sans plateformes, car ou ne connaît guères l'usage des scies, et mal dirigées faute d'artilleurs, car ceux qui y existent sont quelques Serviens desertés du service autrichien.

Je passe à la description détaillée de l'état actuel des places fortes et camps retranchés.

1°. Belgrade situé sur le Danube et la Sava, ancienne forteresse servienne, dont les ouvrages ont été améliorés depuis par le prince Eugène de Savoye, se trouve sur un terrain très avantageux, a un fort haut et bas et un retranchement qui forme l'enceinte de la ville; or c'est la clef du commerce de ces contrées, quantité de rivières navigables portant leurs eaux dans le Danube.

La forteresse d'aujourd'hui formait au tems autrichien plutôt la citadelle et le retranchement de la ville la véritable ligne magistrale de la place démolie avant la reddition aux Turcs. Cette citadelle est révêtue en maçonnerie selon les regles de l'art, et tout l'ouvrage en massive se trouve en bon état, mais les ouvrages en terre ruinés. J'ai donc renouvellé une partie du polygon vers la ville et indiqué son retablissement ainsi que les endroits pour les bouches à feu. Il est

encore essentiel de munir le chemin couvert de palissades, qui en manque entièrement.

On trouve en cette place 278 pièces de canon d'un calibre de 1 à 22 dont 40 avec affuts et 25 mortiers, un arsenal, de casernes et 4 magasins à poudre, casemattes etc. qui exigent tant soit peu de réparation.

Cette citadelle doit avoir au moin une garnison de 4000 hommes mais il y manque des vivres, de munition et d'artilleurs; le nombre des derniers n'est que de 12.

Aussi son sort dépend en partie du retranchement, car les maisons de la ville se trouvent trop près et ne laissent point assez d'espace à l'esplanade, défaut de la plus part des places turques; par cette raison j'ai proposé le rétablissement du dit retranchement d'une manière si peu conteuse que possible, ce qui été accepté et les travaux commencés.

2°. La ville de Schabatz sur la Sava est dans une plaine, est fortifiée par un rempart en terre et un fossé d'eau, avec un ancien donjon en massif qui sert de réduit; le tout mal entretenu. Il s'y trouve 13 pièces de canon, dont la moitié est sans affuts.

3°. Sémendria bourg et ancien fort sur le Danube et la Jessava, construit avant l'invention de la poudre à canon, selon l'inscription existante, il y a 840 (!) ans par la princesse servienne Irina, consiste en de hautes murailles crenelées et tours quarrées, avec un réduit du même genre; les Autrichiens ont ajouté à cet amas de murailles quatre tours bastionnées aux coins pour des pièces qui s'y trouvent au nombre de 10.

Le fort ne dispute pas le passage aux vaisseaux par ce que l'isle vis-à-vis forme deux bras du Danube, dont l'un se trouves hors de la portée du canon. Il est en outre dominé par les hauts bords, sur la quelle il existe une ancienne rédoute autrichienne qui en tems de guerre doit être occupée et renouvellée.

4°. Oyzitza, ancien fort sur la petite rivière de Tetinia a de murailles crénelées avec 5 tours flanquantes et avec 13 pièces. Il est dominé par une proche hauteur que j'ai proposé de fortifier, ce qui a été accepté. La ville qui comptait jusqu'à 12,000 habitans est réduite en cendres.

Retranchement à rédoutes.

1°. Lesnitza sur la Drina dans une plaine sur un terrain choisi, retranché pour 600 hommes, avec trois pièces de canon de 3 livres.

2°. Losenitza nouvellement retranché pour 600 hommes avec 3 rédoutes sur des hauteurs qui l'environnent, est situé sur la petite rivière de Spida qui tombe a 2 verstes d'ici dans la Drina; le retranchement est dans un assez bon état, et a 3 bouches à feu de 3 à 6 ℔; la ville est brulée.

Des deux bords de la Drina un camp retranché turc, occupé par les dernieres en 1807 j'ai proposé de le ruiner, ce qui a été accepté. Les Bosniens passaient la Drina en cet endroit, et a Louboritsch et Spida; voyez le dessin de cette situation.

3°. Vailova ville nouvellement retranchée sur la Koloubra dans une vallée dominée de tout côtés, sur une des hauteurs un bonne rédoute, mais sans eau. Il faut remarquer que les Serviens lorsque ils manquent d'eau creusent des souterrains pour conduire les chevaux et faire parvenir les soldats à quelque source ou puits.

Ici 3 pièces de canon de 3 ℔.

4°. Ratscha monastère sur la Drina, est un terrain d'une approche difficile enceinte par une muraille crénelée.

3 piéces de canon de 4 ℔.

L'archimandrite avec ses moines a souvent repoussés l'attaque des Bosniens.

Sokol est une place qui se trouve encore entre les mains des Turcs et pour des pièces d'une approche difficile; la garnison est de 3000 hommes, elle a jusqu'ici une communication libre avec la place de Zvornik. Une partie de la garnison a tout nouvellement attaqué une des trois petites rédoutes serviennes qui environnent la place, mais sans succès.

5°. Tchatschak. Bourg et rédoute pour 200 hommes sur la Morava dans un terrain choisi, mais mal entretenue. 2 bouches à feu de ½ ℔.

6°. Karanovatz sur l'Ibar nouvellement retranché pour 600 hommes et avantageusement placé sur une hauteur, sans canon.

7°. Kostina, monastère, renforcé par des palisades et sur une montagne, sans eau.

8°. Schafran rédoute pour 200 hommes sur la Rossinia au pied d'une montagne, sans fossé.

9°. Jassika rétranchée pour 200 hommes sur la Morava au milieu d'un village du même nom et au pied d'une hauteur.

4 canon de 2 à 3 ℔.

10°. Dellegrade. Deux camps retranchés sur la Morava chacun pour 500 hommes dans une plaine; cet endroit dispute le passage de Nissa dans l'intérieur.

6 pièces de canon de 1 à 3 ℔.

A juger de l'étendue du ci-devant camp des ennemis, il s'y trouvait jusque 10,000 Turcs, qui après avoir bombardé la redoute servienne pendant six semaines n'ont pas osé l'attaquer et se sont retirés. Le pacha de Nissa a une garnison de 4000 hommes et fait beaucoup de préparatifs pour sa défense étant encore en peine pour la quantité des habitans serviens de la ville.

11°. Trajan ou Tchoupria sur la Morava, ancienne redoute autrichienne sur un terrain choisi, aujourd'hui palissadée. 4 pièces de canon de 1 à 3 ℔.

12°. Kalovasch sur le Timok retranché pour 500 hommes dans un bon état. 3 pièces de canon de 2 à 5 ℔.

13°. Poretschie, trois isles du Danube, dont une est renforcée par de batteries qui battent le Fahrvater.

La seconde avec une tour en bois de 3 étages; les bords du Danube sont encore occupés par une batterie pratiquée dans le roc.

Toutes ces batteries sont assez bien choisies sur les lieux où une descente pourrait s'effectuer et pour disputer le passage aux navires, mais pour rendre toute atteinte inutile, surtout pendant la nuit, il serait à souhaiter qu'on retranchat le petit bourg sur la première des isles.

Ici 30 pièces de canon de 1 à 12 ℔ bien soignées, voyes le dessin.

De Poretschie jusqu'a Birza Palanka, où l'on passe le Danube, le terrain est encor neutre: tantôt les Turcs cottoyent le fleuve et communiquent de Negotin à Kladova et Orsova, tantôt les Serviens accompagnent les transports, qui par cette voye arrivent de la petite Vallachie. Tous les villages sur cette route et le long du Danube ne sont pas habité. L'isle ou le général Isaeff a passé ce fleuve et le village Ostrof est occupé par une centaine de Turcs.

De la nation.

Les Serviens en général sont bien faits, robustes et propres à supporter la fatigue.

Le gouvernement de leur premiers maîtres les rendait paciens à supporter les maux de l'esclavage, sans abattre leur courage.

Les mêmes maux ont été la cause qu'il y avait quelques villes et villages qui exerçaient le mêtier de voleur de grand chemin; ces forêts ne favorisent que trop pour assommer et piller le voyageur.

Les discordes et division de ces usurpateurs devinrent une cause pour la quelle on donna les armes à une partie des nationaux pour

les employer à défendre leurs différens intérêts, mais bientôt les Turcs aperçurent leur faute; les Serviens armés devinrent leurs ennemis implacables, surtout à l'epoque où les premiers se déciderent à trancher la tête aux chefs de villages.

En partie ils ont réussi, mais ceux qui échappaient à leur fureur se sont enfuis dans les bois où rencontrant des voleurs ils se sont joint a eux, et vinrent aux différens villages pour se venger des Turcs qu'ils y trouvaient. Les autres voleurs apprenant les troubles existantes et voyant la possibilité de piller se joignirent aux premiers.

Alors ils fondirent sur les bourgs et villages serviens et obligerent les habitans de s'unir à eux et de mettre leurs femmes, enfant et bestiaux à l'abri de l'ennemi.

Les chemins devinrent dangereux et les commandantes des places n'eurent pas assez de communication libre pour le secourir; alors les Serviens conçurent l'idée de se rendre maîtres de ces places. Ils avaient acheté de l'Autriche quelques pièces de canon et parurent devant les places fortes qu'ils bloquerent avec une assiduité incroyable, et réduisirent par la famine.

C'est ainsi que ces places et enfin Belgrade tombèrent entre leurs mains; on s'était emparé par assaut du faible retranchement de la ville, et la forteresse capitula dépuis faute de vivres.

Deux mois après le pacha et tout ce qui portoit le nom turc fut mis a mort à l'exception de quelques ouvriers, viellards et femmes. Depuis l'epoque de la prise de cette forteresse un grand nombre de Serviens habitans des pays limitrophes vinrent s'établir dans celui de leurs pères, mais comme le gouvernement ne leur accordait aucuns moyens de subsistance, quantité s'en est retourné.

Le soldat servien est paysan armé et combattant a pied et à cheval à la manière de Turcs, il a encore cette préferance sur les derniers d'être moins paresseux. Il se défend dans ses retranchemens jusqu'à l'extremité.

A chaque terrain qu'on vient de gagner sur ses ennemis on se fortifie, on se loge dans les bois pour observer et disputer les passages, mais ils ne sauraient soutenir le premier choc de la cavallerie des Turcs.

On a conservè les habits et charges militaires de ces derniers, comme boujouk bascha commandant 2000 hommes, bimbascha commandant 1000 hommes, topschibascha capitaine artilleur, bairactar enseigne.

Les chefs de différens districts nommés woywod ou commandant ont un certain nombre de ces derniers sur leurs ordres avec les troupes qu'ils commandent. En tems de guerre ils sont distribué aux différens endroits par Czerny Georges, qui avec de troupes de reserve se rend en personne aux endroits les plus essentiels.

Une assez grande partie de la nation habite le pays des peuples esclavons leurs voisins, auxquels ils sont liés par la réligion, les mœurs et l'intérêt commun.

Une haine sans bornes animerait ces peuples en cas de guerre contre ses oppresseurs et contre toute autre nation, exceptés les Russes, pour les quels ont toujours conservé un attachement véritable.

26 juin 1808. Gramberg major du génie.

№ 297. 2. Получ. 11 октября 1808 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

(Пропускъ)

Въ депешѣ моей къ Министру иностранныхъ дѣлъ описалъ я подробно всѣ разсужденія мои, на которыхъ я основалъ мое письмо къ визирю, равно какъ и то что я съ умысломъ написалъ оное въ такомъ вкусѣ, дабы, судя по надменности, суровости и вспыльчивости нрава его, подвигнуть его самаго къ прекращенію перемирія. Послѣ отправленія того письма употреблялъ я всѣ усилія, дабы раздражая Турковъ довести ихъ до учиненія частнаго нападенія либо на войско Вашего Императорскаго Величества либо на Сербовъ, но старанія сіи остались безуспѣшными; они крѣпко остерегаются, и даже Сербовъ ни мало не трогаютъ, опасаясь того что мы за нихъ вступимся и отмщать будемъ, что самое, къ неудовольству моему, мнѣ совершенно руки связываетъ.

(Пропускъ)

Но съ крайнимъ удивленіемъ читалъ я отвѣтъ сей (великаго визиря), можно сказать уничтожительный и преисполненый учтивостями, лично ко мнѣ относящихся, давая мнѣ и титулу Altesse; адъютанту же моему подарена отъ визиря табакерка алмазами украшенная. Вмѣсто твердости и достоинства независимой державы въ отверженіи требованій нашихъ, ссылается на то, что не смѣетъ приступить къ какой-либо намъ уступкѣ, опасаясь народа,

который сего терпѣть не будетъ. На счетъ усиленія здѣсь арміи В. И. В. говоритъ онъ, что сіе вовсе не противуборствуетъ дружескимъ связямъ; обѣщаетъ что Турки конечно не будутъ первые насъ атаковать, и даетъ честное слово, что доколѣ мы захотимъ наблюсти перемиріе, они ни къ какимъ воинскимъ предпріятіямъ не приступятъ, слѣдовательно онъ дается въ семъ случаѣ, такъ сказать, на дискрецію намъ.

Наконецъ удовлетворилъ даже торжественно требованію моему относительно Сербовъ, оставляя ихъ подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества неприкосновенными до постановленія мира, что всегда было самымъ большимъ для нихъ преткновеніемъ, какъ еще и изъ послѣдняго предъ симъ письма его ко мнѣ, при отношеніи моемъ отъ 27 августа къ графу Румянцову доставленнаго, ясно усматривается.

(пропускъ.)

Всепокорнѣйшій

Въ лагерѣ при селеніи Каліани, 27 сентября 1808 г.
№ 1372.

Князь А. Прозоровскій.

Copie de la lettre du Vizir Moustapha au Maréchal Prince Prosorovsky.

Trés haut, trés puissant, trés noble Maréchal généreux et loyal et ami fidel.

(пропускъ)

Au reste j'avois deja promis a V. A. et je lui donné ma parole de ne pas faire marcher des troupes contre les Serviens, en faveur de quels elle a voulu s'intéresser, parce qu'ils ont eu recours à la protection de la Cour de Russie, après s'être mis en révolte ouverte contre la Sublime Porte dont ils sont les sujets; depuis longtems ces rebelles n'ont pas cessé de renouveller ces scenes; cependant en considération de la demande que V. A. me faite par sa lettre, je me suis décidé à oublier leurs torts a condition qu'ils se desisteroient d'orenavant de commettre de nouveaux brigandages, et à différer leur punition en attendant que par le traité de paix cette affaire s'arrange ainsi que toute autre; la patience qui a été montré de nôtre part malgré tous les crimes et les forfaites que les Serviens ont commis après la prolongation de l'armistice, l'attention que nous avons eue de ne pas faire aucune démarche contre eux, pour ne pas donner lieu a de nouvelles disputes, et de ne pas même renforcer l'armée de

Widdin, sont des preuves suffisantes de la fermeté avec la quelle j'ai tenu ma parole, je m'attendois que V. A. se persuaderait par la de ma constance; mais je ne peut vous dissimuler une surprise en voyant par votre dernière lettre que, d'apres la relation de quelques hommes qui ne peuvent pas être informés de ce qui se passe, elle croit que des firmans sont publiés a Widdin contre les Serviens et mettant en avant de fausses nouvelles, elle me réprende d'une manière a la quelle je ne m'attandois pas absolument; loin de publier de pareils firmans, des ordres précis sont envoyés de la part du gouvernement aux officiers qui sont destinés a ces endroits, en leur défendant de tenter la moindre chose contre les Serviens.

(пропускъ).

X.

Письма и донесенія фельдмаршала князя Прозоровскаго изъ военныхъ лагеревъ въ придунайскихъ краяхъ къ государственному канцлеру графу Н. П. Румянцову, съ разными приложеніями.

1808.

№ 300. 1. Пол. 11-го октября 1808 г.

Милостивый Государь мой

Графъ Николай Петровичъ!

Изъ отношенія моего отъ 23-го прошедшаго іюля подъ № 1096 Ваше Сіятельство изволили видѣть, что я по случаю жалобы Муллы паши виддинскаго на нападенія учиненныя Сербами на турецкія деревни, вмѣсто того, что, по донесеніямъ Сербовъ, вторженіе въ ихъ владѣнія учинено было отъ Турковъ, приказалъ произвесть о помянутомъ происшествіи подробное изслѣдованіе и на тотъ конецъ отрядить одного русскаго офицера и одного чиновника сербскаго, давъ надлежащія о томъ предписанія какъ генералъ-маіору Исаеву, такъ и дѣйствительному статскому совѣтнику Родофиникину. Нынѣ получилъ я чрезъ посредство генералъ-лейтенанта Милорадовича рапортъ къ нему генералъ-маіора Исаева съ приложеніемъ показаній, какъ со стороны Турковъ, такъ и со стороны Сербовъ при изслѣдованіи вышеозначеннаго происшествія, а отъ господина Родофиникина по сему же предмету донесеніе, что все

въ копіяхъ при семъ на разсмотрѣніе Вашего Сіятельства препровождаю.

Господинъ Родофаникинъ объясняетъ, что данныя отъ него наставленія, для всевозможнаго уменьшенія вины Сербовъ или лучше сказать воеводы Вельки довольно хорошо исполнены. Ибо Болгаре коихъ села сожжены, предъ турецкими коммисарами показали, что сіе учинено разбойниками на турецкой сторонѣ бродящими. Подобныя тому показанія учинены и по другимъ происшествіямъ, по которымъ Турки и приносятъ жалобы. А какъ Черный Георгій самъ защищалъ воеводу Вельку, то согласно предположенію моему, о которомъ упомянулъ я въ депешѣ моей къ Вашему Сіятельству отъ 27-го августа подъ № 1291 писалъ я къ упомянутому вождю сербскому 31-го того же мѣсяца. Копіи съ сего моего отношенія и съ донесенія на то г-на Родофиникина, мною полученнаго при семъ пріобщаю. Впрочемъ какъ настоящее положеніе политическихъ дѣлъ съ Портою, по мнѣнію моему, требуетъ рѣшительнаго со стороны нашей оборота, на что и ожидаю я Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія въ непродолжительномъ времени, то и оставляю я помянутыя тяжбы между Турками и Сербами безъ дальнѣйшаго производства, тѣмъ болѣе, что верховный визирь въ послѣднемъ своемъ письмѣ торжественно обѣщалъ включить Сербовъ въ перемиріе и ихъ не тревожить до совершенной развязки дѣла.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Князь А. Прозоровскій.

Въ лагерѣ при
селеніи Калини,
29 сентября 1808 г.
№ 1380.

ad № 300.

Копія съ рапорта генералъ-маіора Исаева къ генералъ-лейтенанту Милорадовичу изъ Краіовы отъ 4 сентября подъ № 1298.

Олонецкаго мушкетерскаго полка поручикъ Коротневъ 1-й произведя вмѣстѣ съ сербскимъ депутатомъ г. Живковичемъ, присланными прямо на границу отъ господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина сербскими старѣйшинами и тремя турецкими чиновниками слѣдствіе, показанія разныхъ претензій Турокъ и Сербовъ доставилъ ко мнѣ, какъ равно и копію съ оныхъ на

турецкомъ языкѣ при письмѣ отъ паши, въ которыхъ прибавлено, что Сербы сожгли у Турокъ три деревни кромѣ тѣхъ, которыя написаны въ замѣчаніяхъ, о чемъ во время слѣдствія г. поручикъ ни отъ кого не слыхалъ. Всѣ сіи бумаги въ оригиналѣ Вашему Превосходительству чрезъ него Коротнева представить честь имѣю предписавъ оному на дальнѣйшее ожидать Вашего повелѣнія. На письмо паши, которымъ просилъ меня устроить на границѣ сербской такъ, чтобъ болѣе безпокойствъ не происходило, я отвѣчалъ ему, что писалъ къ начальникамъ Сербовъ и увѣрилъ его, что по сему взяты будутъ строжайшія мѣры, прося также чтобы и онъ со своей стороны взялъ таковыя же и Сербы могли остаться покойными. По сербской границѣ войскъ по малымъ частямъ расположено до тысячи человѣкъ не болѣе, но въ Ниссѣ четыре паши съ довольно значущимъ количествомъ войска.

ad № 300.

Копія съ донесенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина, къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому, отъ 5 сентября 1808 года.

Секретарь Совѣта Стефанъ Живковичъ посыланный отсюда для слѣдствіи на границу, возвратился вчерашняго дня; по показанію его кажется, что данныя мною предписанія выполнены довольно хорошо. Болгаре переселенные въ Сербію, коихъ села въ виддинскомъ пашалыкѣ, показали единодушно предъ бывшимъ при слѣдствіи поручикомъ Коротневымъ и турецкими коммисарами, что тѣ села попалены разбойниками на турецкой сторонѣ бродящими, коихъ оные Булгаре пригласили къ себѣ на помощь для избавленія себя отъ мученія претерпѣвшаго отъ Турковъ. Большая часть грабежей и убійствъ самими подданными турецкими приписываются соотечественникамъ ихъ, коихъ они знаютъ лично и кои изъ ихъ селъ бѣжали; хотя же сіи находятся при Велькѣ, но будучи то неизвѣстно селянамъ претерпѣвшимъ грабежи не могли показать о семъ, слѣдственно таковые грабежи и убійства остались по большей части на щетъ турецкихъ разбойниковъ, говорю я по большей части, ибо нѣкоторые грабежи приписаны извѣстнымъ людямъ въ сербской службѣ состоящимъ.

Представленіемъ вѣдомостей, гдѣ именно какой грабежъ и убійство учинено Турками на сербской сторонѣ по показанію Сербовъ,

какъ равно разбойниками на турецкой сторонѣ, не смѣю утруждать, ибо сербскій депутатъ сказалъ мнѣ, что таковыя вѣдомости имѣются у г-на Коротнева, кои безъ сомнѣнія уже предоставлены на усмотрѣніе Вашего Сіятельства.

ad № 300.

Копія съ донесенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 10 сентября 1808 года.

Вслѣдствіе повелѣнія Вашего Сіятельства подъ № 1324, при коемъ пріобщено было письмо къ Черному Георгію относительно до смѣны воеводы Велька, я вручилъ вождю сербскому какъ письмо такъ и переводъ, по коему обѣщалъ сдѣлать надлежащее исполненіе.

Черный Георгій пріѣхалъ сюда 7-го числа по полудни и вчера отсюда уѣхалъ въ свою деревню; пріѣздъ сего вождя былъ полезенъ, ибо подалъ мнѣ случай сблизить его опять съ Младеномъ, чрезъ что, надѣюсь, быть спокойнымъ по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ.

ad № 300.

Копія съ письма генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго, къ вождю народа сербскаго Черному Георгію, отъ 31 августа 1808 года.

Когда господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Родофиникинъ, вслѣдствіе полученнаго отъ Васъ извѣщенія, донесъ мнѣ о вторженіи турецкаго отряда командованія виддинскаго паши въ предѣлы Сербіи, плѣненіе обывателей трехъ деревень и преданіе смерти всѣхъ плѣненныхъ мужскаго пола, тогда имѣя во всѣхъ случаяхъ въ виду исполненіе Высокомонаршей воли Его Императонскаго Величества въ дарованіи всякой защиты и покровительства народу сербскому, поспѣшилъ я тотчасъ писать къ тогдашнему сераскиру а нынѣшнему верховному визирю Мустафѣ пашѣ, требуя отъ него объясненія и удовлетворенія за означенное происшествіе.

Но къ крайнему моему огорченію получилъ я впослѣдствіи времени жалобу виддинскаго паши Муллы, который не только увѣрялъ, что всѣ вышеозначенныя жалобы Сербовъ несправедливы, но еще самъ жалуетсн, что Сербы разграбили турецкую деревню Изворъ и плѣнныли обывателей съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ. Дабы обнаружить истинну сего происшествія, даю я предписанія, чтобы согласно съ предложеніемъ самаго Муллы паши

отряжены были какъ со стороны нашей, такъ и со стороны Сербовъ депутаты для разбиранія сего дѣла. Вслѣдъ за тѣмъ донесъ мнѣ какъ г. Родофиникинъ, такъ и совѣтъ народа сербскаго, что помянутое донесеніе о вторженіи Турковъ въ предѣлы Сербіи дѣйствительно ложно, а что напротивъ самъ воевода Велько ограбилъ деревню турецкую, нарушивъ тѣмъ всѣ наставленія данныя мною совѣту и требованія отнесенныя мною къ Вамъ о строжайшемъ наблюденіи перемирія. Совѣтъ обѣщалъ мнѣ торжественно, что Велько за сей ложный и дерзкій поступокъ строго наказанъ будетъ, по чему и оставался я спокойнымъ.

Къ безмѣрному однако удивленію моему получилъ я нынѣ донесеніе Константина Константиновича, что воевода Велько не только не подвержеиъ какому-либо наказанію, но отпущенъ спокойно къ прежнему его мѣсту, и что онъ не преставалъ дѣлать подобные прежнимъ грабежи.

Таковые дерзкіе и непозволительные поступки, долженствующіе навлечь на Сербовъ неминуемое бѣдствіе, никоимъ образомъ терпимы быть не могутъ, тѣмъ болѣе, что естьли Государь Императоръ соизволитъ усмотрѣть, что народъ сербскій и частные начальники не будутъ соотвѣтствовать обѣщаніямъ, даннымъ отъ Его Императорскаго Величества Портѣ оттоманской и не станутъ слѣдовать даваемымъ имъ наставленіямъ, тогда навлекутъ на себя гнѣвъ Всемилостивѣйшаго Государя, щедраго ихъ покровителя. А потому самому для собственнаго блага Вашего прошу и требую отъ Васъ, дабы Вы, яко верховный вождь народа сербскаго, помянутаго воеводу Велька, яко нарушителя общаго покоя, удалили отъ поста имъ занимаемаго, и подвергли его столь заслуженному имъ наказанію, а на мѣстѣ его опредѣлили бы вѣрнаго и благонадежнаго чиновника, впредь же воздерживали всѣхъ подчиненныхъ Вамъ начальниковъ отъ подобныхъ своевольствъ и грабительствъ, оскорбляющихъ честь какъ народа, такъ и самаго верховнаго вождя и могущихъ быть весьма пагубными.

Существенное благо народа сербскаго требуетъ, дабы Вы, соблюдая во всей строгости всю нужную осторожность отъ всякаго внезапнаго со стороны Турковъ нападенія, со своей стороны воздерживались со всякою строгостію отъ нападеній на Турковъ, доколѣ они сами не нападутъ на Васъ и доколѣ не получите какихъ либо дальнѣйшихъ отъ меня наставленій.

ad № 300.

Показаніе Турокъ.

1. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ деревнѣ Тополовецъ пришли четыре разбойника къ Булгару въ хату, взяли его съ собою въ лѣсъ, расклавъ огонь, устрашивали: естьли онъ не дастъ денегъ, то будутъ класть на огонь; Булгаръ отговаривался что у него денегъ нѣтъ, потомъ мучили разнымъ манеромъ, клали на огонь, отъчего и теперь знаки есть, чрезъ что и взяли съ Булгара 320 левовъ.

2. Въ іюлѣ мѣсяцѣ близъ деревни Бойницы пришли девять человѣкъ разбойниковъ, взяли съ работы Булгара, приведя въ лѣсъ, мучили на огнѣ, послѣ взяли 500 левовъ.

3. Въ іюлѣ мѣсацѣ въ деревнѣ Бойницы пришли шесть человѣкъ разбойниковъ, взяли одного Булгара съ собою и державши въ лѣсу пять недѣль, мучили, клали горячее желѣзо на спину; сынъ помянутаго Булгара узнавъ объ отцѣ, заплатилъ разбойникамъ 350 левовъ.

4. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ деревнѣ Бойницѣ пришли четыре разбойника, взяли съ собою мальчика, держали у себя три недѣли, потомъ отрѣзавъ у мальчика косу принесли къ отцу, говоря, ежели отецъ не выкупитъ сына, то ему отрѣжутъ голову; послѣ взяли 55 левовъ.

5. Въ іюлѣ мѣсяцѣ на дорогѣ между Изворила и Бойницы двадцать человѣкъ разбойниковъ напали на Турокъ, которые везли на десяти карупахъ соль, и изъ числа четырехъ человѣкъ ранили одного; послѣдніе три оставя, прискакавъ въ деревню Бойницу, извѣстили турецкаго начальника шубашу, который тотчасъ отправилъ двадцать человѣкъ Турокъ кои прискакавъ на мѣста, гдѣ были тѣ карупы и разбойники, Турки поймали трехъ разбойниковъ, отрѣзали головы, а карупы привезли въ Бойницу.

6. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ деревнѣ Бойницѣ пришли разбойники, взяли десять Булгаръ, отвели въ лѣсъ, держали двадцать дней, потомъ отпустили одного Булгара съ тѣмъ, чтобы онъ объявилъ деревнѣ, ежели не выкупятъ забранныхъ разбойниками Булгаръ, то всѣмъ головы отрѣжутъ; сначала жители не соглашались дать денегъ, но когда услышали что одному Булгару отрѣзали голову, тогда селеніе собравъ четыреста левовъ и выкупили Булгаръ.

7. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ деревню Шипиковецъ пришли двадцать человѣкъ разбойниковъ, взяли одного Булгара, потомъ когда онъ имъ далъ сто левовъ, тогда освободили.

8. Въ августѣ мѣсяцѣ ѣхалъ одинъ Турокъ въ деревню Шипиковецъ, напали на него разбойникъ и попъ и убили подъ Туркомъ лошадь.

9. Въ августѣ мѣсяцѣ въ селеніе Шипиковецъ пришли разбойники, взяли четырехъ Булгаръ, отведя въ поле, сняли все платье а Булгаръ отпустили.

10. Въ августѣ мѣсяцѣ въ деревню Халовы пришли разбойники, взяли одного Булгара и отвели будто бы къ сербскому начальнику Джіодѣ.

11. Въ августѣ мѣсяцѣ изъ селенія Шипиковцы турецкій начальникъ деревни послалъ двухъ Турокъ въ Виддинъ; на дорогѣ семнадцать человѣкъ разбойниковъ напали на Турокъ и ранили.

12. Въ августѣ мѣсяцѣ въ селеніе Буриловцы пришли восемдесять человѣкъ разбойниковъ, взяли сто пятнадцать овецъ, шесть воловъ и все, что нашли въ селеніи; жители показали, что все забранное пропущено къ сербскому начальнику Миленкѣ.

13. Въ августѣ мѣсяцѣ въ селеніе Браковцу пришли разбойники; жители селенія испугавшись ушли; Турокъ начальникъ деревни съ десятью военными Турками имѣлъ съ разбойниками четыре часа сраженіе, которое кончилось тѣмъ, что разбойники сожгли деревню.

14. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ селеніе Кули у Булгаръ взяли разбойники четыре вола.

15. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ селеніи Шигиницѣ на мельницѣ у Булгара отняли разбойники два вола и двѣсти сорокъ окъ муки.

16. Въ іюлѣ мѣсяцѣ на дорогѣ отъ Изворилия до Виддина убили разбойники одного человѣка и взяли будто бы деньги.

17. Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ селеніи Галибишницѣ разбойники убили два человѣка и взяли пять лошадей.

18. Въ январѣ мѣсяцѣ на дорогѣ называемой Ракотева разбойники ранили одного человѣка.

19. Въ іюнѣ мѣсяцѣ на дорогѣ Гримадѣ два Турка убили разбойника.

20. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ селеніи Новомъ Апу два Турка убили разбойника.

21. Въ іюлѣ мѣсяцѣ разбойники сожгли село Шанимъ и убили одного Турка и взяли 16 воловъ.

22. Въ іюлѣ мѣсяцѣ на дорогѣ взяли разбойники одну лошадь, которая стоила сорокъ левовъ.

23. Въ іюлѣ мѣсяцѣ селеніе Изворилъ сожжено и жители бѣжали.

Подлинно подписалъ поручикъ Коротѣевъ.

ad № 300.

Описаніе обидъ причиненныхъ со стороны Видинскаго Муллы Паши.

1) 6 января. Турки шемагелцкіе убили князя терновацкаго Лазаря и Ивана Мирича изъ деревни Елишайцы въ сторонѣ села Терновца.

2) 15 іюня. У Банѣ взяли въ плѣнъ люди Чуртовы 2 души мужескаго и 1 женскаго пола, и 2 лошади, притомъ зажгли 18-ть погребовъ и 3 деревни называемыхъ Баня, Баланевуе и Рашна.

3) 16 апрѣля. Чуртовы Арнауты въ деревнѣ Подвлеку убили 3 человѣка земледѣльца, на нивахъ своихъ работавшихъ.

4) 5 апрѣля. Чуртовы люди убили въ поляхъ деревни Галибабинаца 3 человѣка ѣдущихъ на работу свою; въ плѣнъ же взяли одну дѣвку, которую мы отъ субаша Чуртова выкупили за 130 левовъ и за 40 овецъ.

5) 24 іюля. Субаша отнялъ въ Плужини 4-ре дѣвки и отвелъ ихъ въ Кулу, гдѣ онъ обитаетъ, которыхъ держалъ при себѣ 10 дней; имена дѣвокъ суть: Егдисава Милошева, Буда Здравкова, Милойка Маркова и Бояна Иванова. Братья же тѣхъ дѣвокъ будучи свидѣтелями насильства сестрамъ ихъ сдѣланнаго, ушли въ лѣсъ и совокупили въ лѣсу всѣхъ находящихся разбойниковъ, которымъ обѣщали отъ селеніевъ 1000 левовъ, если согласятся вмѣстѣ кулу атаковать, разбойники на то согласившись и ударивши на кулу, освободили дѣвокъ изъ плѣна, а Туркамъ отрубили головы.

6) 20 іюля. Уѣхали изъ нашихъ два человѣка у Изворъ закупили соли, которыхъ Юрукъ Байрактарь поймалъ и лишилъ жизни.

7) 16 іюля. Юрукъ Байрактарь собралъ пшеницу нашу въ двухъ часахъ за Тимокомъ.

8) 7 августа. Куртовъ субаша въ плѣнъ взялъ 2 женщины и 1 человѣка, 10 воловъ, 2 лошади въ деревнѣ Бѣломъ Потокѣ. Женщинъ тѣхъ держитъ у себя вмѣсто наложницъ.

9) 20 апрѣля. Куртовы люди въ деревнѣ Дебелицѣ задержали 4 человѣка, и 1 женщину взяли въ плѣнъ.

10) 10 августа. Курта собралъ при деревнѣ Грязнѣ 3 нивы принадлежащія нѣкоторымъ бѣднымъ людямъ.

ad № 300.

Описаніе обидъ причиненныхъ со стороны Турновскаго Рушинъ Паши.

1) 25 февраля. Ѣхавши изъ Златна Станое и изъ Бражогерната Стефанъ для покупки провизіи, на пути въ Тимокъ Турки пріѣхавши за Тимокъ изъ Извора, и преслѣдовавши ихъ въ своихъ хуторахъ, ихъ зарѣзали и въ хуторъ бросили, хуторъ сожгли, въ которомъ тѣла ихъ преданы пеплу.

2) 19 іюля. На караулѣ города Карановца, который караулъ называется Троглава, Турки изъ пазаря ударили на булюкбашу Михайла, и 6 человѣкъ убили а трехъ ранили.

3) 15 іюля. Въ караулѣ Бѣляноватской за Ибромъ 4 Турка на нашу сторону пріѣхавшіе ранили одного нашего пастуха, и отняли двѣ овцы; видя то караулъ нашъ, защищался отъ нихъ, у коихъ однаго барана отняли, а другаго Турки увезли съ собою.

4) 25 іюля. Изъ деревни Кернине пріѣзжалъ одинъ человѣкъ къ намъ прошедшаго года со стороны Пазарска для взятья вещей своихъ въ землѣ схороненныхъ, котораго при возвращеніи Турки поймали и зарѣзали; но родня его безъ допущенія перешли на турецкую сторону въ отомщеніе за смерть его, убили одного Турчина, два дома зажгли и нѣкоторыхъ въ плѣнъ взяли; пріѣзжавшіе жъ къ сторонѣ Чукича отъ страха ушли, а караульные отвели плѣненныхъ Турковъ Чукичу, который тотчасъ Туркамъ возвратить велѣлъ.

5) 17 іюля. Въ караулѣ Бабице пришли Арнауты изъ селенія Растелице и убили одного караульнаго, а трехъ ранили; караулъ прогналъ Арнаутъ до деревни Растелице, которую и зажгли, а одного мальчика въ плѣнъ взяли, узнавъ о томъ Чукичь, послалъ чтобы они къ нему пришли, но они не смѣли и послали ему мальчика, котораго Чукичь назадъ отослалъ.

6) 24 іюля. Около 50 Турковъ возлѣ караула проѣхали внизъ гору проселочною дорогою и проѣхавши деревню Петину видѣлъ ихъ нашъ булюкбаша Милосавъ, который на ихъ стрѣлять началъ изъ ружья, около караульни слыша громъ ружейнаго выстрѣла, также изъ ружьевъ стрѣлять начали, Турки испугавшись бѣжали;

одинъ Турокъ, который уморился и бѣжать не могъ, попалъ въ наши руки, котораго къ редуту нашему привели; мы его спрашивали, чего Турки — товарищи его со стороны нашей искали, на что онъ отвѣчалъ, что ихъ Шекирь Бегъ грабить послалъ; тотъ же Турокъ живъ у насъ находится.

7) 19 іюня. Турки изъ Ниссы артиллеристы визиря пришли и стрѣляли на нашъ караулъ.

8) 23 іюля. На караулъ Соповцу пришли 100 кавалеристовъ и Шекиръ Бей изъ Прокутія и бились съ нашими караулами, но ихъ наши назадъ возвратиться принудили.

9) 20 августа. Рушитъ паши Деліе пришли, напали на нашъ караулъ Суповасъ и бились съ нашимъ караульнымъ, изъ коихъ двухъ ранили.

Окончилось въ Бани 28 августа 1808 года.

№ 301. 2. Пол. 11 октября 1808.

Милостивый государь мой

Графъ Николай Петровичъ!

Удовлетворяя настоятельной надобности и неоднократнымъ просьбамъ Сербовъ, и согласно предположенію моему, сообщенному отъ меня въ свое время Вашему Сіятельству, отправленъ изъ Яссъ по даннымъ отъ меня предписаніямъ въ Краіеву къ господину генералъ-маіору Исаеву для дальнѣйшаго отъ него препровожденія въ Сербію транспортъ, состоящій изъ шести пушекъ съ зарядными ящиками, зарядами, порохомъ, свинцомъ, ядрами и разнымъ оружіемъ, которое все поступило послѣ прекращенія существованія ввѣренной мнѣ области милиціи. Ко всему тому присовокупилъ я еще часть ружей, бракованныхъ въ полкахъ предводительствуемой мною арміи, которые замѣнены другими и кои для Сербовъ весьма способны. Вѣдомости какъ тому, такъ и другому оружію пріобщаю подъ лит. A и B. Я предписалъ въ тоже время какъ генералъ-маіору Исаеву, такъ и дѣйствительному статскому совѣтнику Родофиникину сдѣлать общія распоряженія, посредствомъ коихъ все то вѣрно и безопасно могло бы быть передано Сербамъ и не подвергалось бы въ пути утратѣ или опасности. Съ полученнаго мною по сему предмету донесенія господина Родофиникина приобщаю при семъ подъ лит. C копію; распоряженіе его въ полной мѣрѣ одобряю.

Какъ изъ сего такъ и изъ другихъ его ко мнѣ донесеній, прилагаемыхъ здѣсь подъ лит. D, E, F и G, Ваше Сіятельство между

прочимъ усмотрѣть изволите, что умы старѣйшинъ и начальниковъ сербскихъ паки волнуются и вновь хотятъ посягать на верьховнаго своего вождя; я конечно удостовѣренъ, что помѣщеніе россійскаго гарнизона въ Бѣлградѣ положило бы конецъ всѣмъ симъ междусобіямъ и распрямъ; но я по Высочайшему повелѣнію Государя Императора не могу къ тому приступить, доколѣ дѣла наши съ Портою Оттоманскою не пріймутъ рѣшительнаго оборота. Сіе самое и составляетъ еще одну изъ причинъ, по коимъ я долженъ желать поспѣшнѣйшаго исполненія испрашиваемаго мною Высочайшаго повелѣнія.

По представленію господина Родофиникина изъявлю я ему мое согласіе на уплату покупаемыхъ подъ отправленныя, какъ выше упомянуто, орудія лошадей изъ суммы 6000 червонныхъ на надобности Сербовъ къ нему доставленной, а равнымъ образомъ пошлю къ нему 1000 червонныхъ на чрезвычайныя его издержки изъ суммы вѣдомства государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ Васъ ко мнѣ присланной.

Изъ отношенія ко мнѣ г. Родофиникина подъ лит. F Вы увидите повторену его просьбу объ увольненіи его отъ занимаемаго имъ поста; но въ слѣдъ за тѣмъ по доставленіи до него отправленной отъ меня къ нему копіи съ отношенія В. С. до него касающагося, получилъ я отъ него другое донесеніе, слѣдующее здѣсь въ копіи подъ лит. G, коимъ изъявляетъ онъ свою готовность остаться и исполнить волю начальства. Тѣмъ не менѣе однакоже, ссылаясь на отношеніе мое къ В. С. отъ 6 іюня подъ № 1044, почелъ бы я весьма полезнымъ, если бы Вы, Милостивый Государь мой, разсудили назначить въ Бѣлградъ въ помощь Константину Константиновичу знающаго и надежнаго чиновника, который бы подъ его руководствомъ пріобрѣлъ столь нужную опытность и мѣстныя свѣдѣнія о землѣ и нравственности обывателей, въ случаѣ его болѣзни могъ отправлять дѣла, или же буде необходимость потребуетъ, заступить его мѣсто.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Князь А. Прозоровскій.

№ 1381.
Въ Лагерѣ
при селеніи Каліени,
сентября 29 дня
1808 года.

ad № 301. А.

Вѣдомость,

сколько какого оружіа и что именно при 6-ти пушкахъ отправлено въ транспортѣ обозного Іевскаго для доставленія въ Краіовъ.

Оружія поступившаго отъ милиціи:		Число.
Ружей безъ штыковъ		2000
Пистолетовъ	паръ	500
Сабель разноманерныхъ		1000
Пикъ стрелецкихъ		1000
Пушекъ мѣдныхъ $4^1/_2$ фунтовыхъ		6
Къ нимъ лафетовъ настоящихъ съ передками		6
Запасный		1
Ящиковъ зарядныхъ на двухъ колесахъ		6
Принадлежности:		
Банниковъ съ прибойниками		6
Скрѣпковъ съ пыжевниками		4
Пальниковъ фитильныхъ		8
Ганшпиговъ деревянныхъ		12
Ночниковъ фитильныхъ мѣдныхъ съ ремнями и пряжками		6
Лядунокъ трубочныхъ		6
Футляровъ свѣчныхъ		6
Сумъ кожаныхъ для ношенія зарядовъ		12
Лямокъ кожаныхъ съ крючками		24
Крышекъ свинцовыхъ съ ремнями и пряжками		6
Втулокъ деревянныхъ съ ремнями и пряжками		6
Боевыхъ зарядовъ совсѣмъ готовыхъ:		
съ ядрами		540
съ картечью		180
Трубокъ скорострѣльныхъ		900
Свѣчь палительныхъ		144
Фитиля палительнаго	сажень	1440
Канату пристяжнаго 2-хъ дюймоваго	»	142
» оттужнаго $2^1/_2$ дюймоваго	»	48
Ядеръ безъ зарядовъ 24 фун. 337, 23 фун. 163, 18 фун. 440, 17 фун. 60, 15 фун. 500, 12 фун. 500, $4^1/_2$ фун. 130, 4 фун. 370		2500
Пороху пушечнаго	пудъ	200
Свинцу въ штукахъ и кускахъ	»	200

ad № 301. B.

Вѣдомость ружьямъ отправленнымъ въ Сербію изъ числа обракованныхъ въ 16-й дивизіи.

	Число ружей.
Изъ Камчатскаго Мушкетерскаго полка.....	917

Правитель канцеляріи военный совѣтникъ Логвиновъ.

ad № 301. C.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда, отъ 25 августа 1808 г.

Число перегнанныхъ нынѣ на сію сторону Болгаръ воеводою Велькомъ простирается до четырехъ тысячъ душъ, изъ коихъ до 800 способны носить оружіе и желаютъ быть употреблени. Какъ сіи такъ равно и австрійскіе дезертиры будутъ вооружены по полученіи ружей, кои Ваше Сіятельство соизволили обѣщать Сербамъ. Болгаръ безъ оружія имѣется еще достаточное число перебѣжавшіе сюда прежде. Здѣсь успѣли вылить еще три малыя пушки, кои выдержали пробу, и теперь приступили лить и четвертую.

ad № 301. D.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому, отъ 2 сентября 1808 г.

Два повелѣнія Вашего Сіятельствя отъ 24 числа протекшаго мѣсяца я имѣлъ честь получить. Относительно до транспорта пушекъ и прочаго отправленнаго въ Краіово, взяты надлежащія мѣры къ безопасному онаго доставленію въ Сербію. Какое же по сему предмету писано мною письмо къ господину генералъ-маіору Исаеву, имѣю честь поднести копію, изъ коей усмотрѣть изволите просьбу мою, чтобъ означенный транспортъ адресованъ былъ прямо ко мнѣ. Причина требующая сіе есть слѣдующая: умы здѣсь опять возгорѣлись до крайности и нынѣ еще въ волненіи, все раздѣлено на партіи дышущія злобу одна противъ другой и стремящіеся къ своей гибели. Младенъ съ товарищами ищетъ всѣми средствами избавиться отъ Чернаго Георгія и основать свое владычество, простеръ даже дерзость до того, что самыя повелѣнія Чернаго Георгія въ совѣтъ недопустилъ выполнить, а сдѣлалъ совершенно

онымъ противное, со мною въ объясненіяхъ своихъ представлялъ мнѣ, что онъ рѣшился непремѣнно убить Чернаго Георгія и тѣмъ предупредить злое будто бы сего намѣреніе. Излишнимъ находя утруждать Ваше Сіятельство подробностями сихъ происшествій, донесу токмо, что хотя съ Божіей помощію понынѣ я успѣлъ отвратить зло, не должно надѣяться однако дальнѣйшаго успѣха, если продолжится перемиріе, при каковомъ случаѣ только, что удостоюсь получить о томъ повелѣніе Вашего Сіятельства, не премину представить на разсмотрѣніе мнѣніе мое, по коему, сколько мнѣ кажется, все можетъ здѣсь быть устроено, не подавая другимъ державамъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію противъ видовъ нашихъ.

Сіе положеніе дѣлъ заставило меня просить г. генералъ-маіора Исаева, чтобъ пушки и прочее адресовалъ въ мое распоряженіе; ибо здѣшніе поглавари получивъ оные въ руки, не преминутъ во зло употребить, я же раздѣлю тамъ гдѣ нужно съ согласія Чернаго Георгія, и въ свое время доказательства буду имѣть честь доставить Вашему Сіятельству.

Окончивъ изложеніе сего предмета, обращусь теперь къ другому: на прошедшихъ дняхъ пріѣзжалъ сюда ко мнѣ изъ Далмаціи чрезъ Тріестъ и Семлинъ одинъ Грекъ по имени *Иванъ Христо*, имѣвшій паспортъ отъ Семлинскаго коменданта. Сего Грека, соображая потомъ всѣ его разговоры, сильно подозрѣваю, что былъ французскій эмисаръ; онъ объявилъ мнѣ, что слыша о моемъ имени, пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы посвятить себя и талантъ свой, который долженъ меня обогатить. Сей талантъ его состоялъ въ искусствѣ дѣлать золото и серебро; онъ входилъ со мною въ разговоръ о положеніи Греціи, о побѣдахъ французскихъ и объ уваженіи и любви, которую будто бы Греки имѣютъ ко мнѣ; но видя образъ моихъ мыслей и разсужденій, какъ равно презрѣніе къ его искусству, пошолъ отъ меня недовольнымъ и переправился опять въ Семлинъ; невступно по появленіи сего Грека здѣсь узнаю я, что Младенъ и купецъ Живковичь были запершись въ комнатѣ по нѣскольку часовъ дня три съ ряду, имѣя при себѣ одного писца, легко быть можетъ, что занятія ихъ имѣли предметомъ переписку съ разными своими партизанами противъ Чернаго Георгія, но легко также быть можетъ, что производили писаніе для дальнѣйшаго отправленія. Секретарь Чернаго Георгія Стефанъ здѣсь пребывающій по слѣпой довѣренности верьховнаго вождя имѣетъ при себѣ его печать. Сей секретарь бывшій прежде противъ Младена

обратился теперь къ нему, ибо Младенъ по самовластію своему въ совѣтѣ подарилъ ему здѣсь домъ и далъ полную власть продавать остальные еще дома; такимъ образомъ писаніе сихъ зломыслящихъ можетъ быть утверждено печатью Чернаго Георгія безъ его вѣдома. Въ сіе же самое время узнаю, что пріѣзжалъ сюда изъ Валлахіи безъ всякаго наружнаго дѣла нѣкто именемъ Манолаки полковникъ валахскій; братъ его Лазъ былъ мегнаръ-баша, то есть начальникъ надъ каменщиками въ Букарестѣ. Сей Манолаки, не явясь ко мнѣ, такъ какъ сіе здѣсь водится, для надписи паспорта, буде таковой имѣетъ, отправился въ Валлахію обратно въ сопровожденіи нѣкоего Янка Пахани, человѣка принадлежащаго купцу и поглаварю Стефану Живковичу, единому изъ развратнѣйшихъ зломыслящихъ, и сей равномѣрно не взялъ отъ меня паспорта. Я сообщаю сегодня г-ну генералъ-маіору Исаеву о сихъ людяхъ, съ моего же письма при семъ имѣю честь представить копію.

Въ заключеніе остается мнѣ возобновить мою всепокорнѣйшую прозьбу о присылкѣ мнѣ писца, безъ котораго, не имѣя кому ввѣрить мои бумаги, не могу отсюда въ нужномъ случаѣ выѣхать къ Черному Георгію, или въ другое мѣсто; не менѣе того для переписки необходимо нуженъ.

P. S. Сейчасъ узнаю отъ митрополита здѣшняго, что упоминаемый въ донесеніи моемъ Манолаки имѣлъ рекомендательное письмо къ Стефану Живковичу отъ митрополита Букарестскаго на французскомъ языкѣ и не подписанное.

ad № 301.

Копія съ письма къ г. генералъ-маіору Исаеву отъ дѣйств. ст. сов. Родофиникина, отъ 2 сентября 1808 г.

Почтеннѣйшее письмо Вашего Превосходительства и вмѣстѣ съ тѣмъ пакетъ отъ Его Сіятельства господина генералъ-фельдмаршала я имѣлъ честь получить.

Главнокомандующій изволилъ мнѣ предписывать снестись съ Вами, Милостивый Государь мой, о мѣрахъ посредствомъ коихъ вѣрно и безопасно могъ бы быть переданъ Сербамъ транспортъ отправленный къ Вамъ, по каковому предмету долженъ я войти въ краткое объясненіе. Положеніе здѣшнихъ дѣлъ, самовольство, непокорность старѣйшинъ, изъ которыхъ каждый часто мыслитъ также объ усиленіи себя, и сверхъ того жадное ихъ корыстолюбіе требуетъ чтобъ было воспрепятственно употребить во зло чинимое

имъ пособіе. Если ружья, пистолеты и сабли попадутся въ руки здѣшнихъ пріятелей, то правда, что раздадутся народу, но за деньги, и деньги по карманамъ, каковое зло воспрепятствовать тогда я не могу, ибо имѣю здѣсь токмо политическое вліяніе, а не исполнительную силу. Сверхъ того партія бунтующаяся противъ Чернаго Георгія можетъ, все то прибравъ въ руки, обратить противъ его, слѣдственно противъ нашихъ интересовъ. Для сего покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство при сдачѣ всѣхъ вещей Миленкѣ, приказать объявить ему, что оные посылаются ко мнѣ въ единственное мое распоряженіе и росписку, буде таковую отъ него заблагоразсудите истребовать, приказать написать, что приняты имъ такіе-то и такіе-то вещи для доставленія ко мнѣ въ Бѣлградъ. Отсюда писано ему чтобы принялъ надлежащія мѣры къ незамедлительному перевозу онаго транспорта, токмо что получитъ повелѣніе Вашего Превосходительства и чтобы оставилъ оный у себя, ибо тамъ въ безопасности, а оттуда можетъ удобно обратиться куда нужно, по моему распоряженію.

ad № 301. Е.

Копія съ донесенія Д. С. С. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому, изъ Бѣлграда, отъ 5-го сентября 1808 года.

Послѣ отправленія послѣдняго моего курьера на другой день прислано мнѣ именемъ совѣта письмо, которое я съ переводомъ при семъ имѣю честь представить.

Изложивъ въ донесенію моемъ отъ 2-го числа сего мѣсяца положеніе здѣшнихъ дѣлъ повторяю токмо, что сколько ни желалъ бы я имѣть счастіе удержать до конца край сей отъ пропасти, при волнующемся его положеніи, безъ законовъ, безъ воинской силы и при невѣжествѣ и свирѣпости старѣйшинъ и Верьховнаго Вождя, вижу однако, что въ дальнѣйшемъ успѣхѣ я не могу себѣ ласкать надеждою; обязанностію своею однако поставлю до полученія наставленія отъ В. С. стараться всѣми силами воспрепятствовать увеличеніе зла.

Сюда по требованію моему выслано сорокъ молодыхъ и здоровыхъ Сербовъ для употребленія при пушкахъ; ихъ учить нужному, состоящій здѣсь при крѣпости артиллеристъ бывшій при австрійской артиллеріи унтеръ-офицеромъ. Для присылаемыхъ нынѣ Сербамъ пушекъ и пороховыхъ ящиковъ, находя необходимымъ имѣть лошадей, хотя до нынѣ здѣсь возили пушки на волахъ, я послалъ

чрезъ Совѣтъ въ шабацкую и пожаревецкую нахію купить годныхъ лошадей всего тридцать шесть, и не замедлительно сюда доставить; а потому осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить разрѣшенія, на снабженіе совѣтъ сербской, для заплаты за тѣхъ лошадей, деньгами изъ имѣющихся у меня въ наличности отъ шести тысячь червонныхъ, всемилостивѣйше Сербамъ пожалованныхъ на покупку хлѣбя и ядеръ; равномѣрно осмѣливаясь всепокорнѣйше просить, при случаѣ отправленія ко мнѣ прямо курьера, прислать мнѣ на чрезвычайные мои издержки тысячу червонныхъ.

ad № 301. Переводъ.

Послѣ нашего свиданія съ Вами, мы имѣли опять между собою разговоръ, и чѣмъ больше разсматриваемъ внутреннее наше положеніе, все больше находимъ, что оное такъ далѣе оставаться не можетъ. Нужно чтобы Вы сіе представили далѣе, чтобъ скорѣе дали нужную помощь, чтобъ зло истребить и силою оное прекратить, безъ чего все обратиться на погибель. Мы больше о семъ Вамъ не хочемъ писать; Вы все знаете, какъ и мы, и еще лучше нашего видѣть можете, отъ чего можетъ произойти неминуемо наше несчастіе, и для того какое нужно лекарство. Ради Бога, дѣлайте, что Васъ Богъ научитъ, только не теряйте время, есть-ли насъ любите, какъ Вы всегда намъ показывали.

ad № 301. F.

Копія съ донесенія Д. С. С. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому, отъ 5-го сентября 1808 года, изъ Бѣлграда.

Дальность разстоянія Петербурга отъ здѣшнихъ краевъ, содѣлывающая невозможнымъ скорое сношеніе, заставляетъ меня заблаговременно принять смѣлость утруждать В. С. моимъ собственнымъ дѣломъ. Лѣтнее время мало поправило мое здоровье, слѣдственно наступающая зима угрожаетъ меня вящшими недугами, когда тяжкая болѣзнь овладѣетъ мною; есть-ли требовать въ присылку чиновника изъ Петербурга, то пройдетъ по крайней мѣрѣ мѣсяца полтора, доколѣ онъ сюда пріѣдетъ; время, въ теченіи коего здѣзь безъ наставника и смотрителя можетъ многое быть упущеннымъ; напротивъ того пріѣхавъ заблаговременно и найдя меня еще въ силахъ, мало по малу навыкнетъ къ здѣшнимъ дѣламъ и получитъ отъ меня всѣ нужныя къ руководству его свѣдѣнія, послѣ чего уже можно будетъ мнѣ отъ сюда выѣхать. Усердіе мое къ службѣ заставляетъ

меня страшиться упущеній отъ положенія моего, а потому всепокорнѣйше прошу оказать мнѣ милость повтореніемъ министерству представленія Вашего Сіятельства о назначеніи на мое мѣсто другаго чиновника.

ad № 301. G.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому, изъ Бѣлграда отъ 10 сентября 1808 г.

Повелѣніе Вашего Сіятельства подъ № 1307 я имѣлъ честь получить. Милостивыя обнадеживанія министерства, что услуги мои не останутся въ забвеніи по окончаніи сербскихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія весьма лестны, со всѣмъ тѣмъ не сія личная польза, хотя и очевидна, руководствуетъ меня, но польза службы и свойственное всякому вѣрному подданному усердіе къ оной, сіе единое можетъ превосходить всѣ трудности, и сіе единое можетъ и меня подкрѣплять.

Отъ 26-го іюня имѣлъ я честь донести что по службѣ и не имѣлъ никогда и не имѣю другой воли кромѣ волю начальства моего; то же самое и теперь пріемлю смѣлость донести. Естьли я утруждалъ Ваше Сіятельство всепокорнѣйшей моею прозьбою объ увольненіи меня отъ сего поста, то сіе было слѣдствіе опасеній моихъ, чтобъ не здѣлать какого либо упущенія при болѣзненномъ моемъ положеніи; но когда угодно чтобы я оставался, повинуюсь съ покорностію, и доколѣ болѣзнь не лишитъ меня памяти, языка и рукъ, не премину продолжать служеніе мое съ должною ревностію и усердіемъ.

ad № 301.

Копія съ письма дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ г-ну генералъ-маіору Исаеву отъ 2-го сентября 1808 года.

По подозрѣніямъ мною имѣющимся, что существуютъ здѣсь интриги емисаровъ иноземныхъ, побуждаюсь отправить нарочнаго къ Вашему Превосходительству съ увѣдомленіемъ, что отъ сюда отправились въ Валлахію два человѣка: 1-ый, по имени Манолаки пріѣзжалъ изъ Валлахіи сюда, не знаю съ пашпортомъ или безъ пашпорта, ибо ко мнѣ не являлся; второй по имени Янко Пахани, уроженецъ изъ Ниссы, но служитъ здѣсь у вольнодумца. Они поѣхали вмѣстѣ и сей иослѣдній безъ пашпорта, ибо отправленіе ихъ было секретное. Они, можетъ быть, поѣдутъ прямо чрезъ Цыганешти или чрезъ Нѣмецкую Орсову. Я покорнѣйше прошу Ваше Превосхо-

дительство приказать остановить ихъ, обыскать и какія бумаги окажутся, послать къ г-ну главнокомандующему; быть можетъ, что имѣютъ письма и къ Его Сіятельству, дабы болѣе сокрыть себя отъ вопросающихъ на пути, но я думаю, что имѣютъ таковые адресованные или къ консуламъ иностраннымъ или къ кому либо изъ бояръ; естьли бы оказались у нихъ письма къ Его Сіятельству, то и въ таковомъ случаѣ, должно дать имъ присмотрщика добраго, который проводилъ бы ихъ до главной квартиры. Естьлижъ тревога моя окажется пустая, то можно имъ объявить, что подозрѣніе на нихъ взято и обыскъ учиненъ потому, что не имѣютъ пашпорта отъ меня.

Ваше Превосходительство весьма меня обяжете, почтивъ увѣдомленіемъ Вашимъ о томъ, что по сему дѣлу откроется, дабы я могъ руководствоваться въ дальнѣйшихъ моихъ преслѣдованіяхъ.

Поелику здѣсь пойманъ и повѣшенъ одинъ Турокъ, который подъ именемъ Сербина былъ въ Валахіи и здѣсь въ Бѣлградѣ, потомъ былъ въ Ниссѣ, а отъ туда возвратился опять назадъ въ Сервію лазутчикомъ, то и нужно имѣть строгій присмотръ за отъѣзжающими отъ сюда въ Валлахію. Я пишу сегодня Миленкѣ, чтобъ отнюдь не давалъ пропускныхъ билетовъ какъ токмо жителямъ его нахіи, да и то извѣстнымъ людямъ, прочіе же должны требовать пашпортовъ отъ меня, о чемъ долгомъ поставляю предувѣдомить Ваше Превосходительство.

№ 308. 3. получ. 28 октября 1808 г.

Милостивый государь мой

графъ Николай Петровичъ!

Имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Сіятельству въ копіяхъ подъ литерами A, B, C и D, полученныя мною октября 6 и 10 дня донесенія господина дѣйств. ст. сов. Родофиникина.

Относительно движенія турецкой арміи, о которомъ донесъ комендантъ Миленко, получилъ я уже сего октября 9 дня слѣдующій здѣсь въ копіи подъ литерою E рапортъ, дошедшій къ господину генералъ-лейтенанту Милорадовичу отъ генералъ-миіора Исаева, который былъ вѣрнѣе извѣщенъ о происходящемъ и въ Виддинѣ и по берегу Дуная, удостовѣренъ, что въ сихъ извѣстіяхъ много несправедливаго.

О возобновленіи семлинскимъ купцомъ Милошемъ и товарищами его прежнихъ подспудныхъ интригъ, писалъ я сего октября 9 дня къ послу нашему въ Вѣну князю Александру Борисовичу Куракину, хотя по возобновленнымъ еще въ недавнемъ времени удостовѣреніи сего послѣдняго о твердомъ намѣреніи австрійскаго двора соблюсти строжайшій нейтралитетъ въ дѣлахъ нашихъ съ Портою Оттоманскою, я непремѣнно долженъ полагать, что австрійское правительство никакого въ тѣхъ интригахъ участія не имѣетъ, и что онѣ, какъ господинъ Родофиникинъ пишетъ, должны быть приписываемы личной злобѣ тѣхъ людей и желанія держать умы Сербовъ въ тревогѣ и недовѣрчивости къ намъ.

Въ донесеніяхъ Константина Константиновича подъ литерами C и D Ваше Сіятельство изволите найти новое покушеніе верховнаго визиря Порты Оттоманской къ примиренію Сербовъ подобное тому, какое было въ ноябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1807 года. Я долженъ отдать предъ Вами, милостивый государь мой, совершенную справедливость благоразумію и предусмотрительности дѣйств. ст. сов. Родофиникина въ семъ случаѣ паки обнаруженной, какъ Вы и сами изъ бумагъ его усмотрѣть изволите. Не входя здѣсь въ подробное объясненіе моихъ разсужденій по тому новому предложенію Порты, препровождаю при семъ въ копіи подъ литерою F отзывъ мой къ господину Родофиникину. Въ дополненіе же онаго прибавлю также тутъ, что я признаю сію попытку новымъ и самымъ большимъ доказательствомъ слабости Порты Оттоманской, чувствуемой въ полной мѣрѣ верьховнымъ визиремъ, который совершенно удостовѣренъ, что онъ съ силами, въ распоряженіи его состоящими, не можетъ съ успѣхомъ противустоять арміи, мною предводительствуемой: и для того основываясь на занятіяхъ императора Наполеона въ Гишпаніи и на удаленіе войскъ французскихъ изъ Далмаціи, старается онъ обезпечить себя и со стороны Сербіи, дабы войска, противу его народа расположенныя, обратить также противу насъ, отвлечь отъ насъ выгоды для насъ отъ связи съ Сербами проистекающія и выиграть тѣмъ средства къ удобнѣйшему и безпрепятственному, можетъ быть и съ той стороны нападенію на малую Валахію. Нѣтъ почти сомнѣнія, что Турки согласятся для достиженія той ихъ цѣли, обѣщать теперь Сербамъ большую часть ихъ требованій, но конечно въ самомъ твердомъ предположеніи, всѣ таковыя обѣщанія въ часъ нужды дѣлаемыя, основываясь на догматахъ вѣры магометанской, что мусульманинъ не обязанъ соблюдать слова, даннаго христіанину, особливо же поддан-

ному, при первомъ удобномъ случаѣ не только нарушить, но даже и весь народъ сей за столь долговременное противу Порты возмущеніе, истребить въ конецъ. Самое человѣчество должно вооружиться противу мысли сей, а тѣмъ паче Россія, пріявшая сей единовѣрный намъ народъ подъ могущественное свое покровительство и поддерживавшая оный въ предпріятіи свергнуть съ себя иго тирановъ.

Покорнѣйше прошу Васъ, милостивый государь мой, донести о всемъ томъ Государю Императору и почтить меня благосклоннымъ увѣдомленіемъ о дальнѣйшихъ высочайшихъ по сему предмету повелѣніяхъ и о мнѣніи Его Величества на наставленіе, мною г. Родофиникину данное.

Съ искреннимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
князь А. Прозоровскій.

№ 1429,
Въ лагерѣ при селеніи Каліани.
октября 13 дня 1808 г.

ad. № 308. А.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому, изъ Бѣлграда отъ 17 сентября 1807 г.

Комендантъ Миленко изъ Поречя донеся г. генералъ-маіору Исаеву, донесъ и сюда о движеніи турецкой арміи и о приуготовляемыхъ въ Виддинѣ квартиръ для войскъ; отсюда мы ограничились въ подтвержденіи по границѣ, чтобъ имѣли крайнюю осторожность отъ внезапнаго нападенія. Полагаю также, что трудно будетъ г. генералъ-маіору Исаеву получать впередъ извѣстія прямо изъ Биддина, предписали коменданту Миленкѣ посылать какъ въ сей городъ, такъ и въ окружныя мѣста вѣрныхъ людей и стараться держать въ извѣстности г. генералъ-маіора Исаева о всемъ тамъ происходящемъ. Со стороны Босніи, Албаніи и Македоніи никакихъ движеній не примѣчено. Въ Ниссу также вновь войска не прибыло. Семлинскій Милошъ съ товарищи опять начали свои старыя интриги самымъ подспуднымъ образомъ. Естьли дворъ австрійскій дѣйствительно чистосердеченъ и не ищетъ полагать препоны успѣхамъ нашимъ въ здѣшнихъ краяхъ, въ таковомъ случаѣ не иному чему приписать должно происки сихъ людей какъ личной

ихъ злобѣ и желанію держать здѣшніе умы въ тревогѣ и недовѣрчивости,—приближеніе однако Турокъ, унистожаетъ всѣ интриги, ибо всякой здѣсь, а найпаче старѣйшины, стяжавшіе знатныя недвижимыя имѣнія, принужденно должны обратить мысли свои къ общей оборонѣ отъ враговъ, и быть совершенно преданными россійскому оружію, отъ котораго должны надѣяться на свое спасеніе.

ad. № 408. B.

Выписка изъ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 10 сентября 1808 г.

По свѣдѣніямъ здѣсь полученнымъ, прибыло на дняхъ въ Ниссу до двухъ тысячъ верблюдовъ нагруженныхъ сухарями, сарацынскимъ пшеномъ, и четыре деньгами. Въ Ниссѣ утвердительно говорятъ, что Измаилъ Бей сереский и сынъ Али-Паши янинскаго назначены съ войскомъ для нападенія на Сербовъ съ той стороны; о чемъ долгомъ поставляю донести Вашему Сіятельству.

ad. № 308. C.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому, изъ Бѣлграда отъ 26 сентября 1808 г.

Черный Георгій письмомъ своимъ отъ 19 числа сего мѣсяца увѣдомилъ меня, что воевода Велько, по требованію его прибылъ къ нему въ деревню Топольи. На другой день его прибытія получено письмо отъ Вельковой команды, коимъ доноситъ, будто-бы Турки вошли опять въ сербскіе предѣлы и плѣнили одно село, въ слѣдствіе чего верховный комендантъ сербскій спрашиваетъ меня, что дѣлать при таковомъ происшествіи? Я ему отвѣтствовалъ, что сей доносъ Вельковой команды столько же ложенъ, сколько и первые, ибо вокругъ Вельковыхъ шанцевъ не имѣется ни нашихъ селъ, да и чтобъ пройтись внутрь Сербіи съ той стороны, должно непримѣнно овладѣть сначала шанцами Вельковыми, ибо другой дороги нѣтъ; знаю однако и вѣрую, по многимъ подобнымъ случаямъ, что жители деревень ограбленныхъ недавно Велькомъ и загнанные на нашу сторону, не имѣя себя пропитать, ходятъ потаенно въ старыя свои жилища собирать тамъ въ полѣ свой хлѣбъ, слѣдовательно ничего чуднаго нѣтъ, естьли въ надеждѣ удачи, жители цѣлаго села съ женами и возами пошли туда снимать кукурузу и были Турками плѣнены, за что никакую жалобу на Турковъ

приносить мы права не имѣемъ, ибо во первыхъ плѣнили людей на ихъ сторонѣ, а во вторыхъ плѣнили бѣглыхъ своихъ подданныхъ. По симъ причинамъ требовалъ я, чтобъ Велько согласно съ повелѣніемъ Вашего Сіятельства былъ непремѣнно высланъ сюда, а вновь солгавшихъ наказать равномѣрно найстрожайше, дабы обуздать другихъ отъ подобныхъ поступковъ, наносящихъ безславіе и ему и всей націи. Только что я отправилъ мой отвѣтъ къ Черному Георгію, какъ получено отъ него письмо въ совѣтъ, коимъ извѣщая о мнимомъ нападеніи Турковъ, пишетъ, что онъ воеводу Велька послалъ опять назадъ на границу; таковой легкомысленный поступокъ вождя сербскаго не могъ не оскорбить меня до крайности. Объяснивъ совѣту сербскому всю важность дѣла, и какимъ бѣдствіямъ они себя подвергаютъ, ослушаніемъ повелѣнія присланнаго вождю ихъ относительно до Велька, естьли сіе дойдетъ до свѣденія Вашего Сіятельства, требовалъ, чтобъ и они написали Черному Георгію и послали бы одного депутата для настоянія, чтобъ Велько былъ немедленно смѣненъ; я бы самъ поѣхалъ для сего къ вождю сербскому, но важнѣйшій предметъ требуетъ моего присутствія въ другомъ мѣстѣ: виддинскій архіерей письмомъ своимъ, съ коего переводъ при семъ имѣю честь пріобщить, приглашаетъ здѣшняго митрополита на свиданіе вмѣстѣ съ двумя или тремя старѣйшинами; отвѣтствовано ему, что мѣсто свиданія назначается близъ Порѣча въ деревнѣ Голубинѣ, куда просили его пріѣхать; не желая оставить Сербовъ однихъ трактовать что-либо, я рѣшился самъ поѣхать и переодѣтый быть въ числѣ сербскихъ старѣйшинъ; сегодня отсюда отъѣзжаю и что откроется на семъ свиданіи, не премину съ поспѣшностью донести.

ad. № 308. D.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому, изъ острова Поречь отъ 2 октября 1808 года.

Согласно съ донесеніемъ моимъ отъ 26 числа минувшаго мѣсяца отправился я изъ Бѣлграда вмѣстѣ съ митрополитомъ Леонтіемъ и секретаремъ Чернаго Георгія, назначеннымъ депутатомъ отъ совѣта; въ Поречь прибыли мы 30 числа; 1 сего мѣсяца поѣхали въ село Голубино, гдѣ имѣли свиданіе съ архіереемъ виддинскимъ, коему я былъ представленъ въ качествѣ секретаря народнаго, вмѣстѣ съ симъ архіереемъ былъ печатохранитель Моллы

паши и Капи-Кегая князя Суцо. По объясненіи намъ, что благоразуміемъ новаго великаго визиря, всѣ междуусобные раздоры въ Турецкой имперіи прекращены; сильныя регулярныя арміи учреждаются, и христіане повсюду пользуются благоденствіемъ и тишиною, предложили посредство Моллы паши для примиренія Сербовъ съ Портою, увѣряя насъ, что естьли потеряемъ настоящій случай, не найдемъ другаго никогда, что Порта скорѣе согласится безъ посредства другихъ державъ дать намъ, такъ сказать, десять, нежели одно посредствомъ ихъ; на ручательство жъ, которое Сербы требовали до сего Моллы паши, надѣется убѣдить Порту, чтобъ согласилась, но невозможно имъ дать ручательство двухъ державъ, то есть россійской и французской, и должны Сербы оставить на разсмотрѣніе Порты избрать одну изъ сихъ двухъ; послѣ сего начали объяснять намъ коль мало мы должны полагаться на искренность Россіи, распространились старыми дѣлами полуострова Мореи, Іоническихъ острововъ, Валлахіи, Молдавіи и наконецъ и шведскаго короля, дабы показать намъ, что державы руководствуются однимъ личнымъ интересомъ. На все сіе даны имъ приличные отвѣты; касательно же до главнаго предмета объявлено имъ, что мы должны представить оной на разсмотрѣніе Совѣта и Чернаго Георгія, и какое отъ нихъ послѣдуетъ рѣшеніе, не преминемъ сообщить имъ въ Виддинъ, но при томъ примѣтили имъ, что нація сербская, имѣющая теперь подъ оружіемъ восемдесятъ тысячъ войска, трудно согласится положить оружіе, не освободивъ все древнее свое достояніе, которое теперь еще въ турецкихъ рукахъ, какъ-то Соколъ, Скопію и другія мѣста; помѣстите и сіе въ вашихъ требованіяхъ, отвѣтствовасъ капикегая князя Суцо. Трудно также, продолжали мы, чтобъ нація согласилась имѣть ручательство одной только державы, ибо Порта можетъ войтить въ войну съ сею державою, и тогда мы станемся безъ покровителя; предложите три или четыре державы, возразилъ намъ тотъ же Капикегая, и предоставьте Портѣ избрать двѣ. Симъ кончилась конференція наша, обѣдали мы потомъ вмѣстѣ и послѣ обѣда возвратились въ Поречь, а они сегодня же поутру отправились изъ села Голубини.

Капикегая князя Суцо о точномъ своемъ званіи намъ необъявлялъ, а сказалъ о себѣ, что онъ секретарь архіерея виддинскаго, истину же мы знали побочно. Донося о всемъ семъ Вашему Сіятельству всепокорнѣйше прошу снабдить меня повелѣніемъ къ руководству моему съ Сербами по сему предмету. Завтра поутру рано отправляюсь отсюда въ Бѣлградъ.

ad. № 308.

Переводъ съ письма архіепископа виддинскаго Діонисія къ митрополиту бълградскому Леонтію, изъ Фетислама отъ 17 сентября 1808 г.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій слѣдуетъ такъ:

Законъ вѣры и долгъ природы побуждаютъ меня чрезъ сіе пользуясь неисказаннымъ благовременствомъ писать Вашему Преосвященству, къ общей пользѣ и спокойствію клонящееся, сего ради сообщаю Вамъ слѣдующее; добро было бы и чрезмѣрно полезно видѣться намъ. Назначите день и мѣсто братскимъ Вашимъ отвѣтомъ ко мнѣ нынѣ обрѣтающемуся въ Фетисламѣ. Поелику однако сіе есть извѣстное и не можетъ быть услышано безъ представленія и извѣщенія, можете о томъ увѣдомить кого нужно, а найпаче поелику наше свиданіе имѣетъ предметомъ всеобщую пользу, нужно чтобъ Вы взяли съ собою двухъ или трехъ изъ избраннѣйшихъ и въ политическихъ дѣлахъ искусныхъ, и я увѣренъ, что божіе провидѣніе все къ пользѣ совершающее учинитъ благоуспѣшнымъ Вашъ подвигъ и трудъ Вашъ полезнымъ. За симъ убѣждаю Васъ братски не презрѣть мое предложеніе и заклинаю Васъ Святымъ Богомъ, но чтобъ я имѣлъ чрезъ сего самаго моего человѣка братскій отвѣтъ, который ожидаю въ Фетисламѣ.

P. S. Брате, чтобъ намъ видѣться, необходимо нужно для многихъ причинъ, и возьмите съ собою двухъ или трехъ изъ первѣйшихъ и назначивъ мѣсто свиданія, увѣдомте меня, чтобъ и я пріѣхалъ для разговора.

ad. № 308. E.

Копія съ рапорта генералъ-маіора Исаева къ генералъ-лейтенанту Милорадовичу, изъ Краіовы, отъ 28 сентября, подъ № 1422.

Сербскій комендантъ Миленко увѣдомилъ меня о свѣденіяхъ кои къ нему дошли относительно движеній турецкой арміи, будто большое количестоо войскъ пришло въ Виддинъ и расположится какъ въ ономъ, такъ и въ Ломѣ, о чемъ сообщилъ и въ Бѣлградъ, а потому г. дѣйств. ст. сов. относится ко мнѣ о семъ; но я бывъ вѣрнѣе извѣщенъ о происходящемъ въ Виддинѣ и по берегу Дуная, былъ увѣренъ, что тутъ много несправедливаго, не доносилъ Вашему Превосходительству, и писалъ къ Миленкѣ, прося увѣдомить меня только о происходящемъ въ Ниссѣ и Софіи о чемъ сообщу и г. дѣйств. ст. сов. Родофиникину; но какъ я увѣренъ, что

онъ по извѣщенію господина Миленки доноситъ Его Сіятельству, господину генералъ-фельдмаршалу и кавалеру князю Александру Александровичу Прозоровскому, то за необходимое счелъ о семъ объяснить Вашему Превосходительству; между тѣмъ слухи здѣсь носятся, что въ Фетисламъ подъ командою неизвѣстно какого паши прійдутъ двѣ тысячи Турокъ, для пресѣченія коммуникаціи между нами и Сербами. А какъ они еще не вѣрны и я ожидаю на сихъ дняхъ вѣрнѣйшаго извѣстія и получа оныя, не замедлю донести Вашему Превосходительству.

ad № 308. F.

Копія съ отношенія генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго къ дѣйств. ст. сов. Родофиникину, отъ октября 1808 года.

Сего октября 6-го дня получилъ я донесенія Вашего Превосходительства отъ 17-го и 19-го сентября, а 10-го дошли до меня также отношенія Ваши отъ 26-го сентября и 2-го октября.

Относительно движенія турецкой арміи, о которомъ доносилъ Вамъ комендантъ Миленко, рапортуетъ генералъ-маіоръ Исаевъ господину генералъ-лейтенанту Милорадовичу, что онъ бывъ вѣрнѣе извѣщенъ о происходящемъ въ Виддинѣ и по берегу Дуная, увѣренъ, что въ тѣхъ извѣстіяхъ много несправедливаго; почему и просилъ увѣдомлять его только о происходящемъ въ Ниссѣ и Софіи и о томъ отнесся къ Вамъ. Между тѣмъ же по слухамъ еще невѣрнымъ имѣютъ прибыть въ Фетисламъ подъ командою неизвѣстно какого паши двѣ тысячи Турокъ для пресѣченія коммуникаціи между нами и Сербами. Слухамъ симъ не могу я дать никакой вѣры, особливо по послѣднему обѣщанію верьховнаго визиря оставить народъ сей въ спокойствіи до окончательнаго заключенія мира; но еслибы паче чаянія сіи извѣстія на самомъ дѣлѣ утвердились, и помянутое предпріятіе произведено было въ дѣйствіе, то тогда буду я ожидать поспѣшнѣйшаго Вашего объ ономъ увѣдомленія.

О возобновленіи прежнихъ подспудныхъ интригъ семлинскаго купца Милоша и товарищей его писалъ я нѣсколько дней тому назадъ къ послу нашему въ Вѣну князю Александру Борисовичу Куракину; но по всѣмъ удостовѣреніямъ отъ сего послѣдняго мною получаемымъ въ самомъ строгомъ нейтралитетѣ, который австрійское министерство твердо расположено наблюдать въ дѣлахъ нашихъ съ Портою, я ни какъ предполагать не могу, чтобы австрій-

ское правительство участвовало въ помянутыхъ интригахъ Милоша, а долженъ полагать, что онѣ суть только дѣйствіе ли личной злобы къ одной партіи, либо корыстолюбивыхъ какихъ видовъ, хотя въ прочемъ съ другой стороны я совершенно увѣренъ, что зависть Австріи никакъ не позволитъ ей равнодушно взирать на успѣхи наши въ семъ краю. Послѣднія, конечно не офиціальныя извѣстія, мною изъ Константинополя полученныя, говорятъ даже громко о союзномъ договорѣ имѣющемъ заключиться между Швеціею, Англіею, Портою и Австріею ко взаимной защитѣ, цѣлости и неприкосновенности ихъ владѣній. Достовѣрно однако же то, что англійскій посланникъ Adaiv прибылъ въ Дарданеллы съ весьма выгодными для Порты предложеніями къ заключенію мирнаго и союзнаго трактата и что Порта не рѣшаясь для соблюденія собственныхъ выгодъ ему отказать и не осмѣливаясь при томъ, опасаясь Россіи и Франціи, рѣшительно приступить къ принятію тѣхъ предложеній, отправила къ нему чиновника для переговоровъ, дабы между тѣмъ выиграть время и видѣть оборотъ, какой возьмутъ съ одной стороны негосіаціи въ Парижѣ, а съ другой дѣла въ Гишпаніи, куда теперь обращена большая часть силъ Императора Наполеона и рейнскаго союза.

Весьма основательнымъ нахожу я твердое настояніе Ваше въ томъ, чтобы воевода Велько за всѣ его дерзости и лживые поступки и донесенія былъ смѣненъ, отъ каковаго требованія Вашего и отступать Вамъ не слѣдуетъ. Когда Вы успѣете предпринять путешествіе къ Черному Георгію, или же инымъ образомъ съ нимъ увидитесь, то прошу внушить ему отъ имени моего, что я съ одной стороны не могу разумѣть потворства его въ злодѣяніяхъ Вельки, наносящихъ стыдъ и поношеніе особенно ему, яко верьховному вождю, обязанному по званію его, достовѣрностію народною на него возложенному, пещись о сохраненіи порядка и благоустройства въ народѣ; а съ другой крайне дивлюсь тому, что онъ столь мало обращаетъ вниманія на исполненіе отнесенныхъ лично къ нему требованій моихъ, клонящихся единственно къ соблюденію чести его и славы народа сербскаго.

Въ полной мѣрѣ одобряю я благоразуміе и осторожность Вашу, какъ въ предпріятіи скрытымъ образомъ путешестія для свиданія Сербовъ съ архіереемъ виддинскимъ и депутатами турецкими, такъ и во всѣхъ отзывахъ Вами симъ послѣднимъ учиненныхъ. Въ разсужденіи обѣщаннаго Вами турецкимъ посланнымъ отвѣта, который намѣрены Вы послать въ Виддинъ, надлежитъ принять

основаніемъ тѣ же самыя правила, которыя описалъ я Вамъ подробно въ отношеніи моемъ отъ 29-го ноября 1807 года подъ № 2344, тѣмъ болѣе, что планъ сей удостоенъ былъ Высокомонаршаго одобренія Его Императорскаго Величества. Географическое положеніе Сербіи на правомъ берегу рѣки Дуная не позволяетъ намъ желать совершеннаго присоединенія края сего къ Россійской Державѣ; но торжественно обѣщанное народу сербскому покровительство Государя Императора, всегдашняя дѣятельная приверженность онаго къ Россіи и необходимая для пользы отечества нашего надобность въ сохраненіи также и на будущее время сей приверженности не только въ однихъ Сербахъ, но и въ другихъ христіанскихъ народахъ обитающихъ въ предѣлахъ Имперіи турецкой для соблюденія симъ способомъ вліянія нашего у Порты, неминуемо требуютъ исходатайствовать для Сербовъ и съ тою частью Сербіи, которая доселѣ еще находится въ рукахъ турецкихъ, особыхъ правъ, преимуществъ и образа правленія. Пусть будутъ они обязаны платить даже нѣкоторую дань Портѣ, если сіе неизбѣжно, но сія послѣдняя, не должна вмѣшиваться во внутреннее управленіе, для котораго съ общаго согласія народнаго и подъ руководствомъ чиновника назначаемаго отъ Его Императорскаго Величества, яко великаго покровителя сей страны, можетъ быть составлена конституція; но на то потребно время, дабы составить оную соотвѣтственно какъ политическимъ обстоятельствамъ сосѣднихъ Державъ, такъ и состоянію, образу мыслей и нравственности народа. Вотъ конечная цѣль до которой мы достигаться стараться должны. Но теперь всего того депутатамъ турецкимъ обнаруживать нельзя, и надлежитъ Вамъ болѣе всего упереться на томъ, что Сербы при всемъ ихъ желаніи положить конецъ войнѣ для обоихъ сторонъ отяготительной, не могутъ войти въ переговоры безъ согласія Россійскаго Императора удостоившаго ихъ высокаго своего покровительства; притомъ же какъ Порта, особливо противъ подданныхъ своихъ, не почитаетъ себя обязанною наблюдать договоровъ и данныхъ обѣщаній, чрезъ что сами они могутъ быть ввергнуты въ конечную погибель и даже быть совершенно истребленными, то для обезпеченія ихъ, семействъ ихъ и имущества ихъ необходимо нужно имъ ручательство Дворовъ россійскаго и французскаго прежде нежели могутъ приступить къ дальнѣйшему трактованію. Весьма благоразумнымъ и основательнымъ нахожу я замѣчаніе здѣланное Вами на предложеніе депутатовъ турецкихъ о предоставленіи Портѣ дать Сер-

бамъ ручательство одной изъ упомянутыхъ Державъ по ея выбору, каковой отзывъ Вамъ и повторить слѣдуетъ. Что же касается до выбора Сербами трехъ или четырехъ Державъ въ гарантіи, изъ коихъ бы Порта избрала двухъ, то на сіе могутъ они отозваться, что не состоя ни въ какихъ связяхъ и сношеніяхъ съ другими Державами, они избрали Россію по единозаконію исповѣдуемой ими вѣры и по покровительству коимъ Сербы отъ Императора россійскаго пользуются, а Францію по посредничеству принятому ею къ заключенію мира между Россіею и Портою съ общаго всѣхъ трехъ Державъ согласія; къ выбору же другихъ Державъ Сербы по помянутымъ причинамъ никакъ приступить не могутъ. Но сіе самое совершенно ясно обнаруживаетъ, что Порта не можетъ Сербамъ доставить ручательства россійскаго Императора до приступленія къ заключенію мира между обѣими имперіями; и что слѣдовательно установленіе дѣлъ сербскихъ не можетъ, такъ сказать, быть разлучено отъ мирныхъ негосіацій между Россіею и Портою.

На сихъ основаніяхъ предоставляю Вашему Превосходительству склонить совѣтъ народа сербскаго къ составленію обѣщаннаго депутатамъ турецкимъ отвѣта. О дальнѣйшихъ же по сему дѣлу послѣдствіяхъ, буду я ожидать увѣдомленій Вашихъ.

XI.

Письма генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго изъ военныхъ лагерей въ Придунавьи къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ А. Н. Салтыкову въ С.-Петербургъ съ запиской Родофиникина и примѣчаніями на нее Прозоровскаго объ организаціи Сербіи и съ другими документами.

1808.

№ 322. 1. Получ. 17 ноября 1808 г.

Милостивый Государь мой

Графъ Александръ Николаевичъ!

Имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Сіятельству подъ литерой А копію съ послѣдняго ко мнѣ донесенія отъ д. с. с. Родофиникина, заключающаго въ себѣ новые опыты неистовства

и необузданности нѣкоторыхъ начальниковъ сербскаго народа и вящше доказывающихъ сколь необходимо нужно исправить внутреннее положеніе Сербіи и учредить въ той землѣ порядокъ, въ чемъ Константинъ Константиновичъ не могъ еще успѣть, не взирая на всю его расторопность и дѣятельность, въ коихъ надлежитъ отдать ему должную справедливость.

Изъ приложенныхъ при семъ подъ лит. A, B, C, D, E, F, G и H[1]) копій съ политическихъ извѣстій, полученныхъ мною отъ генералъ-лейтенанта Милорадовича и отъ коллежскаго совѣтника Кирико, Ваше Сіятельство усмотрите, что верховный визирь Мустафа-паша продолжительно занимается преобразованіемъ турецкихъ войскъ и постепеннымъ уничтоженіемъ янычарскаго корпуса. Но изъ донесенія г-на Кирико явствуетъ, что предпринимаемыя Мустафою пашею великія перемѣны и употребляемая имъ при этомъ строгость, или паче жестокость, причиняя не только, какъ уже предъ симъ извѣстно было, сильное негодованіе въ народѣ, угрожаютъ новыми бунтами и возмущеніями противу нынѣшней системы Порты Оттоманской.

Въ прочемъ непрерывно заключаются подтвержденія мои на счетъ Азіятцовъ, въ турецкомъ войскѣ находящихся, и что они при наступленіи зимняго времени ни какими увѣщеваніями и угрозами, не могутъ быть удерживаемы отъ побѣговъ; правительство само видитъ себя принужденнымъ позволять имъ возвращаться въ свои домы.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью.

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Князь А. Прозоровскій.

№ 1587.
Въ благополучномъ городѣ Фокшанахъ
6 ноября 1808 г.

№ 323. 2. Получ. 24 ноября 1808 г.

Милостивый Государь мой
Графъ Александръ Николаевичъ!

При одномъ изъ отношеній моихъ отъ 13-го минувшаго октября на имя графа Николая Петровича Румянцова отправилъ я въ

---

[1]) Для насъ безъ важности и потому не переписаны.

С.-Петербургъ копію съ донесенія полученнаго мною отъ г. д. с. с. Родофиникина о новомъ покушеніи правительства Порты Оттоманской склонить Сербовъ къ примиренію, и о свиданіи бывшемъ по сему предмету между виддинскимъ архіереемъ и сербскимъ митрополитомъ, равно какъ и съ наставленія мною по тому случаю г. Родофиникину даннаго.

Я надѣюсь что все сіе дошло до Васъ исправно и Вами уже доведено до свѣдѣнія Государя Императора.

Сего же ноября 9-го дня во время путешествія моего изъ Фокшанъ сюда получилъ я донесеніе г. Родофиникина о исполненіи даннаго отъ меня ему предписанія, и переводъ съ письма верьховнаго вождя и совѣта народа сербскаго къ Моллѣ пашѣ виддинскому по вышеупомянутому обстоятельству отправленнаго. Одобряя съ своей стороны сіе послѣднее, я препровождаю сіи бумаги здѣсь въ копіяхъ къ Вашему Сіятельству покорнѣйше Васъ прося доложить объ оныхъ Его Императорскому Величеству.

Съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Князь А. Прозоровскій

№ 1557.
Въ благополучномъ
городѣ Букарештѣ
14 ноября 1808 г.

ad № 323,

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 2 ноября 1808 г.

Повелѣніе Вашего Сіятельства отъ 13 минувшаго октября мѣсяца я имѣлъ честь получить на пути не далеко отъ деревни Чернаго Георгія.

Путешествіе мое къ нему и къ другимъ поглаварямъ продолжавшееся десять дней, есть причиною, что я такъ долго задержалъ здѣсь нарочныхъ курьеровъ присланныхъ отъ г. генералъ-маіора Исаева.

Моллѣ пашѣ виддинскому отвѣтъ посланъ по точному смыслу повелѣнія Вашего Сіятельства, съ каковаго отвѣта при семъ имѣю честь препроводить копію.

Относительно до воеводы Вельки я не преминулъ сдѣлать Черному Георгію внушенія, кои соизволили мнѣ предписать и надѣюсь видѣть наконецъ означеннаго Вельку смѣненнымъ. О прочихъ дѣ-

лахъ я съ радостію доношу, что положеніе ихъ удовлетворительно поколику то быть можетъ въ здѣшней землѣ. Вояжъ мой нынѣшній былъ довольно успѣшенъ, и я теперь спокоенъ доколѣ новыя какія тучи не встревожатъ меня опять.

ad № 323.

Переводъ съ письма писаннаго къ Моллѣ нашѣ Виддинскому за подписаніемъ верьховнаго вождя Сербскаго Чернаго Георгія и правительствующаго совѣта народа сербскаго изъ Бѣлграда отъ 30-го октября 1808 года.

Намъ былъ предложенъ на уваженіе разговоръ, который имѣли въ Голубинѣ повѣренные паши съ архіереемъ виддинскимъ и съ сопровождавшими его, въ слѣдствіе возложеннаго отъ Васъ на нихъ порученія, по соображеніи положенія нашихъ дѣлъ и прямой пользы народа сербскаго опредѣлили мы единодушно отвѣтствовать Вамъ настоящее:

1) Хотя мы искренно желаемъ положить конецъ настоящей войнѣ для обѣихъ сторонъ отяготительной, не можемъ однако войтить ни въ какіе переговоры безъ высочайшей на то воли Всеаугустѣйшаго Государя Императора Всероссійскаго, удостоившаго насъ своего сильнаго покровительства, при томъ же будучи намъ извѣстно, что блистательная Порта не почитаетъ себя обязанною наблюдать договоры и данныя обѣщанія подданнымъ своимъ, каковыми она насъ полагаетъ, мы для обезпеченія семействъ нашихъ, себя и имуществъ просили и просимъ дать намъ ручательство Дворовъ Россійскаго и Французскаго, безъ чего приступить къ дальнѣйшему трактованію съ блистательною Портою неможемъ.

2) Представить блистательной Портѣ, какъ Ваши посланные предлагали то повѣреннымъ нашимъ, чтобъ она избрала изъ тѣхъ двухъ державъ одну, мы никакъ не можемъ по причинѣ, которую наши повѣренные объяснили уже и которую и мы повторяемъ, то есть: съ Державою, которой ручательство пожелаетъ намъ дать Блистательная Порта, можетъ сія самая войти въ войну, тогда мы останемся безъ покровителя; согласиться же намъ принять ручательство вмѣстѣ съ таковымъ Французскаго двора, другой какой державы, по выбору же Блистательной Порты, мы не можемъ также, ибо не состоимъ ни въ какихъ сношеніяхъ съ другими Державами; избрали же мы Россію по единозаконію исповѣдуемой нами вѣры и по покровительству, коимъ отъ Всеавгустѣйшаго Государя Импе-

ратора Всероссійскаго пользуется сербскій народъ, а Францію по посредничеству принятому ею къ заключенію мира между Россійскою Имперіею и Блистательною Портою съ общаго согласія всѣхъ трехъ Державъ.

Изложивъ Вашей Свѣтлости мнѣніе наше, которое есть и мнѣніе всего народа сербскаго, пребываемъ съ должнымъ почитаніемъ.

№ 324. 3. Получ. 24 ноября 1808 г.

Милостивый Государь мой

Графъ Александръ Николаевичъ!

Изъ разныхъ моихъ отношеніи какъ къ господину министру иностранныхъ дѣлъ, такъ въ послѣднѣе время и къ Вашему Сіятельству Вы усмотрѣть изволили частыя внутренія безпокойствія и раздоры, происходящія между старѣйшинами народа сербскаго отъ необузданности ихъ нрава и отъ глубокаго невѣжества въ которомъ доселѣ погружены. Усильнѣйшія старанія и благоразумныя мѣры господиномъ дѣйств. ст. сов. Родофиникинымъ при всѣхъ случаяхъ гдѣ волненіе умовъ сербскихъ обнаружилось, пріемлемыя, приносили только временную пользу, и покушенія ихъ другъ противъ друга часто возобновлялись, къ чему праздность и свобода отъ военныхъ дѣйствій подавали найбольшій поводъ. Сіе само и побудило меня требовать отъ г-на Родофиникина его мнѣнія, какія средства почитаетъ онъ дѣятельнѣйшими къ установленію твердаго въ Сербіи внутренняго порядка и спокойствія. Когда же въ слѣдъ за тѣмъ получилъ я Высочайшія Государя Императора повеленія изъ Веймара, то призналъ я необходимо нужнымъ собрать и въ разсужденіи Сербіи всѣ тѣ свѣденія и объясненія которыя при предстоящемъ трактованіи о мирѣ потребными быть могутъ; и въ слѣдствіе того писалъ я къ Константину Константиновичу о доставленіи мнѣ какъ примѣчаніи его о тѣхъ статьяхъ, которыя въ пользу Сербіи и въ соображеніи выгодъ Россіи по различнымъ отношеніямъ при трактованіи о мирѣ уважены быть должны, такъ и заключеніи его о границахъ которыя Сербіи опредѣлить должно: о торговыхъ, о политическихъ сношеніяхъ Сербіи съ другими Державами, о дани, какую народъ сей Портѣ Оттоменской платить долженъ, о конституціи и внутреннемъ правленіи для Сербовъ и проч. По таковымъ моимъ требованіямъ получилъ я сего ноября 9-го дня отъ г-на Родофиникина прилагаемыя здѣсь въ копіяхъ подъ литерами А. В. и С. два

донесенія его и записку, содержащія мнѣніе его по всѣмъ вышеупомянутымъ статьямъ относительно положительнаго основаніи будущаго для Сербіи бытія. Важность сихъ обстоятельствъ и необходимая надобность имѣть по онымъ высочайше разрѣшеніе Государя Императора, ко времени въ которое начнутся мирные переговоры, для коихъ нужно мнѣ себя же ко всѣмъ статьямъ совершенно приуготовить, побуждаютъ меня поспѣшить отправленіемъ съ симъ нарочнаго къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою: доложить о томъ Его Императорскому Величеству и снабдить меня беззамедлительно Высокомонаршимъ разрѣшеніемъ. Я почелъ удобнѣйшимъ для большой ясности на запискѣ же господина Родофиникина отмѣтить противу каждаго пункта мое заключеніе, которое и предаю Высочайшему разсмотрѣнію и рѣшенію Государя Императора. По другому же донесенію г-на Родофиникина подъ литерою С. нужнымъ нахожу присовокупить еще здѣсь слѣдующее.

1) Весьма основательнымъ признаю я сужденія г-на Родофиникина и описанныя имъ причины, по коимъ Австрія не можетъ никогда взирать равнодушно на благополучіе Сербовъ и по коимъ она стараться будетъ всячески безпокоить землю сію интригами, для чего и должно принять противу того всѣ мѣры предосторожности.

2) Когда мирные переговоры дѣйствительно состояться тогда непремѣнно должно, во всемъ согласно съ заключеніемъ господина Родофиникина, призвать сюда Чернаго Георгія и съ нимъ вмѣстѣ на нѣкоторое время и Константина Константиновича. Для чего, какъ и писалъ я неоднократно графу Николаю Петровичу, необходимо бы нужно было, особливо теперь, что бы господинъ Родофиникинъ имѣлъ достойнаго помощника который бы остался въ Сербіи въ отсутствіи его: здѣсь въ арміи не вижу я способнаго къ тому человѣка, ни же въ числѣ чиновниковъ вѣдомства государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ при мнѣ находящихся. Есть ли бы Ваше Сіятельство могли безъ замедленія прислать сюда способнаго и достойнаго для сего употребленія чиновника, то онъ въ настоящее время весьма бы былъ полезенъ. Я слышу, что вѣдомства государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ статскій совѣтникъ Коронелли былъ бы къ сему способенъ; но въ прочемъ представляю сія разсмотрѣнію Вашему.

3) Я совершенно одобряю мнѣніе господина Родофиникина, чтобы сына Чернаго Георгія взять, и то немедленно на воспитаніе въ Санктпетербургъ. И въ заключеніяхъ моихъ на записку господина Родофиникина сказалъ я, что воспитаніе того молодаго человѣка въ

Россій возродитъ въ немъ приверженность къ оной. Столь же полезно будетъ взять также туда на воспитаніе дѣтей и прочимъ именитымъ между Сербами людей. На сіе и буду ожидать Высочайшаго повеленія, дабы сколь можно поспѣшнѣе отправить тѣхъ дѣтей въ Санктпетербургъ. Въ то же время нужно мнѣ разрѣшеніе на выдачу содержанія какъ имъ, такъ и могущимъ быть при нихъ людямъ, поелику я полагаю, что отцы дѣтей своихъ безъ приставовъ не отправятъ. Главнымъ же смотрителемъ для препровожденія всѣхъ ихъ въ Санктпетербургъ назначу я чиновника изъ арміи.

4) По описанію господина Родофиникина о Младенѣ и Милоѣ всего бы полезнѣе было ихъ отъ туда вывести, но первый, какъ говоритъ Константинъ Константиновичъ, не согласится отъ туда выѣхать; и для того, думаю, не будетъ ли полезно отъ высочайшаго двора нашего потребовать ихъ, яко людей достойныхъ и извѣстныхъ Государю Императору по донесеніямъ господина Родофиникина, въ Санктпетербургъ для личныхъ якобы переговоровъ по дѣламъ сербскимъ; по прибытіи же ихъ въ столицу, удержать ихъ тамъ подъ благовидными предлогами, доколѣ дѣла сербскія устроятся и миръ съ Турками заключенъ будетъ.

Ожидая по всѣмъ симъ обстоятельствамъ благосклоннаго и поспѣшнаго отзыва Вашего, съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребыть.

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Князь А. Прозоровскій.

№ 1558.

Въ благополучномъ городѣ Букарештѣ 16 ноября 1808 г.

ad № 249. А.

Копія съ секретнаго донесенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу Князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 2-го ноября 1808 года.

Въ слѣдствіе секретнаго повелѣнія Вашего Сіятельства отъ 20-го числа минувшаго октября имѣю честь поднести при семъ записку требуемыхъ примѣчаній; относительно же до сочиненія проекта конституціи для внутренняго правленіа Сербіи и до учрежденія присутственныхъ мѣстъ, признаюсь въ полной откровенности, что не имѣю достаточныхъ свѣденій для сего важнаго предмета, пришлю токмо вслѣдъ за симъ описаніе существующимъ нынѣ судебнымъ мѣстамъ и при томъ прійму смѣлость представить и нѣкоторыя примѣчанія.

ad № 234. В.

Записка господина дѣйств. ст. сов. Родофиникина [1]).

(Примѣчанія князя Прозоровскаго).

О границахъ.

Границы сербскія желательно бы было опредѣлить древнія, таковыя, не имѣя вѣрныхъ картъ, не могу о семъ предметѣ донести положительно, извѣстно однако, что со стороны Босніи рѣка Дрина есть натуральная граница, слѣдственно крѣпость Соколъ на сей сторонѣ лежащая должна бы быть очищена отъ Турковъ; со стороны Албаніи городъ и малая крѣпость Скопія Турками еще занятая должна бы быть пограничная собственность Сербовъ а потому и городъ Новый Базаръ за сею крѣпостію внутрь Сербіи лежащій, должны уже Турки упразднить. Со стороны Македоніи великій хребетъ горъ раздѣляющій сію провинцію отъ Сербіи есть древняя граница. Городъ и крѣпость Нисса, Турками владѣемая нынѣ, до самой Софіи было древнее достояніе Сербовъ.

Возобновленіе древнихъ границъ Сербіи нахожу я по настоящимъ обстоятельствамъ невозможнымъ, и требованіе о томъ даже могущимъ вредить интересамъ Государя Императора въ пріобрѣтеніи границъ россійскихъ по рѣку Дунай. Но надлежитъ стараться дать Сербамъ пристойную границу и нѣкоторыя крѣпости, кои возможно будетъ при трактованіи имъ исходатайствовать, другія же можно для обѣихъ сторонъ уничтожить а затѣмъ прочее оставить турецкому правительству.

Со стороны Виддина если сей городъ со всею Болгаріею долженъ остаться въ турецкомъ владѣніи, желательно бы имѣть рѣку Тимокъ границею.

Можно постараться о пріобрѣтеніи границы по рѣку Тимокъ; но крѣпость Виддинъ должна остаться въ турецкомъ владѣніи.

---

[1]) Я эту записку переписалъ съ оригиналовъ и исправилъ нѣкоторые ошибки находящіеся въ приложеніяхъ сочиненія г. Попова, который впрочемъ ее перепечаталъ изъ названной статьи Дубровина.

Владѣяія же турецкія на Дунаѣ: какъ то, *Ада Кале*, гдѣ командуетъ Реджебъ-ага и Большой Островъ полезнѣе было бы присоединить къ Валлахіи нежели къ Сербіи, ибо тѣмъ Сербы могутъ быть обуздываемы.

Согласенъ съ мнѣніемъ г. Родофиникина въ сей статьѣ изясненнымъ, я полагаю, что сіи владѣнія турецкія должны присоединены быть къ Валлахіи.

О торговлѣ.

Турки не могутъ на долгое время быть въ безопасности въ Сербіи, слѣдственно для избѣжанія всякихъ справедливыхъ причинъ къ жалобамъ со стороны Турковъ, желательно бы было постановить: чтобъ никто изъ магометанъ не имѣлъ право переходить границу сербскую, прочимъ же подданнымъ турецкимъ христіанскаго исповѣданія путь можетъ быть открытъ, какъ равномѣрно желательно бы было исходатайствовать свободу и Сербамъ производить торговлю въ турецкой имперіи и пользоваться защитою россійскихъ министра и консуловъ, платя за товары пошлины наравнѣ съ россійскими подданными.

Не можно почесть правосуднымъ, чтобы Туркамъ возбранить въѣздъ въ Сербію для торгу, а Сербамъ позволить пребываніе по сему предмету въ турецкихъ владѣніяхъ. Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ постановленія должны быть обоюдные; но защита и покровительство россійскаго посольства могутъ быть выговорены.

Сверхъ сего предоставить Сербамъ право имѣть собственную монету.

Исходатайствованіе сего пункта трудно, и я не вижу какая бы особая для Сербіи отъ того польза произойти могла.

О политическихъ сношеніяхъ Сербіи съ другими Державами.

До сего въ Сербіи небыло ни дипломатическаго ни торговаго агента другихъ Державъ, же-

Въ семъ пунктѣ мысль г. Родофиникина основательна и неоспорима. Но съ другой сторо-

лательно бы было, чтобы таковыхъ до времени не принимать здѣсь, по крайней мѣрѣ необходимо нужно удалить дипломатическихъ, съ характеромъ коихъ присоединено право быть часто въ обществѣ правителя земли, и другихъ старѣйшинъ, каковое право подаетъ имъ болѣе возможности полагать препоны къ водворенію дѣятельнымъ образомъ вліянія Россіи на сей край.

Иностранные агенты найдутъ здѣсь теперь большую возможность чинить противное желаніямъ нашимъ; не возможно же думать чтобъ Австрія не старалась уменьшать наше здѣсь вліяніе, ибо безъ всякаго сомнѣнія видитъ, что укоренивши мы здѣсь оное, пріобрѣтаемъ знатную надъ нею поверхность и при всякомъ случаѣ при коемъ рѣшилась бы сія Держава дѣйствовать противъ Россіи, можемъ ей возбудить внутренняго врага, который часто опаснѣе внѣшняго, видитъ также австрійское министерство, что край сей будучи смѣженъ съ Босніею, Албаніею, Македоніею и Болгаріею, представляетъ намъ всѣ желаемыя возможности если за благо признано будетъ, возбудить другихъ Черныхъ Георгіевъ и дѣлать что хочемъ въ европейской Турціи не подавая никому ни малѣйшей причины къ жалобамъ.

ны, если признавать Сербію уже особою Державою, то не знаю какимъ образомъ возбранить ей принимать агентовъ другихъ Державъ. Кажется однако же можно постановить, что они не должны приниматься безъ согласія россійскаго Императорскаго Двора, подъ покровительствомъ коего обрѣтаются.

Нельзя не согласиться съ проницательнымъ и дальновиднымъ въ семъ пунктѣ сужденіемъ г. Родофиникина. Вкорененіе вліянія россійскаго въ Сербіи будетъ чрезвычайно важнымъ, особливо во время войны между Россіею и Австріею и послужитъ всегда къ обузданію сей послѣдней Державы и къ удержанію ея даже отъ вчинанія войны; Турція же будетъ такъ сказать подъ распоряженіемъ россійскаго Двора.

Дабы уменьшить на первый разъ причину политической вражды Австрійцевъ, не безполезно бы было согласиться на выдачу имъ бѣглыхъ, хотя сіе покажется тягостнымъ и здѣшнимъ и австрійскимъ Сербамъ.

Заключеніе не соотвѣтствуетъ первому. Если австрійскихъ Сербовъ выдавать то они же преисполнятся злобою противъ насъ, и тогда потеряны будутъ изъ виду средства къ достиженію той цѣли, которая въ предъидущемъ пунктѣ описана. Можно постановить выдачу военныхъ дезертировъ изъ однихъ регулярныхъ войскъ; австрійскіе же Сербы суть войско поселенное.

О верхоеной власти.

Въ семъ краѣ чистое демократическое или аристократическое правленіе теперь существовать не могутъ. Нуженъ князь; быть ему избираемымъ, правда что откроется путь къ раздорамъ и подастся поводъ почасту посягать на жизнь князя, въ землѣ гдѣ убить человѣка почитается весьма малымъ грѣхомъ. Но также признать его наслѣдственнымъ въ лицѣ Чернаго Георгія, статься можетъ, чрезъ то положится нѣкоторый камень преткновенія для дальнѣйшихъ видовъ нашихъ, кои по обстоятельствамъ родится могутъ. Слабые мои понятіа не позволяютъ мнѣ имѣть по сему предмѣту точнаго мнѣнія; донесу токмо что верховнымъ правителемъ теперь народу никто изъ поглаварей сербскихъ пріятенъ не будетъ, кромѣ одного Чернаго Георгія.

По невѣжеству, въ которомъ народъ сей погруженъ и по наклонности его къ раздорамъ и безпокойствамъ въ самомъ непросвѣщеніи источникъ свой имѣющимъ, я согласно съ мнѣніемъ г. Родофиникина полагаю, что въ Сербіи не можетъ быть другаго правительства кромѣ самовластнаго и слѣдовательно надобенъ князь или властитель, съ наименованіемъ какое ему положится. Пусть соотвѣтственно желанію народа утвердится Черный Георгій, но надобно уже ему быть наслѣдственнымъ; ибо въ противномъ случаѣ при всякой перемѣнѣ властителя произойдутъ не только внутренніе раздоры, но интриги отъ многихъ Дворовъ, особливо отъ Порты Оттоманской, которая силиться будетъ ввести туда Грека изъ Фанаря, на что Сербы ни подъ какимъ видомъ со-

гласиться не могутъ. Австрійскій Дворъ равнымъ образомъ и со своей стороны много интриговать будетъ. Слѣдственно Дворъ россійской будетъ находиться въ безконечныхъ затруднительныхъ хлопотахъ. Особо будетъ мною сказано о воспитаніи сына Чернаго Георгія въ Санктпетербургѣ; внушивъ ему воспитаніемъ приверженность къ Россіи, онъ наслѣдуя отцу можетъ отечеству нашему быть полезнымъ. Но при всемъ томъ надлежитъ установить въ Сербіи совѣтъ въ видѣ сената, въ которомъ предсѣдательствуетъ князь, а подъ нимъ имѣетъ мѣсто засѣданія россійскій консулъ или агентъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надобность того потребуетъ; сей послѣдній можетъ ограничивать самовластіе князя и удерживать его отъ поступковъ противныхъ интересамъ Россіи. Сей пунктъ не можетъ быть пріятенъ Австріи, и для того кажется нужно бы было, чтобы французскій Дворъ принялъ на себя обще съ Его Императорскимъ Величествомъ гарантію Сербіи и новой ея конституціи; тогда австрійскій Дворъ удержался бы отъ всякихъ дальнихъ интригъ, опасаясь раздражить противъ себя обоихъ Императоровъ. Агентъ французскій можетъ даже присутствовать въ совѣтѣ обще съ агентомъ россійскимъ. Портѣ

позволить можно имѣть агента или повѣреннаго въ дѣлахъ въ Виддинѣ и при немъ могутъ находиться секретари вышеупомянутыхъ агентовъ; по важнымъ же дѣламъ агенты Императорскихъ Дворовъ могутъ ѣхать въ Виддинъ и съ турецкимъ полномочнымъ составить комитетъ или общее присутствіе и полагать на мѣрѣ все что къ пользѣ Сербовъ и Порты Оттоманской и къ общему спокойствію споспѣшествовать можетъ. Симъ средствомъ кажется можно будетъ и владѣтеля содержать въ надлежащихъ предѣлахъ его власти. — Если бы предполагать помѣщеніе россійскаго гарнизона въ Бѣлградѣ, то на сіе Порта Оттоманская ни подъ какимъ видомъ не согласится, да и австрійскій Дворъ возопіетъ, а думаю, что и французской не дастъ на то своего согласія. Но необходимо нужно учредить гарнизоны изъ самихъ Сербовъ, образовавъ ихъ въ регулярные батальоны; россійской же Дворъ можетъ снабдить ихъ офицерами, давая избираемымъ къ тому чиновникамъ, въ числѣ коихъ должны быть также изъ инженернаго и артиллерійскаго корпусовъ, абшиды съ коими они, яко бы по собственному желанію вступятъ въ службу сербскую. Всѣ крѣпости въ Сербіи должны быть во владѣніи Сербовъ и заняты ихъ гарни-

зонами, буде можно регулярными; но можетъ быть нужно будетъ снабдить ихъ отъ Россіи артиллеріею для крѣпостей, порохомъ, ядрами, бомбами.

Законы.

Здѣсь теперь судятъ по обычаямъ; законы же однако наилучше бы было ввести россійскіе, избравъ тѣ кои для нихъ нужны.

На сіе положеніе я согласенъ.

Дань Портѣ Оттоманской.

Таковая желательно бы было чтобъ не превозвышала сто тысячъ піастровъ, каковую сумму Порта до сего не имѣла если принять въ уваженіе издержки кои она чинила на содержаніе крѣпостей и прочаго.

Слово дань тяжкимъ покажется всѣмъ Сербамъ, получивъ здѣсь о томъ извѣстіе Черный Георгій можетъ податся не обуздавшись на многія неистовства, для сего самаго и нужно бы непремѣнно, чтобы онъ былъ на сей случай при Вашемъ Сіятельствѣ, и при сообщеніи ему сего пункта повелѣть объяснить что дань таковая полагается платить не для Сербовъ, но для Болгаръ и Бошняковъ, кои переселившись въ Сербію, и кои не пользуясь высочайшимъ покровительствомъ, должны бы быть возвращены Портѣ, но Россія и сію милость являетъ Сербамъ оставляя спокойными

Сербы ни для чего подъ австрійскою Державою быть не согласятся; присоединить же Сербію къ Россіи не можно, по положенію ея на правомъ берегу Дуная; и такъ остается только одно средство постановя особое правительство въ Сербіи оставить ее подъ покровительствомъ Порты Оттоманской, ибо подданными ея Сербы быть не захотятъ. Въ таковомъ положеніи могутъ они платить Портѣ денежную дань такимъ образомъ какъ въ мнѣніи г. Родофиникина описано, но по мнѣнію моему нужно будетъ сверхъ того опредѣлить еще дань хлѣбнымъ зерномъ, въ нѣкоторый замѣнъ того, что Порта доселѣ получала изъ сихъ княжествъ, бывшихъ такъ сказать кормилицею самаго даже Константинополя. Хотя же коммерція по Дунаю возстановится и прежній коммерческій трактатъ возобновится, такъ

означенныхъ переселенцевъ, а потому и Сербія въ заимство должна согласиться платить за нихъ налагаемую дань.

что они въ состояніи будутъ пріобрѣтать здѣсь хлѣбъ, но не иначе какъ покупкою, что самое потери ихъ замѣнить не можетъ. А потому назначеніе хлѣбной дани отъ Сербовъ, думаю я, можетъ при трактованіи послужить нѣсколько къ скорѣйшему склоненію Турковъ на уступку намъ границы по Дунай.

О податяхъ.

При Туркахъ всякая семья платила въ годъ до сорока піастровъ; таковыхъ семействъ считалось двадцать тысячь, теперь оное число удвоилось. Сверхъ того мужской полъ отъ 8 лѣтъ и выше платилъ харачь по 3 піастра, собираемо было также десятая часть со всякаго роду хлѣба снимаемаго съ земли, и съ винограду, была налагаема также подать на скотъ по двѣ пары, таможни теперь приносящіе до 80 т. піастровъ ибо взяли на откупъ сами поглавари, приносили при Туркахъ почти вдвое болѣе. Со времени возстанія народъ давалъ ежегодно десятое съ хлѣба, одинъ токмо разъ собрано съ него для нуждъ общихъ до полумилліона піастровъ и двадцатая овца и коза для войскъ. Если подати будутъ назначены Россіею, учинится непріятное народу; по моему понятію лучше бы было предоставить князю и сенату установить таковые подати, и тогда

испросить Высочайшее утвержденіе отъ Всеавгустѣйшаго покровителя Сербіи. А при признаніи Россіею вольности сего народа постановить, чтобы ни князь, ни же другое какое лицо, не имѣли право употреблять народъ на работы свои, тогда сіе будетъ принято Сербами величайшею милостію отъ Россіи дарованною, а подати кои учредятся, будутъ взираемы какъ тягость отъ собственнаго ихъ князя и правительства налагаемая. Одни токмо общія работы какъ то исправленіе дорогъ, мостовъ и прочаго, должны быть производимы народомъ.

Край сей весьма плодороденъ, изобилуетъ лѣсами и скотоводствомъ, слѣдственно при спокойномъ положеніи можетъ платить безъ отягощенія большія подати, такъ что денежные не нужно будетъ уменьшать какъ одною третью частію противъ того, что было платимо турецкому правительству.

Имѣется въ землѣ олово въ изобиліи: около Сокола въ прошедшемъ году сплавлено нѣсколько тысячъ окъ. Недалеко отъ Бѣлграда равномѣрно нынѣ начали сплавливать олово, не говоря о серебренныхъ рудникахъ, о коихъ ничего положительнаго незнаю, скажу только о мѣди, которой Турки по секрету отъ Порты, продавали знатное количество, изъ здѣш-

Сербы называютъ свинецъ оловомъ, а потому полагать должно, что они здѣсь разумѣютъ свинецъ.

ней земли. Слѣдственно и сіи статьи увеличатъ доходы правительства.

Дѣйств. статскій совѣтникъ
Родофиникинъ [1]).

Бѣлградъ,
2 ноября 1808 г.

Если Богу угодно будетъ пріобрѣсти для Россіи границу по Дунай и покровительство надъ Сербіею, тогда надлежать будетъ съ большимъ примѣчаніемъ учреждать правленіе здѣшнихъ земель. Кажется должно будетъ раздѣлить оныя на четыре губерніи, составя одну изъ Бессарабіи, другую изъ Молдавіи, третью изъ большой, а четвертую изъ малой Валлахіи. Въ послѣдней долженъ быть губернаторъ человѣкъ со свѣденіями, поелику оная граничитъ съ Австріею и Сербіею. Надъ всѣми же должна быть одна главная власть или генералъ-губернаторъ, который бы въ тоже время былъ и начальникомъ войскъ, въ землѣ расположенныхъ. Ибо если будутъ разные начальники, военный и гражданскій, то каждый будетъ защищать свою команду, и родятся между ими безпрестанные непримиримые раздоры, влекущіе естественно за собою вредъ общій. Равнымъ образомъ и таможни въ семъ краю должны состоять подъ надзоромъ генералъ-губернатора, поелику безъ того, по отдаленности отсюда министра коммерціи, могутъ произойти рас-

[1]) Военнотопографическое Депо (теперь архивъ главнаго штаба) № 23,309, шкапъ 213, полка 3, книга IV, стр. 37—41, собственною рукою Родофиникина.

при съ Портою Оттоманскою. По дѣламъ же, до таможень касающимся, можетъ генералъ-губернаторъ сноситься съ министромъ коммерціи.

Генералъ-фельдмаршалъ
Князь Прозоровскій [1]).

ad. № 324. С.

Копія съ донесенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 2-го ноября 1808 года.

Возвратившись въ Бѣлградъ минувшаго октября 28 числа, нашелъ я здѣсь курьера съ секретнымъ повелѣніемъ Вашего Сіятельства отъ 22-го числа того же мѣсяца. Поспѣшая выполнить предписываемое мнѣ въ ономъ, нужнымъ нахожу, во первыхъ, въ семъ моемъ донесеніи, изложить положеніе здѣшнихъ дѣлъ, содержимое въ слѣдующемъ. Всѣ почти поглавари, кромѣ двухъ, или трехъ, какъ я имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству, были до сего или разбойники или свинопасы, изъ лѣсу никуда не выходившіе, и понятія ихъ весьма ограничены; сіи самые теперь по обороту дѣлъ царствуютъ въ Сербіи и, можно сказать, самовластно. До вступленія войскъ нашихъ въ Молдавію и Валахію они имѣли въ Константинополѣ депутатовъ, которые представляли Портѣ Оттоманской желаніе всего народа остаться подъ властію Султана, и что возстаніе ихъ имѣло только предметомъ изгнаніе бунтовщиковъ Турковъ, овладѣвшихъ Сербіею. Сіе дѣйствительно справедливо и сіе было причиною, что Порта не обратила знатныя силы противу Сербовъ, какъ равно стараніе министра нашего въ Константинополѣ; по вступленіи однако войскъ въ Молдавію, получивъ Сербы отъ насъ другаго рода наставленія имъ при томъ пріятныя, перемѣнили и поведеніе съ Портою, которая, имѣвъ еще силы россійскія противу себя, не могла ополчиться къ истребленію Сербовъ. Не взирая на сію причину, отвратившую отъ нихъ оружіе турецкое, Сербскіе старѣйшины приписываютъ все то тонкости своего ума и храбро-

---

[1]) Военнотопографическое Депо (теперь архивъ главнаго штаба), № 23,309, шкапъ 213, полка 3, книга IV стр. 29—31. Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находятся только копіи.

сти своей. Тьма грубостей, причиненныхъ ими Австрійцамъ и отъ тѣхъ перенесенныя равнодушно, заставили еще больше Сербовъ думать, что и австрійскій Дворъ страшится оружія сербскаго, а переходящіе съ австрійской стороны бѣглецы, увѣряя здѣшнихъ, что тамъ весь народъ готовъ къ возстанію при первомъ приглашеніи здѣшнихъ Сербовъ, придаютъ старѣйшинамъ еще болѣе смѣлости; бѣгущіе изъ Босніи и другихъ мѣстъ люди недальновидящіе увѣряютъ также здѣшнихъ, что народъ тамъ готовъ возстать, если бы имѣлъ порохъ и олово. Теперь начали здѣсь дѣлать пороховые заводы, олово также имѣютъ въ землѣ; слѣдственно и полагаютъ весьма не труднымъ покорить оружію своему всю турецкую имперію. Мало по малу напоившись сими мыслями, старѣйшины содѣлались дѣйствительно пьяны. Грабежи, ими безбоязненно чиненные и чинимые, обогатившіе ихъ, представляютъ имъ настоящую жизнь пріятною. Черный Георгій хотя и имѣетъ нѣкоторыя пріятныя дарованія, имѣетъ однако и пороки свойственные прежнему его ремеслу, какъ равно свойственные народамъ, живущимъ подъ игомъ неистоваго турецкаго деспотизма. Онъ, опасаясь старѣйшинъ, возбуждаетъ побочно противъ ихъ подчиненныхъ имъ, а старѣйшины, опасаясь его, другіежъ желая достигнуть верьховной власти, окружаютъ себя кирджаліами, мараютъ его повсюду и ищутъ лишить его довѣренности народной. Я могу смѣло сказать, что единое присутствіе россійскаго чиновника спасло отъ погибели Сербію со времени перемирія; безъ чего здѣсь была бы давно уже междуусобная война. Таковое положеніе дѣлъ и умовъ достаточно открываетъ, коликая осторожность и благоразуміе нужно для введенія здѣсь устройства, и чтобъ содѣлать ихъ на будущее время покорными волѣ Всемилостивѣйшаго ихъ покровителя, тѣмъ паче, что Австрія не можетъ никогда взирать равнодушно на благополучіе Сербовъ; болѣе двухъ милліоновъ единоплеменцовъ и единовѣрцовъ состоитъ подъ владѣніемъ австрійскимъ, коимъ они весьма недовольны, слѣдственно австрійскій дворъ, когда край сей начнетъ процвѣтать, долженъ ожидать или знатное число бѣглецовъ, или совершенное возстаніе австрійскихъ Сербовъ, а потому интересъ онаго требуетъ стараться всячески безпокоить сію землю интригами и не допустить никогда, чтобы нація здѣшняя пользовалась спокойствіемъ и строгимъ правосудіемъ, дабы отнять у своихъ Сербовъ всякую охоту бѣгать сюда или послѣдовать примѣру здѣшнихъ въ возстаніи.

Утвердивъ доброе правленіе въ Сербіи, Россія извлечетъ изъ того величайшую пользу, какое бы направленіе не приняли полити-

ческіе ея виды. Для сего самаго кажется, что не должно упустить теперь никакого средства къ достиженію означенной цѣли; Черный Георгій, первый будетъ препоною ко введенію устройства, не отъ того, что не желаетъ таковое, но отъ того, что не понимаетъ оное, и что по легковѣрію своему будетъ поддаваться, какъ и теперь, на всякаго рода нелѣпыя внушенія или Австрійцевъ или самыхъ своихъ Сербовъ; не труднымъ однако мнѣ кажется его во многомъ исправить, пригласивъ его въ главную квартиру Вашего Сіятельства и удержавъ его тамъ мѣсяца два или три, онъ будетъ совершенно другой человѣкъ. Во время его отсутствія должно приступить здѣсь ко внутренней организаціи такъ, чтобъ онъ по возвращеніи своемъ нашелъ все оконченнымъ; сына же его старшаго, который живетъ у меня, необходимо нужно взять аманатомъ въ Россію подъ предлогомъ воспитанія его тамъ. Черный Георгій охотно на то согласится, ибо давно уже мной къ сему пріуготовленъ; позволить также потомъ послать въ Россію для воспитанія на счетъ казенной дѣтей первѣйшихъ комендантовъ, какъ-то: Якова Ненадовича, Миленка и другихъ по усмотрѣнію, всего дѣтей шесть или восемь.

За симъ должно удалить изъ Сербіи на долгое время если не на всегда, Младена и Милое, которые въ омерзеніи у всѣхъ старѣйшихъ и кои всегда будутъ ниспровергать чинимое нами. Тогда воля Его Императорскаго Величества относительно до сего края можетъ быть выполнена, народъ, который искренно преданъ Россіи, почувствуетъ всю благотворительность изливаемой на него милости, и вліяніе Россіи на сердца онаго утвердится навсегда.

Депутатовъ сербскихъ, о коихъ повелѣваете мнѣ подумать заблаговременно, я уже избралъ и дожидаю завтра или послѣ завтра Чернаго Георгія, за коимъ я послалъ, дабы истребовать его согласіе. Младена никакъ въ число оныхъ помѣстить не можно, ибо онъ отнюдь не согласится отсюда выѣхать, можно же будетъ помѣстить товарища его Милое, который злодѣяніями своими превозвышаетъ еще Младена и котораго по окончаніи дѣлъ можно оставить тамъ подъ благовиднымъ предлогомъ, но если благоугодно будетъ Вашему Сіятельству приказать пріѣхать съ депутатами и Черному Георгію, въ такомъ случаѣ лучше, чтобъ Милое его не сопровождалъ.

Я нахожу что не безполезно бы было позволить и мнѣ пріѣхать съ Чернымъ Георгіемъ, хотя дней на пять, дабы все въ присутствіи Вашего Сіятельства учредивъ, съ нимъ возвратиться тогда назадъ для приведенія въ исполненіе; научившись читать въ сердцѣ

Чернаго Георгія, зная его слабую сторону и имѣя уже до нѣкоторой степени довѣріе его, удобнѣе мнѣ будетъ тамъ заставить его съ признательностію согласиться на все то, что отъ Вашего Сіятельства предложено будетъ. Онъ конечно и безъ меня согласится на все тамъ, но причиною таковаго согласія будетъ единая сила, коею увидитъ онъ окруженнымъ Ваше Сіятельство; трудно же будетъ весьма проникнуть, отъ того ли проистекаетъ его согласіе или оное есть чистосердечное? а не удостовѣрясь въ семъ, можетъ послѣ послѣдовать разстройство по всѣмъ частямъ.

№ 325. 4. Получ. 24 ноября 1808 г.

Милостивый Государь мой

Графъ Александръ Николаевичъ!

Изъ прежней переписки предмѣстника моего съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, равно какъ и моей съ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ, извѣстно, я чаю, Вашему Сіятельству, что нѣкто Солейманъ-Ага Иликъ-Оглу, товарищъ бывшаго Аяна Мичинскаго, чрезъ посредство князя Ипсиланта и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина предлагалъ услуги свои арміи россійской и обѣщалъ сдѣлать въ пользу ея диверсію на правой сторонѣ Дуная противу войскъ турецкихъ, по каковымъ обнадеживаніямъ обоихъ сихъ турецкихъ начальниковъ дано было имъ въ различныя времена до 21,000 червонныхъ, хотя всего войска подъ начальствомъ ихъ было тогда не болѣе 4,000 человѣкъ, а притомъ отпущено было не малое количество хлѣба изъ числа взятаго отъ Турковъ въ Галацахъ, изъ коего знатная часть передана ими была начальнику Измаильской крѣпости Пеливанъ-Пашѣ, который послѣ прекращенія въ прошломъ году военныхъ дѣйствій, чиновникамъ нашимъ признавался, что безъ того хлѣба онъ, по совершенному въ ономъ для гарнизона недостатку, крѣпости бы держать не могъ.

Сего же ноября 9-го дня получилъ я прилагаемое здѣсь въ копіи подъ литерою А донесеніе коллежскаго совѣтника Кирико о прибытіи въ Букарештъ посланнаго отъ того же самаго Иликъ-Оглу съ письмами ко мнѣ и къ генералъ-лейтенанту Милорадовичу, Захарія Ефенди и съ словеснымъ порученіемъ предложить услуги того турецкаго начальника въ пользу Россійско-Императорской арміи. Въ слѣдъ за тѣмъ получилъ я другое донесеніе г. Кирико съ

переводомъ письма Иликъ-Оглу къ господину Милорадовичу; бумаги сіи слѣдуютъ здѣсь подъ литерами B и C. Наконецъ по прибытіи моемъ въ Букарештъ явился ко мнѣ помянутый посланный и подалъ мнѣ прилагаемое при семъ въ переводѣ подъ литер. D письмо начальника своего. При семъ случаѣ изъяснилъ онъ мнѣ словесныя порученія Иликъ-Оглу, содержаніе коихъ, купно съ отзывами моими, изволите найти въ приобщаемой тутъ подъ литерою E запискѣ, въ коей описанъ весь мой съ нимъ разговоръ.

Хотя я съ одной стороны, по прошлогоднему опыту, полагать долженъ, что Иликъ-Оглу, надѣясь найти прежнюю къ нему довѣренность, предлагаетъ сдѣлать диверсію въ пользу нашу въ томъ предположеніи, что обрѣтетъ таковую же готовность въ дачѣ ему знатныхъ денежныхъ суммъ, но съ другой не почелъ я приличнымъ ему рѣшительно отказать въ предложеніи его, дабы тѣмъ не преставать питать внутреннія смятенія, имперію турецкую раздирающія, которыя во всѣхъ случаяхъ намъ благопріятствуютъ: и для того призналъ я обстоятельствамъ наиболѣе соотвѣтствующимъ отклонить на первый только случай услугу его по причинѣ предпріемлемаго вступленія нами въ негоціаціи съ Портою, обнадежа его при томъ въ высокомъ покровительствѣ Государя Императора, когда услуги его на самомъ дѣлѣ соотвѣтствовать будутъ его обѣщаніямъ. Но что касается до убѣжища, котораго въ случаѣ побѣжденія его войсками Мустафы-Паши, Иликъ-Оглу испрашиваетъ для себя и приверженныхъ ему до 150 человѣкъ, то въ томъ не могъ я ему отказать, предполагая однако же вовсе не обнаруживать явнаго покровительства ему даруемаго, а позволить ему непримѣтнымъ образомъ пройти позади арміи мною предводительствуемой даже къ Днѣстру, отъ чего дурныхъ послѣдствій ожидать не можно, поелику всякому изгнанному и преслѣдуемому позволено искать убѣжища въ сосѣднемъ государствѣ.

Означенному посланному позволилъ я по просьбѣ его съѣздить въ Браиловъ для свиданія съ тамошнимъ Назыремъ; и какъ онъ отъ туда прямо чрезъ Дунай переѣхать не можетъ, не подвергаясь явной опасности, то возвратится паки сюда и отправится опять чрезъ Виддинъ къ Иликъ-Оглу.

Въ отвѣтномъ письмѣ моемъ къ нему, прилагаемомъ здѣсь въ копіи подъ литерой F не упомянулъ я вовсе о предложеніи его, а заключилъ оное въ однихъ только учтивостяхъ.

Прилагаю здѣсь также по № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 копіи и выписки изъ послѣднихъ политическихъ извѣстій, мною полученныхъ,

въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ до меня дошли [1]). Вы найдете, что уже отъ многихъ сторонъ пишутъ о неудовольствіяхъ, возникшихъ между разными вельможами и начальниками турецкими противъ верьховнаго визиря Мустафы-Паши, въ разсужденіи тиранническаго его правленія и новыхъ учрежденій, имъ вводимыхъ, и что опасаются паки новыхъ возмущеній и бунтовъ. Усиленіе Вехабитовъ въ Аравіи и малой Азіи, особливо же въ Дамаскѣ и окрестностяхъ безпокоятъ и тревожатъ Мустафу-Пашу въ самой столицѣ; для чего и старается онъ содержать въ окрестностяхъ оной знатное число войска. Въ сообщаемыхъ здѣсь бумагахъ изволите также найти извѣстіе, будто вышеупомянутый Иликъ-Оглу отправился съ войскомъ изъ Софіи въ Адріанополь на помощь бунтующимъ яко бы тамъ противу новыхъ учрежденій визиря Туркамъ; но извѣстіе сіе требуетъ сильнаго подтвержденія. Иностранныя новости приобщаю здѣсь единственно для того, дабы Вы могли усмотрѣть, въ какомъ онѣ видѣ до насъ изъ Вѣны доходятъ.

Отправленный мною 22-го минувшаго октября въ Константинополь съ извѣстнымъ Вашему Сіятельству письмомъ къ верьховному визирю капитанъ Краснокутскій, доселѣ еще не возвратился, и я не знаю, чему приписать столь долговременное его задержаніе; однако же надѣюсь, что онъ на сихъ дняхъ прибудетъ.

Сего ноября 13-го дня получилъ я, съ возвратившимся изъ Вѣны курьеромъ моимъ, депеши князя Александра Борисовича Куракина, коими онъ совершенно опровергаетъ полученныя мною изъ Константинополя извѣстія о союзномъ договорѣ, который будто долженствовалъ заключиться между Австріею и Портою ко взаимной защитѣ, цѣлости и неприкосновенности ихъ владѣній, и даетъ мнѣ самое твердое удостовѣреніе, что Дворъ Австрійскій ни въ какомъ случаѣ въ дѣла наши съ Портою вмѣшиваться не будетъ, но напротивъ рѣшительно расположенъ соблюсти строжайшій неутралитетъ, какой бы оборотъ дѣла не взяли. Почему я съ сей стороны и остаюсь теперь спокойнымъ.

Съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Князь А. Прозоровскій.

№ 1559.
Въ благополучномъ городѣ Букарештѣ, Ноября 15-го дня 1808-го года.

---

[1]) Приложенія не важны и потому опущены.

№ 333. 5. Получ. 9 декабря 1808 г.

Милостивый Государь мой
Графъ Александръ Николаевичъ!

Имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Сіятельству подъ литерами A, B, C, D, E, F, G и H копіи съ полученныхъ мною сего ноября 27-го дня донесеній г. д. с. с. Родофиникина отъ 9-го, 21-го и 22-го ноября со всѣми къ онымъ приложеніями.

Въ числѣ сихъ послѣднихъ изволите также найти переводъ письма Чернаго Георгія ко мнѣ, въ которомъ онъ между прочимъ проситъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества какъ его, такъ и всю націю сербскую, за присылку къ нимъ шести пушекъ со всѣми принадлежностями, разнаго рода оружія, пороха, свинца и ядеръ. По чему и прошу покорнѣйше доложить о томъ Государю Императору и при томъ отъ имени моего всеподданнѣйше донести Его Величеству, что послѣдній отправленный къ Сербамъ транспортъ, состоящій изъ 2000 ружей, до нихъ еще не достигъ.

Я не согласенъ съ мнѣніемъ г. Родофиникина, что бы опредѣленіе къ Сербамъ россійскихъ унтеръ-офицеровъ для ихъ обученія и образованія въ нѣкоторую регулярность было безполезно, а напротивъ признаю, что сіе будетъ даже нужно; но конечно теперь еще не настало къ тому время, доколѣ дѣла не пріймутъ рѣшительнаго оборота и не постановится основаніе къ твердому на будущее время правленію Сербіи.

Прочія распоряженія г. Родофиникина я въ полной мѣрѣ одобряю.

Съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ и преданостію имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Князь А. Прозоровскій.

№ 1607.
Въ благопоучномъ
городѣ Букарештѣ
ноября 29 дня
1808 года.

ad № 333 A.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда, отъ 9 ноября 1808 г.

Въ Ниссѣ находилось нѣсколько пандуровъ изъ христіанъ, коихъ обязанность была ловить разбойниковъ по лѣсамъ и дорогамъ; въ недавнемъ времени Паша приказалъ: удовлетворивъ ихъ жало-

ваньемъ распустить. Пандуры, огорчившись симъ, взяли женъ, дѣтей своихъ и скотъ, и пустились ночью въ путь къ сербскимъ предѣламъ, на другой день ихъ бѣгства Паша поѣхалъ на охоту и, случайно наѣхавъ на нихъ, хотѣлъ возвратить вспять, но они вооруженною рукой тому воспротивились и вошли въ сербскіе предѣлы, убивъ шесть Турковъ изъ пашинской свиты и его лошадь.

Изъ Вельковой команды опять пустились грабить. Въ виддинскомъ пашалыкѣ взяли тридцать два вола и пять селянъ: повелѣнія посланы уже чтобы все то возвратить немедленно. О чемъ долгомъ поставляю донести Вашему Сіятельству.

ad № 338. В.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина, къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 9 ноября 1808 г.

Извѣстный семлинскій Милошъ переѣхалъ сюда на прошедшихъ дняхъ по пашпорту и присталъ на квартирѣ у Младена; предметъ его пріѣзда, по его словамъ, состоитъ въ томъ, чтобъ пасть къ ногамъ Чернаго Георгія и другихъ поглаварей и просить пособія: ибо онъ, служа Сербамъ, разорился, все свое имѣніе издержалъ на подарки австрійскимъ чиновникамъ, дабы не препятствовали ему въ доставленіи Сербамъ пороха, олова и другихъ вещей; претензія его не менѣе ста тысячъ піастровъ, не за товары Сербамъ проданные, за которые получилъ можно сказать тройной платежъ, но за свои издержки. Младенъ находитъ его претензію основательною, другіе жъ совѣтники противнаго мнѣнія, совсѣмъ тѣмъ вѣрить должно, что мнѣніе послѣдняго будетъ имѣть перевѣсъ; сей Милошъ былъ у меня съ увѣреніями преданности и любви его къ Сербамъ, съ прошеніемъ, чтобъ и я подкрѣпилъ его претензію. Я не могъ не примѣтить ему мое удивленіе, что такъ поздно вздумалъ онъ просить пособія отъ Сербовъ, ибо болѣе году, какъ онъ ращеты свои съ нимъ кончилъ; относительно же до преданности его не могъ я равномѣрно воздержаться, чтобъ не сказать ему, что оная доказана интригами его къ склоненію Сербовъ, предаться Австрійцамъ совершенно противу воли австрійскаго двора, но на сіе онъ отозвался, что сами поглавари сербскіе, а не онъ, въ томъ интриговали, но теперь принужденъ онъ молчать: относительно же до своей претензіи онъ будто бы неоднократно имъ напоминалъ, но они приглашали его имѣть терпѣніе.

Я думаю, что если не имѣетъ сей Милошъ другихъ порученій

интриговать, то по крайней мѣрѣ главный предметъ его пріѣзда есть тотъ, чтобъ узнать причину двухъ моихъ путешествій въ Поречь и въ Тополе, кои продолжались болѣе обыкновенныхъ отсутствій изъ Бѣлграда, какъ равно проникнуть, съ чѣмъ пріѣзжали два послѣдніе курьера.

Чтобъ избавиться отъ Милоша, потребно присутствіе Чернаго Георгія. Сему я писалъ по возвращеніи моемъ изъ его деревни пріѣхать сюда для переговора по многимъ нужнымъ дѣламъ. Онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что теперь принялся строить новую тюрму на мѣсто погорѣвшей недавно, а по окончаніи строенія послѣ архангелова дни, то есть послѣ 8-го ноября пріѣдетъ сюда непремѣнно; и такъ я его ожидаю завтра или послѣ завтра; что далѣе откроется, не премину донести Вашему Сіятельству. Я принялъ по колику возможно, нужныя мѣры, дабы быть въ извѣстности о происходящемъ, ибо на откровенность поглаварей по опытамъ мало полагаться я долженъ: и клятву и присягу, а кольми паче увѣренія, они во зло смѣло и не краснѣя употребляютъ, такъ что часто могутъ вывести изъ терпѣнія самаго хладнокровнаго человѣка.

Послѣднимъ своимъ письмомъ Черный Георгій проситъ меня исходатайствовать у Вашего Сіятельства о присылкѣ сюда нѣсколько унтеръ-офицеровъ учить полкъ, который онъ желалъ бы вооружить присылаемыми ружьями со штыками; будучи увѣренъ я, что во время военное унтеръ-офицеры болѣе нужны полкамъ, при коихъ состоятъ, нежели Сербамъ, а сихъ ежели начать учить, то отъ стараго отстанутъ, а новаго не выучатся въ скорости, и такъ будутъ хуже прежняго; не премину въ свое время дать отвѣтъ Черному Георгію, что соизволенія на то отъ Вашего Сіятельства не послѣдовало, дабы не встревожить Турковъ, отъ коихъ таковая присылка не могла бы сокрыться.

Въ протчемъ естли бы здѣшніе господа имѣли волю и волю твердую и благодѣтельную для своего отечества, весьма легко могли бы формировать регулярной полкъ и имѣть офицеровъ изъ Сербовъ же бывшихъ въ австрійской службѣ.

Какъ узнаю побочно, Младенъ послалъ вербовать нѣсколько сотъ человѣкъ, чтобы составить охранительную стражу для совѣта, то есть для себя, но я сомнѣваюсь, чтобъ онъ въ семъ наборѣ имѣлъ успѣхъ.

ad № 333. C.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 21 ноября 1808 г.

Черногорскій емиссаръ слѣпой Георгій еще въ Сербіи, по случаю постигшей его болѣзни. Предметъ его отправленія сюда отъ митрополита черногорскаго не былъ другой, какъ токмо узнать, въ какомъ положеніи Сербы, довольны ли они Россіею и моимъ здѣсь пребываніемъ?

Отъ епископа Венедикта, отправившагося отъ сюда въ Далмацію, получилъ я письмо, коимъ увѣдомляетъ меня, что Французское тамъ начальство приняло его весьма благосклонно.

Визирь Нисской на сихъ дняхъ отправляется въ Софію; о причинѣ сего отъѣзда не могли меня увѣдомить положительно, токмо что узнаю, не премину донести Вашему Сіятельству.

Турки вездѣ по границамъ съ Сербіею стоятъ спокойно, и движеній никакихъ не примѣчено.

ad № 333. D.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 21 ноября 1808 г.

Сего ноября отъ 10 числа я имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству, что я ожидалъ со дня на день Чернаго Георгія; въ тотъ же день послѣ отъѣзда курьера моего получилъ я подносимое при семъ съ переводомъ письмо, коимъ увѣдомлялъ меня, что мастера еще дѣла не кончили, и не можетъ ихъ однихъ оставить, и что въ началѣ поста непремѣнно пріѣдетъ; третьяго дня наконецъ пріѣхалъ сюда; переговоры наши имѣли слѣдствіемъ изгнаніе отсюда семлинскаго Милоша безъ всякаго удовлетворенія пустыхъ его требованій, утвержденіе назначенныхъ мною депутатовъ на случай естли оные потребуются отъ Вашего Сіятельства, отправленіе найстрожайшихъ повелѣній повсюду, чтобы воздержались отъ всякихъ грабежей по границамъ, и наконецъ утвержденіе подносимаго при семъ съ переводомъ письма къ Вашему Сіятельству въ отвѣтъ на писанное ему относительно до Велькы; по окончаніи всего сего, отправился онъ обратно въ свою деревню сего дня по утру.

Изъ письма Чернаго Георгія ко мнѣ Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите благодареніе за чай и протчее; опасаясь чтобы не показалось чуднымъ, что я ввожу здѣсь новыя нужды и прихоти, о коихъ до сего и понятія не имѣли, я долженъ донести причину

къ тому меня побудившую; хотя по личнымъ моимъ представленіямъ Черному Георгію и по внушеніямъ, чрезъ секретаря его чинимымъ, я успѣлъ отъучить его отъ чрезмѣрнаго питья, совсѣмъ тѣмъ не могъ онъ быть по утру, не выпивши, проснувшись, нѣсколько рюмокъ водки, желая поколику возможно навыкнуть его къ трезвенной жизни, научилъ его пить чай по утрамъ, и какъ слышу теперь до обѣда ничего крѣпкаго не употребляетъ, что не можетъ не быть полезно для дѣлъ вообще.

ad № 333. E.

Копія съ перевода письма Чернаго Георгія къ дѣйств. ст. сов. Редефинкину.

Имѣю высокую честь Вамъ кланяться и увѣдомить, что я Ваше почтенное письмо получилъ исправно и въ цѣлости всѣ вещи присланные въ сундукѣ, понялъ я писанное намъ, какъ должно дѣлать чай и пить, за что Васъ весьма благодарю и въ отеческую любовь принимаю, равномѣрно увѣдомляю Васъ, что я не могъ пріѣхать къ Вамъ въ назначенное время, послѣ с. архангела, по причинѣ, что не могъ мастеровъ однихъ оставить, а другое женилъ своего племяника, теперь, только что постъ настанетъ, пріѣду къ Вамъ или тайно или явно хотя на легкѣ, и, когда къ Вамъ пріѣду, скажу за все, что меня задержало.

ad № 333. F.

Копія съ перевода письма Чернаго Георгія къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому.

Высокопочтенное письмо Вашего Сіятельства отъ 3 числа августа мѣсяца я имѣлъ честь получить въ свое время. Чувствуя въ полной мѣрѣ важность преподаваемыхъ въ ономъ мнѣ наставленій, я бы тогда же поспѣшилъ выполнить предписываемое, но стеченіе обстоятельствъ и положеніе нашихъ дѣлъ представляли немалую препону: нынѣ же все устроено. Воеводѣ Вельку предписано отъ меня пріѣхать въ Бѣлградъ, какъ равно другимъ воеводамъ предписано найстрожайше не подавать Туркамъ ни малѣйшей причины къ жалобамъ, и я увѣренъ, что повелѣнія мои выполнены будутъ съ точностію.

На сихъ дняхъ прибылъ благополучно сюда транспортъ пушекъ и другаго оружія, какъ равно пороха, олова и ядеръ. Принося найживѣйшую мою благодарность за исходатайствованіе намъ сей ми-

лости, прошу повергнуть меня и всю мою націю къ стопамъ Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго нашего покровителя, коего священное имя будетъ неизгладимо въ сердцахъ сербскихъ, доколѣ сія нація существовать будетъ.

ad № 333. G.

Копія съ донесенія дѣйств. ст. сов. Родофиникина къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому изъ Бѣлграда отъ 22 ноября 1808 г.

Сего дня получено въ Совѣтъ здѣшній письмо отъ Моллы Паши виддинскаго въ отвѣтъ на писанное ему въ слѣдствіе переговоровъ, которые мы имѣли въ селѣ Голубинѣ съ архиереемъ виддинскимъ; я спѣшу означенное письмо съ переводомъ при семъ на усмотрѣтрѣніе Вашего Сіятельства представить и притомъ донести, что на оное отъ сюда не будетъ дано никакого отвѣта, ибо въ писанномъ къ Моллы Пашѣ отъ совѣта сербскаго изложено было окончательное мнѣніе здѣшняго народа.

ad № 333. H.

Копія съ перевода письма виддинскаго Моллы Паши въ совѣтъ народа сербскаго.

Почтенные, благопотребные и на всегда пріятели наши усердные, возставшаго народа главнѣйшіе управители, поздравляемъ Васъ пріятельски и желаю Вамъ добрый конецъ.

Мы полагаясь на Ваше пріятельство, которое Вы оказали на свиданіи, извѣщаемъ Васъ, что мы въ добромъ здоровьи, и спрашиваемъ: какъ Вы находитесь въ вашемъ? Извѣщаемъ Васъ дружески, что посланное отъ имени всѣхъ Васъ письмо мы получили и смыслъ онаго поняли, видѣли также, что Вы удостоились прощенія Высочайшаго нашего правительства, но чтобъ положить конецъ огорчительнымъ рѣчамъ, Вы искали покровительство и ручательство Россіи и Франціи, дабы обезпечить имѣніе Ваше и существованіе; однако высокой Довлетъ, будучи одинъ Довлетъ высочайшій сильнѣйшій и отъ всѣхъ царей на свѣтѣ величайшій, стыдно и непристойно представлять ему слово ручательство, и для того теперь нужно намъ только исходатайствовать съ покорностію отъ высокаго и священнаго Довлета, премилостивое прощеніе Вамъ, и посмотримъ, естьли будетъ способное время предложить рѣчь и ручательство. Ибо и въ прошедшемъ году, когда Вы припали и прибѣ-

гли къ спасительному покровительству высочайшаго Довлета и были отринуты безуспѣшно, открывается, что то произошло по причинѣ введенія въ Вашемъ нижайшемъ письмѣ слово ручательство; извѣстно есть всѣмъ, что никто не слыхалъ никогда, чтобъ высокой Довлетъ не держалъ своего слова, да и впередъ то дѣлать не будетъ. Послѣ всего сего теперь сдѣлаемъ попытку, ходатайствуючи у высочайшаго и священнѣйшаго Довлета о прощеніи Васъ, и когда увидимъ, что онъ по крайней своей милости и благоутробію наклоненъ Васъ простить, тогда опять напишите одно смиреннѣйшее и нижайшее письмо и въ ономъ упомяните и о ручательствѣ. Сіе средство есть прямое и пристойное, а по тому, чтобъ показать Вамъ сіе и съ помощію Божіею, какіе произойдутъ разговоры впредь по сему подвигу, не премину опять Васъ увѣдомить.

XII.

Депеши товарища министра иностранныхъ дѣлъ графа А. Н. Салтыкова къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому.

1809.

№ 6. 1. Апробованъ 16 янв. 1809.

Проектъ депеши отъ товарища министра иностр. дѣлъ къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому.

Неустройства вновь возникшія между Сербами и крайнее недовѣріе ихъ къ дѣйств. ст. сов. Родофиникину, намъ явствуетъ изъ депеши Вашего Сіятельства № 1, обратили на себя особенное вниманіе Его Величества. Между распоряженіями учиненными Вашимъ Сіятельствомъ по сему случаю и которыя въ полной мѣрѣ одобрены Его Величествомъ, Государь Императоръ признавать изволитъ отправленіе сербскихъ депутатовъ въ С.-Петербургъ мѣрою, могущей успокоить сей народъ, уничтоживъ не основательное опасеніе, которое, какъ кажется, тревожитъ оный, якобы Россія отвергаетъ Сербовъ отъ своего покровительства. Его Величеству весьма пріятно было бы, если бы Ваше Сіятельство, по благоусмотрѣнію Вашему, употребили бы извѣстные Вамъ способы на тотъ конецъ, дабы не разспространилось столь вредное для пользъ нашихъ мнѣніе, которое хотя и опровергается опытами, но можетъ произвесть въ грубомъ

и легковѣрномъ народѣ колебаніе, естьли не будетъ предупреждено благовременными внушеніями.

Впрочемъ я полагаю, что Ваше Сіятельство уже получили отношеніе мое отъ 8-го декабря въ отвѣтъ на почтеннѣйшее отношеніе Ваше отъ 14-го ноября—№ 1,558, посланное чрезъ курьера отправленнаго отъ министра военныхъ сухопутныхъ силъ 11-го декабря. Изъ онаго Вы, Милостивый Государь, изволили усмотрѣть нѣкоторыя черты образа мыслей Его Величества и предварительныя разрѣшенія сербскаго народа, и мнѣ остается только сослаться на помянутую депешу, въ ожиданіи дальнѣйшихъ замѣчаній и мнѣнія Вашего Сіятельства на оную, сходно съ Высочайшею волею Его Величества.

19 генваря 1809 г. подписано и отправлено того же числа съ фельдегеремъ Колеговымъ.

№ 20. 2. Апробованъ 1 февр. 1809.

Проектъ отношенія товарища министра иностр. дѣлъ графа Салтыкова къ генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому.

По прочтеніи почтеннѣйшаго отношенія Вашего Сіятельства, 16-го сего генваря № 10, съ особеннымъ вниманіемъ, Его Величеству весьма пріятно было видѣть, что сербскіе депутаты при единственномъ воззрѣніи на Вашу особу и послѣ краткой съ Вами бесѣды, возвратили Вашему Сіятельству довѣренность, которая по мнѣнію Вашему будто бы уменьшилась къ Вамъ съ нѣкотораго времени. Государь Императоръ совершенно увѣренъ, что личное уваженіе ихъ къ особѣ Вашей и благосиленный приемъ отъ Васъ имъ оказанный произвели въ нихъ сію перемѣну, и полагать изволитъ, что чистосердечное и простое обхожденіе съ Сербами, можетъ до нѣкоторой степени вразумить сей грубый и необразованный народъ, но заслуживающій уваженіе своею твердостію, равно какъ и полезнымъ соотношеніемъ онаго съ Россіею. Я уже имѣлъ честь сообщить Вашему Сіятельству отношеніемъ моимъ отъ 23 сего генваря, что Государь Императоръ признавать изволитъ отправленіе сербскихъ депутатовъ сюда мѣрою могущею успокоить ихъ на щетъ возродившейся обоюдной недовѣрчивости; нынѣ же на предложеніе, сдѣланное имъ отъ Вашего Сіятельства, не предпринимать напрасно столь дальняго путешествія, они изъявили свое согласіе, въ чемъ Его Величество совершенно полагается на Ваше благоусмотрѣніе, желая только, чтобы Вы, Милостивый Государь, узнали въ точности, въ чемъ состоятъ

ихъ нужды, и не находя также никакого препятствія, чтобы сербскіе депутаты, въ случаѣ ихъ домогательства отправлены были въ С.-Петербургъ, въ удовлетвореніе прозьбы Чернаго Георгія.

Касательно гарантіи Франціи совокупно съ Россіею, которую желаютъ Сербы включить, для вящшаго обезпеченія своей независимости, въ условія мирнаго трактата, Его Величество разсуждаетъ, что теперь не настоитъ еще надобности дѣлать о томъ предложенія Императору Наполеону, поелику все сіе зависитъ отъ предварительнаго соглашенія обоюдныхъ полномочныхъ на конгрессѣ; да и тогда едва ли сопряжено будетъ съ выгодами Россіи раздѣлить посредничество съ Франціей, которая естественнымъ образомъ не упустить привлечь къ себѣ часть вліянія, приобрѣтеннаго Россіею между сербскимъ народомъ. Но буде въ семъ дѣйствительно состоитъ желаніе сербскихъ начальниковъ и всего народа, Государь Императоръ не откажетъ своего согласія исходатайствовать гарантію Франціи.

Ваше Сіятельство изволили еще испрашивать Высочайшихъ разрѣшеній касательно трудности встрѣчаемой Вами въ соглашеніи существенныхъ пользъ Сербіи и нашего тамъ вліянія, съ надобностію отклонить отъ насъ подозрѣніе въ томъ, что Россія домогается утвердить власть свою на правомъ берегу Дуная, и заключать изволите предположеніемъ, что развѣ должно будетъ пожертвовать Сербами и противъ ихъ желанія дѣлать постановленія, дабы избавиться подозрѣнія. Я долгомъ почитаю сообщить Вамъ, Милостивой Государь, разсужденія, учиненныя по сему предмету Его Величествомъ, что подозрѣніе само собою должно прекратиться, коль скоро Россія, не мѣшаясь непосредственно во внутренній распорядокъ Сербіи, и отрекаясь отъ власти ей не свойственной и даже тягостной, будетъ довольствоваться тою властію, каковая добровольно приобрѣтается оказаніемъ помощи, покровительства, взаимною довѣрчивостью, и чтобы никакая другая держава, ни подъ какимъ предлогомъ, въ дѣла ея не имѣла права, ни смѣла мѣшаться. По предмету сему предоставляю я себѣ пространнѣе къ Вашему Сіятельству писать изъ Петербурга.

Касательно вѣнскаго Двора, остаюсь я въ полномъ удостовѣреніи что со стороны онаго не имѣемъ причины опасаться никакихъ препонъ въ предпріятіяхъ нашихъ противъ Турокъ. О настоящемъ положеніи вѣнскаго двора буду я имѣть честь говорить Вашему Сіятельству въ особой депешѣ.

Когда г. Латуръ Мобургъ относился съ нѣкоторою жалобою къ Вашему Сіятельству, что онъ не былъ употребленъ по послѣднимъ сношеніямъ Вашимъ съ турецкимъ министерствомъ, тогда дѣйствительно неизвѣстно еще ему было учиненное соглашеніе между двухъ Императоровъ, что дѣла наши съ Турками будемъ мы учреждать безъ посредничества Франціи. Къ нему о томъ было однакоже писано, и въ послѣднихъ своихъ депешахъ къ министерству, которыя мнѣ сообщены были въ оригиналѣ, онъ доносилъ, что предписанія сіи имъ получены, и что онъ весьма сожалѣетъ, что они дошли до него поздно. Я съ своей стороны не могу довольно похвалить отвѣтъ, который Ваше Сіятельство ему сдѣлали на его къ Вамъ отношеніе.

Что касается до барона Гибша, то я давно того мнѣнія, что онъ, какъ Вы и сами изволите отзываться, тѣломъ и душой преданъ Франціи. Я прошу Ваше Сіятельство для того только иногда писать къ нему, чтобы тѣмъ дать поводъ ему продолжать переписку, изъ которой иногда скорѣе, нежели изъ другихъ источниковъ получить можно нѣкоторыя свѣдѣнія; впрочемъ же собственныя его разсужденія, замѣчанія и совѣты не заслуживаютъ конечно ни малѣйшаго уваженія.

Первое мое попеченіе, по прибытіи въ Петербургъ, будетъ то, чтобы возобновить съ Вами, М. Г., частую переписку и сообщать Вамъ безъ отлагательства извѣстія о всѣхъ политическихъ происшествіяхъ, что почитаю весьма нужнымъ для соображеній Вашихъ.

Впрочемъ пребываю и пр.

Подписано и отправлено съ флигель-адъютантомъ Его Величества полковникомъ Ставицкимъ, 5 февр. 1809.

№ 55. 3.

Я подносилъ на усмотрѣніе Государя Императора почтеннѣйшее отношеніе ко мнѣ Вашего Сіятельства отъ 30 апрѣля касательно Сербіи. Его Величество весьма изволилъ одобрить что Ваше Сіятельство еще изволили къ Черни Георгію отправить ружей и 3000 червонныхъ, уважая и сдѣланное Вами, Милостивый Государь, замѣчаніе и что сей суммы не можетъ быть достаточно для вооруженія Сербовъ, Его Величество далъ повелѣніе государственному казначею объ отправленіи къ Вамъ еще 10,000 червонныхъ съ

тѣмъ, чтобы изъ оныхъ Вы, по мѣрѣ нужды и по усмотрѣнію Вашему, изволили доставить къ Сербамъ; когда же и сія сумма будетъ на исходѣ, чтобъ о томъ изволили увѣдомить, дабы тогда вновь можно было къ Вамъ доставить.

Извѣщая о томъ и Васъ М. Г. имѣю честь быть...

12 мая 1809.

Отправлено 20 мая съ генералъ-адъютантомъ кн. Трубецкимъ.

XIII.

Письма фельдмаршала князя Прозоровскаго къ русскому посланнику въ Вѣнѣ, а послѣ въ Парижѣ, князю А. Б. Куракину.

1808—1809.

№ 34[b] (с). 1.

Милостивый Государь мой

Князь Александръ Борисовичъ!

Августа $^{14}/_{26}$ дня имѣлъ я честь получить чрезъ возвращающагося изъ Вѣны ко мнѣ фельдъегера Бруннера всѣ почтеннѣйшія отношенія Вашего Сіятельства отъ $^{5}/_{17}$ августа.

Весьма утѣшительно для меня, что Вамъ, Милостивый Государь мой, пріятно было видѣть изъ сообщенныхъ мною Вамъ бумагъ всѣ происшествія касательно новой константинопольской революціи и настоящее положеніе дѣлъ нашихъ съ Портою. Я долженъ однакоже возразить Вамъ на сдѣланное Вами выгодное замѣчаніе на счетъ адъютантовъ моихъ, что они никогда въ канцеляріяхъ моихъ къ письмоводству не употребляются, а когда получаютъ отъ меня какое-либо порученіе, тогда даю я имъ наставленія къ ихъ руководству, да и то большею частію словесныя, а въ рѣдкихъ случаяхъ письменныя.

Легко статся можетъ, что я и ошибся въ заключеніи моемъ относительно подспуднаго и не безпосредственнаго вліянія австрійскаго министерства на разговоры Манукъ-Бея въ разсужденіи постановленія рѣки Дуная границею между Россіею и Турціею, что только съ большею удобностію случиться могло, что видя разныя

дѣлаемыя въ австрійскихъ владѣніяхъ приготовленія къ войнѣ и читая различныя на счетъ сей вѣсти въ публичныхъ вѣдомостяхъ, оставался я въ совершенномъ невѣденіи о дѣйствительвыхъ расположеніяхъ, намѣреніяхъ и видахъ вѣнскаго кабинета относительно Россіи, Франціи и Порты; почему самому и не могъ я основывать сужденій моихъ на иномъ чемъ, какъ на свѣдѣніяхъ до меня доходящихъ. И такъ соображая сіи послѣднія съ покушеніями Австрійцевъ на Сербію, со связями дружественными, между Турками и Австрійцами существующими, и съ частыми тайными конференціями между интернунціемъ и министерствомъ Порты, не могъ я естественно дѣлать другихъ заключеній, кромѣ тѣхъ, которыхъ имѣлъ я честь въ свое время сообщить Вашему Сіятельству. Но какъ бы то ни было, я совершенно удостовѣренъ, что дворъ австрійскій ни подъ какимъ видомъ не будетъ равнодушно взирать на то, если сіи княжества при заключеніи мира останутся на всегда за Россіею. Пристрастіе австрійскаго двора въ пользу Порты обнаруживается также отзывомъ Вамъ сдѣланнымъ отъ графа Стадіона на представленіе Ваше относительно продажи Австрійцами Туркамъ судовъ. Ибо не оспоривая ни мало, что горшки и кувшины могутъ быть предметами обыкновенной торговли, весьма ясно однакоже открывается даже изъ самой неловкости отвѣта министра иностранныхъ дѣлъ, не упоминая о прочихъ весьма сильныхъ доказательствахъ, что тотъ грузъ служилъ единственно предлогомъ къ доставленію Туркамъ судовъ и лѣса; хотя же сіи послѣдніе и не суть настоящіе военные припасы, тѣмъ не менѣе однако могутъ суда быть вооружены и употреблены тѣмъ или инымъ способомъ противу насъ. Въ прочемъ Ваше Сіятельство можете совершенно быть удостовѣрены, что сообщенныя мнѣ отъ Васъ извѣстія и замѣчанія на счетъ оборонительныхъ мѣръ, австрійскимъ дворомъ пріемлемыхъ, и опасенія, въ которомъ онъ находится отъ могущаго послѣдовать на сію Державу нападенія, останутся для единственнаго только моего свѣдѣнія и конечно разглашиваемы не будутъ.

Что касается до покровительства, даруемаго Австрійцами лазутчикамъ турецкимъ, и до частыхъ переговоровъ австрійскаго интернунція въ Цареградѣ съ министрами Порты, то сіи извѣстія сообщены были отъ меня Вашему Сіятельству, единственно для свѣдѣнія и соображеній Вашихъ при могущихъ встрѣтиться случаяхъ, а отнюдь не въ томъ предположеніи, дабы составить изъ нихъ предметъ официальной конференціи. Ибо я признаюсь Вамъ, Мило-

стивый Государь мой, что я опасаюсь, чтобы по первому предмету не былъ компрометированъ агентъ нашъ въ Сербіи г-нъ д. с. с. Родофиникинъ, или же по крайней мѣрѣ стараться будутъ отнимать у него способы обнаруживать таковые или подобные поступки Австрійцевъ, при томъ же какъ то, такъ и другое можетъ подать австрійскому министерству видъ, будто мы хотѣли вмѣшиваться во внутреннія ихъ распоряженія, простирать неправильныя къ нимъ претензіи и искать ссоры.

Благосклонное Вашего Сіятельства ко мнѣ расположеніе удостовѣряетъ меня заблаговременно, что Вы пріймите сіе мое разсужденіе не въ дурную сторону а какъ искренную дружескую откровенность, поставивъ себѣ на всегда правиломъ: сообщать Вамъ мысли мои во всемъ что до интересовъ Государя Императора и отечества нашего касается съ тѣмъ чистосердечіемъ, котораго истинная польза службы требуетъ. Ваше Сіятельство изволите найти и въ сообщенныхъ нынѣ Вамъ бумагахъ извѣстіе, что австрійскій интернунцій возобновилъ таки пресѣченныхъ было конференцій его и съ новымъ министерствомъ Порты, и что первому предлагаемо было просить Дворъ австрійскій о принятіи на себя посредничества между Россіею и Портою для заключенія окончательнаго мира, но что онъ обѣщалъ доставить рѣшительный отзывъ Двора своего въ двадцать пять дней. Я безсомнѣнно полагаю, что Ваше Сіятельство и прежде полученія сего моего отношенія о томъ извѣстны; а потому съ прибытіемъ перваго отъ Васъ курьера моего, надѣюсь получить увѣдомленіе Ваше объ отзывѣ вѣнскаго кабинета на таковое предложеніе Порты, хотя конечно съ большою вѣроятностію полагать можно, что Дворъ австрійскій уклонится отъ того, опасаясь принятіемъ того предложенія раздражить противу себя Императора Наполеона.

Хотя и получилъ я сейчасъ отъ визиря Мустафы-Паши отвѣтъ на письмо мое, сообщенное Вашему Сіятельству при депешахъ, съ флигель-адъютантомъ графомъ Крюсольдомъ отправленныхъ, но такъ какъ отвѣтъ присланъ безъ французскаго перевода, на что потребно время, то и не могу еще отвѣтить Вамъ о содержаніи онаго, дабы не задержать отправленія настоящаго курьера, а предпоставляю удовлетворить въ семъ случаѣ желанію Вашему съ первымъ курьеромъ, который послѣ сего отъ меня къ Вамъ отправленъ будетъ.

Сообщенная мнѣ отъ Вашего Сіятельства копія съ депеши барона Гибша отъ 31 іюля новаго стиля есть дупликатъ той же самой,

которую я имѣлъ честь препроводить къ Вамъ чрезъ посредство переводчика Кудрявскаго; для чего и не посылаю нынѣ къ Вамъ копію съ новой его депеши отъ 26 августа новаго стиля, поелику дупликатъ оной отправленъ имъ въ Вѣну. Между тѣмъ Ваше Сіятельство уже и изъ другихъ моихъ бумагъ удостовѣрились, что никакому сомнѣнію не подвержено, что Мустафа-Паша сдѣланъ верховнымъ визиремъ, хотя баронъ Гибшъ въ первой своей депешѣ и предполагалъ другое.

Я совершенно съ мыслями Вашего Сіятельства согласенъ, что въ настоящемъ положеніи дѣла никакъ ожидать нельзя, чтобы переговоры въ Парижѣ, которые однакоже не воспріяли еще своего начала, могли довести насъ къ достиженію цѣли нашей. При семъ случаѣ долженъ я принесть Вашему Сіятельству отъ искренности сердца чувствительнѣйшую мою благодарность и признательность, какъ за столь выгодныя и лестныя на счетъ мой заключенія, писанныя въ депешѣ Вашей, такъ и за пожеланіе мнѣ счастливыхъ на пользу отечества успѣховъ. Въ совершенную взаимность дружественной Вашей (довѣренности) ко мнѣ и для единственнаго только свѣдѣнія Вашего скажу Вамъ, Милостивый Государь мой, что тотчасъ по полученіи перваго извѣстія о революціи константинопольской всеподданнѣйше донесъ я Государю Императору о моихъ въ разсужденіи оной заключеніяхъ, и получилъ уже отъ Его Императорскаго Величества полное на всѣ могущія встрѣтиться обстоятельства разрѣшеніе. Но Ваше Сіятельство конечно согласитесь со мною въ томъ, что существенная польза Имперіи требуетъ, дабы мы во всѣхъ движеніяхъ нашихъ относительно Порты Оттоманской старались удаляться отъ всякой остуды между Россіею и Франціею, коея медіація торжественно нами принята; для чего и надлежитъ въ семъ случаѣ поступить съ крайней осторожностью. Коль же скоро приняты мною будутъ сообразно обстоятельствамъ какія-либо рѣшительныя мѣры, то въ тоже время не оставлю я объ оныхъ сообщить Вашему Сіятельству. Между тѣмъ однакоже повторяю еще и здѣсь убѣдительнѣйшую мою просьбу о сохраненіи сего въ самой строжайшей тайнѣ.

Дабы Ваше Сіятельство всегда были извѣстны о новѣйшихъ происшествіяхъ задунайскихъ, то имѣю честь препроводить при семъ подъ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 18 и 19 копіи и выписки изъ послѣднихъ свѣдѣній, къ тому относящихся, мною полученныхъ.

Изъ Сербіи неимѣю я никакихъ особенныхъ новостей; но всѣ получаемыя извѣстія соглашаются въ томъ, что войско турецкое находится собраннымъ въ Софіи и въ Ниссѣ, въ томъ предположеніи, дабы при первомъ удобномъ случаѣ учинить на Сербовъ нападеніе. Мнѣ весьма пріятно, что и Ваше Сіятельство поступки г-на Родофиникина въ разсужденіи арестованія Сербами австрійскихъ судовъ находите благоразумными и основательными; донесенія его ко мнѣ и отъ меня Вашему Сіятельству въ копіяхъ сообщенныя уже показали Вамъ, какимъ затрудненіямъ и даже невозможности подвержено удержаніе отъ своевольныхъ поступковъ Чернаго Георгія и главныхъ начальниковъ сербскихъ, бывшихъ сперва только разбойническими атаманами и не привыкшихъ ни къ какому устройству и порядку. Но впрочемъ изъ самихъ донесеній Константина Константиновича Ваше Сіятельство усмотрѣть изволили, что онъ, не взирая на старанія Чернаго Георгія оправдать войводу Вельку въ клеветахъ его на Муллу-Пашу виддинскаго, настаивалъ, дабы онъ былъ присланъ въ Бѣлградъ и арестованъ за тотъ ложный его поступокъ.

Пакетъ Вашего Сіятельства на имя г-на Родофиникина я нынѣ же къ нему отправляю.

Съ чувствованіемъ...

Вашего Сіятельства
покорный слуга
Князь А. Прозоровскій.

Въ лагерѣ при селеніи Коліани,
августа 24 / сентября 5 дня 1808 года.

№ 346 (b). 2.

Милостивый Государь мой
Князь Александръ Петровичъ! [1])

Съ возвращеніемъ.... (пропускъ).

Дѣла сербскія причинили мнѣ множество заботъ. Въ генварѣ мѣсяцѣ прибыли сюда три депутата сербскіе въ томъ предположеніи, чтобы ѣхать въ С.-Петербургъ и тамъ ходатайствовать о постановленіяхъ для опредѣленія будущаго ихъ жребія: но когда я

[1]) Шифрованное письмо.

показалъ имъ полномочіе, коимъ отъ Государя Императора я снабженъ, для рѣшенія всѣхъ съ Портою дѣлъ, то они отмѣнили прежнее свое намѣреніе и оставались объясненіями моими довольными, два отправились обратно, а одинъ Юговичь остался здѣсь. Сей послѣдній началъ потомъ предъявлять новыя требованія, состоящія въ слѣдующемъ: во первыхъ, что народъ ни подъ какимъ видомъ не соглашается признавать себя васаломъ Порты и платить ей дань, упираясь въ томъ на обѣщаніе покойнаго генерала Михельсона, который невѣдомо съ чего въ письмахъ къ Черному Георгію писалъ, что народу сербскому никогда не должно быть подданнымъ Порты и что ему постыдно платить дань Туркамъ; во вторыхъ составилъ планы о установленіи сербскаго царства ни отъ кого независимаго и о продолженіи вѣчной войны противъ Порты, въ совокупности съ окружающими ихъ единоплеменными народами, которыхъ противъ властей взбунтовать намѣреваются, безъ всякаго уваженія послѣдствій для нихъ самихъ и Россіи, яко покровительницы ихъ произойти долженствующихъ. Никакіе убѣжденія мои не могли переломить упорства его; наконецъ рѣшился я соображаясь съ Высочайшимъ повелѣніемъ, — дабы не показывать со стороны Россіи желанія присвоить подъ свою власть что либо на правой сторонѣ Дуная, — въ проектѣ прелиминарныхъ статей постановить для Сербовъ: совершенное забытіе всего прошедшаго, позволеніе учредить собственное внутреннее правительство и право оставатся въ полномъ и безпрепятственномъ владѣніи земель, городовъ и крѣпостей, Сербами нынѣ занимаемыхъ, оставленіе у нихъ всѣхъ христіянъ, изъ другихъ областей Порты во время войны къ нимъ пришедшихъ, обязанность въ возмездіе того платить Портѣ Оттоманской опредѣленную дань, къ сбору которой однако Порта не должна посылать къ нимъ ни военной экзекуціи, ни другихъ сборщиковъ, признаніе со стороны Порты гарантіи Россійскаго Императора во всѣхъ тѣхъ привилегіяхъ. Нѣсколько дней спустя Юговичь объявилъ что онъ, обдумавъ постановленіе мною для Сербіи дѣлаемое, находитъ оное выгоднымъ. Но вскорѣ послѣ того явились ко мнѣ новые депутаты изъ Сербіи, которые простерли вновь тѣже претензіи. Я рѣшился дать имъ письменное объясненіе, заключивъ оное однако тѣмъ, что какъ война въ теченіи марта кажется неминуема, то тѣмъ самымъ все разрѣшается, а будущаго послѣ войны положенія никто предузнать не можетъ.

Сербы воевать рады, а потому останутся на первый случай спокойными.

Возобновляю здѣсь искреннѣйшія увѣренія въ чувствованіяхъ совершеннаго почтенія и непоколебимой преданности, съ коимъ на всегда честь имѣю пребыть

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Князь А. Прозоровскій.

№ 215.
Въ благополучномъ городѣ Яссахъ,
марта 6 (18) 1809.

ad № 346 (a). E.

Copie d'une lettre de Boukarest du 7 février, v. s. 1806.

J'ai l'honneur de vous rapporter les details suivants, qui me paraissent mériter en quelque sorte Votre attention, eu égard à l'autenticité de leur source: des lettres de Belgrade marquent que les Serviens après avoir repoussé les Bosniaques, qui les avaient attaqué à plusieurs reprises, se voyent désormais tranquilles de ce côté là, surtout depuis que les Turcs de la Bosnie ont vu paroître vers leurs confins des armées conbinées franco-russes, que les ont tellement intimidés, qu'ils pensent dejà plutôt à leur propre sûreté et défense qu'à des poursuites ultérieures contre les Serviens, qu'ils se flattoient jusqu'ici de parvenir a se les soumettre par la force de leur armes. (Пропускъ).

Прилагаю къ этимъ офиціальнымъ документамъ нѣкоторые записки, касающіеся Сербіи, и хотя я ихъ нашолъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, но онѣ писаны частными лицами, что̀ видно уже изъ надписи картона (I. — 9. 1807—1813 № 9), въ которомъ онѣ хранятся: «географическія, историческія, статистическія и общія политическія свѣдѣнія о Сербіи».

1.

О пользѣ освобожденія Славянъ Россіею (Владиміра Богдановича) Броневскаго [1]).

Sa Majesté l'Empereur n'aura pas lu sans émotion la dernière adresse de la part des Serviens au général Michelson. En effet l'histoire ne nous offre rien de plus généreux que l'entière confiance avec laquelle ils se résignent aux volontés de l'Empereur, resolus d'attacher leurs destinées à celle de la Russie qu'ils regardent comme leur mère-patrie, en demandant en retour son soutien dans l'entreprise qu'ils méditent, de concert avec les Slaves du Banat et de la Syrmie — de s'affranchir du joug des Turcs et des Allemands.

La hardiesse de ce projet, qui au premier coup d'œil paroît être dicté par la passion, n'est pas choquant dans son ensemble, quand on l'examine de près, et presente des côtés très favorables à la Russie. Le continent de l'Europe, comme on l'a souvent observé, est partagé dans son état actuel entre deux races d'hommes bien distinctes: les Slaves et les Francs, toutes les autres étant assujetties ou prêtes à l'être, abstraction faite des Suèdois. La France est le grand centre qui réunit les Italiens, les Espagnols, les Bataves et les Germains. La Russie est le centre morale des Slaves, qui gémissant partout sous un joug étranger, poussent des soupirs étouffés par la crainte et n'attendent qu'un génie libérateur. En même tems la Russie trop faible vis-à-vis de la formidable confédération dominée par la France, demande à assurer son existence par une nouvelle politique et par des nouvelles alliances; et c'est justement dans ce conflit de besoins qui se rapprochent naturellement, que l'avantage d'ajouter à nos forces toutes celles des Slaves, se présente de lui-même.

Qu'on en profite, ou non, il n'en est pas moins vrai, que la na-

---

[1]) Эта записка не имѣетъ ни заглавія, ни имени автора, а что она принадлежитъ Броневскому можно заключить только по записанной на этой бумагѣ его фамиліи, карандашемъ и иной рукой.

ture a mis une ligne de séparation entre les Slaves et les autres Européens. Les Slaves portent dans leur caractère une empreinte si différente des autres peuples qu'ils ne pourront jamais s'amalgamer ni avec les Français, ni avec les Allemands, encore moins avec les Turcs, en dépit des événements qui peuvent les assujettir par le moment, mais ne les empecheront pas de rêver à l'indépendence, comme ils l'ont fait et le font encore depuis tant des siècles. Témoins les Bohêmes et les Moraves, qui aprés trois cent ans de réunion à la maison d'Autriche n'employent le mot *niemetz* que comme un terme d'injure ou de dérision. Cette aprêté dans le caractère est un sûr garant de la liberté future de tous les Slaves. C'est ainsi que nos braves ancêtres se dégagèrent de fers des Tatares au bout d'une servitude de 250 ans.

Mais d'un autre côté, on ne peut se faire illusion que les Slaves abandonnés à eux-mêmes, dénués de secours d'argent, d'officiers et d'artillerie, ne succombent infailliblement et n'aggravent par là les malheurs qui pèsent sur eux. Un pareil résultat serait bien facheux pour la Russie, et la perte qui s'en suivrait pour elle, serait irréparable, en considérant seulement que l'attachement de ces peuples et leur neutralité même en temps de guerre, équivaut à l'emploi d'une grande armée qu'on auroit dû sans cela entretenir de ce côté. Il est donc de l'intérêt de la Russie de ménager les intérêts des Slaves, soit pour le présent, soit pour l'avenir. La confiance que ces peuples généreux nous témoignent, est un dépôt sacré dont la clef doit être remise à la postérité, si les circonstances nous empechent d'en faire l'usage indiqué.

Si la nature des événements qui se passent de nos yeux, exige la formation d'une alliance fédérative basée sur des intérêts mieux sentis et mieux défendus qu'on ne l'a fait jusqu'ici, la fédération des Slaves paroît être la seule naturelle, la seule propre à établir une bonne frontière pour la Russie, ainsi qu'à opposer quelque contre-poids à l'agrandissement de la France. Dans ce cas le projet de Serviens, motivé par des craintes sur le sort qui les attend, présenteroit des grandes facilités pour son exécution, si ce projet eut été combiné d'avance. Cela n'étant pas, il semble du moins qu'il serait instant de les entretenir dans leur bonnes dispositions envers la Russie; car il ne peut y avoir de doute, que les affaires de la Turquie une fois terminées d'une manière défavorable ou peu satisfaisante pour les Serviens, il faudra les regarder comme perdus pour la Russie et acquis pour la France, qui tâchera de profiter de cet événement pour consolider ses nouvelles acquisitions sur l'Adriatique. Alors il ajoutera à

ses forces gigantesques encore un poids considérable dont-elle écrasera la Porte et l'Autriche alternativement, n'ayant besoin pour cela que de se servir de la haine que les Slaves portent aux Turcs et aux Allemands, comme d'un instrument à toute épreuve.

Dans la supposition que l'entreprise des Serviens, soutenue et protegée par leurs confrères, produise une commotion dans la Transylvanie, la Hongrie et la Croatie, il est difficile de prévoir et de calculer les suites, que le soulevement général des Slaves peut ammener dans le système politique de l'Europe. Toujours il est évident que ces changemens ne sauroient être défavorables à la Russie, en renforçant successivement son alliance par des millions d'hommes resolus de se donner une existence politique sous son égide. En se déclarant alors hautement protectrice des Slaves, la Russie n'auroit plus à craindre une guerre longue et opiniâtre, contre les Turcs et les Autrichiens réunis, vu que ces deux Empires, désorganisés par l'aliénation brusque d'une partie de leurs états et l'Autriche par la privation de ses plus braves troupes, ne pourront lutter que faiblement contre tant d'obstacles et finiront par succomber après quelques éfforts inutiles.

La grande question est de savoir: quelle serait dans des pareilles occurences la conduite de Napoléon et serait-il de son intérêt de souffrir un ordre de choses alarmant pour sa prévoyance?

Voici le jugement que j'ose porter là-dessus.

Si on laisse appercevoir ce projet petit à petit, Napoléon probablement tâchera de l'empêcher par des protestations, des menaces et mêmes par des voyes de faits; car il est moralement impossible qu'il voye avec indifférence l'agrandissement de la Russie, quoiqu'au fond cela serait une augmentation d'influence et non une extension des limites. Mais si la révolution se fait, sans qu'il s'en doute par un mouvement spontané, et qu'à la suite de cet événement la Russie embrasse la cause des Slaves, Napoléon connait trop bien la marche naturelle des choses pour qu'il voulût alors lui opposer une résistance serieuse, tandis que les débris de la monarchie autrichienne et ceux de la Turquie européenne lui offriraient de dédomagements pour des chances imprévues qu'il ne tenait pas à lui d'empêcher. Au reste, une frontière composée de petits états fédérés sous l'influence respective de deux empires, n'est pas contre l'intérêt de la France; puisque cela rentre dans le système qu'elle a adopté de remplir par des puissances du second ordre tout l'intervalle qui se trouve entre le Nord et les parties intégrantes de ses états. Il s'agirait seulement de décider par

des considérations physiques et morales, quels pays doivent essentiellement faire partie de la confédération du Rhin, et quels autres appartiendront à la confédération des Slaves. Or, la nature a pleinement decidé cette question, et il serait déplacé de mettre en doute si les Slaves, dispersés dans toute l'étendue de l'Europe, doivent appartenir à une autre alliance qu'à celle des Slaves, comme il serait hors de raison de discuter, si les pays adjacents au Rhin ne doivent pas plutôt être influencés par la Russie que par la France. Ces bases sont inébranlables, et pour quelques longtems qu'elles soient ajournés, elles doivent se réaliser un jour d'après le cours irrésistible des événemens.

En examinant le projet des Serviens des tous les côtés et en discutant le pour et le contre, on aura les conséquences suivants; si la Russie embrasse la cause des Slaves, elle s'attirera une guerre avec l'Autriche et la Porte, et peut-être même une rupture avec la France; mais elle a en sa faveur la chance d'augmenter ses forces fédératives par un accroissement de vingt millions de population. Si elle abandonne les Slaves, elle évitera cette guerre contre les Turcs et les Autrichiens réunis, mais elle perdra son influence sur les Slaves, et à la première rupture avec la France, elle risquera toujours de rompre avec les Turcs et peut-être même avec les Autrichiens, entrainès par la France. De sorte que, dans le premier cas, elle aura beaucoup d'ennemis à combattre et beaucoup d'amis pour la défendre; dans le second cas, elle n'aura que des ennemis ou des amis neûtres et impuissans.

En un mot, je regarde la conservation des Slaves aussi essentielle pour la Russie que la conservation d'une carrière qui fournit les matériaux propres à soutenir et à réparer son édifice politique. Il paraît donc necéssaire de ne pas laisser refroidir l'ardeur des Serviens éxaltée par les dangers qui les menacent, et de leur députer pour le moment un homme de confiance qui fut à même de diriger et de modifier leur zèle prématuré; mais en promettant positivement que la Russie ne les abandonnera jamais, qu'elle défendra leur cause comme celle de ses frères les plus chéris, et qu'on leur demande en retour de se prêter à la direction qu'on jugera à propos de donner à leurs affaires ostensiblement pour ne pas choquer les convenances.

Je me présente volontiers pour cette mission, si Sa Majesté l'Empereur daigne m'honorer de Sa confiance. Je consens même à y passer sans caractère public, en réservant par là au ministère la ressource de me désavouer si les circonstances l'éxigent: heureux si je puis

contribuer au bien-être de quelques millions l'hommes et la gloire de ma patrie, je regarde ma vie comme peu de chose quand il s'agit d'aussi grands intérêts.

St. Pétersbourg,
le 27 août 1807.

2.

Хронологическое изложеніе главнѣйшихъ событій въ Сербіи отъ 1789 до 1810 года, неизвѣстнаго автора.

Въ 1789 году Австрійцы, перешедъ на правый берегъ Дуная для осажденія Бѣлграда, набрали нѣсколько тысячъ Сербовъ, кои, подъ названіемъ вольнаго корпуса, были имъ весьма полезны во все теченіе войны: миръ Систовскій положилъ конецъ оной. Австрійцы тогда, не желая имѣть на своемъ иждивеніи сей корпусъ, не хотѣли также потерять оружіе, ими розданное; для сего подъ благовидными предлогами откомандировали въ разныя стороны отдѣленіями означенный корпусъ, окружили каждое отдѣленіе своими войсками, обезоружили и приказали идти каждому кто куда хочетъ. Съ сего самаго времени поселилась въ сердцахъ турецкихъ Сербовъ, крайняя вражда къ Австрійцамъ.

Многіе изъ почтеннѣйшихъ Сербовъ, страшась мщенія Турокъ, послѣдовали за Австрійцами на лѣвый берегъ Дуная, гдѣ и поселились; малая часть обратилась паки къ хлѣбопашеству, а остальные разсѣялись по лѣсамъ, коими покрыта Сербія, и содѣлались разбойниками. Въ числѣ сихъ былъ Черный Георгій и всѣ почти

*

нынѣшніе старшины сербскіе, кромѣ Якова Ненадовича и Шабацкаго коменданта Попа Луки.

Въ 1802 году четыре Турка, три изъ богатѣйшихъ въ Сербіи, а одинъ, по имени Кучукъ-Али, изъ храбрѣйшихъ, убили пашу командовавшаго въ Бѣлградѣ и, содѣлавшись властелинами всей Сербіи, раздѣлили ее между собою на четыре удѣла, коими и управляли саможесточайшимъ образомъ.

Порта Оттоманская, бывъ тогда въ критическомъ положеніи по случаю явнаго бунта виддинскаго паши Пазванъ-Оглу и рущукскаго аяна Терсеникли-Оглу, приняла съ наружнымъ равнодушіемъ умерщвленіе бѣлградскаго паши, обласкала бунтовщиковъ и назначила другаго пашу, который прибылъ въ Бѣлградъ въ 1803 году съ самою малою свитою, дабы не встревожить ихъ и, оставаясь тамъ, былъ въ полномъ повиновеніи у сихъ четырехъ властителей Сербіи.

Новый паша, желая однако возвратить слѣдующую ему власть, открылъ тайныя сношенія съ разными начальниками разбойниковъ и чрезъ посредство ихъ старался склонить деревенскихъ князей, то есть старостъ, къ убѣжденію народа возстать противу Даевъ (сей титулъ приняли на себя четыре Турки, овладѣвшіе Сербовъ, что значитъ владѣтель или начальникъ).

Даи хотя не открыли прямаго источника, откуда происходили внушенія къ бунту, узнали однако, что умы народные волнуются, и для сего въ тайномъ совѣщаніи рѣшились убить единовременно всѣхъ, какъ уѣздныхъ, такъ и сельскихъ князей; паша послалъ своихъ емисаровъ предувѣдомить князей о сей рѣшимости, вслѣдствіе чего получившіе во-время извѣстіе спаслись въ лѣса, а прочіе, числомъ до пятнадцати, были схвачены и умерщвлены.

Спасшіеся въ лѣса князья, не видя никакой возможности возвратиться въ свои дома, ввѣрили себя покровительству начальниковъ разбойничьихъ и помощію ихъ спасли въ горы и семейства свои.

Къ Черному Георгію, производившему свое ремесло въ окрестностяхъ Бѣлграда, прибѣгли оберъ князья Катичь и Сима и всѣ ближайшіе князья; къ Миленкѣ, бывшему въ горахъ Пожаревецкихъ, всѣ князья правой стороны рѣки Моравы, а къ Милану Обреновичу находившіеся въ уѣздахъ, граничащихъ съ Босніей.

Послѣ сего бѣгства начались частныя мщенія; въ каждой деревнѣ былъ одинъ прикащикъ изъ Турокъ и при немъ нѣсколько вооруженныхъ кирджаліевъ для содержанія поселянъ въ повиновеніи. Разбойники, возбуждаемые бѣжавшими къ нимъ князьями, начали дѣлать ночью нападенія на деревни, умерщвлять Турокъ и отнимаемымъ отъ сихъ оружіемъ умножать число своихъ вооруженныхъ; поселяне, посреди коихъ случались таковыя насилія, опасаясь мщенія Даевъ, цѣлыми селеніями спасались въ лѣса, таковымъ образомъ постепенно большая часть селеній опустѣла. Даи, усматривая слабость силъ своихъ, на обращеніе опять къ повиновенію народа, послали пригласить къ себѣ Гусанцъ Алія, начальника турецкихъ разбойниковъ, находившагося тогда въ окрестностяхъ Виддина (сей есть тотъ самый, который въ прошедшемъ году пожалованъ трехъ-бунчужнымъ пашею и сераскиромъ и на Батинскомъ сраженіи убитъ). Гусанцъ-Али прибылъ къ нимъ въ Бѣлградъ въ началѣ 1804 года съ двумя тысячами кирджаліевъ. Между тѣмъ оберъ князь Катичь, человѣкъ хотя неграмотный, но особыхъ дарованій, пригласилъ въ станицу Чернаго Георгія, другихъ разбойничьихъ начальниковъ и бѣглыхъ князей, гдѣ по совѣщаніи опредѣлили послать въ Константинополь депутатовъ съ донесеніемъ Дивану что Сербы подняли оружіе противу Даевъ, что впрочемъ, пребывая покорными Портѣ просятъ скорой помощи противу общихъ враговъ, дабы, истребивъ ихъ, возвратиться бѣжавшимъ Сербамъ паки въ свои жилища. Порта, вынужденная возгорѣвшимся пламенемъ возмущенія въ Сербіи, предписала Румели Валисію собрать войско и идти на истребленіе Даевъ, но сей отговорился невозможностію по неимѣнію денегъ, а Порта оныхъ, всего 600,000 піастровъ, не прежде, ему послала какъ въ началѣ 1805 года.

Пока сіе происходило, многіе австрійскіе Сербы, праздношатавшіеся безъ всякаго пропитанія, бѣжали къ бунтующимся своимъ единоплеменцамъ, на правой берегъ Дуная, въ числѣ сихъ былъ отставной капитанъ Новаковичъ-Чердаклія, человѣкъ пылкаго ума. Онъ былъ женатъ на одной дѣвицѣ, находившейся въ службѣ при покойной великой княгинѣ ерцъ-герцогинѣ Палатинѣ и пользующейся понынѣ пенсіономъ изъ кабинета; сія женщина, бѣжавшая въ Сербію съ мужемъ своимъ, внушила ему мысль искать народу покровительство Россіи; сія мысль была предложена и принята старѣйшинами, вслѣдствіе сего отправлены депутатами народа тотъ же самый капитанъ Наваковичъ Чердаклій, протопопъ Ненадовичъ

и старѣйшина Іова Протичь, кои и прибыли въ Петербургъ въ началѣ 1804 года.

Депутатамъ симъ объявлено, что Россія принять народъ сербскій подъ свое покровительство не можетъ, ибо народъ тотъ принадлежитъ Портѣ, съ коею Россія состоитъ въ тѣсномъ союзѣ, изъ любви однако къ единовѣрному сему народу и изъ сожалѣнія къ претерпѣваемымъ имъ бѣдствіямъ, обѣщано предписать посланнику въ Константинополѣ склонить дружественно турецкое министерство, даровать оному народу, поколику то возможно, нѣкоторыя выгоды; вмѣстѣ съ симъ дано депутатамъ въ пособіе народу 3,000 червонныхъ и заплачены имъ издержки, сдѣланныя на проѣздъ въ Санктпетербургъ, и тогда же отправлены обратно, сверхъ того, по ихъ прошенію отпущенъ съ ними Харьковскаго университета профессоръ Филиповичъ изъ Сербовъ.

Въ продолженіи 1803 и 1804 годовъ, Сербы истребили всѣхъ Турокъ, державшихся въ маленькихъ городахъ и по деревнямъ, имѣли безпрерывныя стычки съ войскомъ Гусанцъ-Али и часто истребляли малыя партіи кирджаліевъ, пробиравшихся изъ Болгаріи въ Бѣлградъ, а наконецъ, не находя никакой препоны, пришли къ окружностямъ Бѣлграда, гдѣ и окопались, пресѣкая всякое сношеніе сему городу съ сухаго пути.

Доколѣ же Румели Валиси собиралъ войско, дѣла Турковъ въ Сербіи приняли другой оборотъ. Гусанцъ Али, вошедъ единожды со своими кирджаліями въ Бѣлградъ, рѣшился присвоить себѣ Сербію, для сего хотя и дрался по временамъ съ Сербами, началъ подъ рукой однако благопріятствовать имъ и самому пашѣ Бѣлградскому и наконецъ подъ предлогомъ, что народъ не хочетъ войти въ сношеніе, доколѣ они будутъ въ Бѣлградѣ, принудилъ ихъ всѣхъ четырехъ отправиться оттуда въ Орсову въ исходѣ 1805 года, но какъ Сербы и тутъ не хотѣли положить оружіе, отзываясь что Даи могутъ потомъ возвратиться, то позволили имъ убить Даевъ, для сего былъ посланъ Миленко съ его четою при письмѣ отъ Бѣлградскаго паши къ Реджебъ-Агѣ, который, принявъ ихъ ночью на островъ, подалъ имъ возможность убить Даевъ, взять ихъ головы и привести въ Бѣлградъ, откуда и отправлены въ Константинополь; паша Бѣлградскій. полагая по удостовѣренію Сербовъ, что все кончилось, послалъ къ Румели Валиси извѣстіе о семъ съ просьбою не приходить въ Сербію съ войсками.

Начальники разбойниковъ, имѣя силу въ рукахъ, содѣлались уже начальниками народа, но оберъ князь Катичь сохранилъ свое

вліяніе какъ въ народѣ, такъ и въ тѣхъ начальникахъ, онъ присовѣтывалъ всѣмъ не расходится, доколѣ и Гусанацъ-Али не выйдетъ изъ Сербіи, а между тѣмъ послать опять въ Константинополь депутатовъ съ прошеніемъ въ Диванъ, чтобъ освободили ихъ отъ помѣщиковъ, а опредѣлили бы массою сумму, которую Сербы должны платить, каковую обяжутся ежегодно вручать бѣлградскому пашѣ. Невступно по отправленіи сихъ депутатовъ одна партія разбойниковъ безъ всякаго повелѣнія отъ высшихъ начальниковъ, находясь въ предмѣстіяхъ Семендріи, при оплошности Турокъ, кои полагали все уже оконченнымъ, овладѣла обманомъ крѣпостію семендрійскою, бывшею и нынѣ находящеюся въ худомъ положеніи.

Изъ Семендріи послали опять депутатовъ въ С.-Петербургъ: что симъ депутатамъ отвѣтствовано, явствуетъ въ министерской канцеляріи; и тогда же по внушеніямъ профессора Филипповича учредили въ Семендріи верховный судъ подъ названіемъ синода, въ коёмъ присутствовали митрополитъ и нѣсколько другихъ свѣтскихъ князей; въ семъ судѣ обязались клятвою Черный Георгій и всѣ наличные старѣйшины безъ суда никого не убивать и быть оному всѣмъ покорными, но клятву свою въ тотъ же самый день нарушили: воевода Вуле убилъ одного изъ своихъ ратниковъ, а Черный Георгій одного попа. Послѣ чего никто уже не соблюдалъ данной клятвы.

Паша бѣлградскій и Гусанацъ-Али, видя, что Сербы, не взирая на всѣ свои обѣщанія, не слагаютъ оружіе, напротивъ того овладѣли еще Семендріею коварнымъ образомъ и учредили верховный судъ, донесли Дивану о необходимости употребить противу бунтовщиковъ силу оружія. Порта послала опять повелѣніе Румели Валисію идти для усмиренія Сербовъ, но какъ сей требовалъ денегъ, показывая, что прежнія уже употреблены, а Порта настаивала, чтобы онъ на счетъ прежде отпущенныхъ ему суммъ сдѣлалъ вооруженіе, то и производилъ онъ сіе съ крайнею медленностію, послалъ въ разныя времена малые отряды, которые въ лѣсахъ сербскихъ были истреблены.

Депутаты сербскіе, бывшіе въ Константинополѣ, удостовѣряли напротивъ того, что народъ сербскій показалъ, и только что будетъ обезпеченъ со стороны Гусанацъ Алія, возвратится въ свои жилища, министерство турецкое, желая скорѣе положить конецъ неустройствамъ, къ тому же побуждаемое россійскимъ посланникомъ, согласилось на дарованіе Сербамъ разныхъ преимуществъ, какъ-то: освободить ихъ совершенно отъ спагіевъ или помѣщи-

ковъ, не жить нигдѣ Туркамъ кромѣ въ городахъ, опредѣленную же подать вручать муселиму, каковой и отправленъ вмѣстѣ съ депутатами въ Сербію. Узнавъ о скоромъ сего прибытіи, многіе изъ старѣйшинъ сербскихъ прибыли на встрѣчу ему въ Ниссу, гдѣ застали и Румели Валисія съ небольшимъ корпусомъ, бывшимъ въ готовности вступить въ Сербію, но и тутъ сіе не послѣдовало, ибо какъ депутаты чрезъ муселима, такъ и старѣйшины, удостовѣряя, что народъ немедленно по прибытіи муселима разойдется по домамъ и при семъ поднеся Румели Валисію 100,000 піастровъ, убѣдили распустить его войско.

Пока муселимъ ѣхалъ въ Бѣлградъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1806 года, 29-го числа того же мѣсяца ночью Булукъ Баша изъ Албанцевъ Шкодра, христіанскаго исповѣдянія, но въ службѣ Гусанацъ Алія, будучи на караулѣ на валу городскомъ, послалъ одного изъ своихъ ратниковъ въ станъ сербскій извѣстить ихъ, чтобъ на другой день, только что смеркнется, были всѣ въ готовности, что онъ самъ къ нимъ придетъ и проведетъ въ городъ, извѣстною ему дорогою. Сіе и было дѣйствительно исполнено. Такимъ образомъ Сербы овладѣли городомъ; Турки большая часть спаслись въ крѣпости, многіе однако лишились жизни защищая свои семейства; при семъ случаѣ Сербы получили знатную добычу, которая заставила думать какъ разбойниковъ, такъ и ратниковъ изъ народа, что въ крѣпости хранятся большія сокровища, и для того облегли оную со всѣхъ сторонъ сухихъ.

По овладѣніи городомъ Сербами, прибылъ къ нимъ съ ихъ депутатами и посланный отъ Порты муселимъ, который, увидѣлъ но поздно, ошибку имъ сдѣланную внушеніемъ Румели Валисію распустить набранныя для усмиренія Сербовъ войска; начальники сербскіе, продолжая удостовѣрять его въ покорности своей, обѣщали разойтиться, только что Гусанацъ-Али выйдетъ изъ Бѣлграда, куда, однако, муселима не хотѣли отпустить; сей по ихъ волѣ послалъ рапортъ министерству турецкому совершенно въ ихъ пользу, написалъ также Гусанацъ-Алію, чтобъ пошелъ изъ крѣпости и удалился бы изъ Сербіи, безъ чего не можно ожидать конца возмущенію. Гусанацъ-Али, претерпѣвая недостатокъ въ продовольствіи и лишась надежды успѣть въ первомъ своемъ намѣреніи, сѣлъ ночью на лодки со свитою своею и отправился въ Орсову, а ратниковъ своихъ до тысячи человѣкъ, остававшихся у него, послалъ сухимъ путемъ, но изъ сихъ ни одинъ не спасся, ибо разбойники сербскіе, засѣвъ по дорогѣ въ лѣсахъ, истребили ихъ до единаго.

Постепенными неожиданными успѣхами увеличилась постепенно и кичливость начальниковъ разбойническихъ, мало уже они внимали совѣтамъ оберъ князя Катича; сей съ начала возстанія, находясь при четѣ Чернаго Георгія, далъ ему много вѣсу и, такъ сказать, основалъ его власть, ибо всѣ направленія посылались отъ Катича изъ сей четы, народъ и князья онымъ слѣдовали слѣпо, а разбойники, знавшіе другъ друга коротко, видя повиновеніе народа и князей къ повелѣніямъ присылаемымъ изъ станицы извѣстнаго имъ Чернаго Георгія, начали имѣть къ нему уваженіе и мало по малу признавать его верховную власть, которая такимъ образомъ и утвердилась впослѣдствіи.

Черный Георгій съ другими своими сотоварищами, предполагая въ крѣпости бѣлградской, какъ выше уже сказано, знатныя сокровища, рѣшились оною овладѣть противу воли Катича и другихъ князей, кои желали бы распустить народъ по домамъ. Вооруженною рукою однако взять городъ было для Сербовъ дѣло невозможное, оставалось токмо одно средство: пресѣчь сношенія съ Семлиномъ, откуда Турки получали ежедневно продовольствіе; по предварительномъ секретномъ объясненіи съ командовавшимъ въ Петерварадинѣ и поднесеніи ему четырехъ тысячъ червонныхъ, Сербы ночью перевезли одну маленькую пушку на островъ, лежащій между Семлиномъ и Бѣлградомъ, и переправили туда до двухъ сотъ человѣкъ, которые и открыли пальбу по лодкамъ, проходившимъ изъ Бѣлграда въ Семлинъ для покупки хлѣба; Австрійцы начали кричать велегласно противу дерзости Сербовъ, учинившихъ вторженіе на островъ венгерскаго владѣнія, но шумъ сей кончился тѣмъ, что семлинской комендантъ послалъ курьера въ Петерварадинъ, а главной командиръ сего города и провинціи послалъ курьера въ Вѣну, испрашивая повелѣніе, что̀ дѣлать? Чрезъ десять дней оное пришло и содержало строгій выговоръ за допущеніе Сербовъ переправиться на островъ и приказъ выгнать ихъ оттуда вооруженною рукою, но сіе было поздно, ибо Сербовъ тамъ уже не было; на четвертый же день по пресѣченіи коммуникаціи Бѣлграду съ Семлиномъ, первый сдался. Въ сіе самое время поспѣлъ къ нимъ и емисаръ отправленный изъ Яссъ отъ россійскаго агента съ извѣстіемъ о вступленіи войскъ россійскихъ въ Молдавію и съ приглашеніемъ не слагать оружіе, но дѣйствовать противу общихъ враговъ. Сербы, получа сіе извѣстіе, принудили бѣлградскаго пашу и муселима написать шабацкому двухъ-бунчужному пашѣ, что они съ Сербами примирились, но съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ крѣпостяхъ

для ихъ безопасности былъ общій гарнизонъ; отправивъ сей приказъ въ слѣдъ за онымъ, пошелъ Черный Георгій, Миленко и другіе старѣйшины къ Шабацу, имѣя съ собою до двѣнадцати тысячь человѣкъ.

Шабацкій паша, подозрѣвая скрывающуюся истину, не впустилъ Сербовъ въ крѣпость, но когда слабый его гарнизонъ при первой вылазкѣ былъ разбитъ Сербами, тогда, оставивъ городъ, со всѣми жителями частію на судахъ, частію по берегу, отправился по Саввѣ въ Дрину.

Миланъ Обреновичь и Яковъ Ненадовичь съ пятьютысячнымъ корпусомъ въ сіе самое время осаждали Ужицу, гдѣ, взявъ съ паши триста тысячь піастровъ, выпустили его со всѣми жителями, а городъ предали пламени. При дѣлахъ бывшихъ подъ Ужицею убитъ оберъ-князь Катичь, ѣздившій туда для осмотра; чрезъ сіе Черный Георгій содѣлался единственнымъ властелиномъ.

Черный Георгій изъ Шабаца возвратился въ Бѣлградъ, подозрѣвая всегда, что у паши скрыты знатныя сокровища, объявилъ ему, что его отпускаетъ съ свитою идти по большой дорогѣ къ Ниссѣ; паша въ сопровожденіи человѣкъ до трехъ сотъ пустился въ путь, но въ семи верстахъ отъ Бѣлграда остановили его до трехъ тысячь Сербовъ и убили всѣхъ до единаго, багажъ же ихъ весьма бѣдный разграбили. Послѣ сей операціи на другой день убили и всѣхъ жителей бѣлградскихъ числомъ до четырехъ тысячь, оставивъ въ живыхъ токмо однихъ мастеровыхъ, женъ и дѣтей и до ста пятидесяти разночинцевъ, сокрытыхъ и спасенныхъ христіанами.

Такимъ образомъ кончились всѣ завоеванія и дѣла революціи сербской до соединенія съ россійскими войсками.

При самомъ началѣ возстанія, когда Сербы истребили Турковъ по деревнямъ жившихъ, овладѣвъ всѣмъ скотомъ принадлежащимъ помѣщикамъ турецкимъ, часть онаго продали Австрійцамъ за наличныя деньги, другую размѣняли на разнаго рода оружіе, порохъ, свинецъ и хлѣбъ. По показаніямъ Сербовъ и австрійскихъ купцовъ, таковаго скота продано и размѣнено болѣе, нежели на два милліона піастровъ, что и поставило ихъ въ возможность держаться толь долгое время безъ всякой сторонней помощи.

Въ исходѣ 1806 года послано Сербамъ въ пособіе отъ Высочайшаго двора чрезъ генеральнаго консула въ Яссахъ 13,000 червонныхъ.

Въ началѣ 1807 года прибыли въ Бухарестъ сербскіе уполномоченные, по настоянію коихъ предписано генералъ-маіору Исаеву перейтить изъ Малой Валлахіи въ Краину, для соединеннаго дѣйствія съ Миленкомъ, командующимъ въ семъ краѣ, но при переходѣ нашелъ г. Исаевъ не только Миленка съ его корпусомъ окруженнаго со всѣхъ сторонъ, но и корпусъ Чернаго Георгія пришедшій первому на помощь, въ отчаянномъ положеніи. Къ счастію, съ горстью, такъ сказать, Русскихъ, генералъ-маіоръ Исаевъ разбилъ совершенно виддинскаго пашу и тогда совокупно съ Миленкомъ по овладѣніи Бирзою Паланкою пошелъ для осажденія Неготина, а Черный Георгій возвратился въ свою деревню.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года послано чрезъ сербскихъ депутатовъ пятьдесять тысячь піастровъ, и какъ сіи просили объ отправленіи къ нимъ россійскаго агента, то сей вслѣдствіе даннаго ему повелѣнія поѣхалъ въ Сербію и прибылъ въ Бѣлградъ 2 августа. Чрезъ него послано еще Сербамъ въ пособіе 100 т. піастровъ. Россійскій агентъ по прибытіи въ Сербію немедленно открылъ, что существовали сношенія между Сербами и Французами. Письмо французскаго консула въ Босніи, присланное помянутымъ агентомъ къ господину главнокомандующему, явно открыло существованіе тѣхъ сношеній.

Вскорѣ послѣ прибытія россійскаго агента въ Бѣлградъ послѣдовало перемиріе съ Турками, въ которое Сербы не были включены, таковое происшествіе едва не лишило жизни россійскаго агента и всѣхъ съ нимъ бывшихъ. Покойной господинъ генералъ фельдмаршалъ князь Прозоровской успѣлъ, однако, потомъ включить и Сербовъ въ перемиріе, но сіи хотя весьма были обрадованы, что Турки перестали дѣйствовать, сами не переставали въ расплохъ по всей границѣ дѣлать нападенія и грабежи; по каковому предмету главнокомандующій, вынужденъ будучи жалобами турецкаго правительства, посылалъ отъ себя для производства на мѣстѣ слѣдствія, но и оное не прекратило разбоевъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Бѣлградъ митрополитъ Кюстендильскій, посланный Портою въ качествѣ полномочнаго къ Сербамъ съ письмомъ отъ патріарха и отъ перваго драгомана, убѣждающими ихъ отстать отъ Россіянъ и примириться съ Портою, которая дастъ имъ всѣ желаемыя права и преимущества. Сей митрополитъ получилъ отъ Сербовъ письменный отказъ, сочиненный россійскимъ агентомъ и посыланный на утвержденіе главнокомандующаго.

Въ исходѣ 1808 года Сербы, изумленные своимъ счастіемъ, и приписывая оное силѣ оружія своего, распространили виды свои далѣе, они послали депутатовъ къ главнокомандующему съ тѣмъ, чтобъ далъ имъ въ займы одинъ миліонъ піастровъ, знатное число ружей, и (задумали) возстановить древнее царство сербское, присоединя къ оному Боснію, Герцеговину, Болгарію, Банатъ, Сирмію и Кроацію; главнокомандующій, объявивъ депутатамъ, что сіи проекты суть не иное что, какъ бредни сумасшедшихъ, отправилъ ихъ обратно.

Въ началѣ 1809 года открылись тайные переговоры между Сербами и Австрійцами, Черный Георгій имѣлъ свиданіе съ генераломъ Симбшеномъ и переписку, но россійскій агентъ разрушилъ всѣ сіи подспудные происки, заставилъ Чернаго Георгія принести себѣ переписку его съ генераломъ Симбшеномъ и послать ему отзывъ за подписаніемъ Чернаго Георгія и совѣта, сочиненный россійскимъ агентомъ, съ коего копія, какъ равно переписка барона Симбшена въ оригиналѣ, посланы отъ агента къ господину главнокомандующему.

Невступно послѣ сего прибылъ въ Бѣлградъ помощникъ агента надворный совѣтникъ Недоба, а въ слѣдъ за нимъ штабъ-лекарь Марачевскій съ однимъ подлекаремъ и двумя мастеровыми для литья ядеръ.

Въ началѣ марта 1809 года открылись сношенія съ видинскимъ пашею. Агентъ россійскій, узнавъ о семъ, заставилъ себя убѣдительно просить быть переодѣтымъ въ числѣ сербскихъ комисаровъ при переговорахъ на границѣ съ комисарами видинскаго паши. Тамъ сіи старались первыхъ склонить къ примиренію съ Портою, обѣщая всевозможныя выгоды; отклонено однако и сіе покушеніе Турокъ, и не токмо при конференціи сдѣланъ отказъ, но таковой посланъ и письменной.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ начались военныя дѣйствія: комендантъ Миланъ пошелъ къ границамъ Албаніи, Яковъ Ненадовичь къ Босніи, Миленко къ Крайнѣ, а Милое Петровичъ, любимецъ Чернаго Георгія, къ Ниссѣ, самъ же предводитель послѣдовалъ тоже къ Албаніи.

На границахъ Босніи и Албаніи Сербы имѣли успѣхи и получили знатную добычу, на границѣ Крайны присоединились съ россійскими войсками, осадили Кладово, но неудачный штурмъ сей крѣпости, принудившій россійскій отрядъ возвратиться въ Малую Валахію, поселилъ уныніе въ сердца Сербовъ.

Когда неудачное произшествіе подъ Кладовымъ имѣло мѣсто, въ то самое время подъ Ниссою Милое разбитъ на голову и, потерявъ двадцать семь орудій и людей большую часть своего отряда, бѣжалъ въ Делиградъ, а Турки числомъ до двѣнадцати тысячь, пришедъ къ сему укрѣпленію, осадили оное.

Донесеніе Милое, будто число Турокъ его осаждающихъ простирается за сто тысячъ, заставило Чернаго Георгія написать Миленкѣ придти къ сему на помощь, да и самъ съ большею частію отряда Миленкова туда же обратился.

Только что ослабили Крайну, Турки овладѣли Бирзою-Паланкою и тѣмъ пресѣкли всякое сношеніе съ россійской арміею; въ исходѣ іюня овладѣли Турки укрѣпленіемъ Банею именуемымъ, лежащимъ въ горахъ между Ниссою и Виддиномъ, и тѣмъ открыли себѣ невозбранной путь въ Тюпрійскую нахію; въ началѣ іюля овладѣли Делиградомъ на правомъ берегу Моравы, а въ исходѣ того мѣсяца и ретраншементомъ Любошемъ на лѣвомъ берегу Моравы.

Не находя уже никакого препятствія, турецкое войско, пройдя всю Тюпрійскую и Пожаревецкую нахію, пришло къ берегу Дуная и расположилось по правой сторонѣ Моравы, въ 8 верстахъ отъ Семендріи, а отъ Бѣлграда въ 55-ти. Жители разныхъ нахій, чрезъ кои проходили Турки, по мѣрѣ успѣховъ сихъ спасались то на лѣвый берегъ Моравы въ лѣса, то на лѣвый берегъ Дуная къ Австрійцамъ, до пятнадцати тысячъ душъ мужескаго пола, съ ихъ женами и частію скота, пробрались даже въ большую и малую Валахію.

Черный Георгій въ сіе время писалъ къ россійскому агенту, что нѣтъ никакой надежды къ спасенію, что Турки дня черезъ три будутъ въ Бѣлградѣ, а потому просилъ при выѣздѣ не оставить его сына, жившаго у россійскаго агента, не призналъ однако за благо удаляться изъ Бѣлграда.

Народъ всю вину своего несчастія приписывалъ Милое и Младену, какъ оно дѣйствительно и было. Сіи, опасаясь мщенія народа, начали какъ лично, такъ и чрезъ своихъ приверженныхъ, увѣрять оной, что не они виною, а Россіяне, оставившіе ихъ безъ помощи, каковое поведеніе Россіянъ происходитъ отъ того, что главнокомандующій арміею россійской и агентъ въ Бѣлградѣ взяли отъ Турокъ семь миліоновъ піастровъ, дабы пожертвовать Сербовъ. Самъ Черный Георгій сему повѣрилъ, ибо заставили сіе ему повторять съ разныхъ сторонъ, яко слышанное отъ самихъ Турокъ при осадѣ Делиграда.

Черный Георгій разъяренный до крайности пишетъ къ россійскому агенту препокорное письмо, прося его пріѣхать къ нему въ горы для совѣта, а надворнаго совѣтника Недобу отправить къ главнокомандующему просить неукоснительной помощи.

Россійской агентъ, имѣя вѣрныя свѣдѣнія о всемъ, отвѣтствовалъ, что по случаю слабости своей не можетъ предпріять дальный путь верхомъ, надворнаго совѣтника Недобу немедленно отправляетъ на другой день рано; когда уже и лодка была нанята для господина Недобы и багажъ его туда переносили, получено другое письмо отъ Чернаго Георгія, чтобы остановить отправленіе господина Недобы до личнаго свиданія.

Неимовѣрная скорость, съ каковою получено второе письмо отъ Чернаго Георгія, соображая разстояніе, гдѣ онъ былъ, предполагаемъ, заставила агента взять крайнее подозрѣніе, блескъ золота развязалъ языкъ у курьера, который открылъ, что Черный Георгій ожидалъ въ пятнадцати верстахъ отъ Бѣлграда въ лѣсу.

Въ тотъ самый день, то есть 12 августа, прибылъ въ Бѣлградъ Милое съ извѣстіемъ, что Турки овладѣли Тюпріею, ретраншаментъ такъ называемый на Моравѣ, гдѣ прошедъ сію рѣку, расположились въ городѣ Ягодинѣ. Милое вручилъ тогда же совѣту приказъ отъ Чернаго Георгія во всемъ слѣпо ему повиноваться.

На другой день узналъ россійскій агентъ, что у обоихъ воротъ его дома былъ во всю ночь караулъ съ улицъ.

Четырнадцатаго числа членъ совѣта Іова Протичь, у котораго агентъ крестилъ сына, что содѣлываетъ по сербскимъ нравамъ самое ближайшее и священное родство, донесъ агенту о намѣреніи его убить; въ тотъ же день комендантъ Добринецъ, бывшій въ Бѣлградѣ, удостовѣрилъ его въ томъ же.

Архивъ весь при приближеніи Турокъ къ Семендри былъ уже отправленъ въ Валлахію, а казенныя деньги и большая часть багажа агентова были перевезены на австрійскую сторону, а потому и не трудно было ему туда же переправиться, что и исполнилъ 15 числа и отправился въ Валлахію.

Командующимъ турецкими войсками ворвавшимся въ Сербію былъ извѣстный Гусанацъ-Али, онъ овладѣвъ всѣмъ правымъ берегомъ Моравы и, имѣя твердую ногу на лѣвомъ берегу въ Ягодинѣ, остановилъ окончаніе своего дѣла и послалъ между тѣмъ къ великому визирю представленіе, что хотя великіе еще предстоятъ трудности къ покоренію Сербовъ, надѣется однако успѣть, если

будетъ облеченъ въ достоинство паши бѣлградскаго и къ тому же пришлются деньги для удовлетворенія его войска.

Великій визирь, предубѣжденный представленіемъ нискаго паши, имѣющаго вмѣстѣ съ тѣмъ и достоинство Румели Валиса, не желавшаго имѣть сосѣдомъ Гусанацъ Алія, отказалъ ему въ обоихъ требованіяхъ.

Ожесточенный Гусанацъ-Али рѣшился немедленно отретироваться изъ Сербіи, но, дабы имѣть благовидный предлогъ, послалъ отрядъ изъ тысячи человѣкъ въ горы для истребленія деревни, гдѣ жилъ Черный Георгій. Сей отрядъ, проходя неизвѣстные ему лѣса и дефилеи былъ совершенно разбитъ, а Гусанацъ-Али, ожидавшій токмо сего, отретировался въ Булгарію и оставилъ Сербовъ спокойными.

Милое по отбытіи россійскаго агента сдѣлалъ покушеніе на истребленіе Чернаго Георгія, старался возбудить народъ противу сего, но, увидѣвъ неудачу, бѣжалъ въ австрійскіе предѣлы совсѣмъ своимъ богатствомъ.

Австрійцы, имѣя многія судопроизводства казненныхъ уже разбойниковъ, показавшихъ, что были посыланы для разбоевъ отъ совѣта сербскаго, то есть отъ Младена и Милое, онымъ управлявшихъ, арестовали сего и предали суду; но когда Черный Георгій предложилъ выдать всѣхъ австрійскихъ дезертировъ, если возвратятъ ему Милое, то и согласились на сіе.

Милое былъ перевезенъ въ Шабацъ и зданъ тамошнему коменданту Попѣ Лукѣ; сей полагая съ вѣроподобіемъ, что Милое можетъ опять помириться съ Чернымъ Георгіемъ, воспользовался существовавшимъ окружнымъ письмомъ совѣта, коимъ извѣщался каждый, что Милое есть преданникъ отечества, отрубилъ ему голову и послалъ въ совѣтъ.

Долго главнокомандующій россійскою арміею не могъ подать Сербамъ руку помощи, наконецъ въ исходѣ марта 1810 года переправился отрядъ генералъ-маіора Исаева, къ коему въ тотъ же день присоединился комендантъ Миленко; не успѣли вытѣснить Турокъ изъ двухъ ретраншаментовъ, какъ получено повелѣніе отъ новаго главнокомандующаго возвратиться отряду въ Малую Валахію.

Въ исходѣ мая мѣсяца опять переправился отрядъ и совокупно съ Сербами истреблялъ Турковъ: взяли Кладово, Бирзу-Паланку, Неготинъ и Брегово.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года были присланы къ главнокомандывавшему депутатами полномочными: коменданты Миленко, Миланъ и совѣтникъ Обрадовичь съ просьбою прислать гарнизонъ въ Бѣлградъ, и прислать двухъ чиновниковъ для образованія ихъ и сочиненія имъ законовъ гражданскихъ и воинскихъ, ибо, какъ они сами объяснялись, отъ глупости начальниковъ сербскихъ народъ претерпѣлъ многія бѣдствія. Главнокомандовавшій въ первомъ удовлетворилъ ихъ, а по послѣднимъ статьямъ обѣщалъ представить двору.

Вмѣстѣ съ полкомъ, отправленнымъ въ Бѣлградъ, посланъ туда и надворный совѣтникъ Недоба, коему предписано доносить обо всемъ г-ну генералъ лейтенанту Зассу, командующему въ Малой Валлахіи, съ Сербами же ограничиться на преподаваніи имъ полезныхъ совѣтовъ.

Въ исходѣ 1809 года Сербы посылали курьера къ генералу Мармонту въ Далмацію, а въ началѣ 1810 послали депутатовъ въ Парижъ чрезъ Валлахію.

Въ пособіе Сербамъ сверхъ ста тысячъ піастровъ, посланныхъ съ россійскимъ агентомъ въ 1807 году, прислано еще имъ 18,000 червонныхъ, какъ равно пушки, ружья, пистолеты и сабли и знатное количество пороху и свинцу.

Правительство сербское, поколику относится до судныхъ дѣлъ, руководствуется волею судящаго; сборъ денежный понынѣ не иначе дѣлался, какъ опредѣленіемъ народа, который для сего собирался по уѣздамъ.

Верховный совѣтъ не къ иному чему служитъ, какъ къ прикрытію въ глазахъ народа частныхъ грабежей и убійствъ завѣсою правосудія; ибо совѣтники никогда не имѣли иной воли, кромѣ воли Младена и Чернаго Георгія.

Младенъ и Милое были кумовья и сосѣди въ крестьянскомъ званіи, потомъ, когда первый обратился въ разбойники, второй принималъ и продавалъ грабежи, первый служилъ разбойникомъ при Черномъ Георгіи, и съ тѣхъ поръ существуетъ ихъ связь.

Народу въ Сербіи считается до 250,000 душъ мужескаго пола, но сіе число нынѣ уменьшилось знатными бѣгствами въ австрійскую Валлахію. Подъ ружьемъ собиралось до сорока тысячъ. Дѣйствующіе не получаютъ никакой платы, имѣютъ токмо право смѣняться съ границы своими родственниками или друзьями.

Податей денежныхъ, каждогодныхъ не собирается съ народа, даетъ токмо десятокъ со всего хлѣба снятаго съ земли и съ вина и обработываетъ поля и сады своихъ начальниковъ. Таможни еще приносятъ до ста двадцати тысячъ піастровъ въ годъ.

№ 50. 3.

Письмо неизвѣстнаго лица Императору Александру I.

Sire!

Le Comte Capodistrias vient de me présenter un mémoire sur l'état actuel des Serviens, et sur les mesures qu'on pourroit prendre pour faire jouir cette nation de bienfaits de V. M. I., sans compromettre aucunement les intérêts qui ont dicté le traité de Boucarest.

Ce travail paroit meriter l'attention de V. M. Les Serviens, menacés du joug ottoman, implorent, Sire, de Votre Auguste Munificence un asile en Russie.

En le leur accordant dans les provinces sur le Dniester, V. M. I. couvriroit d'un peuple nourri dans le métier de la guerre des frontières qui peuvent tôt ou tard reclamer la présence de ses armées. Cette considération m'a fait apprécier dans le mémoire, que je prends la liberté de mettre sous les yeux de V. M., la combinaison des moyens qui vissent a un résultat aussi important.

Je suis avec le plus profond respect.

Reichenbach, le $^{15}/_{17}$ juin 1813.

Приложеніе С.

Извлеченіе изъ каталога рукописей И. П. Липранди, относящихся къ исторіи русско-турецкихъ войнъ [1]).

I. Битвы и все, что относится къ военнымъ дѣйствіямъ, и секретные взгляды.

№№ катал.

13. Война Россіи съ Портою съ 1806—1812 гг., изъ секретныхъ архивовъ этой войны, съ дипломатическими сношеніями, сокращенно составленными по распоряженію главнаго штаба 2-й арміи г. м. Киселева. Извлечено полковникомъ Липранди. Тульчинъ, 1821, in fol.
14. Обозрѣніе пространства, служившаго театромъ войнъ Россіи съ Турціею, съ 1806—1812 гг. Поднесенное Государю Императору г. м. Липранди, къ описанію войны этой г. л. Михайловскаго-Данилевскаго. Спб. 1841, in fol. [2]).
15. Записки о сербскихъ войнахъ 1806—1813 гг., на сербскомъ языкѣ писанныя разными участниками — воеводами сербскими. Подлинныя рукописи съ добавленіями послѣдующихъ событій и примѣчаніями на русскомъ языкѣ, in fol. [3]).
16. Возстаніе Пандуръ подъ предводительствомъ Тодора Владимирески въ 1821 году, съ приложеніями [4]). Собрано и составлено полк. Липранди. Букарестъ, 1830, въ чернѣ in 4°. 20 томовъ.
17. Капитанъ Іоргаки Олимніотъ. Дѣйствія этеристовъ въ придунайскихъ княжествахъ; собрано и составлено полк. Липранди. Букарестъ, 1830, in fol.

---

[1]) Всѣ примѣчанія принадлежатъ самому г. Липранди.

[2]) Государю угодно было оставить рукопись въ архивѣ, а автору пожаловать бриллiантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ и 2000 р.

[3]) По близкому знакомству съ Иваномъ Липранди.

[4]) Начато по порученію генер. отъ инфантеріи Сабанеева и кончено послѣ его смерти.

18. О мѣрахъ къ развѣдыванію о Туркахъ вообще, въ княжествахъ, Болгаріи и проч. и о лицахъ, которыхъ можно употреблять для сего. Секретно. Полковника Липранди. Кишиневъ, 1827, in fol. [1]).
19. Свѣденія о состояніи турецкой дунайской флотиліи. И. П. Липранди. Яссы, 16 янв. 1828, in fol. [2]).
20. Размѣщеніе австрійской арміи въ концѣ января 1828 г. съ присовокупленіемъ состава оной. Полк. Липранди. Кишиневъ, 24 февраля 1828, in fol. [3]).
21. По высочайшему повелѣнію секретно. Краткое обозрѣніе Молдавіи, Валахіи и другихъ прилегающихъ земель въ военномъ отношеніи, съ присовокупленіемъ дѣйствій о приготовленіяхъ Турокъ до 30 марта 1828 г. Полк. Липранди. 3 апр. 1828, in fol. [4]).
23. О правленіи изъ Карасу въ Базарджикъ. Полковника Липранди. Кучукъ-Кинцесъ, 16 іюня 1828, in fol.
24. О войскѣ на Базарджикѣ по Выс. повелѣнію съ отрядомъ подъ начальствомъ полк. Липранди. Кучукъ-Кинцесъ, 18 іюня 1828, in fol.
27. Движеніе главной арміи отъ переправы чрезъ Дунай при Исакчи, сраженіе подъ Шумлой 8 іюля 1828 г. и основаніе здѣсь лагеря. Изъ записокъ полк. Липранди, in fol.
28. Обозрѣніе лѣваго непріятельскаго фланга съ атаманскимъ полкомъ. Полк. Липранди. Аванпосты при Тулчѣ 18 іюня 1828, in fol.
29. Свѣденія объ укрѣпленіи Шумлы, количество войскъ, размѣщеніе оныхъ, паши и т. п., съ планомъ. Полк. Липранди. Аванпосты при Шумлѣ, 8 авг. 1828, in fol.
30. Ночное нападеніе Турокъ 15 августа 1828 г. на правый флангъ нашей позиціи при Шумлѣ и овладѣніе редутомъ № V и въ то же время нападеніе на лѣвый флангъ при Маратѣ. Полк. Липранди. Аванпосты при Шумлѣ 20 авг. 1828, in fol.
31. Обозрѣніе и поискъ съ отрядомъ чрезъ Кулчеву на Маковщину и пр., съ планомъ. Полк. Липранди. Аванпосты при Шумлѣ 21 авг. 1828, in fol.
32. Поискъ на Котеши, битвы при оныхъ, подъ начальствомъ г. л. Ридигера. Полк. Липранди. Аванпосты при Шумлѣ, августъ 1828, in fol.

---

[1]) По порученію графа Дибича сообщеннаго г. м. Киселевымъ.
[2]) То-же.
[3]) То-же.
[4]) Объявленнаго графомъ Дибичемъ, чрезъ графа Киселева.

33. Отраженіе ночнаго нападенія Турокъ 28 авг. 1825 г. на центральные редуты №№ XII и XXVIII шумловской позиціи. Полк. Липранди. Аванпосты при Шумлѣ 1 сент. 1828, in fol.

34. Бейлештское сраженіе выигранное г. м. барономъ Гейсмаромъ. Сент. 1828 г. съ четырьмя планами. Полк. Липранди, in fol.

35. Очеркъ осады Варны въ 1828 г. изъ воспоминаній артиллерійскаго офицера, in fol.

36. О необходимости составить корпусъ партизановъ на правомъ берегу Дуная, съ поясненіями. Полк. Липранди [1]). Ноябрь 1828, in fol.

40. Попущеніе Турокъ на правый берегъ Дуная въ 1829 году въ Валахіи, въ окрестностяхъ Турко. Полк. Липранди. Букарестъ 1 мартъ 1831.

41. Краткій очеркъ движенія праваго фланга арміи подъ начальствомъ г. а. Киселева, въ 1829 г. изъ Валахіи, чрезъ Дунай и Балканы, противъ Паши Скодры, на Софію и пр. Полк. Липранди. Букарестъ 1830, in fol.

42. О распущеніи изъ Туртукая отряда волонтеровъ-партизанъ, съ исчисленіемъ ихъ службы и спискомъ оставшихся въ живыхъ. Полк. Липранди. Туртукай, 2 дек. 1829, in fol.

43. Дѣйствіе отряда волонтеровъ-партизанъ на правомъ берегу Дуная, въ 1829 году. Полк. Липранди. in fol.

44. Дѣйствіе полковника Липранди со времени нахожденія его при 2-й арміи, съ августа 1827 по дек. 1829 года, in fol.

45. О партизанской войнѣ въ Турціи и подробное дѣйствіе отряда волонтеръ-партизановъ на правомъ берегу Дуная, въ 1829 г. полк. Липранди, in fol.

47. Разсужденіе о путяхъ къ Адріатическому морю. Полк. Липранди Май 1830, in fol.

48. Военно-историческое подробное описаніе Адріанополя, его значенія въ военномъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Пути къ Константинополю; лагерныя мѣста и т. п. Полк. Липранди. 1830, толст. in fol.

49. О военной наукѣ съ примѣненіемъ оной къ Туркамъ, г. м. Липранди [2]). Тульчинъ, 11 марта 1832 г. in fol.

---

[1]) Проектъ былъ принятъ; отрядъ въ 1200 челов. былъ сформированъ.

[2]) Послѣдовало Выс. повелѣніе, за собственноручною подписью Велик. Кн. Михаила Павловича и потомъ военнаго министра, коимъ возлагалось на г. м. Липранди разработка этой науки относительно къ Туркамъ, на тотъ конецъ,

55. Преимущество естественной оборонительной линіи Турокъ, на которую съ обѣихъ сторонъ не было обращено должнаго вниманія. Д. с. с. Липранди. Ноябрь 1853. in fol.
57. Необходимость и въ настоящую войну имѣть отрядъ волонтеровъ-партизановъ изъ жителей праваго берега Дуная. Д. с. с. Липранди. Январь 1854. in fol.
58. Взглядъ на настоящій театръ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ и на содѣйствіе, которое мы можемъ встрѣтить въ Болгаріи. Д. с. с. Липранди. Январь 1854. in fol.
59. Дѣйствительное состояніе турецкой арміи и предполагаемая выгодна союзныхъ войскъ, съ нѣкоторыми замѣчаніями. Д. с. с. Липранди. Февраль 1854. in fol.
60. Смѣсь матеріаловъ, до этого отдѣленія относящихся. in fol.

II. Военно-административныя и секретныя.

4. Для учрежденія постоянныхъ и надежныхъ корреспондентовъ въ Молдавіи, Валахіи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Австріи. Полк. Липранди. 1853, in fol. [1]).
6. Записка съ показаніемъ, что можетъ быть принимаемо отъ поселянъ придунайскихъ княжествъ для военныхъ потребностей въ замѣнъ податей. Полк. Липранди. 1823, in fol.
8. Объ устройствѣ на предстоящую войну высшей заграничной тайной полиціи и учрежденіи агентовъ въ разныхъ мѣстахъ Турціи, Австріи и пр. (Высочайше утвержденъ) полк. Липранди. Тульчинъ, 1823 г. in fol. [2]).
9. Объ организаціи управленія Молдавіи, въ случаѣ занятія оной россійскими войсками, собственноручная, на франц. языкѣ писанная въ 1828 г. великимъ вornикомъ Михалакіемъ Стурдцою (впослѣдствіи князь Молдавіи); къ полковнику Липранди in fol. [3]).
13. Подробное описаніе климата европейской Турціи, эпидемическія и эндемическія болѣзни, предохранительныя средства туземм-

---

чтобы это послужило образцомъ къ дальнѣйшему изложенію науки и о другихъ народахъ.

[1]) По секретному порученію для подготовленія матеріала по Выс. повелѣнію.

[2]) То-же.

[3]) На полк. Липранди возложена эта обязанность съ особеннымъ жалованьемъ и штатомъ безъ офиціальнаго званія, а вмѣстѣ съ тѣмъ авансистиціи, службу и т. п.

ныхъ и иноземцевъ, гигіена и т. п. Полк. Липранди. Букарестъ 1830 толст. in fol.

14. Народное врачеваніе въ европейской Турціи разныхъ болѣзней съ наименованіемъ зелій, ими употребляемыхъ, на языкахъ славянскомъ, греческомъ, частію турецкомъ съ переводомъ оныхъ на латинскій языкъ. Полк. Липранди. Тульчинъ 1832 г. in fol.

19. Важность имѣть положительныя свѣденія на правомъ берегу Дуная и о тайныхъ козняхъ въ княжествахъ, съ указаніемъ на единственныя средства къ достиженію того въ полномъ объемѣ высшей заграничной тайной полиціи. Д. с. с. Липранди. Декабрь 1853 г. in fol. [1]).

22. Пути въ Болгаріи. Замѣчанія на этапы, госпитали и транспорты, Д. с. с. Липранди. Январь 1854 г. in fol. [2]).

23. Средства, которыя можетъ найти наша армія въ Болгаріи, при соблюденіи мѣстныхъ условій. Д. с. с. Липранди. Январь 1854 г. in fol.

24. Послѣднее десятилѣтіе 2-й западной арміи, предназначенной къ войнамъ съ Турціею. Приспособленіе ея къ этимъ войнамъ и т. п., въ чернѣ. Г. м. Липранди. 1840 г. in fol,

25. Смѣсь по этому отдѣленію относящаяся in fol.

III. Военно-топографическія, военно-историческія, военно-статистическія и т. п.

2. Нѣкоторыя свѣденія о правомъ берегѣ Дуная, собранныя въ 1826 году полк. Липранди. Кишиневъ 1826 г. съ планомъ in fol. [3]).

10. Военно-топографическое описаніе Сербіи, извлечено кратко изъ сборника полковника Липранди. 1830 г. толст. in fol.

11. Смѣсь, относящаяся къ этому отдѣленію, in fol.

IV. Политическія и секретныя.

1. Подлинная записка на франц. языкѣ, поданная Грекомъ Амошари, фельдмаршалу князю Прозоровскому, въ Букарестѣ

---

[1]) Какъ и 4 по Выс. повелѣнію секретно.

[2]) То-же.

[3]) То-же.

[4]) По порученію князя Воронцова съ Акерманскаго конгресса.

въ 1807 г. подъ заглавіемъ: «Проектъ и мысли о современныхъ политическихъ дѣлахъ Европы и въ особенности Турціи». Записка эта особенной занимательности была препровождена чрезъ Н. Н. Новосильцова къ Государю Императору in fol.

2. Секретныя заграничныя свѣденія изъ Молдавіи, Валахіи и вообще изъ Турціи, Австріи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Полк. Липранди отъ 23 сентября до 6 ноября 1827 г. in fol. [1]).

3. Три подлинныхъ письма, на франц. языкѣ, колл. сов. Апостола Стамо, посланнаго полковникомъ Липранди въ княжества, для собранія тайныхъ свѣденій о Туркахъ и вообще о разныхъ предметахъ, отъ 10 сент. до 8 окт. 1827 г. in 4° [2]).

5. Двѣнадцать подлинныхъ писемъ къ полковнику Липранди, изъ за границы, молдавскаго великаго ворника Михаилаки Стурдцы отъ 7 ноября 1827 до 22 апрѣля 1828 г. на франц. языкѣ in fol. [3]).

6. Четыре подлинныхъ письма, на франц. языкѣ, писанныя первымъ сѐкретаремъ французскаго консулата Віолье въ Яссахъ къ полк. Липранди отъ 11 янв. до 8 окт. 1828 г. in 4° [4]).

7. Тринадцать подлинныхъ донесеній, на нѣм. языкѣ, писанныя тайнымъ агентомъ полковника Липранди, австрійскимъ въ Фокшанахъ консуломъ Попсономъ, отъ 13 янв. по 13 марта 1828 г. in fol. [5]).

9. Тридцать пять подлинныхъ тайныхъ писемъ, со множествомъ особенныхъ приложеній отъ молдавскаго вел. логофета князя Константина Маврокордато къ полк. Липранди, на франц. языкѣ, отъ 20 января 1828 до вступленія нашего въ Яссы 25 апрѣля того же года. Толст. in fol. [6]).

10. Сорокъ девять подлинныхъ донесеній тит. сов. Туржанскаго, какъ агента въ Австріи по порученію полковника Липранди, съ 27 сент. 1827, по 10 іюля 1829 г. in fol. [7]).

11. Шестнадцать писемъ полковника Липранди, на франц. языкѣ,

---

[1]) По Выс. повелѣнію.
[2]) Сношеніе по вышеописанному порученію.
[3]) То-же.
[4]) То-же.
[5]) То-же.
[6]) То-же.
[7]) То-же.

изъ Яссъ, до открытія войны въ 1827 году къ г. а. Киселеву, in 4°.

13. Переводъ фирмановъ, относящихся къ войнѣ 1828 года, на франц. языкѣ, in fol.

15. О состояніи умовъ въ Молдавіи. Полк. Липранди. Тульчинъ, 1828 г. in fol. [1]).

16. О состояніи поселянъ въ Молдавіи. Полк. Липранди. Кишеневъ 1828 г. in fol. [2]).

17. Характеристическія черты нѣкоторыхъ главныхъ лицъ арміи въ продолженіи кампаніи 1828 г. Полк. Липранди. Калафатъ. Мартъ 1829 г. in fol.

18. Подлинное посланіе на болг. языкѣ, изъ Филиппополя къ полк. Липранди, о готовности Болгаръ къ возстанію въ 1829 г. in 4° [3]).

19. Разныя примѣчанія на турецкія войны вообще и въ частности политическій обзоръ княжествъ и т. д. писанныя на русскомъ и франц. языкахъ къ полк. Липранди, отставнымъ полковникомъ Георгіемъ Кантакузинымъ, въ разное время, отъ 1827 до 1830 года въ подлинникѣ in 4° [4]).

22. Извлеченіе изъ записокъ барона В. И. Л.... о придунайскихъ княжествахъ въ 1832 и 1833 г. на франц. языкѣ, in fol.

24. Нравственное состояніе придунайскихъ княжествъ, различіе въ характерахъ валашскихъ и молдавскихъ, записки на франц. языкѣ Сенъ Маркъ Жирардена, писанныя во время пребыванія его въ 1836 году въ княжествѣ, in fol.

25. Княжество Валашское въ 1848 году, съ приложеніями. Перев. съ англійскаго на русскій языкъ, in fol.

28. Краткій очеркъ этнографическаго, политическаго, нравственнаго и военнаго состоянія придунайскихъ княжествъ. Д. с. с. Липранди. Январь, 1854 г. in fol. [5]).

29. Краткій очеркъ этнографическаго, политическаго, нравственнаго и военнаго состоянія Сербіи. Д. с. с. Липранди. Январь 1854 г. in fol. [6]).

---

[1]) Сношеніе по вышеописанному порученію.

[2]) То-же.

[3]) То-же.

[4]) По близкимъ связямъ съ полков. Липранди.

[5]) По высочайшему повелѣнію, переданное г. а. Ростовцовымъ и графомъ Орловымъ. Впослѣдствіи переданное князю Паскевичу.

[6]) То-же.

30. Краткій очеркъ этнографическаго, политическаго, нравственнаго и военнаго отношенія Босніи. Д. с. с. Липранди. Январь 1854 г. in fol. [1]).
31. — — Албаніи. Январь 1854 г. in fol. [2]).
32. — — такъ называемой Румиліи, Өессаліи и Македоніи. Д. с. с. Липранди. Январь 1854 in fol. [3]).
33. — — Болгаріи. Д. с. с. Липранди. Янв. 1854 г. in fol. [4]).
34. Смѣсь матеріаловъ, относящихся къ политическому отдѣленію, in fol. [5]).

V. Историческія, географическія, статистическія и т. п.

8. Нѣкоторое разсужденіе о древнихъ городахъ Кіевѣ и Кіевцѣ въ Болгаріи. Полк. Липранди. Тульчинъ. Май 1831 г. in fol.
9. Историческое изслѣдованіе о болгарахъ, съ географическими примѣчаніями, походъ Святослава и пр. г.-м. Липранди. Въ чернѣ 26 томовъ in 4°.
10. Историческое, географическое, топографическое описаніе Сербіи, съ статистическими, характеристическими и другими замѣчаніями, расположенное въ азбучномъ порядкѣ. Г.-м. Липранди. Въ чернѣ толст. 30 томовъ in fol.
14. Краткое историческое изслѣдованіе о Черногоріи. Г.-м. Липранди. Тулчинъ 1835 г. in fol.
15. Краткое географическое и историческое описаніе Герцеговины. Г.-м. Липранди. Тулчинъ. 1835 г. in fol.
16. Древняя и новая исторія Валахіи. Г.-м. Липранди. Тулчинъ 1836. Въ чернѣ 6 томовъ in fol.
17. Краткое географическое и историческое описаніе Босніи. Г.-м. Липранди. Тулчинъ 1831 г. in fol.
18. Краткое описаніе Турецкой Кроаціи. Г.-м. Липранди. Тульчинъ 1835 г. in fol.
20. Черногорія и ея жители. 1848.
21. Дунай въ историческомъ отношеніи. Неизвѣстнаго in fol.

---

[1]) По высочайшему повелѣнію, переданное г. а. Ростовцовымъ и графомъ Орловымъ. Впослѣдствіи переданное князю Паскевичу.

[2]) То-же.

[3]) То-же.

[4]) То-же.

[5]) То-же.

22. Дунай. Г.-м. Липранди, 1836 г. in fol.
24. Смѣсь, къ этому отдѣленію относящаяся, in fol.

VI. Смѣсь.

3. Записка г.-а. Киселеву отъ полк. Липранди, съ аванпостовъ при Шумлѣ, 3 іюля 1828 г. in fol.
4. Пародіи на многихъ изъ бояръ Букареста въ видѣ каталога сочиненіямъ. Букарестъ, 1830 г. in 4°.
5. Сатирическіе куплеты на франц. языкѣ противъ лихоимства молдавскаго князя Михайлаки Стурдцы, въ 1836 году in 12°.
6. Шесть подлинныхъ писемъ на турецкомъ языкѣ, писанныхъ къ полк. Липранди рущукскимъ визиремъ Кучукъ-Ахметомъ и другими Турками въ 1829 году in 4°.
7. Смѣсь мелкихъ отрывковъ, in fol.

Приложеніе D.

Посланіе патріарха сербскаго Іосифа Раячича къ Святѣйшему Синоду въ Петербургъ отъ 15 авг. 1848.

Политическая движенія Европейская, пріемшая начатокъ свой съ началомъ текущаго лѣта, извѣстниіа суть Св. Синоду, нежели бы потребно было тѣхъ подробнѣе изложеніе. Она не могла мимойти и православный народъ сербскіи; въ ц. кр. аустріискихъ державахъ живущій. Бурное, устремительное поведеніе венгерскія діеты принудило ихъ величество благаго Государя Императора и Краля Фердинанда I ко цѣлокупной монархіи и народности сербской вреднымъ уступленіямъ. Народъ сербскіи понялъ опасное свое положеніе въ союзѣ съ баномъ Далмаціи, Кроаціи и Славоніи подобнѣ угрожаемымъ системою мадьярскаго министерства, взялъ предпріятіе путемъ законности содѣлати себѣ спасеніе отъ убыточныхъ намѣреніи мадьярскаго независимаго министерства, вкупѣ же и обезбѣдити цѣлокупность Монархіи.

Еще находилася на путешествіи своемъ ко всепресвѣтлѣйшему Государю Императору въ Инсбрукъ мною предводима бывша депутація сербска, и командирующи генералъ въ Славоніи и Сремѣ г. Фелдмаршалъ Лаитнантъ баронъ Храбовскіи, подвергшій себе налогомъ новаго мадьярскаго независимаго министерства, регулярными войсками и оружаною рукою, сдѣлалъ нападеніе изъ Петроварадина на смиреное, неогражденное іерархимое мѣсто Карловцы, ресиденцію сербскія патріархіи, но Богу возбраняющу со студомъ отраженъ бысть.

Съ того времене начаты явны военны демонстраціи противу народа сербскаго православнаго. Примѣру Храбовскаго послѣдовалъ

командующіи генералъ Банатскіи, Фелдмаршалъ Лайтнантъ Баронъ Пиретъ, который равно подвергъ себе налогомъ мадьярскаго министерства, предпріявшаго по средствамъ себе на распоряженіе стоящихъ регуларныхъ войскъ и мобилныхъ національныхъ гардъ дѣйствительную брань проти народа нашего. Ему стоятъ на расположеніе богати источницы правительственни, и съ многими войсками они уже ударали на насъ на нѣсколько мѣстъ: мнѣ обаче весма утѣштельно доставити до свѣденія Свѣтѣйшаго Синода, что по Промислу Божію несоразмѣрныя ихъ силы доселѣ всегда отражены были храбрымъ народомъ сербскимъ съ несоразмѣрными съ ихъ страны жертвами.

Народъ сербскіи, желавъ предупредити грозившую себѣ опасность отъ Мадьяровъ, 1-го Мая т. л. на основаніи всевысочайшихъ царскихъ позывательныхъ грамотъ и привилегій, отъ блаженныя памяти Императоровъ римскихъ и кралей Унгарскихъ Леополда I, Іосифа I народу сербскому дарованныхъ и отъ блаженныя памяти преемниковъ ихъ Карла IV и Маріи Ѳересіи потвержденыхъ, прогласилъ мирность того своего архіепископа и митрополита своимъ патріархомъ, и повѣреніе свое уживающаго ц. к. полковника и уже Генералъ Маіора г. Стефана Шуплыкацъ отъ Витезъ за своего воеводу; и занеже сей избраный Воевода Генералъ-Маіоръ отсутствуетъ, находясь въ арміи италійской подъ командою Фелдмаршала графа Радецкій, то народъ вручилъ смиренію моему привременное управленіе свое, которое изъ чистыя любві моея къ народу и къ православію и изъ уваженія къ затруднительности настоящихъ временъ принужденъ былъ на себе пріати, дондеже или воевода прійдетъ и управленіе пріиметъ, или дойдеже Богъ о вѣрныхъ своихъ инако не промислитъ.

Въ семъ затрудительномъ положеніи повседневно получаю увѣреніе, что врази наши непресѣчно болше пріуготовляются, имѣюще въ рукахъ обылная средства. Они непресѣчно умножаютъ силы своя и сухимъ и водою, нарочно Дунаемъ и Тиссою, на которыхъ посредствомъ бружаныхъ парополововъ спущаютъ непрестанно новыя ратоборцы, поражающе градове и веси наша на брезѣхъ сихъ рѣкъ, и повсюду убивающе народъ нашъ, не прощающе ни мужескому полу, ни женскому, ни старцемъ, ни дитямъ, и конечнымъ истребленіемъ народа нашего грозяще, да не повѣдаю о ужасныхъ варварскихѣ мученіяхъ которыми звѣрообразно излобляютъ народъ нашъ, женамъ и дитямъ ископающе очы, сѣкуще имъ руки, и подобная асіатская свирѣпствія своя изверпающе, не стидящеся на-

шего поведенія, которое по христянткому ученію упражняемъ, никаго не злоставляюще, но внѣ ратнаго ударенія прямо каждому должности человѣческія и христянскія наблюдающе.

Каковая же свирѣпствія и беззаконія себи дозволяютъ и противу самыхъ святинь нашихъ, православныхъ храмовъ божихъ, священныхъ иконъ, святія трапезы, священныхъ частицъ хлѣбныхъ и т. д., да изволитъ Св. Синодъ увидѣти изъ приключеннаго званичнаго акта, который отъ мене уже посланъ въ С. Петербургъ посредствомъ Императорскаго генералнаго консула въ Белградѣ г. полковника Данилевскаго, каковая беззаконія и потомъ и новѣйше повсюду содѣловаютъ, идѣже имъ прилика подается мощи имъ противу храмовъ нашихъ нарочно свирѣпствовати.

Съ коликимъ убо увѣреніемъ познаваю ихъ намѣреніе, которое естьли во извершеніе приведутъ (чему способствуютъ имъ несоразмѣрно крѣпшія силы), православіе въ австрійскихъ державахъ конечно истреблено будетъ: толико познавая слабость нашу, поготову въ отчаяніе погружаются, видя что лишаемся пѣнязей, лишаемся оружій, единственно необходимихъ пособій къ вожденію войны.

Въ качествѣ моемъ настоящемъ, неточію, какъ привременый управитель народа сербскаго, но нарочно яко іерархъ православныя церквы, кому природнѣе, кому полѣзнѣе исповѣмъ положеніе, труды, старанія и лишенія моя и вѣрнаго православнаго народа моего, развѣ Святѣишему Правительствующему Всероссійскому Синоду о благѣ православія толь бодро пекущемуся? Старческія молитвы моя со слезами возсылаю Богу вседержителю, о еже сохранити ему благочестивый народъ сербскій, Его Промисломъ въ мое слабомощное привременное управленіе ввѣренный, и о еже произвестися вѣрному отзыву сихъ страданій и болезней нашихъ въ благочестивыхъ душахъ православнаго и единоплеменнаго Сѵнода Всероссійскаго, обиліемъ благодати Божія притяжающаго средства, доставити до свѣдѣнія страданія и труды нашія всепресвѣтлѣйшему Государу Императору, всего православія крѣпкому, благотворному покровителю. Онъ единъ силенъ въ настоящее время матеріальнымъ и моралнымъ втеченіемъ своимъ спасти народъ сей православный отъ злобы и свирѣпствія иноплеменическихъ варваръ.

Предполагая же, что нарочное посланіе депутатовъ по предмету сему въ С. Петербургъ, могущее произвести клопотъ и враждебная толкованія между разными силами и публицистами европейскими, неугодно указало бы ся и всевысочайшему правленію и Св. Сѵноду, писменно всепокорнѣйше прошу именемъ церкве нашея православ-

ныя и именемъ благочестиваго народа сербскаго, во очевидной опасности находящихся, и еже намъ отъ обилнія милости всепресвѣтлѣйшаго государя императора матеріалной помощи въ деньгахъ и оружіи, который долгъ своимъ временемъ съ благодарностію возвратити будемъ, моралной же дипломатическимъ сношеніемъ съ высочайшимъ правленіемъ австрійскимъ благовременно и прежде нежели пропадемъ, благодѣтельно ниспослатися, и съ чувствомъ глубочайшаго моего высокопочитанія и совершенныя преданности честь имѣю быти.

(Изъ бумагъ патріарха Раячича, относящихся до событій въ Австріи 1848—1849 гг. и хранящихся въ Петербургѣ.)

Приложеніе Е.

Выписка изъ неизданнаго сочиненія И. П. Липранди «Сербія» томъ I, листъ 33[b]—38[b]).

«Въ 1812 году заключеннымъ въ Букарестѣ миромъ VIII статьею онаго упоминалось о Сербахъ и опредѣлено было обезпеченіе имъ во всемъ прошедшемъ. Но тщетно Георгій Черный настаивалъ на окончательныхъ условіяхъ съ Портою посредствомъ неоднократнаго посольства. Князь Морузи въ Шумлѣ давалъ понимать, что Турки весьма далеки были, чтобъ привесть въ исполненіе букарестскій трактатъ, съ другой же стороны, будучи внушаемы Наполеономъ напасть на Сербовъ, разбить ихъ и потомъ вторгнуться въ Австрію, чтобы тѣмъ отвлечь ее отъ содѣйствія съ Россіею и Пруссіею, Турки, дѣлая приготовленія на границахъ Сербіи, старались переговорами съ Сербами выиграть время, чтобъ увидать, какіе будутъ успѣхи Французовъ въ Германіи. Наконецъ, сдѣлавъ всѣ приготовленія, чтобъ подать дѣятельную помощь Наполеону, они со всѣхъ сторонъ вторгнулись въ Сербію. Черный Георгій или по внушенію повѣрныхъ людей, но преимущественно потому болѣе, что онъ опасался личныхъ негодованій многихъ изъ воеводъ, которые намѣревались убить его, или наконецъ потому что уже разбогатѣлъ; но какъ бы то ни было, онъ не имѣлъ на сей разъ склонности воевать противъ Турокъ. Прибывъ въ началѣ сентября изъ Бѣлграда въ Сербію, приказалъ онъ нѣкоторымъ воеводамъ, а именно Вулу Иличу, коменданту Семендрійскому, побросать всѣ пушки и снаряды въ Мораву и искать спасенія въ бѣг-

ствѣ, но не увѣдомлялъ о сихъ показаніяхъ главнокомандующаго сербскаго Младена Миловановича и другихъ отдѣльныхъ воеводъ. Увѣряютъ, что Георгій въ побужденіяхъ къ симъ поступкамъ укорялъ находившагося при немъ сербскаго митрополита Леонтія. Георгій, зарывъ часть своего имущества, возвратился въ Бѣлградъ и съ остальнымъ въ сопровожденіи Леонтія и статскаго совѣтника Ѳедора Недобы уѣхалъ въ Землинъ на австрійскую сторону.

Между тѣмъ Турки въ началѣ дѣйствія встрѣтили преграду на границахъ сербскихъ, преимущественно же на Дринѣ, гдѣ находились Лука Лазаревичъ, Стоянъ Чупичъ, протопопъ Матѳей Ненадовичъ, Милошъ Обреновичъ и нѣкоторые другіе воеводы: какъ равно весьма долгое время противъ Делиграда, къ сторонѣ Ниссы, гдѣ между воеводами болѣе всѣхъ отличался Вуица Вулевичъ (тотъ самый, который впослѣдствіи снялъ голову Георгія Чернаго) остававшійся въ укрѣпленіи семъ еще 40 дней послѣ паденія самаго Бѣлграда.

По полученіи извѣстій въ Шабацѣ, гдѣ позже была главная квартира сербскихъ войскъ, о переправѣ Турокъ чрезъ рѣку Мораву и о побѣгѣ Чернаго Георгія, постановлено было въ собраніи всѣхъ воеводъ, чтобы Милошъ съ двумя тысячами всадниковъ всемѣрно поспѣшилъ занять Бѣлградъ, прежде нежели Турки возмогутъ въ оный вторгнуться. Но не успѣли еще собрать конницы, какъ распространилось во всемъ станѣ извѣстіе, что Турки уже заняли и Бѣлградъ и отправились во внутренность земли для грабежа и для увлеченія жителей въ неволю. Отъ сего распространился страхъ и уныніе между простымъ народомъ: станъ и орудія были покинуты и каждый бѣжалъ, для спасенія, сколько возможно, собственности своей. Всѣ сербскіе начальники бѣжали на австрійскую сторону, каждый, гдѣ ему ближе и удобнѣе было, за исключеніемъ одного Милоша, который съ Димитріемъ Грекомъ, вездѣ его сопровождавшимъ, и однимъ стремяннымъ, потянулся внизъ къ Савѣ.

Турки, дотолѣ останавливаемые на каждомъ шагу и готовившіеся по наступленіи дождей возвратиться во свояси, ободрились и прямо пошли на Бѣлградъ, занятый уже отрядомъ, перешедшимъ Мораву безъ бою; прибывъ туда, обратились они немедленно къ австрійскому правительству съ требованіемъ выдачи имъ спасшагося бѣгствомъ въ австрійскія владѣнія Георгія Чернаго, равно

какъ и другихъ съ нимъ же ушедшихъ сербскихъ предводителей. Требованіе сіе сопровождаемо было угрозою, что если тѣ начальники не будутъ выданы Туркамъ добровольно, то они сами станутъ ихъ отыскивать вооруженною силою. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали они какъ бы повелительнымъ образомъ и съ угрозами требовать у австрійцевъ жизненныхъ припасовъ и другихъ потребностей. Между тѣмъ однакоже, прежде нежели турецкая армія могла собраться въ Бѣлградѣ, получено было извѣстіе о потерянномъ Наполеономъ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Происшествіе сіе въ тоже мгновеніе смягчило Турокъ, хотя нѣкоторые паши и настаивали на томъ, чтобъ учинено было нападеніе на Австрійцевъ.

Причины внезапнаго нападенія сего, сверхъ приписываемаго несогласія между начальниками сего народа, впрочемъ всегда существовавшаго, но что Георгій Черный всегда умѣлъ соединять въ одну душу, когда нужно было общее содѣйствіе для защиты отечества, весьма часто употреблявшаго для сего пистолетъ свой, разсмотрѣвъ со вниманіемъ и безпристрастіемъ все до сего относящееся, то истинныя причины паденія сего:

1. Отъ недостатка въ послѣднее время благоразумныхъ распоряженій въ сербскомъ сенатѣ, изъ котораго, предъ паденіемъ за нѣсколько мѣсяцевъ, по приказанію верховнаго вождя, который самъ будучи неграмотнымъ, велѣлъ всѣхъ ученыхъ людей изъ Сербовъ, находящихся въ сенатѣ и другихъ должностяхъ, выключить, изъ опасенія будто бы измѣны, потому что они хотя были и Сербы, но изъ австійскихъ провинцій, и которые столь славное принимали участіе въ оборонѣ прежняго ихъ кореннаго отечества и славы. Въ настоящемъ смыслѣ они были лучшими патріотами, чѣмъ самые даже туземцы, ибо, оставляя семейство и имущества свои въ Арстріи, привлечены были только изъ благороднаго побужденія.

2. Не было общаго, ни частнаго, для разныхъ отдѣльныхъ начальниковъ, плана кампаніи, какъ предъ началомъ оной, такъ и во время дѣйствія, дабы въ случаѣ надобности, они взаимными движеніями могли подкрѣплять другъ друга.

3. Народъ не имѣлъ уже того духа, послѣ возвращенія русской арміи отъ сербскихъ границъ и изъ Сербіи, а еще болѣе потерялъ оный, когда взаимные происки воеводъ обратились къ гоненію нѣкоторыхъ болгарскихъ, арнаутскихъ и греческихъ капитановъ, ко-

торые со своими людьми, можно сказать, всегда составляли основу всѣхъ ополченій сербскихъ подъ названіемъ бекіяровъ, и которымъ Сербія несомнѣнно обязана была много. Тайныя убійства, совершаемыя надъ нѣкоторыми изъ нихъ, были поводомъ, что они почти всѣ оставили Сербію, присоединясь къ Туркамъ, а большею частію перешли въ княжества, гдѣ въ 1821 году и послужили основаніемъ предпріятію князя Ипсиланти. Бекяры сіи оставались только въ маломъ количествѣ у гайдука Велька и Младена, составляя его момаковъ или гвардію, и, не пожелавъ перейти съ нимъ въ Австрію, присоединились къ Милошу, какъ сказано было выше оставшемуся въ Сербіи; съ сими-то бекярами онъ и началъ ополченіе свое противу Турокъ.

4. Въ послѣднее время верховный вождь Георгій Черный совсѣмъ измѣнился, и казалось всему народу, что онъ потерялъ прежнее свое мужество и дѣятельность: одни приписывали это тому, что онъ разбогатѣлъ и болѣе не желаетъ подвергать себя смерти; другіе, оправдывая его, выводили всему причину отъ необразованности его и потому недальновидности въ политикѣ и дипломатическихъ сношеніяхъ, въ чемъ можно нѣкоторыя иноземныя лица могли ему внушить, частію сами лично, а частію чрезъ митрополита Леонтія. Несомнѣнно, во всякомъ бы случаѣ весьма трудно было Сербамъ устоять противъ всѣхъ силъ турецкихъ, тогда направленныхъ на Сербію. Но не менѣе того мужественный, единодушный и благоразумнѣй отпоръ, который при помощи мѣстоположенія, столь споспѣшествующаго къ оборонительной войнѣ, могли дать Туркамъ, еще въ то время бывшимъ въ невѣжествѣ въ отношеніи къ военной наукѣ, особенно же снабдивъ достаточнымъ гарнизономъ и нужными запасами Бѣлградъ и нѣкоторыя другія крѣпкія мѣста, заставили бы Турокъ приступить къ осадной войнѣ, подвергнувъ ихъ между тѣмъ на пространствѣ цѣлой Сербіи малой войнѣ или народному возстанію, въ приближающееся уже осеннее время, въ которое Турки, особенно же того времени, совершенно бываютъ неспособными. Словомъ если бы Георгій Черный со всѣми оборонительными способами, тогда въ его власти бывшими, оказался бы опять таковымъ какъ прежде, то навѣрное можно полагать, что Турки, встрѣчая на каждомъ шагу убійственное сопротивленіе, поспѣшили бы отступить при первомъ извѣстіи о послѣдствіяхъ лейпцигскаго сраженія; занятіе же Парижа 1814 года и отреченіе Наполеона отъ трона Франціи безспорно принесло бы

самостоятельнымъ и непокорившимся Сербамъ важныя дипломатическія пособія въ политическомъ отношеніи. Милошъ, какъ мы увидимъ, въ сіе самое время, ополчившись съ весьма малою частію народа, могъ нѣкоторымъ образомъ заставить уже Турокъ вступить съ нимъ въ переговоры и нѣкоторымъ образомъ оправдать оба вышеозначенныя предположенія наши.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. АѲАНАСЬЕВА:

«Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу», т. 2 и 3.

Составленъ профессоромъ А. Котляревскимъ.

Ни одна изъ отраслей науки «Славянскихъ Древностей» не находится въ такомъ шаткомъ положеніи, какъ Миѳологія: не смотря на интересъ и важность своего предмета, на значительное количество усилій, посвященныхъ его изслѣдованію, она не успѣла еще возвыситься надъ значеніемъ агтрегата отрывочныхъ свѣдѣній и стать на степень точной *историко-филологической науки.* Недостатокъ критической обработки источниковъ предмета и отсутствіе строгаго ученаго метода его изслѣдованія открываютъ свободное поле для объясненій и выводовъ по личному вкусу и личнымъ понятіямъ *о правдоподобіи;* отсюда, естественно, происходитъ произволъ толкованія, который порождаетъ сомнѣніе и въ самой наукѣ. Онъ не умѣряется и тѣмъ, что одни изслѣдователи вовсе избѣгаютъ всякихъ положительныхъ выводовъ, ограничиваясь неопредѣленными намеками о значеніи миѳическихъ представленій и образовъ, или — указаніемъ связи и соотвѣтствія ихъ съ миѳическими представленіями иныхъ родственныхъ народовъ; другіе же — довольствуются передачею фактовъ и общимъ объясненіемъ ихъ, по большей части и вѣрнымъ, но — всегда узкимъ и мало отвѣчающимъ требованіямъ историческаго знанія: неопредѣленность и сухой формализмъ объясненій столь же бываютъ неудовлетворительны,

какъ и полная, предоставленная личной прихоти, свобода ихъ! Отсутствіе предварительной разработки матерьяла и нетвердость метода изслѣдованія отозвались и на программѣ науки, на установкѣ тѣхъ задачъ и вопросовъ, которые должны составлять существенное ея содержаніе: самые важные изъ нихъ до сихъ поръ остаются въ тѣни, по крайней мѣрѣ — не видно, чтобы они были строго опредѣлены и получили общепризнанную обязательную силу. Оттого вниманіе изслѣдователей такъ часто обходитъ существенныя стороны предмета и вдается въ вопросы второстепеннаго порядка, оттого труды ихъ большею частью страдаютъ односторонностью направленія и столь замѣтными пробѣлами.

При такомъ несовершенномъ состояніи науки «Славянской Миѳологіи», мы находимъ неумѣстнымъ приступить къ оцѣнкѣ обширнаго труда г. Аѳанасьева безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ объясненій: намъ необходимо хоть въ общихъ чертахъ обозначить важнѣйшія точки и провести путеводныя нити миѳологическаго изслѣдованія, чтобы отсюда войти въ обсужденіе вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудился, или долженъ былъ потрудиться авторъ, а также — и въ частную оцѣнку отдѣльныхъ сторонъ его изслѣдованій. Сочиненіе г. Аѳанасьева — и по важности предмета, и по своимъ внутреннимъ достоинствамъ — принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, оцѣнка которыхъ не должна быть ограничиваема *краткимъ отзывомъ:* то трудолюбіе и та отчетливость, съ какими авторъ прошелъ избранный имъ путь, обязываютъ и критику ко вниманію отчетливому.

I.

Задачи миѳологическаго изслѣдованія опредѣляются сами собою при взглядѣ на происхожденіе и историческое движеніе миѳовъ и религіозныхъ представленій.

Разногласія о *происхожденіи* миѳологіи можно считать законченными: съ тѣхъ поръ какъ въ рѣшеніяхъ миѳологическихъ вопросовъ приняло участіе сравнительное языкознаніе, не подлежитъ уже сомнѣнію, что *первоначальные миѳы* вышли изъ естественнаго человѣку стремленія — понять и выразить въ словѣ явленія и дѣйствія окружавшей его природы, что они были необходимыми формами мысли и представленія этихъ явленій и дѣйствій; поэтому въ основаніи древнѣйшихъ миѳическихъ представленій всегда лежитъ какое нибудь явленіе изъ жизни природы, и каждый древній миѳъ

есть поэтическая картина, или олицетворенное изложеніе природнаго явленія. Но это только первичный видъ миѳа, начало его исторіи. Первымъ шагомъ его въ дальнѣйшемъ движеніи есть вторженіе его въ сферу религіи, гдѣ онъ опредѣляетъ предметы и порядки культа, и въ сферу практической жизни, гдѣ онъ порождаетъ многіе обычаи и обрядности. Съ постепеннымъ развитіемъ и усложненіемъ жизни, развиваются и усложняются и миѳъ и религіозная сторона его, то отражая на себѣ мирные успѣхи развитія, то оттѣняясь красками историческихъ обстоятельствъ, которыя переживаются народомъ: если до сихъ поръ въ миѳахъ дѣйствовали существа нечеловѣческаго характера и въ сферѣ надземной, среди обстановки нечеловѣческой, то теперь они низводятся на землю, въ среду человѣка (локализація миѳовъ) и не только начинаютъ облекаться въ человѣческіе образы (антропоморфизмъ), но и принимаютъ въ свои ряды простыхъ смертныхъ, роднясь съ ними узами крови и допуская ихъ дѣятельному участію въ своей побѣдной борьбѣ съ враждебными силами. Приближенный къ человѣку, миѳъ становится человѣчественнѣе и идетъ слѣдомъ исторіи. Такъ — для него не проходятъ безслѣдно ни измѣненія въ бытѣ, ни успѣхи нравственнаго и эстетическаго образованія народа: первыя вносятъ въ миѳъ историко-этнографическое содержаніе, вторые — сообщаютъ ему нравственный смыслъ и художественное значеніе; равнымъ образомъ не остается безъ вліянія и дѣятельность фантазіи: она или распространяетъ миѳъ многими прибавками, или сливаетъ нѣсколько миѳовъ въ одинъ, или — наконецъ — дробитъ цѣльный миѳъ на отдѣльныя части и каждую округляетъ въ цѣлое. Рядомъ съ такими измѣненіями миѳовъ, происходящими незамѣтно въ самомъ народѣ — совершаются еще и другія: миѳическимъ содержаніемъ овладѣваютъ *поэты* и *вѣщіе* люди (жрецы) и ведутъ далѣе его развитіе сообразно съ требованіями поэзіи и религіи; возникаетъ такъ-называемая *высшая миѳологія*, которая приводитъ въ стройное цѣлое дотолѣ разрозненные элементы миѳовъ и религіозныхъ представленій, восполняетъ пробѣлы ихъ [1]) и находитъ свое выраженіе въ формѣ эпоса или поэтически-религіозной пѣсни (какова напр. Völuspa). Но самое сильное дѣйствіе на измѣненіе миѳовъ оказываетъ внесеніе въ жизнь новыхъ началъ образован-

---

[1]) Замѣтить слѣдуетъ, что иногда эти пробѣлы восполняются изъ *чужеродныхъ* источниковъ, какъ это видно во многихъ *космо-* и *теогоническихъ* сказаніяхъ.

ности и религіи, приходящихъ извнѣ и ведущихъ за собою множество новыхъ понятій и представленій. Подъ ихъ вліяніемъ старые миѳы подвергаются кореннымъ превращеніямъ: дѣйствіе ихъ, правда, можетъ въ главныхъ чертахъ сохраниться, но дѣйствователи, прежніе боги и герои, замѣняются новыми, а самъ миѳъ получаетъ новую религіозно-моральную одежду и направленіе; новыя начала приносятъ не столько отрицаніе дѣйствительности старыхъ миѳическихъ представленій, сколько отрицаніе добраго нравственнаго начала ихъ, потому миѳическія существа послѣднихъ не исчезаютъ, но блѣднѣютъ въ своихъ индивидуальныхъ образахъ и отмѣчаются безразличными чертами зла и враждебности къ человѣку. *Миѳологія* въ собственномъ смыслѣ оканчивается, мѣсто ея заступаетъ *демонологія!*

Не слѣдуетъ, однако, думать, что этимъ и оканчивается миѳическая производительность народа: она обнаруживается не только въ измѣненіяхъ стараго, образовавшагося въ младенческую эпоху жизни племенъ, матерьяла, но и въ созданіи новаго, въ произведеніи *новыхъ миѳовъ:* въ миѳическія формы можетъ облечься и историческое событіе и явленіе бытовой жизни, какъ скоро для этого соединяются извѣстныя условія; цѣлая масса новыхъ миѳовъ, баснословныхъ представленій и разсказовъ, цѣлый слой новѣйшей миѳологіи образуется подъ вліяніемъ чужеземной легендарной литературы и переводныхъ произведеній книжной мудрости. Существенное отличіе этихъ миѳовъ новаго порядка отъ старыхъ заключается въ томъ, что они — совершенно чужды той природной основы, на которой выросли *миѳы первичные*, и если въ нихъ довольно часто входятъ и старые элементы природнаго чудеснаго, то это потому, что народная фантазія привыкла къ этимъ поэтическимъ формамъ и не имѣетъ нужды творить новыя; стало-быть она пользуется ими только въ *поэтическомъ смыслѣ*, и со стороны изслѣдователя будетъ большою ошибкою доискиваться природнаго значенія новыхъ миѳовъ или посредствомъ его объяснять ихъ возникновеніе.

Таковы общія черты историческаго хода миѳовъ и религіозныхъ представленій!

При всемъ разнообразіи отдѣльныхъ вопросовъ, на которые должно быть устремлено вниманіе миѳолога, какъ видно — три главныхъ задачи предстоятъ вообще миѳологическому изслѣдованію, именно: во 1-хъ — опредѣленіе происхожденія и первичнаго значенія миѳовъ; во 2-хъ — раскрытіе ихъ исторической жизни, ихъ измѣненій по отдѣльнымъ народностямъ; наконецъ, въ 3-хъ —

опредѣленіе происхожденія и значенія миѳовъ вторичнаго порядка или новѣйшихъ.

Взглянемъ теперь на матерьялъ, которымъ можетъ располагать изслѣдователь, и обозначимъ методъ самаго изслѣдованія.

Миѳы создаются при непосредственномъ участіи *языка:* наименованія миѳическихъ предметовъ, термины, обозначающія ихъ дѣйствія и отношенія, — живо отражаютъ въ себѣ то впечатлѣніе, которое явленія природы производили на душу младенчествующаго человѣка, такимъ образомъ *языкъ* содержитъ въ себѣ элементы древнѣйшей миѳологіи и потому является не только богатымъ и важнымъ, но иногда единственнымъ источникомъ миѳологическаго экзегеза. Далѣе — элементы миѳовъ, самые миѳы, факты религіозныхъ представленій и понятій дошли до насъ въ *народныхъ преданіяхъ*, изъ которыхъ немногіе занесены въ старинныхъ памятникахъ письменности, большая же часть сохранилась въ бытѣ простаго народа, въ произведеніяхъ его поэзіи, въ вѣрованіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ; факты же новѣйшей миѳологіи содержатся или въ позднѣйшихъ произведеніяхъ письменности, или также — въ народныхъ преданіяхъ.

Сохраненные путемъ преданія, источники миѳологіи не уцѣлѣли въ своемъ первобытномъ, чистомъ видѣ: они прошли длинный рядъ превращеній и иногда дотого измѣнились, что невооруженному глазу почти невозможно разсмотрѣть ихъ старинныя основныя черты; необходима ученая, методическая реставрація, которая, освободивъ ихъ отъ историческихъ осложненій и наносовъ времени, возвратила бы ихъ къ первичной чистой формѣ. Относительно языка, значеніе и возможность подобной реставраціи давно признаны, такъ что нѣтъ никакой надобности въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Тѣмъ же путемъ *сравненія*, которымъ идетъ лингвистъ при отысканіи затерянныхъ древнѣйшихъ формъ языка, долженъ слѣдовать и миѳологъ, и притомъ не только соблюдая всѣ точные пріемы и правила лингвистики, но и дополняя, и повѣряя свои заключенія ея данными. Когда найдена чистая форма миѳа и природный смыслъ его сталъ ясенъ, тогда миѳологу предстоитъ путь *обратнаго* изслѣдованія: онъ отыскиваетъ, какъ распространялись, развивались и измѣнялись миѳы у различныхъ родственныхъ племенъ подъ вліяніемъ природныхъ и историческихъ условій жизни. Здѣсь его изслѣдованіе становится на чисто историческую почву и получаетъ историческое направленіе: въ миѳахъ и религіозныхъ представленіяхъ онъ слѣдитъ развитіе и измѣненія на-

роднаго быта, мысли и самосознанія, отмѣчаетъ въ нихъ движеніе исторической жизни и энтографическія ихъ особенности, словомъ — разсматриваетъ миѳологію, какъ источникъ общей исторіи народной образованности. Особеннаго вниманія требуютъ такъ-называемыя *историческія свидѣтельства*, но вмѣстѣ съ тѣмъ — и особой осторожности употребленія: сохранившись въ старинныхъ памятникахъ письменности, они доносятъ къ намъ такіе факты миѳологическаго и религіознаго быта, которые по большей части исчезли изъ живой народной памяти, но случайность ихъ, невѣрная передача свидѣтелями, тотъ ложный свѣтъ, въ которомъ они часто представляются, наконецъ — этнографическія смѣшенія въ нихъ, указываютъ на необходимость строгой предварительной критической оцѣнки и разбора этого рода источниковъ. Что касается до *новой миѳологіи*, то изслѣдованіе ея представляется довольно сложнымъ: чтобъ раскрыть образованіе новыхъ миѳовъ, должно войти въ тщательное разсмотрѣніе письменныхъ легендарныхъ ихъ источниковъ, и притомъ — не только въ отношеніи содержанія ихъ, но и языка, ибо одною изъ главныхъ причинъ возникновенія новыхъ миѳовъ бываютъ недоразумѣнія и смѣшенія въ употребленіи пониманіи и толкованіи словъ. Въ культурно-историческомъ отношеніи произведенія новой миѳологіи имѣютъ весьма важное значеніе: они служатъ источникомъ многихъ суевѣрныхъ понятій и убѣжденій народа, отражаясь и въ практическихъ обыкновеніяхъ жизни, и въ области поэзіи и искусства. Предметъ новой миѳологіи касается насъ стороною, именно на столько, на сколько необходимо для того, чтобы отдѣлить старое отъ новаго, потому мы воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ объясненій, отсылая интересующихся къ сочиненію Альфреда Морй: «Essai sur les légendes pieuses du moyen âge» P. 1843 и ко 2-й части Мюллеровыхъ «Lectures on the science of language», гдѣ они найдутъ не только богатый запасъ матерьяловъ, но и ясное, превосходное изложеніе общихъ пріемовъ изслѣдованія и законовъ образованія новѣйшей миѳологіи.

Мы обозначили только важнѣйшія стороны миѳологическаго изслѣдованія, нѣкоторыя подробности опредѣлятся ниже, при разсмотрѣніи труда г. Аѳанасьева, къ которому мы теперь и обращаемся.

II.

Принявъ во вниманіе недостаточность ученой разработки Славянской миѳологіи, было бы несправедливо требовать отъ автора,

чтобы онъ одинаково удовлетворилъ всѣмъ выше намѣченнымъ задачамъ миѳологическаго изслѣдованія: такой трудъ въ настоящее время — еще не по силамъ единичному ученому! Если онъ выполнитъ и одну часть ихъ, то окажетъ уже существенныя услуги наукѣ и будетъ имѣть полное право на доброе съ ея стороны признаніе.

Г. Аѳанасьевъ поставилъ своею задачею изслѣдовать обширную область народныхъ миѳическихъ преданій, вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ Славянскаго племени, вышедшихъ изъ поэтическаго и религіознаго воззрѣнія на природу. Хотя онъ и не имѣлъ въ виду полнаго изложенія Славянской миѳологіи, тѣмъ не менѣе— его изслѣдованіе распространяется на всю ея область и касается всего ея содержанія. Главное, на что обращено вниманіе автора— есть раскрытіе первоначальнаго смысла и значенія миѳовъ и явленій языческой религіозной жизни, такъ что въ этомъ отношеніи его трудъ можетъ быть скорѣе названъ *природной Символикой миѳологіи* и *религіи языческихъ Славянъ*, чѣмъ *поэтическими воззрѣніями ихъ на природу*. Мы можемъ быть кратки въ обозначеніи достоинствъ сочиненія г. Аѳанасьева: они представляются уже достаточно извѣстными и признанными. Авторъ прошелъ путь изслѣдованія съ отчетливымъ вниманіемъ и любовью къ своему предмету, неохлажденными утомительнымъ свойствомъ кропотливой работы, онъ не скупился ни трудомъ собирателя, ни трудомъ мысли: въ отношеніи матерьяла въ его сочиненіи мы получаемъ не только полнѣйшій изъ доселѣ бывшихъ сборниковъ древностей народнаго быта, но и въ полномъ смыслѣ слова — первое собраніе, составленное съ знаніемъ требованій науки и потому — важное и необходимое и для археолога и для историка образованности; можно уже и теперь пополнить нѣкоторыя части его, потому что авторъ не всегда располагалъ всѣми нужными пособіями; со временемъ — такихъ дополненій потребуется еще болѣе, такъ какъ запасы народнаго быта еще долго не придутъ въ истощеніе; но отъ этого собраніе г. Аѳанасьева не утратитъ своего значенія и не войдетъ въ число книгъ неважныхъ и обходимыхъ. Въ отношеніи ученаго изслѣдованія— трудъ автора представляетъ первую систематическую попытку осмотрѣть съ сравнительной точки зрѣнія весь доселѣ собранный матерьялъ народныхъ славянскихъ преданій и вѣрованій. Хотя обширность задачи и слабость предварительной разработки предмета, какъ увидимъ далѣе, отразилась на этомъ опытѣ нѣкоторыми пробѣлами и болѣе или менѣе важными недостатками; но въ общемъ

можно признать, что авторъ дѣлаетъ въ наукѣ довольно значительный шагъ впередъ, именно — шагъ отъ случайныхъ и отрывочныхъ изслѣдованій въ области народныхъ преданій, отъ неопредѣленныхъ сближеній ихъ и нетвердыхъ миѳологическихъ заключеній — къ систематическому разсмотрѣнію всего запаса фактовъ миѳологическаго и религіознаго быта Славянъ, къ положительному сравненію ихъ съ преданіями родственныхъ племенъ съ цѣлью объясненія затеряннаго древнѣйшаго ихъ значенія и смысла. Вездѣ ли авторъ былъ одинаково счастливъ въ своихъ объясненіяхъ — откроется далѣе, но его опытъ приложенія объяснительнаго метода сравнительной миѳологіи къ славянскимъ преданіямъ — вообще можетъ быть названъ удачнымъ: множество миѳическихъ образовъ, суевѣрныхъ понятій и порядковъ жизни, получаютъ здѣсь впервые свое разумное, основанное на началахъ науки, естественное толкованіе. Такія достоинства труда г. Аѳанасьева нельзя не считать существенными!

Переходимъ къ подробностямъ. Наши замѣчанія мы раздѣлимъ на двѣ части: въ однихъ — мы разсмотримъ нѣкоторыя характеристическія стороны изслѣдованія; въ другихъ — покажемъ, какъ авторъ воспользовался своими источниками. Замѣтимъ здѣсь напередъ, что если наше разсмотрѣніе будетъ имѣть преимущественно отрицательный характеръ, будетъ болѣе отыскивать слабыя стороны и указывать недостатки, чѣмъ выставлять стороны сильныя и отмѣчать достоинства труда г. Аѳанасьева, то этого не слѣдуетъ объяснять въ неблагопріятную для автора стороны, именно — не слѣдуетъ думать, что отрицательныя стороны сочиненія или его недостатки перевѣшиваютъ положительныя или его достоинства: такое заключеніе будетъ вполнѣ ложно. Достоинства разбираемаго труда гораздо значительнѣе его недостатковъ, но именно потому мы болѣе и останавливаемся на послѣднихъ: они вызываютъ мотивированныя объясненія, тогда какъ при обозначеніи достоинствъ не предстоитъ надобности входить въ подробности и можно ограничиться болѣе или менѣе общими указаніями.

Г. Аѳанасьевъ стремится раскрыть происхожденіе и первичный природный смыслъ миѳическихъ и религіозныхъ представленій; единственный правильный путь къ этому, какъ указано выше, есть реставрація преданій или возведеніе ихъ къ древнѣйшей чистой формѣ посредствомъ освобожденія отъ наслоеній времени. Авторъ, хотя и признаетъ необходимость такого пути, но слѣдуетъ ему лишь въ немногихъ, исключительныхъ случаяхъ: обыкновенно онъ

ставитъ рядомъ преданія славянскія и сходныя съ ними преданія другихъ родственныхъ племенъ, удерживая всѣ подробности и мелочи ихъ индивидуальнаго, народнаго развитія; въ этнографическомъ отношеніи такое сопоставленіе вполнѣ умѣстно, но при разрѣшеніи вопроса о происхожденіи и первоначальномъ смыслѣ миѳическихъ представленій, оно порождаетъ запутанность и ведетъ къ ложнымъ заключеніямъ. Это отчасти отразилось и на трудѣ г. Аѳанасьева: трудно составить себѣ ясное представленіе о томъ, какъ авторъ понималъ эпоху индо-европейскаго единства, т. е. какой объемъ быта, какія миѳическія и религіозныя представленія усвоялъ онъ ей и какія предоставлялъ на долю послѣдующей индивидуальной жизни отдѣльныхъ племенъ; кажется, что онъ въ этомъ отношеніи придавалъ слишкомъ много значенія *сходству* преданій и по немъ судилъ объ «общемъ наслѣдіи индо-европейскихъ народовъ»; но сходство еще не свидѣтельствуетъ о *тождествѣ* происхожденія: оно можетъ явиться и независимо у разныхъ народовъ, какъ слѣдствіе одинаковаго развитія и условій жизни, оно, наконецъ, можетъ быть и слѣдствіемъ заимствованія (какъ напр. во многихъ сказкахъ); отъ сходства преданій заключать къ ихъ тождеству можно безошибочно только тогда, когда, возведенныя въ первичную чистую форму, они совпадутъ не только по содержанію, но и по тѣмъ словамъ и лингвистическимъ терминамъ, которыми обозначаются предметы ихъ; безъ этихъ же условій заключенія по сходству о тождествѣ, не имѣютъ непреложной силы и могутъ быть призрачны. Несоблюденіе этого важнаго правила сравнительной миѳологіи условило нѣкоторые недостатки сочиненія г. Аѳанасьева. Прежде всего оно отозвалось перевѣсомъ иноземнаго матерьяла надъ славянскимъ: поставленныя рядомъ съ простыми элементарными славянскими преданіями, богатыя внутреннимъ развитіемъ преданія родственныхъ народовъ часто совершенно заслоняютъ ихъ, тогда какъ, по задачѣ автора, преданія иноземныя должны занимать только подчиненное, объяснительное мѣсто. Неудобства такого изложенія для славянской науки — очевидны, и они устранились бы, еслибы авторъ попытался выдѣлить мелкія черты индивидуальнаго развитія преданій и удержалъ бы только то, что̀ принадлежало къ основной индо-европейской формѣ ихъ. Какъ ни остороженъ былъ авторъ въ своихъ сближеніяхъ и объясненіяхъ, онъ не всегда попадалъ на вѣрную дорогу: не всегда сближалъ только тождественныя или родственныя черты, не всегда бывалъ и свободенъ отъ увлеченія объяснять съ миѳологической

точки зрѣнія то, что вовсе не требовало никакого миѳологическаго объясненія. И понято — почему: такъ-какъ миѳическія представленія взяты имъ въ ихъ позднѣйшемъ видѣ, со всѣми мелочами бытовыхъ осложненій, то желаніе объяснить смыслъ цѣлаго миѳа невольно распространяло миѳологическое толкованіе и на всѣ частности его, причемъ неизбѣжно появлялись и искусственныя объясненія, и чисто внѣшнія сближенія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: на стр. 14—15 (т. II), говоря объ очистительномъ значеніи огня, авторъ видитъ отголосокъ этого миѳическаго понятія въ обычномъ народномъ лѣченіи сибирской язвы *посредствомъ раскаленнаго желѣза*, «которое въ глубочайшей древности принималось за эмблему Перуновой палицы»; но что же общаго между этимъ *раціональнымъ* медицинскимъ средствомъ и миѳическимъ представленіемъ небеснаго огня, кромѣ внѣшняго совпаденія предметовъ? На стр. 73 (т. II) читаемъ: «Народное повѣрье приписываетъ домовому особенную страсть къ лошадямъ; по ночамъ онъ любитъ разъѣзжать верхомъ, такъ что нерѣдко поутру видятъ лошадей въ мылѣ: тоже самое записано въ старинной хроникѣ (т. е. у Саксона Грамматика) о Святовитѣ». И то и другое вѣрно; но невѣрно сближеніе; ибо между Святовитомъ и домовымъ нѣтъ ничего общаго и указанная авторомъ черта представляетъ въ обоихъ случаяхъ только простое народное объясненіе обыкновеннаго явленія (что замѣчено и самимъ Саксономъ, lib. XIV, p. 826 ed. Müllerii), но никакъ не даетъ права роднить эти два различные миѳологическіе образа. На стр. 91 (т. II), авторъ весьма вѣрно опредѣляетъ священное значеніе у индо-европейскихъ народовъ — межевой черты и межевыхъ знаковъ, деревянныхъ столбовъ и камней, но ему недовольно того, что они служили вещественными знаменьями владычества родовыхъ пенатовъ» и наглядно для всѣхъ указывали на рубежъ собственности, и онъ даетъ имъ слѣдующее миѳологическое объясненіе: «деревянный столбъ (чурбанъ) — говоритъ онъ — былъ принимаемъ за воплощеніе Агни, такъ какъ въ немъ таится живой огонь, добываемый треніемъ, и такъ какъ деревомъ питается священное пламя очага; камень же — символъ небеснаго пламени, которое возжегъ богъ-громовникъ каменнымъ молотомъ и низвелъ на очагъ въ видѣ молніи». Можно согласиться, что деревянные столбы и камни были грубыми изображеніями (идолами) боговъ терминовъ или пенатовъ; но чтобы матерьялъ ихъ, дерево и камень, указывали на миѳическое представленіе небеснаго огня — это преувеличенное миѳологическое толкованіе ав-

тора, которое едва ли выиграло бы въ вѣроятіи даже и тогда, когда удалось бы доказать, что индо-европейскія племена могли избирать для изображенія своихъ боговъ-терминовъ какой-нибудь иной матерьялъ, а не одни только дерево и камни. Повѣрья, что «водяной» находится въ близкихъ отношеніяхъ съ мельницами и мельникомъ, авторъ объясняетъ тѣмъ (стр. 236, II т.), что «мельница принималась за поэтическое обозначеніе громоносной тучи», а «водяной былъ первоначально дождящее божество и только потомъ низведенъ на земные потоки». Что водяной былъ первоначально дождящимъ божествомъ — это еще можетъ быть допущено на основаніи нѣкоторыхъ, хотя и отрывочныхъ, но довольно рѣшительныхъ намековъ въ преданіяхъ; но объяснять отсюда и связь его съ мельницами и придавать послѣднимъ атмосферическое значеніе— нѣтъ ни основаній, ни надобности; ибо гдѣ же доказательство, что эта черта миѳическаго представленія — дѣйствительно древняя и была въ миѳѣ еще и въ то время, когда онъ имѣлъ чисто воздушный характеръ; гдѣ ручательства, что она не произошла, когда водяной сталъ властелиномъ земныхъ водъ; не естественнѣе ли думать, что мельница поставляется въ связь съ водянымъ, какъ предметъ, который, находясь на его владѣніяхъ, стоитъ и въ нѣкоторой отъ него зависимости. Преданія даютъ этому объясненію полную силу; ибо какъ напр. можетъ быть объяснена съ точки зрѣнія атмосферическаго миѳа та *подать* или *дань* водяному, которая по народнымъ понятіямъ необходима при постройкѣ мельницы? Далѣе (стр. 243, II т.) авторъ рисуетъ по народнымъ преданіямъ образъ дѣйствій водяныхъ и говоритъ, что въ «ночную пору дерутся водяные съ лѣшими, отчего идетъ по-лѣсу грохотъ и трескъ падающихъ деревьевъ и громко раздается во всѣ стороны шумъ плещущихъ волнъ: повѣрье, намекающее на битвы грозовыхъ духовъ; грохотъ и трескъ въ лѣсу и звучные удары по водѣ соотвѣтствуютъ громовымъ раскатамъ, отъ которыхъ сокрушаются темныя дебри облаковъ и льются дождевые потоки». Откровенно сознаемся — мы не понимаемъ причины такихъ объясненій: она могла бы существовать только тогда, когда бы можно было доказать, что мы дѣйствительно имѣемъ передъ собою поблекшія черты древняго миѳическаго воззрѣнія на борьбу надземныхъ элементовъ природы; но ничего подобнаго нѣтъ въ настоящемъ случаѣ; представленіе о борьбѣ водяныхъ съ лѣшими не можетъ быть даже названо миѳическимъ, это — простая попытка народнаго ума объяснить непонятное явленіе посредствомъ борьбы привычныхъ для

него суевѣрныхъ образовъ; такія объясненія могутъ возникать во множествѣ каждую минуту, какъ только представится поводъ къ нимъ, они и исчезаютъ также быстро, какъ появляются; относить ихъ къ древнему миѳу — невозможно, а потому, напрасно и объяснять ихъ миѳологически. Замѣтимъ здѣсь вообще, что по нашему мнѣнію, тогда только позволительно объяснять подобныя черты народныхъ суевѣрныхъ разсказовъ древними миѳическими представленіями, когда можно указать строгія эпическія формы языка или поэзіи, въ которыхъ путемъ преданія должны были сохраняться эти представленія и, постепенно ослабѣвая и измѣняясь, входить въ современные суевѣрные разсказы; безъ этого же критерія — произвольныя объясненія неизбѣжны. Продолжимъ еще наши отдѣльныя замѣтки, которыя служатъ къ характеристикѣ изслѣдованія автора. Можно согласиться съ его миѳологическимъ объясненіемъ сказаній о связѣ змѣевъ съ женщинами (стр. 612, II т.), но когда онъ хочетъ объяснить миѳологически и нравственный мотивъ этихъ сказаній, какъ измѣна долгу матери, жены или сестры, когда «въ судѣ божьемъ», которому предоставляетъ оскорбленный сынъ рѣшеніе участи измѣнницы матери (мечь или стрѣла изъ лука сама находитъ и поражаетъ ее), — онъ видитъ миѳическое представленіе «Перуна, разящаго молніеноснымъ мечомъ и стрѣлами мать свою — облачную нимфу» (стр. 616), тогда его объясненіе отымаетъ у сказанія его существенный нравственный элементъ, который здѣсь является вполнѣ самостоятельнымъ и не долженъ быть выводимъ изъ первоначальнаго миѳическаго представленія. Стремленіе автора объяснять всѣ частности преданій путемъ миѳологическимъ иногда переходитъ въ настоящее увлеченіе, такъ на стр. 623—4 (II т.) онъ и столь обычное эпическое измѣреніе неизмѣримо долгаго времени и пространства (жена должна искать своего потеряннаго мужа дотолѣ, доколѣ, странствуя, не износитъ желѣзной обуви и не сотретъ желѣзнаго посоха) объясняетъ — впрочемъ съ сомнѣніемъ — миѳологически (т. е. — по его мнѣнію — пока не совершенно сброситъ съ рукъ и ногъ своихъ желѣзныхъ оковъ зимы). На стр. 664 (III т.) авторъ объясняетъ названіе *волчее время*, употреблявшееся въ старину для обозначенія зимнихъ мѣсяцевъ (Декабря, Января и Февраля), тѣмъ, что «Зима въ образѣ *волка* нападала тогда на божій міръ и мертвила его своими острыми зубами». Принявъ въ разсчетъ, что наименованія славянскихъ мѣсяцовъ возникли въ сравнительно позднюю эпоху (ср. соч. Миклошича: «Die slavischen Monatsnamen», W. 1867, p. 1), авторъ — ду-

маемъ мы, поступится своимъ объясненіемъ въ пользу того, которое полагаетъ, что названія *волчьяю времени*, *волчьяю мѣсяца*, *волчица* происходитъ отъ обычной въ это время течки волковъ. Довольно часто авторъ указываетъ *на связь* вѣрованій, представленій и обычаевъ, причемъ нерѣдко предоставляетъ догадливости читателя ближайшее ея уразумѣніе, такъ на стр. 48 (II т.) говорится: «баднякъ доселѣ поливается виномъ и масломъ; *обсыпаніе сю зерновымъ хлѣбомъ* стоитъ *въ связи* съ миѳическимъ представленіемъ дождевыхъ капель ниспадающими съ небесъ сѣменами; тоже значеніе имѣетъ и обрядъ посыпанія молодой четы зернами, чтобы надѣлить ее силою чадородія». Едва ли это связь — дѣйствительная: зерновой хлѣбъ и безъ всякаго отношенія къ дождю, служилъ самымъ естественнымъ символомъ обилія жизни и плодородія, стоитъ вспомнить только наименованія его: *рожь*, *жито*, *obilé* и т. д. На стр. 288 (т. III) извѣстіе Стоглава о томъ, что на седьмой недѣлѣ великаго поста *жгутъ солому и кличутъ мертвыхъ* приводится въ объясняющую связь съ обычаемъ *полагать умирающаго на солому;* внѣшняя связь между тѣмъ и другимъ — очевидна, но внутренней, объясняющей — мы не видимъ. Вообще должно замѣтить, что г. Аѳанасьевъ даетъ слишкомъ много силы — связнымъ соотношеніямъ между отдѣльными фактами миѳическихъ представленій, вѣрованій и обычаевъ: они являются у него звеньями одной цѣльной цѣпи, одной всеобъемлющей мысли; но простое мышленіе народа, конечно, не шло такъ далеко: оно могло породить представленіе или обрядъ, удовлетворяющій ближайшей мысли и побужденію, и если эти представленія и обряды сближались съ цѣлымъ кругомъ другихъ, то отсюда нельзя еще заключать, что это — связь сознательная и причинная; а не формальная, происшедшая только потому, что запасъ формъ мышленія былъ не великъ и не разнообразенъ, и оно по необходимости прибѣгало къ однимъ и тѣмъ же формамъ для выраженія различныхъ понятій и представленій.

Мы привели нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ слабыя стороны изслѣдованія г. Аѳанасьева, они взяты нами такъ-сказать случайно, безъ намѣреннаго выбора; въ книгѣ отыщется еще много подобныхъ и даже болѣе яркихъ; потому мы считаемъ себя въ правѣ распространить на сравнительную часть труда автора слѣдующее общее замѣчаніе о недостаткахъ ея. Не возведя преданій къ чистой первоначальной формѣ и подвергая ихъ сравнительному объясненію въ позднѣйшемъ ихъ видѣ, со всѣми подробностями

ихъ органическаго и случайнаго развитія, авторъ слишкомъ расширилъ миѳологическій экзегезъ и слишкомъ мало призналъ бытовой, житейскій элементъ миѳическихъ преданій: обыкновенныя немиѳическія черты ихъ онъ объяснялъ миѳологически. Объясненія эти во многихъ случаяхъ имѣютъ характеръ простой, неутвержденной на лингвистической основѣ — подставки миѳической основы подъ позднѣйшія черты преданій; потому, при всемъ правдоподобіи своемъ, не имѣютъ силы полной достовѣрности. Нѣкоторыя сближенія фактовъ должны быть признаны внѣшними или неправильными.

Высказанное здѣсь сужденіе о слабыхъ сторонахъ сравнительнаго изслѣдованія г. Аѳанасьева требуетъ, однако, существеннаго ограниченія: оно вѣрно и справедливо лишь въ безотносительномъ смыслѣ, когда же посмотрѣть ближе, что могъ исполнить авторъ въ условіяхъ современнаго состоянія науки, то наше сужденіе окажется слишкомъ требовательнымъ и должно быть смягчено болѣе чѣмъ наполовину. Первые шаги въ наукѣ всегда страдаютъ не только многими оступями, но и вообще нетвердостью: изслѣдователь часто идетъ на угадъ, часто долженъ довольствоваться одними гипотезами, чтобы удовлетворить своему стремленію внести свѣтъ въ дотолѣ темную область; но было бы правильно основаніе его усилій — и они не останутся безплодны. Такой первый рѣшительный шагъ въ наукѣ на правильномъ основаніи дѣлаетъ г. Аѳанасьевъ — и не признавать этой заслуги изъ-за многихъ оступей, увлеченій и недостатковъ его, иногда неизбѣжныхъ при новизнѣ дѣла — будетъ болѣе чѣмъ несправедливо. Мы не сомнѣваемся, что дальнѣйшее движеніе науки измѣнитъ многое въ сравнительныхъ сближеніяхъ и объясненіяхъ г. Аѳанасьева, но мы думаемъ, что она оправдаетъ, приметъ и усвоитъ изъ нихъ еще болѣе, ибо и теперь, въ несовершенномъ видѣ, огромное большинство ихъ отличается достоинствомъ истины и полной убѣдительности.

Весь изслѣдовательный трудъ и вниманіе г. Аѳанасьева сосредоточивается преимущественно на вопросахъ о происхожденіи и первичномъ природномъ смыслѣ миѳическихъ представленій и фактовъ вѣрованья; но за этою первою, такъ-сказать психологическою, задачею миѳолога, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ эпохой миѳовъ, лежащей выше обособленія отдѣльныхъ народностей, — стоитъ другая, по нашему мнѣнію еще болѣе важная, задача, именно — раскрытіе историко-этнографическаго значенія миѳовъ у различныхъ народовъ. Здѣсь только миѳологъ становится на историческую почву и трудъ его получаетъ историческое значеніе. Г. Аѳа-

насьевъ вполнѣ признаетъ важность изслѣдованія историко-этнографической стороны миѳическихъ представленій, онъ дѣлаетъ иногда въ этомъ отношеніи весьма мѣткія наблюденія и замѣчанія (ср. II т. стр. 50, 618—619; III т. стр. 124 и др.); но вообще удаляется отъ историко-этнографическихъ объясненій и воздерживается отъ нихъ даже и тамъ, гдѣ они какъ-бы напрашиваются сами собою. Отъ этого произошла не только общая односторонность сочиненія, но и весьма замѣтные внутренніе пробѣлы въ немъ. Войдемъ, для примѣра, въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ частностей, гдѣ авторъ, по нашему мнѣнію, не принялъ въ разсчетъ требованій историческаго изслѣдованія. На стр. 2—5 (II т.) опредѣляется природное значеніе Сварожича и Радегаста, въ которыхъ авторъ видитъ одно и тоже молніеносное божество; онъ принимаетъ, что первобытный воинскій характеръ этихъ миѳическихъ образовъ былъ причиною, почему они являются распорядителями войнъ. Это до извѣстной степени вѣрно, но зачѣмъ же авторъ остановился на этомъ объясненіи, зачѣмъ онъ не пошелъ далѣе путемъ историческимъ? Вглядѣвшись ближе въ подробности образовъ и аттрибуты этихъ божествъ, которые передаютъ Титмаръ и Адамъ Бременскій, и сопоставивъ ихъ съ характеромъ быта балтійскихъ Славянъ, онъ увидѣлъ бы, что не столько природное воинское значеніе Сварожича-Радегаста, сколько самая жизнь сдѣлала ихъ богами-воителями: среди мирнаго быта эти божества на вѣрное не получили бы той грозной, воинственной опредѣленности, съ какою они явились у балтійскихъ Славянъ, жизнь которыхъ вся проходила среди борьбы и воинскихъ тревогъ. Такія образы божествъ, какъ Свантовитъ — у Руянъ, Яровитъ — у Лютичей, Сварожичь-Радегастъ— у Ратарей — составляютъ не только явленія религіознаго быта, но факты самой исторіи, судьбы которой выразились въ нихъ такими яркими чертами. Взглянувъ на дѣло съ этой стороны, авторъ могъ бы дополнить исторію миѳологическою страницею высокой важности. На стр. 225 — 229 (т. II) авторъ передаетъ преданія о рѣкахъ; въ миѳологическомъ отношеніи эти разсказы (если только они народнаго происхожденія, ибо та форма, въ которой они занесены въ книгу автора—не народнаго, а литературнаго источника) любопытны, какъ факты олицетворенія рѣкъ, но въ историко-географическомъ они также имѣютъ свою долю интереса, потому что указываютъ на народныя географическія понятія, образовавшіяся, конечно, отъ торговыхъ сношеній. Эпосъ здѣсь овладѣлъ результатомъ житейскаго опыта народа. Остановимся далѣе на нѣкоторыхъ

признакахъ историко-этнографическаго быта въ преданіяхъ о домовомъ и лѣшемъ; авторъ съ большою вѣроятностью доказываетъ, что эти миѳическіе образы суть водворенные на землѣ древніе боги-громовники; но позволителенъ вопросъ: что́ вызвало это низведеніе надземныхъ существъ на землю, подъ вліяніемъ какихъ причинъ они получили тѣ черты, которыми обозначаются въ позднѣйшихъ преданіяхъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать иначе, какъ указаніемъ на историко-этнографическія формы быта. Дѣйствительно, не былъ ли образъ лѣшаго непосредственнымъ произведеніемъ тѣхъ условій жизни и той эпохи, когда, по словамъ лѣтописца, люди «живяху въ лѣсѣхъ, якоже всякій звѣрь», не соотвѣтствуетъ ли домовой — условіямъ прочной осѣдлой жизни и ея порядкамъ! Причина, почему древнее природное представленіе было низведено на землю, заключалась именно въ новыхъ условіяхъ быта, которые побуждали народную мысль или къ созданію чего нибудь новаго, имъ соотвѣтственнаго, или къ подновленію стараго сообразно съ ихъ потребностями; послѣднее представлялось болѣе легкимъ и, такимъ образомъ, старые привычные образы водворились на землѣ; но среди новой, земной обстановки, питаемые условіями народнаго быта, они развивались уже независимо отъ прежнихъ природныхъ основъ — на основаніяхъ историко-этнографическихъ. Потому — видѣть во всѣхъ чертахъ этого бытоваго періода миѳическихъ сказаній о лѣшемъ и домовомъ одни только подновленные отголоски древнихъ представленій и объяснять ихъ, какъ это нерѣдко дѣлаетъ г. Аѳанасьевъ (см. напр. II, 334, 337 и др.), позднѣйшею замѣною или перенесеніемъ, — значитъ все поступательное движеніе жизни и народной мысли сводить къ единственной косной работѣ претворенія стараго. На стр. 668 (II т.) авторъ указываетъ преданія, соединяемыя съ дѣйствительными или предполагаемыми изображеніями слѣдовъ богатырской ноги или копыта богатырскаго коня на камняхъ, онъ объясняетъ ихъ миѳологически, какъ отголосокъ представленія о миѳическихъ коняхъ, которые «ударяя своими копытами въ облачныя горы и камни, выбивали изъ нихъ живые источники дождевыхъ ливней»; мы же полагаемъ, что эти преданія относятся не къ столь отдаленной миѳологіи и произошли вслѣдствіе желанія народа объяснить дѣйствительно существующія изображенія на камняхъ и скалахъ человѣчьей ступни или конскаго копыта [1]);

[1]) Происхожденіе этихъ изображеній — историко-юридическое: они служили знакомъ границы, до которой дошла и гдѣ остановилась нога завладѣтеля или его коня, сравни Grimm D. Rechtsalterthümer, p. 542.

иное дѣло преданіе о конѣ Ильи Муромца, который ударомъ копыта выбиваетъ ключевой источникъ (ср. пѣсни Кирѣевскаго, вып. I, прил. с. XXXIII): оно, нѣтъ сомнѣнія, передаетъ древній миѳъ и вполнѣ подходитъ къ объясненію г. Аѳанасьева. Въ историческомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣ миѳическія сказанія, гдѣ человѣкъ выражаетъ превосходство своей природы предъ другими миѳологическими существами, богатыми внѣшней силой, но бѣдными смысломъ и умѣніемъ дать этой силѣ плодотворное для дальнѣйшихъ успѣховъ жизни направленіе, таковы напр. преданія о первой встрѣчѣ великановъ съ людьми (II, стр. 719) и объ одноглазомъ великанѣ (Полифемѣ, ib. стр. 696 и сл.). Г. Аѳанасьевъ при объясненіи ихъ ограничивается миѳическою стороною, которая, какъ бы ни была вѣрно опредѣлена, не исчерпываетъ сущности этихъ сказаній: въ первомъ изъ нихъ выражается понятіе о рѣшительномъ превосходствѣ новаго поколѣнія обитателей земли, людей-земледѣльцевъ предъ бродучимъ, чуждымъ условій общественной осѣдлой жизни поколѣній великановъ; во второмъ — о торжествѣ ума и искусства человѣка надъ неразумною силою ихъ. Только принявъ во вниманіе эти бытовые и нравственные мотивы сказаній, становится возможнымъ надлежащее уразумѣніе историческаго смысла и значенія ихъ. Весьма ощутительнымъ пробѣломъ въ сочиненіи г. Аѳанасьева представляется неполнота свѣдѣній о *великанахъ историческихъ*, въ наименованіяхъ которыхъ отразились воспоминанія о событіяхъ исторической жизни Славянъ и враждебныхъ столкновеніяхъ ихъ съ чуждыми народами, именно: объ Исполинахъ, Обрахъ, Щуди и Велетахъ. На стр. 170 и слѣд. (т. III) авторъ указываетъ на воинскій характеръ Вилъ, онъ относитъ его къ миѳическому источнику, такъ какъ «въ грозѣ древній человѣкъ созерцалъ борьбу стихій, кровавыя битвы и дикую охоту облачныхъ духовъ», а Вилы несомнѣнно принадлежали къ разряду послѣднихъ; но можно спросить, почему идея же воинственности не соединена съ Русалками, которыя по существу своему мало чѣмъ отличаются отъ Вилъ? Очевидно, что не миѳическія причины, а воинскій характеръ самаго быта Сербовъ отмѣтилъ чертами воинственности эти любимыя созданія его фантазіи; самъ авторъ замѣчаетъ далѣе (стр. 173), что Вилы являются «защитницами политической свободы и общественныхъ интересовъ южныхъ Славянъ»; такъ не ближе ли будетъ въ связи съ этимъ объяснять и характеръ ихъ, чѣмъ выводить его всецѣло изъ затеряннаго миѳическаго наслѣдства! Тоже самое замѣчаніе можемъ мы распространить и

на выводъ автора (стр. 367, III т.), что «облачныя жены и дѣвы, подъ вліяніемъ различныхъ миѳическихъ сближеній, принимаютъ вѣщій и воинственный характеръ и дѣлаются участницами божественнаго суда»: никакія миѳическія сближенія не могли бы развить воинственный характеръ этихъ образовъ, еслибы къ тому не представила поводовъ самая исторія, тревоги воинской жизни и борьбы, съ идеею которыхъ у многихъ племенъ неразлучно соединялась идея судьбы и суда божьяго! При объясненіи значенія народныхъ праздниковъ (гл. XXVIII) также, по нашему мнѣнію, слѣдовало указать на тотъ своеобразный *историческій* оттѣнокъ, съ которымъ они совершались у балтійскихъ Славянъ (ср. Helm. I, 52; Ebo III, 3). Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, что авторъ мало расположенъ къ изслѣдованію историко-этнографическихъ началъ миѳологіи; кажется, впрочемъ, что эта задача совсѣмъ не входила въ планъ его труда: ему предстояло слишкомъ много работы при объясненіи возникновенія и первичнаго значенія фактовъ миѳологическаго содержанія, и онъ оставилъ будущимъ изслѣдователямъ исполненіе дальнѣйшаго. Потому хотя въ общемъ и должно признать, что сочиненіе г. Аѳанасьева, по отсутствію наблюденій надъ историко-этнографическимъ элементомъ Славянской миѳологіи, страдаетъ односторонностью и неполнотой; но, въ виду обширности труда по исполненію первой задачи миѳологическаго изслѣдованія, мы едва ли имѣемъ право вмѣнять этотъ недостатокъ въ вину автору и поступимъ вѣрнѣе, объяснивъ его извѣстнымъ *воздержаніемъ*, а не невниманіемъ къ требованіямъ науки. Въ отношеніи *новѣйшей* миѳологіи должно замѣтить, что авторъ не имѣлъ въ виду спеціальнаго изслѣдованія ея и пользовался ея фактами настолько, насколько въ нихъ вошли отголоски древнихъ миѳовъ, которые онъ и отыскиваетъ среди различныхъ созданій позднѣйшей суевѣрной фантазіи и мысли, уже осложнившихся множествомъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и чуждыхъ вліяній. По большей части онъ исполняетъ это весьма удачно, но иногда, по отсутствію предварительной критической разработки источниковъ, или же по увлеченію спеціалиста, относитъ къ чистому миѳическому источнику такіе факты, которые вышли изъ гораздо болѣе поздняго литературнаго источника и должны быть объясняемы вліяніемъ христіанскихъ понятій и представленій. Мы еще будемъ имѣть случай коснуться этого предмета при разсмотрѣніи, какъ авторъ пользовался своими источниками, теперь же ограничимся немногими замѣчаніями, собственно въ подтвержденіе высказаннаго нами сужденія. На стр.

458—69 (II т.) авторъ приводитъ славянскія преданія о сотвореніи міра. Можно согласиться съ его объясненіемъ, что первоначальный космогоническій миѳъ представляетъ образъ весенняго обновленія природы или созданія новой міровой жизни изъ зимняго ея омертвенія, но едва-ли можно допустить, какъ полагаетъ авторъ, что этотъ миѳъ у Славянъ непосредственно выразился въ приводимыхъ имъ преданіяхъ. Источникъ ихъ — вовсе не миѳическій, но книжный, апокрифическій (съ богумильскими элементами), который и указывается самимъ же авторомъ (стр. 462). Не станемъ спорить, можетъ быть и въ основѣ апокрифическаго разсказа лежитъ зерно природнаго миѳа, но во всякомъ случаѣ онъ создался не на славянской почвѣ и только пересаженъ на нее при посредствѣ письменности, въ ту эпоху, когда съ миѳическими представленіями не соединялось никакаго природнаго значенія; поэтому миѳологическое объясненіе можетъ быть умѣстно развѣ въ отношеніи тѣхъ прибавокъ и отступленій противъ подлинника, которыя находятся въ преданіяхъ. На стр. 161—2 (II т.) авторъ говоритъ: «земля, по свидѣтельству старинныхъ памятниковъ, покоится на водахъ всесвѣтнаго (воздушнаго) океана...; но какъ тучи, эти небесныя водохранилища, олицетворялись въ образѣ великанскихъ рыбъ, то отсюда возникло вѣрованье, что *земля основана на китахъ-рыбахъ*» По отношенію къ славянскимъ преданіямъ можно навѣрное сказать, что это вѣрованіе (!) возникло не изъ миѳологическаго представленія, а изъ источника книжнаго, апокрифическаго, который и указывается далѣе авторомъ (стр, 163 и сл.). Киты — носители вселенной не могли принадлежать славянской миѳологіи уже и потому, что Славяне познакомились съ этимъ животнымъ въ очень позднее время. На стр. 44 (III т.) авторъ касается извѣстной «Повѣсти о бодрости человѣческой» или «о преніи Живота со Смертью», онъ вѣрно опредѣляетъ христіанскій характеръ и позднѣйшее литературное происхожденіе этихъ произведеній, но потомъ самъ же отступаетъ отъ этой мысли и говоритъ, что «можно допустить обратное воздѣйствіе, т. е. переходъ устнаго *древне-миѳическаго* сказанія о борьбѣ жизни и смерти въ старинные рукописные памятники, причемъ оно необходимо подверглось литературной обработкѣ». На основаніи этого соображенія авторъ и вноситъ въ миѳологію важнѣйшіе мотивы этой «Повѣсти». Не входя въ разсужденіе о *возможности* такого обратнаго перехода, замѣтимъ, что гораздо надежнѣе было бы держаться *исторической достовѣрности*, т. е. указаній на позднѣйшій литературный источникъ этихъ произведеній

средневѣковой трагической мысли о непрочности земнаго величія: внѣшнее сходство образовъ еще не представляетъ ручательства въ основной ихъ торжественности. Равнымъ образомъ и въ дальнѣйшемъ объясненіи «печальной обязанности» Смерти — авторъ, какъ полагаемъ, слишкомъ много даетъ простора природно-миѳологическому объясненію и слишкомъ мало принимаетъ въ разсчетъ религіозно-миѳологическую исторію этихъ образовъ, образовавшихся подъ вліяніемъ и при содѣйствіи разнообразныхъ этнографическихъ началъ, ибо — нѣтъ сомнѣнія, что представленія восточной (египетской) миѳологіи о божествахъ смерти перешли въ античную, а отсюда—въ христіанскую миѳологію [1]), въ которой, по переработкѣ, пустили такіе глубокіе корни! Иногда авторъ соединяетъ совершенно различные и только формально тождественные предметы; это особенно видно въ главѣ (XXV, II т.) о «дѣвахъ судьбы»—Рожаницахъ: онъ приводитъ много мѣстъ изъ русскихъ и славянскихъ памятниковъ о существованіи астрологическихъ понятій и ученій въ древней Руси, пришедшихъ изъ Византіи и Запада; но что общаго между ними и древне-славянскимъ вѣрованіемъ въ Родъ и Рожаницы? Правда, и астрологія основывала свои заключенія на теченіи звѣздъ и Рожаницы стояли въ связи со звѣздами; но первая — въ полномъ смыслѣ чужое, заносное знаніе, вторыя — естественно — произведеніе славянскаго народнаго вѣрованія. Авторъ видитъ это (стр. 322), но полагаетъ, что астрологическія ученія потому и находили сочувствіе народа, что основывались на древнѣйшихъ его вѣрованіяхъ; этимъ, по его мнѣнію, «объясняются и тѣ постоянные протесты, съ которыми вынуждена была выступать церковь противъ такъ-называемаго «звѣздословія»». Касаясь самаго жизненнаго вопроса о судьбѣ человѣка, астрологія могла находить сочувствіе въ народѣ и помимо своего родства съ его древнѣйшими вѣрованіями; въ то время, когда начали входить къ намъ астрологическія понятія, вѣрованіе въ Роженицъ и связь ихъ съ звѣздами представлялось до того поблеклымъ, что едва-ли народъ могъ приводить его въ какое-либо соотношеніе съ новымъ ученіемъ; протесты церкви противъ «звѣздословія» также мало указываютъ на народный элементъ астрологіи: они объясняются православнымъ направленіемъ русской церкви, которая не могла равнодушно отнестись къ еретичеству «звѣздословія». Отдѣливъ

---

[1]) См. ст. A. Maury: Des divinités et des génies psychopompes въ Revue archéologique 1845, t. I.

должнымъ образомъ *старое* и *народное* отъ *новаго* и *заноснаго*, авторъ правильно освѣтилъ бы и древне-миѳологическое значеніе Рожаницъ и астрологическія суевѣрія позднѣйшей миѳологіи и, конечно, не имѣлъ бы нужды возводить послѣднія къ древнѣйшему миѳическому источнику. Вліяніе христіанства обнаружилось не только въ формальной замѣнѣ старыхъ образовъ и представленій— новыми, или въ подставкѣ ихъ, но и въ созданіи новыхъ, дотолѣ совершенно чуждыхъ народнымъ понятіямъ. Если первые допускаютъ миѳологическую реставрацію, то вторые, не имѣя прямой связи съ природнымъ міровоззрѣніемъ, должны быть объясняемы изъ запаса христіанскихъ понятій и представленій. Обративъ вниманіе на внѣшность, въ нихъ найдешь не мало чертъ и мотивовъ древне-языческихъ воззрѣній: это было естественнымъ слѣдствіемъ преемственности историческихъ явленій; христіанская миѳологія развилась на готовой почвѣ и унаслѣдовала многіе элементы изъ древняго міра, но она своеобразно переработала ихъ и окончательно оторвала отъ природной языческой основы, потому и объяснять ихъ послѣднею — невозможно. Нѣтъ сомнѣнія напр., что средневѣковая демонологія по своимъ пластическимъ, внѣшнимъ образамъ представляетъ прямой отголосокъ античнаго язычества, но кто захотѣлъ бы объяснять ее первоначальнымъ природнымъ значеніемъ послѣдняго, тотъ, конечно, пошелъ бы по совершенно ложной дорогѣ и исказилъ бы сущность историческаго явленія. Тѣмъ менѣе, полагаемъ, существуетъ основаній къ объясненію такихъ своеобразныхъ фактовъ христіанской миѳологіи всецѣло изъ представленій славянскаго народнаго язычества: Славяне, чрезъ посредство исторіи и литературы, получили эти факты готовыми, ихъ языческій капиталъ вовсе не участвовалъ въ *созданіи* представленій христіанской миѳологіи, а развѣ только въ нѣкоторыхъ *измѣненіяхъ* или прибавкахъ къ нимъ, потому, подбирая послѣднія и пользуясь ими, миѳологъ не долженъ распространять далѣе своего экзегеза и принимать за язычество то, что въ сущности принадлежитъ новымъ христіанскимъ воззрѣніямъ. Не всегда такъ поступаетъ г. Аѳанасьевъ, на стр. 29 и сл. (III т.) напр. онъ представляетъ весьма интересную картину мученій въ загробной жизни и входитъ въ миѳологическое объясненіе ея подробностей; на нашъ взглядъ *непосредственная*, *внутренняя* связь этихъ представленій съ язычествомъ не только подлежитъ сомнѣнію, но и можетъ быть прямо отрицаема: христіанская идея строгаго возмездія за гробомъ воспользовалась только нѣкоторыми старинными чертами, чтобы

создать свою новую картину, которая, по основной мысли (возмездія) была совершенно чужда языческому міру. Славянскія преданія и разсказы о загробныхъ казняхъ вышли несомнѣнно изъ произведеній апокрифической и легендарной литературы (каковы напр. «Хожденіе Богородицы по мукамъ», «Житіе Василія Новаго», «Слово о воздушныхъ мытарствахъ Аврамія Смоленскаго» и пр.) и если авторъ называетъ ихъ *миѳами* (стр. 32), то это справедливо въ смыслѣ позднѣйшемъ, христіанскомъ, но никакъ не въ языческомъ, и какъ ни интересны и важны они для исторіи народныхъ понятій и культуры славянской миѳологіи съ ними дѣлать нечего.

Отъ замѣчаній на общіе пріемы изслѣдованія автора перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какъ пользовался онъ своими источниками.

Всего слабѣе разработаны славянскія миѳологическія древности — въ *лингвистическомъ отношеніи*; г. Аѳанасьевъ воспользовался почти всѣмъ, что доселѣ сдѣлано у насъ въ этой области; но не смотря на это, лингвистическая сторона его труда представляется все-же крайне бѣдною сравнительно съ богатствомъ другихъ сторонъ: онъ очень часто прибѣгаетъ къ общему указанію на *древній метафорическій языкъ*, какъ на ключъ къ разгадкѣ миѳическаго разсказа; но рѣдко приводитъ дѣйствительные примѣры этого языка, почерпнутые изъ лексиконовъ славянскихъ нарѣчій, такъ что его слова имѣютъ болѣе характеръ вѣрнаго гипотетическаго указанія, чѣмъ доказательства. Съ умѣніемъ и не малымъ трудомъ авторъ выбралъ изъ русскихъ Словарей тѣ слова и выраженія, которыя могли послужить его миѳологическому объясненію, воспользовался отчасти и запасомъ словъ древне-славянскаго языка; но Словари прочихъ славянскихъ нарѣчій остались не только не исчерпаны, но даже не видно, чтобы они были систематически, а не случайно употребляемы въ дѣло. Важный для миѳологическаго изслѣдованія матерьялъ топографическаго славянскаго ономастикона принятъ авторомъ во вниманіе на столько, на сколько имъ можно было располагать въ коллектанеахъ Ходаковскаго (въ 7-мъ т. Сборника русскаго историческаго Общества); но со времени Ходаковскаго наука сдѣлала весьма значительныя въ этомъ отношеніи пріобрѣтенія, назовемъ напр. превосходные индексы къ регестамъ и грамотамъ Славянъ балтійскихъ и чешскихъ (Codex Pomeraniae diplomaticus, hrsg. v. Hasselbach, Kosegarten und Medem. 1843 sq.; Meklenburgisches Urkundenbuch, 4 т., 1867; Regesta Bohemiae et Moraviae ed. Erben, P. 1855, стр. 185, Codex diplomaticus Poloniae ed. Rzyszczewski et Muczkowski. V. 1847—58, т. 3), сочин. Миклошича: Die

Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen. W. 1864, сочиненіе Клэдена: «Die Götter des Wendenlandes, und die Orte ihrer Verehrung» (въ Märkische Forschungen, III B. 2); наконецъ — обстоятельные «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи». Воспользовавшись матерьяломъ этихъ источниковъ, хоть по индексамъ, авторъ могъ бы во многомъ пополнить историческія свѣдѣнія о славянскомъ язычествѣ, какъ со стороны поэтическихъ воззрѣній его на природу, такъ и въ отношеніи религіозной этнографіи. Сравнительныя этимологическія объясненія автора — немногочисленны и необнаруживаютъ притязаній на самостоятельность: не будучи лингвистомъ, онъ довольствовался передачею того, что находилъ въ ближайшихъ пособіяхъ и что, по крайнему разумѣнію, признавалъ за вѣрное; потому хотя его трудъ и бѣденъ лингвистическими розысканіями, но онъ не мало выигрываетъ отсутствіемъ произвольныхъ и гадательныхъ толкованій словъ, отъ чего — не свободны еще многіе изслѣдователи древности [1]).

Полнымъ хозяиномъ является авторъ въ области источниковъ *народнаго быта*, (вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ) и *народной поэзіи:* ему одинаково знакомы и важнѣйшія собранія преданій родственныхъ племенъ и собранія славянскія, онъ не упускаетъ изъ виду никакихъ существенныхъ [2]) успѣховъ и пріобрѣтеній науки,

---

[1]) Какъ на рѣдкое отступленіе отъ обычной лингвистической сдержанности автора укажемъ здѣсь на этимологическое отождествленіе его, конечно — невольное, допущенное по недосмотру, слова *князь* съ словомъ *книга*; иначе мы объяснить себѣ не можемъ, почему въ рядъ славянскихъ словъ: князь, kněz, ksiądz попали и čzernoknĕžnik, — stwi = чернокнижникъ, чародѣй!

[2]) Къ такимъ *существеннымъ* пріобрѣтеніямъ науки г. Аѳанасьевъ, какъ видно, вовсе не причисляетъ новаго объясненія происхожденій русскихъ былинъ, высказаннаго и развитаго г. Стасовымъ: онъ оставляетъ его безъ вниманія — и, по нашему мнѣнію, имѣетъ на то основаніе. Будучи совершенно далеки отъ стремленія вносить въ область науки постороннія, къ ней непринадлежащія, симпатіи и мысли, мы не задумались бы ни на одну минуту принять теорію г. Стасова во всемъ ея объемѣ и со всѣми послѣдствіями, еслибы только она имѣла силу убѣдительности и была доказана съ *соблюденіемъ строгихъ ученыхъ пріемовъ*. Къ сожалѣнію этого-то мы и не могли отыскать въ ней: сравнительный методъ изслѣдованія автора мало соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ науки и принадлежитъ къ ея прошедшему, когда рѣшали бы сближеніемъ сходныхъ *по внѣшности* явленій Выводы автора стоятъ въ зависимости отъ его метода и потому — естественно — не могутъ быть признаны убѣдительными. Мы не думаемъ отрицать всякую пользу и достоинство труда г. Стасова: при изслѣдованіи *археологическаго* матерьяла былинъ наука воспользуется его искусной группировкой фактовъ и многими

не только умѣя усвоить ихъ, но и часто дополняя ихъ новыми наблюденіями, открывая новыя стороны предмета. Въ отношеніи полноты матерьяла, хотя критика и можетъ замѣтить нѣкоторые пропуски, но и трудолюбіе автора и его собственная оговорка (см. Послѣсловіе къ I т.), показывая, что эти упущенія не зависѣли отъ воли его, дѣлаютъ всякій упрекъ неумѣстнымъ [1]). Изслѣдованіе г. Аѳанасьева — естественно — обращено только къ миѳологическому элементу произведеній народнаго быта и поэзіи; но желая осмотрѣть ихъ съ этой стороны со всевозможною полнотою, стремясь не проглядѣть въ нихъ ни одной черты миѳическаго характера, авторъ — во-первыхъ — иногда переходитъ законную грань и ищетъ миѳическаго начала тамъ, гдѣ его нѣтъ, во-вторыхъ —

отдѣльными его замѣтками; но главная мысль статьи, отрицаніе народности происхожденія русскихъ былинъ, до поры пока оно не будетъ доказано болѣе строгими учеными доводами — останется гипотезой, съ которой наукѣ дѣлать нечего.

[1]) Укажемъ, однако, на важнѣйшіе сборники фактовъ народнаго быта и поэзіи, которыми не могъ воспользоваться г. Аѳанасьевъ. Относительно Литвы: Jucewicz — Litwa pod względem starożytnych zabytków. W. 1846; Lepner — Der Preusche Littauer, hrsg. v. Jordan, R. 1848; Töppen: Geschichte d. Heidenthums in Preussen (Neue Preuss. Prov. Bl. 1846, t. I), его-же: Die letzten Spuren des Heidenthums in Preussen (ib. t. II); Bender: Zur altpreussischen Mythologie und Sittengeschichte (Altpreuss. Monatschrift, 1865, t. 2, 1867, t. 4); относительно Славянъ польскихъ: Golębiowski — Lud Polski, jego zwyczaje i zabobony, W. 1830; его-же — Gry i zabawy różnych stanów, Warsz. 1831; его-же: Domy i dwory, W. 1830; Maciejowski: Polska aż do pierwszéj połowy XVII wieku pod względem obyczajów i zwyczajów. W. 1842, 4 v.; Kozłowski: Lud. Pieśni, Podania, Baśnie, Zwyczaje i Przesądy ludu z Mazowsza. W. 1868, 4 вып. Oscar Kolberg — Lud, jedo zwyczaje i sposób życia. Warsz. 1857—70, 3 v.; J. Grajnert — Studya nad podaniami ludu naszego (въ Biblioteka Warszawska 1859, t. 2 и 3); Töppen — Aberglauben aus Masuren. L. 1868; относительно Славянъ чешскихъ и моравскихъ: Krolmus — Staročeski pověsti, hry obyčeje etc Pr. 1845—51, 3 v.; Kulda — Der Aberglauben und die Volksgebräuche in der Mährischen Walachei (въ Schriften der hist. stat. Section d. mährischlesischen Gesellschaft der Natur- und Landes-Kunde. Br. 1856, B. IX); Houška: Pověri národní v Čechách (Čas. č. Mus. 1853, 1854, 1856); относительно Славянъ лужицкихъ: Горчанскаго — Von den Sitten und Gebräuchen der heutigen Wenden (Provinzialblätter, I. 1782); Pannach: Reliquien der Feld-, Wasser- und Hausgötter unter den Wenden (Lausitz. Monatschr. 1797); относительно Славянъ сербскихъ: Караджиħ: Живот и обичаји народа српског, Б. 1867; Ljubic: Običaji kod Morlakah u Dalmacii. Z. 1846; наконецъ, относительно Славянъ русскихъ: Czerwiński — Okolica zadniestrska, Lw. 1811; Schmidt-Goebel — Russiniche Volksnaturgeschichte (въ Oesterreichische Revue. 1865, t. 3, 4 и 5).

пользуется нѣкоторыми указаніями, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются сомнительными или вовсе недостовѣрными. Приведемъ доказательства того и другаго. На стр. 29 (II т.) авторъ видитъ слѣды древняго поклоненія очагу въ слѣдующихъ пословицахъ: «на печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился» (русск.), «ко није виђео цркве — и пећи се клања» (сербск.); далѣе, на стр 37 (II т.) мы читаемъ; «отголосокъ древнѣйшаго вѣрованья, что дѣти суть плодъ благодатнаго вліянія Агни, слышится въ сербской эпической формулѣ, которою выражается мать о своемъ ребенкѣ: «моје благо у пепелу расте». Обративъ вниманіе на то, какую роль играетъ печь въ ежедневномъ бытѣ простолюдина, авторъ не отыскалъ бы въ этихъ пословицахъ ни малѣйшаго слѣда миѳологическихъ отголосковъ: въ переложеніи на обыкновенный, не фигурный языкъ первыя просто обозначаютъ человѣка, который не усерденъ къ хожденію въ церковь и лѣнится на печи; вторая же — указываетъ только на обычное дѣтское занятіе возиться въ золѣ возлѣ печки (ср. сказки на стр. 483 и сл.). Особенно широко пользуется г. Аѳанасьевъ сказками: онъ объясняетъ съ миѳологической точки зрѣнія самыя мельчайшія ихъ подробности. Такой пріемъ намъ кажется слишкомъ смѣлымъ при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ этомъ родѣ поэтическихъ произведеній: не говоря уже о томъ, что многія сказки переходили отъ одного народа къ другому и путемъ книжной, литературной и путемъ устной передачи, довольно вникнуть въ самый характеръ ихъ, чтобы воздержаться отъ рѣшительныхъ попытокъ возводить каждую черту и каждый мотивъ ихъ къ природному миѳологическому источнику: болѣе чѣмъ прочія произведенія народной поэзіи, выражающіяся въ строгой эпической формѣ, сказка подвержена свободной обработкѣ сказателя и постороннимъ случайнымъ прибавкамъ; онѣ являются по первому ближайшему поводу, часто безъ всякаго отношенія къ какимъ-либо миѳическимъ воспоминаніямъ, вызываемыя единственно движеніемъ соображенія или фантазіи разсказчика; возьмемъ одинъ примѣръ, на стр. 779 (II т.) г. Аѳанасьевъ приводитъ сказку о трехъ братьяхъ, названныхъ по времени ихъ рожденія: *Вечоркой*, *Полуночкой* и *Зорькой*, онъ видитъ въ этихъ именахъ миѳическіе отголоски [1]); но представимъ себѣ, что разсказчикъ разсказывалъ

---

[1]) «Такъ какъ темные облачные покровы отождествлялись съ ночнымъ мракомъ, а грозовое пламя съ румяннымъ отблескомъ зари, то понятно, по-

сказку о подвигахъ трехъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ родился вечеромъ, другой — въ полночь, третій — на зарѣ, какъ обыкновенно случается въ сказкахъ, эти братья не имѣли опредѣленныхъ именъ; и затѣмъ, чтобы отвѣтить требованіямъ обычая, и затѣмъ, чтобы различить героевъ, сказочникъ чувствовалъ побужденіе окрестить ихъ именами, его мысль остановилась на признакѣ времени рожденія — и вотъ явились Вечорка, Полуночка, Зорька; другой разсказчикъ былъ менѣе оригиналенъ, онъ воспользовался бы обыкновенными именами христіанскаго календаря и назвалъ бы своихъ героевъ Иваномъ, Петромъ или Дмитріемъ и т. д.; но какъ въ послѣднихъ не возможно видѣть никакаго миѳическаго отголоска, такъ точно и въ первыхъ. Чтобы увѣриться, что сказка можетъ осложняться фантастическими или естественными прибавками и мотивами, вовсе независящими отъ природной миѳической основы, стоитъ только сравнить сказку, передѣланную изъ былины, съ ея источникомъ — и свобода сказочной обработки станетъ ясна сама собою. Не споримъ, что часто весьма трудно полагать строгое различіе между природно-миѳическимъ элементомъ сказки и свободнымъ поэтическимъ началомъ ея, такъ какъ послѣднее нерѣдко пользуется тѣмъ же старымъ запасомъ миѳическаго чудеснаго, но во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, наука здѣсь болѣе выиграла бы отъ нѣкотораго ограниченія въ миѳологическихъ толкованіяхъ, чѣмъ отъ широкаго, но шаткаго, примѣненія ихъ. Другое замѣчаніе, какое мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать автору касается нѣкоторыхъ сборниковъ, которымъ онъ довѣрялъ и которые едвали заслуживаютъ довѣрія; потому что, вмѣсто простой передачи фактовъ народнаго быта и поэзіи, они предлагаютъ украшенную обработку ихъ, вмѣсто ученыхъ цѣлей—преслѣдуетъ литературныя. Весь запасъ литовскихъ преданій, столь важныхъ для сравнительнаго сопоставленія съ славянскимъ, авторъ почерпнулъ изъ книги: «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа». В. 1854. Книга дѣйствительно интересная и въ отношеніи миѳологіи, но на сколь достовѣрны ея свѣдѣнія можно видѣть уже изъ того, что всѣ они почти цѣликомъ взяты изъ Литовской миѳологіи Нарбутта, изслѣдователя самаго недостовѣрнаго въ предметѣ миѳологіи, необладавшаго даже достаточными познаніями въ литовскомъ языкѣ и потому населившаго литовское язычество и множествомъ вымыш-

---

чему молніеносныхъ богатырямъ, рождающимся изъ нѣдръ ночеподобныхъ тучъ, присвоены названія: Вечорка, Полуночка и Зорька» (стр. 779, II т.).

ленныхъ боговъ и множествомъ преданій въ новѣйшемъ вкусѣ [1]). Тоже можно замѣтить и о книгахъ г. Боричевскаго: «Повѣсти и преданія славянскаго племени», который передалъ въ литературной формѣ многіе народные и ненародные разсказы (таковы напр. взятые имъ изъ Клехдъ Войцицкаго). Пользоваться подобными сборниками—опасно, особенно, когда нѣтъ средствъ по ихъ указаніямъ дойти до чистаго, неискаженнаго источника. Позволимъ себѣ сдѣлать еще одно общее замѣчаніе о миѳологическихъ объясненіяхъ автора въ примѣненіи къ народной поэзіи. Если не ошибаемся — онъ слишкомъ расширяетъ объемъ такъ-называемой *арійской эпохи* и относитъ къ ней такіе факты, которые могли развиться только гораздо позднѣе: онъ основывается на видимой *тождественности* и *сходствѣ* преданій у различныхъ индо-европейскихъ племенъ; такое основаніе въ отношеніи *языка* должно быть признано вполнѣ твердымъ и вѣрнымъ; но относительно преданій и мотивовъ народной поэзіи оно оказывается шаткимъ и недостаточнымъ; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что сходныя, даже тожественныя преданія и черты могутъ возникать у разныхъ народовъ независимо, могутъ и переходить отъ одного народа къ другому. Удовлетворяя требованіямъ строгаго ученаго метода, необходимо различать *психическое* и *этнографическое* тожество народныхъ преданій, необходимо всегда имѣть въ виду, что послѣднее можетъ быть безошибочно отмѣчено только тогда, когда встрѣчаетъ поддержку со стороны языка; равнымъ образомъ — и въ общемъ понятіи объ эпохѣ арійскаго единства — слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, строго держаться тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя добыты сравнительнымъ языкознаніемъ; иначе, оступи и преувеличенія — неизбѣжны.

Авторъ придаетъ не малую цѣну и *историческимъ свидѣтельствамъ* о славянскомъ язычествѣ, русскія и нѣкоторыя славянскія свидѣтельства ему извѣстны ex ipso fonte, другія же греческія, латинскія и арабскія (за вычетомъ Ибнъ-Фадлана и Ибнъ-Дасты, которые близко знакомы ему) — изъ вторыхъ рукъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, позволительно заключать изъ того, что въ его, вообще очень тщательномъ, трудѣ встрѣчаются неточности и пропуски въ отношеніи историческихъ свидѣтельствъ, которые иногда даютъ поводъ и къ ложнымъ заключеніямъ. Укажемъ важнѣйшее: нѣ-

---

[1]) Довольно вѣрную оцѣнку Миѳологіи Нарбутта сдѣлалъ г. Микуцкій въ Gazeta Warszawska 1854 № 18—19; ср. также Biblioteka Warszawska, 1858, T. I, p. 443 sq.

сколько разъ авторъ пользуется чешскими глоссами Вацерада къ Санъ-Галленскому словарю «Mater uerborum», но каждый разъ онъ понимаетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто-бы Вацерадъ чешскія слова объяснялъ латинскими толкованіями [1]), тогда какъ въ дѣйствительности происходило обратное: къ готовымъ латинскимъ словамъ знаменитаго энциклопедическаго словаря Вацерадъ пріискивалъ и сочинялъ слова чешскія (и нѣмецкія). Это обстоятельство никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при историческомъ употребленіи чешскихъ глоссъ: не принявъ его въ достаточное вниманіе, можно легко впасть въ многія ошибки, можно подумать, что всѣ глоссы идутъ изъ прямаго народнаго источника, можно и латинскому тексту приписать *объяснительное* значеніе и на немъ основать заключенія о славянскихъ древностяхъ. Послѣднее и случилось съ г. Аѳанасьевымъ. Къ словамъ Mater uerborum: «*triceps*, qui habet capita tria capree» Вацерадъ поставилъ славянскую переводную глоссу: *trihlav*, отсюда авторъ заключилъ, что Триглавъ почитался у Чеховъ и имѣлъ три козлиныя головы, «что свидѣтельствуетъ, будто-бы, за его громоносное значеніе» (козелъ — животное, посвященное Тору, стр. 524, II т.) и что роднитъ его съ сербскимъ Трояномъ, у котораго были козьи уши (стр. 643, II т.). Здѣсь — отъ невѣрнаго взгляда на характеръ памятника вышелъ цѣлый рядъ произвольныхъ заключеній: латинскій текстъ вовсе не относится къ славянскому божеству, онъ существуетъ самъ по себѣ и вообще ни въ чемъ не касается ничего славянскаго; Вацерадова глосса есть простой переводъ слова *triceps*, можетъ быть, также безъ всякаго отношенія къ славянскому идолу; заключеніе, что Чехи почитали Триглава, не находя никакой поддержки въ другихъ свидѣтельствахъ старины не можетъ быть выводимо изъ одного Вацерада даже и въ томъ случаѣ, если принять, что съ глоссой Trihlau онъ соединялъ представленіе о славянскомъ идолѣ: Вацераду — можно думать — были извѣстны миѳологическія древности балтійскихъ Славянъ. Послѣднія два миѳологическія толкованія, какъ выводы изъ предъидущаго, падаютъ сами собою. И напрасно авторъ не провѣрилъ воображаемаго факта свидѣтельствами очевидцевъ у

---

[1]) Стр. 338 (II т.): «въ старинныхъ глоссахъ, приводимыхъ Ганкою, слово uilcodlac *истолковано:* faunus»; на стр. 138 (III т.): «Вацерадъ *толкуетъ* слово poludnice — dryades, deae siluarum»; стр. 565 (т. III in notis): «въ Mater uerborum — uilkodlaci *истолковано*: incubi». По настоящему слѣдовало бы сказать: «слова — faunus, dryades, incubi Вацерадъ *толкуетъ* словами: uilcodlac, poludnice»!

жизнеописателей Оттона Бамбергскаго, которые очень подробно описываютъ штетинскій идолъ Триглава (Ebo: III, 1; Herbordus II, 13) и, конечно, ни словомъ не поминаютъ козлиныхъ ушей его. На стр. 33 (II т.) говорится, будто-бы «Титмаръ упоминаетъ о гаданіи у Славянъ *по пеплу*»; авторъ былъ введенъ въ невѣрное показаніе своимъ ближайшимъ источникомъ: Титмаръ ничего не говоритъ о *гаданіи* по пеплу, онъ передаетъ только (lib. I, c. 3), что на озерѣ «Glomaci» (въ землѣ Долинцовъ) творятся чудеса: пока въ странѣ господствуемъ миръ и плодородіе, поверхность его бываетъ покрыта пшеницей, овсомъ и желудями; когда же угрожаетъ война, озеро предвѣщаетъ будущій исходъ ея кровью и *пепломъ*. Въ главѣ о гаданіяхъ (l. VI, c. 17) Титмаръ вовсе не упоминаетъ о пеплѣ. На стр. 55 (II т.), положившись на показаніе Ходаковскаго, авторъ утверждаетъ, что «по указанію старыхъ саксонскихъ писателей, славянскіе владѣтели за р. Одрою соединяли съ своею свѣтскою властью и духовную». Ничего подобнаго нельзя найти въ самихъ источникахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ нихъ, которые современны эпохѣ самостоятельнаго существованія балтійскихъ Славянъ. На стр. 265 (II т.) сообщается извѣстіе, что «при закладкѣ храма (у балтійскихъ Славянъ) избранное мѣсто очищалось огнемъ и водою, при пѣніи и пляскахъ». Такаго извѣстія, сколько намъ вѣдомо, нѣтъ ни въ одномъ древнемъ источникѣ, и если это заключеніе самаго автора, основанное на какомъ-нибудь намекѣ позднѣйшаго обычая, то его слѣдовало выдѣлить изъ ряда собственно историческихъ свидѣтельствъ. На стр. 246 (т. III), слѣдуя Мацѣевскому, извѣстная грамота папскаго легата Якова 1249 г. усвояется Поморянамъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ относится только къ прусской Литвѣ и не должна быть включаема въ число источниковъ славянскихъ древностей [1]). На сколько полны сообщаемыя авторомъ русскія историческія свидѣтельства о славянскомъ язычествѣ, на столько же у него неполны и недостаточны по своей краткости свидѣтельства греческихъ, латинскихъ и арабскихъ писателей: иногда опускается самое существенное, такъ напр. въ главѣ XXV (о Судьбѣ) не только не объяснено, но даже и не упомянуто знаменитое свидѣтельство Прокопія о томъ, что Славяне не знаютъ Судьбы (De bello Gothico

---

[1]) См. наше изслѣдованіе: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ М. 1868, стр. 132—3.

III, с. 14), отдѣлъ о жертвоприношеніяхъ, идолахъ и храмахъ у Славянъ также нуждается въ значительныхъ пополненіяхъ и болѣе точномъ изложеніи [1]). Кажется, впрочемъ, что авторъ и не имѣлъ въ виду полнаго собранія историческихъ свидѣтельствъ о славянскомъ язычествѣ, что онъ обращался къ нимъ въ той мѣрѣ, въ какой они могли служить пособіемъ при объясненіи фактовъ и отголосковъ язычества, сохранившихся въ преданіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ современнаго быта; тѣмъ не менѣе, думаемъ мы, удовлетворивъ и въ этомъ отношеніи требованія науки, онъ значительно увеличилъ бы достоинство своего труда.

Хотя памятники *славянской* и *русской* письменности — гораздо позднѣе языческой эпохи, хотя исключительное направленіе рѣдко позволяло имъ входить въ интересы стараго быта, но все же въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились живые слѣды борьбы язычества съ христіанствомъ и весьма важные, нерѣдко единственные, факты языческихъ вѣрованій и обычаевъ; потому значеніе этого рода свидѣтельствъ въ наукѣ Славянскихъ Древностей — стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Г. Аѳанасьевъ пользуется произведеніями письменности съ такимъ исчерпывающимъ, всестороннимъ вниманіемъ, умѣетъ отыскать въ нихъ такія интересныя стороны, доселѣ почти нетронутыя наукою, что мы могли бы привѣтствовать науку съ богатѣйшимъ пріобрѣтеніемъ, еслибы цѣны его значительно не уменьшалъ самый характеръ тѣхъ письменныхъ источниковъ, которыми особенно часто пользовался авторъ. Мы разумѣемъ источники переводные, занесенные къ намъ изъ Византіи и между ними преимущественно произведенія апокрифической литературы, или — какъ ихъ называли у насъ — *отреченныя книги*. Авторъ заимствуетъ изъ ихъ басеннаго содержанія весьма многія данныя [2]), но оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи на счетъ причинъ такого заимствованія. Судя потому, какое широкое, само-

---

[1]) Такъ при обозрѣніи языческихъ жертвоприношеній изъ показаній западныхъ лѣтописцевъ приводится очень немногое и то въ общихъ словахъ, извѣстія о храмахъ и идолахъ, кромѣ своей неполноты (обойдены напр. показанія Массуди, біографовъ Оттона и т. д.), страдаютъ еще тѣмъ недостаткомъ, что представлены въ *сводѣ*, безъ различія къ какимъ племенамъ и мѣстностямъ относится каждое, такъ что незнакомые съ предметомъ легко могутъ подумать, что каждый храмъ у балтійскихъ Славянъ былъ именно таковъ, какимъ его описываетъ авторъ.

[2]) См. томъ II, стр. 88, 162—4, 294, 356, 447, 557, 584, 592—3; томъ III, стр. 61—2, 301, 304, 418, 440 и др.

стоятельное мѣсто въ своемъ изслѣдованіи отводитъ онъ этимъ источникамъ, можно подумать, что онъ считаетъ ихъ прямымъ матерьяломъ древне-славянскаго язычества, но допустить въ авторѣ такое странное мнѣніе трудно: ему хорошо извѣстно, что апокрифы — произведенія не русскаго, а византійскаго или инаго происхожденія, что они распространились у насъ въ переводахъ въ довольно позднюю эпоху и, стало-быть, стоятъ рѣшительно внѣ непосредственной связи съ древнимъ, языческимъ міровоззрѣніемъ Славянъ... Остается предположить, что авторъ, допуская несомнѣнное участіе апокрифовъ въ образованіи позднѣйшихъ суевѣрныхъ представленій и мнѣній народа, пользуется ими въ смыслѣ источника новѣйшей русской миѳологіи; но и это предположеніе отстраняется словами самаго автора: «основываясь на свидѣтельствахъ апокрифической литературы — говоритъ онъ — обыкновенно думаютъ, что тѣ суевѣрныя представленія, какія равно встрѣчаются и въ отреченныхъ памятникахъ, и въ устахъ простолюдиновъ, проникли въ народъ путемъ книжнаго вліянія; но если принять во вниманіе, что представленія эти стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ прочими несомнѣнно — народными вѣрованіями, то едва-ли не слѣдуетъ заключить, что самые апокрифы заимствовали свои басни изъ древнѣйшихъ языческихъ преданій, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ индо-европейскимъ племенамъ» (стр. 164, II т.). Очевидно, что авторъ, часто встрѣчаясь съ поразительно сходными представленіями въ области народныхъ суевѣрій и въ отреченныхъ книгахъ, объяснялъ это сходство тождествомъ миѳическаго источника ихъ и допускалъ апокрифы въ качествѣ важнаго пособія при объясненіи русскихъ суевѣрныхъ преданій, совершенно на тѣхъ же правахъ, какъ и поясняющія народныя преданія другихъ родственныхъ племенъ. Такъ слѣдовало бы поступить, еслибы основная мысль автора была справедлива, но противъ нея можно сказать многое: во 1-хъ — авторъ преувеличиваетъ родственныя связи апокрифическаго баснословія съ древними языческими преданіями, общими всѣмъ индо-европейскимъ племенамъ: апокрифы приняли въ себя нѣкоторыя черты язычества въ ту эпоху, когда послѣднее представляло самый нестройный и мутный сбродъ суевѣрій, сошедшихся сюда со всѣхъ концовъ отходящаго древняго міра; между этимъ состояніемъ язычества и древнимъ чистымъ источникомъ его уже лежала цѣлая бездна; но она увеличилась еще болѣе, когда апокрифы подвергли своей обработкѣ эти, и безъ того помутившіеся, элементы язычества; а потому связь апокрифическаго баснословія

съ миѳологіей индо-европейскихъ племенъ могла быть только формальная, да и та — въ весьма слабой степени, и вводить апокрифы въ область древней миѳологіи — невозможно. Во 2-хъ — вопреки мнѣнію автора—можно съ полною достовѣрностью утверждать, что сходство апокрифическихъ преданій со многими русскими суевѣрными представленіями происходитъ не отъ тождественности миѳическаго источника ихъ, а отъ прямаго вліянія апокрифовъ на народную мысль, отъ того, что они были главнѣйшимъ источникомъ новой русской миѳологіи. Одно широкое распространеніе въ древней Руси апокрифической литературы уже достаточно свидѣтельствуетъ въ пользу такаго мнѣнія, но если этого мало, то достаточно взглянуть на приводимыя авторомъ параллели, чтобы окончательно убѣдиться, какъ обильно народъ черпалъ изъ апокрифическаго источника... Авторъ — не признаетъ этого, но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы доказать противное, слѣдовало бы напр. привести хоть нѣсколько примѣровъ, гдѣ бы древнѣйшія, несомнѣнно миѳическія, представленія отозвались бы и въ *древнѣйшихъ*, до христіанскихъ, народныхъ преданіяхъ и въ апокрифахъ такими же близко-родственными чертами, какія замѣчаются между *позднѣйшими* преданіями и апокрифами. Ни одно изъ приводимыхъ авторомъ сближеній не указываетъ на первоначальное коренное родство послѣднихъ, но на *зависимыя* между ними отношенія. Мы вовсе не думаемъ отрицать важность изученія апокрифическихъ произведеній для науки славянской миѳологіи: для періода миѳологіи позднѣйшей они, какъ сказано, являются самымъ главнымъ источникомъ, да и далѣе — не прояснивъ вліянія апокрифовъ на область народнаго суевѣрія, нельзя отдѣлить настоящаго миѳическаго древнѣйшаго элемента въ немъ отъ позднѣйшаго баснословія и, стало-быть, почти невозможно идти прочнымъ шагомъ въ изслѣдованіи миѳологическаго значенія народныхъ преданій; но мы полагаемъ, что, держась точки зрѣнія автора, трудно достигнуть вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ и гораздо скорѣе можно усложнить вопросъ, чѣмъ привести его въ ясность. Было бы, однако, несправедливо и въ этой области не признать весьма существенной заслуги автора: его сближенія и сопоставленія апокрифическихъ разсказовъ съ народными преданіями представляютъ не только богатый, но и вполнѣ новый матерьялъ, который, нѣтъ сомнѣнія, будетъ употребленъ съ пользою послѣдующей наукой. Кромѣ апокрифовъ авторъ иногда пользуется и другими переводными произведеніями, такъ на стр. 430 и 440 (III т.) приводятся показанія Святославова

Сборника (какаго?), на стр. 17 (II т.) и 601 (III т.) — Корнчей книги; по нашему мнѣнію — такими свидѣтельствами должно воспользоваться тогда, когда будетъ доказано ихъ славянское происхожденіе, независимое отъ греческаго текста, подобно напр. прибавленіямъ славянскаго переводчика къ тексту слова Григорія Богослова (XI в.); до той же поры нельзя полагаться только на сродство *содержанія*, ибо, руководясь имъ, легко можно усвоить Славянамъ то, чего они не имѣли. Матерьялъ поученій и словъ, направленныхъ противъ остатковъ язычества, подобранъ авторомъ, довольно полно; но мы не можемъ раздѣлить мысль его относительно присутствія языческихъ образовъ и представленій въ нѣкоторыхъ словахъ, имѣющихъ цѣлью представить наглядную картину христіанскихъ понятій; такъ напр. на стр. 22—3 (III т.) онъ приводитъ изъ слова Кирилла Туровскаго изображеніе кончины міра и страшнаго судилища и сближаетъ его съ языческими представленіями; но, зная съ какою поэтическою свободою обработывалъ этотъ проповѣдникъ событія и представленія христіанства, можно положительно утверждать, что въ его картинѣ нѣтъ никакихъ отголосковъ язычества, а тѣмъ болѣе — язычества славянскаго, что она представляетъ только самостоятельную поэтическую варіацію на тэму Апокалипсиса. Тоже замѣчаніе можно отнести и къ стр. 262 и 304—5 (III т.), гдѣ *распространенные* христіанскіе мотивы приняты, на основаніи внѣшняго сходства, за воспоминанія язычества. Столь же мало, какъ полагаемъ, имѣлъ авторъ права при объясненіи древняго народнаго міровоззрѣнія Славянъ принимать въ уваженіе, такія позднія произведенія народной мысли, каковы *лубочныя картинки* (стр. 44, II т. et passim) и *раскольничьи разсказы* о табакѣ, чаѣ и картофелѣ (стр. 507, II т.): предполагаемая языческая основа этихъ разсказовъ — болѣе чѣмъ сомнительна.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія общихъ сторонъ изслѣдованія г. Аѳанасьева, мы позволимъ себѣ небольшое указаніе на существенный пропускъ въ немъ: авторъ почти не пользуется тѣми данными славянскаго язычества, которыя въ обиліи сохранились у историковъ лѣтописцевъ, преимущественно же у Гайка и Длугоша. Нужна, правда, особая осторожность въ употребленіи сообщаемыхъ ими свѣдѣній, нужно умѣніе различить то, что они желаютъ сказать, отъ того, что слѣдуетъ изъ ихъ словъ само собою, но, выдѣливъ ихъ вольную и невольную ложь, можно извлечь изъ нихъ весьма важные и достовѣрные факты по древностямъ народнаго быта.

III.

Предложимъ еще нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній на тѣ частности сочиненія г. Аѳанасьева, которыя, по нашему мнѣнію, нуждаются въ дополненіяхъ и исправленіяхъ.

Стр. 83 (II т.) народное повѣрье, по которому новопостроенное жилье влечетъ за собою смерть кого-нибудь изъ обитателей и только послѣ этого можетъ быть прочно, авторъ объясняетъ мыслью, что домъ не можетъ стоять безъ охраны его стѣнъ родовымъ пенатомъ, что ему необходимо въ душѣ усопшаго получить своего генія хранителя, своего домоваго. Но самъ авторъ приводитъ далѣе факты, изъ которыхъ видно, что — по понятіямъ народа можно отвратить необходимость человѣческой смерти принесеніемъ въ жертву какого-нибудь животнаго, пѣтуха, курицы, ягнёнка и т. д., онъ видитъ въ этомъ жертвенныя приношенія въ честь богини земли — да потерпитъ она воздвигаемое на ней зданіе... Въ такомъ случаѣ первое объясненіе оказывается совершенно излишнимъ, да къ тому же, оно само по себѣ — невѣроятно; ибо, допустивъ его, слѣдуетъ принять, что домъ и его обитатели могли получать своего хранителя-пената въ лицахъ животныхъ и птицъ. Принявъ во вниманіе весь рядъ преданій сюда относящихся (см. ст. Erbena: Obětování zemi въ Časopis č. Musea 1848, I), можно видѣть, что они произошли изъ мысли о миѳическихъ владѣтеляхъ земли, которые требуютъ умилостивительной жерты въ замѣнъ уступаемой ими собственности и берутъ ее насильно, если она не приносится имъ добровольно. Этимъ понятіемъ, по нашему мнѣнію, должно объяснять и повѣрье, что клады, подземныя сокровища даются въ руки не иначе, какъ съ жертвою жизни человѣка или животнаго, ср. стр. 373—4 (II т.).

Повѣрья о домашнемъ порогѣ (стр. 113—15, II т.) можно дополнить нѣкоторыми чертами изъ погребальныхъ обычаевъ, см. наше изслѣдованіе: «О погребальныхъ обычаяхъ Славянъ», стр. 219, 226. Свѣдѣнія о *судахъ божьихъ* (стр. 195 и сл., II т.) требуютъ также дополненій изъ польскихъ и чешскихъ источниковъ, см. сочиненія: Volckmann — Das älteste polnische Rechtsdenkmal. Elb. p. 16 sq., Hube — Wiadomość o sądach bożych w dawnéj Polsce (въ Bibliot. Warszawska, 1868, T. III, p. 312 sq.); H. Jireček — въ ст. Srovnalost starého práva slovanského se starym pravém hellenským, římskim a germanskym (въ сборн. Rozpravy z oboru historie etc. I, 1860, p.

92—95), его же — Slovanské právo v Čechách I, p. 185, Slaviček — Upominki na tak zwané «Soudy bozi» (Právnik, roč. I, 1861, p. 70—77).

Миѳологическое значеніе *жребія* (стр. 199—201, II т.) заслуживало бы, по нашему мнѣнію, большаго вниманія см. сочиненіе Hanuša «Zur slavischen Runenfrage». W. 1855. Равнымъ образомъ и юридически бытовое употребленіе жребія, встрѣчающееся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности, принятое и узаконенное Судебникомъ 1550 г. (ст. XXVII) и Уложеніемъ (гл. XIV) и живо присущее до сихъ поръ въ бытѣ народа, — можетъ имѣть свой интересъ и для миѳолога, такъ какъ оно основывается на религіозной мысли.

Въ изслѣдованіи преданій о морскихъ и рѣчныхъ дѣвахъ (стр. 218—19, II т.) — съ точки зрѣнія автора — позволительно воспользоваться записанными у древнѣйшихъ польскихъ лѣтописцевъ преданіями о миѳической Вандѣ и нѣкоторыми русскими преданіями объ Ольгѣ, если только существуютъ ручательства ихъ народнаго происхожденія.

Упоминаніе о божествѣ (?) Макоши (стр. 267, II т.) въ извѣстной поддѣльной малорусской думѣ (Кулишъ — Записки о южной Руси, I, стр. 172), выраженное даже съ сомнѣніемъ — намъ кажется неумѣстнымъ, потому что въ поддѣлкѣ памятника — не можетъ быть никакаго сомнѣнія.

Свѣдѣнія о русскихъ судебныхъ поединкахъ собраны довольно полно (стр. 270, II т.), но за то славянскихъ извѣстій — почти никакихъ; а между тѣмъ — очень важно изслѣдованіе вопроса: вездѣ-ли, у всѣхъ-ли Славянъ судебные поединки были самостоятельнымъ явленіемъ, чисто народною формою божьяго суда; по крайней мѣрѣ — относительно Поляковъ и Чеховъ должно быть допущено значительное ограниченіе, такъ-какъ на ходъ образованности ихъ, несомнѣнно, обнаружили вліяніе рыцарскія идеи западной Европы. Къ литературѣ предмета о судебныхъ поединкахъ (у автора 273 с. in notis) можно прибавить замѣчательное изслѣдованіе Бѣляева 2-го, въ Москвитянинѣ 1855, №№ 13—14.

Къ преданіямъ о герояхъ и богатыряхъ, погруженныхъ въ вѣковой сонъ во внутренности горы (стр. 448 и сл.) — можно присоединить малорусское преданіе о Вернигорѣ (см. Nowosielski — Pisma, W. 1857. T. II, p. 193 sq.), сюда же принадлежитъ, какъ полагаемъ, и извѣстное сказаніе о томъ, «какъ перевелись богатыри на Руси», по крайней мѣрѣ — основной мотивъ его — тотъ же, окаменѣніе (погруженіе въ сонъ) въ горѣ. Сравненіе же этихъ сказаній съ

средневѣковою баснью о «дивныхъ народахъ», заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ (у автора стр. 454 сл., 675, II т.) не можетъ быть признано необходимымъ, такъ какъ послѣдняя усвоена нами путемъ книжнаго заимствованія.

Преданія о *Змѣѣ Горыничѣ* можно дополнить слѣдующимъ любопытнымъ разсказомъ инока Пароенія: «одни люда захотѣли испытать пропасти Карпатъ и, взявши много канатовъ, взошли на гору, и посадили одного на толстую палку, привязанную къ веревкѣ и начали спускать внизъ, и потомъ, какъ далеко его спустили и стало его уже не видать, онъ вскричалъ; они же его потащили вверхъ и ощутили великую тяжесть, и съ трудомъ могли тащить; егда же увидали они, что тащутъ великаго Змія, ибо онъ человѣка проглотилъ, а канатъ былъ въ пасти его, то испугались и отрубили канатъ, а Змій полетѣлъ въ пропасть» (Сказанія о странствіи и путешествіяхъ. М. 1855. 1-ое изд.).

На стр. 564 (II т.) авторъ говоритъ, что металлическихъ амулетовъ, подобныхъ такъ-называемой черниговской гривнѣ — извѣстно—*шесть*; ихъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, въ три раза болѣе этого.

При разсмотрѣніи преданій объ ушедшихъ подъ воду (провалившихся) церквахъ и городахъ (стр. 630 и сл. II т.) слѣдовало бы привести извѣстный разсказъ о Китежѣ (напечатанъ нѣсколько разъ, см. Заволжскіе очерки гр. Толстаго, т. I и Пѣсни Кирѣевскаго, вып. 4, стр. CXVIII).

О несостоятельности отождествленія Триглава съ Трояномъ (стр. 643, II т.) мы уже замѣчали выше, здѣсь добавимъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать названіе Триглава — миѳологическимъ именемъ божества: это — названіе идола.

На стр. 71 (III т) мы встрѣчаемъ странное мнѣніе, будто «болѣзнь, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ *Витовой пляски* — названа такъ вслѣдствіе уподобленія ея прихотливой пляскѣ грозовыхъ духовъ, сопутствующихъ Святовиту въ его бурномъ шествіи по воздушнымъ пространствамъ». Въ то время, когда въ первый разъ появилось названіе: «Chorea Sti Viti (въ Страсбургѣ въ 1418)— ни имени, ни воспоминаній о Святовитѣ болѣе не существовало; самая болѣзнь носила прежде названіе «Chorea Sti Johannis», потомъ же, съ усиленіемъ почитанія св. Вита, какъ одного изъ 14 святыхъ во скорбѣхъ *помощниковъ* или *аптекарей*, перенесена подъ особое его завѣдываніе и получила его имя [1]).

---

[1]) Hecker: Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters. B. 1865, p. 142—153.

На стр. 294 (III т.) авторъ говоритъ: «кукушка, по указанію *старинной польской хроники*, была посвящена *Живѣ*, богинѣ міровой жизни (весны), плодородія и любви»; а на стр. 686—9 опредѣляется и миѳологическое значеніе самой богини. Указываемая здѣсь старинная польская хроника — вовсе не старинная, а дознанное новѣйшее произведеніе, приписанное мнимому лѣтописцу Прокопу (X вѣка?) [1]), далѣе — самое существованіе божества Живы — подлежитъ сильному сомнѣнію, по крайней мѣрѣ — доказательства противъ нея, приводимыя Ганушемъ (Sitzungsberichte der böhmischen Gesellsch. der Wissenschaften за 1865, I, стр. 123 и сл.), могутъ быть названы очень убѣдительными.

Къ стр. 663—9 (III т.). Исчисленіе и разборъ славянскихъ наименованій мѣсяцевъ могли быть гораздо полнѣе, еслибы авторъ воспользовался сочиненіемъ Миклошича: «Die slavischen Monatsnamen», W. 1867. Миѳологическое толкованіе названія *Сѣченя* — едва-ли вѣрно; гораздо вѣроятнѣе думать, что оно обозначаетъ время снятія сѣна (для Іюля и Августа у Чеховъ) и время рубки лѣса (для Января и Февраля — у прочихъ Славянъ).

Къ тому, что передаетъ авторъ (II, 170; III, 745, 774) — на основаніи свидѣтельствъ Саксона Грамматика — о Свантовитѣ, находимъ не лишнимъ прибавить извѣстіе Вильгельма Мальмесбюри († 1141), сколько знаемъ — доселѣ незамѣченное въ наукѣ славянской древности: «Vindelici Fortunam adorant, cuius idolum loco nominatissimo ponentes, cornu dextrae illius componunt (v. imponunt) plenum potu illo, quod graeco uocabulo ex aqua et melle hydromellum uocamus. Vnde ultimo die Nouembris mensis in circuito sedentes in commune praegustant; et si cornu plenum inuenerint, magno strepitu applaudunt, quod eis futuro anno pleno copia cornu responsura sit in omnibus; si contra — gemunt». (De rebus gestis regum Anglorum II, 189. Pertz. Mon. XII, 466). Что подъ именемъ Vindelici здѣсь разумѣются Венды, балтійскіе Славяне — это не подлежитъ сомнѣнію и видно изъ предъидущаго (напр. Imperator (Heinricus III) *Vindelicos* et *Leuticios* subegerit), но относится ли это извѣстіе спеціально къ Руянамъ — это вопросъ. Какъ бы то ни было — оно важно, какъ дополненіе и подтвержденіе словъ Саксона Грамматика о культѣ Свантовита.

Стр. 650—1, 784 (II т.) дополнимъ слѣдующимъ сказаніемъ

---

[1]) См. рецензію Добровскаго на Варшавское изданіе, въ (Wiener) Jahrbücher der Literatur, B. XXXII, pag. 77—80.

изъ Ноткера (XI в.): «*Cibus* héizet *grece brosis*. dánnan sint *ambrones* kenámot. Die héizent óuh *antropofagi*. dáz chît *commessores hominum*. *in scithia* gesézzene. Sîe ézent náhtes. tés sie síh táges scámen múgen. also man chît. táz ouh házessa (= вѣдьмы = hexen) hîer inlánde tûen. Aber *uueletabi* dîe in germania sizzent. tîe uuír uuilze héizêe. dîe ne scáment síh nîcht zechédenne. dáz sîe îro *parentes* mit mêren réhte ézen súlîn. dánne die vuúrme.» (Wackernagel: Altdeutsches Lesebuch, B. 1859, p. 132—3). Сказаніе это замѣчательно и въ миѳологическомъ и въ историческомъ отношеніи: изъ миѳическаго повѣрья о великанахъ людоѣдахъ выростаетъ историческая сказка о людоѣдствѣ Обровъ и Велетовъ только потому, что имена послѣднихъ становятся нарицательными наименованіями великановъ. Относительно отцеѣдства Велетовъ см. Grimm D. RAlt. стр. 488: сказка — какъ видно — поддерживалась дѣйствительнымъ обычаемъ предавать смерти престарѣлыхъ людей.

На стр. 425 (III т.) авторъ говоритъ: «слово *колдунъ* въ коренномъ его значеніи доселѣ остается неразъясненнымъ». Въ видѣ предположенія мы позволимъ себѣ сопоставить корень его *клъд* съ готск.: *hláuts*, дврн.: *hlôz*, *lôz*, *hluz*; англс.: *hlot*, *hlût*, *hlêt*; дрсѣв.: *hláut*, *hlutr*; сред. и нов. нѣм.: *lôz*, *loss* или *loos*. Если это сближеніе справедливо, то слово *колдунъ* будетъ по корню обозначать *гадателя посредствомъ жребіевъ*, *предсказателя*, *жреца* (такъ-какъ жрецы занимались преимущественно подобными гаданіями Tietm. Chr. VI, стр. 17); см. любопытное сочиненіе Гомейера: «Über das Germanische Loosen», B. 1854, стр. 7—8, 12—13.

На 648 стр. (II т.) авторъ останавливается на космогоніи стиха о Голубиной книгѣ. Не входя въ оцѣнку его объясненій, пользуемся только случаемъ, чтобы обратиться съ вопросомъ къ нашимъ индологамъ, не извѣстно ли имъ *ex ipso fonte* то брахманское ученіе, на которое указываетъ В. Менцель (Mythologische Forschungen und Sammlungen I, 1832, стр. 5—6), не приводя своего прямаго источника. Такъ-какъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи стиха о Голубиной книгѣ это преданіе имѣетъ весьма важное значеніе, то мы и передаемъ его здѣсь: «творцомъ міра былъ древнѣйшій первобытный человѣкъ (Makro-Anthropos) Брама: изъ его глазъ творится солнце, изъ груди — мѣсяцъ, изъ носа — воздухъ, изъ волосъ — растенія, изъ соковъ (крови) — вода, изъ костей камни. Вся природа произошла изъ макро-человѣка, распавшагося на свои составныя отдѣльныя части, и новый человѣкъ, которому суждено жить на землѣ и быть ея распорядителемъ, представляетъ микро-

космъ или соединеніе въ маломъ объемѣ этихъ отдѣльныхъ частей: всѣ элементы и силы природы обратно входятъ въ его тѣло: солнце образуетъ глазъ, мѣсяцъ—груди, воздухъ—носъ (дыханіе), растенія — волосы, вода — кровь, камни — кости.»

Наконецъ, сдѣлаемъ общее замѣчаніе, относящееся къ главѣ (XXVII) о вѣдовскихъ процессахъ: въ ней собраны факты только русскаго быта, матерьялъ западно-европейскій изложенъ лишь въ общихъ чертахъ, чешскій же и польскій — почти не тронутъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что, сопоставивъ разныя обнаруженія одного и того же явленія, авторъ пришелъ бы къ любопытнымъ заключеніямъ объ отличіяхъ какъ въ демонологіи у различныхъ славянскихъ племенъ, такъ и въ общемъ характерѣ ихъ образованности.

Этимъ мы заключимъ наше разсмотрѣніе сочиненія г. Аѳанасьева!

По 6-му § «Положенія о наградахъ графа Уварова»—при обсужденіи представленныхъ къ соисканію сочиненій должно быть обращаемо преимущественно вниманіе на то, въ какой мѣрѣ сочиненіе способствуетъ къ полному познанію избраннаго авторомъ предмета..., дѣйствительно ли отечественной наукѣ недоставало подобнаго творенія и соотвѣтствуетъ ли оно современнымъ требованіямъ науки и критики.

Принявъ въ разсчетъ несовершенное состояніе науки Славянскихъ миѳологическихъ Древностей, оцѣнивая, что могъ сдѣлать авторъ и что онъ дѣйствительно сдѣлалъ, рецензентъ съ сознаніемъ полной справедливости можетъ сказать, что сочиненіе г. Аѳанасьева вообще удовлетворяетъ вышеозначеннымъ требованіямъ. Наука получаетъ въ немъ такое важное и рѣшительное пріобрѣтеніе, которое не должно остаться безъ признательнаго поощренія!

Еслибы авторъ представилъ на соисканіе наградъ графа Уварова свой трудъ въ полномъ объемѣ (3 тома, болѣе 2,400 стр.), онъ заслуживалъ бы награды *полною преміей*, но 1-й томъ сочиненія уже прежде вызвалъ поощреніе *меньшей преміею*, потому справедливѣе будетъ и представленнымъ на нынѣшній конкурсъ, двумъ остальнымъ томамъ — присудить *таковую же*.

Поручая благосклонному вниманію Коммиссіи мои заключенія, позволяю себѣ повторить уже однажды высказанное мною убѣжденіе, что труды, подобные сочиненію г. Аѳанасьева, предпо-

чтительно передъ другими имѣютъ право и нужду въ матерьяльной поддержкѣ; ибо сочувствіе публики не вознаграждаетъ даже издержекъ печати, и честный трудъ ученаго, его благородное самоотверженіе для науки, стоившее быть можетъ долголѣтнихъ лишеній, бываютъ предоставлены лишь нравственному удовлетворенію!

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. ХВОЛЬСОНА:

«Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ, арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Дасты». Спб. 1869.

Составленъ І. Ѳ. Готвальдомъ.

Рѣдко книга была привѣтствуема съ такимъ большимъ интересомъ, какъ «Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ, неизвѣстнаго доселѣ арабскаго писателя X-го вѣка, Ибнъ-Дасты», которыя по указанію одного изъ хранителей британскаго музея, въ Лондонѣ, доктора Рiё (Rieux) были собраны и изданы, въ подлинникѣ и переводѣ, г. Хвольсономъ, по случаю пятидесятилѣтней годовщины петербургскаго университета. Съ тѣхъ поръ, какъ отрывокъ путешествія Ибнъ-Фадлана, изданный Френомъ, показалъ, какія сокровища скрываются въ восточныхъ писателяхъ для древняго быта Русскихъ, и какимъ способомъ нужно пользоваться ими, — я умалчиваю о матеріалѣ, который послѣ того былъ собранъ трудами другихъ ученыхъ и который еще ожидаетъ примѣненія, — ни одна книга до разбираемой книги г. Хвольсона не заставила о себѣ говорить такъ много.

Это — новое доказательство, что знаніе восточныхъ языковъ, — сверхъ той пользы отъ одного навыка толмачей, говорить на какомъ нибудь восточномъ языкѣ, — намъ открываетъ не мало источниковъ для познанія первыхъ обитателей отечественныхъ странъ.

Абу-Али Ахмедъ б. Омаръ Ибнъ-Даста, изъ космографическаго сочиненія котораго г. Хвольсонъ намъ сообщилъ предлежащія извлеченія, писатель доселѣ совершенно неизвѣстный въ арабской литературѣ, и это одна изъ заслугъ издателя, что онъ указалъ на неизвѣстное до сего времени сочиненіе. Вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ, можно назначить только приблизительно: изъ собственнаго его сочиненія мы узнаемъ, что онъ былъ въ Меккѣ, въ 290 г. по мусульманскому лѣтосчисленію, во время празднествъ, т. е. въ октябрѣ и ноябрѣ 903 г., отъ Р. Х. Когда онъ писалъ свое сочиненіе, совершенно неизвѣстно, и доводы, что это было *до* 913 года, не устоятъ противъ строгой критики, потому что они основаны только на томъ, что онъ не упоминаетъ объ одномъ событіи — походѣ Русскихъ на Бердаа, — которое онъ долженъ-де былъ упомянуть, если бы оно случилось до составленія его сочиненія. — А если, будучи въ то время въ путешествіи, онъ самъ не зналъ объ этомъ событіи? — или если онъ болѣе не возвратился на родину? Примѣръ подходящій даютъ Истахри и Ибнъ-Хаукаль. Эти путешественники встрѣтились въ своихъ путешествіяхъ гдѣ-то, въ Индустанѣ, и Ибнъ-Хаукаль, по просьбѣ перваго, взялъ на себя пересмотрѣть и текстъ и карты его: мы знаемъ положительно, что Ибнъ-Хаукаль отправился въ путешествіе въ 943 г., что онъ еще былъ на дорогѣ, когда Истахри уже занимался описаніемъ своихъ путешествій — и однакоже и слѣдовъ нѣтъ у Истахри о томъ же событіи 913 г. — Что Ибнъ-Даста по всей вѣроятности жилъ въ царствѣ саманидовъ, это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ началѣ X-го столѣтія вкусъ географическихъ свѣдѣній распространялся именно при государяхъ саманидской династіи, Измаилѣ I и Насрѣ II. Доказательствомъ тому служатъ творенія Мухаммеда б. Ахмедъ Джейхали, Абу-Долефъ-Мисаръ, и проч.

Бросимъ теперь взглядъ на сообщенныя извлеченія, и посмотримъ, на сколько онѣ увеличили наши свѣдѣнія. Первая глава идетъ о Хозарахъ. Что̀ мы знали изъ восточныхъ писателей до сихъ поръ, и что узнаемъ мы теперь новаго изъ Ибнъ-Дасты?

Я полагаю, что новыя свѣдѣнія, извлеченныя изъ Ибнъ-Дасты ограничиваются тремя данными: что второстепенный царь Хазаровъ назывался Ишою; что главный ихъ городъ Сарашенъ, рядомъ съ которымъ лежитъ другой городъ Хабнела, и что передъ Ишою носили родъ зонта, въ видѣ бубна. Остальное все уже было извѣстно, хотя изъ позднѣйшихъ писателей.

Извѣстно что Хазаре, по крайней мѣрѣ верховный царь, царь-

правитель и его приближенные исповѣдывали еврейскую вѣру. Титулъ верховнаго царя не только у арабскихъ писателей, но и у византійскихъ гласитъ *хаканъ;* царь-правитель носитъ у византійцевъ титулъ *Бека Хазоріи*, у арабскихъ то بك, то باك, то بلك, но послѣднее слово могло измѣниться изъ предъидущаго. Одинъ Ибнъ-Даста даетъ ему названіе *иша*, названіе, которому г. Хвольсонъ нашелъ основаніе въ китайскихъ источникахъ, въ словѣ *ша*, *ше* или *ше ху*, ссылаясь на отца Іакинеа. Трудно повѣрить, чтобы народъ, хотя, положимъ, тюркскаго происхожденія, занималъ названія для властей изъ языка совершенно чуждаго ему. Не послѣдовательнѣе бы было, искать это слово въ еврейскомъ языкѣ, языкѣ, который, безъ всякаго сомнѣнія, былъ извѣстенъ высшему слою хазарскаго народа. Я позволяю себѣ слѣдующее предположеніе, которое имѣетъ не столь шаткую почву для основанія. Слово *ишъ* (איש) въ еврейскомъ значитъ человѣкъ, мужъ; но въ книгѣ Судей VII, 14 въ выраженіи *мужъ Израиля* оно уже принимаетъ смыслъ вельможи, владѣющаго; еще болѣе выработалось это значеніе въ талмудѣ, гдѣ оно значитъ господинъ, гдѣ *ишо* просто замѣняетъ выраженіе *адони*, т. е. господинъ или государь мой [1]). Это слово по частому его употребленію легко могло перейти наконецъ въ означеніе высокой степени царя-правителя, какъ дѣйствительнаго господина и распорядителя судебъ хазарскаго народа.

Названіемъ обоихъ частей древней хазарской столицы — Сарашенъ и Хабнела — мы одолжены одному Ибнъ Дастѣ; въ обоихъ именахъ буква *айнъ*, безъ точки, сомнительна, такъ какъ тюркскія нарѣчія не имѣютъ такого звука, они имѣютъ только *гайнъ* съ точкою, которое произношеніемъ близко къ *кафу* съ двумя точками: оба имени, въ настоящемъ ихъ видѣ указываютъ скорѣе на семитическое происхожденіе. Въ подобномъ отношеніи и чтенія этихъ словъ у Аль-Бекри (см. Дефремери въ Journ. asiat. 1849. T. XIII, стр. 462) بارعيش и حثلغ. Г. Хвольсонъ совершенно правъ, что

---

[1]) Тракт. Іома I, 3. מסרו לו זקנים מזקני בי דין וקורין לפניו בסדר היום ואומרים לו אישי כהן גדול קרא אתה בפיך שמא שכחת או שמ לא למדת. И передавали ему старцы изъ старцевъ суда, читая передъ нимъ по чину того дня и сказавъ ему: Господинъ мой (*ишо*)! первосвященникъ! читай ты своими устами, можетъ быть ты забылъ, или можетъ быть ты не учился. *Тамъ же* I, 5: ואומרים לו אישי כהן גדול אנו שלוחי בי דין и сказавъ ему: Господинъ мой (*ишо*)! первосвященникъ! мы посланные отъ суда.

онъ, вопреки Дефремери, начальное ؟ не признаетъ предлогомъ, какъ это видно именно изъ параллельнаго мѣста у Ибнъ-Дасты.

Отчего г. Хвольсонъ уклоняется отъ обыкновеннаго правописанія Хазары, и пишетъ Хозаре, нигдѣ не объяснено. Онъ, который старается быть точнымъ до мелочей, отдаляется здѣсь отъ мусульманскихъ источниковъ. Между тѣмъ и римскіе и греческіе писатели, современные Ибнъ Дастѣ, пишутъ это слово черезъ *а*; арабы даже показываютъ, что слово на первомъ и второмъ слогѣ имѣетъ гласную, подобно арабскому слову خَزَر, означающему искошеніе зрачка къ внѣшнимъ угламъ глазъ.

При этомъ случаѣ не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ о произношеніи имени فضلان и установить оное. Френъ былъ первый, который писалъ и читалъ Foszlan, изъ чего передѣлано по-русски Фоцланъ. Буква арабская, выраженная нѣмецкимъ sz не соотвѣтствуетъ русскому *ц*, но въ устахъ татарина, турка или персіянина звучитъ какъ *з*; въ устахъ эгипетскаго араба какъ *д*; такъ и г. Хвольсонъ пишетъ; но дѣло не въ томъ, а въ гласной стоящей послѣ буквы *ф*, которая есть *а* или *е*. Такъ и произносятъ восточные, такъ и пишутъ рукописи فَضْلان и подобное произношеніе есть еще въ нѣкоторыхъ именахъ какъ حَمدان Хамданъ; سَلْمان Сельманъ. Что въ первомъ словѣ произносятъ гласную какъ *а*, въ послѣднемъ какъ *е*, зависитъ отъ качества согласныхъ. По этому, вѣрное правописаніе и произношеніе есть Фадланъ или Фазланъ. Объ этомъ см. еще Frähn въ Mém. de l'académie de S. Pétersb. 6-e sér. Scienc. polit. T. I, стр. 530.

Какъ третье, намъ еще неизвѣстное данное, мы читаемъ, что передъ ишою носился зонтъ въ видѣ бубна. Вообще сомнительно чтобы обычай носить зонтъ надъ владѣтельныхъ лицомъ доходилъ до такой древней эпохи: изъ одного текста этого нельзя вычитать, и г. Хвольсонъ, чувствуя это, объясняетъ: зонтикъ, который служилъ преимущественно вмѣсто знамени. Значеніе слова شمسه, которое онъ заимствовалъ изъ примѣчаній Катрмера къ его переводу «Исторіи мамлюкскихъ султановъ», онъ могъ еще умножить значеніемъ первоначальнымъ: simulacrum solis, какъ Менинскій говоритъ, или: toute figure représentant le soleil (у Казимирскаго) *что-то представляющее солнце*. И въ самомъ дѣлѣ, при такомъ значеніи, мы не нуждаемся ни въ никакихъ зонтахъ для перевода: «когда иша выступаетъ для какой-нибудь цѣли (а не куда-

нибудь, что было бы في جهة من الجهات), устроивается предъ нимъ изображеніе солнца, на подобіе бубна (я бы читалъ على صفة вмѣсто على صنعة), который и пр. Зонтъ изъ какой бы ни былъ ткани, не даетъ особеннаго блеска, который бы издали видѣло все войско: يبصرون ضوء تلك الشمسة, тогда бы умѣстнѣе было слово جلا лоскъ шелковой матеріи.

Вообще § 6 главы о Хазарахъ въ текстѣ сильно испорченъ; во первыхъ слова جمال ظاهر. Но г. Хвольсонъ чувствовалъ, что воиновъ хазарскихъ называть «явными красавцами» было бы слишкомъ смѣло; онъ нашелъ очень подходящихъ имъ приписать верблюдовъ, видно согласно тому мѣсту, которое верблюдовъ приписываетъ Буртасамъ. Удивительно, что уже въ это время были верблюды въ этой сѣверной странѣ съ суровымъ климатомъ, — и теперь крайній предѣлъ верблюда есть Камышинъ на Волгѣ, сѣвернѣе котораго верблюдъ не встрѣчается. Но о существованіи верблюдовъ въ этихъ странахъ есть ясное свидѣтельство Ибнъ-Батуты, путешественника, жившаго хотя 250 лѣтъ послѣ Ибнъ-Дасты, но бывшаго въ странахъ Болгара и видѣвшаго телѣги запряженныя лошадьми, волами и *верблюдами*. — Кромѣ ошибки الف вмѣсто грамматически правильнаго الاف (такъ слѣдуетъ поправить и на стр. 19 § 1), все мѣсто отъ قد اجرى до على الاغنياء испорчено; г. Хвольсонъ переводитъ, какъ будто было написано: قد جرى عليهم وظائفهم ما قد الخ. Смыслъ требуетъ подобнаго перевода, но въ искаженномъ текстѣ этого нѣтъ.

Подобный промахъ случился съ нимъ въ переводѣ словъ سطوح منسمة «остроконечныя крыши» (стр. 62, 63). Почти думаю, что этотъ переводъ основанъ на смѣлости воображенія; слово نسم не даетъ къ этому ни малѣйшаго повода. Если же поставить точку не на первый, а на послѣдній изъ четырехъ зубчиковъ, выйдетъ правильное чтеніе مسنمة «крыши горбовидныя, горбообразныя»; слово «остроконечное» г. Хвольсону очень понравилось, такъ что онъ его ставитъ и тамъ, гдѣ оно не только не нужно, потому что его въ текстѣ нѣтъ, но даже противно смыслу, стр. 23: «Славяне выкапываютъ себѣ родъ погреба, который покрываютъ *остроконечною* крышею, на подобіе церквей, и на эту крышу накладываютъ землю». Церкви христіанскія строились съ куполами: Хазары и Славяне клали на свои дома кучи земли, и потому арабскій писатель уподобляетъ ихъ церквамъ. Это правильное чтеніе مسنمة

находится также у Френа (De Chazaris стр. 615 и 616). По сему нужно и въ Якутѣ, изд. Вистенфельда, въ статьѣ سمندر поправить также и сверхъ того слова قد فسحت замѣнить словами قد نسحت, чтобы придать смыслъ ошибочному тексту.

Широкое поприще для ипотезъ представляютъ г. Хвольсону имена народовъ طولاس и لوغر; при первомъ словѣ и его усиліе отчаявается, потому что народъ сколько нибудь подходящій къ этому названію совершенно неизвѣстенъ. При второмъ имени, не смотря на то, что издатель упражнялъ свою ученость и начитанность, тоже ничего не выиграно, и мы должны до поры до времени придерживаться чтенія, которое находится у Хаджи-Хальфа الغز, тѣмъ болѣе, что такой сосѣдній народъ — Узы или Гузы — упоминается современнымъ писателемъ, Константиномъ Багрянороднымъ, который, какъ императоръ, навѣрно зналъ своихъ сосѣдей; — это мѣсто приведено г. Хвольсономъ въ его сочиненіи, на стр. 46.

Прежде чѣмъ перейду къ 2-й главѣ о Болгарахъ, еще обращусь къ его изъясненіямъ, или какъ сочинитель ихъ называетъ, комменатаріямъ — слово это я считалъ опечаткою, которыми изобилуютъ эти «Извѣстія», — но оно повторяется на каждой страницѣ, начиная отъ 42 до 199 включительно. Въ 1-мъ примѣчаніи г. Хвольсонъ раздѣляетъ источники географическихъ свѣдѣній арабовъ о странѣ и внутреннемъ положеніи Хазаръ на четыре категоріи: 1) Ибнъ-Даста, у него заимствовалъ Аль-Бекри, у этого Шукрулла, а у этого Мохаммедъ Катибъ и Хаджи-Хальфа; 2) Ибнъ-Фадланъ, который дѣйствительно, а не предположительно (по словамъ г. Хвольсона: «*кажется*») пробылъ нѣсколько времени въ столицѣ Хазаръ; отъ Ибнъ-Фадлана заимствовалъ Абу Зейдъ Бальхи. 3) Джейхани. Рядъ доводовъ, почему Джейхани поставленъ третьимъ источникомъ, такой: у Бальхи есть свѣдѣнія, которыхъ онъ не почерпалъ изъ Ибнъ-Фадлана; «*можетъ быть*» говоритъ г. Хвольсонъ, «онъ заимствовалъ ихъ изъ устныхъ показаній путешественниковъ». «*Вѣроятнѣе* же, по моему мнѣнію, что эти из-«вѣстія объ (о) Хозарахъ принадлежатъ Джейхани, писавшему въ «началѣ X-го вѣка, такъ какъ этотъ географъ *между прочимъ* пи-«салъ, *кажется*, и о Хозарахъ. Это мы выводимъ изъ слѣдующаго «обстоятельства: Джейхани — авторъ сочиненія: *Книга дорогъ* и пр. «которое однакоже до насъ не дошло. Другой географъ, первой по-«ловины X-го вѣка, Ибнъ-эль-Факихъ, сочинилъ извлеченіе изъ «этого сочиненія, подъ заглавіемъ: *Книга странъ*, которое также

«до насъ не дошло. Но дошло до насъ извлеченіе изъ сочиненія «Ибнъ-эль-Факиха, подъ заглавіемъ: *Сокращеніе книги странъ;* эта «рукопись уцѣлѣла. Въ этой рукописи находится длинное оглавле-«ніе, гдѣ, между прочимъ, сказано, что здѣсь рѣчь идетъ и объ «исторіи Хозаръ. Въ подлинникѣ (т. е. въ Ибнъ-эль-Факихѣ) на-«ходились *очевидно* извѣстія о Хозарахъ, авторомъ которыхъ *дол-«женъ* быть самъ Джейхани. *И такъ*, мы считаемъ Джейхани третьимъ источникомъ для исторіи Хозаръ». — Правду сказать, новый способъ логическихъ заключеній! Джейхани, который *кажется* писалъ *и о Хазарахъ*, но сочиненіе его не уцѣлѣло, не сохранилось и извлеченіе изъ него, а на конецъ и въ сокращеніи этого послѣдняго не находится статья о Хазарахъ, — *долженъ* быть третьимъ источникомъ!

Указавъ на ходъ заключеній, излишне будетъ опровергать ихъ,— хотя мы не отвергаемъ, что и Джейхани, быть можетъ, упоминалъ о Хазарахъ, но не имѣя другихъ данныхъ, или не указывая на другіе доводы, какъ только на представленные, т. е. чисто отрицательные — нельзя ничего доказать.

Перейдемъ къ 2-й главѣ, къ Буртасамъ. Въ ней есть только два свѣдѣнія, которыя мы признаемъ за новыя: что въ селеніяхъ ихъ, за неимѣніемъ общаго владѣтеля, который бы всѣми управлялъ и власть котораго бы была законная, управляли старшины отъ имени хазарскаго хакана, — что Буртасы были и сильные и красивые и крѣпкаго тѣлосложенія, — и что при нанесеніи ранъ или убійствѣ имъ предоставлялось право мести, — право обыкновенное у всѣхъ народовъ, власть которыхъ не могла сохранять личную безопасность общества.

Затрудненіе, которое г. Хвольсонъ (прим. 18 стр. 76) относительно языка Буртасовъ находитъ въ словахъ Истахри, онъ могъ бы устранить на основаніи словъ Аль-Бальхи. При списываніи Аль-Бальхи, — если ошибка дѣйствительно Истахри, а не переписчиковъ рукописей, — глаза Истахри пропустили нѣсколько словъ, и послѣ повторенія втораго الخزر продолжали текстъ; вставляя ихъ по оригиналу, устраняется всякая путаница, которую мы не находимъ ни «интересною ни поучительною»; мы читаемъ: ولسان بلغار مثل لسان الخزر ولسان الروس غيرلسان الخزر وبرطاس «языкъ Болгаръ сходенъ въ языкомъ Хазаровъ, а языкъ русскій особенный отъ языка Хазаровъ и Буртасовъ».

Относительно خرنج Френъ склоняется къ тому мнѣнію, что подъ этимъ словомъ разумѣется береза. Береза по татарски قاين

кайынъ, въ кондомскомъ нарѣчіи алтайскаго языка казынъ (Грамматика алт. яз. въ словарѣ). Это то же самое слово: въ древнемъ уйгурскомъ языкѣ, тамъ, гдѣ татары произносятъ j пишется арабская буква ذ, которая разлагается на *д* и *з* (см. Ильминскаго въ Bulletin de la classe hist.-phil. de l'acad. de St. Pétersb. T. XVI, стр. 46; Грамм. алт. яз. стр. 15). Такимъ образомъ кондомская форма этого слова представляетъ древній его видъ. Буква ق часто замѣняется буквою خ. Если опустить гласныя, то арабскими буквами лучше написать خزنك или خزنك какъ у Хамзы Исфагани (стр. ١٩٧), а такъ какъ *іяфъ* въ арабскомъ переходитъ въ ج, то خزنج. Другой видъ этого же названія خلنج въ значеніи березы встрѣчается у Мордвы: *киленъ*, по мокшанскому нарѣчію, келю (см. Versuch einer Mokscha-mordwinisch. Gram. von A. Ahlquist); у Чувашъ *хоринъ* (см. Начертаніе правилъ чуваш. яз. Казань 1836, стр. 188). По словамъ Хамзы дерево Хаденжъ (или халенджъ) находилось также въ Персіи, въ Китаѣ и Индустанѣ, гдѣ положительно не растетъ сѣверная береза, betula alba; по словамъ Ибнъ Байнара оно растетъ и въ Испаніи, гдѣ опять это слово не можетъ означать березу. Въ первомъ писателѣ оно было переведено словомъ «бунъ» (fagus), что едва-ли вѣрно; во второмъ переводчикъ ставилъ «erica arborea»; но это есть кустарникъ, безъ ствола, а у Ибнъ-Дасты говорится, что изъ него выдѣлывается разная посуда. Турецкіе словари даютъ значеніе قاين и چامر смолистое дерево. Я полагаю, что это слово могло означать въ разныхъ странахъ разныя дерева, подобно русскому: пальмовое дерево, которое происходитъ не отъ пальмы, а отъ самшита (buxus sempervirens).

Расширеніе познаній о Болгарахъ, въ 3-й главѣ,—значительнѣе. Болгары раздѣляются на три племени: Барсилія, Эсегель и настоящихъ Болгаръ; владѣтеля называютъ Алмушъ. Хотя послѣднее и извѣстно, но я себѣ позволяю прибавить, что казанскіе татары родоначальника называютъ Алмасъ и поколѣніе его الماسية и جعفرية. Въ одной исторіи казанскихъ татаръ, авторомъ которой одинъ изъ здѣсь жительствующихъ моллъ, Шихабэддинъ, сказано такъ:

وبو خاندان جعفرية رسلالة الماسيةدن بلغارده پادشاهلق ايدن لارننك بزكا
واصل اولغانى اولهم الامير جعفر بن سلكى خان ثم ابنه الامير احمد ثم
ابنه الامير طالب ثم اخوه الامير مومن ثم الامير شمعون ثم الامير حيدر
ثم ابنه الامير محمد ثم اخوه الامير سعيد ثم الامير باراج ثم الامير
ابراهيم ثم الامير سليم ثم ابنه الامير الهام ثم الامير فولاد تيمر ثم الامير

عبد الله ثم الامير حسن ثم اخوه الامير محمود ثم الامير عبد الله. «Изъ этого дома Джафарова и потомства Алмасова, изъ царствовавшихъ въ Болгарѣ до насъ дошли: *Джафаръ* б. Сильки Ханъ; — сынъ его, *Ахмедъ*; — сынъ Ахмеда, *Талибъ*; — братъ Талиба *Муминъ*; — эмиръ *Шимунъ*; — эмиръ *Хейдеръ*; — сынъ Хейдера, *Мохаммедъ*; — братъ Мохаммеда, *Саидъ*; — эмиръ *Бараджъ*; — эмиръ *Ибраимъ*; — эмиръ *Селимъ*; — сынъ Селима, *Ильгамъ*; — эмиръ *Пуладъ Темиръ*; — эмиръ *Абдулла*; — эмиръ *Хусейнъ*; — братъ Хусейна, *Махмудъ*; — эмиръ *Абдулла*».

3-й § 3 й главы представляетъ примѣръ, какъ отъ неточнаго употребленія мѣстоименій выраженіе дѣлается непонятнымъ. Это и г. Хвольсонъ чувствовалъ и вмѣсто мѣстоименія то прямо ставилъ существительное, то прибавлялъ его въ скобкахъ. Вотъ точный, т. е. буквальный переводъ:

Хазары имѣютъ торговыя сношенія съ ними (т. е. Болгарами, потому что рѣчь идетъ о Болгарахъ) и такимъ образомъ Русь къ нимъ (такъ какъ мѣстоименіе необыкновеннымъ образомъ поставлено раньше глагола, можно отнести его къ Хазарамъ, но такъ какъ вообще говорится о Болгарахъ, то можно отнести и къ нимъ) привозитъ свои товары. Всѣ изъ нихъ (едва-ли Русь, потому что она живетъ на островѣ, окруженномъ озеромъ, — а также и не Болгаре, потому что они живутъ на *одномъ* берегу Волги) которые живутъ по обоимъ берегамъ этой рѣки, везутъ къ нимъ (?) свои товары, какъ то и пр.

Этотъ параграфъ, отличающійся своей темнотою, — если онъ не искаженъ переписчиками, — возстановить безъ помощи другой рукописи, или географа, который бы заимствовалъ отъ него свѣдѣнія, нельзя; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ «свѣдѣній, которыя крайне небрежны и переполнены ошибками» (стр. 145), происходящими то отъ самихъ авторовъ, то отъ переписчиковъ рукописей. Всякое основаніе для объясненія такихъ мѣстъ будетъ шатко.

Свѣдѣнія, переданныя Ибнъ-Дастою въ 4-й главѣ о Мадьярахъ, еще важнѣе предъидущихъ. Этотъ народъ, тюркскаго племени, — или какъ г. Хвольсонъ толкуетъ — вогульскаго, выступаетъ въ походы въ числѣ 20,000, подъ начальствомъ царя, или какъ его титулъ — кенды ихъ, по имени Джала; живутъ они на устьяхъ двухъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, т. е. около устьевъ Дуная и Днѣстра, куда они прикочевываютъ, именно зимою по удобству рыболовства; но есть и хлѣбопашцы между ними.

Отношеніе ихъ къ Славянамъ враждебное, взятыхъ въ плѣнъ они продаютъ далеко отъ родныхъ на византійской землѣ (— такъ какъ прежде Римляне непокорныхъ жителей Панноніи продавали въ отдаленныя мѣста —). Вѣра ихъ языческая: они ужасно свирѣпы, такъ что Хазары окапываются противъ нихъ рвами, а Греки не допускали ихъ даже въ селенія свои, а вели торговлю внѣ стѣнъ ихъ.

Г. Хвольсонъ охотникъ до коньектуръ: здѣсь онъ изъ слова *Кенде* дѣлаетъ *Лебеде*, сопоставляя его съ Lebedias, начальникомъ Угровъ въ Ателькузу. Допустимъ, что перемѣна كنده въ لبده не трудная, но, во первыхъ, Кенде есть титулъ; Лебеде — имя. Не смотря на то, что и Аль-Бекри пишетъ كنده, эта перемѣна г. Хвольсона нисколько не затрудняетъ; по его словамъ Ибнъ-Даста ошибся и передалъ намъ дѣло на оборотъ. Если историки, не знающіе восточныхъ языковъ, замѣтятъ, какъ легко и легкомысленно, противъ чтенія рукописей, поступаютъ оріенталисты, когда они безъ труда *Кенда* превращаютъ въ *Лебеде*, или, пожалуй, Якова въ Джафара, и тому подобное, — не потрясается-ли тутъ всякое довѣріе къ восточнымъ источникамъ.

Извѣстія 5-й главы, о Славянахъ и важность ихъ приводится историку оцѣнить: переводъ вѣренъ, а въ текстѣ, я думаю, стр. 28 нужно читать كواثر вмѣсто كور, такъ какъ и переведено г. Хвольсономъ вѣрно. Весьма счастлива его поправка слова شوبنج жупанъ, названіе древнее, находящееся уже у Константина Багрянороднаго (de administr. imp. 29 и 30), который упоминаетъ объ одиннадцати жупанахъ, завладѣвшихъ въ первой половинѣ V-го столѣтія Иллиріей и Панноніей; производство слова отъ турецкаго چوپان чопанъ, указанное у Муральта (Chronol. byzant. стр. 468) основано только на случайномъ одинаковомъ произношеніи буквъ. Не менѣе счастливо и чтеніе его سوبت بلك, хотя бы съ такимъ же трудомъ, если угодно бы было имѣть въ виду ринизмъ, выраженный правописаніемъ Константина Багрянороднаго можно было и читать سونت بلك Свентъ полкъ. Буквы никакой азбуки такъ не способны для перемѣны словъ, какъ арабскія.

Относительно способа топленія домовъ г. Хвольсонъ въ недоумѣніи; описывается ли здѣсь баня или жилище? По моему мнѣнію, тутъ рѣчь идетъ о послѣднемъ: не зная устройства печей, Славяне топили дома парами, т. е. раскаливали камень и обливали

водою; позже, надо полагать, изобрѣтши печи, они дома топили дровами, а паръ оставили для бань.

6-я глава наконецъ посвящена Русскимъ. Г. Хвольсонъ выходитъ изъ той точки зрѣнія, что существовала Русь приволжская, основываясь на § 3 стр. 23; но такъ какъ это мѣсто допускаетъ нѣсколько разныхъ толкованій, которыя благодаря мѣстоименіямъ всѣ страдаютъ неточностью, то значитъ уже и первая основа весьма шаткая и колеблющаяся, поддерживаемая одними только догадками и предположеніями. По сему вся игра вопросовъ и отвѣтовъ на стр. 148, хотя забавна для чтенія, но пуста, потому что прозрачна задняя мысль добраться до какихъ-то острововъ на Волгѣ, мѣстожительства Русскихъ. Френъ думалъ помочь дѣлу предлагая чтеніе دانية вмѣсто وبمة, — но этого нельзя допустить потому что Ибнъ-Даста ясно пишетъ وبمة и прибавляетъ еще другое прилагательное نزية они живутъ на сыромъ, нездоровомъ островѣ. Г. Хвольсонъ полагаетъ, что невозможно опредѣлить этотъ островъ, и съ нимъ согласится всякій, довольствуясь свѣдѣніемъ, хотя и оставаясь при нѣкоемъ сомнѣніи. — Искать въ писателяхъ восточныхъ, жившихъ во второй половинѣ IX-го вѣка, кромѣ варяжскихъ Руссовъ, не слѣдуетъ и только тогда будетъ можно повѣрить въ существованіе другихъ Руссовъ, если найдутся указанія въ писателяхъ раньше этого времени. Приведенныя г. Хвольсономъ доказательства, всѣ относятся ко времени, когда уже сидѣло Рюриково поколѣніе въ Кіевѣ. О Масуди (стр. 168) онъ самъ говоритъ, что онъ зналъ только норманскихъ Руссовъ, а изъ словъ, что «Руссы состоятъ изъ многихъ народностей разнаго рода и что норманны многочисленное изъ нихъ племя», нельзя безъусловно дѣлать выводы, которые г. Хвольсонъ дѣлаетъ. 1) Вѣрно, что Масуди Норманновъ, — я допускаю перемѣну لوداعية Лодагіе въ Норманны или Мурманы مورمانة или مورمانية — считаетъ частью Руссовъ, но видно, что изъ всѣхъ Руссовъ самые многочисленные, самые предпріимчивые, т. е. дѣятельные были — Норманны; 2) хотя видно, что имя Русь Масудію извѣстно было не какъ «названіе только одного племени», но тѣмъ не менѣе 3) нигдѣ не явствуетъ, чтобы онъ «имя Русь *почти* также понималъ, какъ и мы его понимаемъ, т. е. что онъ подъ этимъ словомъ подразумѣвалъ *почти* всѣхъ жителей нынѣшней европейской Россіи» — потому что нигдѣ не встрѣчаемъ Хазаръ, Буртасъ, Болгаръ и пр. подъ общимъ названіемъ Русь. 4) О Норманнахъ Масуди совсѣмъ не думалъ, у него Руссы упоминаются безъ всякаго

дальнѣйшаго означенія племени; — и изъ прочихъ мѣстъ у него мы знаемъ, что это были варяжскіе Руссы.

Совершенно справедливъ взглядъ г. Хвольсона на раздѣленіе Руси, по Эль-Бальхи, — хотя нужно не много перемѣнить переводъ: «Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: одно — поближе къ Болгарамъ, и властитель его живетъ въ городѣ, называемомъ Куяба, который больше Болгара; — другое подальше (такъ и на стр. 173 надо перемѣнить слова: второе живетъ далеко) отъ нихъ называется Селявія, — и племя, называемое Барманія, т. е. Бармійцы, властитель которыхъ живетъ въ Бармѣ.

Между предметами, вывозимыми изъ Хорезма, г. Хвольсонъ называетъ, основываясь на авторитетѣ Эль-Бальхи وايوز и видитъ въ этомъ словѣ или барса или гончую собаку. Слово «юзъ» дѣйствительно означаетъ барса, — охота съ барсами نمر на востокѣ извѣстна — но значеніе гончей собаки нигдѣ не находится, кромѣ настоящаго толкованія г. Хвольсона. Посредствомъ легкаго измѣненія я читаю والبندق والجوز «и лѣсныхъ орѣховъ (πόντικον κάρπον) и грецкихъ». Но въ такомъ случаѣ этотъ товаръ надобно присоединить къ третьей категоріи, стр. 187.

Жалко, что не весь текстъ Эль-Бальхи приведенъ въ подлинникѣ (стр. 180), потому что смыслъ не ясенъ: وترتفع ..... من الخوارزم — كل هذا من بلغار «предметы торговли вывозимые изъ Харезма... всѣ эти предметы изъ Болгара. Какія слова выпущены? потому что толкованіе этихъ словъ: «всѣ они сперва привозятся оттуда въ Харезмъ и потомъ везутся дальше» — своевольное толкованіе г. Хвольсона.

Я оставляю защиту опрятности древнихъ Русскихъ на совѣсти г. Хвольсона, въ текстѣ Ибнъ-Дасты сказано только, что они любятъ чистоту въ *одеждѣ*. Ибнъ-Фадланъ говоритъ о другихъ привычкахъ. Тѣмъ не менѣе текстъ § 5 стр. 36 непремѣнно долженъ быть испорченнымъ. Послушаемъ переводъ г. Хвольсона: «Они (Руссы) объ одеждѣ своей заботятся, потому что занимаются торговлею». Нельзя предполагать, что сколько-нибудь мыслящій писатель руководился такой логикою. Очевидно, что слово يتعاطون исковеркано, такъ что нельзя догадаться, что было написано первоначально — или тутъ пропускъ.

Въ § 8 стр. 37 слово لم выпущено и нужно читать: وان لم يتفقا переводъ его, который имѣетъ отрицаніе, вѣренъ; — подъ конецъ

того же § нужно переводъ такъ измѣнить: въ бой, и побѣдителю предоставляется право сдѣлать съ противникомъ, что хочетъ.

Оканчивая разборъ «Извѣстій», я осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе Коммиссіи, что по моему мнѣнію, этотъ трудъ въ полномъ смыслѣ принадлежитъ къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя заслуживаютъ поощрительную награду.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. ЗАБѢЛИНА:

«Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.» Москва, 1869 г.

Составленъ профессоромъ И. Бѣляевымъ.

Настоящая книга по заглавію своему должна представлять живой интересъ для занимающагося русскою исторіею: и дѣйствительно она даетъ много интереснаго для историка, въ ней собраны драгоцѣнные матеріалы, долженствующіе выяснить многія стороны обиходной жизни царскаго дворца, такія стороны, которыя безъ сихъ матеріаловъ или вовсе бы ускользнули отъ вниманія, или были бы непонятны; между тѣмъ какъ выясненные могутъ многое объяснить въ исторіи и на многое указать, что безъ нихъ осталось бы незамѣтнымъ. Но, къ сожалѣнію, авторъ, увлеченный предвзятыми идеями почти не занялся этою стороною предмета, и старался только о томъ, чтобы такъ или иначе, хотя сколько-нибудь подтвердить напередъ принятую теорію, причемъ не рѣдко впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, какъ это будетъ доказано въ разборѣ самой книги по главамъ.

Глава I-я настоящей книги носитъ заглавіе: «женская личность въ до-петровскомъ обществѣ» — собственно же говоритъ о мнимомъ родовомъ бытѣ, подъ которымъ будто бы жило русское общество до-Петровскаго времени. Авторъ на стр. 11 прямо говоритъ: «идея родовой зависимости построила по своему образцу всѣ общественныя отношенія лицъ, весь общественный нашъ бытъ,

такъ что древнее русское общество въ существенномъ и непосредственномъ смыслѣ есть собственно не *общество*, а *родство*, ибо его общее, его идея заключалась въ идеѣ рода, а не въ идеѣ независимой личности». На сколько противорѣчатъ всему смыслу Русской исторіи всѣ подобныя ни на чемъ неоснованныя разсужденія о родовомъ устройствѣ древняго русскаго общества, лучшимъ доказательствомъ служитъ древнѣйшій памятникъ Русскаго законодательства — *Русская правда*, которая ни однимъ словомъ не указываетъ на какое-либо общественное значеніе рода или родства, а напротивъ, знаетъ и считаетъ членомъ общины только семью, состоящую исключительно изъ отца съ матерью и дѣтей, такъ что имѣніе, оставшееся по смерти хозяина неоставившаго дѣтей, признаетъ выморочнымъ и не допускаетъ къ наслѣдству никакихъ другихъ родственниковъ, кромѣ дѣтей; слѣдовательно прямо отрицаетъ всякое общественное значеніе рода или родства. Конечно, всѣ толкованія о родовомъ бытѣ не новость въ нашей исторической литературѣ и давно уже подробно опровергнуты. Но авторъ какъ бы игнорируетъ опроверженія и ухватился за родовой бытъ для того, чтобы сказать, что въ древнемъ Русскомъ обществѣ женщина не имѣла личности, ибо родовой бытъ не допускаетъ никакой личности; другой причины разсужденій автора о родовомъ бытѣ нѣтъ; а какъ причина эта отвергается законодательными памятниками древности, стало быть и отрицаніе женской личности въ древнемъ Русскомъ обществѣ остается не доказаннымъ. Это чувствовалъ и самъ авторъ, и потому во второй главѣ старается пріискать новыя доказательства на ту же тему, но конечно съ такою же неудачею.

Глава II-я озаглавлена такъ: *главныя черты женской личности въ до-петровское время.* На первой же страницѣ этой главы авторъ встрѣчается съ личностію в. к. Ольги жены Игоревой, и конечно уже не можетъ отрицать высокаго общественнаго значенія женской личности въ этой княгинѣ, онъ и не отрицаетъ, а напротивъ прямо говоритъ: «дѣятельность Ольги представляетъ намъ типическій образъ всей княжеской дѣятельности перваго вѣка, олицетворяетъ идеи жизни этого вѣка. Ольга дѣлаетъ то, что дѣлали всѣ первые князья, воевавшіе и торговавшіе съ Царьградомъ, покорявшіе сосѣднія племена, уставлявшіе уставы, уроки и дани. Все это было обычнымъ княжескимъ дѣломъ въ то время. Необычайно только то, что Ольга женщина совершаетъ эти мужскія и мужественныя дѣла. Но казалось ли это необычайнымъ для ея со-

временниковъ? Мы полагаемъ, что общее убѣжденіе вѣка находило дѣянія Ольги очень обыкновенными и весьма естественными. Въ сущности она ничего не дѣлала такого, что могло бы противорѣчить ея положенію... Не могло быть, чтобы женщина, находясь въ сферѣ, гдѣ мужественное дѣло и отвага составляютъ стихію жизни, не воспитывалась подъ сильнымъ вліяніемъ этой стихіи, чтобы свобода дѣйствій, которая сама собою уже разумѣется въ представленіи о мужественномъ дѣлѣ и отвагѣ, не распространялась и на женщину, не смотря даже на физіологическія условія ея пола... Богатырскія свойства мужчины должны были поднимать богатырскія свойства и въ женщинѣ. Иначе и быть не могло» (стр. 78—79). Такимъ образомъ авторъ при первомъ прикосновеніи къ историческимъ фактамъ нашелся вынужденнымъ отступиться отъ того, что старался доказать въ первой главѣ и въ прямое отрицаніе всего тамъ сказаннаго признать въ женщинѣ и личность и общественное положеніе почти равныя съ мужчинами. И не обинуясь приводитъ слова В. Шульгина: «личность Ольги язычницы должна представляться намъ не какимъ-либо исключительнымъ явленіемъ, а простымъ, естественнымъ, самымъ обычнымъ типомъ жизни. Въ чертахъ Ольги мы можемъ видѣть типъ русской женщины язычницы, выразившій въ себѣ ту весьма значительную долю свободныхъ дѣйствій, какая принадлежала по обычаю языческаго вѣка вообще женскому полу въ древнѣйшемъ Русскомъ обществѣ». Слѣдовательно длинныя тирады о родовомъ бытѣ, будто бы уничтожающія личность женщины, остаются не причемъ: язычество выручаетъ женщину, даетъ и личность и общественное положеніе.

Но воздавши должное Ольгѣ и вообще русской женщинѣ во время язычества, авторъ отрицаетъ всякое общественное значеніе русской женщины христіанки, по его словамъ: «принесенныя къ намъ изъ Византіи литературныя, аскетическія и вообще восточныя, азіатскія представленія, совсѣмъ чуждыя, ни мало несвойственныя нашей сѣверной природѣ, и физической и нравственной, въ духѣ своемъ клонились и стремились къ тому, чтобы поставить женскую личность въ самое невидное мѣсто общественной организаціи, чтобы вовсе отдалить ее изъ общества, какъ всякую помѣху для нравственныхъ дѣлъ и дѣяній мужчинъ, какъ воплощенную человѣческую слабость и шаткость нрава» (стр. 86). Такимъ образомъ христіанство принесенное на Русь изъ Византіи по мнѣнію автора проповѣдовало только аскетизмъ и какія-то вообще восточныя

азіатскія представленія, и прямо гнало русскую женщину или дѣвицу въ монастырь или теремъ, который былъ тотъ же монастырь или уподоблялся монастырю, какъ говоритъ авторъ на стр. 96-й. Подобное воззрѣніе на христіанскую церковь, на ея учительную литературу конечно не новость, оно встрѣчается у иныхъ мыслителей; но это еще не доказываетъ, что оно справедливо, и едва-ли какой серьезный ученый рѣшится основывать на немъ какіе-либо историческіе выводы; несостоятельность его такъ очевидна, что ненастоитъ надобности и опровергать таковое воззрѣніе. Историческіе факты прямо говорятъ, что съ принятіемъ христіанства положеніе русской женщины въ обществѣ не только не унизилось, а напротивъ во многомъ возвысилось и улучшилось; терема ни сколько не были порожденіемъ христіанства, они существовали и во время язычества, какъ свидѣтельствуютъ древнія былины, и притомъ они ни сколько не выражали жизни затворнической и постнической или монастырской; теремъ въ народномъ поэтическомъ изображеніи всегда представлялся свѣтлымъ и изукрашеннымъ, а жительницы его—рѣзвыми и веселыми, а не постницами и монастырками. Самъ авторъ съ прикосновеніемъ къ фактамъ отступается отъ своей теоріи и русскихъ женщинъ христіанокъ признаетъ съ такимъ же положеніемъ въ обществѣ, въ какомъ находилась Ольга язычница, слѣдовательно прямо отрицаетъ собственное свое воззрѣніе, что христіанское ученіе удаляло женщину отъ общества. Онъ, на стран. 99, говоритъ: «Мы встрѣчаемъ Новгородку боярыню, Мароу Борецкую, пирующую въ обществѣ мужчинъ, Новгородскихъ бояръ. Мы видимъ также что матерыя вдовы великія княгини, въ Москвѣ Евдокія, Софія, въ Твери Евдокія, Анастасія, въ Рязани Анна, въ Суздали Елена, и т. д. при малолѣтнихъ или молодыхъ сыновьяхъ получаютъ большое самостоятельное значеніе; онѣ сидятъ на *вдовьемъ столѣ*, т. е. на отчинномъ владѣніи своихъ мужей, слѣдовательно по необходимости являются дѣятелями общества, принимаютъ участіе въ мужескомъ общежитіи, сидятъ въ думѣ, въ совѣтѣ съ боярами, принимаютъ пословъ, имѣютъ даже своихъ особыхъ *бояръ*, и вообще своею личностію заступаютъ во многихъ случаяхъ мѣсто княжеской мужниной личности». Стало быть и будучи христіанами поступаютъ также, какъ поступала Ольга язычница.

Но у нашего автора фактъ фактомъ, а теорія теоріей, и послѣдняя не хочетъ и знать перваго. Послѣ упоминанія о приведенныхъ выше княгиняхъ заступавшихъ своею личностію мѣсто

княжеской мужниной личности, авторъ, на стр. 101, пишетъ: «съ утвержденіемъ единодержавія развитіе общественныхъ правъ женщины прекратилось, а домашняя жизнь стала еще тѣснѣе. Теремъ сдѣлался не только монастыремъ, но и крѣпостью, которая защищала уже не отъ однихъ грѣховъ, но и отъ всякихъ лиходѣевъ и враговъ. Въ началѣ XVI вѣка затворничество женщинъ было дѣломъ уже окончательно рѣшеннымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію и колебанію». А между тѣмъ на дѣлѣ эти теремныя затворницы, когда бывала надобность по прежнему являются общественными дѣятелями, пользуются полною самостоятельностью и даже въ качествѣ великихъ княгинь управляютъ государствомъ, такъ напр. В. К. Елена, мать Іоанна Грознаго во время малолѣтства сына до своей кончины управляла государствомъ, вела войны, заключала мирные договоры, издавала законы, смиряла возмущавшихся удѣльныхъ князей, укрѣпляла Москву, и вообще поступала также, какъ Ольга и другія княгини, о которыхъ говорилось выше; слѣдовательно нисколько не была затворницею, хотя и жила въ XVI вѣкѣ, когда, по мнѣнію нашего автора, затворничество женщинъ было уже дѣломъ окончательно рѣшеннымъ. То же должно сказать о княгинѣ Евфросиніи, матери князя Владиміра Андреевича, которая въ 1553 году во время болѣзни Іоанна Грознаго была едва ли не главною заводчицею крамолы въ пользу своего сына, и не давала приложить печать къ клятвенной грамотѣ, въ которой Владиміръ Андреевичь наконецъ обѣщался не искать царства. Не менѣе трудно признать затворницами: мать знаменитаго князя Василья Васильевича Голицына — Татьяну Ивановну и супругу его Евдокію Ивановну, которыя, какъ видно изъ ихъ переписки съ нимъ, принимали дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ того времени, хлопотали о посылкѣ воинскихъ отрядовъ въ походъ къ Василью Васильевичу, по нѣскольку разъ ѣздили лично къ большимъ боярамъ, приближеннымъ Царя, строго слѣдили за всѣми придворными перемѣнами и служебными назначеніями и обо всемъ постоянно увѣдомляли князя Василья Васильевича бывшаго въ походѣ; а мать даже иногда даетъ ему совѣты, такъ въ одномъ письмѣ къ нему пишетъ: «И ты будь свѣтъ мой къ князю Андрею Хилкову пріятенъ, и не говори мой свѣтъ ничего про Долгорукихъ при князѣ Андреѣ Хилковѣ». Такимъ образомъ факты свидѣтельствуютъ, что и въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ дѣятельность и положеніе женщинъ въ русскомъ обществѣ остаются тѣ же, какими они были въ XIV и XV столѣтіяхъ и

раньше, и женскій теремъ нисколько не былъ монастыремъ, въ немъ жизнь кипѣла, можетъ быть, также, какъ она кипитъ и нынѣ въ знатныхъ домахъ на женской половинѣ.

Глава III. *Женская личность въ положеніи царицы.* Эту главу можно раздѣлить на двѣ половины. Первая половина излагаетъ теорію государственнаго устройство въ древней Россіи, основанную на слѣдующихъ положеніяхъ: 1-е «Русская земля была отдана на растерзаніе княжескому произволу, который какъ звѣрь ждалъ всюду добычи, подстерегалъ ее, хваталъ ее при первой возможности, надѣясь лишь на одну силу, хитрость и всякое коварство, свойственное его хищнической природѣ» (стр. 193) и второе положеніе: «Московское собираніе земли, выразившее въ себѣ задачу всей прошлой исторіи, основную ея идею, было проведено, соотвѣтственно характеру времени, путемъ захвата, насилія, коварства, предательства; путемъ всѣхъ пороковъ, какіе обыкновенно порождаетъ борьба необузданнаго своеволія и самовластія... Въ Московскомъ дворцѣ, такимъ образомъ, собралось столько элементовъ нравственнаго растлѣнія, что этотъ дворецъ на долго сдѣлался поприщемъ для самыхъ темныхъ и не рѣдко безчеловѣчныхъ дѣлъ и событій» (стр. 196). Конечно сихъ положеній нельзя доказать историческими фактами; но за то они драгоцѣнны для теоріи нашего автора, на нихъ можно построить хотя бы такой выводъ: «Государева особа охранялась не народною любовію, а ужасомъ доноса, розыска, пытки, ужасомъ знаменитаго *слова и дѣла*, котораго настоящій смыслъ народился именно въ дворцовыхъ покояхъ и оттуда уже распространился на всю землю. Все это были неизбѣжныя послѣдствія той ожесточенной борьбы самовластныхъ и монархическихъ стремленій, которая вращалась въ Московскомъ дворцѣ со времени соединенія всей земли въ одно самодержавіе» (стр. 209).

Вторая половина настоящей главы говоритъ о государевыхъ бракахъ, именно съ перваго брака В. К. Василья Ивановича, для котораго отецъ его, В. К. Иванъ Васильевичь, велѣлъ собрать со всего государства дочерей служилыхъ людей для выбора невѣсты для молодаго княжича наслѣдника престола; потомъ подъ именемъ исторіи царскихъ невѣстъ излагаетъ подробно исторически извѣстные выборы царскихъ невѣстъ и придворные происки по случаю сихъ выборовъ. И особенно подробно изложены выборы и смотры царскихъ невѣстъ въ XVII столѣтіи, потому что отъ этого времени дошло до насъ болѣе извѣстій объ этомъ предметѣ и даже

подлинныя дѣла. Такъ напримѣръ исторія выбора и дѣло о болѣзни первой невѣсты царя Михаила Ѳеодоровича — Марьи Ивановны Хлоповой, продолжавшееся семь лѣтъ и кончившееся тѣмъ, что царь по требованію своей матери инокини Марѳы Ивановны не женился на Хлоповой. Также подробно описаны выборы второй супруги царя Алексѣя Михайловича Натальи Кириловны Нарышкиной, и первой его невѣсты Еѳиміи Ѳедоровны Всеволожской.

Глава IV имѣетъ заглавіе: *Обрядъ царицыной жизни, комнатной и выходной* Съ этой главы собственно начинается описаніе домашняго быта русскихъ царицъ, частью въ XVI, а подробнѣе въ XVII столѣтіи, ибо отъ послѣдняго вѣка дошло болѣе извѣстій преимущественно оффиціальныхъ. Эту главу авторъ начинаетъ собираніемъ свидѣтельствъ иноземныхъ и своихъ о такъ названной имъ замкнутости царицина быта; но свидѣтельства имъ собранныя скорѣе указываютъ только на то, что въ бытѣ русскихъ царицъ не было распущенности. Правда, что царицы не были участницами общественныхъ гуляній, не ѣздили въ театръ, котораго еще не было, не участвовали въ церемоніальныхъ торжествахъ, посторонніе мужчины не были ихъ обычными собесѣдниками; но все это доказываетъ только, что у царицъ былъ свой кругъ занятій и кругъ довольно обширный, далеко не выражающій замкнутости, какъ объ этомъ въ той же главѣ говоритъ самъ авторъ.

Такъ на стр. 296 авторъ пишетъ: «Замкнутость царицына быта и особенно быта царевень способствовала водворенію въ ихъ хоромахъ монастырской жизни. *Молитва и милостыня*—вотъ исключительная, единственная и достойная стихія этой жизни, руководившая не только помышленіями, но и всѣми поступками и подвигами ея дѣятелей». Но молитва и милостыня, въ той формѣ, въ какой онѣ совершались тогда царицами, говорятъ не столько о замкнутости, сколько объ общеніи, такъ молитва совершалась и дома и въ дворцовыхъ церквахъ, а иногда и нерѣдко царицы ходили или ѣздили въ городскія церкви и загородные монастыри, иногда довольно отдаленные, и на дорогѣ царицы подавали ручную милостыню и принимали челобитныя отъ нуждающихся въ ихъ пособіи людей; въ отдаленныхъ походахъ въ монастыри царицы принимали по дорогѣ разные мелкіе дары отъ мѣстныхъ жителей всякаго чина и за это сами платили подарками и вступали въ разговоры съ приносителями, покупали разныя простыя лакомства и игрушки для своихъ дѣтей, какъ объ этомъ разсказываетъ самъ авторъ на основаніи тогдашнихъ памятниковъ. Самая до-

машняя бесѣда о богоугодныхъ подвижникахъ и ихъ подвигахъ заставляла входить въ общеніе съ людьми и дѣлами заслуживающими вниманія и уваженія; разсказы о подвижникахъ доносились въ хоромы царицы изъ отдаленнѣйшихъ угловъ русской земли и вызывали царицъ входить въ сношеніе съ людьми для большаго удостовѣренія въ разсказахъ, а иногда и на личное знакомство съ подвижниками. Такъ напримѣръ въ 1634 году царица Евдокія Лукьяновна писала къ своему бывшему духовнику въ Новгородъ, чтобы онъ отписалъ къ ней: сколько въ Новгородѣ и Новгородскихъ мѣстахъ чудотворныхъ мѣстъ, и въ коемъ мѣстѣ и который чудотворецъ какими чудесы отъ Бога просвѣщенъ. А царица Анастасія Романовна, супруга Іоанна Грознаго вызывала въ Москву Сольвычегодскаго пустынника Христофора.

Но кромѣ богомолья и милостыни у царицъ бывали торжественные или церемоніальные выходы и пріемы въ большіе годовые праздники и по разнымъ случаямъ семейнымъ и общественнымъ, когда самъ царь является въ золотой царицыной палатѣ съ высшимъ духовенствомъ и значительнѣйшими свѣтскими чинами, которые на стран. 341—346 описываетъ самъ авторъ, и на которые во дворцѣ царицы имѣлись особыя выходныя книги, къ сожалѣнію до насъ недошедшія. Потомъ у царицъ бывали въ опредѣленные дни пріѣзды боярынь, имѣющихъ право пріѣзда по особымъ приглашеніямъ, которыя за обѣденными столами садились по счетамъ мѣстничества, и имъ велись списки въ разрядныхъ книгахъ. Нашимъ авторомъ приведены и общіе сводные списки пріѣзжихъ боярынь, которыя въ теченіи XVII столѣтія у трехъ царицъ пользовались правомъ пріѣзда во дворецъ къ столамъ, получали именинные пироги и принимали отъ царицы почетныя посольства со здоровьемъ по случаю ея родинъ. Въ этихъ спискахъ имѣли право пріѣзда при царицѣ Евдокіѣ Лукьяновнѣ Стрѣшневой болѣе шестидесяти боярынь, при царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ Милославскихъ сорокъ девять боярынь, при царицѣ Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиныхъ сорокъ четыре боярыни. Къ столамъ царицъ Евдокіи Лукьяновны и Марьи Ильиничны наравнѣ съ боярынями приглашались также и старицы-монахини трехъ Московскихъ дѣвичьихъ монастырей: Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и Алексѣевскаго преимущественно изъ знаменитыхъ боярскихъ фамилій. Кромѣ того, у царицъ бывали пріемы и даже обѣденные столы пріѣзжимъ иноземнымъ знаменитостямъ, имѣвшимъ высокое положеніе; такъ В. К. Елена Васильевна, супруга В. К. Василья Ивановича въ 1536 г.

принимала и угощала обѣденнымъ столомъ царицу Шигалееву Фатьму Салтанъ. Или въ 1654 году царица Марья Ильинична принимала Грузинскую царицу Елену Леонтьевну нѣсколько разъ. Или въ 1589 году у царицы Ирины Ѳедоровны былъ пріемъ патріарху константинопольскому Іереміи. Конечно на всѣхъ таковыхъ пріемахъ и обѣдахъ сидѣли не молча и разговоры не ограничивались одними разсказами о чудесахъ святыхъ угодниковъ; по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что чрезъ боярынь, пріѣзжающихъ къ царицѣ, бояре нерѣдко дѣйствовали и на царя; слѣдовательно на царицыныхъ обѣдахъ бывали разговоры и о дѣлахъ общественныхъ.

Въ повседневной жизни царица занималась распоряженіями по вѣдомству своей мастерской палаты, слушала доклады по управленію во всѣхъ приказахъ своего вѣдомства, разбирала челобитныя подаваемыя людьми ищущими ея помощи и занималась судными дѣлами своей судной палаты, гдѣ судился ея царицынъ чинъ; на ея же попеченіи было устройство всѣхъ служащихъ при ней и управленіе ея вотчинами. Въ послѣ-обѣденное время, особенно въ праздничные дни и долгіе осенніе и зимніе вечера отдавались разнаго рода домашнимъ комнатнымъ утѣхамъ и увеселеніямъ. А въ лѣтнее время царица дѣлала выѣзды для гулянья по царскимъ селамъ около Москвы. Нѣкоторые изъ этихъ выѣздовъ нашимъ авторомъ описаны по сохранившимся памятникамъ. Все это нисколько не свидѣтельствуетъ о замкнутости царицына быта, и ни сколько не говоритъ, чтобы царица занималась только молитвою и милостынею, и чтобы дворецъ царицы походилъ на монастырь.

Глава V. *Дворцовыя забавы, увеселенія и зрѣлища.* Эту главу авторъ начинаетъ длиннымъ разглагольствіемъ о какой-то Византійской идеѣ аскетизма, бывшей будто бы руководящимъ началомъ нашей образованности въ до-петровское время. Онъ прямо говоритъ: «Древне-Русское общежитіе изъ своей первобытной непосредственности попало прямо подъ бичеванье Византійской аскетической идеи, отвергавшей на всѣхъ путяхъ и свободу знанія и свободу творчества... Лучшія силы человѣческаго развитія были не только запрещены, но даже прокляты. Міръ свободной науки былъ проклятъ, какъ міръ ереси и невѣрія. Міръ свободнаго творчества былъ проклятъ, какъ міръ соблазна. Поэзія во всѣхъ своихъ видахъ была изгнана изъ общежитія, какъ грѣховная стихія. Такою же грѣховною стихіею являлось свободное художественное творчество во всѣхъ родахъ искусства. Жизнь этого общества исполненная лишь одного отрицанія, лишенная философскихъ и

поэтическихъ созерцаній и идеализацій, стала въ общемъ наклонѣ уподобляться жизни стада, гдѣ первое исключительное побужденіе — *кормъ* въ животномъ смыслѣ; а затѣмъ тяжелое умственное лежаніе на боку и медленное нескончаемое пережевываніе двухъ-трехъ понятій или двухъ-трехъ идей, какимъ былъ ограниченъ общественный кругозоръ жизни» (стр. 388—391). Такимъ образомъ, по понятіямъ нашего автора, христіанская церковь принятая изъ Византіи съ своими высокими, истинно поэтическими пѣснопѣніями, съ своими молитвами и поученіями исполненными высокихъ истинъ, обнимающихъ весь міръ человѣческаго духа и отвѣчающихъ на всѣ существенныя вопросы жизни, обратилась въ какую-то Византійскую идею аскетизма, господство которой довело дѣло до того, что жизнь стараго русскаго общества стала уподобляться жизни стада, гдѣ первое и исключительное побужденіе — *кормъ* въ животномъ смыслѣ, а затѣмъ тяжелое умственное лежаніе на боку и нескончаемое пережевываніе двухъ-трехъ понятій. А между тѣмъ это общество, занимающееся лежаніемъ на боку, съумѣло сбросить иго Татаръ, сдѣлать отпоръ Литвѣ и Польшѣ, не пустить Нѣмцевъ за Нарову и сдѣлалось могущественнымъ государствомъ, соединившимъ въ себѣ всѣ удѣльныя Русскія княжества и занявшимъ весь сѣверо-востокъ Европы, у этого общества занимавшагося нескончаемымъ пережевываніемъ двухъ-трехъ понятій, была своя литература и переводная и не переводная, и духовная и мірская. Это общество дорожитъ своею исторіею, оно оставило намъ много лѣтописей и разныхъ сказаній. Это общество, у котораго, по словамъ автора, поэзія была изгнана во всѣхъ своихъ видахъ, какъ грѣховная стихія, оставило намъ великое множество былинъ и пѣсней, исполненныхъ истинной поэзіи. Суровый дидаскалъ, по словамъ автора, отвергавшій и отрицавшій всякое мірское удовольствіе, на самомъ дѣлѣ на Московскомъ соборѣ 1551 года даже не находилъ нужнымъ гнать скомороховъ, какъ скомороховъ, когда это ему предлагалъ царь Иванъ Васильевичъ; онъ только посовѣтовалъ царю издать указъ, чтобы скоморохи, ходя по селамъ, не предавались грабежу и насильству (гл. 41). Этотъ же дидаскалъ, по словамъ автора отвергавшій на всѣхъ путяхъ свободу знанія, на соборѣ 1551 года заботится о заведеніи училищъ по всѣмъ городамъ, но конечно преслѣдуетъ и ереси и суевѣрія.

Послѣ ожесточенныхъ нападеній на мнимую идею Византійскаго аскетизма, авторъ переходитъ къ изложенію забавъ и увесе-

леній царскаго дворца и описываетъ ихъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ большою частью оффиціальнымъ. Здѣсь, во-первыхъ, говорится о дуракахъ или скорѣе о шутахъ; авторъ собралъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ со временъ царя Ивана Васильевича до временъ императрицы Анны Ивановны, сюда же онъ отнесъ и лубочныя картинки съ шутовскими рѣчами и изображеніями. За дураками и шутами слѣдуютъ бахари или сказочники, домрачеи и гусельники. Здѣсь, не смотря на прежнее отрицаніе всякой народности творчества и поэзіи въ нашемъ древнемъ обществѣ, авторъ говоритъ, противорѣча себѣ, что народная поэзія жила еще довольно полною жизнью и устное поэтическое слово постоянно оглашало и дворцовыя палаты, и хоромы бояръ, и народныя празднества и игрища, что пѣвцы и сказатели были людьми необходимыми въ тогдашней общественной и домашней жизни» (стр. 429). Но какъ бы спохватившись авторъ, желая поддержать прежнее свое показаніе объ отрицаніи поэзіи, говоритъ: «Въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ писать на бумагѣ пѣсни, значило кощунствовать, развратничать... Вотъ почему никакой Котошихинъ и не осмѣливался записать старыя наши былины, повѣсти и пѣсни, и никакой бояринъ, и тѣмъ болѣе самъ Государь не могъ и подумать о томъ, чтобы собрать въ книгу народныя пѣснопѣнія» (стр. 427—428). Такимъ образомъ, по заключеніямъ нашего автора, народная поэзія терпѣла страшное гоненіе отъ суроваго дидаскала именно потому, что пѣсенъ тогда никто не записывалъ, а между тѣмъ ихъ вездѣ пѣли и пѣвцы были необходимыми людьми въ тогдашней жизни и общественной и домашней, слѣдовательно и записывать не было надобности. Далѣе авторъ пишетъ о потѣшной палатѣ при государевомъ дворцѣ, состоявшей въ вѣдѣніи царскаго постельничаго, а въ послѣдствіи перешедшей въ вѣдѣнія приказа тайныхъ дѣлъ. Эта палата составляла особое при дворцѣ вѣдомство, которому были подчинены цимбальщики и органные мастера. По словамъ автора: «Въ царской потѣшной палатѣ музыкальные инструменты, цымбалы, органы и т. п. существовали не для одного лишь гуденья, а представляли необходимую и весьма важную статью и для другихъ разнообразныхъ увеселеній. При ихъ посредствѣ устроивалось всякое *скоморошное* дѣло и всякая *смѣхотворная хитрость* разными *веселыми* людьми или скоморохами въ исключительномъ смыслѣ, какъ творцами походячихъ народныхъ спектаклей» (стр. 435). Такимъ образомъ государевъ дворецъ особенно царицыни хоромы на стран. 219 походятъ на монастырь, гдѣ исключительная стихія

молитва и милостыня, на стр. 432 имѣютъ уже потѣшную палату, гдѣ производится всякая смѣхотворная хитрость разными веселыми людьми. Значитъ теорія автора прямо противорѣчитъ практикѣ — дѣйствительному тогдашнему быту царскаго дворца и царицыныхъ хоромъ. Настоящую главу авторъ заключаетъ сказаніями о медвѣжей потѣхѣ и о театральныхъ зрѣлищахъ явившихся при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ послѣдніе годы его царствованія. Какъ медвѣжья потѣха попала въ числу принадлежностей быта Московскихъ царицъ, это конечно должно остаться загадкой, ибо изъ самаго описанія этой потѣхи у автора разгадать эту загадку нѣтъ возможности.

Глава VI. *Царицынъ дворовый чинъ.* Первою и высшею степенью или чиномъ при дворѣ царицы были *дворовыя или верховыя боярыни*, а между ними первыя были мамы малолѣтнихъ царевичей и царевенъ. Авторъ съ довольною подробностію описываетъ ихъ обязанности, права и значеніе при царицыномъ дворѣ, и приводитъ списки мамъ и боярынь, состоявшихъ въ царицыномъ чину въ теченіи XVII вѣка, списки весьма любопытные, могущіе служить ключемъ къ исторіи Московскаго двора въ XVII столѣтіи; ибо мужская и женская половины государева двора находились во взаимной зависимости, придворная служба женщинъ-боярынь даже шла въ счеты мѣстничества. За боярынями въ царицыномъ чину слѣдовали, постепенно понижаясь: казначеи, ларешницы, учительницы и мастерицы царевенъ, кормилицы, псаломщицы, боярышни-дѣвицы, постельницы и комнатныя бабы, мастерицы и ученицы золотныя и бѣлыя, и послѣднюю степень составляли портомои. Мужской царицынъ чинъ распредѣлялся на приказный, крестовый, стольничій, походный, истопничій и мастерской; всѣми сими чинами завѣдывалъ царицынъ дворецкій, у котораго былъ особый приказъ, носившій названіе *постельнаго приказа Государыни царицы*, или иначе *приказъ царицыной мастерской палаты.* Въ концѣ настоящей главы авторъ помѣщаетъ нѣсколько сыскныхъ дѣлъ, которыя до нѣкоторой степени обрисовываютъ дворцовый *верхъ* и по преимуществу дворцовый *низъ*, т. е. младшую среду дворцовой службы.

Глава VII. *Царицыны наряды, уборы и одежда.* Эту главу авторъ начинаетъ общимъ разсужденіемъ о древнемъ Русскомъ костюмѣ, о его происхожденіи и о вліяніи на него нашихъ сосѣдей въ Европѣ и въ Азіи. Жалко что авторъ здѣсь не обратилъ вниманія на современный народный женскій костюмъ, еще сохранившійся отъ

старины въ разныхъ мѣстностяхъ великороссійскихъ губерній, онъ еще во многомъ можетъ служить ключемъ къ разгадкѣ недоумѣній въ древнемъ женскомъ костюмѣ, въ немъ даже сохранились древнія названія разныхъ принадлежностей женскаго костюма.

За общимъ разсужденіемъ о костюмѣ у автора слѣдуетъ подробное описаніе разныхъ принадлежностей костюма царицъ и царевенъ, а также состоящихъ при нихъ боярынь и боярышень въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Это описаніе составлено большою частью по подлиннымъ оффиціальнымъ памятникамъ и представляетъ много интересныхъ подробностей. Авторъ сперва описываетъ головные уборы, за тѣмъ слѣдуютъ уборы, извѣстные подъ общимъ именемъ *золота* и *саженья*, или *ларечной кузни;* сюда относились уборы шеи, ушей и рукъ; таковы для шеи: монисто, цѣпочка, ожерелье; для ушей серги, для рукъ перстни, жиковины, обручи, запястья, зарукавья. Собственно платье составляли: сорочки, это названіе принадлежало какъ рубахамъ, такъ и собственно платью, первая была нижнею и называлась бѣлою, верхнія сорочки шились изъ разныхъ легкихъ матерій, иногда по швамъ вынизывались жемчугомъ и расшивались шелками; за сорочками слѣдовали тѣлогреи, которыя были зимнія и лѣтнія; потомъ слѣдовали разныхъ названій шубки, лѣтники, опашницы или приволоки въ родѣ нынѣшнихъ мантилій, охобни, кортели, торлопы, бобровыя ожерелья, или пелерины, рукава или муфты, перщатыя рукавицы, ширинки или ручные платки. Обувь составляли: чулки, башмаки, ичедыги, чеботы. Авторъ представилъ весьма любопытныя примѣрныя цифры разныхъ нарядовъ для царицъ Евдокіи Лукьяновны, Марьи Ильиничны и Агафьи Семеновны и для царевенъ; цифры эти весьма интересны, они показываютъ, что количество разныхъ нарядовъ у царицъ и царевенъ было не роскошно, особенно у царевенъ; такъ напримѣръ горлатныхъ шапокъ царевны имѣли только по одной, опашней также по одному и много по два; но лѣтниковъ, шубокъ и тѣлогрѣй гораздо болѣе, такъ напримѣръ у царевны Ирины Михайловны было 33 лѣтника, 18 шубокъ и 37 тѣлогрѣй.

За описаніемъ нарядовъ царицы у автора слѣдуетъ описаніе царицыной свѣтлицы, или мастерской палаты, гдѣ постоянно занимались бѣлымъ и золотнымъ шитьемъ бѣлыя и золотныя швеи и мастерицы, принадлежавшія къ нисшему царицыну чину. Настоящую главу авторъ заканчиваетъ изложеніемъ хамовнаго дѣла, или приготовленія бѣлой казны, т. е. полотенъ и другихъ льняныхъ издѣлій для царскаго обихода. Изготовленіемъ разныхъ предме-

товъ бѣлой казны занимались двѣ большія городскія слободы, въ Москвѣ—Кадашевская и въ Твери—Константиновская и два села Ярославскаго уѣзда Бреитово и Черкасово. Полотны въ царицыныхъ слободахъ ткались двойныя изъ двойной пряжи, гладкія и полосатыя; тройныя изъ тройной пряжи, потолще, тоже гладкія и полосатыя; Тверскія тоже тройныя. За тѣмъ скатерти или скатертные столбцы; убрусы или полки убрусныя, утиральники, потенца, и кромѣ того изготовлялись нити и бѣль. Производствомъ занимались хамовники (ткачи) и дѣловицы: ткальи, пряльи, бральи, швеи, задѣльницы, бѣльницы или бѣляницы и бердники. Работа была распредѣлена между ними на годовые уроки. Каждый урокъ назывался *дѣломъ:* дѣло ткалейное, дѣло прядитья, дѣло бралейное, швейное, бѣляное, бердяное. Авторъ подробно описалъ всѣ сіи дѣла и порядокъ ихъ производства; такъ что отдѣлъ о бѣлой казнѣ или хамовномъ дѣлѣ можно назвать лучшимъ изъ всѣхъ отдѣловъ настоящей книги.

Но самый лучшій и драгоцѣннѣйшій отдѣлъ настоящей книги составляютъ матеріалы, помѣщенные внѣ главъ и подъ особымъ счетомъ страницъ. Этотъ отдѣлъ собственно и представляетъ наглядную картину домашняго быта царицъ Московскихъ, а всю книгу помѣщенную впереди его можно назвать неудачнымъ предисловіемъ къ настоящему отдѣлу. Здѣсь авторъ помѣстилъ сто тринадцать выписокъ изъ подлинныхъ книгъ и дѣлъ по управленію царицынымъ дворцомъ, исполненныхъ самаго живаго интереса. Въ сихъ драгоцѣнныхъ выпискахъ мы находимъ указанія и о домашнихъ занятіяхъ царицъ, о положеніи и значеніи дворцовой среды, которая ихъ окружала. Здѣсь напримѣръ помѣщены крестоприводныя записи при поступленіи на службу въ царицынъ дворецъ, свадебные пріѣзды къ царю бояръ, царицыны походные расходы, и многіе другіе акты, объясняющіе домашній бытъ царицъ. Но особенно бросается въ глаза дѣло о розыскахъ государевой казны у бывшей царицы Марьи Петровны Шуйской въ 1609 году. Въ этомъ дѣлѣ развѣнчанная царица является въ полномъ сознаніи своего достоинства и держитъ себя противъ бояръ не какъ загнанная монастырка или какая-либо затворница, незнающая общественныхъ отношеній. Въ этомъ же отдѣлѣ мы встрѣчаемъ описи платья и всякой казны времени царей Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго; а также счеты денежнаго приказа и расхода царицыной мастерской палаты съ 1624 по 1653 годъ, гдѣ въ продолженіи почти 30 лѣтъ нѣтъ ни одной пере-

держки расходовъ противъ прихода, а напротивъ въ каждомъ году оказывался остатокъ иногда довольно значительный. Значитъ хозяйство царицына двора было ведено съ большою разсчетливостью.

Изъ представленнаго мною настоящаго разбора книги, подъ названіемъ: «*Домашній бытъ Русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*», Академія Наукъ можетъ видѣть, что книга сія, съ одной стороны, содержитъ въ себѣ множество драгоцѣнныхъ выписокъ изъ подлинныхъ памятниковъ, за которыя историки-изслѣдователи должны быть благодарны собирателю, и Академія исполнитъ свой долгъ назначивши ему награду; а съ другой стороны, помѣщенныя въ книгѣ изслѣдованія бо̀льшею частью ошибочны, противорѣчатъ собраннымъ въ книгѣ фактамъ, затемняютъ дѣло и даютъ ему превратный смыслъ; но, повторяю, что собранные матеріалы драгоцѣнны и стоятъ награды.

ОТЧЕТЪ

О ЧЕТЫРНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

25 Сентября 1871 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
А. Черкесова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмидерова, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Эмбаджиева и Комп., въ Тифлисѣ.
А. Е. Кехрибарджи, въ Одессѣ.

Цѣна 45 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Августъ 1872 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9. л. № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академій Наукъ, 25-го сентября 1871 года, Непремѣннымъ Секретаремъ К. С. Веселовскимъ . . . . . 1—14

Разборъ сочиненія А. Скребицкаго: «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II». *Н. П. Семенова* . . . . . 15—57

Разборъ второй части сочиненія М. Морошкина: «Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до настоящаго времени». *А. Н. Попова* . . . . . 58—63

Разборъ сочиненія О. Миллера: «Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кіевское». *Академика Ѳ. И. Буслаева* . . . 64—89

Разборъ сочиненія Н. Ламбина: «Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. О Свенгелдѣ и Угличахъ». *Академика А. Ѳ. Бычкова* . . . . . 90—107

О запискѣ безъимяннаго Таврическаго (Anonymus-taurirus. (По поводу сочиненія Н. П. Ламбина). *Академика А. А. Куника.* . . . 108—112

ОТЧЕТЪ

О

ЧЕТЫРНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25 сентября 1871 г. Непремѣннымъ Секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Сочиненій по русской и славянской исторіи, представленныхъ въ нынѣшнемъ году на соисканіе наградъ графа Уварова, было двѣнадцать; кромѣ того одно сочиненіе было отложено отъ прошлогодняго конкурса. Для ихъ разсмотрѣнія конференціею Академіи была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. академиковъ: И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, П. П. Пекарскаго, А. Ѳ. Бычкова, А. А. Куника, А. А. Шифнера и В. В. Вельяминова-Зернова. Впослѣдствіи, по отсутствію изъ Петербурга гг. Срезневскаго и Вельяминова-Зернова, ихъ мѣсто, въ составѣ коммиссіи, занимали академики: А. В. Никитенко и М. И. Броссе.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочиненіями, коммиссія избрала рецензентовъ для каждаго изъ конкурсныхъ сочиненій, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока, коммиссія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, по той причинѣ, что рецензія одного изъ нихъ не могла служить коммиссіи основаніемъ для произнесенія о немъ приговора, а рецензія

другаго не была вовсе доставлена лицомъ, принявшимъ на себя разсмотрѣніе сочиненія.

Затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ одиннадцати сочиненій, коммиссія положила: четыре изъ нихъ удостоить меньшихъ Уваровскихъ наградъ (въ 500 руб. каждая).

I.

Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Александра Скребицкаго. 4 тома въ 5 книгахъ. Боннъ на Рейнѣ 1862 — 1868 г.

Разборъ этого сочиненія, по приглашенію Академіи, былъ составленъ сенаторомъ Н. П. Семеновымъ.

Безъ сомнѣнія, ни одна реформа въ государствѣ не произвела такого кореннаго переворота въ бытѣ народномъ, какъ крестьянская реформа въ Россіи; съ манифеста 19 февраля 1861 г. началась новая эпоха въ жизни нашего народа, и всѣ послѣдующія измѣненія по различнымъ частямъ нашего государственнаго управленія имѣютъ своимъ началомъ Положеніе 19 февраля. При такомъ значеніи освобожденія крестьянъ, понятно, какую высокую цѣну въ глазахъ нашихъ долженъ имѣть всякій трудъ, относящійся до разработки исторіи великаго переворота, до приведенія въ порядокъ матеріаловъ, которые оставило намъ по себѣ это событіе. Но такой трудъ въ настоящее время встрѣтилъ бы, конечно, непреодолимыя препятствія. При невозможности приступить къ подобному труду, по мнѣнію г. Семенова, надо считать весьма полезными частную разработку матеріаловъ по крестьянскому дѣлу, сведеніе ихъ въ одно цѣлое, приведеніе ихъ въ надлежащій порядокъ — однимъ словомъ, подготовленіе ихъ для будущихъ историковъ. Такой трудъ исполненъ г. Скребицкимъ.

Его сочиненіе обнимаетъ собою, за все время разработки крестьянскаго вопроса, только періодъ дѣятельности редакціонныхъ коммиссій, съ открытія ихъ 4 марта 1859 г., до внесенія полнаго проекта на разсмотрѣніе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, или собственно до закрытія коммиссій, т. е. до 10 октября 1860 г. Авторъ располагалъ матеріалами, доставленными, по распоряженію перваго предсѣдателя этихъ коммиссій Я. И. Ростовцева, извѣстному писателю, барону Гакстгаузену, который намѣревался издать сочиненіе объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, но,

за смертью, не успѣлъ осуществить свое предпріятіе. Г. Скребицкій былъ приглашенъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, но совершилъ свой трудъ уже одинъ, безъ посторонней помощи. Такимъ образомъ, онъ пользовался только матеріалами редакціонныхъ коммиссій и сборникомъ правительственныхъ распоряженій по устройству крестьянскаго быта. Никакого другаго матеріала онъ и не могъ имѣть, какъ потому, что барону Гакстгаузену было сообщено только то, чѣмъ могъ въ то время располагать самъ предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій, т. е. офиціальные источники, составлявшіе предметъ разработки коммиссій, такъ и потому, что когда г. Скребицкій принялся за свой трудъ и продолжалъ его, правительство считало многія бумаги и документы неподлежащими оглашенію, и наконецъ потому, что весьма важная доля частныхъ матеріаловъ не могла быть вовсе обнародована, по близости времени совершившагося событія. По этимъ соображеніямъ, рецензентъ полагаетъ, что для справедливой оцѣнки книги г. Скребицкаго надо стать на исключительную точку зрѣнія. Не бывъ ни участникомъ, ни ближайшимъ свидѣтелемъ дѣла освобожденія крестьянъ, онъ, съ тѣмъ однимъ матеріаломъ, которымъ имѣлъ возможность распоряжаться, не могъ избрать путь чисто исторической его разработки. Какъ онъ отнесся къ своей задачѣ, можно судить изъ предисловія къ сочиненію: «Мы, говоритъ онъ, современники великой реформы, обязаны передать историческій матеріалъ крестьянскаго дѣла послѣдующимъ поколѣніямъ цѣликомъ, предоставивъ имъ только критическую оцѣнку его, облегченную и провѣренную послѣдующимъ опытомъ, для которой не настало еще время. Эта мысль легла въ основѣ разработки матеріаловъ, которыми я располагалъ. Ими можно было пользоваться двояко: во-первыхъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ частности и подробности, можно было изложить, въ формѣ историческаго повѣствованія, главныя, выдающіяся черты совершившейся реформы; или, во-вторыхъ, не дѣлая различія между главнымъ и второстепеннымъ, за обоими признать одинаковыя права историческаго гражданства. Первая форма изложенія имѣла бы то преимущество, что дала бы большинству публики возможность легко познакомиться съ предметомъ, но по необходимости вѣроятно, часто не безъ основанія, навлекла бы на меня упрекъ въ произвольномъ выборѣ матеріаловъ. Поэтому, отказавшись отъ первой, хотя и болѣе легкой формы изложенія, я съ строгою послѣдовательностью провелъ послѣднюю».

Такимъ отношеніемъ автора къ предмету обусловливаются, по

мнѣнію рецензента, какъ недостатки, такъ и достоинства его сочиненія.

Собственно говоря, у г. Скребицкаго нѣтъ критическаго разбора и оцѣнки матеріаловъ. При такомъ отсутствіи критики, изложеніе всѣхъ матеріаловъ въ одинаковой степени и размѣрахъ, какой бы они ни были относительной важности, лишаетъ должнаго интереса и самое введеніе, въ которомъ авторъ передаетъ исторически ходъ дѣла. Другимъ общимъ недостаткомъ въ текстѣ труда, рецензентъ считаетъ отсутствіе хронологій событій или даже прямыхъ указаній на нее; чрезъ это утрачивается послѣдовательность мнѣній, которыя были высказаны столь большимъ числомъ лицъ и учрежденій по крестьянскому дѣлу, и чтеніе сочиненія, глава за главою, дѣлается невозможнымъ. Впрочемъ этотъ недостатокъ искупается системою изложенія, очень удобною для пользованія сочиненіемъ, какъ справочною книгою. Оно издано въ 4 томахъ, изъ которыхъ второй раздѣленъ на двѣ части, что составляетъ пять большихъ книгъ въ 5,382 страницы. Кромѣ введенія, оно содержитъ въ себѣ четыре отдѣла, по тремъ отдѣленіямъ редакціонныхъ коммиссій, и четвертому, къ которому отнесены финансовая коммиссія и особая, занимавшаяся приготовленіемъ работъ, невошедшихъ въ общую програму докладовъ отдѣленій. Такимъ образомъ первый томъ соотвѣтствуетъ двумъ отдѣленіямъ коммиссій: юридическому и административному; двѣ части 2-го тома и третій томъ — хозяйственному отдѣленію, и четвертый — финансовой и особой коммиссіямъ. Главы расположены по программѣ докладовъ редакціонныхъ коммиссій общему ихъ присутствію, по каждому отдѣленію. Въ каждой главѣ излагается все, что къ предмету ея относится изъ проектовъ, соображеній и отзывовъ лицъ и учрежденій, участвовавшихъ въ разработкѣ крестьянскаго дѣла, въ такомъ приблизительно порядкѣ: сначала идетъ изложеніе проектовъ губернскихъ комитетовъ и обзоръ ихъ основаній, затѣмъ соображеній и заключеній редакціонныхъ коммиссій и наконецъ отзывовъ членовъ губернскихъ комитетовъ обоихъ призывовъ. На первой страницѣ каждой главы сдѣланы ссылки на источники, а въ выноскахъ приводятся замѣчанія и соображенія разныхъ лицъ, дававшихъ въ томъ или другомъ порядкѣ свои заключенія.

Кромѣ удачно придуманной системы изложенія, къ достоинствамъ сочиненія г. Скребицкаго рецензентъ относитъ его добросовѣстность въ обработкѣ трудовъ редакціонныхъ коммиссій и въ сведеніи въ одно цѣлое его разрозненныхъ частей. То, чѣмъ

онъ пользовался, изложено имъ съ чрезвычайною точностью: соображенія и заключенія редакціонныхъ коммиссій, а также отзывы депутатовъ, онъ приводитъ подлинникомъ, почти во всей ихъ цѣлости, что̀, конечно, было возможно лишь при избранномъ имъ планѣ труда.

Ссылками на источники облегчаются повѣрка сочиненія съ ними и обращеніе къ подлиннымъ, не приведеннымъ въ порядокъ матеріаламъ.

Въ заключеніе, рецензентъ находитъ, что если сочиненіе г. Скребицкаго не можетъ быть названо, въ строгомъ смыслѣ, исторіею крестьянскаго дѣла даже въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, то все таки оно есть разработанный сводъ матеріаловъ, оставленныхъ ими, и его несомнѣнное достоинство заключается въ томъ, что оно представляетъ собою единственный до сихъ поръ и вѣрный ключъ къ исторической обработкѣ того, что оставили по себѣ эти коммиссіи, и будетъ служить важнымъ пособіемъ для послѣдующихъ работъ по исторіи крестьянской реформы. Практическая польза сочиненія г. Скребицкаго увеличивается еще тѣмъ, что въ немъ нашли себѣ мѣсто, хотя и въ пяти большихъ книгахъ, однако въ значительно меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ документахъ, изданныхъ оффиціальнымъ путемъ и отчасти составляющихъ уже и теперь библіографическую рѣдкость,—все самое существенное изъ трудовъ редакціонныхъ коммиссій и губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу.

II.

Іезуиты въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II и до нашего времени. Часть 2-я. Сочиненіе свящ. М. Морошкина. С.-Петербургъ, 1870 г.

Первая часть этого сочиненія уже являлась на судъ Академіи три года тому назадъ, въ числѣ трудовъ, участвовавшихъ въ одиннадцатомъ соисканіи Уваровскихъ наградъ, и была удостоена преміи. Съ тѣхъ поръ талантливый авторъ ревностно продолжалъ трудиться надъ довершеніемъ своей задачи, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ довести ее до конца: неожиданная и ранняя кончина пресѣкла полезную учено-литературную дѣятельность отца Морошкина, прежде чѣмъ онъ дописалъ послѣднія главы своего оживленнаго и подробнаго разсказа о судьбѣ іезуитскаго ордена въ нашемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, вторая часть сочиненія, которая должна была обнимать собою исторію іезуитовъ въ Россіи съ кончины

Императора Павла I и до нашего времени, была доведена лишь до 1811 года. Въ такомъ видѣ она и явилась въ свѣтъ уже послѣ смерти автора, дополненная нѣсколькими матеріалами, приготовленными имъ для послѣднихъ главъ. Принявъ эту книгу на соисканіе Уваровскихъ премій, Академія пригласила разсмотрѣть ее того же критика, сужденіе котораго о первой части этого сочиненія послужило Академіи основаніемъ для ея приговора объ ней. Въ составленной имъ рецензіи, А. Н. Поповъ заявляетъ, что вторая часть сочиненія отца Морошкина содержитъ въ себѣ, не менѣе первой части, любопытныя свѣдѣнія, тщательно собранныя, искусно обработанныя и стройно изложенныя. Имѣя въ виду благопріятный отзывъ писателя, который самъ изучалъ исторію іезуитскаго ордена и обогатилъ нашу литературу прекрасными статьями о политикѣ Римскаго Двора въ Россіи, Академія назначила за книгу отца Морошкина премію, которая вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ послѣднею данью уваженія Академіи къ памяти трудолюбиваго и даровитаго историка, преждевременно сошедшаго въ могилу.

III.

Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Сочин. О. Миллера. С.-Петербургъ, 1870.

Подробный разборъ этой книги былъ составленъ академикомъ Ѳ. И. Буслаевымъ.

Взявъ предметомъ своего сочиненія Илью Муромца, г. Миллеръ сосредоточилъ около этого героя обширное изслѣдованіе вообще всѣхъ былинъ о такъ называемомъ богатырствѣ Кіевскомъ. Изложеніе свое онъ начинаетъ съ эпизода о боѣ отца съ сыномъ, и, усматривая въ этомъ эпизодѣ связь Муромца съ Святогоромъ, переходитъ вообще къ богатырямъ старшимъ; затѣмъ предлагаетъ обстоятельную характеристику эпическаго князя Владиміра и его богатырей, туземныхъ и заѣзжихъ, проводя ее по былинамъ отъ самыхъ раннихъ преданій до позднѣйшихъ слѣдовъ татарщины, Ермака и казачества; потомъ цѣлую главу посвѣщаетъ каликамъ перехожимъ и отношенію Ильи Муромца къ Идолищу и князю Цареградскому, и наконецъ, предложивъ сравненіе Кіевскихъ былинъ съ Новгородскими, заключаетъ свое изслѣдованіе опредѣленіемъ того значенія, какое имѣетъ періодъ Суздальскій въ развитіи нашего богатырскаго эпоса.

Обращаясь къ оцѣнкѣ труда г. Миллера, рецензентъ прежде всего разсматриваетъ методъ, котораго онъ держался.

До сихъ поръ, изслѣдователи былинъ не брали на себя труда— критически разсмотрѣть всѣ извѣстныя редакціи и варіаціи, въ которыхъ является каждая былина, и для своихъ наблюденій довольствовались тѣмъ или другимъ ихъ пересказомъ, основываясь въ своемъ выборѣ на личномъ вкусѣ. Такое отношеніе къ матеріалу народнаго эпоса противорѣчило основнымъ правиламъ современной филологической критики. Г. Миллеру рецензентъ приписываетъ заслугу исправленія въ нашей ученой литературѣ этого существеннаго недостатка: первою задачею его труда было обстоятельное сравненіе всѣхъ редакцій и варіантовъ каждой былины. Само собою разумѣется, наука не останется при томъ, что только начато г. Миллеромъ; однако во всякомъ случаѣ продолжатели критической работы надъ нашимъ народнымъ эпосомъ будутъ признательны ему за починъ, на который онъ положилъ столько труда. Если бы онъ въ своей книгѣ ограничился только однимъ этимъ дѣломъ, то и тогда, она, по словамъ г. Буслаева, заняла бы почетное мѣсто въ нашей ученой литературѣ.

Собравъ тексты нашего эпоса во всемъ ихъ разнообразномъ обиліи, г. Миллеръ приложилъ къ нимъ сравнительный методъ, выработанный нѣмецкими учеными. И прежде многіе сравнивали русскій эпосъ съ народною поэзіею другихъ народовъ; но это дѣлалось не систематически, по частямъ, болѣе случайно, такъ что эти попытки носили на себѣ явный характеръ односторонности. Чтобы устранить этотъ недостатокъ надобно было, запасшись обширными свѣдѣніями сравнительнаго изученія иностранныхъ литературъ, повсюду отыскивать сходное съ русскимъ матеріаломъ, и такимъ образомъ внести русскій эпосъ въ сравнительное изученіе вообще народной поэзіи всѣхъ народовъ, поскольку этотъ предметъ доступенъ современной наукѣ. Задача трудная и уже по тому въ настоящее время не разрѣшимая, что сравнительная наука далеко еще не обошла того громаднаго цикла народностей, который ей предстоитъ. Впрочемъ, г. Миллеръ предусмотрительно ограничилъ область своихъ сравнительныхъ наблюденій: во-первыхъ, онъ сосредоточивается на родственныхъ индо-европейскихъ народностяхъ, и особенно останавливается на эпосѣ германскомъ, какъ наиболѣе разработанномъ; во-вторыхъ, входитъ въ сближенія русскаго эпоса съ поэзіею родственныхъ намъ славянъ, особенно сербовъ, и наконецъ, смѣняя кругъ сравненій съ русскою на-

родностью, проводитъ параллели между былинами и сказками, загадками, лѣтописными сагами, мѣстными преданіями и проч. Кромѣ сродства племеннаго, онъ допускаетъ сродство по одинаковости умственнаго и нравственнаго развитія народовъ въ такъ называемомъ эпическомъ періодѣ. Что касается до теоріи заимствованія, то авторъ, находя ее примѣнимою къ нѣкоторымъ исключительнымъ явленіямъ, объясняемымъ дѣйствительно историческимъ вліяніемъ, признаетъ ее непригодною для изслѣдованія такихъ самородныхъ памятниковъ народной жизни, какъ наши былины.

Своими началами былинный эпосъ восходитъ къ доисторической эпохѣ созданія миѳовъ, и потомъ, обособляясь вмѣстѣ съ языкомъ, прикрѣпляется къ родной мѣстности, и развиваясь въ теченіе извѣстнаго періода, вноситъ въ свое содержаніе черты народнаго быта и главнѣйшія историческія черты. Такую разновременную смѣсь элементовъ авторъ называетъ *слоевымъ составомъ* народнаго эпоса, и всю свою книгу посвящаетъ наблюденію надъ нимъ въ нашихъ былинахъ.

Для опредѣленія миѳическихъ основъ русскаго эпоса, онъ пользуется сравнительною миѳологіею, прилагая теорію такъ называемой миѳологіи природы къ объясненію древнѣйшихъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ богатырскихъ личностей и дѣлъ, для общей же характеристики эпическихъ похожденій онъ руководствуется установленными въ наукѣ, такъ называемыми сказочными формулами. — Въ отношеніи послѣднихъ, г. Миллеръ, по отзыву рецензента, пришелъ къ результатамъ вполнѣ удовлетворительнымъ при настоящемъ состояніи науки; что же касается общихъ принциповъ, къ которымъ авторъ, на основаніи миѳологіи природы, старается подвести разнообразныя данныя нашего былиннаго эпоса, то принятую имъ теорію борьбы двухъ элементовъ изъ за третьяго, рецензентъ находитъ едва ли соотвѣтствующею строгимъ требованіямъ науки. При всемъ томъ, г. Буслаевъ признаетъ, что г. Миллеръ оказалъ несомнѣнную услугу наукѣ, внесеніемъ нашихъ богатырей въ циклъ миѳическихъ существъ поскольку наши былины своими ранними основами соприкасаются съ миѳами. Но добросовѣстность и предусмотрительность автора не допускаютъ его сказать въ этомъ дѣлѣ послѣднее слово, и остановиться на окончательно признаваемыхъ имъ результатахъ, такъ какъ, по его собственному справедливому замѣчанію, еще трудно отличить миѳъ отъ исторіи.

Отдавая полную справедливость общесравнительному методу,

которому посвящена бо́льшая часть книги г. Миллера, рецензентъ сожалѣетъ, что и прочія научныя средства для изслѣдованія нашего эпоса, т. е. средства лингвистическія и историческія, не доведены въ ней до такой же полноты и не уравновѣшены со средствами сравнительными. Хотя г. Миллеръ иногда и касается лингвистическихъ соображеній, однако заимствуетъ ихъ изъ вторыхъ рукъ, и поэтому не можетъ относиться къ нимъ критически и самостоятельно. Между тѣмъ, еслибы онъ по всей своей книгѣ провелъ въ стройной системѣ элементъ лингвистическій, то, безъ сомнѣнія, придалъ бы болѣе прочности своимъ изысканіямъ, какъ по миѳологіи, такъ и по народному быту. Средствами историческими, т. е. литературными письменными памятниками нашей старины, освѣщенными критикою историческою въ собственномъ смыслѣ слова и критикою филологическою, состоящею въ изслѣдованіи устныхъ былинъ въ связи съ письменными памятниками, г. Миллеръ хотя и пользуется, гдѣ представляется къ тому случай, однако не съ тою полнотою, которой требовали эти пособія. Отсюда произошло, что у него явилось много упущеній, которыя бросаются сами собою въ глаза при чтеніи книги. Указавъ на главныя изъ нихъ, рецензентъ переходитъ къ результатамъ, къ которымъ привелъ автора его методъ изслѣдованія.

Во-первыхъ, онъ доказываетъ *своеобразность и цѣльность* нашего эпоса, употребляя для своихъ изслѣдованій преимущественно методъ сравнительный, въ томъ научномъ смыслѣ, какъ этотъ методъ принятъ въ сравнительномъ языковѣдѣніи и сравнительной миѳологіи. Но такъ какъ эта своеобразность и цѣльность могли развиться и окрѣпнуть только путемъ исторической формаціи русской народности, то въ этомъ отношеніи у автора встрѣчается много пробѣловъ, при всемъ его желаніи время отъ времени прикрѣплять сравнительные выводы къ историческимъ и бытовымъ фактамъ. Если бы г. Миллеръ постояннѣе и тверже держался народной почвы, бытовой и исторической, то имѣлъ бы возможность съ бо́льшею основательностью историческое своеобразіе нашего эпоса противопоставить эпосу германскому. Съ другой стороны, чтобы опредѣлить цѣльность нашего эпоса, надобно было бы понять его во всей его первоначальной, органической цѣлости, какъ онъ является въ лѣтописныхъ сказкахъ, житіяхъ святыхъ, мѣстныхъ преданіяхъ, названіяхъ урочищъ, и проч. Былины же составляютъ только часть этого цѣлаго, которое и должно быть собственно названо русскимъ народнымъ эпосомъ.

Во-вторыхъ, авторъ называетъ нашъ эпосъ *простонароднымъ*, слѣдуя общепринятому предразсудку. На это рецензентъ замѣчаетъ, что рѣзкое разграниченіе такъ называемаго образованнаго класса людей отъ простонародной массы возникло только въ позднѣйшее время, и если принять въ соображеніе, сколько былиннаго вошло въ наши лѣтописи и другіе письменные памятники, даже позднѣйшіе, то всѣ эти произведенія древней русской литературы придется назвать простонародными.

Въ-третьихъ, г. Миллеръ, при сопоставленіи русскаго эпоса съ германскимъ, признаетъ первый *болѣе сочувственнымъ*. Сочувствіе къ своему, родному, и особенно въ дѣлѣ народности и народной поэзіи, по замѣчанію рецензента, есть такое естественное явленіе, общее всѣмъ народамъ, и цивилизованнымъ и дикимъ, что о немъ не стоило бы и распространяться, если бы это чувство, воспитанное предвзятою теоріею славянофиловъ, было для г. Миллера только источникомъ воодушевленія въ его трудныхъ изслѣдованіяхъ, а не примѣшивалось бы къ чисто научнымъ выводамъ, которые должны быть далеки отъ всякаго личнаго увлеченія. Авторъ съ удивительною скромностью называетъ себя ученикомъ и послѣдователемъ славянофиловъ, между тѣмъ какъ все достоинство его книги составляетъ такое дѣло, которымъ славянофилы всего менѣе занимались, а именно сравнительное изученіе нашего эпоса, самое обстоятельное и добросовѣстное. Поэтому напрасно онъ увѣряетъ, что предпринялъ этотъ утомительный трудъ для того только, чтобы убѣдиться въ истинѣ основныхъ заключеній объ этомъ предметѣ нашихъ славянофиловъ: сравнительныя параллели, которыми онъ сопровождаетъ разборъ нашихъ былинъ, имѣютъ, по мнѣнію г. Буслаева, важное для науки безотносительное значеніе.

Указавъ такимъ образомъ на достоинства и на недостатки труда г. Миллера, рецензентъ заключаетъ, что не смотря на эти послѣднія, изслѣдованіе г. Миллера, по основательности и полнотѣ и по замѣчательной добросовѣстности, оставляетъ за собою далеко все то, что до сихъ поръ было сдѣлано въ нашей ученой литературѣ по русскому народному эпосу.

IV.

Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. Изслѣдованіе о Свенгелдѣ и Угличахъ. Н. Ламбина. (Рукопись.)

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ академикомъ А. Ѳ.

Бычковымъ; кромѣ того академикъ Куникъ сообщилъ коммиссіи нѣсколько своихъ замѣчаній относительно одной части этого труда.

Г. Ламбинъ уже извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ между прочимъ удачнымъ возстановленіемъ одного испорченнаго мѣста «повѣсти временныхъ лѣтъ». Нынѣ онъ снова обратилъ свое вниманіе на лѣтопись Нестора и, въ представленномъ трудѣ, поставилъ себѣ задачею исправить и объяснить текстъ нѣкоторыхъ мѣстъ, касающихся Свѣнельда, или Свенальда и Угличей.

Свѣнельдъ—выдающаяся личность въ древнемъ періодѣ нашей исторіи. Сподвижникъ и совѣтникъ Игоря, Ольги, Святослава и Ярополка, покоритель Угличей, участникъ въ погромѣ Древлянъ, въ войнѣ Святослава съ Печенѣгами и въ заключеніи мирнаго договора съ Греками, наконецъ виновникъ печальной распри между сыновьями Святослава, онъ заслуживаетъ того, чтобы текстъ тѣхъ мѣстъ въ лѣтописи, которыя къ нему относятся, былъ возстановленъ и объясненъ надлежащимъ образомъ. Такого же вниманія заслуживаютъ и тѣ мѣста въ ней, гдѣ говорится объ Угличахъ, которыхъ самое существованіе отвергается нѣкоторыми историками.

Приступая къ разрѣшенію своей задачи, которую, безъ сомнѣнія, ни одинъ историкъ не назоветъ маловажною и безплодною для науки, авторъ счелъ нужнымъ дословно сличить по всѣмъ спискамъ тѣ лѣтописныя сказанія, въ которыхъ упоминается имя Свѣнельда, критически разобрать ихъ, указавъ при этомъ, какія изъ нихъ и въ какомъ именно видѣ могутъ и должны принадлежать Нестору, и на основаніи этого разбора рѣшить слѣдующіе вопросы:

1) Какъ именно назывался воевода Игоря и Святослава, доселѣ обыкновенно именуемый у насъ Свѣнельдомъ?

2) Нестору ли или новѣйшему автору, какъ полагалъ Карамзинъ, принадлежитъ сказаніе о войнѣ Свѣнельда съ Угличами, помѣщенное подъ 914-мъ годомъ во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи, но не встрѣчающееся въ древнихъ?

3) Изъ какого первоначальнаго, правильнаго чтенія могли, съ наибольшею вѣроятностію, возникнуть тѣ, явно испорченныя выраженія нашихъ списковъ, которыя, въ упомянутомъ сказаніи объ Угличахъ, представляютъ доселѣ камень преткновенія для изслѣдователей?

4) Было ли у насъ два Свѣнельда, какъ догадывался Шлецеръ, или только одно историческое лицо извѣстно подъ этимъ именемъ въ нашей лѣтописи, и если одно, то почему оно, въ про-

долженіе шестидесяти-трехъ-лѣтняго своего поприща, является дѣйствующимъ только въ немногіе годы, а именно только въ началѣ и въ концѣ княженій Игоря и Святослава и въ первую пору княженія Ярополка?

5) Наконецъ, что значитъ и откуда происходитъ выраженіе *тоже а отецъ Мстишинъ*, присоединенное во всѣхъ спискахъ къ имени Свѣнельда подъ 945-мъ годомъ, при самомъ началѣ повѣсти объ Ольгиной мести?

Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то г. Ламбинъ, разсмотрѣвъ множество варіантовъ имени Свѣнельда, встрѣчающихся въ спискахъ лѣтописи, даетъ предпочтеніе чтенію Свенгелдъ, при чемъ объясняетъ его производствомъ отъ скандинавскихъ словъ Sven и haelad и ссылкою на греческую транскрипцію этого имени у Льва Діакона. Рецензентъ, а равно и академикъ Куникъ, отдавая справедливость пріемамъ, употребленнымъ авторомъ для рѣшенія этого вопроса, тѣмъ не менѣе считаютъ его предположенія не вполнѣ доказанными и находятъ болѣе правильнымъ чтеніе *Свѣнальдъ*.

Изъ сопоставленія тѣхъ мѣстъ лѣтописи, которыя относятся къ вопросу о томъ, было ли у насъ два Свѣнельда, и почему онъ въ лѣтописи является дѣйствующимъ лицомъ только дважды, г. Ламбинъ обличаетъ несостоятельность предположенія Шлецера и, показывая связь между первымъ извѣстіемъ о Свѣнельдѣ и послѣднимъ, приходитъ къ убѣжденію, что лѣтописный Свѣнельдъ былъ одно лицо. Затѣмъ, авторъ вдается въ разъясненіе того, что значатъ присоединенныя къ этому имени, въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, слова *тоже отецъ Мстишинъ*, которыя служили поводомъ къ многимъ толкованіямъ и спорамъ. Разобравъ всѣ существующія до сихъ поръ мнѣнія по этому вопросу и доказавъ, что ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ критики, г. Ламбинъ убѣждается что это не болѣе какъ вставка, и притомъ искаженная, которая, будучи сначала кѣмъ нибудь записана на поляхъ лѣтописи, впослѣдствіи, при перепискѣ, попала въ текстъ ея, и что читать ее слѣдуетъ: «тъ же оц҃ь мьстивѣ сн҃ъ», т. е. «это отецъ, мстившій за сына». Эту, по словамъ рецензента, удачную и не представляющую ничего невѣроятнаго догадку г. Ламбина подтверждаютъ съ одной стороны многіе списки лѣтописи, въ которыхъ сохранились на поляхъ подобныя объясненія, или глоссы, сдѣланныя читателями, а также небольшое число рукописей, въ которыхъ глоссы внесены въ текстъ позднѣйшими переписчиками.

Переходя къ вопросу объ Угличахъ, авторъ разбираетъ тѣ причины, которыя дали Карамзину поводъ усумниться въ ихъ существованіи, а затѣмъ дѣлаетъ предположенія объ ихъ наименованіи и мѣстѣ жительства, а также объ ихъ исторіи въ тотъ промежутокъ времени, котораго касается его изслѣдованіе. Здѣсь г. Ламбинъ, во многихъ случаяхъ счастливо возстановляетъ испорченный текстъ лѣтописи и опровергаетъ установившіяся мнѣнія историковъ; но въ то же время онъ иногда пускается въ такія догадки, которыя рецензентъ находитъ неимѣющими прочной фактической опоры, а потому недостаточно убѣдительными и даже голословными. Таковъ предлагаемый имъ очеркъ жизни Свѣнельда, его гипотеза о существованіи въ Кіевѣ, въ первую эпоху русской исторіи, греческаго агентства, его предположеніе о томъ, что основу лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси составляетъ офиціальная реляціи этого агентства объ убіеніи Аскольда и Дира и объ утвержденіи въ Кіевѣ Олега, и т. под.

Несмотря на эти недостатки, трудъ г. Ламбина имѣетъ, по мнѣнію г. Бычкова, важное значеніе какъ для объясненія Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и для первоначальной исторіи Руси. Академикъ Куникъ, съ своей стороны, находитъ, что г. Ламбину сверхъ того принадлежитъ та заслуга, что онъ сдѣлалъ первый опытъ строго научнаго разбора и правильной оцѣнки одного важнаго для нашей исторіи древняго памятника, а именно открытой извѣстнымъ византинистомъ Газе Записки Таврическаго анонима, и что кромѣ того онъ старался, на основаніи славянскихъ, византійскихъ и восточныхъ источниковъ, разъяснить постепенное распространеніе древне-русскаго владычества отъ Днѣпра до низовьевъ Дуная и далѣе до прибрежья Боспора Киммерійскаго и Таманскаго полуострова. По отзыву г. Куника, тѣ причины, отъ которыхъ произошло въ концѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣковъ названіе «Русскаго моря», становится теперь болѣе ясными, и услуга наукѣ, оказанная въ этомъ случаѣ г. Ламбинымъ, должна быть признана всякимъ, кто возьмется впослѣдствіи за дальнѣйшія разысканія объ этомъ предметѣ, и въ особенности объ исторіи древне-русской торговли.

Въ соисканіи Уваровскихъ премій за драматическія произведенія въ настоящемъ году участвовало четыре пьесы, а именно три печатныя и одна рукописная. Разсмотрѣніе ихъ и произнесеніе о нихъ приговора было возложено Конференціею Академіи на осо-

бую коммиссію, состоящую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. академиковъ И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, П. П. Пекарскаго, А. Ѳ. Бычкова, В. В. Вельяминова-Зернова и В. П. Безобразова. Впослѣдствіи, по случаю отсутствія гг. Срезневскаго и Вельяминова-Зернова изъ Петербурга, ихъ мѣсто, въ составѣ коммиссіи, заступали А. А. Куникъ и Д. М. Перевощиковъ.

Ознакомившись съ переданными на ея разсмотрѣніе произведеніями, коммиссія поручила одному изъ своихъ членовъ, А. В. Никитенко, составленіе рецензій. По выслушаніи ихъ коммиссія, въ засѣданіи 10-го сентября, приступила къ окончательному сужденію о томъ, въ какой степени каждая изъ конкурсныхъ пьесъ соотвѣтствуетъ условіямъ, начертаннымъ въ правилахъ о раздачѣ Уваровскихъ наградъ за драматическія сочиненія. При этомъ коммиссія нашла, что и на нынѣшній конкурсъ, какъ и на многіе предшествовавшіе, явились пьесы, представляющія собою тѣ или другія несомнѣнныя достоинства, но что ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ совокупности тѣхъ требованій, какія Положеніемъ объ Уваровскихъ наградахъ указаны для присужденія преміи. Поэтому коммиссія признала, что въ настоящемъ году не можетъ быть присуждена кому-либо премія за драматическое произведеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ Академія сожалѣетъ, что въ ея распоряженіи нѣтъ какихъ нибудь другихъ средствъ для публичнаго признанія съ ея стороны достоинствъ нѣкоторыхъ конкурсныхъ пьесъ.

Въ заключеніе Академія сочла долгомъ выразить свою признательность гг. постороннимъ рецензентамъ, за содѣйствіе, которое они оказали ей составленіемъ разборовъ конкурсныхъ произведеній; пяти же изъ нихъ, а именно: Н. В. Калачову, Н. П. Семенову, В. В. Ягичу, А. Е. Станкевичу и О. Ѳ. Готвальду, она назначила золотыя Уваровскія медали.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ АЛЕКСАНДРА СКРЕБИЦКАГО:

«Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II», 4 тома въ 5 книгахъ, въ 8 д. л., CLIX и 5223 стр. Бонмъ на Рейнѣ. 1862—1868 года.

Рецензія Н. П. Семенова.

Безъ сомнѣнія, никакая реформа въ государствѣ не произвела такого переворота въ бытѣ народа, какъ крестьянская реформа въ Россіи. Съ манифеста 19 февраля 1861 года начинается новая эпоха жизни русскаго народа. Всѣ наши послѣдующія преобразованія по разнымъ частямъ государственнаго управленія имѣютъ началомъ Положеніе 19 февраля. Если мы возьмемъ судебную реформу, осуществленную уставами 1864 года, то увидимъ, что она была вызвана освобожденіемъ крестьянъ. Не касаясь формы, которую получило у насъ новое судебное устройство, мы должны признать, что прежній судъ, по крайней мѣрѣ гражданскій, существовалъ не для всѣхъ сословій, потому что крѣпостные люди не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ, никакой собственности, а слѣдовательно и не могло возникать у нихъ никакихъ гражданскихъ дѣлъ, такъ что въ этомъ отношеніи правительство какъ бы и не знало ихъ. Только съ 1847 года разрѣшено было имъ пріобрѣтать, съ дозволенія помѣщика, въ собственность зѐмли, на свое имя, но это право было такъ обставлено и такъ противорѣчило всему прошлому законодательству о помѣщичьихъ крестьянахъ, что не внесло никакой перемѣны въ гражданскую жизнь народа и вовсе почти

не осуществлялось. Дарованіе же, съ освобожденіемъ крестьянъ, гражданской полноправности болѣе чѣмъ двадцати милліонамъ личностей, при наступленіи новыхъ порядковъ и отношеній, требовало настоятельно реформы въ нашемъ судопроизводствѣ и судоустройствѣ, потому что прежнихъ судебныхъ мѣстъ было бы совершенно недостаточно и по количеству и по составу ихъ для разбора дѣлъ и споровъ, имѣющихъ возникать изъ новыхъ гражданскихъ отношеній прибывшаго, можно сказать, болѣе чѣмъ двадцати-милліоннаго населенія въ Россіи.

Къ учрежденію земства привело насъ освобожденіе крестьянъ, въ основу котораго, при разработкѣ новаго устройства ихъ быта, положены были начатки самоуправленія.

Расширеніе свободы печати, дарованное 6 апрѣля 1865 года, было также вызвано крестьянской реформой. При разработкѣ крестьянскаго дѣла въ губернскихъ комитетахъ не было еще допущено гласности, и циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 21 января 1858 года дано было знать начальникамъ губерній, «что ни постановленія комитетовъ, ни извлеченія изъ нихъ не только не могутъ и не должны быть помѣщаемы въ губернскихъ вѣдомостяхъ (какъ это случилось въ одной губерніи), но, согласно постановленію главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, не должны быть ни печатаемы, ни литографируемы, даже для самихъ губернскихъ комитетовъ» [1]); тѣмъ не менѣе, въ редакціонныхъ коммисіяхъ по крестьянскому дѣлу обнаружилась несостоятельность письменнаго дѣлопроизводства при составленіи проектовъ освобожденія крестьянъ, почему редакціонныя коммисіи получили уже разрѣшеніе печатать свои труды, по мѣрѣ ихъ разработки [2]). Разсылка журналовъ общаго присутствія редакціонныхъ коммисій и докладовъ ихъ отдѣленій, печатавшихся въ 3000 экземплярахъ, разнымъ лицамъ въ губерніи и извѣстная степень гласности дѣйствій правительства убѣдили его, что въ обнародованіи видовъ его и предположеній нѣтъ той опасности, которая представлялась тогда нѣкоторымъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что гласность и даже нѣкоторая публичность дѣйствій правительства получили начало въ редакціонныхъ коммисіяхъ по крестьянскому дѣлу. Съ того же

---

[1]) Сборн. Правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ 1861 г. Т. I, стр. 221 и 222.

[2]) См. мою статью: Дѣятельность Я. И. Ростовцова. Русск. Вѣст. за 1864 г. № 10, стр. 507 и 508 и № 12, стр. 485.

времени приложеніе печатнаго станка сдѣлалось обыкновеннымъ и во всѣхъ послѣдующихъ коммисіяхъ, занимавшихся преобразованіемъ разныхъ частей управленія, и въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ.

Мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, охватившій въ 1863 году и наши западныя губерніи, когда польскіе помѣщики думали воспользоваться совершаемымъ правительствомъ преобразованіемъ и направить освобожденіе крестьянъ къ своимъ особымъ цѣлямъ, поднялъ духъ освобожденнаго народа и возбудилъ общественное мнѣніе; тогда возникла у насъ новая, такъ называемая, политическая литература.

Если продолжать обзоръ событій, то окажется, что во всемъ, что Россія вынесла перемѣнъ съ 19 февраля 1861 года, на все болѣе или менѣе, прямо или косвенно, имѣла вліяніе крестьянская реформа.

Преобразованія Петра и мудрая, національная политика Екатерины II сообщили Россіи то могущество, которое держало ее до сего времени въ ряду первостепенныхъ европейскихъ державъ, ими увеличена была русская государственная область, но безъ сомнѣнія одно только освобожденіе крестьянъ можетъ открыть Россіи ту духовную высоту, на которой должно обнаружиться проявленіе ея силъ въ умственной области, на поприщѣ науки и искуствъ; одна гражданская свобода всѣхъ состояній въ государствѣ можетъ довести ее до того развитія, при которомъ она, въ общемъ равновѣсіи европейскихъ державъ, тяготѣла бы не одною своею масою и пространствомъ, но сдѣлалась бы вкладчицею въ общую сокровищницу труда и мысли произведеній самобытнаго творчества своего народа.

Если таково значеніе освобожденія крестьянъ, то становится понятнымъ, какую долженъ имѣть цѣну въ глазахъ русскаго человѣка всякій трудъ, относящійся до разработки всей исторіи этого великаго переворота, или какой нибудь части ея, до приведенія въ порядокъ, въ видахъ ихъ сохраненія, матеріаловъ, которые оставило намъ печатно или письменно это событіе, совершившееся въ наши дни; понятно, какого вниманія заслуживаетъ самый процесъ всего развитія этой государственной реформы.

Историческая обработка дѣла освобожденія крестянъ, раскрытіе существенной связи всѣхъ предположеній, какъ они дѣлались и принимались или отвергались въ свое время, какъ они вытекали одни изъ другихъ и какими вызывались обстоятельствами, въ хро-

нологической послѣдовательности, въ доступной для чтенія формѣ, принесло бы въ настоящее время неоцѣненную пользу въ отношеніи къ предпринимаемымъ и стоящимъ на очереди преобразованіямъ, вызваннымъ, какъ я сказалъ выше, и вызываемымъ еще освобожденіемъ крестьянъ, по разнымъ частямъ управленія. При существованіи такого труда можно было бы постоянно давать себѣ отчетъ, какъ осуществились и осуществляются въ самой жизни народа Положенія 19 февраля. Безъ этого слѣдить за ходомъ ихъ развитія, по неразработанному и не приведенному ни въ историческую, ни въ хронологическую связь матеріалу, нѣтъ возможности, особенно когда онъ такъ огроменъ и до сихъ поръ, строго говоря, не былъ приведенъ ни въ какой порядокъ. По судебной реформѣ сдѣлано было бывшимъ статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта С. И. Заруднымъ руководящее изданіе: «Судебные Уставы 20 ноября 1864 года *съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны*, изд. Госуд. Канцеляріи, Санктпетербургъ, 1866 года». Если бы что нибудь хотя въ этомъ родѣ было сдѣлано и для крестьянской реформы, то это могло бы служить нѣкоторымъ пособіемъ къ болѣе вѣрному пониманію основаній крестьянской реформы, и правительство, имѣя всегда подъ глазами подобное руководящее изданіе, могло бы съ болѣе яснымъ сознаніемъ устранять своевременно все, что оказывается по опыту ненужнымъ или даже вредитъ народному благосостоянію и напротивъ подкрѣплять и усиливать дѣйствіе того, что полезно и необходимо для поднятія народныхъ силъ; законодательство не можетъ оставаться безъ движенія въ живомъ организмѣ общества, но только то изъ него имѣетъ задатки жизни, что соотвѣтствуетъ улучшенію быта и духовному развитію народа. На-примѣръ, крестьянскій волостной судъ созданъ въ свое время Положеніемъ о крестьянахъ при поспѣшномъ переходѣ отъ стараго порядка вещей къ новому, когда болѣе двадцати милліоновъ однихъ помѣщичьихъ крестьянъ готовились вступить въ новую, полноправную жизнь, когда имъ сдѣлался необходимъ гражданскій судъ отъ правительства, для разбора имѣющихъ возникать между ними тяжбъ и споровъ, въ разрѣшеніи которыхъ они прежде обходились однимъ домашнимъ судомъ, разбирались по обычаю, часто извѣстному только въ одной деревнѣ, который, при старыхъ отношеніяхъ, былъ для нихъ удовлетворителенъ. Учредить для нихъ судъ немедленно, на юридическихъ началахъ, не было никакой возможности, тѣмъ болѣе что правительство уже сознавало тогда необходимость общаго преобразованія всей судеб-

ной части. Оно его и совершило, на новыхъ основаніяхъ, не принимая въ соображеніе никакихъ сословныхъ дѣленій. Послѣ этого какой же смыслъ и значеніе можетъ имѣть сословный, сельскій судъ — учрежденіе созданное временно, по необходимости и напоминающее первобытное состояніе общества, учрежденіе не руководствующееся закономъ, по невѣденію и безграмотности судей?— я уже не буду говорить о томъ, какъ осуществляется этотъ судъ въ сельской жизни, и какую услугу онъ приноситъ крестьянскому быту. Если бы эта мысль представилась въ свое время ясно составителямъ судебныхъ уставовъ, безъ сомнѣнія этотъ судъ былъ бы упраздненъ съ ихъ введеніемъ, но въ такомъ случаѣ необходимость сообразоваться въ начертаніи законоположеній новаго судопроизводства и новаго судоустройства съ бытомъ всего народа и простотою его гражданскихъ отношеній привела бы естественно къ болѣе самостоятельной разработкѣ судебныхъ уставовъ, къ продолженію въ нихъ, если можно такъ выразиться, крестьянской реформы. При такомъ направленіи созданный крестьянскимъ положеніемъ институтъ мировыхъ посредниковъ, которые имѣли уже время и возможность ближе изучить сельскій бытъ и Положеніе о крестьянахъ, которые были уже и поставлены къ нимъ извѣстнымъ образомъ и сами выработали опредѣленныя отношенія къ народной жизни, по всѣмъ вѣроятностямъ, не былъ бы оставленъ въ сторонѣ, тогда какъ онъ могъ быть непосредственно обращенъ въ институтъ мировыхъ судей, что представляло, безъ сомнѣнія, во всякомъ случаѣ болѣе удобствъ для тѣхъ, которые на содержаніе этихъ учрежденій должны расходовать собственныя деньги. Теперь же созданъ новый, такъ сказать, двойной институтъ, призваны другіе мировые судьи, какъ будто прежняго совсѣмъ и не существовало, а мировые посредники потеряли отъ этого свое значеніе. Указанный практическій взглядъ на дѣло отвлекъ бы несомнѣнно нашихъ преобразователей отъ излишняго подражанія французской магистратурѣ, далеко несовершенной, которая возъимѣла такое сильное и рѣшительное вліяніе на наши новыя судебныя учрежденія, и вообще можно сказать съ увѣренностію, что по всѣмъ частямъ управленія относительно финансовъ, народнаго просвѣщенія и т. д., иное, введенное вновь, не было бы вовсе сдѣлано, а другое сдѣлано было иначе, если бы не забывалось, что по сущности вещей всѣ совершенныя и имѣющія еще совершиться по разнымъ частямъ управленія реформы неразрывно связаны съ основаніями крестьянскаго Положенія,—другими словами, если бы при каждой новой рефор-

мѣръ въ циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ, посылавшихся губернскимъ властямъ во время разработки крестьянскаго дѣла [1]).

4) Наконецъ, при окончательномъ разсмотрѣніи работы редакціонныхъ коммиссій, главному комитету принадлежатъ тѣ *измѣненія*, которыя послѣдовали въ проектѣ «Положеній о крестянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», представленномъ туда коммиссіями и составляющемъ 18-ю часть такъ называемаго перваго изданія матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій, другими словами главному комитету относительно болѣе существенныхъ измѣненій принадлежитъ вся *разница* между положеніями о крестьянахъ, изложенныхъ въ этомъ 18 томѣ и положеніями, которыя были утверждены Его Императорскимъ Величествомъ и обнародованы 19 февраля 1861 года. Такъ наприм.: къ категоріи подобныхъ измѣненій принадлежитъ право, предоставленное помѣщикамъ слагать съ себя всѣ обязательства положеній 19 февраля относительно временно-обязанныхъ крестьянъ, уступкою имъ въ даръ одной четверти надѣла (12 ст. общаго, 122 и 123 ст. мѣстнаго полож. 19 февраля 1861 г. для губерній Великороссіскихъ, Новорос. и Бѣлорус.). Этого постановленія въ проектѣ редакціонныхъ коммиссій не было; такой надѣлъ получилъ въ послѣдствіи на народномъ языкѣ названіе сиротскаго. Въ Государственномъ же Совѣтѣ не послѣдовало, сколько мнѣ извѣстно, никакихъ особенно важныхъ измѣненій.

Главный комитетъ былъ первоначально составленъ, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова, «съ тѣмъ, чтобы онъ заступалъ мѣсто предсѣдателя въ комитетѣ тогда, когда Его Императорское Величество не изволитъ предсѣдательствовать въ ономъ», изъ 12 членовъ Государственнаго Совѣта: 1) Великаго Князя Константина Николаевича, который, послѣ кончины князя Орлова, былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, 2) графа Дмитрія Николаевича Блудова, 3) министра двора графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, 4) князя Павла Павловича Гагарина, 5) министра внутреннихъ дѣлъ Сергія Степановича Ланскаго, 6) барона Модеста Андреевича Корфа, который впрочемъ тогда же отказался совсѣмъ отъ этого назначенія, 7) министра юстиціи графа Виктора Никитича Панина, 8) шефа жандармовъ князя Василія Андреевича Долгорукова, 9) главноуправляющаго путя-

---

[1]) Сборникъ правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ I томъ 1861 года и послѣдующіе.

ми сообщенія и публичными зданіями Константина Владиміровича Чевкина, 10) министра государственныхъ имуществъ Михаила Николаевича Муравьева, 11) Петра Ѳедоровича Брока и 12) Якова Ивановича Ростовцова [1]).

Такимъ образомъ въ составъ главнаго комитета, при первоначальной его организаціи, вошло 13 лицъ.

Возникшимъ затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ учрежденіемъ были губернскіе комитеты, въ числѣ 46-ти, «для развитія основаній (изложенныхъ въ рескриптахъ 1857 года) и примѣненія ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи или края». Они открывались послѣ 20 ноября 1857 года Высочайшими рескриптами «объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ», по мѣрѣ ихъ разсылки начальникамъ губерній, и сверхъ того двѣ общія коммиссіи: Виленская и Кіевская.

Труды губернскихъ комитетовъ составляютъ отдѣльный по каждой губерніи проектъ объ улучшеніи быта крестьянъ, примѣненный къ мѣстности губерніи. Сюда нужно отнести и письменные отзывы членовъ отъ губернскихъ комитетовъ, какъ ихъ представителей, поданные ими въ редакціонныя коммиссіи и отпечатанные, впрочемъ въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Число членовъ губернскихъ комитетовъ не вездѣ было одинаково, смотря по тому, сколько было помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніи; такъ въ Вятской было весьма немного помѣщичьихъ крестьянъ, въ Пермской были только приписанные къ заводамъ.

Въ комитеты вошла самая большая маса дѣятелей по крестьянскому дѣлу, именно кромѣ 48 предсѣдателей, по числу всѣхъ губернскихъ комитетовъ и двухъ коммиссій, 999 членовъ и 416 кандидатовъ къ нимъ, на случай ихъ болѣзни, отсутствія или наконецъ выбытія, а всего 1463 человѣка [2]).

За симъ идетъ въ томъ же хронологическомъ порядкѣ учрежденіе 4 марта 1858 года *Земскаго Отдѣла* при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ имперіи» [3]). Это учрежденіе составило тогда отдѣленіе центральнаго статистическаго комитета, существовавшаго уже и

---

[1]) Сборникъ Правит. распоряженій по устр. быта крестьянъ. С.-Петербургъ, 1861 года томъ 1, стр. 26.

[2]) Тамъ же, стр. 334 — 380.

[3]) Тамъ же, стр. 27 — 29.

прежде. Всѣ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ и бумаги, до крестьянскаго дѣла относившіяся, докладывались ему и исходили изъ этого отдѣла. Съ образованіемъ редакціонныхъ коммиссій онъ былъ въ послѣдствіи присоединенъ къ нимъ и подчиненъ имъ относительно занятій [1]), которыя состояли въ приготовленіи и обработкѣ для нихъ нѣкоторыхъ матеріаловъ.

Къ документамъ дѣятельности, которыя оставилъ офиціально земскій отдѣлъ, слѣдуетъ отнести:

1) Дополнительныя отношенія къ Высочайшимъ рескриптамъ 1857 года или *инструкцію министра внутреннихъ дѣлъ* губернскимъ комитетамъ.

2) Программу занятій губернскихъ комитетовъ 21 апрѣля 1858 г.

3) Рядъ различныхъ циркуляровъ и предписаній начальникамъ губерній въ продолженіе разработки крестьянскаго дѣла, исходившихъ непосредственно отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

4) Наконецъ къ работамъ собственно чиновниковъ земскаго отдѣла относится сводъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ, составленный по программѣ, придуманной въ редакціонныхъ коммиссіяхъ [2]) и вошедшій въ ихъ матеріалы, а также нѣкоторыя работы, составляющія «приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій».

Земскій отдѣлъ былъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, изъ трехъ членовъ; одинъ изъ нихъ былъ непремѣнный и завѣдывалъ ходомъ дѣлъ и перепискою, слѣдовательно изъ 4-хъ лицъ. Канцелярію же его составляли два старшихъ редактора и два младшихъ, секретарь, журналистъ и библіотекарь, общіе съ статистическимъ отдѣломъ центральнаго статистическаго комитета, всего семь человѣкъ.

15 іюля того же года была учреждена особая коммиссія при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу: «для предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ», а также для ближайшаго сношенія съ членами или депутатами отъ каждаго губернскаго комитета, которыхъ положено было вызвать «для представленія высшему правительству всѣхъ

---

[1]) См. Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русскій Вѣстн. за 1864 г. № 11, стр. 94.
[2]) Тамъ же, № 10, стр. 498, 499, 503 и 504.

свѣдѣній, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта» [1]).

Это учрежденіе должно было составить рабочую такъ сказать коммиссію изъ среды самаго главнаго комитета, подобно тому какъ при большихъ съѣздахъ, напримѣръ въ нашихъ дворянскихъ собраніяхъ при выборахъ всегда образуется особая коммиссія изъ нѣсколькихъ членовъ для разработки разныхъ предложеній и вопросовъ. Но этотъ планъ дѣятельности не осуществился и съ открытіемъ редакціонныхъ коммиссій къ нимъ перешелъ и пріемъ депутатовъ и вся разработка дѣла, и особая коммиссія сама собой перестала существовать.

Оставленные ею для исторіи слѣды дѣятельности суть отдѣльныя рецензіи нѣкоторыхъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, сдѣланныя ея членами по тремъ или четыремъ губерніямъ, изъ которыхъ были представлены первые проекты положеній, напримѣръ, записки Я. И. Ростовцова о проектахъ положеній губернскихъ комитетовъ: Нижегородскаго, С.-Петербургскаго и Симбирскаго и другія [2]). Подобныя записки гр. В. Н. Панина не вошли въ печатный матеріалъ. За тѣмъ эти занятія были совсѣмъ оставлены.

Особая коммиссія состояла изъ четырехъ членовъ, почему, для отличія отъ другихъ, можетъ съ большимъ удобствомъ называться коммиссіей изъ четырехъ. Эти члены, назначенные по Высочайшему повелѣнію изъ членовъ главнаго комитета, были: министръ Внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской, министръ Юстиціи гр. В. Н. Панинъ, министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ и Я. И. Ростовцовъ.

Сама коммиссія при главномъ комитетѣ, въ журналѣ отъ 4 февраля 1859 года, приняла иниціативу учрежденія редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу: «для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ, дворянскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся». По акту учрежденія ихъ, редакціонныя коммиссіи, открытыя 4 марта 1859 года,

---

[1]) См. Сборникъ Правит. распоряж по устр. быта крестьянъ. С.-Петербургъ. 1861 года, т. I, стр. 31—33.

[2]) Второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій. С.-Петербургъ. 1859 года, т. I, кн. I, стр. 257—289.

получили организацію бюрократическаго порядка въ общей системѣ правительственной іерархіи, какъ всѣ прочія учрежденія по крестьянскому дѣлу, такъ что коммиссіи должны были составлять какъ бы одно изъ звѣньевъ всей цѣпи этихъ учрежденій; но соизволеніе Государя на учрежденіе редакціонныхъ коммиссій, выраженное съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ нихъ принялъ на себя Я. И. Ростовцовъ [1]), измѣнило ихъ внутреннюю организацію, слитіемъ ихъ всѣхъ въ одну коммиссію и поставило ее въ совершенно исключительныя отношенія ко всѣмъ другимъ учрежденіямъ по крестьянскому дѣлу, противныя тогдашнимъ понятіямъ о правительственныхъ учрежденіяхъ вообще, что отчасти послужило въ то время къ обвиненію ихъ въ присвоеніи непринадлежащей имъ власти относительно разрѣшенія вопросовъ, возникавшихъ по мѣрѣ развитія крестьянскаго дѣла.

Вслѣдствіе этого первоначально предположеннаго ихъ устройства редакціонныя коммиссіи сохранили до конца, вопреки ихъ сліянію, свое множественное названіе въ офиціальныхъ сношеніяхъ и печатныхъ документахъ. Ихъ можно охарактеризовать названіемъ съѣзда экспертовъ съ офиціальнымъ значеніемъ, для правительственныхъ цѣлей. Этими экспертами были лица, непринадлежавшія къ составу правительства, большею частію они и не состояли въ государственной службѣ; къ эспертамъ были какъ бы присоединены, въ качествѣ членовъ же, представители отъ нѣсколькихъ вѣдомствъ. Въ порядкѣ подчиненія, редакціонныя коммиссіи стояли фактически, во все время ихъ занятій, въ непосредственномъ вѣденіи Государя Императора черезъ своихъ предсѣдателей, сначала Я. И. Ростовцова, а потомъ гр. В. Н. Панина, внѣ всякаго подчиненія государственнымъ учрежденіямъ, такъ что въ дѣйствительности онѣ представляли сами какъ бы отдѣльное въ государствѣ, временное учрежденіе [2]).

Редакціонныя коммиссіи составили окончательно Положенія 19 февраля, въ числѣ 17 проектовъ, именно: *Общія положенія* 1) о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, 2) объ устройствѣ дворовыхъ людей, 3) о выкупѣ, 4) о губернскихъ и уѣзд-

---

[1]) См. мою замѣтку: «Взглядъ Я. И. Ростовцова на дѣло освобожденія крестьянъ». Современная лѣтопись (при Московскихъ вѣдомостяхъ), февраль. 1864 года № 7, стр. 6.

[2]) См. статью мою: «Вызовъ и пріемъ депутатовъ». Русск. Вѣстникъ за 868 годъ № 11, стр. 84.

ныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, 5) правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; *Мѣстныя положенія* о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, 6) въ губерніяхъ: Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ, 7) въ губерніяхъ Малороссійскихъ: Черниговской, Полтавской и части Харьковской, 8) въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской, 9) въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской; *Дополнительныя правила* 10) объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и о пособіи симъ владѣльцамъ, 11) о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ вѣдомства министерства финансовъ, 12) о крестьянахъ и работникахъ, отбывающихъ работы при Пермскихъ частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ, 13) о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ; о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости: 14) въ землѣ Войска Донскаго, 15) въ Ставропольской губерніи, 16) въ Сибири и 17) о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области.

Все Высочайше утвержденное Положеніе 19 февраля, съ указами правительствующему сенату, манифестомъ и приложеніями, заключаетъ 374 печатныя страницы въ листъ, и въ немъ общія положенія составляютъ 636 статей, мѣстныя положенія—981, дополнительныя правила—192, а все вмѣстѣ—1809 статей.

Редакціонныя коммиссіи состояли изъ 17 членовъ отъ правительства, принадлежавшихъ девяти вѣдомствамъ: по *три*: отъ министерствъ: 1) внутреннихъ дѣлъ и 2) государственныхъ имуществъ; по *два:* 1) отъ государственной канцеляріи, 2) отъ министерства юстиціи, 3) отъ II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и 4) отъ министерства финансовъ; по *одному*: 1) отъ коммиссіи главнаго комитета, 2) отъ комитета по устройству крестьянъ разныхъ вѣдомствъ и 3) отъ вѣдомства опекунскаго совѣта и 21-го члена-эксперта, приглашенныхъ изъ разныхъ мѣстностей или полосъ Россіи, а всего изъ 38 человѣкъ, изъ коихъ одинъ членъ-экспертъ былъ неприсутствующимъ членомъ, но письменно участвовалъ въ трудахъ коммиссій, а одинъ совершенно устранилъ себя отъ всякаго участія въ занятіяхъ, почему слѣдуетъ

считать 37 членовъ [1]). Кромѣ того при коммиссіяхъ для обработки разныхъ справокъ при докладахъ отдѣленій, составленія вѣдомостей и т. п. было приглашено предсѣдателемъ нѣсколько лицъ, по простому найму, подъ именемъ, какъ выражался Я. И. Ростовцовъ, «молодыхъ людей» [2]).

27 марта того же года, равнымъ образомъ по иниціативѣ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, была образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссія о *губернскихъ* и *уѣздныхъ учрежденіяхъ:* «для начертанія проектовъ новыхъ узаконеній объ уѣздномъ полицейскомъ управленіи и объ учрежденіяхъ для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, а также для дальнѣйшаго развитія утвержденныхъ Его Величествомъ началъ къ устройству городской полиціи».

Эта коммиссія имѣла настоящій характеръ всѣхъ коммиссій временно учреждаемыхъ правительствомъ, она была составлена единственно изъ чиновниковъ; но такъ какъ она была учреждена уже послѣ редакціонныхъ, куда были введены въ составъ эксперты, то эта мысль отразилась и на составѣ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ; именно, въ видѣ экспертовъ приглашены были въ составъ ея нѣкоторые начальники губерній, одни постоянно, на все время ея существованія, другіе временно, если пріѣзжали тогда въ Петербургъ.

Произведеніями этой коммиссіи были:

1) Проектъ о судебныхъ слѣдователяхъ.

2) Проектъ «о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ по крестьянскому дѣлу».

Первый проектъ былъ представленъ изъ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ прямо въ главный комитетъ и Государственный Совѣтъ, а проектъ о мировыхъ посредникахъ былъ предварительно переданъ въ редакціонныя коммисіи, гдѣ подвергся совершенной передѣлкѣ во всѣхъ своихъ основаніяхъ [3]).

Коммиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ состояла, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, изъ *пяти* членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, *двухъ* отъ министерства юстиціи,

---

[1]) Сборникъ Правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ, т. I, стр. 263 — 266 и Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русск. Вѣстникъ 1864 г. № 10, стр. 468 — 469; № 11, стр. 125 и № 12, стр. 464.

[2]) Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русск. Вѣстникъ 1864 г. № 10, стр. 477.

[3]) См. мой разборъ: Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. А. Скребицкаго. Заря за 1871 г. № 1. Январь, стр. 37 въ выноскѣ.

по *одному*: отъ министерствъ 1) государственныхъ имуществъ, 2) финансовъ, 3) военнаго, 4) отъ главнаго управленія путями сообщеній и публичныхъ зданій, 5) отъ II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, 6) отъ государственной канцеляріи и 7) изъ С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, что составляло 15 лицъ (изъ нихъ четверо были вмѣстѣ и членами редакціонныхъ коммиссій).

Кромѣ того еще постоянными членами были три избранныхъ губернатора и С.-Петербургскій вице-губернаторъ — четыре лица, что вмѣстѣ составляетъ 19 членовъ коммиссіи. Временно присутствовали исправляющій должность С.-Пербургскаго оберъ-полиціймейстера, 6 губернаторовъ и 2 вице-губернатора, всего 9 лицъ [1]).

Наконецъ 27 апрѣля того же года учреждена была при редакціонныхъ коммиссіяхъ такъ называвшаяся *финансовая коммиссія* «для разсмотрѣнія предположеній о финансовыхъ мѣрахъ къ облегченію крестьянамъ выкупа земельныхъ угодій и для обсужденія какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ въ выкупѣ» [2]).

Эта коммиссія сдѣлалась отдѣленіемъ редакціонныхъ коммиссій и работала вмѣстѣ съ ними. Всѣ ея члены были вмѣстѣ и членами отъ правительства или экспертами редакціонныхъ коммиссій.

Она составила проектъ положенія о выкупѣ усадебной осѣдлости и поземельныхъ угодій крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости.

Въ составъ ея, кромѣ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій, вошло еще девять членовъ редакціонныхъ коммиссій.

Сверхъ всего этого самыми рескриптами 1857 года объ улучшеніи быта крестьянъ генералъ-губернаторы и начальники губерній обязывались представлять министру внутреннихъ дѣлъ, при проектахъ положеній губернскихъ комитетовъ, и свои собственныя мнѣнія. Давали свои заключенія и другія лица, стоявшія во главѣ разныхъ частей управленія.

Такимъ образомъ въ учрежденіяхъ семи категорій или разрядовъ долженъ былъ разработываться крестьянскій вопросъ.

Въ естественной связи съ поименованными учрежденіями стоятъ еще учрежденія, созданныя редакціонными коммиссіями по крестьян-

---

[1]) Сборникъ Правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ, 1861 г., томъ I, стр. 268 — 271.

[2]) Тамъ же, стр. 66, 266 и 267.

скому дѣлу и высшимъ правительствомъ, по обнародованіи Положенія 19 февраля, для постепеннаго приведенія его въ дѣйствіе.

Первымъ и самымъ важнымъ изъ нихъ слѣдуетъ поставить мировой институтъ, а потому удобнѣе разсмотрѣть ихъ въ такомъ порядкѣ:

1) *Мировые посредники*, которыхъ было назначено по одному въ каждомъ мировомъ участкѣ, а число участковъ въ каждомъ уѣздѣ предоставлено было опредѣлить уѣздному дворянскому собранію, съ утвержденія начальника губерніи.

Мировымъ посредникамъ предоставлены были слѣдующія отправленія: а) ближайшій разборъ и опредѣленіе, въ виду мѣстныхъ условій, новыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, б) мѣстное управленіе и надзоръ за крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, в) нотаріальныя дѣйствія: совершеніе и засвидѣтельствованіе всѣхъ актовъ и договоровъ между помѣщиками, временно-обязанными крестьянами и дворовыми людьми, г) судебно-полицейское разбирательство въ извѣстныхъ предѣлахъ участка, подвѣдомственнаго мировому посреднику (2, 23 и послѣд. стат. Положенія 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ).

Плоды ихъ дѣятельности: а) окончательное введеніе уставныхъ грамотъ во всѣхъ 46 губерніяхъ, подлежавшихъ реформѣ и не вездѣ еще оконченныя, б) разверстаніе крестьянскихъ надѣловъ съ помѣщичьими землями и в) совершеніе выкупныхъ сдѣлокъ—послѣднихъ дѣйствій, прекращающихъ всѣ обязательныя отношенія.

2) *Уѣздные мировые съѣзды*. Это—общее собраніе посредниковъ и, въ опредѣленныхъ Положеніемъ 19 февраля случаяхъ, инстанція для разсмотрѣнія ихъ дѣйствій; сверхъ того съѣздамъ предоставлены непосредственно: а) администрація и контроль надъ сельскимъ общественнымъ управленіемъ, б) хозяйственно-распорядительныя дѣла, другими словами, начатки земства. Въ составъ ихъ, кромѣ всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда, введенъ членъ отъ правительства, какъ бы въ видѣ прокурорскаго надзора (97, 105 и послѣд. статьи Полож. 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ).

Дѣятельность этихъ учрежденій сливается съ дѣятельностію мировыхъ посредниковъ.

3) *Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія*, высшая губернская инстанція, поставленная надъ мировыми учрежденіями, не имѣющая конечно своихъ отдѣльныхъ сторонъ дѣятельности.

Хотя она представляетъ централизацію управленія по крестьянскому дѣлу въ губерніи, но не въ той степени, какъ министерскія учрежденія въ своихъ вѣдомствахъ. Лица, вошедшія въ составъ ихъ, имѣютъ независимое положеніе въ кругу ихъ дѣятельности. Посредники съ одной стороны поставлены, по мимо мироваго съѣзда, въ непосредственныя отношенія къ губернскимъ присутствіямъ, мировые съѣзды, съ другой стороны, относятся къ нимъ какъ къ высшей инстанціи по дѣламъ, подлежащимъ ихъ первоначальному дѣйствію. Однимъ словомъ, губернское присутствіе въ одно и тоже время есть вторая инстанція, какъ для каждаго мироваго съѣзда, такъ и для каждаго посредника. Личнаго же подчиненія посредниковъ въ ихъ единичной, равно и совокупной дѣятельности съѣздовъ губернскому присутствію не допущено вовсе (ст. 126 и послѣд. Полож. 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ).

Внесеніе такихъ началъ въ крестьянскія учрежденія придало имъ живость и силу, которыхъ всегда недоставало учрежденіямъ, построеннымъ на бюрократическихъ началахъ чрезмѣрной централизаціи управленія; проведеніе въ жизнь крестьянской реформы достаточно убѣждаетъ въ томъ, что эти начала болѣе соотвѣтствуютъ гражданскому развитію народа, нежели совершенное господство единоличности и безотвѣтное подчиненіе чиновниковъ всѣмъ высшимъ на ступеняхъ служебной іерархіи лицамъ, входящимъ въ составъ администраціи.

Въ губернскія присутствія, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, введены постоянными членами: губернскій предводитель дворянства, управляющій палатою государственныхъ имуществъ, губернскій прокуроръ, два члена изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, назначаемыхъ отъ правительства и два члена изъ мѣстныхъ же дворянъ, избираемыхъ собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, всего 8 лицъ (123 ст. Полож. 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ).

Кромѣ мировыхъ учрежденій редакціонныя коммиссіи и высшее правительство создали Положеніемъ 19 февраля:

4) *Волостной крестьянскій судъ* при волостныхъ или сельскихъ сходахъ, о которомъ говорено было выше. Онъ устроенъ за несуществованіемъ общаго для крестьянъ гражданскаго суда, по подобію суда или расправы у государственныхъ крестьянъ въ ихъ сель-

скомъ судебномъ уставѣ, до изданія общаго устава (93 и 102 ст. 1 примѣч. Общаго Положенія 19 февраля).

Въ составъ его избирается ежегодно волостными или въ извѣстныхъ случаяхъ сельскими сходами отъ 4 до двѣнадцати очередныхъ судей.

5) Вслѣдствіе предоставленія правительствующему сенату, какъ высшему въ государствѣ колегіальному судебно-административному учрежденію, утвержденія въ должностяхъ мировыхъ посредниковъ, всѣ дѣла о нихъ были сосредоточены, послѣ объявленія Положеній 19 февраля, въ 1-мъ департаментѣ его, въ одной *экспедиціи*, подъ вѣденіемъ оберъ-секретаря.

6) Завѣдываніе выкупною операціею въ имперіи возложено было на первое время на *С.-Петербургскую сохранную казну*, подъ ближайшимъ вѣденіемъ министра финансовъ и подъ высшимъ надзоромъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій (Положеніе 19 февраля о выкупѣ ст. 39); дѣйствія сохранной казны, подъ наименованіемъ *главнаго выкупнаго учрежденія*, начались 27 октября 1861 года [1]).

На этомъ учрежденіи слѣдуетъ остановиться, потому что если и были еще коммиссіи для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, а также государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ или для приведенія въ дѣйствіе реформы въ западныхъ губерніяхъ, то это были все спеціальныя учрежденія, не имѣвшія общаго дѣйствія на всю Россію, какъ тѣ, кои поименованы, и достаточно здѣсь объяснить только, что Положеніе 19 февраля для всѣхъ мѣстныхъ и спеціальныхъ проектовъ было въ сущности основаніемъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что созданіе новыхъ учрежденій для разработки крестьянскаго дѣла началось сверху: именно прежде учрежденъ былъ главный комитетъ, что правительство тогда уже убѣдилось въ необходимости начать и вести это сложное дѣло внѣ общаго строя государственныхъ учрежденій, не обычнымъ порядкомъ.

Призванный къ существованію въ первыхъ числахъ января 1857 года, особый комитетъ, начавшій дѣйствовать секретно и нерѣшительно, въ концѣ года ознаменовалъ свою дѣятельность смѣлымъ шагомъ: объявленіемъ всемилостивѣйшихъ рескриптовъ съ 20 ноября, въ то время, когда еще никто не могъ составить себѣ

---

[1]) Печатная записка: Отчетъ главнаго выкупнаго учрежденія за 1862 г.

даже и приблизительнаго понятія о томъ, какъ должно совершиться освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Вызовъ къ тому былъ сдѣланъ, не безъ особой мысли, дворянствомъ Виленской губерніи. Переписка объ этомъ въ одномъ изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ числѣ прочихъ, заведенныхъ особо по каждой губерніи, гдѣ предполагалась реформа, представляетъ большой историческій интересъ и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на тогдашнее положеніе края. Къ сожалѣнію, пожаръ, истребившій Апраксинъ дворъ въ 1862 году и захватившій зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, уничтожилъ нѣсколько такихъ производствъ, и изъ всѣхъ 46 дѣлъ, по числу губерній, гдѣ совершилась реформа, уцѣлѣло, если я не ошибаюсь, 25; но еще бо́льшій интересъ заключаетъ въ себѣ переписка по той же губерніи въ главномъ комитетѣ.

Рескриптами 1857 года особый или главный комитетъ началъ открывать губернскіе комитеты, такъ что въ хронологическомъ порядкѣ, непосредственно послѣ высшаго учрежденія по крестьянскому дѣлу послѣдовало, если можно такъ выразиться, учрежденіе низшихъ или первыхъ его инстанцій въ губерніяхъ. Въ созданіи ихъ, безъ примѣси чиновнаго элемента, состоялось первое въ текущемъ столѣтіи обращеніе верховной власти къ содѣйствію общества въ дѣлѣ государственнаго устройства и если призвано было къ участію въ немъ одно сословіе, т. е. дворянство, то конечно потому только, что другія не были непосредственно заинтересованы развязкой прежнихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, а эти послѣдніе, по неразвитости своей, истекавшей изъ крѣпостнаго состоянія, едва ли могли тогда отстоять сознательно свои будущіе интересы, которые, нужно отдать полную справедливость всему русскому дворянству, были до конца ограждены имъ лучше, нежели бы даже самими крестьянами, какъ это показываетъ весь благопріятный для нихъ исходъ дѣла.

Но не этимъ только двумъ инстанціямъ пришлось разработывать все дѣло освобожденія крестьянъ; разрывъ, послѣдовавшій у насъ, въ силу историческихъ обстоятельствъ, между различными слоями общества, отдѣлившій въ самомъ его бытѣ и привычкахъ высшій слой отъ средняго и низшаго, былъ такъ силенъ, что потребности низшихъ классовъ не могли быть поняты съ надлежащею ясностью и почувствованы въ средѣ нашего высшаго общества; само крѣпостное состояніе, можно сказать, всего почти народа было въ этомъ случаѣ одною изъ важныхъ причинъ. Здѣсь не мѣсто входить въ историческое ихъ изслѣдованіе; достаточно ска-

зать, что это обстоятельство привело мало по малу къ тому, что большая часть лицъ, входившихъ въ составъ высшей служебной іерархіи, пріобрѣла привычку проводить свои досуги, свое свободное отъ государственныхъ занятій время не внутри Россіи, не вблизи народа, а за границей, откуда и переносились къ намъ часто государственные и гражданскіе идеалы, и передѣлывался на иностранный образецъ самый бытъ высшаго общества. А если и случалось кому нибудь изъ столичныхъ служебныхъ лицъ проѣзжаться по пространной Россіи, то такое лицо было всегда на столько окружаемо попеченіями губернской и уѣздной служебной аристократіи, что могло большею частію видѣть развѣ только то, что она желала ему показать и всегда при выгодномъ по возможности освѣщеніи.

По господствовавшимъ тогда въ чиновномъ мірѣ понятіямъ, крестьянское дѣло считалось какъ бы спеціальною принадлежностью министерства внутреннихъ дѣлъ, а потому за губернскими комитетами слѣдовало учрежденіе при немъ *земскаго отдѣла*, для подготовленія всего, что относилось «къ земско-хозяйственному устройству въ имперіи», какъ это выражено въ офиціальныхъ бумагахъ, т. е. матеріаловъ для соображеній высшаго правительства. Въ послѣдствіи, когда этотъ отдѣлъ подчинился редакціоннымъ коммиссіямъ, онъ служилъ, какъ мы видѣли, для подготовки разныхъ справокъ, необходимыхъ для редакціонныхъ коммиссій при разработкѣ ими крестьянскаго вопроса.

Съ приближеніемъ срока представленія высшему правительству проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ для тѣхъ по крайней мѣрѣ губерній, которыя первыя получили рескрипты 1857 года, главный комитетъ выдѣляетъ изъ своей среды коммиссію изъ четырехъ членовъ для предварительнаго разсмотрѣнія этихъ проектовъ, т. е. для подготовки всего дѣла главному комитету; но одна эта коммиссія естественно не могла совладѣть съ такимъ громаднымъ дѣломъ; тогда рождается предположеніе создать особыя редакціонныя коммиссіи, для составленія цѣлаго крестьянскаго Положенія для всей Россіи. Сначала, разумѣется, представляется мысль составить эти коммиссіи изъ непремѣнныхъ и другихъ членовъ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ были уже сосредоточены всѣ земскія дѣла и куда должны были непосредственно представляться проекты положеній губернскихъ комитетовъ. По первоначальному плану, должны были образоваться двѣ коммиссіи: одна, *общихъ* положеній, другая *мѣстныхъ*, общая изъ однихъ чиновниковъ, мѣстная изъ чиновниковъ же и экспертовъ, т. е. посторон-

нихъ лицъ, избранныхъ предсѣдателемъ обѣихъ коммиссій. Изъ этого видно, что эксперты предназначались къ разработкѣ только подробностей, что общаго Положенія они не должны были касаться и такимъ образомъ естественно должны были состоять въ зависимости отъ составителей Общихъ Положеній, какъ бы высшей инстанціи. Вслѣдствіе назначенія, по волѣ Государя, предсѣдателемъ коммиссій посторонняго лица, къ вѣдомству министерствъ не принадлежащаго [1]), и по прибытіи экспертовъ, лицъ ближе знакомыхъ съ бытомъ губерній и съ мѣстными потребностями, все перемѣняетъ видъ—обѣ коммиссіи сливаются въ одну. Общія и мѣстныя Положенія составляются вмѣстѣ, разгородки падаютъ, свѣжій элементъ, непринадлежащій канцеляріямъ, обращаетъ и представителей правительства въ живыхъ людей и свободныхъ дѣятелей. Редакціонныя коммиссіи становятся на мѣсто коммиссіи при главномъ комитетѣ, которая въ дѣйствительности перестаетъ существовать, уступая свою дѣятельность редакціоннымъ коммиссіямъ. Эти послѣднія, черезъ своихъ предсѣдателей—Я. И. Ростовцова и графа В. Н. Панина, поставленныхъ въ непосредственныя, а въ началѣ дѣятельности перваго изъ нихъ—въ почти ежедневныя сношенія съ верховной властью, пріобрѣтаютъ на все время своихъ занятій независимое отъ всей служебной іерархіи и самостоятельное положеніе, что и доставляетъ имъ возможность привести къ окончанію многосложный трудъ.

Далѣе, въ общемъ строѣ вѣдомствъ, правительство образуетъ еще при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, изъ служебныхъ только лицъ, коммиссію объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, которая также вступаетъ въ связь съ редакціонными коммиссіями по предмету составленія проекта о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ по крестьянскому дѣлу.

Наконецъ этотъ рядъ комитетовъ и коммиссій замыкается финансовою коммиссіей для начертанія проекта выкупа крестьянами земельныхъ угодій, которая составляетъ только придатокъ новыхъ членовъ къ редакціоннымъ коммиссіямъ.

Если бы нужно было опредѣлить характеръ управленія, существовавшій у насъ до наступленія крестьянской реформы, то съ эпохи образованія у насъ министерствъ и постояннаго государ-

---

[1]) См. мои статьи: Взглядъ Я. И. Ростовцова на дѣло освобожденія крестьянъ, Современная лѣтопись (при Московскихъ вѣдомостяхъ), Февраль. 1864 года № 7 и Дѣят. Я. И. Ростовцова. Русск. Вѣстникъ за 1864 годъ № 10, стр. 489 въ выноскѣ.

ственнаго совѣта, его слѣдуетъ назвать смѣшаннымъ: бюрократическимъ-коллегіальнымъ. Этотъ характеръ отразился и на всѣхъ учрежденіяхъ, созданныхъ собственно для разработки крестьянскаго дѣла.

Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, съ своей особой коммиссіей, былъ и остался какъ бы отдѣленіемъ государственнаго совѣта.

Губернскіе комитеты получили форму коллегіальныхъ учрежденій, въ родѣ нашихъ дворянскихъ чрезвычайныхъ собраній; это видно какъ изъ состава ихъ подъ предсѣдательствомъ губернскихъ предводителей дворянства, такъ и изъ переписки о порядкѣ подачи въ нихъ мнѣній [1]); но особеннаго замѣчанія заслуживаетъ то, что когда правительство пожелало обнять крестьянское дѣло со всѣхъ сторонъ, когда для этой цѣли оно положило вызвать въ Петербургъ членовъ изъ каждаго губернскаго комитета, то оно нашлось вынужденнымъ пригласить ихъ по одному отъ каждаго выраженнаго въ комитетѣ мнѣнія, какъ большинства, такъ и меньшинства [2]), такъ что Рязанская губернія напримѣръ, выслала трехъ членовъ, изъ которыхъ одинъ (А. И. Кошелевъ) былъ представителемъ своего мнѣнія, а значеніе каждаго единичнаго мнѣнія, какъ бы оно выражено ни было, ни чѣмъ такъ не ограждается, какъ установленіемъ единогласія или перевѣса значительнаго большинства, напримѣръ двухъ третей надъ меньшинствомъ голосовъ для рѣшенія дѣла, что именно и составляетъ условіе прочности коллегіальныхъ учрежденій.

Земскій отдѣлъ былъ чисто бюрократическаго образованія и представлялъ настоящій типъ канцеляріи.

Коммиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣла характеръ всѣхъ временныхъ коммиссій при министерствахъ для составленія проектовъ по преобразованію какихъ либо частей управленія.

Редакціонныя коммиссіи съ приданной къ нимъ финансовой, должны были получить, по первоначальному плану, подобное же бюрократическое устройство; но чтобы стать въ то положеніе, въ которомъ возможна была для нихъ свобода дѣйствій, чтобы сосредоточить въ себѣ всю дѣятельность по крестьянскому вопросу, что было необходимо для успѣха дѣла, онѣ, какъ мы видѣли выше,

---

[1]) Сборникъ Правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ 1861 года, т. I, стр. 51 и 115.

[2]) См. мою статью: Вызовъ и пріемъ депутатовъ. Русск. Вѣстн. за 1868 г. № 11, стр. 36 — 39.

перемѣнили свою бюрократическую форму организаціи на коллегіальную, въ нихъ образовались отдѣленія съ общимъ собраніемъ всѣхъ членовъ, спорные вопросы рѣшались какъ въ отдѣленіяхъ, такъ и въ общемъ собраніи большинствомъ голосовъ, хотя и простымъ, съ перевѣсомъ голоса предсѣдателя въ случаѣ равенства голосовъ. Правда, было въ коммиссіяхъ покушеніе партіи отнять значеніе у каждаго отдѣльнаго мнѣнія и скрыть всякое возникшее разногласіе, было исходатайствовано повелѣніе «не вносить такихъ мнѣній въ журналы, которые печатаются» [1]), но это вызвало возраженія и само общее присутствіе въ печатномъ своемъ журналѣ (№№ 30 и 31, 10 и 15 іюня 1859 года) сдѣлало оговорку, что подпись члена «есть только удостовѣреніе того, что каждый отдѣльный пунктъ журнала былъ утвержденъ большинствомъ коммиссій» и что «никто не лишается права, заявивъ въ тоже время свое особое мнѣніе, впослѣдствіи изложить его письменно съ тѣмъ, чтобы мнѣніе это было разсмотрѣно въ свое время установленнымъ порядкомъ» [2]). Въ послѣдствіи, по распоряженію высшаго правительства, всѣ отдѣльныя мнѣнія членовъ редакціонныхъ коммиссій были напечатаны и представлены въ главный комитетъ и въ государственный совѣтъ.

Безъ сомнѣнія, такая выходящая изъ ряду обыкновенныхъ дѣлъ реформа, какъ крестьянская, и вообще проекты государственныхъ преобразованій не могутъ удобно разработываться въ обыкновенныхъ коллегіальныхъ собраніяхъ, и прежде учреждались у насъ для того особыя коммиссіи, но окончательное обсужденіе изготовленныхъ проектовъ, но рѣшеніе приводить ихъ въ дѣйствіе должны произноситься въ коллегіальныхъ собраніяхъ, огражденныхъ отъ всякаго давленія извнѣ, чтобы такимъ образомъ мѣры правительства исходили обдуманно. Только при безпристрастномъ и разностороннемъ ихъ разсмотрѣніи можно отъ нихъ ожидать практической пользы.

Обзоръ учрежденій для разработки крестьянскаго дѣла показываетъ, что основаніе ему положили губернскіе комитеты, а составленіе окончательныхъ проектовъ Положеній объ освобожденіи крестьянъ, разсмотрѣнныхъ въ главномъ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ, принадлежитъ редакціоннымъ коммиссіямъ.

Остается разсмотрѣть какой характеръ удержался преимуще-

---

[1]) См. Дѣят. Я. И. Ростовцова. Русск. Вѣстн. 1864 г. № 12, стр. 454.

[2]) См. второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій 1859 года, т. I, кн. I, стр. 93.

ственно въ крестьянскихъ губернскихъ и уѣздныхъ мировыхъ учрежденіяхъ.

Изъ мировыхъ посредниковъ образованъ мировой съѣздъ, который есть для нихъ общее собраніе. Онъ «постановляетъ свои рѣшенія единогласно или по большинству голосовъ. При равенствѣ голосовъ, даетъ перевѣсъ голосъ предсѣдателя. Если образуется болѣе двухъ мнѣній и при томъ ни одно изъ нихъ не будетъ имѣть установленнаго большинства, то дѣло переносится на разрѣшеніе губернскаго присутствія» (ст. 112 Полож. 19 февраля о губерн. и уѣздн. по крестьянскимъ дѣламъ учрежд.). Слѣдовательно мировые съѣзды имѣютъ коллегіальное устройство, и въ нихъ предусмотрѣнъ и случай разногласія. Замѣчательно, что редакціонныя коммиссіи и высшее правительство въ тѣхъ дѣлахъ, когда они особенно желали оградить интересы крестьянъ, установили единогласіе рѣшеній въ мировыхъ съѣздахъ, именно относительно перенесенія крестьянскихъ усадебъ безъ ихъ согласія и обязательнаго для нихъ разверстанія полевыхъ угодій съ помѣщичьими при переселеніи крестьянъ (ст. 75 и 76 мѣстн. Полож. для губерній Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ). Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія представляютъ то же коллегіальное устройство, хотя во всѣхъ случаяхъ съ простымъ большинствомъ голосовъ и съ перевѣсомъ, при равенствѣ ихъ, голоса предсѣдателя (ст. 131 Полож. о губернск. и уѣздн. учрежд.).

Такимъ образомъ редакціонныя коммиссіи сдѣлали свое дѣло,— въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыхъ образованіе отъ нихъ зависѣло, онѣ положили въ основу ихъ коллегіальное начало, но когда надлежало пріурочить ихъ къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, затрудненія разрѣшились такимъ образомъ: правительствующему сенату, которому въ силу 1 ст. его учрежденія какъ верховному мѣсту «въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и установленія въ имперіи», кромѣ закономъ особенно изъятыхъ, предоставлено только право утверждать посредниковъ въ должности (ст. 14 Полож. о губернск. и уѣздн. учрежд.) и разрѣшать дѣла изъ этой обязанности истекающія, т. е. сохраненъ съ внѣшней стороны прежній порядокъ коллегіальнаго управленія, что же касается внутренней — разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до разбора крестьянъ съ помѣщиками и административныхъ распоряженій, то, относительно подчиненія мировыхъ учрежденій въ порядкѣ инстанцій высшему правительству, все Положеніе 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ учрежде-

ніяхъ замыкается слѣдующимъ положеніемъ: «Если по особенно важнымъ обстоятельствамъ, заслуживающимъ вниманія высшаго правительства, начальникъ губерніи затруднится исполнить рѣшеніе губернскаго присутствія, то ему предоставляется, пріостановивъ подъ собственною отвѣтственностью исполненіе означеннаго рѣшенія, представить въ то же время о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла министру внутреннихъ дѣлъ». Этимъ самымъ все развитіе крестьянской реформы, изъятое такимъ образомъ даже и по дѣламъ судебнаго свойства изъ вѣдѣнія высшаго коллегіальнаго учрежденія въ государствѣ, было предоставлено направленію единоличной власти. По этому любопытно прослѣдить, какая участь постигла вообще учрежденія по крестьянскому дѣлу, какъ тѣ, которыя были созданы для разработки его, такъ и тѣ, которыя образованы для приведенія въ исполненіе Положеній 19 февраля, оставляя въ сторонѣ крестьянскій волостной судъ, который есть спеціальное и особое учрежденіе, непосредственной связи съ приведеніемъ въ дѣйствіе Положеній неимѣющее, коммиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, которая примкнула къ крестьянскимъ учрежденіямъ только по предмету проекта о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ, и главное выкупное учрежденіе въ коллегіальной формѣ, открывшее свои дѣйствія 27 октября 1861 г. послѣ обнародованія Положеній 19 февраля.

Губернскіе комитеты закрывались постепенно, съ окончаніемъ составленія своихъ проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, и какъ бы на мѣсто ихъ стали послѣ обнародованія Положеній 19 февраля губернскія присутствія.

Редакціонныя коммиссіи и слившаяся съ ними финансовая, были закрыты съ нѣкоторою поспѣшностью 10 октября 1860 года, до начала разсмотрѣнія ихъ проектовъ даже въ главномъ комитетѣ. Эта поспѣшность видна изъ того, что Высочайшимъ повелѣніемъ о закрытіи ихъ, объявленнымъ имъ предсѣдателемъ графомъ В. Н. Панинымъ, предписывалось между прочимъ: «передать всѣ неоконченныя работы въ вѣденіе и распоряженіе государственнаго секретаря» [1]). Эти неоконченныя работы заключались собственно въ томъ, что не всѣ печатные экземпляры матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій были приготовлены къ разсылкѣ и нѣкоторыя бу-

---

[1]) Первое изданіе матер. редакц. коммиссіи ч. 18 журн. общ. присутствія № 140.

маги канцеляріи коммиссіи не были еще надлежащимъ образомъ приведены въ порядокъ и подшиты къ дѣламъ.

Земскій отдѣлъ получилъ новое образованіе и увеличенный штатъ; изъ отдѣленія центральнаго статистическаго комитета онъ былъ возведенъ на степень департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, на равныхъ правахъ съ другими, т. е. при министерствѣ образовалась въ большомъ размѣрѣ канцелярія для производства всѣхъ дѣлъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости [1]).

Наконецъ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, котораго особая коммиссія перестала существовать сама собою, остался въ прежнемъ своемъ значеніи, съ перемѣною только личнаго состава и прежняго наименованія, на «главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія».

Слѣдовательно губернскія и уѣздныя мировыя учрежденія по крестьянскому дѣлу пріобрѣли двѣ высшія правительственныя инстанціи: земскій отдѣлъ, который есть ни что иное, какъ канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ, и главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, всѣ мнѣнія котораго конфирмуются верховною властью. Такимъ образомъ, если, со времени преобразованій начала текущаго столѣтія, уцѣлѣвшія тогда коллегіальныя учрежденія въ Россіи стояли, до крестьянской реформы, параллельно съ бюрократическими или министерскими учрежденіями, то крестьянская реформа положила основаніе другому порядку вещей въ дѣлѣ государственнаго управленія; созданныя для приведенія ее въ дѣйствіе губернскія и уѣздныя учрежденія съ коллегіальнымъ устройствомъ составили нижній этажъ зданія, а верхній составили учрежденія съ бюрократическимъ или министерскимъ устройствомъ. Вскорѣ за тѣмъ судебная реформа устранила прокурорскій надзоръ правительства, какъ за судебными мѣстами, такъ и за всѣми административными учрежденіями, обращеніемъ его въ спеціальный по судебнымъ уголовнымъ дѣламъ обвинительный институтъ, какъ во Франціи, и положила конецъ нашимъ коллегіальнымъ учрежденіямъ въ лицѣ сената, уничтоженіемъ его судебнаго управленія и замѣною его судебныхъ департаментовъ кассаціоннымъ судомъ.

Послѣдствія такого новаго порядка вещей въ нашемъ государственномъ управленіи выразились до сихъ поръ, относительно кре-

---

[1]) Сборникъ Правит. распоряженій по устр. быта крестьянъ. С.-Петербургъ, 1861 и 1862 года т. I, стр. 27 и 29 и т. II, ч. 2, стр. 14—17.

стьянской реформы, въ томъ, что когда судебные уставы обошли крестьянскій мировой институтъ, какъ будто его и не существовало, создавъ свой особый: мировыхъ судей, и мировые посредники остались какъ-бы устраненными отъ управленія, то тогда высшія по крестьянскому дѣлу учрежденія, послѣ истеченія двухъ-лѣтняго срока, опредѣленнаго на составленіе уставныхъ грамотъ, принялись за сокращеніе числа ихъ, и это распоряженіе, какъ начало уничтоженія мировыхъ учрежденій, сообщило всему институту вялость дѣйствій, тогда какъ крестьянское дѣло еще и нынѣ не кончено, какъ относительно разверстанія угодій, такъ и относительно приведенія крестьянъ и помѣщиковъ къ повсемѣстному совершенію выкупныхъ сдѣлокъ (я не говорю о западныхъ губерніяхъ, гдѣ выкупъ сдѣланъ впослѣдствіи обязательнымъ). Что крестьянское дѣло далеко не завершилось, лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить и то, что въ черноземной полосѣ Россіи есть даже имѣнія, удержавшіяся до сего времени на барщинѣ. Земскій отдѣлъ съ своей стороны вошелъ съ самаго начала въ обширныя толкованія по поводу всевозможныхъ случаевъ примѣненія Положеній 19 февраля; переписка его приняла обычные канцелярскіе размѣры, такъ что вскорѣ въ иныхъ случаяхъ трудно было даже узнать первоначальное положеніе; объ этомъ свидѣтельствуютъ томы правительственныхъ распоряженій въ сборникѣ по устройству быта крестьянъ, который печатается и по настоящее время.

Ознакомившись съ происхожденіемъ учрежденій по крестьянскому дѣлу и ихъ значеніемъ въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, мы можемъ перейти къ обзору матеріаловъ, оставленныхъ ими.

Изъ того, что уже было сказано выше, мы можемъ заключить, что высшее правительство въ самомъ началѣ приступило къ дѣлу освобожденія крестьянъ съ особою осторожностію; даже послѣ открытія редакціонныхъ коммиссій предсѣдатель ихъ Я. И. Ростовцовъ, когда ему сдѣлано было предложеніе опубликовать, установленнымъ порядкомъ, чрезъ правительствующій сенатъ объ ихъ учрежденіи, говорилъ еще: «надо чтобы это дѣлалось, такъ сказать, келейно, между нами, какъ въ семьѣ. Мы должны дѣлать все это, можно сказать, секретно; это дѣло должно пока оставаться тайной между нами» [1]). Избранные для обсужденія мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ, члены Государственнаго Совѣта, въ первые дни 1857 г., стали собираться безъ огласки, въ особый или секретный комитетъ.

---

[1]) См. Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русскій Вѣстн. за 1864 г. № 10, стр. 495.

Офиціальныя выраженія въ сферѣ правительственной дѣятельности часто характеризуютъ переходы общественной жизни. Такъ въ прошломъ столѣтіи, когда правительство не желало огласки въ своихъ дѣйствіяхъ, оно употребляло прилагательное *тайный*, напримѣръ: тайный верховный совѣтъ, тайная канцелярія. Это слово въ свое время наводило на всякаго ужасъ обстановкой тайны: допросами, пытками и всякими истязаніями [1]). По мѣрѣ того, какъ смягчались нравы, въ текущемъ столѣтіи это названіе уступило мѣсто другому, какъ будто менѣе страшному. Императоръ Александръ I уничтожилъ тайную канцелярію, «даже велѣлъ не упоминать ея названія, а производить секретныя дѣла въ обыкновенныхъ публичныхъ присутственныхъ мѣстахъ и присылать на обревизованіе въ первый сената департаментъ» [2]). Тѣ комитеты или коммиссіи, которые предполагалось окружить тайной, стали называться *секретными*. Такихъ случаевъ въ прошедшее царствованіе было нѣсколько. Въ 1839 году, когда необходимость уничтоженія рано или поздно крѣпостнаго права стала съ бо́льшею настойчивостью представляться умамъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, былъ учрежденъ комитетъ изъ семи членовъ [3]), съ двоякою цѣлью:

а) «на какомъ основаніи можно впредь дозволить помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ, не стѣсняясь нынѣшнимъ Положеніемъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ»;

б) «разсмотрѣть какія мѣры признаны будутъ успѣшнѣйшими для составленія инвентарей по каждой губерніи, предоставивъ сіе губернскому дворянству, или начавъ съ однихъ казенныхъ имуществъ».

Хотя изъ одного этого опредѣленія занятій можно уже заключить, что во всякомъ случаѣ дѣло шло только о приготовительныхъ мѣрахъ къ освобожденію крестьянъ, при чемъ не допускалось тогда

---

[1]) См Жизнь и приключенія Андрея Болотова. Русская Старина, кн. 1. Январь. 1871 года въ приложеніи стр. 74—95.

[2]) См. Сочин. Державина, Я. Грота, 1871 года, т. 6, стр. 756.

[3]) Членами комитета были назначены: 1) генералъ-адъютантъ князь Васильчиковъ, 2) графъ Орловъ, 3) министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, 4) министръ юстиціи статсъ-секретарь графъ Блудовъ, 5) членъ Государственнаго Совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Тучковъ, 6) статсъ-секретарь Танѣевъ и 7) управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ. Правителемъ дѣлъ камергеръ Ханыковъ. Три извлеченія изъ дѣлъ 4 секретныхъ комитетовъ, при письмѣ князя С. Голицина на имя І. И. Ростовцова. Дѣла редакціонныхъ коммиссій. Архивъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

не только письменнаго, но даже и изустнаго употребленія слова освобожденіе; тѣмъ не менѣе этому комитету Высочайше повелѣно было хранить всѣ дѣла въ тайнѣ, а для достиженія этой цѣли «и дабы отклонить всякія догадки гласно именовать этотъ комитетъ: *о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній*».

Въ началѣ настоящаго царствованія, столь обильнаго событіями и крупными реформами, прилагательное «секретный», уступило мѣсто еще менѣе строгому выраженію. Первое учрежденіе по крестьянскому дѣлу получило въ началѣ, какъ мы видѣли, наименованіе особаго комитета. Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ сдѣланъ былъ въ послѣдствіи еще шагъ впередъ: журналы общаго присутствія, заключавшіе мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ, не согласныя съ большинствомъ, которыя «для избѣжанія всякаго гласнаго проявленія разномыслія коммиссій» положено было хранить въ нѣкоторой тайнѣ, были названы уже просто: «Дополнительные журналы общаго присутствія коммиссій для составленія Положеній о крестьянахъ». Тогда и прилагательное *особый*, въ смыслѣ негласнаго, потеряло свое значеніе — почти все, что было гласно, стали печатать, а то, что негласно, оставалось большею частью въ письменныхъ документахъ, при дѣлахъ архива [1]).

Если принять въ соображеніе эти обстоятельства, то всѣ матеріалы по крестьянскому дѣлу слѣдуетъ отнести къ тремъ категоріямъ, именно:

1) *Къ официальнымъ гласнымъ:* во-первыхъ, все то, что было правительствомъ напечатано не по числу лицъ, которыя непосредственно принимали участіе въ разработкѣ дѣла, а въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, и во-вторыхъ все, что во время составленія Положеній о крестьянахъ могло быть предано печати, а если не было напечатано, то по какимъ нибудь, независящимъ отъ храненія въ тайнѣ, причинамъ.

2) *Къ официальнымъ негласнымъ* или конфиденціальнымъ все, что исходило отъ правительства такого, чего по тѣмъ или другимъ его соображеніямъ оно не хотѣло въ то время сдѣлать гласнымъ, хотя и печатало въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, для употребленія лицъ, призванныхъ къ ближайшему участію въ дѣлѣ и то, что по его соображенію не могло быть вовсе напечатано для оглашенія и хранится нынѣ въ архивѣ главнаго комитета по крестьянскому

---

[1]) См. Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русск. Вѣстникъ за 1864 г. № 12, стр. 454 и 472 и Второе изд. редакціонныхъ коммиссій, т. I, кн. I, стр. 92—93.

дѣлу, а также въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, наконецъ,

3) *Къ неофиціальнымъ* или частнымъ матеріаламъ слѣдуетъ отнести: а) проекты и записки лицъ, не принимавшихъ офиціальнаго участія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, подававшіеся правительству или помимо его появлявшіеся въ печати, б) разныя литературныя статьи, в) записки засѣданій редакціонныхъ коммиссій и нѣкоторыхъ засѣданій главнаго комитета и Государственнаго Совѣта, которыя велись кѣмъ нибудь изъ присутствовавшихъ при совѣщаніяхъ, частнымъ образомъ, г) нѣкоторыя рѣчи лицъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ реформѣ, когда они обращались къ тѣсному кругу другихъ соучастниковъ въ разныхъ случаяхъ, д) наконецъ всякія замѣтки о происшествіяхъ и анекдотахъ, записанныхъ тѣми, которые такъ или иначе стояли близко къ крестьянскому дѣлу.

О матеріалахъ этой послѣдней категоріи здѣсь говорить нечего, потому что ими не могъ пользоваться г. Скребицкій; онъ включилъ въ свой трудъ, въ числѣ приложеній, только перечень частныхъ проектовъ и записокъ, поступившихъ изъ архива главнаго комитета и прямо къ предсѣдателямъ редакціонныхъ коммиссій: Я. И. Ростовцову и графу В. Н. Панину (т. I, стр. 926 — 943), я привожу это потому, что опись этимъ запискамъ напечатана вообще въ первый разъ, по крайней мѣрѣ для публики [1]).

Придерживаясь приведеннаго дѣленія матеріаловъ, мы должны отнести:

Въ Государственномъ Совѣтѣ и главномъ комитетѣ:

Къ офиціальнымъ *гласнымъ* матеріаламъ все, что было обнародовано Положеній и разослано циркуляровъ черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ и разныя правительственныя распоряженія по крестьянскому дѣлу, на которыя послѣдовало Высочайшее утвержденіе.

Къ офиціальнымъ *негласнымъ:* а) журналы Государственнаго Совѣта и главнаго комитета, изъ которыхъ можно видѣть, какія мнѣнія высказывались въ этихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и какъ распредѣлялись голоса лицъ, входившихъ въ ихъ составъ; другими словами, въ чемъ заключались, такъ сказать, офиціальныя соображенія, которыми руководились высшіе государ-

---

[1]) См. мой разборъ: Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. А. Скребицкаго. Заря за 1871 г. № 1. Январь, стр. 35.

ственные дѣятели при обсужденіи проектовъ освобожденія крестьянъ, б) дѣлопроизводство канцелярій этихъ высшихъ учрежденій.

Въ губернскихъ комитетахъ и двухъ общихъ коммиссіяхъ:

Офиціальный *гласный* матеріалъ составляютъ ихъ проекты положеній «объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ», со всѣми приложеніями.

Офиціальный *негласный*—протоколы ихъ засѣданій, постановленія на циркуляры и распоряженія высшаго правительства и переписка съ нимъ, обнимающіе уже внутреннюю сторону ихъ дѣятельности, которая почти вовсе неизвѣстна въ литературѣ и вѣроятно представляетъ большое разнообразіе по разностямъ административнаго и гражданскаго быта губерній [1]).

Въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ:

Къ офиціальнымъ *гласнымъ* матеріаламъ принадлежитъ собственное его изданіе: «Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», начатый съ самаго его учрежденія въ 1858 году и продолжающійся до сего времени и послѣ преобразованія, которое расширило этотъ отдѣлъ. За тѣмъ, такъ какъ дѣятельность его слилась, что мы уже видѣли выше, съ дѣятельностью редакціонныхъ коммиссій, то остальной офиціальный, гласный матеріалъ его, представляющій только канцелярскія работы, вошелъ въ составъ матеріаловъ этихъ послѣднихъ.

Къ офиціальнымъ *негласнымъ* матеріаламъ земскаго отдѣла слѣдуетъ отнести всю конфиденціальную переписку отъ лица министра внутреннихъ дѣлъ съ учрежденіями и лицами, состоявшими во время разработки крестьянскаго дѣла во главѣ мѣстнаго управленія, и всеподданнѣйшія его записки [2]).

Особая коммиссія (изъ четырехъ) при главномъ комитетѣ оставила печатный матеріалъ: записки внесенныя въ нея для соображенія по крестьянскому дѣлу, членомъ оной генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ:

1) О проектѣ Положенія комитета Нижегородской губерніи.

2) О сводѣ мнѣній начальниковъ губерній касательно новаго устройства губернскихъ и уѣздныхъ властей, какъ судебной, такъ и административной.

---

[1]) См. мой разборъ: Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. А. Скребицкаго, Заря за 1871 годъ № 1. Январь, стр. 41.

[2]) См. записку: Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время. Русск. Архивъ за 1869 г., изд. П. Бартеневымъ № 7 и 8, стр. 1362—1375.

3) О проектѣ Положенія комитета С.-Петербургской губерніи.

4) Объ учрежденіи особыхъ коммиссій для составленія сводовъ проектовъ Положеній губернскихъ комитетовъ.

5) О проектѣ Положенія комитета Симбирской губерніи.

6) О проектѣ меньшинства комитета Симбирской губерніи.

7) Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса.

8) Дополненіе къ статьѣ: ходъ и исходъ крестьянскаго дѣла [1]).

Подобныя записки гр. В. Н. Панина, а можетъ быть и другихъ двухъ членовъ особой коммиссіи, развѣ потому не могутъ быть еще подведены подъ принятую здѣсь классификацію, что онѣ не были напечатаны и мало извѣстны; по характеру содержанія однако ихъ нельзя отнести къ конфиденціальнымъ матеріаламъ.

Изъ матеріала коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ только «проектъ Положенія о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ по крестьянскому дѣлу», вошедшій въ матеріалы редакціонныхъ коммиссій, относится непосредственно къ исторіи крестьянскаго дѣла.

Финансовая коммиссія вошла органически въ составъ редакціонныхъ, и сдѣлалась однимъ изъ отдѣленій ихъ, а потому слѣдуетъ перейти къ самому обширному изъ матеріаловъ, тому, который оставили редакціонныя коммиссіи.

Къ офиціальнымъ гласнымъ матеріаламъ ихъ слѣдуетъ отнести: а) 18 частей, подъ заглавіемъ «первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій для составленія Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости» 1859—1860 года, со вторымъ изданіемъ этихъ матеріаловъ, только первыхъ трехъ частей, соотвѣтствующихъ первому періоду занятій коммиссій, въ 3 томахъ и 6 книгахъ и б) печатныя «Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій», составляющія 14 томовъ разнаго формата до большой четвертки листа [2]).

Къ офиціальнымъ *негласнымъ* относятся: а) вся переписка, которая не вошла въ печатные матеріалы, отъ лица предсѣдателей Я. И. Ростовцова и гр. В. Н. Панина съ разными лицами и учрежденіями по поводу нѣкоторыхъ случаевъ во время разработки крестьянскаго дѣла, и всеподданнѣйшія ихъ записки [3]), б) все дѣло-

---

[1]) См Второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій, т. I, кн. I, стр. 257.

[2]) См. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, В. И. Межова. С.-Петербургъ, 1865 года, стр. 160 въ выноскѣ и 172—175.

[3]) См. на прим. предсмертную записку Я. И. Ростовцова, Русск. Архивъ,

производство канцеляріи при редакціонныхъ коммиссіяхъ, в) всякія ненапечатанныя записки и бумаги членовъ коммиссій, во время ихъ дѣятельности, по разнымъ предметамъ, которыя иногда читались общему присутствію, какъ изъясненіе ихъ личныхъ взглядовъ на дѣло освобожденія крестьянъ, и не были пріобщены къ дѣламъ, г) также изъ отдѣльныхъ ихъ мнѣній тѣ, кои не вошли въ сборникъ приложеній къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій и д) летучіе листки, на которыхъ подавались голоса, когда возникали въ коммиссіяхъ споры при разрѣшеніи того или другаго вопроса [1]).

Одинъ уже обзоръ матеріаловъ по крестьянскому дѣлу показываетъ, какъ они обширны въ однихъ только редакціонныхъ коммиссіяхъ, гдѣ сосредоточивается исключительно съ 4 марта 1859 г. по 10 октября 1860 года, въ продолженіе одного года и семи мѣсяцевъ, вся дѣятельность правительства по предмету разработки проектовъ освобожденія крестьянъ; по этому одному уже можно видѣть какъ трудно изслѣдователю обходиться съ такими матеріалами въ ихъ сыромъ, такъ сказать, видѣ. Матеріалъ редакціонныхъ коммиссій есть, безъ сомнѣнія, самый важный для исторіи внутренняго процесса освобожденія крестьянъ, тогда какъ весь остальной относится преимущественно къ внѣшней, если можно такъ выразиться, исторіи этой великой реформы

Г. Скребицкій пользовался въ своемъ трудѣ собственно матеріалами редакціонныхъ коммиссій и сборникомъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ. Никакого другаго матеріала онъ и имѣть не могъ, какъ потому, что извѣстному барону Августу ф. Гакстгаузену, при которомъ онъ началъ трудиться, было сообщено покойнымъ предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцовымъ только то, чѣмъ онъ самъ могъ располагать въ то время, т. е. офиціальные источники, составлявшіе предметы занятій и разработки редакціонныхъ коммиссій, такъ и потому, что когда г. Скребицкій принялся за свой трудъ и продолжалъ его, правительство считало многіе бумаги и документы не подлежащими оглашенію; предварительная цензура съ своей стороны вѣроятно затруднилась бы пропустить къ печати все, что не было офиціально-гласнымъ по дѣлу освобожденія крестьянъ и

изд. Я. И. Бартеневымъ за 1868 г., стр. 1214 и стат. мою: «Болѣзнь и кончина генерала Ростовцова. Русскій Вѣстникъ за 1866 г., № 2, стр. 726—731 и 735.

[1]) См. Дѣятельность Я. И. Ростовцова. Русск. Вѣстникъ за 1864 годъ, № 12, стр. 484.

наконецъ потому, что весьма важная доля частныхъ матеріаловъ не могла быть вовсе обнародована по близости времени къ совершившемуся событію.

Эти соображенія приводятъ къ тому, что для справедливой оцѣнки труда г. Скребицкаго нужно прежде всего стать на исключительную точку зрѣнія. Не бывъ участникомъ и ближайшимъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, онъ, съ тѣмъ однимъ матеріаломъ, которымъ имѣлъ возможность располагать, не могъ избрать путь чисто исторической его разработки.

Вотъ какъ, по собственному его выраженію (предисловіе т. I его сочин.), онъ самъ отнесся къ своей задачѣ: «Мы, современники великой реформы, обязаны передать (историческій матеріалъ крестьянскаго дѣла) послѣдующимъ поколѣніямъ цѣликомъ, предоставивъ имъ только критическую оцѣнку его, облегченную и провѣренную послѣдующимъ опытомъ, для которой не настало еще время. Эта мысль легла въ основѣ разработки матеріаловъ, которыми я располагалъ. Ими можно было воспользоваться двоякимъ образомъ: *во-первыхъ*, оставивъ въ сторонѣ всѣ частности и подробности, я могъ изложить, въ формѣ историческаго повѣствованія, главныя, выдающіяся черты совершившейся реформы; или, *во-вторыхъ*, не дѣлая различія между главнымъ и второстепеннымъ, за обоими признать одинаковыя права историческаго гражданства. Первая форма изложенія имѣла бы то преимущество, что дала бы большинству читающей публики возможность легко познакомиться съ предметомъ, но, по необходимости вѣроятно, часто не безъ основанія, навлекала бы на меня упрекъ въ произвольномъ выборѣ матеріаловъ. Поэтому, отказавшись отъ первой, хотя и болѣе легкой формы изложенія, я съ строгою послѣдовательностью провелъ въ настоящемъ трудѣ послѣднюю». Изъ такого отношенія автора къ предмету труда вытекаютъ какъ недостатки его, такъ и достоинства.

Собственно говоря у г. Скребицкаго нѣтъ критическаго разбора и оцѣнки матеріаловъ, которыми онъ пользовался. Здѣсь хотя вкратцѣ слѣдуетъ для ясности восполнить этотъ недостатокъ.

Весь офиціальный матеріалъ редакціонныхъ коммиссій распадается, какъ мы уже видѣли, на два главные отдѣла:

а) первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій въ 18 частяхъ,

б) приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій въ 14 томахъ.

Перечень книгъ, или частей, и отдѣловъ, изъ которыхъ состоятъ «Матеріалы», находится въ трудѣ г. Скребицкаго (т. I. Введеніе, стр. CXLIX — CLIII). Изъ составныхъ частей этихъ матеріаловъ самыми важными для историческаго изслѣдованія нужно считать:

А) Изъ матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій:

Журналы общихъ присутствій редакціонныхъ коммиссій, числомъ 117 подъ 140 нумерами (45 журналовъ подъ 52 нумерами, относящихся къ первому періоду занятій, 40 подъ 40 же нумерами, ко второму и 32 подъ 48 нумерами къ третьему періоду). Они даютъ понятіе о томъ, какъ двигалось и въ какой постепенности разработывалось крестьянское дѣло; они, можно сказать, — хронологія занятій редакціонныхъ коммиссій.

Доклады отдѣленій общему присутствію: 11 по юридическому, 9 по административному, 20 по хозяйственному, 1 по финансовой коммиссіи и 8 по особой коммиссіи и смѣшанный докладъ отъ разныхъ отдѣленій, а всего 49 докладовъ. Для историка важны слѣдующія части ихъ: собственныя соображенія коммиссій и статьи заключенія. Для полнаго изслѣдованія разработки крестьянскаго дѣла могутъ служить коректуры докладовъ, которыя разсылались членамъ коммиссій передъ общимъ собраніемъ, назначавшимся для обсужденія отпечатаннаго вчернѣ доклада. Цѣлое собраніе этихъ коректуръ едва ли существуетъ въ трехъ или четырехъ экземплярахъ; оно есть у меня и можетъ быть у одного или двухъ изъ бывшихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій. Экземпляра такого собранія нѣтъ и въ публичной библіотекѣ. Этотъ матеріалъ драгоцѣненъ не только по своей рѣдкости, но и потому, что иногда весь докладъ возвращался изъ общаго присутствія въ отдѣленіе, если не нравился вліятельнымъ членамъ коммиссій, чего не видно изъ печатныхъ офиціальныхъ журналовъ общихъ присутствій, и въ такомъ случаѣ докладъ имѣетъ въ коректурахъ весьма различныя редакціи. Такъ было, напримѣръ, въ первомъ періодѣ занятій редакціонныхъ коммиссій, съ докладомъ административнаго отдѣленія № 4 «объ общемъ составѣ общественнаго сельскаго управленія», который возвращался даже два раза изъ общаго присутствія; только изъ коректуръ видно въ чемъ онъ былъ передѣлываемъ. Остальныя части докладовъ отдѣленій, какъ-то: содержаніе проектовъ губернскихъ комитетовъ, замѣчанія генералъ-губернаторовъ и другихъ лицъ и прочія, имѣютъ очень мало значенія въ докладахъ отдѣленій. Эти замѣчанія принадлежатъ собственно къ развитію крестьянскаго вопроса до редакціонныхъ коммиссій.

Отдѣльные своды проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ: одинъ—по тѣмъ губерніямъ, изъ которыхъ поступили проекты въ земскій отдѣлъ, въ первый періодъ занятій редакціонныхъ коммиссій [1]) и къ которымъ принадлежали и депутаты перваго призыва, и другой сводъ — по тѣмъ губерніямъ, изъ которыхъ поступили всѣ остальные проекты и прибыли депутаты втораго приглашенія (7 и 10 части перваго изданія матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій). Эти своды имѣютъ очень мало значенія, такъ какъ они представляютъ не сущность соображеній и мнѣній губернскихъ комитетовъ въ ихъ цѣлости, а только разрозненныя выдержки изъ нихъ, распредѣленныя по программѣ, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ министромъ внутреннихъ дѣлъ [2]). Это трудъ, который былъ и для самихъ редакціонныхъ коммиссій по меньшей мѣрѣ безполезенъ [3]). Исторія развитія крестьянскаго вопроса въ губернскихъ комитетахъ можетъ быть составлена только на основаніи подлинныхъ проектовъ положеній этихъ комитетовъ, а для того, чтобы она была живою, необходимо, чтобы ей предшествовали монографіи ихъ дѣятельности, каждаго изъ нихъ особо [4]).

Первоначальный сводъ заключеній коммиссій по докладамъ отдѣленій составляетъ 8-ю часть перваго изданія матеріаловъ и есть документъ для сравненія проекта положеній редакціонныхъ коммиссій, выработаннаго въ двухъ первыхъ періодахъ ихъ занятій, съ окончательной кодификаціей или проектомъ ихъ въ третьемъ періодѣ [5]), который помѣщенъ въ 18-й и послѣдней части «Матеріаловъ». Сравненіе же этой части съ обнародованнымъ 19 февраля Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, покажетъ, въ свою очередь, какія сдѣланы измѣненія противъ проекта положеній, составленныхъ редакціонными коммиссіями въ главномъ комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

---

[1]) См. Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русск. Вѣстникъ за 1864 г. № 11, стр. 116.

[2]) См. Сборникъ Правит. распоряж по устр. быта крестьянъ. 1861 года, т. I, стр. 156—168.

[3]) См. Дѣят. Я И. Ростовцова, Русск. Вѣстникъ 1864 года № 10, стр. 498, 499 и 503.

[4]) См. мой разборъ: Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II, А. Скребицкій. Заря за 1871 годъ № 1. Январь, стр. 41.

[5]) См. мою замѣтку: «Взглядъ Я. И. Ростовцова на дѣло освобожденія крестьянъ». Современная лѣтопись (при Московскихъ вѣдомостяхъ), февраль 1864 года № 7, стр. 6.

Повторочныя работы по опредѣленію размѣровъ крестьянскаго надѣла занимаютъ 15 и 16 части перваго изданія матеріаловъ и также заслуживаютъ вниманія историка. На нихъ основано окончательное рѣшеніе самаго важнаго вопроса въ крестьянскомъ дѣлѣ рѣшеніе освободить крестьянъ съ землею, о которомъ авторъ книги: «Россія и Европа» въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія такъ мѣтко выразился: «Россія, эта страна варварства, застоя и абсолютизма, пріобрѣла внезапно такое нравственное оружіе, сила котораго не вполнѣ еще ясна и для насъ самихъ, хотя мы уже имѣли случай разъ употребить ее въ дѣло съ неимовѣрнымъ успѣхомъ, ибо не только умиротворили имъ Польшу, но обратили даже всю масу тамошняго народонаселенія въ преданныхъ Россіи подданныхъ, отъ нея лишь чающихъ своего спасенія и устройства своего благосостоянія. Нравственная сила эта называется крестьянскимъ надѣломъ» [1]).

Наконецъ дополненіемъ къ историческому изслѣдованію разработки крестьянскаго вопроса должны служить въ 17 томѣ «Матеріаловъ» предположенія, имѣющія связь съ крестьянскимъ дѣломъ и нѣкоторыя приложенія, разсѣянныя по разнымъ частямъ «Матеріаловъ» редакціонныхъ коммиссій.

Б) Изъ приложеній къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій болѣе важны для исторіи:

Отдѣльныя мнѣнія ихъ членовъ, составляющія небольшую книжку, въ 338 страницъ.

Отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ поданные въ редакціонныя коммиссіи, четыре большихъ тома, два—депутатовъ перваго приглашенія, въ 2076 стр. и два—депутатовъ втораго въ 1396 стр., всего 3472 страницы, кромѣ оглавленій. Въ этихъ отзывахъ можно прослѣдить, что они особенно хотѣли отстоять изъ проектовъ своихъ комитетовъ, въ какомъ согласіи между собою дѣйствовали члены комитетовъ разныхъ губерній, и какія соображенія руководили ими въ ихъ предположеніяхъ о крестьянской реформѣ.

Извлеченіе изъ описаній помѣщичьихъ имѣній въ 100 душъ и свыше, изданіе въ 6 частяхъ большаго формата въ четвертку на 2082 страницахъ, представляетъ начало кадастра или по крайней мѣрѣ инвентарное описаніе недвижимыхъ, населенныхъ имѣній въ Россіи. Эти свѣдѣнія требуютъ небольшой развѣ повѣрки для строгой

---

[1]) Россія и Европа Н. Я. Данилевскаго, изданіе товарищества «Общественная польза». С.-Петербургъ, 1871 года, стр. 497 и 498.

точности потому, что въ нихъ показанія о количествѣ десятинъ земли и угодій, а также общаго числа душъ крестьянъ безъ сомнѣнія вѣрны. Предъ освобожденіемъ крестьянъ былъ самый благопріятный случай для собранія такихъ свѣдѣній. Если въ чемъ могутъ быть невѣрности, то развѣ только въ означеніи земель, состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ, какъ по неопредѣленности ихъ надѣловъ и произволу въ то время помѣщичьей власти, такъ и по неизвѣстности тогда къ какимъ для владѣльца послѣдствіямъ могло повести то или другое показаніе помѣщиковъ относительно земли, состоящей въ пользованіи у крестьянъ, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Нынѣ эти возможныя невѣрности не имѣютъ значенія, за введеніемъ вездѣ уставныхъ грамотъ и за совершеніемъ множества выкупныхъ сдѣлокъ, т. е. полнаго раздѣла бывшихъ помѣщиковъ, нынѣ землевладѣльцевъ, съ своими крестьянами. Въ архивѣ дѣлъ редакціонныхъ коммиссій или земскаго отдѣла имѣлись ненапечатанныя свѣдѣнія всѣхъ дворянскихъ имѣній и ниже 100 душъ. Пользуясь этимъ огромнымъ матеріаломъ, будущій историкъ можетъ представить полную картину дѣйствительнаго положенія владѣвшаго землею дворянства передъ освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи. Нельзя не упомянуть здѣсь мимоходомъ, что и этотъ драгоцѣнный матеріалъ былъ какъ будто оставленъ въ сторонѣ при послѣдующихъ реформахъ правительства; такъ напримѣръ: у насъ уничтожено прежнее устройство крѣпостныхъ дѣлъ для совершенія всякаго рода актовъ явочныхъ и крѣпостныхъ, введена новая нотаріальная система, въ лицѣ нотаріусовъ, которая своимъ основаніемъ должна имѣть гипотечное устройство, но самыхъ гипотекъ и до сего времени не существуетъ, хотя названный матеріалъ могъ бы служить для составленія ихъ. Новая система затруднила совершеніе актовъ; теперь для покупки и продажи недвижимаго имѣнія обѣимъ договорившимся сторонамъ нужно ѣхать на мѣсто, гдѣ имѣніе находится, тогда какъ прежде можно было совершать такіе акты гдѣ угодно. Земскія собранія, когда встрѣтили надобность въ свѣдѣніяхъ о владѣніи землями для раскладки повинностей и другихъ потребностей, собирали ихъ вновь по уѣздамъ, часто по нѣскольку разъ, какъ будто по этому предмету не предпринималось до того времени вовсе никакого труда, а между тѣмъ доставлявшіяся этимъ путемъ свѣдѣнія внушаютъ менѣе довѣрія, нежели тѣ, которыя были представлены во время разработки крестьянскаго дѣла.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта

крестьянъ, изданіе земскаго отдѣла, который также служитъ отчасти г. Скребицкому, представляетъ необходимый матеріалъ для внѣшней, такъ сказать, исторіи учрежденій по крестьянскому дѣлу и для раскрытія дѣятельности правительства во все время такъ называемаго переходнаго состоянія и приведенія въ дѣйствіе Положеній 19 февраля.

Приведенными мною матеріалами редакціонныхъ коммиссій г. Скребицкій воспользовался, на сколько они могли служить для предположенной имъ цѣли.

При отсутствіи критическаго разбора, изложеніе у г. Скребицкаго всѣхъ матеріаловъ въ равной степени и размѣрахъ, какой бы они ни были относительной важности, лишаетъ должнаго интереса и самое его введеніе, въ которомъ онъ передаетъ исторически ходъ дѣла, съ объявленія перваго рескрипта объ улучшеніи быта крестьянъ до закрытія редакціонныхъ коммиссій. Примѣромъ тому можетъ служить изложеніе командировки министромъ внутреннихъ дѣлъ двухъ чиновниковъ въ общія коммиссіи: одного въ Виленскую, другаго въ Кіевскую, съ приведеніемъ данной имъ инструкціи во всей подробности, на ряду съ Высочайшими рескриптами 1857 года (т. I, стр. XXXVII и слѣд.).

Другой общій недостатокъ въ текстѣ, если можно такъ выразиться, труда г. Скребицкаго есть отсутствіе въ немъ хронологіи событій или хотя прямыхъ указаній на нея; черезъ это утрачивается послѣдовательность мнѣній, которыя были высказаны столькими лицами и учрежденіями по крестьянскому дѣлу. Связь этихъ мнѣній и заключеній раскрывается именно въ томъ, что крестьянское дѣло постепенно разъяснялось и созрѣвало въ разные періоды времени, отчего развертывались самыя понятія лицъ, призванныхъ къ участію въ немъ, и измѣнялись взгляды на него; въ этомъ переходѣ и борьбѣ мнѣній и заключается вся историческая занимательность дѣла; при совершенномъ отсутствіи всего этого въ самомъ ядрѣ сочиненія, послѣдовательное чтеніе содержанія его главъ дѣлается невозможнымъ.

Система расположенія труда, придуманная г. Скребицкимъ, заключается въ слѣдующемъ:

«Журналы общихъ присутствій редакціонныхъ коммиссій» и «Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ» послужили для его введенія на 159 страницахъ, которое уже само по себѣ составляетъ довольно обширное историческое изложеніе хода дѣла, со времени посылки перваго рескрипта 20 ноя-

бря 1857 года Виленскому генералъ-губернатору до закрытія редакціонныхъ коммиссій 10 октября 1860 года. Это есть, такъ сказать, внѣшняя сторона исторіи разработки крестьянскаго вопроса. Въ концѣ введенія, сверхъ перечисленія частей «Матеріаловъ» съ краткимъ ихъ содержаніемъ и указанія на приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій, излагается авторомъ и способъ разработки имъ этихъ матеріаловъ.

Доклады отдѣленій, своды проектовъ губернскихъ комитетовъ, отзывы депутатовъ и другія приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій, — этотъ матеріалъ для исторіи внутренняго процеса крестьянскаго дѣла — сдѣлался предметомъ самаго содержанія или текста труда г. Скребицкаго.

Сочиненіе его, состоящее изъ 4 томовъ, изъ коихъ второй томъ — изъ двухъ частей, что составляетъ пять большихъ книгъ, раздѣлено на 4 отдѣла, по тремъ отдѣленіямъ редакціонныхъ коммиссій и четвертому, къ которому отнесены финансовая коммиссія и *особая*, занимавшіяся въ качествѣ отдѣленій, приготовленіемъ работъ, не вошедшихъ въ общую программу докладовъ отдѣленій. Такимъ образомъ *первый* томъ соотвѣтствуетъ двумъ отдѣленіямъ коммиссій: юридическому и административному; *двѣ* части 2-го тома и *третій*: хозяйственному; *четвертый*: финансовой и особой коммиссіямъ. Главы содержанія труда расположены по программѣ докладовъ редакціонныхъ коммиссій общему ихъ присутствію, особой по каждому отдѣленію, подъ тѣми же заглавіями. Въ каждой главѣ излагается все, что къ предмету ея относится изъ проектовъ, соображеній и отзывовъ лицъ и учрежденій, участвовавшихъ въ разработкѣ крестьянскаго дѣла, въ такомъ приблизительно порядкѣ: сначала изложеніе проектовъ губернскихъ комитетовъ и обзоровъ ихъ основаній, потомъ соображеній и заключеній редакціонныхъ коммиссій, и наконецъ отзывовъ членовъ губернскихъ комитетовъ, обоихъ призывовъ. На первой страницѣ каждой главы сдѣланы ссылки на источники, и въ выноскахъ приводятся замѣчанія и соображенія разныхъ лицъ, дававшихъ, въ томъ или другомъ порядкѣ, свои заключенія.

Весь трудъ г. Скребицкаго, кромѣ предисловія, оглавленій и введенія, состоитъ изъ 49 главъ, соотвѣтствующихъ общему числу докладовъ редакціонныхъ коммиссій, 5 главъ дополненій, всего 54 главъ, изъ 4 особыхъ еще дополненій, 45 приложеній и наконецъ особыхъ «Матеріаловъ для сельскаго устава», оставленныхъ редакціонными коммиссіями.

Система изложенія труда г. Скребицкаго есть самая удобная для пользованія имъ, чѣмъ восполняется отчасти недостатокъ хронологіи, т. е. облегчается отысканіе того, что именно нужно прочесть.

Къ достоинствамъ его труда слѣдуетъ еще отнести крайнюю добросовѣстность въ обработкѣ всего сыраго матеріала редакціонныхъ коммисій и въ сведеніи въ одно цѣлое его разрозненныхъ частей.

Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій состоитъ изъ журналовъ, носящихъ послѣдовательные нумера и числа общихъ собраній ихъ. Къ журналамъ тѣхъ чиселъ, когда обсуждался одинъ докладъ отдѣленія или болѣе приложены эти доклады, каждый съ своей особой нумераціей страницъ. Всѣ части изданія матеріаловъ, гдѣ идутъ журналы общихъ присутствій, представляютъ случайное собраніе нѣсколькихъ такихъ послѣдовательныхъ по нумераціи журналовъ, съ слѣдующими къ нимъ докладами и приложеніями, если они есть. Другія части заняты исключительно одними приложеніями, какъ наприм.: сводомъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ или кодификаціей заключеній по докладамъ общему присутствію, безъ обдуманнаго порядка, а по соображенію съ тѣмъ, какъ тогда поспѣвала та или другая работа. Однимъ словомъ это изданіе матеріаловъ потому развѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, что они переплетены въ отдѣльныя книги, по невозможности переплести ихъ всѣ въ одну. Оно представляетъ конечно большія неудобства, какъ для ссылокъ, такъ и вообще для обращенія съ ними. Г. Скребицкій привелъ все это въ систему.

Къ достоинству его труда должно отнести и большую точность изложенія того, чѣмъ онъ пользовался, а самое существенное въ немъ: соображенія и заключенія редакціонныхъ коммиссій, а также отзывы депутатовъ приводятся подлинникомъ, почти во всей ихъ цѣлости. Если бы г. Скребицкій поставилъ себѣ задачей написать исторію крестьянскаго дѣла за періодъ разработки его въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, то по близости времени къ совершившемуся событію и по невозможности пользоваться частными матеріалами ничего удовлетворительнаго изъ этого конечно не могло бы выйти, и во всякомъ случаѣ приведеніе подлинныхъ матеріаловъ въ такой точности уже не могло бы имѣть мѣста.

Ссылки на источники во всѣхъ отдѣлахъ труда г. Скребицкаго облегчаютъ его повѣрку съ ними и обращеніе съ подлиннымъ,

неприведеннымъ въ порядокъ матеріаломъ. Если его сочиненіе не есть собственно исторія крестьянскаго дѣла, даже въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, то все таки оно (кромѣ введенія) есть разработанный сводъ матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій, и несомнѣнное его достоинство заключается въ томъ, что оно представляетъ вѣрный ключъ къ исторической обработкѣ того, что оставили по себѣ редакціонныя коммиссіи; работа г. Скребицкаго должна служить важнымъ пособіемъ будущему историку крестьянской реформы.

Практическая польза труда г. Скребицкаго сверхъ того состоитъ въ томъ, что онъ заключаетъ хотя въ пяти большихъ книгахъ, но все таки въ значительно меньшемъ объемѣ, нежели «Матеріалы редакціонныхъ коммиссій и приложенія къ нимъ», все самое существенное, что въ нихъ находится; отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ, которые составляютъ библіографическую рѣдкость, особенно членовъ втораго приглашенія, напечатанные только въ 50 экземплярахъ [1]), сдѣланы доступными для многихъ, какъ бы въ подлинникѣ.

Сближеніе всего изложеннаго о трудѣ г. Скребицкаго приводитъ къ слѣдующимъ, окончательнымъ о немъ соображеніямъ: трудъ его начатъ почти немедленно за обнародованіемъ Манифеста и Положеній объ освобожденіи крестьянъ 19 февраля, именно первый печатный томъ его изданія появился уже въ слѣдующемъ за тѣмъ 1862 году, когда удовлетворительное историческое изслѣдованіе разработки дѣла было невозможно; оконченный въ 1868 году, этотъ трудъ есть слѣдовательно плодъ слишкомъ шестилѣтнихъ непрерывныхъ занятій автора, который одинъ, безъ помощниковъ, имѣлъ смѣлость взяться за такое предпріятіе, котораго польза относится не только къ будущему, но и къ настоящему, какъ я старался показать въ самомъ началѣ статьи, при объясненіи важности труда, касающагося разработки крестьянскаго дѣла для всѣхъ послѣдующихъ реформъ. Сочиненіе его, содержащее 5382 страницы и изданное на частныя средства, вѣроятно не можетъ вполнѣ окупиться и возбудить такое сочувствіе въ публикѣ, которое могло бы до нѣкоторой степени вознаградить автора за положенный въ него трудъ и за потраченное время, такъ какъ это сочиненіе, по свойству своему, совсѣмъ недоступно для

---

[1]) См. статью мою: Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія по крестьянскому дѣлу. Русск. Вѣстникъ за 1868 годъ № 11, стр. 75 въ выноскѣ.

послѣдовательнаго чтенія. Всѣми матеріалами, которыми авторъ могъ располагать, онъ воспользовался со всею добросовѣстностью, и трудъ его есть первый опытъ разработки матеріаловъ по крестьянскому дѣлу, облегчающій всѣ послѣдующіе труды по этому предмету. Никакого полнаго руководящаго сочиненія по крестьянскому дѣлу до него издано не было. Наконецъ сводъ, сдѣланный столь обширному и неприведенному ни въ какой порядокъ матеріалу, есть до нѣкоторой степени самостоятельное произведеніе, а введеніе въ него само по себѣ, въ объемѣ цѣлой книжки, есть историческое изложеніе, за извѣстный періодъ времени, хода разработки крестьянскаго дѣла.

Исчисленныя достоинства разобраннаго здѣсь, обширнаго и добросовѣстнаго труда, по такому предмету, который составляетъ самый насущный интересъ Россіи, взятыя всѣ въ совокупности, даютъ, по моему мнѣнію, г. Скребицкому полное право на удостоеніе его большой награды, учрежденной въ память о бывшемъ президентѣ Императорской Академіи Наукъ, графѣ Сергіѣ Семеновичѣ Уваровѣ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ М. МОРОШКИНА:

«Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до настоящаго времени». Часть 2-я. Спб. 1870 г.

Рецензія А. Н. Попова.

Заключая отчетъ о первой части сочиненія о. Морошкина, вышедшей въ 1867 г., мы сказали, что по окончаніи борьбы іезуитовъ съ митрополитомъ Сестренцевичемъ, «ихъ замыслы развились широко, на всю Россію. Они хотѣли доказать Риму, что въ то время, когда онъ преслѣдовалъ своихъ вѣрныхъ слугъ, они завоевали ему новый міръ и снова готовы сдѣлаться передовою дружиною его воинства. Но на окончаніи царствованія Павла останавливается разсматриваемое нами сочиненіе, поэтому и мы должны остановиться». Теперь, послѣ появленія второй части этого сочиненія, обнимающей исторію іезуитовъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, мы считаемъ долгомъ, въ дополненіе къ отчету о первой части, представить отчетъ и объ этой второй части. Она вышла послѣ кончины о. Морошкина, такъ рано и неожиданно прервавшей его въ высшей степени полезную учено-литературную дѣятельность, и представляетъ, не менѣе первой части, любопытныя и важныя свѣдѣнія, тщательно собранныя и обработанныя и стройно изложенныя.

Политика русскаго правительства, одинаково благосклонная въ отношеніи къ іезуитамъ въ продолженіе трехъ царствованій, Екатерины, Павла и Александра I, приводила къ однимъ и тѣмъ же

послѣдствіямъ; но проистекала однакоже изъ совершенно различныхъ началъ.

Императрица Екатерина хорошо понимала значеніе *коварнѣйшаго*, по ея выраженію, изъ всѣхъ латинскихъ монашескихъ орденовъ; но видѣла въ немъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась Россія, наиболѣе способное орудіе къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей. Іезуитскій орденъ очутился въ предѣлахъ имперіи съ 1773 г., т. е. послѣ раздѣла Польши. Уничтоженный Римомъ, изгнанный изъ всѣхъ государствъ западной Европы, кромѣ Пруссіи, онъ сосредоточилъ свои силы въ Полоцкѣ и на дѣлѣ продолжалъ свое существованіе, вопреки папскому запрещенію. Очевидно, его отношенія къ римскому двору были враждебны въ то время; а между тѣмъ римскій дворъ, какъ въ слѣдствіе самого раздѣленія Польши, такъ особенно въ слѣдствіе начавшагося въ значительной степени въ Бѣлоруссіи, обращенія уніатовъ въ православіе, былъ крайне враждебно расположенъ къ русскому правительству. Покровительствуя іезуитамъ, императрица могла посредствомъ ихъ привлечь на свою сторону новыхъ своихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія, которыхъ конечно всѣми способами возбуждала противъ Россіи политика римскаго двора. Послушнымъ орудіемъ этой политики было все польское духовенство. Его враждебное настроеніе къ Россіи, отражавшееся и на другихъ сословіяхъ, кромѣ простаго народа, поставило даже въ сомнительное положеніе вопросъ о присягѣ на вѣрность новой государственной власти. Іезуиты первые присягнули императрицѣ и увлекли за собою всю страну. Польское духовенство, въ рукахъ котораго сосредоточивалось преимущественно народное образованіе, безъ сомнѣнія продолжало бы его въ исключительно польскомъ направленіи и враждебномъ Россіи, какъ и дѣйствовалъ орденъ піаровъ. Іезуиты, какъ по общему характеру своего ордена, такъ и по составу его въ это время изъ изгнанниковъ и пришельцовъ изъ разныхъ странъ и народовъ, не принадлежали ни къ какой народности и выражали готовность служить и—русской. Считая іезуитовъ хорошимъ орудіемъ для воспитанія юношества, едва ли императрица высоко цѣнила вообще ихъ воспитаніе, какъ даже Фридрихъ великій. Выражая постоянно эту мысль въ сношеніяхъ съ Римомъ, она въ тоже время объясняла своему посланнику въ Варшавѣ, что дѣйствительно считаетъ іезуитовъ хорошими воспитателями юношества — *въ этихъ областяхъ*, т. е. присоединенныхъ отъ Польши. Тамъ и сосредоточивалась исключительно ихъ дѣятельность во все

царствованіе Екатерины великой. Въ новое царствованіе, послѣдовавшее за кончиною императрицы, вмѣсто Полоцка уже Петербургъ сдѣлался средоточіемъ іезуитской дѣятельности и вмѣсто Бѣлоруссіи для ней открылось широкое поприще всей Россіи. Прежде всего они забрали въ свои руки все управленіе латинскою церковью въ имперіи, удаливъ отъ дѣлъ и потомъ изгнавъ въ заточеніе, митрополита Сестренцевича, очень хорошо понимавшаго всѣ ихъ козни и постоянно имъ противодѣйствовавшаго. За тѣмъ, изъ временнаго и можетъ быть нужнаго въ извѣстныхъ предѣлахъ, орудія русской политики, они наоборотъ желали руководить ею и русскую политику превратить въ свое орудіе.

Въ отношеніи къ внѣшней нашей политикѣ, для іезуитовъ первой важности вопросъ заключался въ томъ, чтобы убѣдить папу и римскій дворъ снова возстановить орденъ іезуитовъ, хотя временно признавъ законнымъ его существованіе лишь въ Россіи. Нашъ кабинетъ постоянно и усиленно заботился исполнить желаніе іезуитовъ и—наконецъ достигъ цѣли. Папа подписалъ бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи. Петербургскіе іезуиты уже знали объ этомъ, знали что бреве уже было отправлено изъ Рима въ Петербургъ, и нетерпѣливо ожидая вожделѣнной минуты его полученія и обнародованія, въ знакъ благодарности поспѣшно подготовляли слѣдующее, конечно пріятное для римскаго двора событіе.

Въ отношеніи къ внутренней политикѣ Россіи замыслы іезуитовъ конечно не могли ограничиться только тѣмъ, чтобы захватить въ свои руки все управленіе латинскою церковью въ имперіи, т. е. управлять незначительнымъ меньшинствомъ ея подданныхъ. Простирая свои виды на цѣлый міръ, они въ этомъ случаѣ могли помириться лишь съ присоединеніемъ всѣхъ русскихъ подданныхъ, исповѣдывавшихъ православіе вселенской церкви, къ церкви латинской. Таковъ и былъ ихъ замыселъ. Они хотѣли повторить въ отношеніи къ Россіи тоже, что въ XVI столѣтіи удалось имъ въ отношеніи къ православной церкви, находившейся въ предѣлахъ польскаго королевства, т. е. устроить подъ названіемъ *уніи* ея подчиненіе церкви латинской и надѣялись въ русскомъ правительствѣ найти такое же покорное, но болѣе могущественное орудіе для приведенія въ исполненіе своего замысла, какое въ свое время нашли въ правительствѣ польскомъ.

Нельзя не замѣтить, что направленіе общества того времени, наиболѣе соприкасавшагося съ правительствомъ, и многихъ прави-

тельственныхъ лицъ, могло внушать имъ эту надежду. Послѣ французской революціи высшее петербургское общество постоянно наполнялось эмигрантами изъ Франціи и Италіи. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, число ихъ значительно умножилось, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ званіе великаго магистра Мальтійскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и устроилъ его капитулъ въ Петербургѣ. Этотъ орденъ составлялъ средоточіе всѣхъ иностранныхъ выходцевъ, большею частію учениковъ іезуитовъ или ихъ почитателей. Званіе эмигранта сдѣлалось почетнымъ и доставляло право на всѣ сословныя привилегіи и высшія мѣста государственной службы. Такое положеніе эмигрантовъ и особенно членовъ Мальтійскаго ордена, относившихся непосредственно къ императору, какъ своему магистру, помимо учрежденій и властей русской имперіи, превращало ихъ изъ учениковъ и почитателей іезуитовъ, въ могущественныхъ покровителей ихъ ордена. Они постоянно проповѣдывали, что іезуиты могутъ служить единственно годнымъ орудіемъ противъ революціи, что одни они способны воспитывать поколѣнья въ строгой законности и повиновеніи властямъ. Съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на іезуитовъ и императоръ Павелъ и питалъ къ нимъ полную довѣренность.

Получивъ извѣстіе объ отправленіи папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена, О. Груберъ, пользовавшійся правомъ лично являться къ императору, прибылъ во дворецъ 11 марта 1801 г. съ проектомъ о соединеніи церквей. Но за недосугомъ онъ не былъ принятъ императоромъ; а на другой день узналъ о внезапно послѣдовавшей его кончинѣ. Описаніемъ этихъ происшествій начинается 2-й томъ Исторіи іезуитовъ въ Россіи о. Морошкина и затѣмъ подробно, на основаніи достовѣрныхъ и большею частію неизданныхъ источниковъ, излагается дѣятельность іезуитовъ въ царствованіе Александра I. Къ сожалѣнію, покойный сочинитель этого замѣчательнаго труда не успѣлъ написать, какъ сказать, послѣднихъ строкъ, послѣдней главы объ удаленіи іезуитовъ изъ Петербурга и потомъ изгнанія ихъ вообще изъ Россіи.

Въ новое царствованіе взглядъ правительства на іезуитовъ измѣнился совершенно. Кромѣ личнаго взгляда самого императора и лицъ, пользовавшихся наибольшимъ его довѣріемъ, возвращеніе изъ ссылки митрополита Сестренцевича, возведеніе его вновь въ должность предсѣдателя римско-католической колегіи, и пересмотръ устава объ управленіи латинскою церковью въ имперіи послужили поводомъ къ обнаруженію коварныхъ дѣйствій іезуитовъ въ пред-

шествовавшее царствованіе. Впрочемъ не смотря на правильный взглядъ новаго правительства на этотъ орденъ, оно готово было оградить ихъ существованіе въ имперіи, руководствуясь самыми широкими началами *вѣротерпимости*. Но общественная среда была такъ уже подготовлена въ пользу іезуитовъ, что ихъ защитники въ обществѣ и правительствѣ превращались большею частію въ покровителей. Іезуитамъ удалось съ самаго начала царствованія Александра I удержать за собою право прямо относиться къ государю, если не лично чрезъ своихъ представителей, чего они домогались, то по крайней мѣрѣ чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, не признавая никакихъ правительственныхъ властей имперіи, ни римско-католической духовной колегіи. Имъ удалось обнародовать папское бреве о возстановленіи ихъ ордена, не соблюдая установленныхъ на то правилъ въ нашихъ законахъ и несмотря на холодность и непріятныя отношенія нашего двора къ римскому престолу по случаю избранія новаго магистра Мальтійскаго ордена. Имъ удалось разбросать по всѣмъ краямъ Россіи своихъ миссіонеровъ, найти покровителей въ остзейскихъ губерніяхъ, въ саратовскихъ колоніяхъ, въ Одессѣ и Новороссійскомъ краѣ, на Кавказѣ и въ Сибири. Возведеніемъ своего Полоцкаго училища въ академію, равную по правамъ съ университетами, имъ удалось свою учебную дѣятельность удалить отъ надзора правительства. Но тѣ же самыя начала вѣротерпимости, на основаніи которыхъ русское правительство временъ Александра I обезпечивало имъ благонадежное существованіе въ имперіи, должны были наконецъ привести его— къ изгнанію іезуитовъ.

Конечно, зная взгляды императора, іезуиты отложили мысль обратить въ унію всю Россію; но могли ли они отказаться вообще отъ совращеній, отъ прозелитизма, составляющаго основный и существенный характеръ ихъ общества? Отказаться притомъ въ такое время, когда высшее общество, воспитанное иностранцами, утратило всякое понятіе о своей церкви, наполнилось иностранцами— учениками и почитателями іезуитовъ, способствовавшими ихъ пропагандѣ? Конечно нѣтъ. Въ подготовленной уже средѣ, совращенія быстро слѣдовали одни за другими и не могли не обратить на себя вниманіе правительства, которое, обезпечивая существованіе іезуитовъ въ Россіи, прямо заявило имъ: «что въ случаѣ нарушенія обѣщанія и особенно, если орденъ позволитъ себѣ обращать въ католичество юношество, исповѣдующее другую вѣру; то такое нарушеніе условія строго будетъ наказано и это будетъ поводомъ

отказать во всякомъ покровительствѣ ордену, даже въ терпимости его въ Россіи».

Іезуиты и писатели, ихъ защитники, постоянно указываютъ на совращеніе юноши кн. Голицына, близкаго родственника тогдашняго министра просвѣщенія и исповѣданій, какъ на причину изгнанія іезуитовъ изъ Россіи, желая конечно показать какой незначительный поводъ заставилъ русское правительство прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ. Совращеніе кн. Голицына конечно могло бы быть явленіемъ случайнымъ, еслибъ оно не было однимъ изъ многочисленныхъ совращеній, учиненныхъ іезуитами, которыхъ вся дѣятельность въ Россіи и заключалась въ совращеніяхъ, вопреки обѣщанію, ими данному нашему правительству никого не совращать.

Изложивъ общее содержаніе сочиненія о. Морошкина, мы могли бы его дополнить многочисленными подробностями, и для этого намъ пришлось бы дополнить нашъ отчетъ выписками изъ самого сочиненія. Но, во-первыхъ, мы это считаемъ излишнимъ въ виду тѣхъ лицъ, которымъ представляется этотъ отчетъ, — безъ сомнѣнія знакомыхъ съ сочиненіемъ; а во-вторыхъ — эта книга любопытна съ первой страницы и до послѣдней и трудно выбирать изъ нея выдержки.

Поэтому намъ остается только усердно просить Академію обратить на это замѣчательное сочиненіе благосклонное вниманіе и удостоить его преміи.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ О. МИЛЛЕРА:

«Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кіевское».

Рецензія академика Ѳ. И. Буслаева.

Взявъ предметомъ своего сочиненія Илью Муромца, г. Миллеръ—согласно общему строю нашего богатырскаго эпоса—сосредоточиваетъ около этого героя подробное изслѣдованіе вообще всѣхъ былинъ о такъ называемомъ богатырствѣ кіевскомъ. Начинаетъ онъ съ эпизода о боѣ отца съ сыномъ, и, усматривая въ этомъ эпизодѣ связь Муромца съ Святогоромъ, переходитъ вообще къ богатырямъ старшимъ; затѣмъ предлагаетъ обстоятельную характеристику эпическаго князя Владиміра и его богатырей, туземныхъ и заѣзжихъ, проводя ее по былинамъ отъ самыхъ раннихъ преданій до позднѣйшихъ слѣдовъ татарщины, Ермака и казачества; потомъ цѣлую главу посвящаетъ каликамъ перехожимъ и отношенію Ильи Муромца къ Идолищу и князю Цареградскому, и наконецъ, предложивъ сравненіе кіевскихъ былинъ съ новгородскими, заключаетъ свое изслѣдованіе опредѣленіемъ того значенія, какое имѣетъ періодъ суздальскій въ развитіи нашего богатырскаго эпоса.

Чтобы въ краткомъ обозрѣніи дать по возможности полное понятіе объ обширномъ трудѣ почтеннаго профессора, я раздѣляю свой отзывъ на два отдѣла: сначала познакомлю съ методомъ из-

слѣдованія, и потомъ изложу главнѣйшіе результаты, къ которымъ этотъ методъ приводитъ изслѣдователя. Оба эти отдѣла будутъ остсоять въ такой же тѣсной связи, какъ процессъ работы и выработанный матеріалъ, какъ принятый путь и цѣль, къ которой онъ ведетъ, такъ что оцѣнкою метода опредѣлится въ значительной степени качество данныхъ, вносимыхъ авторомъ въ науку, а уясненіемъ той цѣли, которую онъ назначаетъ себѣ, будетъ оцѣнена годность ведущаго къ ней пути.

И такъ, начинаю съ метода.

Прежде всего, что̀ представляется изслѣдователю русскаго эпоса—это цѣлый рядъ эпизодовъ или былинъ во множествѣ разныхъ редакцій и варіантовъ, произшедшихъ частію отъ разнообразія и богатства самаго матеріала, который могъ исчерпываться въ теченіе столѣтій такимъ же разнообразіемъ былинъ объ одномъ и томъ же сюжетѣ, частію отъ различія по мѣстностямъ, гдѣ былины возникали или куда онѣ переносились, и наконецъ отъ многихъ случайностей, которымъ былины могли подвергаться, будучи измѣняемы, подновляемы или искажаемы въ теченіе своего многовѣковаго существованія въ устахъ народа. Чтобы составить себѣ полное и ясное понятіе о томъ, какъ народный эпосъ изображаетъ бой Ильи Муромца съ его дѣтищемъ, пораженіе Соловья-разбойника или отношеніе Потока къ его женѣ, изслѣдователю нужно сначала разсмотрѣть всѣ редакціи и варіанты былинъ каждаго изъ этихъ сюжетовъ, и потомъ опредѣлить въ точности существенныя различія редакцій и варіантовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее имъ всѣмъ единство, положенное имъ въ основу. При этомъ должны оказаться черты каждаго преданія древнѣйшія, первобытныя, и болѣе или менѣе позднѣйшія, и между позднѣйшими такія, которыя объясняются мѣстностью или исторіею, и такія, которыя носятъ на себѣ явные слѣды искаженія. Сверхъ того однѣ редакціи краткія, другія распространенныя; однѣ въ цѣломъ рядѣ былинъ передаютъ эпическій матеріалъ о какомъ нибудь героѣ по частямъ, дробя его на эпизоды, посвящая каждому эпизоду отдѣльную былину; напротивъ того, другія редакція группируютъ въ одно цѣлое все, что можно сказать о героѣ, и такимъ образомъ собираются въ одну сводную редакцію всѣ эти мелкіе эпизоды, воспѣваемые, такъ сказать, въ-разсыпную, въ отдѣльныхъ краткихъ былинахъ.

Собиратели и издатели былинъ, конечно, не могли не обратить вниманія на этотъ предметъ, вызванные на то самымъ разнообра-

зіемъ собираемаго и издаваемаго ими матеріала; что же касается до изслѣдователей, то они не брали на себя тяжелаго труда—критически разсмотрѣть всѣ извѣстныя намъ редакціи и варіанты каждой былины, и для своихъ наблюденій довольствовались тѣмъ или другимъ пересказомъ, основываясь въ своемъ выборѣ случайностью личнаго вкуса. Такое ненаучное отношеніе къ матеріалу русскаго народнаго эпоса противорѣчило основнымъ правиламъ современной филологической критики. Профессору Миллеру принадлежитъ важная заслуга исправить въ нашей ученой литературѣ этотъ капитальный недостатокъ. Обстоятельное сравненіе всѣхъ редакцій и варіантовъ каждой былины было первою задачею его почтеннаго труда.

Само собою разумѣется, что наука не можетъ остаться при томъ, что только еще начато г. Миллеромъ. Со временемъ будутъ открыты болѣе точныя правила для опредѣленія первобытности или вообще древности редакцій и варіантовъ, будутъ яснѣе опредѣлены пути, по которымъ разнорѣчія развивались и искажались; можетъ быть, въ самой версификаціи, на которую авторъ мало обратилъ вниманія, ученые найдутъ новый источникъ для возстановленія лучшихъ текстовъ; но во всякомъ случаѣ, продолжатели этой важной критической работы будутъ обязаны тѣмъ началамъ, на которыя столько труда положилъ г. Миллеръ. Если бы въ своей книгѣ авторъ ограничился только этимъ однимъ дѣломъ, то и тогда она заняла бы самое почетное мѣсто въ литературѣ по русскому народному эпосу.

Итакъ, чтобы подвергнуть научному разсмотрѣнію нашъ эпосъ, сначала надобно было имѣть подъ руками его тексты, во всемъ ихъ разнообразномъ обиліи, надобно было во всѣхъ разнорѣчіяхъ и даже иногда противорѣчіяхъ отдѣльныхъ былинъ, изъ которыхъ онъ слагается, усмотрѣть одно стройное цѣлое. Случайность личнаго выбора устранена, и матеріалъ является во всей его объективности, какъ продуктъ совокупныхъ силъ многихъ вѣковъ и разныхъ мѣсностей нашего отечества.

Именно такой-то матеріалъ г. Миллеръ и беретъ для своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Сравнительный методъ, блистательно выработанный нѣмецкими учеными, даетъ ему руководящія нити. И до сихъ поръ сравнивали русскій эпосъ съ народною поэзіею другихъ народовъ, но это дѣлалось не систематически, по частямъ, болѣе случайно: одинъ ученый сравнивалъ съ поэзіею германскою,

другой съ греческою, иной съ индійскою, такъ что всѣ эти попытки носили на себѣ явный характеръ односторонности.

Чтобы устранить этотъ существенный недостатокъ, надобно было, запасшись обширными свѣдѣніями сравнительнаго изученія иностранныхъ литературъ — повсюду отыскивать сходное съ русскимъ матеріаломъ, и такимъ образомъ внести русскій эпосъ въ сравнительное изученіе вообще народной поэзіи всѣхъ народовъ, по скольку этотъ предметъ доступенъ современной наукѣ. Задача трудная, и уже по тому самому въ настоящее время не разрѣшимая, что сравнительная наука далеко еще не обошла того громаднаго цикла народностей, который ей предстоитъ. Впрочемъ, г. Миллеръ предусмотрительно ограничиваетъ область своихъ сравнительныхъ наблюденій.

Во-первыхъ, онъ сосредоточивается на родственныхъ индоевропейскихъ народностяхъ, и особенно останавливается на эпосѣ германскомъ, какъ наиболѣе разработанномъ, во-вторыхъ, входитъ въ подробнѣйшія сближенія русскаго эпоса съ поэзіею родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, особенно сербовъ, столь богатыхъ своимъ эпическимъ творчествомъ, и наконецъ, стѣсняя кругъ сравненій русскою народностію, проводитъ онъ сравнительныя параллели между былинами и русскими сказками, загадками, лѣтописными сагами, мѣстными преданіями.

Кромѣ сродства племеннаго г. Миллеръ допускаетъ сродство по одинаковости умственнаго и нравственнаго развитія народовъ въ извѣстномъ періодѣ ихъ бытія, именно въ періодѣ такъ называемомъ эпическомъ. На этомъ основаніи могутъ быть сближаемы по нѣкоторымъ обрядамъ и преданіямъ славянскія племена, напримѣръ съ дикарями американскими. Это средство можно назвать логическимъ или психологическимъ.

Что касается теоріи заимствованія, представителемъ которой признается Теодоръ Бенфей, то г. Миллеръ, находя ее примѣнимою къ нѣкоторымъ исключительнымъ явленіямъ, объясняемымъ дѣйствительно историческимъ вліяніемъ, признаетъ ее непригодною для изслѣдованія такихъ самородныхъ памятниковъ народной жизни, какъ наши былины. Примѣненіе ея къ вопросу о происхожденіи русскаго богатырскаго эпоса, сдѣланное г. Стасовымъ, онъ полагаетъ неудачнымъ возвращеніемъ къ тѣмъ устарѣлымъ взглядамъ, которые были возможны въ наукѣ только до открытія сравнитель-

наго изученія языковъ и народностей [1]). Чтобы доказать это фактами, онъ нашелъ себя вынужденнымъ вдаваться въ подробнѣйшія сравненія русскихъ былинъ съ народною поэзію монгольскихъ, тюркскихъ и другихъ азіятскихъ племенъ, преслѣдуя шагъ за шагомъ г. Стасова, и даже иногда дополняя его сравненія, съ тѣмъ чтобы сильнѣе ихъ опровергнуть. Смотр. стр. 273, 302, 303, 354, 384, 395—413, 423, 434, 559 и мн. др. «Впрочемъ — замѣчаетъ почтенный профессоръ съ свойственною ему добросовѣстностью— настоящей, полной провѣрки не могло быть съ моей стороны, потому что и я, подобно самому г. Стасову, незнакомъ съ восточными языками» [2]).

Такимъ образомъ, сближеніе нашихъ былинъ съ поэзіею восточныхъ народовъ составляетъ въ разбираемой мною книгѣ одну изъ составныхъ частей всесторонняго сравнительнаго метода, основною нитью котораго принято сродство племенное. Вопросъ поставленъ на твердой почвѣ сравнительной науки о народностяхъ, и для рѣшенія его собраны всестороннія сравнительныя данныя, въ силу которыхъ уже сама собою изобличается всякая односторонность.

Своими началами былинный эпосъ восходитъ къ доисторической эпохѣ созданія миѳовъ, и потомъ, обособляясь вмѣстѣ съ языкомъ и народностью вообще, прикрѣпляется къ родной мѣстности, и, развиваясь въ теченіи извѣстнаго періода эпическаго творчества, вноситъ въ свое содержаніе черты народнаго быта и главнѣйшія историческія данныя. Такую разновременную смѣсь элементовъ авторъ называетъ *слоевымъ* составомъ народнаго эпоса, и всю свою книгу посвящаетъ наблюденію надъ этимъ слоевымъ составомъ въ примѣненіи къ нашимъ былинамъ.

Для опредѣленія миѳологическихъ основъ русскаго эпоса авторъ пользуется сравнительною миѳологіею, прилагая теорію такъ называемой миѳологіи природы къ объясненію древнѣйшихъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ богатырскихъ личностей и ихъ похожденій. Чтобы дать систему этимъ воззрѣніямъ, приводитъ ихъ къ одному общему началу, которое указываетъ въ борьбѣ двухъ элементовъ

---

[1]) См. введеніе къ разбираемой мною книгѣ, стр. XVII—XXI.

[2]) Сказано въ одномъ изъ примѣчаній къ «Вступительной рѣчи, произнесенной 25 января 1870 г. въ Санктпетербургскомъ Университетѣ передъ публичнымъ защищеніемъ диссертаціи на степень доктора, доцентомъ русской словесности О. Ѳ. Миллеромъ».

изъ-за третьяго (стр. 274 — 275). Сверхъ того въ общей характеристикѣ эпическихъ похожденій руководствуется установленными въ наукѣ такъ называемыми сказочными формулами [1]). Дѣйствительно, миѳологія природы и сказочныя формулы — это такіе два принципа, которые освѣщаютъ темную, доисторическую старину раннихъ эпическихъ преданій, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ руководящія нити, на которыя такъ легко можно нанизывать ряды сравнительныхъ данныхъ. Такимъ образомъ, нашъ Илья Муромецъ сближается съ индійскимъ Индрою, съ греческимъ Зевсомъ, съ германскимъ Торомъ; въ былинѣ о женитьбѣ Добрыни усматриваются формулы Дѣвы-воительницы и Пенелопы, въ былинѣ о Садкѣ, спускающемся въ море къ морскому царю — формулы Орфея и Аріона [2]). Нѣкоторыя изъ формулъ могли быть основаны на первобытныхъ миѳахъ, напримѣръ, борьба съ зміемъ, другія—на общихъ всѣмъ народамъ бытовыхъ и историческихъ данныхъ, напримѣръ, кочевье, осѣдлость, борьба младшаго поколѣнія съ старшимъ, борьба со врагами, похищеніе невѣсты и т. п., наконецъ многія другія формулы обязаны своимъ происхожденіемъ, частію единству эпическихъ пріемовъ, основанному на законахъ логики и психологіи, частію разнымъ случайностямъ, согласно Бенфеевской теоріи историческаго вліянія и заимствованія.

Когда приведется къ болѣе точному и полному рѣшенію вопросъ объ этихъ сказочныхъ, или эпическихъ формулахъ, тогда въ значительной степени уяснится вопросъ о составѣ народнаго эпоса. Но уже и при настоящемъ состояніи сравнительнаго изученія, это дѣло приводитъ къ самымъ удовлетворительнымъ результатамъ, какъ это явствуетъ изъ книги г. Миллера. Что же касается до общихъ принциповъ, къ которымъ авторъ, на основаніи миѳологіи природы, старается подвести разнообразныя данныя нашего былиннаго эпоса, то принятая имъ теорія борьбы двухъ элементовъ изъ-за третьяго, по своей общности и эластичности въ приложеніи, едва ли удовлетворитъ строгимъ требованіямъ науки, направленнымъ къ опредѣленной, точной постановкѣ фактовъ. Самъ авторъ неоднократно это чувствуетъ; такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «извѣстно, до какого противорѣчащаго разнообразія дохо-

---

[1]) Hahn. Griech. u. Alban. Märchen. I, стр. 45.

[2]) Всев. Миллера «О сравнительномъ методѣ автора происхожденія русскихъ былинъ» въ 3-мъ выпускѣ Бесѣдъ въ Обществѣ Любит. Рос. Слов. 1871 г. стр. 169.

дили представленія миѳическія», или въ другомъ мѣстѣ: «потому-то и такое сходство, а отсюда и такая перепутанность между миѳами небесными съ одной, и миѳами солнечными и громовыми съ другой стороны. Потому-то и сходство и перепутанность между богатырями, выработавшимися изъ небеснаго божества, и тѣми, которые выработались изъ божествъ солнечныхъ и громовыхъ», стр. 337, 543. Такимъ образомъ, слишкомъ широкое, слишкомъ общее опредѣленіе миѳа съ одной стороны, и допущеніе постоянной перепутанности миѳовъ съ другой стороны, даютъ автору возможность легко обобщать наши богатырскіе типы. По этой теоріи оказываются въ основѣ своей одно и тоже — и Потокъ, и Илья Муромецъ, и Дунай (стр. 392), или Егорій, Добрыня и князь Владиміръ (стр. 433 — 434). Дунай сближается съ Муромцомъ потому, что — «какъ богъ-богатырь-рѣка (небесная), онъ близокъ къ богу громовнику (громъ сопровождается же всегда дождемъ). Мы знаемъ уже, что отъ удара копытомъ (молніею) коня громоваго бога протекаютъ источники. Въ концѣ же нашихъ былинъ о Дунаѣ, послѣ убіенія жены, онъ самъ закалывается и отъ крови его протекаетъ рѣка» (стр. 345). Добрыня, какъ зміеборецъ, сближается съ Егоріемъ и Тирономъ духовныхъ стиховъ, и утопаніе всѣхъ троихъ въ змѣиной крови объясняется миѳически тѣмъ, что небесная рѣка или дождь представляются въ видѣ крови змѣи-тучи (стр. 431). И Соловей-разбойникъ есть то же туча или ненастье съ свистомъ вѣтровъ и рѣками дождей, потому, какъ змій, онъ шипитъ по-змѣиному (стр. 275). Это демонъ бурной тучи (стр. 269). Положимъ, что у Добрыни, какъ божества солнечнаго, миѳическая основа совершенно иная, чѣмъ у громовника—Ильи Муромца (стр. 433), но оба они являются однимъ и тѣмъ же миѳическимъ существомъ, оба сливаются въ одну личность въ пораженіи тучи, которая представляется для Добрыни въ видѣ многоглаваго змія, для Ильи въ видѣ Соловья-разбойника, потому что богатыри, выработанные изъ божествъ солнечныхъ и громовыхъ перепутываются между собою (стр. 543), то есть, какъ солнце, такъ громъ съ молніею, одинаково поражаютъ тучу.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ своей все миѳическое въ нашихъ былинахъ должно быть объяснено миѳологіею; нѣтъ также сомнѣнія, что толкованіе первобытныхъ миѳовъ явленіями природы приводятъ къ нѣкоторымъ результатамъ самымъ удовлетворительнымъ, и г. Миллеръ безспорно оказалъ услугу наукѣ внесеніемъ нашихъ богатырей въ циклъ миѳическихъ существъ, поскольку

своими ранними основами наши былины соприкасаются съ миѳами. Но добросовѣстность и предусмотрительность не допускаютъ его въ этомъ дѣлѣ сказать послѣднее слово, остановиться на окончательно признанныхъ имъ результатахъ; потому что, какъ справедливо онъ замѣчаетъ, въ эпическихъ памятникахъ отдаленной эпохи — «трудно отличить миѳъ отъ исторіи» (стр. 86), и миѳическое могло соотвѣтствовать самымъ бытовымъ явленіямъ старины отдаленной (стр. 337). Хотя, по миѳологіи природы, онъ толкуетъ Святогора представленіемъ горы, и гору объясняетъ тучею, но, не довольствуясь результатами сравнительной миѳологіи природы, присовокупляетъ: «Въ сущности все это остается еще весьма и весьма гадательнымъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящемъ видѣ былинъ о гибели Святогора, онъ гибнетъ вполнѣ, гибнетъ по приговору судьбы его поискавшей. Какая бы тамъ ни была первоначальная миѳическая основа этого сказанія, въ настоящее время она уже совершенно заслонена въ немъ мыслію о смѣнѣ одного богатырскаго (а не божескаго) поколѣнія — другимъ смягченнымъ, менѣе сильнымъ, но именно потому-то и болѣе человѣчнымъ. Вотъ этою-то мыслію (повторяю здѣсь слова, сказанныя мною въ другомъ трудѣ), достойною движущагося впередъ, историческаго народа, нашъ видъ сказанія выдвигаетъ его изъ разряда сказокъ-складокъ (какими являются кашубское о Столымѣ и новогреческія о Дракѣ) и вноситъ его въ разрядъ былевой. Между тѣмъ мысль эта находится, какъ не трудно замѣтить, въ самой тѣсной внутренней связи съ тою, которая выражена въ былевыхъ встрѣчахъ Святогора и Волха-Волги съ первенствующимъ передъ ними Микулою — этимъ *предтечею* Ильи Муромца» (стр. 252—253).

Мысль автора ясна. Онъ не только не ограничивается сравнительною миѳологіею въ опредѣленіи даже раннихъ основъ богатырскихъ типовъ, но и придаетъ ей гораздо менѣе значенія, нежели быту народному и исторіи, которые именно и наложили свои прочные *слои* въ *слоевомъ* составѣ русскаго эпоса: въ чемъ и содержится главный предметъ изслѣдованія, какъ показываетъ самое заглавіе книги. Потому-то, въ интересахъ автора, мнѣ казалось необходимымъ прочнѣе и тверже установить тотъ древнѣйшій, собственно русскій слой, который наши былины наложили на эту неустановившуюся, колеблющуюся подъ ногами изслѣдователя миѳологическую массу, сложенную изъ хаотической смѣси свѣта и тьмы, тепла и холода, тучъ и дождей и прочихъ элементовъ, по рубрикамъ которыхъ миѳологія природы распредѣляетъ свой матеріалъ.

Каково бы ни было первоначальное, миѳическое значеніе горъ и рѣкъ, но онѣ уже перестали быть тучами и дождями, какъ только русскій народъ сталъ слагать свои древнѣйшія сказанія, лѣтописныя и мѣстныя [1]).

Въ богатыряхъ, какъ воспѣваются они въ нашихъ былинахъ, авторъ усматриваетъ личности уже человѣческія, въ дѣйствіяхъ своихъ подчиненныя законамъ нравственнымъ. Это не только люди, но и представители русскаго быта и исторіи. Между тѣмъ дѣйствующія лица въ миѳахъ природы, какъ безсознательныя силы вещественныя, въ своихъ поступкахъ не руководятся правилами человѣческой нравственности, какъ существа демоническія позволяютъ себѣ дѣлать всякое зло безъ зазрѣнія совѣсти, будутъ ли то божества тьмы или свѣта, холода или тепла. Илья Муромецъ, какъ громовникъ, стоитъ внѣ человѣческой нравственности, но, какъ представитель русскаго народа, какъ герой бытовой и историческій, чествуется въ разбираемой мною книгѣ высокими достоинствами нравственными. Этотъ переходъ отъ демона къ нравственному существу не могъ не обратить на себя вниманіе автора, напримѣръ, въ извѣстномъ эпизодѣ о нарушеніи клятвы (стр. 296); и дѣйствительно эта смѣсь демоническаго съ сознательнымъ и безнравственнаго съ нравственнымъ, не мало затруднявшая прежнихъ изслѣдователей народнаго эпоса, отлично объясняется наложеніемъ бытовыхъ и историческихъ слоевъ на слои миѳологическіе. Но, какъ мнѣ кажется, авторъ недостаточно анализировалъ эту смѣсь, и именно по той причинѣ, что не провелъ болѣе замѣтной, болѣе точной черты между ранними, миѳологическими слоями и позднѣйшими, бытовыми и историческими, и между данными общесравнительными и мѣстными, національно-русскими.

Чтобы нѣсколько объяснить мою мысль, приведу примѣры. Въ очищеніи поля изъ подъ лѣсу авторъ совершенно справедливо видитъ явленіе *бытовое* (стр. 286), сближающее этотъ эпизодъ изъ подвиговъ Ильи Муромца съ сказаніями восточными (стр. 175): какимъ же образомъ эта бытовая черта сливается въ нашемъ богатырѣ въ одинъ моментъ съ срываньемъ лѣсовъ *небесныхъ*, которое авторъ приписываетъ къ числу подвиговъ этого молніеносца? (стр. 182). Въ дубахъ, которые вырываетъ Илья, можно видѣть также то дерево, которое было посвящено Перуну (стр. 789), и съ

---

[1]) См. мою рецензію книги г. Миллера въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за апрѣль 1871 г.

другой стороны — очищеніе поля въ мѣстномъ сказаніи пріурочивается къ христіанской легендѣ: будто бы три цѣльныхъ дуба, вырванныхъ Ильею, были положены въ основаніе деревянной церкви, впослѣдствіи сгорѣвшей дотла (стр. 255). Перешли-ли лѣса небесные въ обыкновенныя деревья, изъ-подъ которыхъ земледѣлецъ расчищаетъ поле, дѣлаетъ росчисть, палъ или огнище, или же два не зависимыхъ другъ отъ друга сказанія слились въ одно, то есть, сказаніе о лѣсахъ небесныхъ и сказаніе объ огнищѣ? Не служитъ ли, можетъ быть, посредникомъ между небеснымъ и земнымъ лѣсомъ тотъ Перуновъ дубъ, который горѣлъ передъ истуканомъ божества, и потомъ получилъ христіанское освященіе, будучи положенъ въ основаніе той деревянной церкви? Имѣетъ ли этотъ рядъ преданій какую нибудь связь съ извѣстнымъ зырянскимъ сказаніемъ о *Прокудливой березѣ*, и если имѣетъ, почему авторъ не коснулся его? По этому сказанію также расчищаютъ лѣсъ, и пень языческой березы освящается сооруженнымъ на немъ олтаремъ деревянной церкви [1]).

Еще примѣръ. Германскіе герои, какъ и нашъ Муромецъ, очищаютъ пути отъ вражьихъ засадъ и проводятъ дорогу прямоѣзжую (стр. 77). Илья Муромецъ мостить мосты по дорогамъ, дотолѣ непроходимымъ. Сличая, въ этомъ отношеніи, нашего богатыря съ Торомъ и Индрою, авторъ замѣчаетъ: «Въ миѳическомъ отношеніи мосты Ильи могутъ быть приняты и *за радугу*, представляющуюся *мостомъ* въ миѳологіи у разныхъ народовъ» (стр. 279). Понятно по наглядности сближеніе радуги съ мостомъ черезъ рѣку или оврагъ, и особенно съ мостомъ, построеннымъ аркою; но мосты Ильи Муромца совсѣмъ не то: это мостовая изъ бревенъ, наложенныхъ по грязямъ и трясинамъ, для проведенія по нимъ прямоѣзжей дороги. Былина говоритъ такъ:

Скоро спущался онъ съ добра коня,
Рукой онъ коня повелъ,
А другой началъ мосты мостить,
Тыи мосточки калиновы:
Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую [2]).

Это фактъ, чисто бытовой, не имѣющій прямаго отношенія къ ми-

---

[1]) Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа Пермскаго. Спб. 1856 г. стр. 14—16.

[2]) Рыбн. I, 47.

эпической радугѣ, и *мостить мосты*, какъ выраженіе существенной потребности быта, очень рано стало эпическою формулою, что̀ явствуетъ изъ слѣдующаго мѣста въ Словѣ о полку Игоревѣ: «орьтъмами и япончицами и кожухы начашя *мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ* и всякыми узорочьи Половецькыми». Что же касается до переправы черезъ рѣки, то для этого въ старину служили *бродъ* и *перевозъ*, оставившіе по себѣ замѣтные слѣды въ нашихъ эпическихъ сказаніяхъ, на что̀, какъ замѣчено мною въ другомъ мѣстѣ *), авторъ не обратилъ должнаго вниманія.

Такимъ образомъ, расчищеніе полей изъ-подъ лѣсу, проведеніе дорогъ по непроходимымъ мѣстамъ, броды и перевозы черезъ рѣки—все это историческія данныя ранняго народнаго быта, общія славянамъ съ другими народами. Какъ подробности разсказа, эти данныя могли быть введены въ миѳъ, но сами по себѣ миѳическаго ничего не имѣютъ. Какъ явленіе историческое, они прикрѣпляются къ извѣстной мѣстности, и такимъ образомъ служатъ основою былевому эпосу, напримѣръ, въ собственномъ имени города *Кіева*, въ связи съ *Кіевымъ Перевозомъ* и съ эпическимъ княземъ *Кіемъ;* въ этихъ былинныхъ *грязяхъ Смоленскихъ*, по которымъ приходилось *мостить мосты*. Какъ выраженіе существенныхъ потребностей быта, они глубоко коренятся, столько же въ содержаніи эпоса, какъ и въ формахъ языка. Если Микула Селяниновичъ соотвѣтствуетъ чешскому Премыслу, и если онъ дѣйствительно, по выраженію автора, предтеча Ильи Муромца, то въ расчищеніи этимъ послѣднимъ лѣса около Мурома надобно видѣть бытовой фактъ высокой важности. Прежде чѣмъ стать *княжимъ мужемъ* въ дружинѣ князя Владиміра, онъ, какъ земледѣлецъ, трудится надъ устроеніемъ русской земли для хлѣбопашества, онъ расчищаетъ доръ, палитъ лѣсъ, дѣлаетъ *огнище*, а *огнищемъ* и доселѣ въ Яросл. Костр. губ., называется вновь расчищенное изъ-подъ лѣсу мѣсто, а потомъ, въ Псковск. Тверск., извѣстное разстояніе, т. е. извѣстное пространство земли. Илья Муромецъ, слѣдовательно, не кто другой, какъ *огнищанинъ*, то есть, и пахарь, расчищающій огнище, и *княжъ мужъ*; варіантъ Русской Правды при словѣ огнищанинъ [2]). Я не слишкомъ стою за эту филологическую характеристику Муромскаго богатыря, а привожу ее только въ объясненіе своей мысли

---

[1]) Въ моей рецензіи въ журн. Мин. Нар. Пр. Апрѣль. 1871 г.

[2]) Слич. Срезневскаго, Мысли объ Исторіи русск. языка. 1850 г., стр. 150. Калачева, Изслѣд. о Рус. Правдѣ, стр. 113.

о томъ, что въ разбираемой мною книгѣ не достаточно точно отдѣлено миѳическое отъ бытоваго и не удовлетворительно разобраны эпическіе слои, въ ихъ бытовой, исторической послѣдовательности. Авторъ такъ много говоритъ и о крестьянствѣ своего героя, и о воинскомъ стояніи его за землю русскую, что невольно заставляетъ искать такого посредствующаго термина, въ которомъ бы сливались въ одно цѣлое оба эти служенія русской землѣ. Для примѣра, я указываю этотъ терминъ въ огнищанинѣ, національный типъ котораго, такимъ образомъ, извлекаетъ Муромскаго богатыря изъ доисторической смутной толпы языческихъ божествъ сравнительной миѳологіи.

Далѣе. Авторъ слѣдуя указаніямъ былинъ, усматриваетъ въ своемъ героѣ высокія качества христіанской и вообще человѣческой нравственности. Ясно, что въ интересахъ собственной своей характеристики, онъ обязанъ былъ, какъ замѣчено мною выше, какъ можно точнѣе отдѣлить замѣтною чертою нравственный индеферентизмъ миѳа отъ человѣческой совѣсти нашихъ былинъ. Уже самые миѳы природы, будучи озарены свѣтомъ историческаго сознанія, переходятъ отъ наивныхъ интересовъ, ограниченныхъ скудными воззрѣніями на явленія природы, къ болѣе развитымъ интересамъ, умственнымъ и нравственнымъ Такъ, напримѣръ, миѳъ о глоткѣ напитка, общій многимъ народамъ (стр. 126, 180), можетъ быть, первоначально, означаетъ воду небесную или дождь, потомъ, въ кровожадномъ быту дикарей означаетъ кровь, отсюда скандинавскій миѳъ о чудодѣйственной крови убитаго Квасира, вѣроятно, состоящій въ связи съ варварскимъ обычаемъ разныхъ народовъ—пить изъ черепа убитаго врага; затѣмъ, раннее распространеніе *бортнаго* промысла *смѣшало* кровь съ *медомъ*, какъ и свидѣтельствуетъ именно о такой *смѣси* тотъ же скандинавскій миѳъ. Миѳическій напитокъ сначала могъ имѣть значеніе какое нибудь стихійное, потомъ могъ давать вообще безсмертіе, то есть, продолженіе земной, физической жизни, наконецъ получилъ нравственный смыслъ поэзіи, мудрости, какъ въ скандинавскихъ миѳахъ, или физической силы, умѣряемой и руководимой нравственными принципами, какъ въ сказаніи объ Ильѣ Муромцѣ. Чтó дѣйствительно таковъ смыслъ этого эпизода въ нашихъ былинахъ, это явствуетъ изъ того, что, по нѣкоторымъ варіантамъ, къ нашему богатырскому сидню являются самъ Христосъ съ Апостолами.

Правда, что эти данныя — впрочемъ и вообще очень извѣстныя — частію приводятся въ разныхъ мѣстахъ разбираемой мною

книгѣ, но авторъ и здѣсь не потрудился точнѣе отдѣлить миѳическое отъ историческаго, потому что наложеніе христіанскаго слоя на миѳъ принадлежитъ уже исторіи. Вообще должно замѣтить, что авторъ не довольно обратилъ вниманія на *двоевѣріе*, которое проходитъ черезъ всю нашу древнюю литературу и потому самому не могло не войти въ самыя основы нашего былиннаго эпоса.

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что хотя авторъ долѣе останавливается на сравнительной миѳологіи, однако постоянно указываетъ въ эпосѣ и на слѣды народнаго быта и исторіи. Напримѣръ: развитіе миѳовъ о Валькиріяхъ и Одинѣ въ быту воинскомъ, стр. 128, 156; казацкое наслоеніе въ нашихъ былинахъ, стр. 202; княжеская дружина, стр. 224; звѣринскіе обычаи Соловья-разбойника, вѣроятно, въ связи съ грубыми нравами далекой старины, чему авторъ однако не приписываетъ особеннаго значенія, стр. 264; удѣльный періодъ, стр. 310; умыканіе невѣстъ, стр. 337—338, 348; гулянье Дуная, бытовое, стр. 350, 387; Чесовая вдова, стр. 360, 365; Варяжская Рогнѣда, стр. 369; наемническое перекочеванье Варяга въ Михаилѣ Потыкѣ, стр. 387; историческій Добрыня, стр. 416—417; лѣтописный князь Владиміръ, стр. 493; грубость семейнаго быта, стр. 500; отношеніе князей Волынскихъ и Суздальскихъ къ земскимъ боярамъ, стр. 574; Дюкъ—рыцарь, стр. 587; Янъ Усмошвецъ, стр. 586, 683; Галицкая Русь, стр. 613—614; родовое и общинное начало, стр. 614; Даніилъ Заточникъ, стр. 646; Златыя Врата въ Кіевѣ, стр. 693; во Владимірѣ, стр. 702; Илья Пророкъ, стр. 761, 801; мѣстное и бытовое въ типѣ Ильи Муромца, стр. 801, 810, 815; значеніе Суздальскаго періода въ развитіи нашего эпоса, стр. 809, и мн. др. И однако, всѣ эти и многія другія, бытовыя и историческія данныя, не будучи подведены подъ общее начало, оказываются въ книгѣ г. Миллера какими-то случайными замѣтками, между тѣмъ какъ часть сравнительная отличается основательностью въ постановкѣ главныхъ вопросовъ и стройностью и полнотою системы. Такъ напримѣръ, что выходитъ у автора изъ той гипотезы, что въ былинномъ Добрынѣ можетъ быть, слились въ одно двѣ историческія личности—*Добриня Малковичъ*, дядя князя Владиміра, и *Добрыня Рязаничъ Златый Поясъ?* Только то, что въ основѣ обоихъ «можетъ крыться не что иное, какъ *служба миѳическая*» (стр. 417). Еслибы авторъ провелъ свою мысль о значеніи Суздальскаго періода систематически по слоевому составу нашихъ былинъ, то Добрыня *Рязаничъ* сталъ бы у него рядомъ съ Александромъ или Алешею Поповичемъ *Ростов-*

скимъ, и съ Ильею *Муромскимъ*; потому что пріуроченіе всѣхъ этихъ богатырей къ сѣверо-восточнымъ мѣстностямъ должно было совершиться въ періодъ Суздальскаго развитія нашихъ былинъ. Лѣтописныя сказки свидѣтельствуютъ намъ, какъ Ростовскій Поповичъ, въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, былъ причисленъ къ богатырямъ князя Владиміра. По смыслу этихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сказокъ, вмѣстѣ съ Ростовомъ, могли потянуть къ Кіеву и Рязань съ Муромомъ [1]). Какъ историческими судьбами Рязань была соединена съ Муромомъ, такъ оба эти города соединены и въ легендѣ, напр. въ Муромскомъ сказаніи о князѣ Петрѣ и Февроніи, а равно и въ былинномъ эпосѣ — поѣздкою Ильи Муромца вмѣстѣ съ Добрынею. Какъ эпическій *сидень*, Илья Муромецъ сближается съ Ростовомъ въ лицѣ Авраамія Ростовскаго, и потомъ съ Кіевомъ и съ княземъ Владиміромъ, въ лѣтописной сказкѣ о *сидѣ*, сынѣ Рогнѣды, передѣланномъ изъ *хромца* Ярослава [2]). Каково бы ни было достоинство приводимыхъ мною догадокъ, я касаюсь ихъ для того только, чтобы предъявить богатство мѣстныхъ и историческихъ матеріаловъ для рѣшенія вопроса о былинномъ Добрынѣ, между тѣмъ какъ авторъ, оставляя ихъ въ сторонѣ, спѣшитъ указать на *миѳическое служеніе* этого богатыря. Я ничего не имѣю противъ раннихъ миѳическихъ основъ нашего эпоса, но желалъ бы, чтобы авторъ болѣе обратилъ вниманія на *историческое служеніе* нашихъ богатырей, которые — по сказкѣ Тверской лѣтописи — собравшись, около Александра Поповича Ростовскаго, въ укрѣпленномъ городѣ подъ Гремячимъ Колодяземъ — «рядъ положивше, яко *служити имъ единому великому князю* въ матери градомъ Кіевѣ» [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что самое имя *Олёша*, подъ которымъ слыветъ въ былинахъ Ростовскій Поповичъ, есть не что иное, какъ древняя ласкательная форма отъ *Александръ*, а не отъ *Алексѣй*, какъ это дѣйствительно и встрѣчается въ старинныхъ актахъ.

Итакъ, фактически не достаточно доказана въ разбираемой мною книгѣ, впрочемъ, справедливая мысль о Суздальскомъ періодѣ въ развитіи нашего эпоса. Во всякомъ случаѣ авторъ ею руководствуется въ бытовой и исторической характеристикѣ нашихъ богатырей, и въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше стоитъ его взглядъ передъ наивными увѣреніями г. Стасова, что при князѣ Владимірѣ

---

[1]) Слич. въ моей рецензіи въ журн. Мин. Нар. Пр. Апрѣль, 1871 г.

[2]) Бестужева-Рюмина О составѣ русскихъ лѣтописей, въ Прилож. стр. 20.

[3]) Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. XV, 338.

не могло быть между богатырями такого различія по сословіямъ, какое представляется въ былинахъ. Но чтобы нагляднѣе показать, какъ твердо напечатлѣлся въ нашемъ эпосѣ слой Суздальскій на раннемъ Кіевскомъ, г. Миллеру слѣдовало припомнить тѣ лѣтописныя сказки, въ которыхъ, съ одной стороны князь Владиміръ изъ Кіева переводится во Владиміръ на Клязмѣ, а съ другой — богатыри позднѣйшихъ сказокъ сгруппировываются около стараго Владиміра Кіевскаго [1]).

Отдавая полную справедливость общесравнительному методу, которому и посвящена большая половина разбираемой мною книги, не могу не выразить своего желанія, чтобы и другія научныя средства для изслѣдованія нашего эпоса были доведены до такой же полноты, и были бы уравновѣшены съ средствами сравнительными. Эти средства—именно лингвистическія и историческія.

Хотя авторъ и касается иногда лингвистическихъ соображеній, но, заимствуя ихъ изъ вторыхъ рукъ, не хочетъ относиться къ нимъ критически, самостоятельно. Иногда цитуетъ дѣйствительные авторитеты въ лингвистикѣ, напр. Куна (стр. 180), иногда же — къ крайнему удивленію — ссылается на г. Аѳанасьева въ такихъ словопроизводствахъ, какъ *aquila*, *vulturnus*, *nachtigal*, *sol*, *Сварогъ* (стр. 266, 267, 276), которыя самъ г. Аѳанасьевъ заимствовалъ изъ грамматики Як. Гримма, изъ Глоссарія Боппа, или даже изъ какого нибудь болѣе популярнаго сочиненія. Г. Аѳанасьевъ много сдѣлалъ полезнаго по изданію и собранію памятниковъ русской народности, но онъ никогда не претендовалъ на лингвистическую спеціальность, и свѣдѣніями по этому предмету самъ пользовался изъ вторыхъ рукъ. Дѣло не въ томъ, вѣрны или невѣрны заимствованныя г. Миллеромъ у г. Аѳанасьева лингвистическія сравненія, а въ томъ, что, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, точность и основательность ученой критики обязываютъ обращаться къ источникамъ непосредственнымъ. Въ противномъ случаѣ на книгу, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ основательную, можетъ быть брошена тѣнь, по недостатку въ ней свѣдѣній по литературѣ сравнительной лингвистики, которая имѣетъ такое важное значеніе въ разработкѣ миѳологіи и народнаго эпоса. Во всякомъ случаѣ надобно замѣтить, что еслибы г. Миллеръ по всей своей книгѣ провелъ въ стройной системѣ лингвистическій элементъ, то придалъ бы болѣе прочности своимъ изслѣдованіямъ какъ по миѳологіи, такъ и по народ-

---

[1]) См. мою рецензію въ журн. Мин. Нар. Пр. Апрѣль, 1871 г.

ному быту. Самое точное и установившееся, что̀ доносится до насъ изъ мрака доисторическихъ вѣковъ — это языкъ, и что̀ глубоко вкоренилось въ быту народномъ, то непремѣнно окрѣпнетъ въ типической формѣ слова. Въ примѣръ важности лингвистическихъ данныхъ можно указать на нѣсколько подробностей, кое-гдѣ оброненныхъ въ книгѣ самого г. Миллера: *тяга* (стр. 214), *воевода* (стр. 307); въ одномъ заговорѣ, по указанію г. Потебни, мѣсяцъ названъ *Владиміромъ*, что̀ сближается съ польскимъ *ксенжицъ* (мѣсяцъ), т. е. князь (стр. 276), и если бы авторъ систематически слѣдовалъ лингвистическому пріему, можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ, по поводу *дружки* на свадьбѣ (стр. 339) привелъ бы польское *жерца*, что̀ означаетъ и жрица, и свата, и дружку. На стр. 253, слѣдуя г. Срезневскому, онъ сближаетъ форму *Ольгъ*, *Ольга*, съ сканд. *Helgr*, *Helgi*, а на стр. 328, говоря объ эпитетѣ князя Владиміра, *ласковый*, забываетъ сканд. эпитетъ князей *mildingr*. Слѣдуя г. Стасову (стр. 291), число *сорокъ* въ нашемъ эпосѣ онъ склоняется объяснить восточнымъ вліяніемъ, между тѣмъ какъ происхожденіе самого слова этого указываетъ намъ на Грецію, какъ это замѣчено въ моемъ отзывѣ о книгѣ г. Стасова [1]). На стр. XXIII — XXVI введенія говорится о происхожденіи слова *богатырь:* приводится мнѣніе о заимствованіи его въ русскомъ языкѣ отъ монголовъ, указывается малорусская форма *богатирь*, въ смыслѣ богача, и приводимое Шоттомъ санскр. слово *bhagadhara* сближается по смыслу съ эпитетомъ богатыря: *удача*, *удатный*. Выводъ, извлекаемый авторомъ изъ всего этого, слѣдующій: «Что касается собственно слова *богатырь*, въ его настоящемъ *богатырскомъ* смыслѣ, то если бы даже нѣмцамъ и удалось доказать его монгольское происхожденіе, то этимъ однимъ они бы еще не много выиграли. Слово могло быть заимствовано и замѣнить собою какое нибудь другое, предшествовавшее ему туземное, а эпическія сказанія о личностяхъ, позже проименовавшихся богатырями, все таки могли существовать издавна, и всецѣло принадлежать нашему народу».

Эта мысль, сама по себѣ, достойна полнаго уваженія въ научномъ отношеніи, но, какъ выводъ изъ лингвистическихъ и филологическихъ соображеній, она погрѣшаетъ недостаткомъ основаній. Вмѣсто того, чтобы ждать, что̀ могутъ сдѣлать для насъ нѣмцы, не лучше ли намъ самимъ повнимательнѣе взглянуть на нашу старину и своими изслѣдованіями прочистить имъ дорогу? Что же,

---

[1]) Отчетъ о XII присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 72.

въ самомъ дѣлѣ — если бы и въ правду мы взяли *богатыря* у татаръ, отъ того нашъ Илья Муромецъ не сталъ же бы татариномъ! Возражая г. Стасову, я оставался при своемъ прежнемъ мнѣніи, потому что онъ не привелъ ничего новаго, что̀ бы было уже не разсмотрѣно мною въ рецензіи на Словарь Миклошича [1]); что же касается до мысли г. Миллера, то она заслуживаетъ болѣе серьезнаго вниманія.

Итакъ, попытаюсь разъяснить эту мысль.

Во-первыхъ, надобно замѣтить, что кромѣ поляковъ, ни у кого изъ прочихъ славянскихъ племенъ нѣтъ слова *богатырь*. Вмѣсто его употребляется то *юнакъ*, то *грдина*, то какое нибудь другое реченіе. Стало быть, *богатырь* — мѣстное русское названіе, общее намъ съ поляками.

Во-вторыхъ, въ древне-русской письменности до самыхъ татаръ, это слово не употребляется, и самая мысль о героѣ, какъ кажется, не имѣла для себя въ языкѣ установившейся, одной, опредѣленной формы. Гдѣ бы слѣдовало сказать *богатырь*, мы встрѣчаемъ то *кметъ* (въ Словѣ о полку Игоревѣ), то *витязь* (въ Лѣтоп. Переяславск.), то просто *мужъ*, *воинъ*, *храбрый* и др. Далѣе въ позднѣйшихъ памятникахъ, рядомъ съ *богатыремъ*, какъ бы въ дополненіе мысли, употребляются *удалецъ*, *рѣзвецъ* (напр. въ Рязанск. повѣсти объ Евпатіи Коловратѣ).

Только со временъ татаръ, и первоначально — сколько мнѣ извѣстно — только о татарскихъ воеводахъ, стало у насъ употребляться слово *богатырь*, и — что̀ особенно важно — какъ варіантъ формы *богатуръ* (монг. *baghatur*). А именно, въ Ипат. спискѣ Лѣтописи (XIV — XV в.), подъ 1240 г. между Батыевыми воеводами встрѣчаемъ: «Се Бѣдяй (вар. Себедяй) Богатуръ и Бурундай Багатырь» Полн. Собр. Лѣт. II, 177. При *Богатуръ* варіанты: древнѣйшій *багатырь*, поздн. *богатырь*. Далѣе въ томъ же Ипат. спискѣ, на стр. 180, подъ 1243 г., читаемъ о томъ, какъ въ Холмъ къ Даніилу прибѣжалъ половчанинъ Актай и говорилъ: «Батый воротился есть изо Угоръ, и отрядилъ есть на тя два *богатыря* возъискати тебе, Монъмана и Балаа». Ясно, что слово *богатырь*, соотвѣтственно монгольскому обычаю, употреблялось въ нашихъ лѣтописяхъ въ видѣ титула при собственномъ имени.

Какъ, въ эпоху древнѣйшую для означенія великановъ, то есть, богатырей старшихъ, славяне заимствовали слова у другихъ наро-

---

[1]) Отчетъ о XII присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 71—72.

довъ, напр. *обръ*, *оборъ*, *обржимъ* отъ народа *Обровъ*, или *исполинъ*, *сполинъ*, отъ народа *Спали*; такъ и *богатыря* могли взять отъ татаръ. Сверхъ того, какъ титулы *князя*, *кагана*, *царя*, мы заимствовали отъ германцевъ, казаръ, грековъ, такъ и титулъ *богатыря* могли взять отъ татаръ. Если уже въ самую санскритскую литературу вошелъ въ позднѣйшее время этотъ монгольскій титулъ въ формѣ *bâhâdûra* [1]), то почему было не войти ему и къ намъ? Во всякомъ случаѣ, въ глазахъ нашихъ предковъ, это было званіе почетное, высокое воинское отличіе, которое такъ гибельно давало о себѣ знать въ татарскихъ погромахъ.

Теперь, если согласимъ сказанное здѣсь съ мыслію о значеніи Суздальскаго періода въ развитіи нашего эпоса, то для насъ станетъ ясно появленіе лѣтописныхъ сказокъ о борьбѣ нашихъ *богатырей* съ татарами и гибели ихъ на рѣкѣ Калкѣ. *Багадурамъ* монгольскимъ національная гордость противопоставила *богатырей* русскихъ. За тѣмъ, позднѣйшія лѣтописи титулъ богатыря перенесли и на храбрецовъ временъ князя Владиміра, въ связи съ процессомъ сліянія позднѣйшаго богатырства суздальскаго съ кіевскимъ.

Итакъ, если слово *богатырь* и татарскаго происхожденія, то оно могло войти въ нашъ эпосъ и въ немъ укорениться только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что былины наши зарождались и развивались самостоятельно, въ неразрывной, органической связи съ лѣтописью, какъ выраженіе историческаго сознанія народнаго.

Подъ историческими средствами научной критики я разумѣю пользованіе вообще литературными, письменными памятниками нашей старины. Сюда относится какъ критика историческая, въ ея собственномъ смыслѣ, такъ и критика филологическая, состоящая въ изслѣдованіи нашихъ устныхъ былинъ въ связи съ памятниками нашей письменности вообще. Самъ г. Миллеръ вездѣ, гдѣ только ему представляется случай, пользуется этими историческими и филологическими пособіями. Такъ напримѣръ для объясненія одного эпизода въ былинахъ о Дюкѣ онъ приводитъ отрывокъ изъ «Посланія царя Ивана Индѣйскаго къ царю Мануилу Греческому» (стр. 594—595); касается лѣтописныхъ сказаній о Ставрѣ и вообще о богатыряхъ Владиміровыхъ (стр. 645); указываетъ на связь нашихъ былинъ съ преданіями о Владимірѣ Мономахѣ и Даніилѣ Заточникѣ (стр. 646); приводятся выдержки изъ лѣтописи по Ипат. списку о Батыѣ, и при этомъ въ примѣчаніи не забыты тѣ татар-

---

[1]) XXIX выпускъ словаря Бётлинга, стр. 78.

скіе воеводы Бѣдяй богатуръ и Бурундай багатырь, о которыхъ сказано у меня выше, но которыми авторъ, по моему мнѣнію, не умѣлъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ (стр. 701); тутъ же приведена цитата изъ Рязанскаго сказанія объ Евпатіи Коловратѣ, на которое впрочемъ слѣдовало бы обратить большее вниманіе (стр. 701); для опредѣленія историческихъ преданій объ Ильѣ Муромцѣ взяты въ соображеніе и книга Кальнофойскаго, и Кіевскій Патерикъ, и старинные Святцы, и путешествіе Лассоты (стр. 799—800), но при этомъ забыто свидѣтельство такъ называемой «Книги о россійскихъ святыхъ», въ которой между Кіевопечерскими угодниками упомянутъ: «Преподобный Илія Муромецъ, *богатырь*».

Впрочемъ, такъ какъ на историческую и филологическую часть своего изслѣдованія авторъ обращалъ менѣе вниманія, нежели на сравнительную, миѳологическую, то весьма естественно могъ сдѣлать много опущеній, которыя сами собою бросаются въ глаза при чтеніи его книги.

На примѣръ:

Когда авторъ говоритъ о законахъ родовой мести германскихъ племенъ (стр. 124, 148—149), невольно приходятъ на мысль статьи о томъ же предметѣ въ Русской Правдѣ и лѣтописное сказаніе о мщеніи княгини Ольги.

Одинъ изъ варіантовъ имени матери богатыря Сокольничка — *Латыгорка*—авторъ, слѣдуя былинамъ, сближаетъ съ формою *Селигорка*, а потомъ съ *Святыми Горами* и съ самимъ *Святогоромъ* (стр. 164). Замѣчаніе, столько же основательное, сколько и остроумное. Но при этомъ слѣдовало бы припомнить и названіе народа *Латигора*, напр. въ Псковск. лѣт. «бѣ бо Псковичи подвели Нѣмцы, Чюдь, и *Латыгору*, и Либь» Полн. Собр. Рус. лѣт. IV, 178. Собственныя имена народовъ, съ которыми наши предки въ древнѣйшую эпоху сталкивались, получали не разъ значеніе великановъ или чудовищъ: по чему и самое *Чудище* нашихъ былинъ, какъ варіантъ Идолища (стр. 772), можетъ быть постановлено въ связи съ *Чудью*, оставившею по себѣ кое-гдѣ мѣстныя преданія. Такъ въ Томской губерніи разсказываютъ, что до прихода русскихъ Сибирь была заселена Чудью; у Чуди было предсказанье, что когда на сибирской почвѣ выростетъ бѣлая береза, тогда и всей землей завладѣетъ бѣлый царь. Бѣлая береза наконецъ дѣйствительно показалась въ Сибири, и тогда Чудь закопалась заживо въ землю со всѣми сокровищами. Потому бугры, въ которыхъ находятъ древ-

ности, и все, что въ нихъ найдено, называются чудскими [1]). Однимъ словомъ, преданіе, вполнѣ соотвѣтствующее въ языкѣ формамъ: *Волотъ* и *Щудъ*, *волотка* и *щудка*. Къ тому же разряду преданій можетъ быть отнесена и *Латыгорка*, вмѣстѣ и этнографическое названіе, и великанша, и гора или *волотка*.

Въ примѣчаніи на стр. 278 упомянута *Дятлова гора* въ Нижнемъ. Для объясненія преданій о Соловьѣ-разбойникѣ, въ связи съ миѳическимъ Дятломъ, слѣдовало бы указать древнее урочище на самой родинѣ Ильи Муромца. Въ Сотной на Муромскій Посадъ, 1574 г., кромѣ знаменательныхъ урочищъ *Богатырева* и *Скокова горы* [2]), мы находимъ и *Дятлову гору* [3]).

Для дополненія къ тому же преданію о Соловьѣ-разбойникѣ надобно присовокупить то мѣсто, гдѣ авторъ цитуетъ мнѣніе г. Стасова о томъ, что въ этой миѳической личности слиты два чудовища восточныхъ оригиналовъ: Іельбегенъ и Черный волъ (стр. 271). Нисколько не раздѣляя мнѣнія г. Стасова, не могу не привести слѣдующаго мѣста изъ Исторіи о началѣ Царства Казанскаго, такого мѣста, которое очень бы пригодилось г. Стасову, если бы другія соображенія, болѣе важныя, не опровергали его мнѣнія. Объ основаніи Казани слыло такое древнее преданіе: «Глаголютъ многи нѣціи прежде мѣсто то быти издавна *Гнѣздо Змїино*, всѣмъ жителемъ земли тоя знаемо; живяше бо ту вогнѣздився змїй великъ и страшенъ, о двою главу, едину имѣя змїеву, а другую *волову*».

Производя названіе рѣки *Смородина* отъ *самородный*, авторъ замѣчаетъ: «къ имени этой рѣки не пріищешь никакого сколько нибудь соотвѣтствующаго географическаго» (стр. 265). Напрасно авторъ ограничился только формою *Самородина*: если бы онъ обратилъ вниманіе на другую, и притомъ болѣе употребительную — *Смородина*, отъ *смородъ* или *смрадъ;* то нашелъ бы соотвѣтственную ей рѣку въ книгѣ Большаго Чертежа: *Дѣвица смердячая*, можетъ быть, въ противоположность имени другой рѣки: *Красная Дѣвица* [4]). Южной рѣкѣ — Дѣвицѣ Смердячей могла соотвѣтствовать сѣверная Смородина, которая потомъ пріурочена была къ московской мѣстности.

---

[1]) Этнограф. Сборникъ. VI, 149—150.

[2]) См. мою рецензію въ журн. Мин. Нар. Пр. Апрѣль. 1871 г.

[3]) Акты Юридич. 1838 г., стр. 249.

[4]) По изданію Спасскаго, стр. 47, 48.

Миѳическую ткачиху Адотью авторъ сближаетъ съ нѣмецкими миѳическими пряхами (стр. 373). Почему было не упомянуть при этомъ о Февроніи Муромской? Это ближе шло къ дѣлу, даже уже и потому, что она не пряха, а ткачиха. Что авторъ мало обращалъ вниманія на это Муромское сказаніе, видно изъ того мѣста, гдѣ онъ приводитъ миѳы о томъ, какъ жена была обманута оборотнемъ, принявшимъ видъ ея мужа (стр. 544). При этомъ авторъ замѣчаетъ: «Ни въ соотвѣтственныхъ разсказахъ германскихъ, ни въ нашихъ отечественныхъ пересказахъ мы не встрѣтили ничего подобнаго». Сказаніе Муромское именно и начинается этимъ самымъ мотивомъ, и если онъ не вошелъ въ былины о Добрынѣ, все же принадлежитъ къ нашему эпосу.

На стр. 560 идетъ рѣчь о сказаніяхъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ увозъ на кораблѣ, и именно въ извѣстной повѣсти о Соломонѣ. При этомъ сказано: «это чужое живѣйшимъ образомъ напоминало народу многое, и очень многое въ собственномъ его запасѣ эпическомъ». Мнѣ кажется, сюда слѣдовало бы отнести лѣтописную сагу объ убіеніи Аскольда и Дира. Хотя тутъ увоза и не послѣдовало, но другія обстоятельства сказанія удержаны, а именно пріѣздъ гостей-корабельщиковъ съ товарами и посѣщеніе ихъ на кораблѣ тѣми лицами, которыя должны быть жертвою обмана.

Слѣдуя г. Стасову, авторъ полагаетъ, что одна подробность въ русскомъ сказаніи о стеклянномъ полу, принятомъ за воду «могла къ намъ зайти изъ восточныхъ сказаній» (стр. 611); при чемъ цитуется приводимое г. Стасовымъ изъ Магабгараты. Я уже имѣлъ случай указать ближайшій для русскихъ разскащиковъ источникъ въ апокрифѣ о Южской Царицѣ [1]).

Точно также и въ другомъ мѣстѣ (стр. 737) цитуемыя по указанію г. Стасова восточныя сказанія о томъ, какъ юноша вырвалъ или выкололъ себѣ глазъ, потому что въ его очи влюбилась женщина—слѣдовало бы подвести къ ближайшему въ нашей письменности источнику, указанному мною въ Историческихъ Очеркахъ [2]).

Сказаннымъ доселѣ ограничиваю я свои замѣчанія о методѣ, принятомъ въ разбираемой мною книгѣ. Теперь разсмотрю главнѣйшіе результаты, къ которымъ этотъ методъ приводитъ изслѣдователя.

---

[1]) Въ моемъ отзывѣ о сочиненіи г. Стасова, стр. 66.

[2]) I, 622 — 623.

Самъ авторъ [1]) излагаетъ сущность этихъ результатовъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Съ одной стороны *своеобразіе*, съ другой стороны *цѣльность* нашего эпоса — вотъ мои два основныя положенія, на которыя и обращаю я вниманіе моихъ оппонентовъ.... Въ нихъ — центръ тяжести моего труда. Чтобы окончательно оттѣнить все *историческое своеобразіе* нашего эпоса, я съ особенною обстоятельностію противопоставлялъ его эпосу германскому. Такое противопоставленіе представлялось мнѣ особенно важнымъ при издавней исторической тяжбѣ германскаго міра съ славянскимъ. *Болѣе сочувственнымъ* представился мнѣ при этомъ противопоставленіи русскій эпосъ: онъ исполненъ болѣе свободнаго духа, и поверхъ основной общебогатырской грубости въ немъ замѣтна бо́льшая степень смягченности, чѣмъ въ германскомъ. Впрочемъ это объясняется для меня очень просто — тѣмъ, что нашъ эпосъ есть эпосъ *простонародный*.... Первенствующій идеалъ нашего народнаго эпоса, Илья Муромецъ, именно и выработался подъ вліяніемъ издавняго *общиннаго начала* и первыхъ, озарившихъ его лучей христіанства. Всѣ преимущества этого идеала такимъ образомъ объясняются благопріятностью *древнѣйшихъ историческихъ нашихъ условій*, а вовсе не какимъ либо особымъ «избранничествомъ» русскаго народа.... Самъ я ни мало не увлекаюсь моимъ трудомъ. Въ немъ не сдѣлано мною никакихъ открытій; трудъ мой — только повѣрочный. При помощи употребленнаго мною въ нѣсколько особомъ, расширенномъ смыслѣ *сравнительнаго пріема* мнѣ удалось убѣдиться въ томъ, что основныя заключенія о нашемъ эпосѣ нашихъ писателей народнаго направленія — вполнѣ справедливы. Я радостно признаю себя ихъ *ученикомъ* и желалъ бы остаться ихъ вѣрнымъ послѣдователемъ и, по мѣрѣ силъ моихъ, однимъ изъ подражателей ихъ великаго дѣла».

Доселѣ слова автора. Изложенные въ нихъ результаты провѣримъ теперь на основаніи тѣхъ замѣчаній, которыя были сдѣланы выше о методѣ и научныхъ средствахъ, употребленныхъ въ разбираемой мною книгѣ.

Во-первыхъ, авторъ доказываетъ *своеобразіе* и *цѣльность* нашего эпоса, употребляя для своихъ изслѣдованій преимущественно методъ сравнительный, въ томъ научномъ смыслѣ, какъ этотъ методъ принятъ въ сравнительномъ языковѣдѣніи и въ сравнительной миѳологіи. При этомъ методѣ, нашъ эпосъ долженъ былъ вы-

---

[1]) Въ своей вступительной рѣчи передъ диспутомъ, 2 января 1870 г.

дѣлиться изъ общей массы сравнительныхъ народностей, какъ органическій членъ громаднаго цѣлаго сродныхъ между собою организмовъ. Этимъ опредѣляется уже до нѣкоторой степени и своеобразіе и цѣльность нашего эпоса, какъ опредѣляется своеобразіе и цѣльность славянскаго языка путемъ сравнительнаго изученія индо-европейскихъ языковъ. Этими двумя качествами устраняется изъ науки Стасовская теорія случайнаго заимствованія, по которой нашъ эпосъ ничего не имѣетъ въ себѣ ни своеобразнаго, ни цѣльнаго, предлагая въ своихъ эпизодахъ только однѣ безсмысленныя передѣлки восточныхъ оригиналовъ. Мы уже отдали справедливость книгѣ г. Миллера въ отношеніи сравнительномъ. Но какъ своеобразіе, такъ и цѣльность нашего эпоса могли развиться и окрѣпнуть только путемъ исторической формаціи русской народности, то въ этомъ отношеніи мы встрѣтили у автора много пробѣловъ, при всемъ его желаніи время отъ времени прикрѣплять сравнительные выводы къ фактамъ историческимъ и бытовымъ. Если бы онъ постояннѣе и тверже держался народной почвы, бытовой и исторической, то съ большею основательностью имѣлъ бы возможность *историческое* своеобразіе (какъ онъ самъ выражается) нашего эпоса противопоставить эпосу германскому. Съ другой стороны, чтобы опредѣлить *цѣльность* нашего эпоса, надобно было понять его во всей его первоначальной, органической *цѣлости*, какъ онъ является въ лѣтописныхъ сказкахъ, житіяхъ Святыхъ, мѣстныхъ преданіяхъ, въ названіяхъ урочищъ и проч. Былины составляютъ только часть этого цѣлаго, которое и должно быть собственно названо русскимъ народнымъ эпосомъ [1]).

Во-вторыхъ, рѣзкое разграниченіе такъ называемаго образованнаго класса людей отъ простонародной массы, оказавшееся только въ позднѣйшее время, привело къ ложному понятію о нашемъ былинномъ эпосѣ, будто онъ есть *эпосъ простонародный*, какъ называетъ его и авторъ, слѣдуя принятому предразсудку. Если усмотрѣть тѣснѣйшую внутреннюю связь нашихъ былинъ съ лѣтописями, легендами, съ словомъ о полку Игоревѣ, съ сказаніемъ о нашествіи Батыя, о городѣ Кидежѣ, съ Исторіею Казанскою и т. п., если принять въ соображеніе сколько былиннаго вошло въ позднѣйшія наши лѣтописи, то и всѣ эти произведенія нашей древней письменности придется назвать простонародными. Многія изъ старинныхъ рукописей самаго серьезнаго, историческаго, церковнаго

---

[1]) См. мою рецензію въ журн. Мин. Нар. Пр. Апрѣль, 1871 г.

или литературнаго содержанія — какъ значится по надписямъ на нихъ — принадлежали даже въ текущемъ столѣтіи крестьянамъ и солдатамъ. Можно ли заключать изъ этого, что содержаніе этихъ рукописей имѣетъ характеръ простонародный? То же должно сказать и о былинахъ, въ отношеніи ихъ основнаго, древнѣйшаго состава. Только въ послѣднія полтора столѣтія онѣ могли внести въ свое содержаніе нѣкоторую простонародную рознь: первоначально же онѣ были столько же *народны*, а не простонародны, какъ житіе Муромскихъ Петра и Февроніи или Лѣтопись Тверская.

Въ-третьихъ, авторъ признается въ своемъ *сочувствіи* къ русскому эпосу. Сочувствіе къ своему, родному, и особенно въ дѣлѣ народности и народной поэзіи, есть такое естественное явленіе, общее всѣмъ народамъ, и цивилизованнымъ и дикимъ, что объ этомъ не стоило бы здѣсь и упоминать, если бы это чувство, воспитанное предвзятою теоріею такъ называемыхъ славянофиловъ, было для автора только источникомъ воодушевленія въ его неутомимыхъ изслѣдованіяхъ, а не примѣшивалось бы къ выводамъ чисто научнымъ, которые должны быть далеки отъ всякаго личнаго увлеченія. Авторъ, съ изумительною скромностью, называетъ себя ученикомъ и вѣрнымъ послѣдователемъ славянофиловъ; между тѣмъ какъ все достоинство его книги составляетъ такое дѣло, которымъ славянофилы меньше всего занимались, именно сравнительное изученіе нашего эпоса, самое обстоятельное и самое добросовѣстное. Напрасно авторъ приписываетъ въ своей характеристикѣ Ильи Муромца особенное значеніе общинному началу, которое онъ почерпнулъ изъ славянофильской теоріи; потому что это бытовое начало мало разработано въ книгѣ, посвященной болѣе сравнительной миѳологіи, нежели историческимъ изслѣдованіямъ о юридическомъ и общественномъ бытѣ древней Руси. Напрасно увѣряетъ авторъ, что онъ предпринялъ утомительный трудъ сравнительнаго изученія нашего эпоса для того только, чтобъ убѣдиться въ истинѣ основныхъ заключеній объ этомъ предметѣ нашихъ славянофиловъ. Напротивъ того, эти сравнительныя параллели, которыми авторъ сопровождаетъ разборъ нашихъ былинъ, имѣютъ важное для науки значеніе, безотносительное. Въ этомъ состоитъ задача разбираемой мною книги и ея высокое достоинство.

Этими замѣчаніями я ограничиваю свой отзывъ, полагая ихъ достаточными, чтобы вывести изъ нихъ довольно ясное понятіе о разбираемой мною книгѣ.

Не смотря на указанные мною недостатки, я прихожу къ тому заключенію, что изслѣдованіе г. Миллера о русскомъ народномъ эпосѣ, по основательности и полнотѣ, и по замѣчательной добросовѣстности, далеко оставляетъ за собою все, что до сихъ поръ сдѣлано было по этому предмету въ нашей ученой литературѣ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Н. И. ЛАМБИНА:

«Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. О Свенгелдѣ и Угличахъ».

Рецензія Академика А. Ѳ. Бычкова.

Въ Западной Европѣ весьма часто ученые отдаютъ всю свою дѣятельность объясненію и возстановленію испорченнаго текста какого либо письменнаго памятника, и результаты ихъ трудовъ, сухихъ и безплодныхъ въ глазахъ толпы, заставляютъ нерѣдко измѣнять господствующее въ наукѣ мнѣніе о какомъ-либо предметѣ, освѣщаютъ часто событія съ новой стороны, возводятъ догадки и предположенія на степень фактовъ.

Такимъ образомъ дружными, совокупными трудами ученыхъ въ продолженіе вѣковъ тексты классическихъ писателей, явившіеся первоначально въ печати съ грубыми ошибками и съ бездоказательными догадками, въ настоящее время, насколько это возможно, возстановлены и очищены, и каждое новое ихъ изданіе все болѣе и болѣе обогащается правильными чтеніями и счастливыми предположеніями, которыя находятъ себѣ оправданіе какъ въ писателяхъ, такъ и въ рукописяхъ, вновь находимыхъ.

Изъ всѣхъ памятниковъ нашей древней литературы «Повѣсть временныхъ лѣтъ» Нестора уже давно обратила на себя вниманіе ученыхъ, и изслѣдованія ихъ, начинающіяся съ Татищева и Шлецера, объяснили въ ней многія темныя мѣста и установили правильное чтеніе довольно значительнаго числа мѣстъ испорченныхъ.

Но соединеніе этой «Повѣсти» составителями лѣтописныхъ сборниковъ въ одно цѣлое съ возникшими послѣ нея лѣтописными трудами, относительная молодость списковъ, въ которыхъ она находится, многократная ея перепись и притомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, что̀ неизбѣжно должно было оставить слѣды на языкѣ, наконецъ малограмотность и мудрованіе писцевъ,—все это имѣло послѣдствіемъ, что, не смотря на богатую литературу этого памятника, не смотря на столѣтіе, въ теченіе котораго онъ былъ предметомъ изслѣдованій и объясненій, въ немъ остается еще много темныхъ мѣстъ, которыя ожидаютъ толкователей и объяснителей.

Г. Ламбинъ, извѣстный въ нашей исторической литературѣ своими трудами, и между прочимъ удачнымъ возстановленіемъ въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» испорченнаго мѣста: «*и бѣ Якунъ слѣпъ*», обратилъ снова свое вниманіе на Лѣтопись и представилъ изслѣдованіе, въ которомъ поставилъ себѣ задачею возстановить текстъ и объяснить нѣкоторыя мѣста въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», касающіяся Свѣнельда или Свенальда и Угличей.

Свѣнельдъ — выдающаяся личность въ древнемъ періодѣ нашей исторіи. Сподвижникъ и совѣтникъ Игоря, Ольги, Святослава и Ярополка, покоритель Угличей, участникъ въ погромѣ Древлянъ, въ войнѣ Святослава съ Печенѣгами и въ мирномъ договорѣ, заключенномъ этимъ княземъ съ Греками, наконецъ вина печальной распри между сыновьями Святослава, онъ заслуживаетъ того, чтобы текстъ мѣстъ въ Лѣтописи, къ нему относящихся, былъ возстановленъ и объясненъ. Точно такого же вниманія заслуживаютъ и мѣста Лѣтописи объ Угличахъ, которыхъ существованіе нѣкоторыми историками отрицается, такъ какъ только при возстановленіи текста Лѣтописи возможно опредѣлительно сказать: существовали ли Угличи или нѣтъ, и если существовали, то въ какихъ мѣстностяхъ они жили?

Приступая къ разрѣшенію своей задачи, которую, я полагаю, ни одинъ изъ историковъ не признаетъ маловажною и безплодною для науки, и имѣя въ виду, что извѣстія о дѣлахъ Свѣнельда въ нашихъ лѣтописяхъ, вообще краткія и отрывочныя, представляютъ много разнорѣчій и выраженій явно испорченныхъ и непонятныхъ, что цѣлое сказаніе о войнѣ его съ Угличами, которое только встрѣчается въ болѣе новыхъ спискахъ лѣтописи, считаютъ не принадлежащимъ древнему лѣтописцу и что, наконецъ, дѣятельность Свѣнельда, обнимающую періодъ времени отъ 914 до 977 года, раздѣ-

ляютъ между двумя лицами, случайно носившими одно и тоже имя' г. Ламбинъ счелъ нужнымъ дословно сличить по всѣмъ спискамъ тѣ лѣтописныя сказанія, въ которыхъ упоминается имя Свѣнельда, критически разобрать ихъ, указавъ при этомъ какія изъ нихъ и въ какомъ именно видѣ могутъ и должны принадлежать Нестору, и на основаніи этого разбора рѣшить пять слѣдующихъ вопросовъ:

I. Какъ именно назывался воевода Игоря и Святослава, доселѣ именуемый у насъ Свѣнельдомъ, то есть какой изъ множества варіантовъ его имени, встрѣчающихся въ нашихъ спискахъ, долженъ быть признанъ за правильную форму, принадлежащую Нестору, и отъ какой первоначальной скандинавской формы она происходитъ?

II. Нестору ли, или новѣйшему автору, какъ полагалъ Карамзинъ, принадлежитъ сказаніе о войнѣ Свенгелда съ Угличами, помѣщенное подъ 914 годомъ во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ, но не встрѣчающееся въ древнихъ?

III. Изъ какого первоначальнаго, правильнаго чтенія могли, съ наибольшею вѣроятностію, возникнуть тѣ явно испорченныя выраженія нашихъ списковъ, которыя въ упомянутомъ сказаніи объ Угличахъ представляютъ доселѣ камень преткновенія для изслѣдователей?

IV. Были ли у насъ два Свенгелда, какъ догадывался Шлецеръ, или только одно историческое лице извѣстно подъ этимъ именемъ въ нашей лѣтописи, и если одно, то почему оно въ продолженіе шестидесяти-трехъ-лѣтняго своего поприща является дѣйствующимъ только въ немногіе годы, такъ сказать періодически, а именно только въ началѣ и въ концѣ княженій Игоря и Святослава, и въ первые годы княженія Ярополка? И, наконецъ,

V. Что значитъ и откуда происходитъ выраженіе «тоже отецъ Мистишинъ», присоединенное во всѣхъ спискахъ къ имени Свенгелда подъ 945 годомъ, при самомъ началѣ повѣсти объ Ольгиной мести?

Написаніе имени Свѣнельда въ спискахъ нашихъ лѣтописей чрезвычайно разнообразно; есть такія видоизмѣненія его, въ которыхъ трудно предположить это имя, какъ напр. Спентеадъ или Свилдъ. Впрочемъ все это разнообразіе сводится къ двумъ главнымъ чтеніямъ, изъ которыхъ образовались всѣ остальныя или вслѣдствіе замѣны однѣхъ буквъ другими по сходству ихъ начертанія, или вслѣдствіе то выпуска, то вставки буквъ, или наконецъ вслѣдствіе сродства звуковъ. Эти два чтенія суть слѣдующія: Свѣ-

налъдъ и Свенгелдъ. Чтеніе *Свѣналъдъ* находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ (оно въ немъ употреблено въ первый разъ подъ 971 годомъ въ договорѣ Святослава и за симъ повторяется во всѣхъ послѣдующихъ извѣстіяхъ, гдѣ говорится о Свѣнельдѣ). Въ этомъ же спискѣ впрочемъ встрѣчается также и чтенія Свѣнклдъ (въ извѣстіяхъ ранѣе 971 года) и Свѣнделъ [1]). Чтеніе *Свѣнелдъ* (которое по моему мнѣнію могло произойти изъ Свѣнклда черезъ написаніе писцемъ буквы к по ошибкѣ буквами г и є) господствуетъ въ Ипатскомъ спискѣ. Г. Ламбинъ отдаетъ предпочтеніе послѣднему чтенію (образовавшемуся, какъ онъ полагаетъ, изъ Sven и haelad=helt), какъ потому, что оно очевидно принадлежало подлинной рукописи Нестора и что только изъ этого чтенія естественно объясняются всѣ разнообразные варіанты имени Свѣнельда, такъ и потому еще, что къ этому чтенію ближе чѣмъ къ Свѣналъду подходитъ названіе у Льва Діакона нашего воеводы Σφένκελος.

Что касается меня, то, вмѣстѣ съ академикомъ Куникомъ и другими изслѣдователями, я отдаю преимущество чтенію Свѣналъдъ, такъ какъ это чтеніе въ формѣ Sveinaldr встрѣчается въ скандинавскихъ памятникахъ и такъ какъ при немъ не приходится имя Свѣнальда объяснять присоединеніемъ эпитета haelad — герой къ собственному имени лица Sven. Сверхъ того кто не знаетъ до какой степени самопроизвольно, не сообразуясь съ законами филологіи и съ употребленіемъ, передавались въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ собственныя имена.

Выше было замѣчено, что Свѣнельдъ дѣйствуетъ въ нашихъ лѣтописяхъ на пространствѣ 63 лѣтъ. Въ теченіе этого времени онѣ дважды совершенно молчатъ о немъ: въ первый разъ съ 914 по 945 годъ, а во второй разъ съ 946 по 971.

И это умолчаніе, и слишкомъ продолжительная дѣятельность Свѣнельда, а слѣдовательно и почтенная его старость, дали Шлецеру поводъ предполагать: не было ли у насъ двухъ Свѣнельдовъ, тѣмъ болѣе, что и самъ лѣтописецъ какъ будто различаетъ ихъ по сыновьямъ, называя одного Свѣнельда (подъ 945 годомъ) отцемъ Мистиши (Мстислава), а другаго (подъ 975 годомъ)—отцемъ Люта.

---

[1]) Произошло ли многообразное написаніе имени Свѣнельда вслѣдствіе различнаго правописанія источниковъ, которыми пользовался Несторъ при составленіи лѣтописи или вслѣдствіе небрежности и умничанья переписчиковъ— въ настоящее время положительно рѣшить невозможно.

Изъ сопоставленія мѣстъ Лѣтописи, относящихся къ этому вопросу, г. Ламбинъ обнаружилъ несостоятельность предположенія Шлецера и показалъ тѣсную связь между первымъ извѣстіемъ о Свѣнельдѣ и послѣднимъ.

Замѣтка лѣтописца подъ 971 годомъ, что Свѣнельдъ, подававшій благоразумные совѣты Святославу на возвратномъ пути изъ Болгаріи, былъ *воевода отень* и извѣстіе, помѣщенное въ слѣдующемъ году объ его возвращеніи къ Ярополку въ Кіевъ, какъ нельзя точнѣе и нагляднѣе связываютъ самое раннее лѣтописное сказаніе о дѣйствіяхъ нашего воеводы съ самымъ позднѣйшимъ. И въ самомъ дѣлѣ трудно предположить, чтобы почти одновременно въ Кіевѣ находилось двое воеводъ съ однимъ и тѣмъ же именемъ Свѣнельда, одинъ при Игорѣ, а другой непосредственно послѣ его смерти при Святославѣ, и чтобы одинъ изъ нихъ добровольно, безъ борьбы, уступилъ свою власть и значеніе другому и ничего не предпринялъ къ ея возвращенію, особенно во время похода Ольги противъ Древлянъ, когда тотъ находился съ нею, а онъ оставался въ Кіевѣ съ своею дружиною, богатству которой завидовала дружина князя. Но что же значатъ присоединенныя къ имени Свѣнельда слова: «тоже отець Мистишинъ», которыя служили поводомъ ко многимъ толкованіямъ и спорамъ?

Указавъ на мало объясняющую дѣло догадку Карамзина и на приведенное выше предположеніе Шлецера, г. Ламбинъ подробно разсматриваетъ сначала толкованіе Погодина, принимающаго Мистишу не за сына Свѣнельда, а за сына его современника, неизвѣстнаго боярина, при чемъ находящемуся въ текстѣ слову *тоже* даетъ значеніе союза *также*, *такожде*, а потомъ мнѣніе Соловьева, который именуетъ Мистишу Свѣнальдичемъ, а слово тоже принимаетъ за искаженный мужескій родъ мѣстоименія *тъ же* или *той же* [1]). Нельзя не согласиться съ г. Ламбинымъ какъ въ томъ, что такое неопредѣленное указаніе на какого то неизвѣстнаго боярина въ лѣтописи логически невозможно, такъ и въ томъ, что въ приведенной фразѣ мѣстоименіе *тъ же*, которымъ замѣнено въ ней слово *тоже*, является лишнимъ и затемняющимъ смыслъ и что предположеніе Соловьева, что будто въ этомъ мѣстѣ «позднѣйшій лѣтописецъ приводитъ въ родственную связь два лица, воспоми-

---

[1]) Изъ мѣстъ лѣтописи, въ которыхъ находится слово *тоже*, видно, что оно никогда не употреблялось въ значеніи союза *также*, но весьма часто, особенно въ Лаврентьевскомъ спискѣ, представляло искаженіе мѣстоименія *тъ же*.

ваніе о которыхъ уже начало слабѣть», едва ли можетъ быть допущено [1]).

За симъ г. Ламбинъ высказываетъ свое мнѣніе объ этомъ выраженіи, находящемся почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописи, и признаетъ его за вставку, притомъ искаженную, внесенную въ лѣтопись послѣ Нестора. «Первый виновникъ — говоритъ авторъ изслѣдованія—этой вставки также не зналъ никакого Мистиши, какъ не зналъ его Несторъ и «прежнія записки». Мистиша родился подъ перомъ переписчика изъ слѣдующей глоссы, или приписки на полѣ древней рукописи противъ имени Свенгелда: «тъ же оц҃ъ мьстив҃ сн҃ъ», то есть: это отецъ, мьстившій за сына. Происхожденіе этой глоссы объяснить не трудно: какой нибудь любитель «преданій отечьскихъ и почитанья книжнаго», прочитывая добытый имъ списокъ, а можетъ быть и подлинникъ Нестора, вспомнилъ при имени Свенгелда о его мести за сына, убитаго Олеломъ Древлянскимъ, и приписалъ на полѣ рукописи свою замѣтку объ этомъ, можетъ быть, безъ всякой цѣли, просто на память, а можетъ быть и вслѣдствіе какихъ либо соображеній. Эту замѣтку переписчикъ внесъ потомъ въ текстъ, и онъ же, или другой послѣдующій переписчикъ, превратилъ слова «мьстивъ сынъ» въ имя «Мьстишинъ», откуда Мистишинъ Лаврентьевскаго списка». Эту удачную и не представляющую ничего невѣроятнаго догадку г. Ламбина подтверждаютъ съ одной стороны многія рукописи, въ томъ числѣ списки лѣтописи, какъ напримѣръ Радзивиловскій, сохранившія на поляхъ подобныя объясненія или глоссы, сдѣланныя позднѣйшими ихъ читателями, а съ другой—небольшое число также рукописей, въ которыхъ глоссы внесены позднѣйшими переписчиками въ текстъ, иногда даже въ средину предложенія. Впрочемъ при этомъ нельзя не замѣтить, что выраженіе «мьстивъ сынъ» едва ли грамматически правильно. Въ рукописяхъ намъ попадались выраженія: «мьсти брату брата», «мьщю его» и другія; но подобнаго тому, которое приводитъ г. Ламбинъ, мы не встрѣчали. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ мы читаемъ, что Свѣнельдъ уговаривалъ Ярополка идти на Олега, «хотя отмьстити *сыну своему*». Утвержденная доказательствами принадлежность всего сообщаемаго лѣто-

---

[1]) Г. Смитъ въ своемъ переводѣ на датскій языкъ Нестора высказалъ предположеніе, что сынъ Свѣнельда могъ имѣть два имени: Мстислава и Люта; но онъ при этомъ упустилъ изъ вида, что изъ двухъ именъ, которыя иногда носили у насъ князья, одно всегда было христіанское.

писями о Свѣнельдѣ одному лицу, а не двумъ, должна была возбудить въ изслѣдователѣ вопросъ: кто же былъ Свѣнельдъ? Отвѣтъ на это Архангелогородскаго списка: «при Игорѣ воеводою, во Ольга мѣсто», разумѣется не могъ быть признанъ удовлетворительнымъ и опровергнутъ г. Ламбинымъ, который вслѣдъ за симъ и самъ приступаетъ къ разрѣшенію этого вопроса. По предположенію автора, ни на чемъ впрочемъ не основанному и ничѣмъ не подкрѣпленному, Свѣнельдъ могъ быть или воеводою ополченія изъ данниковъ Руси, или, что всего вѣроятнѣе, воеводою вспомогательнаго войска изъ наемныхъ Варяговъ, съ которыми онъ явился на службу къ Игорю; онъ происходилъ изъ знаменитаго рода, такъ какъ и имя его и намеки Византійцевъ указываютъ, что онъ былъ не изъ простолюдиновъ, а посему можно допустить, что онъ былъ потомокъ какого либо Скандинавскаго конунга и что онъ, какъ конунгъ по рожденію, могъ уже въ юномъ возрастѣ набрать себѣ дружину и, снарядивъ корабли, выступить на поприще викинга. «Впрочемъ нѣтъ никакой надобности—заключаетъ г. Ламбинъ—выводить его на это поприще въ слишкомъ юныхъ лѣтахъ; если положимъ, что ему было лѣтъ 25 отъ роду, когда онъ, стоя во главѣ дружины и вѣроятно уже извѣстный своими подвигами, предложилъ свои услуги Игорю въ самомъ началѣ его княженія, то въ 977 году ему могло быть около 90». Всѣ такого рода предположенія и измышленія нельзя не признать совершенно излишними въ серьезномъ трудѣ, тѣмъ болѣе, что они не двигаютъ впередъ науку ни на шагъ.

Первое извѣстіе въ нашихъ лѣтописяхъ о Свѣнельдѣ относится къ 914 году. Подъ этимъ годомъ [1]), почти во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лаврентьевскаго и Ипатскаго и съ ними сходныхъ, говорится, что воевода Игоря Свѣнельдъ «премучи Угличи»; что наложенную на нихъ дань Игорь отдалъ ему; что городъ ихъ Пересѣченъ былъ взятъ послѣ трехлѣтней осады; что они [2]) сначала сидѣли внизъ по Днѣпру, а потомъ перешли въ мѣстность «межи Богъ и Днѣстръ» (такъ въ спискахъ Новгородской лѣтописи, которыми не пользовался г. Ламбинъ; во всѣхъ же другихъ это мѣсто испорчено) и сѣли въ ней. Свѣнельдъ, которому Игорь далъ

---

[1]) Въ Новгородской лѣтописи подъ 922 годомъ и послѣ словъ: «Игорь же сѣдяше въ Киевѣ княжа и воюя на Древляны и на Угличѣ (=Углицѣ).

[2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ и въ томъ числѣ въ спискахъ Новгородской лѣтописи: *Улицы, Улицѣ*.

дань и съ Древлянъ, бралъ съ нихъ «по чернѣ кунѣ отъ дыма». По сему случаю дружина Игоря замѣтила ему, что онъ слишкомъ много далъ одному человѣку.

Карамзинъ, не найдя этого извѣстія въ древнихъ спискахъ лѣтописи, первый заподозрилъ какъ его принадлежность древнему лѣтописцу, такъ и вѣрность сообщаемыхъ въ немъ фактовъ. Такъ какъ мнѣніе Карамзина принято всѣми историками и такъ какъ г. Ламбинъ съ нимъ не согласенъ, то по этому онъ первоначально разсматриваетъ вышеприведенное извѣстіе: противорѣчитъ ли оно сказаніямъ Нестора, и за тѣмъ указываетъ примѣты, по которымъ онъ считаетъ, что это извѣстіе не можетъ не принадлежать Нестору.

Первый поводъ къ сомнѣнію въ существованіе Угличей дало Карамзину самое имя народа, который не поименованъ Несторомъ въ начальныхъ сказаніяхъ между другими славянскими племенами. Но это сомнѣніе въ виду того, что нашъ лѣтописатель исчисляетъ только главныя коренныя племена, умалчивая объ ихъ отдѣльныхъ отрасляхъ, и что къ числу послѣднихъ могли принадлежать и Угличи, падаетъ, по мнѣнію г. Ламбина, само собою. Впрочемъ «быть можетъ,—говоритъ авторъ — въ начальныхъ сказаніяхъ Нестора имя этого народа не пропущено, а только написано нѣсколько иначе, то есть, что оно тамъ, или можетъ быть и здѣсь подъ 914 годомъ испорчено переписчикомъ». Въ этихъ начальныхъ сказаніяхъ сосѣдями Тиверцевъ по Лаврентьевскому списку были *Улучи* (по другимъ: Уличи, Улици, Улутичи, Лутичи, Суличи и пр.); выше было замѣчено, что и въ сказаніи подъ 914 годомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ написано *Умицы* вмѣсто *Улицы*. Слѣдовательно весьма возможно, что или чтеніе *Улици* возникло подъ перомъ переписчиковъ изъ правильнаго *Уличи*, или, на оборотъ, изъ правильнаго чтенія *Уличи* вышло *Улици*.

Оба эти предположенія имѣютъ защитниковъ между нашими историками. Какъ написаны были имена вышеупомянутыхъ двухъ славянскихъ племенъ въ подлинникѣ Нестора при третьемъ ихъ перечисленіи и подъ 885 годомъ сказать трудно; но всѣ варіанты этихъ именъ указываютъ на то, что вѣроятное ихъ написаніе было Ульци (=Уличи) и Тивьрьци. Чтеніе Угличи здѣсь не могло имѣть мѣста, потому что если бы оно было написано въ означенныхъ извѣстіяхъ Несторомъ, то не изчезло бы безслѣдно изъ всѣхъ списковъ лѣтописи. Что же касается сказанія подъ 914 годомъ, то, по мнѣнію г. Ламбина, въ немъ должно читать Угличи,

а не Улучи, какъ полагалъ Шафарикъ, потому что во всѣхъ спискахъ, за исключеніемъ только трехъ, мы находимъ чтеніе Угличи безъ всякихъ значительныхъ варіантовъ; сверхъ того лѣтопись и по мѣсту жительства отличаетъ ихъ отъ Ульцевъ (бѣша сѣдяща по Днѣпру внизъ).

При этомъ г. Ламбинъ обращаетъ также вниманіе и на то, что въ большинствѣ позднѣйшихъ списковъ имя Угличи упоминается еще однажды, именно въ разсказѣ объ Аскольдѣ и Дирѣ, которые, овладѣвъ землею Полянъ, «бѣша ратни съ Древляны и съ Угличи». Мнѣ кажется, что автору, для подкрѣпленія высказаннаго имъ мнѣнія слѣдовало бы заняться подробнымъ и тщательнымъ разсмотрѣніемъ вопроса: когда воевалъ Олегъ съ Угличами, въ то ли время, когда они еще жили внизъ по Днѣпру, или тогда, когда они уже поселились между Бугомъ и Днѣстромъ [1]); доказать, что выраженіе: «и *бѣша сѣдяще* Углици по Днѣпру внизъ и *посемъ пріидоша* межи Богъ и Днѣстръ» не внесено въ лѣтопись позднѣйшими составителями лѣтописныхъ сборниковъ и разсмотрѣть причину, почему въ обоихъ сказаніяхъ Угличи тѣсно связаны съ Древлянами. Голословное утвержденіе, что Угличи, тѣснимые Печенѣгами, переселились на новыя мѣста послѣ борьбы съ Свѣнельдомъ, намъ кажется недостаточнымъ. Угличи, по мнѣнію г. Ламбина, жили вѣроятно на южномъ предѣлѣ земли Полянъ, въ мѣстности, лежащей отъ Кіева внизъ по западному берегу Нижняго Днѣпра. Подобно Древлянамъ, они были народъ свободный и утратили свою независимость со времени покоренія ихъ Олегомъ. Предположеніе автора о томъ, что Угличи, которыхъ онъ вмѣстѣ съ *Ульцами* признаетъ за потомковъ Антовъ, по своему племенному происхожденію принадлежатъ къ ближайшимъ отъ нихъ на западъ Ульцамъ, не смотря на всю ученую его обстановку, является, по крайней мѣрѣ для меня, мало убѣдительнымъ.

Доказательства, приводимыя г. Ламбинымъ въ защиту древности и достовѣрности сказанія позднѣйшихъ списковъ о войнѣ Свѣнельда съ Угличами и принадлежности его Нестору, весьма вѣски, равно какъ и доводы, представленные имъ въ опроверженіе сомнѣній Карамзина касательно предоставленія Свѣнельду Древлянской дани. И съ тѣми и съ другими нельзя не согласиться. При этомъ считаю нужнымъ указать въ подтвержденіе той мысли, что

---

[1]) Отъ рѣшенія этого вопроса находится въ тѣсной зависимости опредѣленіе мѣстонахожденія Пересѣчена.

великій князь давалъ своимъ приближеннымъ право пользоваться данью съ покоренныхъ племенъ въ теченіе года или вообще короткаго срока времени, на помѣщенное въ спискахъ Новгородской лѣтописи извѣстіе о томъ, что Игорь дважды предоставлялъ Свѣнельду пользованіе данью съ Древлянъ въ 922 и въ 942 году.

Третья глава труда г. Ламбина посвящена объясненію двухъ непонятныхъ мѣстъ въ сказаніи о войнѣ Свѣнельда съ Угличами, именно: а) «По семъ придоша (Угличи) межи во Днѣстръ (=воиднѣстръ, воиндестръ, воиндрестръ)» и б) «по семъ же скажемъ приключщихся (=по приключщихся) лѣтехъ сихъ». Что касается перваго мѣста, то правильное чтеніе его возстановлено приведеннымъ мною выше мѣстомъ изъ списковъ Новгородской Лѣтописи, въ которыхъ, вмѣсто *межи во Днѣстръ*, читается: *межи Бозъ и Днѣстръ*. Къ этому же правильному чтенію пришелъ и г. Ламбинъ послѣ цѣлаго ряда соображеній и догадокъ. Второе мѣсто авторъ изслѣдованія читаетъ: «По семъ же скажемъ и о приключшихся въ лѣтехъ сихъ», и это чтеніе должно признать совершенно вѣрнымъ.

Въ этой же главѣ, совершенно случайно, г. Ламбинъ подѣлился съ читателями опытомъ возстановленія лѣтописнаго текста о путешествіи великой княгини Ольги въ Новгородъ, представивъ его очищеннымъ отъ Мсты и Луги, заставлявшихъ нашихъ историковъ вдаваться въ разныя предположенія, чтобы оправдать ихъ нахожденіе въ текстѣ. Вотъ какъ читаетъ это мѣсто г. Ламбинъ: «Иде Ольга Новугороду, сына своего оставивши Кыевѣ, и нача уставляти *по мѣстѣмъ* (вмѣсто *по Мстѣ*) погосты, и дани положи (вмѣсто *по Лузѣ*), и оброки устави. И ловища ея суть и до сего дне по всей земли Русьстѣй и Новъгородстѣй...»

Находящіяся въ лѣтописяхъ свѣдѣнія о дѣятельности Свѣнельда послѣ 914 года неполны и отрывочны. Г. Ламбинъ восполняетъ ихъ своими предположеніями, изъ которыхъ многія, не имѣя фактической опоры, и остаются только на степени предположеній. Вотъ краткій очеркъ жизни Свѣнельда, который мы постараемся передать по возможности словами автора, такъ какъ лѣтописныя сказанія имѣютъ въ немъ самую незначительную долю участія. Послѣ событій, записанныхъ подъ 914 годомъ, о которомъ мы уже говорили выше, Свѣнельдъ готовился возвратить подъ Русское владычество и остальныя отложившіяся завоеванія Олега на юго-западѣ, но былъ въ этомъ остановленъ нашествіемъ Печенѣговъ. Вѣроятно, онъ участвовалъ въ первомъ столкновеніи съ ними и, какъ кажется, получилъ въ это время отъ Игоря право на дань Древлян-

скую въ замѣнъ прежде предоставленной ему дани съ Угличей. Съ этого времени къ удивленію до самаго конца Игорева княженія о Свѣнельдѣ нѣтъ и помину въ лѣтописяхъ; имя его не встрѣчается даже и въ договорѣ Игоря съ Греками, во время заключенія котораго онъ значитъ находился въ Кіевѣ, не входя въ составъ великокняжеской дружины и кажется уже не былъ и воеводою великаго князя, то есть не состоялъ въ его службѣ. Все это указываетъ на то, что отношенія Игоря къ Свѣнельду совершенно измѣнились и что между княземъ и его воеводою послѣдовалъ разрывъ, который по всей вѣроятности случился въ началѣ княженія Игоря, когда онъ, возвышая и отличая юнаго Свѣнельда, хотѣлъ можетъ быть дѣйствительно поставить его воеводою «въ Ольга мѣсто» и сдѣлать какъ бы своею правою рукою, но былъ въ этомъ остановленъ ропотомъ дружины и жалобами прежнихъ любимцевъ. И если онъ, какъ вѣроятно, отмѣнилъ свое распоряженіе и отнялъ у Свѣнельда право на Древлянскую дань, то этого, конечно, было достаточно для юнаго и гордаго витязя, чтобы покинуть Игоря и Русскую землю. Впрочемъ въ лѣтописи, какъ кажется, замѣчено и самое событіе, послужившее поводомъ къ разрыву Свѣнельда съ Игоремъ. Подъ 921 годомъ говорится, что Игорь и Свѣнельдъ [1]) «пристронста вои многы и корабля безчислены». Эти приготовленія были направлены, какъ можно полагать, по настоянію Свѣнельда и его единомышленниковъ, противъ Грековъ, которые, пользуясь возстаніемъ племенъ и нашествіемъ Печенѣговъ, вѣроятно прекратили въ это время выдачу укладовъ, или стали выдавать ихъ не въ надлежащемъ количествѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничили можетъ быть и права, предоставленныя русскимъ посламъ и гостямъ въ Константинополѣ. Душею предпріятія былъ Свѣнельдъ. Между тѣмъ греческій агентъ, жившій въ Кіевѣ, извѣстилъ о сборахъ свое правительство, которое не замедлило прислать къ великому князю пословъ съ мирными предложеніями и дарами. Когда партія мира взяла перевѣсъ и предложенія пословъ были приняты и когда такимъ образомъ всѣ гордыя мечты и планы Свѣнельда рушились, тогда онъ, недовольный слабымъ княземъ, пересталъ быть его воеводою и покинулъ Русскую землю. «Кука же теперь направился Свѣнельдъ съ своею дружиною? спрашиваетъ г. Ламбинъ. Какія страны служили поприщемъ его подвиговъ въ теченіе

---

[1]) Чтеніе *Сѣнельдъ*, г. Ламбинъ возстановляетъ изъ чтенія Олегъ (=Ольга).

слишкомъ 20 лѣтъ, съ 921 до 944 — 945 года, когда мы снова встрѣчаемъ его съ дружиною въ Кіевѣ? Этотъ вопросъ — отвѣчаетъ изслѣдователь — открытое поле для догадокъ; но едва ли онъ когда либо дождется удовлетворительнаго рѣшенія, по совершенному отсутствію положительныхъ извѣстій. Можетъ быть тѣ самые послы, которымъ удалось отвратить грозу, готовую разразиться надъ Греціей, переманили Свенгелда въ службу императорскую, для того, чтобы только удалить отъ Игоря этого отважнаго и безпокойнаго вождя, который, оставаясь въ Руси, могъ снова поднять тревогу и подвергнуть опасности Грековъ. Допустивъ это предположеніе, можно полагать, что тѣ Руссы, которые въ княженіе Игоря, по византійскимъ извѣстіямъ сражались подъ императорскими знаменами въ Италіи, составляли войско нашего Свенгелда, его дружину. Можетъ быть также, что Свенгелдъ съ своею дружиною и съ тѣми судами, которыя имъ самимъ были собраны и вооружены, направился къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, къ Босфору Киммерійскому, гдѣ могъ найти обширное поприще для своихъ подвиговъ. Если онъ при этомъ не совершенно разорвалъ связи съ Кіевскою Русью (что отчасти подтверждается его возвращеніемъ въ Кіевъ, какъ на родину, послѣ слишкомъ 20 лѣтняго отсутствія); если онъ, хотя по имени, признавалъ верховную власть Игоря, то онъ могъ быть основателемъ знаменитаго впослѣдствіи Тмутараканскаго княжества [1]), могъ быть первымъ перенесшимъ Русское имя изъ Кіева въ эти восточныя страны, по-

---

[1]) Въ концѣ своего изслѣдованія г. Ламбинъ отказался отъ этого предположенія. «Выше мы заявили — говоритъ авторъ — что основателемъ Тмутараканскаго княжества могъ быть Свенгелдъ, но тамъ же уже предварительно было замѣчено, что предположеній о дѣлахъ Свенгелда съ 921 до 944—945 годовъ невозможно подтвердить никакими историческими свидѣтельствами, такъ какъ о немъ, кромѣ нашей лѣтописи, нигдѣ ничего не говорится, почему мы и отказываемся отъ случайно выраженной нами догадки. Если бы существовало, по крайней мѣрѣ, какое нибудь извѣстіе о войнѣ Руси съ Хазарами въ 921-мъ, или въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ, то можно бы еще допустить, какъ вѣроятность, что главнымъ дѣйствователемъ въ этой войнѣ былъ Свенгелдъ, и что дѣло шло объ утвержденіи Русскаго господства въ Тмутаракани. Но мы не только не имѣемъ подобныхъ извѣстій, а напротивъ знаемъ достовѣрно, что отношенія Руси къ Хазарамъ въ это время были совершенно мирныя и дружественныя». Спрашивается: за чѣмъ же авторъ не исключилъ изъ своего сочиненія этой догадки, невольно обращающей на себя вниманіе своею смѣлостію?

добно тому какъ мужи Рюриковы—Аскольдъ и Диръ—первые перенесли его съ сѣвера въ Кіевъ. А это имя при Игорѣ въ X вѣкѣ было уже громко и грозно въ странахъ кавказскихъ, какъ свидѣтельствуютъ почти всѣ извѣстія восточныхъ писателей. И быть можетъ, что изъ описанныхъ ими дѣйствій Руссовъ на востокѣ, между прочимъ и самое раззореніе города Бердаа въ 943—944 годахъ было также совершено подъ предводительствомъ Свенгелда, который, господствуя въ Тмутаракани, могъ удобно громить отсюда и Хазарскія владѣнія, и кавказскія земли, подвластныя халифамъ, и греческія владѣнія въ Тавридѣ». Изъ Тмутаракани, въ концѣ Игорева княженія, Свѣнельдъ возвратился въ Кіевъ. При Ольгѣ и малолѣтнемъ Святославѣ онъ является главнымъ военачальникомъ; въ 946 году караетъ Древлянъ и за тѣмъ въ теченіе 25 лѣтъ о немъ нѣтъ снова никакихъ извѣстій. Въ княженіе Ольги Свѣнельдъ безъ сомнѣнія былъ главнымъ оберегателемъ государства отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ и воспитателемъ ея сына, котораго онъ впослѣдствіи сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ въ походахъ, совѣтникомъ и руководителемъ и наконецъ печальнымъ вѣстникомъ его кончины. Возвратясь въ Кіевъ изъ Болгарскаго похода, онъ нашелъ, что мѣсто воеводы уже занято при новомъ великомъ князѣ, и едва ли и домогался возвратить себѣ это мѣсто. Достигнувъ глубокой старости, онъ вѣроятно располагалъ провести остатокъ дней своихъ на покоѣ, среди семейства; но убійство его сына Люта измѣнило это намѣреніе; онъ является мстителемъ за сына и виновникомъ перваго междоусобія и братоубійства между потомками Рюрика. Упрекомъ Ярополка Свѣнельду при трупѣ убитаго брата оканчиваются лѣтописныя сказанія его касающіяся.

Вотъ какими богатыми узорами, по бѣдной лѣтописной канвѣ, при помощи словъ: *вѣроятно*, *кажется* и т. п., вышито жизнеописаніе Свѣнельда.

При изложеніи этого очерка жизни Свѣнельда было упомянуто о донесеніи греческаго агента, жившаго въ Кіевѣ, своему правительству о сборахъ Олега на Царьградъ. По мнѣнію г. Ламбина изъ этого донесенія и было взято въ лѣтопись извѣстіе, помѣщенное подъ 921-мъ годомъ. На слѣды въ лѣтописи донесеній лицъ, стоявшихъ въ главѣ этого агентства, авторъ мимоходомъ также сдѣлалъ нѣсколько указаній и прежде, но этихъ своихъ указаній, или точнѣе предположеній, не подкрѣпилъ никакими доказательства-

ми, обѣщая ихъ представить во второй части своего Опыта возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи.

Тамъ г. Ламбинъ намѣревается, какъ самъ онъ говоритъ, «доказать, что основу лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси дѣйствительно составляетъ древній письменный памятникъ, а именно оффиціальная реляція о Кіевской катастрофѣ 882 года, т. е. о убіеніи Аскольда и Дира, и объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ, писанная въ 885 или въ слѣдующемъ году, вѣроятно по запросу Византійскаго правительства, и что этотъ чрезвычайно важный памятникъ хотя и разбитъ при внесеніи въ лѣтопись на отдѣльныя части, размѣщенныя подъ нѣсколькими годами, въ перемежку съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ, однако списанъ, какъ кажется, дословно, безъ существенно важныхъ уклоненій отъ подлинника и безъ нарушенія внутренней, логической связи между его разрозненными частями, ибо части эти, освобожденныя отъ хронологической рамки и отъ извѣстій, вставленныхъ между ними изъ другихъ источниковъ, равно какъ и отъ позднѣйшихъ вставокъ компиляторовъ, представляютъ по возстановленному тексту лѣтописнаго сказанія одно стройное цѣлое, одну связную статью, въ которой только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (не болѣе четырехъ) замѣтны собственныя пояснительныя вставки лѣтописца».

До сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ никто не намекалъ на этотъ новый источникъ, находившійся въ рукахъ Нестора при составленіи имъ лѣтописи, никто даже и не подозрѣвалъ этого источника, такъ что заслуга его открытія всецѣло будетъ принадлежать г. Ламбину, если онъ свою гипотезу подтвердитъ рядомъ несомнѣнныхъ доказательствъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о тѣхъ соображеніяхъ, которыми г. Ламбинъ подкрѣпляетъ свое предположеніе касательно существованія въ Кіевѣ греческаго агента. Прежде всего авторъ обращаетъ вниманіе на установившіяся торговыя и религіозныя сношенія между Кіевомъ и Константинополемъ послѣ 865 года, когда Русь впервые явилась подъ стѣнами столицы Византійской Имперіи. Принятіе христіанства Аскольдомъ и Диромъ и ихъ дружинниками имѣло послѣдствіемъ появленіе въ Кіевѣ епископа, который, впрочемъ, по всему вѣроятію, былъ принужденъ искать спасенія въ бѣгствѣ, когда Олегъ, по убіеніи Аскольда и Дира, утвердился въ Кіевѣ и когда на время какъ политическія сношенія съ этимъ городомъ Константинополя, такъ и торговыя пріостановились. Послѣ 907 года, а можетъ быть и ранѣе, какъ полагаетъ

г. Ламбинъ, епископъ долженъ былъ возвратиться къ своему посту. «Съ этого времени — говоритъ авторъ — къ его религіознымъ обязанностямъ необходимо присоединились и политическія: или самъ епископъ, или кто либо изъ членовъ состоявшей при немъ миссіи долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями русскаго князя, развѣдывать о его планахъ и намѣреніяхъ и увѣдомлять свое правительство обо всемъ, что могло угрожать опасностію Греціи; ибо рѣшительно невозможно допустить, чтобы правительство Греціи не воспользовалось представившимся ему вполнѣ удобнымъ случаемъ учредить въ Кіевѣ тайное политическое агентство, и чрезъ него узнавать заранѣе о всѣхъ враждебныхъ замыслахъ безпокойнаго сосѣда». За тѣмъ авторъ находитъ подкрѣпленіе высказанному имъ предположенію въ томъ, что Греки послѣ похода Олега уже узнавали заблаговременно о воинскихъ приготовленіяхъ Русскихъ князей, доказательствомъ чему могутъ служить оба неудачные похода Игоря, изъ которыхъ въ первомъ онъ, встрѣтивъ повсюду готовый отпоръ, потерпѣлъ пораженіе, а во второмъ — уже въ устьяхъ Дуная онъ нашелъ императорскихъ пословъ съ дарами. Далѣе къ числу доказательствъ существованія въ Кіевѣ греческаго агента г. Ламбинъ причисляетъ особенный характеръ извѣстій, находящихся въ нашей лѣтописи, которая до послѣдней четверти X вѣка сообщаетъ преимущественно извѣстія, касающіяся прямо или косвенно Греціи, съ примѣсью Болгарскихъ [1]), а о Русскихъ событіяхъ почти не упоминаетъ.

Наконецъ, договоры Русскихъ съ Греками, внесенные въ лѣтопись, г. Ламбинъ причисляетъ къ самымъ капитальнымъ доказательствамъ своего предположенія и притомъ утверждаетъ, что они списаны съ оффиціальныхъ копій, хранившихся въ архивѣ агентства [2]), позднѣйшимъ лѣтописцемъ, жившемъ въ концѣ XI вѣка, когда, вмѣстѣ съ Греческою духовною миссіею въ Кіевѣ, упразднилось и существовавшее при ней духовное агентство.

Нельзя не пожалѣть, что г. Ламбинъ, предлагая совершенно

---

[1]) Это обстоятельство навело автора на мысль, что агентъ, по всей вѣроятности, былъ болгаринъ, подданный Византійской имперіи, ведшій краткія замѣтки о тѣхъ Русскихъ, Болгарскихъ и Греческихъ событіяхъ, которыя его интересовали.

[2]) Этотъ архивъ, какъ думаетъ г. Ламбинъ, находился при церкви св. Иліи и хранившіеся въ немъ документы послужили основнымъ матеріаломъ для «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

ми, обѣщая ихъ представить во второй части своего [illegible]
становленія и объясненія Несторовой лѣтописи. [illegible]

Тамъ г. Ламбинъ намѣревается, какъ самъ [illegible] ѣ-
казать, что основу лѣтописнаго сказанія о [illegible] и
тельно составляетъ древній письменный пам[illegible] фак-
ціальная реляція о Кіевской катастрофѣ [illegible] торы
Аскольда и Дира, и объ утвержденіи О[illegible] ь аген-
885 или въ слѣдующемъ году, вѣроя[illegible] у наро-
правительства, и что этотъ чрезвы[illegible] степени уси-
и разбитъ при внесеніи въ лѣтоп[illegible] ъ этого трудно
щенныя подъ нѣсколькими год[illegible] ію. Мы знаемъ, что
почерпнутыми изъ другихъ [illegible] матическаго агента въ
кажется, дословно, безъ суп[illegible] ъ, могли бы кончиться не-
линника и безъ нарушенія [illegible] писи извѣстій, касающихся Гре-
разрозненными частями [illegible] довлетворительно объяснено зами-
нологической рамки и [illegible] и изъ болгарскихъ источниковъ; что
другихъ источнико[illegible] и Игоря могли быть переписаны въ лѣто-
компиляторовъ, п[illegible] либо славянскаго перевода, экземпляры кото-
писнаго сказані[illegible] ругамъ, или съ копіи перевода, который находился
которой только [illegible] подлинникахъ, хранившихся у русскихъ князей;
мѣтны собст[illegible] то копія съ записи Святослава могла дойти въ руки

До сих[illegible] совершенно естественно черезъ греческихъ гостей и куп-
мекалъ [illegible] какъ въ интересѣ Грековъ было ее распространять
стора [illegible] Русскими. Что же касается мнѣнія автора о томъ, что ма-
этого [illegible] агентства находились въ рукахъ составителя Повѣсти вре-
при[illegible] лѣтъ и положены имъ въ ея основаніе, то было бы же-
ря[illegible] чтобы оно въ интересѣ и науки и самого автора было
оставлено болѣе вѣскими доказательствами, чѣмъ предположеніе
о существованіи въ Кіевѣ греческаго агентства.

Разборъ статей о Корсунской сторонѣ, находящихся въ дого-
ворѣ Игоря, при чемъ въ текстѣ договора сдѣлано нѣсколько удач-
ныхъ исправленій, привелъ г. Ламбина къ тому выводу, что «то
русское княжество, которое подъ названіемъ Тмутараканскаго впер-
вые упоминается въ нашей лѣтописи только при Владимірѣ Вели-
комъ, подъ 988 годомъ, и котораго основаніе обыкновенно, впро-
чемъ по догадкѣ, приписываютъ Святославу, существовало уже въ
первой половинѣ X вѣка подъ управленіемъ вассала Кіевскаго ве-
ликаго князя Игоря», который не завоевалъ этой страны, но полу-
чилъ ее по наслѣдству отъ Олега. У восточныхъ писателей встрѣ-
чаются также извѣстія о Черноморскихъ Славянахъ и о Босфор-

скихъ владѣніяхъ Руси. Показанія Массуди и Ибнъ-Доста, сообщающихъ много свѣдѣній по этому предмету, подробно разсмотрѣны г. Ламбинымъ, равно какъ и Византійское извѣстіе, современное Олегу, о покореніи Черноморскихъ Славянъ и объ основаніи имъ Тмутараканскаго княжества. Я не вхожу въ разборъ этой части сочиненія г. Ламбина, такъ какъ трудъ этотъ принялъ на себя сочленъ А. А. Куникъ.

Въ виду указанныхъ мною достоинствъ изслѣдованія г. Ламбина и его значенія какъ для объясненія Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и для первоначальной исторіи Россіи, считаю справедливымъ, не смотря на нѣкоторые недостатки въ изслѣдованіи, преимущественно въ тѣхъ его частяхъ, для которыхъ отсутствуютъ положительныя данныя, и съ которыми по этому трудно, а иногда почти и невозможно согласиться съ авторомъ, поощрить его меньшею Уваровскою наградою, тѣмъ болѣе еще, что труды, подобные имъ предпринятому, требующіе отъ авторовъ, кромѣ многостороннихъ знаній, настойчивой энергіи и самоотверженія, какъ извѣстно почти не встрѣчаютъ сочувствія въ обществѣ и цѣнятся только немногими спеціалистами.

О ЗАПИСКѢ БЕЗЪИМЯННАГО ТАВРИЧЕСКАГО (ANONYMUS TAURICUS).

(По поводу сочиненія Н. П. Ламбина).

Извѣстный византинистъ Газе нашелъ въ одной греческой рукописи, содержавшей творенія св. Василія и другихъ отцевъ церкви, нѣсколько открывковъ чисто историческаго содержанія (praeclarum plenumque rerum novarum fragmentum). Въ нихъ бывшій владѣтель упомянутой рукописи изложилъ причины, которыя побудили его предпринять изъ Крыма поѣздку къ могущественному князю на сѣверѣ отъ Дуная, т. е. къ великому князю Кіевскому. По предположенію Газе, найденная имъ греческая рукопись была писана подъ конецъ 10-го вѣка, а историческіе отрывки византійскаго намѣстника записаны, по его же мнѣнію, въ 10-мъ или 11-мъ вѣкѣ [1]).

Къ сожалѣнію неизвѣстно, гдѣ теперь находится этотъ списокъ [2]). Могло быть что Газе, основываясь на однихъ палеографическихъ признакахъ, немного ошибся въ опредѣленіи вѣка самой рукописи или находящейся въ ней Записки Таврическаго Безъимяннаго. По этому необходимо тщательно разобрать Записку, по ея содержанію, чтобы, по возможности, точно опредѣлить время весьма важныхъ событій, о которыхъ Таврическій Безъимянный распространяется.

---

[1]) См. Leo Diaconus. Parisiis 1818, in-fol. или Боннское изданіе Льва Діакона (1828, in 8°), стр. 496—505. «Вольный» русскій переводъ этихъ отрывковъ напечатанъ Е. Поповымъ (Исторія Льва Діакона. Спб. 1820, стр. 195—197).

[2]) Должно полагать, что онъ былъ возвращенъ, въ 1815 г., въ Ватиканскую библіотеку.

Когда содержаніе этой исторической Записки, благодаря пытливости г. Ламбина, сдѣлается общимъ достояніемъ науки, многимъ покажется страннымъ, что изслѣдователи русской старины оставляли столь интересный памятникъ почти безъ вниманія. Лѣтъ девять тому назадъ я имѣлъ случай указать на мнѣніе г. Гедеонова, по которому эта записка относится не къ временамъ Владиміра Св.,—какъ полагалъ Газе,—а къ временамъ Святослава Игоревича. Въ янв. 1870 г. г. Ламбинъ сообщилъ мнѣ словесно, и въ самыхъ краткихъ словахъ, что напротивъ, на эту Записку слѣдуетъ смотрѣть какъ на произведеніе временъ Олега. Это меня такъ поразило, что я, не зная доводовъ г. Ламбина, немедленно взялся за подробный разборъ всего памятника, чтобы составить себѣ болѣе отчетливое мнѣніе, какъ о вѣкѣ, въ который жилъ и писалъ безъимянный византійскій губернаторъ, такъ и о значеніи его оправдательной Записки. Нынѣ, по внимательномъ прочтеніи всего сочиненія г. Ламбина, я не вижу надобности измѣнить главныхъ своихъ положеній, изложенныхъ въ моихъ комментаріяхъ, но охотно признаюсь, что слѣдуетъ ихъ дополнить нѣкоторыми удачными соображеніями, впервые высказанными г. Ламбинымъ.

Разобравъ совершенно независимо отъ г. Ламбина содержаніе отрывковъ, я убѣдился, что упоминаемыя въ нихъ событія едва-ли можно пріурочивать къ концу 10-го или къ началу 11-го вѣка. Г. Ламбинъ, не стѣсняясь мнѣніемъ Газе о палеографической древности рукописи, относитъ эти событія ко времени убіенія Корсунянами (въ 892 г.) византійскаго намѣстника Симеона. Какъ бы то ни было, — все что̀ мы знаемъ объ исторіи земли корсунской и греческихъ владѣній въ Крыму приводитъ насъ къ заключенію, что въ разсказѣ нашего Безъимяннаго рѣчь идетъ скорѣе о событіяхъ до 940 года, чѣмъ о второй половинѣ 10-го вѣка.

Для лучшаго разъясненія нашего предмета я представляю здѣсь краткій обзоръ разсказываемыхъ въ Отрывкахъ событій, въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они мнѣ до сихъ поръ представлялись.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что корсунская область въ 9-мъ и 10-мъ вѣкахъ не находилась въ полной зависимости отъ центральнаго византійскаго правительства, хотя послѣднее отъ времени до времени и назначало туда губернаторовъ. Кромѣ того, мы знаемъ изъ житія и перенесенія (мощей) Св. Климента, что около половины 9-го вѣка жители Корсуня не выдавали себя за тамошнихъ уроженцевъ, но за пришельцевъ отъ разныхъ народовъ (Utpote non indigenae, sed diversis ex gentibus advenae). На основа-

ніи этого и другихъ свидѣтельствъ, можно смѣло предположить, что корсунская область по временамъ отпадала отъ Византіи, тѣмъ болѣе, что центральное византійское правительство не слишкомъ заботилось о судьбѣ этой торговой колоніи, защищать которую отъ нападеній степныхъ варваровъ было довольно трудно. Впрочемъ, до насъ дошло и нѣсколько извѣстій о внутреннихъ смутахъ въ Корсуни и о непокорномъ духѣ ея жителей и сопредѣльныхъ народцевъ, какъ-то Готовъ, Алановъ и проч.

Извѣстно, что главнымъ господствующимъ народомъ въ Крыму, въ 8 и 9 вѣкахъ, были Хазары, съ которыми византійскіе императоры и ихъ намѣстники въ Корсуни старались поддерживать дружескія отношенія. Авторъ Отрывковъ говоритъ о себѣ какъ о византійскомъ губернаторѣ одной крымской области, къ которой принадлежали такъ называемые Климаты. Ясно, что дѣло идетъ преимущественно о готскихъ жителяхъ, которые въ то время обитали въ юго-западной и южной части Крыма. О Хазарахъ авторъ прямо нигдѣ не упоминаетъ; они скрываются у него подъ именемъ «*варваровъ*» и «непріятелей». Эти-то «варвары» прежде, по его словамъ, отличались кротостью и справедливостью, такъ что не только отдѣльные города, но и цѣлые народы добровольно признавали ихъ своими верховными владѣтелями. Но вдругъ измѣнился ихъ образъ дѣйствій: они стали опустошать въ Крыму цѣлые города и убивать множество какъ городскихъ такъ и сельскихъ жителей, не щадя даже тѣхъ, которые по той или другой причинѣ были къ нимъ привязаны или приближены. Авторъ изображаетъ этотъ неожиданный переворотъ и несчастіе, достигшее вслѣдствіе того, Крымскаго полуострова, такими яркими красками, что намъ остается объяснить все это лишь одними смутами, происходившими внутри хазарской имперіи; намѣки на эти смуты встрѣчаются у восточныхъ и византійскихъ писателей. Наконецъ нападеніе «варваровъ», главная сила которыхъ состояла изъ *конницы*, уже угрожало византійскимъ владѣніямъ. Всѣ попытки нашего губернатора войдти въ сношенія съ варварами, для возстановленія прежнихъ договоровъ, не имѣли успѣха: непріятель на отрѣзъ отказался отъ всякихъ переговоровъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи византійскій намѣстникъ поспѣшилъ созвать земское собраніе изъ всѣхъ общинъ, державшихъ до сихъ поръ сторону византійскаго правительства. Видно что главная часть членовъ этого сейма состояла изъ именитыхъ людей готскаго племени или такъ называемыхъ Готогрековъ. которые были не аріанскаго, но православнаго вѣроисповѣданія.

Земское собраніе было открыто рѣчью нашего стратига, въ которой онъ прямо предложилъ вопросъ объ избраніи владѣтеля способнаго ихъ впредь защищать. Сеймъ рѣшилъ искать этой защиты у князя, жившаго на сѣверѣ отъ Дуная, сила котораго была извѣстна. Побудительныя причины, которыми члены сейма при этомъ руководствовались, довольно любопытны. Въ концѣ концовъ бывшій византійскій сановникъ былъ отправленъ, отъ имени земскаго собора, къ «царствующему (βασιλεύων) на сѣверѣ отъ Дуная», который его ласково принялъ, щедро наградилъ и назначилъ его своимъ намѣстникомъ во вновь пріобрѣтенной землѣ или такъ называемыхъ Климатахъ.

Описаніемъ возвратнаго пути новаго русскаго посадника, по лѣвому берегу Днѣпра, за тѣмъ трудной переправы его черезъ Днѣпръ въ осеннее время и опасной поѣздки въ *крѣпость* Мавро-кастронъ, на западѣ отъ Перекопа, оканчиваются наши драгоцѣнные отрывки.

Я не скрою что это изложеніе, въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ, расходится со взглядомъ г. Ламбина. Но я надѣюсь что онъ найдетъ мои доводы, особенно въ отношеніи къ Хазарамъ, убѣдительными. Хазарская исторія до сихъ поръ оставалась плохо обработанною, не смотря на ея важность для исторіи Россіи, Византіи и Кавказа и на ея значеніе въ культурномъ отношеніи. По этому и не удивительно, что г. Ламбинъ, подобно своимъ двумъ предшественникамъ, еще не успѣлъ составить себѣ яснаго понятія о ролѣ, которую слѣдуетъ приписать Хазарамъ въ разсказываемомъ переворотѣ, происшедшемъ въ политическомъ положеніи Крыма.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что Записка Таврическаго Безъимяннаго, не смотря на ея краткость, должна числиться въ ряду первоклассныхъ источниковъ для древней русской исторіи. Ближайшій поводъ къ строго-научному разбору и болѣе правильной оцѣнкѣ этого памятника данъ въ настоящее время Ник. Петр. Ламбинымъ, который, кромѣ того, старался, на основаніи славянскихъ, византійскихъ и восточныхъ источниковъ, разъяснить постепенное распространеніе древне-русскаго владычества отъ Днѣпра до нижняго Дуная и далѣе, на прибережіи Киммерійскаго Босфора и Таманскаго Полуострова. Такимъ образомъ то, что̀ служило поводомъ къ происхожденію имени «Русскаго моря» въ концѣ 9-го и въ началѣ 10-го вѣка становится нынѣ болѣе яснымъ и заслуга, оказанная въ этомъ отношеніи авторомъ «Опыта возстановленія

Несторовой лѣтописи» должна быть признаваемая всѣми, которые въ будущемъ возмутся за дальнѣйшія разъисканія объ этомъ предметѣ и особенно объ исторіи древне-русской торговли. По этому я полагаю, согласно съ нашимъ сочленомъ А. Ѳ. Бычковымъ, что слѣдуетъ поощрить г. Ламбина къ продолженію своихъ изслѣдованій присужденіемъ ему Уваровской награды.